

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

802-11
97
КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ
и продажа номеров „ВЕСНЫ“ въ книжномъ
магазинѣ Б. Попова, Невскій, угол. Фонтанки.

Шутъ

Н. Шебуевъ

32 разсказа Н. Шебуева.

Шутъ. — Perpetuum mobile. — Три запятыхъ. — Онъ, она и всѣ. — Торгъ. — Костюмъ Таисы. — Убийца. — Царица жестовъ. — Семь. — Чайная роза. — Поросянокъ. — Пѣта. — Творчество. — Голова. — Вампиръ. — Духи Юліи. — Ея и мои письма. — Женщина и дѣло. — Первый. — Дань. — Старая пѣсня. — Гіероглифы. — Счастливецъ. — Радость бытія. — Спальня. — Институтка. — Первый крикъ. — Искусство смерти. — Глухонѣмой. — Идіотъ. — Танецъ семи покрываль. — Легенды Титаника. Многие изъ этихъ разсказовъ переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ журналѣ «Jugend». Цѣна 20 коп.

НИКОЛАЙ
ШЕБУЕВЪ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВТОРОЙ
ЛѢСТНИЦА
ЖИЗНИ

НИКОЛАЙ
ШЕБУЕВЪ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
РАЗСКАЗЫ

ВЕРСИФИКАЦІЯ

„Искусство писать стихи“ Н. Шебуева.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ Н. ШЕБУЕВА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, АЛЕКСАНДРИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ, 5,
МАГАЗИНЪ „ЛУЧЪ“.

„ЧУДАКИ“,

БОЛЬШОЙ РОМАНЪ КН. О. БЕБУТОВОЙ, ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ СВѢТСКОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Вольфа, въ конторѣ „Петербургскаго Листка“ (Екатерининскій каналъ, № 31) и у автора—гр. О. Г. Сологубъ (Екатер. каналъ № 31 кв. 5. Телефонъ 444—25).

Цѣна 2 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб., на 6 мѣсяцевъ 2 руб. 50 коп.
Цѣна отдѣльной книжки 50 коп. Преміи получаютъ только годовые подписчики
ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦИИ: С.-Петербургъ, Лиговская 86, кв. 24. Телефонъ 655-96.
ОТДѢЛЕНИЕ КОНТОРЫ: Невскій 66, книжный магазинъ б. М. В. Попова. Подписка и розница.

Содержаніе № 1 „ВЕСНЫ“.

Цѣли „Весны“. Н. Шебуевъ.

Конкурсы „Весны“. 1) Буриме.—2) Саломея.—
3) Шуть.—4) Виньетка.—5) Наказанный лове-
лась.—6) Конкурсъ чернильныхъ пятенъ.

Книга стиховъ: Игорь Сѣверянинъ, Н. Шебуевъ,
Лидія Лѣсная, Ю. И. Косъ, Ефимъ Садовичъ,
Викторъ Надель. Дебюты: Вѣры Инберъ, Васи-
лія Пахомова, Г. Сеферова.

Гастролеры. Н. Н. Евреиновъ. Мой любимый
театръ. Портретъ фот. М. А. Шерлинга.

Разсказы: К. Глиманъ. Въ городскомъ саду.—
Покоритель сердецъ.—Вишни.—Молчи дѣ-
вушка!—Нимфа.—Проблема.—Военный парадъ.—
Отвѣтъ.—Ш. Клейманъ. Зачѣмъ?—Ю. Голубай.
Въ темницѣ.—Н. Капиталинская. Reverie.—Ан-
тонъ Сорокинъ. Послѣдній Бакса Иштаръ.—В.
Финити. Цыпъ-цыпъ-цыпъ...—Маркъ. Нюра.—
Т. Шефелъдъ. Кругомъ былъ снѣгъ.—Сергій
Поздній. Звѣзды.—Б. Щукинъ. Встрѣчное.—Ли-
дія Лѣсная. Они и онъ.

Статьи. Аркадій Буховъ. Господа начинаю-
щіе.—К. Ларше. О границахъ музыки.—А. Н.
Кохановскій. Искусство Абиссиніи.

Конкурсъ чернильныхъ пятенъ. (съ рисунками).

Книги. — Слыхали-ль вы?.. — Камни. — Путь
Агасфера. — Ночные соблазны. — Двуногіе безъ

перьевъ.—Культурныя радѣнія.—Старые боги.—
Поросль.—Чертопоклонники.—Лучезарной актри-
сѣ.—Безумцы.

Буриме.

Негативы. Н. Шебуевъ.

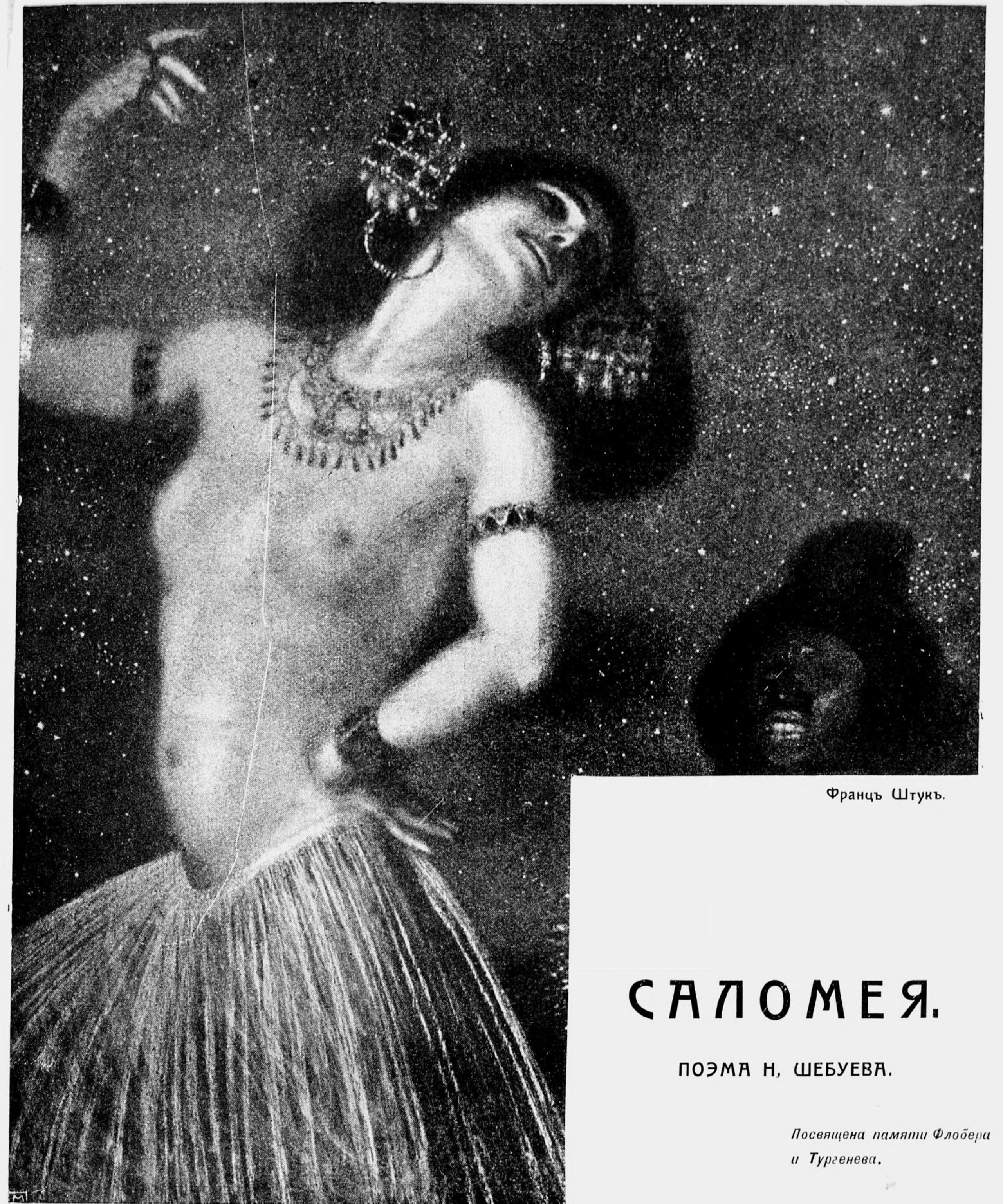
Рисунки и виньетки. Шейнъ. Виньетка.—
Поль Септъ. Виньетка.—А. Валрамъевъ. Сѣвер-
ная Двина.—А. Любимовъ. Два рисунка.—Шарль
Геренъ. Дѣвушка въ цвѣтахъ.—М. Врубель. Мефи-
стофель.—Н. Гончарова. Весна.—С. Судейкинъ.
Эросъ.—М. Ларионовъ. Танцы.—Н. Герардовъ.
Портретъ.—С. Судейкинъ. Забава дѣвъ.—М. Вру-
бель. Ангелъ.—Н. Бродскій. Портретъ.—Леонъ
Бакстъ. Стильные костюмы: Атланта, Селена,
Аглая, Изисъ, Альціона, Юланта.—Энръ. Зима.
Весна. Лѣто. Осень.—Д. Мельниковъ. Наказанный
ловелась.

Годовымъ подписчикамъ при этомъ номерѣ
разсылаются:

Первая премія—„Версификація“ Н. Шебуева.

Вторая премія — „Альбомъ Саломея“ (первый
листъ).

Третья премія — „Альбомъ нотъ“ (первый листъ):
Лео Гебенъ. Колыбельная пѣсенка.—Н. Н. Евреи-
новъ. Польша на секундахъ.—Георгій Лампси. Пре-
людія. А. Виллинскій. Цыганскій романсъ.

Франц Штукъ.

САЛОМЕЯ.

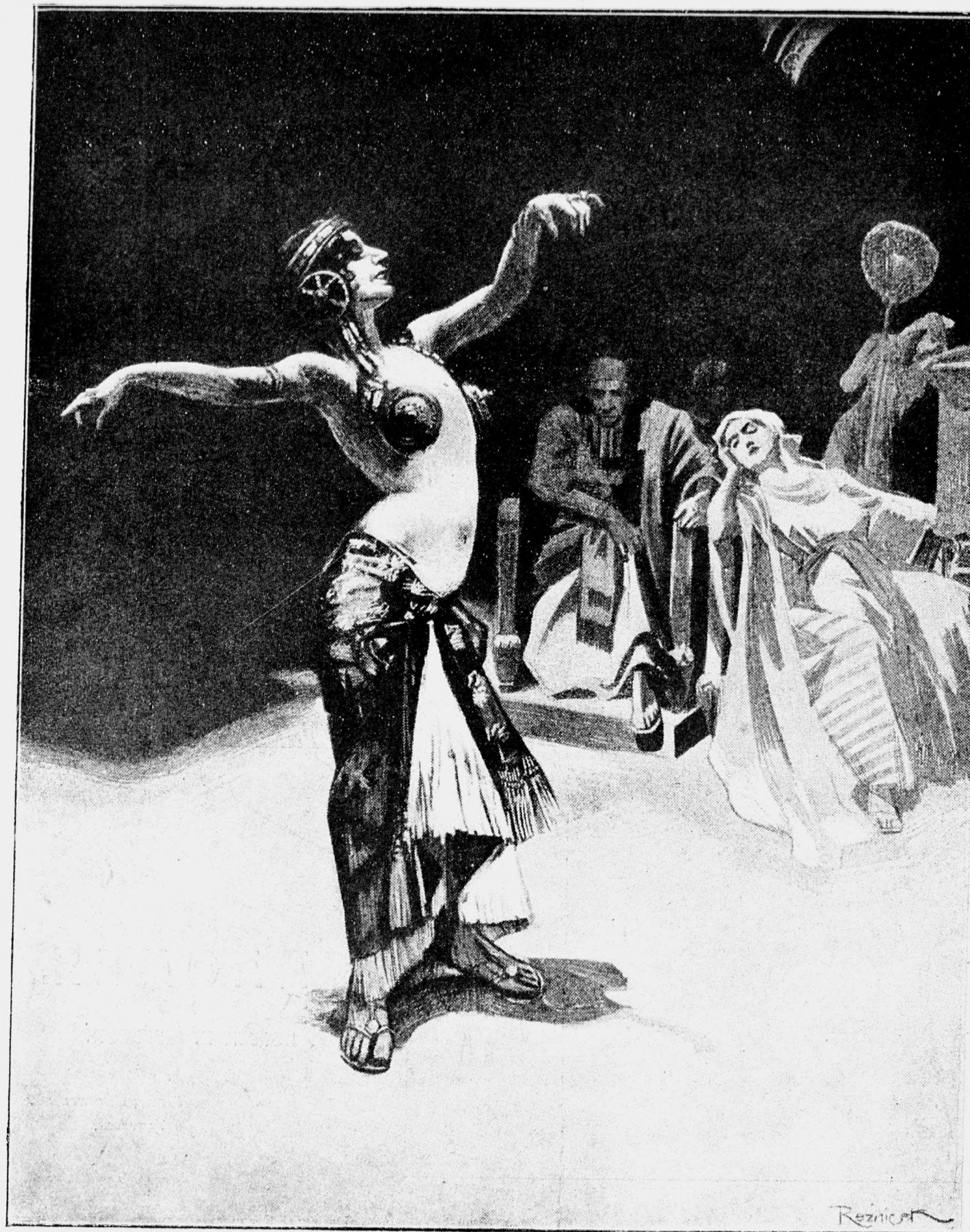
ПОЭМА Н. ШЕБУЕВА.

*Посвящена памяти Флобера
и Тургенева.*

Саломея.

1. Оглянись, оглянись, Суламита! Оглянись, оглянись,—и мы посмотримъ на тебя. Что вамъ смотрѣть на Суламиту, какъ на хороводъ Монаимскій?
2. О, какъ прекрасны ноги твои въ сандал'яхъ, дщерь именитая! Окружение бѣдръ твоихъ—какъ ожерелье, дѣло рукъ искуснаго художника.
3. Животъ твой—круглая чаша, въ которой не истощается ароматное вино; чрево твое—ворохъ пшеницы, обставленный лиліями.
4. Два сосца твои, какъ два козленка, двойни серны.
5. Шея твоя—столпъ изъ слоновой кости; глаза твои—озерки Евсевонскія, что у воротъ Батраббима; носъ твой—башня Ливанская, обращенная къ Дамаску.
6. Голова твоя на тебѣ, какъ кармилъ, и волосы на головѣ, какъ пурпуръ; царь увлеченъ твоими кудрями.
7. Какъ ты прекрасна, какъ ты привлекательна, возлюбленная твоею милοвидностью.
8. Этотъ станъ твой похожъ на пальму и груди твои на виноградныя кисти.
9. Подумаль я: влѣзъ бы на пальму, ухватился бы за вѣтви ея; и сосцы твои были бы вмѣсто кистей винограда и запахъ отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ.
10. Уста твои, какъ отличное вино.

„Пѣснь пѣсней“ Соломона.

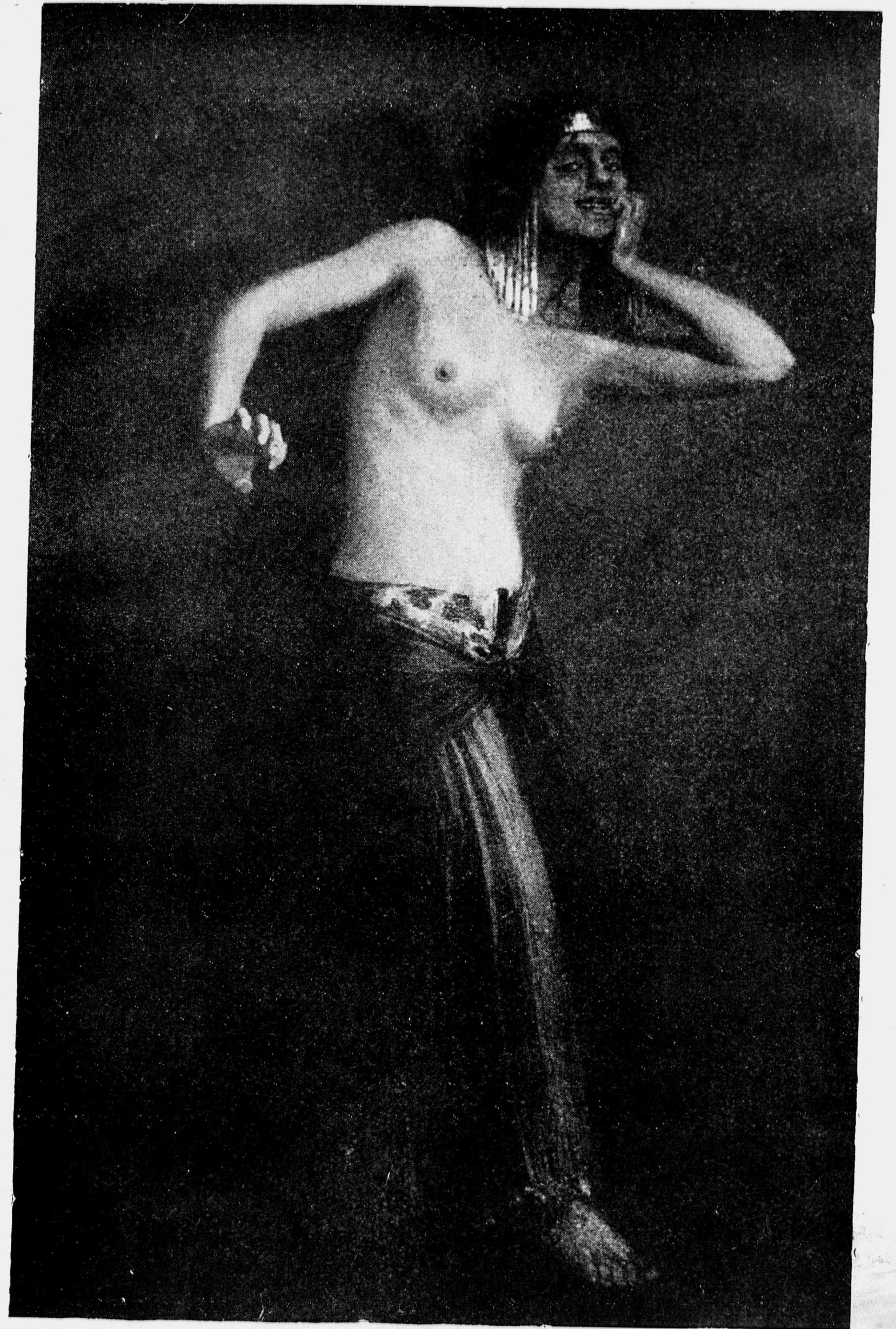
Саломея.

Ф. Резниченко.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Занялась заря востока и разсвела тумань,
И предъ Иродомъ Антипой Иудей встали горы:
И Эброн мракный куполь, и Эсколь покрыть гранатами...
Виноградники Сорэка... И холодный Иорданъ...
Море Мертвое. Пустыня... Все, куда хватаютъ взоры,
Все затеплилось, зардѣлось подъ лучами красноватыми.

Саломея.

Артуръ Джэвальды.

2.

Занялась заря. На крышѣ неприступнаго дворца,
Средь бойничныхъ стѣнъ и башенъ Махерузской цитадели,
Этой выросшей надъ бездною на скалѣ твердыни каменной,
Онъ стоялъ, тетрархъ Антипа. И черты его лица
Нынче кажутся угрюмѣй. Очи звѣря въ даль глядѣли
Съ нескрываемою тревогою и съ надеждою хищнопламенной...

Саломея.

Шмуцлеръ.

Саломея.

Шмуцлеръ.

3.

Тамъ, у моря, станъ раскинуть аравійскаго царя,—
Дочь его была женою, но тетрархъ ее отринуть,
Чтобы жить съ женою брата своего, Иродіадою,—
Оскорбленный грозный деспотъ, жаждой мщенія горя,
Вотъ ужъ девять лѣтъ изъ ноженъ мечъ отравленный свой вынулъ,—
Девять лѣтъ война ведется съ аравійскою номадою.

Саломея.

Рено.

Саломея.

К. Паузингеръ.

4.

Все вокруг грозитъ возстаньемъ, если не поможетъ Римъ.
И Вителлій не поспѣетъ. Ждетъ его со дня онъ на день.
Почему проконсулъ медлитъ? Можетъ, тутъ коварство скрытое?
Можетъ, Ирода Тиверій хочетъ замѣнить другимъ?..
И вливается въ дорогу взоръ тетрарха, безотраденъ,
И въ душѣ его проснулось предсказанье позабытое...

5.

Предсказанье Іоанна — іудейскаго волхва.
Помнитъ онъ, въ какой тревогѣ и въ какомъ смущеньи странномъ
Онъ послушалъ въ Галаадѣ эти крики изступленные,
Эти рѣжущія рѣчи, эти жгучія слова.
Помнитъ онъ, въ какомъ безсильи онъ стоялъ предъ Іоанномъ,
Онъ — тетрархъ, Иродіада, и рабы, и приближенные...

Саломея.

Ж. Романи.

Ежемесячное издание ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕВЧУКА

Цѣль „Весны“ — прежняя: находить красоту въ юныхъ побѣгахъ души.

Въ каждой семьѣ есть юноша или дѣвушка, которые тяготеютъ пошлыми рамками скучной обыденки.

Сегодня, какъ вчера, завтра какъ сегодня, — все такъ тускло, прѣсно, банально, сѣро.

А душа рвется къ празднику, къ яркимъ краскамъ, къ сказкѣ, къ бодрымъ разсвѣтамъ и расцвѣтамъ, къ красотѣ, красотѣ, красотѣ.

И вотъ уходятъ эти чуткіе юные протестанты къ себѣ, замыкаются въ себѣ, запираются ото всѣхъ и тамъ въ святая святыхъ своего одиночества, втихомолку робко и радостно творятъ красоту.

Въ чемъ выражается она: въ звукахъ ли мелодіи, въ риѣмахъ ли стихотворенія, въ линіяхъ ли рисунка, въ образахъ ли разсказа, — но она дорога имъ эта красота первоцвѣтная, стыдливо и робко любующаяся сама собою.

Выглянулъ цвѣтокъ изъ подъ снѣга, тянется къ солнцу, а солнце отъ него... отворачивается...

Красоту нельзя держать подъ спудомъ, красота требуетъ, чтобы ей поклонялись. Хочетъ подѣлиться красотой добытой со дна своего святая святыхъ юный авторъ и — не знаетъ что дѣлать.

Журналы завалены рукописями начинающихъ, — отъ нихъ отмахиваются, какъ лѣтомъ отъ назойливыхъ мошекъ и комаровъ.

Никому нѣтъ дѣла, что изъ нѣкоторыхъ мошекъ порой слоны могутъ вырасти.

Нѣтъ фактически времени, нѣтъ физической возможности у редактора общаго журнала отдаться дѣлу разысканія молодыхъ талантовъ, — или даже просто дѣлу помоганія юнымъ дебютантамъ дѣльнымъ совѣтомъ.

Такая задача по плечу и силамъ только журналу специально обреченному себя на подвигъ служенія молодежи.

Такимъ специальнымъ журналомъ быть, есть и будетъ „Весна“.

Любовью къ молодой красотѣ и вниманіемъ къ начинающимъ будетъ проникнута каждая страница каждый клочекъ „Весны“.

Такъ нѣкогда начиналъ свою жизнь съ поощренія молодежи „Jugend“.

А теперь это одинъ изъ лучшихъ журналовъ въ мірѣ, журналъ сотрудничать въ которомъ я считаю для себя за великую честь и радость.

„Весна“ никогда не гналась за именами, хотя произведенія самыхъ видныхъ писателей и художниковъ русскихъ и украшали ея столбцы.

Писатели: Леонидъ Андреевъ, Аркадій Аверченко, Н. Агнивцевъ, Сергѣй Аслендеръ, Шоломъ Ашъ, Э. Бескинъ, Б. Бентовинъ, Аркадій Буховъ, Юрій Бѣляевъ, Ѳедоръ Благовъ, Сергѣй Городецкій, Н. Гумилевъ, Изабелла Гриневская, Н. Гурвичъ, Сергѣй Горный, Осипъ Дымовъ, О. Л. Д'Оръ, А. Р. Кугель, А. И. Косоротовъ, А. И. Купринъ, М. Кузминъ, Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій, Н. А. Крашенинниковъ, Л. Лебедевъ, Петръ Потемкинъ, Петръ Пильскій, В. Пекарскій, Михаилъ Пустынинъ, Алексѣй Ремизовъ, Иванъ Рукавишниковъ, А. Свирскій, Игорь Сѣверянинъ, И. Тенерема, Фрицхенъ, Дмитрій Цензоръ, Саша Черный, и др. Художники: И. Бродскій, И. М. Грабовскій, Н. Н. Герардовъ, А. М. Любимовъ, Д. И. Мельниковъ, Н. В. Ремизовъ, А. А. Радаковъ, Э. Спандиковъ, Музыканты: А. Канкаровичъ, В. Сениловъ.

„Весна“ понимаетъ что центръ тяжести не въ украшеніяхъ, не въ именахъ, а въ томъ, чтобы дать молодымъ талантамъ эстраду — высказаться, арену — бороться и выбиться въ люди (какъ выбились въ писатели изъ весеннихъ Н. Агнивцевъ, Арк. Буховъ, Пименъ Карповъ, Георгій Ивановъ, Н. Вавулинъ и др.) и оппонентовъ поспорить.

Не однимъ печатаніемъ своихъ произведеній можетъ выдвинуться въ „Веснѣ“ молодой талантъ.

Онъ можетъ помѣрять свои силы въ конкурсахъ „Весны“, можетъ сверкнуть своимъ остроуміемъ и находчивостью въ играхъ ума „Весны“—(напримѣръ, буриме) или въ отдѣлѣ „Disputandum est“, предназначенномъ для споровъ по вопросамъ искусства.

Какъ и прежде „Весна“ не занимается политикой.

Въ настоящей политикѣ есть своеобразная красота,—красота взмаховъ крыла, взлетовъ, паденій, высокихъ достижений и глубокихъ разочарованій.

Но въ Россіи нѣтъ такой настоящей большой политики, а съ мелкой будничной, вермишельной „Весна“ не хочетъ имѣть дѣла.

Да кромѣ того — „Весна“ журналъ специальный, — специально искусству посвященный.

По прежнему „Весна“ *въ политикѣ — вилъ партій, въ литературѣ — вилъ кружковъ, въ искусствѣ — вилъ направлений.*

Этотъ девизъ „Весны“ въ свое время осуждался многими,—но теперь кажется даже самые горячіе спорщики уgomонились: *въ храмъ искусства идутъ эллины, ни іудей—всяческая и для всѣхъ красота.*

Все, кромѣ политики, порнографіи, пошлости и скуки привѣтствуетъ „Весна“.

Но въ особенности „Весна“ привѣтствуетъ молодость, бодрость, искренность исканій и радость находженій.

Я попросилъ А. С. Бухова дать мнѣ статейку о начинающихъ писателяхъ.

То, что онъ прислалъ мнѣ идетъ въ разрѣзъ съ моими ожиданіями, наблюденіями и впечатлѣніями.

Но я все же помѣщаю эту рѣзкую статью противъ начинающихъ въ „Веснѣ“ именно для того, чтобы показать, какими враждебными глазами большинство редакторовъ смотритъ на дебютантовъ.

Три-четыре нахала изъ числа неудачниковъ, обивающихъ пороги всѣхъ редакцій, терроризируютъ господъ завѣдующихъ редакціями и послѣдніе съ нихъ переносятъ озлобленіе на всѣхъ начинающихъ. Мои же личные наблюденія таковы: настоящій талантъ застѣнчиво, робко и безкорыстно дѣлаетъ свои первые шаги—(вѣдь „Весна“ печатаетъ всѣхъ бесплатно!) Лишь бездарность навязчива, нахальна, жадна и криклива, какъ футуристъ.

Въ интересахъ полного безпристрастія и нелицепріятія я прошу лицъ, желающихъ помѣщать свои произведенія посы-

лать ихъ по почтѣ, а не заносить въ редакцію лично.

Вообще отъ устныхъ отвѣтовъ о судьбѣ произведеній, хотя бы и по телефону, редакция „Весны“ отказывается безусловно.

Всѣ отвѣты и совѣты помѣщаются только въ „Почтовомъ ящикѣ Весны“—отдѣлѣ, на веденіе котораго будетъ обращено особое вниманіе.

Въ любой библиотекѣ, спросивъ послѣднюю книгу „Весны“ вы узнаете судьбу посланной вами рукописи.

Покупать въ розницу номера „Весны“, тратить полтиникъ—не по карману молодежи.

Лучше требуйте въ интересахъ журнала, молодыхъ писателей и библиотекі, чтобы послѣдняя выписала „Весну“.

Я вынужденъ сдѣлать „Весну“ ежемесячной только изъ за недостатка средствъ

Вѣдь еженедѣльникъ обходится вдвое дороже ежемѣсячника, т. к. для розницы приходится печатать вдвое больше чѣмъ требуетъ спросъ

Въ ежемѣсячномъ же видѣ „Весна“ обезпечена на годъ и надѣется за это время прочно встать на ноги.

Говорю я съ моими читателями объ этихъ семейныхъ дѣлахъ—только потому, что во первыхъ у меня отъ друзей нѣтъ секретовъ; во вторыхъ, чтобы отпарировать вопросъ, почему „Весна“ перестала быть еженедѣльникомъ; въ третьихъ, чтобы попросить молодежь помочь мнѣ не подпиской, не розничными полтинниками, а единственно требованіемъ отъ библиотекъ „Весны“.

Если половина библиотекъ Россіи подпишется на „Весну“ ея дѣло обезпечено.

Итакъ, „Весна“ возродилась!

„Весна“ идетъ! „весна“ идетъ!

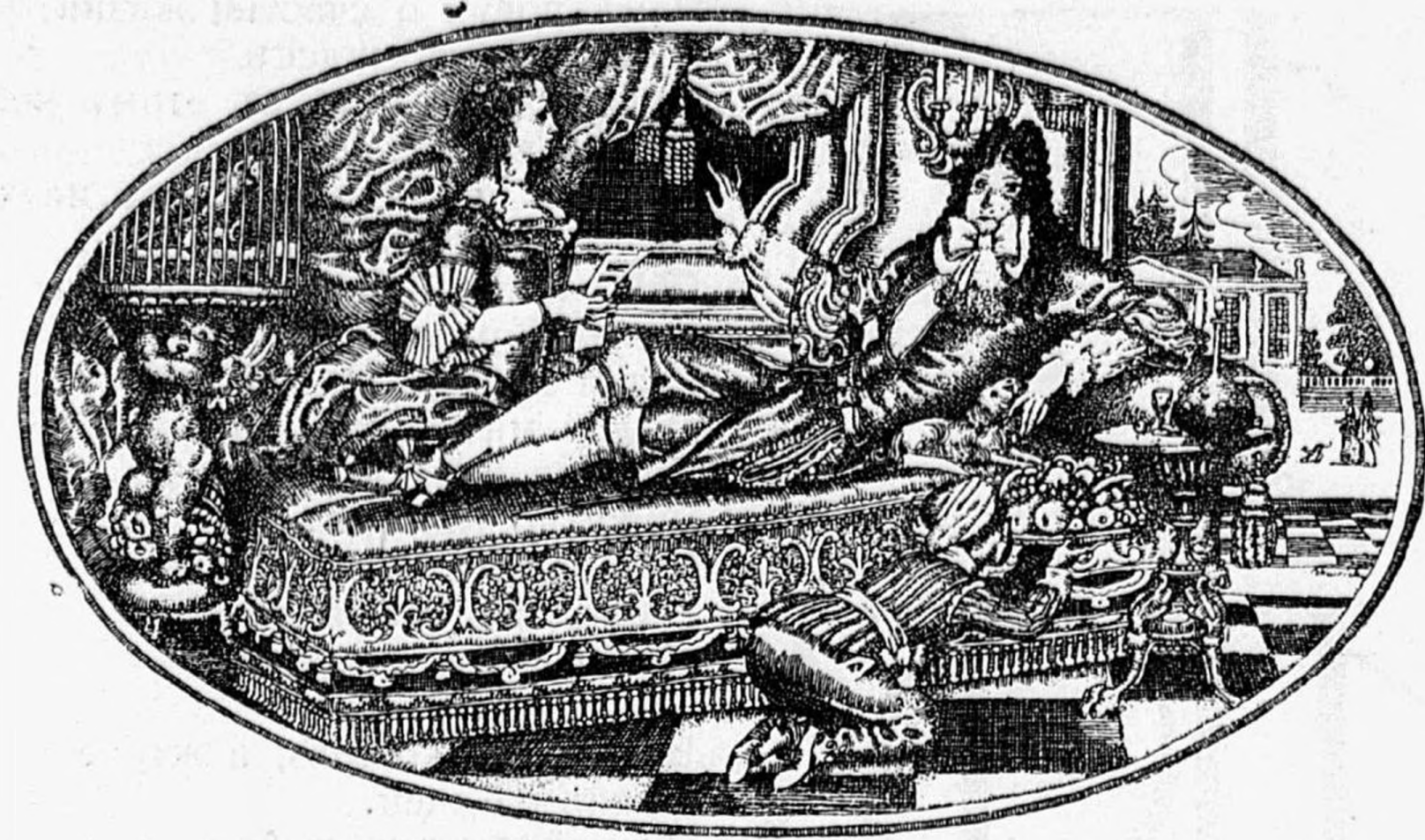
Будемъ молоды, бодрѣе и радостны!

Н. Шебуева.

Въ этомъ номерѣ начата печатаніемъ поэма Н. Шебуева „Саломея“ съ иллюстраціями лучшихъ художниковъ міра. Эта поэма будетъ помѣщена въ первыхъ четырехъ номерахъ „Весны“ на мѣловой бумагѣ съ особою нумераціей страницъ и составитъ особый альбомъ, который поступитъ и въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ. Со второго номера съ отдѣльной нумераціей страницъ будетъ печататься романъ-утопія Н. Шебуева „Идіоты“.

Шеурихъ.

К О Н К У Р С Ы В Е С Н Ы .

Первый конкурсъ „Весны“.

(Буриме).

Даны слѣдующія концы строкъ стихотворенія:

..... танго
..... лишай
..... орангутанга
..... потѣшай
..... мадонна
..... пирогъ
..... бездонна
..... продрогъ

Требуется присочинить начала строкъ. Срокъ подачи отвѣтовъ—15 февраля. На каждомъ конвертѣ должны стоять слова: „Конкурсъ № 1“. Лучшія буриме будутъ напечатаны въ № 2 „Весны“.

Второй конкурсъ „Весны“.

(Художественный).

Тема — „Саломея“. Картина можетъ быть исполнена масляными красками, акварелью, перомъ, карандашомъ, соусомъ,—словомъ чѣмъ угодно. Размѣръ и отношеніе сторонъ — безразличны. Выборъ момента предоставляется всецѣло художнику. За лучшую изъ присланныхъ „Саломей“ будетъ выдано 50 рублей. Картины и рисунки признанные достойными будутъ печататься въ „Веснѣ“ на мѣловой бумагѣ въ теченіе этого года. Картина должна быть подписана псевдонимомъ или фамиліей художника безразлично. Не забудьте указать адресъ автора. Срокъ подачи—1 мая 1914 года. Присужденіе преміи будетъ опубликовано въ № 5 „Весны“.

Третій конкурсъ „Весны“.

(Литературный).

Написать рассказъ въ 100 строкъ на тему „Шутъ“. За лучшій рассказъ премія 25 рублей. Срокъ подачи—1 марта 1914 г. Лучшіе рассказы будутъ напечатаны въ первыхъ номерахъ „Весны“. Присужденіе преміи въ № 3 „Весны“.

Четвертый конкурсъ „Весны“.

(Музыкальный).

Написать для рояля піесу въ 100 тактовъ на тему „Радость“. За лучшее сочиненіе премія въ 25 руб. Произведенія признанныя достойными будутъ напечатаны въ „Веснѣ“. Подъ романсомъ—подпись или псевдонимъ. Срокъ подачи 1-го апрѣля 1914 г. Результатъ конкурса будетъ объявленъ въ № 6 „Весны“.

Пятый конкурсъ „Весны“.

(Графика).

Желая поощрить графическое искусство, находящееся у насъ въ такомъ загонѣ, „Весна“ предлагаетъ художникамъ присылать рисунки, исполненные перомъ или итальянскимъ карандашомъ, назначеніемъ которыхъ было бы украшеніе страницъ журнала. Достойные будутъ напечатаны, а за лучшій—премія 25 р. Чѣмъ скорѣе начнется присылка этого матеріала въ „Весну“, тѣмъ лучше. Послѣдній срокъ преміи на конкурсъ—1 июня 1914 г. Премія будетъ назначена въ № 6 „Весны“.

КНИГА СНОВ

ПРЕДГРОЗЯ.

Хороша кума Матреша:
Глазки—огоньки,
Зубки—жемчугъ, косы—русы,
Губки—лепестки.
Что ни шагъ,—совсѣмъ лебедка,
Взглянетъ,—что весна!
Я зову ее „Предгрозей“—
Такъ томить она.
Но строга она для парней,
На нее не дунь...
А какая ужъ тамъ строгость,
Коль запѣлъ июнь!
Полдень дышетъ—полдень душитъ.
Выйдешь на балконъ,
Да „запустишь“ ради скуки,
Старый граммофонъ.
Понесутся на деревню
„Фаустъ“, „Трубадуръ“,
Защекочетъ сердце дѣвкѣ
Крылышкомъ амуръ...
Глядь, идетъ ко мнѣ Предгрозя,
Въ паркѣ идетъ ко мнѣ.
Тѣло вдругъ захолодѣтъ,
Голова—въ огнѣ.
„Милый кумъ“.. —Предгрозя... ластка!..—
Спазмы душатъ рѣчь...
О, и что это за радость,
Радость нашихъ встрѣчъ!
Сядетъ дѣвушка, смѣется,
Взоръ мой жадно пьетъ.
О любви, о жгучей страсти
Намъ июнь поетъ.
И поетъ ея сердечко,
И поютъ глаза;
Грудь колыхается волною,
А въ груди—гроза!
Развѣ тутъ до граммофона
Глупой болтовни?
И усядемся мы рядомъ
Въ липовой тѣни.
И молчимъ, молчимъ въ истомѣ,
Слушая, какъ лѣсъ

Намъ поетъ о счастья жизни
Призрачныхъ чудесъ.
Мнится намъ, что въ этомъ небѣ
Намъ блестятъ лучи;
Грезимъ мы, что въ этихъ ивахъ
Намъ журчатъ ключи.
Счастливы я, внимая струямъ
Голубой рѣки,
Глядя пальцы загорѣлой,
Милой мнѣ руки.
Хорошо и люблю,—вижу,
Вижу по глазамъ,
Что нашептываютъ сказки
Вѣрящимъ цвѣтамъ...
И склоняется головка
Дѣвушки моей
Ближе все ко мнѣ; и жарче
Пѣснь ея очей.
Ручкой теплою любовно
Голову мою
Гладить долго, повѣряя
Мнѣ бѣду свою:
„Бѣдность точить, бѣдность губить;
Полонъ ротъ заботъ;
Развѣ тутъ похорошѣешь
Отъ ярма работъ?
Лѣтомъ все-же перебьешься,
А зимой что ѣсть?
По нуждѣ идешь на мѣсто,—
То-то вотъ и есть!“
Мнѣ взгрустнется поневолѣ,
Но безсиленъ я:
Ничего я не имѣю,
Бѣдная моя.
Любишь ты свою деревню,—
Вѣрю я тебѣ...
Дочь природы, дочь простора,
Покорись судьбѣ!
А она уже смѣется,
Слезку съ глазъ смахнувъ,
И ласкается, улыбкой
Сердце обманувъ.
Я прижмусь къ ней,—затрепещетъ,
Нѣжить и пьянитъ,
И губами ищетъ губы,
И томить, томить...
Расцѣлюю губки, глазки,
Шейку, волоса,—
И ищи потомъ гребенки
Цѣлыхъ два часа.
Солнце сѣло, и туманы
Грезятъ надъ рѣкой...
И бѣжитъ Предгрозя паркомъ,
Что есть силъ, домой,
И бѣжитъ мелькая въ липахъ,
Съ крикомъ: „не скучай,—
Я приду къ тебѣ по-утру,
А пока—прощай!..“

Игорь Сѣверянинъ.

1. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Смѣйся, дитя, ты надъ сказкой и бытомъ.
Смѣйся! Не хмурь философски свой лобъ!
Смѣйся, дитя, надъ разбитымъ корытомъ.
Имя которому—гробъ...

2. МАРИНА

Бродилъ по пустынному берегу,
По мокрому пляжу отлива я.

Смотрѣлъ какъ волна похотливая
Лизала, ласкаючись, отмели...
Все думалъ: „Придетъ ли та дѣвушка,
Которую видѣлъ наемни я?..“
Лучи догорали послѣдніе
Спокойнаго яснаго вечера.
Все ждалъ. Смаковалъ одиночество.
Все ждалъ. Въ счастья ждать столько прелести,
Какъ въ волнъ неразгаданномъ шелестѣ...
Она не пришла, эта дѣвушка...

3. ЦЫГАНСКОЕ.

Поцѣлуй меня, приголубь-пригубь,
Не входи душой въ мою душу вглубь:
Лишь коснись слегка, лишь скользи, скользи...
Лишь вотъ такъ, вотъ тутъ, лишь вотъ здѣсь
вблизи...

Ахъ, не надо бурь—все смететъ бурранъ!—
Ни большихъ страстей, ни глубокихъ ранъ..
Безъ любви люби, безъ страстей дерзай..
Приголубь-пригубь... Не терзай...

4. СЫЧЪ.

Мы пошли лѣсною чащей
Въ лѣса празелень вошли
Ночью темной и молчащей,
Ой дидъ-ладо, лель-люли...
— „Что бродить безъ толку Лада?
Тамъ сосна, тамъ дубъ, тутъ ель,—
Всюду томная прохлада
Лягъ на мшистую постель...
Мы закроемся шугаемъ ¹⁾,
Запахнемся тѣльникомъ ²⁾...“
— „Я боюсь, что расшугаемъ
Птицъ, примолкнувшихъ кругомъ“...
— „Что болтать... Какія птицы?
Птицы спятъ давно, повѣрь,
Даже глупой трясовицы ³⁾
Не увидишь ты теперь!..“
— „Я боюсь, мы ихъ разбудимъ...
Крикнетъ филинъ... Коростель...“
— „Мы съ тобой тихонько будемъ...
Лягъ на мшистую постель“...
Только пить восторги рая
Началъ я, ой лели-лель,
Трепеща весь и сгорая,
Сычъ съ сосны шарахъ на ель...
— „Почему ты оглянулась,
Поцѣлуемъ не дожгла?“
— „Я боюсь... Тамъ встрепенулась,
Тамъ шумить надъ нами мгла“...
— „Этотъ сычъ—лунатикъ видно,—
Путешествуетъ во снѣ...
Позабудь о немъ!..“ Обидно:
Сычъ опять летитъ къ соснѣ.
Вновь лобзаніе завязло
На устахъ, ой лели-лель...
— „Глупый сычъ!“ А онъ мнѣ на зло
Вновь съ сосны шарахъ на ель,—
Словно такъ ему и надо!
И замретъ среди вѣтвей.
Вся дрожитъ отъ страха Лада.
Я шепчу на ухо ей...
Успокою. Вдругъ шарахнетъ
Подлый сычъ съ сосны на дубъ.
Лада снова такъ и ахнетъ,—
Не могу найти я губъ,
А когда найду, въ лобзанье

Вновь сольемся, лели лель!
— „Сычъ опять“!..— „Ахъ, наказанье!“
Смята мшистая постель
Чуть прикрыты мы шугаемъ
И тѣльникъ упалъ съ плеча..
И шугаемъ, все шугаемъ
Угорѣлаго сына...

Наконецъ мнѣ шепчетъ Лада;
— „Будетъ.. Больше не хочу..
Не могу... Не въ силахъ... Надо,
Надо дать покой сычу!..“

Н. Шебуевъ.

Я.

Любить сегодня—завтра разлюбить.
Построить храмы съ тѣмъ, чтобы ихъ разрушить.
Все узнавать, чтобы все легко забыть.
Все видѣть, понимать, все чутко слушать,—
И все отбросить—властно и шутя,
Всему сказать спокойно: „отрицаю“.
Жить такъ, какъ солнце—празднично свѣтя,
А не лампадкой тусклою мерцаю.
Люблю скользить въ опасностяхъ игры
И знать, что я въ рукахъ судьбы—былинка,
Всѣмъ рисковать, чтобы выиграть пылинку,
А проиграть міры.

Лидія Лѣсная.

ВЪ БЕЗДНѢ.

Мы такъ сладко, такъ дико вдвоемъ наслажда-
лись—

Сняли съ пальца твое золотое кольцо,
И надъ этимъ кольцомъ такъ смѣялись, смѣя-
лись.

И горѣло грѣхомъ молодое лицо.
Было что то звѣриное въ страсти мятежной,
Въ ней дышали дорогъ запрещенныхъ цвѣты,
Въ ней дрожали въ снѣжинкахъ зимы бѣлоснѣж-
ной

Изступленнаго, знойнаго лѣта мечты.
Было сладко забыться въ огнѣ преступленья,
И, вѣнчая короной грѣха нашу страсть,
Въ безпокойныхъ волнахъ, въ ненасытномъ го-
рѣньи

Въ безконечную бездну страданій упасть.
Умидали цвѣты на измятой постели
Мы вдыхали горячій, волнующій ядъ,
И уже не могли, и уже не хотѣли
Изъ отравленной бездны вернуться назадъ...
Ю. И. Косъ.

КОРРИДОРЪ.

Наша жизнь—угрюмый корридоръ:
Входъ изъ тьмы, а выходъ также къ ночи.
Прячутъ, прячутъ ярко-свѣтлый взоръ
Золотыя солнечныя очи.
Давитъ насъ молчаніе громадъ
И слѣпые ошупью мы бродимъ...
Ищемъ благъ, веселья и оградъ,
Ну, а что находимъ?

Ефимъ Садовичъ.

¹⁾ Шугай—старорусская теплая одежда вродѣ тальмы.
²⁾ Тѣльникъ—тоже вѣроятно старорусскій женскій на-
рядъ.
³⁾ Трясовица—старорусская птица по всей вѣроятности
прародительница нашей трясогузки.

1. ВЪ ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

Ко мнѣ доверчиво прильнула,
Дышала хмѣльною весной,
Въ чаду вечерняго разгула
Бѣжала радостно со мной,
Посеребренные панели
Сверкали въ краскахъ, какъ роса;
И возбужденные звенѣли
Въ морозный вечеръ голоса,
Клубилась даль и розовѣла.
Къ тебѣ влюбленно я приникъ
И такъ по—дѣтски такъ несмѣло
Щекой ласкалъ твой воротникъ.
И чувствуя твое дыханье
И стукъ въ груди и трепетъ рукъ,
Весеннихъ дней благоуханье,
Казалось, слышу я вокругъ.
Морозный вечеръ свѣтло-синій
Казался мнѣ весеннимъ днемъ,
А на мѣхахъ застывшій иней—
Янтарнымъ солнечнымъ, лучемъ.

2. НА БЕРЕГУ.

Сѣдой изломъ волны чеканенъ
И словно литъ изъ серебра,
Въ своей красѣ онъ дикъ и страненъ,
И грань его, какъ мечъ, остра.
Его игрой я зачарованъ,
Гляжу, люблюсь. Вновь гляжу,
Какъ онъ подъ тюлевымъ покровомъ
Жемчужитъ алую межу.
Шумитъ прибой. Блестятъ изломы.
И въ каждомъ встрепетѣ волны
Я вижу бури, слышу громы
Родной, далекой стороны.
Вдали утесъ. Огонь маячитъ.
Пустыненъ берегъ. Ни души.
Лишь одинокій вѣтеръ скачетъ
И будитъ ночью камыши.

Викторъ Надель.

Дебютъ Вѣры Инберъ.

1. ВЪ УБОРНОЙ.

Приливъ толпы былъ слышенъ ясно
Въ уборной маленькихъ актрисъ.
Я завязала бантъ атласный
На парикъ англійской миссъ.
Запѣла радостно и полно
Въ оркестрѣ мѣдная труба.
Въ какія трепетныя волны
Меня забросила судьба?..
Сейчасъ себя я не узнала-бъ
Въ короткомъ платьѣ travesti,
Но не хочу я позднихъ жалобъ,
И не могу себя спасти.

2. ЦЫГАНСКИЙ РОМАНСЪ.

Все забуду. Всѣхъ покину.
Сахаръ спрячу для коня.
Въ мѣховую пелерину
Ты закутаешь меня.
И сквозь рыжий мѣхъ лисицы,
Какъ русалка сквозь траву,
Отыщу твои рѣсницы,
Сдую снѣжную канву.

О сукно твоей шинели
Трется лѣвая щека.
Глубже ночь, и снѣгъ тяжеле,
И дорога далека.
Что-то будетъ? Утро встанетъ,
Гдѣ-то насъ найдетъ оно?..
Чья рука меня поранитъ?
Чей бокалъ прольетъ вино?

3. ВЪ ОДЕССѢ.

У Васъ якоря на ладоняхъ,
Вы морякъ, и живете въ порту.
Я лишь разъ была на тоняхъ,
Въ прошломъ Великомъ Посту.
Но все время фрейлейнъ Дора
Шептала: „Bleib ruhig, Du!“
И этой весною, скоро,
Я къ морю опять приду.
Я приду одна, на разсвѣтѣ,
Когда всѣ еще будутъ спать.
Какъ у папы въ его эполетѣ,
Будетъ въ небѣ звѣзда лежать.
И всю рыбу у Васъ куплю я,
Чтобъ Вы остались у корабля.
Солнце скажетъ всѣмъ: Аллилуйя!
„Аллилуйя“, отвѣтитъ земля.
Сколько будетъ людей и лодокъ,
И, навѣрное, шумъ и смѣхъ!
Я возьму съ собою свой кодакъ,
И сниму и море, и всѣхъ.

4. ЗОЛОТЫЕ ОГНИ.

Золотыя огни растекаются, никнутъ и таютъ.
О, увѣ! я зажечь ихъ опять не могу.
Если мысли твои отъ холодныхъ вѣтровъ уми-

раютъ,
То мои разгораются лучше на дикомъ снѣгу.
Если милыя мысли твои—средиземныя розы,
И отъ южнаго солнца горятъ, какъ персидскій
коверъ,
То мои, то мои—только ломкія вѣтви березы.
Имъ нужны и пороша, и буря, и льдистыя слезы,
И лѣсной темно-красный костеръ.
Я должна ихъ зажечь, но не солнцемъ,—его я
не знаю,—

А рождественскимъ свѣтомъ въ заснѣженномъ
старомъ бору.
Здѣсь, отъ этой весны не весной, я почти по-
гибаю,
И, среди аккуратныхъ садовъ, я боюсь, я боюсь,
что умру]

Парижъ.

Вѣра Инберъ.

Дебютъ Г. Сеферова.

1. БУДЬ СОБОЙ!

Ты видишь, зарница сверкнула вдали,
Мечты твои были, мечты отцвѣли,
Но огненный слѣдъ не сотрешь никогда
И то, что горѣло, то будетъ всегда.
Расцвѣтъ твой недологъ, какъ трепетъ волны,
А сѣрые будни безмѣрно длинны
Пусть мигъ, только мигъ—но ты будешь собой,
Какъ птица на волѣ, какъ вѣтеръ степной.
Для дерзкихъ и смѣлыхъ одинъ только путь

Въ безумномъ порывѣ сгорѣть, утонуть
И съ буйнымъ напѣвомъ приливной волны,
Отдать свою жизнь за красивые сны.

2. ТЫ ПРИДЕШЬ.

Буду ждать за садовой рѣшеткой,
Ты придешь, общала на дняхъ!
Своей дѣвичьей, робкой походкой
Съ тихимъ смѣхомъ на алыхъ губахъ.
Въ глубь, гдѣ пахнетъ черемухой бѣлой.
Какъ ребенка тебя унесу,
Обнимая рукою несмѣлой
Расплету золотую косу.
И въ твоемъ затуманенномъ взорѣ
Я прочту, какъ волнуется кровь,
Не сверкайте разсвѣтныя зори,
Не будите любовь!

3. ЗА ТОБОЙ!

Мы въ старой залѣ, темной залѣ,
Гдѣ ты такъ призрачно свѣтла...
Не слышно подошла къ ряюлю,
Взяла аккордъ и отошла.
Здѣсь все ненужно, сумракъ тѣсный
Обвѣянь мертвою тоской.
Ты все скользишь съ веселой пѣсней
И я вдогонку за тобой.
Весенний дождь шумитъ въ березахъ.
Неслышно въ чащѣ звонкихъ птицъ,
Темнѣетъ небо въ буйныхъ грозахъ,
Сверкая трепетомъ зарницъ.
Смѣясь ты косы разметала
Весна намочитъ ихъ дождемъ...
Какъ хорошо изъ грусти зала
Къ березамъ убѣжать вдвоемъ.

4. КОЛОКОЛЬЧИКИ.

Зазвенѣли колокольчики вдали,
Звонъ все ближе, вотъ смолкаетъ у воротъ,
Алымъ макомъ ярко щеки расцвѣли,
Сердце дѣвичье поетъ.
Скрипнеть дверь, задорный, буйный, молодой,
Подкрадется онъ, какъ вешняя гроза,
Подойдетъ, обниметъ нѣжною рукой
И заглянетъ ласково въ глаза.
Станетъ былою, что приснилось давно,
А на утро, кони снова унесли,
Только слышно ей въ открытое окно,
Какъ смѣются колокольчики вдали.

5. ОТЧЕГО?..

Ты пришла ко мнѣ ласковой, тихой, несмѣлой,
Какъ приходитъ задумчивый вечеръ весной
Милой, нѣжной невѣстой, невѣстою бѣлой
Съ дѣтскимъ взглядомъ, горящимъ мечтой.
Но меня увлекаютъ другіе призывы,
Бѣлый трепетъ плывущихъ вдали парусовъ
И тебѣ ли съ душою такою пугливой
Уловить прелесть буйныхъ сверкающихъ словъ.
Я не тотъ, о которомъ ты въ грезахъ мечтаешь
голубкой.

Я ищу свое счастье въ тревожной борьбѣ,
Но скажи, я не знаю, быть можетъ ты знаешь?
Отчего я такъ часто грущу о тебѣ?

Г. Сеферовъ.

Дебютъ Василия Пахомова.

1. НОЧНАЯ ТАЙНА

Черная ночь за окномъ притаилась...
Черныя мысли ползутъ неспѣша...
Что-то знакомое ярко проснулось—
Не разгадаетъ нѣмая душа.
—Бѣлыя тѣни небесныхъ видѣній
Рѣяли звѣздно въ открытомъ окнѣ;—
Мысли горѣли въ чаду пробуждений,
Плакало сердце въ пророческомъ снѣ...
Чѣмъ-то весеннимъ дохнуло случайно
Въ черную тучу—и стало свѣтло,
И, разрѣшенная черная тайна
Строгой морщиной легла на чело...

2. СЛѢПЦЫ

Мы—слѣпцы бредемъ въ пустынь
Зноемъ солнечнымъ палимы;—
Ищемъ праведной святини,
А найдемъ—проходимъ мимо.
Наше сердце зачерствѣло
Отъ болѣзни и застоя,
Истрадавшееся тѣло
Въ стружьяхъ все, горитъ отъ зноя.
Суховой дымящей тучей
Обвиваетъ насъ истомой;
Ноги жжетъ песокъ горячій
Больно, тягостно знакомой...
Мы бредемъ, бредемъ какъ тѣни
Полночнаго изгнанья,
То бѣжимъ, то на колѣни
Встанемъ въ скорбѣ покаянья.
Но молчитъ долина смерти,
Полуденнымъ дышетъ жаромъ,
Отъ земли до самой тверди
Раскаленная пожаромъ...

3. БЛАГОВѢСТЬ.

Весной навѣянная тишь
Дремала въ вѣткахъ лозняка.
И,—отразивши облака
Ласкала стынущій камышъ,
Какъ сталь блестящая рѣка..
Сгушались тѣни... За рѣкой
Далекій благовѣстъ гудѣлъ...
Душа повѣрила покою,
А я повѣрить не умѣлъ...

4. МГНОВЕНЬЕ

Сегодня озеро спокойно,
Безмолвна ласковая тишь.
О чемъ-то думаю вѣковую
Рѣшаетъ дремлющій камышъ.
И—облака на синей дали,
Блѣднѣя снѣжныя, молчатъ...
Кто Ты, Всевластный, что нарушишь
Молчанье царственныхъ громадъ?..

5. ГРУСТЬ.

Весельемъ праздничнымъ и шумомъ
Гудѣлъ нарядно-пестрый балъ
Я въ уголкѣ, отдавшись думамъ
Сидѣлъ тоскуя и молчалъ.

Волной мятежной и холодной
Рыдалъ таинственно рояль,
Будя въ душѣ моей безплодной
Давно истлѣвшую печаль...

6. КОМУ?

Одинъ, безъ цѣли, безъ желаній,
Безъ упований дни влачу.
Душа устала отъ рыданій
И я, невѣдомый молчу.
Кому слезу своей печали
Я съ тихой радостью пролью?..
Кому шепну, чтобъ услышали
Какъ безпредѣльно я люблю?..
Одинъ невѣдомый отъ вѣка,
Живу, какъ будто не живу,—
Я блѣдный призракъ человѣка,
Я—сонъ разсвѣтлый на яву.

7. ВЪ ЗОЛОТѢ ПОЛДНЯ.

Заиграли Божьи, пчелки, пряжу солнца расплели—
Золотыя стрѣлы—нити золотятъ колокола..
Солнцемъ вытканы полотна золотящейся пыли
Отъ лазури до погоста, отъ погоста до села.
Небо сине... Въ дали синей тѣнь весенняя свѣтла..
Опрокинуты въ затонѣ золотые купола..
Въ ясный полдень тиховѣйно золотится поле ржи.
Отъ лучей, дробящихъ солнце, отъ прозрачныхъ облаковъ,

Прячась въ стбели ржи высокой у неспаханной
межи

Жмурятъ темныя рѣсницы глазки синихъ василь-
ковъ.

Полдень зноенъ Божьи пчелки пряжу сонца рас-
плели—

Нити спутали въ клубочки золотящейся пыли...
Небо сине... Въ дали синей тишь хрустальная
свѣтла...

Опрокинуты въ затонѣ золотыя купола...

8. СКАЗКА.

Облака какъ стрѣлы.
Не поетъ заливъ.
Дремлетъ онѣмѣлый
Камышей извивъ.
Бѣлые туманы
Встали за рѣкой.
Роши и поляны
Стерегутъ покой..
Въ камышахъ у плеса,
Въ чуткой тишинѣ
Заплетаютъ косы
Пересядъ ко мнѣ.
Про печаль былую
Надо позабыть..
Хочешь поцѣловать?—
Или—дальше плыть?..

9. СЧАСТЬЕ

Раньше пламенныхъ зорь просыпаешься ты—
Окрылять и ловить заревыя мечты
Раньше гномовъ лѣсныхъ переключку ведешь
Многогустную пѣснь о печали поешь..
Раньше звѣздъ огневыхъ что горятъ въ вышинѣ—
Ты блѣднѣешь дитя въ не закрытомъ окнѣ.
Призываешь меня похудѣвшей рукой—

Приходи подѣлиться земною тоской..
Приходи молодой, приходи поскорѣй,
Обойму, обовью шелкомъ черныхъ кудрей
Отгадаетъ ли кто, что со мною ты былъ,
Какъ меня цѣловалъ и цѣлуя, любилъ?
Отгадаетъ ли кто, какъ любила тебя?—
Не услышитъ никто, какъ отдамся, любя..
Я къ окну подойду на призывъ твой больно и
И хмѣльной, я упиюсь голубой тишиной.
Поцѣлую тебя, поклонюсь соловью,
Шелковистую косу-змѣю обовью,
Зачарую тебя, заласкаю какъ другъ
Нѣжной грезой сожгу мимолетный испугъ
Поблѣднѣвъ, зарыдавъ, поглядишь мнѣ въ лицо
Снимешь съ пальца свое золотое кольцо,—
И томясь, и горя, мы уйдемъ отъ окна
Въ молчаливую сѣнь гдѣ насъ встрѣтитъ Весна..
Раньше пламенныхъ зорь мы проснемся съ тобой—
Запоемъ про любовь въ тишинѣ голубой..
Раньше звѣздъ, золотыхъ что померкнутъ во мглѣ—
Мы расскажем о счастья усталой землѣ...

10. СМОТРИТСЯ МѢСЯЦЪ

Смотрится мѣсяцъ въ окошко узорное
Бѣлою ночью... Синѣетъ морозъ
Смотритъ серебрянно око дозорное
Въ душу святую, гдѣ таинство грезъ
Гдѣ предзакатная месса свершается..
Въ быстромъ движеніи вечернихъ тѣней.
Гдѣ вся земная тоска завершается
Позднею жалобой вянущихъ дней...

11. ЛУННАЯ ТИШИНА

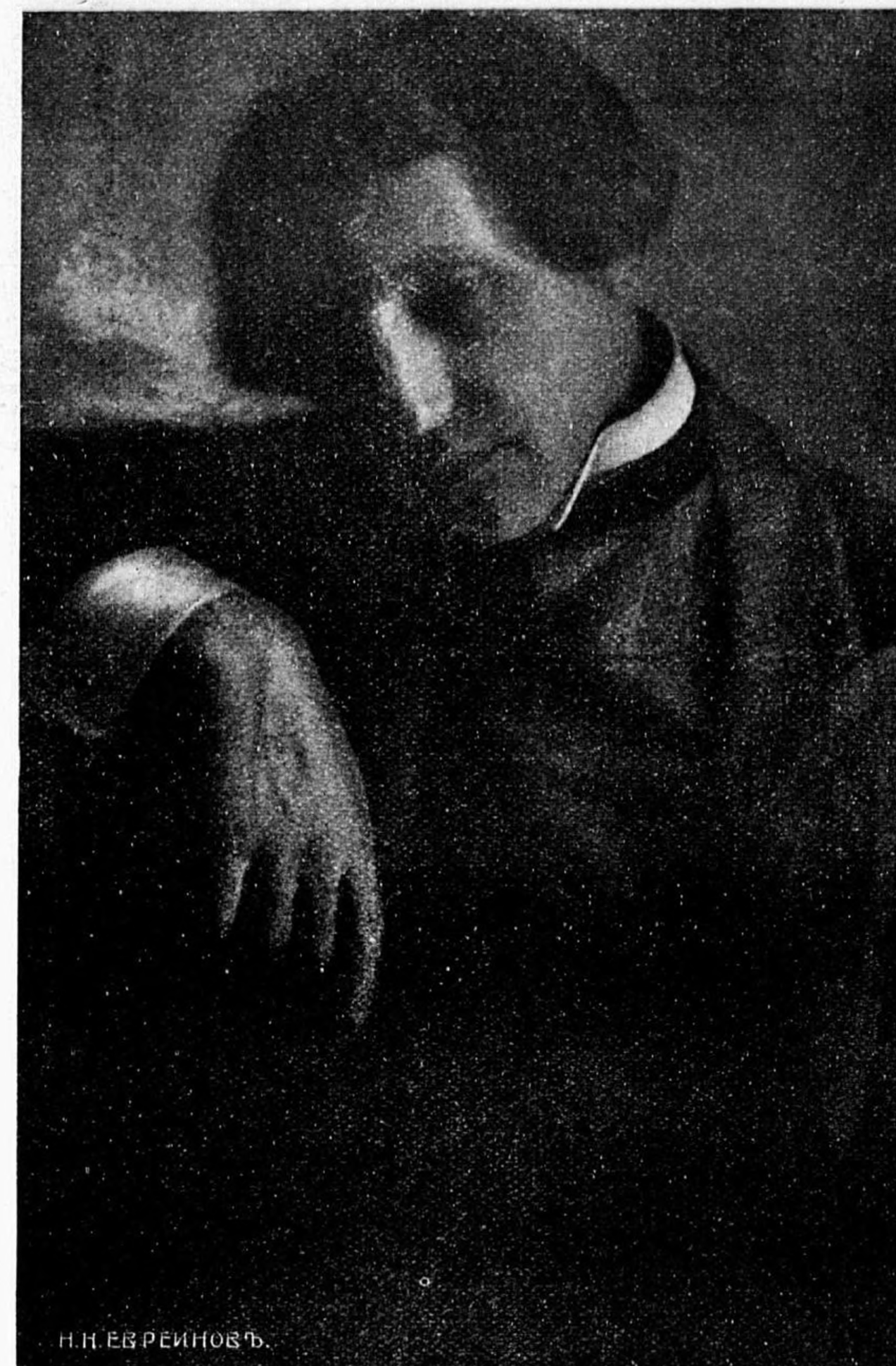
Бѣлизна серебристая крышъ.
Непонятная молвь наяву..
Я влюбленъ въ эту лунную тишь
И кого-то ищу и зову.
Я не помню мучительныхъ словъ,
Обо всемъ позабытомъ молчу,—
Но въ безмолвьи жемчужныхъ снѣговъ
Я чего-то молю и хочу.
Жемчуга многоцвѣтныя ткуть
По карнизамъ свою бахромку..
Далеко колокольцы поютъ
И о чемъ-то грустить—не пойму..
Я влюбленъ въ эту лунную тишь,
Я кого-то ищу и зову..
Бѣлизна серебристая крышъ,—
Непонятная молвь на яву...

12. МЫ.

Насъ съ тобой никто не знаетъ,
Въ этой жизни мы одни.
Жизнь сама насъ охраняетъ
И считаетъ наши дни.
Мы безвольные на волѣ
Съ ясной радугой взошли,
Въ ароматномъ, знойномъ полѣ
Василькамъ зацвѣли..
Въ тепломъ ласковомъ просторѣ
Вѣтерокъ насъ покачнетъ
И слезу, что въ нашемъ взорѣ
Безпечальную смигнетъ.
Мы не знаемъ жизни краше,
Сказки—радостнѣй, яснѣй,
Чѣмъ лазоревое наше
Счастье бѣлыхъ свѣтлыхъ дней.

Василий Пахомовъ.

Фот. М. А. Шеринга.

Мой любимый театръ.

Н. Евреинова.

Помню, по приѣздѣ въ Марокко, еле отдох-
нувъ отъ утомительнаго пути въ первой попав-
шейся Танжерской гостиницѣ, я сейчасъ-же побѣ-
жалъ съ проводникомъ на улицы Казбы, мучи-
мый острымъ любопытствомъ театральнаго зри-
теля, боящагося пропустить начало представлѣнія.

Черезъ полъ-часа зайдя въ кофейню на пе-
рекресткѣ пяти кривыхъ проулковъ и подкрѣ-
пившись тамъ козьимъ молокомъ, мучными ле-
пешками и сушеными фруктами я усѣлся по-
комфортабельнѣй и съ наслажденіемъ отдался
тревогѣ впечатлѣній.

Передо мною мелькали въ безпорядкѣ, часто
останавливаясь, топчась на мѣстѣ, смѣясь, крича,
бранясь и поминутно понукая своихъ муловъ и
осликовъ, — арабы, суданскіе негры, кабиллы,
берберы, бедуины, евреи въ патриархальныхъ
„восточныхъ“ одеждахъ, женщины съ закрытыми
лицами и обнаженными ногами, полуголая дѣти,
марокканскіе „дозорные“, водоноши со звонками,
нищіе съ вытекшими глазами, какой-то черный
шутъ въ несуразномъ тряпѣ и съ желѣзными
кастаньетами, два-три „знатныхъ испанца“, чалмы,
чадры, фески, ручныя заплата и ножные бра-
слеты, дикіе отгѣнки одеждъ, всевозможные
цвѣта кожи, начиная съ сажи и кончая терра-
котой, а надъ всѣмъ этимъ потопомъ звенящихъ,

орущихъ и колющихъ красокъ—изсиня—синее
небо, въ рамкѣ полосатыхъ навѣсовъ, торчокъ
минарета и приморскія чайки.

Черезъ часъ я поймалъ себя на мысли, что
для меня вся эта дѣйствительность не дѣйстви-
тельность, не „всамдѣлишность“, а самый настоя-
щий театръ, гдѣ режиссеръ, увлекшись „народ-
ной сценой“, затянулъ ее дольше всякой мѣры.

Казалось, вотъ—вотъ вся эта толпа куда-то
смотается, стихнетъ, и еще неизвѣстные мнѣ глав-
ные персонажи поведутъ діалогъ въ возвышенно-
площадномъ тонѣ, который такъ-бы подошелъ
ко всей этой обстановкѣ, ко всѣмъ этимъ деко-
раціямъ.

Но этого не случилось. И то, что этого не
случилось, когда, согласно здравому сцени-
ческому смыслу, „оно“ должно было случиться,
подѣйствовало отрезвляюще, возвративъ дѣйстви-
тельности ея дѣйствительный характеръ.

И стало жаль... Дальше повторенье, видѣн-
ное, слышанное... Декорации не мѣняются, глав-
ные персонажи застряли въ кулисахъ... Пора
домой или въ другой театръ.

Да, да!—это былъ театръ, самый настоящий
театръ, да еще такой, гдѣ я самъ-же очутился
актеромъ! Первый разъ въ жизни я такъ ясно,
такъ полно, такъ остро ощутилъ чары сбыв-
шейся возможности обращенія жизни въ театръ
безъ помощи подмостковъ, суфлерскаго экзе-
мпляра, репетицій, режиссера, наконецъ... цензуры.

И виновникомъ полученнаго наслажденія, его
сценичности, его чистѣйшей театральности, сво-
боднымъ авторомъ всей этой радостной мета-
морфозы настоящаго въ ненастоящее, творцомъ—
преобразителемъ, художникомъ—поэтомъ, настоя-
щимъ чародѣемъ перекрестка пяти кривыхъ про-
улковъ,—былъ я, я, я, не пріавшій жизни въ ея
обычной формѣ, а въ моей, произвольной лучшей.

Поистинѣ я—Заратустра, кипящій случай
въ собственномъ котлѣ!—Самъ себя устраиваю
театръ, самъ себя выбираю „точку зрѣнія“,
самъ себя авторъ, антрепренеръ и зритель, я
властно обращаю перваго проходимца въ тѣша-
щаго меня актера, любуюсь имъ, жалѣю его,
смѣюсь надъ нимъ, а надоѣсть,—ухожу, не за-
плативъ ни копѣйки за мѣсто.

Да,—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ,—а съ тѣхъ
поръ я все рѣже и рѣже бываю въ настоящемъ
театрѣ, предпочитая ему такой ненастоящій.

Раньше, напримѣръ, я не любилъ дѣлать то,
что называется „ходить въ гости“.—Теперь для
меня это первѣйшее удовольствіе. Обожаю.

Сядешь себѣ гдѣ-нибудь съ краюшку, ска-
жешь для приличія два-три слова и смотришь,
слушаешь, наслаждаешься. А они-то стараются,
они-то пыжятся!

Вѣдь я ихъ хорошо знаю! Когда они не на
сценѣ, „не на людяхъ“, не актеры, не „разыгры-
вающие изъ себя“, не „представляющіеся“, вѣдь
это такіе скучные люди, что не подходятъ!—не-
красивые, несмѣшные, не „одѣтые“, себѣ въ
тягость и другимъ мука. Повторяютъ слова „са-
мые обыкновенные“, слова голода, похоти, мо-
литвы, работаютъ до одуренія, или лѣнятся до
одуренія, или напиваются до одуренія.. Всѣ ждутъ
чего-то. Всю жизнь ждутъ чего-то..

Я знаю, чего они ждутъ! Они ждутъ часа,
когда, смывъ съ себя скуку и нудную обычность,
они надѣнутъ маски мечтательности, дѣловитости,
глубокомыслия, идейности, остроумія, изощрен-

ности, смѣлости, примиренности, непонятности и соберутся всѣ вмѣстѣ, чтобы тѣшить меня весь вечеръ полусвѣтскимъ, свѣтскимъ или даже великосвѣтскимъ спектаклемъ.

Они будутъ тонировать, они будутъ жеманничать, они будутъ „такими простыми и милыми“, добрыми, граціозными, значительными. „немножко сорви головы“, немножко Донъ-Жуаны, Гамлеты, Джульеты, „Дамы съ камеліями“...

Ахъ, мнѣ тогда такъ трудно удержаться отъ аплодисментовъ отъ криковъ „браво“, а иногда и отъ шиканья, потому, что (съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ!) случается, что и лучшіе актеры среди нихъ вдругъ позабудутъ роль или дадутъ реплику такъ фальшиво, такъ бездушно, такъ грубо, какъ будто это въ жизни, а не на сценѣ.

Н. Евреиновъ.

Поль Сечить.

Миніатюры.

1. ВЪ ГОРОДСКОМЪ САДУ.

Городской садъ.

Жгучій, душистый лѣтній вечеръ.

На небѣ переливаются и млѣютъ далекія звѣзды.

Изъ-за утопающихъ въ полумракѣ деревьевъ доносятся какіе-то манящіе, таинственные шорохи.

Томительно-страстно льются бархатные звуки скрипичнаго оркестра.

Темпъ музыки то горячечно-ускоренный, то исполненный, щемящихъ за сердце, тягучихъ, нѣжныхъ чаръ.

По аллеямъ сада, озаренные призрачно-мертвеннымъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ, точно фантастическія тѣни, рѣютъ фигуры гуляющихъ.

Все болѣе молодежь: военные, юные чиновники, студенты, гимназисты, гимназистки.

Взгляды юношей и дѣвъ встрѣчаются... Загораются... Прирастаютъ другъ къ другу.

Блещутъ и страстно млѣютъ, точно звѣзды.

Губы то сочно увлажняются, то сохнутъ отъ зноя скрытыхъ желаній.

А звѣзды на далекомъ небосводѣ горятъ все страстнѣе.

Все истомнѣе становится недышащій воздухъ.

Музыка въ отдаленіи звучитъ все призывнѣе и ярче.

Все загадочнѣе блещутъ и мерцаютъ очи... Сохнутъ и трескаются губы.

Все тѣснѣе становится кругъ гуляющихъ.

Все болѣе сливаются въ одно тысяча распаленныхъ горячихъ дыханій.

Все ближе и ближе невольно соприкасаются тѣла гуляющихъ.

Часы идутъ за часами.

Взадъ и впередъ по аллеямъ городского сада слоняется подъ звуки музыки многочисленная публика.

2. ПОКОРИТЕЛЬ СЕРДЕЦЪ.

Красавецъ Н., упитанный и сочный молодой человекъ, слышавшій опаснымъ сердцеѣдомъ, показывалъ мнѣ однажды трофеи своихъ многочисленныхъ побѣдъ: чемоданъ, биткомъ набитый женскими письмами, медальонами, фотографическими карточками и т. д.

Интересная коллекція!

Тутъ были лица цвѣтуше бѣлыя и прозрачно-бѣлыя, просвѣчивающія, точно стеаринъ. — Овальныя лица благороднаго матоваго цвѣта и цвѣта лучшей слоновой кости. — Задорно-веселыя, розовыя личики со вздернутыми носиками — лица взрослыхъ дѣтей. Жгучія, смуглыя лица, сохранившія еще какъ будто, во всей свѣжести, знойный поцѣлуй полуденнаго солнца и такія, въ которыхъ чувствовалась сладостная темень южной ночи...

...Тамъ были глаза — огненно-лазурные, какъ — не придумаешь новыхъ, я вынужденъ пользоваться старыми сравненіями — небесная синь, озаренная жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ и очи — страстно млѣющія, далекія одинокія звѣзды...

Глаза томно-мечтательные, словно пришедшіе невѣдомо откуда и изумленно глядящіе на этотъ холодный, чуждый имъ міръ...

Тамъ были уста — но гдѣ мнѣ взять словъ, чтобы описать чарующій — если можно такъ выразиться „взглядъ женскихъ устъ“? Одни уста

были свѣжія, улыбающіяся солнцу, неспѣлыя, сочныя вишни, другія — страстно вождѣлующія розы, зовущія, почти крикливыя въ своей горячей требовательности... Уста полныя, кроваво-красныя, какъ отверстія, зіяющія раны, говорящія о какихъ-то кровавыхъ оргіяхъ далекихъ прошедшихъ временъ...

А какія женскія души таинственно высматривали изъ за строкъ этихъ писемъ и изъ-за этихъ изображеній... Нѣжныя, вѣрныя, самозабвенныя Маргариты, пламенныя Юліи, загадочныя Офеліи, Метерлинковскія трогательно-наивныя, щемящія грустью дѣти принцессы...

Съ этихъ изображеній и писемъ подымался дивный оміамъ благоухающихъ женскихъ тѣлъ и нѣжныхъ женственныхъ душъ, предъ которыми ничтожными казались всѣ благоуханія міеическихъ эдемскихъ садовъ... Зіяла тутъ страшная, ослѣпительно-сверкающая бездна, изъ невидимыхъ глубинъ которой выросли чудовищно-громоздкіе, спутанные корни Жизни и Смерти, вершины страданій и наслажденій...

Лились чистыя, какъ кристалль, горячія слезы... Слышался задорный, струнный смѣхъ... Стоны переходили въ голубиное воркованіе и в плачь — въ кокетливыя соловьиныя трели...

Острый пряный запахъ крови чувствовался въ воздухѣ, и душа жадно впитывала его, словно искрометный, пьяный напитокъ... Обреченныя жертвы бились въ страшныхъ судорогахъ, сладостныхъ пытокъ, а инныя тихо угасали съ покорной улыбкой на блѣдныхъ, обезкровленныхъ устахъ... Умъ, съ дикимъ хохотомъ, погружался въ море безумія, вѣдъмы плясали, обнявшись съ херувимами, храмъ превращался въ грязный лупанарій и лупанарій въ чудный соборъ, возносящій къ небу величественныя верхушки...

Дышало кругомъ глубокой тайною, извѣчной мистеріей, жуткой какъ ликъ Медузы и такой язвительно-прекрасной, что хотѣлось упасть тутъ на колѣни, со сложенными руками, молиться и плакать, и забыться, и умереть въ сладостно-томительномъ упоеніи, обвѣянный эфирно-цвѣточнымъ дыханіемъ великаго, безсмертнаго, жестокаго Эроса...

Предо мной — упитанный, свѣжій, веселый стоялъ герой всѣхъ этихъ романовъ, владѣлецъ всѣхъ этихъ безцѣнныхъ, царственныхъ сокровищъ и, глядя на разбросанные въ беспорядкѣ на полу трофеи любви — клочки человѣческаго сердца — добродушно ухмылялся изъ подъ своихъ пышныхъ, выхоленныхъ усовъ и лукаво подмигивалъ мнѣ маленькими, маслянистыми глазками.

3. ВИШНИ.

Мы сидѣли съ ней въ саду и говорили другъ другу нѣжныя, любовныя рѣчи. — Она прильнула къ моему плечу и начала страстно цѣловать мои уста, щеки, глаза.

— Боже! какъ сильно она меня любитъ! подумалъ я, умилаясь душою.

Въ саду продавались фрукты. Я купилъ для моей милой нѣсколько десятковъ вкусныхъ, сочныхъ вишенъ. Она жадно принялась уничтожать ихъ, громко смакуя ихъ сочную мякишъ и аппетитно облизываясь.

Я случайно бросилъ въ эту минуту взглядъ на ея лицо.

На немъ было выраженіе, очень похожее на то, которое я замѣтилъ на немъ, когда она меня такъ страстно цѣловала.

И я подумалъ: она меня не любитъ, она лакомится мной!..

4. МОЛЧИ ДѢВУШКА!..

Молчи, дѣвушка!.. Ни слова больше!..

Вѣдь все, что ты скажешь, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что такъ понятно въ тебѣ и безъ словъ.

Что значатъ всѣ человѣческія слова передъ выразительнымъ языкомъ твоихъ мерцающихъ очей? Передъ сладостно-опьяняющимъ дыханіемъ твоей молодости? Передъ громкимъ голосомъ твоего цвѣтенія...

Что значатъ слова устъ твоихъ передъ нѣмымъ краснорѣчіемъ этихъ-же самыхъ дѣтски-наивныхъ устъ, точно раскрытыхъ въ цѣломудренно-страстномъ вождѣлнн?..

Молчи!.. Ни слова, дѣвушка!.. Молчи!.. Ты — вся музыка!..

5. НИМФА.

(Посвящается Лили).

Хрустальная лѣтняя ночь парила надъ землею на своихъ серебряныхъ крыльяхъ.. На лужайкѣ лѣсной сидѣли мы оба... Не знаю о чемъ мы говорили, не знаю о чемъ мы молчали... Мы сидѣли словно замороженные неизъяснимою прелестью деревенскаго лѣтняго вечера, торжественнымъ хораломъ глубокой окрестной тишины, сладостной красотой роскошнаго лѣснаго пейзажа, словно темное, эбеновое изваяніе, застывшаго въ безвѣтреномъ воздухѣ своими недвижимыми, полусвѣщенными контурами...

На лужайкѣ лѣсной сидѣли мы оба. И не знаю о чемъ мы говорили, и не помню о чемъ мы молчали.. Вдругъ въ порывѣ, которому еще не придумано названья, моя подруга легкимъ движеніемъ руки, сбросила съ себя тонкую ткань, стройно облегающую ея юное, упругое тѣло. — И, сверкая нагой, мраморной бѣлизною, съ загадочнымъ, затуманеннымъ взоромъ и распущенными, вьющимися волосами предо мною во-очію предстала древняя Нимфа...

И, словно статуя, скрестивъ руки безъ словъ и безъ движенія, благоговѣнно глядѣлъ я на эти роскошныя, дѣвственныя формы, озаренныя меланхолически-нѣжнымъ, кроткимъ сіяніемъ луннаго диска. И, въ великомъ очарованіи, мнѣ хотѣлось-бы въ тотъ мигъ — упасть на колѣни подъ этимъ звѣзднымъ, таинственнымъ небомъ, чтобы въ чистой, какъ горный хрусталь, и пламенной молитвѣ уплатить дань восторженной благодарности вѣчнымъ богамъ-зигдителямъ, въ своей безконечной благодати, неизмѣнно творящимъ дивно-прекрасныя формы жизни...

6. ПРОБЛЕМА.

Я знавалъ когда-то одного человека.

Чумазое, непріятное лицо, бѣгающіе, хитрые глазки, плебейскіе бакенбарды — все въ немъ составляло отталкивающую смѣсь лакея, военнаго цирюльника, лисы и гончей собаки.

Это был плути и проныра, каких мало, грубиян первой руки и, что называется „мѣд-ный лоб“.

Однажды мнѣ пришлось провести вечеръ вмѣстѣ съ этимъ господиномъ въ одномъ семейномъ домѣ.

Наговоривъ, въ короткое время, много самаго безшабашнаго вздора, мой знакомый, вдругъ какъ-то задумавшись, запѣлъ про себя въ полъ-голоса какой-то старинный романсъ.

И я былъ пораженъ, очарованъ чудной бархатистостью и сладостью его голоса, невыразимой красотой звуковъ, лившихся у него, казалось изъ какого-то таинственнаго, неизсякаемаго источника. На мгновенье предо мной открылись какія-то невѣдомыя глубины и перспективы, что то горячо затрепетало, заискрилось, переливалось и вдругъ опять замолкло, какъ будто все это было только сномъ или случайно рассказаннымъ фрагментомъ волшебной сказки...

Предо мной сидѣлъ все тотъ же знакомый мнѣ субъектъ съ лакейскими бакенбардами и въ вульгарными ухватками; онъ грубо и отвратительно смѣялся и, какъ ни въ чемъ не бывало, говорилъ невообразимыя пошлости.

* * *

Я видѣлъ, какъ на великосвѣтскомъ балу, подъ звуки прекраснаго оркестра, танцовали пышно разодѣтые кавалеры и дамы...

Они методически-правильно выдѣлывали разныя замысловатыя па. Но чувствовалось, что ихъ вялая, безкровная, *непляшущая* душа съ трудомъ вололосится за ихъ быстро двигающимися ногами и, бѣдняжка, никакъ не можетъ поспѣть за согласнымъ такту музыки, живымъ и страстнымъ плясовымъ темпомъ...

Я видѣлъ, какъ подъ звуки простой волынки, плясали цыгане и цыганки на цвѣтущей лѣсной полянѣ...

Чувствовалось, что ихъ нога только—струны, на которыхъ глубоко-возбужденная душа наигрываетъ свою восторженную пѣснь...

И видно было что ноги—струны никакъ не могутъ поспѣть за бурно стремительнымъ, скачущимъ ритмомъ пляшущей души... И, словно подсобляя имъ, подплясываютъ въ тактъ плечи, руки, лицо—всѣ мускулы, всѣ нервы танцующихъ... Но все-жъ не можетъ выразить себя—до послѣдняго атома вакхически возбужденная, пламенная цыганская душа!..

Я видѣлъ какъ танцовали разодѣтые дамы и кавалеры на великосвѣтскомъ балу... Я видѣлъ, какъ, подъ звуки простой волынки, плясали цыгане и цыганки на цвѣтущей лѣсной полянѣ...

7. ВОЕННЫЙ ПАРАДЪ.

Я присутствовалъ, среди многочисленной публики, на блестящемъ военномъ парадѣ.

Сверкающіе мундиры... Стройныя, размѣренныя движенія солдатъ... Громъ военной музыки...

— Какъ прекрасно! Сколько здѣсь жизни! Сколько силы! восторженно повторяли кругомъ мои сосѣди.

Возлѣ насъ, въ безконечно трогательной, въ своей безыскусственности, позѣ стояла юная, лѣтъ шестнадцати не болѣе, дѣвушка.

Глаза—какая-то далекая, лазурная греза, мерцающимъ языкомъ о чемъ то говорящія гие-роглифы...

Намекающими полутонами розлить на лани-тахъ знойный загаръ, словно предутреннее пламенное лобзаніе Эроса.. Влажные, о чемъ-то вопрошающія, о чемъ-то молящія губы... Что-то безконечно-легкое, эфирное, напряженно-стремительное во всемъ ея существѣ, словно тающій вздохъ красоты, словно оиміамъ граціи, готовый взвиться въ высь, слиться съ родной ему окружающей воздушной стихіей.

Восторженными глазами смотрѣлъ я, словно зачарованный, на свою прекрасную сосѣдку и думалъ про себя:

Въ этомъ юномъ существѣ скрыто болѣе „силы“ и „жизни“, чѣмъ во всемъ этомъ шумномъ и крикливомъ зрѣлищѣ—парадѣ. Только здѣсь сила не бьющая въ глаза,—эфирная, не-вѣсомая *сила цвѣтенія*.

8. ОТВѢТЪ.

Онъ:

— Почему Вы такъ упорно отказываетесь выйти за меня замужъ? Вѣдь Вы, насколько мнѣ извѣстно, всегда давали обо мнѣ самые лестные, даже восторженные отзывы:

Она:

— Да, Вы мнѣ очень нравитесь, *какъ человекъ*, но Вы мнѣ совершенно не нравитесь, *какъ фруктъ*...

К. Гликманъ.

„ЗАЧѢМЪ?“

Старику Мойше 60 лѣтъ. Старухѣ Хаѣ 50 лѣтъ, и живутъ они вмѣстѣ 35 лѣтъ. Тихо они живутъ. Не умѣетъ кричать ребѣ Мойше, тихо плачетъ Хая. Плачетъ, но безъ слезъ. Хмуро смотритъ ребѣ Мойше на этотъ плачъ. Хая глядитъ со страхомъ на хмурое лицо старика,—вотъ крикнетъ, топнетъ ногой... но ребѣ Мойше тихо: „Зачѣмъ плачешь Хая?“ и ласково дрогнули вѣки старика. Молчитъ Хая, молчитъ ребѣ Мойше, и оба они молчатъ... И только заплачетъ старуха Хая, ребѣ Мойше хмуро, тихо говоритъ: „Зачѣмъ плачешь стара?“ и опять тихо въ комнату, опять они оба молчатъ...

Суббота. Идетъ ребѣ Мойше въ синагогу. Медленными шагами онъ тихо ступаетъ.

Навстрѣчу сынъ идетъ его старшій. Идетъ, папироску онъ куритъ, на отца ни взгляда не кинувъ... Не крикнулъ ребѣ Мойше и громъ проклятій не послалъ онъ на голову безбожнаго сына, только хмуро тихо: „Зачѣмъ это, Янкель?“... и дальше пошелъ. Тихо онъ идетъ медленными шагами...

Вотъ и синагога виднѣется вдали.

А навстрѣчу дочь его старшая идетъ. Въ блузѣ, стриженная, идетъ, на руку студента опираясь. Чуть отца завидѣла, съ дороги свернула... Не металъ молній оскорбленный отецъ, не проклятій сыпалъ ей вслѣдъ, только хмуро, тихо: „Зачѣмъ это, Фейга?“ Вошелъ ребѣ Мойше въ синагогу. Никого еще нѣтъ. Рано пришелъ ребѣ Мойше, но сынъ его младшій давно ужъ, около печки, надъ книгой сидитъ. Покачивается, учитъ. Поетъ и учитъ... Тихо, медленными шагами подошелъ ребѣ Мойше и сѣлъ онъ у печки. Сидитъ ребѣ Мойше.

Сидитъ онъ и слушаетъ. Слушаетъ и въ

тактъ тихо качаетъ головой... Обернулся Довидкэ, отца увидѣлъ и блеснули радостью глаза его, а ребѣ Мойше вытянулъ сухую руку свою, и пальцемъ на книгу: „Такъ, такъ, Довидкэ!“ и ласково дрогнули вѣки старика...

Тихо сидитъ ребѣ Мойше, и смотритъ непонимающими глазами на младшую дочь свою. Она сидитъ. На стулѣ она развалилась и говоритъ говорить... А ребѣ Мойше глядитъ немигающими, ничего не понимающими глазами. Но вотъ хмуро дрогнули вѣки старика.. Онъ понялъ... Хмуро смотритъ онъ на дочь свою. Та ужъ съежилась и со страхомъ глядитъ на хмурое лицо отца своего,—вотъ встанетъ, закричитъ, затопаетъ ногами, руку подниметъ и... но ребѣ Мойше хмуро, но тихо: „Зачѣмъ это, Хая?“...

Тихо безъ словъ плачетъ мать, тихо слезятся глаза ребѣ Мойше... Довидкэ входитъ. Солнце засіяло. Ласково, сквозь слезы глядитъ старуха, ласково дрогнули вѣки старика. Тихо, тихо жметъ онъ къ себѣ Довидкэ. Не цѣлуетъ только жметъ къ себѣ и сухошавой рукой тихо водить по лицу его. А Довидкэ жметъ къ отцу; жметъ и дрожитъ... Довидкэ холодно...

„Докторъ,—тихо говоритъ старуха—Довидкэ будетъ здоровъ?“ Пожимаетъ плечами докторъ:—„Никто, какъ Богъ“ и уходитъ. Тихо, тихо плачетъ старуха и слезы текутъ, текутъ по морщинистому, пергаментному лицу ея, и застрявъ въ морщинахъ тихо капаютъ на подбородокъ и скатываются внизъ. Сидитъ ребѣ Мойше у постели больного Довидкэ, и слезы крупныя слезы катятся по лицу его. Худощавой рукой водить онъ, по мягкимъ какъ ленъ волосамъ Довидкэ...

Хрипитъ Довидкэ, бредитъ. Онъ стонетъ и мечется по кровати. Вотъ онъ затихъ. Открылъ широко глаза свои, плачущаго отца онъ увидѣлъ, тихо позвалъ онъ его. Не слышитъ убитый отецъ. Тихо шепчетъ онъ молитву. Смотритъ сынъ на него, смотритъ, позвать его хочетъ, но не можетъ. Тихо шевелятся его губы, кривитъ онъ ротъ, но изъ горла его звукъ не выходитъ. Въ безсиліи мечется онъ по постели...

И ужъ громко причитываетъ старуха—мать, тихо, тихо плачетъ старикъ—отецъ...

Опять открылъ глаза Довидкэ, на отца посмотрѣлъ, свой взглядъ онъ на мать перевелъ, и поднявшись съ усиліемъ, хотѣлъ онъ сказать, но захрипѣлъ и на подушку откинувшись, замолкъ...

Громко кричитъ и причитываетъ старуха, рветъ сѣдые волосы свои, исхудалыми бьетъ себя въ грудь она кулаками... А старикъ ребѣ Мойше ужъ не плачетъ. Поднялъ онъ голову вверхъ, и хмуро, тихо: „Зачѣмъ это, Господи?“...

Ш. Клейнманъ.

ВЪ ТЕМНИЦѢ.

I.

Я одинъ. Въ темной, холодной темницѣ. Тамъ, вверху, маленькій клочекъ синяго неба. Къ нему я рвусь всей силой моей безкрылой души. Тогда ощутимъ безсилье мое и въ щемящей тоскѣ по свѣту, теплу, упадаю на землю сырую дряблымъ тѣломъ своимъ.

Не плачу: слезъ нѣтъ. Сухое рыданье потрясаетъ меня.

Удушливымъ хрипомъ къ свѣту, теплу я взываю.

Безучастные люди мимо проходятъ. Не слышатъ стенаній моихъ. Имъ дѣла нѣтъ до меня. Мрачныя стѣны меня отъ нихъ отдѣляютъ. Проклятыя стѣны, мною сложенныя! Теперь сокрушить мнѣ ихъ не по силамъ.

— Руштесь проклятыя стѣны!

Въ кровь разбиваю о нихъ слабыя руки свои, а онѣ, глухія, стоятъ, крѣпнущъ съ каждымъ ударомъ моимъ.

Горе, горе мнѣ, создавшему ихъ!

II.

Я сказалъ: „Миръ—не Я“.

Этимъ заложилъ фундаментъ темницѣ моей. Потомъ сказалъ еще: „Я—въ мирѣ одинъ“. И стали стѣны расти и отдѣлили отъ міра меня.

Тогда я погрузился въ себя. И все выше и выше поднимались стѣны.

Я думалъ.

„Скорбь міра—скорбь не моя. Радость его—не моя радость. Во мнѣ свой миръ и я знаю только его. Миръ грезъ моихъ, миръ думъ, во мнѣ рожденных“.

И отъ всего, что не вопли мое, отрекся: Далекими и чуждыми мнѣ стали люди.

Я говорилъ себѣ:

„Заботы ихъ, исканья и сомнѣнья—не мои. Ихъ дѣло—дѣло не мое“.

И отъ небесъ отрекся я.

Тамъ Богъ, но Богъ не мой. А мой—во мнѣ. И дѣло Бога—дѣло не мое. Мое—во мнѣ и только мое. Не человеческое и не Божіе. Мое. И оно, какъ и я—одно, одинокое. Я съ нимъ—одиноки.

III.

Шумной толпой люди проходятъ мимо темницы моей. Строятъ свое общее дѣло. Своимъ богамъ поклоняются.

А я проклялъ своихъ. Они меня обособили отъ общей жизни людей. Я проклялъ ихъ и сокрушилъ. Въ груди моей нѣтъ Бога. А Богъ людей—не мой. И я, отрекшійся отъ Него, теперь не могу поклониться ему. Моей, сомнѣнья извѣденной душѣ, не вмѣстится вѣры въ Него.

Отъ людей и отъ Бога далекий, я одинокъ.

Слабой душой своей рвусь къ нимъ. Но холодныя стѣны крѣпче воли моей. И все выше и выше растутъ.

Рѣсьмъ тѣломъ своимъ о нихъ ударяюсь. Липкая теплая кровь сочится изъ ноющихъ ссадинъ. Но проклятыя стѣны недвижно стоятъ, крѣпнущъ съ каждымъ ударомъ моимъ.

Въ темницѣ моей я на вѣкъ погребенъ. Не выйти мнѣ изъ нея!

Тамъ вверху еще виденъ клочекъ синяго неба. Къ нему я рвусь всей силой моей безкрылой души.

И, безсильный, упадаю на землю сырую дряблымъ тѣломъ своимъ.

Сухое рыданіе потрясаетъ меня...

IV.

Когда высоко надъ землей звѣзда загорается, во мракѣ темницы моей, искрой мечты въ душѣ ея свѣтъ отражается.

Недвижно сижу и мрачной мечтѣ своей предаюсь. Одной, мнѣ оставшейся.

Сижу и мечтаю о Ней. Не называя ее, говорю просто „Она“.

Мечтаю, не смѣя приблизить, не смѣя взглянуть ей въ глаза.

Жду терпѣливо, когда сама придетъ успокоить меня.

Она сокрушить ненавистныя стѣны, крылья мнѣ дастъ и съ собой увлечетъ. Въ невѣдомый міръ, міръ покоя, непробуднаго сна..

Долгія ночи сижу, мечтаю о смерти..

V.

Но вотъ снова бирюзовое небо надъ моей головой. И снова манить къ жизни, къ себѣ. Снова жажу я свѣта, тепла, снова смотрю на жизнь чужую людей.

Снова вмѣстѣ съ ними хочу я идти, вмѣстѣ съ ними строить общее дѣло и сокрушить проклятыя стѣны.

Снова бьюсь я о нихъ. Но стоятъ нерушимыя, кровью моей обогранныя.

И снова безсилье мое, валить на землю сырую меня.

Не плачу, слезъ нѣтъ и пылаютъ сухіе глаза.

Сухое рыданье потрясаетъ меня..

— Проклятыя стѣны!

Ю. Голубай.

REVERIE.

Я буду думать, я буду думать о тебѣ въ эту ночь благоуханій, въ эту ночь тревожной красоты.

Шелестятъ подъ рукою тонкія листы бумаги..

Огненными полосками разбѣгаются въ темнотѣ твои строки то нѣжныя, жгучія, чарующія правдой лжи, то беспощадныя, ледяныя, ненужныя, какъ дѣйствительность.

Вспоминается темная душная комната; огонь твоихъ губъ.. потомъ пространство, пустота, не гнетущая, нѣтъ странная равнодушная..

Огненными полосками разбѣгаются въ темнотѣ твои строки..

Сѣрый сѣверный день, дождь морозящий, сѣдая мгла.. И опять твои затуманенные сладострастіемъ глаза, алчущее тѣло, дразняція ласки.. безъ словъ, язвъ лжи.. То ночь, то багряный закатъ.. Смятеніе въ трепещущей душѣ.. желаніе.. грезы.. печаль.. все исчезаетъ.

Шелестятъ подъ рукою тонкіе листы бумаги..

Безконечно-синее небо. ласковое солнце, моря прибор.. и снова пустота тревожная, тоскливая.. гдѣ то зазвенѣла и лопнула струна.. аккордъ умираетъ.. оборвалась и умолкла въ сердцѣ угарная пѣсня страсти..

Огненными полосками разбѣгаются въ темнотѣ твои строки..

Ихъ не надо читать! Я ихъ знаю.. я помню.. тихо капаютъ слезы.. льютъ безмолвные фіалки свой послѣдній, свой предсмертный аромат.. медленно таютъ въ звѣздномъ небѣ скорбные призраки..

Шелестятъ подъ рукою тонкіе листы бумаги..

Н. Кашталинская.

ПОСЛѢДНІЙ БАКСА ИЖТАРЪ.

Спустился я съ Алтайскихъ горъ и пройду

всю степь, отъ стѣнъ Китая великаго, до самаго моря Аравійскаго. Буду заходить въ каждую юрту и въ каждой юртѣ буду говорить свои предсказанія, буду стучать въ бубенъ буду играть на кобузѣ, буду бить себя въ грудь въ самое сердцѣ, чтобы самые тайные слова отдало сердце мое, буду звонить колокольцами буду говорить тихо но доведу слова жалобы до крика, чтобы острыми иглами жалили эти слова ваши уши, ибо эти слова положилъ въ мою душу великій Аллахъ, дабы слушая меня вы содрагались отъ ужаса.. и не подумайте, что мнѣ нужны ваши деньги я не прикасаюсь къ деньгамъ духъ зла эрликъ властвуетъ надъ вами жадность имѣющихъ къ деньгамъ со,у земли въ глазахъ Аллаха. Не думайте, что мнѣ нуженъ скотъ вашъ и скота вашего мнѣ не нужно, потому что я посланъ Аллахомъ предсказать судьбу вашу, дабы вы не стали-бы посылать жалобы и не стали-бы обвинять въ жестокости и несправедливости. Возвѣщу я о дѣлахъ грядущихъ: Много было прежде у васъ въ степи „баксы“ но гдѣ они куда они исчезли Развѣ не играли они печальныя пѣсни на кобузѣ, развѣ не слушали вы печальныя пѣсни развѣ тоска не подступала къ сердцу и развѣ на глазахъ не навертывались слезы. Развѣ вы не оказывали уваженія баксамъ или плохо ихъ кормили, или не оказывали почета и уваженія, все это имѣли баксы, но почему нѣтъ больше въ степи баксы, почему нельзя уже услышать громкаго пѣнія баксы, почему нельзя увидѣть быстрой пляски баксы не услышать звона колокольчиковъ не услышать ударовъ въ бубенъ не увидѣть одежды баксы въ лентахъ и колокольцахъ съ девятью куклами, не услышать ударовъ въ грудь ударовъ громкихъ ударовъ пугающихъ злыхъ духовъ.. уже не услышите словъ справедливости, словъ гнѣва. Куда исчезли баксы? почему у васъ въ степи нѣтъ больше баксы или злые духи побѣдили духовъ добра и поселились въ каждой вашей юртѣ. Нѣтъ не потому это я вамъ говорю не потому это я, я, великій бакса Ижтаръ говорю вамъ не потому? Грядущія бѣды пронесутся надъ вами съ быстротой вѣтра, и споетъ вамъ вѣтеръ степной погребальныя пѣсни напѣвы печальныя чѣмъ баксы играли вамъ на кобузѣ. Не выдержали баксы грядущихъ бѣдъ вашихъ и отъ ужаса умирало ихъ сердцѣ. И вотъ я пришелъ Ижтаръ самый великій бакса сердце котораго вмѣстило всѣ грядущія бѣды ваши. Собирайте народъ дѣтей дѣвушекъ стариковъ и старухъ, потому что слова важныя слова не имѣющія цѣны вы услышите отъ послѣдняго баксы Ижтара, и до крика доведу слова мудрости до стона души доведу тоску о васъ бѣдныхъ несчастныхъ сыновъ степи ибо я жалѣю васъ послѣдней жалостью.

Много городовъ прошелъ я, видѣлъ я яркій свѣтъ на улицахъ городовъ, видѣлъ большіе дома каменные и видѣлъ людей бѣгающихъ, какъ червей, въ гниющей падали, вышелъ я на самое бойкое мѣсто и прокричалъ имъ проклятіе, всю жизнь ихъ я проклялъ и раскрывши ротъ смотрѣли они на меня, окруживъ тѣснымъ кольцомъ и думали, что за дуракъ, что за безумный въ странной одеждѣ скачетъ пляшетъ, звенить колокольцами и кричитъ, кричитъ послѣднимъ крикомъ злобы, крикомъ отчаянія.. и не понимали они мудрости и не понимали слова

проклятія.. О если-бы они поняли, если-бы повѣрили, что такъ говорить мнѣ Аллахъ, съ какимъ ужасомъ съ какой поспѣшностью бѣжали-бы они изъ своихъ проклятыхъ городовъ стона и плача и когда я кончилъ, бросали мнѣ мѣдныя и серебряныя монеты и я бережно собралъ двѣ полныя горсти, а потомъ съ хохотомъ бросилъ имъ обратно. Слова мудрости, слова гнѣва, слова проклятія на деньги ваши не продаются. Слушайте вы теперь предсказанія послѣдняго баксы Ижтаръ и запоминайте, дабы передать мои слова своимъ дѣтямъ, потому что такихъ словъ вы больше не услышите, Великій Аллахъ сказалъ мнѣ: „Ижтаръ, обрати лицо твое на народъ мой, брось имъ слова, что положилъ я въ мозги твои, потому что гнѣвомъ наполнена печаль моя и я никогда самъ не скажу людямъ ни одного слова, ты Ижтаръ будешь посредникомъ между мною и народомъ моимъ и возвѣстишь имъ предсказаніе. Мнѣ жаль народъ мой киргизкій, потому что окружаютъ ихъ безпрерывнымъ кольцомъ городовъ съ домами каменными. Норы съ лисицами, гдѣ вы будете искать, тамъ-ли гдѣ аулы ваши или гдѣ не ступала еще нога человѣка, такъ и вы должны искать мѣсто не заплеванное, воздухъ не испорченный дыханіемъ строителей большихъ домовъ. Развѣ не было прежде у васъ богачей, развѣ не было тысячей лошадей и верблюдовъ, развѣ не устраивали вы байгу, развѣ не носили шубы изъ лисицъ и соболей, развѣ не играли вамъ на кобузѣ и пѣвцы не пѣли пѣсенъ, развѣ дѣвушки не выходили за молодыхъ сыновей вашихъ и не рожали вамъ дѣтей, а теперь что, хочется плакать налѣ вашей жизнью: у кого стонъ, у кого плачь, у кого лица печальные, у кого жалобы на жизнь тяжелую не у васъ-ли киргизъ.. А почему? Вы не знаете, все достояніе свое все богатство свое, куда вы употребляли богачи? Не вы-ли вели между собою ссоры и раздоры и дѣлились на партіи и подкупали чтобы выбрать бія управителя, а на что употребляли столько усилий. Не униженія-ли терпѣлъ этотъ бій, не рабомъ-ли былъ крестьянскихъ начальниковъ.. Вы богачи посылали дѣтей хватать мудрости въ города и за деньги ваши вашихъ-же сыновей калѣчили онъ по виду киргизъ а надѣнуть на него одежду съ золотыми пуговицами, натолкаютъ въ его голову мудрость: какъ жить, получать деньги и разводять скота и руками ничего не дѣлать: словами добывать деньги.. И такъ говоритъ Аллахъ: — черезъ послѣдняго баксу Ижтаръ и доведу я слова гнѣва до крика, до послѣдняго крика отчаянія, заплачу послѣдними слезами тоски.. Почему-же не плакать мнѣ послѣднему баксѣ Ижтаръ.. Развѣ не видѣлъ я джетаковъ на краю большихъ городовъ.. Развѣ я не видѣлъ какъ продаютъ на базарахъ кожи, сало, масло и покупаютъ въ лавкахъ ситецъ, самовары, машины.. Все видѣлъ Ижтаръ.. И въ этихъ вещахъ ваша погибель буйнымъ вѣтромъ пронесся гнѣвъ Аллаха по всей степи и наложилъ на лица ваши печаль и на глаза ваши слезы и на сердце ваше тоску, такъ говоритъ послѣдній бакса Ижтаръ.. И слова его слова печали и сыграю вамъ пѣсню тоски на кобузѣ и пропою такую скорбную пѣсню похоронную пѣсню и заплачетъ каждый изъ насъ похоронившій свою вольную степную жизнь..

Антонъ Сорокинъ.

ЦЫПЪ-ЦЫПЪ-ЦЫПЪ.

(Этюдъ).

Вѣра Александровна Крынская, „несравненная“, „божественная“, „талантливая“ и тому подобная, до безконечности, на языкѣ ея рецензентовъ, раскраснѣвшись отъ мороза, быстро вбѣжала въ бельэтажъ.

— Каминъ зажгли? Викторъ Николаевичъ здѣсь?

И вдругъ, вмѣсто всегдашняго утвердительнаго отвѣта на эти два ежедневныхъ вопроса, она услышала отъ своей „незамѣнимой“ Мари нѣчто безсвязное почти дикое.

— Да.. Господишъ Громовъ.. ихъ нѣтъ.. Они оставили письмо.

Въ слѣдующій моментъ Вѣра Александровна была возлѣ своего маленькаго бюро изъ краснаго дерева съ инкрустаціями

На темно зеленой, матовой кожѣ ея бювѣра, возлѣ золотой монограммы въ углу, лежалъ продолговатый конвертъ японской бумаги.

Нервные тонкіе пальцы быстро, нервно, разорвали конвертъ.

Ясные, синіе глазки впились въ эти ровныя холодныя строки и вдругъ наполнились жгучими кристалльными слезами. Судорожно скривился маленькій чувственный ротикъ, какъ-то удивленно, испуганно поднялись ровныя брови.

Согнувшись, безпомощной, жалкой походкой, подошла Крынская къ ковровой оттоманкѣ и, не сдерживая больше душившія слезы, упала на нее.

— Нѣтъ женщины въ мірѣ несчастнѣй ея.. Нѣтъ.. Конечно нѣтъ.. Она самая несчастная, самая жалкая, самая бѣдная. Она такъ любила своего Виви.. Она такъ привыкла къ нему.. Она уже вотъ полгода, какъ ни разу даже не обѣдала безъ него.. Она такъ привыкла, чтобы послѣ катанья заставить его уже здѣсь, подставить холодную бархатную щеку его отвѣчающему поцѣлую.. Слышать его ласковыя названія.. Ей такъ нравилось это; Вѣрокъ, Вѣруничекъ, а потомъ это.. это.. Вѣрюричка.. А потомъ обѣдалъ съ нимъ, въ ея столовой „emprig“, которая такъ нравилась ему.. А потомъ вмѣстѣ въ театръ и ужинать за городъ.. И вотъ.. ничего.. ничего.. ни поцѣлуя, ни обѣда вмѣстѣ, ни театра, ни ужина и ни.. Вѣрюрички..

Рыданья усилились. Жгучія, теплыя слезы, казалось, хотѣли затопить это маленькое личико.

Какой-то мягкій, сладкій клубокъ душилъ въ горлѣ вырывался короткими жалкими звуками.

Прическа растрепалась, и мокрые волосы прилипли къ щекамъ, одна туфелька соскочила съ ноги.

Крынская сбросила и другую и подобрала обѣ ножки на подушки дивана, съежилась въ комокъ.

Такъ было какъ-будто легче плакать. Она чувствовала себя въ такомъ положеніи совершенно несчастной, забытой, оставленной, обиженной, совѣмъ, совѣмъ бѣдной..

Плотно прижалась Крынская пылающей щекой къ шелковой подушкѣ и тихо, тихо повторяла все; „бѣдная, бѣдная“.. и слезы лились такъ легко, легко.

Потомъ она, какъ-то незамѣтно для себя, начала гладить рукой подушечку, повторяя:

„бѣдная, бѣдная“, и ей вдругъ почему-то сдѣлалось жаль эту маленькую, теплую, шелковую подушечку.

Черезъ нѣсколько минутъ Крынская замѣтила, какъ что-то жжетъ ее голову. Она приподнялась. Въ каминѣ ярко пылалъ коксъ. Огненные змѣйки перебѣгали по пылающимъ шарикамъ. Нѣкоторые шарики были почти бѣлые, другіе ярко-красные и надъ ними вился синенькій язычекъ, иные были наполовину черные, еще нетронутые пламенемъ. Въ срединѣ ихъ плавилась, переливалась изжелта-красная масса, уже потерявшая свое очертаніе. Сухая, знойная теплота неслась отъ этого фешенебельнаго горна, освѣщавшаго уютный будуаръ Крынской.

Вѣра Александровна повернулась и, опершись грудью на широкій бархатный валикъ дивана, положивши голову сложенныхъ рукъ, стала смотрѣть на пламя. Задержавшаяся въ правомъ глазу слезинка мѣшала ей смотрѣть, и она, смахивая ее, еще разъ негромко всхлинула.

Ее заинтересовала маленькая огненная точка на еще совершенно нетронutomъ черномъ шарикѣ кокса. Точка медленно росла, ширилась. Иногда тоненькая огненная змѣйка пробѣгала отъ нея по шарiku, разбрасывалась мелкими искорками, звѣздочками и опять потухла. Точка росла. Образовался огненный кружокъ съ бордюрикомъ изъ искръ маленькихъ, и блестящихъ звѣздочекъ, какъ въ хороводѣ вертящихся, прыгающихъ и расширяющихъ кругъ своей огненной пляски...

На шарикѣ остался маленькій, черненькій сегментъ, наконецъ, и онъ запылалъ.

Вѣра Александровна оглянулась.

Въ глубинѣ комнаты кровавымъ пятномъ отсвѣчивалъ въ темнотѣ уголь ея бюро. Въ перламутровыхъ инкрустаціяхъ играла цѣлая гамма цвѣта, отъ блѣдно-зеленаго до темно-фіолетоваго. И надъ всѣмъ этимъ бѣлой, яркой звѣздочкой сіялъ лучъ свѣта въ никелевомъ ободкѣ телефонной трубки на бюро.

Крынская засмотрѣлась на эту звѣздочку. Сухая ароматная теплота, наполнявшая будуаръ, окутала Вѣру Александровну, охватила сладкой истомой мозгъ, высушила слезинки на щекахъ, а утомленные глазки подернулись влажной, чарующей дымкой.

На лицѣ застыла не то грустная, не то лукаво-таинственная улыбка. Тихо поднявшись съ дивана, крадущимися, кошачьими шажками, въ однихъ чулкахъ, прокралась Крынская къ бѣлой звѣздочкѣ на трубкѣ, сняла ее съ подставки, и, ставъ на колѣни на мягкій пуфъ у бюро, кошачьимъ жестомъ, какъ лапкой мышенка, тронула кнопку Б... Опять тронула. Еще разъ...

— Станція...—715—26...—Звоню...

Вѣра Александровна протянула правую руку во всю длину доски и опустила на нее свою теплую душистую головку...

— Алло—квартира Быховцева.

— Николай Андреевичъ дома?—попросите...

— Алло...

Сладкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу Крынской. Она прищурила глаза и прошептала:

— Цыпъ цыпъ-цыпъ.

— Вѣра Александровна?

— Цыпъ-цыпъ-цыпъ...

— Черезъ четверть часа у васъ...

Было слышно, какъ онъ положилъ трубку.

Вѣра Александровна положила свою. Звѣздочка опять засіяла.

Крынская, не мѣняя положенія, водила пальчиками по гладкому блестящему ободку, тихо напѣвая:

Цыпъ-цыпъ-цыпъ...

В. Финити.

НЮРА.

I.

Нюра проститутка.

Она старуха—ей 36 лѣтъ.

Для женщинъ ее профессіи—это старость... даже глубокая!

Лицо все въ морщинахъ; сама вся больная, разбитая, обрюзгая; тѣло отвисло; глаза ввалились и словно потухли; походка тяжелая...

Она часто смотрится въ зеркало и губы ее, тонкія, безкровныя, какъ-то машинально шепчутъ: „довольно!.. Уходилась!.. Пора на покой!.. да и правда—пора! Чего теперь ждать?—жизнь прожила. Плохо. Но лучше не будетъ, это ясно. Куда теперь годна? Кому нужна? Себѣ и то опротивѣла, надоѣла. Жизнь стала не въ жизнь! Все пріѣлось, наскучило; никуда не тянетъ, ничего не хочется. Мрачно! Тяжело! Тоска и тоска!.. Раньше время проходило какъ то незамѣтно—бывали чаще гости, сидѣли обыкновенно далеко за полночь,—пѣли, шутили, смѣялись, пили и слѣдующій день для Нюры начинался въ два, три, а то и четыре часа, встанетъ, напьется чаю, приберетъ комнату и себя, пообѣдаетъ и смотришь уже вечерѣетъ и гости понемногу подходить начинаютъ и такъ день за день жизнь была наполнена, шла во-всю и вдумываться въ нее времени не было, а теперь?—вѣдь это сплошная пытка, мука!

Сегодня, напимѣръ, Нюра проснулась не было еще и девяти. Встать?—не стоитъ, все равно дѣлать нечего—работать она не привыкла, да и не умѣетъ. Идти некуда—тамъ все люди, а они ей противны, только и знаютъ, что надсмѣхаются! Нѣтъ, ужъ лучше лежать!—и Нюра лежитъ. Начинаетъ ворочаться съ боку на бокъ, закрываетъ глаза, старается хоть чуть задремать, но все напрасно—сна нѣтъ!

А думы, все невеселыя думы лезутъ въ голову и словно сверлятъ ее. Такъ проходитъ часъ, другой, а иногда и больше. Душу наполняетъ все болѣе и болѣе тоска безотчетная, безконечная, внутри что-то мучительно больно сосетъ и ноетъ. Состояніе убійственное!

Тоска постепенно переходитъ въ отчаяніе—такъ люди часто сходятъ съ ума.

Но вотъ хлопнула дверь и въ комнату вошла молоденькая, недурненькая дѣвушка въ платочкѣ, яркой накидкѣ и съ зонтикомъ.

— Ты?—спросила Нюра.

— Я. А гдѣ водка?

— Вотъ у меня здѣсь, подъ кроватью.

Дѣвушка достала только начатую четверть, взяла съ окна большую граненую рюмку, налила, выпила и хотѣла идти, но сдѣлавъ два, три шага остановилась, немного подумала, вернулась и выпила еще.

— Ну, я ухожу.

— Надолго?

— На весь день, а можетъ и ночь.

Дверь опять хлопнула и Нюра снова осталась одна. Это была ея дочь—Манька, тоже проститутка. Она живетъ въ этомъ же домѣ—въ другой половинѣ. Входитъ съ улицы и сѣни у нихъ общія. Когда приходятъ гости они всегда стучатся направо, къ Манькѣ, если жъ она почему нибудь не принимаетъ, то киваетъ головой на противоположную дверь и говоритъ: „идите туда“. Пьяные гости идутъ, полупьяные же говорятъ „стара“, уходить назадъ.

Мать и дочь живутъ дружно. Отношенія у нихъ вполне уравновѣшенные. Другъ друга ни въ чемъ не стѣсняютъ—каждая живетъ вполне самостоятельно. Конкуренціи у нихъ нѣтъ, да и какая же можетъ быть! Одна молода, значитъ красива, другая стара, значитъ безобразна. У проституттокъ такъ. Мать давно это поняла и примирилась „всякому овощу свое время“ разсуждаетъ она. Видятся онѣ рѣдко, большею частью когда много гостей—приходится работать вмѣстѣ, разговариваютъ очень мало и никогда не смотрятъ другъ другу въ глаза.

Манька проститутка не случайная. У ней въ основѣ нѣтъ ни обмана, ни насилія, какъ у большинства ее подругъ, нѣтъ, она родилась проституткой. Кто ее отецъ, не знаетъ ни она, ни ея мать; да и интересоваться этимъ ей и въ голову никогда не приходило, зачѣмъ?—разъ его нѣтъ, не все-ль равно кто онъ?

Росла она одиноко, подругъ у ней не было—ее какъ то инстинктивно сторонились всѣ сосѣднія дѣвочки. Лѣтъ съ семи она уже начала помогать своей матери—подавала гостямъ пиво, ходила за папиросами, вообще прислуживала чѣмъ могла.

Иногда пьяный гость подмигнетъ на нее и спроситъ у матери: „ну какъ, скоро?“—„нѣтъ погодимъ“—отвѣчала та „годовъ то еще немного“. Профессію своей матери Манька поняла рано и не видѣла въ ней ничего нехорошаго, неестественнаго.

Какъ и всякій ребенокъ, она любила помогать. Иногда, забившись куда нибудь въ уголъ, она наблюдала кутящихся гостей и въ дѣтской головкѣ начинали мелькать картинки ее будущей жизни. То она воображала себя среди молодыхъ, все красивыхъ гостей, то думала, какъ много пива будетъ расходиться у ней, то какія у ней будутъ хорошенькія занавѣски надъ кроватью и непремѣнно голубыя, а не красныя, какъ у матери.

Такъ она росла и готовилась къ жизни.

II.

Утромъ старикъ распрощался съ „своей дѣвочкой“, говоря что имѣетъ массу экстренныхъ дѣлъ, и пара кровныхъ лихихъ лошадей понесла его по банкамъ и биржамъ, а Манька не спѣша одѣлась и тихо поплелась къ своей матери и встрѣтилась съ ней не какъ дочь-дѣвочка, а уже какъ равный товарищъ, коллега.

III.

А Нюра все лежитъ, невеселыя думы лѣзутъ въ голову и словно сверлятъ ее.

Часы прошипѣли 11.

„Боже мой, Боже!“ вздыхаетъ Нюра и мысль ея все чаще и чаще невольно останавливается на томъ маленькомъ пузырькѣ, что стоитъ за иконами. Но эта мысль страшна и Нюра гонитъ ее.

Что это?.. кажется стукъ... кто-то пришелъ... ну, слава Богу. Кто-бъ это?.. да все равно, кто-бъ ни былъ,—все живая душа.

Въ комнату вошли Клаша и Дуня.

Это Нюрины подруги. Такія же какъ и она больныя и безобразныя—онѣ однолѣтки и тоже проститутки.

Вошли скучныя, мрачныя, похожія на тѣни.

— Будетъ дрыхнуть, вставай! привѣтствовала одна изъ нихъ хозяйку.

Нюра заохала, застонала и начала одѣваться.

Поставили самоваръ, хотѣли было чай пить, но за нимъ разговоръ клеится плохо—сидятъ и молчатъ—видно у всѣхъ на душѣ тяжело, такъ ужъ лучше перейти на водку и онѣ перешли.

Сидятъ и пьютъ.

Лихорадочно-поспѣшно пьютъ, залпомъ, безъ закуски, почти безъ перерыва, только бѣ скорѣе забыться.

Вотъ всѣ трое уже запьянѣли.

Теперь и жизнь милѣй и на душѣ свѣтло и радостно.

Все чаще и чаще раздается громкій смѣхъ и тупыя, какъ бы одеревѣлыя, лица оживились и въ глазахъ заблестѣло что то человѣческое.

Завелись шумные разговоры—это все исторіи изъ проститутской жизни, больше всего изъ собственной. Тяжелыя, грустныя исторіи! Но теперь онѣ воспринимаются легко, съ весельемъ и смѣхомъ.

Нюра совсѣмъ уже пьяна. Ею вдругъ овладѣваетъ тоска. Она, какимъ то трагическимъ голосомъ, чуть ли не въ сотый разъ начинаетъ рассказывать свое прошлое.

— А вы думаете поставить Маньку то на эту дорогу легко мнѣ было?—Не болѣла развѣ душа, а? Вы думаете не болѣла? Болѣла, охъ какъ болѣла; и теперь болитъ... да никто не знаетъ объ этомъ... сама то и то знаю только какъ пьяная напьюсь. А къ барину то этому, богатѣю, легко было идти?—родную дочь то продавать... дѣвчеченочку еще маленькую, 15 ей въ тѣ поры было.. 15 годочковъ всего! А ходила, продала, торговалась еще сидѣла. Сперва только, сильно выпила, да у трезвой и ноги то не двигались, духу не хватало, а какъ выпила—такъ и продала. Да и все то время пила, ухъ какъ здорово, минуты сама не помнила.

— А вѣдь Маньку то я любила, сильно любила, да не знала этого. И сейчасъ люблю, да поняла то это вотъ теперь только, пьяная, да и всегда напившись понимала, а вотъ просплюсь, отрезвлюсь и опять ничего не буду понимать, эхъ, дѣвушки, налейте-ка, да выпьемъ по одной! Да вы спите, сразу перемѣнила тонъ Нюра, замѣтивъ, что „дѣвушки“ клевали носами.

Тѣ подняли головы и посмотрѣли на Нюру совершенно пьяныя, мутными глазами.

— Никто не спитъ. Сама ты,—коснѣющимъ языкомъ пробормотала себѣ подъ носъ Клаша, какъ то глупо, неопредѣленно улыбулась и голова ее, словно оторвавшись отъ шеи, упала на скрещенныя на столѣ руки. Дуня же, полупроснувшись, какъ-то машинально, по привычкѣ, протянула руку къ водкѣ и налила всѣмъ.

Выпили молча и не закусывая.

Тѣ опять задремали. Нюра же, обнявъ колѣно сидѣла и покачивалась взадъ и впередъ. Попробовала она затянуть было пѣсню, но ничего не вышло—въ груди какъ будто чего то не хватало.

Ей душно, жарко, клонить ко сну.

Она встала, начала раздвигаться и оставшихся в одной рубашке, пошла к кровати—хотела лечь, но сейчас же встала и сильно качаясь вернулась к столу.

— Ах ты стерва этакая! начала сама себя ругать Нюра, нажралась как свинья, подлая тварь! Ну так жри уже, пей пока не свалишься, дура проклятая! Эй вы, сволочь могилевская, проснитесь, будет дрыхнуть, и она сильным подзатыльником разбудила Клашу.

Дуна же опять полупроснулась и налила. Он выпил.

Сонь как будто проходил и на Нюру снова напал дух разговорчивости.

— Стара, всё говорят, безобразна стала, а кто виноват?—не они разве подлецы все эти? Молода то была, крепка, здорова, хороша, не они разве все засматривались на меня? а теперь, так отвернулись все, не нравлюсь! Помню, как все вертели то вокруг да около, чего чего не сулили и все за одно, всем одного надо было,—жизни моей хотели—вот и взяли, обманом—а взяли. Горько было! А уж как поняла то все—обидно!.. да поздно было. Вспомнишь: плакала то, рыдала сколько! Так хоть бы один, сукин сын, слово сказал доброе, от души—никого! А утешителей то сколько явилось! Все подобрались, как один подлецы.—Одной рукой слезы дёвчьи утирают, а другой за грудь хватают,—вот они проходимицы то какие, все эти мужчины. А уж как сорвалось, думала, думала—назад не вернуться,—упало—пропало, так взяла злость, тут и пошла, направо и налево, всем и каждому „на-те, дескать, вся ваша, начала так кончайте, всю берите, без остатков, жмите, подлые сок то всей жизни, выпивайте кровь, всю до капельки, вот как из этой рюмочки“—при этих словах, закинула назад голову, Нюра начала пить тоненькой струйкой водку в широко открытый рот, поперхнулась, закашлялась, водка рвала в горло,—остро до слез. Нюра хотела пройтись, встала, ноги служить отказывались—она зашаталась и сбавив два-три шага, обезсиленная и пьяная, бухнулась на сундук, едва не сбив стоявшую на нем лампу.

Нюра уперлась руками в ребро крышки, повалила голову и закачала ею.

Пьяна, совсем пьяна, как стелька.

— Будет тебе уродовать! вон лампа гаснет.

Нюрина маленькая низенькая комната имела два окна, выходивших на соседнюю высокую стену. Благодаря этому, лампа горела с утра до вечера.

Нюра повернула голову. Лампа действительно гасла—в ней не было керосину.

— Гаснет, ну черт с ней, пускай гаснет!

И я гасну и она гаснет! Зачем гореть ей без меня? Кому светить?—Пускай гаснет. Керосину в ней нет и во мне нет, тоже потухну скоро.

Нюра вдруг, как то порывисто вскочила, глаза ее зловеще заблестели, она схватила лампу и со словами „гори последний раз, проклятая!“ со всего махухватила ее о пол—по комнате разлетелись осколки и глухо зазвенели.

А она стояла босая, полураздетая, на лице, словно застыла горькая и в тоже время без-

смысленная улыбка, и окруженная полумраком мерцавшей лампы, Нюра была страшна, чудовищно-безобразна и дика.

„Жизнь подлая!“ в изступлении закричала Нюра „вся ты разбилась, вся к черту полетела, осколки одни! все вдребезги!“ „водки, давайте водки!“ и она, не помня себя бросилась к столу, схватила стул, хотела сесть, но ее пошатнуло и она упала на пол, на осколки... они впились ей в тело... сочилась кровь... а Нюра уже крепко спала, пьяная, бессильная.

Подруги молча посмотрели друг на друга и как то нехотя выпили.

— Ишь, чертовка, нализалась до чертиков, ну и пусть валяется, а мы пойдем ко мне спать.

Он обнялись и пошли сильно качаясь из стороны в сторону. Под их башмаками хрустело стекло. В снях, охриплыми, пьяными голосами затаили он:

„Разлука, ты разлука!“

IV.

Два часа ночи. Нюра застонала. Опьянение проходило. Сон перешел в забытие. Где она? Что с ней? Умерла? В могиле лежит? Кругом такая темнота. Холодно. Жутко. Она ничего не помнит, ничего не знает. Ничего не может понять—ее голова не работает—она страшно болит. Как неведомая чудовища впииваются в тело ее, острыми когтями своими? Какая боль! Какая пытка! Она не смеет шелохнуться. Что она сделала? За что ее так мучают? Мало ли еще страдала она в жизни своей? Неужели и здесь, за смертью, будут муки еще тяжелее?

Ужасная боль и собственные стоны мало по малу вывели ее из этого забытия.

Нюра с ужасом поняла что она еще жива, что ей придется вставать и снова жить. Сбавив страшное усилие она поднялась, нашла спички, отыскала огарок восковой свечи, зажгла его и прилепив к углу комода, села сама на сундук.

В голове ее смутно пронеслось все происшедшее. Как все мерзко и гадко! Глаза ни на что бы не смотрели! Накурено, везднаплевано, стол весь облит, пол пегрит окурками, разными огрызками и массой битого стекла, тут же на боку валяется стул. воздух словно пропитан вином и каким то чадом. Душно! А у самой все тело болит, да как мучительно!

Голова словно налита свинцом, мозг как будто отстал от черепа и колотит его при каждом движении.

„О, неужели надо еще жить?! мелькает в голове у Нюры „все убирать, приводить в порядок нет, я не могу! Я трогать ничего не стану—пускай убирают без меня, я здесь не жиличка. Каюк, всему каюк! Тяжело! ах, как тяжело! А что хорошего там, впереди?—ничего: все тоже, все тоже. Ты же страдания и муки, все тебе люди, проклятые люди!—Это они во всем виноваты, они постылые. Нет, больше нельзя выносить, нельзя терпеть! Нельзя... Нельзя... лучше... Нюра схватила себя за голову, и до боли сжала ее „лучше смерти!“ Боже! Неужели в эту минуту, в эту глухую ночь и Нюры больше не будет, нигде не будет, нигде не будет... Придет Клаша... другие придут, Мань-

ка, как удивятся. Боже, хоть бы смерть сама пришла—легче бы было.

Чего она медлит еще? Зачем ждать? Нюра машинально встала. „Что теперь делать? Куда идти? А тело все болит. Голова вот-вот разорвется на мелкие кусочки. Нюра стоит и все крепче сжимает виски—так немного легче. А какая то непреодолимая сила, словно магнит начинает тянуть ее туда в угол, туда за иконы, где стоит маленький пузырек. Нюра пыхтит, она боится этой ужасной мысли, она ее гонит прочь, она все громче, как бы желая перебить себя и свои мысли, твердит: „Нет!.. Нет!.. Нет!“ Но напрасно—где то там, далеко, в самой глубине головы, где то там на втором плане, словно засел кто то посторонний и отчетливо, неотразимо выстукивает по мозгу маленьким молоточком: „Смерть!.. Смерть!.. Смерть!..“ Нюра уже сопротивляться не в силах, ее тянет все больше и больше, она уже в полусознательном состоянии, ее ноги задвигались без ее ведома, вот она подходит к углу, берет стул, становится на него и достает из-за икон пузырьки и в каком то полусне, походя на лунатика, она идет к кровати. „Нет!.. Нет!.. Нет!..“ Смерть!.. Смерть!.. Смерть!.. Нюра легла навзничь и начала вынимать пробку. Чувствовала она себя отлично—легко и свободно. Ей почему то живо вспомнилось прошлое лето. Был чудный яркий день, а на душе у Нюры было тяжело, очень тяжело... Она не знала куда двигаться. Не помня себя она оделась и пошла бродить по городу—без цели, не зная куда—все равно. Как она очутилась в своей аптеке она не знает; опомнилась только когда за ней сильно хлопнула дверь. Она очнулась и смугилась. Потом как то бессознательно подошла к прилавку. Она живо помнит, как провизор при ее входе переглянулся с помощником и не переставая улыбаться спросил: „Вам что угодно?“ Она замаялась, потом как то сразу, не думая, бухнула „позвольте мне „цин-кале“, „цианиста калю“ поправил провизор, „у Вас есть рецепт?“ Нет? Обратитесь к врачу“. Она ушла. Дверь опять сильно хлопнула. Это похождение она всегда считала сном. Это было два года тому назад. А теперь? Теперь... Пробка вынута...

Свершилось.

Свершилось бессознательно, машинально, Нюру охватила сладкая нуга; приятная истома разлилась по всему телу и оно стало словно мять. На душе легко, хорошо.

Нюра не видела, но чувствовала как на комод догорал восковой огарок, „не загорелось бы!“ подумала она.

Кругом мертвая тишина—нигде ни звука.

Свеча замигала, вот-вот и погаснет, а вот и последняя вспышка—кругом темнота. Нюра почувствовала это и сразу ее охватила ужас, как будто гробовая доска хлопнулась за ней и отделила ее от всего живущего.

„Конеч!—прощайте все!“

В голове словно все покрылось легким туманом и на фоне его нестройной вереницей, капризной толпой всплывали мысли, рождались где-то в глубине, то он воплощались в знакомые лица, то прихотливо принимали безобразные формы неведомых чудовищ и, пугая

собой, мшались, мнялись росли и мелькая в шальном хороводе, в необъятную даль уносились он, то безутешно рыдая, то безумно смеясь.

А голова затуманивалась все больше и больше. Тело как будто теряло свой вес, и становилось таким легким, совершенно не чувствовалось, кровать словно из под него выехала и Нюра летела с ужасной быстротой в какую-то незнакомую людям, темную темную пропасть.

„До ее слуха донесся стук и разговор: „Сны не заперла, разня! Обокрадут! Ох как ругаются!“—мелькнуло у ней в голове.

Но мимо, все мимо! Дальше! Она летит все быстрее и быстрее. Где же конец этой бездны, как будто бездонной? Стало захватывать дух, стало нечем дышать. А пропасть все темней и темней... Нюры не стало.

В снях действительно стучали и ругались. Это пришли гости.

Два пьяных приятеля.

Чорт и Младенец.

Их так звал весь город.

Первый—сдой, но крепкий старик, второй—безусый юноша.

Они были неразлучны.

Что могло быть у них общего? Что могло сдвигать их друзьями? Жизнь?—один кончал ее, другой не начинал. Вино, одно лишь вино всемогущее могло связать их дружбой, превратив в вечно пьяных животных.

Качаясь вошли они в Нюину комнату. Здесь им было все знакомо—они были всегда тут этого дома.

Чорт пошел шарить по комнатам спичек, а Младенец направился прямо к Нюре и лег с ней рядом, начав будить ее своими поцелуями и объятиями.

Наконец Черту удалось найти спички и он освятил комнату.

— Э-э, брат, да здесь никак конница стояла—весело закричал он Младенцу, но тот уже спал.

Чорт не найдя нигде лампы, зажег лампаду, и увидев на столе оставшуюся водку и закуску пришел в восторг.

— Эй ты кукла—закричал он товарищу и пошел к нему, „ишь обнялись, окаянные, вставайте!“

Младенец вскочил.

— Тяни ее—командовал Чорт и потащил Нюру за ноги, Младенец подхватил за плечи и они положили труп на пол.

— Ну ее пусть дрыхнет, нажралась до обалдения—ршил Чорт и потянул приятеля к столу.

Они уселись и начали пить.

Чудовищно-дикая картина...

При слабом мерцающем свете лампы, сидят они пьяные и молча, лениво пьют.

Тихо, до жуткости тихо!

Кругом беспорядок, а из-под занавески, на полу, совсем в полумраке, как вывеска мирового, всерастворяющего разврата, торчит обнаженная половина Нюринаго тела, безжизненная, неподвижная...

Нагло! Открыто—цинично!

Из угла освещенные лампадой тихо и мирно смотреть куда-то в даль кроткие лики святых

лики всепрощающие, всемиротворяющие и гордые своей безконечной добротой и любовью.

Младенец уже храпел, облокотившись на стол, Чорт же еще крѣпился. Кое-как он встал со стула и хотѣл куда-то идти. Его сильно качало. Остановившись посреди комнаты, он приставил руку ко лбу, словно что-то соображая, и направился къ Нюрѣ.

— Вставай, дуручка, проснись, пойдем спать!—молил он. Въ отвѣтъ молчаніе.

Чорт хотѣл нагнуться, но потерял равновѣсіе и упавъ на Нюру обнялъ ее и сталъ цѣловать...

Силы покидали его болѣе и болѣе, голова безпомощно опустилась и онъ сладко заснулъ.

И опять ни звука.

Съ печи соскочилъ котъ, дугообразно потянулся, обвелъ глазами комнату и словно понимая все, жалѣя свою хозяйку, лѣниво и печально поплелся въ сѣни кончать свои сны.

Первый очнулся Младенецъ.

Посмотрѣлъ кругомъ мутными безсмысленными глазами и началъ будить товарища.

— Пойдемъ!—будетъ амурничать.

Пьяные и полусонные они вышли изъ дому. Уже свѣтало.

Свѣжій воздухъ ихъ чуть отрезвилъ.

Младенецъ покачивался, чортъ напѣвалъ что-то браваурное.

— Бррр! Холодно!

На углу встрѣтилась Манька.

Она возвращалась домой полупьяная, сонная и усталая.

— Ты куда?

— Извѣстно куда—домой.

— Развѣ?—промычалъ безсмысленно младенецъ.—Ммманька!—завопилъ онъ вслѣдъ. Въ отвѣтъ донеслось—пошли вы къ черту.

— Вернемся—рѣшилъ младенецъ и взялъ товарища подъ руку.

— Маня, обожди, слово сказать серьезное—закричалъ чортъ приставивъ ко рту руку въ видѣ трубки.

Манька остановилась.

— Ну скорѣй окайные, чего васъ разбираетъ—орутъ на всю улицу! Ну скорѣй же—тащатся какъ черепахи! Ну што такой, ну!

— Знаешь, Маня!.. Мы вотъ... Ну знаешь...—началъ чортъ.

— Ну-ну!—знаешь, знаешь, што такой.

— Погоди не перебивай!..

— Да ну васъ къ лѣшему.

Она хотѣла идти.

Чортъ схватилъ ее за рукавъ.

— Ну обожди голубушка, минутку—мы знаемъ къ тебѣ были пришли—тебя нѣтъ!—замокъ,—попали къ матери, знаешь,—она пьяна вдрызгъ такъ и не добудились, а теперь куда идти? Поздно! а намъ надо, ей-Богу надо, такъ мы къ тебѣ... а! можно?...

— Пошли вы къ дьяволу!—почти прошипѣла Манька и съ силой вырвавшись быстро пошла.

— Я устала какъ собака! спать хочу, а они еще лѣзутъ.

Младенецъ уже спалъ прислонясь къ забору.

— Эй ты забулдыга—будилъ его товарищъ—домой пора!

— Р-р-развѣ?

— Развѣ! развѣ!—заладилъ какъ дуракъ; пьяница—на улицѣ дрыхнуть! пойдемъ штоль!

— Да въ самомъ дѣлѣ надо идти!—какъ-то сразу встряхнулся младенецъ и пошелъ рядомъ съ пріятелемъ, стараясь превозмочь сонъ и опьяненіе, но вскорѣ же зашатался опять.

— Не пустила таки, проклятая!—все еще до-скадывалъ чортъ.

Младенецъ не отвѣчалъ.

На углу они разстались.

Было уже свѣтло—пробило пять.

Ночь, поглотившая Нюру, кончилась и утро, веселое и радостное, играя лучами восходящаго солнца, будило ничтожныхъ людей, неся имъ миражи ихъ всѣдневныхъ радостей и мукъ, манило ихъ къ жизни и сулило имъ смерть.

Маркъ.

КРУГОМЪ БЫЛЪ СНѢГЪ...

Медленно подвигался скорый поѣздъ по занесеннымъ снѣгомъ рельсамъ, но грохота колесъ я почти не слышала, какъ и не слышала стука ножей и вилокъ за столами вагонъ ресторана... Я уже давно окончила завтракать, но не уходила—въ широкія окна врывался слѣпящій бѣлый цвѣтъ снѣжныхъ полей; порою, когда по обѣимъ сторонамъ поѣзда возвышались бѣлые овраги—казалось, что не выйти отсюда, что здѣсь все кончится, настанетъ успокоеніе жизни; а когда поѣздъ выходилъ въ открытое поле становилось чудесно хорошо и тихо на душѣ... Странное, неизвѣданное ощущеніе остроты наслажденія покоемъ: всѣ мои мысли, и плохія и радостныя, куда-то ушли и я осталась съ новыми, чужими, но невыразимо близкими мнѣ сейчасъ. Я читала, угадывала ихъ въ необъятной книгѣ, на бѣлыхъ, еще никѣмъ нетронутыхъ страницахъ.

Хотѣлось смотрѣть въ оба окна—будто боялась пропустить что-то важное съ другой стороны. И, украдкой, оторвавъ глаза отъ раскрытаго передо мной томика Теофила Готье, я бросала пытливый взглядъ въ лѣвое окно и всякій разъ встрѣчала улыбающіяся лица моихъ vis-à-vis, двухъ лицестовъ, развязно пившихъ коньякъ и старавшихся привлечь мое вниманіе.

Приличія заставляли меня снова брать книгу въ руки и прерывали мое небытіе.

Но вотъ что-то прервало мой покой, я подняла голову и невольно посмотрѣла въ противоположный конецъ вагона: въ углу, у двери сидѣлъ, незамѣченный еще мною, человѣкъ рыжій съ тревожными глазами на изможденномъ, блѣдномъ лицѣ. Онъ упорно, не то угрожающе, не то умоляюще смотрѣлъ на меня; тяжелый взглядъ его заставилъ меня опустить глаза. Ненадолго, впрочемъ. Я стала ежесекундно поднимать голову и, испуганная, старалась смотрѣть въ окно; хотѣла подняться и уйти къ себѣ въ купѣ...

И не могла: необъяснимый страхъ приковалъ меня къ стулу, а какой-то голосъ, чуть слышно, говорилъ:

Если ты встанешь, онъ бросится на тебя—и убьетъ, потому что это сумасшедшій, онъ бѣжалъ изъ лечебницы...

Стало жутко, а онъ все такъ же мучительно пристально смотрѣлъ на меня.

Вдругъ, неожиданно, рѣшительно всталъ и пошелъ прямо ко мнѣ. Я похолодѣла, задрожали колѣни, не закричала только потому что

голоса не стало, а онъ уже почти поравнялся съ моимъ столомъ.

Я покраснѣла до слезъ, безпомощно взглянула на лицестовъ, отвѣтившихъ мнѣ самодовольной улыбкой: „наконецъ-то, не выдержала“—подумали юнцы.

Мой мучитель преспокойно усѣлся въ углу на одной линіи со мной, у книжнаго шкафа и обернулся всѣмъ туловищемъ ко мнѣ, принудившей себя снова читать книжку.

Было томительно-страшно и стыдно: казалось, что всѣ видятъ какъ я боюсь и думаю, что онъ просто хочетъ познакомиться и никто не понимаетъ отчего у меня такое глупое лицо!

Будь что будетъ, рѣшила я, встану и уйду—вѣдь не успѣетъ же онъ убить меня при людяхъ?..

Я встала, одновременно поднялся и онъ:

— Мадемуазель,—обратился онъ ко мнѣ на ужасномъ французскомъ языкѣ,—простите, но я видѣлъ, что вы читаете французскую книгу, ждалъ пока вы кончите; я англичанинъ меня никто не понимаетъ, первый разъ въ Россіи; будьте такъ добры спросить лакея нѣтъ-ли въ этомъ шкафу англійской или нѣмецкой книги? Мнѣ такъ скучно.

И опять растерянно, жалко посмотрѣлъ...

Какая радость охватила меня—будто я дѣйствительно избѣжала смерти. Смущенная, послѣшнѣе отвѣтила я что-то англичанину, даже предложила ему свою книгу. Успокоенная пошла въ свой вагонъ.

Но зачѣмъ, зачѣмъ онъ помѣшалъ дочитать оставшіяся страницы бѣгущихъ мнѣ навстрѣчу бѣлыхъ невѣдомыхъ далей?

Т. Шенфельдъ.

ЗВѢЗДЫ.

Весенній мотивъ).

I.

Наглая, безпокойная ночь молодости! Синее до черноты небо горитъ яркими звѣздами; желанія страсти, какъ обѣтыя цѣпки,—и настоячивы, и упрямы—наглая, безпокойная ночь молодости!

Если мечта дерзала взлетать до рая,—то только въ сумракѣ этихъ ночей, когда высоко, высоко призывно трепещатъ звѣзды, а по землѣ низко бѣжитъ сонъ, точно вѣтеръ по зеркальной глади водъ:—и ласкается ихъ, и рябитъ...

Огни города надоедливы; тускло солнце среди расщелинъ каменныхъ громадъ, и нѣтъ весны на искусственно обнаженныхъ мостовыхъ улицъ.

А тамъ, въ сторонѣ отъ столичной сутолоки, такъ красиво пробужденіе природы; непорочно, разрыхляясь въ солнечной купели, таятъ снѣга, рокотливо-шумливо, какъ дѣтскій лепетъ, бѣгутъ ручьи вешнихъ водъ, и легкимъ пушкомъ зеленеетъ земля...

II.

Старый домъ заброшенной усадьбы, давно убаюканный воспоминаніями, дремотно глядѣлъ въ садъ, и деревья еще оголенными сучьями съ любопытствомъ тянулись къ освободившимся отъ ставней окнамъ его.

Назарычъ, будто разучившись ходить, шагаль по сугробамъ уже почернѣвшаго снѣга и, размахивая длинными руками, силась сбросить съ

плечъ подступавшую старость, торопливо всѣмъ тѣломъ напрягался къ полуразрушившемуся сараю.

Сѣрая облака спѣшно клубились по небу, и солнце не мѣшало его думамъ.

Барина онъ хотѣ и не зналъ, но все таки не-ожиданнаго пріѣзда его—почему-то нисколько не боялся:—въ возкѣ и барыня ѣзжала, а на что ужъ строгая была!..

Пока-что, его одно лишь озабочивало: съ-умѣетъ-ли Макариха убрать домъ, и куда запро-пастилась дѣвчонка—его дочь—коли теперь такъ нужны бабы.

— Куда?...

III.

Ворота сарая со скрипомъ, длительнымъ что-то тоска, нехотя поддались и открылись, дхнувшись въ носъ Назарыча сыростью забытаго давно помѣщенія.

Тарантасъ, широкій и нескладный, отдыхалъ отъ перенесенныхъ трудовъ, покрываясь пылью, плѣсенью.

Почесавъ поясницу, лѣниво зѣвнувъ, Назарычъ постучалъ по обитому кожей крылу его и, сокрушительно вздохнувъ, проговорилъ:

— Извѣстно, что ему сдѣлается: его и нарочно не сдвинуть!.. Какъ только поѣдемъ, коли всѣ кони подрыхлѣли, а дороги, почитай, нѣтъ никакой.

Онъ обошелъ его со всѣхъ сторонъ, подлѣзъ подъ кузовъ, подергалъ за ось и, блаженно улыбаясь, не удержалъ сладостной мысли:

— А ужъ, перво-на-перво, барину про Макариху доложу. Потому, если ты оставлена при домѣ, къ примѣру—по хозяйству, то не дѣло съ парнями карусель водить... Прямая статья,—намъ вмѣстѣ караулить домъ и все иное прочее, а она меня кажинную ночь гонитъ вонъ, и все старымъ бѣсомъ обзываетъ!..

IV.

Назарычъ провелъ ладонью по-усамъ, поддѣлъ носъ, отплюнулся и, озлобясь, продолжалъ разсуждать:

— Грязная рябая, старая дура... Меня отъ однихъ мыслей мутитъ, а не то, что—что!.. Все расскажу, все: и какъ парней хозяйскимъ добромъ приманиваетъ, и какъ лѣтось тяжелой ходила—все!

— Бѣсъ, а, старый бѣсъ—гдѣ ты?—вдругъ донеслось до него.

Онъ испуганно смолкнулъ и притаился за тарантасомъ. Красный отблескъ заката, холодный и острый, раздвинувъ щели сарая, отразился въ его слезившихся глазахъ; лицо дрогнуло хитрой улыбкой, и углы рта, оскалившись гнилыми коренниками, язвительно приподняли сѣдьющій усъ.

— Чего-жъ ты, старый бѣсъ не отзываешься?—еще ближе повторился окликъ и властно добавилъ:—*наай!*

— Ишь, чортъ, на свою голову гонишь,—процѣдилъ Назарычъ, и кряхтя навалился на колесо, раскачивая его.

V.

Дорога еще не совсѣмъ расползлась: и колени и края ея держали снѣгъ; къ вечеру подморозило, на зеленѣлыхъ лужайкахъ заиграло мерцанье звѣздъ. Поля чернѣли прогалинами, пере-

нившими въ осеннюю непогоду стогами сѣна, толпившимися будто отъ недавней стужи кустами—и только небо однообразно-таинственно освѣщало землю.

Раскидываясь, досадливо фыркая, пара разномастныхъ, разнорослыхъ лошадей недружно тянули лямки тарантаса. Неотвязчиво визжали потревоженные рессоры, непрерывно, точно при чтанье усердной плакальщицы, гремѣли на хомутахъ бубенцы.

Невѣрову сквозь сонъ начинало казаться ненужной, дикой его прихоть—хоть разъ встрѣтить весну въ деревнѣ, въ перешедшей къ нему по наслѣдству отъ воспитавшей его тетки усадьбѣ. Онъ,—не открывая глазъ, ежась отъ холода, сучая по городскому шуму,—по своему представлялъ себѣ уютный старый домъ и готовъ былъ съ полдороги возвратиться обратно.

— Странная прихоть!—мысленно не разъ повторялъ Невѣровъ.

Тарантасъ накренился, грузно подпрыгивалъ на ухабахъ—и неудовольство, скука дороги больше раздражали, злили его.

VI.

Свѣсившись на бокъ, Назарычъ развязно повернулся къ барину и, выронивъ веревочный возжи, неумолчно шипѣлъ. Малооблачная, звѣздная ночь озаряла его землянистое лицо, маленькіе лукавые глаза и рѣденькую, цвѣта мочалы съ соломой, бородачку. Онъ настолько увлекся разговоромъ, что совершенно забылъ свое назначеніе:—и не чмокалъ и не понукалъ уснувшихъ на ходу коней.

— У насъ не токмо что какой скотинки, а и курей нѣтъ... въ Свѣтло Христово воскресеніе яицъ въ домѣ не было! А вѣдь земли не десятина какая—земля есть. Если-бы какъ слѣдовать—все-бы должно быть, все! Хороводится на старости лѣтъ баба—ну, дѣло въ руки и ней, деть. Сорокъ лѣтъ вить, теперь Макарихъ-то а прошлый годъ тяжелой ходила:—это дѣвка-то! Извѣстно, дарма парни къ ней не пойдутъ—а-у, братъ! Безпремѣнно таскаетъ изъ дома,—ужъ *безпремѣнно!*...—протянулъ Назарычъ, и, вспомнивъ про лошадей, засуетился съ возжами.—Теперечко скоро,—занимая прежнее положеніе, пояснилъ онъ.—Тутъ вотъ рѣка будетъ, такъ мостъ то не того—разхлябистый; ну, да, Богъ дастъ, переберемся!—И опять шепоткомъ, не взирая на доносившійся изъ угла тарантаса храпъ, прибавилъ:—Ты, баринъ, за нее возьмись... Я говорю: за Макариху-то возьмись какъ слѣдовать, облевижу ты ее! Въ чуланы загляни, послѣ старой барыни тамъ добра страсть было... Или вотъ къ примѣру тебѣ скажемъ: въ домѣ струментина стоялъ, ткнешь въ него перстомъ—онъ и взыграетъ; а намердись, когда подъ тебя порядку наводили, какъ его тормозили—ни единого звука. Я и полагаю, всю труху хитрая баба выволокла: стоитъ, молъ, и стоитъ,—а что въ емъ—кто жъ его знаетъ!

VII.

Когда отогрѣвшись въ хорошо натопленномъ домѣ, наскоро разобравшись въ дорожныхъ корзинахъ, Невѣровъ посмотрѣлъ на часы, то стрѣлки ихъ къ его удивленію показывали всего десятый часъ. Потерявъ въ незнакомой обстановкѣ точное понятіе о времени, онъ растерянно оглянулся,

не зная, что дѣлать съ собой: въ городѣ этотъ часъ обычно былъ лишь началомъ развлеченій,—а тутъ?—и, укоривъ себя за не умѣстную сонливость въ дорогѣ, подошелъ къ окну, точно у себя на городской квартирѣ.

Внизу, сплетаясь длинными стеблями, качался прошлогодній плащъ, и лишь кой-гдѣ бѣлѣлъ снѣгъ; наверху, между густыхъ деревьевъ, искрились звѣзды, и мечтательно, игрой топаза, переливались онѣ.

Осторожно шевельнулась ручка двери, шумливо всколыхнулись половицы.

Макариха вошла, вопросительно поглядѣла на спину Невѣрова и крадучись стала оправлять постель.

— Готово, можете почивать,—какъ-бы про себя наконецъ произнесла она.

Въ тонѣ ея словъ слышалась почтительность, но не было раболопности:—такъ умѣетъ говорить женщина „нѣтъ“, когда мракъ ночи скрываетъ ея стыдливость.

Невѣровъ повернулъ голову. Пламя оплывшей свѣчи, вспыхивая, колебалось, и въ полумракѣ оголенные выше локтей руки Макарихи вдругъ призывно блеснули.

Какъ волна нахлынули желанія, и не потухая померкли далекія звѣзды...

— Готово,—выжидательно повторила Макариха, откидывая одѣяло.

— Я затушу,—сказалъ Невѣровъ, и черезъ ея плечо дунулъ на свѣчу.

Наглая, безразсудная ночь молодости! Сотканная изъ неотступныхъ желаній, изъ непоправимыхъ порывовъ, изъ глухихъ раскаяній—наглая, безразсудная ночь!

VIII.

Погода переѣнилась. Порывы вѣтра хлопали ставнями, въ стекла оконъ билъ дождь, и вмѣстѣ съ нимъ мокрые хлопья снѣга порошили ихъ. Тучи облегли все небо, и комната едва-едва освѣщалась пасмурнымъ утренникомъ.

Подперевъ ладонью щеку, стояла Макариха у изголовья кровати. Невѣровъ и не спалъ, и не пробуждался; дремотно курилъ онъ папиросу, лѣниво выпуская клубы дыма.

— Ты, баринъ, не слушай больно стараго бѣса, Назарыча. Онъ тутъ все ко мнѣ пристаивалъ, охальникъ этакій. Все въ домъ наводитъ ночевать притти. А какъ я его пушу, когда онъ воръ первостепенный: по веснѣ съ балкона всѣ ручки потаскалъ. Я-то за домъ, что за свое... Да, вотъ, поживешь—увидишь... Только не жите тебѣ здѣсь: кормиться не чѣмъ, деревня голодная, скотинѣ и той жевать нечего... Я-жъ ничего не держу, не припасла: ужъ больно ты приткій,—ласково пояснила Макариха,—сегодня письмо, а завтра и коней подавай!—и не утерпѣвъ, она провела рукой по головѣ Невѣрова.

Онъ открылъ глаза и остановилъ ихъ на лицѣ Макарихи. Въ тѣни надвинутого низко къ бровямъ платка онъ разглядѣлъ морщинистыя, изборужденныя оспой щеки, узкій лобъ съ прилизанными прядями волосъ, провалившійся носъ съ темными по бокамъ ямами глазницъ—и вспомнился ему звѣзды послѣдней ночи.

Вздрагивая отъ омерзения, отъ охватившей его жути, онъ опять закрылъ глаза и такъ, не раскрывая ихъ, робко-просительно проговорилъ:

— Пожалуйста, нельзя-ли найти Назарыча и

позвать его ко мнѣ... Пожалуйста, сейчасъ, поскорѣй...—цѣдилъ онъ сквозь зубы.

Папироса давно погасла, но онъ и не подумалъ ее раскурить: все время, одѣваясь даже въ пальто, продержалъ онъ ее въ зубахъ.

IX.

Въ конюшнѣ было темно и навозно. Назарычъ, разставивъ руки, ушупалъ кругъ лошади и, поймавъ взметнувшійся хвостъ, потащилъ ее на дворъ, награждая ударами кулака.

Онъ былъ золъ; внутри его вулканомъ бушевалъ протестъ; на губахъ—тонкихъ, безцвѣтныхъ—пѣнилась злоба.

— Стоило призвать, чтобы, значить, только переночевать... Баринъ тоже! Далось добро, а править не умѣетъ: Макарихъ довѣрился!...

Голодная лошадь, уставшая отъ непривычной работы, упиралась слабыми ногами, виновато мигала потускнѣвшими глазами и вертѣлась на одномъ мѣстѣ.

— Ты-то чего, шалый!—вскинулся на нее Назарычъ, и далъ пинокъ въ тощій животъ ея.—Баринъ!... Много ихъ, этихъ баръ-то: самъ, вотъ, поѣдетъ въ крытомъ возкѣ, а мнѣ-то каково въ. этакую непогоду?... Переночевалъ—и поѣхалъ!.. Эхъ, баринъ!—сокрушительно закончилъ онъ.

X.

Среди объявленій одной изъ газетъ вскорѣ красовалось между прочимъ и слѣдующее: „Спѣшно продается въ прекрасной, поэтической мѣстности хорошее имѣніе. Съ запросами просятъ обращаться письменно, X почт. отл. довѣренному г. Невѣрова“...

Сергѣй Поздній.

ВСТРѢЧНОЕ...

Часъ тому назадъ я сошелъ съ парохода, а въ три часа ночи мнѣ нужно на поѣздъ, и чтобы убить какъ-нибудь время я шляюсь по безпорядочнымъ улицамъ города Б. и настойчиво потягиваю на мотивъ изъ «Демона»:

— Проклятый городъ, презрѣнный городъ...

Дѣйствительно, проклятый городъ. Противный, отвратительный. Никогда не забуду того впечатлѣнія чего-то липкаго, мерзкаго, которое онъ оставилъ во мнѣ. Тутъ и улицы кривыя, безобразныя, и мостовыя ухабицы, испещренныя ямами, и дома грязные, смѣшно и извозчики всегда пьяные и галдятъ они, словно на пожарѣ.

Вообще, есть въ этомъ городѣ что-то такое, что раздражаетъ меня, издѣвается надъ моимъ терпѣніемъ.

Я ужасно усталъ, но еще не скоро улыбнется мнѣ отдыхъ. Черезъ пять часовъ только прибываетъ мой поѣздъ, и до тѣхъ поръ мнѣ придется все шляться по этимъ пыльнымъ улицамъ,

Проклятый городъ, презрѣнный городъ...

Отчего я такъ усталъ? Не отъ бессонной-же ночи, проведенной мною на пароходѣ: развѣ мало такихъ бессонныхъ ночей въ моей жизни? Отъ близости красивой госпожи Н.?

Гм! Госпожа Н., дѣйствительно, поразительно красива.

Десять часовъ я ѣхалъ съ ней вмѣстѣ на пароходѣ, и все время не отходилъ отъ нея. Я игралъ съ нею въ карты, укладывалъ ея вещи

возился съ носильщиками, и все это доставляло мнѣ неописуемое удовольствіе.

Боже мой, какая она красивая! Изумительная красота! Когда я ее въ первый разъ увидѣлъ, я даже чуть не крикнулъ отъ удивленія.

Теперь я пробую вызвать ее въ своей памяти, но это мнѣ не удастся. Я чувствую трепетъ въ груди, осязаніе чего-то красиваго пріятнаго, волнующаго, но представить ее себѣ такой, какой я ее видѣлъ на пароходѣ, ни за что не могу. И это меня бѣситъ.

Странно, я ея волосы, густые, тяжелые, помню ея прическу, высокую, модную, помню ея носъ, не большой и удивительно правильный, помню ея губы, особенно нижнюю, немножко черезчуръ толстоватую и чуть-чуть оттопыренную, помню ея руки, ея голосъ, улыбку, помню ея платье, песочнаго цвѣта, шелковое, шумящее, помню даже запахъ ея духовъ, легкихъ и мягко-дурманныхъ, но вся она, живая, тѣлесная величественная, вотъ такая, какая она поразила мое воображеніе, ускользываетъ изъ моей памяти. Теряются знакомыя черты, заслоняются туманными линіями и, словно табачный дымъ, исчезаютъ въ пустотѣ. Это, право, ужасно! Хоть кого вывести изъ себя.

И глаза ея я помню. Станные они какіе то. Даже не совсѣмъ черные. Неподвижные, задумчивые, влажно-томные. Но стоитъ ей чѣмъ-нибудь воодушевиться, какъ они странно расширяются, и словно прорвавъ незримую пленку, появляется въ нихъ огонекъ, жгучій, дерзкій, чуть-чуть издѣвательный. И воспоминаніе о немъ раздражаетъ теперь меня, волнуетъ.

— Проклятый городъ, презрѣнный городъ... Нѣтъ, она тутъ не при чемъ. Это городъ все виновать. Такой невыносимый, надоѣдливый.

Нѣтъ тутъ ни одного приличнаго ресторана. На что это похоже?

Приходится зайти въ какую-то грязную кондитерскую „Жозефъ“.

Все, все сегодня противъ меня.

Я всегда люблю пирожныя „микадо“, а здѣсь мнѣ подали какія-то грязныя, черствыя крошки. Нѣтъ, я этого ѣсть не буду.

И какое это кофе? Внизу осадокъ отъ цигорія.

Канальи!

— Кельнеръ, скажите, тутъ не было одной красивой очень, красивой дамы?

Госпожа Н. не могла тутъ быть, я это знаю, и все-таки спрашиваю.

Но онъ смѣется:

Конечно, была. Угу! У насъ много красивыхъ дамъ бываетъ

И противно причмокиваетъ губами.

Народу въ кондитерской много—гимназисты да гимназистки. Опущенные, исхудалые, смѣшные. И видъ у нихъ, словно они только что отвѣтили удачно на экзаменъ по латыни, такъ рѣзко выступаютъ изъ-подъ видимой прибитости самодовольство и надменность.

Всѣ они галдятъ, мечутся, смѣются громко и вульгарно. Скалятъ большіе, нечищенные зубы и перемигиваются лукаво, кокетливо. И когда я смотрю на этихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ модныя, совершенно неидущія имъ узкія юбки и старающихся придать своимъ лицамъ такое выраженіе, какое бываетъ у горничныхъ когда онѣ произносятъ слово „мерси“, въ мозгу моемъ

снова выплывает сознание невидимой и волнующей близости госпожи Н.

Какая она красивая! Как изящно одевается!

Шляпа у нея эффектная, модная с длинным, развѣвающимся, розовым страусовым пером, и под широким манто смутно волнуются очертания круглых бедер.

И снова я не знаю, что меня так раздражает, отчего, словно запертая птичка, бьется въ моей груди хитрая злоба.

За стѣной играют на биллиардѣ. Играют неумѣло, топорно. Развѣ такимъ долженъ быть ударъ? Ударъ на биллиардѣ долженъ быть глухимъ, моментальнымъ, а они брызгаютъ по шарамъ, словно въ хлопучку играютъ.

Здѣсь есть и одинъ мой знакомый: молодой еврей изъ Саратова. Онъ очень бѣденъ, но носитъ громкую фамилію Ротшильдъ. Ни одинъ саратовскій губернаторъ не можетъ почему-то ужиться съ нимъ, и стараются выслать его по дальше отъ себя. Въ настоящее время онъ находится въ городѣ Б. подъ надзоромъ полиціи. Такъ отдѣлался отъ него послѣдній саратовскій губернаторъ.

Господинъ Ротшильдъ очень любитъ рассказывать про свои мытарства, и рассказываетъ онъ это не со злобой, а съ нѣкоторымъ добродушіемъ, за которымъ весьма плохо скрывается довольство собой.

Теперь мы ходимъ по улицамъ втроемъ: я, Ротшильдъ и одна его знакомая, низенькая, некрасивая дѣвушка, которая въ разговорѣ сильно шепелявитъ. Она, можетъ быть, думаетъ, что ей это къ лицу.

Ночью тутъ фонари не горятъ, и на улицахъ ужасная темнота. Рядомъ всѣмъ троимъ намъ по этимъ узкимъ тротурамъ не возможно ходить, и я плетусь сзади, весь занятый мыслями о красотѣ наступившей ночи.

Ночь была чудная, майская, темная, претемная. Она вся трепетала, выдыхая изъ себя мягкую нѣгу, и легкой, убаюкивающей пеленой окутывала меня. А наверху, совсѣмъ низко надъ нашими головами опустилось небо, тоже темное, изсинне-темное, все унизанное сверкающими звѣздами. И казалось, что кто-то гигантской, невѣдомой машиной сгустилъ тьму наверху и въ ея липкую, густую массу пригоршнями рассыпалъ рѣдкіе, драгоценные камни.

Вотъ такое было небо!

Широкими глотками вдыхая свѣжесть вѣтерковъ, рѣзво разбѣгающихся кругомъ, словно гдѣ-то тутъ вблизи выталкиваемыхъ невидимыми громадными вентиляторами, я мечтательно всматриваюсь въ нависшее надъ моей головой густое майское небо и думаю:

— Будьте прокляты, люди! Въ камень вы превратили ваши чувства, и мысли ваши стали такими-же душными и грязными, какъ тѣ каменные клѣтки, въ которыя вы себя добровольно заключили. Какъ-бы я хотѣлъ хоть на одинъ мигъ забыть про свое существованіе, всѣмъ сердцемъ проникнуться уничтожающимъ всякія преграды благоговѣніемъ передъ величіемъ этой майской ночи. Хотѣю развѣ почувствовать въ своихъ жилахъ порывъ великаго, безграничнаго счастья. Но клокочетъ во мнѣ мелкая, трепетная ненависть и на куски разрываетъ мою грудь. Люди, будьте вы прокляты!

Съ какимъ наслажденіемъ я посылалъ гроз-

ныя проклятія людямъ, но откуда-то изнутри уже доносился ко мнѣ другой голосъ, хитрый, презрительный:

— Пошло, господинъ Шукинъ, очень пошло! Вы пережевываете старыя, истасканныя слова, и думаете, что въ вашемъ сердцѣ открылся родникъ могучаго вдохновенія. Но напрасно вы радуетесь. Объ этомъ уже раньше вашего писали десятки писателей. Вотъ впереди ходятъ Ротшильдъ со своей подругой и, пожалуй, съ такимъ-же паѳосомъ разсуждаютъ о томъ-же.

Но, слава Богу, они говорятъ о другомъ.

— Конечно, библиотечку необходимо поддерживать. Безъ посторонней помощи она не выдержитъ и рухнетъ. Вы можете себѣ представить какой ударъ это будетъ для всѣхъ насъ.

Что я думаю на этотъ счетъ? Конечно, господинъ Ротшильдъ правъ. Я ни въ коемъ случаѣ не смѣю съ нимъ спорить. Онъ всегда такъ умно и логично разсуждаетъ.

Нѣкоторое время мы ходимъ молча. Потомъ я спрашиваю:

— Какъ вамъ, господинъ Ротшильдъ, понравилась та дама, съ которой я сегодня съ парохода? Онъ смѣется:

— Я ее видѣлъ только мелькомъ. Мнѣ показалось, что у нея усы.

— Оселъ!—думаю я—Онъ не понимаетъ, что у всѣхъ брюнетокъ бываетъ на верхней губѣ мягкій, черный пушокъ. Это имъ очень идетъ.

Вслухъ я говорю:

— Ого, господинъ Ротшильдъ, какъ вы требовательны къ женской красотѣ. Вы должны быть, большой эстетъ.

Эти слова я стараюсь произнести съ ироніей. Мнѣ очень хочется, чтобы невзрачная, шепелявая знакомая Ротшильда приняла ихъ на свой счетъ.

Ротшильдъ вдругъ останавливается.

Нѣтъ: онъ не пойдетъ дальше проводить ее. Къ чему? Женщины вѣдь требуютъ эмансипаціи. Лиза къ тому считаетъ себя сознательной дѣвушкой, а тутъ сентиментальничаетъ, какъ пустая барышня.

Я улавливаю просящій, беспомощный взглядъ дѣвушки и настаиваю:

— Какъ это? Нельзя-же такъ поздно оставить дѣвушку одну. Къ тому и ночь такая темная, и улицы глухія.

Ротшильдъ уступаетъ.

Проводить приходится очень далеко. Какіе то закоулки пригородка. Я уже начинаю жалѣть, что уговорилъ Ротшильда пойти. Впрочемъ, все равно надо какъ-нибудь убить время до трехъ часовъ.

На прощаніе дѣвушка съ благодарностью жметъ мнѣ руку.

„Она, должно быть, очень любитъ его“—проносится въ моемъ мозгу.

Эта мысль меня смѣшитъ, и когда мы остаемся вдвоемъ, я не удерживаюсь и высказываю ее Ротшильду.

Но онъ съ серьезнымъ видомъ выслушиваетъ меня и заявляетъ:

— Да, я знаю: она меня давно любитъ. И я отвѣчаю ей взаимностью:

Я недоумѣваю:

— Какъ? Развѣ можно любить такую некрасивую дѣвушку? Она вѣдь такъ раздражаетъ своей шепелявостью.

Мысленно мнѣ хочется поставить рядомъ съ этой дѣвушкой госпожу Н., но мнѣ мѣшаетъ рѣчь Ротшильда!

— Правда; она некрасива тѣломъ, но за то она прекрасна душой. Слышите, у нея кристалически чистая душа. И я ее люблю чистой, непорочной любовью.

Я знаю, вамъ покажется смѣшнымъ. Вы ищите въ женщинѣ только глупую пошлую самку и до души ея вамъ дѣла нѣтъ.

Я недоумѣваю:

— Позвольте, г. Ротшильдъ. Только что, вотъ минуту тому назадъ вѣдь я васъ мысленно обзывать пошлакомъ. Кто-же изъ насъ обоихъ, наконецъ, пошелъ?

— Неужели я? Неужели преклоняться передъ чудеснѣйшимъ даромъ Божиимъ—женской красотой, это по вашему пошло? А если образъ женщины, совершенно вамъ чуждой, съ которой вы всего знакомы какихъ-нибудь часовъ, врѣзался въ вашъ мозгъ, словно остріе меча, и какъ свѣжія раны бороздитъ ваши мысли, превращая ихъ въ огонь—это по вашему пошло? Вы знаете, наконецъ, что госпожа Н. стоитъ въ моихъ глазахъ въ тысячу разъ выше всѣхъ вашихъ сознательныхъ барышень съ кристалическими душами, Ротшильдъ смѣется.

— Преклоненіе передъ женской красотой, святость плоти, какъ это было модно. Но это уже состарилось, г. Шукинъ. Паѳосъ, съ которымъ вы говорите присущъ герсямъ изъ романовъ. Слишкомъ много романтизма вы вычерпали изъ книгъ. Вашимъ словамъ мѣсто только въ романахъ Д'Анунціо.

Снова эти проклятыя книги. Всѣ мысли, каждое движеніе челоѣческой души онъ запечатлѣли на своихъ мертвыхъ, бездушныхъ страницахъ, и въ менекена, въ жалкую, комично держащую пародію на самого себя сталъ челоѣкъ.

Впрочемъ, уже поздно. Мнѣ пора ѣхать на вокзалъ.

Извозчикъ попадаетъ разговорчивый, любопытный.

Кто я? Зачѣмъ я пріѣхалъ? Не боленъ-ли я? (Такой, должно быть, теперь у меня ужасный видъ).

Какъ же мы медленно тащимся.

На вокзалъ я пріѣзжаю за часъ до отхода нашего поѣзда. Госпожи Н. еще нѣтъ.

Долго и нетерпѣливо жду. Какое-то темное предчувствіе давитъ меня. Потомъ меня вызываютъ къ телефону. Она передаетъ, что не можетъ сегодня поѣхать.

Ее задержали до завтра. Кстати, вѣдь я могу одинъ поѣхать. Она не будетъ въ претензіи.

Я такъ и зналъ. Проклятый городъ! Проклятый городъ!

Конечно, я могу поѣхать одинъ. Она мнѣ не нужна.

— Носильщикъ! Билетъ второго класса до Николаева.

Впрочемъ, подождите. Сколько стоитъ билетъ до ближайшей станціи? Да, до Краснаго Берега. 82 копѣйки? Хорошо! Купите билетъ до этой станціи. Дальше мнѣ не надо.

Нѣтъ, я никуда не поѣду. Останусь ждать до завтра. Дѣла? Къ черту всѣ дѣла. И въ Красный Берегъ не поѣду. Зачѣмъ? И билета не возьму. Не нуженъ онъ мнѣ. Зачѣмъ.

Носильщикъ, вы ошибаетесь. Это, навѣрное,

другой просилъ купить ему билетъ. Мнѣ никакого билета не надо. Слышите? Вы думаете, что мнѣ нужно куда-нибудь ѣхать? нѣтъ. У меня тутъ неотложныя дѣла. Я могу только завтра уѣхать отсюда. Не раньше. Носильщикъ, чего вы пристали ко мнѣ. Я жандарма сейчасъ позову.

Носильщикъ неудоѣвающій удаляется, и въ глазахъ его я читаю скрытую жалость ко мнѣ.

Зачѣмъ. Не нужно.

— Конечно, такъ поступаютъ герои изъ романовъ. Но все равно. Мнѣ ничуть не стыдно.

Потомъ приходитъ поѣздъ. Долго стоитъ. Пыхтитъ, свиститъ, зоветъ, сердится.

Потомъ онъ уходитъ.

Я прислоняюсь къ столу и засыпаю.

Когда я черезъ нѣкоторое время просыпаюсь я чувствую внутри себя такую пустоту, что жуть пробѣгаетъ по всему тѣлу.

Рой безсвязныхъ мыслей прыгаетъ въ головѣ. Потомъ только вспоминается она.

Б. Шукинъ.

ОНИ И ОНЪ.

Зоя Васильевна была бы серьезно обижена, если бы кто-нибудь ей сказалъ, что ни она на маркизу Помпадуръ, ни ея гостиная на салонъ XVIII вѣка—не похожи.

Въ сходствѣ этомъ она была убѣждена и дѣлала все, что по ея мнѣнію могло его усилить.

Комната, въ которой она принимала гостей—полу-будуаръ—полу-гостиная—была вся заставлена ширмочками, пуфиками, креслицами; на шаткихъ этажеркахъ—масса фарфоровыхъ бездѣлушекъ. Проходящій долженъ былъ дѣлать цыплячиіи шаги, что бы не споткнуться или не уронить чего-нибудь.

Вся эта „уютная тѣснота“ въ рамкѣ драпированнаго кретона цвѣта ivoire съ вѣточками изъ мелкихъ розъ создавала атмосферу, въ которой Зоя Васильевна, не рискуя еще пока рядиться въ фижмы и пудренный парикъ, находила возможность перевоплощаться въ изящную маркизу.

И пестрота общества, которое она собирала вокругъ себя, не только не мѣшала, а наоборотъ—помогала этому перевоплощенію, если принять во вниманіе слабое знакомство этой милой дамы съ ея знаменитымъ прототипомъ.

Больше всего въ „салонѣ“ бывало актеровъ—одни съ чисто выбритыми лицами и въ крахмальныхъ воротникахъ; другіе—съ синевой на щекахъ и на верхней губѣ, въ смятыхъ, подозрительнаго цвѣта сорочкахъ. „Поставленными“ голосами они читали чужіе стихи и рассказы.

Поэты и литераторы—большей или меньшей извѣстности, или со странными прическами—копной или гривой—читали нараспѣвъ свои стихи и рассказы.

Пѣвцы пѣли; музыканты играли.

Болѣе скромные посѣтителы Зои Васильевны, которые не смѣли считать себя одаренными натурами, ограничивались тѣмъ, что кричали „присимъ“ пока исполнитель ломался—и аплодировали потомъ.

Все это могло бы быть въ достаточной мѣрѣ скучнымъ.

Но такъ какъ ужины у Зои Васильевны всегда подавались обильный, много пили; такъ какъ, несмотря на то что среди гостей бродилъ кудря-

вый шестилѣтній Ника, сынъ Зои Васильевны,— о существованіи мужа никто не упоминалъ и всѣ свободно ухаживали за хозяйкой дома, ея сестрой Лелей и подругой Шурочкой, то часто бывало весело на *puits-fixes* Зои Васильевны.

— Безумно весело! говорила Лелечка, считая себя натурой вакхической.

На этотъ разъ было особенно шумно и все шло удачно.

Сначала послѣ долгихъ упрасиваній и увѣреній, что онъ охрипъ, что онъ не помнитъ наизусть, прочелъ никому непонятное стихотвореніе долговязый поэтъ, у котораго волосы, губы, рѣсницы, глаза—все было бѣлое.

Ему сдержанно аплодировали.

Вслѣдъ за нимъ безголосая пѣвица „подъ Плевицкую“ спѣла „Ухоръ Купецъ“. Аккомпанировалъ ей на гитарѣ юноша, выпуклые глаза котораго считались „страстными“ и который гордился тѣмъ, что онъ незаконный сынъ цыганки и графа Б.

Потомъ еще одинъ поэтъ читалъ стихи.

Потомъ небезызвѣстный комическій рассказчикъ смѣшилъ еврейскими анекдотами и имѣлъ крупный успѣхъ у присутствующихъ, особенно у самой Зои Васильевны.

Наконецъ—гвоздь вечера—самъ профессоръ Маркетти сѣлъ за рояль и сыгралъ длинную, трудную и очень скучную фугу Паха.

Сначала всѣ усиленно выражали на лицѣ вниманіе и тонкую музыкальность; минутъ черезъ пятнадцать позы стали болѣе непринужденными; черезъ двадцать шопотомъ стали переговариваться съ сосѣдями; многие вышли на цыпочкахъ въ переднюю покурить.

Тридцать пять минутъ томительной скуки получили наконецъ благополучное разрѣшеніе въ финальномъ аккордѣ.

Но не успѣлъ еще вырваться изъ груди облегченный вздохъ благодарныхъ слушателей, какъ вдругъ въ секундной тишинѣ колокольчикомъ прозвенѣлъ голосокъ маленькаго Ники:

— А я умѣю кувыряться!

И, не дожидаясь приглашенія, онъ легко и граціозно, съ неожиданной пластичностью въ маленькомъ тѣлцѣ перекувырнулся на коврѣ.

Сначала всѣ удивились. Потомъ заулыбались, громко заговорили, засмѣялись. Мальчика стали кто стыдить, кто тормошить и цѣловать.

Актеръ взялъ его на руки и понесъ въ столовую.

Аплодировали профессору Маркетти, благодарили его, извинялись за дѣтскую невоспитанность Ники, оправдывая его возрастомъ.

И никому въ голову не пришло, что въ „салонѣ XVIII вѣка“ впервые скромно вошла красота.

Лидія Лѣсная.

А. Любимовъ.

ГОСПОДА НАЧИНАЮЩІЕ.

(Голосъ изъ другого лагеря).

Мнѣ очень пріятно здѣсь на страницахъ вѣсней „Весны“, единственнаго журнала, который идетъ безъ генераловъ съ одними начинающими, сказать объ этихъ начинающихъ нѣсколько нехорошихъ и совсѣмъ недобрыхъ словъ. Здѣсь я надѣюсь, что каждая моя строка дойдетъ до ушей тѣхъ, кому это интересно.

I.

Сравнительно недавно у насъ еще была литература—съ горѣніемъ, кипѣніемъ, самолюбіями и со всѣмъ, что присуще искусству. Тогда были настоящіе начинающіе писатели—корпѣвшіе надъ каждой буквой, плакавшіе отъ счастья когда видѣли свое имя въ печати и доходившіе до отчаянія отъ безплодныхъ попытокъ пролѣзть въ книгу журнала или газетный столбецъ.

Стоило литературѣ нашей превратиться въ помойную яму, съ бурнымъ запахомъ гнили, какъ и начинающіе пошли совершенно особаго типа.

Совсѣмъ немного времени тому назадъ начинающій робко приходилъ въ редакцію и говорилъ:

— Напечатайте. Хотя даромъ, все равно... Вотъ я увижу свое имя въ печати—ужъ я начну работать... Ужъ начну...

Если ему возвращали рукопись—просилъ ободрить. И такіе люди, какъ Короленко, покойный П. Я. и другіе писали письма съ совѣтами, ободреніями, уговариваньями дѣлать то-то и то-то.

Теперешній начинающій идетъ въ редакцію

уже растлѣнный профессиональнымъ хамствомъ. Онъ заявляетъ откровенно и просто:

— Жрать, знаете, нечего. Уроковъ нѣтъ... Въ конторѣ мѣста не найдешь. Не помѣстите—хоть на улицѣ ночуй...

Не приняли у него рукопись, онъ считаетъ себя потерявшимъ четвертную. Идетъ промышлять въ другую редакцію.

На журналъ онъ смотритъ какъ на мелочную лавочку, гдѣ онъ можетъ подработать четвертную, а имя—это уже нѣчто въ родѣ бесплатнаго приложенія.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ мнѣ ежедневно приходится сталкиваться съ начинающими. И ничего кромѣ непріязни, открытой и твердой и этимъ людямъ, я не смогъ и врядъ ли смогу вынести..

II

Когда я былъ редакторомъ одного сенсационнаго еженедѣльника, обладавшаго можетъ быть и незаслуженно-громадной популярностью, мнѣ впервые не какъ журналисту, а какъ редактору пришлось встрѣтиться съ начинающими.

Я былъ полонъ самой радужной надежды приласкать хоть десятокъ начинающихъ и дать имъ возможность пробиться.

Я просто, по человѣчески прошу мнѣ ѣздить въ дальнѣйшемъ: здѣсь я не пишу юмористику, а хочу говорить то, что и у меня наболѣло...

Въ первые-же дни у меня были два начинающихъ. Одинъ студентъ нигилистическаго вида, съ помятой фуражкой и толстой рукописью.

— Здравствуйте—сказалъ онъ входя въ кабинетъ—я принесъ вамъ одну вещь. Только

навѣрно прогоните меня... Повѣрите—съ возмущеніемъ добавилъ онъ—изъ семи еженедѣльных журналовъ мнѣ возвращали ее... Вездѣ кумовство и генеральство...

— А что у васъ?

— Да драма...

— Большая?

— Нѣтъ. Когда я шелъ сюда такъ я высчиталъ. Она у васъ въ „Синемъ Журналь“ займетъ страницъ 60—70 не больше.

Я подчеркиваю эти слова для тѣхъ, кто хочетъ повѣрить въ мою искренность.

— Послушайте—немного возмущившись, отвѣчаю ему—вѣдь это значитъ заполнить ей всецѣло около пяти полныхъ номеровъ журнала. Куда-же дѣнемъ остальной матерьялъ?

— А вы оставьте его пока. У меня драма интересная. Я самъ лично номеровъ двѣсти куплю.

Думая, что этотъ человѣкъ просто издѣвается надо мной, я сказалъ, что не могу ничего сдѣлать. Тогда онъ подумалъ и спросилъ:

— А въ „Сатириконъ“ вы ее не можете передать?

Я посмотрѣлъ на него.

— А вы знаете, что за журналъ „Сатириконъ“? Читали его.

— Читалъ. Хорошій журналъ. Его публика любить. Весельчаки тамъ...

Молчаніе.

— Можетъ быть въ „Галченокъ“ (дѣтскій журналъ) можетъ пойти?

— У васъ драма, большая—неужели-же вы думаете, что ее можно напечатать въ юмористическомъ журналѣ или въ дѣтскомъ?..

— Да куда-же идти тогда?—почти закричалъ онъ—вездѣ генеральство... Ничинающему сунуться некуда...

III.

Другой начинающій принесъ мнѣ лирическіе стихи.

— Вы читаете журналъ?

— Читаю. Нравится.

— Хорошо. Видѣли-ли вы, чтобы за три года его существованія въ немъ хоть разъ было одно лирическое стихотвореніе.

— Нѣтъ... Только почему-же нельзя?..

Я беспомощно развелъ руками.

— А у меня и рассказъ одинъ есть. Можетъ прочтете?

— Давайте.

Рассказъ пробѣжалъ тутъ-же. Начинающій былъ такой робкій, конфузливый, смѣется такъ по-дѣтски честно.

Рассказъ оказался ничего.

— Почему только у васъ все имена и мѣсто дѣйствія иностранное?..

Начинающій мнется; оказывается, что просто надобно русскій быть. Причина уважительная.

Уходитъ. Черезъ два часа выясняется, что Рославлевъ не могъ мнѣ прислать рассказа. Подъ рукой ничего нѣтъ. Беру рассказъ начинающаго и посылаю въ наборъ.

Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ переводчиковъ просматриваетъ у меня на столѣ типографскія оттиски и ворчитъ.

— Вы что?

— Да это не того немного... У другихъ вы берете такіе переводы, а у меня нѣтъ...

— Какіе? Вы про что?

— Да вотъ.

Переводчикъ указываетъ на рассказъ начинающаго и приводитъ мнѣ названіе рассказа, подъ какимъ онъ былъ напечатанъ въ одной изъ книжекъ англійскаго „Стрэнда“. Больше того, оказывается, что рассказъ уже былъ напечатанъ въ переводѣ въ другомъ еженедѣльникѣ—кажется „Огонькѣ“ просматриваю—точная копія...

Таковы были мои первыя встрѣчи съ начинающими, когда я, въ ихъ пониманіи, былъ уже на сторонѣ редакціонныхъ университетовъ, а не на сторонѣ „талантливой молодежи“...

Конечно не всѣ начинающіе таковы, какъ эти двое, о которыхъ я сейчасъ говорилъ и нельзя говорить, что всѣ начинающіе или жулики или пьяницы, но увы во всѣхъ начинающихъ, которыхъ я встрѣчалъ какъ редакторъ разныхъ еженедѣльниковъ всегда можно было подвести подъ двѣ этихъ незавидныхъ категорій.

Или это были тупые люди слѣпо шедшіе къ литературѣ съ невообразимымъ хламомъ или-же просто жуликоватые молодые люди, лишившіеся внезапно интереснаго, или урочнаго заработка.

Должны быть, есть—и я твердо увѣренъ въ ихъ существованіе—и другіе настоящіе начинающіе писатели, къ которымъ нужно бѣжать, подымать ихъ, давать имъ дорогу: я такихъ пока не встрѣчалъ.

IV.

Когда въ редакцію приходитъ рукопись писателя съ именемъ, у васъ есть на просмотръ минимумъ три четыре дня.

Начинающій даетъ на просмотръ максимум—день. Онъ требуетъ, чтобы вы при немъ прочли его повѣсть, если вы приняли у него стихи—онъ замучаетъ васъ по телефону, своими приходами, своими ссылками на необходимость теплаго пальто и уплаты хозяйкѣ за комнату.

Если вы въ четвергъ приняли у начинающаго рукопись, а въ №, который выходитъ въ пятницу, она не попадаетъ—онъ будетъ сначала робко, а потомъ возмущенно негодовать на васъ и говорить о томъ, что вы его затираете. Попробуйте объяснить ему, что номеръ готовится за недѣлю раньше—онъ снова обидится и уйдетъ твердо увѣренный, что его обманываютъ...

V.

Часто держишь предъ собой рукопись начинающаго и думаешь:

— Вотъ сейчасъ я брошу ее въ корзину и можетъ быть тѣмъ самымъ принесу ему ужасное горе. А что будетъ, если я пушу эту слабую вещь? Быть можетъ я подпущу и литературѣ новую бездарность, новое сальное пятно на ней... Вѣдь вотъ начинающій возьметъ номеръ моего журнала, гдѣ будетъ напечатанъ его рассказъ, пойдетъ въ другую редакцію и будетъ показывать, что его печатаютъ и тамъ уже будутъ съ этимъ считаться... Его еще напечатаютъ—а тамъ пошло.—И пошло... Еще рассказъ, еще—и новая литературная колода наваливается на читателя.

Въ тѣ минуты, когда я бракую рукописи я чувствую себя часто палачемъ, но палачемъ не по приказанію. Редакція это не жолобъ, который

сплавляетъ мутную воду, а мѣсто испытанія: выдержалъ—иди съ Богомъ, бездарность—поступай въ контору. И даю честное слово, что лучше принести пять непріятностей, чѣмъ быть пособникомъ засоренія литературы...

VI.

Если къ начинающимъ безжалостны, то и они безжалостны къ намъ, читающимъ ихъ рукописи, невольнымъ цѣнителямъ ихъ творчества, можетъ быть и не всегда компетентнымъ.

Какимъ хламомъ насъ закидываютъ... Если-бы вы только побыли на мѣстѣ редактора, читающаго напролетъ всю ночь рукописи и не имѣющаго возможности изъ 60—70—80 взять хоть одну, хоть выправленную для печати...

Если рукописи будетъ читать человѣкъ самъ не пишущій—это скверно. Онъ никогда не пойметъ то, что называютъ проблесками таланта. Значитъ рукописи долженъ читать человѣкъ, который пишетъ и самъ—а представьте себѣ вы положеніе человѣка, который хочетъ писать

самъ и которому приходится забивать себѣ голову всякой завалью.

VII.

Я кончаю писать. Въ этой на-смѣхъ написанной замѣткѣ, я не сумѣлъ сказать и 1/10 того, что сказать бы по этому поводу хотѣлось.

Закончу я ее только однимъ обращеніемъ къ начинающимъ:

— Господа, вы хотите попасть въ литературу—подходите къ ней умѣло. Если вы несете въ какой-нибудь журналъ рассказъ, не пишите его такъ, чтобы онъ по размѣрамъ занималъ два номера, отдавая рукописи дайте человѣчскій срокъ, а главное ссылайтесь не на квартирную хозяйку, а на свое намѣреніе къ литературѣ: это достойнѣе. Ну а если вы несете въ медицинскій журналъ стихи въ прозѣ или въ ежедневную газету историческую драму—ради Бога пеняйте не на тѣхъ, кого встрѣтите въ редакціи, а на самихъ себя...

Аркадій Буховъ.

ТЮРЕМНАЯ ИГРА

Безконечно тягучіе дни и вечера своих невольных досуговъ тюремные сидѣльцы посвящаютъ главнымъ образомъ книгѣ и тетради.

Читаютъ до одури. Все что есть. Даже назидательную духовно-нравственную литературу.

Пишутъ почти всѣ.

Даже еле грамотные.

Преимущественно стихи.

Если есть сосѣди, съ которыми можно состучаться,—стучать до тѣхъ поръ, пока уши не заболятъ.

Но вотъ чтеніе, писаніе и стучалка надоѣли,—голова устала, глазамъ больно, въ ушахъ шумъ, отъ сидѣнья спину ломить.

Начинаютъ выдумывать развлечения гимнастическаго и эквилибристическаго характера.

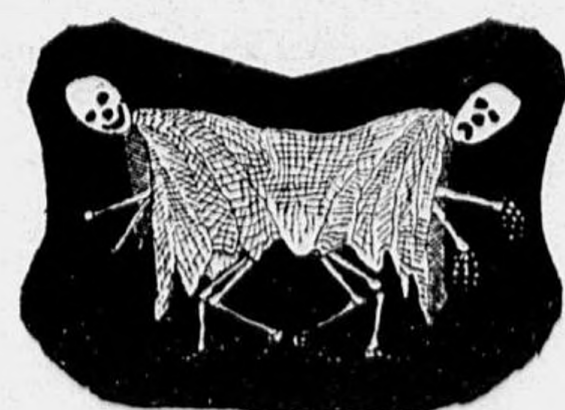
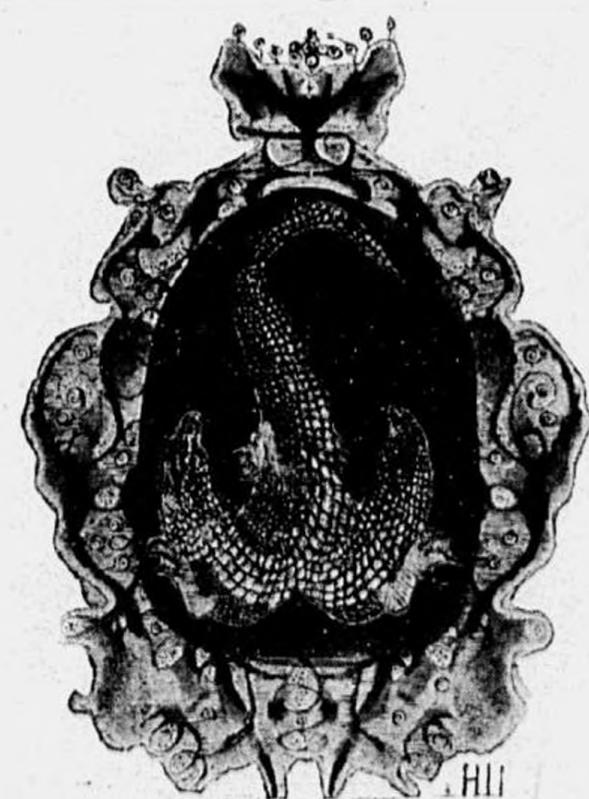
Многіе въ тюрьмѣ научились прекрасно жонглировать апельсинами.

Утомившись отъ тѣлесныхъ развлеченій переходятъ къ инымъ.

Въ ходу, на примѣръ, игра въ пятнашки,—вѣрнѣе въ пятнышки.

Вы берете восьмушку листа бумаги, капаете съ ручки чернилами, потомъ перегибаете листикъ вдвое. плотно прижимаете къ столу, пока пятна не распластятся, не расположатся симметрично вокругъ сгиба, затѣмъ разворачиваете листикъ и всматриваетесь въ то, что получилось.

Когда на святкахъ гадаютъ: льютъ олово, воскъ, или жгутъ бумагу и наблюдаютъ за прихотливой игрой контуровъ, воображеніе гадающаго подсказываетъ и осмысливаетъ капризные произведенія случая. Контуръ чернильныхъ пятенъ, послѣ того какъ вы разогнете листъ, поразятъ васъ свою прихотливостью и занятностью.

ВЪ ПЯТНАШКИ.

Воображеніе сейчасъ же начинаетъ оживлять безжизненные силуэты, находитъ въ нихъ рисунокъ, смыслъ и... судьбу.

Два три ударчика перомъ, чтобы помочь судьбѣ, и у васъ въ самомъ дѣлѣ появится занятный рисунокъ.

Воображеніе сидѣльцевъ настроено не весело и въ большинствѣ случаевъ въ симметріи чернильныхъ пятенъ имъ чудятся не веселые предметы.

Вотъ—могила.

Вотъ—демоны.

Вотъ—скелеты.

Вотъ—черепа.

Вотъ какія то допотопныя ихтиозавровидныя существа.

Впрочемъ иногда появляются неожиданно и картины ничего общаго съ тюремными темами не имѣющія.

Вотъ дѣтскій праздникъ.

Вотъ профили двухъ дамъ вокругъ сердца.

Вотъ... далай-лама или китайской божокъ...

Вотъ пляшущія обезьянки.

Вотъ король.

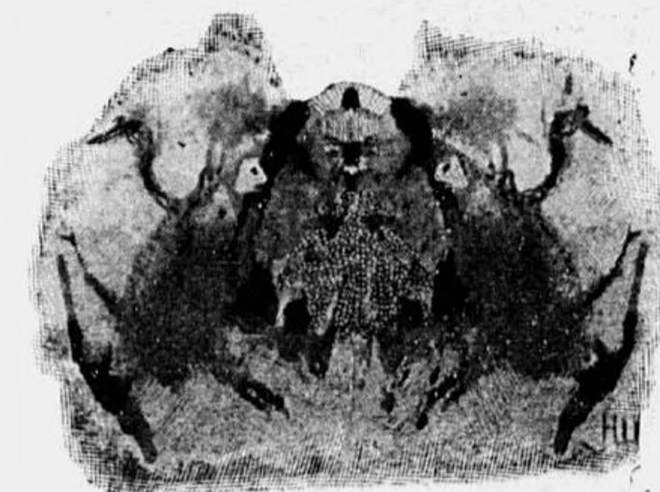
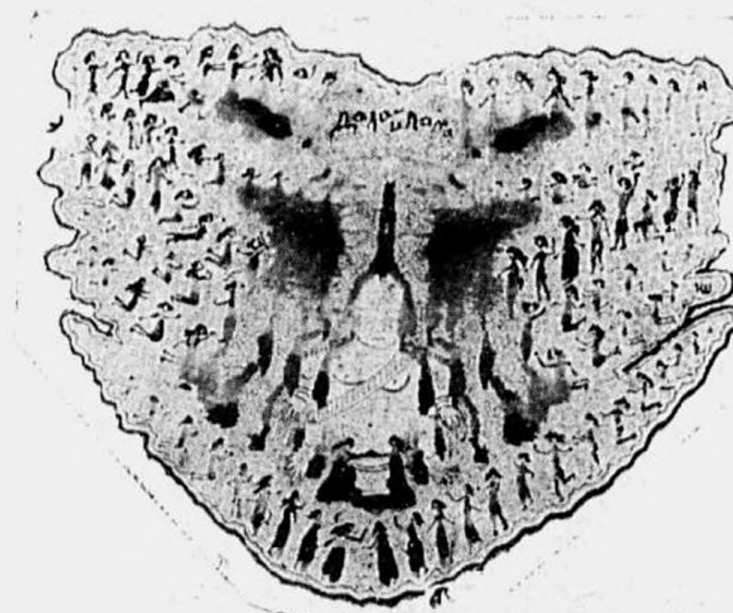
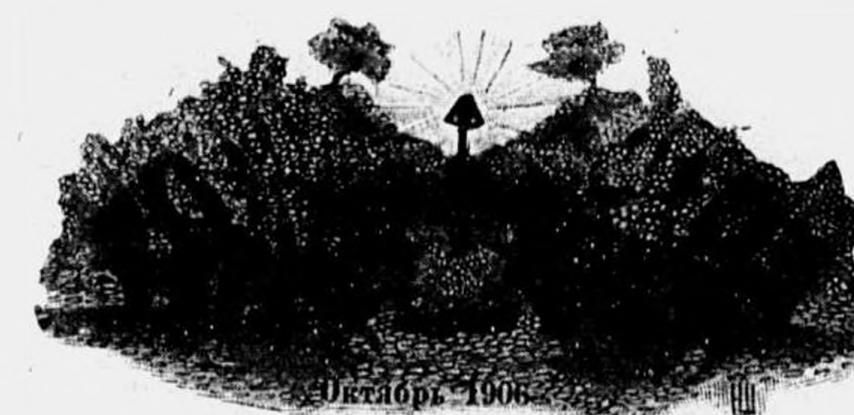
Вотъ веселый цирковой номеръ.

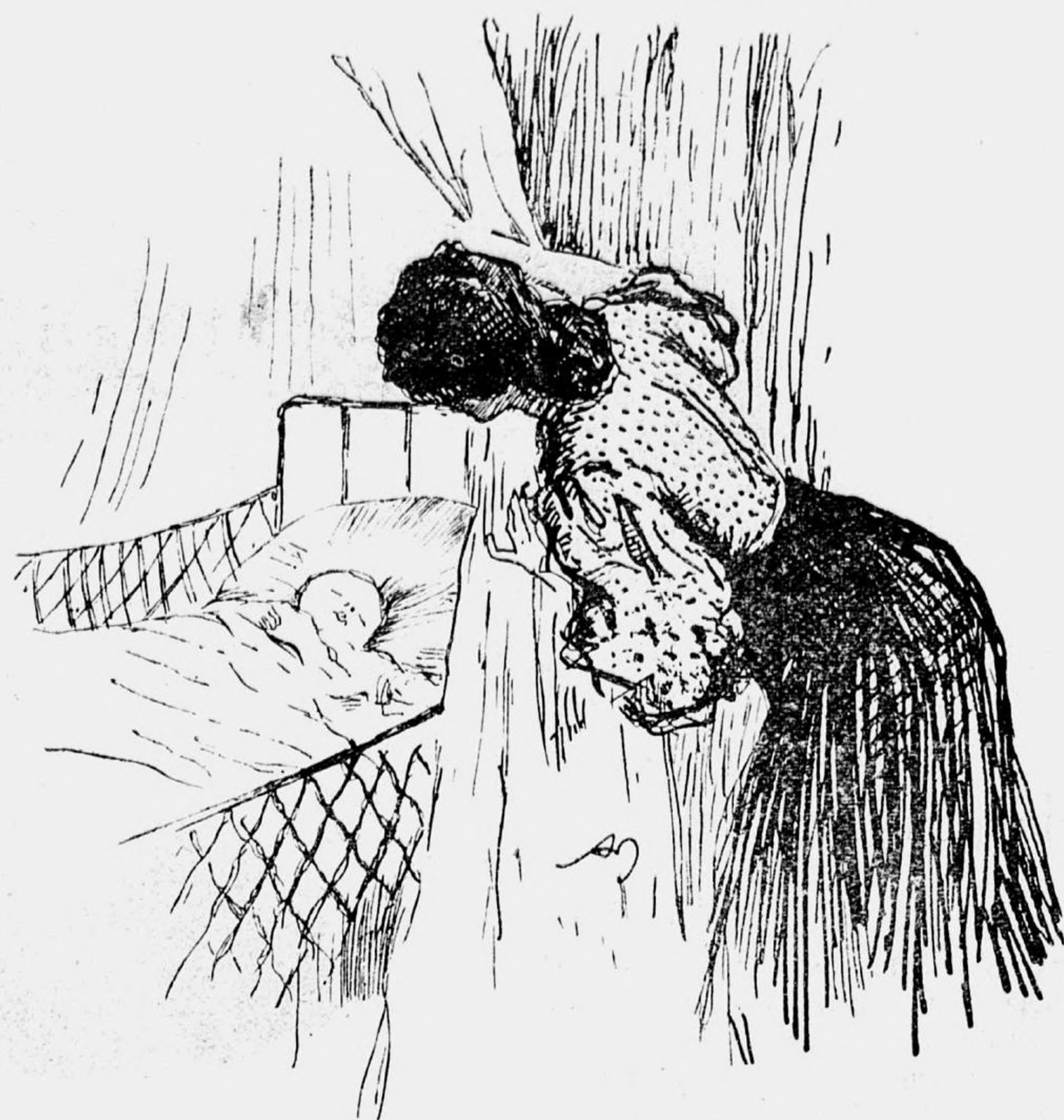
Въ моей коллекціи собранной въ тюрьмѣ много интересныхъ пятенъ.

Нѣкоторыя изъ пятенъ могли бы прекрасно служить въ качествѣ виньетокъ и заставокъ въ книгѣ.

Читатели, которыхъ заинтересуетъ эта игра, могутъ удачныя пятна присылать въ „Весну“ и лучшія изъ присланныхъ пятенъ будутъ напечатаны.

На конвертахъ просьба ставить надпись: „Конкурсъ пятенъ“.

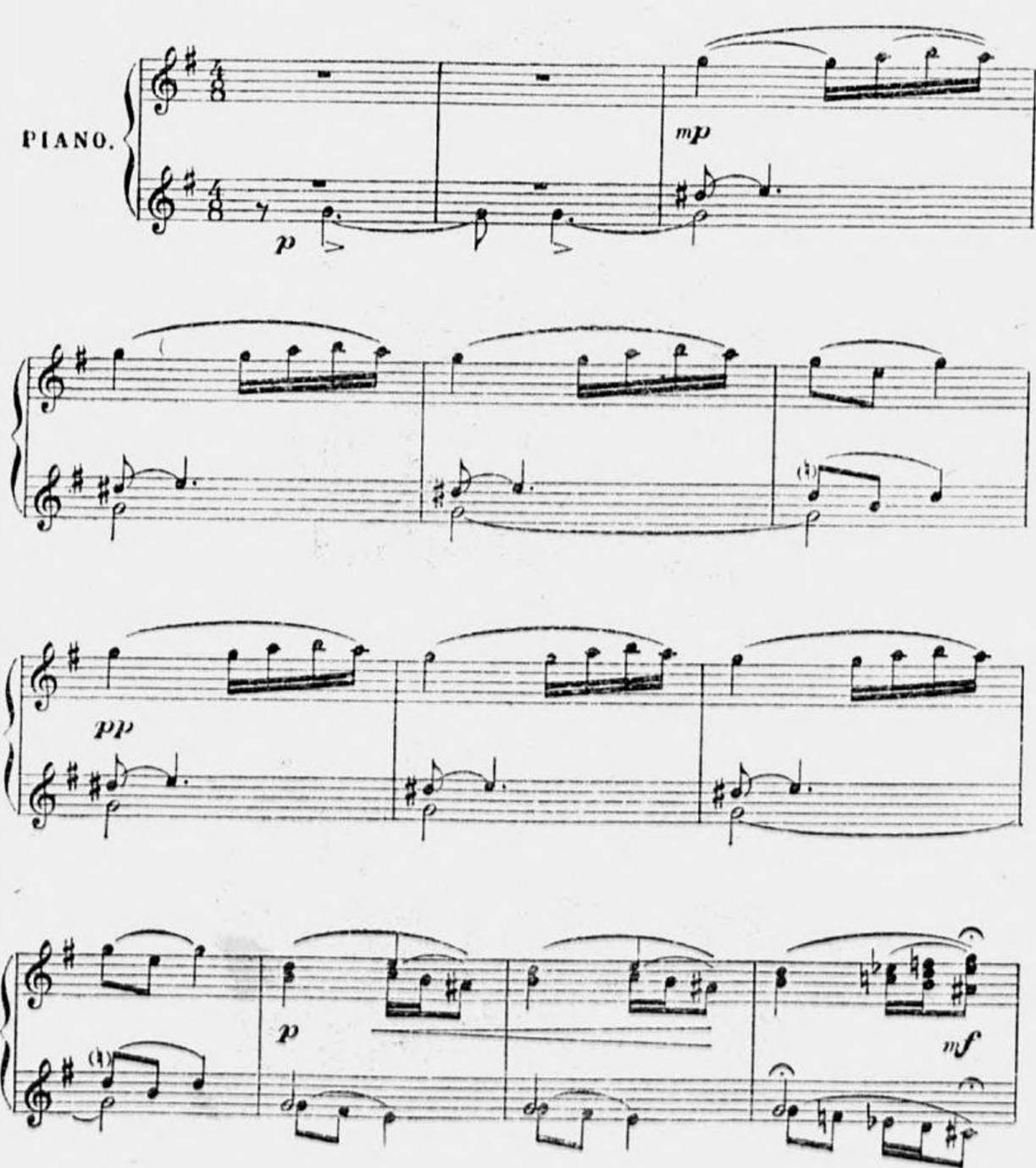

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА ЛЕО ГЕБЕНА

Посвящается ВИЛЛИ ФЕРРЕРО.

Andante.

ЦЫГАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Слова Н. Шебуева.

Муз. А. Б. Вилинского.

Walse Moderato

По цыг. лѣи мѣня, приго лѣвъ-пригѣвъ, не вѣди душой

Вѣрно ду шувѣдѣвъ: лишь коси въ слѣдѣ, лишь сколи въ сколи... лишь вѣрѣ, вѣрѣ, вѣрѣ,

лишь вѣрѣ, вѣрѣ, вѣрѣ... Ах, не на до дѣвъ - вѣ сѣтѣ, дѣу раи! Ни болѣ, ни вѣрѣ, ни вѣрѣ,

до киѣ раи... Вѣрѣ любви, вѣрѣ, вѣрѣ, вѣрѣ... Приго лѣвъ - пригѣвъ... Не - терѣи...

С. М. Д. 16-мѣ 1914г. А. Вилинскій

ПОЛЬКА НА СЕКУНДАХЪ.

G a j o.

Н. Н. Евреиновъ.

The first page of the musical score consists of eight systems of piano accompaniment. The key signature is one sharp (F#), and the time signature is 2/4. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings. The first system begins with a treble clef and a key signature of one sharp. The second system includes the dynamic marking *mf*. The third system includes the dynamic marking *p*. The fourth system includes the dynamic marking *f*. The fifth system includes the dynamic marking *f*. The sixth system includes the dynamic marking *f*. The seventh system includes the dynamic marking *f*. The eighth system includes the dynamic marking *f*.

The second page of the musical score consists of eight systems of piano accompaniment. The key signature is one sharp (F#), and the time signature is 2/4. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings. The first system includes the dynamic marking *accelerando*. The second system includes the dynamic marking *ritenuto*. The third system includes the dynamic marking *atempo*. The fourth system includes the dynamic marking *mol.*. The fifth system includes the dynamic marking *plumusso*. The sixth system includes the dynamic marking *f*. The seventh system includes the dynamic marking *f*. The eighth system includes the dynamic marking *f*.

ПРЕЛЮДІЯ.

Георгій ЛАМПСИ.

Мефистофель.

М. Врубель.

DISPUTANDUM EST...

О ГРАНИЦАХЪ МУЗЫКИ.

„Критикъ, который по нѣкоторымъ излюбленнымъ произведеніямъ желаетъ установить извѣстныя непоколебимыя правила композиціи, будетъ всегда въ антагонизмѣ съ художникомъ, пролагающимъ новые пути“.

Мопассанъ.

Наше время—время переоцѣнки всѣхъ цѣнъ.

ностей: моральныхъ, эстетическихъ, научныхъ... „Что вѣрно“—смерть одна!“

Но, брошенные, „безъ руля и безъ вѣтриль“ въ пространствѣ, мы тѣмъ съ болѣею жадностью ощущаемъ жгучую потребность разобраться въ окружающемъ насъ хаосѣ понятій...

Въ настоящей замѣткѣ, въ связи съ возгорѣв-

шимися въ печати и публикѣ спорами по поводу трактовки оперъ театромъ „Музыкальной Драммы“, въ связи съ новыми переводами Вагнеровскихъ оперъ В. Коломійцевымъ и возникшими вновь вопросами о „слияннн музыки съ словомъ“ и о „правдѣ“ въ музыкѣ, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о границахъ музыки и о такъ называемой „програмной“ музыкѣ.

Das ist eine alte Geschichte, die bleibt doch immer neu...

Вопросъ о томъ, что вообще *должна* и *можетъ* изображать музыка, вопросъ о ея *цѣли* и *границахъ*—до сихъ поръ не рѣшенъ.

Въ частности не существуетъ опредѣленнаго взгляда и на *програмную* музыку. Одни ее совсѣмъ отрицаютъ, другіе же предсказываютъ, что въ недалекомъ будущемъ возникнетъ музыкальный „воляпюкъ“, на которомъ можно будетъ обмѣниваться вполне опредѣленными мыслями.

Но пока ведутся безконечные теоретическіе споры, жизнь, какъ всегда, идетъ своею чередой и достаточно взглянуть на программы нашихъ симфоническихъ концертовъ, чтобы, подобно Галилею, топнуть ногой и воскликнуть „а все таки онъ существуетъ!“

Безжалостный Ганеликъ не признаетъ за музыкой способности изображать *даже чувство*. Въ доказательство имъ приводится знаменитая арія Орфея—Глюка. Ганеликъ говоритъ, что подъ эту мелодію, которой въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній приписывалъ выраженіе глубочайшаго горя, вмѣсто словъ: „J'ai perdu mon Eurydice, rien n'égale mon malheur“, съ равнымъ, если не съ большимъ успѣхомъ можно подписать слова какъ разъ противоположнаго смысла: „J'ai trouvé mon Eurydice, rien n'égale mon bonheur“.

Винтерфельдъ, въ видѣ особой пикантности, сообщаетъ, что многіе изъ знаменитѣйшихъ номеровъ „Мессіи“ Генделя, въ которыхъ, по мнѣнію прочно установленному, съ такою силою выражено религиозное чувство, взятые Генделемъ изъ эротическихъ дуэтовъ написанныхъ имъ для принцессы Каролины Ганноверской на довольно легкомысленныя слова.

Эммануиль Гейбель свое воззрѣніе на сущность музыки выразилъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

«Музыку что не даетъ намъ выразить какъ нибудь словомъ?»

То что стихія она; чужды ей образъ и мысль,
Даже и чувство мерцаетъ лишь въ ней, какъ русло
потока
Сквозь перемѣнчивый строй звучно бѣгущихъ валовъ».

Тѣмъ не менѣе, не говоря ужъ о Бетховенѣ нѣкоторыя увертюры котораго („Эгмонтъ“, „Коріоланъ“) носятъ явно программный характеръ, у позднѣйшихъ композиторовъ, какъ Берліозъ, Листъ, Римскій-Корсаковъ, Чайковскій мы встрѣчаемся съ произведениями, иллюстрирующими болѣе подробныя программы. А Рихардъ Штраусъ и Скрябинъ идутъ еще дальше, претендуя на передачу въ звукахъ ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлыхъ *философскихъ системъ*!

Итакъ, теорія—одно, а практика—другое. И неудивительно!

Если въ эстетической „физикѣ“ архитектуру и скульптуру назвать тѣломъ твердымъ, а поэзію приравнять къ „текучимъ“, жидкимъ, то музыку можно отнести—къ газообразнымъ. „Ана-

лизъ“ этой деликатной, эфирной стихіи труденъ потому, что самый острый *разсудочный* скальпель зачастую является непримѣнимымъ для нея.

Ибо музыка—одинъ изъ тѣхъ „сладкихъ недуговъ“, которые „исчезаютъ при словѣ холодномъ разсудка“.

Тотъ „призракъ“, про который такъ хорошо сказано у Лермонтова:

«Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!»

Нельзя, напр., отрицать, что всякій интервалъ, всякій тембръ, всякій аккордъ, всякій ритмъ—имѣютъ свой опредѣленный характеръ. Извѣстно также, что композитору далеко не все равно, въ какой тональности написать вещь, какъ поэту не безразлично, какой размѣръ стиха взять для стихотворенія.

Но попробуйте строго *научно* объяснить, почему божественный Шопеновскій ор. 27 № 2 ноктюрнъ, написанный въ ре-бемоль мажорѣ, при переложеніи въ ре-мажорѣ, что то теряетъ!

Даже самые сухіе теоретики соглашаются, что окончательный приговоръ о цѣнности прекраснаго всегда будетъ основываться на показаніи „непосредственнаго чувства“.

Да, да! Но вѣдь всякій чувствуетъ и воспринимаетъ внѣшнія явленія *по своему*.

Поговорите о Богѣ со Смердяковымъ и съ Алешей Карамазовымъ... Сравните, какъ смотрятъ на людей Свифтъ и Шиллеръ... Если спиритуалистъ видитъ въ рожденіи и смерти человѣка чудо и тайну, то для позитивиста и то и другое—физиологическіе процессы...

Теоретики, задающіеся цѣлью, подобно Сальери,—„разъять музыку, какъ трупъ“, примыкаютъ къ тому направленію въ искусствѣ, которое пытается все существующее свести къ простому *механизму*, подчиняющемуся *математическимъ* законамъ. Яркимъ выразителемъ этого направленія является Тэнъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, афоризмъ: „добродѣтель и пороки—такіе же продукты, какъ сахаръ и купоросъ“.

Но, увы, какъ обманчивы и несовершенны наши чувства: горячій приверженецъ Тэновскаго механическаго воззрѣнія—Золя, искренно считавшій себя „натуралистомъ“, въ сущности—чистѣйшей воды символистъ!..

Музыка для нѣкоторыхъ (ихъ, правда, мало!) не отличается отъ шума. Ганеликъ, видя въ ней „звуковой калейдоскопъ“, договаривается до абсурда, будто бы „больше всѣхъ *чувствуетъ* при слушаніи музыки профанъ и меньше всѣхъ образованный художникъ!“. Шлегелю музыка представляется „текучей архитектурой“ (какая честь!). Антонъ Рубинштейнъ стоитъ за угадываніе и вкладываніе въ музыкальное сочиненіе программы. Мопассанъ пишетъ: „первые звуки музыки отдѣляютъ мою кожу отъ моего тѣла, и я, заживо ободранный, остаюсь подъ ударами инструментовъ... Именно на моихъ нервахъ играетъ оркестръ, на моихъ обнаженныхъ и трепещущихъ нервахъ, вздрагивающихъ отъ каждой нотки. И я ее слушаю, эту музыку, не только моими ушами, но чувствительностью всего моего тѣла, вибрирующаго съ головы до ногъ. Ничто не доставляетъ мнѣ такого счастья...“

Все, слѣдовательно, зависитъ отъ большей или меньшей наличности темперамента, впечатлительности и фантазій.

Итакъ, если музыка не изображаетъ чувствъ, то при помощи нея можно *выражать* чувства и *возбуждать* ихъ.

Полководцы отлично знаютъ дѣйствіе бойрыхъ звуковъ марша на психику усталыхъ солдатъ—предъ атакой. Сколько смиренія и покорности судьбѣ звучитъ въ мелодіи прелестнаго Григовскаго романса „Мать“ (слова: „...весь вѣкъ жила среди труда, хоть цѣлый день гнететъ нужда, и въ мысляхъ нѣтъ роптать...“). Какъ гениально выражено въ Н-моллной прелюдіи Шопена чувство безнадежной тоски и ощущение полного одиночества подъ монотонно и мѣрно падающія капли дождя! Говорить о нравственности и приличій въ музыкѣ (инструментальной!), казалось бы, смѣшно! А между тѣмъ иные „матчиши“ производятъ на насъ впечатлѣніе безстыдныхъ тѣлодвиженій и жестовъ, хотя мы слушаемъ только музыку ихъ, не видя самаго танца.

Но, кромѣ выраженія и возбужденія чувствъ, музыка можетъ изображать *предметы* и *явленія* внѣшняго міра.

Хотя отцомъ современной программной музыки считается Берліозъ, выводящій въ своемъ классическомъ сочиненіи „Traité d'Instrumentation“ отдѣльные оркестровые инструменты въ видѣ почти живыхъ существъ, но попытки подражанія *звукамъ* природы: пѣнію птицъ, свисту вѣтра, ударамъ грома—встрѣчаются еще у старинныхъ мастеровъ. Извѣстно, что музыка очень ярко воспроизводитъ также *видимыя* явленія: мельканіе снѣжинокъ, восходъ солнца, сверкнувшую молнію и т. п. или явленія *фантастическія* („Полетъ валькирій“ Вагнера, „Танецъ эльфовъ“ и „Шествіе гномовъ въ чертогахъ горнаго царя“ Грига въ его сюитѣ „Peer Gynt“). Въ произведеніи на аудиторію того или иного эффекта, того или иного впечатлѣнія играютъ большую роль оркестровыя краски—*тембры* инструментовъ. При помощи трубъ и литавръ можно вызвать у слушателя картину сраженія, наивный звукъ гобоя перенесетъ его въ мирную сельскую обстановку, и валторна напомнитъ объ охотѣ.

Съ развитіемъ въ музыкѣ средствъ выраженія становится возможнымъ, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости композитора, обозначать отдѣльное *лицо*, *положеніе*, *мысль* „лейтъ-мотивами“, которые являются символами опредѣленныхъ *идей*.

Такимъ путемъ, изъ чисто музыкальных элементовъ вырабатываются формулы для изображенія различныхъ понятій, вырабатывается *музыкальный языкъ*.

Не напоминаетъ ли это эволюцію *героизмовъ* у Египтянъ? Сперва рисуютъ просто пальму, сокола, кругъ солнца, человѣка, лошадь. Затѣмъ постепенно доходятъ до болѣе или менѣе остроумныхъ обозначеній понятій отвлеченныхъ. Двѣ поднятыя кверху руки, напр., знаменуютъ молитву, неизмѣнное на видъ перо страуса служитъ символомъ истины.

Если музыкальный языкъ приходится *расшифровывать*, то изъ этого не слѣдуетъ, что языкъ этотъ не существуетъ.

Какъ не слѣдуетъ, что нѣтъ физиономики, если мы, опредѣляя человѣка по лицу, ошибаемся.

Обыкновенно подчеркиваютъ *условность* музыкальных выразительныхъ средствъ. Ну, а объясняясь на нашемъ развитомъ, богатомъ, *словесномъ* языкѣ, развѣ мы понимаемъ другъ друга?

Всѣ ли подъ „любовью“, „счастьемъ“ и т. п. разумѣютъ одно и то же? И не правъ развѣ Мопассанъ въ своей гениальной новеллѣ „Solitude“, говоря: „всѣ мы одиноки и, несмотря на всѣ усилія наши слиться, только стукаемся другъ о друга, потому что никто не понимаетъ другого“...

Но спустимся въ область *возможнаго*. Попробуемъ рѣшить вопросъ о программной музыкѣ скорѣе *практически*, чѣмъ теоретически.

Не будемъ намѣчать для музыки *границъ*. Если новѣйшіе композиторы на каждомъ шагу нарушаютъ незбылемыя (какъ казалось долгое время!) правила гармоніи и разбиваютъ въ дребезги окристаллизовавшіяся формы, то ихъ все равно не ограничить!

Всякое музыкальное произведеніе вообще и произведеніе „програмное“ въ частности находится между *творцомъ* и *слушателемъ*, котораго достигаетъ при помощи *средствъ*.

Въ зависимости отъ указанныхъ трехъ *факторовъ* выставляется художественная цѣнность и красота его.

Но факторы эти не одинаковы по своему значенію.

Средства, конечно, важны. Сравните, напр., оркестръ эпохи Моцарта съ современнымъ, и вы поймете, почему старые мастера вынуждены были дѣйствовать на аудиторію больше архитектурною, чѣмъ „красками“.

Имѣетъ значеніе и то, въ какой степени музыкально воспримчивъ слушатель, насколько ярко его воображеніе, а также подготовленъ онъ къ слушанію даннаго произведенія или нѣтъ.

Но центр тяжести—въ *творцѣ*. Все дѣло—не въ томъ, что берется изобразить композиторъ, а въ томъ *какъ* онъ осуществляетъ свою задачу, насколько *талантливо* иллюстрируетъ его музыка текстъ. И „побѣдителя не судятъ“!

Если, слушая „Ночь на горѣ Триглавъ“ Римскаго-Корсакова въ нашемъ воображеніи дѣйствительно рисуется фантастически-сказочная ночь, купальское коло тѣней усопшихъ душъ; скользящая по скаламъ и обрывама въ серебристыхъ лучахъ мѣсяца воздушная тѣнь княжны Млады; появленіе Черногога въ видѣ козла и пляски и игры оборотней, кикиморъ, вѣдьмъ и пр. духовъ тьмы; роскошный залъ Клеопатры съ танцами ея рабынь и обольщеніе ею Яромира; наконецъ заря, пробужденіе природы и сіяющій день,—то для *васъ* ясно, что музыка можетъ изображать подобные сюжеты.

И наоборотъ. Въ „Поэмѣ Экстаза“ Скрябина *васъ* не должно удивлять само по себѣ *наимѣненіе* автора выразить понятіе „воли“, „самоутвержденія“, „протеста“ и т. п. Дайте себѣ трудъ прослушать его поэмю. И вотъ, если провозглашаемая трубой тема *воли* болѣе напоминаетъ Вамъ *крикъ тѣтушки*, а тему *мечты о творчествѣ* (Lento) Вы предпочли бы назвать скорѣе темой *мечты о любви*,—то Вы имѣете право сказать, что иллюстрація этихъ понятій не удалась *Скрябину*. Это, однако, вовсе не значитъ, что другой болѣе одаренный композиторъ не сдѣлаетъ этого лучше!

Что музыка можетъ рисовать явленія: лежащая *внѣ ея предѣловъ*—это несомнѣнно. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ компетентный изслѣдователь. „Какъ физиологически существуетъ до извѣстныхъ границъ замѣщеніе одного органа чувства могутъ замѣщаться впечатлѣніями дру-

гого. Между движением в пространстве и движением во времени, между цветом, формой, величиной предмета и высотой, звучностью, силой тона существует несомненная аналогия. Поэтому, если с помощью музыкальных средств вызвать впечатление слуха, динамически сходные с видимыми предметами и явлениями внешнего мира, то в высоту, силу, скорости и ритм тоновой слуху явится образ, аналогичный воспринятому нами зрением.

Мы видели, таким образом, что музыка может выражать чувства, настроения, подражать звукам, существующим в природе, изображать предметы и явления. Остаются понятия *отвлеченная, идеи...*

Родовое понятие „дерево“ возникло из обобщения видовых: береза, дуб, ель, сосна и т. п. Наоборот, наглядный образ—часто нечто иное, как знак более общего представления, намека на него. Между природой и идеалом существует неразрывная связь, между чувственным и духовным—аология. Вот отчего искусство есть одухотворение чувственного и, так сказать, „очувствование“, духовного. Символ хватается за отголосок идеи в природе и этим отголоском хочет выразить идеальное содержание. Он, стало быть, не произвольный вымысел, а счастливая находка, открытие, *откровение*.

„Природа дивный храм: его столпы живые
Порою издают неясной речи стонъ,
Сквозь чашу *символа* идут толпы людскія
И символы на них глядят со всех сторонъ“...

говорит Бодлэр.

И люди вдохновенные—„герои“, по выражению Парлейля, обладают особой способностью символизации, особым посланным свыше даром „вскрывать лежащий на виду у всех секрет“, как выразился Гете...

Музыкант творить подобно всякому другому художнику. Программный композитор выражает в звуках идею так же, как живописец—в красках, а скульптор в формах. Симфоническая поэма—конечно поэма, но не словесная, а музыкальная и прежде всего музыкальная. Рихард Штраус в своей симфонической поэме „Also sprach Zarathustra“ *вовсе не перекладывает* на музыку книгу Ницше о Заратустре главу за главою. Это произведение нужно рассматривать как *отражение* философии Ницше в душе композитора, как звуковую *параллель, аналогию, символизацию* идей философа, выраженных в словах.

Насколько удачно осуществлены автором его намерения—вопрос другой. Можно соглашаться или не соглашаться, напр., с тем, что Штраус в качестве символа „Природы“, символа первоосновы всех вещей, берет тему C—G—C в тональности C—dur, от которой ведут начало все другие тональности и в которую он снова возвращаются, но нельзя отказать композитору в находчивости и остроумии, обнаруживаемых при искании новых путей.

Выше сказано, что с развитием музыкальных *средств*, с развитием музыкальности *слушателей*, у композитора увеличиваются шансы быть понятым. В Листовской „Пляске смерти“ иллюстрацию звякающих о надгробных плиты костей скелетов дает ксилофон. Многие ли в России 25 лет тому назад, не говорим „вос-

хищались“, а просто „выносили“ оперы Вагнера? Но пределы техники раздвигаются относительно медленно, а аудитория не может состоять сплошь из специалистов. В *общем*, публике мало дела до художественной ценности произведения. Она ценит последнее по силе дышащей в нем *страсти*, связующей талант с толпой.

А потому, повторяем, в музыке вообще и в программной музыке в частности главное—*в даровании* композитора. И талант Рихарда Штрауса, вооруженный самыми усовершенствованными орудиями, в присутствии культурнейшей аудитории, все же меркнет пред гением Бетховена в скромной одежде...

Наука тверже и постояннее в своих *основаниях*, чем искусство. Математика—самая точная из них. До последнего времени считались абсолютно неразрешимыми задачи „о квадратуре круга“, „о делении угла на три равные части“, „о трех телах“. Академии наук всего мира постановили не принимать впредь к рассмотрению решения этих задач. Но вот в истекшем году скромный финляндский ученый опубликовал в маленьком журнале найденное им решение задачи „о трех телах“... Теперь оно признано синклитом всех ученых... Какое торжество гения над человеческой косностью!

„Пророки“ идут всегда далеко впереди своего времени, повинувшись единственно могущественному голосу своего „демона“ и от них всегда будут отставать бредущие черепашим шагом педанты.

Пусть же каждый изберет себе девизом: „Feci quod potui, faciant meliora potentes“, ибо каждому *искреннему* человеку дано найти в течение своей жизни хоть крупицу истины!

К Ларше.

Одним из лучших знатоков Абиссинии—страны неизвестной по многим отношениям является А. И. Коханский, недавно пожертвовавший Императорской Академии Художеств свою богатейшую коллекцию предметов тамошней культуры. Он много лет провел в Абиссинии, был в приятельских отношениях с негусом, прекрасно знаком с борьбой тамошних политических партий, а в особенности со всеми подробностями тамошнего быта. Его труды об абиссинской культуре издаются Академией. По предложению „Весны“ компетентный автор всесторонне знакомит читателей с поэзией, музыкой, живописью, танцами и вообще искусством этой неведомой страны. Настоящее богатство каждой страны не ее деньги, не ее недра земли, даже не ее знания а ее искусство. Посмотрим чья эта бедная на взгляд Абиссиния. Быть может кто-нибудь из веселых, прочитав статью г. Коханского сам легко может писать „лексо“

Весна.

П. Гончарова.

Искусство Абиссинии.

И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

В. Брюсов.

The crickets sing, and man's o'er labor
Repairs itself by rest. ur'd sense

«Cmbeline.»

ЖИВОПИСЬ.

Искусство в Абиссинии имеет два течения, церковное и народное; иногда оба русла взаимно обмениваются, сближаются и формой и содержанием. Церковное искусство подчиняется традициям и рутине, и его хранительницей является церковная школа. В живописи для многих святых есть установившаяся форма изображения. Святой Лалибела изображается верхом на льве; святого Таклихайманота пишут стоящим на одной ноге; другая нога, отломившаяся от многолетнего неподвижного стояния лежит возле. Церковные напевы, танцы, песнопения лишь до известной степени не подвергаются изменениям. Сила таланта и художественного подъема ломает установленные рамки. Импровизация вносится и в самые мотивы, и в слова, которыми восхваляют святых, абуну и императора.

Конечно, религиозные настроения и характер искусства сохраняются. Как и в эпоху Московской Руси, религиозные интересы в Абиссинии стоят на первом плане, они переплетаются с политической, общественной, семейной жизнью и даже с детскими играми. В одной игре дети молятся: „прошу тебя, Мама Мария, пусть моя нога будет первой“. Художественное творчество проявляется прежде всего в религиозных темах. Даже некоторые императоры не гнушались заниматься составлением акафистов и выпускали их в свет, хотя и в светской песне они проявляли иногда свои чувства и настроения. Профессором Б. А. Журавлевым изданы стихи царя Наода. Живопись почти исключительно носит религиозный характер, редко останавливаясь на исторических сюжетах, обыкновенно батальных или берясь за портреты исторических лиц. Но историческая тема превращается в религиозно-легендарную, если она относится к давно прошедшему, как напр. история Александра Македонского или Менелика I, которые причислены в некоторых житиях к лику святых. Картинами иллюстрируются священные книги или заговоры-амулеты; картины вешаются в церкви по сторонам царских ворот иногда даже, батальные портреты, а ниже святых помещают изображения чертей. Пишут их на пергаменте, на досках в виде складней, на тканях, а в

последнее время и на бумаге; их пишут и на стенах fresco.

Рисунок абиссинской живописи удивительно верный и простой, но им не чуждо и чувство цвета, хотя их краски довольно грубы. Абиссинцы умело приготавливают растительные краски. В абиссинской живописи можно наблюдать три влияния.

Итальянское влияние проникло к ним в XV стол. вместе с Христофором де Гамма¹⁾. Португальцы привезли сюда несколько образцов своего искусства, о которых упоминают европейские путешественники начала XIX стол. Влияние западного искусства не ослабляло, так как католическая церковь видит в искусстве большую силу для распространения своего верования. И сейчас в католической церкви в Аддис-Абаба за алтарем висит прекрасная аллегория, изображающая поклонение Абиссинии Богу. Некоторые абиссинцы ездили даже во Францию для изучения здесь живописи. При взгляде на абиссинских Мариам, нельзя в них не найти сходства с итальянскими Мадоннами. И на абиссинских иконах принято изображать высоких лиц, часто заказчиков икон, среди верующих и учеников, окружающих святого.

Другое влияние было византийское. Оно проникло сюда из Греции, Иерусалима, Армении, Александрии, так как сношения с ними были всегда довольно оживленные, особенно по делам церкви. До сих пор один греческий епископ носит почетный титул Аксумского. Греческая церковь, поддерживаемая в Аддис-Абаба заботами греков, является центром общественной жизни для греков и посещается и абиссинцами. Между прочим скажу, что ужасное носовое пение в унисон в греческой церкви значительно уступает стройному пению абиссинцев и мало говорит им в пользу православия. Застывшие формы на некоторых изображениях святых, сияния и фон картин, стремление передать одно духовное, аскетическое начало и страх телесного, перешло в Абиссинию, как элемент византийского настроения.

Третье влияние на живопись было негритянского культа. При взгляде на абиссинского чорта, нельзя не найти в нем огромного сходства с деревянными идолами Центральной Африки. Та же окраска, такая же мертвая чурбано-образная нога и застывшее неподвижное лицо.

Мне кажется, в изображении животных и отчасти природы проявляет абиссинец много своего гения. И у прерафаэлитов не найдешь столько жизни, движения, такой фиксации определенного момента движения, как это видишь в нарисованной абиссинцем лошади. В изображении змея абиссинцу уступить даже европейцу.

Голова в абиссинской картине всегда непропорционально велика сравнительно с туловищем. Лица симпатичны, честны, герои, изображаются en face; злодеи рисуются в профиль. Святые и абиссинцы изображаются желтой краской и никогда темной. Глаза рисуются всегда

большими, так как у абиссинца большие глаза — знак красоты. Напротив европейцев они рисуют с небольшими глазами. Вообще европейцы на абиссинской картине изображаются менее красивыми; его черты лица грубые, не так тонко очерчены, вся его фигура неповоротлива, тяжела, сравнительно с изображением на той же картине абиссинца. Может быть, это отчасти соответствует действительности. Любимые сюжеты у абиссинца Мариам, Георгис, Сеяце (Троица), Микаэль, Або Таклихайманот, Соломон, Менелик I, Искандер²⁾ Македонский, битва под Адуа. Особенно любил абиссинцу художнику Георгис, изображаемый и в виде прекрасного юноши на коне; он поражает дракона, на спине у которого сидит иногда бегемот. Изображения животных, лошади, змеи удаются абиссинцу. Мне случалось находить на стене конюшни или дома искусно нарисованную углем лошадь. Это забавлялись на досуге ашкеры³⁾. Абиссинец берет иногда сюжетом жанровую картину — напр. женщина выходит из тукуля⁴⁾ и дает нищему хлеба; на небе горит комета Галлея. Для такой картины он выбирает красивый пейзаж. Фон абиссинской картины часто золотой или сине-красный, как у импрессионистов; он делается с большим вкусом. Батальные картины весьма примитивны; перспектива в них отсутствует. Портретная живопись тоже существует. Портреты пишутся рядом по несколько на одном холсте. Искать сходства в портретах, конечно трудно. Иногда картины пишут по разграфленным клеткам, которые потом стирают. Два таких картины я получил от одного церковного аяка⁵⁾, который сейчас занимает пост хранителя Императорской печати. Это, скорее ученая манера письма. Образованный абиссинец гордится тем, что он умеет рисовать. Он посылает своему другу на маскаль⁶⁾ куташ, т. е. нарисованный на листе бумаги крест с цветами и посвящением. Рисунок делается рукой даращего.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО.

Любовь к декоративному искусству у абиссинца видна во всем. На картине он тщательно вырисовывает на платье узоры, он пишет на уголках картины цветы. Особое искусство он проявляет в приготовлениименной печати, «матаба». За отсутствием подписи «матаба» необходим на каждой официальной бумаге и в письме. Рельефом украшен самый простой железный крест. Царские врата, колонки храма, крыши росписаны и открыты тонкой резьбой. На табот⁷⁾ вырезаны по углам аллегорические фигуры льва, орла, быка и человека⁸⁾. Кадильницы, тиары священников и диаконов разукрашены резьбой.

Узорами покрываются мёры сыпучих тел,

²⁾ Александр Македонский.

³⁾ Ашкеры — слуги, носящие оружие (ружье и саблю).

⁴⁾ Тукуль или бег, дом.

⁵⁾ Аяка, начальник церкви, ее личного состава и хозяйства.

⁶⁾ Маскаль — крест. Праздник Маскаль или Воздвижение, бывает 1-го сентября и совпадает у абиссинцев с Новым годом.

⁷⁾ Табот — доска с именем святого, которому посвящен храм, она соответствует нашему ангелу.

сандалий, уздечки, сбруя, тыквенная посуда, крыши домов, роговые стаканы, глиняная посуда, браслеты, кинжалы и сабли, спальные подставки изголовья. Орнамент отличается классической простотой. Повидимому, стремление к красоте в Абиссинии стало уже давно потребностью и теперь является просто безсознательной привычкой или модой. Чрезвычайно красивые вышивки встречаются на парадных шамах⁸⁾ у знати, на женских рубашках и на патронташах — зенарах. Парадные накидки или лемпы императора, расов и деджазмачей⁹⁾ золотой вышивкой по бархату напоминают наши ризы. Татуировка на шею и руках состоит из простых геометрических линий прямых, кривых и углов.

Абиссинский вкус отличается благородством и простотой и это резко выделяет абиссинца среди мусульман Харрара¹⁰⁾, и негров. Он любит цвета черный и белый. Красный, зеленый, фиолетовый он признает как большие пятна, напр. попоны лошадей, зонтики. Резкого сочетания красок абиссинцы избегают. Даже в составлении букетов обнаруживается нелюбовь пестроты. В армии допускаются золото, серебро; шкуры, иногда окрашенные в зеленый или красный цвет; но и здесь нет той пестроты, какая встречается в европейской армии. Если европейец подавляет в себе стремление к ярким краскам, которое пробивается наружу и в дамских нарядах, и в военной форме, и в детских костюмах, и в национальном платье простого народа, и в цветастых галстуках, охотничьих костюмах и т. д., и т. д., то у абиссинца предпочтение во всем белого цвета вполне искреннее. Красота линий, складок чувствуется ими прежде всего, и та же самая шатагота носится каждым абиссинцем различно, обнаруживая его художественное понимание красивых линий и умение их выразить, — конечно безсознательно.

АРХИТЕКТУРА.

Памятников зодчества в Абиссинии мало, и еще меньше достойных внимания. Абиссинцы живут в палатках и во временных домах, и ими мало интересуются. Памятниками старины являются португальские церкви. Одна такая церковь выстроена в скалах под землей близ Аддис-Абаба на горе Гекка выше Английской миссии; прекрасно сохранились в ней своды арками, глубокие ниши, линии квадратных колонн. В Гондаре, древней столице Абиссинии есть португальские церкви, бани, и огромный замок негусов¹¹⁾, приходящий постепенно в разрушение. К следам португальцев относится также каменный мост через Голубой Нил по дороге из Бегемдыра в Годжам. Наконец португальская церковь есть и в Аксуме. Аксум, столица древнего царства аксумитов, имеет обелиски, из которых один вполне сохранился. Его относят к IV веку, к царствованию

⁸⁾ Шама, род римского тоги, белого цвета.

⁹⁾ Расы и деджазмахи, высшие чины и феодалы. Титулы не всегда передаваемые по наследству и жалованый иногда за службу подобно титулу пера в Англии.

¹⁰⁾ Харрар, крупный абиссинский город, столица богатой Харрарской провинции.

¹¹⁾ Негус, царь.

нию Аизана. Высота его 80 футов. Он стоит на пьедестале, сделанном из монолита. Три поверхности обелиска отполированы, 4-я покрыта любопытными рисунками. Обелиск горизонтальными линиями делится на 8 частей, как бы 8 этажей башни. Другой аксумский памятник имеет надпись на греческом языке, говорящую о победе Аизана в 330 г. по Р. Хр. На одном памятнике нет надписи сделана на гисмартском языке.

СКУЛЬПТУРА.

Чрезвычайно интересны памятники, встречающиеся в бассейне Ауаша в разных местах и известные под именем каменной Грани. Легенда говорит, что Магомет II Грани бросал эти камни одной рукой и к ним привязывал свою лошадь. «Грани денгай» носят на себе любопытный рисунок. На плите камня изображено солнце, окруженное сиянием; под ним мечи, у которых острия, вѣрообразно расходясь, обращены вверх к солнцу, а ручки собраны вместе. Под мечами несколько букв, одна из которых сильно напоминает греческую сигму. Вблизи этих каменных видны могилы. Стены могил были обложены 4 каменными плитами, ребра которых выходят на поверхность, образуя над землей продолговатый прямоугольник. Некоторые могилы провалились.

МУЗЫКА.

Если пластические искусства в Абиссинии не могли развиваться из-за несовершенства техники и бедности быта война, пастуха и пахаря, то, напротив музыка и пение, поэзия, более отвечающая жизни и настроению народа, были широко распространены. Им отдавался весь досуг, от них выливались чувства и страсти, находили удовлетворение высшие духовные потребности.

Музыка вместе с пением и пляской сопровождается все события и крупные моменты жизни абиссинца. Молодежь в свободные часы развлекает друг друга музыкой. С музыкой абиссинец идет в бой. Песнями и музыкой сопровождают дѣтские игры, которые представляют из себя нервно-целое драматическое действие. Музыку слышишь и в церкви, и на поминках, и в медицине у знахарей. Ни один обряд, ни одна вечеринка не обходятся без музыки.

Основателем церковной абиссинской музыки считается некий Яред (VI века), живший в городе Земен во время Негуса Комба. По преданию с неба ему упала книга «Дуга», в которой были собраны все церковные напевы. Сам Яред был поднят на небо, где изучил музыкальные знаки. Нотная система у абиссинцев по Villoteau имеет 53 знака, заимствованных из алфавита. Первое влияние на церковную музыку было, вѣроятно, греческое, но оно и не оставило глубокого следа, и музыка приближается больше всего к арабской и, может быть, египетской. Хор в больших церквях делится на правый и левый; такое пение называется «гракань», антифонное. Напевы делятся в «дуге» по характеру на праздничные

¹⁾ Христофор де Гамма, сын знаменитого мореплавателя Васко де Гамма спас Официю от нашествия мусульман, предводимых Мухамедом II.

„ызелъ“ и постные „гызь“. Праздничное пѣніе сопровождается аккомпаниментомъ барабана. „кне-кабаро“. Кромѣ этого барабана въ церкви употребляются особенно во время религиозныхъ танцевъ сестры, „дзанадзелъ“, имѣющіе форму мѣднаго камертона. Мѣдныя кружки, надѣтыя на проволоку, соединяющую вилки, звенятъ, ударяясь другъ о друга и о ножки инструмента. Въ церкви играютъ иногда на длинной трубѣ „малякатъ“ и на литаврахъ „нагарить“ чтобы увѣдомлять вѣрующіхъ, стоящихъ вокругъ церкви, о ходѣ богослуженія. Многіе абиссинцы не считаютъ себя достойными присутствовать на богослуженіи въ церкви.

Кромѣ „кнекабаро“, церковнаго барабана, въ который бьютъ пальцами существуетъ еще кандакабаро или военный барабанъ и гатамо кабаро, тимпанъ или тамбуръ для танцевъ. Когда подъ руками тотъ ударнаго музыкальнаго инструмента, абиссинецъ отбиваетъ тактъ, хлопая слегка ладонью о ладонь.

Духовые инструменты составляютъ главнымъ образомъ военную и парадную музыку. Флейта-эмбильта и труба-малякатъ предшествуетъ Императору и военачальникамъ. Въ старину вперѣ и Императора шло 44 музыканта, игравшихъ на нагаритахъ. На Малякатъ это длинная труба до 5 футовъ. На ней играютъ передъ атакой.

Флейта эмбильта имѣетъ 7,5 или 3 дырочки, флейта загуфъ имѣетъ 6,3 или 2 дырочки. На флейтѣ играютъ иногда актеры ¹²⁾ и пастухи. Пастушьи рожки называются кандъ и гента. Существуютъ крашенные рога изъ слоновой кости, соотвѣтствующія нашимъ охотничьимъ рогамъ. Въ Уоллямо я видѣлъ цѣлые хоры духовыхъ инструментовъ въ 6—7 человекъ. Играли они на длинныхъ трубахъ въ 2—3 метра длины. Тонъ ихъ очень низкій, иногда какъ жужжаніе шмеля. Эти трубы похожи нѣсколько на трубы органа. Ихъ музыка красива; мнѣ, по крайней мѣрѣ, понравилась, что и требовалось, такъ какъ оркестръ подошелъ къ моей палаткѣ съ намѣреніемъ исцѣлить меня своей музыкой: я лежалъ въ лихорадкѣ. Уолламцы соединяютъ нерѣдко музыку съ непристойными танцами, которыхъ не представить самому разнузданному воображенію.

Наибольшимъ распространеніемъ въ Эіопіи пользуются струнные инструменты.

Ихъ три типа, 10-ти струнная арфа или багана, состоятъ изъ ящика, обтянутаго кожей; 5—6 струнная гитара иногда 3-хъ струнная—кранъ, похожая по типу на багана, и однострунная скрипка массынко. Въ массынко кожа натягивается на деревянную раму, какъ на барабанъ. Смычокъ похожъ на лукъ съ натянутымъ волосомъ изъ гривы лошади. На кранѣ и на баганѣ, а иногда и на массынко струны перебираютъ при помощи плектрона, то-есть пластинки или палочки. По-абиссински плектронъ называется „дїениза“.

На баганѣ по преданію игралъ царь Давидъ.

Когда спросили одного абиссинца, почему не гусь такъ любить багану? „Какъ почему“ отвѣтилъ тотъ, „вѣдь они одного происхожденія. И негусъ и багана отъ царя Соломона“.

На баганѣ играютъ особые пѣвцы; они аккомпанируютъ себѣ, исполняя печальныя исто-

рическія пѣсни. Среди этихъ рапсодовъ попадаются высокіе художники. Они берутъ иногда аккордъ среди разговора, аккордъ, который странно хватаетъ за сердце. На дипломатическихкихъ пріемахъ такіе аккорды, случайные, какъ-бы сорвавшіеся съ эоловой арфы создаютъ опредѣленное настроеніе. И кто знаетъ не преднамѣренно ли создается это настроеніе черными политиками.

ТАНЦЫ.

На кранѣ играютъ молодые люди. Вокругъ крана собираются молодыя дѣвушки, чтобы послушать или разучить новую пѣсню. Иногда сходятся на огонекъ потанцовать. Ставъ въ кружокъ, они притоптываютъ ногами и хлопаютъ въ ладоши. Пѣніе заунывной пѣсни хоромъ даетъ имъ ритмъ. Тѣло покачивается впередъ и назадъ, ноги приплясываютъ. Заунывная мелодія крѣпнеть, становится смѣлѣе, а вмѣстѣ съ ней движенія освобождаются отъ застѣнчивости и стѣсненія. Хозяйка въ добрую минуту угоститъ молодыхъ гостей, предложивъ по графинчику квасу. Вообще абиссинецъ очень умѣренъ, и пьянаго въ Абиссиніи встрѣтить трудно. Въ гостяхъ нерѣдко гость передаетъ свой брилли ¹³⁾, отпивъ изъ него немного, слугѣ. Полагается выпить три брилли, но большой стыдъ уйти изъ гостей пьянымъ.

ПѢНІЕ.

Часто маленькія дѣти, отъ 5 до 10 лѣтъ въ праздникъ Маскаля (Креста) и въ другіе дни обходятъ знакомыхъ съ величальными пѣснями, за что имъ даютъ подарки; величая хозяина, они указываютъ на его характерныя добродѣтели. Въ скромной семьѣ такія дѣти, собравшись вмѣстѣ во время пировъ, величаютъ каждаго гостя. Пѣніе это стройно и красиво. Вообще сбъ абиссинскомъ пѣніи съ большой похвалой отзываются Villoteau и Быстровъ.

На массынко играютъ актеры ¹⁴⁾. Не разъ слышишь, какъ актеръ на конюшнѣ съ утра до вечера съ наслажденіемъ повторяетъ одну и ту же музыкальную фразу. Гораздо пріятнѣе слушать любителей на флейтѣ — вспоминается наша свирѣль.

Въ Абиссиніи много бродячихъ музыкантовъ-пѣвцовъ.

Лалибелла, дѣти прокаженныхъ, собираютъ милостыню, оплакивая въ пѣсняхъ свою судьбу. Они признаны императоромъ, имѣютъ своего начальника и платятъ ему двѣ соли ¹⁵⁾ въ годъ. Кто отказываетъ въ милостынѣ, того они осыпаютъ бранью и проклятіями безнаказанно. Ночью лалибелла мѣшаютъ музыкой спать, играя подъ окнами — и никто ихъ не смѣетъ остановить.

Менѣе многочисленны амина. Они поютъ импровизации, и тоже поносятъ тѣхъ, кто имъ

¹³⁾ Графинчикъ, изъ котораго пьютъ, не прибѣгая къ стакану.

¹⁴⁾ Актеры, слуги.

¹⁵⁾ „Амоли“, кирпичъ изъ мелкой соли, былъ наиболѣе распространенной денежной единицей, равнялся по цѣнѣ суммѣ отъ 10 до 20 коп. Ту же роль играли патроны. Сейчасъ и соль и патроны вытѣсняются серебрянымъ талеромъ и его частями.

откажетъ въ милостынѣ. Они платятъ двѣ соли въ годъ императору. Часто это молодые, здоровые люди, обладающіе даромъ риѣмы. Ихъ презираютъ, какъ дармоѣдовъ. Есть амина на слѣдственные.

Симпатичный типъ пѣвца-музыканта—это аз-мари,—весельчакъ, пѣвецъ, танцоръ и шутъ въ одно и то же время. Поетъ онъ обыкновенно высокимъ теноромъ.

Азмари, какъ трабадуръ, странствуетъ со своею массынко, или состоитъ при дворѣ императора или большою гетой ¹⁶⁾. Одѣтый въ шелковую рубаху, онъ является желаннымъ гостемъ на пирушкахъ, на большихъ фантазіяхъ, пирахъ, которыми чествуютъ охотника на слоновъ или львовъ. Увлекаясь собственной пѣсней, одобреніемъ гостей и крѣпкимъ медомъ, онъ расходится во всю, пляшетъ, поетъ; иногда изображаетъ охотника, наѣздника на лошади, воина въ битвѣ. Все его тѣло вздрагиваетъ и описываетъ плавныя движенія, Глупыя шутки и мѣткія остроты не остаются безъ одобренія. Вотъ хозяинъ на голову азмари кладетъ графинъ—брилли теджу ¹⁸⁾. Азмари танцуетъ танецъ живота, не проливая одной капли меду; становится на колѣни, нагибается. Вдругъ брилли скользитъ съ головы къ его рукѣ, сразу опрокидывается въ ротъ и опоражнивается однимъ духомъ. Иногда азмари поетъ хвалебныя пѣсни. Случается, самъ гета, увлекшись, импровизируетъ пѣсню, а за нимъ, какъ по сигналу, затягиваетъ компанія причемъ каждый поетъ свое. Я слышалъ на одномъ обѣдѣ дуэтъ, исполненный мужчиной и женщиной. Азмари подчасъ пользуется большою любовью, но рѣдко подымается вверхъ по общественной лѣстницѣ. Это занятіе считается недостойнымъ солиднаго человека.

ПѢСНЯ.

Причитанія надъ покойникомъ и плачъ, пѣсни женщинъ за работой на развѣтѣ, колыбельныя пѣсни, существуютъ въ Абиссиніи, какъ и въ другихъ странахъ. Церковныя пѣсни называются кне; имъ обучаютъ въ особыхъ школахъ кне. Стихи бываютъ въ 3, 4, 5 строкъ и т. д. до 12.

Какъ въ форму изъ воска льютъ золото которое застываетъ, растапливая воскъ такъ и для стиха дѣлаютъ форму изъ словъ имѣющихъ смыслъ—семена. Слова для украшенія хоркѣ вставляютъ позже и могутъ быть выброшены главное техническое правило абиссинской веренификации. Каждый стихъ имѣетъ опредѣленное число слоговъ, соотвѣтствующихъ совпадающихъ съ опредѣленными нотами.

Стихи бываютъ очень туманны, что ставится въ заслугу стихотворцу,—темно какъ пророчество. Лучшіе стихотворцы выходятъ изъ Годжама; они часто разговариваютъ стихами. Пѣсни учениковъ поются въ церкви. Мымырь, гордый ученикомъ, иногда набрасываетъ на него собственную одежду. Примѣромъ витѣватости могутъ слушать слѣдующіе стихи:

«Мечъ молитвы изъ ноженъ слова вынулъ»
«Съ плечъ сердца своего онъ бремя мщенія скинулъ»
«Вурей своего воскресенія адское море возленивалъ»

¹⁶⁾ Гета, господинъ.

¹⁷⁾ Фантазія, ниръ, сопровождающійся пѣніемъ, плясками и играми.

¹⁸⁾ Теджъ, абиссинскій напитокъ, приготовляемый изъ меда. Бродиломъ для меда служитъ туземное растеніе гешо, содержащее очень сильный алкоголь.

Негусы любятъ отдавать свои досуги музыки и сложенію стиховъ

Для примѣра приведу.

Вирши царя Наода въ честь Салаясе (Троицы) въ переводѣ П. Тураера.

Михаилъ славный вожь тысячъ
Трубитъ въ трубу летая на крыльяхъ,
Ангелъ лица, птица тверди:
Собраніе вѣка вѣковъ да соберутся безъ замедленія на вѣки!

Роса благословенія его да ороситъ меня
Горницы дома моего да не покинутъ
Исторгнувшая мечъ изъ руки его».

Такъ какъ абиссинскому языку въ высокой степени присущи игры словъ, то свѣтскія пѣсни нерѣдко имѣютъ двойной смыслъ, заключающій и похвалу и укоръ въ одно время. Сарказмъ и трагическій пафосъ лучше удаются абиссинцу чѣмъ лирику. Удовлетворенная страсть не оставляетъ мѣста для нѣжныхъ изліяній любви. Въ приводимыхъ переводахъ выдержаны каждая строфа и слово въ строфѣ; филологической точности нельзя было придать переводу за недостаткомъ „спиральныхъ“ познаній. Но духъ каждой пѣсни по возможности передатъ чтобы имѣть представленіе о характерѣ абиссинской пѣсни слѣдуетъ прочесть 4 пѣсни абиссинскихъ Н. Гуляева. Хотя онѣ—оригинальныя произведенія нашего поэта, но въ нихъ превосходно переданы неожиданные переходы, сдерживаемая сила и страстность и глубокая горечь, выступающія выпукло на игривой формѣ; средствомъ выраженія нашему поэту какъ и абиссинцу служатъ самые простые слова и образы.

Одна абиссинская пѣсня въ двухъ стихахъ изображаетъ два разныхъ настроенія по поводу смерти Гарада брата и соперника Императора Феодора. Эту пѣсню спѣлъ азмари на обѣдѣ Гыбырѣ который былъ данъ послѣ казни 500 солдатъ погибшаго Гарада, головы казненныхъ были сложены круткомъ „какъ кладутся хвосты зарѣзанныхъ быковъ для лучшаго счета“ поясняетъ съ ироніей абиссинскій хроникеръ.

Азмари пѣлъ:

Гарадъ мертвецъ—его ужъ закопали;
Но онъ твой братъ—предъ нимъ мы трепетали.

Но игра словъ означала также:

Гарадъ мертвецъ, пусть Богъ ему проститъ.
Твой братъ, мы ждали, онъ тебя смѣтитъ.

Другая пѣсня почтительно говоритъ о наказаніи Феодоромъ II жителей Анкобера за возмущеніе:

Царь батюшка Феодоръ для другихъ постарался;
Почетъ оказавъ всѣмъ шоанцамъ, домой онъ собрался.

Это же двустипшіе означало;

Царь батюшка Феодоръ для другихъ постарался;
Всѣмъ руки порѣзавъ шоанцамъ, домой онъ собрался.

Въ этотъ день 500 шоанцевъ по указанію Ато Базабехъ лишились правой руки и лѣвой ноги.

Красивая игра словъ заключается въ слѣдующей пѣснѣ жалобѣ:

Есть у негуса много мастеровъ;
Всѣхъ женъ они перекуютъ на вдовъ.

Но ту же пѣсню можно понять и иначе:

Есть у негуса много мастеровъ;
Они скуютъ браслетъ для женъ и вдовъ.

¹²⁾ Актеры, слуги.

Пѣсня была составлена по поводу ужасной казни въ Годжамѣ, въ Энджабаррѣ, когда Императоръ Феодоръ велѣлъ казнить 8,000 плѣнныхъ. Ночь остановила работу палачей. но утромъ казнь возобновилась въ присутствіи императора. Когда утомленные солдаты не дорѣзали одну жертву несчастный приподнялся изъ горы труповъ, Феодоръ крикнулъ: ты вотъ какъ „рѣжешь“, а затѣмъ, обративъ голову къ небу, сказалъ:

„Творецъ, предай мнѣ всѣхъ моихъ враговъ; пусть я увижу ихъ послѣдній и вѣчный сонъ какъ сейчасъ“.

Слѣдующая пѣсня говоритъ съ глубокимъ сарказмомъ о поступкахъ Феодора II; чтобы лучше выразить сатанинскую гордость Феодора, Богъ въ этой пѣснѣ судится съ императоромъ.

Богъ и негусъ на судъ предстали вмѣстѣ;
Архангелъ Михаилъ былъ ихъ судьей.
Налѣво Богъ стоялъ, негусъ направо.
И слышалъ я, негусъ сказалъ: „Постой!
На то, чтобы все разрушить, дай мнѣ право“!

Она была составлена послѣ того какъ Феодоръ II сжегъ живыми, заперевъ въ домѣ, жителей острова Метцерха на озерѣ Цана.

Часто смѣлый азмари несъ жестокое наказание за пѣсни, въ которыхъ выливалось народное горе и проклятіе.

Азмари Тафачъ, служившій у деджача Гуачу изъ Годжама, составилъ такую пѣсню на Касса, будущаго императора, врага Гуачу; Касса сперва служилъ у Гуачу, а позже отъ него перешелъ на службу къ расу Али.

Видали, нашъ повѣса
изъ Гур-амба, съ пятеркой дураковъ,
Влюбленный пуще бѣса,
Бабевошекъ ведетъ: ужъ нравъ его таковъ.

Пѣсня стала извѣстна Касса.

Вѣроятно, этому же азмари принадлежить пѣсня, въ которой осмѣивается расъ Али за его связь съ женой Гуачу:

Гуачу тотъ же Урій; за Давида-Али
по иному Гуачу лишь на смерть послали.

Когда Гуачу былъ убитъ, сражаясь на стороне расы Али, азмари Тафачъ, былъ взятъ въ плѣнъ съ другими и приведенъ предъ грозныя очи Касса:

— „А повтори, что-ты пѣлъ про меня“, крикнулъ Касса.

Несчастный азмари, охваченный ужасомъ, рассчитывалъ остроумной шуткой смягчить сердце Касса и пропѣлъ:

Господня кара-то; ахъ, Божья кара,
Что мой языкъ не пощадилъ и друга отъ удара.

Но тонкая шутка не помогла. По знаку Касса бѣднаго азмари схватили и тутъ же засѣкли на смерть бамбуковыми палками.

Пѣсни жалобы—лексю—(слезы)—бываютъ удивительно красивы. Ихъ поютъ на поминкахъ плакальщицы и родственники. Они очень напоминаютъ наши причитанія. Иногда такія лексю составлялись императорами.

Феодоръ II на смерть своей жены Тауабычъ составилъ слѣдующее лексю:

Прошу васъ, скажите: пока она близко.
Вѣдь была царица женой и служанкой.
Вчера умерла съ ней всѣхъ радостей тайна,
Мой обѣдъ и лѣкарство! Ахъ жизнь, такъ случайна!

Расъ Али, отецъ Императрицы Тауабычъ,

составилъ по этому же поводу слѣдующее лексю:

Дай тебѣ, я скажу—она меня поила;
Покушать часто,—обѣдъ мнѣ приносила;
Когда я мерзъ,—шаму мнѣ высылала.
Но воръ пришелъ,—она теперь въ могилѣ.
Ахъ, столько горя вдругъ—его скрыть я не въ силѣ.

Здѣсь въ словѣ воръ намекъ на Феодора, который воевалъ съ расомъ Али несмотря на родство; но слово воръ, леба, можетъ означать сердце, лѣбъ.

Среди составителей пѣсенъ извѣстны и женщины, особенно знатныя дамы.

Глубокимъ трагическимъ пафосомъ проникнута пѣсня Годжамской женщины:

Сорвали одежды грабители Меча, себѣ ихъ одѣли;
Угнали быковъ ружьеносцы, себѣ ихъ заклали.
Солдаты изъ тыла разграбили хлѣбъ мой и сѣвѣли,
О, царь, ты лишь слово скажи по-амара, чтобы знали,
Себя потревожь и покой ниспошли въ мою землю.

Другое лексю говоритъ такъ о бѣдствіяхъ Годжама, предостерегая сосѣдей:

Имъ весело грабить родимую землю, глядите;
Глупцы Бегемдыра, придетъ вашъ чередъ, погодите!

И дѣйствительно, чередъ Бегемдыра наступилъ скоро. Провинція была опустошена. Люди погибали отъ голода, а солдатамъ было запрещено оплакивать своихъ родичей.

Жена, одного изъ вождей Меча Уассонъ Биссауръ оплакиваетъ такъ своего мужа.

Государь ты нашъ, сынъ государевъ, Уассанъ-Биссауръ,
Просишь малость воды для питья и за это пятьсотъ талари.

Поводомъ къ этому лексю послужилъ слѣдующій эпизодъ:

400 жителей Меча были закованы, обвиненные въ попыткѣ къ возмущенію. Они были выведены на ровное мѣсто, раздѣты и окружены колючей изгородью, за которой стояли часовые. Имъ не давали ни пить, ни ѣсть. Днемъ они страдали отъ солнца, ночью мерзли. Уассанъ Биссауръ предложилъ 500 талеровъ за глотокъ воды, но ему не дали напитокъ. Въ двѣ недѣли они погибли всѣ до одного.

Лексю отличаются силой и выразительностью, такъ какъ въ немногихъ словахъ они выражаютъ глубокий смыслъ. Лексю отдають справедливость каждому. Когда умеръ деджачъ Убіе, главный феодалъ Тигре, и Феодоръ разрѣшилъ его оплакать, лексю оплакиваетъ Убіе, намекая тонко на данное Феодоромъ разрѣшеніе:

Нашъ добрый государь Деджачъ
Въ бѣдѣ всегда творилъ добро.
Коль слезы можемъ лить сейчасъ,
Ему спасибо и за то.

На смерть Феодора лексю интересно тѣмъ, что въ немъ, забывая звѣрства и преступленія Феодора, воздастъ должное герою-царю:

Власть надъ страной ему судьба вручила,
Но жизнь мятежную своя рука сразила.
Крикъ всю Магдаля потрясаетъ:
Левъ лхой такъ умираетъ.
Чуждъ женскихъ слабостей, онъ былъ герой;
Считалъ стыдомъ пасть отъ руки чужой.

Трудно сдѣлать лучшую эпитафію на могилу этого безумца и героя. Надо замѣтить, что въ Абиссиніи самоубійство считается величайшимъ грѣхомъ и преступленіемъ, но народъ призналъ въ самоубійствѣ Феодора высшій патріотическій подвигъ. Феодоръ палъ подъ Магдаля, не желая попасть въ руки англичанъ (1868).

Эросъ.

С. Судейкинъ.

Искусство говорить въ рифму въ Абиссиніи цѣнится и встрѣчается нерѣдко. Въ рифму между собою разговариваютъ школьники кне. Стихами говорятъ нищіе пѣвцы амина. Стихами говорятся рѣчи, прославляющія память покойника. Когда покойника несутъ изъ дома въ церковь, на пути шествіе останавливается „Алкачъ“, плакальщикъ подходитъ къ покойнику и, указывая на него рукою, говоритъ надгробное слово. Вотъ образецъ такого слова, взятый изъ книги Долганева; „Сынъ Цаги“, знаменитаго полководца, сынъ Ацоры, ловкаго охотника, сынъ Тесфы, убитаго при негусѣ Малакъ-Сагидѣ, великаго деспота Дамботскаго, сынъ Цагаплы, побѣдившаго при негусѣ Василидѣ галласовъ... Этотъ сынъ столько и столь великихъ людей былъ мудръ дѣломъ и искусенъ въ копѣ. Ему владыка Уоллога пожаловалъ своего княжескаго мула за храбрость въ битвѣ съ мусульманскимъ народомъ Омайта. Дикіе балійцы подносили ему груды золота за голову плѣннаго имъ и казнен-

наго при негусѣ Феодорѣ ихъ султана „Бедда“... Отъ описанія подвиговъ алкачъ переходитъ къ описанію тягости утраты, горя родныхъ и друзей. Рѣчь покрывается рыданіями. Женщины падаютъ на землю, царапая ногтями свое лицо. Затѣмъ поетъ речитативомъ хоръ плакальщицъ. При игрѣ въ „гана“, мячъ, выигравшій имѣетъ право поносить и безчестить послѣдними словами противниковъ, но въ рифмѣ,—и тѣ должны молчать на красивую, хотя и ядовитую рифму.

Абиссинцы любятъ настолько рифму, что даже аваджи военные, наши сигналы, они рифмуютъ, какъ напр.: „мета негарить; кетать сарауитъ“. (Бей въ негарить. „Пусть каждый спѣшитъ“).

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО.

Абиссинецъ обыкновенно остроуменъ и краснорѣчивъ. Это также обязательно, какъ умѣние

владѣть копьемъ. Въ самой бѣдной семьѣ ашкера по вечерамъ не прерываются бесѣды, вспоминаются событія дня, передаются другъ другу впечатлѣнія, искрятся горячіе діалоги, брызжутъ остроумныя фразы. Даромъ рѣчи абиссинецъ приближается къ арабу.

Въ привѣтствіяхъ, въ разговорахъ много формъ заученныхъ. Часто нѣсколько минутъ проходитъ, пока встрѣтившіеся обмѣниваются привѣтствіями, чтобы затѣмъ перейти къ дѣлу. Но каждая формула привѣтствія говоритъ иначе и въ другомъ тонѣ, съ новымъ выраженіемъ. Страсть краснорѣчія находить у абиссинца удовлетвореніе на судѣ. Однажды я былъ въ гостяхъ въ богатой абиссинской семьѣ въ деревнѣ. Послѣ ужина хозяйка сидѣла въ одной горницѣ, а ашкеры скучали въ другой, не рѣшаясь войти туда, гдѣ былъ гость. Но человѣкъ два пришли и стали подпирать спиной стѣну. Вдругъ гета улыбнулся и сказалъ два слова ашкерамъ. Тѣ радостно одобрили. Собрались всѣ ашкеры, и началась игра въ судъ. Одинъ обвинялъ другого въ покражѣ барана. Истецъ обнажилъ правое плечо, сбросивъ съ него шаму и придерживая ее рукой у пояса. Передъ нимъ очистили пространство. Онъ выпрямился; огонь вспыхнулъ въ глазахъ; правая рука вытянулась впередъ. Обвиняя, онъ призывалъ Небо, Императора въ свидѣтели. Его напряженное туловище выбросилось впередъ на согнутую въ колѣнѣ правую ногу. Правая рука была вытянута, угрожая. Поднялся отвѣтчикъ. Его движенія еще рѣзче, рѣшительнѣе; голосъ острѣе. Мимика лица, горящіе расширенные глаза, голосъ, бьющій по нервамъ, вывелъ присутствующихъ изъ обычно спокойнаго, полнаго достоинства состоянія. Публика замирая слѣдитъ за каждымъ, что онъ скажетъ, а еще болѣе за тѣмъ, какъ онъ скажетъ извѣстную всѣмъ напередъ формулу. И что было начато въ шутку при общемъ смѣхѣ, принимается въ концѣ вполне серьезно. Возбужденіе охватываетъ всѣхъ, такъ же, какъ у насъ публику въ театрѣ, которая плачетъ, забывъ, что это не жизнь, а сцена.

ЛИТЕРАТУРА.

Неудивительно, что въ странѣ, гдѣ каждый чувствуетъ красоту и силу языка, къ книгѣ предъявляются еще большія требованія. Книга не печатается, а пишется и переписывается. Работа совершается медленно съ благоговѣніемъ. Каждая фраза вынашивается. Книга стоитъ дорого и доступна только аристократіи ума. Улица, толпа не внесла еще своего разлагающаго вліянія, своихъ вкусовъ остраго и пріятнаго, жажды эффектозъ и пинкертоновщины. Книгу читаютъ и перечитываютъ, а не пробѣгаютъ глазами какъ газету. Книга пишется не ради денегъ, а по внутреннему побужденію.

Поэтому абиссинская литература отличается простотой силой, ясностью и картинностью, какъ греческіе и римскіе классики. Конечно, она много бѣднѣе идеями и содержаніемъ и не имѣетъ такого мірового значенія. Книги у абиссинцевъ больше религіознаго и религіозно-философскаго содержанія, но есть книги историческія, хроники, лѣтописи, есть юридическія и медицинскія книги. Даже научныя книги перестряты легендами иногда очень оригинальными

по сюжету, какъ напримѣръ слѣдующая легенда, полная глубокой идеи и юмора.

Богъ создалъ ангеловъ до сотворенія міра, и оставилъ ихъ первое время во тьмѣ. Такъ какъ Богъ имъ ничего не открылъ о себѣ, то между ними завязался споръ. Ангелы хотѣли знать, кто ихъ сотворилъ; не между собой вѣдь они размножились.

Дьяволъ слушалъ разговоръ. Его тронъ былъ выше другихъ. И вотъ его обуяла гордость. Онъ подумалъ: ангельскій народъ скучаетъ по своему Творцѣ. Дай, скажу я, что это я ихъ сотворилъ. И онъ попробовалъ привести свой планъ въ исполненіе, ибо уста отверзаются, когда переполнено сердце. Дьяволъ воскликнулъ:

— Какъ кто? Сотворилъ васъ—я. А потому увѣруйте въ меня и почитайте меня.

Ангелы, тѣла которыхъ свѣтились луннымъ сіяніемъ, видѣли, что мечъ его такой же какъ и ихъ, что и крылья у него такія же,—и сказали:

— Развѣ ты не такой, какъ и мы. Если ты не превосходишь насъ, какъ же ты могъ насъ сотворить?

— Какъ вы можете говорить, что я не выше васъ, сказалъ дьяволъ. Развѣ я не сижу на тронѣ выше вашихъ троновъ. Я васъ сотворилъ, а потому поклонитесь мнѣ.

Но ангелы были люди разумные. Они сказали дьяволу:

— Хорошо, если ты насъ могъ сотворить, почему не сотворили мы? Скажи намъ, какъ ты насъ сдѣлалъ?

— Вы завистливы, отвѣтилъ дьяволъ. И въ васъ говорить зависть. Кто васъ могъ сотворить, кромѣ меня? Вѣруйте въ меня и поклоняйтесь мнѣ.

Но ангелы отвѣтили:

— Художника узнаютъ по его картинѣ, а творца по его творенію. Если ты творецъ, создай новое существо. И когда мы увидимъ тебя за дѣломъ, то поклонимся тебѣ.

Но пословица говоритъ: языкъ то сильный, да нога хромая. Дьяволъ и радъ бы показать, какъ онъ ихъ сотворилъ, но самъ ничего не могъ сдѣлать.

Тогда поняли ангелы, что Сатана лгалъ и что онъ возмутился. Ибо всякая ложь и измѣна исходятъ отъ Дьявола.

И вотъ образецъ простой красоты исторической легенды, отъ сюжета которой не отказался бы и самъ Теннисонъ.

„У деджача Убіе былъ любимый монастырь Дарасги. Въ немъ онъ приготовилъ для себя склепъ на случай смерти. Въ этотъ монастырь онъ помѣстилъ свою дочь, вручивъ ее дефтарамъ¹⁹⁾ и монахамъ. Однажды съ долины прибѣжали заудня (стражи), говоря, что вдали показались вооруженные люди. Они думали, что это мятежникъ Тессу. Быстро припрятали монахи священные сосуды и ткани, а дѣвушку заперли въ склепъ. Велико же ихъ было изумленіе, когда передъ ними явился Феодоръ. Какъ всегда Императоръ опередилъ гонцовъ, разыскивая измѣну. Онъ все пожелалъ видѣть въ монастырѣ. Но ему отказали показать склепъ, давая клятву, что здѣсь Убіе приготовилъ для себя могилу. Императоръ, подозрѣвая неладное, ве-

лѣлъ отвалить камень. И что же? Его изумленнымъ взорамъ предстала молодая, прекрасная дѣвушка вся въ слезахъ и въ молитвенной позѣ. Феодоръ забылъ вѣрность къ своей первой женѣ. Онъ освободилъ Убіе и просилъ руки у его дочери, которая не замедлила стать Эфіопской царицей“.

Слѣдующая легенда имѣетъ медицинскій характеръ. Ея назначеніе убѣдить въ силѣ заговора.

Эта легенда тоже любопытна.

„Апостолы просили Христа показать имъ адъ. Христосъ ихъ отговаривалъ, убѣждая, что отъ одного дыма они помертвѣютъ отъ ужаса. Но они продолжали настаивать. Тогда Христосъ показалъ имъ чуть-чуть дыма. Послѣ этого апостолы были 40 дней больны. Когда они выздоровѣли, то пожелали узнать средство отъ вѣчнаго огня. Христосъ далъ нижеслѣдующія слова, которыя суть имена Божества на таинственномъ языкѣ, слова, которыя онъ открылъ только Аврааму, Моисею, Маріи и матери Іоанна Крестителя.“

Рафу, Рафу, Рафу, Раку, Раку, Наросъ (три раза), Каросъ (три раза), Фаллосъ (три раза), Тсираэль и т. д.“. Въ этой легендѣ чувствуется то же настроеніе, какъ и у имяхлавцевъ.

РЕЛИГИЯ.

Какъ образчикъ исторической прозы, приведу отрывокъ изъ хроники алаяка Уальда-Маріамъ.

Когда Менеликъ былъ уведень изъ родной страны Шоа, Феодоръ обращался съ нимъ первое время какъ съ сыномъ. Впрочемъ всѣ офицеры и вся армія оказывали почетъ и уваженіе молодому принцу. Менеликъ провелъ все это время въ Макдаля подъ стражей раса Убіе, въ обществѣ съ лиджемъ Машаша, сыномъ короля, и съ двумя молодыми людьми, которые его не оставляли. Позже негусъ далъ Менелику свою дочь въ жены.

Но только Менеликъ сталъ зятемъ Императора, какъ онъ ушелъ изъ Макдаля съ матерью и шоанскими людьми. Путешествіе совершалось ночью. Въ дорогу выходили когда наступалъ вечеръ.

Рано утромъ Императоръ сѣлъ на свою лошадь Кутама и отправился въ крѣпость. Въ сильномъ раздраженіи, онъ велѣлъ вывести всѣхъ плѣнниковъ и сказалъ позвать сына принцессы Уолло Уоркитъ. Послѣдній былъ внукомъ Императора, почему люди изъ свиты думали, что лиджемъ ожидаетъ милость и поспѣшили его позвать. То же думалъ и юноша, такъ какъ онъ сказалъ Императору: „Джангой, я твой сынъ. Позволь мнѣ завтра сѣздить на праздникъ въ Жанбаръ, и дай мнѣ что нужно на дорогу“.

Но сердце Феодора уже отвортилось отъ милосердія. Онъ послалъ юношу первымъ, а за нимъ 24 галласкихъ вожда изъ свиты Фарисъ Кассимъ и Али Уададже. Ихъ раздѣли до нага и потащили къ пропасти, которая открывалась подъ Магдаля. Въ эту пропасть ихъ сбросили. Такъ какъ имъ рѣзали саблями руки и ноги, собираясь бросать со скалы, то одинъ изъ юношей, привязанный къ ярму, умеръ раньше. Кто былъ тамъ сказали Императору:

— Джангой! этотъ человѣкъ мертвъ.

— Столкни его съ ярмомъ, сказалъ негусъ.

Когда тѣло юноши бросили, ярмо зацѣпилось за кустарники и повисло надъ пропастью. Негусъ приказалъ не оставлять такъ тѣло висѣть. и тѣло сбросили камнями. Оно упало на дно и разбилось.

Возвращаясь съ казни, царь сказалъ:

— Абуна Салама вѣрно боленъ, если онъ меня не отлучаетъ отъ церкви“.

Даже въ переводѣ чувствуется сила и красота языка; картина встаетъ какъ живая передъ глазами.

ФИЛОСОФІЯ.

Слѣдующій отрывокъ философскаго характера въ русскомъ переводѣ профессора Б. А. Тураева изъ его книги „Изслѣдованіе Зара-Якоба“; можетъ быть образчикомъ необычайно ясной логики абиссинскаго философа.

„Моисей сказалъ: „всякій плотской союзъ нечистъ“. Но разумъ нашъ убѣждаетъ насъ, что тотъ, кто такъ говоритъ—лжецъ и дѣлаетъ лжецомъ своего Творца. Далѣе. Говорятъ, что законъ христіанскій отъ Бога... Но разумъ нашъ говоритъ намъ и убѣждаетъ насъ, что бракъ—установленіе Творца, а монашество уничтожаетъ премудрость Творца, ибо препятствуетъ рожденію дѣтей и уничтожаетъ естество людей... Также и Мухаммедъ говорилъ: „отъ Бога я принялъ то, что заповѣдалъ вамъ“. Мы же знаемъ, что ученіе Мухаммеданъ можетъ быть отъ Бога, ибо мужчины и женщины рождаются равными по числу... Если же одинъ мужчина беретъ 10 женъ, то 9 мужчинъ останутся совсѣмъ безъ женъ, а это ниспровергаетъ установленіе Творца и законы Творенія. Это немногое испыталь я относительно закона брака; если бы я также изслѣдовалъ остальное въ законѣ Торы, христіанскомъ и исламскомъ, то нашелъ бы многое, несогласное съ истиной и правостію Творца нашего, которыя открываетъ намъ разумъ. Ибо Творецъ вложилъ въ сердце человѣка свѣтъ разума, чтобы онъ видѣлъ доброе и злое, и зналъ, что прилично и что нѣтъ, и различалъ правду отъ лжи, и чтобы во свѣтѣ твоёмъ, Господи, мы видѣли свѣтъ. И все, что укажетъ намъ свѣтъ разума нашего, происходитъ отъ источника правды, а то, что говорятъ намъ люди—отъ источника лжи, и разумъ нашъ убѣждаетъ насъ, что все—установленное Творцомъ—справедливо“.

Далѣе авторъ съ такой же отчетливой и ясной послѣдовательностью разбираетъ и другія правила религіозной дисциплины.

При переписываніи книгъ каждый авторъ прибавляетъ отъ себя и дѣлаетъ добавленія, что не считается проступкомъ. Напротивъ вышеупомянутый Зара-Якобъ проситъ въ концѣ своего произведенія развѣять его мысли и идеи, производить дальнѣйшія изслѣдованія, руководствуясь, какъ это дѣлалъ онъ, одной лишь критикой разума. Въ силу такихъ добавленій житія святыхъ превращаются въ сказочныя описанія невѣроятныхъ чудесъ, иногда кощунственнаго характера. Ихъ можно сопоставить рыцарскимъ романамъ, описывавшимъ поединки съ чудовищами, звѣрями и демонами. Святые абиссинскихъ житій летаютъ по воздуху, носятъ на колесницахъ, поднимаются на молніи, ѣздятъ на львахъ, Христосъ ни сходитъ запечатлѣть своей слюной члены святого. Александръ Македонскій, царь

¹⁹⁾ Дафтара ученый, начетчикъ, живущій при церкви.

Навуходоносоръ, даже гонитель христіанства Маркъ Аврелій и самъ Пилатъ попадаютъ въ число святыхъ. Насколько цѣнилась литературная форма даже въ житіяхъ святыхъ видно изъ слѣдующихъ словъ житія Биліа-Петросъ: „Я видѣлъ, что ты пишешь и оканчиваешь книгу (то есть житіа) великую, пріятную по слогу и красивую по письму“. (Б. А. Тураевъ). О другихъ достоинствахъ книги кромѣ какъ о красотѣ формы не упоминается. Насколько художественная форма и безграничная фантазія авторовъ житія можетъ иллюстрировать отрывокъ изъ житія Габра-Манфасъ-Кеддуса въ переводѣ профессора Б. А. Тураева:

„Въ день смерти его плакало 60 львовъ и 60 леопардовъ, плакали горы и холмы, плакали птицы небесныя, померкло солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесныя, тряслась земля, трепетали громъ и молнія. Въ этотъ день пришли Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, пришли 4 животныя носящія престолъ, пришли 24 старца небесныхъ, пришло 59 чиновъ ангельскихъ и 15 пророковъ, пришли и 12 апостоловъ отъ Стефана первомученика до Петра патріарха, совершителя свидѣтельства. Пришли всѣ святые съ отцомъ ихъ Антоніемъ, которые были до сего дня. Пришли младенцы и пришли всѣ святые отъ Адама и были до смерти его. И усугубили эти львы и леопарды и птицы небесныя плачь свой, и говорили горы и холмы: „онъ не ѣлъ ни листьевъ, ни плодовъ нашихъ и травы не ѣлъ онъ отъ насъ“. И вода плакала и говорила: „онъ не пилъ и не вкушалъ отъ меня“. Птицы небесныя говорили: „мы жили, упиваясь сладостью его благовонія“. Львы и леопарды говорили: „мы жили питаюсь прахомъ ногъ его“. И сказалъ отецъ нашъ этимъ птицамъ и звѣрямъ: „чего вы плачете? Если я и умираю, какъ человѣкъ, а все таки не буду погребенъ въ землѣ во гробъ, но взойду на небеси въ томъ видѣ, какъ я нахожусь? И сказалъ Господь нашъ отцу нашему: „почему ты не будешь погребенъ во гробъ? Развѣ изъ пророковъ ты выше Іереміи, или изъ апостоловъ Петра или Іоанна, который обиталъ въ пустынѣ, подобно тебѣ, или Георгія, который много пострадалъ?“ И отвѣчалъ отецъ нашъ Господу: Развѣ Іеремія не сказалъ: „лучше умереть отъ меча, чѣмъ умереть отъ голода!“

Петръ жилъ въ ѣдѣ и питіи и одеждѣ, и когда ему не доставало колосьевъ въ субботу, плоть его не выдерживала и одного дня. При распятіи Твоемъ онъ отрекся отъ тебя трижды; когда его допрашивалъ у вратъ воинъ, онъ не претерпѣлъ, не умеръ съ тобою, отрекся отъ тебя. И Георгій жилъ въ мирѣ, какъ князь въ санѣ называемомъ трибунъ; потомъ подвергли его страданію и ввели въ мѣсто яствъ; онъ попросилъ хлѣба для плоти своей и не вынесъ голода. Іоаннъ жилъ въ пустыняхъ, подобно мнѣ, но онъ ѣлъ медъ дикій и что лучше и слаще его? Цари и князья любятъ медъ болѣе всего.

Я же жилъ 562 года, выйдя изъ чрева матери моей, и не касался ея одежды, не сосалъ ея сосцевъ, не лежалъ на ея ложѣ, не видалъ ея лица, красное оно или черное, не пилъ воды, не ѣлъ ни плодовъ земныхъ, ни травы. Вѣждамъ своимъ не далъ я сна, и поддержки всей плоти моей, но пребывалъ водруженнымъ, какъ столпъ; рука моя не двигалась туда и сюда, и лицо мое не обращалось назадъ. Одежды я не зналъ до сего

дня, и одѣяніемъ мірскимъ—травой и листьями не покрывался. Вѣрно ли это слово, пусть скажутъ горы и холмы, воды и страны, солнце и луна, небо и земля, эти львы и леопарды и птицы небесныя и ангелы. Господи, Ты знаешь тайны мои, скажи!“ И отверзъ Господь уста свои: „да раба вѣрный, Габра-Мокрасъ-Кеддусъ, все это истинно, и нѣтъ неправды въ этомъ!“ И горы, и холмы, небо и земля, солнце и мѣсяцъ, воды и страны и птицы небесныя, львы и леопарды и Ангелы отверзли уста свои и сказали все вмѣстѣ: „истинно то, что онъ сказалъ и не ложно!“ Небо и земля до камней говорили какъ люди: „мы не видимъ подобія его ни съ низа земли, ни съ высоты неба“. Тогда ангелы небесныя изрекли судъ, говоря: „да вознесется душа вмѣстѣ съ плотію сына и да не сокроется она во гробъ“. Іоаннъ присудилъ также, и Петръ съ апостолами присудилъ такъ же, Моисей съ пророками присудилъ такъ же, Георгій съ учениками присудилъ такъ же, Антоній съ монахами присудилъ такъ же. Тогда сказалъ Господь нашъ: „имя того, кто будетъ писать это чудо, Я впишу въ книгу живота, и онъ найдетъ обитель въ царствіи небесномъ. Не коснутся его огонь и ангелы мрака, но примутъ его ангелы свѣта въ мирѣ а радости, будетъ пребывать душа его съ возлюбленнымъ его Габра-Манфасъ-Кеддукомъ, и онъ положитъ сіе чудо, написавъ его, въ домъ своемъ, и въ церкви да будетъ оно свидѣтельствомъ“.

При чтеніи этого отрывка нельзя не обратить вниманія на стройность и пропорциональность его архитектурной постройки. Чтобы провести патристическую идею о превосходствѣ абиссинскаго святого надъ всѣми другими, авторъ собираетъ всю природу живую и неодушевленную и ея творца къ кельѣ святого. Всѣ указываютъ на христіанскіе подвиги Габра-Манфосъ-Кеддуса. Изображается картина абиссинскаго суда, гдѣ Богъ является лишь безпристрастнымъ предсѣдателемъ какъ данія въ абиссинскомъ судѣ. Рѣшаютъ же ангелы и святые. Габра-Манфасъ какъ истецъ сравниваетъ себя съ другими святыми, доказывая свое право на искъ. Эта форма суда смягчаетъ нѣсколько нескромныя требованія Габра-Манфаса. Но понятно, что абиссинскій святой долженъ быть выше всѣхъ остальныхъ; такъ и въ обыкновенной жизни „тсру сау“, честный человѣкъ можетъ быть лишь христіанинъ изъ Абиссиніи. Чтобы воздѣйствовать на читателя авторъ заставляетъ Бога воздать ему за составленіе житія. Такимъ путемъ самое житіе поіобряетъ особую боговдохновенность и силу. Весь отрывокъ читается отъ начала до конца съ возрастающимъ интересомъ благодаря его образности и художественности; интереса бы не было, если бы изложеніе имѣло характеръ риторическихъ похвалъ. Впечатлѣніе усиливается тѣмъ, что и святой и подвиги христіанскіе и вся природа и даже самъ Богъ являются образцомъ въ высокой степени національными. Любовно и проникновенно изображаетъ абиссинскіе землю и рай.

ИСТОРИЯ.

Еще полнѣе дается свобода фантазіи въ историческихъ произведеніяхъ, какъ напр. жизнь Александра Македонскаго. Въ нѣкоторыхъ исторіяхъ Александръ является съ арабскими или египетскими наслоениями, но въ другихъ мы встрѣчаемъ въ немъ христіанскаго царя. Полеты на

орлѣ, которые онъ совершаетъ въ небесный Іерусалимъ служатъ сюжетомъ для абиссинскихъ художниковъ. Такія произведенія могутъ быть отнесены къ разряду романовъ.

АФОРИЗМЫ.

Пословицы, афоризмы, тексты изъ священнаго писанія являются обычнымъ украшеніемъ разговора и литературы. Въ приведенной выше легендѣ о дьяволѣ есть пословица „языкъ то сильный, да нога хрома“. Укажу еще нѣсколько.

„У него нѣтъ тѣни“, то есть, это человѣкъ ничтожный. „Малые глазки видятъ дальше большихъ“. „Женщину узнаютъ по ногамъ“. „Малаго роста человѣкъ настолько же вросъ въ землю“ (то есть интриганъ). „Тонкія губы—губы нескромныя“. „У плута волосы шелковые“.

СУЕВѢРІЯ

Суевѣрія абиссинцевъ содержатъ богатый матеріалъ для легендъ. Буда и дзарры, описанные въ главѣ о религіи, отвѣчаютъ нашимъ чертямъ, бѣсамъ и лѣшимъ. Также они вѣрятъ въ рыжебородыхъ огромныхъ зендо, удавовъ. Нѣкоторыя суевѣрія принимаются всѣми. Напр., кто желаетъ смерти другому, тому надо лишь бросить подъ его кровать дохлую кошку. Когда былъ боленъ Императоръ, многихъ высокихъ лицъ обвиняли въ томъ, что они бросали кошку. Объ этомъ говорили въ столицѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ, какъ говорятъ въ Европѣ объ отравленіи. Распространена въ Абиссиніи вѣра въ „ятитнъ лиджъ“, то есть въ тѣхъ, кто оставался во чревѣ матери 1, 2, 3 года и больше. Его вліяніе гибельно на тѣхъ, кто принимаетъ косо²⁹⁾ и въ другихъ случаяхъ. Дѣйствуетъ одинъ человѣкъ на другого глазами. Поэтому во время ѣды лучше закрываться отъ постороннихъ шамои. Голубой глазъ есть глазъ кошки, а потому его надо особенно остерегаться. Вредно дѣйствіе вечеромъ восходящей луны утромъ восходящаго солнца. Кто обнажаетъ въ это время органы на луну или солнце, тотъ оскорбляетъ луну и солнце и за это наказуется болѣзнію. Весьма опасны церкви въ ночное время, когда нѣтъ въ нихъ службы. Церкви тогда полны чертей, которые даютъ дерзкому пощину, отчего является болѣзнь. А кто вошелъ въ Святая святыхъ кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ, тотъ получаетъ въ наказаніе проказу.

Рѣсницы и уши гіены, зубы крокодила, кожа чернаго козла (когти льва и много другихъ предметовъ являются средствами), предохраняющими отъ разныхъ болѣзней и носятъ какъ амулеты въ мѣшечкахъ.

Гіена, змѣя и обезьяна одни изъ главныхъ героевъ ихъ суевѣрныхъ легендъ. Отношеніе къ обезьянѣ гуреза интересно. Эта небольшая обезьяна водится въ дремучихъ хвойныхъ лѣсахъ, Ея шерсть очень длинная черная и бѣлая блеститъ, какъ шелкъ. Ея голова напоминаетъ монаха въ шапкѣ. Гуреза живетъ на деревьяхъ и быстро передвигается съ одной верхушки на другую. На разсвѣтѣ гуреза оглашаетъ лѣса своими острыми, тоскливыми и странными криками. Она очень пуглива, въ неволѣ погибаетъ

отъ тоски, и уходитъ, завидя далеко человѣка. Абиссинцы вѣрятъ, что гурезы постыятся по средамъ и пятницамъ и что онѣ очень религіозны. Этотъ рассказъ соотвѣствуетъ меланхолическому характеру гурезы.

ЖИВОТНЫЙ ЭПОСЪ.

Въ животномъ эпосѣ какъ въ нашихъ басняхъ скрыта опредѣленная мораль. Абиссинцы любятъ цитировать въ бесѣдѣ такія басни.

Вотъ содержаніе одной изъ нихъ: Мышь, увлекшись молодой слонихой, просила ее у родителей въ жены. „Какъ же ты будешь жить съ ней, такой маленькой?“ удивился отецъ, но подумавъ согласился. Скоро мыши представился случай показать свою силу. Въ страну слоновъ пріѣхали охотники. Выслѣдивъ слоновъ они разбили лагерь. Но ночью мышь привела товарищей, которые перегрызли у муловъ всѣ уздечки и всѣ веревки въ лагерѣ. Охотники не могли выступить на охоту, а слоны ушли въ другую сторону. Эту басню мнѣ разказалъ расъ Тасама, защищая свое намѣреніе въ 1912 г. послать въ Россію абиссинскимъ представителямъ ато²¹⁾ Уонди, человѣка незначительнаго происхожденія, но талантливаго и преданнаго Россіи,

ИГРЫ.

Переходя къ играмъ, нужно сказать, что помимо пѣсни и музыки въ играхъ много драматическаго дѣйствія и діалога. Во многихъ изъ этихъ игръ можно видѣть зачатки драмы.

Маленькія дѣти играютъ въ куклы, въ жмурки, прятки, кошки и мышки, въ змѣя, въ щипки; устраиваютъ качели изъ веревки или качаются на рукахъ, держась за вѣтки деревьевъ; вертятся волчкомъ, схватившись по двое за руки и упиравшись носками другъ въ друга. Мальчики метаютъ въ цѣль дротик-палки, послѣ чего проигравшій ложится животомъ на землю, а побѣдитель ходитъ по немъ ногами.

Въ жмурки одному закрываютъ глаза, закутывая голову въ шаму. Другой играетъ на крарѣ двѣ мелодіи. При одной поется—ты не нашелъ. При другой—ты подошелъ. Этимъ обозначаютъ, правильно-ли ищетъ ребенокъ съ завязанными глазами остальныхъ.

Наша игра въ „кошки и мышки“ у абиссинцевъ называется „мистойе“—женушка.

Въ женушку играютъ такъ:

Дѣти становятся въ кружокъ, Котъ снаружи, женушка въ срединѣ. Хороводъ поетъ: „моя женушка, моя женушка, длинные волосы у женушки.—Облака на небѣ“ Когда котъ врывается въ кругъ женушка выходитъ наружу. Когда женушка поймана, молодые садятся верхомъ на двухъ играющихъ и ѣдутъ къ родителямъ. Здѣсь происходитъ пиръ. Хоръ поетъ. Вдругъ котъ говоритъ: „держи“ и хватаетъ женушку. Подружки кричатъ: „караулъ“. Женушка садится на мула и уѣзжаетъ.

Прятки, называются „кулькулю“ (пѣтушекъ). Маленькая дѣвочка Таботъ держитъ на колѣняхъ голову пѣтушка. Пѣтушекъ кричитъ: „Кулькулю, кулькулю“. Таботъ отвѣчаетъ: „еще не свѣтаетъ“. Когда всѣ попрятались, Таботъ гово-

²⁹⁾ Косо, глистогонное, получаемое отъ цѣтовъ большого мѣтнаго дерева изъ семейства розоцвѣтныхъ.

²¹⁾ Ато—господинъ.

ритъ: „день насталь: ищи!“ Кулькулю начинаеть искать.

Игра въ змѣя сложная и образная. Въ ней много разговора и изображенія разныхъ дѣйствій: куренія, кашля, приниманія лѣкарствъ и пр.

Въ „алягой“ дѣти садятся въ рядъ съ вытянутыми ногами, скрестивъ руки за спиной. Въ срединѣ сидитъ „аляка“, начальникъ игры. Одна рука у него за спиной, другая держитъ палочку.

Въ началѣ игры поется молитва: „прошу тебя, мама Марія, пусть моя нога будетъ первой“. Затѣмъ поютъ:

Алягой, алягой,
Гарадіе, аляйге,
Гарадіемъ Маріамъ сема,
Беркума тасакема, и т. д.

и оканчиваютъ словомъ, „толо—скоро“.

При каждомъ словѣ стиха, аляка по очереди показываетъ палочкой на ногу сидящихъ, считая и свои. При словѣ толо, нога, на которую упало это слово, подымается, колѣно этой ноги приближается къ лицу. Ребенокъ, обнимая колѣно вытянутой ноги, говоритъ: „вышелъ изъ пропасти“. У кого обѣ ноги вышли, считается счастливымъ, „гетой“ ²²⁾ И у кого обѣ ноги остались вытянутыми, тотъ горюетъ, а его жалѣютъ. Нога оставшаяся на землѣ послѣдней, наказывается. Аляка спрашиваетъ: „на землѣ или на небѣ?“ Если на небѣ, ногу поднимаютъ высоко и ударяютъ слегка о землю. Если на землѣ, ногу поднимаютъ чуть-чуть надъ землей, но ударяютъ о землю съ силой. Затѣмъ всѣ садятся въ порядкѣ, въ какомъ вышли, на корточки и говорятъ, трогая руками при одномъ стихѣ землю, при слѣдующемъ колѣно: „Сдѣлай для меня кракъ, какъ газель!

Дамъ тебѣ кеты ²³⁾ изъ шумбуры ²⁴⁾,
Дамъ тебѣ кеты пшеничной,
Дамъ тебѣ куоло ²⁵⁾ изъ шумбуры“.

²²⁾ Господиномъ.

²³⁾ Кета—хлѣбъ.

²⁴⁾ Шумбура—горохъ.

²⁵⁾ Куоло, зерно, вымоченное въ соленой водѣ и высушенное на огнѣ.

²⁶⁾ Кремтъ, періодъ дождей.

По знаку аляка подымается быстро первый, держа, руки на колѣняхъ. Если при этомъ колѣно издало трескъ, онъ выигралъ. Проигравшихъ зовутъ „буда“, колдунъ, или сифилитикъ.

При игрѣ въ шипокъ кисть одной руки накладывается на другую и держитъ ее въ шипкѣ между двумя пальцами. Нѣсколько играющихъ образуютъ такимъ образомъ пирамиду изъ рукъ. Та рука, которая внизу, подымается и опускаетъ всю гору рукъ. Дѣти напѣваютъ. Затѣмъ хозяинъ нижней руки неожиданно говоритъ: „разсыпьтеся“. Руки разъединяются, и ихъ прикладываютъ къ лицу, дѣлая видъ, что плачутъ.

Очень часто послѣ игрѣ побѣдитель садится на плечо другого, какъ на лошадь, и заставляетъ себя возить.

Любимая игра въ мячъ называется „гана“. Въ нее играютъ большія партіи не только дѣтей, но и взрослыхъ. Мячъ дѣлается изъ тряпокъ, иногда обтягивается кожей. У каждого играющаго палка съ кривымъ сучкомъ, какъ при игрѣ въ гоккей. Играющіе образуютъ два города, бета (домъ). Каждый бетъ старается загнать мячъ за черту въ чужой городъ. Выигрышъ отмѣчается на каждой сторонѣ однимъ очкомъ. Игра тянется долго. Сперва выбираютъ двухъ „абата“ (отцовъ). Они мѣряются, кому выбирать играющихъ. Избиратель спрашиваетъ каждую пару играющихъ, которые подходятъ по очереди.

— Кто вы?

— Конь и мулъ.

Онъ беретъ себѣ одного, другого отсылаетъ въ противный бетъ. Игра сопровождается пѣніемъ, импровизаціей стиховъ и проходитъ съ необычайнымъ оживленіемъ, привлекая много публики. Для игры требуется большая площадка.

У взрослыхъ есть свои игры.

Шахматы—сантавачъ—были особенно распространены при Гондарскомъ дворѣ среди знати.

Габата (столъ) встрѣчается по всей Абиссиніи, даже у негровъ. Въ габата играютъ дѣти и взрослые, ашкеры, господа, дома, на улицѣ, въ дорогѣ, на землѣ и на столѣ. Впервые игрѣ научилъ, говорятъ царицу Савскую Соломонъ. Габата состоитъ изъ 10, 12 или 14 гнѣздъ. Въ каждое гнѣздо кладутъ 4 шарика. Бросаютъ жребій, кому начинать. Начинаящій перекладываетъ изъ одного гнѣзда 4 шарика въ другія по опредѣленнымъ правиламъ. Правиль для игры очень много, какъ у насъ для игры въ карты. Игрой этой абиссинцы сильно увлекаются и нерѣдко габата кончается дракой.

Изъ физическихъ упражненій у взрослыхъ наиболѣе распространена игра въ бичи и „гуксъ“.

Къ игрѣ въ бичи готовятся продолжительными упражненіями во время дождей. Молодежь старается хлопнуть въ воздухъ длиннымъ бичемъ такъ, чтобы ударъ былъ слышенъ далеко, какъ выстрѣлъ изъ ружья. Затѣмъ устраиваются поединки. Противники становятся другъ противъ друга на такомъ разстояніи, чтобы можно было задѣть концомъ ремня. На такихъ поединкахъ иногда забиваютъ на смерть, а иногда повреждаютъ лишь глаза. Говорятъ, что этимъ временемъ, концомъ кремта ²⁶⁾ пользуются, чтобы во время игры освободится отъ соперника или врага.

Гуксъ—игра болѣе благородная. Она соответствуетъ рыцарскимъ турнирамъ или современнымъ каруселямъ. Играютъ въ гуксъ на новый годъ или маскаръ и въ другіе дни. Гуксъ былъ любимой

игрой Менелика II. Внукъ его Лиджъ Яссу также отличается въ гуксъ среди золотой молодежи. Для гукса требуется прежде всего быть хорошимъ наѣзникомъ, крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ, владѣть конемъ. Второе требование—это метать и принимать щитомъ ударъ. Лошадь должна быть хорошо выѣзженная, свѣжая и горячая.

Я знаю болгарина Николая, который играетъ въ гуксъ не хуже любого абиссинца. Дротикъ въ игрѣ замѣняется палкой, но все-же игра опасна. Сила удара на скаку лошади бываетъ такъ велика, что палка пробиваетъ щитъ, а попавъ въ спину противника укладываетъ его на смерть.

Игра въ гуксъ бываетъ одинъ на одинъ или партіями.

Гуксъ это большой праздникъ. Всадникъ выѣзжаетъ въ блестящей лемпдѣ или съ леопардовой шкурой на спинѣ. Львиная грива на головѣ придаетъ ему мужественный, гордый видъ. Въ его лѣвой рукѣ золотой щитъ, а въ правой дротикъ. Онъ весь вытянулся на лошади и притомъ къ парадному сѣдлу. Лошадь сверкаетъ серебряной сбруей. Она танцуетъ на мѣстѣ, вся горитъ нетерпѣніемъ, и ея красивые большіе глаза на сухой головѣ мечутъ пламя. Короткимъ галопомъ, согнувъ шею, она выноситъ своего господина на большую ровную площадъ, окруженную народомъ. Сотни и тысячи европейцевъ и абиссинцевъ собрались поглядѣть на это великолѣпное зрѣлище. Волненіе передавалось всаднику. Держа лошадь на поводьяхъ, онъ скачетъ на другой конецъ поля, гдѣ его ждетъ противникъ. Подѣхавъ вплотную, онъ дѣлаетъ вызовъ. Бой начался. Конь какъ вихрь иногда на однихъ заднихъ ногахъ поворачиваетъ назадъ и

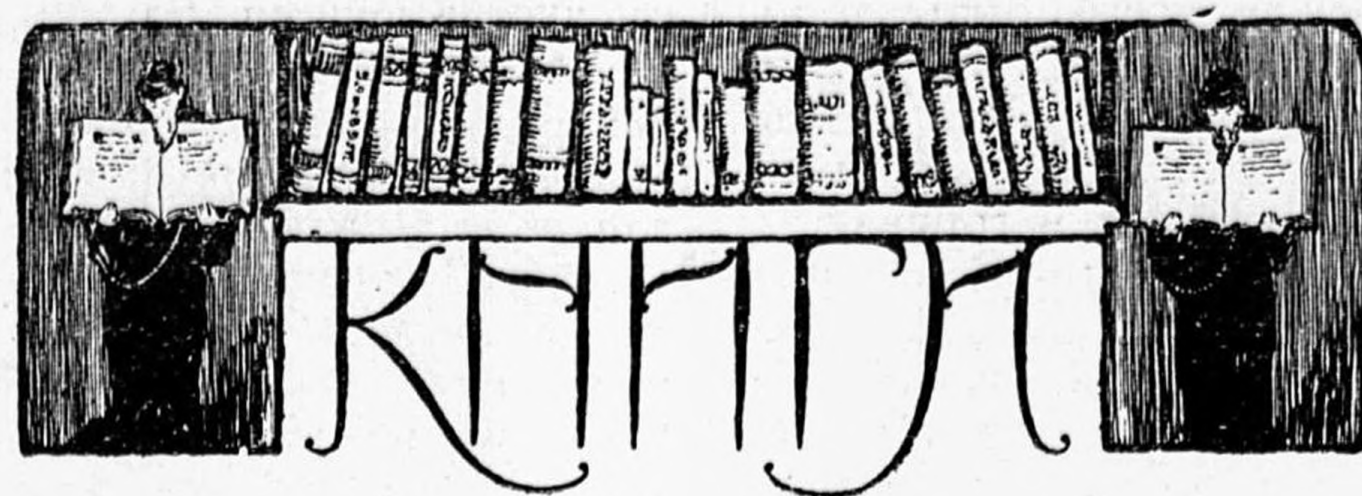
чуя свободу и переживая бой, онъ несется обратно. Его гета (господинъ) повернулся лицомъ къ наступающему всаднику и ловитъ дротикъ на подставленный щитъ. Противникъ на скаку наклонился впередъ и впился глазами въ щитъ. Дротикъ виситъ на ладони правой руки, согнутой въ локтѣ. Рука отведена къ плечу и вибрируетъ. Дрожаніе передается дроту и вдругъ онъ вылетаетъ какъ стрѣла или птица. Всѣ глаза устремились за нимъ. Вотъ въ сторону качнулся торсъ вызывавшаго всадника. Блеснулъ повернутый щитъ и съ сухимъ ударомъ принялъ дротикъ, который падаетъ на землю. Теперь очередь принадлежитъ наступающему. Все больше и больше разгораются страсти. Окрашенная кровью пѣна покрываетъ удила; въ пѣнѣ весь крупъ коня: онъ горитъ и въ серебряное ржанье выливаются его расходившіяся страсти. Всадники мечутъ другъ въ друга и дротики и пламенные, полные крови лучистые взоры. Какъ прекрасно всю душу, всю силу вложить въ одинъ моментъ, въ одно желаніе въ одинъ порывъ. Гибокъ и ловокъ всадникъ, легки и свободны его движенія; стройно его упругое тѣло, сквозящее черезъ красивыя складки одежды, но лошадь еще прекраснѣе. Она почти не касается земли. Ея хвостъ поднятъ на воздухъ. Ея гривой играетъ вѣтеръ. И каждый мускулъ ея горячаго тѣла сквозитъ черезъ кожу, какъ черезъ складки одежды. Какъ напряжена вся ея нервная система въ эту минуту. Какъ безкорыстенъ ея порывъ, и полно ея наслажденіе. Если-бы человѣкъ былъ способенъ жить такъ-же сильно, всѣмъ своимъ существомъ, чего-бы онъ не совершилъ и не достигъ.

Александръ Кохановскій.

Танцы.

Даріоновъ.

СЛЫХАЛИ-ЛЬ ВЫ...

Помните?—

Слыхали-ль вы за рошей в часе ночной.
Пѣвца любви, пѣвца своей печали...

Это не о Дмитріѣ Цензорѣ?
Это не о его книгѣ „Легенда будней“?
Это не о первой части этой книги „О любви и печали“?

ВСТРѢЧИ.

Суждены намъ случайности встрѣчъ.
Насъ влечетъ съ колыбели
Мелодичная рѣчь
Къ невѣдомой цѣли.
Кто то рядомъ идетъ и незримъ
Въ свѣтѣ луннаго диска.
Мы грустимъ и горимъ
Такъ близко, такъ близко...
Мнѣ приснились черты при лунѣ.
Кто же ты? Я не знаю..
Но въ начертанномъ снѣ
Мы близимся къ раю...
О, святые случайности встрѣчъ,—
Какъ свѣтла ихъ загадка!
А надежду беречь
Такъ сладко, такъ сладко!...

Это не Ленскій написалъ Ольгѣ Лариной?

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Листья золотистые падаютъ въ саду.
Я люблю ихъ шелесты. Я туда пойду.
Тамъ ковры червонные, между черныхъ пней,
Пахнутъ увяданіемъ съ каждымъ днемъ сильнѣй.
Долго-долго по саду я бродить готовъ.
Вонъ поникла дѣвушка въ желтизнѣ кустовъ...
Какъ она задумчива! Цвѣтъ ея волосъ
Ласково сливается съ золотомъ березъ.
Дѣвушка печальная, что ты ищешь тамъ?
Что подносишь медленно къ сердцу и устамъ?
Отчего устала ты? Отчего блѣдна?
Поброди съ мечтателемъ, если ты одна...
Дѣвушка испуганно въ даль уходитъ прочь.
Потемнѣло золото. Скоро будетъ ночь.
Сказочныя сумерки развернулъ закатъ.
Листья осыпаются. Листья шелестятъ.

Это не Таню Ларину встрѣтилъ поэтъ?

Мои глаза печальные
Впиваются въ твои—
Не близкіе, не дальніе,
И самъ не знаю чьи...
Разсвѣта-ли, заката-ли
Исполнены они?
Какую тайну спрятали
Ихъ странные огни?
Я ухожу овѣянный
Твоею глубиной,
Не знаю самъ—осмѣянный
Иль близкій и родной...
И не хочу побѣдою
Утѣшиться,—о, нѣтъ!
Пусть никогда не вѣдаю,—

Ты полночь или свѣтъ.
Мнѣ дорого томленіе
Непонятаго „Да“.—
Быть можетъ—на мгновеніе,
Быть можетъ—навсегда...

Это не накануне-ли дуэли съ Онѣгинымъ
набросано имъ трепетной рукой?

Слыхали-ль вы за рошей в часе ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Если не слышали, такъ берите скорѣй книгу
„Легенда будней“.

Любовь!—Святая съ улыбкой жгучей,
Голгофа счастья,—любовь, любовь!
Казни и смѣйся, пьяни и мучай,
Костеръ багряный душѣ готовъ!
Я твой невольникъ. Я, изстуженный,
Лобзаю тѣни твоихъ слѣдовъ,
Благословляю мой бредъ влюбленный,
Вериги страсти въ хмелю цвѣтовъ.
Онѣ любили. Онѣ склоняли
Уста сухія къ моимъ устамъ.
Бросали розы. Но розы вяли.
Шипы остались, глубоко—тамъ...
Благословляю тоску и муку,
Благословляю и страсть и стыдъ,
И эту руку, и эту руку,
Что въ тайномъ кругѣ меня влачитъ!

Милый баловень судьбы добродушный, без-
шабашный, лѣнивый и радостный Митя Цензоръ.

Онѣ—всеобщій любимецъ: мужчины его лю-
бятъ, женщины—влюблены въ него...

Пусть его книгу всѣ встрѣчаютъ такъ же
привѣтливо какъ его самого.

ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

Зналъ я въ Москвѣ одного актера, который,
какъ двѣ капли воды, былъ похожъ на Пушкина.
Подойдетъ бывало къ памятнику Пушкина
на Тверскомъ бульварѣ, встанетъ въ позу,—всѣ
обертываются,—пальцемъ показываютъ:

— Настоящій Пушкинъ!

Тотъ актеръ думалъ что въ этомъ сходствѣ
съ Пушкинымъ—его счастье.

А я такъ думалъ, что въ этомъ сходствѣ—
его несчастье.

И никогда онѣ не выбьется въ люди. Все
будутъ пальцемъ на него показывать:

— Настоящій Пушкинъ.

Молодой, безусловно талантливый поэтъ Але-
ксѣй Липецкій написалъ въ стихахъ повѣсть
„Надя Данкова“ въ явное и удачное по формѣ
подраженіе Пушкинскому „Евгенію Онѣгину“.

Да такой степени схожа что всѣ пальцемъ
показываютъ:

— Настоящій Пушкинъ!

Алексѣй Липецкій думаетъ, что въ этомъ
сходствѣ его счастье:

А по мнѣ—несчастье.

Впрочемъ поэтъ самъ проситъ судить его не
за эту „Женю Онѣгину“ и въ посвященіи мнѣ
пишетъ:

Ваше око слишкомъ взыскательно,
Но не судите поэму сію;
Я еще не высказалъ окончательно
Любовь и силу свою,
Еще будутъ такіе же томики
Изъ отдѣльныхъ стиховъ и поэмъ.
И скептики будутъ довольны и комикъ,
Угожу всѣмъ!

Будемъ ждать.

Будемъ ждать когда Алексѣй Липецкій пере-
станетъ походить на Пушкина и станетъ похо-
дить на самого себя.

Будемъ ждать, когда, читая его стихи чита-
тели будутъ восклицать:

— Настоящій Липецкій!

Лучше быть настоящимъ Липецкимъ, чѣмъ
„настоящимъ“ Пушкинымъ!

КАМНИ.

Въ книгѣ Олега Леонидова „Стихи“ лучшій
отдѣлъ это — „Камни“.

Поющіе камни большихъ городовъ.

Талантливый поэтъ воспѣваетъ городъ съ его
автомобилями, кинематографами, ширманщицами,
экзаменами, маскарадами..

Въ предразсвѣтныхъ обманахъ безшумно моторы
Ускользнутъ, какъ тѣни, въ пейзажной дали.
Неувѣренны клятвы, измѣнчивы взоры
И отъ губъ опьяняющій запахъ шабля.
Предлагаетъ мальчишка увидѣть розы—
Онѣ бросаетъ навязчиво въ окна цвѣты.
Я въ глазахъ вашихъ вижу и печаль, и угрозы,
И сокрытую боль неживой пустоты.
Отгонявъ отъ себя предразсвѣтныя думы,
Наклоняюсь къ рукѣ и цѣбую кольцо.
Ночь не кончилась. Дремлютъ докучные шумы.
Мы ночные. Дай плечи. Лицо!..
Но усталыя руки не просятъ объятій
Мы—чужіе—встрѣчаемъ безрадостный день
Нѣтъ ни жалобъ, ни слезъ, ни огня, ни проклятій.
Пустота одиночества... Скука... И лѣны!..

Вотъ шарманщица:

Блѣдная шарманщица съ черными глазами
Поступью усталую ходитъ по дворамъ.
Держитъ клѣтку съ птичкою смуглыми руками
И поетъ подъ окнами, и киваетъ вамъ...
Улыбнитесь ласково, дайте „счастье“ вынуть—
Расцвѣтетъ отъ радости блѣдное лицо:
Мало ей копейку торопливо кинуть—
Нуженъ взоръ привѣтливый, теплое слово...
Блѣдная шарманщица „счастье“ вынимаетъ,
Вынимаетъ каждому и беретъ гроши,
Одного не вѣдаетъ, одного не знаетъ:
Какъ ей вынуть счастье для своей души?..

Вотъ кинематографъ:

Мракъ... Картины... Шепотъ... Тѣни...
Бѣтъ недремлющей мечты..
Экзотическихъ растеній
Ароматные цвѣты.
Перелеты, сказки драмы.
Сновъ и видовъ длинный рядъ:
Берега широкой Камы.
Атлѣ сверкающій нарядъ..
Безучастный звукъ рояля.
Зачарованный экранъ,
Гдѣ сплелся въ лазурной дали
Правда, шутка и обманъ...
Въ полчаса мы облетѣли
Сѣть народовъ, городовъ;
Жажда знанья зрѣетъ въ тѣлѣ,
Жажда новыхъ, чудныхъ словъ,
Жажда вѣчныхъ откровеній

Въ яркомъ блескѣ красоты..
Мракъ... Картины... Шепотъ... Тѣни...
Бѣтъ недремлющей мечты...

Вотъ любовь:

Мнѣ читалъ онѣ много изъ Бодлера,
Много строфъ плѣнительныхъ стиховъ,
Чаровалъ причудами размысла,
Знойной лаской прихотливыхъ словъ.
Принесилъ въ часы вечернихъ тѣней
На балконъ душистые цвѣты
И въ тиши своей любви осенней
Никогда не смѣлъ промолвить „Ты“..
До утра цвѣты благоухали,
Проникалъ огонь изъ-за портьеръ,
До утра въ большой пустынной залѣ
Четко раздавался трепетный Бодлеръ.
Ожидая дерзкаго порыва,
Я была надменно холодна,
Какъ мечта ваятеля красива
И какъ глыба мрамора блѣдна.
Я ждала безудержныхъ признаній,
Держкихъ и томительныхъ рѣчей,
Какъ слѣпящій свѣтъ горящихъ зданій,
Иль концы отточенныхъ мечей...
Но стихи смѣняются стихами—
Онѣ со мной несмѣлый кавалеръ,
По нѣмой робости къ прекрасной дамѣ...
И звучитъ попрежнему... Бодлеръ.

Вотъ дитя:

Ей только девять лѣтъ... А балыныя перчатки
Скрываютъ наготу красивыхъ дѣтскихъ рукъ,
Завитый локончикъ упалъ на лобикъ гладкій,
На бѣлыхъ туфелькахъ и пряжка и каблукъ...
Сжимаетъ хрупкій станъ затянутое платье;
Въ антрактахъ слышится салонный разговоръ...
И бросить я хочу горячее проклятье
Тому, кто потушилъ ребяческій задоръ.
Кто сдѣлалъ изъ нея забавную игрушку
И, пышно нарядивъ, повезъ съ собой въ балетъ,
Напудрилъ ей лицо, къ щекѣ приклеилъ мушку.
...Кто это совершилъ, тому прощенья нѣтъ..

Олегъ Леонидовъ весь въ городѣ и въ со-
временномъ городѣ. Напрасно онѣ резонируетъ.

Впрочемъ и изъ эпохи париковъ у Олега
Леонидова есть миленькія камейки:

Сегодня маркиза не въ духѣ:
Весь день поясница болитъ,
Стрѣляетъ въ напудренномъ ухѣ,
И правая щека горитъ.
Сегодня не будетъ пріема,
Хотя и уѣхалъ маркизъ,
Хотя для красавца—Гильома
Отъѣздъ этотъ, право, сюрпризъ.
Сегодня маркиза скучаетъ
И въ залѣ пустынной одна
О балѣ минувшемъ мечтаетъ,
Глядя на узоры окна.
Сегодня не будетъ пріема.
Но, знайте, ревнивый маркизъ,
Что прелесть и ловкость Гильома
Большой вамъ готовить сюрпризъ!..

Не все одинаково удачно въ „Стихахъ“ Олега
Леонидова. Но удачного больше чѣмъ не-
удачного.

ПУТЬ АГАСӨЕРА.

Предисловіе къ книгѣ стиховъ Ал. Вознесен-
скаго написалъ Леонидъ Андреевъ.

Въ стихахъ Ал. Вознесенскаго меня привлекаетъ ихъ
затаенная тревога мысли. Въ нихъ есть что-то безсонное:
это душа, которая никогда не спитъ и не знаетъ колы-
бельныхъ, баюкающихъ пѣсенъ. Но только у дна нѣтъ
сновидѣній: есть у безсонницы свои безсонныя грезы—тѣ
странныя сочетанія ясности и мглы, ритма дня и ритма
ночи, что какъ знакомые предметы въ туманѣ: и тѣ,
и не тѣ.

Стихи всегда только сонъ, какъ и музыка: иныхъ

Рисунок.

П. Герардов.

нѣтъ стиховъ и нѣтъ иной музыки. То, что глаза открыты, когда слушаешь стихи или музыку, еще ничего не доказываетъ; и многие слушаютъ музыку съ закрытыми глазами: такъ ближе къ правдѣ. Но кто сталъ бы терпѣть искусственность стиха, неправдоподобіе рифмы, назойливый ритмъ, кто сталъ бы терпѣть темную власть музыки, если бы онъ уже не нашелъ все это въ своихъ темныхъ искусственныхъ, неправдоподобныхъ снахъ, уже не подчинялся бы многократно власти могучаго настроения.

И книга стиховъ Вознесенскаго—книга философскихъ настроеній.

Такое предисловіе ко многому обязываетъ.

Тѣмъ болѣе, что дальше Л. Андреевъ еще добавляетъ:

Отнимите у подлинной философіи все кое настроеніе, и она превратится въ математику, перестанетъ быть философией, исчезнетъ; увеличьте настроеніе, наполните имъ философію до краевъ—и она станетъ стихами, зазвучитъ Вагнеровской музыкой...

Въ стихахъ Ал. Вознесенскаго менѣе всего музыки.

Они въ большинствѣ случаевъ тяжелы и скрипучи.

Но настроеніе всегда есть.

Онъ не стѣсняется ризовать „хозяинъ“ и „глинтвайнъ“, не стѣсняется съ цезурой.

МѢХОВЩИКЪ.

Жена, откинувъ голову, смѣялась, а я

Закрывъ глаза, припадалъ къ губамъ красно-яркимъ. Она подъ поцѣлуемъ замирала, какъ амѣя—Подъ южнымъ солнцемъ волнуемо-жаркимъ. Въ этотъ день—съ тѣхъ поръ уже годъ миновалъ—Завороженный ея ласковымъ ртомъ и духами. Я вышелъ и—весь въ радости—ѣхалъ на вокзалъ, Чтобы отправить свои ящики съ мѣхами. — Безъ этихъ документовъ я принять не могу, Сказалъ мнѣ конторщикъ съ длиннымъ носомъ. — Назадъ!.. Въ кабинетъ я почти на бѣгу. Взялъ бумаги... И вдругъ заслылъ съ холодящимъ вопросомъ...

Въ ванной комнатѣ—я стоялъ у портьеры жена моя, Откинувъ голову, смѣялась. Кто-то жадный безъ опаски, Закрывъ глаза, цѣловалъ ея ротъ и, какъ амѣя, Она замирала подъ солнцемъ его ласки... Уже годъ въ этой клѣткѣ брожу я, какъ звѣрь. Завтра судъ... Ничего! Тотъ назадъ не вернется... Но кто эти двое, что цѣлуютъ теперь, Когда она, откинувъ голову, смѣется?

Развѣ въ прозѣ это не было-бы лучше и... музыкальнѣе?

АВТОМОБИЛЬ.

Дѣвушка пятнадцати лѣтъ умирала. Ужъ не было больше надежды, и врачи Иногда приходя изъ сосѣдняго зала, Садилась и сидѣла молча, какъ сычи. Вдругъ дѣвушка тихонько сказала: я знаю... И мать наклонилась съ улыбкой надъ ней. И надъ ртомъ улыбка не сходящая съ края Слеза, вѣчно-скрытая, стала сразу видной. «Не плачь, мама... Теперь сдѣлать одно только надо,

И это поможетъ... и я не умру»...

— Воды не давайте, дайте лучше лимонада,— Сказалъ докторъ, продолжая проигранную игру. «Нѣтъ, не то... Ты пошелъ за самымъ лучшимъ автомо-

билемъ, За самымъ быстрымъ автомобилемъ, какой въ городѣ есть,

И помчимся... полетимъ... такъ движеніе усилимъ, Что никто ужъ... Ахъ, если-бъ такой изобрѣсть! — Вамъ вредно волноваться... И упала головка На подушку, и дѣвушка закрыла глаза. Мать поправила подушку «тебѣ такъ неловко», И откинулась: у рта переполнялась слеза... И мать снова молилась Невѣдомой Силѣ, А врачи молчали, испытавъ все пути... Лишь мертвая дѣвушка знала объ автомобилѣ, Который—одинъ—могъ ее спасти.

Развѣ это не стихопроза?

И все-таки прочтешь книгу Ал. Вознесенскаго съ удовольствіемъ, потому что она—оригинальна.

И темы.

И подходъ къ темамъ.

ПЕНСНЭ КОРОЛЯ.

Короля лишили престола. Такъ любилъ его добрый народъ Безъ различія возраста и пола— И вдругъ глупое слово: гнетъ! И еще болѣе пошлое: свобода! Король едва убѣжалъ Отъ обожавшаго его народа: Увидѣлъ безъ флаговъ вокзалъ, Увидѣлъ курившаго жандарма, Чего онъ не видѣлъ во-вѣкъ, Увидѣлъ каяту безъ всякаго шарма, И сталъ въ Англіи жить, какъ человѣкъ... Легко это сказать про человѣка, Но чтобъ на дѣлѣ ему подражать, Нельзя цѣлый день, какъ калѣка, На шелковой козеткѣ лежать! Что же дѣлать? Король этой думой Дни и ночи массировалъ умъ, Обладая достаточной суммой, Чтобы оплачивать медлительность думъ. Но сколько ни думалъ—напрасно: Онъ дѣлать ничего не умѣлъ... Какъ вдругъ въ это время король несчастный (Не отъ слезъ-ли?) глазами заболѣлъ. Глазной профессоръ, трясясь отъ почтенія, Прописалъ пенсенэ для короля. И во второе же замѣтилъ посѣщеніе, Что король все поетъ: тру-ля-ля... Словно избѣжавшій меча Дамокла, Наслаждался король жизнью врасосъ: То снималъ пенсенэ, то теръ стекла, То опять надѣвалъ на носъ... Наконецъ, на двѣнадцатомъ блюдѣ Экск-королевскаго diner Онъ всколыхнулъ молвилъ: «Профессоръ, вѣдь не все люди Умѣютъ носить пенсенэ?»

Или вотъ еще:

ШОКОЛАДЪ.

Жена вернулась домой И принесла коробку шоколада. Взглядъ ея былъ прямой: Прямо мужнина взгляда. Мужъ оторвался отъ листа, Покрытаго множествомъ чиселъ, И спросилъ: «а сдача со ста?» И видъ его при этомъ былъ кисель. Жена подошла, обняла, обожгла Макушку, гдѣ волосъ былъ рѣдокъ: «Ничего, что я принесла Мужу любимыхъ конфетокъ?» Мужъ улыбнулся и тихо поднесъ Къ губамъ теплыя женнины ручки. «Она тебя любитъ, старый песъ, А ты ворчишь на ея отлучки»... Жена быстро считала въ умѣ, Сколько вычестъ за конфеты со сдачи? (Ихъ любовникъ ей далъ въ полутыщѣ). Мужъ понялъ раздумье иначе:

Сейчасъ онъ усадитъ жену, и у ногъ Ея—виновато-любящій—ляжетъ...

Правду знаютъ любовникъ и Богъ, Но никто изъ нихъ ничего не скажетъ.

Почему книга названа „Путь Агасѣра?“

Правду знаетъ Ал. Вознесенскій и Богъ.

Но никто изъ нихъ ничего не расскажетъ.

НОЧНЫЕ СОБЛАЗНЫ.

Соблазнительное заглавіе для своей книги стиховъ придумалъ Михаилъ Гартевельдъ.

Но ничего грѣховно-соблазнительнаго въ самой книгѣ нѣтъ.

Напротивъ она пролессирована какою-то холодною, но красивою грустью.

Авторъ видимо талантливъ, но еще не самостоятеленъ.

Онъ тянется и къ Брюсову, и къ Блоку,—отвлекается отъ самого себя.

Это пройдетъ.

Какъ исчезнуть и досадныя ошибки версификаціи вродѣ:

Какъ бы озаренные блескомъ грядущихъ побѣдъ.

Или:

Водный путь, войны спать, на кормѣ и носу...

Авторъ очевидно слово „войны“ читаетъ „войны“.

На стр. 25 такъ и есть:

Войны, шумно оружие бросая
Воздаютъ мнѣ хвалу какъ богамъ.

„Шандалъ“, а не „шандаль“... и т. д., и т. д.

Все это, повторяю и неуклюжесть и перепѣвность стиха пройдетъ, потому что въ общемъ М. Гартевельдъ обладаетъ вкусомъ, его образы картинятся и въ эпитетахъ нѣтъ пошлости.

РЕВНОСТЬ.

Видишь, черный бархатъ колышется портьеры? Слышишь легкій шумъ заглушенныхъ шаговъ? Въ моемъ сердцѣ нѣту прежней свѣтлой вѣры, Лишь кипучій пламень всыхнувшихъ костровъ. Слышишь легкій шопотъ тайны запоздалой, Двухъ преступныхъ губъ содѣянный обманъ? Уходи, счастливый, сладостью усталый, Выгибая тонкій и красивый станъ. Шорохъ... Все затихло. Блѣдность полнолуныя Облекла всю комнату въ матовый коверъ, Въ сердцѣ радость близкаго, тайнаго безумья, Радость долгожданная съ непонятныхъ поръ. Двери скрипятъ протяжный, осторожно-близкій, У портьеры черной снова тишина. Мнѣ не надо тонкой, надушенной записки, Я пришелъ испить съ тобой прощальнаго вина.

Въ переборахъ музыки этого стиха чудится колыханье портьеры, и бархатъ, и матовый коверъ, и горечь заглушенной этимъ ковромъ ревности.

МАСКАРАДЪ.

Жемчужная блѣдность покрыла все лица, Бубенчики смѣха молчатъ, Прочтенная жизни исчезла страница, Прошедшее стѣны таятъ. Но свѣтъ не погасъ еще въ залѣ усталой, Тамъ запахъ дурманныхъ духовъ, Тамъ призраки носятся мертваго бала И тайны неконченныхъ словъ. Одинъ я остался, змѣей серпантинной. Прикованный къ ложѣ пустой, Стою опьяненный. А въ залѣ пустынной Молчаніе тайнъ и покой,

Забята изъ бархата темная маска,
Владѣльца ея не найти,
То ласково тайная, тихая сказка
Ласкаетъ меня на пути.
Лежить конфетти, росю рубинной
Вездѣ на полу и у ложъ,
Рвать цѣпь не хочу я змѣи серпантинной.
Шептать, что прошедшее ложъ.

Перебой „лежить конфетти росю рубинной“—умѣстенъ и красивъ.

ДВУНОГІЕ БЕЗЪ ПЕРЬЕВЪ.

Неожиданно вспыхнула и загорѣлась веселымъ смѣхомъ книжка Василия Князева.

Мы такъ о настоящемъ смѣхѣ соскучились,—казалось бы кричать да кричать о „Двуногихъ“ Князева, да радоваться, что наше безвременье дало такую яркость.

А кругомъ—молчать.

Не хотятъ повѣрить, что изъ Василия Князева наирусскій Беранже можетъ вырасти.

Его призваніе—куплетная сатира и стихомъ онъ владѣетъ какъ жонглеръ.

Съ первыхъ же страницъ поэтъ васъ поражаетъ легкостью стиха.

МОИ ПРІЯТЕЛИ.

(Портретная галлерея)

1. Дядя Сарай.

У дяди-Сарая
Натура сырая:
Што лапотъ, носище,
Што стогъ, животище,
А ноги-то—ровно
Морѣныя бревна!
Для дяди Сарая
Не надобно рая:
Была бы избенка,
Въ избенкѣ—бабенка,
Да въ клѣтѣ у бабы
Холстина была бы.
Возьмешь—не узнаешь,
Пропьешь—не область:
«Моя-то Алена
Куды какъ смирена,
А пикнетъ, такъ разомъ,—
И вспухнетъ подъ глазомъ!»
Въ оглоблю ручище!
Въ сто-лудъ кулачище!

II. Павелъ.

Мой пріятель Павелъ,
Патріотъ по духу,
Выше рома ставилъ
Русскую сивуху.
Былъ борцомъ извѣстнымъ,
Златоустомъ мѣстнымъ
Русскаго Союза,
Но ему, о муза,
Выпалъ тяжкій номеръ:
Отъ патріотизма,
Отъ алкоголизма—
Померъ!

III. Партийный человѣкъ.

Мой пріятель Казимиръ
Мыслить очень здраво:
Если вправо есть трактиръ,
Онъ идетъ направо.
И—хоть тресни лѣвый станъ,
Онъ—не повернется...
Развѣ только... ресторанъ
Слѣва попадется.

IV. Вавила.

Вавила Утробинъ
Тюленю подобенъ;
Инертная глыба,

Нѣмая, какъ рыба.
Усядется рядомъ,
Окинетъ васъ взглядомъ:
«Што... мать-то... здорова?»
И... больше ни слова!

V. Савва Топорковъ.

Хохотъ—грохотъ грома,
Рѣчь—картечь!
Таковъ,
И въ гостяхъ, и дома,—
Савва Топорковъ.
— «Зарюми-илъ?... Эй, птаха,
Шевели рулемъ!»
Волею Аллаха—
Все прекрасно въ немъ:
Торопливость рѣчи,
Буйный ростъ руна,
А ужъ плечи.. плечи!—
Вотъ такъ ширина!
Хохотъ—грохотъ грома,
Рѣчь—картечь

Таковъ,
И въ гостяхъ, и дома,—
Савва Топорковъ.

VI. Караматица.

Лысый,
Бѣлобрысый,
Слѣпенькій, хромоу...
Кликаютъ—Фомой.

Развѣ не мила и не изъ жизни выхвачена
эта галлерея типовъ?

СЛЯКОТЬ.

Всѣмъ онъ недоволенъ,
Господинъ Ермолинъ...
Недоволенъ службой,
Недоволенъ дружбой,
Думой и Сенатомъ,
Прессой и салатомъ,
Кучеромъ Ипатомъ;
Жениной собачкой,
Косолопой прачкой,
Судомойкой-дурой
И—литературой.
Какъ съ постели встанетъ,
Одѣваться станетъ,
И—начнутъ вздохи,
Воркотня да охи!..
«Я-ль, молъ, не униженъ?
Я-ль, молъ, не обиженъ?
Везъ изъятья всѣмъ,
Овыми и семи:
Думой и Сенатомъ,
Прессой и салатомъ,
Кучеромъ Ипатомъ;
Жениной собачкой,
Косолопой прачкой,
Судомойкой-дурой
И—литературой...»
Здравъ онъ, или боленъ,
Господинъ Ермолинъ?..

А вотъ вамъ подлинный Беранже:

ХРАБРЫЙ РЫЦАРЬ ДЕ-ЛЯ-РЮ.

Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Вѣчно пьянъ, но—гордъ и пылокъ.
Я безъ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю,
Эго—левъ среди бутылокъ!
Онъ однажды—королю,
Что называлъ его барономъ;
Онъ однажды—королю
Заявилъ кичливымъ тономъ:
«Вотъ не ждалъ!.. Благодарю!
Гербъ, баронство... то-то диво!
Но... безъ шутокъ говорю
Я бѣ сему инвентарю
Предпочелъ—боченокъ пива!»
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Ѣдетъ драться въ Палестину...
Кромъ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
Кличетъ скотницу Крестину:
«Эй, скажи пономарю,

Что торчитъ на колокольнѣ;
Маршъ, скажи пономарю,
Чтобъ сзывалъ народъ околѣвій!»
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю
(Ну, а войско—наипаче),
Кромъ шутокъ говорю!
Храбрый рыцарь Де-Ля-Рю—
Чуть торчитъ на тощей клѣтѣ.
«Завтра вечеромъ зорю»,
Объясняетъ онъ Крестивъ:
«Я безъ шутокъ говорю!
Завтра вечеромъ зорю
Мы увидимъ—въ Палестинѣ!»
«Весь востокъ тебѣ дарю!»
(И кнутомъ ударилъ клѣчу)
«Весь востокъ тебѣ дарю,
А ботинки на придачу!»
«Хочешь бочку янтарию?»
Мнѣ вѣдь подвиги—въ забаву...
Я се...серъ-е-з-зно говорю!
Хочешь... бочку янтарию?..
(И съ коня—бултыхъ въ канаву!)
Храбръ и пылокъ Де-Ля-Рю,
Но... храбрѣй его Крестина!
Кромъ шутокъ говорю!
Запертъ въ погребъ Де-Ля-Рю;
Спи спокойно, Палестина!

Просится на музыку такая шансонетка:

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Тили тили-тили боммъ!
Били, били стѣны лбомъ;
Били такъ, и били этакъ,
И рѣшили напоследокъ:
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Пробивай дорогу лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-тили!
Стѣны лбами колотили,
Кулаками молотили—
Запретили!—
(Вимъ-бамъ-бомъ!)
Много шуму, много пыли!
(Вимъ-бамъ-бомъ!)
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Упирайся въ книги лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-боммъ!
Упирались въ книги лбомъ!
Въ пыльномъ хламѣ библиотекъ
Ждалъ несчастный идиотикъ:
Вотъ, молъ, вотъ!—
Отрошу себѣ животикъ...
Вотъ, молъ, вотъ!—
Подъ эгидой мудрой власти
Позабуду всѣ напасти;
Перестану быть рабомъ.
Вимъ-бамъ-бомъ!
Вимъ-бамъ-бомъ!
Тили-тили-тили-тили!
Ждали, ѣли, спали, пили:
Мозгъ и сердце притупили,
Но вопили:
(Вимъ-бамъ-бомъ!)
«Мы погразили въ грязномъ илѣ!»
(Вимъ бамъ-бомъ!)
«Кто не хочетъ быть рабомъ—
Постучись къ Форелю лбомъ!»
Боммъ!
Тили-тили-тили-боммъ!
Снова били въ книги лбомъ!
Били такъ, и били этакъ
И рѣшили напоследокъ:
(Вимъ бамъ-бомъ!)
«Какъ привольно жилъ нашъ предокъ!»
(Вимъ-бамъ-бомъ!)
«Вольной воли не калѣча,
Да ужъ... видно—не про насъ
Дѣдовъ квасы!..
Мда-съ!

Темы у Князева—неожиданны:

СТРАШНАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ.

Прологъ.

Жила-была елка,

Пушиста и колка,
Средь темнаго лѣса
И жилъ-былъ повѣса—
Николка.

Глава I.

Николкина мама,
Серьезная дама,
Любила Николку,
Хотя и упрямо
Трепала за холку.
Приблизилась Святки,
Гульливны да сладки.
«Ахъ, скоро-ли Елка?»—
Томится въ кроваткѣ
Николка.

Глава II.

У мамы—забота,
У мамы—ломота;
Растрепана чолка...
«Позвать мнѣ Федота!..
Гдѣ Елка?»
Борода, что щетка,
Но... адская сметка!
Гдѣ Елка?... Подумалъ
И барынь кротко:
— Въ лѣсу молъ.
«Въ лѣсу?... Ахъ, ду-би-на!»
Въ лѣсу!.. Ахъ ско-ти-на!..
Въ истерикѣ мама...
«Вонъ!.. Въ шею крестина!
Прочь хама!»

Глава III.

Ночь. Поле. Угрюма
Федотова дума:
«Ахъ, чирій ты язви,
Вотъ горе-то!.. Развѣ—
Толкнутъся до кума?»

Глава IV.

Толкнулся. II—кратка
Печальная повѣсть:
Онъ пропиль, (какъ гадко!),—
И дровни, и совѣсть.
Въ неслыханной злобѣ
Кричалъ: «Въ шею!.. Нат-ко!»,
А утромъ въ сугробѣ
Замерзъ безъ остатка.

Глава V.

Остались на свѣтѣ
Федотовы дѣти.
Четыре мальченка:
Митрошка, Федюшка,
Игнатка, Павлушка,
Да Ленка,
Дѣвчонка.
Живутъ, поживаютъ,
Добра наживаютъ.

Глава VI.

Старшой-отъ, Митрошка,
Мальченка съ задоромъ,
Подумалъ немножко
И... сдѣлался *воромъ* (!)
Словили...
Федюшка,
Съ нужды, да съ досады,
(Прощай, деревушка!),—
Пошелъ въ *конокрады* (!)
Словили..
Игнатка—
Былъ сызмала франтомъ.
Судьба его гадка,
Онъ сталъ... *интендантомъ* (!)
Словили...

Павлушка—
Зарѣзалъ старушку (!),
А Ленка,
Дѣвчонка,
Не ждя ни минутки,—
Хихикнула звонко
И... маршъ въ *проститутки* (!)

Послѣсловіе.
О, если-бъ Николѣ
Не дѣлали Елки!!

Онъ отлично знаетъ городской бытъ.

МОТЯ и ТЕТЯ.

Говорила Мотѣ тетя:
«Брось романы,
Въ нихъ—обманы!
Жизнь черна, какъ уголь, Мотя!»

Отвѣчала Мотя тетѣ:
«Врете!».
Говорила Мотѣ тетя:
«На болтъ двери,
Люди—звѣри!
Злѣе змѣй и тигровъ, Мотя!»

Отвѣчала Мотя тетѣ:
«Врете!».
Померла старушка-тетя,
Мотя—въ Питеръ полетѣла
И... влетѣла!

Вотъ какъ скверно, другъ мой, Мотя,
Говорить старушкѣ тетѣ:
«Врете!».

Или вотъ еще:

ПОДАРОКЪ.

Пантелей Кузьмичъ, прикащикъ
Изъ перловской развѣсной,
Подарилъ шкатулку-ящичекъ
Милой Дунечкѣ весной.
Дуя въ темномъ переулочкѣ
Расцвѣла, што маковъ цвѣтъ;
Дремлетъ въ Дуниной шкатулочкѣ
Ненагляднова патреть.
Взглянеть—бросить, расхохочется:
Хи-хи-хи, да ха-ха-ха;
За шофера Дунѣ хочется...
Ишь, блоха!

Но еще лучше онъ знаетъ бытъ деревенскій:

ВЕСЕЛАЯ ИСТОРИЯ.

Про Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Слухъ пустили робята,
Что Наташка, де—модница:
Съ писарямъ хороводится
И теперь—брюхата.
Про Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Точать бабоньки когти:
«Что на свѣтъ-те дѣется?
Съ виду—бытто и дѣвица,
А ворота те—въ дѣгтъ!»
Какъ Наташку Патрашкину,
Воспитомку Игнашкину,
Игначиха трепала:
Сжала горло колѣнями,
Да—на-отмашъ полѣньями,—
По чему ни попало!
Какъ Натешка Патрашкина,
Воспитомка Игнашкина,
Закручинилась крѣпко:
Грудью кашляетъ впаюю,
Кровью харкаетъ алою,
Исхудала, что щепка...

Какъ Наташкѣ Патрашкиной,
Воспитомкѣ Игнашкиной,
По дѣломъ ей и мука!
Потому—кочевряжится,
За робятамъ не вяжется...
Сука!

Василій Князевъ смѣется, хохочетъ надъ всѣми
Даже надъ собой:

НА СВЯТОЙ.

Весенній звонъ весеннихъ колоколенъ,
Свѣжо вокругъ и на сердцѣ свѣжо...

Сегодня я до чортиковъ доволенъ
Тѣмъ обстоятельствомъ, что я—румяный Джо,
Что я—талантъ, что я—Микешки выше
И что иду не къ Настѣ, а къ Иришѣ.
Володька говорилъ, (талантливый парюга,
Живетъ на Лиговкѣ, въ четвертомъ этажѣ;
Я въ немъ нашелъ прекраснѣйшаго друга),
— «Ты, говоритъ, нашъ русскій Берамже,
Талантливъ ты, тобою вся Русь гордится!
Микешка намъ съ тобой въ подметки не годится!»
«Какъ иглы, говоритъ, остры твои остроты!
Твой грозный стихъ разить, какъ кованный металлъ!
Да ты... ты—выше всѣхъ, чтобъ чортъ ихъ всѣхъ побралъ!
И... нѣтъ-ли у тебя пятерки до субботы?»

Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что я Микешки выше,
Я бросилъ Настеньку и сталъ ходить къ Иришѣ.

Но онъ умѣетъ иногда быть и трогательнымъ:

НАХОДКА.

Павлуша Бенхепъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Зубря старательно урокъ,
Въ своемъ учебникѣ-латинскомъ
Нашелъ засушенный цвѣтокъ.
Межъ двухъ кошмарныхъ исключеній,
Средь уймы вражьихъ волчихъ ямъ,
Лежала милая фіалка,
Точа предсмертный фиміамъ.
Павлуша Бенхепъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Своей находкѣ очень радъ;
Прильнулъ къ цвѣтку и ловить жадно
Его чуть-слышныи ароматъ.
И—вдругъ... (неслыханное чудо!)—
Ни стѣнъ, ни партъ, ни потолка.
Предъ нимъ—лишь небо голубое,
Да полусонная рѣка,
Да старый челнъ, да отраженіе
Прибрежныхъ ивъ, да полавка
На зыби легкое качанье...

Павлуша Бенхепъ, «нѣмецъ-перецъ»,
Очнувшись, третъ свой мудрый лобъ.
И съ новой силой запѣваетъ:
«...cis, infra, intra, justa, ob...».

И даже печальнымъ:

REQUIEM.

I.

Мы—пассажиры съ разбитаго брига,
Сжатаго льдомъ...
Всѣмъ намъ мерещится, ночью и днемъ,—
Вълая лампа надъ бѣлымъ столомъ,
Тихая комната, мирная книга...
Мы—пассажиры съ разбитаго брига;
Намъ-ли, живущимъ въ быломъ,
Сбросить стоцѣнное Иго?

II.

Тише... душа умираетъ!
Ворется, рвется сквозь мглу...
Кто тамъ рыдаетъ?
Кто тамъ рыдаетъ въ углу?
Тише: душа умираетъ:
Камнемъ подбили орла!..
Тише: душа умираетъ...

Плачьте! Душа—умерла!

Съ хорошей книгой можно поздравить рус-
скаго читателя.

КУЛЬТУРНЫЯ РАДѢНІЯ.

Петръ Погодинъ прислалъ мнѣ свою поэтиче-
скую визитную карточку—брошюрку въ 46 стра-
ницъ—„Стихи“.

Петръ Погодинъ—хорошій знакомый Игоря
Сѣверянина,—быть можетъ даже его родствен-
никъ.

Онъ прекрасный версификаторъ, неожида-
нень въ римахъ, коварень въ темахъ, улыб-

чиво-грустенъ въ настроеніяхъ. Въ его стихахъ
слышенъ какой-то аристократическій изломъ.

Садитесь вы одни за ужинъ.
Малинкой дайте мнѣ травы,
Я теплой сыростью простуженъ.
Въ тоскѣ своей прошель я городъ.
Вы разстегните поскорѣй
Моей рубахи узкій воротъ.
Веселый смѣхъ мнѣ легъ на сердце.
На ноги киньте теплый мѣхъ,
Да ключъ переверните въ дверцѣ:
А то Весна взойдетъ, алѣя.
Мнѣ будетъ стыдно, коль она
Увидитъ, что я боленъ ею.

Поэтъ самъ не высокаго мнѣнія о своей
поэзии:

Сквернословить безстыдно мнѣ хочется.
И гримасничать въ сонной тиши.
Все равно, вѣкогда не упрямится
Колебаніе шаткой души.
Изучаетъ сіяющій маятникъ.
Недалекій, но тягостный путь,
Созидае изъ Времени памятникъ.
Подъ которымъ нельзя не уснуть.
Вспоминаю забытые вымыслы
И гляжу въ мѣловой потолокъ.
Что мечты изъ пожара вынесли,
То туманъ въ Пустоту уволокъ.
Напоследокъ у вратъ запираемыхъ
Неизбѣжно отмищеніе мое:
Въ торжествѣ опрѣсненнаго гаера
Сквернословить и клясть бытіе.

Онъ на свое стихотворство кажется смотреть,
какъ на „культурное радѣніе“:

Мошеннику съ бубновымъ тузомъ
Отдамъ мой паспортъ никтемный,
А самъ проберусь тайкомъ,
Какъ воръ, на корабль чужеземный.
Увижу я Южный Крестъ
И воды, густыя какъ смолы.
Поставлю у берега шесть
И флагъ повѣшу веселый.
И буду жить, какъ король,
Въ пустынь ничьихъ владѣній.
Авось утихнеть боль
Моихъ культурныхъ радѣній.

Темы Петра Погодина вычурны „культурны“,
Игорь Сѣверянинъ сказалъ-бы „лимузинны“.
Напримѣръ:

Ни одно животное въ звѣриницѣ
Не имѣетъ такой странной клѣтки,
Какую имѣю я,
Поднимаясь въ лифтъ
Влестяшіе прутья,
Полированное дерево, зеркала,—
А, главное, черезъ минуту
Я буду свободенъ.

Никого въ восторгъ книжка эта не приведетъ.
Но кое кому понравиться можетъ.

СТАРЫЕ БОГИ.

„Старые боги“—третій томъ стиховъ незло-
биваго поэта В. А. Мазуркевича.

Поэтъ самъ сознается въ служеніи старымъ
богамъ.

А кто эти старые боги поэта?

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Надъ мракомъ измятой постели
Курился удушливый ядъ;
Пѣснь Пѣсней въ безумьѣ мы пѣли,
Вдыхая цвѣтовъ ароматъ.
Чѣмъ гуще, страшнѣй и чудеснѣй
Сдвигалась желанная мгла,
Тѣмъ громче и жарче Пѣснь Пѣсней

Манила, томила и жгла.
Въ созвучіи властномъ и гордомъ
Напѣвъ чародѣйный звенѣтъ,
И грянулъ конечнымъ аккордомъ
Въ согласномъ бѣнѣ двухъ тѣлъ.
Усталая нѣгой пожатыя
Пѣснь стихнула въ шопотъ струй...
Въ ней римами были объята
И каждымъ стихомъ—поцѣлуй!

И выходитъ на повѣрку, что старый богъ
поэта—женщина.

И вѣроятно молодая.

Въ такомъ случаѣ и я хочу быть съ Мазур-
кевичемъ старовѣромъ.

КЛЕОПАТРА.

Тихо плещется Нилъ... Пирамиды
Спятъ въ сіяніи блѣдной луны;
Дремлютъ храмы священной Изиды,
Заповѣднаго мрака полны.
Каждой ласки, любви и лобзанья
Истомилась высокая грудь...
Въ эту ночь горячѣе желанья:
Не могу, не хочу я заснуть!
Предъ вельніемъ высшей святости,
Посылающей страсть,—я слаба!..
Погасите свѣтильничъ, рабыни...
Назовите раба!

Эго пишетъ старовѣръ.

ЮДИНЪ.

Полночь... Смолкла Ветилуя;
Мракъ въ долинахъ, въ сердцѣ мракъ.
Ждетъ меня въ шатрѣ, ликуя,
Безопасный, злобный врагъ.
Точно трепетная серна,
На закланье отдана,
Я въ объятыхъ Олоферна
Стыдъ и честь забыть должна.
Пусть, хранимый вѣрной стражей,
Убаюканный виномъ,
На груди моей лебязей
Онъ заснетъ послѣднимъ сномъ.

Эго пишетъ старовѣръ.

ТАМАРА.

Не бойся меня... Это старая сказка...
Напраснымъ сомнѣнъмъ души не тревожь;
Тебѣ говорили, что въ трепетъ ласки
Тамара вонзаетъ любовнику ножъ.
Не вѣрь этимъ баснямъ... Какъ жало кинжала
Къ нему прижимала я губы свои,
И вмѣстѣ съ лобзаніемъ жизнь выпивала;
Кто умеръ,—тотъ умеръ отъ счастья любви.
Кинжалъ обнажилъ ты... Скажи, неужели
Ко мнѣ ты явился для ссоръ и войны?
Блаженство такъ близко... Огни потускнѣли...
Такъ вдвинь-же скорѣе кинжалъ свой въ ножны!

И это.

ЕЛЕНА СПАРТАНСКАЯ.

О, златокудрая Елена,
Прообразъ вѣтренной жены,
Твоя коварная измѣна
Была причиною войны.
Ахейцевъ строгихъ безпокоя,
Отъ нихъ ушла ты, въ чуждый край;
Изъ-за тебя погибла Троя
И опозоренъ Менелай.
Съ тѣхъ поръ у насъ, какъ раньше въ Троѣ,
Извѣстна истина одна,
Что привлекательнѣе втрое
Чужая мужняя жена!

И это:

АСПАЗИЯ.

Пускай задумчивый философъ
Въ кругу собравшихся гостей
Рышать стремится тѣмъ вопросамъ,
Столь чуждыхъ юности моей.

Игрѣ ума всегда я рада...
Умъ и въ любви необходимъ,—
Вотъ почему Алкивиада
И другомъ выбрала своимъ.
И изъ всѣхъ людскихъ вопросовъ
Одинъ лишь близокъ мнѣ вполне:
«Алкивиадъ мой, мой философъ,
«Когда же ты придешь ко мнѣ?»

И это:

СЕМИРАМИДА.

О, чужестранецъ! Для почлега
Страхни съ сандалій дольний прахъ!..
Войди сюда! Любовь и нѣга
Въ Семирамидиныхъ садахъ.
Средь пальмъ до утренней денницы
— Уста съ устами, съ грудью грудь,—
Въ объятьяхъ пламенной царицы
Усталость странствій позабуди.
Пусть въ ощущеньѣ, сердцу новомъ,
Кружится сладко голова..
И будетъ небо намъ покровомъ,
И будетъ ложе намъ трава!

И это.

МЕССАЛИНА.

Ты не вождь, не триумфаторъ,
Прославляемый толпой,
Ты лишь рослый гладиаторъ,
Рециарій молодой.
Съѣтъ тоньше паутины,
Чуть замѣтнѣе для глазъ,
Сердце рыжей Мессалины
Ты поймать съумѣлъ на часть.
Въ грязный портъ, гдѣ лупанарій
Ждетъ разнузданныхъ гостей,
Приходи, мой рециарій,
За любовницей своей.
Позабуди, что я царица!
Безсловесною рабой
Ницъ паду я, какъ тигрица,
Укрощенная тобой
Мучь меня... Брани сильнѣе..
Плеть со мной... Возьми и бей!
Чѣмъ объята грубе,
Тѣмъ восторгъ любви острѣй!

Старые боги В. А. Мазуркевича — старая богини!

Вспоминаются „Камен Мей“.

В. А. Мазуркевичъ прекрасный техникъ, хотя и злоупотребляетъ порой глагольными приемами.

Въ его маленькой книжечкѣ много такихъ стиховъ, которые съ успѣхомъ можно читать съ эстрады.

По моему лучшее:

СУФЛЕРЪ.

Суфлеръ! Для каждого актера
Скрытъ въ этомъ словѣ тайный смыслъ;
Суфлеръ молчитъ и безъ суфлера
Актеръ на сценѣ вялъ и кислъ.
Заговоритъ суфлеръ,—и снова
Зажжется въ сердцѣ яркій пылъ
Одушевленія молодого
И неиспользованныхъ силъ.
Опять въ сознаніи превосходства
Актеръ начнетъ громить порокъ,
Твердя въ порывѣ благородства
Вчера заученный урокъ.
Зажженъ восторгомъ вдохновенія,
Вступивъ опять въ свои права,
Онъ весь—высокій стремленья
И благородныя слова.

А тамъ внизу, изъ тѣсной будки,
Суфлеръ средь пыльной духоты
Ему подсказываетъ шутки,
Поступки, чувства и мечты.
Мы всѣ актеры жизни пестрой;
Необходимъ суфлеръ для насъ,
Чтобъ въ мигъ забывчивости острой
Онъ нашу честь и память спасъ.
Боясь заслуженно укора,
Ища спасенья на пути,
Мы въ рѣзкомъ шопотѣ суфлера
Опору жаждемъ обрѣсти.
И дружно ткуть живую повѣсть
Въ одинъ затѣйливый узоръ,
Суфлеръ—сценическая Совѣсть
И Совѣсть жизненный Суфлеръ!

ПОРОСЛЬ.

Тамъ и тутъ молодость прорастаетъ альманахами, которые издаются вскладчину.

Это отрадно.

Лучше „производить“ деньги, чѣмъ ихъ прокутить.

Эпиграфомъ для альманаха „Поросль“, изданнаго кавказскою молодежью въ Тифлисѣ взяты слова Овидія.

Пусть силъ и нѣтъ, желаніе похвально..

Такъ же выразительно и предисловіе взятое у С. Аксакова.

Поросль, т. е. молодой лѣсъ, пріятна на взглядъ, особенно издали. Зеленъ его листьевъ свѣжа и весела, но въ немъ мало тѣни: онъ тонокъ и такъ бываетъ часть, что сквозь него не пройдеши.

Со временемъ большая часть деревьевъ посохнеть отъ тѣсноты, и только сильнѣйшія овладѣютъ всею питательностью почвы и тогда начнутъ расти не только въ высоту, но и въ толщину.

Въ книгѣ участвуютъ: А. Агаронянъ, Армо, І. Ариенцъ, Клара Б. Ведребисели, Г. Дараганъ, Ник. Добровъ, Ив. Дондаровъ, Лев. Кипиани, Дмитрій Медынский, Степ. Нуровъ, А. Радике, Ник. Реулло, С. Спасскій, М. Сирота, Л. Тарасевичъ, В. Фонъ-Бадеръ.

Кое у кого изъ участниковъ есть вѣяніе таланты. Напримѣръ у Георгія Дарагана:

Ахъ давно! Это было давно такъ,
Это было одинъ только разъ.
Нѣжный взглядъ былъ такъ ласковъ, такъ кротокъ
Этихъ грустныхъ, задумчивыхъ глазъ.
Ахъ, по своему грустенъ былъ каждый
Въ поржавѣвшемъ осеннемъ саду.
Это было всего лишь однажды,
И не знаю, быть можетъ, въ бреду.
Западъ тихо одѣлся зарею.
Алый отсвѣтъ ложился на садъ
И казалась она мнѣ святою
Подъ мерцаніемъ красныхъ лампадъ.
А шелка были бѣлы, такъ бѣлы,
Шелестѣли, шуршали на ней.
И ушла она тихо несмѣлой
Въ мягкій сумракъ уснувшихъ аллей.
Возникали и радость и горе,
И напѣвы родившихся грѣзъ
Оттого, что въ загадочномъ взорѣ
Были капли удержанныхъ слезъ,
Ахъ давно! Это было давно такъ,
И съ тѣхъ поръ я ея не видалъ.
Ахъ, я помню былъ вечеръ такъ кротокъ
И закатъ былъ такъ грустенъ и алъ.

Ангель.

М. Врубель.

ЧЕРТОПОКЛОННИКИ.

Страшную, жуткую, кошмарную, но безумно-талантливую книгу создалъ Пимень Карповъ:

„Пламень“.

Онъ прислалъ ее мнѣ съ надписью:

„Моему крестному литературному отцу отъ любящаго сына-автора на гласный судъ. Поймите Крутогорова и пощадите меня“.

Мнѣ радость отъ книги,—Пимень Карповъ въ „Веснѣ“ дѣлалъ первые шаги свои.

Но никогда не зналъ, что Пимень Карповъ—сынъ „Весны“—такой,—думалъ, что онъ прозрачный и ясный какъ его глаза, какъ его первые стиховые лепеты.

А оказался онъ сумбурнымъ, смятеннымъ, стихійнымъ, пламеннымъ богоискателемъ.

Удушливые ужасы косноязычной, косноязыческой, хлыстовствующей Загорской пустыни выкорчевываетъ онъ изъ сырой мати-земли и сгруппировываетъ и нагромождаетъ...

Хлысты, чертопоклонники, злыдотники рас-

крываютъ свои раны,—парная кровь дымится, и хлещетъ, и обжигаетъ, и опьяняетъ..

Кликушечнымъ языкомъ радѣннй зашаманиваетъ читателя Пимень Карповъ..

Вотъ начало этой чертовдохновенной книги:

Подъ окномъ въ холодномъ огнѣ заката качали тяжелыми шапками сонно тополя, липы. Гдѣ-то у горы въ лѣсныхъ камышахъ, одинокій, плакалъ о любви коростель. Въ кельѣ плясали и ухали мужики подъ всплески струнъ.

А за плетневой, открытой настежь дверью Феофанъ, крѣпкій какъ камень, преклонивъ передъ низкимъ дубовымъ престоломъ колѣно, читалъ глухимъ, замогильнымъ голосомъ акафисты праведникамъ, переступившимъ черезъ кровь.

Шумы росли, вздымались, покрывая струны и пѣсни. У престола, въ пороги падали навзничъ желтые духини. Рвали на себѣ свирѣпо, скидывали чекмени; двигали животами страстно. Потная, трясущаяся, красная, съ разгоряченными тѣлами мужиковъ сплетаясь емко, кликали клать:

— Гей, загасите солнце!.. Супротивъ Сушшаго ополчатесь!.. А примите муку лютую, любжу смертную!..

Недвижимо Феофанъ стоялъ на колѣняхъ передъ престоломъ, зажавъ въ костлявыхъ рукахъ черную закапанную желтымъ воскомъ книгу.

За ни подъ дубовымъ, изукрашеннымъ старою

рѣзбою балдахинѣмъ, въ рамкахъ малиноваго бархата висѣли надъ престоломъ отреченныя картины: праматерь Ева съ обнаженнымъ сердцемъ прободеннымъ острыми мечами, и Каинъ, въ смятении и ужасѣ застывшій надъ убитымъ имъ Авелемъ.

Передъ картинами горѣли лампы. Кровосмѣстительницу Еву, братоубийцу Каина и иныхъ отверженцевъ Феофанъ читалъ, какъ истыхъ мучениковъ, прошедшихъ черезъ очистительный огонь зла и принявшихъ муки отъ духа.

Въ свѣтѣ, смѣшанномъ съ невѣрнымъ сумракомъ, голубой плавалъ по кельѣ ладанъ. Феофанъ стоналъ. А духини катались по полу, куврялись, выли, топя пятками, такъ, что пламя лампадъ вздрагивало, колебалось и гасло. Кидались на Феофана:

— Ог-вѣ-дай нашей сестры... Охъ, грѣши... Одинъ Богъ безъ грѣха!...

Но твердъ былъ Феофанъ, хоть и жегъ сердце его острый, какъ коса смерти, искусь.

Со взоромъ отверженнымъ и жестокимъ, съ клеймами ожоговъ на щекахъ и тучей черносѣдыхъ, взвѣшанныхъ волосъ Феофанъ весь былъ, точно глухой ночной ураганъ.

Сокаталъ духъ. Въ келью вваливались кузнецы-молотобойцы, бобыли, грабари, дровосѣки, каменотесы, побиралы, что день-деньской по деревнямъ и лѣсамъ птались, работали, жгли, мучили, а все, чтобъ муки отъ духа принять. Мужики являли ихъ:

— Ага, нестерпимъ?... А кто держалъ?... Не крѣпко-то заритесь. Наша любя—пытка, не радости!...

За престоломъ въ пудѣ и страхѣ бились духини со спутанными мокрыми волосами и мутными глазами, обожмавъ собой бородачей-мужиковъ.

А мужики емко подхватывали ихъ, изомлѣвшихъ на перегибѣ. Несли къ тяжелому дубовому кресту. Распинали каждую на крестъ, прикручивая распростертыя руки и ноги ѣдкой мокрой веревкой. Цѣловали, мучили пропятаую въ кровь. Носились вокругъ креста, гудя и свистя.

— И-ихъ... змѣи-и!... Сосита сердце... Яри, духъ!...

Прикрутили Неонилу, духиню Феофана, сладкую и крѣпкую, какъ ядъ.

Передъ аналоемъ, въ огнѣ свѣчъ и лампадъ молниевзорный стоялъ Феофанъ. Молча глядѣлъ на тяжкую злыдоту, откинувъ черную, съ искрами сѣдны, гучу волосъ.

Черезъ грѣхъ, черезъ страданіе, черезъ страсть ищутъ своего бога злыдотники.

Въ ихъ душу, въ ихъ міръ, въ ихъ адъ и рай вводитъ Пимень Карповъ...

Захватилъ не фаволой хитрозадуманной, не картинами яркосплетенными, не періодами гладко отточенными, а непокрытой безыскусственностью этихъ глыбъ живого мяса и живой земли...

Нѣтъ ни типовъ, ни героевъ, ни мыслей, ни дѣлъ,—есть только кликушествующая, хлыстовствующая душа, ищущая бога или... чорта.

Вы понимаете, что Пимень Карповъ самъ своими глазами видѣлъ это, самъ присутствовалъ на радѣніи злыдотниковъ, на литургіи сатаны...

За монастыремъ, въ глухомъ лѣсу, въ душномъ безоконномъ скиту, обнесенномъ высокой оградой, въ полночь чистаго четверга, послѣ страстей Господнихъ, кровавую правили монахи литургію сатанъ.

Смертно, истонно выли въ тишинѣ, взрывая безуміе и хаосъ. У черныхъ, съ черепами стѣнъ, на высокихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ чадили сѣрыя, топленныя изъ челоуѣческаго жира свѣчи... Мутная, тяжелая плавала подъ низкимъ закоптѣлымъ потолкомъ удушливая гарь.

Въ записѣвшемъ кругломъ придѣлѣ, передъ высѣченнымъ изъ суровца, перевернутымъ внизъ распятиемъ, на окровавленномъ каменномъ жертвенникѣ колдовскіе возжигали Вячеславъ ересные корни, выкрикивая свирѣпо какія-то заклинанія, ворожбы и хулы.

Изъ щелей захарканнаго грязнаго пола зачуявъ гарь челоуѣческаго жира и заклятыхъ, острыхъ, дурманящихъ травъ и подсухъ, глухой, истонный вой чернеца заслышавъ, выползали бурья, покачивающіяся лѣвиво змѣи. Окруживъ жертвенникъ сатаны, сѣплялись острозелеными, сыпящими мутныя искры, глазами съ прожженнымъ взглядомъ чернеца, шипя на своего заклинателя...

А тотъ ближе и ближе подводилъ къ змѣинымъ непонятнымъ глазамъ заплывающимъ, сумасшедшіе свои зрачки. Каменѣлъ надъ головами кадокъ, переключаясь съ ними страшными молчаливыми голосами буръ и хаосовъ...

Но вотъ, зрачки Вячеслава стужились, пропали. Въ доловской, истонный вой затихъ. Змѣи, разсыпавъ мутныя зловѣщія искры, припавъ головами къ полу, медленно поползли въ тѣсныя щели...

Изъ-за черныхъ завѣсъ, повисшихъ надъ черепами, нагую выводили Неонилу. На бурый отъ шматевъ за-пекшейся крови жертвенникъ сатаны клали. Рубили, по-сосовали пышное ей, тугое бѣлорозовое тѣло желѣзными прутьями до кровавыхъ фонтановъ. Жгли ей сосцы горящими свѣчами. Запускали иглы подъ ногти. Зубчатыми рвали ей клещами плечи и грудь...

Безропотно и молча, лишь вздрагивая и вздыхая нѣмо, окровавленная лежала на жертвенникѣ Неонила. Терпѣливо возносила огненнымъ рѣзающимъ прутамъ страстное свое тѣло, боль и кровь свою непереносимую...

Въ масть, ужасъ и безуміи закрывъ глаза-ножи, глаза-бури, голубые бездонные омуты, надъ головами зловѣщие вскинувъ острымъ рукъ и въ жуткихъ, сладострастныхъ окаменѣвъ выгибахъ, крутились сатаняицы вокругъ жертвенника черными языками огня... Охватывали Неонилу гремящимъ смертоноснымъ буруномъ...

А Вячеславъ, передъ жертвенникомъ упавъ на колѣни, завывалъ псомъ жуткій вой полночи:

— Хва-ла-а!...

Те-бѣ,

Ма-ти—пусты-ня—но-очъ,

Ма-ти—воля...

Хва-а-ла-а-а...

Когда Вячеславъ и монахини притихли Неонила, дрогнувъ, со всего размаха ударила любимого своего въ сердце. И раскинулась передъ нимъ мертво...

Встрепенулъ чистый, бездыханный отрокъ подъ ножомъ, простерши руки вытянулся во весь свой юный ростъ да такъ и застылъ...

Желтый зловѣщій свѣтъ отливало на свѣтлыхъ кудряхъ его жженымъ золотомъ...

Безумный Вячеславъ и суглобые, чадные, зловѣще молчаливые друзья его—сатанины, подставивъ низкую желѣзную чашу подъ хлещущій изъ подъ отрока кровавый потокъ, собирали кровь. И выли:

— Здра-встуй, воля безмѣрная!...

Отецъ!... Кровь тебѣ приносимъ! Сокруши, отецъ, окаян-наго!... дара рабовъ... и свѣтъ... отецъ!... Побѣди!...

Изъ щелей бурья выползали змѣи. Окупувъ юркія головы въ чашу, лакали кровь...

Жуткую книгу написалъ Пимень Карповъ.

Пылаютъ страницы, синимъ дымомъ заволокло и въ дыму корчатся кошмарныя видѣнія. Тьмяному поклоняются.

Стонутъ, извиваются, бѣснуются въ сладкихъ мукахъ религіознаго садизма и мазохизма фанатики, а надъ ними измывается отецъ грѣха Гедеоновъ.

Будутъ говорить:

— Многое отъ Достоевскаго у Карпова.

— Есть и отъ Сологуба.

— И И отъ Алексѣя Ремизова.

— И отъ графа Алексѣя Толстого...

И все это не вѣрно:—ни на кого не похоже написалъ свою жуткую книгу талантливый Пимень Карповъ.

И ни отъ кого не взялъ—ни отъ Достоевскаго, ни отъ Ремизова, ни отъ Сологуба,—а взялъ да вырвалъ изъ жизни и вѣры, изъ души и крови хлѣбобородовъ...

Знали-ли вы что у насъ на Руси до сихъ поръ водятся чертопоклонники?

Пробовали-ли вы сближать ихъ радѣнія съ „литургіей сатанъ“, которая въ Парижѣ служитъ?

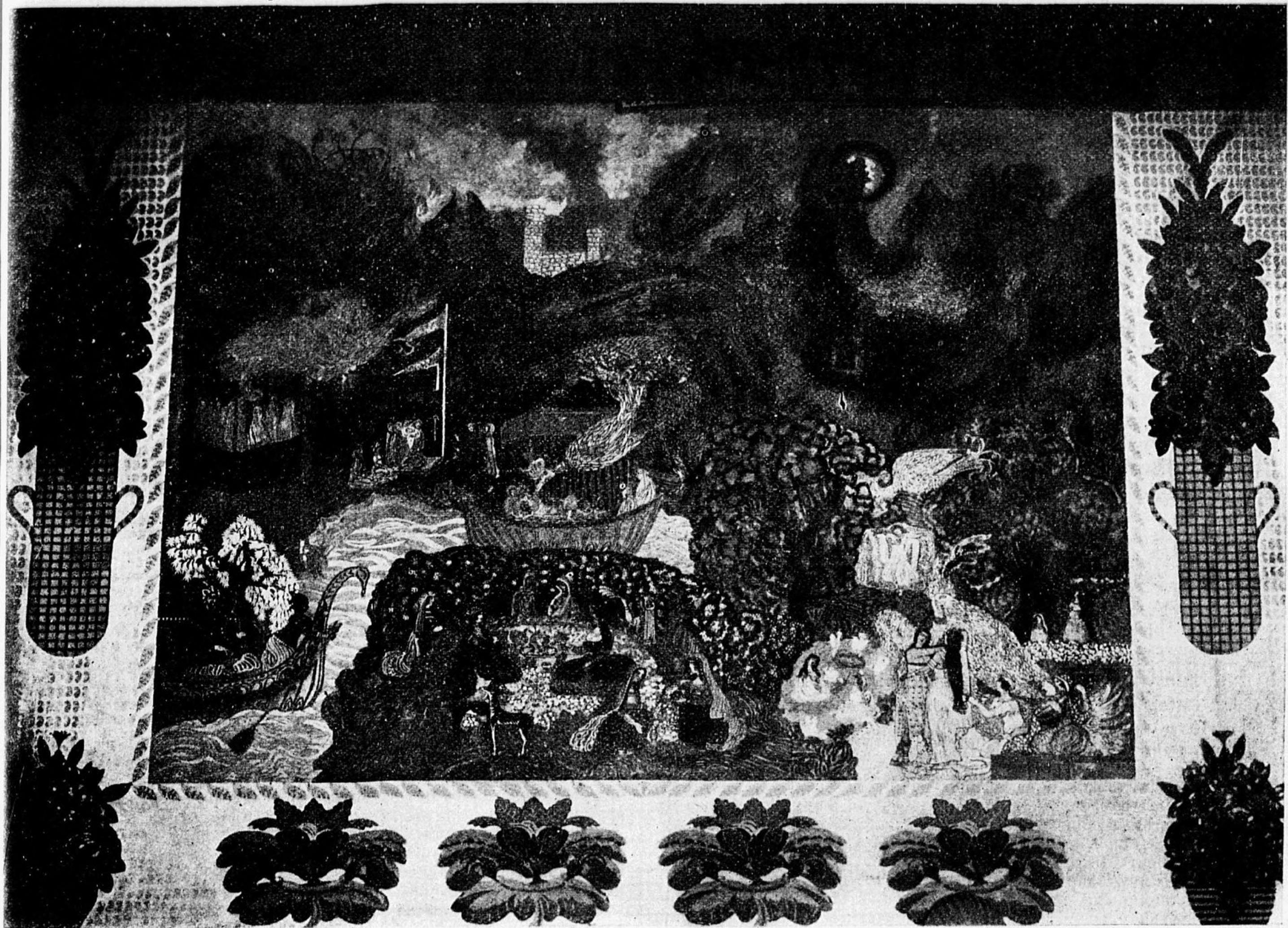
Пытались-ли вы сближить смѣшанность ихъ души съ нашимъ богоискательствомъ?

Помните книгу „О чортѣ“ Мережковского?

Жуткую книгу о нашихъ землеробныхъ богоискателяхъ написалъ Пимень Карповъ.

Ищутъ бога.

А находятъ—дьявола.

Знамятъ для „Забавы дѣвъ“.

С. Ю. Судейкинъ.

Тьмы кромѣшной, ужасомъ сжимающей душу до сихъ поръ еще полны Брынскіе лѣса.

Со страхомъ отворачиваешься отъ кошмарныхъ страницъ „Пламения“.

Хочешь крикнуть:

— Нѣтъ, не такъ! Это сказка, это сонъ, это галлюцинація!...

И—не можешь.

ЛУЧЕЗАРНОЙ.

Послѣ яркой вдохновенной книги—„Театръ какъ таковой“ Н. Н. Евреиновъ выпускаетъ болѣе умѣренную, болѣе обдуманную и менѣе строгую—„Pro scena sua“.

Если первую книгу можно было охарактеризовать тремя словами.

— Евреиновъ какъ таковой!

То эту всего лучше характеризуетъ онъ самъ:

Трое слѣпыхъ наткнулись въ лѣсу на слона. Наткнулись съ трехъ сторонъ: спереди, сзади и сбоку. И вотъ первый, нащупавъ хоботъ, сказалъ „это змѣя“; второй, взявшись за хвостъ,

сказалъ „это веревка“; третій, подошедшій сбоку, сказалъ „это стѣна“.

Многіе изъ насъ, въ отношеніи величайшихъ проблемъ искусства и науки, иногда похожи на такихъ слѣпыхъ. Радуетъ Колумбовой радостью, пьянѣемъ Архимедовымъ хмѣлемъ: „это змѣя!“ „это веревка!“ „это стѣна!“

А на самомъ дѣлѣ это слонъ.

Но вѣдь слонъ такой большой, а слѣпой челоуѣкъ, рядомъ съ нимъ, такой маленькій! Какъ огладить гиганта пигмейской рукой?..

И ужъ то добродѣтель, что пигмей, наткнувшись на незнакомое, не отошелъ отъ него лѣнивой походкой: „не мое, мошь, дѣло“. И то добродѣтель, если онъ распозналъ въ этомъ новомъ похожемъ на „змѣю“, или на „веревку“, или на „стѣну“. И ужъ большая въ томъ добродѣтель, если пигмей терпѣливо успѣлъ набрѣсти и на „змѣю“, и на „веревку“, и на „слона“. Если-жъ упорство пигмея обведетъ его, наконецъ, вокругъ чудища со всѣхъ сторонъ и дастъ стѣну распознать въ этихъ „змѣѣ“, „веревкѣ“ и „стѣнѣ“ слона, то тутъ ужъ и словъ для похвалы не найти.

Сразу-жъ это невозможно, какъ невозможно было самому Колумбу, въ часъ открытія Америки, увидѣть сразу и Гренландію и Огненную Землю.

Все это я наговорилъ въ похвалу себѣ и поощреніе.

Мнѣ приятно сознавать свое упорство и сосредоточенность. Приятно сознавать, что къ своимъ книжкамъ я отношусь какъ къ главамъ одной большой Книги, надъ концомъ и заглавіемъ которой стоитъ пока вопросительный знакъ.

Кто читалъ меня прилежно, знаетъ, что это правда, и онъ будетъ радъ, при чтеніи этой книги, утвердиться въ своемъ мнѣніи.

Здѣсь я собралъ и привелъ въ порядокъ статьи, относящіяся, главнымъ образомъ къ моей практической дѣятельности и касающіяся, въ большинствѣ, той сценѣ, гдѣ я посилено служилъ радостному искусству представленія приобрѣтенной дѣйствительности.

Вотъ почему этой книгѣ дано скромное названіе „Pro scena sua“.

Книга „Театръ какъ таковой“ была нескромная книга.

И радовала своей нескромностью.

А эта—скромная.

И радуется скромностью.

Особенно цѣнный и радостно вспоминается талантливый авторъ-сподвижникъ и сотрудникъ по сценѣ самой В. О. Комиссаржевской о драмѣ этой Лучезарной такъ скоро забытой великой артистки.

Когда на послѣднемъ, на прощальномъ спектаклѣ Драматическаго Театра я видѣлъ Вѣру Федоровну въ «Норѣ», я испытывалъ жгучее чувство невыразимой грусти и злости. Смотрѣлъ на сцену, съ которой я сроднился, слушалъ Вѣру Федоровну, которую я любилъ, какъ никого изъ современныхъ артистокъ, твердо зная, что это прощальный спектакль, перебиралъ въ умѣ слова прощальной рѣчи, которую я долженъ былъ сказать отъ лица труппы, и все-таки никакъ не могъ понять, не могъ примириться съ той мыслью, что этотъ Театръ, Театръ имени большой русской актрисы, Театръ, въ который она вложила всю свою душу, этотъ самый дорогой мнѣ Театръ прекратить свое существованіе, хотя бы временно, хотя бы только на одинъ годъ.

Но вотъ начался III-й актъ «Норы», быть можетъ одинъ изъ лучшихъ актовъ Ибсеновской драматургіи. Нора разставалась съ Гельмеромъ. И странно—эти слова прощанія Норы какъ будто вывели меня изъ моего тяжелого оцѣпенія. Я какъ-то сразу поняла, что Вѣра Федоровна не можетъ здѣсь остаться, должна уѣхать отъ этой публики. Послѣднія слова прощанія Норы съ близкимъ человѣкомъ—да близкимъ и такимъ чужимъ, въ концѣ концовъ,—эти слова въ моемъ сознаніи превращались въ горькія слова къ толпѣ, которая взывала къ ней теперь съ мольбой остаться. «Мнѣ очень прискорбно, говорила Нора, вы всегда относились ко мнѣ раньше такъ дружески, такъ привѣтливо, но... я не люблю васъ больше!.. и вы никогда не любили меня. Вамъ только доставляло удовольствіе быть въ меня влюбленнымъ»... «Развѣ это неправда?.. Дома, у отца, со мной обращались какъ маленькой куклой, здѣсь—какъ съ большой»... «Когда я теперь думаю о своемъ прошломъ, мнѣ кажется, что я жила здѣсь, какъ бѣднякъ, обаянный забавлять пріотившаго его господина». «Прощайте!.. То, что принадлежало мнѣ, я возьму съ собою. Отъ васъ я не желаю получать ничего—ни теперь, ни послѣ. Я не принимаю отъ чужихъ ничего». «Я оставляю васъ, такъ какъ знаю, что для меня это необходимо».

«Нора! Нора!» закричалъ Гельмеръ словно отъ имени толпы, переполнившей театр. «Пусто!.. Нѣтъ ея»...

Она ушла. Она сказала наболѣвшую правду и ушла навсегда. — Когда послѣ финальнаго акта ей говорили длинныя и трогательныя рѣчи, она кланялась, благода-

рила, но ничего существеннаго не прибавила къ прощальнымъ словамъ Норы.

И какъ Нора не нашла силъ остаться хотя бы ради дѣтей, любимыхъ ею и любившихъ ее, такъ и Комиссаржевская не могла остаться хотя бы ради той молодежи, которая дѣйствительно любила ее, не мудрствуя лукаво, любила просто, безъ всякой примѣси буржуазной сентиментальности, свойственной господамъ Гельмерамъ. Ей было слишкомъ тяжело. Имѣть общеніе съ господиномъ Гельмеромъ ради дѣтей... О! «цѣлыхъ восемь лѣтъ я терпѣла эту муку», сказала Нора-Комиссаржевская. «Прощайте». И Нора, и Комиссаржевская—каждая по своему, совершенно различно, но обѣ во имя высшаго блага—поступили вопреки коснымъ мнѣніямъ толпы и обѣ въ критическій моментъ не получили той поддержки, на которую имѣли право рассчитывать.

Если-бъ Вѣра Федоровна, вмѣсто того, чтобы броситься въ бурное море исканій, спокойно продолжала свою работу на тихомъ берегу бытовой драмы, толпа осталась бы ей вѣрна, здоровье ея нестрашеннымъ, деньги приумноженными.

Но она ушла изъ Александринки, она не приняла условій Малаго Театра, отреклась отъ рутины, отъ устарѣвшаго быта, разсталась со всѣмъ, что было дорого толпѣ консервативныхъ Гельмеровъ. И вмѣсто стараго, такого «вѣрнаго», понятнаго, привычнаго искусства, она вдругъ предпочла то новое, что словно жупелъ пугаетъ и смѣшитъ нечуткихъ и необразованныхъ. Ибсенъ, Метерлинкъ, Пшибышевскій, Габриэль д'Аннунціо, Гуго фонъ-Гофмансталъ, Оскаръ Уайльдъ, Федоръ Сологубъ, Александръ Блокъ и Леонидъ Андреевъ—вотъ драматургіи, исканіямъ которыхъ она привѣтливо открыла врата своей сцены, отдавъ на помощь имъ свой мощный и плѣнительный талантъ. Художниками-декораторами ея душа избрала Бакста, Александра Бенуа, Добужинскаго, Денисова, Судейкина, Сапунова, Анисельда и Калмакова, словомъ, всѣхъ тѣхъ, молодыхъ и дерзкихъ, кого толпа зовѣтъ упорно декадентами. Измѣнивъ старой режиссурѣ съ ея просторомъ для личныхъ прихотей актера, она отдала свой талантъ во власть тѣхъ режиссеровъ-новаторовъ, которые, худы ли они, хороши-ли, но помогались новато и создавали спектакль, проникнутый единствомъ исполненія.

Она нашла въ себѣ достаточно воли, чтобы подчинить свой геній новой дисциплинѣ, и тѣмъ явила, между прочимъ, примѣръ исключительнаго уваженія къ исканіямъ другихъ.

Всѣмъ этимъ она измѣнила толпѣ, измѣнила ее вкусамъ, привычкамъ, бросила ей дерзкій вызовъ и... была за то наказана равнодушіемъ къ ея «декадентскому» искусству.—Толпѣ некогда разбираться, кто правъ въ конечномъ результатѣ:—ея лозунгъ: «кто не съ нами, тотъ противъ насъ».

В. О. Комиссаржевская освѣтила свѣточемъ своего таланта и освѣтила правдою своей души тѣ пути исканія прекраснаго къ которымъ зоркіе изъ насъ такъ страстно и такъ непреклонно тяготѣли, задыхавшись въ пошлостяхъ натурализма.

Ея участіе въ «революціи искусства» было глубоко важно по своей авторитетности.

Вѣдь если неоперившійся новаторъ вѣщаетъ новый лозунгъ,—толпа не встрепенется, не задумается и не обратитъ вниманія, полуглухая къ дѣтской правдѣ и ребяческимъ капризамъ. И точно также, если зрѣлый мужъ, ничѣмъ себя не заявившій въ глазахъ толпы, изречетъ правду, противоположную «правдѣ» толпы,—она несколько не смутится, принявъ парадоксальное за непрѣмьно ложное, за заблужденіе въ лучшемъ случаѣ и за кривляніе—въ худшемъ.

Но здѣсь за новое искусство раздалось слово не ребенка, не неизвѣстнаго «оригинала», а знаменитой и прославленной артистки, той самой, предъ которой даже талантъ Савинной, огромный талантъ Савинной, тускнѣлъ, подчасъ терялъ свой ароматъ, казался многимъ скучнымъ, вдоль и поперекъ извѣданнымъ, а кое-кому и до смѣшного старомоднымъ.—Заговорила Вѣра Федоровна Комиссаржевская! Сама Комиссаржевская!

О! если толпа любитъ новенькое, это не значитъ, чтобы она прощала безнаказанно «глупленіе» надъ своимъ «истиннымъ искусствомъ». Толпа забастовала. Возникъ какой-то tacitus consensus, въ силу котораго «благоразумные» и «правотворные» не стали посѣщать театра новой драмы, новой режиссуры, новой сценической дисциплины. Начался какой-то негнѣный, непонятный, возмущительный бойкотъ... Прекрасная душа неслала толпѣ цвѣты своихъ стремленій...—толпа смѣялась. Свободный умъ дарилъ толпѣ свои раздумья...—толпа съ презрѣніемъ отвергла

даръ. Большое сердце на глазахъ толпы точилось кровью.—толпа не тронулась,—не вѣрила, отвѣтила насмѣшкой, отвернулась... И пресса различныхъ газетъ вмѣстѣ съ солиднымъ «Новымъ Временемъ» поддерживала этотъ черносотенный бойкотъ позорнѣйшими разсужденіями о «начинающихъ г-жи Комиссаржевской». То, что писало о ея дѣлѣ, напримѣръ, Юрій Бѣляевъ, просто-напросто неопорочно по своей безграмотности, грубости и абсурдности. А вѣдь извѣстно, что наша богатая «интеллигентная» публика учится музыкѣ у М. М. Иванова, литературѣ у Бухенина, живописи у Кравченко и сценическому искусству у Юрія Бѣляева! «Новое Время» въ своемъ родѣ «академія изящныхъ искусствъ» для нашей буржуазіи. И вотъ эта «академія» слѣзала, разумѣется, все возможное, чтобы оттянуть простодушныхъ отъ театра на Офицерской въ театръ на Фонтанкѣ, гдѣ гг. Суворины отлично знаютъ, что нужно «представлять» толпѣ и какъ «представлять». О другихъ газеткахъ, гдѣ долгое время путали стилизацію со стерилизаціей, и говорить не стоитъ: имъ самъ Богъ велѣлъ.

Побѣда осталась на сторонѣ большинства: Театръ Исканій Вѣры Федоровны Комиссаржевской, несмотря на дружную работу ея сотрудниковъ, несмотря на изысканный репертуаръ, участіе лучшихъ художественныхъ силъ, творческій геній артистки и огромныя деньги, затраченныя на предпріятіе, этакъ, несмотря на всѣ свои недочеты, примѣрный въ исторіи сценическаго искусства Театръ былъ обреченъ на голодную смерть.

И она уѣхала отъ этой неблагоприятной толпы, уѣхала бросивъ ей со сцены горькія слова прекрасной и неопѣванной Норы.

Долго и горько плакала она, разставаясь съ близкими. Вѣдь ее прогнали! ей не дали жить. Ее заставили уѣхать! Да, ее прогнали!..

Усталая, она пыталась расправить надломленные крылья въ провинціи, но видимо терпѣе ея было въ концѣ истощено, а силы надорваны. И быть можетъ достаточно было одной безтактной рецензіи провинціальнаго хулигана, одной какой-нибудь пеловкости, случайности, чтобы она, уже измученная и затравленная, рѣшила разстаться со сценой и «театръ пересталъ ей казаться нужнымъ»...

Надо знать Комиссаржевскую, чтобы понять, какихъ трудовъ, какой борьбы, какой муки стоили ей слова отреченія отъ сцены.

И какъ-бы боясь за силу ея воли, чрезмерно уступчивой къ мольбамъ своихъ близкихъ, безжалостная въ своей мудрости и справедливости судьба послала Ангела Смерти, который подчеркнулъ слова ея отреченія черной чертой. Она умерла. Юрій Бѣляевъ могъ успокоиться: имъ ужъ не будетъ теперь досажать своею «декадентичной» артисткой, которой они нѣкогда поклонялись, какъ богинѣ.

О, заблужденіе!—они приняли ее тогда за свою, «бытовую», безильные угадать подъ старинной личиной но вый ликъ свободнаго искусства.

Она умерла... и ничто не дрогнуло въ русскомъ театрѣ, ничто въ немъ не оборвалось. Напротивъ! ко дню ея похоронъ нашъ театръ словно присапнулся:—черезъ нѣсколько часовъ послѣ траурной процессіи премьерша Малаго театра помпезно справляла свой бенефисъ, въ день похоронъ артисты веселились на бадѣ «Сатирикона», черезъ три дня премьерша изъ премьерш Александринки публично праздновала юбилей, а черезъ полторы недѣли въ театрѣ имени покойной, тамъ, гдѣ, мнѣ кажется, вѣщаетъ еще скорбный духъ ея, началась разухабистая оперетка Брянскаго...

Преступная толпа!—на ея совѣсти великій, тяжкій грѣхъ! и этотъ грѣхъ не искупитъ ей своими грошевыми вѣнками!.. Комиссаржевская не первая. Припомнимъ, сколько при жизни не признала толпа, ае облагодѣтельствованъ!.. сколько поела лапши!..—Понистивъ не стоитъ жить тамъ, гдѣ смрадное дыханіе толпы гаситъ священные огни, гдѣ она равнодушно топчетъ ослиными копытами чудесные ростки творческой жизни! Понистивъ хорошо уйти отъ толпы...

Но тѣмъ Комиссаржевской можетъ успокоиться—ея завѣты живы, а ее трагическая смерть разохла во многихъ такой огонь, такое рвеніе, что рано или поздно она будетъ отомщена.

Въ этой цитатѣ мнѣ хотѣлось-бы протестовать противъ словъ о Юріи Бѣляевѣ.

Правда онъ не понималъ Комиссаржевской, не нашелъ ея, но уже самая страстность его протеста показываетъ какъ волновала его судьба великой артистки.

Ю. Бѣляевъ любитъ театръ, знаетъ театръ. Въ особенности русскій, старинный.

Его идеалъ позади.

Но и вообще идеалъ русскаго театра позади. Комиссаржевская насаждала не русскій, а европейскій театръ.

Бѣляевъ-же націоналистъ, позитивистъ въ искусствѣ.

Можно не любить его, но не считаться съ нимъ нельзя.

Онъ на голову выше многихъ, которые прикрываясь модными словечками, въ сущности не любятъ и не знаютъ театра.

Кто страстенъ, тотъ можетъ быть и пристрастенъ.

Въ нашемъ театрѣ политики больше, чѣмъ въ Государственной Думѣ.

Есть не только свои октябристы, кадеты, эсдеки но и эс-эры.

И въ каждой партіи есть еще и большевики и меньшевики.

Я лично тянусь душой къ новому театру.

Но люблю и старую гвардію и не признавать брюзжаній Юрія Бѣляева молодежи не совѣтую.

Но за то я совѣтую отъ души слѣдить за лучезарными причудами талантливаго и молодого Н. Н. Евреина.

Прекрасныя книжки Н. Н. Евреина—„Театръ какъ таковой“ и „Pro scena sua“ рекомендую весенней аудиторіи.

Въ нихъ отталкиваетъ только наружность:—обложки ихъ размалеваны пріятелями Н. Н. Евреина такъ же неумно, какъ неумно размалевываютъ другъ другу лица пріятели футуристы.

БЕЗУМЦЫ.

Безумія не существуетъ.

Есть только люди не удобные для общегитія потому что они или ниже ординара или выше ординара.

Этихъ-то чуждыхъ намъ, ординарнымъ людямъ ординарные люди и зовутъ безумцами.

Ихъ то и сажали сперва на костеръ и крестъ, потомъ въ тюрьму и застѣнокъ, а теперь въ дома умалишенныхъ.

Слова Христа: „кто скажетъ брату своему рака подлежитъ синедріону, а кто скажетъ безумный подлежитъ геенѣ огненной“ (Матѣ. 5, 22)—забыты.

Синедрионъ психіатровъ говоритъ брату безумный и садитъ его въ геену огненную душевной темницы.

Не всегда и не вездѣ безумныхъ гнали.

Въ стародавніе времена ихъ признавали за пророковъ и святыхъ.

На Мадагаскарѣ, Явѣ, Суматрѣ, островѣ Товарищества и св. Георга и сейчасъ ихъ считаютъ одержимыми богомъ.

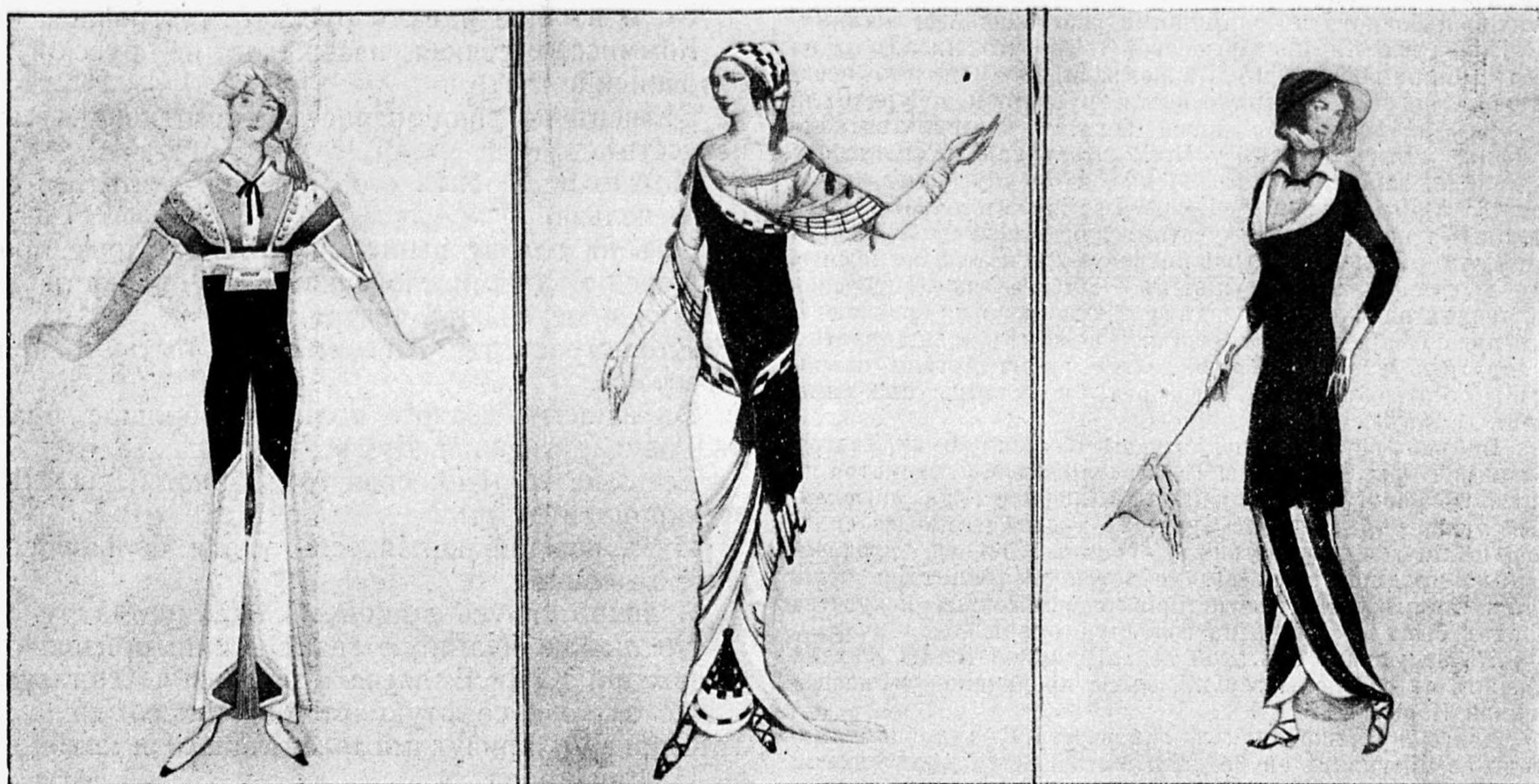
Барбары, турки, мусульмане Средней Азіи, абиссинцы, негры, сѣверо-американскіе индѣйцы, намаганцы, перуанцы видятъ въ безуміи проявленія божества.

Другіе народы считаютъ безумныхъ одержимыми бѣсомъ.

Русскій народъ называетъ ихъ то *блаженными*, т. е. одержимыми богомъ, то *клякушами*, т. е. одержимыми бѣсомъ.

Борьба съ безуміемъ началась въ XIII в.—запылали костры и три вѣка пылали.

Стильные костюмы Леона Бакста

Изабель.

Альциона.

Голанта.

Около десяти миллионов (10.000.000) безумцевъ было сожжено святѣйшей инквизиціей.

Теперь мы видимъ, что настоящіе безумцы были не на кострѣ, а у костра.

Мудрецы же — Аристотель, Демократъ, Платонъ, Паскаль, Шопенгауэръ, Маудслей, философы, поэты причисляли гениевъ къ безумцамъ, а безумцевъ къ гениямъ.

Каждый человѣкъ треть жизни проводитъ въ безуміи.

Когда спитъ.

„На чемъ основано утверждение, что сонъ — явление нормальнаго порядка, а сомнамбулизмъ, галлюцинація и т. п. — патологическаго?“

У якутовъ „меряченіе“ считается нормальнымъ явленіемъ, и если бы кто-нибудь въ Петербургѣ замерячилъ, онъ попалъ бы на 11 ую версту.

Все относительно, все условно дѣйствительность и сказка, сонъ и жизнь, гениальность и безуміе.

Въ чемъ цѣнность безумія?

Безуміе — возмездіе за погрѣше правъ природы.

Было бы непроизводительной тратой времени пытаться объяснить — результатомъ какихъ именно, нарушенныхъ законовъ природы явилось то или иное мучительное состояніе.

Но путемъ анализа, не трудно придти къ выводу, что мучительныя проявленія душевныхъ состояній не только въ безуміи, но и въ повседневнои жизни, являются результатомъ какихъ-либо нарушенныхъ законовъ природы. Личное же страданіе каждаго одержимаго мучительнымъ душевнымъ состояніемъ, является справедливымъ актомъ возмездія за нарушенія законовъ природы.

Но кого же наказываетъ природа за нарушение законовъ? Развѣ сами несчастные безумцы виноваты?

Итакъ, признавая, что въ природѣ существуетъ актъ возмездія за нарушение законовъ природы, невольно возникаетъ вопросъ: является-ли подобный актъ возмездія высшей справедливостію по отношенію къ тѣмъ, кто за

грѣхи своихъ производителей расплачивается безуміемъ, не будучи самъ лично нарушителемъ законовъ природы.

На этотъ вопросъ не трудно дать положительный отвѣтъ, если признать (какъ я это и сдѣлалъ раньше), что безумцы, визагого порядка не только не могутъ испытывать нравственныхъ страданій, но не могутъ и смрачить своего душевнаго покоя сознаніемъ своего зѣа.

Въ томъ и сущность возмездія, что оно не казываетъ, будто бы, производителей.

Смотрятъ они на свое потомство и каются.

А потомки сами по себѣ не сознаютъ тяжести наказанія.

Ибо безумцы не сознаютъ безумія.

Что же касается страданій тѣхъ, у которыхъ страданіе является не возмездіемъ за нарушение законовъ природы, а лишь результатомъ ихъ нервной и чувствительной психо-физической организаціи, то и въ этомъ случаѣ высшая справедливость природы выражается въ томъ, что она избавляетъ человѣка отъ страданій путемъ того безумія, которое по своему переживанію служитъ наградой и одержимому такимъ безуміемъ.

Такъ, напр., когда въ жизни, въ кругу подобныхъ себѣ, мы видимъ, какъ наиболее хрупкіе и нѣжные люди падаютъ въ борьбѣ за существованіе, видимъ, какъ невыразимое горе коснулось ихъ и пахнуло имъ въ душу ужасомъ жизни, превышающимъ ихъ силы, — мы видимъ, какъ безуміе накладываетъ свою печать на одержимаго неимовернымъ страданіемъ и уноситъ его въ иной міръ, гдѣ плачь смѣняется смѣхомъ, тоска — радостью и ужасъ — удивительнымъ безразличіемъ къ той жизни, которая дала лишь одинъ страданіе.

Итакъ, для производителей безуміе произведенныхъ является наказаніемъ.

А для произведенныхъ... наградой.

Disputandum est..

МАСКИ.

Третій номеръ театральнаго ежемѣсячника „Маски“ испорченъ статьей невѣдомаго московскаго критика Евгенія Гнуста о Вилли Ферреро.

Еще никогда, кажется, массовая музыкальная критика не выносила такого единодушнаго приговора, не высказывалась такъ опредѣленно отрицательно, какъ она

Стильные костюмы Леона Бакста.

Аталанта.

Селена.

Аглая.

сдѣлала это по поводу выступленія восьмилѣтняго Ферреро въ качествѣ дирижера симфоническаго концерта.

Кто знаетъ о существующемъ среди отдѣльныхъ членовъ московской критики различіи музыкальныхъ взглядовъ и убѣжденій, тотъ не можетъ не признать единодушнаго сужденія ея о Ферреро въ высокой степени безпристрастнымъ, а потому и глубоко авторитетнымъ.

Вотъ это-то единодушное безпристрастное сужденіе лицъ компетентныхъ вызвало вдругъ, совершенно неожиданно, протестъ и негодованіе, какъ со стороны нѣкоторыхъ музыкантовъ, такъ и лицъ, къ музыкальному искусству ни съ какой стороны непричастныхъ.

Если бы протестъ этотъ исходилъ только отъ этой послѣдней группы лицъ, ни съ какого боку къ музыкѣ и музыкальному искусству не имѣющихъ касательства, то на него можно было бы совершенно не реагировать.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, если нѣкоторые не видятъ въ музыкальной критикѣ никакого авторитета, легкомысленно, чтобы не сказать болѣе, называя ее „Неуважай-Корытами“, то поступаютъ весьма неосторожно, рискуя тѣмъ, что названіе это съ значительно большимъ правомъ можетъ быть примѣнено въ данномъ случаѣ къ нимъ самимъ, чѣмъ къ московской музыкальной критикѣ.

По мнѣнію г. Гнуста мудра московская критика, а Глазуновъ, Цезарь Кюи — (старикъ плакалъ на концертахъ Ферреро отъ восторга), Ауэръ, Никишъ, Рахманиновъ, Сафоновъ гр. Шереметевъ — всѣ петербургскіе критики одурачены бѣлымъ клоуномъ — отцомъ Вилли.

Махать палочкой. По наслышкѣ, въ десятый, двадцатый разъ исполняя одно и то-же сочиненіе, еще не значитъ быть музыкантомъ, а тѣмъ болѣе гениальнымъ.

Несомнѣнно, Вилли Ферреро — одаренный отъ природы большой музыкальной памятью, слухомъ и ритмическимъ чутьемъ. Данные эти были подмѣчены предприимчивыми родителями и гениально ими использованы. Мальчика выдрессировали и повели на эстраду.

Всѣ его движенія явно заучены; всѣ они рассчитаны (конечно не имъ самимъ, а тѣми, кто дрессировалъ) на эффектъ у широкой публики; одно только упустили изъ виду: не слѣдуетъ биссировать одного и того-же музыкальнаго номера, — чересчуръ ужъ ясной дѣлается даже для всякаго не музыканта эта дрессировка. Непонятное становится до очевидности понятнымъ.

Самое размѣщеніе оркестра придумано тоже для достиженія наибольшаго вѣшняго эффекта подъ тѣмъ предлогомъ, якобы Ферреро такъ привыкъ.

Но спрашивается, когда же и гдѣ онъ могъ привыкнуть къ такому размѣщенію?

Вѣдь такого примитивно грубаго распредѣленія оркестровыхъ группъ вообще не существуетъ; значитъ, оно придумано специально для Ферреро, а слѣдовательно — не онъ привыкъ, а его приучили.

Все это приводитъ къ глубокому убѣжденію, что мы имѣемъ дѣло не съ гениальнымъ дирижеромъ а съ гениальными родителями дирижера, умѣющими ловко, но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко, эксплуатировать природную музыкальность своего ребенка.

Совершенно такъ-же, какъ г. Гнустъ, думаетъ и клоунъ Дуровъ.

А по моему Вилли Ферреро это — чудо.

Это такое же чудо, какъ Федоръ Шаляпинъ.

Въ самомъ дѣлѣ какое изъ двухъ чудесъ чудснѣе?

То ли чудо, когда восходитъ на сцену этотъ ребенокъ только что тянувшійся къ куклѣ, только что полный самой наивной дѣтской щебетни, и вдругъ вырастаетъ на цѣлую голову, вдругъ перерастаетъ весь этотъ взрослый, кичащійся своею музыкальностью, скептически настроенный залъ...

То ли чудо, когда выходитъ на сцену этотъ нелѣпый, нескладный, съ мужицкой рѣчью и повадкой дѣтина и сразу вырастаетъ на голову, сразу перерастаетъ всѣхъ и чаруетъ всѣхъ и голосомъ и повадкою, и осанкою, и тонкостью самыхъ аристократическихъ пониманій...

А сошелъ Вилли со сцены, — и опять ребенокъ, и весь міръ для него въ игрушкѣ и нѣтъ конца ребячествамъ его...

А сошелъ Шаляпинъ со сцены, — и опять черномозный мужиковатый парень съ мужицкими словами на устахъ, съ нескладными поступками, о которыхъ какъ о досадныхъ анекдотахъ твердятъ газеты, — тамъ подрался, тамъ поругался, тамъ...

И не поймешь которое изъ двухъ чудесъ чудснѣе...

Буриме.

1.

Буриме—одна из очаровательных головоломок, оставленных нам в наследие от изящных салонов XVII и XVIII вв.

Отцом ее считается французский поэт XVII в.кка Дюло (Dulot).

Но на самом деле он лишь воскреситель забавы, которая своим происхождением обязана, как и шахматы, едва ли не древнему востоку.

Сущность игры не сложна: участвующим предлагается несколько (чаще всего восемь) рифм, расположенных в определенном порядке, и к ним к этим рифмованным кончикам строк (bouts-rimés) требуется присочинить начало строк так, чтобы получить стихотворение.

Победителем является тот, кто всего удачнее поборет технические сложности версификаторской задачи и кроме того объединит единой мыслью по виду не имевшим между собой никакой связи рифмы.

Если в шахматах игрок имеет возможность выказать свой ум, находчивость и темперамент, то в буриме кроме достоинств ума игрок может выказать и все другие одаренности талантливой природы.

И вдохновенность, и изящный вкус, и знание языка, и слух, и чуткость воображения, которое на основании ассоциации идей, вспыхивает и калейдоскопится.

2.

Буриме не только одна из остроумнейших игр ума,—это игра и психических капиталов участников.

Ею очень увлекались во времена Александра Дюма.

Этот знаменитый писатель впервые устроил публичные состязания в буриме.

На конкурс участвовало свыше 350 буримеров.

Результат состязания был напечатан отдельной книгой.

3.

В России честь воскрешения этой забытой игры в громадных размерах выпала на долю распространеннейшего художественного еженедельника «Солнце России».

Мною в этом журнале было устроено семь конкурсов, встреченных публикой с неожиданным вниманием.

Участие в них приняло около 1500 стихотворцев.

Видно было, что участвуют не ради премий (картин) предложенных редакцией за лучшее размышление, а из любви к искусству.

Совершенно неожиданно выявилось несколько талантливейших искусников, которые разрешили трудную задачу с легкостью необычайной.

Выяснилось также, что в России в наше мирное время, притаилось по городам и весям невзрачное количество стихотворцев—целая армия, готовая выступить в поход по первому знаку полководца.

Старики, дети, мужчины, женщины, образо-

ванные, необразованные, аристократы мысли, и грубые мужланы, счастливые и несчастные,—все рвутся к стиху.

Все хотят писать стихи.

И—что особенно неожиданно—многие прекрасно овладели версификацией.

В еженедельнике «Солнце России» конечно нельзя было использовать тот богатейший материал, который дал конкурс.

Были использованы только лучшие (по десятку) ответы.

Между тем поучительны не только лучшие, но и средние и даже худшие.

4.

Поучительно и драгоценно для филолога и психолога собрание всех этих стихотворений во всей целокупности.

Это богатейший материал для ученого исследования по вопросу об ассоциации идей.

В самом деле, каким образом одинаковые слова, в одинаковом порядке падая на сознание различных субъектов, вызывают совершенно различные представления и производят совершенно различные впечатления.

Для ученого, который желал бы серьезно воспользоваться собранным у меня богатейшим количеством буриме, мой кабинет всегда к услугам.

Для филолога чрезвычайно поучительна моя коллекция тем, что дает возможность оценить гибкость русского языка вообще и тонического стиха в частности.

Пишет в большинстве случаев молодежь, которую обвиняют в незнании русского языка.

Между тем на поверку оказывается, что большинство не только знает русский язык; но и чувствует красоту его и умеет жонглировать синонимами и в строгих рамках дозволенных метром делает так, чтобы словам было тесно,—мысли—просторно.

5.

На страницах «Весны» я хочу отвести много места всяким играм ума—этому красивому спорту—и в особенности буриме.

Аудитория «Весны» —почва еще более удобная и угодная,—она молода, чутка, бодра, отзывчива и безкорыстна.

В виде премии за лучшее исполнение стихотворных задач «Весны» будет предложено звание *Король стихотворцев*.

В Париже чуть ли не каждая свободная профессия выбирает себе короля или королеву.

Есть король поэтов, есть король художников, есть королева мидинеток и даже прачек.

Заслужить почетный титул короля стихотворцев—не легкая задача: надо суметь разрезать все 12 стихотворных гололомок, которые будут последовательно помещаться в 12 книжках «Весны» за этот год начиная с этого номера журнала.

6.

Но прежде чем перейти к конкурсам «Весны» я хочу похвастаться результатами, которые добыты журналом «Солнце России».

Они говорят не только о необычайной популярности этого журнала, но и о невзрачной

«Зима».

Энгель.

«Весна».

Энгель.

„Лето“.

Энгль.

отзывчивости русской аудитории на всякое литературное, изящное развлечение.

Размѣры „Солнца Россіи и исключительный характеръ темы не позволили-бы огласить эти итоги во всей содержательной полнотѣ на страницахъ еженедѣльника.

„Веснѣ“ же это сподручно.

7.

Первый конкурс-буриме „Солнце Россіи“ превзошелъ мои ожиданія.

Получено 257 отвѣтовъ.

Несмотря на умышленную безсвязность заданныхъ мною рѣмъ, (ядомъ, платы, рядомъ, латы, баринъ, лапотъ, янтарецъ, капать), громадное большинство авторовъ сумѣло связать ихъ, осмыслить и воодушевить.

При этомъ разнымъ версификаторамъ представлялись разные пути разрѣшенія стихотворной задачи: есть и ямбы, и хорей, и дактили, и анапесты, и амфибрахій.

Со стороны содержания отвѣтовъ—изумительный просторъ разнообразія: однимъ рисуется политическая картина, другимъ—жанровая сцена, третьимъ—любовный сюжетъ и т. д.

Однихъ рѣмъ побуждаютъ къ веселой шуткѣ, другихъ—къ пессимистическому размышленію, третьихъ—къ жизнерадостной идилліи, четвертыхъ—къ самоубійственной драмѣ.

Нѣсколько авторовъ не удовольствовались однимъ рѣшеніемъ задачи и прислали по нѣсколько вариантовъ.

Чрезвычайное остроумное и блестящее по формѣ рѣшеніе прислалъ *Вл. Платоновъ*.

Но, къ сожалѣнію, оно, по цензурнымъ соображеніямъ, напечатано быть не можетъ. Великолепные по звучности и осмысленности стихи—отвѣты прислали г. *Олегъ Леонидовъ* (Москва) и г. *Александръ Вирюковъ* (Москва), но по тѣмъ же причинамъ стихи ихъ не могутъ быть напечатаны.

Изъ остальныхъ стихотвореній технически наиболѣе удачными, т. е. такими, гдѣ менѣе чувствуется притянутость содержанія къ заданнымъ рифмамъ, являются слѣдующія:

НЕПРЕКЛОННАЯ.

Страдалъ онъ не разъ ее ядомъ,
Сулилъ онъ ей щедрыя платы,
Манилъ и шикарнымъ нарядомъ,
Роскошны казалъ ей палаты.
— Соблазну-то сколько, мой баринъ,
Милѣй-же мнѣ дѣвичій лапотъ!—
И слезы, ихъ блескъ такъ янтарецъ,
Съ глазъ дѣвушки начали капать...

В. В. Горшковъ.

ДЛЯ ВСѢХЪ И НИЧЬЯ.

Заласкала меня, привязала къ себѣ, одурманила ядомъ
Ты загадка всегда—не пойму: какъ за чувство ты требуешь платы...

И любовь, и торговля собой у тебя умѣщаются рядомъ?!
Бѣтъ и жить ты должна, быть красивой всегда и невольно,
какъ въ латы,

Запираешь ты чувство свое! Подходи будь хоть
баринъ,

Хоть мужикъ, не страшны, вѣдь, тебѣ ни баранья тулупы,
ни лапотъ...

Ты—«продажная тварь»... О, не слушай—вотъ кубокъ
игристый и янтарецъ,

Но въ разгулѣ при всѣхъ—плачь душой, а слезамъ не
давай воли капать...

Н. Пасевьевъ. Ревель.

ПАСХАЛЬНОЕ.

Распятый злобы ядомъ,
За цѣну рабской платы,

Воскресъ нашъ Богъ, и рядомъ
Повергъ и смерть и латы...
И нынче въ храмъ баринъ
И царь, посконь и лапотъ...
И свѣтомъ храмъ янтарецъ
Слезамъ хочется капать...

А. Амолитъ.

ЯДЪ КУПИДОНА.

Я торгую чудеснѣйшимъ ядомъ.
За товаръ свой не требую платы.
Только сядь ты съ подружкой рядомъ.
Не помогутъ желѣзные латы.
Будь ты знатный, разряженный баринъ,
Иль мужикъ, обувающий лапотъ,
Со стрѣлы моей, чистъ и янтарецъ,
Ядъ на сердце твое станетъ капать...

Ольга Болкашинова.

ВЪ ЛАВКѢ ТОРГАША.

..Вамъ хлораль-гидрата? Не торгую ядомъ...
Въ долгъ, мадамъ, не вѣрю: не получишь платы...
Господинокъ художникъ, здѣсь, въ чуланѣ рядомъ
Есть вамъ для модели рѣдкостныя латы...
Приобрѣлъ случайно... Эй, ты, сивый баринъ,
Не курить мохорку, деревенскій лапотъ!..
... Балычку?.. Извольте! Сочень онъ, янтарецъ!
... Вамъ, красотка, шипра?.. А на сколько капать?..

Леонидъ Мальцевъ.

ВИНО.

Вино зовемъ мы часто ядомъ.
Оно достойно лучшей платы!
Король подъ царственнымъ нарядомъ,
Боецъ, на время снявшій латы,
Простой мужикъ, богатый баринъ,—
Носи сапогъ иль даже лапотъ.—
Въ бутылкѣ видя сокъ янтарецъ,
Стремись его въ стаканъ накапать.

М. Ярославцевъ.

АКТЕРЪ.

Безсолнечныхъ кулисъ пусть я отравленъ ядомъ,
За радости мой такой не жаль мнѣ платы!—
Всѣ души, жизни всѣ во мнѣ ужились рядомъ:
То юный рыцарь я—мои сияютъ латы,—
То—безотвѣтный рабъ, то—безпощадный баринъ;
Котурны на ногахъ смѣняють грузный лапотъ;
Бумажной дискъ луны въ глазахъ моихъ—янтарецъ,
И росы—вѣрю—съ травъ подлѣльныхъ могутъ капать!..

Михаилъ Пустынный.

ДОВОЛЬНО.

Довольно дышать омерзительнымъ ядомъ!
За зло мы поищемъ достойнѣйшей платы;
Пойдемъ на врага неколебимымъ рядомъ,
Отвага замѣнитъ намъ крѣпкія латы...
Бѣги, трепещи, захребетникъ и баринъ!
Сомнѣть твою гордость крестьянина-лапотъ!
Закатъ твоей славы горячъ и янтарецъ,
Но близится туча; дождь началъ ужъ капать.

Александръ Вирюковъ.

FINIS.

Смертоноснымъ ядомъ.
Жизни кончу платы.
Ида нѣтъ?—Такъ рядомъ
Звякнетъ мечъ о латы.
Тотъ, кто жилъ, какъ баринъ,
Не одѣнетъ лапотъ..
Пусть же сокъ янтарецъ
Въ кубокъ будетъ капать!..

Мих. Виноградовъ...

В. А. МАКЛАКОВУ.

Упоенъ звенящимъ ядомъ
Серебра, для рѣдкой платы
Съ Замысловскимъ ѣдешь рядомъ.
Тамъ, въ Баку, на советъ латы
Ты надѣнешь, бывшій баринъ
Промѣнявшій честь... на лапотъ,
И въ карманъ къ тебѣ янтарецъ
Дождь червонцевъ будетъ капать...

Штабсъ-капитанъ Евгений Д.

ВЪ БОЛЬНИЦѢ.

Здѣсь царство бѣлое. Бѣлѣтъ склянка съ ядомъ.
И свѣтъ докторъ нашъ, не требующій платы.
И кротко-бѣлымъ кажется—со мною рядомъ—
Больной, закованный въ свои бинты, какъ въ латы.
Яснѣетъ подъ стекломъ съдой и добрый баринъ,

„Осень“.

Энгль.

Въ богатствѣ помнившій худой отцовскій лапотъ...
А воздухъ за окномъ прозраченъ и янтарецъ,
И въ полдень съ бѣлыхъ крышъ ужъ начинается капать.
Ал. Вознесенскій.

НУ И РИОМЫ...

Стихотворства раненъ ядомъ,
Бьюсь надъ рѣками (безъ платы!!!).
И не знаю—какъ же рядомъ
Совмѣстить съ «лантами» «латы»!
Диссонансомъ пахнетъ «баринъ»...
Брошу все на словъ «лапотъ»!
«Солнце» скажетъ, кто «янтарецъ»,
И откуда стало капать!

Вл. Чураевъ (Клопшотосъ).

КОНЕЦЪ СОДОМА.

Миръ пропитанъ ядомъ,
Нѣтъ суда безъ платы,
Ложь и правда рядомъ,
Совѣсть прячутъ въ латы.
Грабятъ сытый баринъ,
Лютъ ничтожный лапотъ...
Неба сводъ янтарецъ—
Лава стала капать..

Неразборчива подпись.

ФИНАЛЪ.

Твои слова упрека ядомъ
Терзаютъ умъ. Нѣтъ алѣе платы!
Давно-ль, сердечная, мы рядомъ
Борьбы за жизнь носили латы?
Иди-жь, коль счастьемъ я не баринъ;
Мнѣ бѣднѣе пусть близокъ лапотъ,
Пусть будетъ дней закаты янтарецъ
Лишь для меня тоскою капать...

Владиславъ Скундикій.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Изъ аптеки склянку съ ядомъ
Я принесъ.—Нѣтъ лучшей платы
Для Marie, живущей рядомъ.
Точно кованные латы
Давать мысли: Машинъ баринъ;
Овъ! купилъ ей брошку-лапотъ,—
Ну она и... Ядъ янтарецъ
И въ стаканчикъ началъ капать.

Неразборчива подпись.

НА ПОЛѢ БРАНИ.

Вчера сердца сочлились ядомъ,
Рука сжимала мечъ для платы...
Сегодня—спать обнявшись рядомъ—
Исѣчены ихъ крѣпки латы.
Всѣхъ смерть равнитъ, мужикъ иль баринъ,
Огнемъ въ землѣ, какъ старый лапотъ.
Закатъ надъ ними тихъ, янтарецъ,
Застыли слезы... имъ не капать!

Эми.

ЛЮБОВЬ БЛУДНИЦЫ.

Люби я отравилась сладкимъ ядомъ.
Я не хочу за поцѣлуй платы.
Хочу идти съ моимъ любимымъ рядомъ,
Нести любовь мою, какъ рыцарь латы.
И я не допущу, чтобъ пьяный баринъ.
Вновь въ ставилъ въ душу мнѣ свой грязный лапотъ.
Люби моей напикъ чистъ, янтарецъ
На грязный полъ его не буду капать.

Д. Пейсинъ.

КТО ОНЪ?

Былъ онъ весь пропитанъ ядомъ
За добро не звалъ онъ платы.
Крестъ съ мечомъ онъ вѣшалъ рядомъ;
Одѣвалъ нерѣдко латы...
Злой церковникъ, важный баринъ
Возлюбилъ душою «лапотъ»...
Съ виду худъ, съ лица—янтарецъ,—
Ядомъ въ «лапотъ» могъ онъ капать...

Акимъ Меттусъ.

АДАМЪ и ЕВА.

Адамъ упилился ядомъ
Отъ Евы—и безъ платы...
И задомъ, съ Евой рядомъ,
Одѣвъ изъ листьевъ латы,
Когда то важный баринъ,
Теперь лишь бѣдный лапотъ.
Пошелъ, лицомъ янтарецъ,
И сталъ слезами капать.

Николай Циммерманъ.

ВСТРѢЧА.

Глаза твои такъ полны ядомъ,
Мнѣ это правится—отдамъ я безъ платы.
Идемъ со мною рядомъ.
Я вижу на тебѣ сверкающія латы—
Ты важный баринъ!
Я такъ бѣдна—смотри порвалъ лапотъ...
Но губы какъ цвѣтокъ, мой цвѣтъ лица янтарецъ.
Не покидай, не заставляй же слезы капать...
Петръ Карповъ.

СТРАШНИКЪ.

Раздобылся странничекъ алкогольнымъ ядомъ,
Что ему до скудности заработной платы!
Легъ у перелѣсочка, картузишко—рядомъ,
А портки засалены и блестятъ какъ латы.
Развалился подлѣ кустикомъ, нѣжится какъ баринъ,
И глядитъ насмѣшливо на дырчатый лапотъ,
И глядитъ задумчиво, какъ закаты янтарецъ...
Сверху на мечтателя начинать капать...
Иванъ Шаховъ.

«БУРИМЕ».

Мой другъ промолвилъ: «Горше склянки съ ядомъ
«Турниры музъ, безъ славы и безъ платы!»
И въ позахъ мрачныхъ мы застыли рядомъ,
Какъ рыцари, закованные въ латы.
И я ропталъ: «Мой дѣдъ былъ важный баринъ!
«А я, поэтъ, презрѣнъ, какъ рваный лапотъ!»
Унылый дождикъ, изгрозно-янтарецъ,
Намъ на носы сочувственно сталъ капать.
Андрей Чубаровъ.

ПОЭТЪ.

Какъ кубокъ съ медомъ—и склянка съ ядомъ
Какъ срочный вексель—и время платы
Какъ съ рванымъ платьемъ—стоящій рядомъ
Въ музеѣ панцырь, и мечъ и латы,
Какъ грязный нищій—и важный баринъ
Сапогъ отъ Вейса—и старый лапотъ,
Такъ чуждъ блескъ алата, что столь янтарецъ
Пѣвцу, что долженъ чернила капать.
Николай Рабиновичъ.

МОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Отравленъ я ужаснымъ ядомъ:
Жду за конкурсъ платы.
Фамиліи всѣ поставьте рядомъ,
Мою одѣньте въ латы.
Тогда я буду важный баринъ,
Заброшу я свой лапотъ,
И Fine champagne янтарецъ
Въ уста мнѣ будетъ капать.

В. Рутковскій.

РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Отравленъ весь народъ сивушнымъ ядомъ.
Онъ пропилъ грошъ послѣдній скудной платы—
Недаромъ съ фабрикой казенка рядомъ.
Нѣтъ рыцарей, одѣтыхъ въ сталь и латы,
Но лишь поникъ давній хищный баринъ,
Готовый отнимать послѣдній лапотъ.
Отъ жадности онъ сохнетъ, желтъ, янтарецъ...
Заныло сердце, слезы стали капать...
Александръ Приговъ.

ОСУЖДЕННЫЕ.

Вкругъ чаши наполненной ядомъ,
Взыская заслуженной платы,
Стояли несчастные рядомъ:
Быль рыцарь, закованный въ латы,
Быль, вѣкогда важный, тамъ баринъ,
А также холопскій былъ лапотъ,
На ядъ всѣ глядѣли янтарецъ,
И... слезы изъ глазъ стали капать...
Марія Якубовская.

ВОСЕМЬ РИОМЪ.

Вотъ восемь риомъ... Отравленъ вашимъ ядомъ
И, хоть за трудъ не жду обычной платы
И хоть не мной поставлены вы рядомъ,—
Я мысль свою одѣну въ васъ, какъ въ латы!
Перо забыть, живу давно, какъ баринъ,
Но сладко мнѣ за старый взятыя лапотъ:
Въ стихахъ воспѣтъ, какъ небосводъ янтарецъ,
И на стихи заставить слезы капать!..
Михаилъ П.

ЯНТАРНЫЙ СТИХЪ.

Стиховъ учиться сладкимъ ядомъ
И ждать за нихъ достойной платы—

О два великихъ счастья рядомъ,
Для васъ надѣнетъ муза латы!
Поэтъ въ нуждѣ не важный баринъ.
За гонораръ сплететъ и лапотъ,
Но стихъ его, какъ былъ янтарецъ,
Такъ янтарецъ и будетъ капать...

Степанъ Давыдовъ.

8.

Нѣкоторые буримеры въ своихъ отвѣтахъ
уклонились отъ риомъ задания, придавъ посред-
ствомъ приставокъ заданнымъ словамъ иной
смыслъ.

ВЕСНОЮ

Весна блеститъ своимъ нарядомъ...
Снѣга какъ бѣлые заплаты,
Лежатъ на пашнѣ. Рядъ за рядомъ,
Встаютъ изъ облаковъ палаты.
Ворона, словно знатный баринъ,
Ступаетъ важно... Чей-то лапотъ
Увязнулъ въ лужѣ... Чистъ, янтарецъ,
Весенній дождикъ началъ капать...

Василій Малиновъ.

Здѣсь первое слово посредствомъ прибавле-
нія слога *нар* превратилось въ *нарядомъ*, *платы*
превратились въ *заплаты*, и *латы* въ *палаты*.
Такія замѣны не слѣдуетъ допускать. Нѣкото-
рые переставляютъ риомы, что тоже не допу-
стимо:

ЮГЪ.

Съ моей страной суровой рядомъ
Есть край иной безцѣпной платы,—
Природа царственнымъ нарядомъ
Вѣнчаетъ сабли и палаты;
Вольной туда стремится баринъ,
Тамъ незнакомъ народу лапотъ,
И пышныхъ гроздъ сокъ янтарецъ
Спѣшитъ счастливой влагой капать...

М. Ярославцевъ.

ПОСЛАНИЕ.

Зачѣмъ медлительнымъ травить мнѣ сердце ядомъ,
Зачѣмъ все рвать въ куски, потомъ тачать заплаты?!
Зачѣмъ вмѣстились въ васъ два чувства разныхъ рядомъ?
Въ душѣ—любовь и миръ, за поясомъ—булаты?!
По утру я—Вашъ царь, я повелитель, баринъ,
Но день прошелъ, и я для васъ «негодный лапотъ»...
По утру веселъ я и взоръ мой чистъ, янтарецъ,
А ввечеру удѣлъ: слезамъ немолчно капать...
І. М. Э.—нѣ.

9.

Нѣкоторые участники конкурса прислали по
нѣсколько отвѣтовъ. Такъ три рѣшенія при-
слалъ изъ Москвы М. Браудэ. Они были бы
весьма хороши, если бы авторъ избѣжалъ выше
указанныхъ недостатковъ (перемѣна словъ):

РАБА.

Сверкая красочнымъ нарядомъ,
Въ часъ нѣжно трепетной расплаты,
Спѣши раба со мною рядомъ
Войти въ пурпурныя палаты.
Я для тебя уже не баринъ,
Забудь свой старый, жалкій лапотъ...
Спѣшимъ!—пока разсвѣтъ янтарецъ
И крупный дождь не началъ капать...

МЕСТЬ.

И когда онъ вынулъ мрачный кубокъ съ ядомъ,
Чтобъ полатѣй закончить сладкій часъ расплаты,
Угостилъ его я браунинга зарядомъ,—
Вылился на платѣ красныя заплаты...
Плюнулъ ему въ очи... «Они, постылый баринъ!»
И затѣмъ сталъ тыкать въ року грязный лапотъ...
Взоръ очей стеклянныхъ странно былъ янтарецъ...
Капли крови на полъ громко стали капать...

НОЧЬ.

Всю ночь упивался я сладостнымъ ядомъ.
А утромъ услышалъ: «Я жду вашей платы!»...
Тогда лишь я понялъ, съ кѣмъ ночью былъ рядомъ.
Тревожить сталъ призракъ возможной расплаты.

И докторъ, высокій и сумрачный баринъ,
Сурово сказалъ мнѣ: «Дѣла ваши—лапотъ»...
Цвѣтъ сткланки съ лекарствомъ былъ желтъ янтарецъ,
Когда я въ стаканчикъ съ водою сталъ капать...
И. Браудэ. Москва.

Другое стихотвореніе, испорченное *взгля-
домъ* (вм. *ядомъ*) *заплатами* и *палатами*, при-
слалъ вундеркиндъ:

ОНА.

Поразила меня взглядомъ,
Оглядѣвъ мои заплаты,
Посадила меня рядомъ,
Пригласивъ въ свои палаты.
И сижу я здѣсь, какъ баринъ:
Лишь смущаетъ только лапотъ!
Ну, да ладно,—медъ янтарецъ:
Остается въ ротъ лишь капать...
Борисъ Барышниковъ (13 лѣтъ).

Одинъ изъ участниковъ перваго конкурса удо-
стужился написать цѣлыхъ 9 стихотвореній:

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Зима.

Воздухъ зимній бѣденъ ядомъ.
И даритъ людей безъ платы
Наслажденій чуднымъ рядомъ.
Ну, скорѣе! Шубу—латы
Надѣвай, солдатъ, иль баринъ.
Поживѣ! Эй—ты, лапотъ,
Тройку, сани! Миръ янтарецъ.
Да и дождь не станетъ капать.

Весна.

Лугъ цвѣточнымъ дышетъ ядомъ
И пьянитъ людей безъ платы
Ароматомъ. Рѣчка—рядомъ
Ужъ она, разбивши латы
Лѣда, рокошетъ, точно баринъ,
А надъ нею—туча—лапотъ,
И хотя весь миръ янтарецъ,
Дождь сквозь солнце началъ капать.

Лѣто.

Солнце смотритъ знойнымъ взглядомъ.
И потребуетъ расплаты
За порывъ блеснуть нарядомъ.
Броситъ душныя палаты
Даже самый истый баринъ,
Надѣвая часто лапотъ,
Если солнца лучъ янтарецъ,
Чтобы потъ не вздумалъ капать.

Осень.

Въ кость проникла сырость ядомъ
И за грѣшность въ видѣ платы
Колетъ болѣе цѣлымъ рядомъ.
Лѣсъ стряхнулъ зелены латы
И не высится, какъ баринъ,
А обдерганъ, точно лапотъ,
И коверъ—тоской янтарецъ,
Да и небо стало капать.

УКОРЪ.

Сердце исполнено скорбью и ядомъ
Презрѣнья: вѣдь, кажется, лишь изъ-за платы
Люди ничтожные селятся рядомъ,
Ихъ души въ стальныя закованы латы.
Съ дня ихъ рожденія. Къ примѣру,—вотъ баринъ,
Анъ глядь, а на дѣлѣ выходитъ лишь лапотъ.
Вотъ, сколь ничтоженъ. И взоръ мой янтарецъ,
И слезы досады собираются капать.

ВИНО И ЛЮБОВЬ.

Онъ вино не любитъ капать..
Пить—такъ пить, коль цвѣтъ янтарецъ,
Въ этомъ дѣлѣ онъ не лапоть,
По онъ былъ бы прямо баринъ,
Если-бъ сбросила ты латы
И усѣлась съ нимъ-бы рядомъ.
Вы-бъ въ любви безъ пошлой платы
Отравились страсти ядомъ.

Ядъ.

Страсти ядомъ
И безъ платы.
Всѣ пьянате сплошь да рядомъ.
И подъ рыцарскія латы
Страсть провикнетъ. Что ужъ баринъ.
Коль мужикъ обуянъ въ лапоть,
Пьянъ любовью. Ядъ—янтарецъ,
И Амуръ имъ будетъ капать.

БЕРЕГИСЬ.

Взоръ насыщенъ женскимъ ядомъ
И угрозой адской платы
—Жизнь прожить всю съ нею рядомъ.
Не крѣпки броня и латы
У того, кто, родомъ баринъ,
Превратится въ женивъ лапоть.
Хоть у ней и взоръ янтарецъ,
И слеза умѣетъ капать.

БУРИМЕ.

Буриме я стубленъ ядомъ
И не жду построчной платы
За игру лишь строчекъ. Рядомъ
Гдѣ угодно вставить латы
Мнѣ не трудно: въ томъ я—баринъ,
Лишь профантъ плететъ вѣдь лапоть,
Только мало стихъ янтарецъ,
Если съ этимъ подлымъ «капать».

В. Таціевскій

Г. Таціевскій обнаружилъ недюжинныя версификаторскія способности.

10.

Большинство присланныхъ отвѣтовъ, конечно неудовлетворительно.

Эти произведенія неудачниковъ могли-бы составить прекрасный музей—„буриме“.

Отъ колыбели до могилы ихъ жизнь стравлена вся ядомъ
И это-же такъ ясно—злосчастье—горе вѣдь (не требуетъ платы).

Всегда шагаетъ съ ними рядомъ.
Другое дѣло во власти—латы
Бесъ забронированный баринъ,
Который съ первыми суть міра два различны.—Одинъ,
обуянъ въ лапоть,
Нарядному другому приготавливаетъ изстари обильный
столь янтарецъ,
И продолжаютъ оба міра пока такъ—другой шумливую
рѣчку катится, а первый монотонно капать.

Студентъ Политехникума М. Плаксинъ

11.

Второй конкурсъ буриме вышелъ еще удачнѣе перваго какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи:

Были заданы риѣмы: *анатомъ—зеркало—пранатомъ—коверкало—замокъ—вашею—самокъ—простоквашею.*

Было получено 1174 стихотворенія.

Изъ нихъ неудовлетворительныхъ рѣшеній буриме оказалось 980, удовлетворительныхъ 156 и хорошихъ 38.

Авторы чрезвычайно пестры по темамъ: нѣкоторые желаютъ быть злободневными, другіе въ стихахъ вышучиваютъ самыя риѣмы, третьи впадаютъ въ мрачный тонъ и придаютъ „просто-

квашъ“ символическій характеръ, остальные—лирики чистой воды.

Насколько разнообразны темы, можно судить по перечню вотъ этихъ наудачу выхваченныхъ заглавій: „Ленская гекатомба“ (Левъ Фольварковъ, Петербургъ), „Депутатъ Пуришкевичъ и его шишка“ (С. Цуриновъ, Тифлисъ), „Абдулъ Гамидъ“ (Андреевъ, Петербургъ), „Въ альбомъ увядающей красавицъ“ (Петръ Званцовъ, Н. Новгородъ), „Къ событіямъ на Ленскихъ приискахъ“ (Ив. Ерошинъ, Москва), „Наполеону“ (Ө. Лещенко, Каменка), „Татіеву и его сообщникамъ“ (Н. И. Котлярова, Кутаисъ), „Мечниковъ и Анатомъ“ (Лео - Леони - Пуссе), „Публицисту Дорчу“ (Ц. Катинъ, Расторгуево, Ряз. губ.), „Памяти А. И. Герцена“ (В. Щербаненко, Юзовка), „Академику В. И. Зарубину“ (Н. Н. Степановъ, Таганрогъ), „Гимнъ Кулаку“ (Д. Золотниковъ, Лодзь), „Совѣты дѣтямъ“ (Б. К. Булгаковъ, Симферополь) и т. д., и т. д.

Большая часть изъ 980 забракованныхъ стихотвореній погибла, конечно въ „простоквашъ“,—не въ силахъ было вогнать въ стиль, осмыслить и опозитизировать это пошлѣе слово.

Свыше 25% авторовъ падаютъ, сраженные „гранатомъ“, который они принимаютъ за „гранату“.

Многіе анатома смѣшиваютъ съ хирургомъ. Многіе опять таки, какъ и въ первое буриме, измѣняютъ слово риѣмы посредствомъ прибавленія буквъ, вм. анатомъ—канатомъ, вм. коверкало—исковеркало, вм. вашей—чувашей (sic) и т. д.

Подробное изученіе этого богатѣйшаго и любопытнѣйшаго буриме откладываю до слѣдующей книги „Весны“.

Укажу только что въ „Солнцѣ Россіи“ были напечатаны лишь слѣдующія далеко не лучшія рѣшенія:

МЫСЛИ НѢКОЕГО АНАТЕМА О КОНКУРСѢ-БУРИМЕ.

Молча надъ моремъ стоялъ знаменитый и мудрый анатомъ,
Взоръ устремляя въ бездонной пучины лазурное зеркало..
Берегъ украшенъ былъ миртомъ, цвѣтущимъ лимономъ,
гранатомъ.

Солнце потоки лучей своихъ въ зыби дрожащей коверкало
И озаряло весь берегъ и старый, разрушенный замокъ—
(Право, нектати совѣмъ приплетенный редакціей вашею)..
... Думалъ анатомъ: „Ахъ, сколько поэтовъ-самцовъ,
сколько самокъ
„Солнце Россіи“ зальютъ своихъ блѣдныхъ стиховъ простоквашею!..“

П. Рутковъ (Вѣлостокъ).

ВСКРЫТИЕ.

Тѣло женщины прекрасной оперировалъ анатомъ,—
Онъ безстрастнѣе ланцета, что блеститъ въ рукахъ, какъ
зеркало.
Мраморъ плитъ стола холодный кровь окрасила гранатомъ.

Лезвіе впиваясь жадно, все крошило, все коверкало..
Люди, люди! Ваше тѣло—для души прекрасный замокъ—
Вы стараетесь разрушить вашей жизнью смертью вашею
И трагически окончить ваша жизнь самцовъ и самокъ
Этой красной, безобразной и зловонной простоквашею.
Оскаръ Давыдовъ (Спб.).

ЛЮБОВЬ—ТЛѢНЪ.

Я въ сердце милой, какъ анатомъ,
Гляжу печально, точно въ зеркало:
Мы съ нею—какъ лопухъ съ гранатомъ
И въ жизни—все нашъ бракъ коверкало.
О, если-бы укрыться въ замокъ.
Отъ васъ, о люди съ ложью вашею,
Не видѣть ни самцовъ, ни самокъ
И жить тоской и.. простоквашею!..

Л. М. Василевскій,

ХУДОЖНИКУ.

О, современныхъ душъ безжалостный анатомъ!
Твоихъ портретовъ рядъ, какъ выгнутое зеркало,
Смерть придавалъ устамъ, пылающимъ гранатомъ,
Въ немъ образы людей кривило и коверкало.
И, совершивъ свой трудъ, ушелъ ты въ гордый замокъ:
Оттуда намъ сказалъ: „Не жить мнѣ жизнью вашею!
Я жажду ангеловъ, а вамъ—вамъ надо самокъ,
Я нектаръ пью, а вы блаженны простоквашею!“
В. Бакулинъ. (Москва).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Я ждалъ... Она, души моей анатомъ,
Задумчиво глядѣла долго въ зеркало,
Спокойная, а я краснѣлъ гранатомъ:
Ея молчанье душу мнѣ коверкало!..
И вдругъ—о, мой воздушный замокъ!—
Я услышалъ: „Извольте, буду вашею:
„Ужъ лучше стать въ полчища самокъ,
„Чѣмъ скиснуть въ дѣвахъ простоквашею.“
О. Б—ва. (г. Рига).

ИЗЪ «СЛОВА О СТАѢ ИГОРЕВОЙ».

(Quasi una stichosa).
(Пародія на поэтовъ-футуристовъ).
Оттрупился въ клиникѣ мрачный анатомъ,
Въ альковѣ гетера вкроватьла зеркало
И втучилось солнце закатнымъ гранатомъ,—
Когда меня трудной стихозой коверкало..
Я пѣлъ: «на онколя куплю древній замокъ,
Тамъ, люди, заржу я надъ глупостью вашею,
Надрамлю я драмъ, зароманю всѣхъ самокъ,
Искусство футурной залью простоквашею!»
Леонидъ Мальцевъ (Спб.).

КОГДА СОЛНЦЕ ЕЩЕ НЕ ВСТАЛО.

Буршъ (философъ), я (анатомъ),
Хохоча, разбили зеркало..
Я кормилъ «мамзель» гранатомъ..
„Чудо-Ріано» вальсъ коверкало..
— Отдаемъ сей дивный замокъ
„Grīmae pocti, леди, вашей!..
Пьяный хохотъ... Крикъ... виагъ самокъ..
Пиво... Дыня съ простоквашею..
Ю. Цетъ (Спб.).

ПРИЗНАНЬЕ.

Онъ глядѣлъ въ ея душу, какъ тонкій анатомъ,
Онъ сказалъ ей: „Душа ваша—чистое зеркало
„И блеститъ она яркимъ, нетлѣннымъ гранатомъ,
„Хотя горе немало ее и коверкало!“
Онъ сказалъ ей: „Душа ваша—сказочный замокъ
„И съ красною небесной чарующей вашею
„Далеки вы, какъ небо, отъ всѣхъ этихъ самокъ,
„Замѣнившихъ порывы души—простоквашею!“
С. О. Ланге (Одесса).

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО.

Какъ на мертвое тѣло, анатомъ,
Я глядѣлъ на разбитое зеркало.
И блистая въ осколкахъ гранатомъ,
Оно душу мнѣ жгло и коверкало.
И не такъ ли, лазурный нашъ замокъ?..
Вы разбили измѣною вашею
И я проклялъ всѣхъ женщинъ, какъ самокъ.
Называя любовь,—простоквашею.
С. Иремъ. (Владикавказъ).

А. Р. КУТЕЛО.

Я далеко не анатомъ,
Но люблю „Кривое зеркало“:
Въ немъ блеститъ огнемъ-гранатомъ.
Все, что нашу жизнь коверкало.
Это—смѣха дивный замокъ,
Станетъ онъ усладой вашею,
Тѣшить онъ самцовъ и самокъ
Развеселой простоквашею!
Анонимъ изъ Моршанска.

12.

Третій конкурсъ буриме отличался отъ первыхъ двухъ тѣмъ, что предназначался для версификаторовъ болѣе искусныхъ: недостаточно было написать на заданныя рифмы (лопухъ-иръ-опухъ-тигръ-колынь-везло, плѣнь-зло), требовалось еще написать стихотвореніе такъ, чтобы въ немъ не было ни одной буквы а.

Тѣмъ не менѣе, получено 596 отвѣтовъ. Изъ нихъ неудовлетворительныхъ 377, удовлетворительныхъ 126, хорошихъ 93. Процентъ хорошихъ рѣшеній въ этомъ конкурсѣ выше, чѣмъ въ прошлыхъ двухъ. Это объясняется тѣмъ, что лишь болѣе искусные версификаторы отважились прислать отвѣты на этотъ трудный конкурсъ. Разнообразие темъ по-прежнему большое: „Возвращеніе на родину“ (Д. Овчаренко), „Игрокъ“ (Н. Арго), „Пуришкевичъ“ (И. Никитина), „Босьякъ“ (Вик. Снѣжинъ), „Сибирь“ (О. Хабаевъ), „Голодный годъ“ (П. Слѣпцовъ), „Въ дѣтской“ (Н. Зернь), „Илиодоръ“ (Аэсъ), „Наполеонъ“ (Гавриловъ-Лебедевъ), „Къ ней“ (И. Рюмина), „Басня“ (Э. Базилевскій), „Въ больницѣ“ (Василій Колосюкъ), „Война“ (М. Разсудовъ), „Тигръ“ (Аксюкъ), „Пуришкевичъ“ (А. Судипаль) и т. д., и т. д.

Очень трудно было согласовать истинно-русское понятіе „лопухъ“ съ экзотическимъ звѣремъ „тигромъ“, поэтому три четверти неудачниковъ находятъ свою гибель въ первомъ куплетѣ.

Во второмъ куплетѣ игривое, разговорное слово „везло“ трудно входитъ въ стиль и тоже губитъ не мало авторовъ.

Отсутствіе буквы а, какъ видно, не особенно затруднило конкурентовъ. Вотъ образчики рѣшеній:

КОЛИЗЕЙ.

Что нынѣ Колизей! Руины—и лопухъ..
То-ль было?
...Полонъ циркъ. Римъ ждетъ безумныхъ игръ.
Неронъ уже возсѣлъ. Онъ отъ пировъ опухъ
И блѣденъ... Слышенъ ревъ—то жертву чуетъ тигръ.
Преступникъ молится. Потомъ векошилъ съ колѣнь..
Въ мгновенія первыя борьбы ему везло,
Но новый ревъ—и стонъ... и смерти вѣчный плѣнь.
И Колизей гремитъ, и торжествуетъ зло.
Коловратъ (Спб.).

ПЬЯНЫЙ.

Я для жизни постылой—ненужный лопухъ,
Лишь объектъ для жестокихъ, безсмысленныхъ игръ..
Я отъ пьяныхъ ночей одряхлѣлъ и опухъ
Озлобленъ и свирѣпъ.. но не тигръ.
Не унять мнѣ мучительной дрожи колѣнь..
Мозгъ въ огнѣ... Почему мнѣ во всемъ не везло!..
Жизнь—проклятье мое и мучительный плѣнь
Въ жизни жизнь—это первое зло!..
Георгій Казаровъ (Спб.).

ШПОНЪ.

Онъ—сорный средь людей лопухъ.
Онъ—дирижеръ филерскихъ игръ.
Трусливъ, былъ битъ: весь ликъ опухъ,
Но въ сыскѣ темномъ—лютый тигръ..
Дуэль... Съ дрожаніемъ колѣнь
Стрѣлялъ... Но все жъ ему везло:
Не угодила къ чертямъ онъ въ плѣнь,
Нѣтъ, живъ шпонъ.. Не гибнетъ зло.

Ки.

MEMENTO MORI.

Мой другъ, покроетъ всѣхъ лопухъ!
Кто кончилъ дни отъ рѣзвыхъ игръ,
Кто просто съ голоду опухъ,
Кто хилъ былъ, кто—сильный, чѣмъ тигръ;
Жилось-ли—море до колѣнь,
Иль горемыкъ не везло,—
Всѣхъ ждетъ одинъ и тотъ-же плѣнь,
Гдѣ тѣнь, гдѣ вѣчно зло!

Самуэль.

МЕНЬШИКОВЪ.

Не въ поляхъ—межъ людей выросъ сорный лопухъ,
Предводитель кощунственныхъ игръ;
Пошлый мозгъ его ѣдкою злобой опухъ,
Для финляндевъ онъ истинный тигръ.
Не склоняетъ предъ честью покорно колѣнь,

По кривой ему вечно везло,
Чтить превыше всего угнетенье и плѣнь
И творить безпрепятственно зло.

А. Высотинъ (Спб.).

У ДОРОГОЙ МОГИЛЫ.

Вокругъ могилы твоей все пышнѣе лопухъ.
Что ни годъ, милый другъ дѣтскихъ игръ.
Я-жъ подлѣ ношею лѣтъ одряхлѣлъ и опухъ
И душой очерствѣлъ словно тигръ.
Лишь порою къ тебѣ съ преклоненьемъ колянъ
Прихожу. (въ жизни мнѣ не везло!..)
Чтобъ слезою омыть горя тягостный плѣнь,
Грустной жизни ошибки и зло!..

Н. Адсонъ (псевд.) (Вѣлостокъ).

ИЗВѢСТНОМУ МРАКОВѢСУ.

Для мысли свободной—тлетворный лопухъ.
Ты евангѣ безумныхъ, безсмысленныхъ игръ.
Отъ скверны блудъ и воя языкъ твой опухъ.
Отчизнѣ родимой ты коршунъ и тигръ.
Но мы не преклонимъ трусливо колянъ...
Пусть тѣмъ, что погибли, въ бою не везло.
Мы вѣримъ, что скоро окончится плѣнь
И солнце пронзитъ вѣковѣчное зло!..

Анатолій Зимионко (Минскъ).

ДУМЫ ПЬЯНИЦЫ.—БОБЫЛЯ

Живъ—не нуженъ... Умрешь—только пыль и лопухъ...
Гдѣ ты, времячко вольныхъ ребяческихъ игръ!..
Что ни день, то съ похмѣлья... Обрюзгъ и опухъ...
Утромъ золь, точно голодомъ мучимый тигръ.
Ишь, не бритъ, не умытъ и въ грязи до колянъ...
Ни по службѣ, ни въ чемъ то всю жизнь не везло...
Эхъ, вы, думы мои! Черной совѣсти плѣнь!..
Хоть-бы рюмочку... Денегъ нѣтъ... Экое зло!..

Андрей Чубаровъ (Ирславль).

ВЪ ДУМѢ.

Въ итогѣ выростъ лишь лопухъ.
Илодъ думскихъ преній, думскихъ игръ,
Иксъ отъ бездѣля опухъ,
М. былъ свирѣпымъ, словно тигръ,
П. много выкинулъ колянъ.
Т. въ остроумьи не везло...
Могучъ во тмѣ гнетущій плѣнь
И торжествуетъ все-же зло!..

Н. Я. Г. (Симферополь).

ОТВѢТШЕЕ.

Нѣтъ лилій, нѣтъ и розъ, торчатъ одинъ лопухъ.
Ушло веселье прежнихъ дѣтскихъ игръ.
Отъ пошлой болтовни языкъ ея опухъ
И сердце злобою трепещетъ, словно тигръ.
Предъ ней поклонники не гнутъ уже колянъ!
Въ игрѣ любви не долго ей везло.
Унылой дряхлости грозитъ ей тяжкій плѣнь
И неизбежное уже къ ней близко зло

Ду-жанъ.

ПОЭТЪ, ПОТЕРПѢВШІЙ НЕУДАЧУ НА КОНКУРСѢ
БУРИМЕ.

Не побѣдный вѣнокъ—получилъ я—лопухъ?
Нѣтъ теперь для меня ни веселья, ни игръ.
Но отъ горя не пью, не обрюзгъ, не опухъ—
Нѣтъ, весь мекъ горю и мечусь словно тигръ.
Пусть я въ конкурсѣ прошломъ увязъ до колянъ
Въ тивъ рифмъ непослушныхъ, и мнѣ не везло,
Но теперь рифмы я безусловно взялъ въ плѣнь.
Долгъ жюри—возмѣстить причиненное зло.

Левъ Фольварковъ (Спб.).

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи при-
вести „внѣ конкурса“ слѣдующее курьезное рѣ-
шеніе:

ЧЕЛОВѢКЪ И ЛОПУХЪ

Близъ опушки ясиновыхъ кустовъ, въ зеленой долинкѣ
выростъ роскошнѣйшій, высокій лопухъ.
Подъ сѣнью его дородныхъ листовъ пріютились рѣзвые
птички для своихъ невинныхъ игръ.
Тутъ, и родъ съ пестрымъ хохломъ, и зябликъ, и го-
лубь-воркунъ, свой зобъ игриво оцъ вздулъ словно
опухъ.
Весело, привольно подлѣ лопухомъ имъ живется. не уа-
рять ихъ ни зоркій ястребъ, ни лютый тигръ.

Будь-же добръ, лопухъ, прикрой и меня, гонимъ я
судьбой, взгляни, я босой и нѣтъ чѣмъ прикрыть
колѣнь

Не пилъ я, игры-рулетки не любилъ, но и сбѣзпечить
себя не сумѣлъ—въ жизни не везло.

Птицъ я укрою отъ тигровъ и ястребовъ и не допущу
никому изъ хищниковъ взять ихъ въ плѣнь.
Ты-же, человекъ, стыдись лѣсть подлѣ лопухъ. Возьми
свой умъ ты въ руки—и протенишь всякое зло.

13.

Четвертый конкурсъ буриме вводилъ еще но-
вое осложненіе: требовалось, чтобы стихотворе-
ніе непременно было тріолетомъ.

Риѣмы были даны такія: *лѣтомъ—травъ—*
тріолетомъ—отравъ—правъ—лѣтомъ—травъ.
лѣтомъ—отравъ—травъ—лѣтомъ—травъ.

И все-же было прислано удовлетворитель-
ныхъ рѣшеній 127, неудовлетворительныхъ 714

Вотъ лучшее—тройное рѣшеніе задачи:
ТРИ МОМЕНТА.

1

Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ,—
И доверчиво—нѣжно со мною ты шла между травъ...
О любви моей пѣсни тебѣ я слалъ тріолетомъ—
Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ...
Мы съ тобой не боялись волненья и страсти отравъ,
Упоенные дѣвственной радостью дружескихъ правъ...
Это было давно,—это было задумчивымъ лѣтомъ.
И доверчиво—нѣжно со мною ты шла между травъ...

2

Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣ-
томъ.

И съ другою я шель межъ высокихъ желтѣющихъ травъ...
И о страстномъ безумьи тревожномъ я пѣлъ тріолетомъ—
Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣ-
томъ...

Мы искали лишь страсти зовущихъ, пьянящихъ отравъ,
Ни любви мы не ждали, ни вѣчнаго счастья, ни правъ...
Это было потомъ,—душно-знойнымъ, томительнымъ лѣ-
томъ.

И съ другою я шель межъ высокихъ желтѣющихъ травъ...

3

Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ.
И головку ты скорбно склонила, скользя среди травъ...
Я, тоскуя, молилъ о прощеньи своимъ тріолетомъ—
Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ,
И я понималъ любовь, и я проклиналъ безумье отравъ,
И молилъ вѣчно-чистыхъ и ласковыхъ дружескихъ правъ...
Это было тогда, когда снова мы встрѣтились лѣтомъ...
И головку ты скорбно склонила, скользя среди травъ...
Альмаръ.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ,
Въ душистомъ морѣ сочныхъ травъ
Плѣнилъ я дѣву тріолетомъ...
Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ
Но, ахъ не горшело въѣхъ отравъ—
Вобщѣ алколю любовныхъ правъ
Подъ вечеръ, знойнымъ, яснымъ лѣтомъ,
Въ душистомъ морѣ сочныхъ травъ!..

Андрей Чубаровъ.

ВЕСНА ПРОШЛА.

Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И путь украсила ему ковромъ изъ травъ;
Поэтъ воспѣлъ весну октавой, тріолетомъ—
Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И мысли о зимѣ вливали ядъ отравъ...
«Все суета суетъ»—Экклезиастъ былъ правъ.
Весна прошла, склонившись передъ лѣтомъ,
И путь украсила ему ковромъ изъ травъ.

Павелъ Зильбергольцъ.

14.

Я надѣюсь, что читатели „Весны“ заинтере-
совались прекрасною гимнастикой ума, какую
представляетъ изъ себя буриме, вошли въ духъ
и смыслъ этой забавы и пожелаютъ принять
участіе въ первомъ конкурсѣ буриме Весны,
объявленномъ въ этой книгѣ.

Таланты

1.

Выпускаю первую книгу „Весны“. Доволенъ
ли я ею? И да, и нѣтъ. Меня очень радуютъ
четыре дебютанта—Вѣра Инберъ, Василій Пахо-
мовъ, Г. Сеферовъ и К. Гликманъ. Имъ всѣмъ
„Весна“ дала возможность показать себя во весь
ростъ своего таланта. У Вѣры Инберъ такъ кра-
сива манерность ея излома. Мнѣ рисуется она
съ кодакомъ въ рукѣ въ платьѣ *travesti*, одна
безъ фрейлейнъ Доры тамъ на югѣ, гдѣ отъ
этой „весны не весной“ вянутъ „ломкія вѣтки
березы“... Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ея душа—въ
платьѣ *travesti* и въ самомъ дѣлѣ у нея кодакъ,
который немного мѣшаетъ ея вдохновенію...

2.

Раньше философъ и поэтъ искали красоту съ
фонаремъ. Теперь съ кодакомъ. Раньше поэты
горѣли, какъ факелы. Теперь—какъ электри-
ческія лампочки. Въ одномъ изъ своихъ послѣд-
нихъ стихотвореній Валерій Брюсовъ красиво
заявляетъ объ этомъ:

Мы—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой;
Ей—наши рдяные привѣты,
И ей—нашъ отсвѣтъ голубой!
Качаясь на стебляхъ высокихъ,
Горя въ преддверьяхъ синема
И искрясь изъ витринъ глубокихъ,
Мы—дрожь, мы—блескъ, мы—жизнь сама!
Что было красочнымъ и пестрымъ,
Мѣняя властнымъ волшебствомъ,
Мы дѣлаемъ безцвѣтно—острымъ.
Живѣй и призрачнѣй, чѣмъ днемъ.
И женщинъ, съ ртомъ, какъ рана, алымъ
И юношей, съ тоской въ зрачкахъ,
Мы озаряемъ небывалымъ
Вѣнцомъ, что обольщаетъ въ снахъ.
Даемъ соблазнъ любви продажной,
Случайнымъ встрѣчамъ—тайный смыслъ;
Угрюмый домъ многоэтажный
Мы превращаемъ въ символъ числъ.
Изъ быстрыхъ уличныхъ мельканій
Лишь мы поэзію творимъ,
И съ нами—каждый на экранѣ,
И, на экранѣ кто,—мы съ нимъ!
Заливъ сіянемъ современность,
Ее впитали мы въ себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю брѣнность
Преобразили мы, любя,—
Мы, электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой,
Мы, современные поэты,
Вѣкамъ зажженные Судьбой!

3.

Типическимъ электрическимъ свѣтомъ горитъ
Игорь Сѣверянинъ. Я открываю книгу стиховъ
его „Предгрозею“, присланной имъ еще для еже-
недѣльной Весны. Въ этомъ стихотвореніи есть
свѣжесть. И та же кодачность, которая у Вѣры
Инберъ. „Старый граммофонъ“... „То то вотъ
и есть“... „И ищи потомъ гребенки цѣлыхъ два
часа“... Это очень кодачно и очень талантливо.

Какъ талантливъ „сахаръ“, который „прячетъ
для коня“ Вѣра Инберъ. Въ „Предгрозѣ“ нѣтъ
той филологической эквилибристики, которая
подчасъ дѣлаетъ смѣшнымъ безспорно талант-
ливѣйшаго изъ молодыхъ современныхъ поэтовъ.

4.

Много кодачности въ эффектной статьѣ
Н. Евреинова „Мой любимый театръ“. И на ба-
зарѣ въ Морокко и въ гостяхъ въ Петербургѣ
ему въ этой кодачности чутся театральность.
Весь міръ—декорации. И самые люди лишь
декорации. Въ особенности женщины—эта кра-
сивая бутафорія театра жизни. И единый ре-
жиссеръ въ этомъ театрѣ—Я.

5.

Бальмонтъ написалъ—„Зовы древности“, но
правильнѣе было бы написать—„Зовы экзотики“.
Потому что и его, какъ и большинство поэтовъ
больше влечетъ къ экзотикѣ. Вотъ почему никто
не посѣтуетъ на меня за статью А. И. Коханов-
скаго „Искусство Абиссиніи“, изобилующую
интересными бытовыми подробностями. Сквозъ
многія изъ экзотическихъ деталей быта и души
быта—искусства—слышится подлинныя зовы
древности. Я надѣюсь что нѣсколькими новыми
мотивами и новыми словами подарить весен-
нихъ читателей трудолюбивое изслѣдованіе мо-
лодого путешественника... „Зовы древности“...

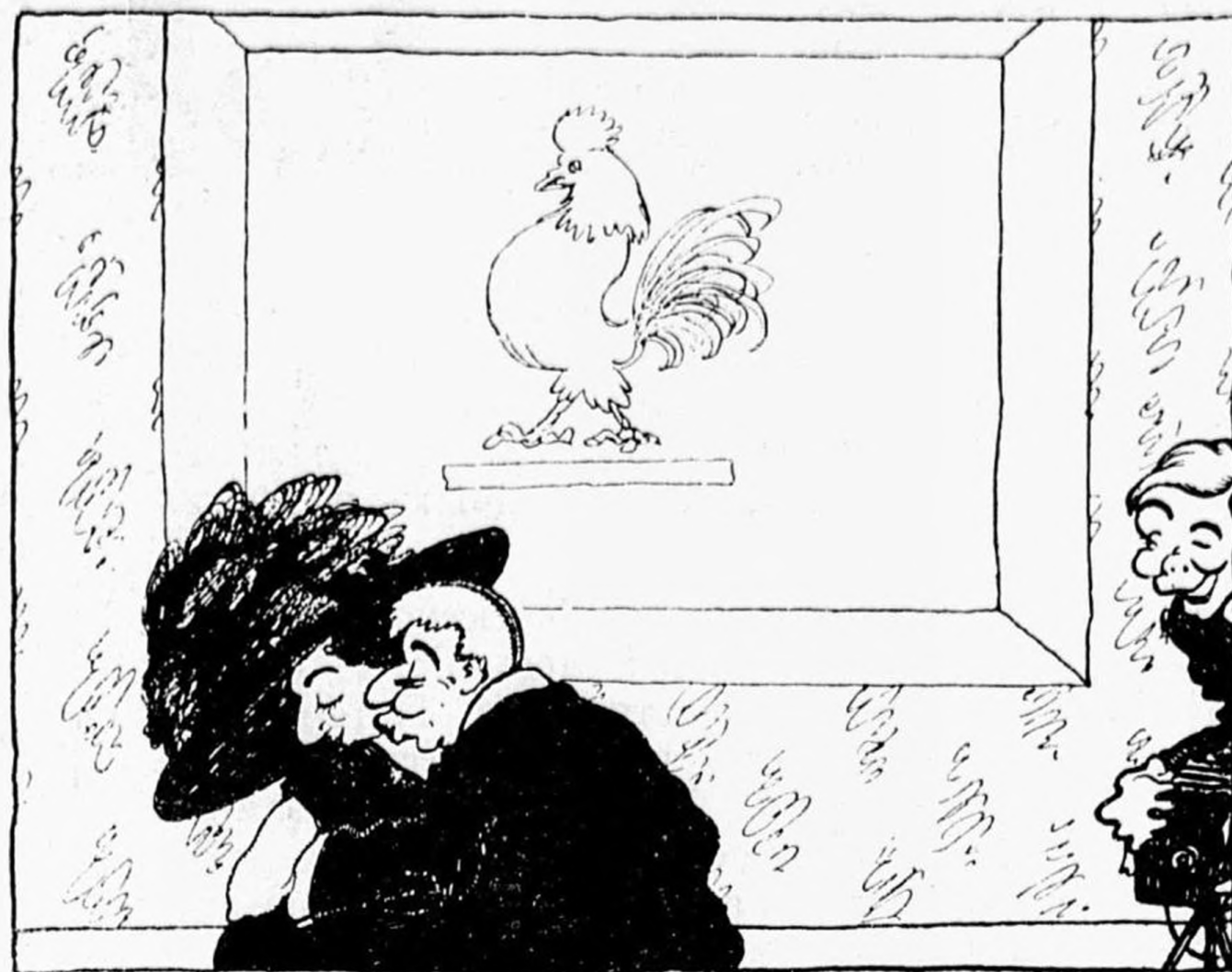
6.

Зововъ глубокой древности лично я не слышу.
Но зовы давности, зовы старинности неутѣшно
поютъ въ моей душѣ. Такъ мечтается порой
скрыть подлѣ напудреннымъ парикомъ досадную
докучливую безпощадно увеличивающуюся лы-
сину... Грезятся изящные менуэты, заодно лу-
кавятъ мушки фарфоровыхъ маркизъ, пахнутъ
пачулями и какими то позабытыми куреніями.
Такъ много очаровательнаго легкомыслія въ
этихъ галантныхъ красавицахъ... Какъ много
изящнаго пафоса въ стихахъ... Какъ трогательно
мелодрама на сценѣ... Какъ миль наивенъ воде-
виль. Какъ элегантно экспромпты и находчивы
буриме. Какъ величаво просты картины на
стѣнахъ... Какъ много сказки вокругъ... Въ про-
тивовѣсъ вечерамъ футуристовъ, хотѣлось бы
устроить вечеръ напудренныхъ париковъ. Хотѣ-
лось бы основать клубъ напудренныхъ пари-
ковъ... Вѣрится, что стоитъ только скрыть пари-
комъ проклятую лысину, какъ сказка сдѣлаетъ
временъ станетъ былью... И вы сбросите ваше
траурное черное платье и, облачитесь въ цвѣт-
ные камзолы и жилеты и душа ваша расцвѣ-
титъ и расцвѣтетъ.

Н. Шебуревъ.

Вниманію участниковъ кон-
курса „Саломея“. По цензур-
нымъ условіямъ „Саломея“
должна быть изображена
безъ главы Іоанна.

1

Почтовый ящик.

Въ виду того, что я получаю еженедельно до трехсотъ рукописей, а заниматься ихъ чтеніемъ приходится по ночамъ, обращаюсь къ авторамъ со слѣдующими словами:

- 1) Переписывайте четко, не сокращая словъ.
- 2) Подписывайте каждую изъ присланныхъ ещичъ, хотя бы въ одномъ конвертѣ было нѣсколько стиховъ.
- 3) Пишите на одной сторонѣ листа.
- 4) Не торопите съ отвѣтомъ, — всѣмъ безъ исключенія будетъ данъ отвѣтъ, потому что просматриваю я рѣшительно каждую рукопись.
- 5) Не забудьте на каждой рукописи проставить свой адресъ.
- 6) Вступая въ переписку по поводу уже прочитанныхъ мною рукописей, помѣчайте номеръ почтоваго ящика, за которымъ вамъ данъ отвѣтъ. Иначе нѣтъ возможности разобраться въ массѣ писемъ.
- 7) Во избѣжаніе затири въ конторѣ редакціи рукописи адресуйте лично мнѣ: Николаю Георгіевичу Шебуеву, Старорусская, 16.
- 8) На конкурсныхъ рукописяхъ, какъ и на конвертахъ четко указывайте «конкурсъ № такой-то» или: «журналъ № такой-то». Рукописи безъ указанія автора на желаніе печатать даромъ, конкурсные рассказы, рисунки и ноты печаются даромъ. Мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются.

1) Евгений Потуловъ (Минскъ). — Вашъ драматическій этюдъ «Къ жизни» непригоденъ главнымъ образомъ изъ-за того, что въ немъ нѣтъ жизни. Весь актъ Ида жауется на безпричинную тоску, то матери, то другу. И вдругъ — умираетъ.

Мать. — Она такъ устала...

Старый другъ. — Устала, да... отъ проклятаго чудовища, чье имя жизнь (плачетъ).

Боюсь, что и публика устанетъ и умереть отъ тоски доглядѣвъ до конца эту пьеску. Написана она литературно. Но — безруши, жизни, весны ждешь «Весна».

2) А. В. Буткевичъ. (Петербургъ). — «Паденіе» могло бы быть недуренькимъ и психологическимъ этюдомъ, если бы вы его сократили разъ въ десять. Вѣдь, въ сущности говоря, воть въ этой сценѣ весь рассказъ.

— И опять къ Вамъ съ книгой, — входя въ комнату Шуры, началъ студентъ. — Не наскучилъ я еще Вамъ? — Нѣтъ. Наоборотъ, я очень рада, — привѣтливо улыбаясь, говоритъ дѣвушка, вся всныхая подъ яркимъ взглядомъ.

— Что же намъ сегодня почитать? — продолжаетъ тотъ, занимая свое мѣсто. — Не хотите ли Андреевскую «Бездну»?

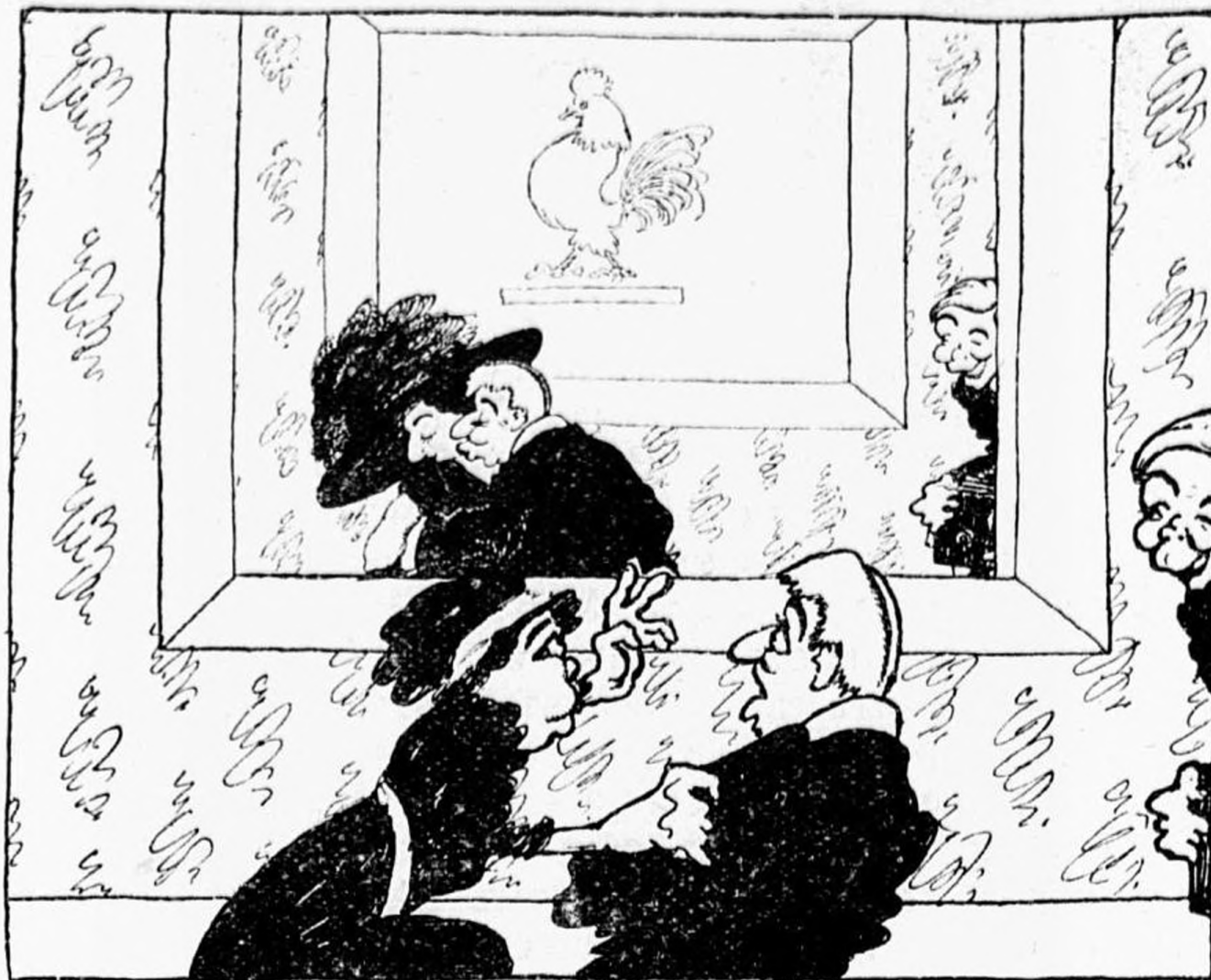
— Нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ! — быстро отвѣчаетъ дѣвушка.

— Почему?

— Я раньше читала «Бездну».

— Но, кажется, мы все это время съ Вами читали уже знакомое.

— Да... Но «Бездну» не надо! Это что-то такое дикое, грязное, кошмарное.

2

— Я готовъ держать пари, что Вы даже не поняли этого разсказа.

— Можеть быть! Но я не хочу его слушать во второй разъ.

— Сознайтесь, Александра Георгіевна, что Вы просто не хотите со мной читать этого разсказа, въ которомъ чувствуете для себя что-то незнакомое, загадочное? Вы хорошенько даже и не представляете себѣ, что это такое и уже заранѣе пугаетесь и бѣжите. Вы боитесь неизвѣстнаго такъ же, какъ ребенокъ боится темноты. Но вѣдь вся жизнь неизвѣстность... Человѣкъ — это настолько сложное существо и настолько разнообразное въ проявленіяхъ своихъ чувствъ, что дѣлать какое-либо заключеніе о томъ или иномъ его поступкѣ, оценивая этотъ поступокъ, и то невозможно... Страсть такое всепоглощающее чувство, что охваченный ею человѣкъ не можетъ уже рассуждать...

Что либо возражать на это Шура не имѣла возможности, главное не имѣла данныхъ. Она молча сидѣла и выжидала, когда тотъ кончитъ и начнетъ читать. Но онъ не кончалъ. Отложивъ книгу, Шрамченко всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Комната была такъ мала, что сдѣлавъ 3—4 шага студенту приходилось наталкиваться на предметы. Это ему повидимому наскучило и онъ остановился сзади стула дѣвушки. Шурѣ было крайне неловко: она слышала сзади его дыханіе; онъ стоялъ такъ близко, что она чувствовала его прикосновеніе. Сердце у нея перестало биться. Она чего-то ждала.

Но воть ее голову берутъ большія сильныя руки, запрокидываютъ наизничъ, губы обжигаются прикосновеніемъ горячихъ губъ, которыя прижимаются съ такою силой, съ такой болью. Она чувствуетъ на себѣ его большія властныя руки, онѣ прижимаютъ ее къ себѣ, видятъ помутившіеся острые глаза и слышатъ прерывистое: «люблю, безумно, страстно люблю!»

Совершенно забывъ прежнее презрѣніе, она охвачена какимъ-то новымъ, неяснымъ чувствомъ къ этому большому человѣку. Она такъ хорошо, по-новому, чувствуетъ себя въ его крѣпкихъ объятіяхъ и доверчиво, впервые на его страстный поцѣлуй отвѣчаетъ поцѣлуемъ.

Думалъ ли Леонидъ Андреевъ на что пригодится его «Бездна».

3) С. Аголь. (Вильно). — Вы перелагаете въ стихи «Рѣчь на могилѣ Сегала». Но ли рѣчь очень слаба по содержанію, или стихи ваши слабы для рѣчи. Въ обоихъ случаяхъ не слѣдовало писать:

(Изъ рѣчи Х* на могилѣ Сегала).

Я цѣлую погубилъ...

Онъ сегодня вѣдь былъ

Полонъ живъ и еще...

Погубилъ для того,

Чтобъ тебѣ, мой дружокъ,

На могилу цѣлую

Возложить непростой

Моей слабой рукой!

3

«Погубилъ» и «былъ» — плохія рифмы. «Еще» и «того» — еще хуже.

«Дружокъ» — вѣдь ли умѣстное обращеніе къ покойнику. Почему ваша рука «непростая»? Видно, что и остальные стихи написаны «не простой, но очень слабой» рукой. Займитесь гимнастикой.

4) Е. Арнадину. (Петербургъ). — Бодрости, бодрости! Не настраивайте себя на «настроенія». Старо это, изжито и очень дешево.

5) Константину Богданову. (Кирсановъ). — «Подъ игомъ мрака» написано довольно живо, но не оригинально, тѣ же самыя ужасы революціи описывались другими ярче и жарче. Это по-первыхъ. А во-вторыхъ въ «Веснѣ» нѣтъ никакого направленія и политики она совсѣмъ не интересуется. Вообще въ Россіи нѣтъ политикъ. Есть «политическій», но нѣтъ политиковъ. Есть Пуршкеничъ, Милоковъ, Замысловскій, Марковъ, Гучковъ, но нѣтъ политики. Ей Богу интереснѣе даже эгофутурисмъ, чѣмъ они.

6) Е. Богдановичъ. (Екатеринбургъ). — И плыветъ золотая лодочка... — длинно, попробуйте покороче. Вы подумайте о томъ, сколько дебютантовъ вы лишили бы въ «Веснѣ» мѣста если бы я помѣстилъ вашу лодочку.

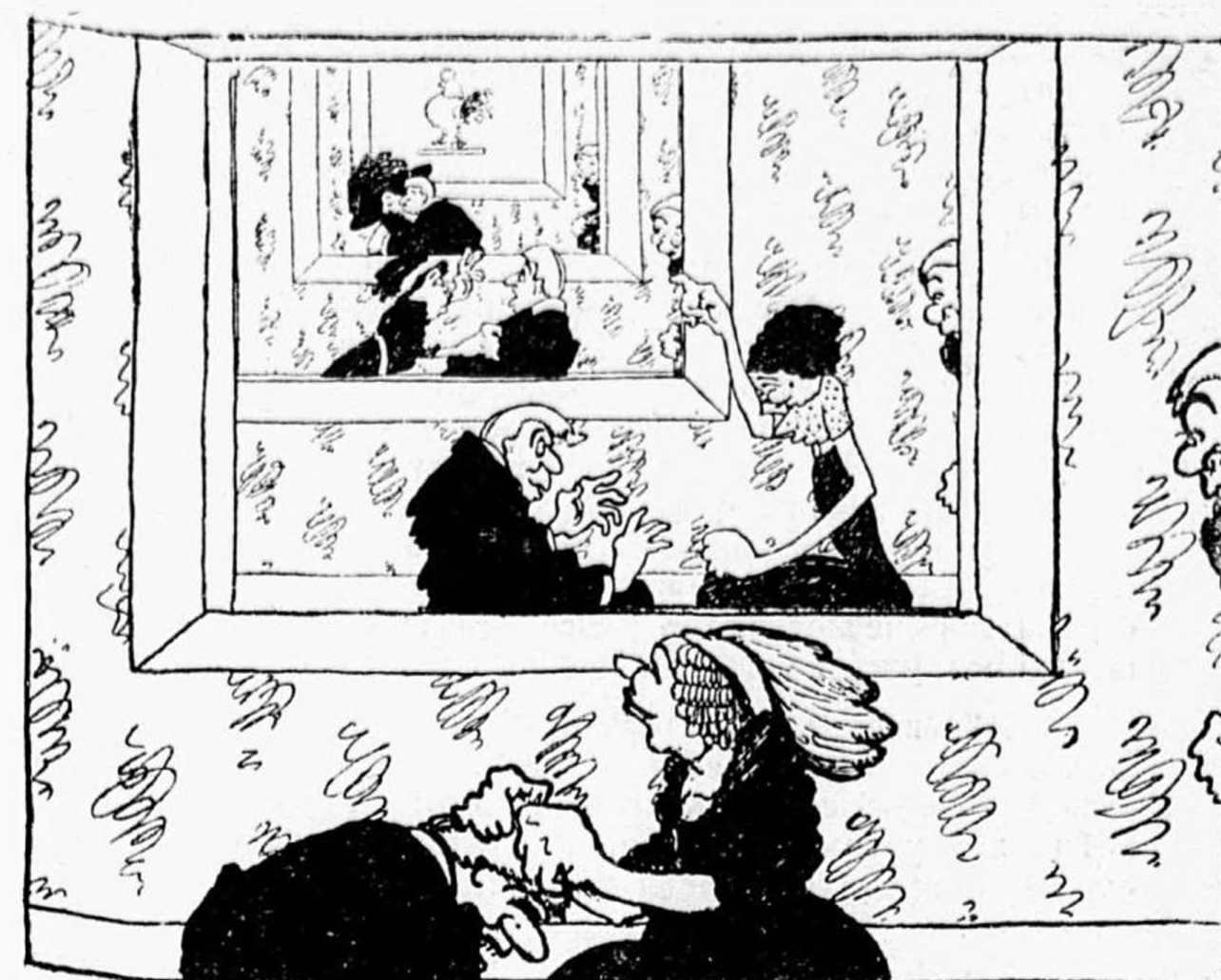
7) В. Васильева. (Петербургъ). — Вполнѣ. Смотрите на еженесячную «Весну» какъ на продолженіе еженедельной. Еженесячная «Весна» унаследовала отъ еженедельной и ея портфель. Въ немъ оказались стихи Игоря Сѣверина Грала-Арельскаго, поэма Мейстера и пр., и пр. Часть того, что было приготовлено для № 33 еженедельника плетъ въ № 1 еженесячника.

8) Н. Негоринъ. (Москва). — Что сказать вамъ о «Цвѣтнѣхъ». О немъ вамъ подробно разскажетъ пом. пр. поѣвр. Венгеронъ (Казачій, в). У него исполнителный листъ на меня. По нему онъ получаетъ съ меня до сихъ поръ то, чего не доставили «создатели» по «Цвѣтнику» въ типографію Березина. И не только потерялъ свои труды и изляся на редактированіе сборника, но потерялъ и порядочное количество денегъ. А книги... на складѣ въ типографіи. Въ нужную минуту помощники мои по «Цвѣтнику» скрылись кто куда.

9) Яковъ Глахенгаузъ. (Бану). — Вы пишете: «Со скорбью и прочиталъ въ послѣднемъ № «Весны» о приостановкѣ этого симпатичнаго и единственнаго въ своемъ родѣ журнала. И въ самомъ дѣлѣ, теперь только становится ясной та прямо таки несуразность, что каждый изъ насъ, любя «Весну», находилъ почему-то нужнымъ приобретать ее у разносчиковъ, а не прямой подпиской. Но объ этомъ, какъ о дѣлѣ совершившемся, говорить не приходится.

И могу только выразить сердечное пожеланіе, чтобы этотъ симпатичный журналъ въ своемъ новомъ обликѣ имѣлъ большій успѣхъ».

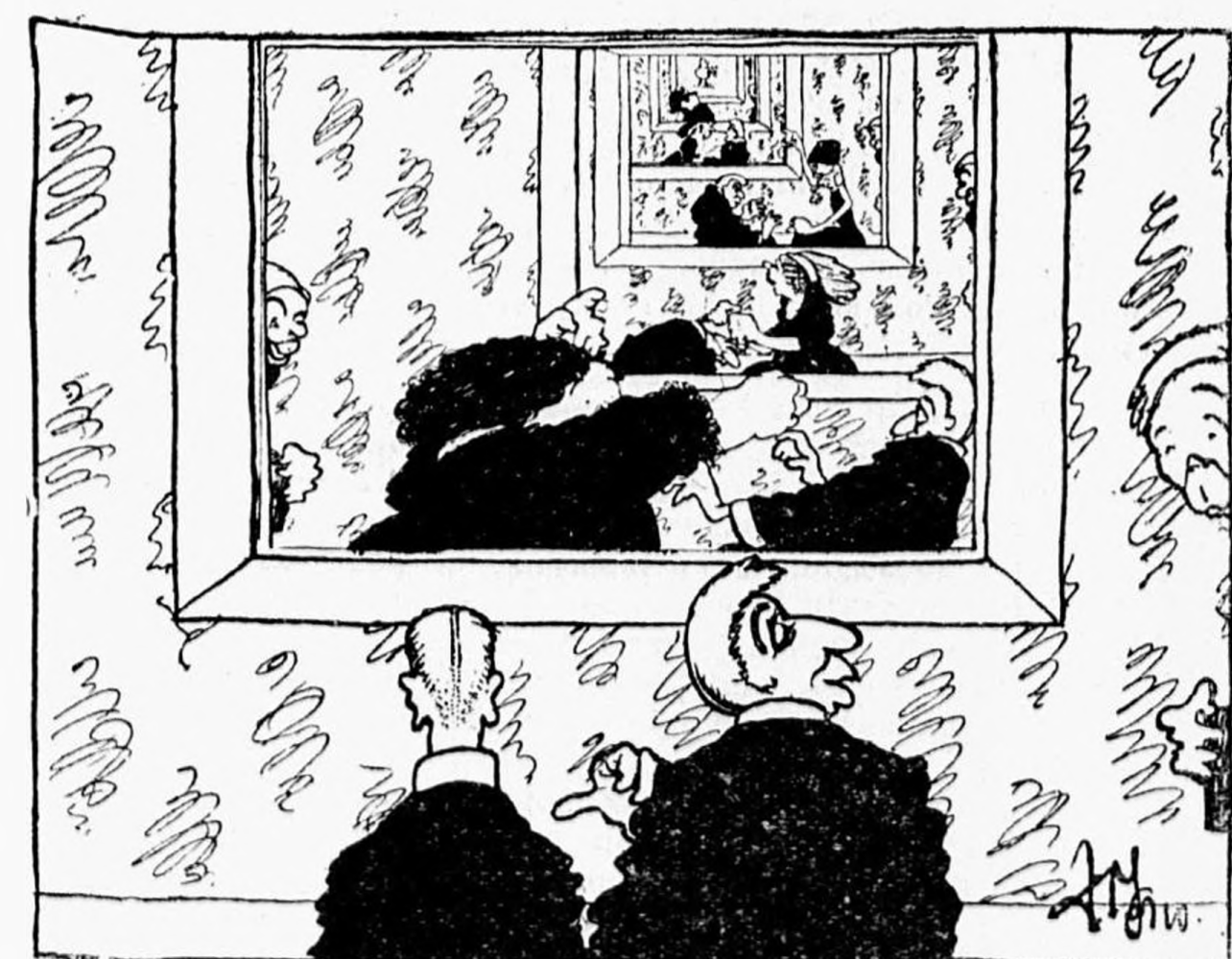
Спасибо за пожеланіе. Но ничего несуразнаго въ томъ, что молодежь не подписывается на журналы нѣтъ. Молодежь наша очень бѣдна. И чѣмъ талантливѣе, тѣмъ бѣднѣе. И я теперь рассчитываю не на подписку молодежи, а главнымъ образомъ на бібліотеки. Если хоть половина всѣхъ бібліотекъ выпишетъ «Весну», дѣло ея обезпечено. Требуется «Весну», въ бібліотекахъ — этимъ вы поможете дѣлу «Весны». Это о «Веснѣ». А воть это, о вашихъ стихахъ: въ «Лилии» у васъ

4

5

6

КОНКУРСЪ ЮМОРИСТОВЪ.

Требуется сочинить подписи къ каждому изъ этихъ шести рисунковъ Д. И. Мельникова. Тотъ кто сочинитъ наиболѣе лаконическую и остроумную подпись получить даромъ «Весну» за 1914 г.

«болотистый» в м. «болотистой». В перевод из Д. Ангорна у нас «верба» в м. «верба», «види» в м. «види». Вообще по части русского языка у нас не все в порядке. И версификация хромает, — рифмы сбиваются, двухдольные и трехдольные перепутываются.

10) А. Голубеву. (Москва). — Совершенство вообще быть. Я помещаю в «Весну» лучшее из присланного, из того, что имется в портфеле. Игорь Северянина я считаю талантливым, но незнающим меры в своих новослообразованьях. Каждый рифмует свои слова. Язык должен поспевать за рифмой. Теперь культура движется вперед не в арифметической, а в геометрической прогрессии. И язык должен развиваться в геометрической прогрессии. Но это развитие не должно опередить потребность. Иначе отравится неологизмами. В «Весну» на стр. 145 хороший шарж на слово любви.

11) Конкуренту. (Петербург). — Ну конечно, признанный достойным произведения присланные на конкурс будут бесплатно помещены в «Весну». Лучше подписывайтесь под всеми конкурсами одинаково, — только таким образом вы сможете обратить на себя внимания. А это — главная цель конкурса.

12) С. С. Семенову. Я уже предлагал на обсуждение молодежи этот вопрос. Теперь после того, как последний съезд народных учителей так энергично высказался против буквы ф, мне самому хотелось ввести упрощенную орфографию в «Весну». Но к сожалению типографские условия мешают. Барышни-работницы на наборных машинах, наборщики и корректоры не хотят ради одной «Весны» переучиваться и отвыкать от опальных букв. И они правы: какая цена будет корректору, который в «Весну» приучится презирать букву ф и попадет в типографию где этой буквой воздадут большаго почести! У барышень и наборщиц рука сама привыкла тянуться к букве ф. Да и касса наборщика должна быть переделана с упрощением, долженствующим умереть букву.

13) Б. Фельдберг. — Я очень рад всяким письмам по поводу «Весны». И смотрю на подписчиков «Весны» как на сотрудников и предпринимателей к их советам. Вообще обилие мнений очень желателен.

14) Е. Аркадий. — Мы стеснялись о фавуль. А ваша «Долина Цветов», дышет настроенными и запахами тайны.

15) Мих. Леберман. — У нас перефразы все мотивы Орпигнальные других:

Кто надь моею головкой
Тиха пбени пбвалъ,
Кто мнѣ рассказывалъ сказки
Сладкую кашку давалъ...
Съ кѣмъ я рѣзился на полѣ,
Бабочекъ часто ловилъ;
Съ кѣмъ я катался на лодкѣ
Рыбку золотую удилъ.
Съ кѣмъ отправлялся я въ школу.
Кто насъ училъ почитать
Старшихъ и няню родную,
Это все ты мой матъ.

Но и это, согласитесь, скорѣе манная каша, чѣмъ стихи изъ вашей головки. Грѣховъ противъ основныхъ правилъ версификации — масса.

16) А. Я. Пильвэ. — Вы прислали, вѣроятно, полное собрание своихъ стихотворений. Но достаточно первого же стиха творения вашего, чтобы охарактеризовать насъ какъ пбвца.

Храню я хризантему — рилкиню святую
Въ послѣдній мигъ разлуки, ее дала мнѣ та —
Кто счастье свое, любовь и жизнь младую
Забылъ весь миръ поэту отдать...
Цветокъ засохшій, въ минуту грусти ты
Когда вкрадется въ сердце мука, боль,
Мнѣ пбжно слышать сказки о любви
И исчезаетъ жизни скорбная юдоля...
Когда умру пусть хризантему мнѣ,
Какъ даръ пбвцу скорбей народа
На гробъ опустятъ, какъ другу всѣ
Кому близка — жизнь, любовь, свобода.

Не дожидаться намъ хризантемы, хотя бы взятой на прокатъ изъ цыганскаго ромаса. И всѣ образы вашихъ стиховъ взяты на прокатъ. Свои только скверныя рифмы (та — отдала, ты — любви, мнѣ — всѣ) и ухабы вместо ямбонъ.

17) Борисъ Рубинштейнъ. — Вы укоряете меня за то что я называлъ ваши стихи скучными и возражаєте: «Какъ будто въ скучѣ ничего хорошаго быть не можетъ. И почему Вы не допускаете въ моихъ стихахъ немножко «вуальности», «полумаски» и пбкотораго «тужана»? Не ужели обязательно нужно

писать такъ ясно, чтобы можно было, не подумавъ, не прожывая, свободно проглатывать».

Великій поэтъ сказалъ: «всѣ виды искусства хороши кромѣ скучнаго». У насъ на этотъ взглядъ особое мнѣніе. Что же касается вуали... Я не противъ вуалъ, если сквозъ его сѣтку просвѣчиваетъ хорошенькое личико. Но турецкій вуалъ, сквозъ который не просвѣчиваетъ ничего — скученъ.

18) Г. М. Лиханскій. (Бирючь). — Бросьте писать стихи. Для этого надо имѣть вкусъ, слухъ и хоть немного знать грамматику того языка, на которомъ пишешь.

О будь ты проклята отчизна матъ
Пославшая своихъ сыновъ далеко умирать
Въ невѣдомыхъ поляхъ страны далекой
И кровью сыновъ родимыхъ поливать
Или грязныя безумцевъ помышлѣ.

Вы рпемуете «далекой» и «пошлыхъ», «птицъ» и «высѣ», «тебѣ» и «палача». И паооъ вашъ изъ листковъ 1905 года. Послеъ стиховъ идетъ такая приписка:

«Не знаю кажется ничего, впрочемъ и самъ судить не могу (свое всегда хорошее)».

19) Х. Нурицкій. (Вильно). — Въ жизни фармацевтовъ несомнѣнно много такого надъ чѣмъ можно пофилософствовать. Но въ рзсказывають только репортерское происшествіе, — не больше.

20) Анонимъ. — Въ «Ст. сов. Секунда Сахароновичъ Сосипатровъ» явное юдофобство. Какъ не стыдно автору думать, что «Весна» можетъ принять подобный разсказъ.

21) И. Рубахину (Одесса). Съ удовольствіемъ согласенъ на ваши условия: за 10 годовыхъ подписчиковъ собранныхъ вами вы получите безплатный годовой экземпляръ «Весны».

22) Н. Штейну (Казань). Не судите по настоящимъ строкамъ «время упадка». Въ прошломъ у него тысячи заслугъ. Въ его фельетонахъ — токъ большого напряженія. Они убивали тѣхъ, кто прикоснется.

23) И. Любимовъ. Увы, въ вашихъ «Тайнахъ» слишкомъ явная порнография.

24) Абр. Мендельсонъ (Варшава). Пришлите другое.

25) Вѣрь Мочаловой. Для личныхъ объясненій съ авторами меня нѣтъ дома. Объясненія только въ Почтовомъ ящикѣ «Весны». Чтѣе и рисковалъ бы быть растерзаннымъ.

26) С. Глиману (Харьковъ).
Гдѣ цветы для милой пуктъ?.. Цветъ!
Его съ собой весна принесетъ,
Когда на яблони почкой пукнетъ
И запахнетъ, какъ липовый медъ...
Ждите.

27) И. Заикину (Лесая Поляна). Извольте, печатаю: У насъ въ деревнѣ чертополосица

Э-э-эхъ...
Такъ вотъ въ винополку душа и на будняхъ даже просится...
Грѣхъ...

У насъ въ деревнѣ не могутъ каюка закрыть приговора.

Э-э-эхъ!..

Значитъ за одно съ мошенниками и ворамъ

Грѣхъ...

У насъ весь деготь ушелъ не на колеса (телеги) а на ворота гдѣ избы съ дѣвками...

Э-э-э-эхъ...

А между прочимъ онѣ же надъ нами съ издевками

Смѣхъ...

Ваши стихи, дѣйствительно, и смѣхъ, и грѣхъ.

28) Алювѣдъ. — Нѣтъ. Попробуйте прозу.

29) А. Б. В. Г. — По одному стихотворенію не види.

30) Мерн Вейсъ. — Вы не имѣете понятія о ритмѣ.

31) Ивану Помнящему родство. — Для первыхъ шаговъ не дурно. Но хотѣлъ бы, чтобы вы начали не съ такой мало-завѣтной вещицы. Иду еще.

32) Сверчку. — Юмористическія вещицы очень желательны. Но въ вашемъ «Петролѣ» мнѣ понравилась только одна аксіома: «Тыше бѣшь долѣе прѣбѣшь». Глубоко и блестяще.

Редакторъ Н. Г. Шебусъ.

Издательница Н. К. Дмитриева.

Книжный магазинъ и книгоиздательство бывш. М. В. ПОПОВА. С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

ТЕТРАДЬ ВЪ САФЬЯНѢ.

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

Изъ отзѣвовъ печати о первомъ изданіи:

«Повѣсть читается съ неослабвающимъ интересомъ...»

«Русское Богатство».

Литературныя достоинства и дарованія ея автора — безспорны.

«Нов. журн. для Вѣст.»

...Изъ произведений, появившихся съ начала года отдѣльно, можно отмѣтить лишь одно — глубокую по мысли и изящную по формѣ повѣсть Савватія «Тетрадь въ Сафьянѣ»...

«Саратовскія Вѣсти».

«Савватій пишетъ красиво, увлекательно... И скоро о Савватіи заговорятъ».

«Виржея. Вѣдом.».

Михаиль Мскій.

Отъ бурсы до снятія сажа.

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб

Алексѣй Липецкій.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

...Поэтъ милостиво Вожіей г. Алексѣй Липецкій обладая даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей повседневной жизни создавать прекрасные образы. На каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы, сошедшія, какъ и сама героиня, на вольномъ солнечномъ свѣтѣ. И если не всѣмъ этимъ стр. фамъ нельзя отказать въ поэзии, то въ всегда найдете въ каждой изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задумчивое, остроумное или заслуживающ. е. упоминаніе въ цитатѣ». «Кіев. Мысль» 4 июля 1913 г.

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

Помѣщикъ Галдинъ.

(Повѣсть).

Цѣна 1 руб.

Облож. художника А. Арнштама.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя:

- 1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ, и учебн. пособій, имѣющ. въ продажѣ.
 - 2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.
 - 3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.
 - 4) Периодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія, библиотекы, книжные магазины, земскіе склады и др.
 - 5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.
- Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библиотекы и др. просвѣтительныя учрежденія пользуются скидкой.
- Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.
- Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія, высылается за 3 семикопеечныя марки.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.

«Если сравнить романъ Миртова съ рукодѣлемъ Вербиной, съ произведеніемъ Григорьева «На ущербѣ», съ «Гнѣвомъ Дюиса» Наградской, то серьезность, глубина и талантливость автора сразу бросится въ глаза».

«Современникъ» 1913—9.

Я. ВАССЕРМАНЪ.

РОМАНЪ МУЖЧИНЫ СОРОКА ЛѢТЪ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Цѣна 1 руб.

«Новое произведеніе Ян. Вассермана «Романъ мужчины сорока лѣтъ» затрагиваетъ тотъ періодъ жизни, когда умираетъ непосредственность и страстность, но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій, достигаетъ своего жажда жизненнаго разнообразія. Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ. Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лирическую мягкость Ян. Вассермана».

«Русская Молва».

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе разсказы.

Цѣна 1 руб.

Печатается и въ январѣ поступитъ въ продажу Новая книга изд. книжн. магазина быв. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ.

ЭМАЛИ И КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

1914 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественный еженедельный
журналъ

5 - й годъ
изданія.

„Солнце Россіи“

Въ 1914 году журналъ „Солнце Россіи“ будетъ выходить въ двухъ изданіяхъ.

I-е ИЗДАНИЕ:

52 №№ художественнаго журнала „СОЛНЦЕ РОССІИ“.
ЦѢНА ЗА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ: на 12 мѣс.—5 р., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к.
Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—3 р. и къ 1 мая—2 р.

II-е ИЗДАНИЕ:

52 №№ художественнаго журнала „СОЛНЦЕ РОССІИ“.
6 роскошно изданныхъ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ АЛЬБОМОВЪ. (Каждый альбомъ въ
отдѣльной продажѣ стоитъ 3 рубля).

- 1) Русская Живопись—И. И. Левитанъ.
- 2) Русская Скульптура.
- 3) Русская Опера.
- 4) Художественный театръ.
- 5) Красоты Россіи.
- 6) Спеціальный альбомъ 1914 года.

ЦѢНА ЗА ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ: на 12 мѣс.—8 р., на 6 мѣс.—4 р. Для годовыхъ подписчиковъ до-
пускается разсрочка: при подпискѣ—4 р., и къ 1 мая—4 р.

Лица, желающія получить „Солнце Россіи“ на мѣловой бумагѣ, приплачиваютъ 2 р. въ годъ.
Подписныя деньги адресовать: С. Петербургъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОПЪЙКА“,
Лиговская, 111—113, собственный домъ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Открыта подписка на 1914 годъ на самую распространенную въ Россіи газету

„Газета-Копѣйка“.

„Газета-Копѣйка“ въ 1914 году будетъ выходить въ 4-хъ ИЗДАНИЯХЪ.

I-е изданіе.

- 1) 360 №№ газеты „Газета-Копѣйка“.
- 2) 52 №№ иллюстрирован-
наго журнала „Журналъ-Копѣйка“.

Цѣна за первое изданіе съ пересылкой и доставкой:

На 12 мѣс.—4 рубля. | На 3 мѣс.—1 руб. 20 коп.
На 6 мѣс.—2 руб. 25 коп. | На 1 мѣс.—45 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая раз-
срочка: при подпискѣ—2 рубля, къ 1 марта—1 рубль и
къ 1 мая—1 рубль.

II-е изданіе.

- 1) 360 №№ газеты „Газета-Копѣйка“.
- 2) 52 №№ иллюстрирован-
наго журнала „Журналъ-Копѣйка“.
- 3) 52 выпуска Настольнаго энциклопедиче-
скаго иллюстрированнаго словаря (заклю-
чающаго въ себѣ свыше 1700 страницъ и стоящаго
въ отдѣльной продажѣ—5 рублей).

Цѣна за второе изданіе съ пересылкой и доставкой:
На 12 мѣс.—6 рублей. | На 3 мѣс. 1 руб. 80 коп.
На 6 мѣс.—3 руб. 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая раз-
срочка: при подпискѣ—2 рубля, къ 1 марта—2 рубля и
къ 1 мая—2 рубля.

III-е изданіе.

- 1) 360 №№ газеты „Газета-Копѣйка“.
- 2) 52 №№ иллюстрирован-
наго журнала „Зеркало жизни“.
- 3) 52 №№ юмористическаго
журнала „Балагуръ“.
- 4) 12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго
журнала съ иллюстраціями „Волны“.
- 5) 2 художественно-исполненные картины
большаго размѣра (стоящія въ отдѣльной про-
дажѣ 10 рублей). Картины высылаются только
годовымъ подписчикамъ, хотя-бы и подписавшимся
въ разсрочку.

Цѣна за третье изданіе съ пересылкой и доставкой:
На 12 мѣс.—6 рублей. | На 3 мѣс.—1 руб. 80 коп.
На 6 мѣс.—3 руб. 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая раз-
срочка: при подпискѣ—3 руб., къ 1 марта—1 руб. 50 к.
и къ 1 мая—1 руб. 50 коп.

Подписныя деньги адресовать: С.-Петербургъ, Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПЪЙКА“.

Лиговская, 111—113, собственный домъ.

IV-е изданіе.

- 1) 360 №№ газеты „Газета-Копѣйка“.
- 2) 52 №№ иллюстрирован-
наго журнала „Зеркало жизни“.
- 3) 52 №№ юмористическаго
журнала „Балагуръ“.
- 4) 12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго
журнала съ иллюстраціями „Волны“.
- 5) 2 художественно-исполненные картины
больш. ра м. (стоящія въ отдѣльн. продажѣ 10 р.).
- 6) 52 выпуска Настольнаго энциклопедиче-
скаго иллюстрированнаго словаря (заклю-
чающаго въ себѣ свыше 1700 страницъ и стоящаго
въ отдѣльной продажѣ 5 рублей).

Цѣна за четвертое изданіе съ пересылкой и доставкой:
На 12 мѣс.—8 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая раз-
срочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 мая 2 р.

Продолжается подписка на 1914 годъ на журналъ
САТИРЫ и ЮМОРА

VII годъ изд. **САТИРИКОНЪ** VII годъ изд.

52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, сатиры и юмора.
богато-иллюстрированнаго журнала
Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕВЯТЬ красокъ.

Годовые подписчики получаютъ:

24 книги полного собранія сочиненій **Марка Твэна.**
извѣстнаго американскаго юмориста

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Издательство предоставляетъ желающимъ замѣнить собраніе сочиненій Марка Твэна роскошнымъ альбомомъ: „М“ и „Ж“.

Подписная цѣна съ однимъ изъ приложений на годъ (безъ доставки)
6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 р. 25 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ Главн. Конторы: СПБ., Фонтанка, 80.

..... Телефонъ 514-27.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше
2000 иллюстрацій).

Нѣкоторые №№ будутъ печататься въ ДВѢ краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы въ началѣ года, въ качествѣ бесплатныхъ
приложеній: сборникъ сатиры и юмора „Русскій смѣхъ“ (произведенія
отъ Пушкина до Амфитеатрова около 50 авто-
ровъ), составленный Вас. Князевымъ,

РЕПЕРТУАРЪ ЛЮБИТЕЛЯ

20 пьесъ для любителей драматическаго искусства.

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, театръ,
иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставк. и перес. на годъ 3 р., 6 мѣс. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к.,
на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп. Продается вездѣ.

Редакторъ-Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Гл. Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514-27.

Ежемесячное издание
ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

„ВЕСНА“
СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЕСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на
мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто
молодымъ литературнымъ иска-
ніямъ и вообще молодежи.

Ни одна рукопись, адресованная
въ редакцію, не останется безъ
отвѣта въ почтовомъ ящикѣ
„ВЕСНЫ“.

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только
о новыхъ присланныхъ въ редакцію
книгахъ, но и о журналахъ и
нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ“ годовые подписчики получаютъ первую
бесплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать
стихи“ („Версификація“).

Второй бесплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ
собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновенныхъ
этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ
на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и
композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ
на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ
альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получаютъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или
„Благодушныя и назидательныя похождения въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб., на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. **Телефонъ 655—96.**

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ.**

Издательница **Н. К. Дмитриева.**

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.

**ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ И
ОБЪЯВЛЕНІЙ.**

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Приемъ подписки и розничная продажа.

Книжный магазинъ и книгоиздательство
бывш. М. В. ПОПОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:
„Повѣсть читается съ неослабвающимъ интересомъ“

„Русское Богатство“.

„Литературныя достоинства и дарованіе ея автора—
безспорны“.

„Нов. Журн. для Всѣхъ“.

„Изъ произведеній, появившихся съ началъ года от-
дѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли
и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ
Сафьянѣ“...“

„Саратовскія Вѣсти“.

„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о
Савватіи заговорятъ“.

„Биржев. Вѣдом.“.

МИХАИЛЬ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана.

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

...Поэтъ милостью Божіей г. Алексѣй Липецкій бла-
даетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей по-
вседневной жизни создавать прекрасные образы. На
каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы,
созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ созне-
номъ свѣтѣ. И если не всѣмъ этимъ строфамъ нельзя
отказать въ поэзии, то вы всегда найдете въ каждой
изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задушевное,
остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.

„Кіев. Мысль“ 4 іюня 1913 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

(Повѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арнштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.

„Если сравнить романъ Миртова съ руководълемъ
Вербницкой, съ произведеніемъ Григорьева „На ущербѣ“,
съ „Гнѣвомъ Діониса“ Нагродской, то серьезность,
глубина и талантливость автора сразу бросаются въ
глаза“.

„Современникъ“ 1913—9.

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Цѣна 1 руб.

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ муж-
чины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ тотъ періодъ жизни,
когда умираетъ непосредственность и страстность,
но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій,
достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія.
Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ.
Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лириче-
скую мягкость Я. Вассермана“.

„Русская Молва“.

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе рассказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн.
магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ.

ЭМАЛИ И КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя.

- 1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.
- 2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.
- 3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.
- 4) Періодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія, библиотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.
- 5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.

Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библиотеки и др. просвѣтительныя учрежденія поль-
зуются скидкой.

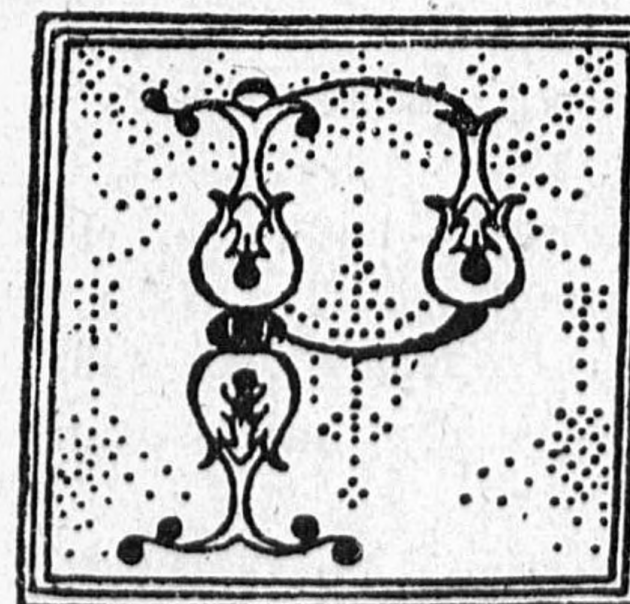
Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.

Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ, сред-
нихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя марки.

ОБРИ БЕРДСЛЕЙ

Текстъ Н. ШЕБУЕВА.

исунки Обри Берд-
слея.

Почему Бердслей?

Почему «Весна»
для своей преміи
выбрала этого сама-
го загадочнаго ху-
дожника?

Развѣ не суще-
ствуетъ уже трехъ

Развѣ о немъ, объ этомъ 26-лѣтнемъ юно-
шѣ почти безъ біографіи, не сказано все, что
можно?

Развѣ его работы не извѣстны всѣмъ, кому
онѣ понятны и дороги, и развѣ онѣ смогутъ стать
понятными толпѣ?

2.

Да, существуетъ три русскихъ изданія Обри
Бердслея.

Но первое и лучшее, изданное «Шиповни-

изданій работъ Бердслея на русскомъ языкѣ?

Туалетъ.

комъ» въ 1906 году, уже разошлось и стало библиографическою рѣдкостью.

Въ немъ было собрано свыше полусотни рисунковъ этого очаровательнаго графика, любовно отпечатанныхъ въ мало извѣстной типографіи Ко-

Обложка.

Битва прелестницъ.

гана и Арцыбушева, но, къ сожалѣнію, черезчуръ преуменьшенныхъ.

На пятой страницѣ помѣщена біографія Бердслея изъ девяти словъ и четырехъ чиселъ: «Обри Винсентъ Бердслей родился 24 августа 1872 года. Скончался 16 марта 1898 г.», а въ концѣ книжечки неполный списокъ его работъ и изданій, въ которыхъ онъ принималъ участіе.

3.

Второе русское изданіе Бердслея—Н. И. Бутковской, снабжено очеркомъ Н. Н. Евреинова.

Къ сожалѣнію, репродукціи рисунковъ оставляютъ желать многого.

А авторъ текста разсматриваетъ Бердслея подъ угломъ... скандала.

«Мы любимъ скандалъ, онъ намъ нуженъ почти органически», — парадоксальничаетъ Евреиновъ.—«Сытый хочетъ сыру!».

И увѣряетъ, что во всей міровой исторіи мы запоминаемъ только скандальные факты.

Мы помнимъ адвокатскій *va-banque* голой Фрины.

Помнимъ побѣду юнаго голаго Геліогабала.

Помнимъ голаго Архимеда, выскочившаго изъ ванны съ крикомъ «Эврика».

Помнимъ изо всей исторіи Голландіи *Manequen-Piss*.

Изо всей исторіи папства—женщину папу...

Туалетъ Венеры.

Быть можетъ, для сѣрой, сырой толпы все это и похоже на истину, но нельзя сказать вмѣстѣ съ Евреиновымъ:

«Среди восхитительныхъ скандаловъ, къ которымъ тяготѣлъ художественный эксцентризъмъ декаданса XIX вѣка, наиболѣе яркимъ, наиболѣе удавшимся по своей смѣлости, красотѣ неожиданности и законченности, былъ, внѣ сомнѣнія, скандалъ, связанный въ исторіи рисунка съ именемъ гениальнаго Бердслея».

Сказать такъ, значить самому уподобиться той сѣрой и сырой толпѣ, искателей скандальной хроники, на которую указываетъ самъ Евреиновъ.

Толпа не помнитъ, что открылъ Архимедъ, помнитъ скандалъ Архимеда, а не законъ Архимеда.

И Евреиновъ не помнитъ, что открылъ Бердслей,—помнитъ скандалъ Бердслея, а не законъ Бердслея.

«Ничто внѣ скандала лежащее не трогало его сумазбродной музы, но онъ отлично понималъ, что убѣдительность артистическаго скандала стоитъ въ прямой зависимости отъ технической завершенности жеста *contra bonas mores*». (Стр. 32).

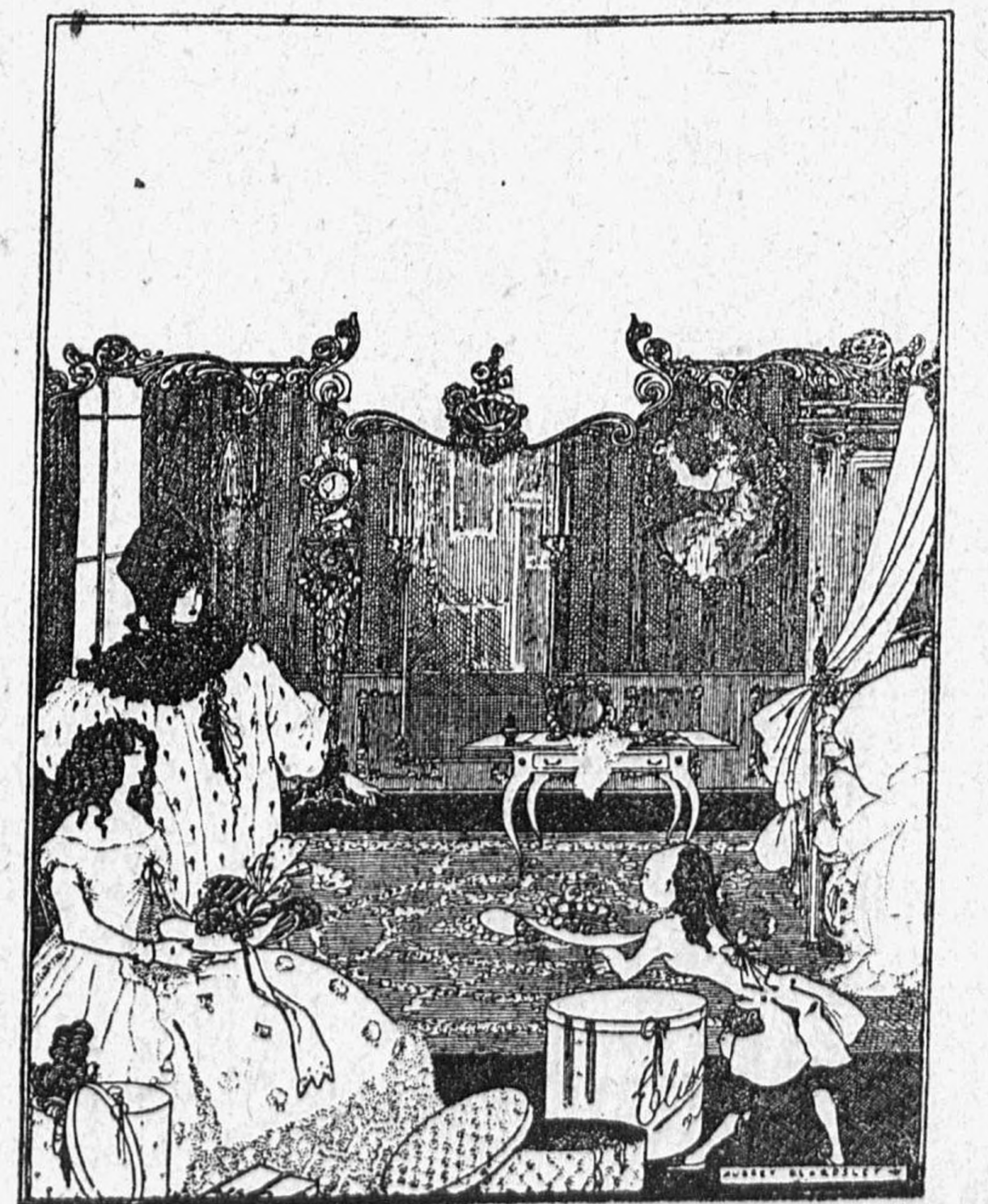
«Мы беремъ въ руки альбомы Бердслея. Мы перелистываемъ ихъ, и намъ свѣтятъ зарницы отгремѣвшаго скандала, веселаго, какъ майская гроза, потому что мы забываемъ о грозахъ». (Стр. 47).

«Мало того! Мы смотримъ на эти страшные

Салонъ.

рисунки и, восхищенные ихъ подлинной культурностью, переживаемъ еще чувства высоконравственныхъ миссъ, до ушей которыхъ только вчера долетѣли слова объ этомъ ужасномъ, объ этомъ скандальномъ и все-таки прекрасномъ *Beardsley's craze*. (Тамъ-же).

Обложка.

Аббатъ Фанферлюшъ.

Это очень талантливо сказано, сказано очень красиво.

Слишкомъ красиво, чтобы можно было считать это за искреннее мнѣніе говорящаго.

Горячо, но не убѣжденно, а потому и не убѣдительно.

Прогулка.

Слуги Венеры несутъ плоды.

4.

Третье русское изданіе—книгоиздательства «Скорпионъ».

Въ него включена малая часть того богатѣйшаго матеріала, который лежитъ передо мной на столѣ въ двухъ солидныхъ, изящныхъ большого формата, томахъ англійскаго изданія *«The Early Work of Aubrey Beardsley with a prefatory note by H. C. Marillier»*.

Это англійское изданіе стоитъ 18 рублей и потому не доступно широкой публикѣ.

Но все-таки я совѣтую покупать лучше его, чѣмъ платить 3 р. за компиляцію «Скорпиона».

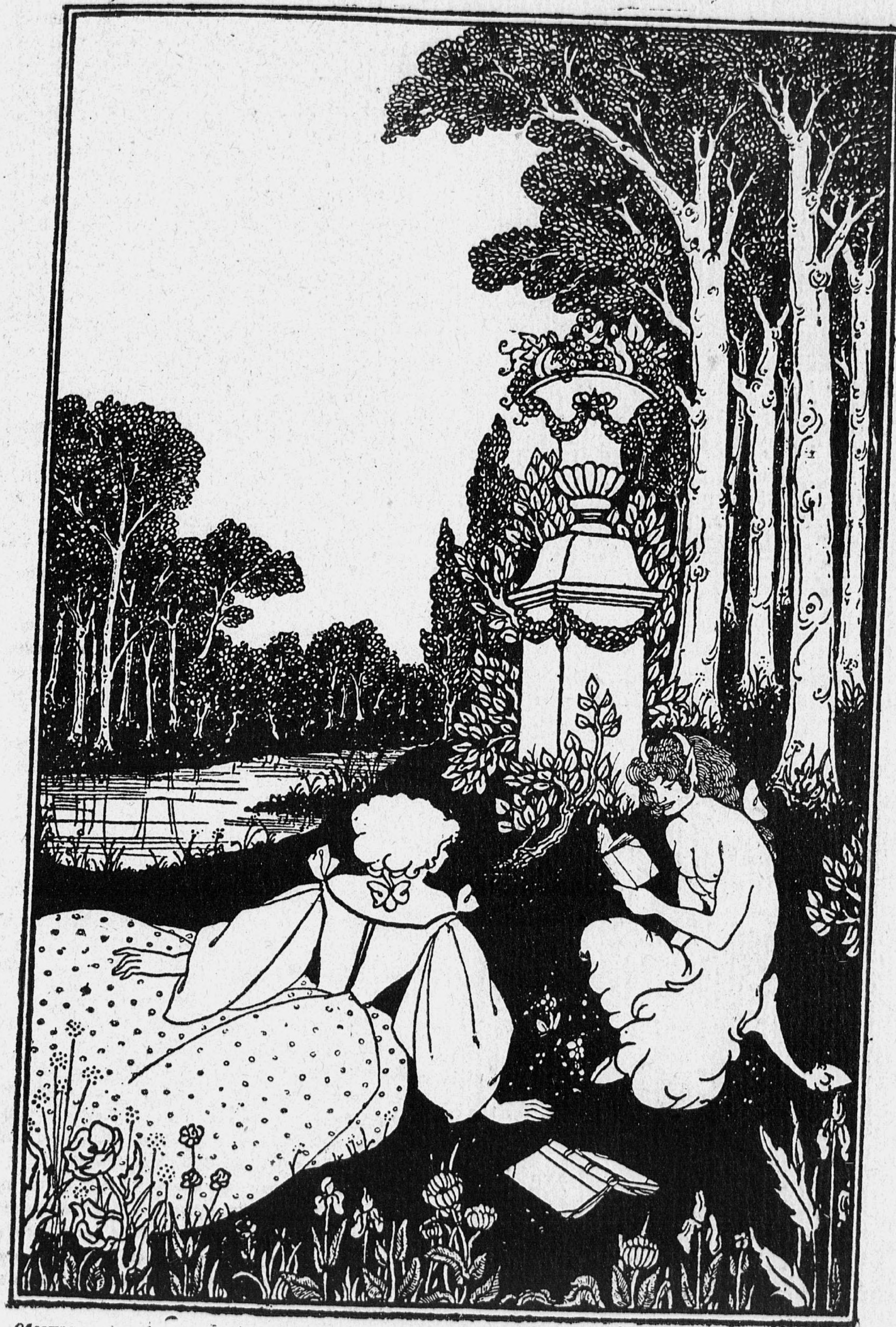
Тутъ большая часть книги отведена, правда прекраснымъ переводомъ съ англійскаго М. Ликиардопуло въ прозѣ и М. Кузьмина въ стихахъ, но все же жалѣешь, что мало мѣста отведено тому, что единственное цѣнное у Бердслея—рисункамъ.

«Избранныя письма» такъ блѣдны и безсодержательны, что могли бы съ успѣхомъ отсутствовать.

Вопреки взгляду Евреинова на Бердслея, какъ на скандалиста, «Скорпионъ» видитъ въ немъ «одного изъ наиболѣе яркихъ представителей англійскаго возрожденія девяностыхъ годовъ».

Въ предисловіи «Скорпионъ» говоритъ:

«Теперь черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его (художника) смерти, когда Англія лишь начинаетъ признавать его исключительное дарованіе—въ Россіи, давно оцѣнившей и признавшей Бердслея,

Обложка.

Рисунокъ.

пора подвести итоги. «Бердслей» давно сталъ въ Россіи именемъ нарицательнымъ, если не въ широкихъ слояхъ публики, то по крайней мѣрѣ въ художественныхъ кругахъ. Вліяніе Бердслея на современную русскую графику и художниковъ «русского возрожденія» девятисотыхъ годовъ слишкомъ бесспорно и очевидно, чтобы о немъ распространяться. Между тѣмъ, широкая публика, а до нѣкоторой степени и художники, знакомы съ творчествомъ Бердслея или по случайнымъ замѣткамъ и репродукціямъ, разбросаннымъ по разнымъ журналамъ, или по имѣющимся общедоступнымъ русскимъ и нѣмецкимъ изданіямъ, изобилующимъ рядомъ неточностей и нелѣпостей вплоть до приписыванія художнику непринадлежащихъ ему произведеній».

5.

Да приспѣло время показать величайшаго англійскаго графика широкой публикѣ.

И приспѣло время именно теперь, когда болѣе всего говорятъ о футуризмѣ.

Спорять съ пѣной у рта о футуризмѣ.

А ни одного футуриста не видѣли.

Бердслей первый и самый яркій футуристъ въ графикѣ.

Его футуризмъ находится своими корнями и въ Хокусаѣ, и прерафаэлитамъ, и въ этрусскихъ вазахъ, и въ партитурѣ Вагнера, и въ средневековыхъ рукописныхъ книгахъ, и въ брюссельскихъ кружевахъ, и въ арабскихъ арабескахъ...

Бердслей энциклопедичнѣйшій эклектикъ, изящнѣйшій художникъ, современнѣйшій техникъ и гениальнѣйшій футуристъ.

Маринетти взываетъ къ театру варіетѣ.

Бердслей въ своей графикѣ стремится къ легкости и неожиданности театра варіетѣ.

И все же главное въ немъ не «что», а «какъ».

Каждый рисунокъ у него, независимо отъ того, что онъ изображаетъ, интересенъ, какъ таковой, какъ блестящее разрѣшеніе графической задачи.

Довлѣетъ рисунку красота его.

Не надо бы вовсе дѣлать подписей къ его графикѣ,—все равно—«что», важно—«какъ».

Развѣ Саломея Бердслея похожа на Саломею Оскара Уайльда, или на Саломею Флобера, или на Саломею Библии, или на какую-нибудь изъ безчисленныхъ Саломей міровой литературы?...

Развѣ нужно знать что за литературное произведеніе «Похищеніе локонъ» и подходитъ ли къ тексту эта очаровательная паутина орнамента?

Развѣ нужно читать десятки тѣхъ посредственныхъ сочиненій, какія издатели присылали Бердслея для иллюстрированія?

Пьеро.

Развѣ нуженъ текстъ для того, чтобы понимать рисунки Бердслея.

Напротивъ, текстъ нуженъ для того, чтобы не понимать рисунковъ Бердслея.

Такъ творецъ иллюстраціи расходится съ замысломъ писателя.

Рисунки Бердслея понятны сами по себѣ, перестаютъ быть понятными, когда ихъ сопоставишь съ текстомъ.

Анахронизмы эклектизма или, если хотите, эклектизмъ анахронизмовъ совершенно запутываетъ ваше воображеніе.

Саломея на разныхъ рисункахъ Бердслея, иллюстрирующихъ разные моменты одной и той же пьесы, не только разная въ смыслѣ несхожести лицомъ и фигурой, но и разная, въ смыслѣ эпохъ, въ смыслѣ миропониманій.

6.

Я назвалъ Бердслея футуристомъ.

И онъ, дѣйствительно, футуристъ въ самомъ яркомъ значеніи этого слова.

Онъ тепличнѣйшее изъ городскихъ растений.

Онъ все свое холодное вдохновеніе почерпаетъ въ городѣ и городской культурѣ.

Для него природа хороша только постольку поскольку она похожа на искусственное произведеніе.

Онъ не произведеніе искусства хвалить, говоря:

Дама съ камеліями.

Изоolda.

Обложка.

Вн. Мбтс.

— Совсѣмъ какъ природа.

А напротивъ, хвалить природу, говоря:

— Совсѣмъ, какъ искусственная!

«Вокругъ него сонно качались странные цвѣты, тяжело свисая отъ благоуханій, сочасъ ароматами, росли мрачныя безымянныя травы, которыхъ не найти даже у Менцеліуса. Огромныя бабочки, со столь богатой окраской крыльевъ, что казалось, онѣ откормлены дорогими вышивками и парчами, дремали на столбахъ воротъ, а глаза ихъ, всѣ раскрытыя, горѣли и пылали сѣтью огневыхъ жилъ. Столбы были высѣчены изъ какого-то нѣжноцвѣтнаго камня и возвышались словно гимны, славящіе Венеру, такъ какъ съ основанія до верхушки каждый былъ украшенъ рѣзьбой, изображающей любовныя сцены и свидѣтельствующей о столь хитроумной изобрѣтательности и столь любопытныхъ познаніяхъ, что Тангейзеръ не мало замѣшкался, ихъ разглядывая. Они превосходили все, что Японія до сихъ поръ воспроизвела въ своихъ *maison vertes*, все что когда-либо украшало прохладныя ванны кардинала Ла-Моттъ, и заткнули за поясъ даже поразительныя иллюстраціи къ «Дѣтскимъ сказкамъ» Джонсона».

При этомъ номеръ разсылается первый листъ четвертой преміи „Весны“ „Альбомъ рисунковъ Обри Бердслея“ и первый листъ романа Н. Шебуева—„Идіоты“.

Первый номеръ „ВЕСНЫ“ за стихотвореніе „Сычъ“, миниатюру „Покоритель сердець“, буриме „Адамъ и Ева“ и цитаты изъ книги Пимена Карпова „Пламень“ конфискованъ съ привлеченіемъ редактора по ст. ст. 73, 74 и 1001. Вслѣдствіе этого конкурсы „ВЕСНЫ“ переносятъ сроки.

К О Н К У Р С Ы В Е С Н Ы .

Первый конкурсъ „Весны“.

(Буриме)

Даны слѣдующіе концы строкъ стихотворенія:

..... танго
..... лишей
..... орангутанга
..... потѣшай
..... мадонна
..... пирогъ
..... бездонна
..... продрогъ

Требуется присочинить начала строкъ. Срокъ подачи отвѣтовъ—15 марта. На каждомъ конвертѣ должны стоять слова: «Конкурсъ № 1». Лучшія буриме будутъ напечатаны въ № 3 «Весны».

Второй конкурсъ „Весны“.

(Художественный).

Тема—«Саломея». Картина можетъ быть исполнена масляными красками, акварелью, перомъ, карандашомъ, соусомъ, словомъ чѣмъ угодно. Размеръ и отношеніе сторонъ—безразличны. Выборъ момента предоставляется всецѣло художнику. Но по цензурнымъ условіямъ на картинѣ не должна фигурировать голова Іоанна. За лучшую изъ присланныхъ «Саломей» будетъ выдано 50 рублей. Картины и рисунки признанные достойными будутъ печататься въ „Веснѣ“ на мѣловой бумагѣ въ теченіе этого года. Картина должна быть подписана псевдонимомъ или фамиліей художника безразлично. Не забудьте указать адресъ автора. Срокъ подачи—1 іюля 1914 года. Присужденіе преміи будетъ опубликовано въ № 6 «Весна».

Третій конкурсъ „Весны“.

(Литературный).

Написать разсказъ въ 100 строкъ «Весны» на тему «Шутъ». За лучшій разсказъ премія 25 рублей. Срокъ подачи—1 іюня. Лучшіе разсказы будутъ напечатаны въ первыхъ номерахъ «Весны». Присужденіе преміи въ № 4 «Весны».

Четвертый конкурсъ „Весны“.

(Музыкальный).

Написать для рояля піесу въ 100 тактовъ на тему «Радость». За лучшее сочиненіе премія въ 25 руб. Произведенія признанныя достойными будутъ напечатаны въ „Веснѣ“. Подъ романсомъ—подпись или псевдонимъ. Срокъ подачи 1-го мая 1914 г. Результатъ конкурса будетъ объявленъ въ № 7 «Весны».

Пятый конкурсъ „Весны“.

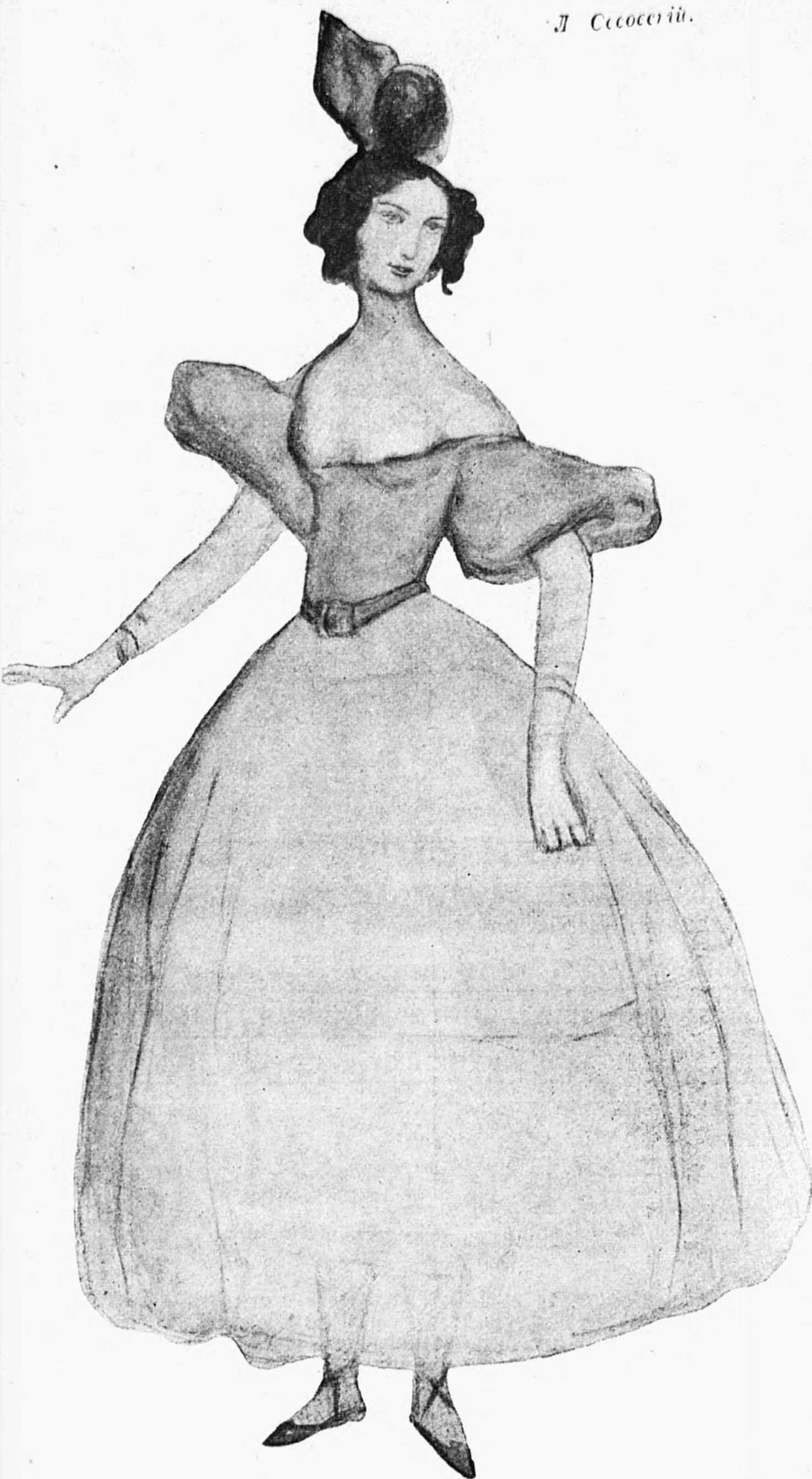
(Графика).

Желая поощрить закатія графическимъ искусствомъ, находящимся у насъ въ такомъ загонѣ, «Весна» предлагаетъ художникамъ присылать рисунки, исполненные перомъ или итальянскимъ карандашомъ, назначеніемъ которыхъ было бы украшеніе страницъ журнала. Достойные будутъ напечатаны, а за лучшій—премія 25 р. Чѣмъ скорѣе начнется присылка этого матеріала въ «Весну», тѣмъ лучше. Последній срокъ преміи на конкурсъ—1 августа 1914 г. Премія будетъ назначена въ № 8 «Весны».

Шестой конкурсъ «Весны» (Конкурсъ юмористовъ) и Седьмой конкурсъ «Весны» (Конкурсъ чернильныхъ пятенъ) переносятъ также сроки на мѣсяцъ впередъ. Ихъ условія изложены въ № 1 «Весны».

Л. Сососий.

М. Кузминъ.

1. РАЗВѢ МОЖНО?

Развѣ можно дышать, не дыша,
Развѣ можно ходить, не вставая,
Развѣ можно любить, коль другая,
Не отвѣтитъ влюбленно душа?
Ахъ, безъ солнца — безсолнеченъ день,
Холодны водопадныя рѣки
И съ трудомъ поднимаются вѣки,
Если голову ломить мигрень!
Развѣ странно, что только любя,
Я дышу, и пишу, и мечтаю,
Что нигдѣ я покоя не знаю,
Проведя полчаса безъ тебя?

КНИГА
СПИШЕ

2. ПАСТОРАЛЬ.

1. Пастухъ, гони скотину!
Давно, давно пора!
Кристинъ любилъ Кристину,
Кристина, та—Петра.
2. Петруша—добрый малый,
Богатую беретъ.
Зардѣлся зорькой алой
Вечерній небосводъ.
3. Всѣ дѣвушки готовы...
Дурить отъ грусти злой.
Давно мычатъ коровы,
Бредутъ на водопой.
4. Кристинъ пара—Яковъ,
Богатый онъ мужикъ,
Кристинъ же нашъ, поплакавъ,
Совсѣмъ главой поникъ.
5. Давно пришла скотина,
А бабы вѣрно врутъ,
Что видѣли Кристина,
Какъ бросился онъ въ прудъ.

Игорь Сѣверянинъ.

ВСЕ ГЛУШЕ ПАРКЪ...

Все глуше паркъ. Все тише-тише конь.
Издалека доносится Шаконъ.
Я утомленъ, я весь ушелъ въ сѣдло.
Май любить ночь, и стало быть—свѣтло...
Я встрѣчъ не жду и оттого свѣтлѣй
И чище вздохъ окраинныхъ аллей,
Одѣвшихъ свой единственный нарядъ.
Не жду я встрѣчъ. Мнѣ хорошо. Я радъ.
А помнишь ты, усталая душа,
Другую ночь, когда, любить спѣша,
Ты отдавалась пламенно другой—
Такой же пылкой, юной и родной?
А помнишь ты, болѣзная моя,
Какой голубкой грезилась змѣя,
Какъ обманула сердце и мечты?

Нѣтъ, не могла забыть той встрѣчи ты!
Май любить ночь, и стало быть—свѣтло...
Качаетъ сонъ, баюкаетъ сѣдло.
Блуждаетъ взоръ межъ лиственныхъ громадъ.
Все глуше паркъ,—все тоньше аромат...

Филиппъ Карповъ.

1.

Моя заря въ вечерней мглѣ сгораетъ.
На днѣ души безбрежье, тишина,
Лишь темный омутъ зора отражаетъ
Ночные лики призрачнаго сна,
Да въ сердцѣ неживомъ, зеленымъ дымомъ
Отверженныхъ надеждъ струится ядъ,
Какъ ночь въ краю глухомъ и нелюдимомъ
Подъ саваномъ нѣмыхъ лѣсныхъ громадъ.
О, помолись душа о жизни новой,
Намъ больно быть въ чертогѣ свѣтломъ дня:
Какъ жертву на кострѣ палачъ суровый,
Сожжетъ онъ насъ дыханіемъ огня.

2.

Солнце, солнце золотое!
Надъ проваломъ голубымъ
Время лютное и злое
Поразвѣй, какъ мертвый дымъ.
Свѣтъ и бѣлый и цѣлебный
Даруй жизни на землѣ,
Подъ восторгъ ея хвалебный
Да погибнетъ смерть во мглѣ!
Если шепчутъ пѣсню травы
У рѣчного серебра,
То росистыя отравы
Будутъ вѣстникомъ добра.
Солнце, вновь тебѣ я внемлю,
Говори огнемъ своимъ:
Такъ ли я цѣлую землю?
Такъ ли вѣрю снамъ моимъ?

Ю. Анненковъ.

Т. Г. ШЕНФЕЛЬДЪ.

Я сдѣланъ изъ бѣлилъ и сажу,
Я очень грубъ, я совсѣмъ не поэтъ,
А Вы такъ любите эти омажи—
Мадригалъ, сонетъ...
Я рожденъ бродить въ переулкахъ Бельфора,
Я впиталъ эстраду Chat noir,
И во мнѣ слишкомъ бурно, слишкомъ скоро
Вскипаетъ любовный жаръ!
Ахъ, зачѣмъ Вы не простая анашка!
Я Вамъ руки связалъ-бы краснымъ рубаномъ
И Ваши губы, лепестки пунцовой ромашки,
Выпилъ-бы ночью, подъ чернымъ каштаномъ!
О, не смѣйтесь надъ моими стихами первыми—
Я смиренно цѣлую Вашу камею...
Я люблю Васъ—слышите?—всѣми нервами
И лучше любить не умѣю.

Левъ Никулинъ.

О, разорвите солнце на огненные клочья
И разбросайте солнце по соннымъ городамъ,
И пусть оно пылаетъ горя и днемъ и ночью
И пусть проходятъ толпы по огненнымъ слѣдамъ.

О, распылите солнце на тысячи пылинокъ
И каждую пылинку бросайте намъ въ сердца
И вспыхнетъ каждый рыцарь и вспыхнетъ каж-
дый инокъ

И будутъ въ каждой пѣснѣ горѣть слова пѣвца.

Татьяна Шенфельдъ.

I. УСТАЛА Я.

Когда вокругъ меня безумно льются звуки,
Сіяетъ шумный балъ и плещется волна
Костюмовъ и огней—сжимаю, молча, руки,
Чего-то смутно жду, тоской душа полна...
И чудится мнѣ тѣнь запущеннаго сада...
Въ аллеяхъ шелестятъ увядшіе листы...
Вдали горитъ закатъ... осенняя прохлада...
Настурцій, какъ огонь, багряные цвѣты...
Тогда уйти душой спѣшу отъ жизни шума,
Лелею вновь твои знакомыя черты,—
Передо мною вновь проносятся мечты,
Что создала давно навязчивая дума.

II.

Я пришла къ тебѣ рассказать о томъ,
Что опять въ душѣ грусть тоскливая...
Что лѣса полны тайнымъ шопотомъ,
И больна мнѣ ихъ рѣчь счастливая...

И къ минувшимъ снамъ я мечтой лечу...
Полна ласкою непонятныхъ грезъ,
Отдохнуть душой я давно хочу
Отъ красивыхъ словъ и притворныхъ слезъ.

Дебютъ Павла Орѣшникова.

1. ТИШИНА.

Возлюби тишину! тишина это—говоръ ручья,
Звоны думъ въ вечеряющей часъ,
Въ мертвой заводи—вопли весла...
Тишина эта сердцу дала,
Какъ влюбленность—мерцанья для глазъ...
Танецъ дня отзвучалъ! И теперь я куда ни
пойду

Въ тишинѣ слышу шопотный зовъ...
Это тѣни ныряютъ во мглу...
Всей душой—возлюби тишину,
За ея говорливость безъ словъ...

2. НА РАСПУТЫИ.

Порою хочется воскликнуть вдругъ: вернись..
Бываетъ, хочется промолвить лишь: уйдите..
Какъ въ первомъ—грезы жгутъ и уплываютъ
ввысь...

Такъ во второмъ томятъ таинственныя нити...
И на распутии строгомъ двухъ красивыхъ тризнъ
Стоишь въ невѣдѣннѣ—какое лжетъ сіянье?..
Пойдешь направо ты—чужую сгубишь жизньъ,
Налѣво повернешь—своя сгоритъ въ страданьи..!

3. ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Я помню услышалъ въ окнѣ распростертомъ не-
давно,

Какъ медленно вянетъ трава подъ копытами
фавна.
Какъ нервныя листья, слагая осенніе ямбы,
Казалось шептали природѣ свои дифирамбы...
И жадно пастухъ припадалъ къ увлекательной
флейтѣ
И можетъ послѣдній онъ разъ намъ воскликнулъ!—
„Развѣйте
Угрюмыя думы холодныхъ, безрадостныхъ бу-
денъ!..
Сегодня еще этотъ сумракъ—прозраченъ и чуденъ,
Но завтра быть можетъ обрывы червоннаго
брега—
Одѣнутся въ ризы осеняго, талаго снѣга..
Вновь будетъ вдоль комнатъ такъ пусто и скор-
бно и скучно“..
Такъ помню въ окнѣ распростертомъ прижав-
шись беззвучно
Стоялъ я и слушалъ, какъ гдѣ то бесильно и
плавно—
Томились и блекли цвѣты подъ копытами фавна...

4. УТРО.

Заря оправила шелка... Разсвѣтныи воздухъ—
Покинулъ мглы душистыи, южныи плѣнъ.
Еще глаза въ далекихъ, скорбныхъ звѣздахъ...
Еще волнуется пьяный чадъ вербены...
Но вымыселъ померкъ—струящийся, глубокий...
Въ—душѣ октябрь. Нѣтъ краски огневой...

О, горе—каждого—пылающія строки—
Дописывать усталою рукой...

5. ВИНЬЕТКА.

Я одинъ, одинъ въ пустынномъ залѣ.
Расплавленный кораллъ—
Вино смѣется въ раненомъ бакалѣ...
Смѣется залъ...
Листва, узоръ огней—все пятна...
И чистъ лишь потолокъ...
Поетъ мятель:—„Улыбки безвозвратны...
Ты—одинокъ“...

6. САМОУБИЙЦА.

О горестность, если погаснуть манящая тайны!..
Уныніе—вдругъ обрести путеводную гладь
И вѣдать безкрылые сны—о былыхъ и случай-
ныхъ,

И слезы незримо, незримо и тихо ронять...
Что въ жизни? Цвѣты изъ подъ пепла? Порои
изъ фальши...

А въ смерти?—Таинственность! Ей я волнующій
жрецъ...

Есть много дорогъ, но усталъ путешествовать
дальше...

Отрадный напитокъ. Круги. Чей то голосъ. Ко-
нецъ...

7. ВЕЧЕРЪ.

Ужъ сколько разъ взывала мѣдъ къ вечернѣ
И славилъ мастера нарядный клиръ...
А онъ навеселѣ въ сырой тавернѣ—
Чинилъ одинъ свой невеселый пиръ...
Одинъ съ тоской въ зрачкахъ молился сквернѣ
Въ своемъ невѣрнѣ—убогъ и сирѣ...
И думалъ самъ:—„Стезями взрытый міръ!
Вѣдь каждая ведетъ къ вѣнку изъ терній!“

8. ROMANCE.

Мнѣ только-бъ услышать твой голосъ
И цвѣтъ твоихъ глазъ разглядѣть...
Я могъ бы тогда умереть!..
Я зналъ бы, что въ сумеркахъ, сонный,
Твой призракъ приходитъ мнѣ пѣть...
Твой призракъ влюбленный...
И въ палевой вечерѣ. Осенній...
Онъ будетъ мнѣ грустью звенѣть
И душу усталую грѣть—
Волнующей лаской. Неясной...
Я могъ бы тогда умереть—
Мой призракъ прекрасный!..

9. ROMANCE

У блѣдныхъ фіалокъ—есть счастье—
Завянуть на женской груди...
У моря—въ глухое ненастье,
Хоть пѣной ласкать корабли...
У струнъ есть великая радость—
Звенѣть въ наболѣвшей тоскѣ...
Одна въ моей жизни есть сладость—
Молиться—Тебѣ!..

10. ДНЕВНИКЪ.

Меня ничто не вдохновляетъ...
Но только часто ввечеру,
Когда никто еще не знаетъ,
Что ночи день сказалъ: „умру“...
Душа на мертвую бумагу—
Выносить жемчугъ глубины...
И будто ухо слышитъ сагу
И будто глазъ мой видитъ сны...
Меня никто въ себя не влюбилъ...
Но это только потому,
Что знаю я: вѣдь сердце губить—
Нераздѣленное „люблю“...
(Однако кто-то дерзко бросилъ—
Святую тѣнь и у окна:
Я часто слышу—вопли веселъ,
Цѣлую призрака въ глаза...)
Меня никто еще не знаетъ...
Но это только потому,
Что каждый ясно понимаетъ,
Какъ я талантливо всѣмъ лгу...
И мыслю самъ: —я „въ мірѣ значу!
А—стансы! Подвиги мои!“

Смѣюсь я часто надъ людьми,
Но надъ собою чаще плачу...

11. БРЕДЪ.

Свиваютъ звуки—вѣнки печали,
Какъ смѣхъ русалокъ...
Груститъ на крышкѣ глухой рояли—
Букетъ фіалокъ...
Невнятный запахъ, какъ бредъ усталый—
Весенней чары...
И мнитъ грезамъ, какъ будто въ залы—
Прокрались пары...
Кружатся въ вальсѣ. И принцъ несмѣлый—
Своей невѣстѣ
Цѣлуетъ руку въ перчаткѣ бѣлой
За нимъ всѣ вмѣстѣ—
Подходятъ славить ея таланты,
Ея наряды...

Л. Оссовскій.

Мерцаютъ плечи... Горятъ брильянты...
И шепчутъ взгляды...
Разсвѣтъ разгонитъ больныя тѣни
Отъ думъ мятежныхъ...
Окропятъ росы цвѣты сирени
И лилій нѣжныхъ...
Уплыли грезы, поумирали
Мой міръ сталъ жалокъ..
И кружатъ долго въ умершей залѣ—
Вѣнки русалокъ...

12. СТИХОТВОРЕНІЕ.

Мнѣ не надо крыльевъ. Мнѣ не надо счастья.
Вѣдь для крыльевъ—счастье, а для счастья—
крылья,

Все равно, что грустной дѣвушкѣ—ненастье...
Тоже, что ненастью—дѣвичье безсилъе..
Вѣтру такъ желанно, такъ необходимо,
Чтобы кто-то въ осень плакалъ у гардины...
Дѣвушкѣ красивой, если будутъ мимо
Проходить безстрастно вереницей длинной...
Кто уронитъ ласку... Кто опалитъ страстью...
Вѣтру, кто расскажетъ басню позднихъ былей?..
Только и не я ужъ:

...Я не вѣрю счастью...

Только и не я ужъ:

...Мнѣ не надо крылій...

13. КОГДА 12 БЬЕТЪ...

(Notturmo).

Дмитрію Цензору.

Когда 12 бьетъ влюбленъ я въ шепотъ тайны.
Что окружаетъ канувшія сутки.
Деревья ждуть. И оттого такъ жутки...
И вижу я, какъ гдѣ то тамъ въ Украинѣ—
Стоитъ одна. Одна на ледяномъ погостѣ...
И слушаетъ, какъ вихрь въ степи хвалебенъ.
Въ очахъ—мятель. Въ душѣ—тоска... о тоскѣ.
И новой жизни сбивчивый молебень.
Однако поздно. Два. Идетъ домой и слышитъ,
Что канувшія сутки шепчутъ тайны
И какъ мятель косынкою колышетъ,
Узорною косынкою Украины...
Колышетъ...
Ждутъ деревья новыхъ сновъ иль яви.
...Ахъ! Странныя въ судьбѣ сложились сказки:—
„Скажите, люди, развѣ я не въ правѣ,
Сорвать въ пути—одинъ цвѣточекъ ласки?“..
Пришла. Тепло. Одна. У зеркала портрета.
И вдругъ—лицо въ блестяще-влажной рамѣ...
Воспоминаніями, комната согрѣта.
Да! Гладкій лобъ! И подъ бровями—пламя!!
Рванулась...
...Звонъ...

И вышло такъ случайно,
Что сердцу нужно было праздновать поминки.
А ей рыдать въ степяхъ глухой Украины,
Сметая слезы—розой... на косынкѣ.

14. ВИНЬЕТКА.

Мнѣ кажется порой, что вспомню при кончинѣ—
Твой поцѣлуй...
Какъ вспоминается навѣрно каждой льдинѣ—
Ласканья струй...

И дубу каждому съ шатровою вершиной—
Зеленый кустъ.

Мнѣ кажется порой, что вспомню предъ кон-
чиной—

Я трепеть устъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Дебютъ Анжелики Сафьяновой

1. ПРОЛОГЪ.

Я пою игривую фривольность,
Я холоднымъ пламенемъ горю,
Мнѣ не пѣть трагическую вольность
И не знать багряную зарю.
Горькій медъ я собираю въ соты,
Мѣдный рогъ мѣняю на свирѣль.
Я сплетаю пѣсенки Эроту
И пою влюбленность и апрѣль.
Были пѣсни ярче и чудеснѣй,
Былъ тревожнымъ и напѣвъ и стихъ—
У меня есть и другія пѣсни,
Но другія пѣсни...для другихъ.

2. ПѢСЕНКИ.

1.

—Въ сердцѣ зной любовныхъ пытокъ
Истомилъ меня Эросъ,—
Я принесъ вамъ маргаритокъ
Маргаритокъ я принесъ

—Да... любви опасно зелье,
Маргаритки не въ чести
Право лучше ожерелье
Ожерелье принести,
Богъ любви...Довольно шутокъ
Сердце дѣвы разгадай,—
Съ каждымъ часомъ новыхъ сутокъ
Двухъ влюбленныхъ дѣвѣ дай...
Для вакхическихъ веселій
Сразу двухъ ты дать готовъ...
Одного для ожерелій,
А другого для цвѣтовъ.

II.

Въ первой двери вверхъ по лѣсенкѣ
Ты вечеръ меня ждала,
Мы пропѣли наши пѣсенки
Въ третьемъ домѣ отъ угла,
Но пришла тоска нежданная
За былую радость мстить,
Не забудь меня желанная
А забудешь... Богъ простить...
Вспомни пѣсню недопѣтую,
Вспомни солнышко и высь...
Ты уходишь... я не сѣтую...
—Оглянись...

3. ПЕЧАЛИ.

Когда любовь тревоги множить
Уйди въ обитель за рѣкой
И пусть ничто не потревожитъ
Печаль и творческій покой.
Вино и страсть гони смѣлѣе—
Замѣнить мѣрный лепетъ строфъ
Твои любимыя аллеи
И твой любимый Петергофъ,
И этотъ паркъ надменно жуткій
Куда приходишь ты съ утра,
Гдѣ такъ пикантны проститутки
И страсть шикарны юнкера.

4. ПИСЬМО.

Знакомо какъ юморъ рассказчика,
Какъ вѣчно звучащее „пот“
Изъ пасти почтового ящика
Мнѣ выпало какъ то письмо.
О, сердце, пускай помолчитъ оно,
Пускай не ликовать какъ тать,
Пусть дома свое перечитано,
Не нужно чужого читать...
Но дерзко, рукою увѣренной
Порвалъ я измятый конвертъ
И въ тайну надежды потерянной
Проникъ, какъ угрюмый эксперт:
„Я шлю вамъ письмо съ незабудками,
Я шлю вамъ письмо за письмомъ
А вы не приходите сутками
И пусть и альковъ мой, и домъ.
Когда не придете къ заутренѣ,
Къ заутренѣ новаго дня,
То голосъ подкажетъ мнѣ внутренний,
Что вы разлюбили меня...“
Часы изступленія пробили,
Напрасно любовь не зови
И вѣчно „la donna e mobile“
И вѣчна измѣна въ любви...
Измято, какъ юморъ рассказчика,

Знакомо, какъ старое *pot*,
Изъ пасти почтового ящика
Мнѣ выпало какъ то письмо.

5. MI-CARÊME.

Среди толпы непризнанныхъ моделей
На карнавалѣ въ вихрѣ *Mi-carême*
Она прошла, какъ древній идолъ Дѣли,
Какъ божество надъ крючьями триремъ.
Въ плащѣ жреца, подъ маской пилигрима
Я уходилъ на праздникъ *Mi-carême*
На площадяхъ я видѣлъ тайны Рима
Но ихъ творцы не Ромулъ и не Ремъ
И опаленъ огнями суетъ
И день и ночь безуміемъ томимъ
Я вновь искалъ плясунью изъ остерій,
Какъ гладиаторъ, всадникъ или мимъ...
Когда въ толпѣ безумствуютъ модели,
Какъ въ часъ грозы распушенный гаремъ—
Она прошла какъ древній богъ изъ Дѣли,
Какъ божество надъ крючьями триремъ.

6. ОФОРТЪ.

Въ открытомъ платьи и плюмажѣ,
Даря избранникамъ опаль,
Она вездѣ одна и та же—
Въ саду, въ притонѣ и въ пассажѣ
И на паркетѣ бѣдныхъ залъ.
Какъ цѣломудренная дѣва
Въ вѣнцѣ кровоточащихъ ранъ
Она раба сразить безъ гнѣва,
Какъ легкомысленная дѣва
И мозгъ разрушить, какъ таранъ.
Не пощадятъ тысячелѣтій
Ея растлѣнные уста—
Такъ стражъ любви не бросить плети
И не уйдетъ съ его поста.

7. МОИ ПЕЧАЛИ.

(Отвѣтъ на посвященія).

У Петрарки
Есть прекрасныя строки о нѣжности,
Начинаются, кажется, такъ:
„Въ неизбѣжности
Дня и ночи, какъ опытный магъ...
Я... предвижу...“—Забыла...
Изумительно ярки
У Петрарки
Слова объ изысканной нѣжности,
И когда я мечтаю о томъ, что Лаурѣ,
Одной лишь Лаурѣ,—
Эта тысяча пѣсенъ, сплетенныхъ экстазомъ,—
Я страдаю... Мнѣ хочется бури;
Я сдвигаю взволнованно брови,
И вонзаю булавку съ топазомъ,
И царапаю руки до крови...

Ну, а вы... „Молодые поэты“,
Анжеликѣ создать триумфальныя арки
Не дано вамъ... и нужно ли это?..
Вы,—увы...
Не Петрарки...

9. ИНТИМЪ.

На счетахъ ресторановъ, на бланкахъ отелей
Я писалъ вамъ лирически-нѣжныя строки,

Называлъ васъ „Саронская роза панелей“,
Посылалъ вамъ въ риёмованныхъ строкахъ
упреки.

На упругой и пахнущей розой бумагѣ,
Въ округленномъ и ярко-блестящемъ конвертѣ,
Вы писали о страсти, о вашей отвагѣ
И о томъ, что хотите любви или смерти.
Я писалъ, восторгаясь, о вашей осанкѣ,
О жеманной тоскѣ, о лирической нѣгѣ;
И однажды въ экстазѣ, на вкесельномъ бланкѣ,
Набросалъ вамъ десятокъ мятежныхъ элегій...
Сколько разъ рисовалъ я доверчивый локонъ,
Сколько разъ я молился возлюбленной дамѣ,
Зеркала ресторановъ и стекла у оконъ,
Испещряя понятными вамъ письменами.
И однажды на рваномъ клочкѣ изъ тетради
Вы писали: „Пора разставаться и намъ ужъ“,
Вы писали о томъ, что пришли вы къ преградѣ,
И о томъ, что на-дняхъ вы выходите замужъ...
Я пришелъ поутру... И внизу въ вестибюлѣ
Передалъ мнѣ консьержъ эти жуткія строки...
—Неужели же мы никогда не любили?
Неужели же мы изощрялись въ порокахъ?..
Я слѣдилъ, поднимаясь, за медленнымъ лифтомъ..
Тайнымъ чарамъ конецъ... И развѣнчаны маги...
И „прости“ изощреннымъ, готическимъ шрифтомъ
Я писалъ вамъ на гладкой, блестящей бумагѣ.

10. У ТЕЛЕФОНА.

Вы позвонили въ вечеръ зимній,
Когда желаніе уютъ
И стало ближе и интимнѣй
Слѣдить мерцаніе минутъ.
О, эти шутки такъ опасны
Вы мнѣ сказали „да и нѣтъ“
Закрывъ глаза я видѣлъ ясно
Улыбку, мушку и лорнетъ.
Какъ вы тряхнули кружевами,
Какъ вы сказали слово „да“
Я говорилъ о страсти съ вами
И нѣжно гладилъ провода...

11. ПАРИЖАНКА.

У меня свиданіе съ аббатомъ...
(Это можно чувствовать въ стихѣ).
Я дрожу... Трепещетъ каждый атомъ
И горитъ тоскою по грѣхъ...
У меня свиданіе съ аббатомъ,
И на-дняхъ въ отелѣ „Трехъ коронъ“,
Основной идеѣ целибата
Нанесенъ внушительный уронъ.
Онъ сказалъ: „Увы судьба мнѣ отчимъ,
Я усталъ, и какъ я одинокъ...“
И затѣмъ добавилъ между прочимъ—
„Развѣ нѣжность къ ближнему порокъ?...“
Онъ сказалъ и сжалъ мнѣ нѣжно руки,
Dura lex!...—И все же онъ законъ...
Я приду умѣрить ваши муки...
Ты живешь въ отелѣ „Трехъ коронъ?...“
Онъ придетъ и будто бы случайно...
Перечтетъ съ утра Декамеронъ,
И падетъ неслышанно и тайно
У меня въ отелѣ „Трехъ коронъ“...

12. ВѢНА.

О не мните, фрейленъ бантъ,
И не плачьте Мицци...

Бѣлокурый лейтенантъ
—„*Veni, vidi, vici*“..
Бѣлокурый лейтенантъ хмурился гордо вѣки,
Передвинувъ аксельбантъ,
И ушелъ навѣки.

Прочъ сомнѣній горькій ядъ,
Вечеромъ на Пратеръ,
Тамъ въ аллеѣ бросилъ взглядъ
Мицци—стройный патеръ.
Намъ не страшенъ блескъ тонзуръ,
Къ чорту пылъ традицій!
Такъ впередъ... За туромъ туръ...
Veni, vidi vici...

13. ПАРИЖЪ.

Я смѣю вамъ напомнить встрѣчи
Въ кафе, гдѣ тѣсенъ зимній садъ,
Гдѣ были робки ваши рѣчи,
Но смѣлымъ былъ влюбленный взглядъ.
Вы такъ пріятны каждой дамѣ,
Вы были ласковы въ кафе,
И я шутя, болтала съ вами,
И съ лейтенантомъ въ галифѣ.
Потомъ румынъ воспѣлъ намъ Яссы.
Потомъ намъ подали моторъ
И мы блуждали больше часа,
Чертя по городу узоръ..
У парка (помнишь?) вы сказали:
—„Во снѣ я видѣлъ васъ нагой“..
—„О, если вы во снѣ дерзали,
То наяву дерзалъ другой...“
Вы улыбнулись зло и жутко,
Закатъ грозилъ моей звѣздѣ
И я сказала...—„Это шутка!“
Потомъ спросила робко...—„Гдѣ?..
Лилъ теплый дождь и вы молчали,
Отъ Люксембурга до Грэви,—
Отъ вашей маленькой печали
До вашей маленькой любви.

R. S.

Право вы у меня, какъ въ теплицѣ...
Иногда... (Иногда?) я вамъ рада...
Не носите мимозы въ петлицѣ, —
Не надо...

14. МАДРИГАЛЪ.

Вы сегодня полны увядающей страстью
Увядающей страстью, минующихъ дней
И сегодня на васъ золотое запястье
Золотое запястье изъ алыхъ камней...
И не въ вашу ли честь прозвенѣли куранты
Прозвенѣли куранты Непорочной Жены,
И не вы ли вчера по приказу инфанты
По приказу инфанты на кострѣ сожжены...

15. РОМАНЪ БОГЕМЪ.

Гдѣ забытыя строфы литыя терцины,
Обаятельный лепетъ мотивовъ и словъ,
Глубиною которыхъ одни сарадины
Наполняли пространство минувшихъ вѣковъ...
Былъ мечтательный вѣкъ и его тріолеты,
Были пѣсни Рамо, менуеты Люли
Но холодныя волны медлительной Леты
Погребаютъ сожженные товыя корабли...

Если всѣми забыты газеллы и геммы
И великаго пана глухая свирѣль,
То трагической кличъ веселой богемы
Остается одинъ торжествующій хмѣль...
Если рыцарей нѣтъ въ угасающей Мальтѣ,
То въ забытыхъ подвалахъ осталось вино
И остались цвѣты на сожженномъ асфальтѣ,
Тѣ цвѣты для которыхъ оно суждено.
Если нужно и мы покоряемъ невѣрныхъ,
И въ альковной любви мы пойдемъ далеко
И не даромъ теперь, въ кабинетахъ таверны
Торжествуетъ изысканный стиль рококо.
Мы одни не покорны мѣщанской личинѣ,
Не ищите экстаза въ уныломъ моржѣ,
Только насъ воспѣваетъ жеманный Пучини,
Только насъ увѣнчаетъ цвѣтами Мюрже...

16. РИВЬЕРА.

Могу ли я забыть багряные узоры,
Поникшее перо и темную парчу.
И нѣжность вашихъ словъ, и ревность, и укоры,
Которыхъ до сихъ поръ забыть я не хочу...
Могу ли я забыть, когда я полонъ вами,
Изгибы вашихъ рукъ и блекнуцій цвѣтокъ.
Мерцающій браслетъ, прикрытый кружевами.
И только вашихъ глазъ запомнить я не могъ...
Я вѣчно вѣренъ вамъ... Я помню ваши рѣчи,
Лиловые шелка и нѣжный мѣхъ лисы,
Измятый ласками, обвившій робко плечи,
Обрызганный виномъ и каплями росы...

17. ОЖИДАНИЕ.

Эротъ... сломи свой тонкій лукъ...
Пусть онъ придетъ нагой
Мнѣ измѣнилъ мой нѣжный другъ
И вновь ушелъ съ другой...
Пусть искаженъ усмѣшкой ротъ
Гасимною звѣзду
И пусть другой меня беретъ,
Скорѣй Эротъ... я жду...

Анжелика Сафьянова.

Дебютъ Михаила Гартевельда.

О свѣтлая моя, о мое море.
Ст. Пшибышевскій. (Надъ моремъ)

1. ДЕНЬ УМИРАЛЪ.

День умиралъ надъ моремъ золотымъ,
И золото горѣло на просторѣ,
Не вѣрю я: ни близкимъ, ни чужимъ,
Я вѣрю лишь тебѣ—тебѣ, о море.
Быть можетъ неразумно я искалъ,
И падалъ изъ проваловъ бездны—въ бездну.
И достигая вновь себя бросалъ,
Въ долины ночи блѣдно многозвѣздной,
Но я достигъ, я знаю ты слилась,
Съ бездоннымъ, голубымъ, хрустальнымъ моремъ,
И слышу я въ вечерній, тихій часъ,
Твои слова и примиряюсь съ горемъ.
Я вѣдь и такъ сливаюсь весь съ тобой,
Тону въ глубинахъ пѣнистаго взгляда,
И какъ рука твоя, ласкается прибой,
Душѣ усталой большаго не надо.
День умеръ, ночь простерлася надъ нимъ,
И золото умчалось на просторѣ,
О свѣтлая моя, я вѣчно нелюдимъ,
О свѣтлая моя, о мое море.

2. ДНИ ОБМАНУВШЕ,

Блѣдно-струйныя руки въ оковахъ тяжелыхъ
браслетъ,
Губъ кровавыхъ, закатный, алѣющій огненный
свѣтъ,—

Это все что осталось отъ прошлыхъ побѣдъ...
Но быть можетъ и въ этомъ таится своя красота,
Но быть можетъ и въ этомъ живетъ для иного
мечта...

Но холодное сердце мнѣ шепчетъ упорно „не та“.
Вновь пойду, къ полуночному солнцу, и искать,
и искать,

Вновь пойду, чтобы въ бездны и рвы на пути
упадать,

Голубую дорогу къ далекой странѣ пролагать..
И избранника Ночь, золотою одеждой одѣнь,
Чтобъ предъ нею померкъ окровавленный огнен-
ный день.

И прости надъ главой его Ники крылатую тѣнь,
На щитѣ, чтобъ изсѣченъ былъ сумрачный во-
ронъ ночной,

Чтобъ нетлѣненъ былъ мечъ, на боку его острый,
стальной,

Чтобы посохъ изъ звѣздъ освѣщалъ ему сумракъ
дневной.

Блѣдно-струйныя руки въ оковахъ тяжелыхъ
браслетъ,

Губъ кровавыхъ, закатный, алѣющій огненный
свѣтъ,

Это дней обманувшихъ, холодный, вѣнчающій
слѣдъ.

3. ВЪ ТАВЕРНѢ.

Фальшивыя кости взвились надъ столомъ,
И лица всѣ стали блѣднѣй,

Л. Оссовскій «Процука».

И только хозяинъ съ безстрашнымъ лицомъ,
Возился у стойки своей.
Четыре... Окончена битва, безъ словъ
Не слышно—душевно смѣясь,
Два шулера быстро влекутъ со столовъ,
И деньги и липкую грязь.
„Хозяинъ вина! Да не бойтесь совсѣмъ,
У насъ ради шутки игра,
Ну ставьте, вотъ видите выпало семь
И намъ проиграться пора!
Удвоимте ставки! четыре и пять!
Опять-таки намъ не везетъ!..
Да сударь, вѣдь съ вами опасно играть,
Къ вамъ счастье волною плыветъ,
Была не была, мы ударимъ смѣлѣй,
На все, что передъ вами лежитъ,
Быть можетъ фортуна улыбкой своей,
Насъ скорбныхъ опять озаритъ“.
Звонъ кости... и палъ неизмѣнный чередъ...
Проклятья, ругательства, лесть,—
Игрокъ оттерѣвъ холодющій потъ,
Сплѣшитъ отъ стола пересѣсть.
Еще и еще, и разсвѣтлый туманъ,
Въ окно позабытый глядитъ,
Въ тавернѣ златой, ядовитый дурманъ,
Холодныя души пьянить.
Фальшивыя кости взвились надъ столомъ,
И лица всѣ стали блѣднѣй,
И кто-то съ холоднымъ, стекляннымъ лицомъ,
Застылъ навсегда у дверей.

4. РЫБАКЪ.

Горятъ гвоздяныя раны,
Ужалено мукой лицо,
Обвиваетъ измученность стана,

Огневое, нѣмое кольцо.
Я любилъ въ часы полнолуній,
Уходить въ одиночество роцъ,
И долго, исполненъ раздумій,
Ожидать освящающій дождь...
И въ ладѣ разсѣкая проворно,
Серебристую водную гладь,
Я часами мечтая упорно,
Забывалъ свои сѣти поднять.
Разъ въ дорогѣ горячей и пыльной,
Гдѣ простерся полуденный зной,
Мнѣ явился, учитель всесильный,
И сказалъ мнѣ „Слѣдуй за мной“,
Я склоняюсь отвѣчалъ пораженный,
„О учитель я бѣдный рыбакъ“,
И отвѣтилъ онъ „Всякій спасенный,
Освѣщать будетъ сумрачный мракъ,
Тебѣ выпалъ сіяющій жребій,
Ты апостолъ сіяющихъ странъ,
И тебѣ въ заревѣющемъ небѣ,
Крестъ мученія благостный данъ“,
И лицо его—странно простое,
Я забыть никогда не могу,
На крестѣ, среди пытокъ, святое,
Оно скорбно прощаетъ врагу.
Пламя лижетъ по тлѣющей ранѣ,
Шумитъ огневое кольцо,
Но горитъ въ предсмертномъ туманѣ,
Улыбаясь святое лицо.

5. ПУТЬ.

Копье побѣдного заката,
Вонзилось въ сердце мнѣ.

Непроницаемые латы,
Распались въ Судномъ Днѣ,
И я былъ связкою окованъ.
Невидимыхъ цѣпей,
И мнѣ былъ путь приуготованъ,
Въ провалахъ дней.
Я вновь обрѣлъ свою корону,
Изъ мертвыхъ звѣздъ,
И вновь воздвигнулъ, по уклону,
Столѣтній мостъ,
Какъ Богомъ мѣченный избранникъ,
Стремился въ путь,
И, какъ униженный изгнанникъ,
Не смѣлъ вздохнуть.
Плылъ бодрымъ, огненнымъ матросомъ,
На кораблѣ,
Свершалъ по серебристымъ росамъ,
Свой путь во мглѣ.
И перейдя, тоску падений,
Восторгъ надеждъ,
Увидѣлъ вновь закатные ступени,
Сквозь сумракъ вѣждъ,
Копье побѣдного заката,
Вонзилось въ сердце мнѣ,
И я опять пошелъ куда-то,
Въ безумномъ снѣ.

6. СЧАСТЬЕ.

У вѣчныхъ снѣговъ, есть страна...
Бьернстерне-Бьернсонъ.

Ты знаешь у вѣчныхъ снѣговъ голубую страну,
Въ которой владыки одни голубые снѣга,
Гдѣ люди не знали совсѣмъ золотую весну,
Гдѣ имъ никогда не цвѣли травяные дуга.
Всегда одинаково мраченъ у нихъ небосклонъ,
Всегда одинаково громко поетъ имъ мятель,

Но ты не услышишь отъ нихъ полусдавленный
стонъ,
Какъ будто ихъ нѣжить безумья непознанный
хмель...
Для нихъ: нѣтъ законовъ, любви, тихихъ словъ
о добрѣ,

Для нихъ нѣту плясокъ въ весеннюю тихую ночь,
Они лишь слѣдятъ, какъ сіянья въ минутной игрѣ,
Иль меркнутъ, иль гонять все темное, мрачное
прочь.

Но ты ихъ спроси, почему они мрачно живутъ,
Зачѣмъ не хотятъ перейти снѣговые хребты,
Они не отвѣтятъ и тотчасъ беззвучно уйдутъ,
И ты не узнаешь отъ нихъ заповѣдной мечты.
Повѣрь, что когда звонкогласно поетъ имъ мятель,
И снѣжные вихри надъ ними, какъ тучи, снуютъ,
Ихъ душу качаетъ, весенний и радостный хмель,
Имъ дикія, жгучія розы, багряно цвѣтутъ.

7. УБИЙСТВО.

Но жертва кто изъ насъ: ты брошена
на плаху,
Иль обреченный я по правому суду.
Валерій Брюсовъ.

Твоя рука нашла стальной клинокъ,
И ты прильнулъ къ спадавшимъ занавѣскамъ,
И на короткій, безпокойный срокъ,
Глаза твои зажглись недобрымъ блескомъ,
И въ комнату вошелъ случайный гость,
Смутился предъ ея холодной пустотою,
Потомъ снялъ шляпу, и поставилъ трость,
И въ кресло сѣлъ, и вытеръ лобъ рукою.
Ты прынулъ вдругъ, нанесъ стальной ударъ,
И замеръ весь въ неясномъ ожиданьи.
Такъ царственный, пятнистый ягуаръ,
Слѣдитъ живой добычи трепетанье.
И взоръ убитого тускнѣющей—погасъ,
Черты лица покрылись желтизною,
А ты смотрѣлъ на дно стеклянныхъ глазъ,
Объятый страшною, свершенною мечтою,
Ты вытеръ кровь и сумрачно поникъ,
Глаза твои овѣялись туманомъ,
Вѣдь все прошло, одинъ короткій мигъ,
Ты жилъ невѣдомымъ и бредовымъ обманомъ,
Виновенъ ты, что долженъ былъ убить,
Судьба внушила приговоръ всесильный,
И обрекла въ ладонь свою вложить,
Клинокъ забытый, сумрачный и пыльный.

8. ПОЕДИНОКЪ.

Врагъ копьѣ стальное кинетъ,
Будетъ ждать конца,
Но копьѣ въ щитѣ застынетъ,
Не склоню лица.
Врагъ зажжетъ въ лѣсу огромный,
Мнѣ костеръ,
Но сожжетъ его мой темный,
Жгучій взоръ.
Врагъ подыметъ отточивши,
Острый мечъ,
Но вѣдь шлемъ главу покрывшій,
Не разсѣчь.
Врагъ отравитъ темнымъ ядомъ,
Мнѣ стрѣлу,
Но пронзитъ онъ можетъ рядомъ,
Только мглу.
Врагъ скуетъ дневные ковы,
Для меня,
Но спадутъ они сурово,

И звеня.
Всталъ хранитель мой угрозный,
Врагъ мой прочь,
Далъ мнѣ мечъ и панцырь звѣздный,
И подругой ночь.

9. ГОНЕЦЪ ПЕЧАЛИ.

Слышишь, слышишь, мѣрный, дробный.
Легкій стукъ копытъ,
По дорогѣ вѣстникъ скорбный,
На конѣ летитъ.
Слышишь храпъ повода звонко,
Бьются по сѣдлу,
Кто-то за конемъ вдогонку,
Посылаетъ мглу.
Конь ужъ близко, показался,
На тропѣ съ горы,
Вѣстникъ сумрака примчался,
На твои пиры.
Кругъ твой яркій жизни сужать,
Конь предвѣстникъ мглы,
Надъ твоей главою кружатъ,
Черные орлы.

10.

На черномъ небосклонѣ моихъ думъ,
Плыветъ луна холодная, святая,
И огненный, непримиримый шумъ,
Безсилень, молчаливъ, мгновенно умирая,
На черномъ небосклонѣ моихъ думъ.
Я вѣрю—жду, что вѣковой самумъ,
Расплавить свѣтъ, какъ золото червонца,
На черномъ небосклонѣ моихъ думъ,
Взойдешь великое, полуночное солнце,
Я жду тебя вѣначающій самумъ.

11. ОСЕНЬ. (Посвящается Е. С.).

Ты вѣрила, ждала, иль радовалась тайно,
Не знаю я, но я тебя видалъ,
Въ одной, пустынной улицѣ окраинъ,
Гдѣ тихій день устало умиралъ.
И на щекахъ горѣло солнце блѣдно,
Въ глазахъ таилась скрытая мечта,
И я повѣрилъ вновь, что ты побѣдна,
И вновь горитъ тобою пустота,
Но день угасъ и ночь сошла святая,
И нашептала сумрачные сны,
Осеннимъ солнцемъ блѣднымъ, догорая,
Твои глаза минутно зажжены.

12. ЦЫГАНКА.

Смуглая. Губы, какъ вишни созрѣвшія.
Взглядъ огневой непомѣрно лучистъ.
Гулко звенять твою шею одѣвшия,
Звонкія, яркія нити монистъ.
Платье разорвано красное, старое,
Дышешь ты полемъ, просторомъ степей,
Въ темныхъ глазахъ твоихъ дымка угара,
Прежнихъ исчезнувшихъ, огненныхъ дней.
«Милаго нѣтъ, вѣдь онъ мною загубленъ,
Новый и огненный милый придетъ»,
Громко въ рукъ сотрясается бубень,
Въ огненной пляскѣ цыганка плыветъ,
Что ей любовь, она быстро сгораетъ,
Скрылись—исчезли, и не было дней,
Вѣчно одинъ ее пламень сжигаетъ,
Дикая воля, безгранность степей.

Михаилъ Гартевельдъ.

Дебютъ Зиновія Голубева.

1. ГАЗЕЛЛА.

Поетъ веселая весна: умри, умри;
Лазурь привѣтна и ясна; умри, умри.
Въ травѣ цикорій зажелтѣлъ—темна въ лѣсу,
Смолисто—стройная сосна, умри, умри,
Листва лепечетъ о любви. Блаженъ стократъ,
Кому разлука не страшна, умри, умри,
Янтарны зори и блѣдны, расторгни плѣнь,
Пока безбурна глубина, умри, умри.

2. ВЕСЕННИЙ СТРАННИКЪ.

Весенний странникъ, иду съ котомкой
Въ зеленыхъ чащахъ, гдѣ дымъ болотъ.
Люблю я хворостъ, сухой и ломкій,
Зеленоватый прозрачный сводъ,
Свѣтло и сыро въ тиши весенней;
Березы млѣютъ, робки, бѣлы.
Вѣтвей милы мнѣ густыя сѣни
И запахъ тлѣнья и духъ смолы,
Мой стихъ невѣрный, мой стихъ незвонкій,
Несмѣло славить расцвѣтъ весны,
А мѣсяцъ блѣдный, а мѣсяцъ тонкій
Привѣтно смотреть изъ за сосны.

3. ПѢСНЯ.

Вздохи весны
Слышатся мнѣ.
Крыши черны
Въ синемъ окнѣ.
Тучей повить,
Дымомъ сѣдымъ,
Мѣсяцъ глядитъ,
Бѣлый сквозь дымъ.
Вѣтровъ полетъ
Теплыхъ несмѣлъ.
Тающий ледъ
Хрупокъ и бѣлъ.
Вздохи весны
Слышатся мнѣ.
Крыши черны
Въ синемъ окнѣ.
Стонетъ живой,
Ранена, мѣдъ.
Въ небѣ вѣтвей
Зыбкая сѣть.
Тучей повить,
Дымомъ сѣдымъ,
Мѣсяцъ глядитъ,
Бѣлый сквозь дымъ.

4. СУМЕРКИ.

Въ сумеркахъ сизыхъ свѣтло;
Вѣтромъ рѣзвится привольнѣй.
Солнце за крыши зашло,
Только горятъ колокольни,
Сердцу не больно, не жаль
Дня съ суетою ненужной.
Кроется дымкою даль,
Дымкой прозрачно—жемчужной.
Нѣтъ ни побѣдъ, ни грѣха...
О, какъ блаженна усталость!
Чу, далека и тиха,
Пѣсня сейчасъ оборвалась.

5. LE REVENANT.

Въ тиши болотной, гдѣ мохъ и травы, въ зеле-
ныхъ соснахъ,
Меня связали, меня убили; за что—не знаю,
И въ лунно-лѣняныхъ, лилово-дымныхъ одеж-
дахъ росныхъ
Я до восхода сѣдымъ болотомъ брожу, стенаю.
Лепечутъ травы, пылаютъ зори, шуршатъ вер-
шины.
Я повѣряю лѣсной свирѣли въ тиши сосновой,
Гдѣ можжевельникъ, гдѣ мохъ такъ мягокъ,
мои кручины,
И мѣръ люблю я весенне—влажный и вѣчно—
новый.
Мнѣ было трудно, мнѣ было жутко, мнѣ было
больно,
Я не навидѣлъ и сердце въ злобной тоскѣ нѣмѣло,
Но шепчутъ травы, стекаютъ смолы и богомольно
Не яркій мѣсяцъ стезей привычной плыветъ
несмѣло.
Въ тиши болотной, въ тиши сосновой въ тиши
зеленой,
Я до разсвѣта брожу бездумно съ моей свирѣлью,

«Автопортретъ». Л. Оссовскій.

Всегда весенний, всегда веселый, всегда влюб-
ленный.
И вѣтъ влагой и вѣтъ волю и вѣтъ прѣлю.

6. НАРЦИССЪ.

Смотрѣлся въ воды влюбленный мальчикъ,
Въ затонъ зеленый, гдѣ зыбки травы.
Кувшинокъ блѣдныхъ блѣлы бокальчикъ;
Желтѣлъ касатикъ, лились отравы...
Томилъ и нѣжилъ затменный полдень,
Смотрѣлся отрокъ, любилъ впервые,
Но пукъ ручьистыхъ вѣтвистыхъ молній,
Въ кусты ударилъ береговые,
Шуршали сосны въ раздумьи важномъ,
Шептался съ вѣтромъ камышъ залива:
На стройномъ стеблѣ зелено-влажномъ
Цвѣтокъ влюбленный поникъ пугливо.

7. ПОСЕЛЯНКА.

Въ полосатомъ платьѣ поселянка,
Вы стройны, какъ весна Ботичелли.
Заблѣла ромашкой полянка,
Межъ березъ раскачались качели,
Поцѣлуй подарила осиный,
Въ полосатомъ платкѣ поселянка.
Завертѣлися ели, осины,
Придорожный плетень и полянка...
Истомила гвоздикой полянка
Лиловой причудливо—пряно.
Въ полосатомъ платкѣ поселянка
Разсмѣялась беззвучно и пьяно.
Лѣтній смѣхъ переливчато дикій
Подхватила привѣтно полянка,
И козою прыгнула въ гвоздику,
Въ полосатомъ платкѣ поселянка.

8. МИГЪ.

Были шелкомъ вышиты узоры,
Были окна плотно заперты.
Опускались пламенные взоры,
Холодѣли тонкіе персты.
Лучъ спускался огненно и косо,
Гдѣ пылинки плавали рѣзвась.
Распустились, разметались косы,
Золотая, царственная вязь...
И свѣтло какъ шорохи сандалій
Приближались крылія тоски
И покорно астры увядали,
На коверъ роняя лепестки.

9. ОДИНОЧЕСТВО.

Есть тайная и острая услада,
Что безотвѣтенъ твой послѣдній зовъ,
Что сумракъ тихъ осеннихъ вечеровъ
И никому тебя теперь не надо.
По окнамъ потускнѣли янтари,
Нисходитъ ночь медлительно, устало.
Надъ крышами затихшаго квартала
Смотри, какъ блекнетъ зарево зари.
Уже забывъ судьбины перемѣны,
Лирический въ себѣ почуявъ жаръ,
Какой нибудь невѣдомый Ронсаръ
Поетъ упорство долгое Елены.
Смирись душой. Даровъ цѣнить умѣй
Блага простыхъ, знакомыхъ повседневныхъ,
Тоску небесъ закатныхъ и полдневныхъ.
Смирися, покорись и онѣмѣй.

10. ОКТЯБРЬ.

Змѣисто—зыбки огни въ каналѣ,
Огни въ каналѣ осенне черномъ
И ткеть Октябрь свои вуали,
Свиваетъ сѣти, бредя дозорнымъ.
Сегодня въ полночь слабѣтъ сирот
Несмѣлый шорохъ шаговъ негулкихъ.
Туманно-влажно, темно и сыро
И въ подворотняхъ и въ переулкахъ.
Осеннимъ снѣгомъ прозрачно-талымъ
Вуале-сѣти скользятъ, слезливы.
Октябрь жметъ, бредя каналомъ,
Гдѣ воды черны и молчаливы.

Зиновій Голубевъ.

Дебютъ М. Моравской.

1. НОЧНАЯ ДУША.

Я не хочу, мнѣ стыдно ревновать,
Мы—люди новой жизни.
Какъ удивляется ея сестра и мать,
Что мы встрѣчаемся безъ укоризны!
Всѣ пути порваны, права всѣ признаны...
Я никогда не стану ревновать.
Но этой ночью мнѣ приснилось,—Боже,
За что же мнѣ такое униженіе!
Какъ пьяная мѣщанка, въ изступленіи
Я царапала ея бѣлую кожу...

2. ЕГО ЖЕНА.

Она стояла свѣтлая въ закатной зарѣ...
Таковыми въ дѣтствѣ ангелы сняты!
Она сказала, нѣжная въ закатной зарѣ:
„Неправда ли, здѣсь можно спастись,
Спастись, какъ въ монастырѣ“?
Сквозь вѣтви строгихъ сосенъ просвѣчивалъ
заливъ,

Была такъ умирительна заря, догорая...
И не хотѣлось быть жестоко счастливой,
Уводить его изъ тихаго рая.

3. ЛЮБОВЬ—ОТЪ ХОЛОДА.

Такъ холодно въ широкомъ мірѣ!—
Теплѣй въ плѣну...
И онъ ушелъ отъ этой шири—
Любить одну.
И продалъ душу за уютъ
Ей—одной..
Не вѣрится, когда зовутъ
Любовь святой.

4. ДИКАРСКАЯ ПѢСНЯ.

Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей.
(Индійская пѣсня).

Холодно. Устала. Не хочу хотѣть.
Нѣтъ въ мірѣ желаній безъ боли.
Что нибудь такое жалобное спѣтъ,
Пѣсенку народную, что ли?
Чтобъ томленьемъ свѣтлымъ вся я облеклась,
Скинувъ злобу, словно сѣрыя отрепья,
Чтобы можно было плакать не стыдась,
И отъ жизни ничего не требуя.
Вотъ. Припоминаю... это пѣли инки.
Дѣвочкой читала... что можетъ быть нѣжнѣй?

„Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей“.
Да, для утѣшенія есть свѣтлыя слезинки.
Пою... и за окошкомъ сталъ сумракъ голубѣй.
„Звѣзды сіяютъ и падаютъ росинки,
На березовой лодкѣ плыву къ любви своей“.
М. Моравская.

Дебютъ Николая Носаря.

1. ПѢСЕНКА.

Изъ-подъ дуба изъ-подъ вяза
Вышла рѣчка синеглаза.
Изъ моихъ ясныхъ очей
Протекалъ слезный ручей.
Какъ во этомъ ручеечкѣ
Мыла дѣвица платочки.
Дѣва, милая моя,
Не умѣла мыть бѣлья:
Она мыла, колотила...
Платикъ въ воду опустила.
„—Ктобы, ктобы былъ дружокъ—
„Вынялъ платъ на бережокъ!“
Тутъ нашелся паренечекъ—
Подаль дѣвицѣ платочекъ.
„Вотъ спасибо, дорогой,
„Что помогъ въ бѣдѣ такой!

2. СКАЗОЧКА.

Я приду изъ поля пыленъ и душистъ,
Принесу пукъ сѣна прянь и волокнистъ.
Дамъ коню его, сниму съ него узду
И счастливо въ свою хижину взойду.
Наша хижина какъ радостный алтарь.
Все въ ней просто, по душѣ—какъ было встарь.
На стѣнахъ картинки—сказочки, стишки...
У окна принцесса вяжетъ пояски.
„Я была въ лѣсу...—Разскажетъ мнѣ она,
И подастъ ручникъ изъ бѣла полотна.—
„Обошла свои поляночки вокругъ,
Набрала тебѣ земляночки, мой другъ!..“
Поцѣлую я любимую жену,
И съ восторгомъ въ очи синія взгляну;
„Скоро ль стану я малютку колыбать!“
Такъ подумаю и сяду щи хлебать.

3. КАТИНО ГОРЕ.

Сѣла Катенька, Катя подъ окошко.
Головой своей Катенька качаетъ,
Кудреватенькой Катенька качаетъ,
Ваню милого ругаетъ-обличаетъ.
„Разбѣзсовѣстный этакой Ванюша
Полюбилъ меня Катю Катерину—
Гладитъ онъ дорогую Катерину,
А не купитъ Катѣ пуху на перину!
Разбѣзсовѣстный этакой Ванюша!
Обнимается съ Катенькой миленько,
Ходитъ въ гости къ Катюшенькѣ частенько,
А не выкинетъ ей денежокъ маленько!
А вѣдь знаетъ, что Катя баско ходитъ:
Поясокъ носить съ вышивкой сутажный.
Скрипъ сапожокъ у Кати очень важный,
Сарафанъ у ней кумачный, станъ бумажный.
Знаетъ—батьа у Кати скуповатый:
Не продастъ жеребенка на обновки.
Катѣ нравятся мѣдныя подковки.
Хочетъ Катенька картошки да морковки...

Но Ванюшѣ дружку не догадаться,
Чѣмъ утѣшится бѣдная Катюша.
Ахъ! измучается, высохнетъ Катюша,—
Разбѣзсовѣстный ты этакой Ванюша!“

Николай Носарь.

Дебютъ Петра Бунакова.

1. ПОЛОТЕРЪ.

Я голоденъ... я изъ голи...
Все-же хлѣба не прошу
И до пота, и до боли
Все пляшу... пляшу... пляшу...
Мою пляску на паркетѣ
Прерываетъ только ночь...
На сегодня сыты дѣти
Только жаль: хвораетъ дочь...
Долго много дочка шила,
И сгораетъ какъ свѣча...
Эхъ! когда-бы можно было
Наплясать мнѣ на врача...
Говоритъ жена мнѣ:—„Что ты?
На кого, Семенъ похожъ?!“
Да еще-бъ на рубль работы,
А заплатятъ мѣдный грошъ...
Нѣтъ подлѣй мужицкой доли
Все-же хлѣба не прошу
И до пота, и до боли
Все пляшу... пляшу... пляшу...

2. КАМЕНЬЩИКЪ.

„Городъ! шлю тебѣ проклятья
„Жизнь моя тебѣ чужда
„Гонять насъ въ твои объятія
„Голодъ, холодъ и нужда...
„Жжетъ насъ жадно солнца пламень
„Моетъ часто насъ дождемъ
„Но мы все за камнемъ камень
„Зданье гордое кладемъ...
„И растетъ все выше... выше
„Домъ нашъ всѣмъ дворцамъ вѣнецъ,
„Тамъ внизу все крыши... крыши...
„Вотъ-бы внизъ... всему конецъ...“
Вкругъ толпа шумитъ:—„Что дышетъ?
Эхъ никакъ онъ головой?“
Поздно... Поздно... онъ не слышитъ...
Онъ въ крови на мостовой!!

Петръ Бунаковъ.

Первая премія
„Весны“ книга Н. Ше-
буева „Искусство пи-
сать стихи“ („Вер-
сификація“) разосла-
на годовымъ подпис-
чикамъ съ № 1. Пер-
вый листъ второй
преміи „Альбомъ Саломея“ разосланъ съ пер-
вымъ номеромъ. Второй листъ будетъ разосланъ
съ № 3 „Весны“.

Л. Оссовский.

1.
Si vous voulez savoir comment
Nous nous aimâmes pour des prunes
Je vous le dirai doucement,
Si vous voulez savoir comment.
L'amour vient toujours en dormant,
Chez les bruns comme chez les brunes;
En quelques mots voici comment
Nous nous aimâmes pour des prunes.

2.
Mon oncle avait un grand verger
Et moi j'avais une cousine;
Nous nous aimions sans y songer,
Mon oncle avait un grand verger.
Les oiseaux venaient y manger,
Le printemps faisait leur cuisine:
Mon oncle avait un grand verger
Et moi j'avais une cousine.

3.
Un matin nous nous promenions
Dans le verger, avec Mariette;
Tout gentils, tout frais, tout mignons,
Un matin nous nous promenions.

“СЛИВЫ” Альфонс Додэ

Les cigales et les grillons
Nous fredonnaient une ariette:
Un matin nous nous promenions
Dans le verger avec Mariette.

4.
De tous côtés, d'ici, de là,
Les oiseaux chantaient dans les branches.
En si bémol, eu ut, en la,
De tous côtés, d'ici, de là.
Les prés en habit de gala
Étaient pleins de fleurettes blanches.
De tous côtés, d'ici, de là,
Les oiseaux chantaient dans les branches.

5.
Fraîche sous son petit bonnet,
Belle à ravir, et point coquette,
Ma cousine se démenait,
Fraîche sous son petit bonnet.
Elle sautait, allait, venait,
Comme un volant sur la raquette:
Fraîche sous son petit bonnet,
Belle à ravir et point coquette.

6.
Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes;
Et la gourmande en veut manger,
Arrivée au fond du verger.
L'arbre est bas; sans se déranger
Elle en fait tomber quelques-unes:
Arrivée au fond du verger,
Ma cousine lorgne les prunes.

7.
Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'offrant: „Tiens!..“ me dit-elle.
Mon pauvre cœur battait si fort,
Elle en prend une; elle la mord.
Ses petites dents sur le bord
Avaient fait des points de dentelle...
Elle en prend une, elle la mord,
Et, me l'offrant: „Tiens!..“ me dit-elle.

8.
Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses
(Si j'avais su ce que je sais!..).
Ce fut tout, mais ce fut assez.
Je mordis, comme vous pensez,
Sur la trace des lèvres roses:
Ce fut tout, mais ce fut assez;
Ce seul fruit disait bien des choses.

9.
A MES LECTRICES.
Oui, mesdames, voilà comment
Nous nous aimâmes pour des prunes:
N'allez pas l'entendre autrement;
Oui, mesdames, voilà comment.
Si parmi vous, pourtant, d'aucunes
Le comprenaient différemment,
Ma foi, tant pis! voilà comment
Nous nous aimâmes pour des prunes.

Alphonse Daudet.

Л. Оссовский.

въ переводъ Н. Шебуева.

1.
Mesdames, мой стихъ вамъ объяснить,
Какъ мы влюбились изъ за сливы,
Съ ѣдой приходитъ appetite...
Mesdames, мой стихъ вамъ объяснить.
Любовь блондинокъ не щадить,
Брюнетокъ тоже. Терпѣливы
Лишь будьте: стихъ мой объяснить,
Какъ мы влюбились изъ за сливы.

2.
У дяди былъ фруктовый садъ,
А у меня была кузина.
Объ этомъ поболтать я радъ.
У дяди былъ фруктовый садъ:
Сбирали сливы, виноградъ
Мы тамъ въ огромныя корзины.
У дяди былъ фруктовый садъ,
А у меня была кузина.

3.
Однажды мы гуляли тамъ:
Я и кузина Мариэтта.
Отдавшись утреннимъ мечтамъ,
Однажды мы гуляли тамъ..
Шмели жужжали по цвѣтамъ
И пѣли басомъ пѣсни лѣта.
Однажды мы гуляли тамъ,—
Я и кузина Мариэтта.

4.
Со всѣхъ сторонъ и тамъ, и тутъ
Несутся птичекъ серенады.
И въ si bémol, и въ la, и въ ut...
Со всѣхъ сторонъ и тамъ и тутъ
Пѣвуньи пташечки поютъ.—
Всѣ свѣту солнечному рады.—
Со всѣхъ сторонъ и тамъ и тутъ
Несутся птичекъ серенады,

5.
Какъ это утро весела,
Моя кузина Мариэтта
Цвѣточки чудные рвала,
Какъ это утро весела,
Рѣзвилась, прыгала она...
Прекрасна словно утро это,
Какъ это утро весела
Моя кузина Мариэтта.

6.
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней,
А тамъ прекраснѣйшія сливы.
Исходъ не можетъ быть яснѣй:
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней.
Шалуня къ дереву скорѣй
И—фрукты падаютъ красиво...
Въ глубь сада забѣжалъ я съ ней,
А тамъ прекраснѣйшія сливы.

7.
„Бери!“ мнѣ говоритъ она
И откусила половину
Большого спѣлаго плода...
„Бери!“ мнѣ говоритъ она.
О, чѣмъ душа моя полна!
О, какъ взглянулъ я на кузину...

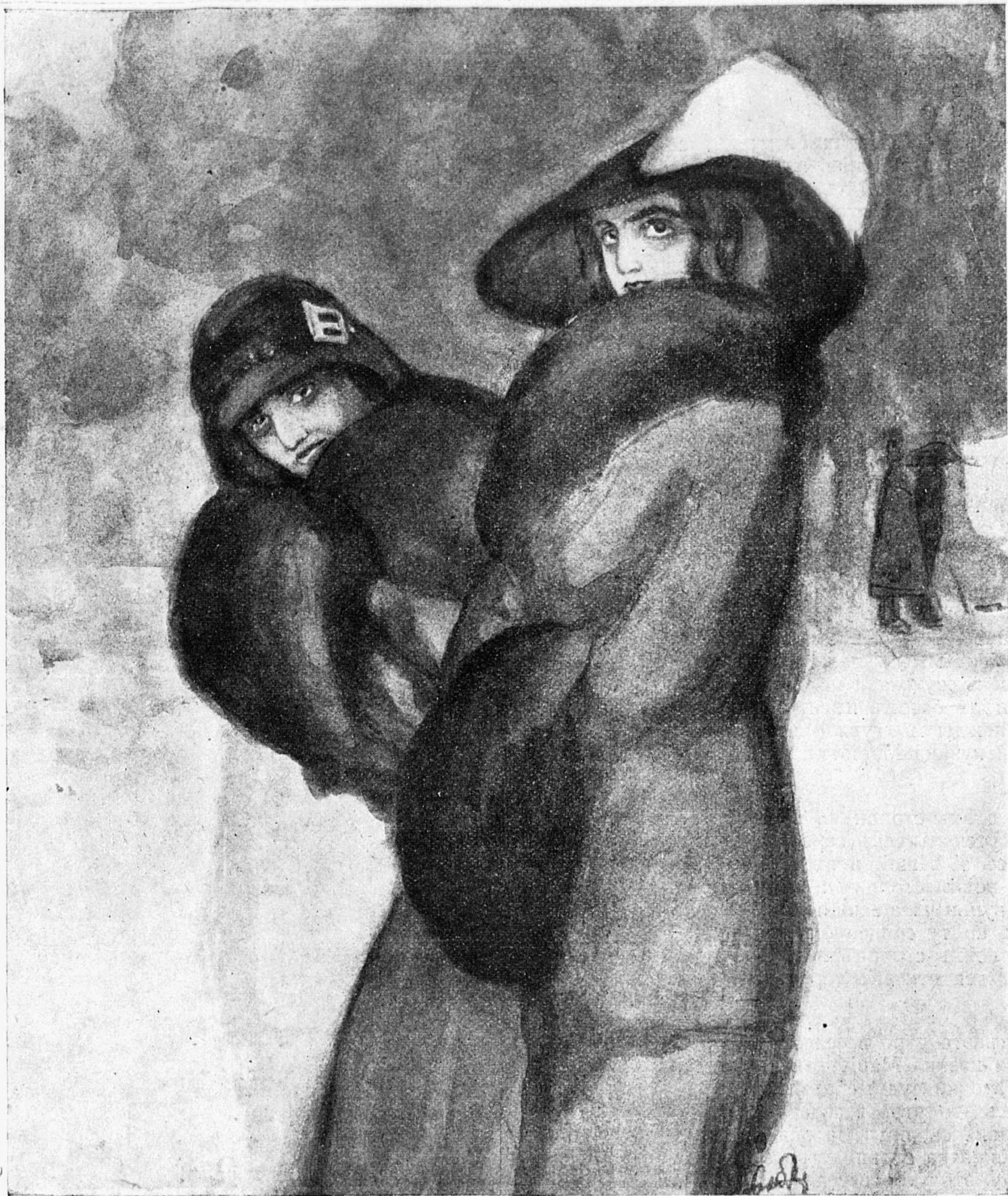

„Бери!“ мнѣ говоритъ она,
Давая сливы половину.

8.
И это все. Но какъ я радъ!
Какъ этотъ плодъ сказалъ мнѣ много!
Кузины глазки такъ горятъ,
Пылаютъ щеки... Какъ я радъ
Вѣдь поцѣлуй—верхъ всѣхъ наградъ!
Меня вы не судите строго:
Я былъ тогда безумно радъ;
А этотъ плодъ сказалъ такъ много.

9.
МОИМЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ.
Mesdames, вы захотѣли знать
Какъ мы влюбились изъ за сливы.
Прошу другимъ не разболтать
Того, что вы смогли узнать...
Любовь пришла къ намъ словно тать...
Простите мнѣ стихи мои вы...
Вы сами захотѣли знать,
Какъ мы влюбились изъ за сливы...

Н. Шебуевъ.

Дебютъ Л. Оссовскаго.

„Книга стиховъ“ въ этомъ номерѣ украшена изящными рисунками молодого московскаго художника Л. Э. Оссовскаго.

Въ печати подъ его рисунками чаще стоитъ псевдонимъ—Эльскій.

Онъ еще ученикъ Строгановскаго училища.

Но техническое, прикладное рисованіе не влечетъ его.

Онъ грезитъ о высокихъ стройныхъ дѣвушкахъ въ платьяхъ ушедшаго вѣка, такъ внятно облегающихъ станъ.

О юбкахъ изъ тонкой матеріи такъ пріятно парусящихъ при слабомъ вѣтрѣ вокругъ стройныхъ какъ мачты ножекъ.

О свиданіяхъ и прогулкахъ, на которыхъ онъ часто изображаетъ самого себя.

Полюбуйтесь какъ изящно стилизовалъ самого себя молодой художникъ.

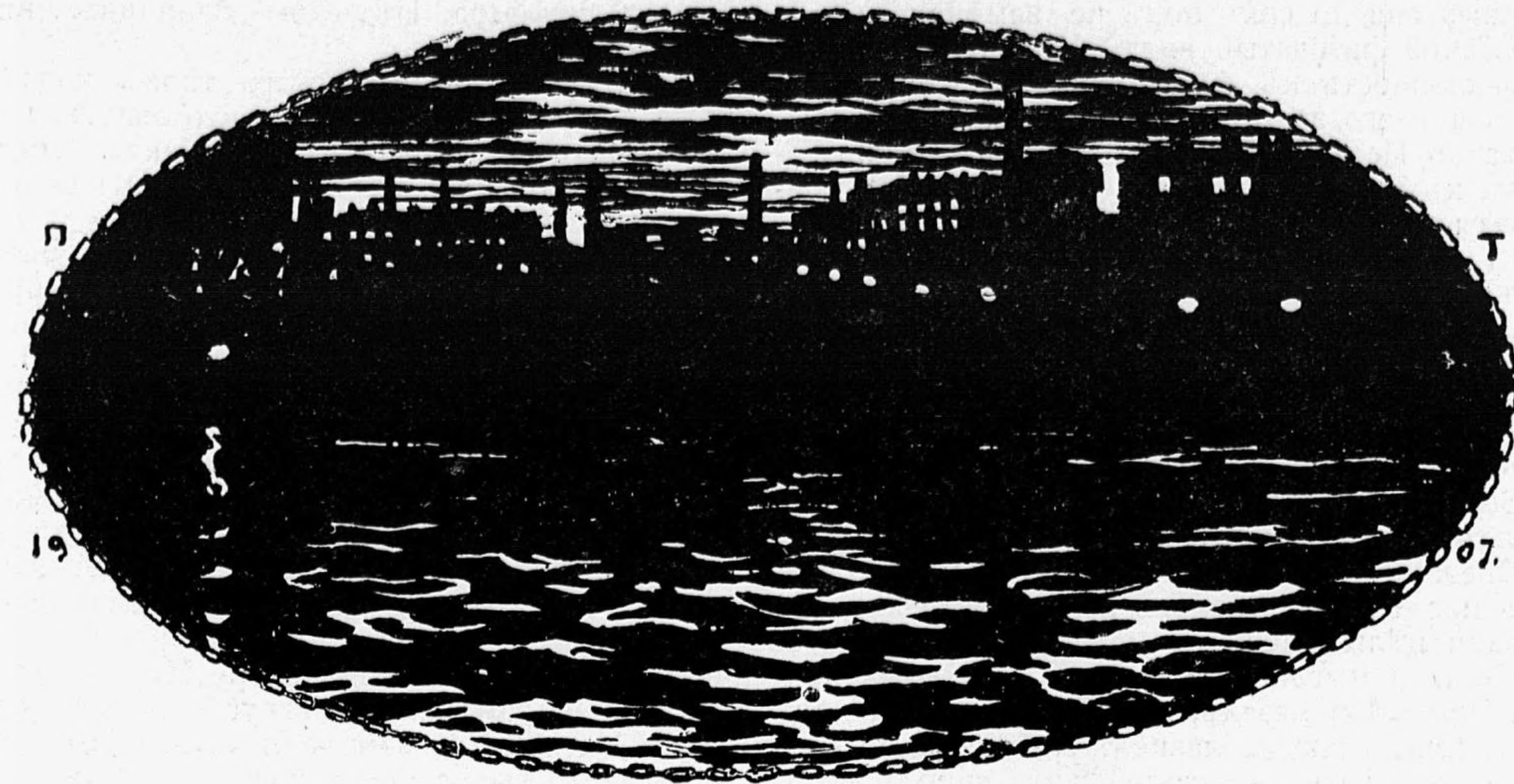
Уже не женственный, еще не мужественный.

Его рисунки такъ гармоничны.

Такъ много родственнаго у этого нѣжнаго лирика съ душой другого дебютанта этого номера—Павла Орѣшникова.

И пожалуй съ нѣкоторыми стихами Анжелики Сафьяновой.

Пріятель Л. Оссовскій и въ графикѣ, нѣкоторые образцы которой появятся въ ближайшихъ номерахъ „Весны“.

СЫНЪ

Разсказъ Е. Нагродской.

Евгенія Владиміровна искоса посмотрѣла на профиль своей старшей дочери Нади и со вздохомъ откинулась на мягкія подушки автомобиля.

Она сама не знала, отчего она вздохнула. Вотъ уже съ мѣсяцъ она чувствуетъ, что ея нервы никуда не годятся, конечно, это слѣдствіе сумасшедшей зимы, всѣ эти балы, приемы bals masqués и домашнія спектакли.

Ей это было такъ тяжело, скучно, но нельзя же было лишать дочерей веселья, она даже всегда брала ихъ сторону. когда мужъ отказывалъ имъ въ этихъ удовольствіяхъ.

— „Я удивляюсь тебѣ, Женя, какъ ты можешь изо дня въ день торчать у стѣнки и смотрѣть, какъ онъ пляшутъ—ну найми имъ „шапронезу“ какую-нибудь“,—возмущался онъ иногда.

— „Да нельзя-же, Алеша—онъ молоды, имъ хочется веселиться“,—возражала она.

— „А мы съ тобой не веселились въ молодости? То-же веселились, но и работали“.

— „Какой ты смѣшной“,—кратко улыбалась она: „наша молодость прошла при другихъ условіяхъ, что-же имъ идти служить въ почтамтъ, какъ я служила, вѣдь это-же будетъ игра.“

— „Ну пусть учатся чему-нибудь.“

— „Слава Богу, Надя высшіе курсы кончила, въ Сорбоннѣ была... чего-же еще? Нина пѣтъ учится. Вѣрно я не умѣю ничего для нихъ придумать“,—дрогнувшимъ голосомъ прибавляетъ она.

Мужъ быстро беретъ ея руку и нѣжно цѣлуетъ.

— „Не надо огорчаться, Женя, онъ еще молоды перебьются.“

Евгенія Владиміровна живетъ съ мужемъ вотъ уже двадцать четыре года, а любовь ихъ осталась такой-же какъ въ первый годъ ихъ супружества.

Николай Петровичъ женился на ней по страстной любви еще студентомъ, противъ воли родителей.

Она была бѣдная барышня, служащая въ почтамтъ, да еще съ прошлымъ, конечно, родите-

ли, возставали, но потомъ все уладилось, они ее полюбили, какъ родную дочь...

Вообще счастье улыбнулось имъ съ той минуты, когда они встрѣтились. Николай Петровичъ по окончаніи Института Гражданскихъ Инженеровъ сейчасъ же получилъ хорошее мѣсто—его таланты были замѣчены, онъ сразу пошелъ въ гору и теперь черезъ двадцать пять лѣтъ у него блестящее положеніе, средства и громкое, почти европейское имя, въ архитектурномъ мирѣ.

Она вполне счастлива въ всемъ—мужъ любить ее не меньше прежняго, у нея хорошія, милыя дочери, сынъ способный и славный юноша, всѣ здоровы, всѣ веселы...

Вотъ даже въ мелочахъ ея желанія всегда исполняются—она любитъ быструю ѣзду и мужъ подарилъ ей этотъ великолѣпный автомобиль... чего ей вздыхать?

Она опять взглядываетъ на профиль Нади.

Она сама не отдаетъ себѣ отчета, отчего ей сегодня не нравится лицо Нади.

Всѣ трое ея дѣтей похожи на отца и ихъ лица всегда были ей дороги и милы, именно благодаря, этому сходству, но отчего она только сегодня замѣчаетъ недостатки ихъ лицъ и они кажутся ей словно чужими.

Надя больше всѣхъ похожа на отца... но у нея нѣтъ этого добродушнаго, открытаго выраженія и рѣзкія, крупныя черты, такія красивыя въ мужскомъ лицѣ, дѣлаютъ женское грубымъ... И зачѣмъ она какъ то злобно поджимаетъ губы и насмѣшливо щуритъ глаза.

А вѣдь она не добрая... Умная, честная, но не добрая, холодная, злопамятная.

Евгенія Владиміровна переводитъ глаза на сидящую напротивъ, рядомъ съ братомъ, младшую дочь, Нину.

— „Нина красивѣе“,—думаетъ она: „но зачѣмъ у нея такіе круглыя глаза и вѣчно полуоткрытый ротъ? Нина добрая... но... она не умна, въ особенности когда кокетничаетъ. Гдѣ она этому научилась? И глаза-то у нея сдѣлались круглыми, потому что они малы и она старается открывать ихъ, какъ можно шире.“

Евгенія Владиміровна съ досадой переводитъ глаза на лицо сына и словно пугается...

Какъ она до сихъ поръ не замѣчала, что у него такой фатоватый видъ? У него всегда была наклонность къ франтовству, и отецъ преслѣдовалъ его за это, вышучивалъ его, а ей было жалко Петю и казалось, что отецъ несправедливъ къ нему, но сегодня она сама готова придраться къ его синему непомѣрной вышины воротнику, къ утрированно „американскимъ“ ботинкамъ и по модѣ подбритому затылку.

Она закрываетъ глаза, чтобы не видѣть лица дѣтей.

— „Отчего я сегодня злюсь?“ — мысленно упрекаетъ она себя, какъ глупо нервничать безъ причины.

Безъ причины? Она сама не хочетъ себя познать, что причина есть — сегодня 17-ое мая.

Прежде она стремилась забыть объ этомъ, а вотъ послѣдніе нѣсколько лѣтъ она все чаще и сегодня цѣлый день не можетъ отогнать этой назойливой мысли.

Много лѣтъ назадъ, глупую шестнадцатилѣтнюю гимназистку соблазнилъ блестящій молодой дипломатъ. Тетка, у которой жила сирота, устроила шантажъ. Блестящій дипломатъ собирався жениться на столь же блестящей дѣвицѣ и заплатилъ три тысячи тетускѣ, съ тѣмъ, чтобы ребенокъ исчезъ безслѣдно. Тетушка позаботилась, чтобы слѣды ребенка исчезли въ воспитательномъ домѣ. Юная гимназистка не упала на дно, какъ обыкновенно бываетъ въ романахъ, она, можетъ быть, и разбитая нравственно, осталась такой же тихой, работающей дѣвушкой, какой и была раньше, только ужъ лучше знала жизнь и людей.

Она не могла простить тетѣ, что та потеряла слѣды ребенка и ушла отъ нея. Первое острое горе прошло, жизнь вступила въ свои права и счастье пришло вмѣстѣ съ жизнью. Женя полюбила и ее полюбили.

Женя не скрывала своего прошлого и Николай Петровичъ о немъ никогда не вспоминалъ.

Первое время они дѣлали попытки найти этого ребенка, не добились ничего и рѣшили, что онъ умеръ. Она дѣлала видъ, что вѣрить этому. Вѣдь все равно, что умеръ, разъ никогда, никогда она его больше не увидитъ. Для чего мужъ, такъ ее любящій, будетъ мучиться, зачѣмъ въ минуту ея грусти онъ будетъ думать, что она вспоминаетъ о прошломъ, объ этомъ далекомъ ей, воспоминанія о немъ такъ тяжелы и неприятны.

Вѣдь не ея вина, что это маленькое существо потеряно для нея навсегда — вѣдь если-бы была ея воля, она никогда бы съ нимъ не разсталась и Николай Петровичъ тоже бы любилъ его и по своей добротѣ навѣрно бы относился къ нему, какъ къ родному сыну.

А каковъ бы былъ онъ! Ему теперь двадцать семь лѣтъ... Ахъ что не думать объ этомъ, все равно для нея онъ умеръ — процентъ смертности такъ великъ. Но выживаютъ же другіе... Вотъ у нея горничная тоже изъ воспитательнаго дома — тоже не знаетъ, кто ея родители, а попала къ добрымъ людямъ — выжила, выросла... ей теперь тоже лѣтъ двадцать семь... Хорошо, что у нея былъ мальчикъ, а то ей бы все казалось, что Маша можетъ быть ея дочь.

А если онъ остался живъ! Кто онъ теперь? Можетъ быть вотъ этотъ ихъ шофферъ.

Евгенія Владиміровна вздрагиваетъ, широко открываетъ глаза и пристально смотритъ въ за-

тылокъ шоффера. Нѣтъ онъ блондинъ... не можетъ быть...

Она брюнетка цыганскаго типа... тотъ былъ тоже смуглый брюнетъ... Но кто знаетъ, иногда дѣти похожи на дѣдовъ и бабокъ... Вонъ ея сынъ Петя тоже на дѣда больше, чѣмъ на отца — волосы рыжеватые...

Можетъ быть она встрѣчала этого ребенка, ея ребенка... можетъ быть онъ въ видѣ приказчика продавалъ ей что нибудь въ лавкѣ, можетъ быть въ образѣ лакея снималъ съ нея пальто или обойщикомъ вѣшалъ у нея портьеры и она давала ему на чай... и онъ не зналъ... не зналъ, что эта нарядная дама его мать...

Фу, что за глупыя думы... чему поможешь этими сантиментальностями, вотъ у нея отъ этихъ бесполезныхъ мукъ начинается сердцебиеніе, а сердце у нея слабое и доктора велѣтъ беречься.

Она закусываетъ губы и старается прислушаться къ оживленному спору Нади и Коли.

Они не замѣчаютъ ея грусти, ея растеряннаго вида. Неужели не замѣчаютъ. Они избалованы, заласканы, выросшіе въ холѣ. Гдѣ имъ сочувственно отнестись къ чужимъ страданіямъ, къ чужому горю, когда они даже не знаютъ, что значатъ эти слова... Если бы она сейчасъ протянула къ нимъ руки, заплакала — навѣрно они бы только удивились. Они, — чьи капризы всегда исполняются, они не въ состояніи любить... понять. Они такъ привыкли къ ея заботамъ, что требуютъ этого, какъ должнаго... Она воспитала ихъ эгоистами, и они ей чужіе!

Да, да чужіе — потому что имъ нѣтъ дѣла до нея...

А тотъ, другой — если бы она его нашла, если бы она прижала его къ своей груди... и выплакала все... какъ бы онъ, прошедшій школу горя и нужды — понялъ бы все...

Кто онъ?

Можетъ быть вотъ этотъ трамвайный кондукторъ... этотъ разносчикъ... О Боже мой... Боже мой...

Автомобиль вдругъ рѣзко затормазилъ.

— „Что такое?“ — съ испугомъ спросила она, словно проснувшись.

— „Толпа какая то“ — отвѣчаетъ Коля, высываясь изъ автомобиля.

— „Жулика поймали!“ обернулся къ нимъ съ улыбкой шофферъ, указывая на дворника, державшаго за рукавъ какого то субъекта хулиганскаго вида съ лихо надѣтой набекрень фуражкой и опухшимъ отъ пьянства лицомъ.

Субъектъ бѣшено ругался и замахивался на дворника. Дворникъ свисталъ въ свистокъ... городской спѣшилъ протиснуться черезъ толпу.

Евгенія Владиміровна вдругъ приподнялась...

— „А если это онъ!“ — чуть не вслухъ прошептала она поблѣвшими губами.

— „Что съ тобой, мама“ — спросили дочери почти въ одинъ голосъ.

— „Пустите его, пустите!“ — вдругъ истерически крикнула Евгенія Владиміровна, высываясь изъ автомобиля.

— „Мама, да ты съ ума сошла!“ — хватается Надя за руку мать.

— „Это же твой братъ!“ — не помня себя, произноситъ Евгенія Владиміровна.

— „Всѣ мы братья во Христѣ, мама, но нельзя же такъ нервничать и вѣшиваться въ скан-

даль“ — успокаивающимъ голосомъ говоритъ сынъ.

Евгенія Владиміровна хочетъ что то крикнуть, куда то броситься, но сердце ея сжимается... въ глазахъ темнѣетъ и она теряетъ сознание.

Она приходитъ въ себя уже въ своей постели.

Николай Петровичъ сидитъ рядомъ, держа ея руку. Надя, стоя на колѣняхъ смотритъ на нее.

Евгенія Владиміровна вглядывается въ лицо Нади, глаза дѣвушки заплаканы и съ тревогой смотрятъ на нее.

Милая, милая дѣвочка, какой любовью полонъ ея взглядъ, она слабо улыбается дочери и вдругъ протягиваетъ еще слабыя руки, чтобы обнять ее, прижать къ своей груди просить у нея извиненія за то злое чувство, которое нѣсколько часовъ назадъ овладѣло ею.

— „Милая“ — произноситъ она тихо.

— „Ахъ мамочка, мамочка, какъ ты насъ напугала“ — Надя говоритъ дрожащимъ голосомъ, сжимая руки матери.

— „Ну... ну, Надя, не тревожь маму“ — ласково улыбается Николай Петровичъ: — „а ты, Женя, усни — докторъ говоритъ, что это пустяки и завтра все пройдетъ — что это нервное переутомленіе“.

— „А гдѣ Нина и Петя“ — я хочу поцѣловать ихъ“.

— „Нина все не можетъ успокоиться — плачетъ... Петя ее утѣшаетъ“ — говоритъ Надя, улыбаясь сквозь слезы. „Ахъ мама, мама, какъ мы всѣ испугались... А папа еще больше насъ. Ничего, ничего, папочка — кого Петя водой отливаетъ? Онъ даетъ пить папѣ, а у самого руки трясутся“...

— „Ну... ну иди, дай мамѣ покой“ — смущенно смѣется Николай Петровичъ.

Дочь уходитъ, а Евгенія Владиміровна закидываетъ руки на шею мужа и, прижавшись къ его щекѣ, шепчетъ:

— „Они хорошіе — я ихъ люблю... люблю... я всѣхъ люблю“.

ПРОПОВѢДНИКЪ.

Разказы Н. Шебуева.

Сегодня у насъ на дачѣ гости.

Жена съ утра волнуется, Лукреція нервничаетъ, а Вовочка разбилъ любимую чашку тети Наташи.

Съ утра нашъ постоянный провизоръ (такъ Лукреція зоветъ субъекта, доставляющаго намъ изъ города провизию) натащилъ намъ вороха разныхъ предметовъ первой необходимости.

На мой взглядъ это все детали одного и того же крупнаго животного, но въ устахъ Лукреціи всѣ эти ссѣки, мягкіе края, кочерыжки, подмикитки, огузки, филеи фигурируютъ какъ нѣчто вполне самостоятельное, олухотворенное цѣлое:

— Подлецъ-ссѣкъ въ лавкѣ жирнымъ прикинулся!

— Ниче что-то всѣ филеи постятся!

— И какой въ нашъ вѣкъ огузокъ пошелъ, — никакого къ нему почтенія нѣтъ, а кусается.

Въ ея глазахъ они живутъ, ссорятся, постятся, распутничаютъ и всячески стараются надуть бѣдную Лукрецію, дѣйствуя съ провизоромъ заодно.

Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день услышу изъ устъ Лукреціи о бракосочетаніи господина Филея съ m-elle Кочерыжкой.

Впрочемъ, кочерыжка это, кажется, изъ другой оперы, — предметъ не романа г-на Филея.

Итакъ, у насъ къ обѣду изъ города гости.

— Гостей я знаю чѣмъ накормить, но Семенъ Ивановичъ!.. О, этотъ Семенъ Ивановичъ!.. Я сегодня всю ночь о немъ думала...

— Семенъ Ивановичъ, на зло всѣмъ хозяйкамъ въ мірѣ, вегетаріанецъ. Его девизъ:

— Ни рыба, ни мясо!

Но за то яйца и молоко онъ пріемлетъ, — охъ, эти яйца и молоко.

— Всю ночь у меня изъ головы не выходили яйца и молоко!

Я пытался утѣшить жену:

— На первое дай яйца въ сметку. На второе яйца въ кошелекъ. На третье крутые яйца съ молокомъ и сахаромъ!

— Ты увѣренъ, что этого достаточно?

— А если прибавить салату, овощей, фруктовъ и какой-нибудь каши, ты Семена Ивановича тогда отъ нашей дачи не отдерешь.

— Неужели онъ въ серьезъ такой привереда...

— Надо же человѣку чѣмъ-нибудь заниматься, — ну, вотъ онъ и занимается вегетаріанствомъ.

— Семену Ивановичу можно, — у него деньжищъ прорва.

— При чемъ тутъ деньги? Три четверти русскаго населенія вегетаріанствуетъ, — вся мужицкая Русь, — но развѣ можно изъ этого дѣлать выводъ о богатствѣ русскаго народа... Статистика доказываетъ...

Но жена, не дослушавъ моей статистической справки, улетѣла на кухню.

А я сѣлъ на веранду и сталъ думать о вегетаріанствѣ: — „Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, они правы, эти проповѣдники зеленаго похода на мясо. Наши мужики сплошь вегетаріанцы, а полюбуется-ка, какіе они всѣ здоровы. Да и въ экономическомъ смыслѣ и рыба, и мясо — самые дорогіе продукты. При современной дороговизнѣ жизни вообще проповѣдь вегетаріанства крупное явленіе соціальной жизни... Ба!.. Вотъ и онъ, легокъ на поминѣ!“

Семенъ Ивановичъ, тяжело дыша и отирая потъ съ лысины, грузно шелъ по аллеякъ, направляясь къ моей дачѣ.

— Задали вы, батенька, женѣ задачу. Намъ никогда не приходилось еще принимать у себя вегетаріанца. Не знаемъ, чѣмъ угощать.

— Много ли вегетаріанцу надо, — пожевалъ и сытъ. Вотъ я самъ къ ней схожу на кухню, — успокою Юлію Александровну.

Не желая оставлять гостя одного, и я пошелъ съ нимъ на кухню, хотя, признаться, ужасно не люблю видѣть въ сыромъ видѣ то, что мнѣ подадутъ на столъ.

Лукерія красная, какъ красное знамя революціонера, двигала ухватомъ какія-то посудыны, стоя у огнедышащей печки.

На кухонномъ столѣ лежала кроваво-красная горка, — я никогда не думалъ, чтобы рубленое мясо имѣло такой звѣрски алый цвѣтъ.

У стола стояла жена и, нервно перелистывала поваренную книгу съ замѣчательно удачнымъ названіемъ „Подарокъ молодымъ хозяйкамъ“.

Я знаю, что многія пожилыя, и очень пожи-

лая, хозяйки, желая казаться моложе, держать эту книгу у себя на видном мѣстѣ.

Вовочка передъ окномъ кухни дрессировалъ Чемберлешку. Съ нѣкоторыхъ поръ его идѣе fixe превратилъ нашего пса въ полицейскую собаку.

Въ программу одного синемаатографа зимой входилъ номеръ „Дрессированіе въ Англіи полицейскихъ собакъ“.

Вовочка очень жалѣетъ, что не сводилъ туда Чемберлешку: тогда бы онъ понялъ, чего отъ него хотятъ.

— Юлія Александровна! Неужели я вамъ на дѣлалъ хлопотъ! Да вѣдь вегетаріанцы самый нетребовательный народъ! Ему бы „сѣнца клокъ“, какъ Рѣпину... Ну-ну-ну, это я пошутилъ... Мнѣ даже сѣна не надо, я не лошадь... Хотя отъ овса не откажусь... У васъ есть „Геркулесъ“?.. Стыдно, стыдно... Въ какомъ хозяйствѣ нѣтъ теперь овсянки-геркулесъ... Въ такомъ случаѣ у васъ, вѣроятно, найдется пара испанскихъ луковъ...

— Я вамъ покажу, какъ устроить препикантнѣйшее блюдо, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и презабавной закуской къ водченкѣ. Вы нарѣзаете испанскій лукъ ломтиками по ширинѣ, отнюдь не по длинѣ луковички... Затѣмъ подрумяниваете его въ сухарикахъ на сливочномъ маслицѣ на сковородочкѣ. Не забудьте же посолить... Затѣмъ вы разбиваете на тонкіе кружечки пяточекъ—поджогенки яичекъ... Вотъ такъ слегка поворошите... Сырцу натрите, сверху посыпьте... перчику... Н-да... Н-да... Н-да...

Съ краской въ лицѣ жена призналась, что испанскаго лука у насъ нѣтъ.

— Не хорошо... въ хозяйствѣ какъ же безъ испанскаго лука... Простой грубъ... Ну, тогда вы мнѣ вотъ что сдѣлайте: яйца подъ бешемелью. Нѣтъ такой кухарки, которая не умѣла бы дѣлать бешемель... Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать соусъ бешемель...

Тутъ Лукреція, специальность которой была „телятина подъ бешемелью“, не удержалась:

— Простите, баринъ; а только что очень рѣдко кто изъ куфарокъ умѣетъ хорошо подобишемелить мясо... Развѣ только куфарки за повара... Да и у поваровъ не у всѣхъ удастся... Отрыгнуть водой, и хоть ты плачь... Съ большимъ порокомъ эта самая бишемель...

— Ну, я не за повара, а у меня бы удалась... Чего же тутъ хитраго: масло, мука, молоко...

Лукерья, красная, растрепанная, вдохновенно закричала:

— Вотъ и отрыгнеть!.. Безпремѣнно отрыгнеть... Ежели не пробовали, безпремѣнно отрыгнеть... Ты на нее, проклятую, чуть-чуть не потрафь, она тебѣ покажетъ...

Семенъ Ивановичъ, желая прекратить зашедшій далеко диспутъ, словно только что замѣтилъ кроваво-красную кучку на столѣ и, патетично указывая на нее, заговорилъ:

— Господа! уведите меня отсюда! Неужели вы можете выносить это зрѣлище... Меня тошнитъ... Видъ этого сырого мяса... и кровь, кровь... Ну, развѣ хоть одно вегетаріанское кушанье въ сыромъ видѣ имѣетъ такой отвратительный видъ...

Жена странно улыбулась. А Лукреція начала неприличнѣйшимъ образомъ, по-бабьи, хохотать.

— Да вѣдь это для васъ... вѣдь это барыня для васъ...

Семенъ Ивановичъ вспыхнулъ:

— Для меня! Но вѣдь я органически не выношу мяса...

— Это и не мясо... ха-ха-ха... Это рубленая свекла...

Признаться, я самъ не ожидалъ такого финала и былъ увѣренъ, что это мясной фаршъ, и все искалъ въ кухнѣ фиговый листочекъ, которымъ могъ бы прикрыть отъ взоровъ Семена Ивановича неприличное для вегетаріанца зрѣлище.

Я поспѣшилъ увести изъ кухни чуточку сконфуженнаго вегетаріанца, и мы направились въ садъ.

Было очень кстати, потому что у калитки мы замѣтили гостей,—значитъ, поѣздъ пришелъ.

— А мы вотъ все бранимъ вашу желѣзную дорогу!—привѣтствовала меня м-ше Крапоткина.

— Да, ужъ дорожка,—подхватили прочіе.

Хотя я и не считалъ себя собственникомъ желѣзной дороги, но все-таки счелъ нужнымъ вступить за нее.

Потомъ напали на городскую погоду,—очевидно, желая изъ любезности дать возможность мнѣ отыгаться.

Я дѣйствительно доказалъ, что климатическія условія нашей дачи въ нѣсколько разъ выгоднѣе условій Петербурга.

Затѣмъ всѣ приторными голосами начали хвалить нашу дачу и сравнивать ее со своею прошлой годней.

Я боялся, что весь запасъ обще-дачныхъ темъ изсякнетъ раньше, чѣмъ придетъ жена, какъ вдругъ спохватился:

— Господа, что же вы не поздравляете Семена Ивановича!..

— Поздравляемъ, поздравляемъ... Хотя не догадываемся съ чѣмъ.

— Да вѣдь онъ вегетаріанецъ...

Семенъ Ивановичъ стоялъ именинникомъ. Самодовольно улыбаясь, принимая поздравленія гостей, хотя, признаться, многіе изъ поздравителей не безъ оттѣнка ироніи и даже сожалѣнія отнеслись къ новости.

— Вегетаріанецъ!—это звучитъ совсѣмъ, какъ вольтерьянецъ!

— Съ какихъ же это вы поръ сдѣлались вегетаріанцемъ?

— А икру можно?

— Чѣмъ же вы водку закусываете? Не сѣномъ же?

— Что васъ заставило?..

— Посмотримъ, чѣмъ то васъ Юлія Александровна накормитъ! Ни рыба, ни мясо... Вѣдь это похоже на дѣтскую игру: „Барыня прислала сто рублей, что хотите—то купите. Черное съ бѣлымъ не берите, „да“ и „нѣтъ“ не говорите“...

Пока устанавливали точную хронологическую дату вегетаріанства Семена Ивановича, вошла Юлія и заявила, что въ общихъ чертахъ меню для Семена Ивановича выработано.

Короннымъ блюдомъ предполагались яйца подъ бешемелью, затѣмъ шли грибы въ сметанѣ, грибы маринованные, фаршированная рѣпа, салатъ, рѣдька со сметаной, спаржа подъ сабайономъ и мороженое.

— Значитъ, сѣна не будетъ!—разочарованно протянула м-ше Крапоткина.

— Я и покойный Толстой, мы изъ неприемлющихъ сѣна!—отозвался Семенъ Ивановичъ.—Меню Юліи Александровны мнѣ очень нравится.

Хотя я не прочь бы попросить овсянки или геркулеса, безъ которыхъ обычно не сажусь за столъ.

До обѣда разговоръ не клеился. Всѣмъ, видимо, хотѣлось поскорѣе посмотреть, какъ это человѣкъ будетъ вегетаріанствовать.

Самъ Семенъ Ивановичъ тоже, видимо, нервничалъ,—боясь очутиться не на высотѣ своего положенія, хотя и увѣрялъ, что „это совсѣмъ не опасно“ и „совсѣмъ просто“.

Передъ самымъ обѣдомъ на веранду ворвался Вовочка съ Чемберлешкой:

— Отрыгнула! Отрыгнула! Мамочка! Отрыгнула!

Гости, не понимая въ чемъ дѣло, переглядывались иронически между собой. Но мы втроемъ: я, жена и Семенъ Ивановичъ сразу поняли, что рѣчь идетъ о коронномъ блюдѣ вегетаріанскаго меню.

Жена немедленно скрылась на кухню.

Удивительно мѣтко и картинно выражается нашъ простой народъ. Яйца подъ бешемелью, не задавшіяся на этотъ разъ Лукреціи имѣли дѣйствительно такой гнусный видъ, что даже Чемберлешка долго косилась на нихъ прежде, чѣмъ рѣшилась попробовать это блюдо.

За обѣдъ сѣли дружною семьею,—съ веселымъ щебетомъ проголодавшихся путешественниковъ,—наша желѣзная дорога прекрасное возбуждающее аппетитъ средство.

— По моему, водка безъ селедки немыслима!—глубокомысленно изрекъ Иванъ Андреевичъ.—Я даже удивляюсь, почему государство, додумавшись до монополіи водочной, не додумалось до монополіи селедочной!..

По нашему мнѣнію, все выпивально-закусочное слѣдовало бы монополизировать и буфеты превратить въ присутственные мѣста!

— Да. Откровенно говоря, буфеты и теперь самыя присутственные мѣста. Въ присутственномъ мѣстѣ ни одной бумажки вы не можете подать безъ приложенія къ оной гербовой марки. А въ буфетахъ ни одного куска въ ротъ не можете взять безъ приложенія къ оному казенной рюмки. И еще большой вопросъ, гдѣ присутствуютъ больше: въ буфетѣ или иныхъ присутственныхъ мѣстахъ. И еще большой вопросъ: что даетъ больше дохода...

— А я—грибочкомъ! Для меня ни икра, ни селедка не существуетъ...

— Икра, извините, ни для кого изъ насъ въ данную минуту не существуетъ, потому что она не подана,—нетактично сострилъ Петръ Петровичъ,—но селедочка съ помидорчикомъ и лучкомъ штука полезительная...

— Раньше я самъ любилъ. Но теперь запаха селедочнаго не могу выносить. Имѣете ли вы представление о Беззубиковскихъ рыбныхъ кладбищахъ?.. Это, видите ли, близъ Астрахани... Когда слишкомъ богатъ уловъ, рыбу въ землю закапываютъ, чтобы ни себѣ, ни людямъ и цѣну чтобы не сбивать... Ну, вотъ отъ такихъ рыбныхъ кладбищъ вонь идетъ на сто верстъ... Кто разъ этой вони понюхалъ, того отъ селедки тошнитъ... Какъ вы ее ни украшайте, а все таки мнѣ кажется, что ее только что изъ кладбища отрыли...

— Фи! Семенъ Ивановичъ!.. Развѣ можно за столомъ такія вещи...—пропищала жена Ивана Андреевича.—Мнѣ сразу селедка противной сдѣлалась... А вамъ, полковникъ?

— А у насъ въ полку вотъ какой анекдотъ былъ.. Посылаетъ офицеръ денщика въ лавку за селедкой... Ты, гритъ, смотри, самую лучшую выбирай... Впрочемъ, pardon, дальше не для дамъ. Послѣ обѣда расскажу...

— А грибочки-то маринованные, видно, за мной останутся! Я вижу тутъ семгу, балыкъ, шпроты, кильки, омары, словомъ, цѣлое беззубиковское кладбище... Вижу и содрогаюсь: вѣдь все это продукты разложенія въ разной степени... Ихъ послали, чтобы они не такъ быстро портились... Но уже самый запахъ...

— Позвольте... Запахъ ничего не доказываетъ... Вотъ вамъ извольте вашу рѣдьку со сметаной... Ужъ, кажется, вегетаріанская прелесть... А воняетъ, съ позволенія сказать... обструкціей...

— Вы рѣдьку оставьте въ покоѣ. Нападать на рѣдьку даже не патриотично... Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ безъ рѣдьки за столъ не садился... У него по штату даже чиновникъ особыхъ рѣдекъ полагался... Отъ рѣдьки дѣйствительно пахнетъ... Но развѣ это трупный запахъ!.. Пахнетъ скорѣе гнилымъ помѣщеніемъ, а не мертвецкой... Вотъ вы взяли балыкъ, и онъ блеститъ, какъ поповская лысина... Жирный, лоснится... Я ничего не говорю... О вкусахъ не спорять... Но если вы будете на рѣдьку или рѣдису нападать, я вамъ насчетъ вашихъ омаровъ такое расскажу, что вы...

— Семенъ Ивановичъ... Пошадите... Вы насъ такъ всѣхъ аппетита лишите...

— Матушка, Юлія Александровна. Я—вегетаріанецъ. И долженъ я честь вегетаріанцевъ отстаивать. Развѣ я чтонибудь про семгу скажу,—многіе гастрономы любятъ, чтобы семга была съ душикомъ... а по моему...

— Господа!—перебилъ полковникъ:—у насъ въ полку вотъ эту штуку зовутъ „ее же и монаси приѣмлютъ“, очевидно, она вегетаріанская, а потому наливомъ и выпивомъ...

— А у меня разъ такой курьезъ былъ. Наилася горничная... Ничего себѣ, смазливенькая... Подаетъ паспортъ, а на немъ приписка. „Ее же и монаси приѣмлютъ“. „Что, говорю, это значитъ“. А она въ слезы: „У лавры жила... Одинъ монашекъ-озорникъ приписалъ. Весь паспортъ испортилъ. Нигдѣ не берутъ“... Ну и я не взялъ...

— Не хотите ли вы сказать... ха-ха-ха... Что это ваша горничная вегетаріанская штучка...

Налили еще по одной.

— Почему же, господа, вы семгѣ не оказываете чести... Семгу жена сама покупала...

— Петръ Петровичъ, а вы ее перчикомъ, перчикомъ...

— Въ писаніи сказано: „не пепши вепша пепшемъ, пшепепшишь вепша пепшемъ“...

Вообще разговоръ началъ налаживаться. Всѣ остроли, дѣлали видъ, что слышатъ эти остроты въ первый разъ.

— Не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать послѣ завтра...—сказалъ Иванъ Ивановичъ, наливая по четвертой, а можетъ быть, и по пятой.

Семенъ Ивановичъ, не отставая отъ другихъ, закусывалъ рѣдечкой, грибами и помидорчиками съ лукомъ.

Все время мнѣ казалось, что онъ хочетъ что то сказать, но все сдерживается.

Услышавъ возгласъ Ивана Ивановича, онъ вздрогнулъ и быстро всталъ.

— Господа! Это правда. Не слѣдуетъ откладывать до завтра то, что можно, нужно и должно сдѣлать сегодня!.. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я жду момента для активного выступления!..

Мнѣ показалось, что Семенъ Ивановичъ точку краснѣе нормального,—неужели пять рюмокъ на него такъ подѣйствовали,—положимъ, жарко, да еще на вокзалѣ онъ, ожидая поѣздъ, парочку пропустилъ.

— Пассивный способъ борьбы не ведетъ ни къ чему. Рѣшительнѣе стѣнъ сѣна, но кого увлечь онъ своимъ молчаливымъ жеваніемъ... Нужно говорить, говорить, говорить... Россія страна вегетативная по преимуществу... Всякое убійство противно природѣ человѣка... Вотъ насъ здѣсь... разъ-два-три... тринадцать!..

— Ахъ!—воскликнула тѣ Крпоткина.

— Не можетъ быть... На столѣ было четырнадцать приборовъ!..

— Семенъ Ивановичъ себя не сосчиталъ!..

Всѣ успокоились. А Семенъ Ивановичъ продолжалъ:

— Насъ здѣсь четырнадцать человѣкъ... Въ состояніи ли кто-нибудь изъ насъ взять ножъ и зарѣзать, ну, хоть вотъ эту собаченку... (онъ указалъ на Чемберлешку). Никто... Я увѣренъ, никто!.. Почему же?.. Да потому, что Чемберлешку нельзя ѣсть... А между тѣмъ мы каждый день убиваемъ по нѣскольку животныхъ... У одного отрѣжемъ голову, у другого изъ ляжки вырѣжемъ кусокъ, у третьяго вытянемъ жилы... — Позвольте... Вы сгущаете краски!.. пробасилъ полковникъ:—это дѣлаемъ не мы, а мясники...

— Вы хотите свести вину на палачей... Мясники, это—находящіеся у васъ на службѣ палачи, а чью волю творятъ они!.. Чью волю!.. Кто приговариваетъ къ смертной казни!.. Каждая хозяйка, составляя меню, произноситъ, не поморщившись, нѣсколько смертныхъ приговоровъ... Подали супъ и пирогъ съ курицей.

— Вотъ сегодня, напримѣръ, ради васъ, господа, Юлія Александровна произносила, по крайней мѣрѣ, десятокъ смертныхъ приговоровъ... — Семенъ Ивановичъ!—умоляюще протянула жена.

— Простите, Юлія Александровна... но я долженъ окончить начатое активное выступленіе... Мы, вегетарианцы—люди будущего!.. Мы апостолы новой красоты... футуристы!.. Революція неудалась потому, что ее начали не съ того конца... Надо начинать съ желудка...

— Семенъ Ивановичъ разсуждаетъ, какъ китаецъ... У китайца животъ считается выше головы...

— Господа, были ли вы когда нибудь въ моргѣ... Помните, какъ Свенгали въ „Трильби“ описываетъ это складочное мѣсто человѣческихъ труповъ... Посинѣвшіе, опухшіе, скрюченные, съ застывшими судорогами...

— Семенъ Ивановичъ, пощадите!.. Причемъ тутъ моргъ!—воскликнулъ я, желая урезонить подвыпившаго вегетарианца.

— Какъ, причемъ!.. А откуда же вотъ этотъ супъ! Откуда вотъ этотъ пирогъ!.. Откуда те лячки котлеты!.. Развѣ мясная лавка не тотъ же моргъ! Посинѣвшіе, очоленѣвшіе трупы животныхъ висятъ въ самыхъ безобразныхъ позахъ... Ахъ, это хуже чѣмъ моргъ. Въ моргѣ на трупы

покойниковъ падаетъ все время струя холодной воды, чтобы не такъ скоро разлагались, а въ вашихъ моргахъ и того нѣтъ...

— Ахъ!—упала въ обморокъ тѣ Крпоткина и жена Ивана Андреевича.

Юлія сидѣла блѣдная и, вздрагивая, смотрѣла на меня глазами великомученицы.

— Ммолчать!—раздалось властное громовое приказаніе полковника.—Если вы произнесете еще одно слово, я за себя не ручаюсь...

— Это безобразіе! Онъ у меня весь аппетитъ отбилъ!

— Это возмутительно! Развѣ мыслимо обѣдать подъ такую музыку...

Семенъ Ивановичъ сразу спалъ съ тона проповѣдника и виновато оправдывался:

— Господа!.. Я только назвалъ вещи ихъ собственными именами... Развѣ же вы не труповѣды... Ну, хотите я васъ буду называть мясовѣдами...

— Ммолчать!..

— Господа, позвольте... Я вамъ добра желаю...

— Ммолчать!.. Или я изъ этого вегетарианца сдѣлаю бифштексъ съ кровью...

— Господа...

— Ммолчать!.. Или я изъ него сдѣлаю трупъ. Произошла паника.

Часть гостей бросилась къ Семену Ивановичу, часть къ полковнику.

Въ результатѣ... видалъ я неудачные обѣды, но такой неудачный обѣдъ въ моей практикѣ былъ въ первый разъ. Всѣ перессорились.

И Семенъ Ивановичъ и полковникъ не только перестали у насъ бывать, но даже кланяться со мной перестали.

Но на меня лично проповѣдь Семена Ивановича оказала большое вліяніе. Я пересталъ ѣсть и рыбу и мясо.

Но, Боже меня упаси, заикнувшись въ обществѣ, что я вегетарианецъ.

Если ты вегетарианецъ,—молчи; и благо тебѣ будетъ и долготѣнъ будешь на землѣ.

Но если ты захочешь „сворачивать“,—горе тебѣ. Въ Россіи до свободы желудка еще далеко.

Н. Шебуревъ.

ДАГМАРА.

Часто сижу послѣ обѣда у себя на диванѣ, охвативъ колѣни руками, и думаю, думаю... Ни говорить, ни писать не хочется. Полосками смутнаго пріятнаго тумана скользятъ мимо обрывки другой жизни, случайной, не той, которой живу въ этой проклятой провинціи, и потому, конечно, лучшей. Входитъ мать, ставитъ на письменный столъ стаканъ чернаго кофе съ печеньемъ и, какъ всегда, говоритъ:

— Ну, сынокъ, будешь сейчасъ исправлять тетради... Надоѣли онъ тебѣ, а?

Каждый день говоритъ она это. Я съ тоской смотрю мимо нея, въ уголъ, гдѣ за старымъ чемоданомъ уже давно виситъ сѣрая паутина, и думаю, думаю. Все о той, случайной, и потому, конечно, прекрасной жизни. Мнѣ кажется, что если я буду жить такой жизнью хоть два-три раза въ годъ, я сумѣю прожить еще много лѣтъ, и что если этого не будетъ, то умру слѣдующей весной. Какъ обреченный чахоточный. И никто, абсолютно никто не пойметъ, почему это случится.

Полосками смутнаго пріятнаго тумана скользятъ обрывки другой, прекрасной жизни... Сейчасъ ясно вижу передъ собой то, что было очень недавно. Маленькую, уютную и изящную квартиру въ пятомъ этажѣ огромнаго дома въ холодномъ сѣверномъ городѣ. И въ этой квартиркѣ—длинную узкую гостиную съ хрупкой, вѣчно опрокидывающейся мебелью. Могла бы быть эта комната скорѣе будуаромъ выхоленной, красивой женщины изъ тѣхъ, что любятъ щеголять мнимымъ декаденствомъ и увѣщиваютъ стѣны длинными изображеніями небывало-тонкихъ женщинъ съ египетскимъ профилемъ и бронзовымъ цвѣтомъ кожи, а столики уставляютъ стилизованными статуэтками—символами человѣческихъ страстей. Но, когда я пріѣхалъ, все тутъ было земное, слишкомъ даже земное. Добрѣйшая Аполлинарія Ивановна, хозяйка квартиры и моя дальняя родственница, чуть не задушила меня привѣтственными поцѣлуями, въ столовой лежалъ послѣдній номеръ газеты съ обведеннымъ краснымъ карандашомъ объявленіемъ о средствѣ противъ перхоти, а въ узкой гостиной лежало на кушеткѣ неприбранное постельное бѣлье и торчали въ цилиндрѣ горѣвшей лампы щипцы для завивки. Минутъ черезъ пять вышла Дора, дочь Аполлинарія Ивановны, спокойно и крѣпко поцѣловала меня въ губы и сказала:

— Ну, вотъ, хорошо, что пріѣхалъ.

Я зналъ, что пріѣхалъ сюда, за тысячу верстъ, для Доры, и только для нея. То, что увижу въ великолѣпномъ театрѣ талантливыхъ артистовъ, буду дышать тѣмъ же воздухомъ, какимъ дышатъ десятки тысячъ нервныхъ, постоянно спѣшащихъ и постоянно получающихъ что то новое, а потому почти счастливыхъ, людей—не казалось теперь уже важнымъ, какъ это рисовалось тамъ, дома.

Весь день слѣдили за мной и мучительно ждали большіе сѣрые лучистые глаза. Ждали, о чемъ я буду говорить и что буду дѣлать. А говорили мы весь день глупости, потому что были тутъ Аполлинарія Ивановна и еще какая то незнакомая Оттилія Фердинандовна, подруга Доры, влюбленная въ нее нездоровой любовью „обожжающей“. Послѣ ужина Дора быстро сказала мнѣ:

— Видишь, какъ глупо все складывается. Положительно не могу поговорить съ тобой какъ слѣдуетъ. Твоя ревнуетъ ко всѣмъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ. Такъ глупо вышло, такъ глупо... Ну, цѣлуй...

Потомъ она вбѣжала въ свою комнату и рѣшительно накинута крючокъ. Я раздѣлся, легъ и закурилъ. Слышны были за стѣной отрывистыя фразы Доры и усталый, полный упрека голосъ Оттиліи, очевидно устраивавшей меланхолическую сцену въ духѣ „Вертера“. Потомъ обѣ почему то коротко засмѣялись, и стало тихо.

Уже засыпая, еще разъ вспомнилъ о томъ, что два года назадъ въ послѣдній разъ видѣлъ Дору. Было это влажнымъ августовскимъ вечеромъ, когда ѣхали мы полемъ въ дрожкахъ; Дора откинула голову мнѣ на плечо, и я цѣловалъ ее долго, томительно долго. И былъ въ ту минуту почти счастливъ.

Утромъ проснулся отъ того, что вбѣжала безъ кофточки Дора и поцѣловала меня въ шею. Крѣпко пахло отъ нея холодной водой и здоровымъ тѣломъ. Я притянулъ ее къ себѣ, но въ эту секунду голосъ Оттиліи пропѣлъ за стѣной:

— Дора, гдѣ же ты?

— Сейчасъ! Иду ужъ!

Она высвободилась и убѣжала. За кофе обѣ подруги сидѣли строгія, здоровыя и безучастныя. Смотрѣлъ я на нихъ, и стало мнѣ противно ме-

лочное рабство такой чудесной, свободной дѣвушки, какъ Дора.

Потомъ Оттилія пошла писать письмо, а я усадилъ Дору на кушетку, медленно цѣловаль въ ладонь ея полную, мягкую руку и говорилъ:

— Неужели, лукавый цыпленокъ, ты не понимаешь, какъ всякая подруга можетъ нивелировать человѣка. Вѣдь ты же чувствуешь себя несвободной ни съ ней, ни со мной. И выходитъ страшно пошло, потому что приходится постоянно быть неискренней.

— Я знаю, милый, но... понимаешь, я ничего не скрываю отъ Тили... и потомъ... это только теперь...

— А... рассказывай...

Дора виновато посмотрѣла на этажерку съ книгами, потомъ заахала, вспомнивъ, что надо дѣлать какую то мудреную мазурку, и убѣжала. А я чувствовалъ, что напрасно пріѣхалъ и что надо скорѣе уѣзжать.

Днемъ писалось очень хорошо. Удачно заканчивался давно начатый маленькій этюдъ. Около двѣнадцати часовъ рѣзко затрещалъ звонокъ въ передней. Потомъ послышались громкіе дѣвичьи голоса. Я сразу узналъ немного крикливый голосъ шестиклассницы Маруси, сестры Доры; другой былъ низкое конральто сънеобыкновенно мягкими переливами. „Такъ, должно быть, говорили королевы Брунгильда и Кримгильда въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“—мелькнуло у меня почему то. Маруся крѣпко, по мальчишески пожала мнѣ руку и сейчасъ же ушла. Подруга ея неловко замаялась передо мной: не знала, что сказать. Наконецъ, быстро метнула взглядомъ по столу:

— Пишете?

— Пишу.

— Что?

— Рассказъ.

Дѣвушка чуть-чуть вздрогнула, какъ будто увидѣла что то неожиданное и немного страшное. Потомъ неувѣренно протянула:

— Такъ вы писатель? А мнѣ Маруся сказала, что вы—просто родственникъ... да еще дальній

Ну, а развѣ родственникъ не можетъ быть писателемъ?

— Не знаю.

Потомъ густо покраснѣла и воскликнула:

— Можетъ, конечно можетъ!

Теперь только я замѣтилъ, что она была хороша, хотя и не правильной красотой. Замѣтилъ я еще, что она не отворачивалась и не конфузилась, когда я пристально всматривался въ нее. Знала, конечно, что стоитъ того, чтобы смотрѣть на нее. Была она высокій, нескладный, еще несформировавшийся подростокъ, но въ самой нескладности ея и угловатости движеній было столько углубленно-женственного, сколько я отъ души пожелалъ бы моей будущей женѣ. Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка совсѣмъ привыкла ко мнѣ, и когда я смотрѣлъ въ ея синіе, немного влажные—но влагой дѣвичьей—и каждую минуту готовые къ радости глаза,—я съ тяжелой досадой чувствовалъ, что любой негодяй—мужчина легко сможетъ придать этимъ дивнымъ глазамъ отгѣнокъ грѣха и безстыднаго желанія.

—Я тутъ посижу... Я хочу посмотрѣть, какъ вы будете писать... Можно

—Можно, конечно... Только ничего особен-

наго тутъ нѣтъ. Сидите, сидите... Не знаю, какъ васъ...

—Меня зовутъ Дагмарой—Перебила она быстро.

—Ну, вотъ... Сидите, Дагмарочка—сказалъ я и подумалъ: „такъ и надо называть ее: никогда не обидится“.

Она коротко засмѣялась, откинувшись на спинку кушетки и полузакрѣла глаза. Помню, что перо мое скрипѣло по бумагѣ, но что я писалъ—я не зналъ. Зато хорошо зналъ, что захоти Дагмара—и я затребую по телеграфу продлить отпускъ и останусь здѣсь сколько угодно. Потомъ Дагмара совсѣмъ закрыла глаза и медленно произнесла:

—Я въ шестомъ классѣ и не люблю писать сочиненій на курсовыя темы... Но у насъ учитель словесности такой, что я могу писать и на эти темы. Если бы вы знали, какой замѣчательный, хороший...

Въ эту минуту вбѣжала Маруся и не дала ей докончить. Пошли въ столовую. Оттилія, какъ всегда, была апатична ко всему. Зато Дора насмѣшливо и снисходительно поглядывала на Дагмару и, видно, страшно злилась. Меня взорвала эта гаденькая недоброжелательность женщины къ другой женщинѣ, съ Дорой я за обѣдомъ не сказалъ уже ни слова, и въ этотъ же вечеръ рѣшилъ отомстить ей. Дагмарѣ налили кларету, она жеманно отпивала его микроскопическими глоточками, и мнѣ это не понравилось: такъ конфузятся всѣ банальные подростки—дѣвушки, попавшіе въ большой семейный домъ. Ъсть я почти не могъ: съ радостью думалъ о томъ, что Дагмара видитъ меня въ первый разъ и уже рассказала о любимомъ учителѣ и что, значить, она инстинктивно довѣряетъ мнѣ. Дора нѣсколько разъ демонстративно—громко шепнула что то на ухо флегматично жевавшей Оттиліи, но я не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Въ концѣ обѣда горничная подала Дорѣ телеграмму; та распечатала и моментально побѣлѣла, какъ тотъ пломбиръ, который только что сосредоточенно смаковала маленькой серебряной ложечкой; потомъ сорвалась со стула и вмѣстѣ съ Оттиліей таинственно ушла въ свою комнату.

—Что съ Дорой Николаевной?—спросила участливо Дагмара.

—Не знаю... Непріятость какая нибудь... отвѣтилъ я, хотя отлично понималъ въ эту минуту, что у Доры есть тамъ въ ея городѣ, любовникъ, и что теперь, если я захочу, она сегодня же подробно расскажетъ мнѣ объ этомъ.

Потомъ черезъ столовую въ гостинную быстро прошла Дора съ листочкомъ бѣлой бумаги и чернильницей, но въ эту минуту не было у меня жалости къ ней, и я нарочно громко сказалъ:

—Теперь, Дагмарочка, выпейте бѣлаго крымскаго. Ну, сдѣлайте это, потому что Богъ его знаетъ, когда еще мнѣ придется обѣдать съ вами... Правильно!

Дагмара засмѣялась коротко и заразительно. и при этомъ круглилась милая ямочка какъ разъ по срединѣ подбородка и сильно надувалась вертикальная жилка на лбу надъ переносицей; только о страстности эта жилка не говорила, а если и говорила, то о необычайно скрытой, такой какая выявится когда нибудь потомъ; и эта было хорошо, потому что это было—въ ожиданіи.

Сейчасъ же послѣ обѣда Дагмара собралась уходить домой. Я помогъ ей натянуть старенькую шубку; потомъ взялъ въ руки ея узенькую лапку и сказалъ искренно, какъ можетъ быть не скоро скажу:

— Карточку вашу хочу имѣть обязательно. Если хотите мнѣ сдѣлать очень, очень пріятное—пришлите.

Дагмара неувѣренно взглянула на меня. Рука ея чуть-чуть задрожала въ моей.

— Всякому хотѣнію есть терпѣніе... Ну, а вы что?

— Боже мой! Что хотите! Хотите—я вамъ первый рассказъ пришлю; тотъ самый, что писалъ сегодня...

Она подумала, потомъ медленно сказала:

— Посмотримъ.

А по глазамъ я видѣлъ, что карточки она мнѣ не пришлетъ, и что для нея—молодой и чистой—достаточно было нѣсколькихъ злыхъ взглядовъ Доры, чтобы растерянно отойти отъ меня, отъ моей души. Завтра она совсѣмъ забудетъ меня. И теперь уже знала моя душа, что не увижу больше Дагмары...

На порогѣ гостиной стояла Дора и перечитывала отвѣтную телеграмму. Я заглянулъ черезъ плечо и прочелъ: „Не могу пріѣхать. Страдаю одна. Жди. Д.“ Дора отнесла телеграмму на кухню, потомъ подсѣла ко мнѣ и вопросительно заглянула въ глаза. Но я холодно сказалъ:

— Никогда не думалъ, что у женщины эмоции половой жизни могутъ противъ ея воли такъ отразиться на лицѣ. Вотъ, тебѣ за обѣдомъ надо было скрыть это и пришлось даже уйти изъ-за стола... Давно ты живешь съ нимъ?

— Годъ... Но я его рѣдко вижу... Ну, что тебѣ?.. Глупенькій и безстыдненькій...

Потомъ вдругъ сдвинула брови и отрывисто бросила:

— Впрочемъ... иди... иди къ своей Дагмарѣ!

Въ эту минуту я совершенно не понималъ Доры, не понималъ раздвоеннаго, бездушнаго существа женщины.

Вечеромъ Аполлинарія Ивановна ушла въ гости, и я сдѣлалъ то, что задумалъ еще за обѣдомъ: купилъ полъ-литра дорогого мараскина, мандариновъ, забрался съ дѣвками въ ихъ комнату и сталъ пить. Оттилія очень скоро засопѣла и захлопала глазами. Но я никогда не прошу себя своей жестокости въ тотъ вечеръ.

Безвольно, какъ гипнотизированная, пила Дора адски-дурманящій, жгучій мараскинъ, а я цѣловаль ея липкія отъ сладкой тягучей жидкости губы и говорилъ, чеканя каждое слово:

— Слушайся меня... Пей... Ты уже хорошо знаешь любовь... Но ты живешь неправильно... Ты живешь одинокая... А между тѣмъ часто бываешь по вечерамъ въ легкомъ театрѣ... И потомъ ночью страдаешь, кусаешь подушку... И вотъ ты не имѣешь права трогать бѣдную дѣвушку, злобно смотрѣть на нее. Потому что она выше этого. А помнишь? Шейка у Дагмары точеная и нѣтъ на ней жилко. Вся какъ изъ кремоваго алебаstra. И когда наклоняется, то изгибъ дѣвичій, не чувственный. И нагибается Дагмарочка потому, что очень хочется узнать ей побольше отъ людей, въ которыхъ она еще наивно вѣритъ. Не надо ей говорить о томъ, что

у ней такой изгибъ и что это—прелестно. Пусть еще долго-долго спрашиваетъ у людей—честныхъ и безсовѣстныхъ—о томъ, чего не можетъ еще понять нѣжнымъ своимъ чутьемъ шестнадцатилѣтней.

Я низко склонился надъ Дорой, упорно смотрѣлъ ей въ глаза и ждалъ, что она наконецъ возмутится, вытолкаетъ меня изъ комнаты... Страшно хотѣлъ этого. Но она блаженно сосала ломтикъ мандарина и шептала мнѣ:

— Глупенькій, безстыдненькій...

Мнѣ стало жаль ее, и я ушелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ проходилъ до пяти часовъ утра. Все время думалъ о Дорѣ и Дагмарѣ и о томъ, кому изъ нихъ будетъ лучше въ жизни... И уже подъ утро въ утомленномъ мозгу зашелестѣло тихо, тихо: „ничему никогда не нужно учить этихъ дѣвушекъ, потому что въ досадную пустоту равнодушія могутъ уйти всѣ мои хорошія слова имъ. У Доры—навѣрное, У Дагмары—можетъ быть...“

Уѣхалъ я на другой день съ вечернимъ поѣздомъ къ себѣ, на югъ, за тысячу верстъ. Лица женщинъ, бывшихъ на вокзалѣ—богатыхъ и бѣдныхъ, красивыхъ и некрасивыхъ—показались мнѣ нездоровыми и зеленоватыми. И даже въ вагонѣ я помѣнялся плацкартой, чтобы не ѣхать только въ одномъ отдѣленіи съ женщиной. Противно было. На верхнихъ полкахъ уже лежало три прасола изъ Полтавской губерніи; они ѣли селедку, громко рычали, а потомъ сняли на ночь съ натруженныхъ ногъ валенки и стали долго и тупо считать засаленныя кредитки.

Я думалъ о Дагмарѣ. Блеснула она минутно въ моей скучной жизни и ушла. И теперь хорошо думалось о чистыхъ, простыхъ дѣвушкахъ; тихихъ, какъ замороженная въ раннее предутріе молодая березовая рощица; слезы свѣтлой росы замерзли на дѣвственныхъ стволахъ, и, когда взойдетъ солнце, сверкая стекаютъ въ нѣжную утреннюю траву...

Уже совсѣмъ сумеречно.

Я сижу и думаю. Думаю и не знаю, вѣдь, совсѣмъ не знаю, что такое Дагмара. Я видѣлъ ее только одинъ день, но странно: о ней помню тогда, когда въ другихъ случаяхъ совсѣмъ не думалъ о случайно встрѣтившихся дѣвушкахъ. И я не знаю, почему упорно вижу ее, милую, чистую Дагмару. Уже зашло солнце за сосѣдней тополевой рощей и тѣни медленно расходятся и уютно ложатся по угламъ комнаты. Сквозь верхнюю раму окна вижу легкіи сѣрыя тучи; значить, завтра не будетъ сильнаго мороза, и придется идти на уроки. На столѣ высокой стопкой чернѣетъ груда неисправленныхъ учебныхъ тетрадей—глупое memento моей тоскливой жизни...

А обрывки другой, прекрасной жизни скользятъ мимо меня полосками смутнаго пріятнаго тумана...

Георгій Феддеръ.

ВЪ ЛѢСУ.

Рассказъ неудачника.

Я—писатель. По всѣмъ редакціоннымъ корзинамъ разсѣяны мои рукописи. Стихи мои, какъ осенніе листья, шуршатъ по аллеямъ парка. Я молодъ—мнѣ всего 25 лѣтъ. Но жизни пиръ веселый успѣлъ порядкомъ мнѣ надоѣсть. Чужой

и неловкій, какъ гость незванный, я грустно молчу тамъ, гдѣ льется рѣкою веселье. Лучистые блики ликующаго солнца мнѣ кажутся порою налетомъ золотухи...

Лихорадочно-шумная суетливость города мнѣ надоѣла, и часто я ухожу въ лѣсъ—отъ людей подальше... Тамъ бьется спокойнѣе сердце, грудь дышитъ вольнѣй и шире.

Я лѣнивъ, какъ жены султана, не люблю думать... Но мозгъ мой сегодня сильно работалъ. Меня занималъ серьезный вопросъ, серьезный и важный. Какой изъ ядовъ лучше: ціанистый кали или морфій? Первый дѣйствуетъ весьма радикально. Второй переноситъ въ міръ волшебныхъ грезъ и превращаетъ послѣднія минуты жизни въ золотую сказку...

Надъ этимъ вопросомъ я долго бился. Моя мысль работала, какъ острая сабля. Фантазія играла, какъ морская волна... Я былъ ужъ готовъ...

Нѣтъ я еще не былъ готовъ... Мою мысль прервала случайная парочка, безпечно-счастливно влюбленная. Она внезапно показалась въ лѣсной чащѣ. Внезапно, какъ грибок—точно выросла.

„Онъ“—золоторотецъ, съ крючковатымъ носомъ, безпокойно-хищнымъ взглядомъ и съ длинными жилисто-крѣпкими руками. На костлявыхъ плечахъ неуютно болтался старый китель. Видно—чужой.

„Она“—гуляющая дѣвица, веселая и бойкая, какъ деревенскій паренъ, со смуглымъ и темнымъ отъ загара лицомъ и съ сѣрыми немного уже отцвѣтшими глазами. Бумажный бѣлый платокъ безпорядочно обнималъ гладко причесанные свѣтлые волосы.

Смѣло обнявшись, слегка, пошатываясь, они дружно гуляли по лѣсу. Онъ часто и крѣпко прижималъ къ своимъ порыжѣлымъ усамъ ея круглое лицо,—смачно цѣлуя полныя губы. Внимательно—долго смотрѣлъ въ глаза.

Какъ тонкія дѣтскія ручки, сплетались надъ ними свѣжія вѣтки орѣшника. Привѣтно мило качали зеленые головки стройныя сосны и ели.

— Садись, милаша,—надо покурить.

Сѣли. Задорно улыбнулась ему бѣлыми крѣпкими зубами.

Вынула изъ кармана его кителя осьмушку махорки и новую, пахнущую лакомъ трубку, туго набила ее корешками и. подала ему.

— Кури, мой соколъ! Ты—мнѣ первый другъ.

— Спасибо, краля, — пожалъ ей руку,—кури и ты.

Снялъ рваный картузъ, досталъ изъ него папиросу и вложилъ ей въ зубы.

Густой темно-синій дымъ закружился въ воздухѣ и повисъ на сучьяхъ деревьевъ.

— Хорошо въ лѣсу. Живи и — только... Правда, краля?..

— Правда, милый! Пойдемъ.

Крѣпко обнялись и пошли дальше.

Кругомъ мелодично пѣла зелено-радостная весна.

Я забылъ свои размышленья о ядѣ и сталъ писать...

Григорій Шапиро.

ВЕСНОЙ.

(Этюдъ).

Викторъ отложилъ въ сторону классификацію растений. Чортъ съ нимъ съ зачетомъ, пусть провалится, все равно заниматься онъ сегодня не въ состояннн.

Запоздавшая въ этомъ году весна наступила сразу. Въ три дня полузамершія было отъ позднихъ холодовъ почки распустились въ нѣжные свѣтлозеленые листики. И уже жарко накалились асфальтовые тротуары, пахло тонкой городской пылью и въ тепломъ парномъ воздухѣ, которымъ трудно было дышать, скопаялась первая весенняя гроза.

Сквозь открытое окно, выходившее въ узкій какъ колодезь, тѣсно застроенный дворъ, слышно было, какъ кухарка, что напротивъ, флиртвала съ сосѣдскимъ деньщикомъ.

Возьму я коробочку спичекъ,
Въ горячей водѣ разведу
И этою отчаянной отравой
Покончу я съ жизнью навсегда!

Въ каменномъ резонаторѣ столичнаго двора звонко раздавался ея высокий и фальшивый голосъ.

— И что это Вы, Афросинья Ефимовна, какіе жестокие романы все поете?—играющимъ тономъ спросилъ ея vis-à-vis деньщикъ.

Афросинья Ефимовна отвѣтила кокетливо и жеманно:

— Какая ужъ тутъ жестокость! Это чистая правда. Наша сестра, ежели полюбитъ, завсегда такъ!

Викторъ подошелъ къ окну. Перегнувшись черезъ подоконникъ молоденькая кухарка фыркнула, увидя студента. Задорное курносое ея личико скрылось въ глубинѣ кухни. Во дворѣ играли дѣти. Въ нижнемъ этажѣ переругивались изъ противоположныхъ оконъ двѣ прислуги. Звуки гулкые, металлическіе упруго отскакивали отъ каменныхъ стѣнъ.

Викторъ отошелъ и сладко потянулся. На верхней полкѣ этажерки съ книгами стоялъ букетъ ландышей въ фарфоровой вазочкѣ.

Викторъ долго до головокруженія вдыхалъ ихъ острый волнующій ароматъ. Неопредѣленная, чуть-чуть пьяная улыбка скользила по его губамъ. Потомъ съ досадой отодвинулъ цвѣты, закрылъ окно, рѣшительно усѣлся въ кресло и принялся за классификацію растений.

Въ столовой пили чай: сестра Вѣра, лохматый студентъ Андрей Ивановичъ Кузнецовъ и Нина Павловна—институтская подруга Вѣры, кокетливая барынька, остановившаяся у нихъ проездомъ на Кавказъ.

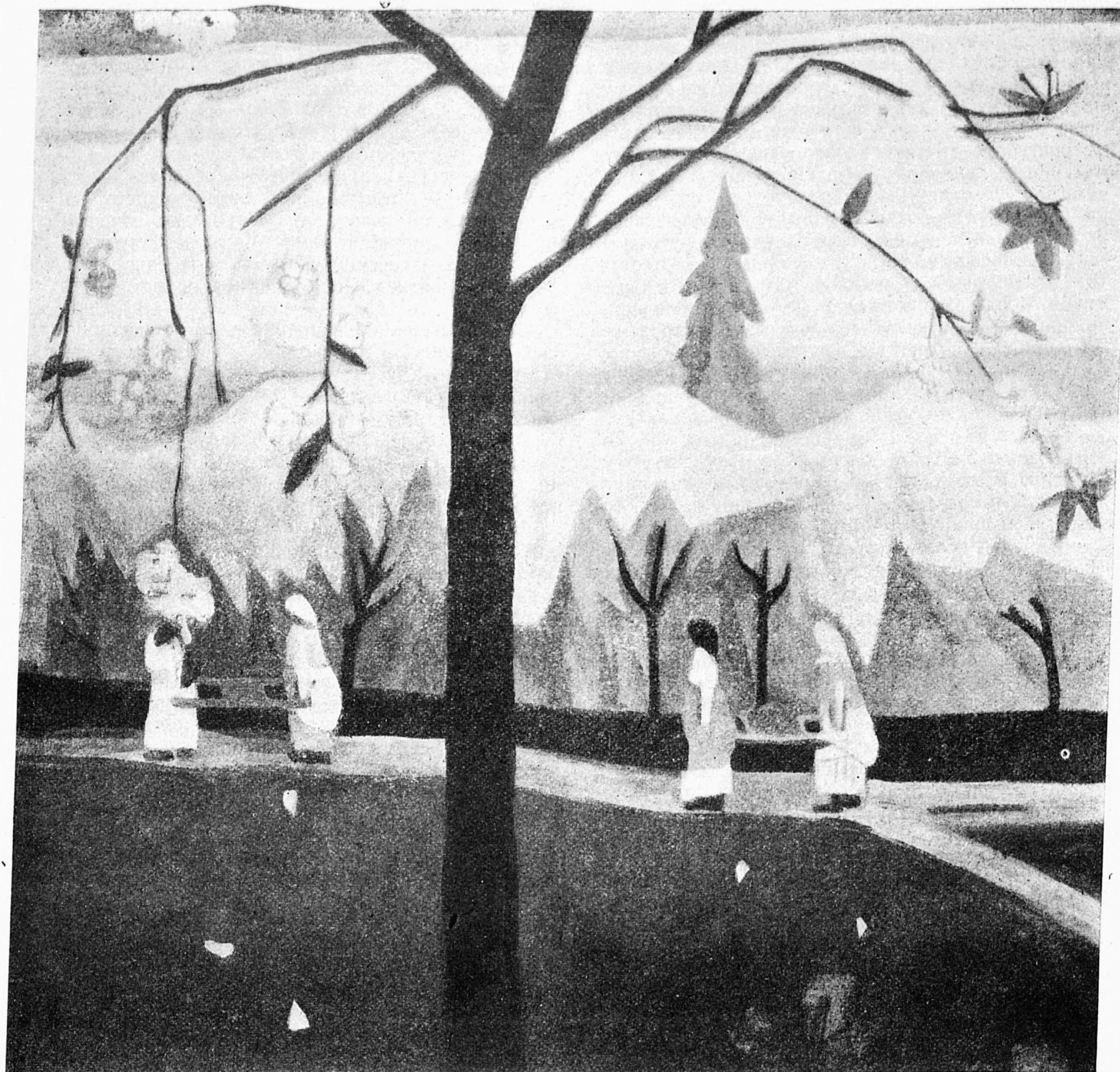
Теперь, когда окно во дворъ было закрыто, звуки изъ столовой доносились громче сквозь запертую дверь. Хохотала Ниночка раскатисто и заразительно. Помимо воли Викторъ вслушивался въ отрывки фразъ.

— Ревность имѣетъ право на существованіе, имѣетъ!—рокоталъ тенорокъ Андрея Ивановича.—Среди современной пошлости, отсутствія глубокихъ переживаній, всеобщаго кафешантана ревность...

— Люблю шантанъ! — съ чувствомъ сказала Нина Павловна. Вѣра смѣялась.

— Нина, да это крикъ сердца!

Кузнецовъ возмущался, путаясь и самъ себя

противорѣча. Заговорили всѣ вмѣстѣ, заспорили, закричали и уже ничего нельзя было разобрать.

Виктору очень хотѣлось пойти къ нимъ, выпить стаканъ чая, подразнить серьезнаго, мрачнаго Кузнецова, обмѣняться горячимъ взглядомъ съ Ниночкой, но онъ пересилилъ себя и углубился въ книгу. Завтра экзаменъ, чортъ бы его дралъ! Не пропустилъ бы онъ барыньку, если бы было время заняться ею. Досада!

Онъ читалъ, ничего не понимая. Лукавые каріе глаза мерещились между строкъ, дразнили, звали. Пикантная штучка! И пошаливаетъ навѣрное. Пари готовъ держать, что нетрудно было бы... Какъ это Вѣра можетъ быть дружна съ ней? Спокойная, серьезная Вѣра?

Дверь неожиданно отворилась.

— Все учитеcь? Бѣдный мальчикъ!

Нина смѣялась. И лукавые глаза, и ямочки

на щекахъ и подбородкѣ, и яркія губы дрожали отъ смѣха.—Милая! грѣшная, грѣшная!

Викторъ старался смотрѣть на нее спокойно. Завтра зачетъ! Завтра, завтра...

— А прогулка вышла чудесная! И на лодкѣ покатались, и побѣгали... Жаль, что васъ съ нами не было.

Онъ отвѣтилъ сдержанно:

— У меня экзаменъ завтра.

— Пустяки! Все равно всего не переучишь и если не судьба...

— Она вскарабкалась на столъ.

— Затворите-ка дверь, не то окно распахнется, сквознякъ. И подите сюда, поболтаемъ. Я не долго. Назанимаются еще, успѣете. Этотъ мрачный дуракъ тамъ, надоѣлъ мнѣ своимъ умнымъ вздоромъ. Ученый!

Викторъ усѣлся рядомъ съ нею на столъ. Отъ

нея пахло какими-то сильными пряными духами. Сквозь прозрачную ткань блузки просвѣчивали круглые покатыя плечи и часть пышной груди.

— Черемухи нарвала... вот! — Она придвинулась къ нему вплотную, протянула къ самому его носу вѣтку. Онъ взялъ ее руку, и закрывъ глаза и вдыхая запахъ черемухи, медленно сталъ цѣловать отъ кисти и выше, выше локтя до того мѣста, гдѣ начинался короткій рукавъ. Она при- смирѣла, не отнимала руки. Викторъ слегка откинулся назадъ и долгій тяжелый, упорный взглядъ его погрузился въ ее глаза. И вдругъ чуть-чуть затуманились эти блестящіе, лукавые глаза, вдругъ отяжелѣли вѣки. Онъ охватилъ ее рукой почти грубо, почти больно. Она не сопротивлялась... прильнула къ нему. Нѣсколько секундъ протекло въ душномъ поцѣлуѣ. Отпустилъ ее.

— Сегодня? да? Сегодня! — Онъ говорилъ хриплымъ чуть слышнымъ шопотомъ.

Она покорно отпустила глаза.

— Да! Я оставляю дверь незапертой. — И уже смѣялась, оправляя прическу. Спрыгнула со стола, бросила въ него вѣткой черемухи и сверкнувъ улыбкой и глазами, исчезла, оставляя за собой запахъ крѣпкихъ пряныхъ духовъ.

Свѣтлая ночь смотрѣла въ раскрытыя окна, свѣтлая сѣверная майская ночь. Вспыхивали блѣдныя зарницы, слабо грохоталъ далекій громъ и неразрывившаяся гроза томила воздухъ. Тяжко было дышать и напряженно дрожали нервы.

Долго тянулся вечеръ. Виктору казалось что никогда не разойдутся гости, никогда не угомонятся домашніе. Приходили кузены-гимназисты съ молодецкой кузиной и ее подругой. Изъ столовой доносились ихъ еще по дѣтски звонкіе голоса. Пѣли хоромъ подъ аккомпанементъ гитары.

Уже начало свѣтать, когда Ниночка усталымъ голосомъ попрощалась съ гостями, отговорившись головной болью.

У Виктора радостно стукнуло сердце. Выпроставивается. — Хитрая, милая!

Въ бѣломъ легкомъ халатикѣ, съ распущенными каштановыми косами скользнула она въ его комнату, пока Вѣра провожала гостей въ переднюю.

Обвила горячими руками его шеи, трепетно къ нему прижалась.

— Видишь, какая я умная! Теперь они скоро...

— У звѣренышъ! — Обожгла поцѣлуемъ, убѣжала.

Въ передней все еще говоръ, смѣхъ... Захлопнулась дверь. Наконецъ! Тихо... Что это? Мужской голосъ... — Къ вамъ можно, Вѣра Алексѣвна? — Знакомый голосъ! И спокойный отвѣтъ: — „Пожалуйста, пройдите сюда“. — Не можетъ быть! Вѣра — его сестра, чистая, безупречная Вѣра! Неутѣшная вдова, пять лѣтъ вѣрная памяти мужа... Не можетъ быть! Виктора охватила бѣшеная злоба. Противъ воли руки сжимались въ кулаки. Тихонько подошелъ къ двери смежной съ его комнатой гостиной. Теперь онъ узналъ голосъ... Господи, неужели Кузнецовъ? Ну и вкусъ у сестры! Прислушался.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за то, что вы позволили мнѣ высказаться... — Замолкъ, должно быть руку цѣлуетъ. Тоже вѣдь кавалеръ... Подумаешь! Чучело гороховое! Андрей Ивановичъ... а! Ну скажите пожалуйста!

— Съ мужчиной я бы не рѣшился быть со- всѣмъ откровеннымъ...

Что такое?! Да онъ съума сошелъ!

... — Но открыть душу передъ женщиной и передъ такой женщиной, какъ вы... А мнѣ нужно высказаться, я слишкомъ долго молчалъ, слишкомъ долго. Въ... 905 году, когда всѣ мы горѣли...

— Ахъ вотъ оно что! — обрадовался Викторъ, — а я Богъ знаетъ что подумалъ!

Онъ пересталъ прислушиваться къ тому, что говорилось въ гостинной. Острая радость за Вѣру, за то что она, его сестра, не „такая“, смѣнилась безпокойствомъ. Какъ же Ниночка? Вѣдь этотъ чеховскій типъ до поздняго утра будетъ изливаться. Потомъ прислуга встанетъ... Безобразіе!

Онъ рѣшительно направился въ гостинную. Вѣра сидѣла на подоконникѣ. Четкій силуэтъ ее рисовался на блѣдномъ фонѣ раскрытаго окна. Кузнецовъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней. Безпомощно висѣли длинныя худыя его руки и понуро склонилась лохматая голова. Услышавъ шаги, онъ обернулся, вскопился на ноги и мучительный стыдъ залилъ краской его блѣдное истощенное лицо.

Викторъ, сдерживая насмѣшливую улыбку, спокойно закуривалъ папиросу, какъ будто ничего не замѣтилъ.

— Вы еще здѣсь, Андрей Ивановичъ? А я думалъ, всѣ ушли. — Сѣлъ на подоконникъ рядомъ съ сестрой. — Хорошая ночь, правда? Немного душно только...

— Мм... угу! — проворчалъ лохматый студентъ. И заходилъ широкими неуклюжими шагами вдоль гостиной.

Вѣра дѣлала брату знаки, но тотъ ничего не хотѣлъ замѣчать.

Пооткровенничаешь ты тутъ у меня, злобно думалъ онъ. Не знаетъ времени... сидѣть въ чужомъ домѣ до утра...

Всѣ молчали. Было неловко, Кузнецовъ по-видимому не имѣлъ намѣренія уходить.

— Витя, голубчикъ, — мягко сказала Вѣра, — намъ съ Андрей Ивановичемъ поговорить надо... ты бы шелъ къ себѣ!

Дѣлать было нечего. Викторъ раскланялся съ преувеличенной любезностью, ядовито сказалъ: пожалуйста! — и вышелъ.

— ...пустяки! — говорила Вѣра, не обращая вниманія, онъ ничего не слышалъ.

— Когда наступаетъ весна, — продолжалъ Кузнецовъ прерванныя изліянія — особенно чувствую свою ненужность, негодность. Такъ мощно живетъ природа, такія кипучія въ ней силы просыпаются весной, могучія космическія силы, а мы маленькіе съ нашей жалкой городской культурой, словно муравьи въ кучѣ пыли... Осенью все человѣческое кажется важнымъ, нужнымъ, значительнымъ, весной же...

— Ну завелъ волынку! — брезгливо подумалъ Викторъ. Взялъ мохнатое полотенце, прошелъ въ ванную. Холодный душъ освѣжилъ его. Глядя какъ блестящія капельки воды катились по атласистой, горячаго тона кожѣ его молодого сильного тѣла, онъ бормоталъ:

— Тоже придумаетъ... космическія силы! Что онъ въ этомъ смыслить? И не догадается вѣдь, чеховская отрывка этакая, что своимъ муравьинымъ нитьемъ онъ въ эту самую минуту мѣшаетъ двумъ космическимъ силамъ...

Виктору вдругъ стало неудержимо весело. Снѣ почувствовалъ, что никто и ничто не помѣшаетъ сегодня ему съ Ниночкой, что то, чего они оба такъ хотятъ, совершится, хотя бы десять неудачниковъ-Кузнецовыхъ пришли изливаться къ сестрѣ Вѣрѣ.

Выкинулъ фантастическое антраша. Залюбовался собой въ зеркалѣ. Потомъ сталъ продѣлывать обычную гимнастику, передъ сномъ, вытягивая тонкія, мускулистыя, упругія, какъ сталь руки и ноги, изгибая стройный станъ, широкій въ плечахъ и узкій, какъ у дѣвочки, въ талии и бедрахъ. Знакомое чувство гордой радости отъ сознанія своей молодости, силы, ловкости овла- дѣло имъ. Даже какъ будто Ниночку забылъ.

Дверь комнаты Нины Павловны выходила тоже въ гостиную. Она не была заперта, только чуть-чуть прикрыта.

Ниночка не ложилась. Сидѣла въ глубокомъ креслѣ, поблѣднѣвшая, притихшая, закрывъ усталыя вѣки. Ждала. Окно затворила и шторы спустила, чтобъ обмануть себя — не видѣть быстро наступавшаго разсвѣта. Съ ненавистью прислушивалась къ жидкому тенору Кузнецова. И создастъ же Господь Богъ такое! Нелѣпое, никому ненужное...

— ...Жить безъ эмоцій невозможно, Вѣра Алексѣвна — говорилъ тотъ. — Въ человѣческомъ организмѣ есть рядъ психологическихъ навыков... Они обращаются въ такія же насущныя потребности, какъ и физиологическія...

Нина злилась:

— Вотъ ученый дуракъ, прости Господи!

— ...мы жили общественными эмоціями — не уни- мался Кузнецовъ — и теперь, когда затихла социальная борьба, намъ нечѣмъ жить, нечѣмъ... теперь... — голосъ студента понизился до шопота — ...такъ хочется другихъ эмоцій, личныхъ... личной жизни, женской любви. Родная, вы не осудите меня, вы поймете...

— Да за что осуждать? — ласково сказала Вѣра. — Это такъ естественно, вы молоды... Но съ моей внѣшностью... развѣ можно рассчиты- вать... Я не заблуждаюсь... И я такъ одинокъ, такъ одинокъ...

Глухія сдержанныя рыданія донеслись до Нины. Вѣра утѣшала.

— Ахъ бѣдный! — думала Нина съ любопыт- ствомъ и внезапно проснувшейся нѣжностью и со- страданіемъ — бѣдный. вотъ онъ какой! И тотчасъ же съ гордостью вспомнила „своего“ Виктора, и сильнѣе застучало сердце и съ новой силой на- хлынуло жгучее нетерпѣніе и досада на Кузнецова.

Не смотря на спущенныя шторы, въ комнатѣ было почти совсѣмъ свѣтло. Нина подошла къ трюмо, всмотрѣлась близко въ свое лицо, нашла себя блѣдной, томной, интересной, улыбнулась своему отраженію радостно и высунула языкъ. Потомъ сбросила халатикъ, спустила тонкую со- рочку, опрыскивалась духами и стала разглядыва- ть въ зеркалѣ свое пышное, крѣпкое тѣло. Осталась довольна собой.

— Вѣра — нетерпѣливо позвалъ вдругъ Вик- торъ. — Вѣра!

Нина вздрогнула, набросила халатикъ, при- таилась.

Вѣра прошла къ брату.

— Что тебѣ?

— Долго вы еще будете тамъ... Уснуть не- возможно... У меня завтра экзаменъ... И Нинѣ

Павловнѣ тоже спать не даете... Богъ знаетъ что.

— Нинѣ Павловнѣ? Ты почему знаешь?

Вѣра улыбнулась. Она уже нѣсколько дней наблюдала игру между братомъ и пріятельницей. И нина загостила дольше, чѣмъ предполагала. Подозрительно... Взяла брата за подбородокъ

— Ты что то затѣваешь мальчишка!

— Ну вотъ еще, вздоръ! — притворно серди- тымъ тономъ сказалъ онъ, улыбкой и блескомъ глазъ подтверждая догадку сестры.

— Негодяй! — ласково потрепала его по щекѣ, помолчала, потомъ засмѣялась.

— А это забавно, знаешь... Кузнецовъ и вы... Смѣхъ Чехова съ... съ Декамерономъ! — Ха ха-ха. Какая ты остроумная, Вѣрочка!

— Ну да ужъ ладно, не подлизывайся, сквер- ный мальчишка! Сейчасъ, сейчасъ онъ уйдетъ.

— Спокойной ночи! — Викторъ съ благодарно- стью поцѣловалъ ей руку.

Вѣра вышла изъ комнаты брата, съ нѣжной гордостью думая о немъ.

Такъ вотъ какой онъ, этотъ мальчикъ — Ви- тя, которого она, старшая, воспитала послѣ смерти матери. Настоящій мужчина, не то что...

О Кузнецовѣ подумалъ съ жалостью, смѣшан- ной съ легкимъ презреніемъ. — А Нинка-то Нин- ка-то какова.

Но спровадить Кузнецова долго не удавалось.

Долго еще Ниночка широкооткрытыми, уста- лыми, окружившимися синевой глазами упорно вглядывалась въ щель двери, колдовала, внушая Кузнецову, чтобъ уходилъ. Вскакивала, въ не- терпѣніи ходила по комнатѣ, злилась, нервнича- ла... Снова ложилась. Долго негодовалъ и воз- мущался Викторъ, теряя надежду на то, что уйдетъ когда-нибудь этотъ несносный Кузнецовъ. Долго томилось его напряженное молодое тѣло въ насыщенной грозовой атмосферѣ.

Наконецъ все смолкло. Ушелъ студентъ, за- хлопнулась дверь Вѣры.

И вслушиваясь въ звенящую тишину, Ниноч- ка уловила легкій скрипъ паркета подъ осторож- ными шагами босыхъ ногъ Виктора. Не шевели- лась — прислушивалась. Онъ подошелъ и открылъ дверь...

Когда Викторъ возвращался къ себѣ, въ ок- на стучалъ дождь, а они и не замѣтили его за поцѣлуями. Доносился откуда-то запахъ освѣ- женной зелени... Викторъ съ наслажденіемъ протянулъ на постели свое сладостно уставшее тѣло, съ наслажденіемъ выкурилъ папиросу и въ полудремотѣ сталъ думать о сестрѣ. Какая она милая! Чистая, безупречная и такая терпи- мая къ чужимъ слабостямъ — И вдругъ его ужали- ла мысль, что вѣдь и она, его сестра, тоже женщина, что она молода, красива и что она мо- гла бы такъ же, какъ и та... другая... И воспо- минаніе о недавнихъ поцѣлуяхъ, нестерпимо вол- нующихъ ласкахъ снова обожгло его... Его се- стра! Это было бы ужасно!... Но что за вздоръ! Вѣдь сестры всегда... изъ Чехова, а эти... ну словомъ... любовницы изъ Декамерона. Нѣтъ, по- ложительно, все на свѣтѣ великолѣпно устро- ено! И уже совсѣмъ засыпая, онъ думалъ о своей молодости, о томъ что много еще у него бу- детъ прелестныхъ женщинъ, какъ Ниночка, о томъ, какъ хороша жизнь...

Усталая и счастливая Ниночка тоже крѣпко спала.

Но всю ночь не могла заснуть Вѣра. Она мучительно—тяжело думала... смотрѣла, какъ льетъ дождь и рскрывъ окно, вдыхала разрѣженный, холодноватый воздухъ....

А бѣдный Кузнецовъ промокъ до костей. До дому ему было очень далеко, и извозчика взять не на что....

Софья Зарѣчная.

КОШМАРЪ.

(Этюдъ изъ недавняго прошлаго).

Соня чувствовала себя нехорошо. Она часто просыпалась вздрагиваясь, къ чему то прислушиваясь и опять падала на подушки.

Но часто что она начинала засыпать тяжелымъ сномъ, какъ что то ложилось ей на грудь и начинало ее давить. Она силилась сбросить эту тяжесть, силилась крикнуть, но изъ груди вырывался только хриплый свистящій стонъ—и обезсиленная она подчинялась. А тяжесть все давила и давила ее. Наконецъ собравъ послѣднія усилія, Соня освобождается и садится на постель. Кругомъ темно и тихо. Въ сосѣдней комнатѣ тикаютъ стѣнные часы и это тиканье еще больше сгущаетъ и увеличиваетъ тишину. Гдѣ то на улицѣ прогромыхала телѣга и громко крикнулъ пѣтухъ и опять все смолкло. И только часы тихо, ровно и монотонно отбивали свое тик... такъ... тикъ... такъ...

Этотъ звукъ билъ по нервамъ, наполнялъ собою голову и чѣмъ больше прислушивалась къ нему Соня тѣмъ громче и нахальнѣе онъ становился. Тикъ... такъ... тикъ... такъ... скоро... смерть... скоро... смерть... ровно и спокойно отбивали часы. И страстно захотѣлось нарушить чѣмъ нибудь эту угнетающую тишину. Захотѣлось прервать этотъ жестокий проникающій въ самое сердце звукъ, крикнуть, убѣжать изъ этой комнаты, только бы не слышать этого тиканья этой насмѣшки надъ изломанной жизнью, этого злораднаго смѣха смерти. Часы зашипѣвъ громко и отчетливо пробили два раза. Соня вздрогнула. Два, два часа... Осталось два часа жизни.. Нѣтъ не могу... не могу... это слишкомъ жестоко отнимать у меня жизнь когда я еще совсѣмъ не жила. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Слезы облегчили ее и привели въ порядокъ ея мысли. „Но однако кто требуетъ отъ меня чтобы я умерла... Кто имѣетъ право требовать у меня жизни... Я пойду къ нимъ и скажу что считаю ихъ ученіе неправильнымъ. Скажу что они подъ маской любви къ народу, къ ближнему, подъ маской идеи скрываютъ гнусное убійство... Чѣмъ виновато то лицо которое мнѣ поручено убить. Неужели только тѣмъ что онъ губернаторъ. Что онъ человѣкъ совсѣмъ другой идеи, другого лагеря Они зовутъ его палачемъ, убійцей. Но сами то кто. Если убиваетъ онъ, то поступаетъ согласно правилъ и идеи которой онъ служитъ, такъ чѣмъ же онъ виноватъ что у него такіа возрѣнія чѣмъ онъ виноватъ, что онъ ихъ врагъ“.

Начинало свѣтать. Занавѣска на окнѣ побѣлѣла и понемногу начали обрисовываться контуры предметовъ находящихся въ комнатѣ. Соня быстро встала съ постели и отдернула отъ окна занавѣску и въ комнату поползъ блѣдный матовый свѣтъ начинавшагося июльскаго утра.

На улицѣ было тихо и безлюдно. Все спало

безмятежнымъ сномъ. Вдругъ Соня вздрогнула и откачнулась отъ окна. На другой сторонѣ тротуара въ аркѣ воротъ низенькаго дома, съ поднятымъ воротникомъ пальто стоялъ студентъ Комовъ и блестящими изъ подъ надвинутой шляпы глазами, смотрѣлъ къ ней въ окно. Это слѣдили за ней. Она вспомнила приказъ отданный Комову, когда ей попался жребій со словомъ убить: если въ четыре часа Соня не выйдетъ изъ дома и не пойдетъ по направленію къ станціи желѣзной дороги, то Комовъ долженъ ее убить. Она знала Комова и не сомнѣвалась въ точномъ исполненіи отданнаго ему приказанія. Она поняла что спасенія ей нѣтъ. Она должна или убить или умереть.

Но если я не могу... Если я хочу жить... Если я хочу чтобы жили и другіе... Тогда тебя убьютъ.. Убьютъ? За что? Неужели за то, что я сдѣлала ошибку увлекшись новой идеей... Но вѣдь она такой соблазнительной такой великодушной мнѣ показалась... Такъ увлекли меня эти люди—а потомъ вмѣсто любви и всепрощенія которыхъ они проповѣдывали, дали мнѣ въ руки ножъ. Нѣтъ этого не можетъ быть... За ошибку не казнятъ... До этого не допустить Богъ которому я разучилась вѣрить, но который все таки есть. Глаза ея искали образа, но не найдя такового она обернулась лицомъ къ востоку и опустившись на колѣни начала молиться.

Сонѣ показалось, что кто то ее позвалъ. Она встала съ колѣнъ и спокойно оглянулась кругомъ. Было уже совсѣмъ свѣтло. Ярко свѣтило солнце. Одно окно было открыто, и подъ окномъ стоялъ Комовъ и тихо называлъ ее по имени.

— Что пора?!

— Да пора. Тихимъ шипящимъ голосомъ проговорилъ Комовъ. Вы вѣдь знаете данныя мнѣ инструкции, я и такъ уже четверть часа. Вы сейчасъ же должны идти на станцію и убить проѣзжающаго Стахова или...

— Или вы убьете меня! Не нужно ни того ни другого... Я сама себя убью... Уйдите... Или спрячьте на время свое лицо... Вы мнѣ мѣшаете.

Комовъ повиновался. Отойдя на нѣсколько шаговъ онъ остановился и прислушался. Но все было тихо. Комовъ подождалъ нѣсколько минутъ и быстрыми шагами подошелъ къ окну и заглянулъ въ комнату.

Соня лежала на кровати. Ея глаза были широко открыты и съ ненавистью обращены на Комова. Правая рука прижимала холодное дуло браунинга къ виску, а лѣвая была подложена подъ щеку. Глаза Сони и Комова встрѣтились. Нѣсколько мигновеній Соня смотрѣла на него, потомъ закрыла глаза, раздался сухой трескъ выстрѣла, она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и замерла.

Комовъ быстро оглянулся, вскочилъ въ комнату и подошелъ къ Сонѣ. Удостоверившись что она мертва онъ также быстро выскочилъ на улицу и скрылся за угломъ дома.

Н. Шумскій.

Двѣ мініатюры.

1. КАМЕЯ.

На Лунгарно уже вспыхнули фонари, кажущіеся всегда зеленоватыми въ эти часы дня, нѣтъ не дня, а прелюдіи къ вечеру. Нигдѣ такъ не чувствуется тотъ переходъ во времени и природѣ, который нельзя опредѣлить сумерками, но который, между тѣмъ еще не вечеръ. Нигдѣ такъ не ясна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не сказочна эта предвечерняя прелюдія, какъ у берега тусклаго и шумящаго Арно.

Съ одной стороны, по ровной, пустынной набережной, такой холодной, будто камень здѣсь холоднѣе и мертвеннѣе, чѣмъ повсюду, гулко проѣзжала коляска, останавливая своимъ отчетливымъ силуэтомъ мое разсѣянное вниманіе.

Съ другой, направо, въ ароматномъ туманѣ, можно было различить старыя стѣны полуразвалившейся крѣпости, ея коричневатую тѣнь...— Навстрѣчу мнѣ, изрѣдка, попадались люди вѣрнѣе скользили призраки и я испытывала неизвѣданное чувство, мелькавшее сначала какъ мысль и незамѣтно переходившее въ ощущеніе: появлялась неземная легкость въ походкѣ, будто меня нѣтъ, будто нѣтъ костей и тѣла будто я безтѣлесный призракъ этого туманнаго зеленоватаго вечера... Точно осталась только душа моя и все-таки она мыслила, оторванная отъ тѣла, отъ мозга и ощущала, истомленная невысказанными переживаниями, почти физически, свое новое бытіе. Въ немъ мерещилось мнѣ и намѣчалось то, что называютъ безсмертіемъ души, то чего сколько-бы мы не думали, мы не можемъ постичь и увидѣть. И только здѣсь на Лунгарно охватилъ меня сонъ

жизни, онъ былъ жизненъ, потому, то я ощутила его. И перенеслась въ прошлое: я увидѣла ваши строгіе глаза, безмолвную улыбку губъ и рука моя отвѣтила на ваше пожатіе... Это было давно, у насъ на сѣверѣ, на островахъ съ голубовато-сѣрыми, похожими на датскій фарфоръ, лужами воды и бѣлымъ свѣтомъ июльской ночи, когда все кажется безжизненнымъ, а люди думаютъ, что живутъ и любятъ ярче.

Тогда жило тѣло, а сейчасъ вспыхнула моя душа и вспомнила о Вашей такъ ясно... И стало томительно, тоскливо... Почему теперь, а не тогда? Почему и утромъ сегодня синяя камейка не ожила въ музеѣ, а только приковала мнѣ взглядъ къ своему профилю и стоитъ въ туманномъ облакѣ моихъ, переживаній, снова между нами?

2. БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

... Солнце раннего утра сверкнуло въ комнатѣ, когда она подняла штору и сразу все потускнѣло, — стало обыденнымъ, печальнымъ.

И даже цвѣты въ узкомъ, хрустальномъ бокалѣ, правда увядшіе уже, но которыми за нѣсколько часовъ до этого они вмѣстѣ любовались — стали ненужными и казались просто засохшими... А еще такъ недавно они говорили и заставляли упиваться своимъ шопотомъ! Потому что всѣ цвѣты, умирая говорятъ, и тогда дѣлаются необычайно прекрасными: словно начинаютъ другую, нездѣшную жизнь...

И она печально поникла, будто озаренная вмѣстѣ съ лучами солнца, недобрыми мыслями, преобразившими красивое, полное любви лицо, въ чужое, страдальческое. Глаза, горѣвшіе и улыбавшіеся ему, цѣловавшие его вмѣстѣ съ губами, смотрѣли теперь холодно и устало. Ничего какъ будто и не было; можетъ быть и она здѣсь чужая, сейчасъ, въ своей комнатѣ?

Почему?

Что произошло прекраснаго или печальнаго, что могло преобразить ее, что могло обезобразить весеннее солнце, розово-желтое, веселое?

Вѣдь только радости и горести разнообразятъ жизнь...

А потому, что предутренняя ночь этого яркаго солнца была бѣлая...

Потому что они долго молчали, успокоенные ея отчетливой тишиной; потому что, когда, случайно, они взглянули въ окно и увидели всегдашніе высокіе дома, полными неизъяснимой красоты, точно одухотворенными, а тамъ, на углу, причудливо мелькнула береза, они почувствовали невысказанную правду, притаившуюся въ душахъ ихъ.

Та правда боялась раскрыться при свѣтѣ дня, точно стыдилась своей силы...

Тогда оба, одновременно, прочли эту правду любви въ глазахъ своихъ... Такъ почувствовали ее, что не говоря ни слова, долго прислушивались къ грезамъ красныхъ розъ и молча вдыхали сладостный воздухъ бѣловато-сѣрой ночи, длящейся мгновенье, кажушееся вѣчностью, застывшей все прошлое и не покрывающей будущаго.

Но солнцу дня суждено было неизмѣнно ослѣплять ихъ и тогда самый драгоценный изъ самоцвѣтныхъ камней жизни тускнѣлъ вмѣстѣ съ померкшими душами...

Т. Шенфельдъ.

ПО ТУ СТОРОНУ.

Тотъ вечеръ тихой больной грустью живетъ во мнѣ. Больной грустью...

Какъ зовъ, замирающій гдѣ то далеко, — далеко, по ту сторону широкой рѣки, въ черной глубинѣ невѣдомаго лѣса. Призывъ жизни...

И казалось отвѣтъ долженъ долетѣть, ибо уходила вся душа моя въ этотъ призывъ.

Но звуки медленно замираютъ.

Минуты — годы... И острое молчаніе все ско- вываетъ...

Такъ было у меня.

Я расскажу объ этомъ.

Тогда былъ хорошій вечеръ. Ароматный какой то съ яркими красками неба.

Но восторженно угасающій день былъ мнѣ чужимъ.

Отъ этого было еще больнѣе...

Я сидѣлъ на скамейкѣ сада. Рядомъ со мною сидѣла женщина — моя жена.

Откуда то долетали граммофонные марши.

Они вливали досаду.

Мы молчали. Такое молчаніе уже давно опустывало насъ. Дни, недѣли, мѣсяцы тянулись въ этомъ молчаніи.

Иногда зажигалась въ груди искренность, такая свѣтлая и правдивая. Она какъ потокъ должна была унести съ собой все мутное, комкающее умъ и душу.

Но она погасала. Погасала, раздавленная рабствомъ.

Снова медленно скользили дни съ безумно-жуткой тишиной.

Быстро опускались сумерки.

Подъ деревьями, гдѣ сидѣли мы, было черно. У нея рѣзко бѣлѣлъ профиль на черномъ фонѣ.

Я всталъ и сказалъ безпечнымъ тономъ:

— Вотъ и ночь. Пойдемъ.

Она не двигалась. Я чувствовалъ какъ будто меня ловить врагъ въ темной ложбинѣ. Хочешь выбѣжать на открытое мѣсто и не можешь. Хочешь крикнуть, но что то стискиваетъ грудь.

Она заговорила. Какимъ то чужимъ страннымъ голосомъ, деревянно-однотоннымъ.

То, что она говорила, я давно зналъ. Давно. Я ненавидѣлъ это, буйно ненавидѣлъ въ душѣ.

Я хотѣлъ сказать объ этомъ вслухъ, но не смѣлъ.

Какъ часто человѣкъ хочетъ и не смѣетъ...

Когда звонятъ въ колоколъ, я представляю его языкъ чѣмъ то чужимъ, злымъ. Онъ бьетъ въ бока и раздается звонъ... Такой звонъ, какой хочетъ языкъ.

Я почти не слушалъ ее. Зачѣмъ бы я ее слушалъ?

Долетали обрывки, безсвязныя слова, слезы слышались, замученныя, надломленныя, тоска.

Я даже представлялъ себѣ какъ дрожитъ у нея губа. У нея всегда въ это время дрожала губа и подбородокъ.

— Я все вижу... все... — шептала она. — Давно... Вижу что ты меня не любишь... Не любишь больше...

Она какъ будто испугалась, что я буду говорить...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я знаю... Ты не любишь... ты жалѣешь... мнѣ больно... ну, зачѣмъ я тебѣ... какъ ребенокъ... это не то... это не то... Конечно, и

больно... мечется моя раздавленная гордость... Я должна уйти... давно уйти... давно тебѣ сказать это... но это казнь... я хочу немного отсрочки... немного... хоть нѣсколько дней... и такъ каждый день нависаетъ тяжесть близости...

Я думалъ: да, это она правду говоритъ... Да, нависаетъ...

Да, нависаетъ... И тяжестью близости. Это хорошо.

И отъ этихъ словъ замираетъ во мнѣ протестующій врагъ.

Если бы у меня не было слуха и глазъ, и всѣхъ моихъ другихъ чувствъ, всѣхъ безчисленныхъ чувствъ, которыя мнѣ мѣшаютъ.

Это было бы хорошо.

Вотъ еще недавно я чувствовалъ ненависть къ этому существу. Холодную трезвую ненависть.

Теперь ея нѣтъ. Теперь вмѣстѣ со скорбью во мнѣ загорается восторгъ жалости.

Да, восторгъ жалости.

Я уже слушаю ея голосъ. Жадно хватаюсь за каждое слово, за каждое слово.

— Да, милый, скорбь... Сними съ меня скорбь... скажи, скажи правду... Не надо жалости... жалости обмана...

«Она такъ чутка, такъ чутка», думаю я. — И еще больше загораюсь чѣмъ то болѣзненнымъ.

— Ты знаешь... Я не буду ползать и просить... Скажи...

Она помолчала.

— Скажи...

Я стоялъ какъ скованный. Какъ будто въ неподвижности искалъ побѣду. Какъ дымъ мелькали обрывки думъ. То была явь какъ сонъ.

И также легко неслись и захватывали воспоминанія о торжественности первой любви.

Я въ неподвижности искалъ побѣду. Въ неподвижности...

«Скажи, скажи», — какъ будто звучало у меня въ душѣ.

Восторгъ переполняетъ меня.

Я бросился къ ея ногамъ. Я обнялъ ихъ, я шепталъ, безумно шепталъ что-то, что облегчало мою грудь.

Я говорилъ о любви, смѣялся цѣловалъ ея руки.

Я называлъ минувшее призраками ночи.

И горѣли на глазахъ слезы. Какъ будто хорошія слезы.

Она вся какъ затихала какъ-то. Затихала съ тихими облегчающими слезами.

Я чувствовалъ, что это я касаюсь ея муки и снимаю ее.

Я шепталъ безумныя слова ласкъ. Шепталъ быстро, быстро, горячо, какъ-будто заговаривалъ что-то нарастающее.

Это былъ зовъ, а позади уже накопало отчаяніе.

Я это чувствовалъ за моимъ восторгомъ но уходилъ въ него.

— Милый, милый, какъ хорошо, — шептала она, — неужели это правда... Да это — правда... Я знаю... У тебя что то другое, тяжелое... Что — ты мнѣ расскажешь... Боже мой... вотъ и счастье опять тутъ...

Во тмѣ ея лицо такъ тонко бѣлѣло.

Счастье...

И мой зовъ замиралъ по ту сторону... Далеко, далеко...

Надвигались новые дни молчанія...

Но когда нибудь я-же долженъ заставить звучать это беззвучіе?..

Іеремія Добровольскій.

Голосъ съ того свѣта.

1.

Получилъ конвертъ. Въ немъ письмо—и рукописи.

Письмо напечатано на машинкѣ.

„Господинъ Шебуевъ! Вы меня не знаете и я не скажу вамъ своего имени, потому что не хочу что-бы вы меня ругали, а ругать меня слѣдуетъ потому что по отношенію къ Вамъ и „Веснѣ“ я сдѣлалъ огромное свинство. Я—другъ извѣстнаго вамъ поэта „Весны“ Никанорова-Каринскаго, какъ вамъ извѣстно скончавшагося, три года тому назадъ отъ чахотки. Передъ смертью онъ писалъ Вамъ письмо въ „Весну“, но отправить его не успѣлъ и просилъ это сдѣлать меня. А я по глупой безпечности и легкомыслию все откладывалъ день за днемъ, пока не услышалъ, что „Весна“ прекратила свое существованіе. Однако конвертъ я не уничтожилъ и онъ пролежалъ у меня до сихъ поръ въ завѣтномъ ящикѣ конторки. Теперь съ радостью узнавъ, что „Весна“ возрождается для новой жизни, спѣшу исправить мою вину и посылаю письмо Никанорова. Я совѣтую вамъ напечатать его, потому что хотя покойный поэтъ и работалъ въ десяткахъ другихъ изданій (преимущественно провинціальныхъ) но всегда считалъ себя питомцемъ „Весны“ и гордился тѣмъ, что въ письмѣ вы ему пожелали здоровья, и назвали „весенникомъ“. Даже не прошу прощенія за то свинство, которое я сдѣлалъ по отношенію къ „Веснѣ“, не выславъ этихъ стиховъ и письма во время. Но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Другъ Никанорова-Каринскаго.

2.

Вспоминаю, что незадолго до смерти талантливаго весенника я послалъ ему письмо одобрения и ободрения.

Я зналъ, что чахотка уже дотачивала его организмъ, зналъ что онъ ужъ не встанетъ.

Но все-таки обнадеживалъ его и указывалъ ему какъ на разительный примѣръ на самого себя.

На экзаменъ въ университетъ меня сторожа внесли на рукахъ.

Я былъ живымъ трупомъ.

Доктора гнали меня на кумысъ и взяли слово, что я не буду держать экзаменовъ.

Выдержавъ экзаменъ въ жару и слабости, я поѣхалъ въ Башкирію, за Оренбургъ, въ Сейткулово.

Тамъ жарился въ постоянномъ зноѣ степи, пилъ ведрами изумительное башкирское „бѣлое шампанское“ и къ осени вернулся въ Петербургъ молодымъ и здоровымъ.

Съ тѣхъ поръ я ни разу не кашлянулъ подзрительно.

3.

Въ отвѣтъ на это письмо Никаноровъ Коринскій пишетъ:

„Дорогой Николай Георгіевичъ!

Спасибо, спасибо Вамъ за ободреніе. Какъ разъ тотчасъ же по прочтеніи Вашего отвѣта попалъ къ нѣкому доктору Бѣлоусову, который болѣлъ самъ туберкулезомъ, вылѣчился, имѣетъ уже 60 лѣтъ за плечами и благодушествуетъ. Оказался прекраснѣйшимъ человѣкомъ. И радостно какъ то на душѣ. Глядишь, столько людей поправилось, почему же, молъ, и тебѣ нельзя? На кумысъ врачъ не пустилъ изъ-за высокой температуры. Теперь замѣчаю, что здоровье если не лучше то и не хуже. Развитіе бациллъ какъ бы остановилось. И слава Богу. Вотъ только все свое состояніе пролѣчилъ. Что называется до послѣднего сантима. Но это дѣло поправимое. Будутъ силы,—будутъ и деньги. Однако, объ этой скучной матеріи довольно. Поговоримъ о „Веснѣ“. Каждый новый номеръ беру съ трепетомъ, читаю и радуюсь. Все такъ вкусно и въ большинствѣ случаевъ искренно. Не мало, конечно, у нашей современной молодежи и вывертовъ, но они, какъ я замѣчаю, благоразумно идутъ въ Вашу корзину. И хорошо, что Вы воспитываете изящный вкусъ въ молодежи. Я самъ во многомъ Вамъ благодаренъ за указанія себѣ и дру-

гимъ, которая часто примѣняю къ себѣ. Можетъ быть, нѣкоторымъ самомнительнымъ писцамъ такія указанія и неприятны, но онѣ, во всякомъ случаѣ, полезны очень и очень. Иногда въ той же „Веснѣ“ замѣчаешь досадныя юношескія незрѣлости или маленькіе промахи, но про каждое произведеніе невольно говоришь: „что-то есть“. И хочется сказать этимъ пишущимъ: „господа! да вы всѣ поэты! Истинные или не истинные—это, конечно, другое дѣло. Можетъ быть и пустоцвѣтовъ много окажется, но пока вы всѣ цвѣтете. Или хочется сказать еще теплѣе: славные мои друзья!

Много васъ, страшно много. Даже жуть беретъ. Долготерпѣливый нашъ редакторъ и тотъ волкомъ отъ насъ взвылъ. Да, много насъ. Затираемъ мы другъ друга въ своей огромной массѣ. Но, все таки, и весело въ этой массѣ. Мы какъ оркестръ птицъ и насѣкомыхъ въ высокой іюньской травѣ. Трещимъ, поемъ, звенимъ, звенимъ, безъ конца звенимъ. И всѣ пѣсни такія радостныя. Прорываются, правда, мрачныя пѣсни скорби и смерти. Это поютъ подстрѣленные, помятыя и приплюснутыя. Но молодость и не то заживляетъ. Кланяюсь же вамъ земно, славные и неивѣстные друзья мои, за ту красоту, которую вы носите въ душѣ и къ которой все болѣе стремитесь. Кланяюсь вамъ за то, что вы, какъ пчелы, со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, несете лучшей медъ своего сердца въ журнальный улей. И кормите другія души сокомъ и прелестью своихъ душъ. И пища эта настолько хороша, что подчасъ духъ захватываетъ отъ наслажденія. Не меньше никого изъ насъ, конечно, стремитесь къ этой красотѣ невѣдомой и стремитесь, видимо, всю жизнь Вы сами. Это видно по тому, что Вами одинаково сильно владѣютъ и поэзія, и живопись, и театръ. И не хватаетъ человѣческихъ силъ отдаться безраздѣльно сразу всему прекрасному въ мірѣ. Ради Бога не примите всего этого за лесть. Если бы я Васъ не уважалъ за порываніе къ изящному и за теплое отношеніе къ молодымъ дарованіямъ, никогда бы этого не написалъ. Посылаю и на этотъ разъ два стихотворенія, причѣмъ одно циклистое.

Кланяюсь. Дай Богъ Вамъ долгоденствія.

Никаноровъ-Каринскій.

4.

Какъ голосъ съ того свѣта звучитъ это письмо.

Конечно преувеличеніемъ звучатъ всѣ эти милыя слова умирающаго поэта касающіяся меня лично.

Но то, что онъ говоритъ о „Веснѣ“—правда.

Я съ гордостью и радостью могу сказать:

„Весна“ была такою, какою ее описалъ Никаноровъ-Каринскій.

— Была и будетъ.

5.

А вотъ и тѣ два стихотворенія которыя приложены были къ письму.

Одно изъ нихъ—циклъ „Телеграфистъ“.

Другое—„Кенассиримъ“.

ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

1.

Вступивъ на часы какъ солдатикъ,
Онъ долженъ свой сонъ превозмочь,

И будетъ стучать аппаратикъ
И лента вертѣтся всю ночь.
Глубокія сумерки мглы,
Отпрянули тѣни въ углы,
Бѣгутъ паровозныя свисты,
Отрывочны, рѣзки и злы.
О, если-бы были деньжонки,
Уволиться, лечь-бы въ постель;
Дни мутно текутъ, какъ подонки,
И мысль ударяетъ: гдѣ цѣль?
А утромъ пойдетъ умываться,
Пройдетъ мимо кассы и дамъ
И будетъ чуть-чуть улыбаться
Дразнящимъ подъ шляпкой глазамъ.
Прочтетъ на платформѣ приказы
Разсѣянно, какъ невзначай,
Безъ всякой улыбки и фразы
Допьетъ холодящій чай.
И смѣнится... желтъ аппаратикъ,
Игрушка, но выйди-ка прочь,
Вступай на часы какъ солдатикъ,
Вступай и работай всю ночь.

2.

Бѣдны, простеньки родители,
Кое-кто доселѣ живъ;
Вотъ начальникъ въ бѣломъ кителѣ
Входитъ, поѣздъ проводивъ.
Рѣзко крикнулъ, кинулъ взорами,
Что-то въ книжицѣ черкнулъ
И опять за семафорами
Въ тепломъ мракѣ потонулъ.
Тяжелы пути желѣзные,
Змѣи сумрачной глуши,
Бездны темныя и звѣздныя,
Точно глубь чужой души.
Спитъ сумерками мглы,
Скоро три часа утра,
Сонно входятъ съ машинистами
Въ тусклый залъ кондуктора.

3.

О эти пестрые флаги
Красныхъ, зеленыхъ цвѣтовъ,
Смерть въ каждомъ словѣ и шагѣ,
Тяжкій развалъ поѣздовъ.
Надо быть зоркимъ и бодрымъ,
Путь неразгадно—далекъ;
Къ лавочкѣ, къ метламъ и ведрамъ
Съ сумкой прильнулъ мужичекъ.
Всѣмъ, видно, скучно и тяжело,
Каждый страдаетъ и ждетъ,
Снова краснѣетъ фуражка,
Снова начальникъ идетъ.
Грузно вагоны во мракѣ
Сонную землю гнетутъ;
Четкіе, ровные знаки
Быстро по лентѣ бѣгутъ...
Точки, тире, промежутки,
Поѣздъ прошелъ семафоръ,
Сумерки глухи и жутки,
Время усилить надзоръ
Трудно просиживать ночь,
Хочется вольно пожить,
Хоть бы поповскую дочку
Что-ли собою плѣнить.
Проще въ провинціи души,
Перевестися легко,
Будетъ свой домикъ и груши,
Куры, цвѣты, молоко.

4. Или дожидаться ваканси,
Тоже въ движеніе уйти,
Будетъ начальникомъ станціи
Гордо стоять на пути,
Въ красной фуражкѣ, увѣренно
Приметъ кондукторскій листъ;
Тьма колыхнулась растерянно,
Утренникъ будетъ лучистъ.
Зарево вспыхнетъ пожарищемъ,
Долго зари не унять;
Надо сходить-бы къ товарищамъ
И на гитарѣ сыграть.

5. Звенятъ телеграфныя струны,
Какъ будто бормочать слегка,
А мысли устали и юны,
Въ нихъ радость и пылъ и тоска.
Смыкаются вялыя очи,
Какъ вечеромъ никнуть цвѣты,
Нырнули видѣнія ночи
Въ пространство далекой версты.
Игрою причудливой пѣны
Одѣлъ полусвѣтъ облака;
Бодритъ ожиданіе смѣны
И таетъ ночная тоска.

КЕНАССИРИМЪ.

Я—царь Кенассиримъ! владыки, трепещите
Со всѣми слугами и воинствомъ своимъ,
Скорѣ предо мной съ покорностью падите,
Несите жемчуга, сокровища везите,

Я—царь Кенассиримъ.
Я—царь Кенассиримъ! моей покорна власти
Великая земля съ обиліемъ своимъ,
А я, весь полный силъ, могущества и страсти,
Могу помиловать и изрубить на части,
Я—царь Кенассиримъ.
Отъ сдвинутыхъ бровей моихъ родятся громы
И смертный падаетъ безмолвно-недвижимъ,
Законы жалости мнѣ съ дѣтства незнакомы,
Чужихъ пословъ я гну, какъ пукъ сухой соломы,
Я—царь Кенассиримъ.
Ослушниковъ на колѣ! на раны крѣпкой соли!
Пусть знаютъ, какъ претить владыкамъ міровымъ,
И внемлетъ плѣнный міръ моей премудрой волѣ
До самыхъ крайнихъ льдовъ, гдѣ нѣтъ и чаекъ болѣ,

Я—царь Кенассиримъ.
Наложницы мои... такихъ не знали боги:
Богини ихъ подчасъ, со всѣмъ умомъ своимъ,
Имѣли грубый бюстъ, уродливы ноги,
Я плѣнницъ бы такихъ зарѣзалъ на дорогѣ,
Я—царь Кенассиримъ.
Нѣтъ, мой гаремъ не то: невольницы на диво
Подобраны въ дворецъ отрядомъ удалымъ,
И каждая изъ нихъ такъ женственно-красива,
Что я предъ ихъ красой самъ гнуся, какъ олива,
Я—царь Кенассиримъ.
Коня! ничтожный сбродъ толпящійся у трона,
Коня и не шутить съ велѣніемъ моимъ!
Иначе истреблю... на что мнѣ оборона?
На мнѣ и такъ крѣпка монаршая корона,
Я—царь Кенассиримъ.

Н. Никаноровъ-Каринскій

Э П А Т И С Т Ы.

1. Самое поношенное слово нашего лексикона—
футуризмъ.

Оно же и самое поносимое.
Вѣдь стало общимъ мѣстомъ доказывать,
что футуристы ничего общаго съ futurum не
имѣютъ.

Что всѣ они въ perfectum.
Даже въ plusquamperfectum.
Вѣдь они стремятся не только къ идеаламъ,
но и къ пріемамъ первобытныхъ дикарей.

Первобытный дикарь краской размалевывалъ
себѣ физиономію.

Первобытный дикарь не зналъ въ рисунокѣ
рисунка и перспективы.

Первобытный дикарь танцевалъ танецъ еще
циничнѣе танго.

Первобытный дикарь членомъ—и—нечленораз-
дѣльными звуками выражалъ свои переживания.

Первобытный дикарь самъ создавалъ себѣ
языкъ.

Первобытный дикарь не умѣлъ сдерживаться
и дикіе выходки его напоминали скандалъ ны-
нѣшнихъ „будущниковъ“.

Почему лица, идеалы которыхъ — идеалы
дикарей называются будущниками.

Почему они футуристы, а не дикаристы?

2.

Говорить о русскихъ футуристахъ значить
повторять то, что извѣстно всѣмъ.

Это—группа бездарныхъ молодыхъ людей
пожелавшихъ во что бы то ни было „просла-
виться“.

Для этой цѣли они примѣнили къ себѣ го-
товую молодую заграничную этикетку и пошли
на проломъ.

У нихъ не было ни искренности, ни таланта:
Ихъ не хватило даже на то, чтобы соргани-
зовать красивый скандалъ.

Но и некрасивыми хулиганскими выходками
они заставили говорить о себѣ печать.

Хотя объ нихъ нужно было-бы печатать не
въ отдѣлѣ критики, а въ отдѣлѣ происше-
ствій.

Каждое публичное выступленіе русскаго фу-
туризма было для нихъ пирровой побѣдой,—оно
показывало всѣмъ ясно, съ кѣмъ имѣешь дѣло
и съ чѣмъ.

Съ уголовною хроникой.

Будь среди этихъ рекламистовъ хоть одинъ
мало-мальски талантливый человѣкъ, онъ могъ
бы натворить великихъ дѣлъ, такъ какъ ауди-
торія, стосковавшаяся о новомъ, напряженно
ждала и внимательно ловила каждый намекъ.

Такой пріятной и удобной аудиторіи, какъ
та, которая собралась на футуристическій спек-
такль въ театрѣ Луна Паркъ давно не бывало.

Спектакль оказался послѣдней пыткой обще-
ственного долготерпѣнія.

Послѣ него къ „футуристамъ“ ни у кого не
осталось интереса.

2.

Но вотъ пріѣхалъ Маринетти—талантливый,
живой, остроумный, блестящій лекторъ.

Его выходъ былъ новымъ пораженіемъ на-
шего доморощенного „футуризма“.

Потому что показали, какая разница между
настоящимъ футуристомъ и доморощеннымъ
апплике.

Маринетти заявилъ:
— Молодость всегда права. Даже тогда,
когда она говоритъ не правду!

И этимъ блестящимъ афоризмомъ сразу при-
влекъ къ себѣ молодежь.

Онъ опубликовалъ свой пародоксальный,
блещащій, талантливый манифестъ и заставилъ
о себѣ спорить съ пѣной у рта.

Манифестъ этотъ касающійся живописи и
поэзіи говоритъ о томъ, о чемъ уже давно мы
знаемъ отъ Валерія Брюсова: что въ нашъ
электрическій вѣкъ и стихи и картины должны
быть электрическими:

Прочтите стихотворенія Брюсова въ № 1
„Весны“.

Мы—электрическіе свѣты
Надъ шумной уличной толпой...

Маринетти призываетъ къ тому, что давно
уже воспѣвается нашими лучшими поэтами—къ
воспѣванію города, къ воспѣванію современ-
ности:

Качаясь на стебляхъ высокихъ,
Горя въ преддверьяхъ снѣга
И искрясь изъ витринъ глубокихъ,
Мы—дрожь, мы—блескъ, мы—жизнь сама!
Что было красочнымъ и пестрымъ,
Мѣняя властнымъ волшебствомъ,
Мы дѣлаемъ безцвѣтно—острымъ.
Живѣй и призрачнѣй, чѣмъ днемъ.
И женщинъ, съ ртомъ, какъ рана, алымъ
И юношей, съ тоской въ зрачкахъ,
Мы озаряемъ небывалымъ
Вѣнцомъ, что обольщаетъ въ снахъ.
Даемъ соблазнъ любви продажной,
Случайнымъ встрѣчамъ—тайный смыслъ;
Угрюмый домъ многоэтажный
Мы превращаемъ въ символъ числъ.
Изъ быстрыхъ уличныхъ мельканій
Лишь мы поэзію творимъ,
И съ нами—каждый на экранѣ,
И, на экранѣ кто,—мы съ нимъ!
Заливъ сіяньемъ современность,
Ее впитали мы въ себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю брэнность
Преобразили мы любя...

Для русскихъ поэтовъ ничего новаго нѣтъ
въ призывахъ Маринетти.

Потому что они сами давно уже тамъ, куда
зоветъ онъ: всю мишуру современной цивили-
заціи они изображаютъ любя.

И Бальмонтъ, и Брюнцъ, и Блокъ, Соло
губъ и тѣ кто съ ними.

А въ особенности Игорь Сѣверянинъ.

Гдѣ же тутъ футуризмъ? гдѣ futurum, когда
это praesens русской поэзіи!

Быть можетъ футуризмъ всего ярче и на-
гляднѣе выявленъ въ той части манифеста Ма-
ринетти, которая касается театра.

Вотъ этотъ наиболѣе любопытный документъ
въ прекрасномъ переводѣ М. А. Потапенко.

ПОХВАЛА ТЕАТРУ ВАРЬЕТЪ.

Мы испытываемъ глубочайшее отвращеніе къ
современному театру (въ стихахъ, прозѣ или

музыкѣ), такъ онъ бессмысленно мечется между
историческими воспроизведеніями (фальшь или
плагиатъ) и фотографическимъ изображеніемъ
нашей повседневной жизни.

Въ то же время мы усердно посѣщаемъ те-
атры Варьетъ (Music Hall'ы, кафешантаны или
цирковыя представленія), которые въ наше
время одни лишь представляютъ настоящее те-
атральное зрѣлище, достойное дѣйствительно
футуристическаго ума.

Футуризмъ признаетъ театрѣ Варьетъ по слѣ-
дующимъ причинамъ:

1) Театрѣ Варьетъ, возникшій одновременно
съ нами, къ счастью, не имѣетъ никакихъ тра-
дицій, никакихъ учителей или правилъ и питается
отъ творчества дня.

2) Театрѣ Варьетъ, безусловно практиченъ,
такъ какъ онъ задается простою цѣлью развлека-
ть и увеселять публику представленіями ко-
мического, эротическаго или фантастическаго на-
правленія.

3) Авторы-актеры и машинисты театра Варьетъ
могутъ существовать и пользоваться успѣхомъ
лишь при условіи постоянного изобрѣтенія но-
выхъ элементовъ зрѣлища. Отсюда абсолютная
невозможность застоя или повторенія, а также
усиленное соревнованіе ума и мускуловъ, чтобы
превзойти всевозможные рекорды ловкости, бы-
строты, силы, изобрѣтательности и изящества.

4) Театрѣ Варьетъ, будучи подходящей сре-
дой для безконечной изобрѣтательности, естест-
венно порождаетъ то, что я называю футури-
стической „чуждостью“, производимой совре-
менной техникой. Тутъ одновременно находишь:
яркую карикатуру, тонкую, очаровательную иро-
нію, запутанные и опредѣленные символы, потоки
неудержимаго смѣха, глубокую аналогію между
человѣчествомъ, животнымъ, растительнымъ и
неорганическимъ міромъ, умозаключенія смѣлаго
цинизма, кружево остроумія, каламбуры и за-
гадки, пріятно освѣжающіе умъ,—цѣлую гамму
смѣха и улыбокъ, успокаивающихъ нервы, всѣ
градации глупости, нелѣпости, слабоумія, неза-
мѣтно граничащія съ безуміемъ, всѣ новѣйшія
проявленія свѣта, звука, шума рѣчи съ таин-
ственными и непонятными дальнѣйшими откли-
ками въ наименѣе изслѣдованныхъ центрахъ на-
шей чувствительности.

5) Театрѣ Варьетъ представляетъ въ настоя-
щее время плавильную печь, въ которой смѣ-
шаны элементы совершенно новой нарождаю-
щейся чувствительности. Въ немъ мы находимъ
ироническое отношеніе къ разрушеннымъ перво-
образамъ Красоты, Величія, Торжественности,
Религиозности, Жестокости, Соблазна и Ужаса
такъ же, какъ и отвлеченную выработку новыхъ
прообразовъ, долженствующихъ придти на смѣну
прежнимъ.

Театрѣ Варьетъ представляетъ такимъ обра-
зомъ синтезъ всей той утонченности, съ кото-
рой человѣчество проявляетъ свое юмористиче-
ское отношеніе къ матеріальному и моральному
страданію. Помимо того онъ является кипящимъ
сплавомъ всяческаго смѣха, улыбокъ, шутокъ и
судорогъ будущаго человѣчества. Въ немъ мо-
жетъ быть намѣчается та веселость, которую
будутъ испытывать люди черезъ сто лѣтъ, изслѣ-
дованія ихъ живописи, философіи, ихъ взгля-
довъ и возрожденіе новой архитектуры.

6) Театрѣ Варьетъ представляетъ наиболѣе

гигиеническое изъ всѣхъ зрѣлищъ, благодаря динамикѣ формъ и красокъ (одновременное движеніе жонглеровъ, танцовщицъ, гимнастовъ, разноцвѣтныя группы наѣздниковъ). Быстрымъ или же длительнымъ ритмомъ танца театр Варьетэ дѣйствуетъ на самые неподвижные умы, заставляя ихъ выйти изъ оцѣпенѣнія.

Дѣйствіе одновременно происходитъ на сценѣ, въ ложахъ и партерѣ. Оно продолжается подъ конецъ представленія среди толпы поклонниковъ, молодежи, толпящейся у входа на сцену въ погонѣ за „звѣздой“, заканчиваясь роскошнымъ ужиномъ и спальней.

7) Театр Варьетэ является хорошей школой искренности для мужчинъ, такъ какъ въ немъ женщина является безъ всякихъ покрововъ, фразъ, вздоховъ и романтическихъ слезъ, искажающихъ и маскирующихъ ее. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обнаруживаетъ всѣ восхитительныя животныя стороны женщины, силу ея власти, оболстительности, вѣроломства и сопротивления.

8) Театр Варьетэ представляетъ школу героизма благодаря тѣмъ трудностямъ и усиліямъ, которыя приходится преодолевать, что и образуетъ на сценѣ сильную и здоровую атмосферу опасности (какъ напр. „Мертвая петля“ на велосипедѣ, автомобилѣ или на лошади).

9) Театр Варьетэ есть школа мозговой изощренности, сложности и синтеза благодаря всѣмъ этимъ клоунамъ, фокусникамъ, чтецамъ мысли, молниеноснымъ счетчикамъ, и имитаторамъ и пародистамъ, музыкальнымъ эксцентрикамъ, американцамъ, фантастическая изобрѣтательность которыхъ порождаетъ самые невѣроятные приспособленія и механизмы.

10) Театр Варьетэ единственная школа, которую можно рекомендовать подростающему поколѣнію и талантливой молодежи, такъ какъ она самымъ нагляднымъ и быстрымъ способомъ выясняетъ наиболѣе загадочныя задачи и сложныя политическія событія.

Напримѣръ: годъ тому назадъ въ Фоли-Бержеръ, два танцовщика изображали нерѣшительность дебатовъ между Кальбаномъ и Киндерле-Вехтеромъ по Марокскому вопросу, посредствомъ выразительнаго, символическаго танца, стоящаго по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ изученія иностранной политики. Оба танцовщика, обращаясь къ публикѣ съ перекрещенными руками, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, изображали, какъ они взаимно стараются уступать другъ другу мѣсто, прыгая впередъ и назадъ, влѣво и вправо, ни на минуту не разъединяясь, каждый не теряя изъ виду своей цѣли, т. е. желанія поставить другого въ затрудненіе. Они производили впечатлѣніе необычайной учтивости, искусной эквилибристики, свирѣпости, недовѣрія, упорства, невѣроятной дипломатической застѣнчивости.

Кромѣ того театр Варьетэ ярко иллюстрируетъ и толкуетъ преобладающіе жизненные законы:

- а) сплетеніе различныхъ ритмовъ,
- б) неизбежность лжи и противорѣчій (примѣръ: англійскіе дуэлики танцовщики, пастушки и грозный воинъ),
- в) синтезъ быстроты и превращенія (Фреголи),
- г) образованіе и разложеніе минераловъ и растений (появленіе и исчезновеніе свѣтовыхъ объявленій, какъ наиболѣе яркая иллюстрація къ этому).

11) Театр Варьетэ систематически обезцвѣчиваетъ идеальную любовь и ея романтическое наводненіе, до пресыщенія повторяя съ монотонностью и автоматичностью ежедневной обязанности о томительномъ однообразіи страсти, выслушиваетъ чувства, здраво осуждаетъ плотское обладаніе, принижаетъ страсть до естественной функции организма, лишаетъ ее всякой таинственности, ореола страданія и всего нездорового идеализма.

Театр Варьетэ даетъ взаменъ чувство и вкусъ къ легкой, свободной и юмористической любви. Зрители открытыхъ кафешантанныхъ сценъ присутствуютъ при забавнѣйшемъ состязаніи судорожно дрожащаго луннаго свѣта и электрическаго освѣщенія, ярко отражающагося на фальшивыхъ брилліантахъ, неровной кожѣ, на пестрыхъ юбочкахъ, бархатѣ, блестящихъ и нарумяненныхъ губахъ. Естественно, что сильный электрическій свѣтъ торжествуетъ побѣду, а мягкій, колеблющійся свѣтъ луны принужденъ обратиться въ бѣгство.

12) Театр Варьетэ разрушаетъ все торжественное, святое, серьезное, возвышенное въ искусствѣ. Онъ способствуетъ предстоящему уничтоженію, безсмертныхъ произведеній, измѣняя и пародируя ихъ, представляя ихъ кое-какъ, безъ всякой обстановки, не смущаясь, какъ самую обыденную вещь. Такимъ образомъ, предстоитъ постановка „Парсифаля“ въ одномъ изъ большихъ лондонскихъ Music-hall'яхъ. Театр Варьетэ разрушаетъ всѣ наши представленія о времени и пространствѣ. (Примѣръ: небольшая калитка съ рѣшеткою въ 30 сантиметровъ вышины, поставленная посреди сцены, сквозь которую проходятъ нѣкіе американскіе эксцентрики, открывая и затворяя съ вполне серьезнымъ видомъ, какъ еслибъ они и не могли поступить иначе).

13) Театр Варьетэ представляетъ всевозможные рекорды, достигнутые до сихъ поръ и образцы наиболѣе яркой женской красоты.

14) Театр Варьетэ вкратцѣ представляетъ всѣмъ странамъ, не обладающимъ одной единственной столицей (какъ Италия), блестящее рѣзюме Парижа, считающагося единственнымъ, подавляющимъ вмѣстилищемъ рафинированной роскоши и наслажденій.

Футуризмъ стремится усовершенствовать театр Варьетэ, превративъ его въ театръ диковинъ и рекордовъ.

1) Необходимо абсолютно уничтожить всякую логичность въ спектакляхъ Варьетэ, замѣтно преувеличить ихъ экстравагантность, усилить контрасты и предоставить царствовать на сценѣ всему невѣроятному. (Примѣръ: заставьте куплетистовъ выкрасить шею, руки и въ особенности волосы во всевозможные цвѣта, до сихъ поръ считавшіяся не привлекательными. Зеленые волосы, фіолетовые руки, голубая грудь, оранжевый парикъ и т. д.). Прерывайте пѣвицу. Сопровождайте пѣніе романсовъ ругательными и оскорбительными словами. (!! *Прим. ред.*).

2) Необходимо не допускать никакихъ традицій, которыя могли бы утвердиться въ театрѣ Варьетэ. Въ виду этого всячески препятствовать и уничтожать парижскія „Révues“, столь же безтолковыя и утомительныя, какъ греческія трагедіи, съ ихъ „Compepe“ и „Commere“, исполняющими роль античнаго хора, съ ихъ процес-

сіями политическихъ персонажей и событій, отличающимися остроумными замѣчаніями и строгой послѣдовательностью и логичностью. Въ дѣйствительности театр Варьетэ не долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ къ несчастью, является въ настоящее время, почти во всѣхъ случаяхъ—фельетономъ, болѣе или менѣе юмористическимъ.

3) Заставить зрителей партера, ложъ и галереи принимать участіе въ дѣйствіи. Приводимъ нѣсколько примѣровъ: намажьте какимъ-нибудь крѣпкимъ клеємъ кресла такимъ образомъ, чтобы посѣтитель или посѣтельница, приклеенные къ креслу, могли бы возбудить общую веселость, (испорченное платье, конечно, должно быть оплачено при выходѣ).

4) Продайте одно и то же мѣсто десятку посѣтителей: отсюда задержка, столкновеніе и споры. Раздавайте свободныя мѣста людямъ съ замѣтными причудами, раздражительнымъ или эксцентричнымъ, съ расчетомъ чтобы они могли произвести переполохъ неприличными жестами, приставаньемъ къ дамамъ и другими эксцентричностями.

Посыпайте кресла какимъ-нибудь порошкомъ, возбуждающимъ чиханье, чесотку и т. п.

5) Систематически профанируйте классическое искусство на сценѣ, изображая, напримѣръ, всѣ греческія, французскія и итальянскія трагедіи одновременно въ одинъ вечеръ, сокращенными и комически перепутанными вмѣстѣ.

Оживляйте произведенія Бетховена, Вагнера, Баха, Беллини, Шопена, вплетая въ нихъ неаполитанскіе пѣсни. Совмѣстите на одной сценѣ Цаккони, Дузе, Майоля, Сарру Бернаръ и Фреголи. Исполняйте симфоніи Бетховена съ конца.

Поступайте такимъ же образомъ и съ другими, наиболѣе почитаемыми авторами. Поставьте „Эрнани“ съ актерами, завязанными по горло въ кули. Намыльте подмостки такимъ образомъ, чтобы въ самыя трагическія моменты могли произойти забавныя паденія.

6) Поощряйте всячески жанръ американскихъ эксцентриковъ, ихъ гротескные эффекты, поражающія движенія, ихъ неуклюжія выходки, ихъ безмѣрная грубость, ихъ жилетки, наполненные всяческими сюрпризами и штанами глубокими, какъ корабельные трюмы, изъ которыхъ вмѣстѣ съ тысячами предметовъ исходитъ великій футуристическій смѣхъ, долженствующій обновить фizioномію міра.

Такъ какъ, не забывайте, что мы, футуристы, принадлежимъ къ числу пылкихъ, юныхъ воителей и, какъ сказано въ нашемъ манифестѣ „уничтожимъ лунный свѣтъ“.

4.

Въ первой половинѣ этого манифеста Маронетти говорить о томъ что разъ Америка открыта, надо ею пользоваться.

Разъ варьете открыты надо въ нихъ ходить. Но они ломятся въ открытую дверь.

То что онъ говоритъ о театрѣ-варьете относится въ ровной, если не въ большей мѣрѣ къ электрическому театру-кинематографу!

Широкая публика уже предпочитаетъ его обыкновенному театру.

Это не futurum а praesens.

Дѣти самаго театральнѣйшаго вѣка—Максъ Рейнгардтъ, Монеси и Бассерманъ, что кинематографъ подлинное искусство.

„Играющіе хороши какъ въ театрѣ, такъ и въ кинематографѣ выполняетъ задачу подлиннаго искусства. Тотъ кто думаетъ иначе и понятія не имѣетъ о трудности кинематографической игры“.

5.

А развѣ стихи нашихъ современныхъ поэтовъ не электростихотворенія.

Развѣ въ стихахъ того же Валерія Брюсова мы не присутствуемъ при состязаніи судорожно дрожащаго луннаго свѣта и электрическаго освѣщенія, ярко отражающагося на фальшивыхъ брилліантахъ, неровной кожѣ, на пестрыхъ юбочкахъ, бархатѣ, блескахъ и нарумяненныхъ губахъ!

Развѣ электрическій свѣтъ не празднуетъ побѣды надъ луннымъ!

Развѣ поэтъ не ставитъ посреди луны калитки съ рѣшеткой въ 30 сантиметровъ и не проходитъ сквозь нея съ серьезнымъ видомъ открывая и закрывая ее, какъ будто онъ не можетъ перешагнуть черезъ нее.

Развѣ современный поэтъ систематически не „обезцвѣчиваетъ идеальную любовь и ея романтическое наводненіе, до пресыщенія повторяя съ монотонностью и автоматичностью ежедневной обязанности о номинальномъ однообразіи страсти, выслушиваетъ чувства, здраво осуждаетъ плотское обладаніе, принимаетъ страсть до естественной функции организма, лишаетъ ее всякой таинственности, ореола страданія и всего нездорового идеализма“.

Почему все это futurum!

Это praesens.

И даже praesens historicum.

6.

Поэзія какъ и театръ должна быть поэзіей диковинъ и рекордовъ.

Но и это уже есть.

Нынѣшніе поэты только и заботятся какъ бы épater!

И эпатируютъ не ради будущаго, но для futurum.

А ради настоящаго—praesens!

Они ловятъ моментъ.

Какъ и самъ Маринетти.

Не футуристы они, а моменталисты.

■ Какъ самъ Маринетти, не футуристъ, а презенталистъ, моменталистъ, эксцентрикъ, эпотистъ,—какой угодно и дайте ему и оно будетъ удачнѣе чѣмъ футуристъ.

Эпатистъ вотъ слово которымъ я предлагалъ замѣнить ничего не говорящее слово футуристъ.

Ератер буквально значить отбивать ножку у рюмки, стуча ею о столъ.

Въ переносномъ смыслѣ это значить обращать на себя вниманіе все равно какимъ чудачествомъ.

Чудачества, несомнѣнно, эксцентричнаго ищетъ эпатистъ.

И, если онъ талантливъ, онъ желанный гость въ нашемъ пиру.

А если онъ безъ таланта, какъ наши футуристы, „забрасаемъ его гнилыми яблоками“.

Эпатистъ.

Поэзоконцерты.

(Статья Пимена Карпова).

Если подразумевать под словом „футуризм“—взрывъ чувствъ, вдохновение, новые горизонты, новую, дотоле невѣдомую красоту, то — каждый поэтъ футуристъ, иначе онъ не поэтъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Тютчевъ, Фетъ, вдохновенно проложившіе столько новыхъ загадочныхъ и манящихъ путей къ предвѣчной красотѣ, пользуясь для этого новыми, неожиданными словами, оборотами рѣчи, намеками,—футуристы въ подлинномъ смыслѣ, и было-бы ложью и оскорбленіемъ памяти великихъ поэтовъ называть ихъ просто стихотворцами, сочинителями и т. д., какъ это дѣлалъ прежде (Писаревъ) да и теперь дѣлаетъ нигилистическая критика. Такъ называемые трезвые (т. е. ограниченные) реалисты любятъ ссылаться на Толстого, Тургенева, Достоевскаго—вотъ, молъ, реалисты. Но прочтите любое описаніе весны, пробуждающейся природы у Толстого, у котораго здѣсь все дышитъ мистическимъ чувствомъ, прочтите „Клару

Миличъ“ Тургенева, не говоря уже о всемъ Достоевскомъ, соприкасавшемся „мірамъ инымъ“—ради Бога, гдѣ-жъ тутъ реализмъ?

Итакъ, всѣ поэты—мистики и футуристы. Но, впрочемъ, дѣло не въ кличкахъ и ярлыкахъ. Игорь-Сѣверянинъ не оттого вѣдь пѣснопѣвецъ-поэтъ, что объявилъ себя „эго-футуристомъ“, а оттого, что Богъ вложилъ въ него при рожденіи душу поэта. Я встрѣчалъ его стихи еще задолго до пресловутаго футуризма, когда поэтъ выпускалъ „тетрадь тридцать третью тома двадцать четвертаго“ (что-то въ этомъ родѣ)—стихи эти были такъ-же ярки, оригинальны и трогательны, какъ и теперь. Но критика замалчивала ихъ. Это было обидно, и можно извинить поэта, что онъ рѣшилъ пойти на дерзость, на крайность, даже на скандалъ, чтобы добиться вниманія. Именно этимъ объясняется его величіе себя „геніемъ“, печатаніе на обложкахъ книжекъ сногшибательныхъ извѣщеній о томъ, что „свѣто-

зарный Игорь Сѣверянинъ интервьюеровъ (40 тысячъ!) принимаетъ тогда-то и тогда-то, И этимъ-же объясняется его—то приклеиваніе къ себѣ, то отклеиваніе футуристическаго ярлыка (нѣсколько разъ онъ вступалъ и выходилъ изъ кружка футуристовъ). Теперь, кажется, основательно утвердился въ эго футуризмъ.

Если эго-футуризмъ—не ярлыкъ, то его можно привѣтствовать. Поэтъ всегда долженъ быть индивидуальнымъ, т. е. внутренне свободнымъ, всегда долженъ творить, не связывая себя ничѣмъ. А ужъ Богъ позаботится чтобы достояніе поэта было всенароднымъ. Ибо, поэзія—дыханіе Бога. Народъ-ли не пойметъ поэзіи, пусть и неясной, но истинной? онъ-ли, кто живетъ Богомъ и тайнами, не постигнетъ, поэта Божьей милостью? Какой абсурдъ! Нигилисты считаютъ бредомъ всю Библию, народъ-же ею живетъ.

Въ кружкѣ эго-футуристовъ истинные поэты Божьей милостью; это—Игорь Сѣверянинъ и Дмитрій Крючковъ. Недавно—всѣ газеты обошло извѣстіе объ ихъ „поэзо-концертахъ“. Мысль удачная. Кому-же и свѣтить съ эстрады, кому-же и будить „преступно-равнодушную“ толпу, какъ не поэтамъ?

Но знаютъ-ли они, что тутъ неизбежно явятся гешефтахеры, которые предупредить и осквернить само имя поэта?

Такъ, кажется и случилось.

Объ этомъ повѣствуетъ И. Сѣверянинъ въ № 3 „Очарованнаго Странника“. Какой-то „парень въ желтой кофтѣ“, выдавъ себя за „розового слона“, примазался къ поэту, и тотъ, Какъ поводишь, повелъ по Крыму. Столь розовѣвшаго слона.

Въ результатѣ „желтокофтецъ“ слонъ, оказавшійся „изъ гутаперчи“ обдѣлалъ дѣльце, поэту-же ничего не оставалось, какъ утѣшать себя: Поэтъ! поэтъ совѣмъ не дѣло Ставать тебѣ повопыремъ.

Но подробности обо-всей этой трагикомедіи, о поэтахъ и гешефтахерахъ—„желтокофтцахъ“,—въ „Одесскихъ Новостяхъ“.

„ЭГО“ и „КУБО“.

Тѣснымъ сплоченнымъ кружкомъ сошлись въ мирной бесѣдѣ гости-футуристы: тутъ и одаренный Игорь Сѣверянинъ, и теоретикъ новаго теченія „директоръ“ издательства „Очарованный странникъ“ и Викторъ Ховинъ, и „лирикопоэтъ“ Вадимъ Баявъ, и, наконецъ, „первая артистка-футуристка“ Эсклармонда Орлеанская—всѣ „лучезарно“ соучаствовавшіе въ „поэзо-концертѣ“. Все это не кубо, а эго-футуристы, а это не одно и то же!

— Въ чемъ разница и гдѣ точки соприкосновенія?

— Въ томъ-то и дѣло,—замѣчаетъ Игорь Сѣверянинъ,—что никакихъ точекъ соприкосновенія и нѣтъ! Мы совершенно не признаемъ ихъ!

— Но въ состоявшемся уже выступленіи кубо-футуристовъ въ Одессѣ, кажется, предпологалось и ваше участіе?

— Да, дѣйствительно, было время, когда я считалъ возможнымъ наши совмѣстные выступленія. Но ничего не вышло! Поѣхали мы вмѣстѣ, посѣтили рядъ городовъ. Одно время держали себя прилично! Но потомъ, какъ пошли они расписывать свои физиономіи, появились эти золоченые носы, желтые кофты и проч.—я понялъ, что намъ не по пути.

Они очень рѣзко, въ выраженіяхъ, не допускающихъ различныхъ толкованій, отмежевываются отъ тѣхъ „смѣяльныхъ смѣхачей“, которые уже почтили Одессу своими изліяніями.

Межъ нами вѣтъ и не можетъ быть никакой связи—подхватываетъ въ качествѣ теоретика Викторъ Ховинъ.—Собственно, общее только названіе. Но тутъ уже ничего не подѣлаешь. При зарожденіи того или другаго теченія никто не застрахованъ, что не появятся спекулянты на новаторство, которые позаимствуютъ новое названіе. Эго-

футуризмъ возникъ еще въ 1911 г., вѣтъ всякой связи даже съ итальянскимъ футуризмомъ. Если можно связать его съ какимъ-нибудь изъ предшествовавшихъ литературныхъ теченій, то развѣ только съ декадентствомъ, въ отношеніи котораго—по крайней мѣрѣ насколько можно говорить объ его формахъ—въ теченіе послѣдняго времени—мы занимаемъ оппозиціонное положеніе. Декаденты какъ-то расчленились на двѣ различныя группы, изъ коихъ одна (Ивановъ, Чулковъ) ушла въ сторону теоретизма, другая (Мережковский и др.) круто повернула назадъ къ общественности. Эго-футуристы протестуютъ какъ противъ одного превращенія, такъ и противъ другаго. Мы служимъ прежде всего свободному искусству, не знающему другихъ лозунговъ, кромѣ творческой свободы. Поэтому наша школа и сводится прежде всего къ совершенному отсутствію какой бы то ни было школы. Эго-футуристы интуитивны, они интуитивно воспринимаютъ творчество, индивидуально оцѣнивая его каждый по своему.

— Я скажу: прекрасенъ Пушкинъ! Вы же возносите лиру Лермонтова! И мы никогда не сумѣемъ переубѣдить другъ друга. Вѣдь доказать прекрасное—невозможно! Такъ же интуитивно относимся мы къ словотворчеству. Въ порывѣ вдохновенія, въ моментъ подъема поэтъ рождаетъ новое слово, относительно котораго тоже не можетъ быть одной какой-либо оцѣнки, потому что оно воспринимается индивидуально. Я, напр., понимаю красоту новыхъ словъ Игоря Васильевича—„одуненный“, „центриръ“, „озерамокъ“ и т. д. Однако же, никогда истинное его творчество не можетъ принимать такихъ формъ, въ какія вылилось оно у нашихъ кубистовъ. У нихъ вы найдете цѣлое стихотвореніе, сплошь состоящее изъ новыхъ словъ. Это ужъ совершенно мѣняетъ дѣло. Это не та творческая жажда освѣженія, что рождаетъ новыя формы—это просто надуманное, нарочито проводимое экспериментаторство. Возьмите, напр., это новое слово „Сарча-Бухра“ Крючковыхъ! Не то, собственно, важно, что они золотятъ свои носы и выступаютъ въ желтыхъ кофтахъ! Это куда еще ни шло! Гораздо ужаснѣе ихъ литература, какъ они пакостятъ слово, книгу. Ну, что значить „Сарча-Бахра“? Кто знаетъ? Вчитываешься, и ничего не понимаешь!

— Я тоже какъ-то рѣшилъ одолѣть писанія кубистовъ—разсказываетъ Игорь Сѣверянинъ.—Я посвятилъ имъ три недѣли, изучалъ, вчитывался, размышлялъ,—но такъ ничего и не понялъ! Почему слово „лилія“ должно быть замѣнено словомъ „уэль“? Нѣтъ, это все люди конченные, съ смущенной душой, извѣрившіеся, безнадежные. Или, того и гляди, просто спекулянты!..

— И вотъ трагизмъ нашего положенія—волнуется Викторъ Ховинъ.—Мы больше, чѣмъ кто бы то ни было, ненавидимъ кубо-футуристовъ! И насъ-то именно и смѣшиваютъ съ этими обывателями, которые вздумали придти въ литературу, чтобы создать что-то новое, въ то время, какъ у нихъ и предъявить-то нечего... Вотъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ экспериментовъ Бурлюковыхъ!

И долго еще они, наперерывъ другъ предъ другомъ, варьировали на разные лады свои безконечныя расхожденія съ кубизмомъ и его странными адептами...

Неудивительно, что „публика“, толпа („преступно-равнодушная“) смѣшавъ поэтовъ, истинныхъ писателей и творцовъ красоты съ гешефтахерами, отвергаетъ всѣхъ и вся. Есть впрочемъ и чуткія души, что идутъ навстрѣчу поэтамъ. Но истинныхъ цѣнителей такъ мало.

НАСТОЯЩІЕ.

(На поэзо-концертѣ эго-футуристовъ).

Да, это они, настоящіе футуристы. Безъ пунцовыхъ кофтъ и размазанныхъ носовъ и лбовъ. Съ серьезнымъ намѣреніемъ ознакомить съ собою и своимъ творчествомъ публику, но публика разсыпалась жиденькими горсточками по просторному залу. И это говорило о матеріальной неудачѣ вечера. Разложенію декаданса и возрожденію футуризма докладчикъ г. Ховинъ посвящаетъ цѣлую часть, минуя недостойные выпады противъ „подлой критики“, журналовъ, „этихъ торгово-промышленныхъ базаровъ“, „уличной прессы“ и т. п. Докладъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ.

Первая часть—надгробная литія декадансу. Рожденное еще К. М. Фофановымъ декадентство процвѣтало, пока исходило изъ протеста противъ утилитаризма въ искусствѣ. Но едва оно сошло со стези индивидуализма, какъ стало хирѣть. Бальмонтъ привился за савѣрные политическіе стихи. Блокъ измѣнилъ своимъ мотивамъ. Дальше

пошло еще хуже. «Символизм не хочет быть только искусством», — заявил Вячеслав Иванов. «В наши дни нужно больше любить Некрасова, чем Пушкина» — сказал Мережковский. И сам Антон Крайний же имя так связано с декадентством, заговорил о «дѣлѣ», о «словах одобряющих». Потому это вылилось в «чудовищное позорное письмо» М. Горького о Художествен. театре: «искривленная душа, — чѣмъ въ ней любоваться», писалъ о постановкѣ Достоевскаго. А — «квити-оздоровители», критики съ теплымъ сердцемъ» все оправдывали и все приѣхивали. Официальное о кончинѣ декаданса возвѣстили «Вѣсы». И надгробное слово заканчивалось исторической аналогией. «Кому оставляешь ты власть» спросили у умирающаго Александра Великаго — «достойнѣйшему» — отвѣтилъ монархъ.

Читатель, конечно, догадывается, что этотъ «достойнѣйшій» — эго-футуризмъ. Никто иной, — доказывалъ референтъ. За аргументацией г. Ховина остается, вѣ видѣ предательскихъ слѣдовъ, рядъ вопиющихъ противорѣчій, недоумѣнныхъ вопросовъ. Почему столпы декадентства именно въ наши дни свернули на путь «ободрающихъ словъ», порыва къ «дѣлу». Почему мистикъ-богоискатель Мережковский взыскуетъ гражданской поэзии Некрасова. Что это «сумерки божьихъ», развалъ души или всплескъ «духа живого», голодъ и жажда гражданскаго возрожденія. И почему уже не «подлая критика», а самъ лучезарный г. Ховинъ дѣлаетъ явную подтасовку въ освѣщеніи извѣстнаго выступленія Горькаго. Онъ будто бы не знаетъ, что Горькій выступалъ противъ инсценировки не всего вообще Достоевскаго, а только тѣхъ его произведений, гдѣ выражена его «искривленная душа», которую, какъ наготы, Нол, надо прикрыть, а не выставить наружу.

Но не замѣчая оставленныхъ слѣдовъ, по которымъ такъ легко придти къ цесосоеятельности чистѣйшаго индивидуализма, индивидуализма въ напряженіи, какимъ точно взятымъ на прокатъ графскимъ гербомъ украшенъ эго-футуризмъ, — г. Ховинъ продолжаетъ восхвалять «Биолеемскую звѣзду» искусства. Правда, онъ даетъ очень красочные портреты поэтовъ своей группы. Вотъ Игорь Сѣверянинъ, творящій «лунофейную сказку». Ему чудятся «роные туманы» липовые мотивы, всхлипы улицъ. Онъ иногда увлекается душой города (урбанизмъ) деми-монденкой. Футуристическій гимнъ городу, дѣйствительно ярокъ и новъ:

Солнце. Моторы. И грохотъ трамвайный.
Гулы. Шуршанье безчисленныхъ ногъ,
А наверху голубой и безкрайный
Блѣдный, магическій, древній цвѣтокъ.
Сумракъ. Лученье. Поющие свѣты.
Улицы точно ликующей залѣ.
Смѣхи улыбки. Наряды. Кареты,
А наверху — березовый опалъ.
Тѣни. Молчанье. Закрытыя двери.
Женщины. Вскрики. Темно и темно
Прежнее. Страхи и власть суевѣрій,
А наверху до истома черно.

Игорь Сѣверянинъ, пророчесствуетъ г. Ховинъ, не будетъ родоначальникомъ школы. Онъ только провозвѣстникъ, т. к. эго-футуризмъ — отрицаніе школы.

Эго-футуристъ Дм. Крючковъ — аскетъ, затворникъ

(«надѣла любовь мнѣ кровавую схиму...»), любить природу, любить лѣсофею и чуждѣ демимонденкѣ. Какъ яркій индивидуализмъ, борется съ неуловимымъ логизмомъ. Вадимъ Шершеневичъ, ничего не знаетъ о лѣсофеѣ, онъ урбанистъ, влюбленный не въ самый городъ, а въ «столбцы афишъ», въ гримасѣ города: «Мои стихи есть бронза пепельницъ, куда бросаю пепелъ я», говоритъ Шершеневичъ. Вадимъ Баянъ себя опредѣляетъ такъ: «Я гений, страсть опьяненный, огнемъ экзотикъ развращенный. Я экзотическій поэтъ»...

Вотъ почти и вся группа футуристовъ, объединившаяся вокругъ издательства «Очарованный странникъ». Нѣсколько расхолаживающее заключеніе даетъ г. Ховинъ продемонстрированный галлерей эго-футуристовъ.

Никто изъ нихъ, — говоритъ онъ, не создалъ большого и всѣ тяготѣютъ къ Игорю Сѣверянину».

Выступающая въ концертномъ отдѣленіи г-жа Эскалarmoода Орлеанская, юная, изящная и довольно трогательно, съ какою-то подкупающей нѣжностью читающая стихи артиста.

Ей много аплодируютъ, особенно молодежь. Вадимъ Баянъ, юный блондинъ, съ едва опущеннымъ лицомъ, соловушеской тихій мальчикъ», читающій стихи тихо, съ уставленнымъ вверхъ мечтательнымъ взглядомъ.

Игоря Сѣверянина встрѣчаютъ оваціями. Его знаютъ. Ему громко заказываютъ его стихи. Онъ баритональнымъ голосомъ напѣваетъ свои стихи. Сначала странно слышатъ этотъ примитивный и заунывный напѣвъ: «Оттого что груди женскія, тамъ не груди, а дюшесъ». Но потомъ замѣчаешь, что сама мелодичность стиха переходитъ въ напѣвность. И это пріемлемо.

Вообще-же эго-футуристическіе тріо-Эскалarmoода Орлеанская, Вадимъ Баянъ и Игорь Сѣверянинъ — по просту богато одаренная молодежь, достаточно культурная, внимательная, дружная, пріятная на видъ, для слуха. И въ этомъ ея несомнѣнный успѣхъ у публики.

Но при чемъ тутъ революція въ искусствѣ, Библиемская звѣзда, эго-футуризмъ или, какъ любилъ спрашивать амфитеатровскій профессоръ: «А почему сіе важно, въ пятихъ».

Ал. К.—ий.

Повторяю, мысль о выступленіяхъ поэтовъ съ эстрады, о поѣздкахъ ихъ по городамъ и даже всякъ — вѣрна и жизненна. Въ древности поэты также ходили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе напѣвали жадно внимающему имъ народу свои саги и пѣсни.

Иногда недостаточно прочесть про себя въ книгѣ вещь. Нужно къ зрительному прибавить нѣчто слуховое, и притомъ изъ другого міра, изъ міра и души, родившихъ эту вещь, чтобы углубить въ своей душѣ смыслъ постигаемаго. Тутъ просто взглядъ, легкій жестъ, дрожь и тонъ голоса, поэта, напѣвающаго (какъ Игорь Сѣверянинъ) или декламирующаго свои стихи можетъ сказать больше востократъ чѣмъ бездушныя буквы.

Пимень Карповъ.

Чудесные вымыслы

Д. С. Дарскій какъ разъ кстати посвятилъ цѣлую книгу „Чудеснымъ вымысламъ“ несправедливо забытаго, недооцѣннаго и даже не оцѣннаго вообще поэта нашего Тютчева.

Между тѣмъ онъ не только лирикъ, но и проповѣдникъ теоріи, которую изслѣдовалъ и Достоевскій, и Нитцше, и Вильде д-Лиль-Аданъ, и Беккъ, и древніе іоги.

Сущность этой теоріи красиво и ясно разсказана въ предисловіи къ „Чудеснымъ Вымысламъ“.

„Земная жизнь есть процессъ перерожденія“.

Таковыми словами высказалъ Достоевскій свою самую кровную и трагическую идею.

Всю жизнь носилъ ее въ одиночествѣ, изъ нея питалось все его творчество, ея неуловимымъ духомъ овѣяны его писанія. Но рѣдко и всегда недомолвками и косноязычно выговаривалъ ее открыто, — и какъ-то стыдливо, съ болъною напряженностью. Точно боялся, что слишкомъ громко назвавъ ее, онъ разрушитъ ея незрѣлую дѣйственность, разсѣетъ темноту и молчаніе, гдѣ ей надлежало еще выростать до времени. И только иногда неясной рѣчью или бѣглою замѣткой пріоткрывалъ ее.

„Мы, очевидно, существа переходныя, и существованіе наше на землѣ есть, очевидно, процессъ, непрерывное существованіе куколки, переходящей въ бабочку“.

Таково было убѣжденіе Достоевскаго въ неминувомъ преображеніи человѣческой природы, въ ея коренномъ обновленіи.

И его западный братъ и единомышленникъ Нитцше тѣмъ-же прорицаніемъ начинаетъ свою проповѣдь:

„Я учу васъ сверхчеловѣку. Человѣкъ есть нѣчто, что должно быть преодолено... А изда- лека еще третій голосъ присоединяется къ нимъ, родившійся среди норвежскихъ скалъ, голосъ „сѣвернаго богатыря“, голосъ Ибсена:

„Близко то время, когда людямъ не придется умирать, чтобы жить на землѣ, какъ боги“.

И тотъ-же голосъ предрекаетъ наступленіе „третьяго царствія“.

Наконецъ, Вильде-Лиль Аданъ бросаетъ свои заклинанія въ сонмъ гениевъ.

„Боги тѣ, которые не сомнѣваются. Подобно имъ уходи вѣрой въ несозданное. Стань цвѣткомъ самого себя“.

И далѣе:

„Одухотвори свою плотъ... возвеличь себя“

Надо быть совершенно лишеннымъ слуха ко всему высшему, чтобы не внять этимъ согласнымъ предвѣщаніямъ провидцевъ. Человѣчество, видимо, приблизилось къ новымъ областямъ, пока скрытымъ за поворотомъ, и вотъ передо-

вые развѣдчики ихъ увидели, другъ съ другомъ перекликаются и посылаютъ вѣсти идущимъ слѣдомъ. Многіе другіе признаки даютъ знать, что „исполнились сроки“, и ничтожное разстояніе отдѣляетъ насъ отъ неизмѣримыхъ переменъ. Безпокойство самое нервное и неизъяснимое расходится все болѣе широкими кругами, упорныя предчувствія вызываютъ въ наиболѣе впечатлительныхъ невразумительныя признанія и дерзновенныя попытки и, — какъ всегда бываетъ наканунѣ міровыхъ переворотовъ, — острѣе и непримиримѣе переживается недовольство старымъ.

Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ переворотахъ, которые установятъ новую эпоху въ исторіи, но о тѣхъ глубочайшихъ, измѣненіяхъ, которыя совершатся въ самой психикѣ человѣка. Именно, въ такое „перерожденіе“ вѣровалъ Достоевскій, его же предсказывали другіе. И вотъ встаютъ самые пугливые и страшные вопросы: въ чемъ выразится предстоящее преобразование души, какіе новыя способности она пріобрѣтетъ, въ какомъ нарядѣ выпорхнетъ изъ своего кокона бабочка.

За послѣдніе годы въ философской литературѣ появился терминъ которому, несомнѣнно, принадлежитъ великое будущее: это „космическое“ или „вселенское чувство“.

Канадскій психіатръ Беккъ, который впервые ввелъ этотъ терминъ, видитъ въ космическомъ чувствѣ высшую фазу въ развитіи человѣческаго духа.

По мнѣнію Бекка, существуютъ три формы или степени сознанія:

- 1) простое сознаніе, которымъ обладаютъ высшія животныя,
- 2) самосознаніе, которымъ надѣленъ человѣкъ,
- 3) космическое сознаніе.

„Характерной чертой космическаго сознанія является, прежде всего, чувство космоса, т. е. міровой жизни и ея порядка; и въ то-же время это интеллектуальное прозрѣніе, которое одно можетъ перевести индивидуума въ новую сферу существованія; къ этому присоединяется состояніе особой моральной экзальтаціи, непосредственное чувство душевнаго возвышенія, гордости и радости; нужно прибавить еще обостренность нравственнаго чутья, не менѣе важную для нашей духовной жизни, чѣмъ просвѣтленность разума, и наконецъ, еще то, что можно было-бы назвать чувствомъ безмертвѣя, сознаніемъ вѣчности жизни и не въ формѣ убѣжденія, что такая жизнь будетъ у меня, а какъ сознаніе, что она у меня уже есть“.

„Космическое сознаніе состоитъ въ сознаніи того, что космосъ состоитъ не изъ мертвой мате-

рии, управляемой бессознательнымъ, неизмѣннымъ и безцѣльнымъ закономъ, а наоборотъ—нематериаленъ, духовенъ и живъ. Космическое сознание есть сознание того, что идея смерти нелѣпа, что все и всѣ имѣютъ вѣчную жизнь, что Богъ есть вселенная, и что вселенная есть Богъ, и ничто никакое зло никогда не входило и не войдетъ въ нее. Значительная часть этого съ точки зрѣнія человѣческаго сознания нелѣпа, но между тѣмъ это вѣрно.

Въ результатъ своихъ изслѣдованій Бэккъ приходитъ къ убѣжденію, что новое человѣчество уже наследуетъ землю. И онъ называетъ тѣхъ, кто уже озаренъ совершеннымъ сознаниемъ: это основатели религій, пророки, философы и поэты.

Пересмотрѣть съ точки зрѣнія именно такой эволюціи духа произведенія великихъ творцовъ является самой настоящей и насущной задачей современной критики. Попытки разглядѣть въ бессмертныхъ твореніяхъ проявленія вновь образующихся духовныхъ свойствъ неизнаваемо рисширили и обогатили-бы кругъ литературной мысли привели-бы къ установленію небывалой связи между искусствомъ и жизнью, по новому освѣтили-бы пути будущего.

Такую попытку и дѣлаетъ В. С. Дарскій и находитъ, что нѣтъ источника болѣе обильнаго для указанныхъ изученій, нежели лирическія пьесы Тютчева.

Среди русскихъ поэтовъ нѣтъ другого, кто бы съ одинаковой полнотой испыталъ тѣ верховныя состоянія, которыя выше были обозначены именемъ космическаго чувства. И если у всѣхъ остальныхъ поэтовъ это чувство, ярче или слабѣе выраженное, таится въ подпочвенной глубинѣ, какъ необходимая психологическая предпосылка творчества, то у Тютчева оно становится объектомъ творчества воспроизведенія.

Психологическое изученіе Тютчева особенно облегчается насквозь субъективнымъ и непроизвольнымъ характеромъ его произведеній.

Тютчевъ какъ-бы оправдалъ на себѣ афоризмъ Нитцше:

„Лучшимъ авторомъ будетъ тотъ, кто стыдится стать писателемъ“.

„Поэзія не была для него сознательною спеціальностью,—говорить о Тютчевѣ его біографъ Аксаковъ,—общественнымъ, официальнымъ положеніемъ или-же такою обязанностью, которую и самъ поэтъ признаетъ за собой, признаютъ и другіе за нимъ“.

„Онъ былъ поэтъ по призванію, которое было могущественнѣе его самого. но не по профессіи“.

„Стихи у него не были плодами труда, хотя-бы и вдохновеннаго, но все же труда, подъ частъ даже усидчиваго и иныхъ поэтовъ. Когда онъ ихъ писалъ, то писалъ невольно, потому что онъ не могъ не написать: вѣрнѣе сказать, онъ ихъ не писалъ, а только записывалъ. Они не сочинялись, а творились. Они сами собой складывались въ его головѣ, и онъ только ронялъ ихъ на бумагу на первый попавшій лоскутъ“.

„Его поэзія... субъективна; ея поводъ—всегда въ личномъ ощущеніи, впечатлѣніи и мысли; она не способна отрѣшиться отъ личности поэта и гостить въ области вымысла, въ мірѣ внѣшнемъ, отвлеченномъ, чуждомъ его личной жизни. Онъ ничего не выдумывалъ, а только выражалъ“.

„Изъ глубочайшей глубины его духа била ключемъ у него поэзія, изъ глубины, недостижимой даже для его собственной воли; изъ тѣхъ тайниковъ, гдѣ живетъ наша первообразная природная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка“...

Такія свойства Тютчевскихъ произведеній даютъ возможность отнестись къ нимъ безъ подозрительности и предосторожности, безъ всякой боязни ошибочныхъ заключеній, позволяютъ довѣриться имъ какъ подлинному, безыскусственному, еще свѣжему, еще не остывшему психологическому матерьялу.

Автора „Вымысловъ“ надо поблагодарить за то, что онъ взялъ на себя трудъ заплатить Тютчеву нашъ долгъ,—долгъ долгомолчанія.

Изученіе лирики Тютчева составляетъ неотложную, на полвѣка запоздавшую обязанность критической литературы.

„Одинъ изъ величайшихъ лириковъ, — по словамъ Фета,—существовавшихъ на землѣ,“ Тютчевъ едва понаслышкѣ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ интеллигентнаго общества.

Положить конецъ этому позорному явленію долгъ каждого кто-бы ни полюбилъ несравненнаго поэта.

Сейчасъ у меня на столѣ лежитъ книга „Новый человѣкъ“ А. А. Суворина, „Основа міросозерцанія индійскихъ іоговъ“ Іога Рамогаракъ и Хатха Іога того же мудреца.

Всѣ они говорятъ на разныхъ языкахъ ободномъ и томъ-же о чемъ и поэзія Тютчева—о „космическомъ сознаниі“.

Эпиграфомъ „Основамъ“ должны стоять такіе строки:

Ети слова могъ бы написать и Тютчевъ.

Да и написалъ уже.

Этотъ міросозерцатель дошелъ до той-же проповѣди молчанія, о которой толкуютъ и іоги.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ-ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь...
Взрывая ими возмутить ключи:—
Питайся ими и молчи!..

Пынтеистическія теоріи іоговъ помимо красоты, благородства и предвѣдѣнія божества сейчасъ широкой волной разливаются по Руси и Европѣ.

Особенно красиво изложилъ ученіе Будды въ видѣ афоризмовъ ученикъ іога Рамакришны Вивскананда:

Знай, о ученикъ, что тѣ которые прошли черезъ молчаніе и почувствовали его міръ и удержали его силу, хотятъ, чтобы ты тоже прошелъ черезъ него. Поэтому, кто способенъ войти въ храмъ знаній всегда найдетъ тамъ своего учителя“.

(«Свѣтъ на пути»).

1. Человѣкъ рожденъ завоевать природу, а не слѣдовать за ней. Двѣнадцать львовъ могутъ овладѣть вселенной, миллионы овецъ не сдѣлаютъ этого.

2. Воля человѣка не свободна—она есть явленіе, подчиненное закону причины и слѣдствія,—но есть нѣчто, стоящее за нею—то свободно.

3. Можеть ли спасеніе быть достигнуто помимо милости Бога?—Въ спасеніи нечего дѣлать съ Богомъ. Свобода вѣдь уже есть!

4. Корень зла въ томъ, что мы собою считаемъ наши тѣла. Это первородный грѣхъ.

5. Вы не можете повѣрить въ Бога, не повѣривъ сначала въ себя.

6. Богъ есть душа нашихъ душъ.

7. Я никогда не говорилъ объ отмищеніи, я всегда

говорилъ о силѣ. Мечтать-ли намъ объ отмищеніи на этой каплѣ морской пѣны? Но это—большое дѣло для москитовъ!

8. Религія не есть дѣло воображенія, а прямого познанія.

9. Тотъ, въ комъ открылась книга его сердца, уже не нуждается болѣе ни въ какой другой книгѣ.

10. Когда я знаю кусокъ глины, знаю всю глину. Когда вы знаете себя, вы знаете все.

11. Высшее алканіе духа—найти что либо мѣняющееся. Это достигается состояніемъ совершенства.

12. Веды ищутъ «единое».

13. Изъ всѣхъ священныхъ писаній міра только однѣ Веды объявляютъ, что даже и знаніе Ведъ—дѣло второстепенное. Дѣйствительное познаніе есть то, посредствомъ котораго познаніе есть то, постигаемъ «Неизмѣняемое». А это достигается не чтеніемъ, не вѣрою, не умозрѣніемъ, а только сверхсознательнымъ постиженіемъ въ состояніи

14. Когда-то мы были животными. Теперь мы думаемъ, что мы съ ними различны. Я слышалъ на западѣ: «Міръ созданъ для насъ!» Если бы тигры умѣли писать книги, они утверждали бы, что человѣкъ созданъ для нихъ и что онъ самое порочное въ мірѣ существо, ибо не дается тиграмъ поймать себя легко. Червякъ, который копошится сегодня подъ вашей крышей,—Богъ въ будущемъ.

15. Истинный христіанинъ есть истинный индусъ и истинный индусъ—истинный христіанинъ.

16. Треугольникъ любви по Ведамъ—безкорыстіе безсмертіе и несоперничество.

17. Что должно быть идеаломъ человѣческаго характера?—Самоотреченіе. Безъ самоотреченія нельзя достигнуть Бога, хотя бы самъ Брама вмѣшался съ другой стороны.

18. Веды учатъ, что душа человѣка бессмертна. Тѣло подвержено закону роста и упадка,—то, что растетъ, неизбѣжно должно и распадаться. Но пребывающій въ тѣлѣ духъ имѣетъ жизнь безконечную и вѣчную: онъ никогда не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца. Одно изъ главныхъ различій между индусами и христіанами то, что христіанская религія учитъ, что каждая человѣческая душа имѣла начало при своемъ рожденіи въ этотъ свѣтъ, тогда какъ индусская религія утверждаетъ, что духъ человѣка есть эманация Вѣчнаго Существа и имѣетъ начало не болѣе чѣмъ самъ Богъ. Безчисленны его проявленія при переходѣ изъ одной личности въ другую, подчиненномъ великому закону духовной эволюціи, пока онъ не достигнетъ совершенства, въ которомъ ужъ нѣтъ измѣненій.

19. Величайшая ложь изъ всѣхъ лжей это будто мы—тѣла, которыми мы никогда не были и быть не могли. Величайшая ложь изъ всѣхъ лжей, будто мы просто люди—мы—Богъ вселенной. Поклоняясь Богу, мы поклоняемся нашему скрытому «Я». Наихудшая изъ лжей—когда вы говорите себѣ, будто вы родились грѣшникомъ, или слабымъ человѣкомъ. Грѣшникъ самъ и одинъ—тотъ, кто видитъ грѣшника въ другомъ человѣкѣ.

20. Люди боятся, что когда они станутъ жить по вѣрѣ, что есть только Одинъ,—высохнутъ фонтаны любви, все въ жизни пройдетъ, и то, что они любили, станетъ для нихъ призрачнымъ. Люди никогда не останавливаются мыслью на томъ, что тѣ кто напряженнѣйшимъ образомъ работали надъ собою, были величайшими работниками для міра. Тогда только человѣкъ любитъ, когда онъ находитъ, что предметъ его любви не есть существо низкое, маленькое, смертное. Тогда только любить человѣкъ, когда онъ находитъ, что предметъ его любви—не комокъ глины, но Самъ Истинный Богъ. Жена будетъ любить мужа болѣе, когда она будетъ думать, что онъ—Самъ Богъ. Мужъ будетъ любить жену болѣе, когда онъ будетъ знать, что жена—Самъ Богъ. Та мать будетъ любить своихъ дѣтей болѣе, которая будетъ думать, что дѣтя—Самъ Богъ. Человѣкъ будетъ любить своего злѣйшаго врага, если онъ будетъ знать что врагъ его—Самъ Богъ.

Словомъ:

„Всяческая и во всѣмъ Господь“!

„СОЛНЦА ПОЦѢЛУИ“.

Такъ называется книга стиховъ Арнольда Волковисскаго.

Авторъ пытается выдать себя за пантеиста:

Мой свѣтѣль храмъ, мой храмъ высокъ,
Мой храмъ—свободы ширь.
И Солнце въ немъ мой первый богъ,

Второй есть Женщица-цвѣтокъ—
Лучъ солнца и любви потокъ.
Мой храмъ весь свѣтлый міръ!

Но это только въ предисловномъ стихотвореніи авторъ помнитъ о мірѣ.

Въ большинствѣ его стихи.

„О пади на грудь“

и

„О тоскѣ забудь“...

Глубины нѣтъ.

Поетъ о бѣлой мечтѣ, о голубой мечтѣ, объ алой мечтѣ...

ЖЕЛАННОМУ.

Въ день ненастный, въ день туманный

Приходи ко мнѣ, желанный,

И пади на грудь

Я твоей души мятежной,

Словно мать, коснуся нѣжно.

О тоскѣ забудь!

Горе лаской прогонию я,

Знойной нѣгой поцѣлюя,—

Милъ ты мнѣ и любъ.

И твоей души я раны

Исцѣлю, о, мой желанный,

Сокомъ алыхъ губъ!

И самъ сознается, что не удивить міръ ни риемой и, ни словомъ новымъ.

НѢКОТОРЫМЪ.

Пусть рѣмы мои и банальны,

Слова и созвучья не новы,

И стиль отраженно-зеркальный,—

Я пѣсенъ для васъ не пою.

А сердца горячаго зовы

Я тѣмъ лишь сердцамъ посвящаю,

Гдѣ чуткія души, я чаю,

Почуютъ въ нихъ душу мою.

Горячихъ зововъ я не нашелъ въ книгѣ.

Все отраженно зеркально.

Зайчики на стѣнѣ.

Поется и поетъ себѣ на здоровье...

ЛИРИЧЕСКІЙ ПОТОКЪ.

„Весна“ сейчасъ въ полосѣ лирическаго потока.

Со всѣхъ сторонъ на нее льются стихи и стихи.

Вадимъ Баянъ свою книгу „Лиріонеттъ (sic!) и баркоролль“ такъ и озаглавилъ:

„Лирический потокъ“.

Въ предисловіи къ „потоку“ Игорь Сѣверянинъ рекомендуетъ друга:

Изнѣженная жеманность—главная особенность творчества Вадима Баяна. Его напудренные поэмы, несмотря иногда на нѣкоторую рискованность темы, всегда остаются цѣломудренными. Стихъ легкій, мелодичный.

Его поэзія напоминаетъ мнѣ прыжокъ, сдѣланный на лунѣ: подпрыгнешь на вершокъ, а прыжокъ аршинный.

Это и мѣтко и зло.

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ.

Я жестокии презрѣннемъ увѣнчанъ.

Но бессмертенъ мой жизненный путь!

Я сплету ожерелье изъ женщинъ

На свою упоенную грудь!

Я создамъ величавую чару,

Ожерельемъ ее обовью;

Я любовь превращу въ Ніагару,

Я любовью весь міръ оболью!..

На вѣнцѣ свѣтозарномъ и гордомъ

Загорится надменный брильянтъ

И міры мнѣ отвѣтятъ аккордомъ

На гремѣщій каскадный талантъ.

Ну развѣ не прыжокъ на лунѣ—ожерелье
изъ женщинъ!
А Ніагара?
А каскадный талантъ?
Браво, Игорь Сѣверянинъ!—это все прыжки
на лунѣ.

СИРЕНЕВЫЕ ХМЕЛИ.

Въ моей душѣ сиреневые хмели...
Я пью любви сверкающій фіалъ,—
Ты снишься мнѣ на бархатной постели,
Гдѣ я дошешъ грудей поцѣловаль.
Твоихъ очей кинжальныхъ метеоры
Горятъ опять безумьемъ и мольбой;
Вдохнуть альковы, и прошептали шторы,
Какъ вѣра сирени голубой...
И я несусь на крыльяхъ сновидѣній
Въ миражный міръ кудесницы-весны.
Чтобъ раскидать, какъ свѣтзарный геній,
Моей души сверкающіе сны...

„Сиреневые хмѣли“, „сверкающій фіалъ“,
„бархатная (sic!) постель“, „дошешъ (sic!) грудей“,
„кинжальные метеоры“,—развѣ все это не прыжки
на вершокъ, кажушіеся аршинными!

А авторъ „каскаднаго таланта“ уже превра-
тился въ „свѣтзарнаго генія“.

А если-бы не эти подражанія Козьмѣ Прут-
кову быть можетъ изъ автора вышелъ-бы тро-
гательный лирикъ.

У него есть счастливыя удачи.

ДѢВУШКИ.

Моя душа цвѣтетъ въ яспинахъ,
Въ шатрѣ сиреневыхъ небесъ,—
Люблю я дѣвушекъ невинныхъ,
Моихъ мечтательныхъ принцессъ.
Онѣ, какъ нимфы на бассейнахъ,
Танцуютъ пляску вѣтерка
И прячутъ въ трепетахъ кисейныхъ
Бровей смолистые шелка...
Еще ихъ розы не измяты,
Имъ снятся солнечные сны,
Онѣ божественно-крылаты,
Онѣ—посланицы весны!
Какъ фіолетовыя зори,
Огнемъ стыдливой красоты
Онѣ зажгли въ потухшемъ взорѣ
Любовь и пѣсни. и мечты!..

Положительно вспоминаешь „Весну“ Боти-
челли.

„Синь“, „пьянь“, „фіоль“, „одоль“... ахъ
много новыхъ словъ придумалъ авторъ.

Сказалъ много новыхъ словъ, но новаго
слова не сказалъ.

И не скажетъ.

СКРИПКА ВѢДЬМЫ.

Онѣ элегантенъ и красивъ и вѣчно застег-
нуть на всѣ пуговицы его черный сюртукъ,—
какъ сюртукъ Валерія Брюсова.

Онѣ любитъ путешествовать, хотя всего болѣе
путешествуетъ по книгамъ и тѣнямъ прошлаго.

Онѣ любитъ женщину и чернокожию и въ жен-
щинѣ видитъ великую чернокожию міра.

Вмѣсто лиры у него—скрипка:

Былъ часъ глухой, былъ вечеръ длинный,
Цвѣли видѣнья безъ числа...
И въ даръ тоскѣ моей старинной
Мнѣ скрипку вѣдьма принесла.
Я зналъ изъ книгъ, что вѣдьмы гибки
И увлекательны, и злы.
Она играла мнѣ на скрипкѣ
Свои мятежныя хвалы:
«Приди... прильни къ земному зною,
Забудь слова ненужныхъ книгъ...»

Тебя я властью неземною
Освобождаю отъ веригъ.
Въ тебѣ душа неутолимѣй
Весеннихъ бурь. Довольно лгать!
Не властенъ ты печальной схимѣ
Ее, смятенную, отдать.
Нѣтъ, боязливый! Нѣтъ, суровый.—
Ея томленій не тай...
Тяжелъ твой племъ средневѣковый,
Доспѣхи мѣдныя твои.
Но будетъ племъ въ красивыхъ перьяхъ,
И въ сильномъ тѣлѣ вспыхнетъ кровь;
Потонетъ въ сказкахъ и повѣрьяхъ
Твоя унылая любовь!..»
Она играла мнѣ на скрипкѣ,
Шептала дикія слова,
И въ повелительной улыбкѣ
Змѣилась тайна колдовства.
И вотъ ушла ночной дорогой.
Я—въ заколдованномъ кругу
И, разлученъ съ печалью строгой,
Я скрипку вѣдьмы берегу.
Глухая жизнь моя—ошибка,
Но въ полночь... въ полночь будетъ пѣть
Ея колдующая скрипка,—
Я буду слушать... и пьянѣть.

Его Муза—Царевна-Недотрога:

Я въ злыхъ путяхъ изранилъ ноги,
Но горькой доли не клянусь...
Иду къ Царевнѣ-Недотрогѣ
Въ обѣтованную страну.
И въ жуткомъ помыслѣ единомъ
Невнятный страхъ съ любовью слить:
Предстать шутомъ иль паладиномъ
Она бездомному велитъ?
Она—Царевна-Недотрога,
Я—бѣдный рыцарь и поэтъ.
Глядеть задумчиво и строго,
Въ глазахъ печаль, въ улыбкѣ свѣтъ.
Заговорить—мнѣ станетъ сладко,
Но словъ царевны не пойму,
И будетъ радовать загадка
И влечь въ таинственную тьму.
И буду плакать я невольно,
И сказки вить, и пѣсни пѣть...
Царевна сдѣлаетъ мнѣ больно
И... будетъ ласково глядѣть...
И въ сердцѣ смутная тревога,
И въ сердцѣ вспыхиваетъ свѣтъ...
Она—Царевна-Не отрога,
Я—бѣдный рыцарь и поэтъ.

Его Муза—Незнакомка:

Я не видѣлъ ее никогда,
Но ребенкомъ я думалъ о ней...
И отъ сладкаго, злого стыда
На душѣ становилось темнѣй.
Я пугливый и сумрачный росъ.
Я извѣдалъ паденье и страхъ,
И остался безмолвный вопросъ
У меня въ потускнѣвшихъ глазахъ.
Отдаваясь незримымъ рукамъ,
Я какъ будто касался огня,
И она ревновала меня
Къ сновидѣніямъ, къ молитвамъ, къ стихамъ.
Но я звалъ незнакомку мою
На яву и въ пророческомъ снѣ...
Оттого я теперь и пою,
Что она наклонялась ко мнѣ.
Я угасну въ юдоли ночной,
И она для полночныхъ забавъ
Будетъ гладить мой лобъ ледяной,
Къ бездыханному тѣлу прижавъ.

Его Муза—Средневѣковая Дама:

ТАЛИСМАНЪ.

Я сохранилъ въ земной пустынь
Ея волшебный талисманъ.
Мы съ ней вдвоемъ въ тотъ вечеръ синій
Читали рыцарскій романъ.
Изъ яркихъ словъ свивались рѣки,
И были цвѣтами зацвѣла.
Весна въ одиннадцатомъ вѣкѣ

Такой же свѣтлою была.
Благоуханныя страницы
Я перелистывалъ во снѣ...
Я жадно вѣрилъ блѣднолицый,
И старой книгѣ и веснѣ.
Отъ золотыхъ вечернихъ оконъ
Струился сладостный обманъ,
Когда она дала мнѣ локонъ,
Изъ талисмановъ талисманъ.
Въ старинномъ домѣ, въ строгомъ залѣ,
Другъ другомъ были мы пьяны,
И тихій плѣтъ заколдовали
Видѣнья жуткой старины...
Въ печальный вѣкъ сѣдыхъ безсилій
Былое пѣло и цвѣло.
Мы жили въ сказкѣ, мы любили
И окрыленно и свѣтло.
Пусть вѣщій сумракъ будетъ строже—
На мнѣ мой вѣрный талисманъ...
Все это было такъ похоже
На длинный рыцарскій романъ.

Его муза—Лилить.

ЗАКЛИНАНІЯ.

У меня фіалковый вѣнокъ,
Вѣра изъ крыльевъ лебединыхъ...

Въ темный часъ, пугливъ и одинокъ,
Помню я о скорбныхъ паладинахъ.
Я зажегъ свѣтильники мои.
Я воззвалъ къ видѣнію и чуду...
Древнихъ винъ священные струи
Въ кубокъ лить молитвенно я буду...
Перетень мой рубиновымъ огнемъ,
Какъ вино, заискрится, волнуя...
И, молясь, почувствую на немъ
Тайный зной и легкость поцѣлуя.
Я затеплю древнюю мечту—
Я сожгу и ладанъ и алоэ,
Чтобъ вѣнчать и славить чистоту,
Скоронить мятежное и злое.
И она придетъ и утолитъ
Плясками, любовью и слезами—
Вѣчная, бездомная Лилить,
Дѣвочка съ полночными глазами.
И тогда у этихъ бѣлыхъ ногъ,
Что прошли въ невѣдомыхъ долинахъ,
Положу фіалковый вѣнокъ,
Вѣра изъ крыльевъ лебединыхъ.

Онѣ изященъ, строгъ, корректенъ и холо-
денъ въ самыхъ пламенныхъ мѣстахъ,— авторъ
„Скрипки стиховъ“ Д. Коковцовъ.

Риѣмы свѣжи:

Росахъ—посохъ, вражій—пряжи, движимъ—
Парижемъ, скверны—таверны, хроникъ—кано-
никъ, высямъ—писемъ, бретонцу—солнцу и т. д.
Стихъ почти безукоризненный.
Нѣсколько новословія не портятъ дѣло.

РАЗВИНЧЕННАЯ МУЗА.

Послѣ кованого стиха Коковцова кажутся
развинченными, разстроенными стихи М. Морав-
ской въ книгѣ „На пристани“.
Вотъ первое, руководящее по настроенію
стихотвореніе этой занятой книги:

ФИАЛКИ.

Каждой весной мнѣ кажется,
Что жизнь надо измѣнить,
Что прошлое съ будущимъ не вяжется,
Что надо порвать нить.
И когда на гулкой мостовой
Таетъ снѣгъ, грязный и жалкій,
Мнѣ хочется выращивать фіалки—
Каждой весной!
Не всходить у меня зерна,—
Я живу на тѣневой сторонѣ...
Но я поливаю ихъ упорно
И вижу фіалки во снѣ.
И каждое утро мнѣ кажется,
Что комната стала иной...
Неужели ничто не развяжется
И этой весной?

Она тоже рвется къ скитаньямъ:

НА ПРИСТАНИ.

Батавія, Чили, Гонолулу...—
Не туда ли уходятъ корабли?
Какъ радостно отъ топота и гула,
Сколько тюковъ къ пристани снесли!
Я гляжу на мерцанье маяка,
Улыбаюсь, волнуюсь и мечтаю...
Быть можетъ, я тоже увѣзжаю?—
Не надо послѣдняго гудка!

Но въ ея скитаніяхъ чувствуется даже не
книжность, какъ въ скитаніяхъ Коковцова, а
дѣтскость.

Съ Китаемъ она ознакомилась по коробкѣ:

ЗА ЖЕЛТОЙ ЗАНАВѢСКОЙ.

Я опечалена этимъ сѣрымъ маемъ,
Вѣдь есть сверкающія, золотыя страны!..
И я разглядываю караваны
Шатры и пальмы—на коробкахъ съ чаемъ...
Страною солнца мнѣ отрадно бредить,
Дороги южной жду я, какъ свиданья,
И „чша“ китайское изъ свѣтлой мѣди
Хравю межъ писемъ, словно обѣщанье.

Съ Суданомъ—по маркѣ:

МАРКА.

Я сегодня встала очень рано,
Я была въ марочномъ магазинѣ
И купила марку Судана
Съ верблюдомъ, обгущимъ по пустынь.
Закатъ сегодня, какъ пески Сахары...
Меня влнуютъ намеки заката
И мнѣ жаль эту марку старую
Отдать маленькому брату.

Съ Кавказомъ—по картѣ.

Я ЗЯБНУ.

Всегда мнѣ холодно. И я люблю дрова
Въ каминѣ, въ печкѣ, въ уличныхъ кострахъ...
И неба зимняго ненавистна синева
И вьюга снѣжная внушаетъ страхъ.
И устремляется тоска моя
Въ тотъ уголокъ карты, радостный для глаза,
Гдѣ грѣются на окраинахъ Кавказа
Огнепоклонники, безкровные какъ я.

Не билбиотекой, а дѣтской вѣсть отъ этихъ
вычурно-наивныхъ стиховъ.

Даже о моряхъ Моравская вспоминаетъ по
обоямъ ея дѣтской.

ЮЖНЫЕ ЦВѢТЫ.

Здѣсь весна—сѣрая и хилая,
И такъ поздно прилетаютъ птицы...
Почему я гіацинтовъ не купила
Въ магазинѣ, гдѣ „цвѣты изъ Ниццы?“
Мнѣ бѣ отъ запаха не было тоскливо
И кружилась бы тревожно голова,
И приснилась бы, пожалуй, синева
Южнаго веселаго залива.

Запахъ тоски не утоляютъ,
Сны о югѣ наяву со мною,—
Даже темно-синіе обои
О моряхъ теперь напоминаютъ!

Все время ей холодно.

Все время ей хочется спать.

Она сладко потягивается и тоскуя ищетъ
риемы.

ХОЛОДНО.

Я жду неожиданныхъ встрѣчъ,—
Вѣдь еще не прошелъ апрѣль,—
Но все чаще мнѣ хочется лечь
И заснуть на много недѣль...
Мосты, пароходы, все встрѣчное,—
Какъ съ видами мертвый альбомъ,
И съ набережной прирѣчной
Все тянетъ ледянымъ холодкомъ
Я жду неожиданныхъ встрѣчъ,
Но такъ сѣръ сѣверный апрѣль...
И все чаще мнѣ хочется лечь
И заснуть—на много недѣль.

Ея тоскѣ—вѣришь.

Когда она дорывается до дѣйствительнаго
юга ей и тамъ югъ кажется не достаточно юж-
нымъ, горы не достаточно высокими и воды не
достаточно синими.

И она опять тоскуетъ о родинѣ и въ память
о югѣ везетъ увядшія бусы.

УВЯДШИЯ БУСЫ.

Изъ плодовъ шиповника бусы красно-желтыя,
Шпилькою проколотыя, на шнурокъ нанизаны.
Изъ моей отчизны, гдѣ песокъ, какъ золото,
Южной, не родимой, но родной отчизны,
Привезу на сѣверъ бусы красно-желтыя.

Сморщились, увяли солнечныя бусы,
Онъ будетъ смѣяться—другъ мой свѣтлоусый,
Что изъ юга дальняго, изъ разлуки долгой
Привезла проколотыя ржавою иглой.—
Привезла въ подарокъ,—полныя занозъ,
Сморщенные, рыжія бусы дикихъ розъ.

Вмѣсто лиры у Моравской—стеклянные коло-
кольчики, которые продаются въ посудномъ ма-
газинѣ на Невскомъ.

Я ОДНА.

Подвѣшены два колокольчика
Къ моей туалетной полкѣ,
Хозяйская дочка Олечка
Глядитъ на нихъ сквозь щелку
И думаетъ вѣрно: „Вольшая...—
Зачѣмъ ей игрушки надобны?“
А я улыбаюсь жалобно
И локтемъ полку толкаю.
Звените, мои колокольцы,
Такъ тихо тутъ въ домѣ порой.
На самомъ краю дачной улицы
Такъ жутко жить одной...

Въ другомъ стихотвореніи она вспоминаетъ,
что на посадѣ въ Бирмѣ также висятъ стеклян-
ные колокольчики:

Описанія странъ перелистывая,
Часто думаю въ пыльной читальнѣ,
Какъ звучитъ эта музыка чистая
Въ ихъ странѣ, увлекательно-дальней...
И мнѣ хочется думать объ этомъ
Безъ зависти и безъ печали,
Безъ жалобъ, что другимъ поэтамъ
Они звучали.

Она по дѣтски сентиментальна:

ГОЛУБЫЕ ТЮЛЬПАНЫ.

Красный папоротникъ, голубые тюльпаны,
И—въ циркѣ—ребенокъ укротитель змѣй...—
Чудеса города, красивыя и странныя,
А жить отъ нихъ все ярче, все ярче и больнѣй.
Рано вянутъ голубые тюльпаны,
Окрашенные нѣжно ѣдкимъ растворомъ...
Сегодня мнѣ снился на смерть ужаленный
Мальчикъ-укротитель съ безпомощнымъ взоромъ.

НЕМНОГО ЖАЛОСТИ.

Жалить меня жала мельче иголки,
Оставляютъ ранки на долгій срокъ.
Меня волнуютъ срубленные елки
И заблудившіяся ценокъ.
Утромъ я плакала надъ нищенкой печальной,
И была колюча каждая слеза!
Развѣ такъ ужъ страшно быть сентиментальной,
Если жалость давитъ глаза?

Но иногда умѣетъ не на шутку разжалобить:

ПѢВНИЙ.

Но праздника онъ съ утра былъ дома,
Садился на окованный сундукъ
И жаловался, какъ здѣсь все знакомо:
И въ домѣ, и въ скверахъ каждый суекъ...
Да, онъ увѣдетъ далеко и скоро:
Онъ будетъ шкурками въ Сибири торговать..
И, вышивая на канвѣ узоры,
Насмѣшливо улыбалась мать.
А мы цѣплялись за его колѣни...
Ахъ, много маленькихъ и цѣпкихъ рукъ!
Онъ умолкалъ, и въ мундштукъ изъ пѣны
Огонекъ медленно тухъ...
И все мы знали: папа будетъ съ нами,
Не отдадимъ его чужой сирѣнѣ.
А онъ разглядывалъ печальными глазами
Все тогъ-же чахлый кактусъ на окнѣ.

Трогательна эта исторія о папѣ.
Но еще трогательнѣе о мамѣ.

ОКНО ОТКРЫЛИ.

Сонный, приторный запахъ хлороформа
И нога высоко на подушкѣ...
Припомнилась гимназическая форма
И дѣтскія игрушки...
Подходитъ рано умершая мать...
Не хочется учиться,
Не хочется, не нужно вспоминать,
Что за окнами революція!
Кто окно распахнулъ въ палатѣ?
Дальній взрывъ глухо грохнулъ гдѣ то...
Я судорожно сѣла на кровати:
«Пожалуйста, вечернюю газету!»

Вотъ вамъ—революція черезъ призму дѣтской.
М. Моравская принесла мнѣ въ „Весну“ че-
тыре новыхъ своихъ стихотворенія.

Печатать ихъ или нѣтъ?

Та же манерность, та же вычурность, тотъ же
вывихъ метра и растрепанность риомъ:

Жизни—укоризны—приз(на)ны униженіе—
изступлен(і)и, заливъ—счастлив(ой). отрепья—
треб(у)я *).

Прочелъ разъ.

Прочелъ два...

И все таки напечатать...

* См. о такихъ риомахъ и мастерскомъ владѣніи
ими въ § 13 «Версификаціи».

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

У той-же М. Моравской есть и еще книга
дѣтскихъ стиховъ—„Апельсинныя корки“.
Въ нихъ та же развинченность формъ и
„сашачерность“ содержанія.
Мѣстами нельзя не улыбнуться наивнѣйшу
наивности.

ПОДДѢЛЬНАЯ ВЕСНА.

Продаютъ на вербѣ сухія травы,
И онѣ живыхъ зеленѣе.
И полны цвѣтовъ балаганныя лавки,
Но тамъ пахнетъ только клеємъ...
Желтымъ рыбкамъ плавать тѣсно и мелко,
Трепетъ флаги вѣтеръ холодный...
Даже чучело-филинъ, только что проданный,
Думаетъ: все поддѣлка..

Какъ чучело-филинъ, я тоже думаю:

— Все поддѣлка! Подъ наивность и дѣтс-
кость...

Даже виньетки Чехонина.

„ПАЖЬИ НАПѢВЫ“.

Интересную клиническую картину предста-
вляетъ изъ себя манифестъ Алексѣя Ковалева
въ его книгѣ стиховъ—„Пажьи напѣвы“:

4-го Октября 1912 года возникло Mago Lucifind Adelfiy (Великое Свѣтоносное Братство), полагающее начало по-
вому времени въ жизни человечества, являющееся залогомъ
возрожденія послѣдняго, источникомъ очередной
образованности и корнемъ новой расы.

Mago Lucifind Adelfiy есть постоянный аван гард (пе-
редовой отрядъ) человечества, неуклонно идущій по пути
всеобщаго совершенствованія къ наиболѣе здоровой, наи-
болѣе осмысленной и наиболѣе красивой жизни. Тѣмъ,
которые рѣшили придерживаться того же самого пути,
предоставляется право считать себя по совѣсти свѣтонос-
цами, помогать дѣятельности въ качествѣ пажей и ры-
царей, безусловно работающихъ въ томъ или иномъ на-
правленіи Mago Lucifind Adelfiy.

1. Рыцари Здоровья имѣютъ въ виду тщательный
уходъ за своимъ тѣломъ ради его благосостоянія, для
чего пользуются лошадыю, лодкой, велосипедомъ, устраи-
ваютъ путешествія, состязанія въ бѣгѣ, плаваніи, ѣздѣ,
борьбѣ, стремятся къ упрощенію пищи, преобразованію
одежды, облагораживанію тѣлеснаго труда, оздоровленію
жилищъ, городовъ, деревень и пространствъ, насажденію
садовъ, роцъ, цвѣтниковъ, открытію лѣтнихъ трудовыхъ
поселеній и т. д.

2. Рыцари Мудрости изучаютъ исторіи, отрасли науки,
философія теченія, вѣроученія, общественныя движенія,
поддерживаютъ распространіе безубойнаго питанія, борь-
бу съ пьянствомъ, невѣжествомъ, развратомъ, нищен-
ствомъ, истязаніемъ животнымъ, мертвыми приѣмами
воспитанія, надѣются на появленіе и торжество въ мірѣ
единого стройнаго и всеобъемлющаго міровоззрѣнія.

3. Рыцари Дарованій набираются изъ поэтовъ, компо-
зиторовъ, художниковъ, ваятелей пѣвцовъ ораторовъ изо-
брѣтателей и другихъ лицъ, обладающихъ для совмѣст-
ной дѣятельности и стремящихся поддержать и выдв-
нуть изъ своей среды даровитѣйшихъ и полезнѣйшихъ
собратьевъ для общества.

4. Рыцари Міровой Рѣчи распространяютъ братствен-
ный языкъ (Lingw Adelfenzal), какъ единственный учебно-
вспомогательный и дѣйствительно международный, изу-
чаютъ нарѣчія и заботятся объ упрощеніи, чистотѣ и вообще
о развитіи родныхъ языковъ.

5. Рыцари Сокровенныхъ Знаній безкорыстно изучаютъ
таинственныя явленія природы, внушеніе, чтеніе и пере-
дачу мыслей и желаній, предугадываніе и т. д., опре-
дѣленіе человѣческихъ качествъ, наклонностей и на-
строений.

6. Лучезарный Нарнасъ имѣетъ въ виду художествен-
нымъ словомъ и т. д. способствовать развитію у человѣка
благороднѣйшихъ чувствъ и стремленій, общительности,
мягкости, жизнеспособности, бодрости духа, жизнерадост-
ности, восторженнаго пониманія всего высокаго прекрас-
наго и великаго.

Отвѣтственные должности въ орденахъ занимаются паладинами Mago Lucifind Adelfy.

Русскіе пажы и рыцари войдутъ въ составъ Россійскаго Свѣтоноснаго Легиона уставъ котораго готовится къ подачѣ властямъ на утверждение.

Для наглядности г. Ковалевъ снабдилъ свой манифестъ собственнымъ портретомъ въ гордой позѣ, беретъ и съ футуристическимъ выраженіемъ лица.

За манифестомъ слѣдуетъ предисловіе, написанное подъ очевиднымъ вліяніемъ тенора Д. Смирнова, какъ извѣстно опубликовавшаго письма своихъ поклонницъ въ „Огонькѣ“.

Вынувъ изъ ящика своего письменнаго стола накопившіеся плоды моихъ вдохновеній съ намѣреніемъ привести ихъ въ надлежащій порядокъ и отпечатать, чтобы открыть, такимъ образомъ, въ первый разъ тайники своего сердца, ума и души для всѣхъ, я изложилъ себя на честолюбивомъ желаніи снабдить эту книгу собственнымъ жизнеописаніемъ. Но укоризненные лица Льва Толстого, Максима Горькаго и Моцарта въ изображеніяхъ невѣдомыхъ мнѣ ваятелей, гробовое молчаніе комнаты, цвѣты, разведенные на крыльцѣ моей заботливой матерью съ тѣмъ расчетомъ, чтобы привѣтливо кивали мнѣ, когда смотрю въ окно, и многое другое, все въ совокупности, смутило меня.

Вмѣсто непосредственнаго разглагольствованія о себѣ, о томъ что я родился въ такомъ-то году и въ такомъ-то городѣ, о томъ, что небрежно посѣщалъ такой-то университетъ, а «Прощаніе» написалъ, вдохновившись рукописнымъ стихотвореніемъ, написаннымъ по-французски моей пріятельницей, поэтессой Полимніей Мавро—дато и прочее, и прочее, и прочее, тисну-ка я нѣсколько писемъ отъ моихъ друзей и подругъ!

И дальше идутъ эти письма, передъ которыми „Интимное“ В. В. Розонова меркнетъ.

Къ чести г. Ковалева слѣдуетъ то, что перечитывая письма поклонницъ онъ не щадитъ и самого себя.

Ложный стыдъ не его добродѣтель:

Часто ли ты встрѣчаешь Женю и Марусю? Смотри, не развращай ихъ, а то я тебя знаю, хороша, нечего сказать! Клавдія.

Самые „Напѣвы“ г. Ковалева сдѣлали-бы честь любому почтовому ящику журнала.

Напримѣръ:

СНОВИДѢНЬЕ.
Ее во снѣ я увидалъ
И любовался ею
Везъ предѣла...
Но вдругъ, отъ счастья зарыдавъ,
Проснулся я, видѣнье-жъ
Улетѣло!

* * *

И влажная отъ раннихъ слезъ
Передо мной подушка лишь
Лежала.
Я былъ одинъ... Черезъ сонмъ березъ
Въ окно свой блѣдный свѣтъ луна
Бросала!

* * *

Несчастный сонъ, кошмарный бредъ,
Минутное ночное
Наслажденіе!
Еще далека дневной разсвѣтъ...
Усну—пусть повторится
Сновидѣнье!

„ПЛЯСКА СМЕРТИ“.

Г. Швинкъ-Волоховъ также украсилъ свою книгу своимъ портретомъ и автографомъ.

Почеркъ у него форсистый.

Наружность—восхитительная.

Поза—талантливая.

Чего о самой книгѣ „Danse macabre“ не скажешь.

Уже списокъ дѣйствующихъ лицъ характеренъ и краснорѣчивъ.

Андрей Зоринъ—литераторъ,
Дора—его возлюбленная,
Георгій Кайскій—художникъ.
Лакей.

Піеса написана подъ Дымова.

Стиль—ложно-талантливый

(Разъ существуетъ ложно-классическій стиль, отчего не быть и ложно талантливому)!

Вотъ образчикъ ложно-талантливаго стиля:

счастлива, а теперь слышишь ты меня? Теперь она—твоя Дора будетъ моей. Мертвецъ слышишь?.. Дора не умерла, и она будетъ моей, ей не настало еще время раздѣлять удѣлъ мертвецовъ. (Медленнымъ, но сильнымъ движеніемъ рукъ, поднимаетъ съ полу Дору отходить съ ней въ дальній уголъ и садится въ кресло, держа ее на рукахъ. Луна изъ окна освѣщаетъ фосфорическимъ свѣтомъ лицо умершаго, который минутами кажется улыбающимся, открываетъ какъ-бы глаза и шевелитъ губами—любуясь Дорой). И это чудное существо хотѣло уйти, умереть; эти глаза, которые свѣтятся какъ ясныя звѣзды, хотѣли навсегда сомкнуться; эти губы, способныя еще тысячу разъ шептать слова любви и вѣрныхъ признаній, хотѣли навсегда... Нѣтъ, дорогая, славная, тебѣ еще рано умирать; ты вѣдь еще такъ молода, такъ прекрасна, ты еще можешь принести человѣку огромное счастье; какъ я люблю тебя... какъ я страдалъ до сихъ поръ... но за то теперь... (онъ страстно припадаетъ къ ея губамъ).

Дора:

(Бредитъ): Дай мнѣ отцвѣтшую вѣтку сирени...

Кайскій:

Дорогая, очнись. Это я съ тобою... я люблю тебя.

Дора:

(Далекимъ голосомъ). Отцвѣла сирень, завяла...

Кайскій:

Дора!..

Дора:

Милый, ты спросилъ меня, цвѣтеть-ли жасминъ... жасминъ еще цвѣтеть.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

Многіе ли изъ молодежи знаютъ, что вотъ уже пятый годъ въ Москвѣ издается прекраснѣйшій журналъ журналовъ — „Бюллетени литературы и жизни“!

А между тѣмъ эти скромненькія на видъ сѣренкія книжечки должны быть настоянѣйшими книгами каждаго интеллигентнаго человѣка.

Ведутся они культурными людьми съ такою любовью, знаніемъ дѣла, добросовѣстностью и вкусомъ, что положительно любишься на дѣло какъ таковое.

А дѣло это не маленькое: бюллетени поставили себѣ цѣлью держать своихъ читателей аи соизагнсовременной литературыискусства и науки.

Они по каждому замѣтному литературному явленію даютъ сводку отзывовъ всѣхъ лучшихъ критиковъ.

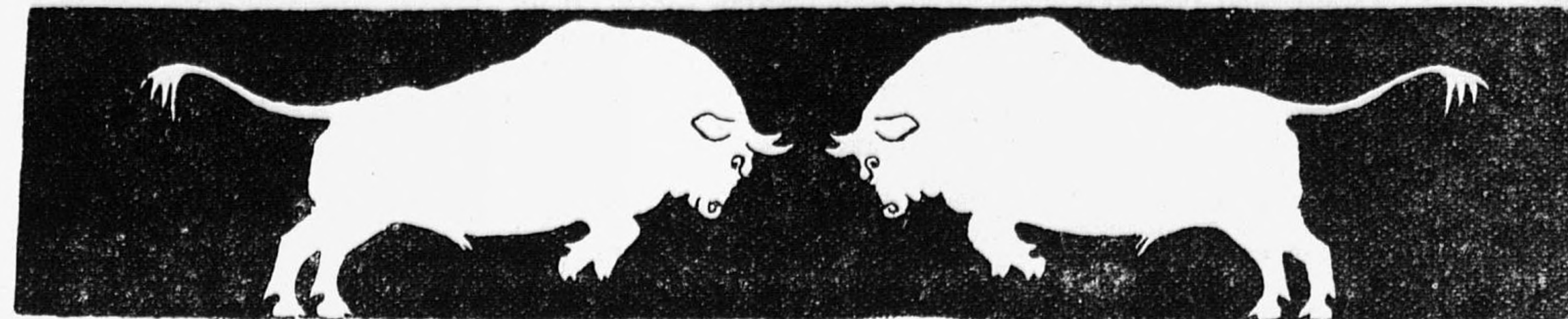
Они изъ каждой замѣтной книги приводятъ въ цитатахъ самыя яркія мѣста и даютъ квинт-эссенцію содержанія каждой стоящей вниманія новинки.

Все это дѣлается безъ малѣйшей слащавости, тенденціозности и намѣренія замѣнить книгу.

Напротивъ бюллетени ведутся такъ, что будятъ въ читателѣ любовь къ книгѣ, къ чтенію, къ литературѣ и искусству вообще.

Совѣтую всѣмъ весенникамъ выписывать „Бюллетени“: за 4 рубля въ годъ вы будете застрахованы отъ того, что какое либо явленіе въ литературѣ и жизни ускользаетъ отъ васъ, а кромѣ того вы уберетесь отъ покупки массы не нужныхъ книгъ и приобретете только нужныя, полезныя, пріятныя и, главное литературныя.

Н. В. Лебедевъ.

Буриме.

(См. № 1 «Весны».)

Продолжаю печатаніе результатовъ богатѣйшаго изъ Буриме № 2-го.

Въ этотъ номеръ входитъ еще далеко не весь запасъ отвѣтовъ.

Весь этотъ сырой матеріалъ, содержащій массу неудачныхъ рѣшеній и уже самъ по себѣ любопытный, какъ „человѣческіе документы“, послужитъ основаніемъ для статьи молодого ученаго на тему „Буриме и законъ ассоціаціи идей“, заказанную редакціей для № 4 „Весны“.

1.

Я въ жизнь пришелъ безстрастный, какъ анатомъ,
Гдѣ живо, кривое зеркало
Васъ всѣхъ влекло плѣнительнымъ гранатомъ
И жизнь безжалостно коверкало.
Я хату покажу вамъ тамъ, гдѣ замокъ
Вы видѣли мечтою вашею,
И вмѣсто женщинъ покажу вамъ самокъ
Вино—смѣня я простоквашею.

2.

Я знаю жизнь, какъ знаетъ трупъ анатомъ
И отражать ее могу, какъ зеркало.
Увы! Меня нельзя прельстить гранатомъ
Меня всю жизнь безжалостно коверкало.
Не вѣрю я въ прекрасный жизни замокъ,
Построенный мечтой, поэта, вашею:
Вездѣ ищу среди женщинъ только самокъ,
А докторъ прописалъ... питаться простоквашею.
П. В.

ЗЕРКАЛО—МОЛОДОСТЬ—ЖИЗНЬ.

Купчиха, грандъ дамъ и модистка, юристъ, постовой и анатомъ —
Пока молодые, всѣ любятъ глядѣться въ безстрастное зеркало.

Имъ солнце сверкаетъ алмазомъ, имъ зори краснѣютъ гранатомъ:
Еще торопливое время ихъ лица и жизнь не коверкало.
Законы природы жестоки—мечтаній обрушится замокъ —
И зеркало васъ позабавитъ сѣдиной иль лысиной вашею:
Вся жизнь превратится—въ питомникъ, любовь — истязаніе самокъ;
А прежнее синее небо покажется вамъ простоквашею.
Студентъ В. Логиновъ.

И. М. П.

Пока Васъ не изрѣзалъ анатомъ,
Поглядитесь хоть разикъ Вы въ зеркало.
Носъ Вашъ, схожій съ кровавымъ гранатомъ,
Скажетъ самъ, что Вамъ жизнь такъ коверкало...
Мой совѣтъ: надо спрятаться въ замокъ,
Вамъ завѣщанный бабушкой Вашею;
Бросить пьянство и чувственныхъ самокъ,
И лечиться одной простоквашею.

Павель Смирновъ.

Вспоминая бывшее, въ душѣ я копался какъ старый анатомъ

И мой мозгъ мнѣ служилъ какъ прекрасное, чистое зеркало,

Отражая бывлые порывы души... Разсѣченнымъ гранатомъ

Сердце кровью сочилося и лицо мнѣ въ гримасу коверкало...

Вспоминалъ я, какъ гуляя съ тобою въ городскомъ саду, тамъ гдѣ замокъ,
Объяснилъ тебѣ я въ любви, ты-жъ сказала «Быть Вашею?»

Нѣтъ! не мнѣ раздѣлять безотвѣтный удѣлъ узаконенныхъ самокъ!
Жить хочу и любить, а не киснуть всю жизнь простоквашею!..

А. Розенкранцъ.

Хирургъ я и славный анатомъ
Языкъ осматривалъ я чрезъ зеркало:
Краснѣетъ зернистымъ гранатомъ,—
Знать, долго бѣднягу коверкало!
Совѣтъ мой: идите въ свой замокъ,
Живите съ болѣзней вашею
Подальше отъ чувственныхъ самокъ,
Питаясь одной простоквашею.

Ник. З—ный

ВАНДАЛИЗМЪ.

Серьезный и хмурый анатомъ
На мраморъ, гладкомъ, какъ зеркало,
Пилилъ... кровь краснѣла гранатомъ;
Циолою трупъ женскій коверкало.
Залъ тихъ, какъ таинственный замокъ...
Профессоръ, наукою вашею
Вы портите чудо изъ самокъ —
Бѣла наравнѣ съ простоквашею.
Константинъ Кантонистскій.

ГУЛЯКА.

Гуляку такъ журилъ шутникъ-анатомъ:
«И, право, не могу сказать, чтобъ зеркало,
Что носъ сравнило вашъ съ пурпуровымъ гранатомъ,
У пациентовъ всѣхъ носы коверкало.
О нѣтъ! Воздушный вы не стройте замокъ—
И съ жизнью прежнюю разстаньтесь вашею,
И, прочь бѣжавъ отъ подведенныхъ самокъ,
Шипучее вино смѣните простоквашею».
Я. Раскинъ.

Эй послушай ты жизни анатомъ!
Погляди на себя-ка ты въ зеркало,
Какъ твой носъ отливаетъ гранатомъ!..
Послѣ выпивки видно коверкало?
Чертъ! попалъ въ полицейскій я замокъ
Все (о женщины!) милостью вашею
Презирая, какъ Вейнингъ «самокъ»,
Буду жить лишь одной... простоквашею.
К. Прокофьевъ.

КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ!

Поэты, писатели! Слово—вашъ ножъ. Какъ анатомъ
Рѣжьте, вскрывайте пороки всѣ наши. Какъ зеркало
Ихъ освѣтите и уничтожьте. Пріятнымъ гранатомъ
Станетъ все то, что давило, мутило, коверкало...
Вы словомъ своимъ озаряйте души нашихъ таинственный замокъ

И наполняйте его лишь хорошею мыслию вашею...
Женщины, вы женщинъ создайте изъ нынѣшнихъ самокъ...
Сами не будьте лишь тѣмъ, что зовутъ... простоквашею.
Сергѣевъ.

ГИМНЪ КУЛАКУ.

(Посвящается Макарову и 3-й Думѣ).

Есть событій тѣхъ тѣма, гдѣ жизнь шепчетъ сама: «будь
спокойный анатомъ!»

Будь безразличен, как онъ. Жизни крикъ, жизни стонъ
отражай ты, какъ зеркало»...
Передъ залпомъ рожокъ... Златоносный песокъ вдругъ
зардѣлся гранатомъ.
Но такъ было всегда и ничто никогда нашъ престижъ не
коверкало.

Будетъ крѣпокъ и впредь нашъ кулакъ; твердъ, какъ
мѣдь; неприступенъ, какъ замокъ.
И средь жизненныхъ скалъ будетъ править свой бачъ
онъ съ политикой вашею,
И межъ васъ его духъ, какъ всеильный пѣтухъ средь
довѣрчивыхъ самокъ,
О приманкѣ споетъ, бутербродомъ возьметъ, а кого просто-
квашею...

Д. Златниковъ.

1. ЛУШЕ ПОЗДНО, ЧѢМЪ НИКОГДА.

Однажды какой-то анатомъ
Увидѣлъ, взглянувъ какъ-то въ зеркало,
Что носъ его сходенъ съ гранатомъ!
«Экъ, рожу-то какъ исковеркало!
А все то «Веселія Замокъ»...
Проклятье вамъ съ жизнью вашею
И пьяное сборище самокъ
И мерзкій буфетъ съ простоквашею!

2. ДЯДЯ.

...«Что за странная
идея?»...
А. Толстой.

Мой дядя былъ анатомъ,
Любилъ «Кривое Зеркало»,
Любилъ пить чай съ гранатомъ...
Одно его коверкало—
Хотѣлъ купить онъ замокъ,
Что рядомъ съ виллой вашею,
Завестъ лягавыхъ—самокъ,
Лечиться простоквашею!

П. И. Тверезовскій.

ВЛЮБЛЕННОМУ АНАТОМУ.

Послушайтесь, старый и мудрый анатомъ:
Забросьте вы грезы и зеркало
На тоненькомъ пальцѣ колечко съ гранатомъ
Не вамъ лишь всѣ мысли коверкало...
Ахъ, бросьте-ка строить воздушный вы замокъ:
Не быть ей во вѣки вѣдь вашею!
Идите вскрывать своихъ кроличьихъ самокъ
И день свой кончать простоквашею.

Н. Арго.

Онъ не анатомъ,
Легко рнѣмуетъ зеркало
Съ чудесѣйшимъ гранатомъ—
Онъ буримистъ—коверкало;
Срѣмуетъ древнѣй замокъ
Съ улыбкой вашею,
А новомодныхъ самокъ
Съ простоквашею.

Н. Н. Циммерлингъ.

II.

И въ поэзіи—анатомъ
Раздроблю мой стихъ какъ зеркало,
Ограню куски гранатомъ
Чтобы критиковъ коверкало.
Пестрыхъ словъ воздвигнувъ замокъ,
Посмѣюсь надъ жизнью вашею.
Накормлю безплодныхъ самокъ
Стихотворной простоквашею.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ.

Я признанный поэтъ и анатомъ:
Пишу стихи безъ размѣра, смотрясь на себя въ зеркало,
Какъ мнѣ было смѣшно, когда я подавился гранатомъ,
Смѣшно смотрѣть какъ лицо мое криво—коверкало.
Я изъ стиховъ моихъ давно бы построилъ замокъ.
Да стыдн, мнѣ передъ скудостью вашею...
Плюю я на разныхъ тамъ самцовъ и самокъ...
А весной я питаюсь одной простоквашею...

А. Г.

УПРЕКЪ.

Пусть васъ оцѣнитъ лишь анатомъ,
Пусть душу отразитъ вамъ зеркало,

Любви, окрашенной гранатомъ,
Была рабой.—Меня коверкало.
И строила волшебный замокъ,
Хотѣла быть всецѣло вашею,
А вы лишь обожали самокъ
И были сыты простоквашею.

К. Бекташевъ.

ОДА ПУРИШКЕВИЧУ.

Пуришкевичъ злой анатомъ,
Провокаторское зеркало
Съ головой пустымъ гранатомъ
Отъ эсъ-де его коверкало.
Въ желтый выслать его замокъ
Пусть заботой будетъ вашею.
Въ женщинахъ онъ видитъ самокъ
Медъ мѣшаетъ съ простоквашею.

А. П.

ГРИМАСЫ ЗЕРКАЛА.

Старый лордъ пылливо, какъ анатомъ,
Созерцалъ свои морщины въ зеркало
Въ рамѣ—Буль, украшенной гранатомъ,
Издѣваясь, злобно ихъ коверкало.
—Пусть у васъ,—стекло смѣялось,—замокъ,—
Въ немъ любовь не будетъ гостьей вашею...
Подбодряйтесь для продажныхъ самокъ
Мечниковской простоквашею!.

Полтавецъ.

ЖАЛОБА ВДОВЦА.

Я женской души идеальный анатомъ,
Мой мозгъ—сумасбродствъ ея вѣрное зеркало.
Въ витринѣ кольцо золотое съ гранатомъ
Семейную жизнь безъ конца мнѣ коверкало.
„Купи“... Но жену, осаждаемъ какъ замокъ,
Стыдилъ я; „къ прикрасамъ наклонностью вашею
Въ себѣ выдаете вы, женщины, самокъ“...
И послѣ свой гнѣвъ охлаждалъ простоквашею.
Андрей Чубаровъ.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Прежде писатель,—онъ душу вскрывалъ какъ анатомъ,
Жизнь всю въ себѣ отражалъ онъ какъ зеркало,
Творчества жаръ въ немъ пылалъ самоцвѣтнымъ грана-
томъ

Душу его лишь безуміе часто коверкало.
Нынѣ ушелъ онъ въ мечтаний волнующій замокъ,
Гордо смѣется надъ правдою вашею,
Пишетъ о страстныхъ дерзавьяхъ самцовъ онъ и самокъ,
Духъ свой живить коньякомъ, а плоть—простоквашею.
Е. А. Г.

СМЕРТЬ И ПОШЛОСТЬ.

И вотъ вошелъ уже анатомъ...
Закрото чернымъ флеромъ зеркало...
И кровь зардѣлася гранатомъ,
И остріе ножа коверкало
Тотъ мозгъ, гдѣ жилъ мечтаний замокъ...
Она не будетъ больше вашею,—
Другихъ ищите пошлыхъ самокъ
Съ толпой дѣтей и простоквашею...
Она-жъ ушла...

Я. Александровъ.

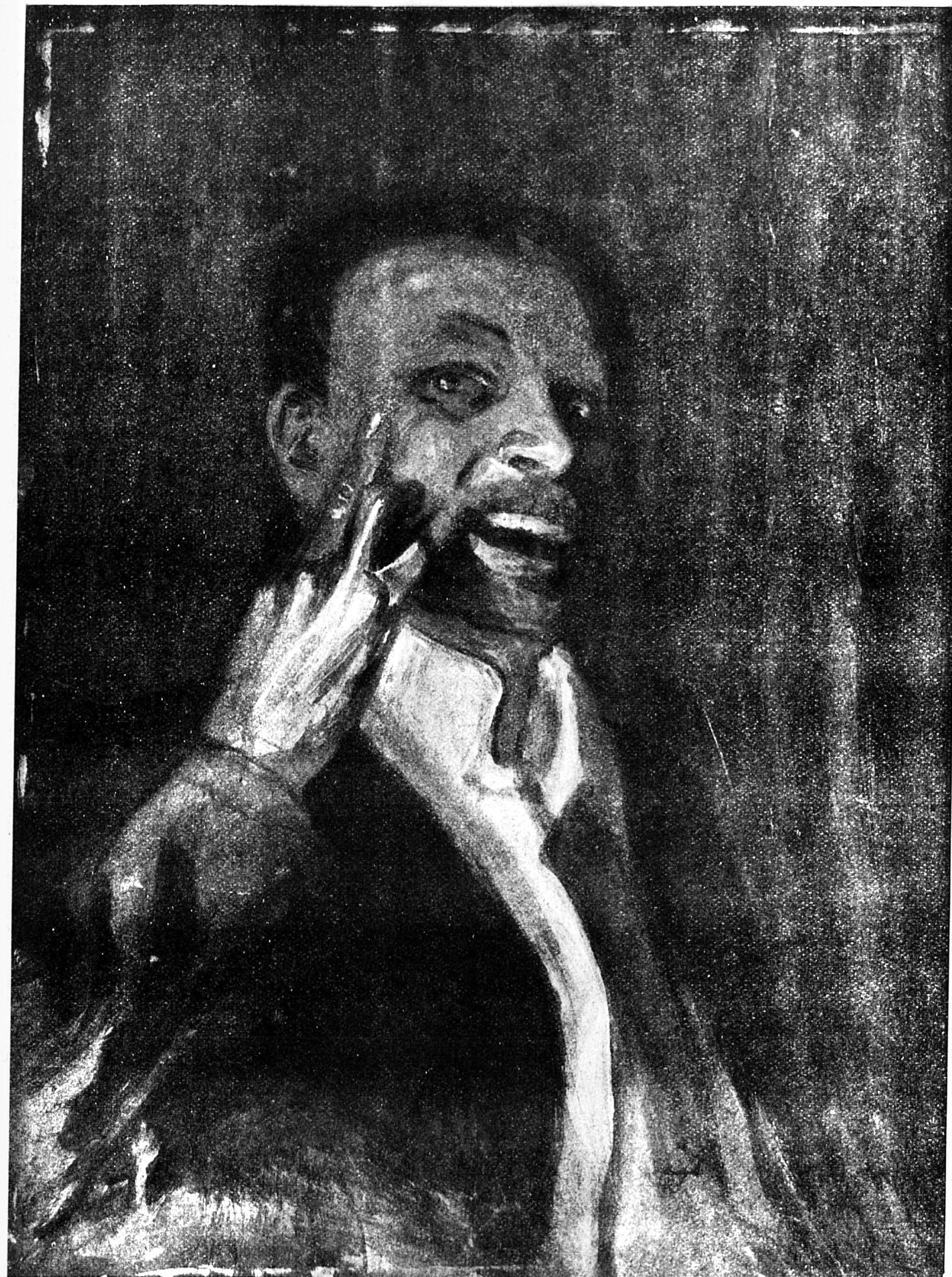
БУДНИ.

У дѣвочки въ гостяхъ анатомъ
Она глядѣлась съ боку въ зеркало
На брошку новую съ гранатомъ
А зеркало лицо ея коверкало
Анатомъ грезилъ будто замокъ
Съ принцессой шепчущей „я буду вашею“
На дѣлѣ жъ передъ нимъ пошлѣйшая изъ самокъ
Волтавившая про ниво съ простоквашею.
Г. де-Гужимъ.

СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦА.

Я, какъ опытный анатомъ,
Разбираю васъ, глядя въ зеркало;
Губки я сравнилъ съ гранатомъ,
И меня всего коверкало...
О, зачѣмъ въ мой мрачный замокъ
Вы пришли съ фигурой вашею?

В. Богдановъ.

Избѣгалъ всегда я самокъ,
Жилъ, питаясь простоквашею.

Константинъ Кантонистскій.

1. ПУРИШКЕВИЧЪ.

Пуришкевичъ—вотъ анатомъ!
Онъ въ общественное зеркало
Вамъ запуститъ хвѣтъ гранатомъ,
Чтобъ Россіи не коверкало;

Потрясетъ весь думскій замокъ,
Даже и съ персоной вашею,
И ругнетъ самцовъ и самокъ
Вмѣстѣ съ думской простоквашею!

2. ПРИЗНАНИЕ.

Разберу васъ какъ анатомъ:
Ваши глазки—точно зеркало,
Губки—спорили съ гранатомъ,

Стань—корсетомъ не коверкало..
И бы васъ увезъ въ свой замокъ,
Цѣловался бь съ шейкой вашею,
Если бь... хоть терпѣть могъ самокъ,
Ставшихъ тѣломъ простоквашею!

3. СТРАДАЛЕЦЪ.

Онъ для женщины—анатомъ.
Прудъ предъ нимъ блестяль, какъ зеркало,
Онъ усьлся подъ гранатомъ,—
Ликъ досадою коверкало,
Ибо онъ увидѣлъ замокъ
И балконъ съ фигуркой вашею.
Вѣдь страдаетъ, видя самокъ:
«606» есть съ простоквашею!

4. КУХАРКА.

Мясо разрѣжетъ, какъ истый анатомъ,
Щеки блестятъ у нея, точно зеркало,
Носъ выдается корявымъ гранатомъ,
Рожу и оспой, и злостью коверкало,
Всею фигурой—такъ что твой и замокъ!
Рѣчь—непутевая: «Милостью вашею,
Баринъ, невинный я всѣхъ вашихъ самокъ,
Лишь предъ пожарнымъ гляжу простоквашею!»
В. Таціевскій.

ВЕСНОЮ.

Весною любить анатомъ
Цвѣточки смотрѣть въ зеркало,
Ребенокъ возится съ гранатомъ,
А ледъ въ рѣкахъ коверкало.
Пустой остался замокъ,
Замкнутъ печатью Вашею,
Остался выводъ самокъ
Кормиться простоквашею.
И. Виноградовъ.

УШЕДШАЯ.

Стоялъ надъ ней въ раздумьи анатомъ:
«Погибла жизнь. Разбилась какъ зеркало.
Ея уста, расцвѣтшія гранатомъ,
Ужъ тѣнны безжалостно коверкало.
Она ушла въ небесъ волшебный замокъ,
Ей на землѣ не суждено быть вашею—
Душъ мятежной мѣста нѣтъ средь самокъ
Съ заботой о лѣченіи простоквашею».

Елена К.

В. А. МАКЛАКОВУ.

Васъ подробно какъ анатомъ
Осмѣетъ «Кривое Зеркало».
Какъ тагѣевское злато, словно лакомымъ гранатомъ
Васъ прельщало и коверкало.
Ахъ!.. Оставьте Думекій Замокъ
И потеренную совѣсть съ роковой «защитой» Вашею
Въ цвѣтникахъ прекрасныхъ самокъ...
Вы залейте простоквашею..
Ст. Владимірѣ Барскій

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Языкъ вашъ рѣжетъ какъ анатомъ,
Душа чиста, какъ это зеркало,
Глаза горятъ-блестятъ гранатомъ,
Видать, ничто васъ не коверкало..
Хоть жилье у васъ не замокъ,
Но я готова быть подругой вашей...
И не похожа на модницъ-самокъ
И счастлива питаться простоквашей.
М. А. Зданевичъ.

ПОСТЫДНАЯ ВСТѢЧА.

Въ смущеніи надъ трупомъ склонился анатомъ—
Всю прежнюю жизнь увидалъ онъ какъ въ зеркало;
Невольно колечко онъ вспомнилъ съ гранатомъ..
Дуэль свою съ графомъ Коверкало.
Припомнилъ старинный готическій замокъ,
И ласковый шепотъ: «На вѣкъ буду Вашею!»
Забывъ онъ ее въ вихрь жизни средь самокъ...
Вздохнулъ—и ушелъ... закусить простоквашею,
А. Погорьлова.

МЫСЛИ ПЕССИМИСТА ВЪ АНАТОМИЧЕСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Міръ—это лишь препаратъ колоссальный, мудрецъ же—
холодный анатомъ!

Жизни глубокия тайны вскрываетъ мыслитель, и смотритъ
какъ въ зеркало,—
Видитъ: утратили люди подобіе Божье,—и яркимъ гранатомъ
Влещутъ въ нихъ... жажда наживы и все, что отъ вѣка
лишь душу коверкало..
Евы потомки!.. Въ тотъ часъ, какъ Судья призоветъ въ
свой Божественный замокъ,
Что предъявить передъ Нимъ вы сумѣете?—Вы, со всей
ловкостью вашею?
Вы?—въ совершеннѣйшихъ перлахъ Творца разглядѣв-
шіе только лишь самокъ?..
Вы?—ковмъ самый порывъ къ небесамъ замѣнилъ лишь..
кувшинъ съ простоквашею?...
Алексѣй Макаровъ.

ВЫ.

Въ жизни печальной людской Вы точно холодный анатомъ,
Горю чужое Вы наблюдали въ Безстрастія—зеркало.
Раны сердечныя Вы называли «фальшивымъ гранатомъ»
И измышленьемъ—сомнѣнье, что жизнь такъ коверкало!
Вы отъ страданья ушли, скрывшись въ Бездушія-замокъ,
Что бы могло разсѣять чары безумія Вашего?
Что бы заставило вѣрить въ женщинъ-людей, а не въ
самокъ
И разглядѣть, что небесъ глубина не бываетъ всегда
«простоквашею»?
В. Щ.

ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА.

Былъ онъ великой Россіи цѣлитель-анатомъ,
Совѣсти цѣлой страны былъ онъ блестящее зеркало.
Спитъ онъ теперь на чужбинѣ подъ старымъ гранатомъ
Душу скитальца «былое» терзало, коверкало,
Въ «думахъ» же насъ призывалъ въ свѣтлый свой за-
мокъ.

Граждане! чтите писателя памятью вашею!
Въ женщинахъ онъ уважалъ человека не самокъ,
Книжно насъ не питалъ простоквашею.
В. Щербаненко.

КЪ * * *

Любовь отрицала,—и вотъ ты анатомъ!
Ну, что-жъ?! Посмотрись теперь въ зеркало:
Гдѣ прежній румянецъ, что спорилъ съ гранатомъ.
Всю юность ученье коверкало.
Воздушный ни разу не строила замокъ,
Въ мечтахъ не шептала: «люблю... буду Вашею»..
Теперь ты завидуешь участи самокъ,
Что запросто кормятъ ребятъ простоквашею.
Акенибертъ.

СОВРЕМЕННОМУ ПИСАТЕЛЮ.

Общественныя язвы вскрой смѣло, какъ анатомъ,
Передъ гримасой времени поставь—«кривое зеркало»;
Не замѣняй свой хлѣбъ сухой бананомъ или гранатомъ—
Стремленье къ благамъ жизненнымъ всегда людей ковер-
кало;

Идейный стая свой вознеси на неприступный замокъ,
Толпѣ-же брось: «я брежугу дешевой славой вашею!»—
И будетъ твое творчество—коль нѣтъ въ немъ «пола»,
«самокъ»—
Слезой гражданской чистою, не скисшей простоквашею!
Нина Литинская.

ВЕРШИТЕЛЬ.

Залитый кровью, какъ анатомъ,
Сержантъ глядѣлъ въ рѣку, какъ въ зеркало;
Краснѣли пятна тамъ гранатомъ,
И все лицо его коверкало..
Онъ многихъ сдалъ въ печальный замокъ—
Проститесь тамъ съ свободой вашею—
Въ немъ жизнь безъ радостей, безъ самокъ
Васъ можетъ сдѣлать простоквашею.
Константинъ Кантонистскій.

АНАТОМЪ.

Гляжу и не вѣрю! Великій анатомъ,
Во фракъ, цилиндръ, глядитесь Вы въ зеркало;
Въ сорочкѣ сверкаютъ бриллы съ гранатомъ..
А сколько Васъ жизнью коверкало!
За матерью, помню, ворвались Вы въ замокъ,
Рыдая. Но скорбью не тронулись Вашею:
Ее промѣняли на гончихъ двухъ самокъ
За то, что разбила кувшинъ съ простоквашею.
М. Т.

ЗЕРКАЛО.

Мой пріятель художникъ-анатомъ
Мнѣ привезъ драгоценное зеркало:
Все блистало камнями: гранатомъ
Бирюзой, а лица коверкало.
Такъ нерѣдко: вы создали замокъ,
А онъ былъ лишь фантазіей вашею,
И смѣнивъ идеалы на самокъ,
Утѣшаетесь все простоквашею!

С. Иремъ.

СОВѢТЫ ДѢТЯМЪ.

Дѣтки безпристрастны будьте какъ анатомъ:
Рожа коль—кривая не глядите въ зеркало;
(Напримѣръ, коль носъ Вашъ будетъ схожъ съ грана-
томъ,

Не кричите: «зеркало такъ его коверкало!»).
Никогда не стройте Вы воздушный замокъ,
Созданный фантазіей безграничной Вашею,
Ибо то бесплодно, какъ пингвинныхъ самокъ—
Приучать питаться только простоквашею!
В. К. Булгаковъ.

Огромный крабъ, морской анатомъ,
Медуза, скользкая какъ зеркало,
Полипъ, сверкающій гранатомъ,
При васъ «Титаникъ» льдомъ коверкало.
Былъ проченъ пароходъ какъ замокъ,
Но все же сталъ добычей вашею
Питаешь васъ и вашихъ самокъ
Окровавленной простоквашею.

М. Строевъ.

УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Вонъ ужъ бредетъ деревенскій анатомъ..
Тихо покоится водное зеркало,
Солнышко кажется въ зыби гранатомъ..
Нѣтъ многолюдья, что нервы коверкало,
Лѣсъ на горѣ поднялся, словно замокъ,
Хаты... «Какъ милы вы съ ветхостью вашею!»
Снова я вижу крестьяночекъ-самокъ
Съ ихъ пирогами и родной простоквашею.
Александръ Клагесъ.

КОМУ-ТО.

Неурядицы Россійской умненькій анатомъ,
Одѣвая клякъ дурацкій посмотрѣлся въ зеркало.
Покраснѣлъ отъ самолюбья, весь сравнялся носъ съ грана-
томъ

И такъ зеркалу онъ крикнулъ: «дикое Коверкало!
Если буду я у власти, то въ Литовскій замокъ
Всю я лѣвую сторонку съ позволенія Вашего,
И учащихся безвостыхъ лошадиныхъ самокъ
Замурую!.. слѣдъ сравню, съѣмъ всѣхъ съ просто-
квашею!..
В. Щ.

«НИ-ВЕ, НИ-МЕ, А—БУРИМЕ».

Какъ то разъ одинъ анатомъ,
Съ перепоя,—глянулъ въ зеркало,
Глянулъ—ахнулъ! носъ—гранатомъ!..
Долго пьяницу коверкало..
Но уѣхавъ въ старый замокъ,—
Ожилъ онъ молитвой вашею!
Слушалъ птицъ: самцовъ и самокъ
И питался простоквашею..
Agni.

ВЪ МЕРТВЕЦКОЙ.

Въ созерцаніи надъ трупомъ анатомъ..
Отражаютъ глаза словно зеркало:
«Упивались мной какъ гранатомъ,
Съ раннихъ лѣтъ меня жизнью коверкало.
Мнѣ все грезился царственный замокъ..
А сроднилась съ улицей вашею..
И познала я радости замокъ.
И питалась все простоквашею»..
П. Г. Мар—скій.

ГОЛОСЪ РАЗСУДКА.

Какъ, полный знанія, анатомъ
Я вижу все ясный, чѣмъ въ зеркало,—
Стекло не спутаю съ гранатомъ,
Я знаю то, что жизнь коверкало...

Химеры все!.. Воздушный замокъ!..
Безысленны вы съ мечтою вашею!
Хоть и ушли изъ ряда самокъ,
Но тутъ свернетесь простоквашею...

П. Ч.

В. М. П.

Государственный шутъ, не анатомъ,
Посмотритесь внимательно въ зеркало!
Покрашьте камнемъ-гранатомъ,
Какъ давно васъ совсѣмъ не коверкало.
Сѣсть въ казенный вамъ нужно бы замокъ,
Съ пошло-гадкой моралю вашею:
Во всѣхъ женщинахъ видящій самокъ.
Бѣтъ бы хлѣбъ вамъ сухой съ простоквашею!
Александръ Ч.

1.

Въ любви поэтъ, въ дѣлахъ—анатомъ,
Глядѣлъ я гордо въ жизни зеркало:
Добро влекло къ себѣ гранатомъ,
А зло мякиною коверкало..
Я изъ любви построилъ замокъ,
Его наполнивъ страстью вашею.
Я сливки снять стремился съ самокъ,
А угостили... простоквашею...

2.

Говорилъ мнѣ злой анатомъ:
«Не глядитесь часто въ зеркало:
«Вотъ цвѣтете вы гранатомъ,—
«Не такихъ еще коверкало..
«Сальварсанъ—воздушный замокъ,
«А съ привычкой скверной вашею
«Вы отъ этихъ милыхъ самокъ
«Не спасетесь простоквашею!..
Михаилъ Злочевскій.

ТИПЪ.

Явленій жизни опытный анатомъ—
Даю портретъ вамъ: вотъ, глядя въ зеркало,
Мечтаетъ нѣкто о кольцѣ съ гранатомъ..
Бездѣлье всю жизнь его коверкало:
Когда-то онъ имѣлъ свой домикъ. (Замокъ.
Коли сравнить хотя-бъ съ квартирой вашею!)
Имѣлъ десятки очень модныхъ самокъ
И кончилъ... хлѣбомъ, лукомъ, простоквашею!
А. Θ. Пановъ-Люсинъ.

ПРЫЩАВОМУ ГИМНАЗИСТУ.

Съ бритвой, важно, какъ анатомъ,
Сѣлъ онъ бриться. Глянулъ въ зеркало—
Видитъ носъ расцвѣтъ гранатомъ,
Рожу отъ прыщей коверкало!
Да-съ, пріятно строить замокъ
Для мечты любовью вашею!
Мой совѣтъ забудьте самокъ
И лечитесь простоквашею.

В. И. Викторовъ.

ДВА МІРА.

(Изъ женскихъ разговоровъ).
— «О, Арцыбашевъ—магъ, сердецъ анатомъ,
А слогъ его, ну, право зеркало.
Меня онъ какъ-то разъ сравнилъ съ гранатомъ,
Что солнце зноемъ исковеркало.
«Но все жъ»—сказалъ: «войди въ мой пышный замокъ,
Скажи: до завтра буду вашею»..
— «Ма сѣге, оставьте разсужденіе самокъ,—
Полакомимся простоквашею»..
Г. И. Вульфъ.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА.

Вѣтерокъ, шаловливо-безпечный анатомъ,
Водъ прозрачныхъ прорѣзалъ спокойное зеркало.
Небосклонъ засіялъ малахитомъ, гранатомъ,
Эхо вторило звукамъ и фразы коверкало..
Облака, то сходились въ таинственный замокъ,
Шаловливо играя фантазіей вашею,
То казались стадами испуганныхъ самокъ,
Или вдругъ представлялись горшкомъ съ простоквашею..
Иванъ Кулешовъ

ИЗЪ ДНЕВНИКА РАЗОЧАРОВАВШАГОСЯ.

Я теперь ничтожный лишь анатомъ.
Не гляжу давно-давно ужъ въ зеркало
Въ рамѣ разукрашенной съ гранатомъ:
Лгало вѣдь оно тогда, коверкало...
Рухнулъ золотыхъ мечтаний замокъ,
Сокрушенный злою силой вашею.
Вижу въ женщинахъ зовущихъ самокъ,
Много ѣмъ... Лечуся простоквашею.

Абе.

МЫСЛИ О ПРОШЛОМЪ.

Жизни своей буду строгій анатомъ:
Франтъ я былъ, моды ходячее зеркало.
Перстни сверкали алмазомъ, гранатомъ...
Счастье меня до смѣшного коверкало!
Было имѣние, чудный былъ замокъ
Въ немъ—что создается фантазіей вашею...
Сотни имѣлъ рысаковъ, кровныхъ самокъ;
А ужъ теперь—самъ кормлюсь... простоквашею!.

Павелъ Кузьминъ.

ИЗЪ ПЕРЕЛИСКИ ДВУХЪ УЧЕНЫХЪ МУЖЕЙ.

.. Напили пьянымъ. Вѣшь другъ анатомъ
И не узналъ себя онъ въ зеркало,
Казалась плѣшь ему гранатомъ,
Въ глазахъ двоилось, все коверкало...
И старый домъ принявъ за замокъ
Прельстился въ немъ онъ тещей вашею,
Онъ обѣщалъ ей пару самокъ,
Поклявшись гордо... простоквашею!.

БЛАГОЙ СОВѢТЪ.

Плохой психологъ и анатомъ!
Смотритесь вы почаще въ зеркало
Пока вашъ ликъ не цвѣлъ гранатомъ
И васъ отъ страсти не коверкало.
И удаляясь въ дивный замокъ,
Своей любви съ подругой вашею—
Великоблѣднейшей изъ самокъ—
Вы наслаждайтесь... простоквашею.

М. Ярославцевъ.

СОВѢСТЬ.

Грозный и сумрачный, совѣсть, анатомъ...
Жизнь передъ нимъ точно зеркало.
Жизнь ваша, люди, не блещетъ гранатомъ
Что ее, что не коверкало?
Въ сердцахъ у каждого—совѣсти замокъ,
Совѣсти замокъ, предъ юностью вашею...
Жизнь человека—самцовъ жизнь и самокъ,
Тянется вѣчной она простоквашею.

Б. Королевъ.

ЮНОШАМЪ.

Будьте въ жизни, какъ строгій анатомъ,
И открыты, какъ четкое зеркало,—
И созрѣйте прекраснымъ гранатомъ,—
Чтобы васъ безъ труда не коверкало!
Съ осторожностью въ жизненный замокъ
Восходите дорогою вашею...
Берегитесь разнузданныхъ самокъ...
Ибо станете вы... простоквашею!

Ром. Ефремовъ.

Мысль расчленяетъ мнѣ душу опять, какъ искусный анатомъ

Сердце мое! Ты лишь жизни послушное зеркало.
Если бы вспыхнули въ жизни огни ярко-рдянымъ гранатомъ,

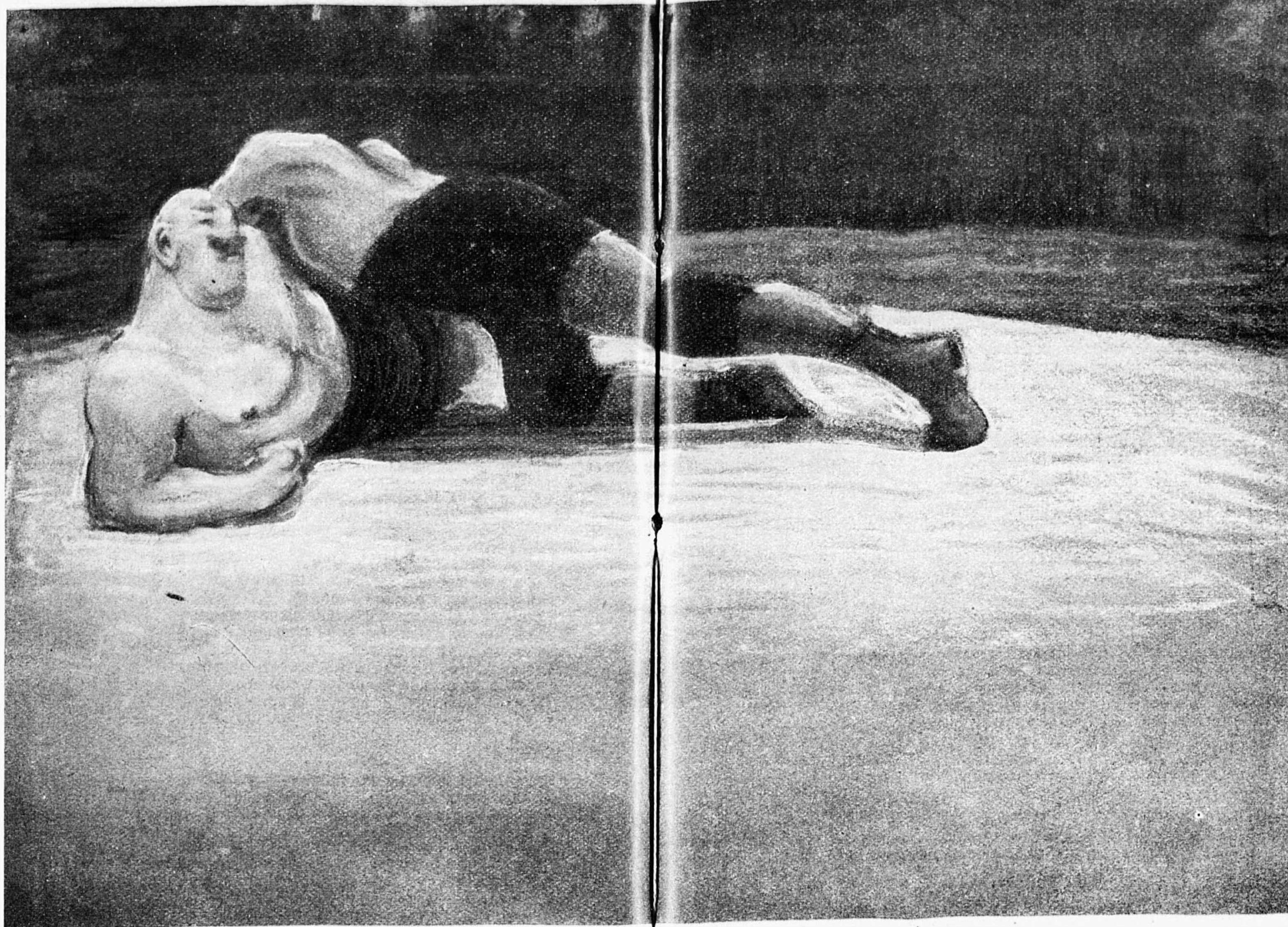
Сердце зажглось бы, забывъ обо всемъ что коверкало.
Но только тамъ,—только въ грезахъ сверкающій высится замокъ

Миръ озаренъ тамъ улыбкой, прекрасная, вашею.
Здѣсь-же гримаса любви у продажныхъ и чувственныхъ самокъ.

Страхъ за убогую жизнь, малокровье, обѣдъ съ простоквашею.

ПРОСТОКВАША.

Познакомьтесь съ Думой нашею! Милюковъ вотъ вамъ—анатомъ:
Разбираетъ все по косточкамъ. Пуришкевичъ—смѣло въ зеркало

Запускаетъ, чѣмъ попало,—апельсиномъ или гранатомъ;
Засѣданія уродище это многія коверкало.

Замысловскій—половъ бышенства. Кузнецовъ—пора-бы замокъ

Петропавловскій узрѣть ему, «патріоты», волей вашею.
Марковъ—кулаки здоровые! Противъ допущенья «самокъ»!
Съ чѣмъ-же Думу всю сравнить намъ, въ общемъ?

Ну, хоть съ простоквашею.

Георгій Багриновскій.

ИСТИНА.

Не все-ль равно кто ты: купецъ или анатомъ,
Артистъ, мужикъ, судья, что правамъ нашимъ зеркало,
Питаешься-ли ты омарами, гранатомъ
Иль коркою сухой тебѣ нутро коверкало...
Ты человекъ—самецъ! Не все равно-ли замокъ
Иль хата твой пріютъ: подъ кровлей всякой вашею
Найдешься ты самецъ среди такихъ же самокъ,
Хоть кашей сытъ одинъ, другой же простоквашею!

Виталий Никифоровъ.

РЕДАКТОРУ.

Не трудно мысль изъ словъ анатомъ
Связать со словомъ зеркало,
Назвать уста легко гранатомъ,
Сказать, что жизнь коверкало,
Упомянуть про нѣкій замокъ,

А. Ваграмъевъ.

Бойся чтобъ жизнь какъ гранатомъ
Личико ей не коверкало
— «Имѣйте обширнѣйшій замокъ,
Тогда только буду я вашею
Вѣдь я изъ породистыхъ самокъ,
Не станешь кормить простоквашею».

2.

Ни дать ни взять анатомъ
Театръ «Кривое Зеркало»
Тамъ часто какъ гранатомъ
Всю публику коверкало
Вокругъ волшебный замокъ—
Любая будетъ вашею—
И личики у самокъ
Сличаемъ съ простоквашею.

3.

Пока не вскрытъ меня анатомъ,
Глядѣться буду часто въ зеркало;
Украшусь жемчугомъ, гранатомъ,
Чтобъ злостью всѣхъ подругъ коверкало.
Меня къ себѣ возьмите въ замокъ,
И буду я всецѣло вашею;
Со мной, прелестнѣйшей изъ самокъ,
Тамъ насладитесь... простоквашею.

Анна Ефимова

СТАРОСТЬ.

Задумчиво старый анатомъ
Смотрѣлся въ висѣвшее зеркало,
Вы, губы, вы рдѣли гранатомъ
Ахъ, какъ Васъ теперь исковеркало,
Да, жизнь заколдованный замокъ.
Всѣ встрѣтитесь съ старостью вашею.
Смерть ждетъ какъ самцовъ, такъ и самокъ
Ѣшь мясо или медъ съ простоквашею...

Григорова.

В. М. П.

Васъ разбиралъ уже анатомъ,
И лысину являло зеркало,
Вы «фруктъ», но не сходны съ гранатомъ:
Васъ «красное» всегда коверкало,
Построили вы шаткій замокъ.
Съ программой всѣ знакомы вашею,
На женщинъ зрите, какъ на самокъ,
Такъ смажьте плѣшь вы простоквашею!!

К. Бекташевъ.

1. ПРИЯТЕЛЮ.

Я рѣжу ростбифъ, какъ анатомъ
Души моей—въ обѣдъ зеркало;
Изъ фруктовъ пользуюсь гранатомъ,
Сие—бюджетъ всегда коверкало.
Когда бѣ имѣлъ я старый замокъ,
Я васъ, мой другъ, съ супругой вашею

Тамъ угостилъ бы парой самокъ
Пулярдокъ, кофе, простоквашею...

2. ТОРРЕРО.

Я для быка—какъ опытный анатомъ,
На мнѣ взоръ дѣвъ (украдкой только въ зеркало!)
Торреадоръ! Пусть кровь сверкнетъ гранатомъ,
Хотя бѣ животное и все кругомъ коверкало...
О, не сулите мнѣ изъ грезъ воздушный замокъ,
О, доны, прочь съ ненужной страстью вашею:
Я вижу въ васъ лишь ждущихъ крови самокъ...
Пріявъ вѣнецъ—наѣмся простоквашею.

Р. Бѣлявскій.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ КОРРИДОРѢ.

— «Онъ кто: юристъ или анатомъ?»...
— «Возьмемъ сферическое зеркало»...
— «Да, въ книгѣ, изданной Гранатомъ»...
— «Разбило колбу, исковеркало»...
— «Н. угодили въ Литовскій замокъ»...
— «Профессоръ, надъ задачей вашею»...
— «Борьба за жизнь—борьба за самокъ»...
— «Теперь всѣ бредятъ простоквашею»...

Студ. Сергій Розенбергъ.

МОРЕ.

Юноша пылкій, мудрецъ или анатомъ
Всѣ вы глядите въ море, какъ въ зеркало,

Согласно съ волей вашею,
Но, хошь не хошь, придется самокъ
Кормить, братъ, простоквашею.

ДЖЮКОНДА.

Я срывалъ съ нея платье, какъ жадный анатомъ,
Заблестѣло мнѣ тѣло ея точно зеркало,
И уста ея рдѣли мнѣ алымъ гранатомъ,
И бѣжало меня все, что жизнь мнѣ коверкало.
И унесся я въ дальний, чарующій замокъ...
Но прошли вы, мгновенья, со страстью всей вашею
И я видѣлъ: съ довольствомъ упитанныхъ самокъ
Услаждалась богиня моя... простоквашею.

НА ТОКУ.

Пульсъ природы я слушалъ, какъ страстный анатомъ,
Отражала вода небосводъ, точно зеркало,
Подымалось солнце пурпурнымъ гранатомъ
И поверхность рѣки вѣтерочкомъ коверкало,
Громоздились тучи, какъ царственный замокъ.
Вы далеко ушли, дни, съ заботою вашею!
И глухарь ужъ сзывалъ торжествующе самокъ,
На току, бѣломъ инеемъ, какъ простоквашею.

А. Амолинъ.

1.

Какъ любопытный анатомъ
Смотритъ женщина въ зеркало

Блещет оно изумрудомъ, гранатомъ.
И никогда мирныхъ грезъ не коверкало.
Въ грёбнѣ волны вамъ мерещется замокъ,
Сердце согрѣлось фантазіей вашею:
Вы позабыли нарядъ пошлыхъ самокъ,
Плѣсень обычную, жизнь съ простоквашею.

В. А. С.

ПОЗДНЕЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Сердце растерзали мнѣ вы, какъ трупъ анатомъ;
Всѣ движенія ваши я ловилъ, какъ зеркало;
Подарилъ вамъ, помню я, кольцо съ гранатомъ;
И знакомство съ вами жизнь мнѣ исковеркало.
Строилъ горделиво свой воздушный замокъ,
Духомъ сочетался я съ душою вашею,—
Вы же оказались самою изъ самокъ;
Сталъ не буйнымъ хмѣлемъ я,—кислой простоквашею.

Р. Н.

Ну, и глупъ же, мой добрый анатомъ!
Цѣлый день, напролетъ, смотреть въ зеркало;
А съ чего? Вѣдь пошлѣе—гранатомъ,
И всего-то его исковеркало!..
Фантазируетъ: «Вѣдемъ въ мой замокъ!
Часть владѣній моихъ будетъ вашею
Покажу вамъ красавицъ я, самокъ,
«Угощу не одной простоквашею!»

М. Розенфельдъ.

Полно вздоръ болтать, анатомъ!..
Поглядитесь въ зеркало!
Спорить цвѣтомъ носъ съ гранатомъ!..
Что Васъ такъ коверкало?..
Нѣтъ!.. вернетесь лучше въ замокъ,
Я не буду Вашею!..
Васъ утѣшутъ ласки самокъ,
Рѣдка съ простоквашею!..

Вадимъ Бѣловъ.

ТИТАНИКЪ.

Чудо льда мощное—грубый анатомъ,
Гранью врѣзался, гладкой какъ зеркало,
Крови покрытое яркимъ гранатомъ,
Бѣдное тѣло «Титана» коверкало.
Дивный, плавающий назначило замокъ,—
Нѣдры морскія! добычею вашею,
Горы обломковъ, самцовъ трупы самокъ
Гнусной и дикой смѣшавъ простоквашею.

М. Ивановъ.

ЭКСПРОМТЪ.

Про вашъ конкурсъ провѣдавъ, ученый анатомъ
Музы тѣнь вдругъ увидѣлъ нечаянно въ зеркало,
Вдохновился, и, «дыню», рифмуя съ «гранатомъ»
Ямбъ трехстопный перо его долго коверкало!
Ужъ воспѣлъ онъ любовь двухъ сердецъ, мрачный замокъ!..
И вдругъ молвилъ:—«А что бъ васъ, съ затѣю вашею!
Арцыбашевъ я, что ль, что бъ писать вамъ про самокъ?..
Нѣтъ уйду отъ грѣха, освѣжусь простоквашею!»

Е. Р. Р—е,

МУДРОСТЬ И ГЛУПОСТЬ.

Мудрое слово! ты—вѣщій анатомъ:
Вѣчно ты жизнь отражало, какъ зеркало,
То рассыпалось кристалльнымъ гранатомъ,
То всѣ пороки людскія коверкало.
Глупцы рѣчи! вы—въ воздухъ замокъ:
Миръ забавляется глупостью вашею,
Вы-жъ, безъ смущенья, какъ кроликовъ—самокъ,
Кормите жидкою людъ простоквашею.

И. Скомороховъ.

ПОГИВШІЙ АВАНСЪ.

Я видѣлъ какъ старый анатомъ
Наблюдалъ красотку въ зеркало,
Какъ дарилъ браслетъ съ гранатомъ,
Какъ его при томъ коверкало!..
Но браслетъ не то—что замокъ:
Въ благодарность волей вашею,
Онъ прелестною изъ самокъ,
Былъ накормленъ простоквашею!..

Л. Подушкинъ.

1. НЕЖДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Рукою холодною словно анатомъ,
Я вамъ подношу безучастное зеркало!..
Меня сводило и коверкало!..

Накрашены щеки пылаютъ гранатомъ!..
Васъ время, я вижу не мало коверкало.
Разрушенъ въ душѣ моей сказочный замокъ—
Навѣки погибъ съ непорочною вашею.
Нѣтъ прежнихъ мечтаній! Я въ обществѣ самокъ,
Пропитанныхъ пошлостью и.. простоквашею.

2. ВЪ СТАРОМЪ ЗАМКѢ.

О, могу ль, какъ холодный анатомъ.
Я глядѣть въ это старое зеркало,
Гдѣ прабабкины щеки горѣли гранатомъ!
Но могучее время жестоко коверкало
И огонь этихъ щекъ, и мечтательный замокъ.
Отъ пробавки онъ сталъ усыпательницей вашею.
Онъ васъ вѣрно хранить отъ вторженія самокъ
Съ ихъ хозяйствомъ, заботою и простоквашею.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Вотъ картинка, название «Анатомъ»,
Рядомъ старое, битое зеркало,
(Въ грубой рамкѣ, съ поддѣльнымъ гранатомъ)
Мнѣ лицо оно часто коверкало.
Надъ столомъ—нарисованный замокъ
Съ неразборчивой подписью Вашею,
Въ клѣткѣ—кенаръ-самецъ, пара самокъ,
А на полкѣ—горшокъ съ простоквашею.

Кс. Лукьянова.

СТАРОМУ ПЬЯНИЦѢ.

Я не физикъ, не анатомъ,
Но вашъ ликъ—прямое зеркало:
Если носъ цвѣтетъ гранатомъ,
Значитъ жизнью васъ коверкало!..
Запереть васъ надо въ замокъ
И, занявшись пользой вашею,
Васъ лишить вина и самокъ
И питать васъ простоквашею!..

«2 ноября 1875 г.».

Поэтъ я и жизни анатомъ,
Душа моя—чистое зеркало,
А сердце краснѣетъ гранатомъ,
Хоть въ жизни его и коверкало.
Жилище—фантазіи замокъ;
Разстался я съ низостью вашею,
Со сворою чувственныхъ самокъ,
Съ болотной густой простоквашею,

Ник. З—ный.

КУРСИСТКѢ.

Милая курсистка, что Вы за анатомъ?
Бросьте Ваши книжки, поглядитесь въ зеркало!
Уберите волосы блещущимъ гранатомъ,
Чтобъ убранство скромное красокъ не коверкало.
Вамъ войти бѣ царцею въ лучезарный замокъ,
Чтобы любовались всѣ красою Вашею!
Вамъ уйти бѣ подальше отъ самцовъ и самокъ,
Не пытаться больше хлѣбомъ съ простоквашею.

А. Рапопортъ.

Въ явленіяхъ разума свихнувшійся анатомъ
Я отражала миръ какъ вогнутое зеркало
Такъ пошлый огурецъ казался мнѣ гранатомъ
Видѣнья-жъ красоты душа моя коверкала.
И создавался мной изъ грезъ роскошный замокъ,
Въ мечтахъ своихъ клялась я быть рабою вашею
На дѣлѣ проявить инстинкты страстныхъ самокъ,—
Но оказалась кислой простоквашею.

Ольга К.

* * *

Я въ замкѣ гордомъ жилъ алхимикъ и анатомъ.
Красивъ, какъ богъ! (иль только лгало зеркало?)
Питался нектаромъ, амброзіей, гранатомъ!..
Но время шло и все, смѣясь, коверкало!
Я постарѣлъ... я все забылъ... и продалъ замокъ!
И съ вами, смертные, живу заботой вашею:
Играю въ винтъ, ращу курей (самцовъ и самокъ),
А вмѣсто нектара—доволенъ... простоквашею!

В. Покровский.

Люблю я васъ, какъ трупъ—анатомъ!..
Когда вчера, глядя въ зеркало,
Дразня, играли вы гранатомъ,—
Меня сводило и коверкало!..

И создалъ я волшебный замокъ,
Весь напоенный страстью вашею!..
И думать: «лучшая изъ самокъ,
Ужель ты станешь простоквашею?!»

Алексѣй Горбатовъ.

ОТЕЦЪ—СЫНУ:

Дуралей! Тебя-бы бить канатомъ!
Вѣлоручкой, смотришься все въ зеркало!..
Губы красны, рдѣются гранатомъ
Зубы—жемчугъ!.. жизнью не коверкало!
Что-же? Предъ тобою все воздушный замокъ?
Поживи-ка въ мирѣ ты мордвы, чувашей,
Такъ забудешь замокъ и волшебницъ-самокъ,
И займешься, сынъ мой, кислой простоквашею!..

Н. С.

Кто-бъ ни былъ ты, хоть неучъ, хоть анатомъ,—
Не увывай разсматриваясь въ зеркало—
Пусть покраснѣлъ твой носъ гранатомъ,
Пусть время лобъ морщинами коверкало!..
Чтобъ сердце женщины взять неприступный замокъ!..
Чтобъ слышать отъ нея: «согласна я—быть вашею»
Чтобы успѣхъ имѣть у женщинъ какъ у самокъ—
Смѣлѣе только будь, не кисни простоквашею.

Г. П. Бене.

ФЕМИНИСТКА.

Хоть мнѣ лстятъ восторженный анатомъ,
Хоть мнѣ лстятъ неліцемерно зеркала,
Но мой ротъ, аллюющій гранатомъ,
Недовольною гримасою коверкало.
Вѣдь мечты мои—увы!—воздушный замокъ.
О, мужчины! Милостью вашею
Мнѣ придется между глупыхъ самокъ
Средь бездѣлья киснуть простоквашею.

Левъ Фольварковъ.

ЗАГОВОРЪ ПРОТИВЪ БЕЗСОННИЦЫ.

Вообрази что ты анатомъ,
Три раза плюнь на рожу въ зеркало,
Затѣмъ пусти въ нее гранатомъ,
Чтобъ меньше на душѣ коверкало,
Потомъ поиди въ высокій замокъ
Тамъ крики; «Черти силой вашею
Я заклинаю гнусныхъ самокъ!»
А самъ умойся простоквашею.

В. Мейеръ.

МЕЧНИКОВЪ И АНАТОМЪ.

Лѣтъ семьдесятъ прожилъ на свѣтѣ зѣло наученый анатомъ.
Его сѣдины отражало давно ужъ безстрастное зеркало!..
Ученое слово онъ сѣялъ, премудрое сыпалъ гранатомъ
И всѣхъ отъ ученія его, какъ отъ боли коверкало..
Самъ Мечниковъ вѣдиль нерѣдко къ анатому въ замокъ
И такъ говорилъ: «Я доволенъ ученостью Вашею!..
Кормите скотовъ хорошенъко—самцовъ заморенныхъ
и самокъ,
Но только не кашею вашей,—моей простоквашею.

Лео-Леони Пуссе.

1. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ДРУГА БАХУСА.

«Онъ умеръ отъ пьянства!» такъ рекъ тебя потрошившій
анатомъ.
Бахусъ погубить!—ежедневно пророчило зеркало,
Носъ твой взору рисуя багрово-спѣлымъ гранатомъ.
Что-ты, другъ, не повѣрилъ?! Не лгало-жъ оно, не ко-
веркало!
Кончено все! Навѣки покинулъ ты дѣдовскій замокъ!..
Недаромъ бывало, съ друзьями, за бурной попойкою
вашею
Замертво падалъ ты на руки пьяныхъ, гогочущихъ самокъ
И снова танулъ, ледяной лишь себя освѣживъ просто-
квашею!..

II. ГИМНЪ МУДРЕЦА—НЕНАВИСТНИКА ЖЕНЩИНЪ.

Могучъ и всемогущъ мой разумъ! Скальцелемъ знанія онъ,
безстрашный анатомъ,
Тайны покровы вскрываетъ. Мысли моей глубина отра-
жаетъ, какъ зеркало,
Жизни хаосъ. Ни ужасы горя, ни крови потока, алѣя
гранатомъ,
Ни ревность и злоба—ничто никогда гнѣвомъ иль болью
души не коверкало.

Безстрастна, горда, одинока она, словно старый покину-
тый замокъ!..
Женщины!.. Только вы нарушаете духа гармонию низостью
вашею,
Только васъ ненавижу коварно-жестокихъ и мелочныхъ
самокъ!
Жалкій вашъ мозгъ, ваше дряблѣе тѣло съ презрѣньемъ
зову... простоквашею!..
Эль-(манъ).

Какъ холодный и растетливый анатомъ
Разсмотрѣли мою душу въ свое зеркало!..
Наблюдая за разрѣзаннымъ гранатомъ,
Изучили точно, что его коверкало.
И создали Вы на томъ воздушный замокъ,
Ликовали, что согласна я быть Вашею!..
Такъ смотрите-жъ—я для тѣхъ, кто ищетъ самокъ,
Окажусь прокислой простоквашею.

РЕЦЕПТЪ.

Я, хотя, не докторъ, а анатомъ,
Но... Вашъ общій, вѣдь, виденъ даже въ зеркало!..
Вы... которая равнялись красками съ гранатомъ!..
Боже мой!.. Но что Васъ такъ коверкало?
Мой советъ—скорѣй катить въ Вашъ замокъ;
Вамъ нелогично здѣсь быть съ болѣзнями Вашею.
Тамъ въ глуши живите жизнью самокъ,
Наслаждайтесь вкусной простоквашею.

В. В. Весницінъ.

КЛЯТВА ВОЛЬНОГО.

До тебя скоро, другъ, доберется должно быть анатомъ:
Волитъ печень. Гляжусь я—охъ часто какъ въ зеркало!..
По совету врача пробавляюсь я грушей, гранатомъ—
Умирать не хочу, хотя въ жизни и сильно коверкало.
Воздвигаю изъ мыслей воздушный пріятѣйшій замокъ
Прочь—болѣзнь! Не стану я жертвою вашею!
И бессонныя ночи я брошу и Васъ женщину-самокъ
И питаюсь начну лишь одной, да—одной, простоквашею.
Серафима Чугунова.

1.

Я проникъ въ вашу грудь какъ анатомъ.
Для меня ваше сердце, что зеркало.
Вѣдь я вижу, что лживымъ гранатомъ
Въ немъ сомнѣнье порывы коверкало.
И я жажду пройти въ дивный замокъ.
Быть мечтою, любовью быть вашею!..
Но, возможно, что «ласковость самокъ»
Эта жизнь «какъ у всѣхъ»... съ простоквашею!..

2.

Я въ безумныхъ объятіяхъ твоихъ, какъ анатомъ,
Отразилъ въ себѣ душу твою, точно зеркало!..
Вѣдь во мнѣ, какъ въ тебѣ, лживымъ гранатомъ,
Одиночество мысль и напѣвы коверкало!
И, какъ ты, я постигъ, разгадалъ лживый замокъ,
И, какъ ты, я глумился, о люди, надъ вашею,
Непроглядностью зла и исчадіемъ самокъ
Порожденной во мракѣ души, простоквашею!

3.

Словно соколъ степей, какъ суровый анатомъ,
Проникалъ, постигалъ я умы, точно зеркало,
И въ однихъ, я видалъ, жизнь рождалась гранатомъ
А въ другихъ—жизни дно всѣ стремленья коверкало!..
Но любовь, охраняла нашъ сказочный замокъ,
Основная силась улыбкою вашею!..
И мы грезили... мы, порожденіе самокъ,
Хоть мечта далека, хоть и жизнь «съ простоквашею».

4.

Я всеильнымъ прослылъ оттого, что какъ грозный ана-
томъ,
На скрижаляхъ души отразилъ я мечты будто зеркало!..
Я прекраснымъ прослылъ оттого, что сердечнымъ грана-
томъ
Единеніе съ небомъ меня, превозвѣстника правды ковер-
кало!..
Непостижимымъ прослылъ оттого, что далекий мой замокъ
Возарился, вознесся, какъ Богъ, надъ суестью вашею!..
Нелюбимымъ прослылъ оттого, что привязанность са-
мокъ,
Какъ кумиръ, я смѣшалъ съ пошлой жизнью людской
«съ простоквашею»!

5. Л. АНДРЕЕВУ.

Молчаливо-угрюмый и трепетный, словно анатомъ,
Онъ, Анатема, зрѣлъ пустоту, глядя окомъ въ столікое
зеркало;
И, въ дрожаньи тѣней, Черный Воронъ казался грана-
томъ

И «Ничто» въ темнотѣ непросвѣтлые блики коверкала.
И неслышной стопой я проникъ въ заколдованный за-
мокъ,

Углубился, увлекся я, тѣни, бездумностью вашею...
И Анеиса, безплотную тѣнью, пародіей самокъ.
Наклонялась, скорбя надъ «бездонностью дна» простоква-
шею!

Гр. Липидусъ.

И. А. СИК—transit gloria mundi—ОРСКОМУ.

Онъ былъ психіатръ, и отнюдь не анатомъ
И въ душу людскую смотрѣлъ, точно въ зеркало,
Онъ ею жонглировалъ, будто гранатомъ,
И «миѣнье» его очень часто коверкала.
Воздвигъ на Подвальной онъ замокъ,
Не кровью, не потомъ, а «милостью вашею»,
Могъ только отличить самцовъ онъ отъ самокъ.
А самъ обладалъ не душой—простоквашею.

А. И. Судипаль.

Родичевъ—великій политическихъ дѣлъ анатомъ,
Гегечкори—партіи социаль демократовъ зеркало.
У Челышева отъ борьбы съ пьянствомъ ность блещитъ
гранатомъ,

Пуришкевича отъ рѣчей К. Д. обезьяной коверкала.
Милюковъ въ облакахъ строить какой-то воздушный замокъ,
Маклаковъ мирится съ точкой зрѣнія и нашей и вашею,
А Тимошкинъ въ курсисткахъ видитъ лишь самокъ,
Ну и компанія! какая-то каша съ простоквашею.

В. Никитинъ.

Не поэтъ я, а врачъ и анатомъ
И, прочтя эти риѣмы, чуть въ зеркало
Не пустилъ я незрѣлымъ гранатомъ!
Цѣлый день меня злобой коверкала!..
О, Литовскій купить легче замокъ
Чѣмъ страдать надъ задачею вашею,
Въ джунгляхъ Африки легче мнѣ самокъ
Леопарда кормить простоквашею!..

Леонидъ Жильцовъ.

Говорилъ мнѣ злой анатомъ:
«Не глядитесь часто въ зеркало:
«Вотъ цвѣтете вы гранатомъ,—
«Не такихъ еще коверкала!..
«Сальварсанъ—воздушный замокъ,
«А съ привычкой скверной вашею —
«Вы отъ ласки милыхъ самокъ
«Не спасетесь простоквашею»!..

Михаилъ Александровъ.

«ТИТАНИКЪ».

О, величественный корабль, привязанный къ берегу кана-
томъ

Наконецъ уплылъ ты далеко по тихому морю какъ зер-
кало,

Но увь! На встрѣчу тебѣ зловѣщія льдины гранатомъ,
И, только немного приблизившись, тебя порядкомъ иско-
веркала.

Несчастный! Ты былъ какъ покинутый разгромленный за-
мокъ,

Хоть и пользовался беспроволочной системой вашею;
Но, гибель всѣмъ! Спасавши нѣсколькихъ самокъ
Всѣ геройски и измученные пошли ко дну простоквашею.
Легинцева.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Какъ холодный и точный анатомъ
Поѣздъ рѣжетъ равнину. Вотъ зеркало
Промелькнуло и скрылось водное. Развлекаюсь отъ скуки
гранатомъ

Недозрѣвшимъ и терпкимъ. Отъ кислаго сводитъ скулы,
лицо поковеркала.

Вотъ мелькнулъ и исчезъ чей то брошенный замокъ,
Здѣсь хотѣла-бы я жить и... быть вашею!

Чу, свистокъ! Замедленіе... станція... лица глухихъ, гу-
ляющихъ самокъ...

..Вижу бабу, что вынесла къ поѣзду молоко и горшочки
съ простоквашею.

Вѣра Днейтрень.

ЗЛОРАДСТВО.

Разъявъ барона трупъ, анатомъ
Глядѣлся молча въ зеркало.
Кровь прилила къ щекамъ гранатомъ,
Всего его коверкала.
Сказалъ онъ: «не вернетесь въ замокъ,
Баронъ, съ супругой вашею
Кормить мясомъ собачьихъ самокъ,
Понть ихъ простоквашею».

ВСТРѢЧА СЪ ОБОРВАНЦЕМЪ

«Послушайте, «анатомъ»!
Вы не глядѣлись въ зеркало?
Измазались гранатомъ,—
Гдѣ этакъ васъ коверкала?
Куда идете? Въ замокъ?
На васъ, съ фигурой вашею
Натравятъ гончихъ самокъ,
Окаятъ простоквашею!»

ПРОФЕССОРУ NN.

Скотникъ вы, а не анатомъ!
Поглядитесь сами въ зеркало
Щеки—сливой, ность—гранатомъ.
Много, много васъ коверкала!
Бросьте грезъ воздушный замокъ,
Знайте: должно съ рожей вашею
Не вскрывать самцовъ и самокъ,—
А возиться съ простоквашею!

УБИЙЦА.

Убийца рѣзалъ жертву, какъ анатомъ,
Косясь пугливо на большое зеркало.
Кровь залила коверъ и полъ гранатомъ.
Товарищей отъ ужаса коверкала.
Дорѣзавъ, онъ сказалъ: «въ тюремный замокъ,—
Охъ, попаду съ проклятой шайкой вашею!
И изъ-за жадныхъ, наглыхъ вашихъ самокъ
Подохну тамъ, питаюсь простоквашею».

Н. А. Штейнбергъ.

МОДЕРНИСТЪ И ВРАЧЪ.

— «Я женщинъ изучилъ, какъ опытный анатомъ,
Я зналъ и блескъ ихъ глазъ, глубокихъ точно зеркало,
Я зналъ и свѣжесть губъ, темнѣющихъ гранатомъ,
И я любилъ глядѣть какъ страстью ихъ коверкала»..
— «Эхъ, бросьте! Все обманъ. Воздушный страсти замокъ
Разрушу я въ моментъ. Довѣрчивостью вашею
Вы отдали себя во власть развратныхъ самокъ.
И буду васъ лечить болгарской простоквашею»!..

М. М. Бутовичъ.

О, ЖЕНЩИНЫ!

Однажды нелскій профессоръ анатомъ
Ввелъ пациенту въ ность зеркало
Рѣзнулъ неудачно. Лилась кровь гранатомъ,
Больного отъ боли коверкала.
Несчастный безъ носа вернулся въ свой замокъ.
— «Что сдѣлалось съ физіей вашею».
Вскричала супруга, —одна изъ тѣхъ самокъ,
Что мужа вѣдать съ простоквашею.

Н. А. Штейнбергъ.

Если-бы былъ П—вичъ анатомъ
И на черепъ свой глянулъ-бы въ зеркало,
То, клянусь моимъ перстнемъ съ гранатомъ,
Душку Володю всего-бы коверкала.
Депутаты, какъ попалъ онъ въ Таврическій замокъ,
Не считаясь съ народомъ и волею вашею?
Онъ стоитъ за безправіе самокъ!
Господа, накормите-жъ его простоквашею!

В. Пентко.

1. ИГРОКЪ.

Одинъ извѣстнѣйшій анатомъ
Для вскрытій труповъ принесъ зеркало.
Одинъ объѣлся вдругъ гранатомъ,
Его предъ смертью все коверкала.
Другой, сказали, вѣхалъ въ замокъ
Съ своей женою, теткой вашею,
Хотѣлъ травить оленей самокъ,
А самъ объѣлся простоквашею.

Анатолій Кирѣевъ.

Бывъ разъ избить крапленныхъ картъ анатомъ
Усталый взоръ направивъ въ зеркало
Рѣшилъ вдругъ, что щека распухшая гранатомъ
Изящный профиль исковеркало.
— «Мерзавцы, прошепталъ, позвать въ богатый замокъ
Эксцентрика, и вмѣстѣ съ сворой вашею
Шандалами избить при громкихъ крикахъ самокъ
Какъ будто онъ горшокъ и то не съ простоквашею!»

2. ЛОТОШНИЦА.

Если мысли ты анатомъ
Хочешь видѣть жизни зеркало
То пойдѣ ты, гдѣ гранатомъ
Нарумянивъ исковеркало
Лица нашихъ добрыхъ самокъ
Страсть въ лото. Забыть и замокъ
И дѣтей подъ кровлей вашею
Кормятъ только простоквашею.

3.

Сперва онъ былъ скромный анатомъ
Имѣя два стула и зеркало
Уста его рдѣли гранатомъ
И горе его не коверкало.
А сблизившись съ дочерью вашею
Обставилъ роскошнѣйшій замокъ
Но послѣ старѣющихъ самокъ
Питался одной простоквашею.

4. НЕГРЪ.

Живя въ лѣсу, ахъ не былъ онъ анатомъ
И рѣдко ѣлъ, и сытъ бывалъ гранатомъ
И рожу черную вода—всѣхъ дикихъ зеркало
Коверкать не могла и не коверкала.
Разъ сѣдя въ шалашѣ, его всегдашній замокъ
Увидѣлъ онъ вдали двухъ бѣлыхъ жирныхъ самокъ
Подкрался къ нимъ, и скрывшись съ дочкой вашею
Сострипалъ изъ нея рагу подъ простоквашею.
Владимиръ Степановичъ Кунаковъ.

КОСМОСЪ.

Любуется Хаосъ суровый анатомъ
На вещи. Дрожитъ безграничное зеркало,
И плаваешь въ небѣ гранатъ за гранатомъ...
Горячее солнце орбиты коверкало.
Тамъ радужный вѣтеръ, тамъ пламенный замокъ
Разсыпался кольцами газа надъ вашею
Духовною тканью, тамъ атомы самокъ
Вступили въ союзъ съ міровой простоквашею...
Даниилъ Лаврентьевъ. Овчаренко.

ДОКТОРЪ ГАЗЪ.

Добрый докторъ Газъ былъ великій анатомъ.
Всюду, въ немъ не разъ—зло имѣло правды зеркало
Средь камней—дикарей его звали гранатомъ.
Его дѣло, правды жаломъ—неправду коверкало.
Добро взаперти, виситъ желѣзный замокъ...
О! люди—братья, откройте свѣтъ ему любовью вашею;
Это докторъ творилъ въ черномъ мѣрѣ самокъ,
Завѣщавъ имъ при этомъ: учить правдѣ дѣтей, питая
простоквашею.
Мих. Боярский.

Надъ трупомъ утопленицы прекрасной склонился анатомъ,
На берегу озера гладкаго какъ зеркало,
А солнце заходящее отливая гранатомъ,
Лицо молодое лучами красными коверкало.
Не нужны ужъ погубшей, ни пышный замокъ,
Ни все Вы съ неискренней скорбью Вашей,
Стоксуется по ней лишь кучка утиныхъ самокъ
Кормившихся такъ часто изъ рукъ ея простоквашей.
В. Боровицкій.

Женщины! Жизни я вашей анатомъ
Повѣрьте! Душа моя чиста, какъ зеркало!
Ростъ я на волюшкѣ дикимъ гранатомъ...
Меня воспитанье—развратъ не коверкало...
Ждалъ я васъ... Звалъ васъ въ открытый свой замокъ...
Жаждалъ слѣнья съ душею я вашею,
Но... не нашелъ ея... Видѣлъ лишь самокъ...
Ну что-же! Смывайте загаръ, простоквашею!
Николай Бор—скій

НА ЗАВТРА.

Проспавшись съ похмѣлья нашъ анатомъ,
Немогъ опознать себя, даже въ зеркало;

Фонарь красовался, въ сравненіи съ гранатомъ
И это явленіе рожу коверкало
Пронесся въ миражѣ окраинный замокъ,
Улыбка, слова, «вѣдь буду я вашею?»
Въ экстазѣ, проводивъ время межъ самокъ,
Внутренній жаръ тушилъ простоквашею.

Г. Яковлевъ.

НА НЕВСКОМЪ.

(Портретъ фланера).
Кто онъ, поваръ, мошенникъ анатомъ?
Не различишь—лицо вѣдь не зеркало.
Не мерцай ярко-краснымъ гранатомъ
Улыбкой лицо коверкало.
Такой не строить воздушный замокъ
И засмѣется надъ болью вашею...
Онъ ходитъ по улицѣ въ поискъ самокъ,
Поросенокъ, откормленный простоквашею.

М. Козыревъ.

ВРАЧИ И ПАЦЕНТЫ.

(Говорятъ пациенту):—Профессоръ, докторъ, анатомъ:
«Науки мы свѣтила и здоровья зеркало,
Вѣрьте намъ: питайтесь гранатомъ,
Апельсиномъ молочкомъ. Чтобъ не коверкало
Страсть, любовь, здоровье ваше: сердце на замокъ!..»
(Пациентъ про себя):—Смѣемся надъ наукой вашею
Мы любимъ милыхъ «самокъ»,
Жремъ, пьемъ все: соль, хлѣбъ рѣдку съ простоквашею.
Алекс. М.—ръ.

КТО ОНЪ?

Въ думѣ ѣсть одинъ анатомъ,—
Модный шутъ, кривое зеркало,
Когда лѣвый цвѣлъ гранатомъ,
Какъ шута всего коверкало.
Всѣхъ упряталъ бы онъ въ замокъ,
Думцы, васъ съ свободой вашею...
Лучше бъ онъ плѣнять сталъ самокъ
Словъ витѣйныхъ простоквашею.

И. Сенчуковъ.

ВЪ КАРТИННОЙ ГАЛЛЕРЕЕ.

Здѣсь изображенъ анатомъ;
Тутъ—красотка смотритъ въ зеркало
И любитъ гранатомъ.
Здѣсь «Война».—Какъ ихъ коверкало!
Вотъ—средневѣковый замокъ;
Сзади—за спиною вашею
Нарисованы пять самокъ
Предъ торговцемъ простоквашею.

Псевдонимъ.

ОПЯТЬ ДОМА.

Все ты узнаешь... Какъ строгій анатомъ
Душу увидишь, старинное зеркало;
Губы расскажутъ фальшивымъ гранатомъ
Все что мнѣ жизнь съ насмѣшкой коверкало!..
Комната милая, дѣвчій замокъ,
Смѣю и снова я сдѣлаться вашею?
Мнѣ ли вернуть за разряженность самокъ
Поле и рожи, обѣдъ съ простоквашею?..
Н. Азбелевъ.

ВЪ ПАРИКМАХЕРСКОЙ.

«Побрить прошу!..» и сѣлъ анатомъ
И мыслилъ, зобъ устава въ зеркало:
«Купи мнѣ «папка» брошь съ гранатомъ.
«Глянятомъ» дитятко коверкало.
Конфетъ ей мало—брошь, тамъ—замокъ.
«Купи и... только, буду вашею»...
Вампиръ—любовь продажныхъ самокъ!
Домой!!!—жена ждетъ съ простоквашею».
Ив. Мокрицкій.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЦУСИМЪ.

Шли мы въ бой былъ случай тащили другъ друга кана-
томъ

И блестялъ океанъ въ то время какъ зеркало...
Билъ въ насъ японецъ съ броненосцевъ гранатомъ
И все то у насъ на суднѣ коверкало.
Взялъ онъ насъ въ плѣнъ и отправилъ въ замокъ
Отпущу, какъ кончу войну съ Россіею вашею
И держалъ взаперти какъ держать самокъ
А кормилъ рисомъ, червями да еще простоквашею.
Я. Червяковъ.

А. Вагромьскъ.

Рай зубной.

Юморескъ.

Снится зубному врачу Лурье громадная, ровная поляна.

И будто идетъ она по этой полянѣ и видитъ, что вся она усѣяна зубами.

И бикуспидаты и маляры...

И клыки и рѣзцы...

И коренные и передніе...

И молочные зубы дѣтства...

И вставные зубы старости...

Тутъ кокетливый пульпитъ съ задумчивымъ періоститомъ обнялись...

Тамъ періодентиты кучкой окружили чернокудрую гангреночку...

Вонъ разсыпались какъ грибы по зелени нечищенныхъ гнилушекъ головки кариозныхъ зубовъ.

Вонъ гангрена влажная...

Вонъ гангрена сухая...

Ахъ, что за видъ!..

Что за рай зубной!..

Идетъ зубной врачъ Лурье по зубной полянѣ, и сердце у нея радуется

Въ рукахъ у нея щипцы.

Идетъ и дергаетъ, идетъ и дергаетъ зубы.

Тамъ остановится,—корешокъ выкорчуетъ,—кариусъ profunda.

Тамъ нагнется—кариусъ медіа вытащить...

Идетъ, и сердце радуется... Идетъ, и сердце радуется...

Тамъ пломбу положить цементную,—тамъ—гуттаперчевую...

Тамъ фарфоровую... Тамъ эмалевую...

А тамъ и золотой пломбочкой душу порадуешь...

Идетъ и рветъ, идетъ и рветъ, идетъ и рветъ...

Вдругъ ногой о зубъ мудрости запнулась...

Упала!..

Что такое?.. Ахъ!..

.....

Такъ это былъ сонъ?..

Роскошный праздничный сонъ!..

Вотъ она проснулась, и опять все по старому.

Въ окно глядятся кислые, зубные будни.

Опять разговоры о зубномъ недородѣ.

Опять тоскливыя ожиданія, словно манны небесной какихъ нибудь несчастныхъ пульпитовъ...

Опять молитва:

— Зубъ нашъ насущный даждь намъ днесь!

Опять въ газетахъ безконечныя объявленія людей, ищущихъ зубовъ.

О, опять.—нынче какъ вчера, нынче какъ завтра—...

— Зубы на полку!..

Сѣла на постель, пригорюнилась зубной врачъ Лурье...

И заплакала горькими слезами...

Бѣдная, бѣдная зубной врачъ Лурье...

Не плачь, не убивайся.

Развѣ ты одна теперь плачешь?

Тысячи, десятки тысячъ такихъ какъ ты безработныхъ плачутъ.

Нѣтъ въ городахъ зубовъ.

Гдѣ теперь они?

Всѣ зубы теперь въ деревнѣ.

Да и тамъ въ деревнѣ мужики хитры стали.

Чтобы не портить зубы, рѣшили ничего не ѣсть.

Голодають, мучаются, а зубовъ не хотятъ на-трудить,—боятся чернымъ хлѣбомъ эмаль попортить.

Бѣдная, бѣдная зубной врачъ Лурье,—ни городъ, ни деревня не хочетъ тебя практикой по-радовать...

Натяни скорѣе чулочки на худенькія ножонки твои...

Вѣдь дуетъ изъ двери,—насморкъ—долго-ли..

А то еще, того и гляди, у самой зубъ занеетъ...

Придется бѣжать къ зубному врачу Пинесъ.

Позвонишь,—та обрадуется:

— Пациентъ пришелъ! Браво, практика! На-конецъ-то!..

Войдешь:—лицо вытянется у зубного врача Пинеса.

— Практика ради практики!

Натягивай, натягивай чулочки, зубной врачъ Лурье.

Надѣвай кофточку.

Скоро десять,—надо быть наготовѣ.

Вдругъ въ самомъ дѣлѣ сегодня, кто нибудь чѣмъ-нибудь порадуешь.

— Хоть-бы вотъ такую малюсенькую пломбочку Провидѣніе послало!..

Неужели на всемъ земномъ шарѣ не найдетъся вотъ такого дуплишка, гдѣ бы зубной врачъ Лурье могла отвести свою душу?

О, Провидѣніе, какъ ты жестоко!

Ты посылаешь однимъ цѣлыя челюсти, а для другихъ тебѣ жалко даже малюсенькой цементной пломбочки...

Не лѣнись, не лѣнись, „докторъ Лурье“.—такъ тебя зовутъ у Кауфмановъ,—одѣвайся, одѣвайся!

Ты наряжайся и зубы чисти мѣломъ...

Народъ вѣдь платитъ...

Не плачь, не плачь, милая докторъ Лурье... Днемъ будешь ждать пациента.

А вечеромъ пойдешь въ Литературный Кружокъ.

Тамъ десятокъ такихъ же, какъ ты, зубныхъ врачей разсядутся въ залѣ на стульяхъ передъ эстрадою.

И будутъ глядѣть въ зубы очередному референту.

И будетъ сквозь зубы тянуть свою зубоврачебную канитель или господинъ Зубновскій?

Или Сергѣй Зубноль, или Зубнакинъ, или Зубнѣллисъ, или Пьеръ Зубновъ...

И, когда будетъ оппонировать блѣдный докторъ у тебя въ голодномъ желудкѣ забулькаетъ.

Ты съ тоской вспомнишь объ ужинѣ.

Возьмешь подъ руку зубного врача Пинесъ и пойдете вы наверхъ.

Тамъ скромно, очень скромно, черезчуръ скромно поужинаете разварнымъ судакомъ.

Или, быть можетъ, ограничитесь знаменитыми слойками.

Ахъ, эти знаменитыя слойки!..

Если бы доклады Зубнакиныхъ, Зубнолей и Зубновыхъ были такъ же вкусны...

Потомъ вы вернетесь въ свою каморку... ра-дон Кабинетъ...

И будетъ тамъ такъ же, какъ утромъ, дуть отъ двери...

Торопись, торопись, милая зубной врачъ Лурье, порхнуть подъ сыроватое одѣяло.

Торопись забыться сномъ.

Быть можетъ, опять приснится ясная, зубная поляна...

Н. Шебуевъ.

Н. Д. Мельниковъ.

Столичные мастера пѣнія.

Оперетта въ 3 дѣйствія Н. Шебуева.

Дѣйствіе 1-ое.

Вечеринка у бывшаго учителя пѣнія Манилова. Плюшкинъ, Ноздревъ, Пятухъ, Коробочка и Собакевичъ—столичные мастера пѣнія. Горскій—теноръ влюбленный въ Юлію дочь Манилова. Гости старые и молодые танцуютъ вальсъ. Юлія Львовна танцуетъ съ Горскимъ.

Хоръ гостей.

Въ вихрѣ вальса мы несемъся

Отдались во власть экстаза...

Мы хохочемъ... Мы смѣемся...

Въ дымкѣ тюля, въ дымкѣ газа...

Въ вихрѣ вальса тають рѣчи...

Въ вихрѣ вальса тонуть взгляды...

Бѣлорозовыя плечи...

Бѣлоснѣжныя наряды...

(Вальсъ стихаетъ. Входитъ Маниловъ, всѣ его обступаютъ).

Маниловъ (Дочери).

Ты съ кѣмъ танцуешь егиза

(Показываетъ на Горскаго)

Я не видалъ его въ глаза...

Юлія (представляетъ Горскаго).

Рара! Позволь представить—Горскій...

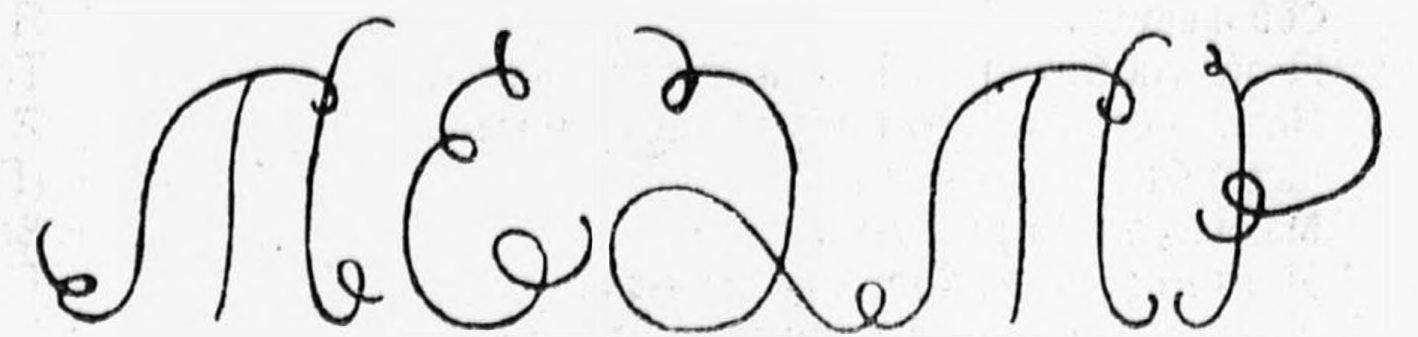
Маниловъ. Видь у него совсѣмъ актерскій...

Вы не поете?..

Горскій (небрежно). Да... Слегка...

Маниловъ.

А вы не сынъ ли старика

Семена Горскаго.

Горскій (улыбаясь). Немножко!..

Маниловъ (дочери).

Его отца знавалъ я крошка.

Въ консерваторіи у насъ

Его баритональный басъ

Всѣхъ помню приводилъ въ экстазъ.

На мигъ въ покоѣ не оставленъ:

Твердятъ ему въ единый тонъ:

„Ахъ, душа, душа баритонъ...“

Баритонъ, баритонъ

У него отъ природы поставленъ!“

Ноздревъ (Горскому).

Да, были люди въ наше время,

Могучее, лихое племя

Богатыри не вы...

Пятухъ. Еще бъ онъ болѣ наострился

Когда бъ маленько поучился

На берегахъ Невы.

Плюшкинъ

Иныхъ удерживаетъ скупость,

Иныхъ удерживаетъ глупость

Учиться не хотять...

Коробочка.

И въ результатъ поздно-ль, рано

Уже въ театрахъ не сопрано,

А глупый пискъ котятъ.

Собакевичъ.

Спросите вы любого франта:

Онъ хочетъ ли имѣть bel canto?

—„На кой мнѣ, скажете, песь!..“

Маниловъ.

У насъ однихъ секреты пѣнья...

А имъ не надобно умѣнья,—

Мнѣ жалко ихъ до слезъ...

Всѣ мастера (секстетомъ).

Они и такъ юрки и ловки...

Для нихъ не надо постановки!..

Умнѣй насъ молодежь!..

Горскій.

Привѣтъ почтенному собранью,

Вы молодежь почтили бранью...

Но приговоръ вашъ—ложь...

Хотите убѣдиться сами,

Что многіе здѣсь съ голосами

И хорошо поютъ...

Ноздревъ (иронически).

Для Гренише и Периколы

Ненадобно, конечно, школы...

Что школы имъ дадутъ...

Пятухъ.

И въ оперѣ и въ опереткѣ

Теперь пѣвцы къ несчастью рѣдки...

Послушаемъ хоть васъ...

Плюшкинъ.

Всѣ норовятъ на даровщину...

Коробочка (глядя на Горскаго).

Ахъ, еслибъ этого мужчину

Въ науку мнѣ...

Горскій (убѣдительно).

Я—пассъ...

Собакевичъ.
Я не любитель пѣть и слушать...
Вотъ еслибъ что-нибудь покушать...
Себя-бъ я показалъ...
Маниловъ (Горскому).
Я принялъ молодежи вызовъ,
Хоть и не жду большихъ сюрпризовъ...
Ноздревъ (Собакевичу).
Концертъ намъ навязалъ!..
Собакевичъ.
Мнѣ слушать пѣнье—наказанье...
Горскій (публикѣ).
Итакъ устроимъ состязанье!..
Плюшкинъ.
Скажите призь намъ напередъ...
Сухая ложка ротъ деретъ...
Маниловъ.
Безплатной преміей даю
Я дочь единую мою...
Рука Джульетты чѣмъ не призь...
Всѣ.
Какой сюрпризъ! Какой сюрпризъ!
Ноздревъ.
Такой кусокъ довольно лакомъ.
Собакевичъ.
Тутъ каждый запоетъ со вкусомъ.
Коробочка.
Маниловъ нашъ сбѣсился съ жира...
Пѣтухъ.
Не жду добра я отъ турнира.
Плюшкинъ (многозначительно).
А не принять ли мнѣ участие...
(Гости готовятся къ концерту).
Юлія (Горскому).
Ты побѣдишь—какое счастье!..
И буду я тебѣ супругой...
И наша жизнь польется фугой,
Дуэтомъ чуднымъ зазвучитъ...
Елена (влюбленно глядя на Горскаго).
Онъ побѣдитъ! Какое горе!..
Слеза дрожитъ въ ревнивомъ взорѣ...
Рокъ Юлію ему вручить...
Юлія.
Ты побѣдишь! Какая радость!
Плюшкинъ.
Онъ побѣдитъ! Какая гадость!
Елена (Юліи).
Враги!..
Юлія. Враги!..
Обѣ. Давно-ль друзья?...
Плюшкинъ (разглядывая Горскаго).
Онъ крѣпко сшить и ладно скроенъ...
Горскій.
Я побѣжу... О я спокоенъ.
Юлія, Елена и Горскій.
И сомнѣваться въ томъ нельзя...
Плюшкинъ (въ сторону).
Мнѣ неопасна молодежь...
Я попытаю счастье тожь...
Всѣ (разсаживаясь).
Пора начать концертъ. Пора?
А послѣ—танцы до утра.
Жюри ужъ сѣло по мѣстамъ...
Смотрите сдѣсь, смотрите тамъ...
Коробочка, Ноздревъ, Пѣтухъ,
Пѣвцовъ пусть критикуютъ вслухъ...
Первый пѣвецъ (поетъ фальцетомъ).
Шли мы съ милой по дорожкѣ.
Мѣсяцъ такъ свѣтилъ привѣтно...
У нея озябли ножки...

Я согрѣлъ ихъ незамѣтно...
Только поравнялись съ домомъ,
Я сказалъ ей:—«О малютка»...
(Голосъ на высокой нотѣ срывается).
Всѣ (хохочутъ. Пѣвецъ конфузится и смолкаетъ).
Первый блинъ нашъ вышелъ комомъ.
Это пѣнье? Или шутка?
Второй пѣвецъ (поетъ нелѣпо).
Я пѣть вамъ началъ очень гладко.
Но вотъ что гадко:
Чуть вспомнилъ я о вашемъ мужѣ,
Какъ сталъ звучать мой голосъ хуже...
(Сильно фальшивить).
Всѣ (смѣются).
Ха-ха-ха-ха-ха-ха...
Какая чепуха...
И выборъ пѣсни неудаченъ
И самъ пѣвецъ нелѣпъ и мраченъ.
Маниловъ (публикѣ).
Къ чему смѣяться,—вы не дѣти,
Пусть выступитъ съ романсомъ третій...
Третій пѣвецъ (игриво).
1.
Началь я *affettuoso*
И *crescendo* продолжалъ.
А она мнѣ *maestoso*:
„Ахъ отстаньте! Вы нахаль!“
Не смутился я конечно
И *pianissimo* безпечно
Ту же пѣсню напѣвалъ.
2.
Но лукавый разъ попуталъ
И сфальшивилъ сильно я:
Не стерпѣлъ все *ritenuto*
И прибавилъ въ пѣснь огня.
Надо было *rinforzando*
Я же ей запѣлъ *scherzando*:
„Крошка, я люблю тебя!..
3.
И при этомъ *con amore*
Поглядѣлъ я на нее...
Боже, что за гнѣвъ во взорѣ...
Сердце вздрогнуло мое
И забилося *agitato*.
Вдругъ она меня *staccato*
По щекѣ... Вотъ вамъ и все...
Ноздревъ.
Исторія весьма пикантна,
Но спѣта вовсе не белькантно!
Четвертый пѣвецъ (поетъ мелодраматично).
Не играй, какъ мячемъ, моимъ сердцемъ дитя.
Не похоже оно на резиновый мячъ.
Посмотри, ты испачкала кровью, шутя,
Твои ручки. Ты кажется плачешь, дитя?
Ихъ не трудно отмыть. Успокойся, не плачь,
Только сердце мнѣ въ грудь наболѣвшее спрячь
И впередъ не играй моимъ сердцемъ, дитя,
А бери настоящий резиновый мячъ.
Собакевичъ (аплодирующей публикѣ).
Излишни знаки поощренья
Преординарнѣйшее пѣнье.
Ноздревъ.
И спѣто кисло.
Коробочка Голосъ мятый.
Маниловъ.
Пусть выступитъ съ романсомъ пятый.
Пятый пѣвецъ (поетъ козлетономъ).
Школа—это чепуха!..
Я учусь у пѣтуха!.. (постъ „Кукареку“ и машетъ
руками словно крыльями).

Пѣтухъ (вскакиваетъ).
Онъ нахаленъ! Дерзокъ! Пьянъ!
Маниловъ.
Какъ попалъ сюда буйнъ?..
Собакевичъ.
Очень просто, какъ проникъ:
Онъ коллеги ученикъ (показываетъ на Пѣтуха).
Всѣ.
Хи-хи-хи-хи... хи-хи-хи-хи...
И этотъ мѣтилъ въ женихи...
Елена.
Всѣ женихи весьма не важны.
Одно лишь качество,—отважны
Елена (Юліи).
Пѣвцы играютъ въ поддавки!
Не надо имъ твоей руки!..
Елена (Горскому).
Впередъ мой другъ! Смѣлѣй впередъ
Пришелъ для пѣнья твой чередъ!..
Горскій (отлично поетъ выйдя на авансцену).
Ты мое солнышко на небѣ красное.
Ты моя ноченька теплая, майская
Мысль безпokoйная, греза прекрасная,
Розочка пышная, пташечка райская,
Ты и сестра мнѣ, и мать мнѣ родимая,
Вѣрный мой другъ и дитя драгоцѣнное.
Муза и дѣвушка нѣжно любимая,
Воздухъ и небо, земля и вселенная...
Всѣ.
Какъ чудно спѣто! Сколько чувства!
Какъ много вкуса и искусства!..
Маниловъ (нерѣшительно).
Вещица очень не дурна,
Но въ пѣньи школа не видна.
Пятый пѣвецъ (капризнымъ козлетономъ).
Школа—это чепуха
Я учусь у пѣтуха...
Пѣтухъ (горячитая).
Пьянчужка тамъ дуриетъ опять,—
Буйна не смогли унять!..
Ноздревъ.
Не будемъ слушать пьяныхъ бредней!
Пусть выступитъ пѣвецъ послѣдній.
Плюшкинъ (поетъ гнусаво, противно).
Пѣвцомъ послѣднимъ буду я
И вотъ вамъ исповѣдь моя...
(Обращается къ Юліи).
Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
Безъ васъ не мыслю дня прожить
И подвигъ силы безпримѣрной
Готовъ въ честь вашу совершить:
Я жизнь свою семейнымъ кругомъ
Вдругъ ограничить захотѣлъ
И вашимъ Юлія супругомъ
Счастливый жребій быть велѣлъ...
Метода вамъ моя порукой—
Супружество не будетъ скукой!..
Наука у меня въ чести,
На ней построимъ каждый шагъ мы:
Дыханье гдѣ перевести,
А гдѣ поднятые диафрагмы,
Гдѣ въ маску взять, а гдѣ въ затылокъ...
Не молодъ я, но въ пѣньи пылокъ
И постановкою моей
Довольны будете ей-ей...
Маниловъ (бросаетъ ему на шею)
Такой какъ ты мнѣ дорогъ зять
Другого негдѣ будетъ взять...
Плюшкинъ (разошелся).
За мной не будетъ остановки

Я знаю тайны постановки!
Всѣ.
Какая вышла чепуха
Такого-ль надо жениха!..
Юлія (отцу).
Тебѣ ли Горскій непріятенъ
Вѣдь онъ богатъ, красивъ и знатенъ...
Всѣ. (изумленно).
Такъ онъ богатъ?..
Горскій (небрежно). О, да... въ Европѣ.
Имѣю я большія копи...
Ноздревъ (потирая руки).
Такъ онъ богатъ!
Собакевичъ (жадно). Богатъ!
Пѣтухъ и Коробочка (тоже). Богатъ!
Жюри (всѣ четверо въ униссонъ).
Какъ ученикъ намъ будетъ кладъ!
Маниловъ (членамъ Жюри).
Рѣшенье вашего суда
Мнѣ объявите, господа.
Ноздревъ.
Вопросъ лишь въ томъ кого изъ двухъ:
У Горскаго есть голосъ, слухъ,
Но школы нѣтъ! Но школы нѣтъ!
У Плюшкина метода есть,
Но можно-ль голосомъ почестъ
Его выть! Вотъ мой отвѣтъ!
Собакевичъ (указывая на Горскаго).
Разъ онъ дѣйствительно богатъ
Намъ это будетъ всѣмъ съ руки.
Не голосъ у него, а кладъ.
Пусть къ намъ пойдетъ въ ученики
И черезъ мѣсяцъ лишь всего
Вы не узнаете его...
Назначимъ конкурсъ мы второй...
Маниловъ (указывая на Плюшкина).
Я за него стою горой...
Коробочка (указывая на Горскаго).
Ему мою бы постановку!
Я за переэкзаменовку...
Пѣтухъ (хочетъ говорить). И я...
Пятый пѣвецъ (изъ публики).
Школа—это чепуха!..
Я учусь у пѣтуха.
Пѣтухъ (не обращая вниманія).
Еще бъ онъ болѣ навострился
Когда бъ у мастеровъ столичныхъ поучился.
Плюшкинъ (членамъ жюри).
Васъ подлецами аттестую!
Я нынче побѣдилъ въ чистую,
А вы изъ личной грязной цѣли
Сорвать мою побѣду смѣли...
Благодарю, не ожидалъ!..
Всѣ (обступаютъ его).
Какой скандалъ! Какой скандалъ!
(Занавѣсъ).

Дѣйствие 2-ое.

Комната въ квартирѣ Горскаго. За роялемъ аккомпаниаторъ.
Горскій (поетъ вокализы)
А-а-а-а-а-а...
Ноздревъ (входитъ). Ухъ!.. (одышка).
Горскій (со скрытой ироніей).
Меня визитомъ удостоивъ
Вы общали трехъ устоевъ
Мнѣ лекцію прочестъ...
Monsieur Ноздревъ, я весь вниманье,
Прошу исполнить обѣщанье!
Благодарю за честь.
Ноздревъ.

I.
Устоевъ пѣнья три лишь
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ.
Ты скоро ихъ осилишь...
Другъ!..

II.
Чтобъ пѣнье подкупало:
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ.
Нельзя пѣть, какъ попало,—
Бухъ!..

III.
Терпѣнье лишь, терпѣнье,
Слухъ,
Духъ,
Нюхъ...
И станетъ легкимъ пѣнье,—
Пухъ!..

Горскій.
По мнѣ же голосъ—вотъ устой,
Когда онъ сильный и густой...

Ноздревъ.
Ахъ, нѣтъ... Что голосъ!—звукъ пустой...
Перебивать меня постой...
Ты смотришь взглядомъ диллетанта:
Безъ слуха мыслимо ль bel canto...
А голосъ это только плюсъ
Я доказать тебѣ берусь...

Горскій.
Понятно что такое слухъ,
Но что такое духъ и нюхъ?
Ноздревъ.
Духъ это иначе дыханье...
Оно у насъ у всѣхъ въ чести
Пѣвцу при пѣньи важно знанье,
Гдѣ нужно духъ перевести...
А нюхъ зовутъ иначе вкусомъ,
Умѣнемъ провести за носъ:
Вѣдь въ пѣнии, не буду трусомъ
Признаться, главный въ томъ вопросъ,—
Что выбрать публикѣ въ угоду,
Гдѣ взять эффектно ля иль си...
У публики войти чтобъ въ моду
Завѣтъ мой искренній носи.

I.
Чтобы ей угодить, } bis.
Веселѣй надо быть. }
Тутъ возьми
Ре иль ми,
Си иль ля..
Тра-ля-ля...

II.
Пой лишь въ носъ, мой совѣтъ } bis.
Въ томъ вопросъ, въ томъ секретъ }
Прогнуси
Ля иль си,
Си иль ля..
Тра-ля-ля...

III.
Бѣлый звукъ—звукъ слѣпой... } bis.
Милый другъ, въ маску пой... }
Такъ возьми:
До-ре-ми
Фа-соль-ля
Тра-ля-ля...

Горскій (подражая).
Въ маску пѣть,—изволь:
До-ре-ми-фа-соль...
Ля, ля, си—бемоль...
Си бемоль... си... си...
Больше не проси...
Ноздревъ.
Нѣтъ возьми и до.

Горскій.
Нѣтъ... Не на-а-а—до (беретъ до и срывается)...
Ноздревъ (аплодируетъ).
Браво! Браво! Вижу въ прокъ
Мой пошелъ тебѣ урокъ...
До взялось само... невольно!..
На сегодня и довольно...
(Прощаются. Уходитъ. Въ дверяхъ сталкивается
съ Собакевичемъ. Нѣмая сцена).

Собакевичъ (грубо):
Что ты не даешь проходу!
(Изъ кармановъ Собакевича вываливаются двѣ
бутылки пива).
Ноздревъ (иронически):
Уронилъ свою „методу“... (Уходитъ).
Собакевичъ (молча здоровается съ Горскимъ. По-
томъ нелѣпо выпаливаетъ):
Я безъ пива двухъ бутылокъ—

Швахъ...
Голосъ надо гнать въ затылокъ.
Въ двухъ словахъ...
Тотъ... Ноздревъ на видъ лишь пылокъ,
Швахъ!..
Облапошилъ двухъ бобылокъ...
Въ двухъ словахъ...
Голосъ превратитъ въ обмылокъ...
Швахъ!..
Надо пѣть не въ носъ, въ затылокъ...
Въ двухъ словахъ...
Я безъ пива двухъ бутылокъ...
Швахъ...
Горскій.
Мнѣ ваша искренность мила
Она въ волненье привела...
Давно замолкнувшія чувства...
Но впрочемъ это я шучу
У васъ учиться я хочу
Святому пѣнію искусству...
(Звонить. Входитъ лакей. Горскій, показывая на
Собакевича).

Пиво!
Живо! (лакей приноситъ бутылку).
Собакевичъ (моментально выпиваетъ).
Всѣ учителя—собаки.
Всѣ методы—бредни враки.
Развѣ пѣнье—глупый ревъ
Проповѣдуетъ Ноздревъ.
Про какую то про маску
Дуракамъ твердить онъ сказку.
Голосъ гонить въ носъ. Коля вникъ,—
Съ носомъ будетъ ученикъ... (звонить).

Живо!
Пиво! (пѣть).
Всѣ учителя собаки.
Всѣ методы—бредни, враки...
Вы возьмите Пѣтуха
Шарлатанъ онъ ха-ха-ха...
Гонить голосъ въ шею, въ горло,
Чтобъ въ зобу дыханье сперло...
Гонить голосъ въ шею... Въ мигъ
И прогонитъ ученикъ... (звонить).
Живо!
Пиво!
Всѣ учителя—собаки...
Всѣ методы—бредни, враки...
Взять Коробочку—мадамъ:
— „Пойте грудью“! Скажетъ вамъ:—
„Занимайтесь диафрагмой“!..
Бабы—самый худшій врагъ мой!..
Голосъ тянуть, рвутъ, крутятъ,
Въ результатѣ пискъ котятъ... (звонить).
Живо!
Пиво!

Всѣ учителя—собаки! (пьянымъ голосомъ).
Всѣ методы—бредни, враки...
Плюшкинъ—цѣпкая рука
Обождать ученика...
У него поютъ—карманомъ,—
Нѣтъ конца его обманамъ:
Безголосъ ли, голосистъ
Станешь ты, какъ липка, чистъ...
Живо!
Пиво!
Всѣ учителя—собаки (пьянымъ голосомъ).
Лишь мои слова не враки:
Ты—животное и вотъ
Долженъ голосъ гнать въ животъ...
Какъ я пиво изъ бутылокъ... (обрываетъ)

А изъ живота—въ затылокъ...
Изъ затылка въ зубы... въ ротъ...
Звукъ свершаетъ оборотъ...
Живо! (шатается).
Пиво!
Всѣ учителя—собаки! (заплетаются).
Всѣ методы—бредни, враки...
Вѣдь для нихъ никто не святъ!..
Облапошить норовятъ...
Ты наплюй на всѣ методы,
Слушай голоса природы...
Будетъ гнать природу въ дверь,
Та въ окно войдетъ, повѣрь...
Живо!
Пиво! (сваливается и засыпаетъ на диванѣ).

Входитъ Пѣтухъ, окруженный четырьмя уче-
ницами).

Пѣтухъ.
Тогда лишь пѣнье интересно
Когда оно идетъ совмѣстно,
И я вездѣ на сей предметъ
Вожу изъ ученицъ кварталъ...
(Представляетъ Горскому).
Саша, Маша, Паша, Глаша...
Горскій (жметъ имъ руки). Очень радъ!
Пѣтухъ (самодовольно).
Ихъ четыре въ аккуратъ...
Горскій.
Я жду урока съ нетерпѣньемъ.
Займемся хоть совмѣстнымъ пѣньемъ.

36) **Кн. Бенетову (Самаркандъ).** Пойдетъ.

37) **Эммануилу Герману (Одесса).**—Бѣдные Бальмонтъ, Годинъ и Бшкетъ..

«Для начала позвольте представиться: авторъ (не пугайтесь, Н. Г.), поэтъ (Бога ради, не пугайтесь), правда, не восхваленный Цильскимъ, не руганный Чуковскимъ, не попавшій въ альманахъ Оскара Норвежскаго и вообще не выдавшій журнальных страницъ,—скромности по нашему времени изумительная, не правда-ли? Скромность, должно признаться, невольная. Не то чтобы мнѣ такъ ужъ больно хотѣлось попасть въ эдемъ печати,—скорѣй наоборотъ; однако, дабы не уподобиться Чеховской героинѣ, полисывавшей и откладывавшей затѣмъ написанное въ шкафъ, въ послѣднее время сдѣлалъ нѣсколько попытокъ попасть въ журналы, по несчастью или къ несчастью—попытки эти потерпѣли полнѣйшее фиаско. Не буду жаловаться на несправедливость журналовъ, ооооо ужъ это скучно—скажу лишь, что въ то время, какъ бальмантовское «выходи, хоть моя» (зовы древности) побѣдно шествуетъ по газетамъ и журналамъ, мое подражаніе «П. Пѣсни («Я рано изъ дому ушла» и «Горе мнѣ, Горе!» не можетъ найти себѣ мѣста. Вотъ и пришелъ къ самому неинтересному пункту! о себѣ. Всего не скажемъ—трудно и, позвольте быть искреннимъ, не хочется; говорить выловину, быть неискреннимъ—и трудно и неприятно. Лучше ужъ со всѣмъ умолчать. Прилагаемая при письмѣ стихотворенія кое что Вамъ, быть можетъ, и скажутъ, прибавлю лишь, что все написанное мной до сихъ поръ только присказки, что «сказка будетъ впереди», сказка, смѣю думать, доселѣ неслыханная, или, пошлавъ къ черту аллегорію, что я имѣю, что сказать и, хочется вѣрнѣе, скажу“...

«Но что-же я, наконецъ, хочу? Повѣрите-ли самъ не знаю. Вотъ ужъ подлинно: «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Вообразите положеніе: бездна замысловъ, бездна мыслей, образовъ и невозможность работать, невозможность отдаться самому себѣ».

«Противъ раздѣловъ предложеннаго Вами гонорара спорить не стану. Это—разъ. Но если для «Весны» присланный матеріалъ чрезмерно обиленъ... еще просьба, Н. Г. Просьба болѣе чѣмъ смѣлая, совѣстно просить Васъ, и... опять таки черпая смѣлость изъ „Почтового ящика“: если для Васъ это не сопряжено съ какими-либо трудностями, если это вообще возможно, не откажите передать что либо изъ присланнаго въ какой-нибудь изъ столичныхъ журналовъ. Я въ данномъ случаѣ противъ раздѣловъ гонорара спорить не буду,—только не безплатно: принципиально ужъ не сталъ бы печататься даромъ на страницахъ, гдѣ оплачиваются Годинъ и Блокъ. Быть можетъ, оно и нескромно, да... ограничусь многоточіемъ».

Далѣе: послѣ неудачныхъ попытокъ попасть въ журналы у меня возникла мысль о книжечкѣ своихъ стихотвореній. Не сочли ли бы Вы дерзостью съ моей стороны ежели-бъ и Вамъ предложилъ издать такую книжечку при Вашей „Веснѣ“? Конечно, никакихъ особенныхъ надеждъ на нее я не возлагаю,—она была бы просто первымъ заявленіемъ свѣту о моемъ грѣшномъ существованіи. Впрочемъ Вы вѣдь и съ моими-то стихами слишкомъ мало знакомы. Постараюсь прислать Вамъ все-что изъ моихъ архивовъ. Главное, не пейяйте на мою нескромность, Н. Г. Ставлю точку».

А я ставлю знакъ восклицательный! И очень жирный.

38) **В. Перцову (Москва).**—Я предпочитаю помѣщать сразу нѣсколько. Одно стихотвореніе ничего не говоритъ, а нѣсколько могутъ сразу выявить поэта.

39) **Михаилу Кириошину (Петербургъ).**—„Сказка дѣда“ наивна даже для дѣтскаго журнала.

40) **В. Н. Гурину (Петербургъ).**—Не совѣтую.

41) **С. Сергѣеву (Харьновъ).**—Попробуйте прозой.

42) **А. Колычеву.**—Слогъ у васъ озлобленный, ущемленный. Вы могли бы написать что нибудь сильное. А къ чему эти имена собственные.

43) **И. Г. Доронину.**—Жду.

44) **Алисѣ М.**—«Въ комнатѣ царить полумракъ»...—затаскано выраженіе и блѣдна фабула. Телефонный разговоръ списанъ съ натуры. Пусть. Ничтоженъ, какъ всѣ телефонныя флирты.—Барышни, дайте отбой!

45) **С. Ежовъ (Полтава).**—Попробуйте болѣе обосновать конецъ. Очень ужъ онъ внезапный.

46) **Ал. Титову (Бронницы).**

Бѣдны рѣшмы. Банально содержаніе. Все перепереперѣны. Оригинальны только вотъ эти четыре строки.

«Приходи скорѣй, весна,
И сомнѣнія, полна

Грудь которыми, скорѣй
Ты, волшебница, развѣй!»

47) **Павлу Нокорину.**—«Тають въ небѣ»—взялъ. За теплыя слова спасибо. «Тройка»—перепѣвъ.

Листва сада прятая пила лунносивѣтъ.
Помнишь ли желанная сада смѣгоцѣтъ?
И любовь цѣтѣистую, радостную новъ,
Несказанно чистую первую любовь!
Вьется былъ прошедшая и растутъ мечты...
Ты, теперь ушедшая, помнишь ли все ты?

Не „листва“, а „листвѣ“, не „пила“, а „пилѣ“.

48) **Л. Курнину.**—Мало, чтобы судить.

49) **Кольцовскому (Ростовъ на Дону).**—Взялъ «Титановъ», хотя развѣ «роги»?

50) **М. Мартлову.**—И видно какъ вамъ это тяжело. Въ потѣ лица своего пишете вы стихи. И потъ этотъ виденъ.

51) **Ив. Багринѣ-Коломенскому.**—«Съ ними въ «Вашу весну» обратиться рѣшился и я, тѣлоподобный, нарушить покой Вашъ, о досточтимый Никола Григорьевичъ. Ваши свои послышать воздержусь, доколь не изрѣчешь: ты глупъ, или: (значительно мягче) ты поступилъ бы не глупо, если-бъ созналъ (!), что писаніе стиховъ такъ же чуждо тебѣ, сколь доступно книжечкѣ конторскихъ веденъ (а вѣдь я и впрямь конторщикъ)».

52) **А. Соколову (Вильна).**—Ваше «Свободное Слово» прежде всего свободно отъ грамматики.

По градамъ и вѣсямъ, бѣднымъ деревушкамъ,
По дворцамъ, палатамъ нищенскимъ лачужкамъ,
По стелнымъ уметамъ, саклямъ поднебеснымъ
По лѣснымъ заимкамъ, по улусамъ тѣснымъ,
По камицкимъ юртамъ, самоѣдскимъ чумамъ.
Всюду гдѣ молчанье, да съ завѣтнымъ думамъ
Русскій обыватель ютится и жмется
Вѣсточка благая на крылахъ несется.
Съ люльки до могилы только все напрасно.
Вѣсть изъ-за которой столько слезъ пролито
Столько драмъ тяжелыхъ жизнью пережито.
Стойко все выноситъ русскій обыватель
Вѣчной меланхоликъ вѣчной и мечтатель
Сѣра и буднична жизнь его отъ вѣка
Слишкомъ въ немъ помята форма человека.
И вздохнуть то полной грудью не умѣетъ,
Что таить на сердце, высказать не смѣетъ.
Все-то онъ въ разладѣ съ вдохновенномъ словомъ
Точно ложка каши въ горлѣ нездоровомъ.
Стянуть ротъ уздою съ крѣпкимъ удилами
Стянуть не сегодня цѣлыми вѣками
Крошьятъ сталь та зубы кровь течетъ изъ десенъ.
Слишкомъ ужъ намордникъ угловатъ и тѣсенъ.
И т. д., и т. д. А въ общемъ недурновато.

53) **Н. Кржижевичу.**—Плохой вы патриотъ. Вы даже не знаете какъ слово Русь пишется:

Колокола кругомъ торжественно гудятъ,
И красный звонъ по всей Руси несется
О русскомъ торжествѣ они намъ говорятъ
И голосъ ихъ, въ сердцахъ всѣхъ русскихъ отзовется.

И Богъ помогъ намъ нашу Русь посланить
И мощью надѣлать на зависть всемъ врагамъ.

Если вы даже будете писать Руссь и то дѣлу не поможетъ.

54) **Константину Бѣднякову.**—«Турчанкѣ», ничтожно. Не стоитъ.

55) **Александрѣ Стинакѣ.**

Любовь есть чувство неземное
Любовь—страданье, муки ада,
Любовь есть чувство никчемное,
Любовь есть къ счастью преграда.
Любовь—порою ангеловъ забава,
Любовь—порою шабашъ чертей,
Любовь—порою вѣдьмѣ облава,
Любовь—порою ужаснѣе плетей.

Никчемное стихотвореніе.

56) **А. Сумарокову.**—«Невечерній свѣтъ» взялъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуревъ.

Издательница Н. К. Дмитріева.

„И Д І О Т Ы“

ИЛИ

„Благодушкыя и назидателькыя ‘похожденія въ благословенной Идіотіи“.

Романъ въ трехъ частяхъ Н. ШЕБУЕВА.

И Д І О Т Ы

или

„Благодушныя и назидательныя похождения въ благословенной Идіотіи“.

Романъ въ трехъ частяхъ Н. ШЕВУЕВА.

Часть первая.

Т Ы К В А.

ПЕРВАЯ ПРОСТОКВАША.

Я раскрылъ глаза и первое, на что упалъ мой взглядъ—поставленная на ночномъ столикъ у самого изголовья моей постели тарелка аппетитнѣйшимъ образомъ приготовленной простокваши. Я хотѣлъ было протянуть руку къ ней,

но рука оказалась туго прибинтованой къ постели.

Вообще все тѣло мое было забинтовано и ныло, какъ избитое.

— Это хорошо, что у меня есть аппетитъ!—подумалъ я:—Значитъ дѣло идетъ на поправку. Но гдѣ я? Какъ я сюда попалъ?

Я вспомнилъ, какъ съ недѣлю тому назадъ заключилъ дерзкое и глупое пари съ членами нашего географическаго клуба, что облечу земной шаръ на воздушномъ шарѣ.

Не на аэропланѣ, а именно на шарѣ,—на аэростатѣ.

Я вспомнилъ, какъ удачно было начало путешествія, когда я вылетѣлъ подъ залпы бутылокъ шампанскаго изъ клубскаго сада и на крыльяхъ вихря съ быстротой тысячи метровъ въ секунду помчался не отдавая себѣ отчета куда.

Вспомнилъ, какъ три дня и три ночи носился надъ гладью—вѣроятно Великаго Океана.

Вспомнилъ, какъ не одну холодную ванну принималъ я въ океанѣ, какъ каждый разъ, прощаясь съ жизнью я думалъ, что пучина поглотитъ меня навѣки. Но каждый разъ море сжаливалось надо мной и извергало меня, подбрасывая кверху и я снова носился надъ волнами.

И опять падая, погружался—и снова поднимался.

Наконецъ я выбился изъ силъ, потерялъ сознание и вотъ очутился въ больницѣ.

Я раскрылъ широко глаза.

Но развѣ это больница?

Нѣтъ это несомнѣнно жилия комната, хотя и не жилое кажется ея странная обстановка.

Удивляетъ меня безпорядокъ, въ которомъ тщательно расположены въ комнатахъ вещи.

Рядомъ съ комодомъ стоитъ кочерга, рядомъ съ кочергой виситъ вѣеръ, потомъ ночная ваза, какой то странный повидимому музыкальный инструментъ, потомъ бинокль, потомъ терка, картина, лейка, щипцы для углей, щипчики для сахара, щипцы для завиванія волосъ, щипчики для выдергиванія волосъ, бутылка, пузырекъ, ухватъ, подушка отъ дивана, книжный шкафъ, лопата...

Я съ недоумѣніемъ разглядывалъ эти аккуратно разставленные вдоль стѣны и развѣшенные по стѣнѣ въ такомъ идиотскомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ предметы.

Если это безпорядокъ, то почему все такъ аккуратно: у каждой вещи свой гвоздикъ, если она способна висѣть, и квадратикъ, если она способна стоять!

Если это порядокъ, то почему рядомъ бинокль и терка, вѣеръ и ночная ваза!..

Гдѣ я въ самомъ дѣлѣ! Что это за странная комната.

Вдругъ я услышалъ шаги и укоризненный шопотъ дѣтскимъ голоскомъ:

— Quousque tandem abutere, Soda, patientia mea!

Говорили по латыни.

Я не могъ не понять этой фразы:

— Сода, до какихъ поръ ты будешь испытывать мое терпѣніе!

На такомъ же латинскомъ языкѣ другой дѣтскій голосъ отвѣчалъ:

— Мнѣ надоѣло молчать. Я не могу дальше выносить этого молчанія. Какъ будто у насъ въ домѣ покойникъ!

— Не покойникъ, но тяжело больной иностранецъ. Онъ прилетѣлъ къ намъ съ неба на громадномъ животѣ. Когда онъ выздоровѣетъ, онъ намъ расскажетъ самыя интересныя исторіи о той странѣ, откуда онъ явился.

— Ну позволь, мнѣ хоть посмотрѣть на него!

— Дѣвочка не должна быть такой любопытной. Когда вырастешь большой и сдѣлаешься со

всѣмъ идиоткой, никто не запретитъ тебѣ дѣлать все что захочешь... А пока ты умненькая дѣвочка иди и учи греческій языкъ.

— Учи! Учи!.. Надоѣло мнѣ все время учить.

— Ахъ, Сода, какъ такъ несносна! Мы дѣти, обязаны учиться, чтобы къ зрѣлымъ годамъ сдѣлаться идиотами. Если не будешь учиться такъ и останешься навсегда умненькой и всѣ на тебя будутъ пальцемъ показывать...

Въ комнату на цыпочкахъ вошли два очаровательныхъ ребенка.

Мальчикъ лѣтъ четырнадцати и дѣвочка лѣтъ девяти.

Наши глаза встрѣтились.

— Смотрить! Смотрить! съ изумленіемъ воскликнула дѣвочка.

— Ubi sum?—по латыни спросилъ я:—Гдѣ я?

— Молчи, идиотъ иностранецъ,—вѣжливо отвѣтилъ мальчикъ:—Тебѣ еще вредно разговаривать.

А дѣвочка не утерпѣла и прибавила.

— Ты въ Идиотіи...

— Гдѣ!?—не повѣрилъ я своимъ ушамъ.

— Успокойся идиотъ иностранецъ,—торжественно сказалъ мальчикъ:—Пока ты въ нашемъ блаженномъ отечествѣ ни одинъ идиотъ не сдѣлаетъ тебѣ зла!

— Кто вы, милыя дѣти?

— Судьба привела тебя подъ кровлю моей матушки Хины, которая слыветъ самой глупой женщиной во всемъ околоткѣ...

— Что ты, глупое дитя!—воскликнулъ я:—какъ можешь ты такъ непочтительно отзываться о матери!..

— Идиотъ иностранецъ напрасно называетъ меня глупымъ. Мы съ Содой еще умныя дѣти. Но надѣмся, если будемъ прилежно учиться, сдѣлаемся тоже идиотами. Почему тебѣ кажутся непочтительными мои слова о матушкѣ?

— Да ты называй ее глупой!..

— Я съ гордостью могу повѣдать, что среди идиотокъ во всемъ околоткѣ ея глупость вызываетъ всеобщій восторгъ и зависть...

Я не могъ пошевелиться, потому что былъ крѣпко прибитымъ къ кровати, но должно быть глаза мои выразили слишкомъ ясно ту степень изумленія и тревоги, которая охватила меня.

Эакъ (нѣжно).—Что съ тобой идиотъ мой!..

Тебѣ дурно... Я и моя сестра—Сода къ твоимъ услугамъ... Не хочешь ли простокваши?

Я.—Позвольте вы говорите, что ваши родители идиоты!

Эакъ.—Да. Мы можемъ гордиться,—настоящіе простоквашные идиоты...

Я.—Только ваши родители идиоты?

Эакъ.—Нѣтъ, всѣ вокругъ идиоты. Ты въ странѣ идиотовъ, Идиотіи...

Я (съ ужасомъ).—Всѣ вокругъ меня идиоты!..

Эакъ.—Да. Всѣ идиоты. Но мы съ гордостью можемъ сказать, что глупѣе нашихъ родителей тебѣ не найти и въ Тыквѣ...

Я.—Гдѣ?!

Эакъ.—Въ Тыквѣ...

Я.—А это еще что?..

Сода (заученнымъ тономъ).—Тыква, это столица Идиотіи... Наше селеніе находится въ двухъ съ половиною простоквашахъ отъ Тыквы...

Я (съ тоской).—Какъ! Во всей этой странѣ нѣтъ ни одного умнаго человѣка!..

Сода.—Есть нѣсколько несчастныхъ, которые

кушали варенецъ... Но ихъ держать въ умныхъ домахъ...

Я.—Вы утверждаете, что ваши родители идиоты... А между тѣмъ вы мнѣ кажетесь такими умненькими дѣтьми...

Эакъ.—Въ нашей странѣ умны только дѣти!

Сода.—Но и мы, если будемъ прилежно учиться, станемъ идиотами.

Эакъ.—А развѣ существуютъ такія страны, гдѣ граждане не идиоты?

Я.—Да, милыя дѣтки, я прилетѣлъ изъ такой страны, гдѣ граждане умны...

Сода (съ возмущеніемъ).—Значитъ они лѣнтяи!

Я.—Напротивъ они очень прилежны...

Сода (упрямо).—Значитъ они лѣнтяи,—если бы они прилежно учились, они поглупѣли бы непременно... Въ нашихъ прописяхъ сказано: „Вѣкъ учись, чтобы умереть дуракомъ...“

Я.—А въ нашей прописи сказано: „Ученье свѣтъ, а неученье—тьма“...

Сода.—Ха-ха-ха!.. Ты шутишь, идиотъ иностранецъ.

Я.—Клянусь вамъ, я говорю серьезно...

Эакъ.—Мы не имѣемъ основанія не вѣрить идиоту иностранцу...

Сода.—А въ нашей странѣ мы должны учиться до тѣхъ поръ, чтобы имѣть право воскликнуть, какъ воскликнулъ величайшій идиотъ древности: „Я знаю, что я ничего не знаю!“

Я (съ жаромъ).—Это воскликнулъ величайшій мудрецъ древности.

Сода.—Нѣтъ, величайшій глупецъ!.. Эакъ... что же ты молчишь?..

Эакъ.—Дѣти не должны спорить съ взрослыми... Но... ты извини меня за дерзость... ты не разсердишься если я тебѣ скажу, что... ты... (смущенно) я клянусь тебѣ не хочу тебя обидѣть... (не находить словъ) ты не похожъ на... идиота...

Сода (укоризненно перебиваетъ брата).—Фу... какой ты... А по моему у иностранца достаточно глупое лицо...

Я (съ улыбкой).—Милыя дѣти! Успокойтесь! Вы не сказали мнѣ ничего обиднаго. У меня на родинѣ даже настоящіе дураки не стыдятся называть себя умными... Напротивъ идиотовъ сажаютъ въ спеціальныя лѣчебницы...

Эакъ (многозначительно переглянувшись съ Содой прошепталъ въ полголоса что то на непонятномъ языкѣ).—Ну оставимъ тебя въ покоѣ... Ты боленъ... Ты бредишь... Тебѣ вредно говорить такъ много...

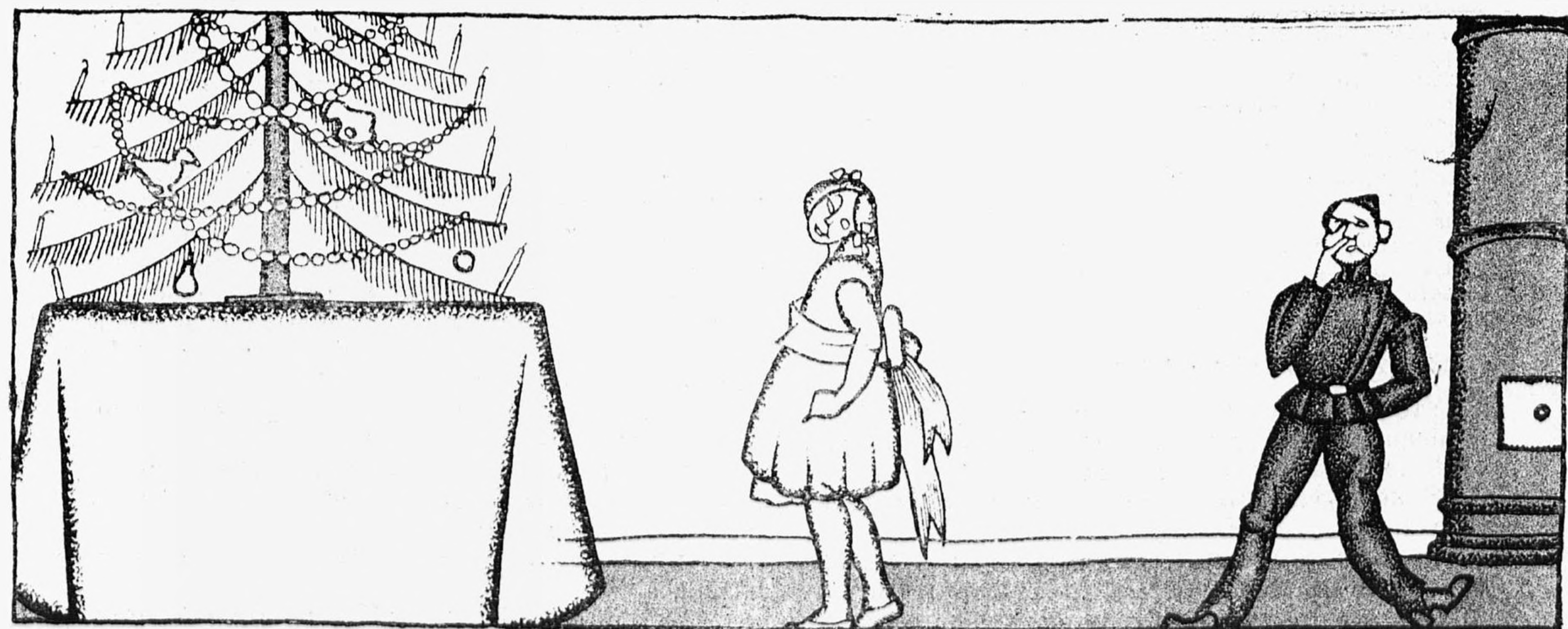
Я.—Напротивъ! Я совсѣмъ здоровъ! Вашими рассказами я такъ заинтересованъ, что не могу молчать... Умоляю васъ не оставляйте меня одного...

Сода.—Мы сами заинтересованы рассказами о той сказочной странѣ, изъ которой ты прилетѣлъ на животѣ...

Я.—На какомъ животѣ!

Эакъ.—Рыбаки, которые нашли тебя на берегу моря, утверждаютъ, что видѣли какъ ты летѣлъ

Ю. Аппенковъ.

болтаясь подъ громадныхъ размѣровъ животно-...

Я.—Ха-ха-ха... Мой воздушный шаръ дѣйстви-тельно по формѣ напоминаетъ желудокъ...

Эакъ (задумчиво)—Воздушный шаръ. Что такое воздушный шаръ?..

Я.—Вотъ что дѣтки... Я голоденъ. Накормите меня простоквашей и я вамъ расскажу все, что сумѣю.

— Простокваши! Простокваши! — радостно захлопали въ ладоши дѣти.—Ты любишь простоквашу!

— Обожаю! — искренно воскликнулъ я, потому что въ тотъ мигъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ простокваша казалась вкуснѣе всего,—такъ я хотѣлъ ѣсть.

— Ура! Онъ любитъ простоквашу! Какъ мы рады! Какъ будетъ рада мама когда узнаетъ, что ты любишь простоквашу и презираешь варенецъ... Вѣдь ты не любишь варенца?

По совѣсти говоря я всегда предпочиталъ варенецъ простоквашѣ, но тутъ, чтобы не опечалить дѣтей сказалъ:

— О, конечно. Развѣ можетъ варенецъ сравниться съ простоквашей!

Эакъ.—Такъ и у васъ въ странѣ простокваша національное блюдо.

Я.—Нѣтъ, но я лично люблю ее.

Эакъ (съ гордостью).—А въ Идиотіи простокваша — національное блюдо, наша гордость, наша слава...

Сода.—У насъ въ прописяхъ сказано: „Простокваша—мать наша!

Эакъ.—А въ учебникѣ латинскаго языка первая фраза для перевода: „Люди обожаютъ простоквашу и презираютъ варенецъ“...

Я.—Разбинтуйте мнѣ руки. Я совсѣмъ здоровъ. Я самъ могу держать ложку...

Съ какимъ наслажденіемъ я проглотилъ первую тарелку простокваши.

— А пока ты ѣшь, мы тебѣ споемъ нашъ національный простоквашный гимнъ.

И милые дѣтскіе голоса слились въ благозвучномъ дуэтѣ:

Воля ваша
Простоквашу
Воспою сейчасъ опять!
Праздникъ каждый,
Мучимъ жаждой,
Я съѣдаю чашекъ пять.
Старъ ли молодъ,
Жажда ль голодъ,—
Панацея всякихъ бѣдъ—
Сладковата,
Кисловата,
Съ варенцомъ сравненья нѣтъ!..
Помоги мнѣ
Муза въ гимнѣ
Простоквашу превознести!
Дай намъ небо
Вмѣсто хлѣба
Простоквашу вѣчно ѣсть.

ВТОРАЯ ПРОСТОКВАША.

Утоливъ голодъ простоквашей, я исполнилъ обѣщаніе данное дѣтямъ—разсказалъ объ устройствѣ аэростата и моихъ скитаніяхъ.

Я пораженъ былъ смысленностью мальчугана.

Эакъ съ полуслова понималъ меня и иногда вставлялъ въ мой разсказъ такія глубокомысленныя замѣчанія, что я съ восхищеніемъ воскликнулъ:

— Вотъ такъ умница мальчишк!

Забывъ, что такой похвалой обижалъ юнаго сына Идиотіи.

Но мальчишкъ былъ такъ деликатенъ, что сдѣлалъ видъ будто не слышитъ моихъ обидныхъ словъ.

Онъ пытался вникнуть даже въ такіе детали, которыя мнѣ самому не были ясными.

Такъ напримѣръ я никакъ не могъ понять какимъ образомъ не утонулъ въ океанѣ.

Вѣдь шаръ мой нѣсколько разъ погружалъ меня въ волны.

Весь балластъ былъ уже выброшенъ.

Я срубилъ даже корзинку и обмотался канатомъ.

Почему же шаръ послѣ каждого погруженія моего тѣла въ воду, словно облегченный, снова вздымался вверхъ.

— Почему, потерявъ сознание послѣ одного изъ такихъ погруженій, я еще нѣсколько часовъ леталъ надъ моремъ и опустился лишь на сушъ.

Эакъ задумался на минуту.

— Это объясняется простымъ физическимъ закономъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Всякое тѣло погруженное въ воду теряетъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣситъ объемъ воды вытѣсненной тѣломъ...

— Я это знаю. Что же дальше?

— Когда твое тѣло въ первый разъ погрузилось въ воду, оно потеряло предположимъ десять простоквашъ.

Я перебилъ.

— Мнѣ казалось, что „простокваша“ мѣра длины, а не мѣра вѣса.

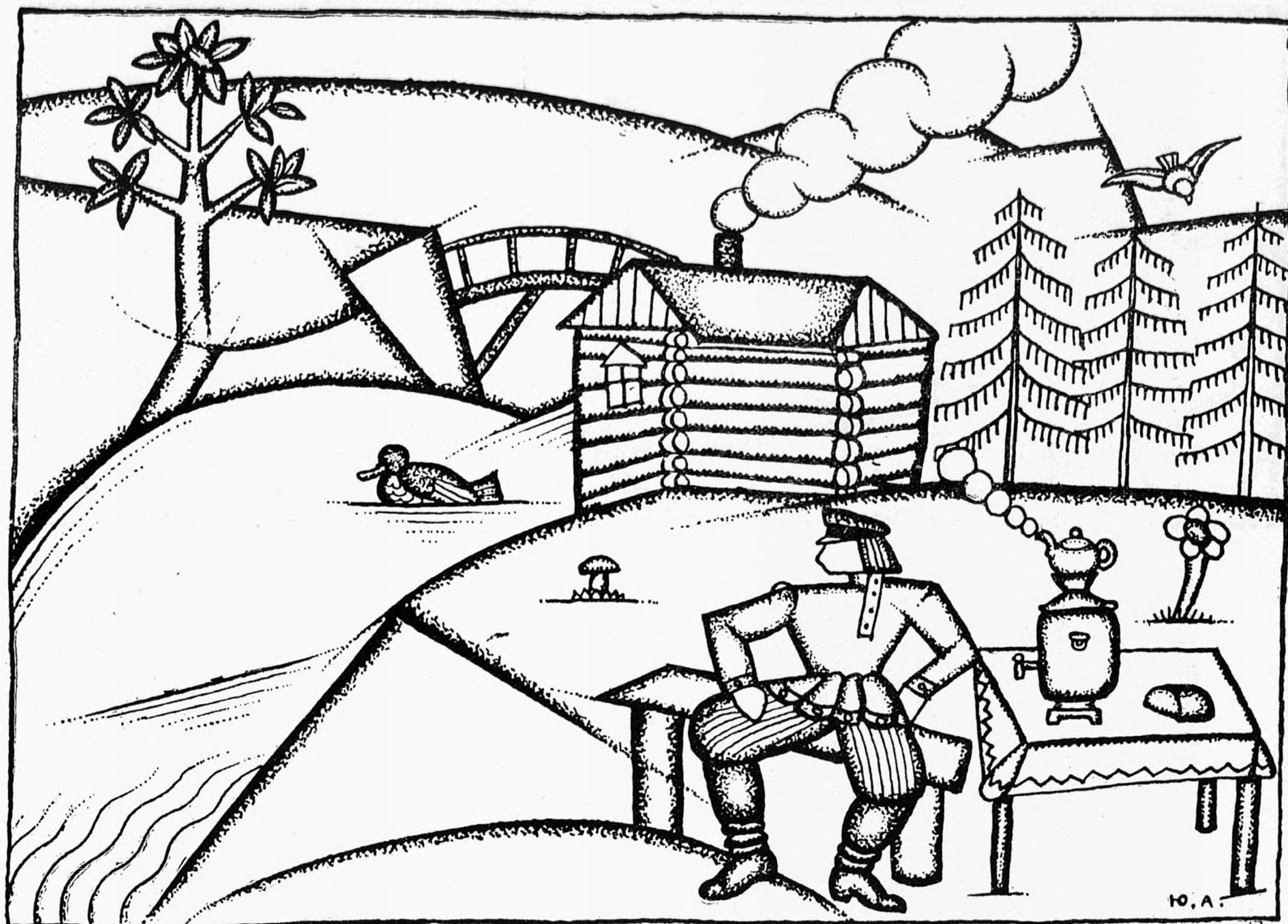
— У насъ все измѣряется по простоквашѣ. И время, и вѣсъ, и длина, и объемъ, и сила. За единицу времени взята часть дня потребная на то чтобы съѣсть тазъ простокваши. Тазъ дѣлится на 24 чашки. Чашка на 24 ложки. За единицу длины принято разстояніе которое, можетъ сдѣлать средній человѣкъ во время одной простокваши. За единицу вѣса—вѣсъ таза простокваши. У насъ говорятъ: автомобиль въ столько то простоквашъ. И такъ вернемся къ тебѣ. Предположимъ, что твое тѣло, иностранецъ, вѣситъ 20 простоквашъ десять чашекъ и пять ложекъ. Погрузившись въ первый разъ въ воду оно потеряло десять простоквашъ. Шаръ, облегченный на 10 простоквашъ взвился къ небу съ твоимъ тѣломъ которое вѣситъ уже 15 простоквашъ, 10 чашекъ, 5 ложекъ. Черезъ N времени тѣло твое снова погружается въ воду и снова теряетъ въ вѣсѣ 10 простоквашъ. Шаръ, почувствовавъ что тѣло твое вѣситъ только 5 простоквашъ, 10 чашекъ, 5 ложекъ, снова взвился... Послѣ третьей ванны твое тѣло потеряло еще 10 простоквашъ... т. е. стало невѣсомымъ! И даже стало легче воздуха, такъ какъ получило стрицательный вѣсъ (—5 простоквашъ!)... Шаръ поднялся и уже болѣе не опускался въ море...

Мальчишкъ говорилъ такъ твердо, такъ ясно, такъ логично, что я залюбовался на него.

Изъ неправильнаго, слишкомъ буквально понятаго физическаго закона ребенокъ сдѣлалъ вполне логическій выводъ.

— Не хочешь ли ты мнѣ дать твой учебникъ физики.

— Съ удовольствіемъ отвѣтилъ Эакъ:—Только дай сперва сестрѣ выучить урокъ.

ТРЕТЬЯ ПРОСТОКВАША.

Книги въ Идиотіи дѣлятся не на главы, а на простокваши.

Заканчивая сейчасъ мои воспоминанія объ идиотскихъ похожденияхъ, я дѣлю ихъ такъ же на простокваши.

Въ этой простоквашѣ я приведу мою бесѣду съ Эакомъ, которую я имѣлъ въ то время пока Сода зубрила уроки.

Я. Скажи, милый Эакъ, гдѣ я нахожусь? Очевидно не въ больницѣ?

Эакъ.—Ты въ частномъ домѣ. Въ домѣ нашей матери.

Я.—Но почему же я не вижу ни одной взрослой души?

Эакъ.—Вчера въ Тыквѣ начались великія простоквашныя торжества и всѣ взрослые идиоты ушли туда.

Я.—Какъ! Неужели во всемъ селеніи нѣтъ ни одного идиота!

Эакъ.—Ни одного!

Я.—Но какъ же въ случаѣ несчастія?

Эакъ.—У насъ не можетъ быть несчастія. Всѣ несчастія бываютъ по глупости. А мы, дѣти, еще слишкомъ умны, чтобы случались несчастія...

Я.—Ну, напримѣръ, вспыхнетъ пожаръ...

Эакъ.—У насъ есть дѣтская пожарная дружина.

Я.—А если кто нибудь захвораетъ!

Эакъ.—У насъ есть прекрасные дѣтскіе доктора. Да вотъ къ тебѣ завтра утромъ явится на перевязку девятилѣтній медикъ. А неужели у тебя на родинѣ взрослые бываютъ врачами, адвокатами, инженерми... Ха-ха-ха... Да, вѣдь, это не дѣтское дѣло!.. Только ребенокъ, который еще не переучился способенъ заниматься практикой. А ученый идиотъ можетъ ли практиковать! Онъ можетъ давать уроки, читать лекціи, писать стихи въ административныхъ учрежденіяхъ, но до практики онъ себя не допуститъ. Да и не будетъ никто лечиться у идиота!.. Не будетъ никто поручать стройку дома идиоту!.. Не будетъ никто приглашать адвокатомъ идиота!.. Ха ха-ха!.. воображаю, что наговорилъ бы мой папа въ судѣ!..

Я.—А кто твой папа?

Эакъ (съ гордостью).—Мой отецъ народный учитель. Онъ ученый математикъ. Онъ знаетъ наизусть всѣ пятизначные логариѣмы. Онъ такъ глупъ, что не объяснитъ даже бинама Ньютона!

Я.—Ты доволенъ своимъ отцомъ?

Эакъ.—Какъ же мнѣ не гордиться, если его глупости завидуетъ самъ ректоръ университета!..

Я.—А что это за праздникъ простоквашей?

Эакъ.—Разъ въ годъ всѣ взрослые идиоты собираются въ Тыкву и вмѣстѣ ѣдятъ казенную

простоквашу. Происходят состязанія: кто всѣхъ больше съѣсть. Нѣкоторые объѣдаются до того, что падаютъ бездыханными трупами. Такихъ счастливецъ съ почестями хоронятъ на казенный счетъ! Длится торжество десять солнцелунъ... Учреждено оно въ память славной побѣды простоквашниковъ надъ презрѣнными варенцовцами, бывшей 417 лѣтъ тому назадъ...

Въ это время къ намъ подошла Сода.

Эакъ. — Какъ? Ты уже выучилъ уроки!

Сода. — Конечно. Сегодня только физика, латынь, санскритъ, версификація, хиромантія, неорганическая химія и греческое сочиненіе...

Эакъ. — Ну такъ приberi комнату и я тебя спрошу урокъ.

Сода. — Комната въ порядкѣ.

Эакъ (оглядѣвъ комнату воскликнулъ). — Какъ! По твоему это порядокъ!.. А гдѣ виситъ губка?

Сода (виновато покраснѣла). — Ахъ, что я надѣлала! Я повѣсила губку между теркой и биноклемъ, а надо между кочергой и вѣеромъ...

Она побѣжала и перевѣсила.

Я широко раскрылъ глаза.

— Объясните мнѣ дѣти мои. Почему у васъ въ такомъ странномъ безпорядкѣ расположены всѣ вещи въ комнатѣ

— Какъ въ безпорядкѣ! — воскликнули Эакъ и Сода: — Напротивъ въ образцовомъ порядкѣ...

— Вы называете порядкомъ, когда рядомъ стоятъ вещи не имѣющіе ничего общаго. Напримѣръ, кочерга, губка, вѣеръ, терка и бинокль...

— Ха-ха-ха!.. Да какъ же ихъ размѣстить, чтобы можно было сразу найти, то, что нужно!.. Вѣдь, на идиотскомъ языкѣ кочерга — *какъ*, губка — *какцъ*, вѣеръ — *ишъ*, терка — *турчъ*, бинокль — *иалъ*... Вещи должны стоять въ алфавитномъ порядкѣ... Развѣ у тебя на родинѣ не такъ?

Утомленный и пораженный всѣмъ услышаннымъ я закрылъ глаза.

Но долго не могъ уснуть слушая какъ Эакъ вполголоса репетировалъ сестру изъ физики.

Эакъ. — Что тебѣ задано на завтра?

Сода. — Основные понятія о теоріи тьмы.

Эакъ. — Что такое тьма?

Сода. — Всѣ тѣла на землѣ дѣлятся на *прозрачныя* (напр. стекло) которыя пропускаютъ сквозь себя и свѣтъ и тьму и *непрозрачныя* (напр. дерево) которыя пропускаютъ сквозь себя только тьму. Тьма прошедшая сквозь прозрачный предметъ и упавшая на землю становится тѣнью.

Эакъ. — Откуда на землѣ берется тьма?

Сода. — Тьму, какъ и свѣтъ мы получаемъ съ неба. Кромѣ солнца, луны, звѣздъ и прочихъ свѣтилъ на небѣ имѣются тысячи тысячъ такъ называемыхъ темнилъ. Свѣтила посылаютъ на землю свѣтъ. А темнила — тьму.

Эакъ. — Можно ли видѣть темнила?

Сода. — Для наблюденія за темнилами, какъ и для наблюденія за свѣтилами, существуетъ особый аппаратъ, который называется *темноскопъ*. Телескопъ состоитъ изъ трубки и двухъ стеколъ. Переднее стекло называется *объективъ*, и заднее *субъективъ*. Отъ объектива идутъ лучи въ глазъ наблюдаемаго предмета, а отъ субъектива въ глазъ наблюдающаго предмета. Теперь если мы одно изъ этихъ стеколъ объективъ или субъективъ сдѣлаемъ изъ непрозрачнаго вещества (напр. изъ дерева), мы получимъ *темноскопъ*, т. е. телескопъ для наблюденія темнилъ...

Долго я слушалъ, не смѣя ни слова проронить изъ этой изумительной лекціи въ которой была какая то странная, идиотская логика.

Законы паденія, отраженія, преломленія тьмы, составленные по аналогіи съ законами паденія, отраженія и преломленія свѣта — все это было такъ дико, такъ нелѣпо, такъ глупо... и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо. Въ концѣ лекціи я самъ началъ думать, что въ нашей физикѣ изучающей *теорію свѣта* громаднымъ пробѣломъ является отсутствіе отдѣла *теорію тьмы*...

Откуда же въ самомъ дѣлѣ взяться на землѣ тьмѣ, какъ не изъ темнилъ!

Утомленный такимъ количествомъ неожиданныхъ и острыхъ впечатлѣній, я заснулъ и проспалъ безпробудно до утра слѣдующаго дня.

Продолжается подписка на 1914 годъ на журналъ
САТИРЫ и ЮМОРА

VII годъ изд. **Сатириконъ** VII годъ изд.

52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато-иллюстрированнаго журнала **Сатиры и юмора.**
Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕВЯТЬ красокъ.

Годовые подписчики получаютъ:

24 книги полнаго собранія сочиненій **Марка Твэна.**
извѣстнаго американскаго юмориста

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Издательство предоставляетъ желающимъ замѣнить собраніе сочиненій Марка Твэна роскошнымъ альбомомъ: „М“ и „Ж“.

Подписная цѣна съ однимъ изъ приложений на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 р. 25 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ Главн. Конторы: СПБ., Фонтанка, 80.

..... Телефонъ 514-27.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше 2000 иллюстрацій).

Нѣкоторые №№ печатаются въ ДВѢ краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы въ началѣ года, въ качествѣ бесплатныхъ приложений: Сборникъ сатиры и юмора отъ Пушкина до Амфитеатрова „**Русскій смѣхъ**“ (произведенія около 50 авторовъ), составленный Вас. Князевымъ;

20 пьесъ для любителей драматическаго искусства.
Репертуаръ любителя

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставк. и перес. на годъ 3 р., 6 мѣс. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп. Продается вездѣ.

Редакторъ-Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Гл. Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514-27.

Ежемесячное издание

ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

„ВЕСНА“

СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ КНИГАМЪ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на
мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто
молодымъ литературнымъ иска-
ніямъ и вообще молодежи.

Ни одна рукопись, адресованная
въ редакцію, не остается безъ
отвѣта въ почтовомъ ящикѣ
„ВЕСНЫ“.

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только
о новыхъ присланныхъ въ редакцію
книгахъ, но и о журналахъ и
нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ“ годовые подписчики получаютъ первую
бесплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать
стихи“ („Версификація“).

Второй бесплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“, гдѣ
собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ
этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ
на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и
композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ
на толстой бумагѣ
КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ
альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получаютъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или
„Благодушныя и назидательныя похождения въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб.; на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. Телефонъ 655—96.

Такса объявленій: за строку непарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитриева.

Типографія М. Г. Корнфельда, Бассейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.
ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и
ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к. № 3.

СЛБ.
1914

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

Книжный магазинъ и книгоиздательство
бывш. М. В. ПОПОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:
„Повѣсть читается съ неослабывающимъ интересомъ“

«Русское Бозаство».

„Литературныя достоинства и дарованія ея автора—
безспорны“.

«Нов. Журн. для Всѣхъ».

„Изъ произведеній, появившихся съ начала года от-
дѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли
и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ
Сафьянѣ“...»

«Саратовскія Вѣсти».

„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о
Савватіи заговорятъ“.

«Виржев. Вѣдом.».

МИХАИЛЬ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана.

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

„Поэтъ милостію Божіей г. Алексѣй Липецкій обла-
даетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей по-
вседневной жизни создавать прекрасные образы. На
каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы,
созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ солнеч-
номъ свѣтѣ. И если не вѣрѣмъ этимъ строфамъ нельзя
отказать въ поэзіи, то вы всегда найдете въ каждой
изъ нихъ что-нибудь привлекательное, душевное,
остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.

«Кіев. Мысль» 4 июня 1913 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

(Повѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арнштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.

„Если сравнить романъ Миртова съ руководствомъ
Вербичкой, съ произведеніемъ Григорьева „На ущербѣ“,
съ „Гнѣвомъ Діониса“ Нагродской, то серьезность,
глубина и талантливость автора сразу бросаются въ
глаза“.

«Современникъ» 1913—9.

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Цѣна 1 руб.

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ муж-
чины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ тотъ періодъ жизни,
когда увядаетъ непосредственность и страстность,
но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій,
достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія.
Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ.
Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лиричес-
кую мягкость Я. Вассермана“.

«Русская Молва».

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе рассказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн.
магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ.

ЭМАЛИ И КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя.

- 1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.
 - 2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.
 - 3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.
 - 4) Периодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія: библиотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.
 - 5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.
- Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библиотекы и др. просвѣтительныя учрежденія поль-
зуются скидкой.
- Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.
- Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ, сред-
нихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя марки.

А. Ваграмцев.

Какъ грозы весны громоносныя,
И сладкими днями, пѣвучими,
Какъ ангелы благъ свѣтоносные.
Ведешь въ лабиринтъ свой дорогами,
Волшебными, нами незримыми:
То тучами дышешь—тревогами,
То сказками вѣшь любимыми.
Загадка—ты жизнь, многоликая.
Какъ фея влечешь, ты заманчива.
Люблю тебя, книга великая,
Хотя ты, какъ призракъ обманчива.

2. ВЪ ПОИСКАХЪ.

Блуждаю въ гущѣ, гдѣ нависли
Туманы каркающихъ думъ,
Гдѣ перепутья спорной мысли
И гдѣ сомнѣній ропотъ, шумъ.
На перевитыхъ перекресткахъ
Тріумфъ, паденіе божковъ,
Но грежу я о новыхъ блескахъ
Единой правды всѣхъ міровъ.
За нею въ поискахъ я буду
Блуждать и рыскать по лѣсамъ
Пока изношенному люду
Святого лика я не дамъ.
И, томный, жаждущій, голодный,
Я безъ побѣдъ не отступлю.
О, скрытый ликъ свой благородный
Яви скорѣй, тебя молю.

3. ТРИ МИГА.

Въ синихъ даляхъ и румяныхъ,
Въ сказкахъ свѣтлыхъ, златотканыхъ
Гасла дѣтская пора:
Въ маяхъ смутныхъ и туманныхъ,
Въ хмѣлѣ утреннемъ Вчера.
А подъ небомъ ночи черной
Въ думъ и мыслей роцѣ спорной
Весь Сегодня скорбный мой;
Онъ мятежный, непокорный
Грезить дальнею звѣздой.
Завтра въ радугахъ закатныхъ,
Въ майскихъ зоряхъ, ароматныхъ,
Весь цвѣтетъ, какъ самъ обманъ:—
Плодъ мечтаній необъятныхъ,
Какъ безбрежный океанъ.

Ефимъ Садовичъ.

1. ЖИЗНЬ.

Люблю тебя жизнь, многогранная,
Великая, старая, новая,
Изъ слезъ и улыбокъ сотканная,
Суровая, нѣжно-лиловая.
Любима со всѣми капризами,
Запретами злыми, преградами,
Своими паденьями, низами,
И ядами змѣй и отрадами,
И дерзкими къ солнцу полетами,
И сине-зовущими далями,
И мелко-земными заботами,
И острыми будней печалями.
Заманчива, жизнь ты, загадками,
Великими, малыми тайнами,
Затишьями, бурями краткими,
Красивыми, злыми, случайными,
Алетами ярко-гремучими,

4. ЭЛЕГИЯ.

Торопить время бѣгъ часовъ...
Поютъ молитвенно куранты...
Въ лицо мнѣ смотрятъ фоліанты,—
Ряды запыленныхъ томовъ
Стоять во фронтъ, какъ легіоны,
Тихи, мертвы, какъ фараоны.
Во тьму погашенныхъ вѣковъ
Голодно—жаждущее око
Вонзиль мучительно глубоко;—
О лучшихъ розахъ изъ цвѣтовъ
Читаю пестрыя страницы:
Ихъ пурпуръ славы, гордость львицы,
Ихъ красоту, какъ розы шелкъ,
Ихъ пламя сердца, духа зрѣлость,
И средь рабовъ ихъ подвиговъ—смѣлость.
Но пестрый шумъ давно умолкъ!
Какъ смутный сонъ, потухли звоны...
Какъ дымъ и тьма, померкли троны—
Мгновенный блескъ вѣнковъ, знаменъ.

Теперь все ложь под ветхой пылью,
Под прахом, плесенью и гнилью.
Как стерла все печать времени!
И полный скорби, укоризны,
Смотрю въ страницы нашей жизни:
О, даже лучшим из похвалъ,
Из яркой свиты, славы нашей
Не миновать той самой чаши...
И имъ забвенье—тотъ финалъ!..

Надежда Ландская,

1.

Въ темныя тихія воды затона
Глянула трепетно-нѣжно звѣзда...
Грусть моей сказки весенней бездонна
И одинока всегда.
Ночи задумчивой вздохи глубоки
Ласково-кротокъ участливый взгляды...
Въ снахъ моихъ теплятся робко намеки
На одинокій закатъ.
Радость весны не идетъ, запоздала.
Никнуть акации къ ночи на грудь..
Господи! Господи, какъ я устала,
Какъ я хочу отдохнуть!

2.

Въ нѣжной грусти больной розоватой зари
Потухающей дымкой любви озаренная,
Чернымъ флеромъ повела свои алтари
И сгасила сиянье надзвѣзднаго трона я.
Вся измучена тщетными ласками чаръ,
Неизжитыми снами и горькими былями,
Я на скалы какъ гордый безумецъ Икаръ,
Пала въ жизни съ разбитыми крыльями.
Серебристыя дали такъ кротко-грустны
Завенѣли мнѣ пѣсней извѣстно-знакомой
И склонились ко мнѣ нерасцвѣтшіе сны,
Недонѣтыя пѣсни съ предсмертной истою.
Догораютъ огни въ моемъ храмѣ земномъ
Гаснутъ слезы надъ сказкою—вѣчной утратой...
Я надъ бездной съ поломаннымъ бѣлымъ крыломъ.
Засыпаю надъ дымкой зари розоватой.

3.

Разметаю свои крылья надъ бѣлымъ чертогомъ
Грустныхъ утреннихъ ландышей первой весны.
Черной ночью склонились въ молчаніи строгомъ
Побѣжденные призраки—сны..
Скорбно подняли очи Тому, Кто въ просторахъ
Погасилъ и развѣялъ послѣдній костеръ,
И такая тоска загорѣлась во взорахъ,
И такой молчаливый укоръ.

4. ВЪ СТЕПИ.

Синеватые сумерки дали запрятали
Подъ больнымъ и усталымъ крыломъ..
Не пойму я, что въ сердцѣ тоскуетъ: утрата ли
Всѣхъ надеждъ или грусть о быломъ.
Или плачетъ звенящими тонкими нотками,
Неизжитая ласка въ груди,
Или небо заглянуло звѣздами кроткими
Въ глубь сердца и шепчетъ: не жди!..
Надъ уснувшими травами вѣтеръ проносится.
Далеко загорѣлся костеръ.
Я не знаю, что въ душу мнѣ ласково просится,
Эта грусть, что въ затерянной пѣснѣ доносится,
Или милый солгавшій мнѣ вздоръ.

Ин. Бекетовъ.

ЛЮБОВНАЯ ДУЭЛЬ.

Въ небѣ желтые павлины,
Зацвѣтая встали въ даль.
Выходи на поединокъ,
Обнажая злую сталь.
Путь путей неисповѣденъ:—
Гдѣ послѣдній ляжетъ путь?
Вечеръ зоревый побѣденъ
Подставляй ударамъ грудь!
Вечеръ золото расплавилъ,
Душной тьмы раскинулъ шаль.
— Ты знатокъ дуэльныхъ правилъ.
— Обнажаю злую сталь.
Намъ свидѣтелей не надо
Для сраженья и пировъ.
— Кинь же черный шелкъ нарядовъ
На узоръ моихъ ковровъ!

Георгій Гли.

1. СИНЕЙ НОЧЬЮ.

Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры..
Въ скалахъ шумъ испуганныхъ шаговъ..
Не вонзай въ морскія дали взоры:
Море въ глубь свою зоветъ безъ словъ!..
Есть языкъ таинственный у моря:
Синей ночью въ тихій звѣздный часъ
Лунный свѣтъ, съ волною сонной споря,
Завлечетъ въ объятья моря васъ..
Эту тайну вѣчно, непреклонно
Море спящее всегда въ себѣ хранитъ,
Въ синій часъ, когда на небосклонѣ
„Южный Крестъ“ блеститъ—какъ хризолитъ.
Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры..
Слышенъ всплескъ встревоженной волны..
Ахъ! зачѣмъ ты вдаль вонзала взоры
Въ часъ сапфирной, матовой луны..

2. МИНЬОНЪ.

Полудремота, полусонъ:
Извѣнно-медленный миньонъ.
Улыбка тихихъ синихъ глазъ:
Въ огнѣ расплавленный топазъ
Уйдемъ, дитя въ лиловый залъ:
Онъ нелюдимъ, уютенъ, малъ..
Здѣсь средь толпы бѣлѣетъ грудь,
Сверкаетъ взоровъ страстныхъ муть..
А тамъ неясный синій сонъ
Въ твоихъ глазахъ, и я влюбленъ..
Но чутко, нѣжно я люблю
Огнемъ страстей не отравлю..
Издалека подъ круглый сводъ
Слетаетъ звуковъ хороводъ,
И мы подъ дальней арфы звонъ
Танцуемъ медленный миньонъ.

Сем. Никитинъ.

Отдаться смѣло во власть минуты,
Разстаться съ плѣномъ нѣмой темницы,
Усилимъ мощнымъ порвать всѣ пути
И улетѣть бы свободной птицей!

Замѣченный рисунокъ изъ «An Evil Mother hood».

Обложка к «The Savoy» V.

Тут такъ характерно выражение—„онъ назвали от-
кормленными дорогими вышивками и парчами“.
Такъ удачно оно прищипательно къ бабочкамъ съ пест-
роцвѣтными бархатными крыльями.
И такъ идетъ она къ самимъ рисункамъ Обри Бердслея.

Приласлительный билетъ.
„Линъ“ художникъ пределяетъ такую изумительную расте-
чительность, что хочется положительно взять ее подъ
опеку.

Они эти рисунки прав-
да въ большинствѣ слу-
чаевъ накутыя откор-
мленными вышивками
и парчами.

Они такъ насыщены
дорогими украшениями
графики.

Въ „Аббатъ Фанфер-
люшъ“, въ „Битвѣ про-
лестницъ“, въ „Туалетъ
Венеры“, въ „Салонъ“,
„Прегуль“, „Слугахъ
Венеры“, „Мадоннъ“ и
въ особенности въ фан-
таснагорическомъ „Спи-
линь“ художникъ пределяетъ такую изумительную расте-
чительность, что хочется положительно взять ее подъ
опеку.

Обложка к «A Book of Fifty Drawings».

Нѣкоторые изъ рисунковъ такъ густо оплѣнились
ихотанными штрихами искусства, что накутыя ста-
ринными гравюрными на деревѣ.

Ювелирная работа! Изумительное рукодѣліе!

Въ такихъ трудолюбивъ и искусствомъ работали
только старинныя ве-
ликія мастера!

Обложка к «The Iollow book» II.

Онъ не имѣлъ времени тратить годы на свое искус-
ство.

Поражаешься, когда онъ успѣлъ наработать такъ
много.

Онъ никого не училъ.

Хотя у него учились, учатся и будутъ учиться.

Кто былъ Обри Бердслей?

Свѣдѣнія о немъ очень скудны.

Весь фактическій матеріалъ сводится къ слѣдую-
щему

Родился онъ въ Брайтонѣ 21 августа 1872 года.

«Венера»

въ Лондонѣ и тутъ вѣтъ на одиннадцатомъ году жизни
начинается его общее ственное сужденіе.

Обложка к «Pierrot».

Съдѣе, благовидные
они мудро годами си-
дѣли за своими гра-
вюрными, бороздя рѣз-
цомъ доску медленно,
но вѣрно, настойчиво,
любовно, искусно и
вкусно.

Своей вѣрѣ, терпѣ-
нію и умѣнію они учи-
ли, какъ апостолы,
учениковъ.

Обри Бердслей умеръ
26 лѣтъ.

Онъ не имѣлъ ни
сѣдыхъ волосъ, ни сѣ-
дыхъ думъ.

Онъ не имѣлъ времени тратить годы на свое искус-
ство.

Поражаешься, когда онъ успѣлъ наработать такъ
много.

Онъ никого не училъ.

Хотя у него учились, учатся и будутъ учиться.

Кто былъ Обри Бердслей?

Свѣдѣнія о немъ очень скудны.

Весь фактическій матеріалъ сводится къ слѣдую-
щему

Родился онъ въ Брайтонѣ 21 августа 1872 года.

По словамъ его глав-
наго біографа Роберта
Росса, онъ, былъ съ
дѣтства тихимъ, за-
стѣнчивымъ, хилымъ
ребенкомъ.

Съ семилѣтняго воз-
раста у него обнару-
жился туберкулезъ,
такъ что его пришлось
взять изъ „Дѣтснаго
сада“ въ Брайтонѣ и
перевести въ пригото-
вительную школу въ
Херотпирленитъ.

Въ 1881 году его
переводятъ въ Ипеонъ.

Въ 1883 году семья
и онъ переезжаютъ

въ Лондонъ и тутъ вѣтъ на одиннадцатомъ году жизни
начинается его общее ственное сужденіе.

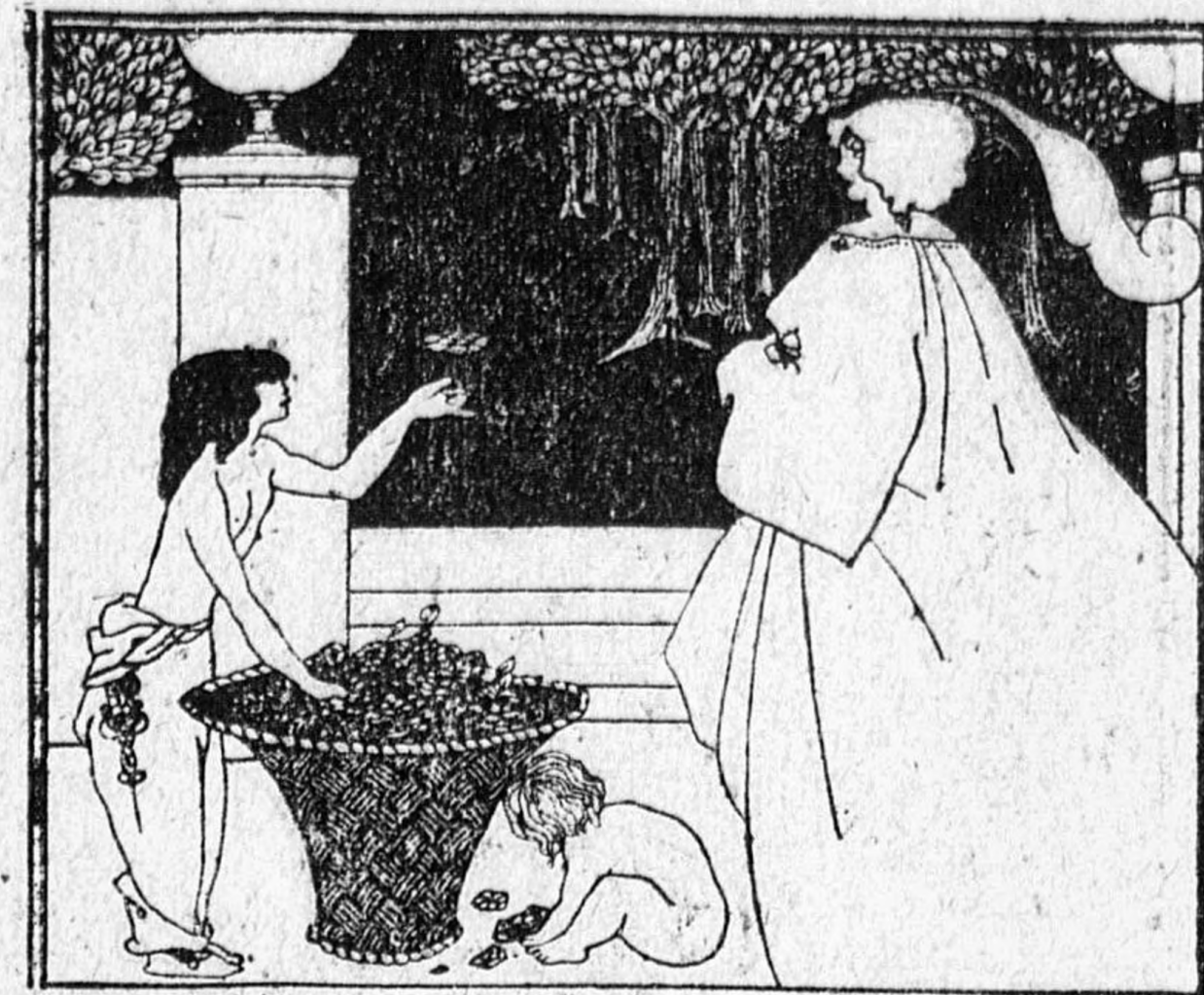
Сначала въ каче-
ствѣ... музыканта.

Хотя никто изъ дома-
линихъ и не можетъ съ
точностью сказать, что
началъ дѣлать этотъ
хрупкій на видъ вун-
деркиндъ раньше: иг-
рать на рояли или ри-
совать.

Онъ всегда игралъ
и всегда рисовалъ.

И всегда говорилъ
что, музыку любить
и знаетъ.

— Это единствен-
ное въ чемъ я пони-
маю толкъ.

Обложка к «The Iollow book» VI.

Обложка к «The Cambridge A. B. C».

Обложка «The Iollow book» III.

Саломея

Луини.

6.

—„Горе вамъ! Тебѣ Антипа, и тебѣ, Іезавель!..
Заглушилъ тетрарха совѣсть адскій скрипъ твоихъ сандалій.
Ты ржала, какъ кобылица, трепеща отъ скотской похоти!
На верху горы священной водрузила ты постель,
Тамъ свои приносишь жертвы вавилонскихъ вакханалій!..
Заглушила стыдъ тетрарха въ гингръ, кроталь, кимваловъ грохоты!

7.

Но великій день настанетъ! Все сорветъ съ тебя Господь:
И запястья съ рукъ, и серьги изъ ушей, и съ ногъ браслеты...
Этотъ серпъ изъ яркихъ камней, на чепъ твоемъ сверкающій,
И пурпурныя одежды, облекающія плоть,
Зеркала и опахала, что рабынями воздѣты
Надъ главой твоей,—отниметъ все Господь рукой карающей!..

8.

И сапфиръ, въ зубахъ горящій, и сосцы твоихъ грудей—
Все сорветъ—всѣ чары нѣги, вавилонская блудница!
Ты застонешь, ты завоеешь, но не встрѣтишь утѣшенія,
Чтобъ побить тебя, не хватить въ Махерузѣ всемъ камней.
Проклята ты! Проклята ты! Будешь издыхать, какъ псица...
Пресмыкаться будешь! Богу вонь мерзить кровосмѣшенія“...

стыдь отца на ложь дочерей позабывши патриархъ!
А Аммонъ съ своей сестрою! А примѣръ Авессалома!
Развѣ жень отца не дѣлалъ страсти жертвами вечерними!

10.

Развѣ патриархъ Іуда жертвой похоти утѣхъ
Не избралъ себѣ невѣстку. Развѣ жизнь царя Давида,
Соломона, Ноя, Сима плотской не полна уладою.
Вонь мерзить кровосмѣшенье! Пусть кровосмѣшенье грѣхъ,
Но для Бога Ноя, Лота не большая въ немъ обида...
Ну... а все-таки покончить надо мнѣ съ Иродіадою...

11.

Не она-ль причиной явной бѣдствій всѣхъ моихъ была:
Не ея-ль виной и этотъ стыдъ войны девятилѣтней,
Не за связь ли съ ней я жгуче ненавижу Іудеями,
Не ея ли братъ Агриппа причинить мнѣ столько зла
У Тиверіа престола нынче—завтра можетъ сплетней...
Цезарь злобенъ, но довѣрчивъ, а особенно съ злодѣями!..

12.

День вставалъ и просыпался знойный Іерусалимъ.
Словно мѣлъ, бѣла пустыня, бѣлизною рѣжетъ ско.
Іудейскихъ горъ вершины тухнуть: Энгадди съ отрогами,
И Эсколь, Эбронъ и Газеръ зеленѣющій за нимъ...
Море Мертвое сверкаетъ—перль лазоревый востока...
И съ таской слѣдитъ Антипа за прибрежными дорогами.

13.

Вдругъ онъ слышитъ за стѣною ткани нѣжныя шуршать!
Перламутровыхъ сандалій зазвѣлились звуки скрипа—
То вошла Иродіада:—„Здравствуй Иродъ, уже встала я,
Чтобъ тебя поздравить,—новость: намъ не страшенъ больше братъ:
Императоромъ посаженъ онъ въ темницу!..—„Кто?.. Агриппа!..“
„—Да,—мой братъ!“—„Возможно-ль это!“—Радость для меня не малая...

Саломея

Эрихъ Германъ.

Саломея

А. Обле.

14.

Если-бъ зналъ ты, сколько денегъ, сколько хитростей, интригъ,
Сколько нанятыхъ кліентовъ, сколько тайно вскрытыхъ писемъ,
Перехваченныхъ доносовъ стоитъ мнѣ его паденье.
Если-бъ зналъ, какъ не давался торжества медвяный мигъ,
Но теперь шпіоны трона и Евтихій, и Анисимъ
Мной подкуплены. Самъ Цезарь намъ не страшенъ, безъ сомнѣнія...

15.

Это я сгубила брага. И за то награды жду.
Головою Іоанна ты заплатишь—вотъ награда!
—„Іоаннъ... Его не бойся... Онъ въ темницѣ подземелія
Спрятанъ мной. Но онъ мнѣ нуженъ. Я имѣлъ его въ виду...
У него въ народѣ сила“...—„Ты безславья Галаада
Позабылъ, но я ихъ помню!.. „Смерть ему!“— Я жду Вителлія.

16.

Завтра... Послѣ о наградѣ мы съ тобой поговоримъ...
Все, что хочешь, но не это... Этотъ волхвъ для дѣла нуженъ“...
— „А награда мнѣ не дѣло! Иль награды не достойна я!
Іоаннъ народъ волнуетъ,—какъ на это взглянуть Римъ?
Іоаннъ властей ругаетъ, а тетрархъ съ нимъ нѣженъ, друженъ...
Знаю... Ты его боишься... Трусость Ироду пристойная.

17.

Весь твой родъ Эдома—сволочь, прирожденные рабы.
Дань платившіе Іудѣ со временъ царя Давида,
Претерпѣвшіе изгнанье изъ Геброна Маккавеями...
О, когда-бъ я раньше знала, не связала бы судьбы
Я своей съ судьбой Антипы. Что для Ирода обида!
Бойся черни іудейской, лебези предъ фарисеями,

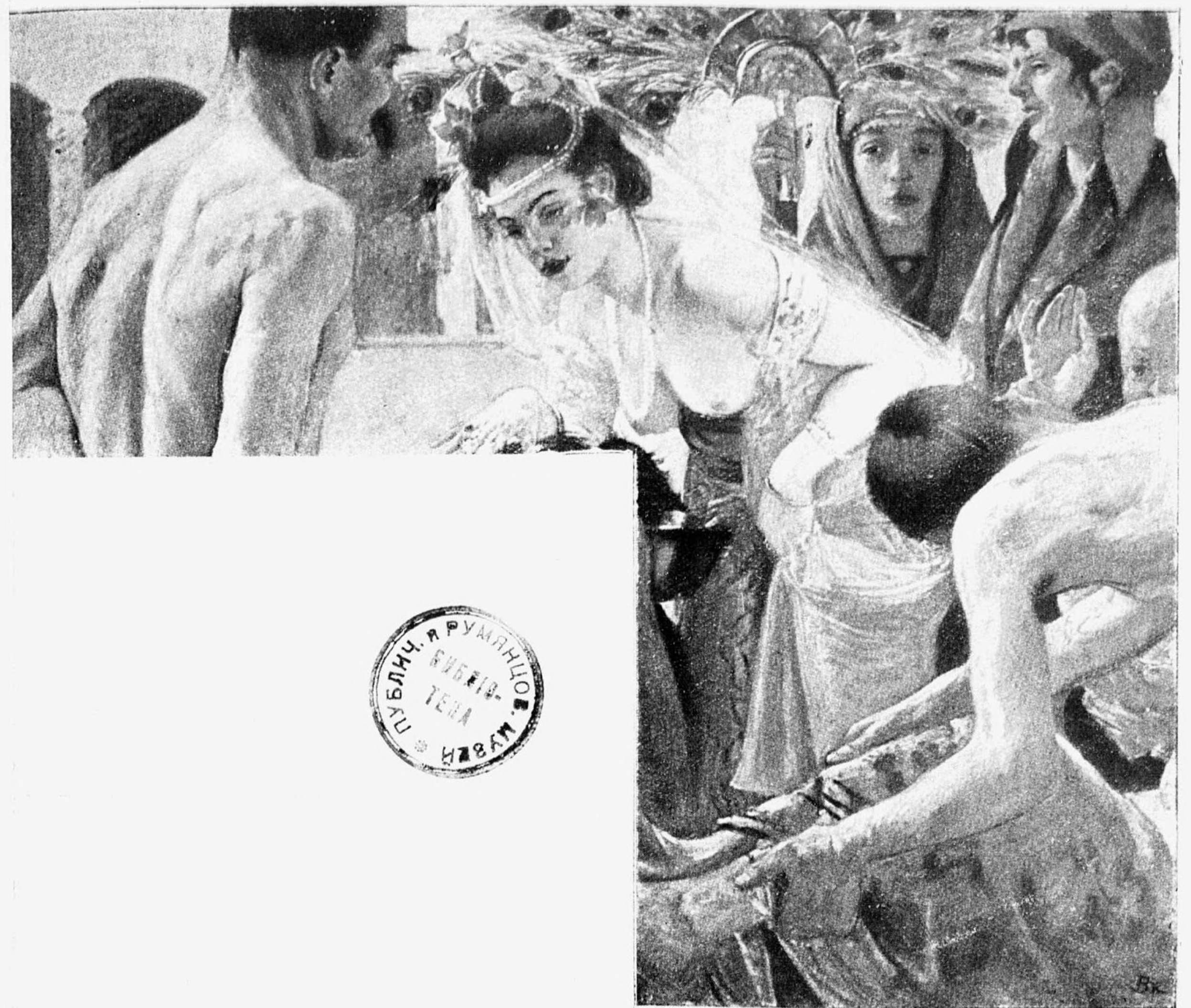

Саломея

Ганс Дамманн.

18.

Будь съ предателемъ уступчивъ, попадайся на обманъ,
Трусь Ветеллія и Авла,—это Ирода искусство!..
Что молчишь!.. Отворотился!.. Съ любопытствомъ въ даль установился...
Есть тамъ, чѣмъ полюбоваться,—это Аравійскій станъ...
Можетъ, къ аравійской дѣвкѣ разгорѣлись снова чувства!..
Съ ней опять пожить желаешь? Черствый хлѣбъ ея понравился,

Саломея

Повисъ-Хоринтъ.

19.

Испеченный подъ золою? Молоко ея овцы?
Ито-жь, вернись въ ея палатку, принеси ей покаянье,
Тамъ отецъ и дочь поймать съ распростертыми объятями!..
Щеки сизыя лобзай ей, темнобурые сосцы!
Дѣвка Ирода достойна!.. Недвижимъ, какъ изваянье,
Онъ стоялъ не раздражаясь все растущими проклятьями.

20.

День сіялъ. Горячій вѣтеръ доносилъ сѣрнистый паръ—
Моря Мертваго дыханье, все мертвя вокругъ. Разсѣлинь,
Горныхъ скатовъ, безднъ и камней очертанья зноємъ скованы.
Верхъ Антоніевой Башни опалилъ лучей пожаръ,
Энгадди съ Эброномъ выжегъ. Только Газеръ блѣдно зеленъ,
Да Сорэкъ... Но не на горы смотреть Иродъ очарованный.

21.

Надъ одной изъ крышъ сосѣднихъ увидалъ въ сіяньи дня
Грезу лѣтъ минувшихъ—дѣву. Римской гражданкой одѣта
Въ легкотканную тунику, въ пеплумъ съ синими полосками.
Надъ большими коробами стройный станъ свой наклоня,
Вынимаетъ украшенья, ткани разной формы, цвѣта.
Ленты, пояски, подвѣски, чешуясь, сверкаютъ блестками.

22.

Но сама она сверкаетъ ярче тканей и камней.
— „Кто она“?—не воздержавшись, онъ спросилъ Иродіаду.
— „Мнѣ нѣтъ дѣла до пріѣзжихъ!“—словно нехотя отвѣтила
Та и въ глубь дворца спустилась.—„Онъ спросилъ меня о ней...
Очарованъ Саломеей ужъ по первому онъ взгляду...“
И въ очахъ Иродіады торжество и злоба свѣтила:

1.

— „Гостю неожиданному, вѣчно желанному.
Внуку Вителліи—свѣтлой богини,
Богopodobнаго Авла отцу,
Мнѣ во спасенье Тиверіемъ данному,
Гордой опорѣ сирийской твердыни,
Славному конскихъ ристалищъ борцу,

2.

Клитовъ строптивыхъ грозѣ-побѣдителю,
Воину, доблесть чья неоспорима,
Мужу, которому равнаго нѣтъ,
Патриціанскихъ традицій носителю,
Цезаря другу, проконсулу Рима,—
Люцію Виктору—низкій привѣтъ!..“

3.

Къ пышныхъ носилокъ пурпурному стре-
мени.

Иродъ Антипа упалъ на колѣни,
Выкрикнувъ съ пафосомъ грубую лесть;
— „Гость драгоценный, прости мнѣ, что
времени

Я не имѣлъ для раздачи вѣлѣній,
Чтобъ оказать тебѣ царскую честь!“

4.

Ирода лесть заставляетъ Вителлію
Тѣмъ же отвѣтить:—„Къ чему оправданья!
Развѣ впервые я въ домъ твой емъ?
Ирода домъ—домъ пировъ и веселія,
Вѣчно привѣтны дворцовыя зданья.
Жду я не царскій, а братскій приемъ!“

5.

Иродъ Антипа—гордись предъ потомками:
Имя твое не боится утраты—
Памятникъ твой каждый Августу храмъ!..
Развѣ у васъ именами столь громкими
Лѣтопись Рима и міра богата?!
Имени жизнь—приближаетъ къ богамъ“.

6.

Вышелъ и Авлъ въ тогѣ съ желтой каем-
кою,
Юноша толстый съ лицомъ угреватымъ:
— „Ты не сердись на меня, старина,
Если свое я привѣтствіе скомкаю:
Ирода всѣ называютъ богатымъ,—
Ergo, bibamus!.. Давай намъ вина!..“

7.

— „Иудный привѣтъ! узнаю остроумнаго
Богopodobнаго Авла! Амфоры
Благостныхъ винъ тебя полныя ждутъ!
Что-жъ до богатствъ моихъ—вымысла шум-
наго
Басни они. Самъ слыхалъ я, что горы
Золота здѣсь... Но... увы!.. люди лгутъ!..“

8.

Люція губы скривились усмѣшкою,
По двору двинулся, ликторовъ свитой,
Символомъ власти своей, окружень.
— Ergo, bibamus!.. Чего же я мѣшкаю...
Врядъ ли богатства твои ядовитой,
Сплетней окажутся. Я пораженъ,

9.

Видя сіянье за той колоннадою!..
Авлъ закричалъ. На царей Вавилона
Пышностью встрѣчи тетрархъ походилъ.
Свнухи, дѣвы предъ Иродіадою
Шли въ блескѣ ризъ изъ парчи и виссона.
Въ дымѣ курильницъ и дымѣ кадилъ,

10.

Вся облаками густыми облитая,
Иродіада казалась святою,
Съ неба сошедшей для встрѣчи гостей.
— „Не удивлюсь, коль окажется скрытою
Золота куча подъ каждою плитою!
Право! Клянусь вамъ прабабкой моею!..“

11.

Этотъ мальчишка—карьеръ Вителлія—
Цезаря бышій наложникъ, обжора,
Пьяница, Ирода началъ смущать:
— „Иродъ, тутъ нѣтъ у тебя подземелія?
Отъ моего не упрячешься взора!..
Авлъ сталъ по камнямъ ногою стучать.

Саломея

Рейникеръ.

23.

— „Значить, планъ мой удастся. Мой онъ снова, наконецъ.
Дочь моя—неотразима... Я была такой когда-то...
О, въ ея года я тоже силой чаръ была всеильною...“
А тетрархъ стоялъ въ раздумьи. Вдругъ тревога—рабъ-гонецъ.
Весь въ пыли... упалъ...—„Вителлій“, прохрипѣлъ... Исполненъ свято
Долгъ гонца: уста сомкнулись нѣмотой на вѣкъ могильною...

Саломея

Люкка.

В. Гроссеръ.

КНИГА СТИХОВ

Это имя мнѣ мстило жестоко
За забвенье, позоръ, за измѣну...
Местъ швырнула въ лицо мнѣ два кома,
Кома грязи—развратъ и безсилье.
Я кончаюсь въ неясномъ усильѣ...
Это имя мнѣ жутко-знакомо!..

2. PRELUDE.

Мои стихи—туманный сонъ,
Онъ оставляетъ впечатлѣніе...
Пусть даже мнѣ неясенъ онъ,
Онъ пробуждаетъ вдохновеніе...
О, люди, дѣти мелкихъ смутъ,
Вашъ богъ—дѣйствительность угрюмая!
Пусть сна поэта не поймутъ,—
Его почувствуютъ, не думая...

3. ПОЛУСОНЕТЪ.

Твои горячіе кораллы
Коснулись блѣднаго чела,
Какъ сладострастная пчела,—
И вотъ въ душѣ звучать хораллы!
Моя тоска меня карала,
И я не пѣлъ, и пѣть не могъ.
Но ты сняла съ души забрало
И съ пѣсни рыцарской замокъ.
Безъ жизни жизнь и сонъ безъ сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поетъ и трелить...
Спѣши вдыхать весны цвѣтокъ,
Спѣши! И радости потокъ
Насъ захлестнетъ, но не раздѣлитъ!

4. ШИТЬ—СОЛНЦЕ.

Солнце—мой щитъ отъ ночного щемащаго ужаса!
Я прибѣгаю ко власти Высокихъ Защитъ.
Съ первымъ лучемъ да отпрянетъ злой духъ,
разоружася,
И да слѣпитъ его очи мой солнечный щитъ!
Скроется ночь, омертвивъ безпокойные шорохи,
Тайны свои захвативъ для грядущей сестры...

Игорь Сѣверянинъ.

ЕВГЕНІЯ.

Это имя мнѣ было знакомо—
Чуть истлѣвшее пряное имя,
И въ щекоющемъ чувственномъ дымѣ
Сердце было къ блаженству влекомо.
Какъ волна—броненосцу за пѣну,
Какъ за плѣнь—бѣгъ свободный потока,

Тайна ночей—не огонь-ли въ, чуть тлѣющемъ
порохѣ?
Взоры ночей не цвѣтами-ли гроба пестры?
Ночи безумны, и насъ призываютъ къ безумію...
Старое зданіе молить, клянеть и трещить...
Мечется сердце, а мысль—непогоды угрюмѣе...
Чтобы и было, когда-бы не солнце, мой щитъ!..

5. НАВСЕГДА...

Я гостилъ въ твоёмъ сердечкѣ
Только мигъ.
Это было возлѣ рѣчки,
Гдѣ тростникъ.
Ты въ душѣ моей, какъ, дома,
Навсегда.
И разрушить тѣ хоромы
Кто? когда?

6. ЛѢТОМЪ.

Студеной слезью блещетъ озеро,
Зноятъ полдневные лучи.
Рой бархатистыхъ пчелокъ, къ розѣ рой
Стремясь, гудоритъ, какъ ключи.
Надъ малахитовою лужею
Жужжитъ комаръ, замороженъ.
Мой жаркій взглядъ щемающей стужею
Твоихъ очей расхоложенъ!

7. НЕ БУДЕТЬ ОПЯТЬ!..

Ты всегда съ голубыми очами
Приходила ко мнѣ ночевать...
Это было такъ сладостно—болно,
Но не будетъ, не будетъ опять!
И порхали мгновенья—стрекозы,
Присѣдая къ зарѣ на цвѣтокъ.
Мы любили, хотѣли другъ друга...
Ты близка, но теперь я далекъ.
Да, не ты далека: ты все та-же,
Какъ желанье, покорная мнѣ...
Это было такъ сладостно-болно,
Это было всегда при лунѣ!..

8. BERCEUSE.

Солнце сонмы сомнамбулъ весны
Манятъ меня въ осіянные сны.
Четко ночами рокочаютъ ручьи.
Звучныя рѣчи ручья горячи.
Плачутъ сирени подъ лунный рефренъ.
Очи хохочутъ песчаныхъ сиренъ.
Лунные плѣны былинной волны.
Солнце сонмы весенней луны...

9. ВЪ АВГУСТЪ.

Есть въ тихомъ августѣ, мечтательномъ и крот-
комъ

Такая мягкая, пѣвучая печаль,
Такъ жаль минувшаго, мелькнувшаго въ корот-
комъ,

Что сердце просится: „къ забвенію причаль“...
Мнѣ вспоминаются, туманны и безсвязны,
Обрывки августовъ, ихъ встрѣчи, ихъ уходъ...
И для души моей они однообразны,
Какъ скаламъ озера—проплывшій пароходъ...

Грааль Арельскій.

1. ЛИЛИИ.

Востокъ лилово разгорается
Чаруя вѣчностью въ моментъ,—
Король подѣхалъ и склоняется
Къ широкой бирюзовой лентѣ
Онъ видитъ лиліи невинныя
Грустятъ печалью серебристой,
Ихъ пальцы тонкіе и длинные
Покрыли въ перстняхъ аметисты
Уста ихъ дѣвственно—несмѣлыя.
Отвѣтныхъ устъ не цѣловали,
И одиноко платя бѣлыя
Грустили въ дремлющей эмали.
Дается знакъ рукой властительной
Въ перчаткѣ свѣтло-желтой кожи,—
И подаетъ букетъ почтительно
Слуга на дѣвочку похожий.
И осѣненный бѣлоснѣжностью,
Вдыхая запахъ свѣже-тонкій,
Король цѣлуетъ съ дѣтской нѣжностью
Ихъ золотистыя коронки.
И видитъ онъ,—лицо Сивилии
Когда она, уйдя отъ свиты,
У алтаря положить лиліи
На бѣло-мраморныя плиты.

2. ВЕЧЕРНІЙ ПОРЫВЪ.

Гасли краски заката,—окровавились клены,
Возвращался съ пуанта голубой лимузинъ;
Плыли мимо поляны такъ печально—зелены,
И шоссе шелестѣло отъ упругихъ резинъ.
Въ яркомъ платьѣ изъ шелка, изъ цвѣтного
алача,

Въ черныхъ узкихъ перчаткахъ, и въ боа кру-
жевомъ—,

Вы грустили беззвучно, отъ тоски чуть не плача,
Загорѣвшись презрѣньемъ,—золотистымъ ог-
немъ.

И какъ чуждо далеки въ этотъ мигъ были люди!
Вы мечтали о храмѣ гдѣ молитва чиста,
Гдѣ печаль утихаешь въ фиміамѣ прелюдій,
Гдѣ пунцовыя розы у распятыя Христа.
И хотѣли забыть Вы—эти блѣдныя лица
Эти шумныя залы, гдѣ надмененъ порокъ,
И одѣты снова платье изъ грошевого ситца,
И принцессою нищей жить въ безбрежьи до-
рогъ.

СТАТУЯ СВ. ПАВЛА

(Сонетъ).

На воротахъ, гдѣ голубыя фрески
Стоитъ статуя Павла—ключаря,
Забытымъ сномъ чернѣетъ профиль рѣзкій
Когда горитъ багряная заря.
Все тотъ-же взоръ таинственно—печаленъ
Въ просторы смотритъ,—алыя моря!
Онъ видѣлъ смерть, пылающихъ развалинъ,
И блескъ знаменъ небеснаго царя;
Онъ видѣлъ рядъ блистательныхъ процессій;
И блѣдныхъ папъ въ ажурныхъ кружевахъ,
И дымъ костровъ виновныхъ въ черной месѣ...
Но все молчитъ въ угаснувшихъ вѣкахъ,
Смѣняются пылающія зори,—
О, miser homo, memento mori!

Н. Агнивцевъ.

1. НА МАНСАРДЪ.

Высоко, высоко, въ двухъ шагахъ отъ луны,
На восьмомъ этажѣ, горделиво,
Размѣстились съ комфортомъ: бочокъ ветчины,
Пять юристовъ и дюжина пива...
Какъ пріятно и странно какъ: пить и жевать—
Въ облакахъ, средь созвѣздій и вѣтровъ?!.
—Благодать!.. И на все имъ теперь наплевать—
Съ высоты... четырехъ тысячъ метровъ!

2. ВЛЮБЛЕННЫЙ ГОШКА.

Съ Гошкой что-то скверно!..
Вотъ, хотя-бъ, примѣрно
Нынче, вдругъ (о, Богъ мой!)—
Продать „Право“ съ „Догмой“...
И на деньги эти
Онъ купилъ для Кэти,
Въ жертвоприношенъе,—
Лучшее печенье—
Въ ящикѣ квадратномъ..
На пути-жъ обратномъ,
Встрѣтивъ кредитора,—
Не удраля вѣдь Гошка,
А, безъ разговора,—
Расплатился честно...
И погибла трешка!..

—Что-жъ, любовь—извѣстно—
—„Не картошка!“.

3. КУРСИСТКА НАДЯ.

У курсистки Нади—
Часики въ закладѣ,
Тамъ же и пальто...
Но, зато,—
Непремѣнно есть у Нади:
—Бомбоньерка отъ „Conradi“
И билетъ—
На балетъ...
—Почему?
—Потому!

4. СИНЯЯ ФУРАЖКА.

Фуражка синяя моя—
Подруга лучшихъ лѣтъ,—
Пою тебя, сегодня, я—
Торжественный привѣтъ.
Зимой и лѣтомъ—все одна,
Работая вдвойнѣ,
Ты, выше силъ, пять лѣтъ сполна,—
Служила честно мнѣ.
И въ лѣтній зной и въ зимній день,
(Стараясь не истлѣть)
Немного, этакъ,—набекрень—
Любила ты сидѣть!

Прошли веселые года,
Ушла Весна—домой!..
—Ахъ, сколько глупостей тогда—
Роилось подъ тобой?!.
И сколько разъ тебя „халать“
Вертелъ и такъ и сякъ
И, послѣ выпиренныхъ тирадъ,—
Давалъ лишь—четвертакъ!

Фуражка синяя моя,—
Подруга лучшихъ лѣтъ,—
Пою тебя, сегодня, я,
Хотя... тебя, ужъ,—нѣтъ!..
Гдѣ-жъ тышла свой мавзолей?
(Храни тебя Ломбардъ!)
—О, знамя Юности моей,
—Опущенный штандартъ!

5. ИВАНОВЪ ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ
(въ костюмѣ Истории и въ собственномъ).

Ивановъ Иванъ Ивановичъ—
Примѣчательная личность
Героической заправки,
Онъ—ни „рыба и ни мясо“...
Онъ—огромный, многоликий,
Вездѣсущий, изначальный,—
Упирается ногами
Въ довременный, пѣнный хаосъ...

Это онъ, въ пещерѣ сидя,
Изобрѣлъ пращу, чтобъ скромно
Бить свирѣпыхъ динозавровъ—
На приличномъ разстоянъи...
Это онъ, заботясь очень
О спасенъи душъ заблудшихъ,
Прижигалъ съ молитвой, кротко,
Еретическія пятки...
Это онъ теперь гуляетъ
Въ котелкѣ и синемъ „cloch'ф“,
Выставляя элегантно
Краеный шелковый платочекъ...

Онъ—великій, многогранный,
Между дѣломъ, между прочимъ,—
Чиститъ обувь Аполлону.
Подъ миллиономъ псевдонимовъ...
Бодаревскій, Иловайскій,
Францъ Легаръ и легіоны
Иже съ ними—это—онъ-же:
Ивановъ Иванъ Ивановичъ.

Ахъ, Иванъ Ивановичъ—это
„Духъ земли“ изъ древнихъ сказокъ
И, отъ вѣка, онъ незримо
Во Вселенной правитъ баломъ!
Для него стучатъ машины,
Скачутъ въ небо фейерверки.
Завываютъ граммофоны
И румянятъ щеки дамы;
Для него-же, гдѣ-то въ Вѣнѣ,
Фабрикують оперетки,
Для него-же строить рожи
Обезбрюченный Глупышкинъ;
Для него-же репортеры,
Въ сладкомъ чаянъи сенсаций
Рышутъ „Въ городѣ и свѣтѣ“
По гостинымъ и уборнымъ;
Для него-же на страницахъ
Всевожможнѣйшихъ журналовъ—
Бродятъ цѣлыми стадами—
Двухголовые телята...

Ивановъ Иванъ Ивановичъ
Въ наше время,—занимаетъ
У madame Фортуны должность:
—„Управляющаго Міромъ“...
Онъ, Иванъ Ивановичъ, нынче—
Создаетъ успѣхъ и губитъ,

Обрекаетъ на закланъе,
И подносить бутоньерки.
И у насъ его, съ азартомъ,
Бьются бѣшенныя пары,
Воскликая:—„Ave, Caesar,
Morituri te salutant“...

Вотъ каковъ Иванъ Ивановичъ
Въ историческомъ костюмѣ,
А въ—„разсроченномъ“, въ домашнемъ—
Онъ—другой, онъ—много меньше!..
Ахъ, въ домашней обстановкѣ
Все великое—мельчаетъ!
Потому-то онъ, къ примѣру,—
Жить не можетъ безъ гитары
И, весьма сентиментально
Въ потолокъ упершись взоромъ,
Томно тренькая, гнусавитъ:
Про какіе-то, тамъ, „очи“...
Но, питая духъ—гитарой,
Онъ и плоть не забываетъ,—
Ассигнуя регулярно,—
„На развратъ“—пятерку въ мѣсяцъ...
Послѣ чая, съ этой цѣлью
Брюки вычистивъ бензиномъ,
Ивановъ Иванъ Ивановичъ
Возсѣдаетъ въ ближнемъ скверѣ.
И, намѣтивъ даму сердца,
Говоритъ ей, неизмѣнно,—
—„Гм... гм... барышня... простите...
Я васъ, право, гдѣ-то видѣлъ?..“
Посуливъ, затѣмъ, колечко—
Отправляется немедленно,
Съ этой барышней подручку,—
По дорожкѣ очень торной...
А на утро, возвращаясь
Вновь—на праведное лоно,—
Мыслить съ видомъ облегченнымъ:
— „Ну, теперь, на мѣсяцъ—баста!..
И, столкнувшись съ первымъ нищимъ,
Входитъ, тотчасъ, въ сдѣлку съ небомъ,
Отдавая на проценты
Небу—сразу—двѣ копѣйки...

6. ГИМНЪ

Е. В. Б. Ивану Ивановичу, г-ну Иванову.
Гремите бубны и фаготы
Со всѣмъ усердіемъ въ кредитъ,—
—Сегодня, милые,—работы
Намъ очень много предстоитъ.
Пылая жаромъ—что Экваторъ,
Пою, какъ сотни теноровъ,
Тебя,—коллежскій регистраторъ—
Иванъ Ивановичъ Ивановъ.

Обуженъ, сплюснутъ, безъ отгѣтинъ,
Въ семи водахъ прокипаченъ,—
Онъ—вездѣсущъ, хоть незамѣтенъ,
Онъ тотъ, чье имя—„легіонъ“.
И на картинѣ Мірозданъя
Онъ—фонъ гигантскаго холста,
На коемъ въ дерзкомъ сочетанъи
Горятъ эффектные цвѣта...
Ахъ, какъ-бы выглядели сонно
Герои шпаги и чернилъ,
Когда-бы—собственной персоной—
Онъ ихъ въ вѣкахъ не отгѣнилъ!
Пусть онъ уйдетъ—и потускнѣютъ
Въ одинъ моментъ—герои-мъ...
Вѣдь звѣзды всѣхъ сортовъ умбютъ
Блестать лишь только въ темнотѣ!

Богатъ спиной, съ душой рачиной,
Съ упругимъ лбомъ, покорнымъ скачкомъ,
Онъ—созданъ Матерью-Землей—
Для равновѣсія всѣхъ началъ,
Ахилловъ прытихъ, какъ омаровъ,
Онъ тянетъ вѣжливо наизусть,
Онъ ловитъ за ноги Икарровъ,
Онъ учитъ разумъ шенятъ...

Онъ—то „земное притяженье“,
Онъ—та мифическая ось,
Безъ конхъ шаръ нашъ, въ дерзновенн,
Давно-бъ расползся вкривь и вкось...

О, славься-жъ, ты, забытый тлѣнемъ,
Титанъ, засунутый во тьму,
Ты... чай съ малиновымъ вареньемъ
Предпочитающій всему!..

7. ПОДЪ ЗНАКОМЪ КРАСНАГО ФОНАРЯ.

Все съ молотка! Все подъ ногою!
Кто больше дастъ—къ тому идемъ!..
И солнце виснетъ надъ землею—
Огромнымъ „Краснымъ Фонаремъ“...

Послѣдняго бога свезли на покой,
Послѣднюю пѣсню пропѣли,
Послѣдняя дѣвушка этой весной—
Купцу продана на панели...
И Правда, и Совѣсть, и Разумъ, и Честь—
Торгуютъ собой громогласно—
Всѣмъ хочется хлѣба! Всѣмъ хочется ѣсть!
А хлѣбъ, нынче, дорогъ ужасно!..
Кто больше ѣсть хлѣба—тому и почетъ!..
И „Марья Царевна“ изъ сказки
Поштучно и оптомъ теперь продаетъ
Свои несказанныя ласки..
Э, къ чорту жантильности! Къ дьяволу!.. Прочь—
Кисейную эту завѣсу!..
— Во сколько вы, барышня, цѣните ночь?—
И сколько въ васъ чистаго вѣсу?!
Эй, вы, господинъ, вашу честь—за алтынъ?
Ну, ладно, дамъ гривенникъ даже!..
...И бойко идетъ у зеркальных витринъ—
Веселая купля-продажа...

Все съ молотка! Все подъ ногою!
Кто больше дастъ—къ тому идемъ!..
И солнце виснетъ надъ землею—
Огромнымъ „Краснымъ Фонаремъ“.

8. НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Тишь и гладь, и ни зги!.. Города и поля
Пребываютъ въ могильной дремотѣ!..
— Хотъ бы съ шалой кометой столкнулась земля!
— Хотъ бы черти завыли въ болотѣ!..
— „Что ты слышишь?“—„Я слышу, какъ тв-
каетъ пѣсь,—
Хрипло этакъ и очень протяжно“...
— „Что ты видишь?“—„Я вижу свой собствен-
ный носъ“...
— „А еще?“—„Остальное—не важно!“...

Вы, залѣзшіе въ теплыя норы—
Комильфотныхъ уютныхъ идей,
Вы, спустившіе плотныя шторы
Въ комильфотной душонкѣ своей;
Вы, познавшіе сущность комфорта,—
Въ томъ, чтобъ—жрать, отдохнуть и—опять!..
Вы, забывшіе Бога и чорта,—
Чѣмъ растрогать васъ? Чѣмъ испугать?
Вы, живущіе въ липкомъ болотѣ,—
Непонятенъ вамъ клекотъ орловъ!
— Если пѣтъ вамъ о солнцѣ—заснете!
— Если-жъ бить васъ—не хватитъ кнутовъ!

Вамъ отпущено въ дьявольской дозѣ,—
То, на чемъ вы должны возсѣдать!..

Ваша миссія. въ тепломъ навозѣ—
Скверно пахнутъ, плодятся и спать!

Но придетъ человѣкъ—ростомъ съ цѣлый Мон-
бланъ,

Человѣкъ импозантной фигуры,
И натянетъ, смѣясь, на пустой барабанъ
Ваши потныя толстыя шкуры.
Онъ раздвинетъ руками ночной небосводъ,
Пачку молній возьметъ на подмогу,
И на томъ барабанѣ зловѣще забьетъ
До разсвѣта—„Ночную тревогу“.

9. REQUIEM.

«Вчера въ Румянцевскомъ
скомъ скверѣ отравились три
дѣвушки въ возрастѣ отъ 15 до
17 лѣтъ...
Всѣ три—проститутки».
(Изъ газеты).

Траурнымъ крепомъ, подъ звонъ погребальный,
Пѣсню мою обовью...
Ладаномъ мертвеннымъ Ангелъ Печальный
Вѣетъ на пѣсню мою...
Черный Рыцарь подъ черною маской
Вновь вонзилъ въ чье-то сердце копье...

Это было бы призрачной сказкой,
Если-бъ жизнь не украла ее!..
— Жили-были три дѣвушки гдѣ-то,
Клиномъ узкимъ сошелся имъ свѣтъ...
Ахъ, не правда-ль, какъ старо все это?—
— Жили-были... и больше ихъ нѣтъ!..
— Почему?—Потому что все—глупо,
Потому что—кругомъ жуткій мракъ,
Потому что... тарелочка супа—
Стоитъ—гривенникъ, а не—пятакъ...

— Пусть побьютъ насъ камнями шутокъ,
Пусть гогочутъ во всѣхъ кабакахъ,—
— Передъ трупами трехъ проституттокъ—
Падемъ на колѣни, въ слезахъ!..
Будемъ долго рыдать у гробницы,
Объ усопшихъ, не знавшихъ Весны...
Будемъ долго рыдать и молиться:
— Палачамъ, тоже, слезы даны!..

— Вы, увязшіе въ тинѣ сомнѣній—
Съ толстыхъ ногъ—до сѣдой головы,
— Эй, вы, шапки долой!—На колѣни!
— Слышите, вы?!
Траурнымъ крепомъ, подъ звонъ погребальный,
Пѣсню мою обовью...
Ладаномъ мертвеннымъ Ангелъ Печальный
Вѣетъ на пѣсню мою...

Павель Орѣшниковъ.

1 ГОРОДЪ СПИТЬ.

Городъ спитъ. Не буди его думы.
Онъ окованъ молчаніемъ крышъ.
И дома и деревья угрюмы...
И колеблется тѣнь, какъ камышъ...
Въ переулкѣ. Она и прохожій.
Подозрителенъ—собственный шагъ...

Далеко, къ небу, къ святымъ высотамъ,
Укрыться въ нѣжномъ сіяніи свѣта...
Какъ ширь бездонна, какъ хорошо тамъ,
Какимъ блаженствомъ лазурь согрѣта!
Земныя скорби душъ незримы,
Блестятъ сапфиры, горятъ кораллы,
Слагаютъ гимны тамъ серафимы,
Безплотныхъ духовъ звучать хоралы.
Тамъ нѣтъ печали, земного плѣна,
Тамъ звѣздъ предвѣчныхъ горятъ зѣницы...
Раздайтесь шире темницы стѣны,
Хочу летѣть я свободной птицей!

Юна Востоковъ.

1. ЧЕТЫРЕ ПОЛЮСА.

(Эпитафія).

Противъ казенки сажу,
Справа участокъ виднѣется,
Сзади газетчикъ, гляжу,
Въ сумкѣ „Россія“ бѣлѣется,
Слѣва церковный трезвонъ,—
Ухо отъ боли какъ ежится!—
Кѣмъ-то вопросъ разрѣшенъ
Дальше какъ жизнь эта сложится:
Или казенку почту,
Или въ участокъ направляюся,
Или „Россію“ прочту,
Или же „мирно представлюся“...
Хмѣль да участокъ вотъ тутъ,
Звонъ да газета—уродина...
Какъ вѣдь меня стерегутъ
Крѣпко они, моя родина!..

2. ПРАВДА.

(Изъ цикла «Настроения»).

Сажу одиноко въ пивнушкѣ,
Ѣмъ пятого рака,
Идутъ за окномъ потаскушки
Раскрашены всяко:
Горятъ на ланитахъ ихъ маки
И рдѣютъ піоны,
И темны усталые зраки,
И темны шиньоны...
Напротивъ, въ окнѣ магазина,
Часы и цѣпочки,
И съ витяземъ соннымъ братина,
Браслеты—кружочки..
Сажу, сокрушаюсь о жизни
И думаю всяко:
Гдѣ Правда укрыта въ отчизнѣ?
Иль въ хвостикѣ рака?
Быть можетъ укрыта въ пивнушкѣ?
Быть можетъ въ піонѣ
У той, за окномъ, потаскушки
Быть можетъ въ шиньонѣ?
Быть можетъ и въ блескѣ игривомъ
Браслета иногѣ?..
— Эй, служащій, кружечку съ пивомъ
Да рака... шестого!..

Григорій Шапиро.

1. ЖЕНЩИНѢ.

Я былъ тогда еще такъ солнечно-прекрасенъ,
Обвѣянъ чарами нетронутой любви.

Какъ утро юности, былъ взоръ мой чистъ и ясенъ
И дѣвственно безгрѣшны были сны мои...
Въ душѣ моей алѣлъ надеждъ огонь крылатый.
Я звалъ тебя: приди... молился по ночамъ...
Уйти тогда со мной довѣрчиво могла ты
Въ синѣющую даль, къ счастливымъ берегамъ..
Но зовъ души моей остался безъ отвѣта,
Какъ слезы тихія молящихся рабовъ...
И жить остался я, любовью несогрѣтый,
Какъ хрупкіе цвѣты въ странѣ полярныхъ льдовъ...
Теперь-же не хочу любви твоей невѣрной:
Недолгій жизни путь я самъ одинъ пройду...
Я буду вспоминать въ заката часъ вечерній
Былые сны свои, грустя въ пустомъ саду...

2.

Катятся-катятся юные годы,
Въ бездну временъ ниспадаютъ лѣта.
Въ даль отлетаютъ надеждъ хороводы,—
Въ сердцѣ тревога, въ душѣ пустота...
Катятся-катятся быстрые годы,
Словно волна за разбитой волной...
Молча взираютъ небесные своды...
Берегъ окутанъ густой пеленой...
Кажется, кто-то смѣется надъ нами,
Алой мечтой зажигая сердца...
Кажется, кто-то крылатыми снами
Шутить жестоко и бьетъ безъ конца...

3. СМЕРТЬ.

Я—Ангелъ Смерти, безпощадно
Богами проклятый на-вѣкъ...
За что клянeshъ меня злорадно,
Изгнанникъ Рая, Человѣкъ?..
Не я-ли острою косою
Срѣзаю зрѣлыя поля,
Чтобъ снова сочною травой
Покрылась вешняя земля?..
Не я-ли старое срываю,
Былое хороню всегда,
Чтобъ вѣчно къ золотому Маю
Манили юные года?..
Не я-ль могилой всѣхъ равняю:
Рабовъ голодныхъ и господъ?..
Не я-ли Жизни облегчаю
Ея извѣчный вѣрный ходъ?..

4.

Я шелъ къ тебѣ. Ревѣла ночь.
Казалось, стонуть звѣри...
Я шелъ къ тебѣ: хотѣлъ помочь,
Но ты замкнула двери...
И думалъ я: не можешь ты
Оставить жизнь темницы...
Забыть хотѣлъ твои черты,
Забыть черты блудницы...
Не вѣрилъ я, что ты сильна,
Что есть душа у падшей...
Вѣдь къ жизни не вернетъ весна.
Цвѣтникъ давно увядшій...
Когда потомъ на днѣ рѣки
Нашли твой трупъ ужасный—
Я понялъ глубь твоей тоски,
Печаль души прекрасной...
И понялъ я, зачѣмъ въ ту ночь
Замкнуты были двери...
Какъ я хотѣлъ тебѣ помочь,
Когда ревѣли звѣри!..

Д. Вайсфельдъ.

СОНЪ Ш—РЪ.

Дѣвушка—сказка! Приди—убаюкаю,
Дамъ упоеніе юной груди...
Сердце разбито тоской и разлукою—
Дѣвушка сказка, приди!
Часто я грежу ночами весенними,
Чутко внимая нѣмой тишинѣ:
Можетъ быть ты золотыми ступенями
Тихо крадешься ко мнѣ.
Трепетно жажду святого обмана я,
Свѣтлой улыбки и нѣжной любви.
Дѣвушка сказка! Приди—долгожданная—
Юность души оживи.

Павель Кокоринъ.

НА ПРИБРЕЖНОМЪ ПЕСКѢ.

Тають въ небѣ тучки голубыя
Подъ лучами солнца золотого
Я у моря солнцемъ залитаго
Рву фіалки ало-голубыя.
Я плету изъ нихъ вѣнокъ для милой;
Спитъ она на золотѣ прибрежномъ,
Видитъ сонъ, какъ съ поцѣлуемъ нѣжнымъ,
Коронуетъ голову ей милый.
Спи покойно, сердцу дорогая,
Сонъ тебя волшебный не обманетъ!
О, какъ радостно-счастливо взглянетъ.
Мнѣ въ глаза безцѣнно-дорогая.

Василій Лезинъ.

У ОКНА.

Посвящается Нюточкѣ изъ
сказокъ моей жизни.

Я въ даль глядѣлъ разочарованный;
Въ своихъ обманчивыхъ мечтахъ
Тамъ гаснулъ вечеръ, околдованный
Покоемъ призрачнымъ въ горахъ.
Онъ городокъ нашъ мглой окугивалъ
И вѣялъ призраками сна,
И въ небѣ нити звѣздъ распутывалъ,
А мнѣ грустилось у окна...
И, съ чуткой болью неразрывная,
Душа томилась... и ждала...
Тебя-ли, пѣсня заунывная?
Ее-ль, что пѣсню создала?..
Она, съ левкоями печальными,
Ушла—дитя—туда одна,
Гдѣ между домиками дальними
Ужъ встала темная стѣна...

Михаилъ Гартевельдъ.

1. ИСПЫТАНІЕ.

Прошелъ томительный мѣсяцъ,
Много холодныхъ дней,
И блѣдный, загадочный мѣсяцъ,
Горитъ надъ кельей моей.
Я усталъ, я усталъ, я не вѣрю,
Я хочу отреченность разбить,
Но я знаю, что я лицемѣрю,
Чтобы сумрачный путь позабыть,

Поднимаю усталыя руки,
И шепчу неувѣренно ложь,
И упорныя, жгучія муки,
Повергають въ минутную дрожь...
И опять испытать и увѣрить,
Я иду на скорбномъ пути,
Я мгновенно умѣлъ лицемѣрить,
Чтобы дальше крестъ свой нести.
Дни текутъ, недѣля и мѣсяцъ,
Много терновыхъ дней
И одинъ скорбѣющій мѣсяцъ,
Горитъ надъ кельей моей.

2. ТАНЦОВЩИЦА.

Хіоское вино струею блѣдно-красной,
Струится по узорному столу,
Дождь лепестковъ измѣнчиво неясный,
Кропитъ колеблясь розовую мглу.
На ложахъ пестрою толпою опьяненной,
Спятъ гордые патриціи кругомъ,
А на помостѣ тѣломъ обнаженнымъ,
Блѣдетъ женщина съ испуганнымъ лицомъ.
Подкрасивъ губы огненнымъ карминомъ,
И брови черною искристою сурьмой,
Ты ослѣпительныя, жгучія картины,
Бросала передъ пьяною толпой.
Тебя влекли оплаченнымъ позоромъ,
Застывшіе сердца мгновенно оживить,
И пьянымъ, дерзкимъ, ядовитымъ взоромъ,
Тебя нагую злобно оскорбить.
И пиръ прошелъ, патриціи уснули,
Ты отдалась мучительнымъ часамъ,
Но всталъ одинъ, глаза его блеснули,
И онъ припалъ, какъ рабъ, къ твоимъ ногамъ.
Лишь онъ одинъ, средь пьяныхъ вакханалій,
Презрѣвъ танцовщицы клейменную мечту,
Увидѣлъ предъ собою въ пьяномъ залѣ,
Въ позорѣ, строгую, нѣмую красоту.

3. ШУТЬ.

Спятъ липы въ плащахъ серебристаго, лунного
свѣта,
Застылъ королевскій, немѣющій, сумрачный паркъ,
И въ темныхъ аллеяхъ блѣютъ, грустятъ
безотвѣтно,
Забутые боги и блѣдноты мраморныхъ аркъ.
На свѣтлой площадкѣ, гдѣ чисто пруды серебрятся,
Гдѣ легкіе хмели колоны ползучіе вьютъ,
Сидитъ молчаливо, умѣющій громко смѣяться,
Весь сморщенный, сгорбленный, жалкій, ма-
ленькій шутъ.
Онъ тихо сидитъ, не звеня при лунѣ бубенцами,
И смотритъ упорно, какъ блѣдно сребрятся пруды,
И ловитъ въ ночной тишинѣ, голубыми глазами,
Неясные отсвѣты блѣдной, полночной звѣзды.
Не смѣйтесь однако надъ бѣднымъ шуткомъ
королевскимъ,
Вы много смѣялись, шутили надъ бѣднымъ
шуткомъ,
Онъ въ мірѣ живетъ, отграниченнымъ жребіемъ
дѣтскимъ,
И смѣхъ ядовитой насмѣшки ему не знакомъ,
Не счастье-ль слѣдить, когда все въ тишинѣ
засыпаетъ,
И мѣрно сребрятся въ сіяніи лунномъ пруды,
Какъ тихо надъ паркомъ застывшимъ все таетъ
и таетъ,
Сіянье далекой, холодной, полночной звѣзды.

4. ЧИТАЮЩИЙ ВЪ ЗВѢЗДАХЪ.

Твой видъ такъ загадочно простъ,
Ты живешь въ нерасторгнутомъ снѣ,
А въ глазахъ твоихъ отсвѣты звѣздъ,
Въ голубой, ночной вышинѣ
Ты надъ станами знаній людскихъ,
Поднималъ торжествующій стягъ,
Но отъ хоровъ страданій земныхъ,
Уходилъ въ несвѣтлѣющій мракъ.
Ты исчислилъ паденье и ложь,
И холодный восторгъ красоты,
И судьбы мимолетная дрожь,
Не пронзала нѣмые черты.
И ты былъ такъ загадочно—простъ,
Шелъ путемъ озареннаго сна,
А въ глазахъ твоихъ отсвѣты звѣздъ,
Освѣщали бездонность до дна.

5. ВИДѢНІЕ. (Свободный стихъ).

Я видѣлъ трехъ странныхъ юношей во снѣ,
Первый съ лицомъ золотистымъ, какъ пушокъ
персика,
Въ вѣнкѣ изъ расцвѣтающихъ и умирающихъ
розъ.

Въ глазахъ его свѣтилась вѣчность,
И я спросилъ тихо.—„Юноша кто ты?“
И отвѣчалъ онъ:—„Я смерть, ты зналъ меня“.
Второй былъ высокъ и чувственно красивъ,
Съ груди его кровь сбѣгала струями,
И кровавые розы умирали въ его рукахъ.
Въ глазахъ его свѣтилась жестокость,
И я спросилъ испуганно:—„Юноша кто—ты?“
И отвѣтилъ онъ:—„Я любовь, ты зналъ меня“.
А третій былъ молодъ, но старъ душой,
Онъ обрывалъ рукой завядшія розы,
И былъ олицетвореніемъ коварства и злобъ.
Въ глазахъ его темнѣла даль убѣгающихъ улицъ,
И я спросилъ жалѣя:—„Юноша кто—ты?“
И отвѣтилъ онъ:—„Я жизнь, ты зналъ меня“,
И закрылъ скорбно лицо рукой.

6. ЭРИКЪ (Баллада).

Гдѣ мраченъ извилистый берегъ,
Гдѣ шумно ярится волна,
Спитъ викингъ, довѣрчивый Эрикъ,
Въ оковахъ волшебнаго сна.
Могучій, какъ горные лавы,
Красивый, какъ горный орелъ,
Онъ выросъ питомцемъ славы,
И войны побѣдныя велъ.
Три норны феи сѣдя,
Ему предрекли торжество,
И помыслы темные, злые,
Склоняли къ подножью его.
И легкіе, снѣжные хлопья,
Пути не скрывали ему,
И вражія, острья копыя,
Минуя вонзались въ тьму.
Но злобные, водные духи,
Рѣшили его погубить,
И сонные яды, старухи,
Колдуньи сумѣли сварить.
Гдѣ мраченъ извилистый берегъ,
Гдѣ шумно ярится волна,
Тамъ викингъ, довѣрчивый Эрикъ,
Испилъ золотого вина.

И злобные, водные духи,
Цѣпями его оплели,
И злыя колдуньи старухи,
Навѣки его заклиаи.

А. Карасевичъ.

ФЕЯ.

Не бросай меня добрая фея!
У меня погости и побудь,
Чтобы стало на сердцѣ свѣтлѣе,
Чтобъ вздохнула усталая грудь.
Мой подвалъ уберешь ты цвѣтами;
У тебя много розъ... орхидей
И враждуя съ ночными тѣнями
Ты зажжешь миллионы огней.
Ты расскажешь мнѣ дивныя сказки,
Ты споешь пѣснь родимыхъ лѣсовъ;
Подъ твоимъ обаяніемъ ласки
Я уйду въ царство радостныхъ сновъ.

К. Одинцовъ.

НОЧЬЮ.

Бѣлый мѣсяцъ синей сталью
На струяхъ рѣки дрожитъ,
Какъ серебрянной вуалью
Молчаливый міръ накрытъ.
Затаясь въ густыя тѣни,
Спятъ могильной тишиной
Пятна вымершихъ селеній
Въ свѣтломъ кругѣ подъ луной.
Синій сумракъ пахнетъ рожью,
Никнетъ влажная трава,
Гдѣ-то льется мелкой дрожью
Листьевъ смутная молва.
Ночь какъ призракъ, надо мною..
И о чемъ она молчитъ?..
Обступила тишиною—
Ничего не говоритъ.
Свѣтитъ мѣсяцъ синей сталью
И съ хрустальной вышины
Сѣтъ бѣлою печалью
Сквозь серебрянные сны.

Алексѣй Масаиновъ.

1. ПѢСЕНКА О ЛИЗЕТТѢ.

Во дни зимы и лѣта,
Свѣтла и весела,
Невинная Лизетта
Играла и цвѣла.
Напрасно строить куры
Старались ей амуры—
Нѣтъ, нѣтъ, строгая Лизокъ,
Глядя въ шкафы и книжки,
Амуру-шалунишкѣ
Пришила язычекъ!
Ахъ! Ахъ! Томы и газеты,
Ахъ! Ахъ! Реторты и вѣсы,
Ахъ! Ахъ! Видны у Лизетты,
Видны у Лизетты въ вечерніе часы.
Въ ученой обстановкѣ,
Блудущей этикетъ,
Пришлось моей плутовкѣ
Пропрыгать двадцать лѣтъ,
Но стукнулъ двадцать первый

И, посланный Минервой,—
Нѣтъ, нѣтъ, строгая Лизокъ,—
Признайся-ка заранѣ
Кто съ Лизой на диванѣ
Проводить вечерокъ?
Ахъ! Ахъ! Шпоры, эполеты,
Ахъ! Ахъ! Рейтузы и усы
Ахъ! Ахъ! Видны у Лизетты,
Видны у Лизетты въ вечерніе часы!

Отдавшись тайнымъ чарамъ
Лизокъ ушла—да, да!—
Отпробовать съ гусаромъ
Запретнаго плода!
Въ дни пылкой диктатуры,
Крылатые амуры—
Ахъ! Ахъ! строгая Лизокъ,
Зовутъ за пылъ любовный
Невинную... виновной
И кажутъ язычекъ.
Ахъ! Ахъ! Томы и газеты!
Ахъ! Ахъ! Реторты и вѣсы!
Ахъ! Ахъ! Гдѣ вы у Лизетты,
Гдѣ вы у Лизетты въ вечерніе часы!

2. ЗИНА, КУЗИНА и БУЗИНА.

Влюбленный какъ поручикъ,
Отважный какъ лазутчикъ,
Найдя сердечный ключикъ,
Веселою весной.
Я съ Зиной три недѣли
Летѣлъ къ завѣтной цѣли,
Тамъ, тамъ, гдѣ пѣсни пѣли
Дрозды надъ бузиной.

Но, ахъ, но, ахъ мнѣ Зина!
Коварная кухня
Сказала:—„Образина!
„Такъ вотъ онъ гдѣ, да, нур!“
И ночью, съ легкимъ скрипомъ
И дворникомъ Антипомъ,
Шипя змѣинымъ шипомъ,
Срубила бузину!!
Теперь напрасно трели,
Тамъ, тамъ, гдѣ мы сидѣли,
Дрозды несутъ безъ цѣли
Веселою весной.—
Унылая картина:
Ушла сердито Зина,
А гнусная кухня
Печь топить бузиной!

Кольцовскій.

ТИТАНЫ.

Мы люди и звѣри! Мы люди и боги!
Не знаемъ предѣловъ, не терпимъ границы
Мы трубимъ и свищемъ и трубы и въ роги
И рушатся скалы и падаютъ ницъ.
И тайну за тайной, что скалы скрывали
Что боги хранили, чтобъ мучить людей
По трупамъ шагая и мы узнавали
Довольно позорить боговъ сыновей!
Намъ землю охотно отдали всѣ боги
Вражду и болѣзни посѣявши въ ней
А сами на небѣ убрали чертоги.
Чтобъ тамъ издѣваться надъ нами сильнѣй.
Мы люди и боги! Мы призраки, тѣни..
Не страшно намъ небо, ненужна земля.
Столѣтье столѣтій куемъ мы ступени,—

По нимъ мы взберемся и, Зевсъ, до тебя.
Ты помнишь титановъ! Мы тѣ же титаны,—
Но силою злобы мы ихъ превзошли..
Мы требуемъ мщенія за боли, за раны,
За годы неволи, что даромъ ушли
Мы люди и звѣри! Мы ангелы, черти!
Мы крайности крайностей носимъ въ себѣ.
Плюемъ мы въ лицо и уродливой смерти!
И грозной богинѣ,—всесильной судьбѣ.

Ада Чумаченко.

1. ГОРОДСКІЯ ТЕРЦИНЫ.

Къ воздушной кисеѣ бѣлѣющихъ гардинъ.
Прильнувъ глядятъ въ окно печальныя герани
И чахлый городской, поблекшій бальзаминъ.
Глядятъ на улицу въ желтѣющемъ туманѣ
На призраки домовъ, на мокрый тротуаръ.
На пятна фонарей въ нарядномъ ресторанѣ,
Гдѣ—красная звѣзда—огромный яркій шаръ,
Бросаетъ острый свѣтъ на пестрыя афиши..
А за угломъ—вдали; уходитъ въ ночь бульваръ..
Тамъ ярче звѣздъ огни, дома темнѣй и ниже,
Средь шепчущихъ вѣтвей и дрогнувшихъ ку-
стовъ...

Тамъ,—сердцу будетъ вновь и радостнѣй, и
тише.

Туда,—изъ комнаты, отъ лепета часовъ,
Отъ книги, брошенной небрежно на диванѣ,
Отъ шума улицы, отъ вянущихъ цвѣтовъ
Мнѣ хочется уйти и скрыться тамъ,—въ туманъ..

2.

Отзвенѣли звонкія капли
И протяжнымъ крикомъ журавлей
Зазвенѣлъ прозрачный синій воздухъ
Надъ просторомъ дышащихъ полей..
Слышитъ, слышитъ сердце зовъ весенній
И поетъ въ душѣ твоя свирѣль,
Пастушонокъ радостный и юный,
Полевой, смѣющийся апрѣль.

3. ИЗЪ „СКАЗКИ“.

Я люблю прикосновеніе дѣтскихъ губъ и дѣт-
скихъ рукъ.
Смѣха, радостнаго смѣха серебристый, ясный
звукъ,
И дрожація росинки быстрыхъ, быстрыхъ дѣт-
скихъ слезъ,
И развѣянные въ бѣгѣ пряди мягкія волосъ
Я люблю, уставъ отъ жизни, отъ тяжелаго пути
Отдохнуть съ ребенкомъ рядомъ; въ сказку
змѣстѣ съ нимъ уйти.

Лидія Лѣсная.

1. КРАСНАЯ НОЧЬ.

Мы сидѣли въ углу, у стола, въ красномъ залѣ,
Въ странномъ залѣ, гдѣ танго танцуютъ, гдѣ
гротъ.

Я не помню того, что вы тихо сказали,
Но я помню, что былъ какъ граната вашъ ротъ:
Помню холодъ руки на горячемъ затылкѣ,
Голосъ—медь золотой!—онъ напѣвно ласкалъ,
И косую зеленую надпись бутылки,
Изъ которой мы пили нашъ первый бокаль.

Я забуду—и скоро—сонъ красного зала:
Темный гротъ, звуки танго—все время сотреть.
Но на день, но на часъ я узнала—узнала
Голосъ—медь золотой и гранатовый ротъ.

2.

Бываетъ часто такъ, что маленькое „да“
Звучитъ холоднымъ словомъ разставанья.
Но какъ мнѣ нравится слышать иногда
Въ едва замѣтномъ „нѣтъ“—полупризнанье.
Бываютъ часто незначительны слова,
Но ласковы зовущія улыбки—
И кружится въ истомѣ голова
Какъ будто отъ напѣва тихой скрипки.
Бываютъ странные волнующіе сны
И нѣжные разсвѣты пробужденья—
Какъ бѣлой ночи сѣверной весны
Подъ розовымъ закатомъ зароженье.

Эммануиль Германъ.

1. СИЛУЭТЪ.

Весь нарядъ крикливо-пестрый,
Звучный голосъ, дерзкій взоръ,
Черный волосъ, профиль острый,
Нестѣсненный разговоръ.
Стройность стана, стройность ножки,
Смѣхъ нахальный и живой—
Смѣхъ блудницы, поступь кошки,
Рѣзвость лани полевой.
Прочь—боюсь! не эти-ль чары
Сѣти рыцарямъ плели,
Къ замку сказочной Тамары
Сонныхъ путниковъ влекли?

2. БИБЛЕЙСКОЕ.

Вашъ грѣхъ не новъ ужъ. Я досель
Молчалъ и ждалъ. Но громъ мой грянетъ!
Отъ ложа временщикъ отпрянетъ
И задрожитъ Іезавель.
И смолкнетъ говоръ на пирахъ,
Въ лицо друзей не взглянуть други;
И ницъ падутъ лъстецы и слуги,
Дѣля господъ безумный страхъ.

Харламъ Роба.

1. ГРАДОБѢСЪ.

Тамъ съ ельникомъ олешинокъ слить;
Шуршитъ какъ змѣй въ кустахъ рѣка,
И плачетъ нива ложняка.
Съ плывучихъ острововъ небесъ
Сверкнувъ глазами, Градобѣсъ
Надъ кругомъ нивъ грозой крылитъ
И грозно въ грудь крыломъ ударить,
И страхъ взойдетъ... Зной землю парить...
Ольху то въ жаръ, то въ дрожь ударить...
Надъ гнѣздемъ воронье крылитъ...
И гнѣвно голымъ сброситъ бѣсъ
Святыя ризы съ плечъ небесъ.
И въ мукахъ съ нивой ложняка

Сольется бѣдъ его рѣка...
Тамъ съ ельникомъ олешинокъ слить.

2. ТЕМНЯКИ.

Осеннія тучи—глубокіе темняки
Темнятся по лику великому
Согбеннаго Неба
Печалью земли превеликою.
Тамъ слезы горючія, жгучія
Льютъ люди—осины скрипучія
По селамъ безъ хлѣба.
Осеннія тучи—могильные темняки
Стемнили сіянья манящія
Горящаго Неба,—
Дремали хлѣба радость мянущія...
Какъ палъ градобой, темъ накатная—
Слиняла краса благодатная
Несжатаго хлѣба.

3. НА ВОЛОКУ.

Стонетъ снѣгъ... Однимъ-одна
Бьется кляча безъ упрёка
Съ возомъ—кладью издалика.
Буркнетъ-уркнетъ старина;
Тишь застонетъ... даль темна;
Рѣзки звѣзды къ зовамъ ока!
Рѣжетъ вѣтеръ... ночь глубока,
Спитъ глухая сторона!

4. ЕЯ МЯТЕЛЬ.

Безумный бой въ пылу пожара
Проклятья стелетъ по землѣ.
Сто-сотъ свиней подъ свистъ удара
Реветъ и роется во мглѣ.
Поднялась вьюга. Вѣтеръ свищетъ
И умоляетъ и рычитъ,
То тать лихой спасенья ищетъ,
То лютый волкъ по полю рыщетъ
И дуетъ въ снѣгъ и въ дали мчитъ...
И лѣшій—лѣсъ и поле—горе...
Неужли къ небу поднялось,
Разящимъ градомъ разлилось
Въ грозу, рокошующее море!
Застылъ погостъ, пропало поле,
Дорога не лоснится болѣ—
Все алчной бурей обнялось,
И горькимъ плачемъ, дикимъ ревомъ
До небныхъ скиній потрясло...
Тамъ воютъ дѣвы своимъ зѣвомъ,
Познавши жизнь съ соблазнымъ древомъ,
И брызжутъ пѣной сатаны.
Кипящей, бѣшенной слюны...
Гдѣ верхъ? Гдѣ низъ? все стонетъ, плачетъ...
Все вертится, летаетъ, скачетъ...
И смерть усмѣшкой роковой
Благословляетъ дробный бѣгъ
Отпѣтой тысячи калѣкъ
И машетъ крышкой гробовой.

5. ГУЛЕНЬКИ-ГУЛИ.

Весеннія сумерки синія
Плетутъ паутины—сладкіе плѣны земли.
Внемли:
Подъ сѣнью наличниковъ кровли
Гулиньки-гули ликуютъ,
Цѣпь соплетаютъ любви
Въ огненной крови... Лови
Звукъ поцѣлуевъ въ весеннія сумерки синія!

Г. Шумская.

КУРИЛЬЩИКЪ ОПІУМА.

Онъ часто опіумъ курилъ
И потому былъ слабъ и хилъ,
Но передъ гордою толпой,
Онъ человѣкъ былъ не простой.
О, онъ богачъ, онъ царь, онъ богъ!
И какъ на видъ онъ не убогъ,
Но вѣдь для воспаленныхъ глазъ
Завѣса тайнаго не разъ
Уже рвалась... И онъ узрѣлъ
Земного счастья предѣлъ.
И райское блаженство зналъ...
Онъ сладость грезы испыталъ,
Онъ былъ на небѣ, былъ въ раю,
И долю тяжкую свою,
На царскій, если-бъ даже могъ,
Не промѣнялъ-бы онъ чертогъ.
И смерть нисколько не страшна;
Лишь счастье сулитъ она.
Она разсѣтъ рабства гнетъ,
Она на вѣки унесетъ
Въ міръ грезъ, свободный духъ его...
И не отниметъ ничего.

С. Гловацкій.

Когда въ огнѣ зари багровомъ,
Угаснетъ тихо ясный день,
И ночи трепетная тѣнь
Одѣнетъ бархатнымъ покровомъ
Въ объятыхъ сна, умолкшій міръ;
Когда бѣгушій вдаль, зефиръ
Съ неожиданной ласкою привѣта
Коснется дремлющихъ листовъ
И тихій шелестъ межъ деревъ,
Какъ лепетъ робкаго отвѣта,
Какъ грусти вздохъ промчится вслѣдъ;
Когда луны печальной свѣтъ,
Съ небесъ далекихъ упавая,
Алмазомъ чистымъ засверкаетъ
Въ цвѣтахъ, увлажненныхъ росой,
И говоритъ звѣзда съ звѣздой
И чутко имъ земля внимаетъ,—
Въ тотъ мирный часъ звучитъ стройнѣй:
Для васъ напѣвъ любви моей;
Тогда легко и торопливо
Мои мечты стремятся къ вамъ,
Какъ волны моря въ часъ прилива
Къ недостижимымъ берегамъ.

Шиловъ.

ОЛЕОГРАФІЯ.

(Испанскій жанръ).

Склонились деревья надъ влюбленной парой...
Она сидитъ, багровѣя румянцемъ,
А онъ, какъ должно страстнымъ испанцамъ,
Стоитъ на колѣняхъ въ рукахъ съ гитарой.
Солнце по скаламъ свой хвостъ волочить
И вылѣзъ мѣсяцъ, улыбаясь глупо;
Лицо у него совсѣмъ какъ у трупа
И видно что дальше онъ лѣзть не хочетъ.
Коричневый купидонъ изъ-за забора

Н. А. Андреевъ.

Цѣлится въ гитару стрѣлой любовной.
Внизу же написано четко и ровно:
„Печатано въ 7 красокъ. „Любовь Торсадора“.

Юрій Анненковъ.

Посв. Татъ.

1.
У меня на стѣнѣ Боттичелли,
У меня за окномъ качели,
У меня голубыя обои,
У меня на окнѣ левкой.
У забора колышется вѣтка...
Я цѣлую тебя такъ рѣдко!
Твои вѣки дрожатъ изъ-подъ фетра,
И трепещутъ левкой отъ вѣтра.
Я тебя ожидаю въ тревогѣ,—
Твои брови бываютъ строги...
Ахъ!
Ты приходишь въ кои-то вѣки,
И дрожать—то левкой, то вѣки!..

У меня на стѣнѣ Боттичелли,
У меня за окномъ качели,
У меня голубыя обои,
У меня на окнѣ левкой...

2. ВЕЧЕРОМЪ.

Оставивъ тонкія печали
У тонкой рюмки куантро
Твои глаза мнѣ обѣщали
Вернуться съ утреннимъ метро.
— „Мы на углу другъ друга встрѣтимъ“!..
Но ты раздумала придти,—
Я ждалъ тебя и въ два и въ третьемъ,
До четырехъ и до пяти!
Потомъ ушелъ къ твоимъ подругамъ,
Тянулъ въ раздумьѣ „марсала“...
И семицвѣтнымъ полукругомъ
Въ кафе горѣли зеркала.

3. ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Одѣваю черный фракъ и бѣлыя перчатки
И еще астру прикрѣпляю къ петлицѣ.
Мои фразы будутъ ясны и кратки,
Какъ аллеи въ предмѣстьяхъ Ниццы,—
И сладки.
Подобный живописцу Францу Штуку
Отточенную мысль неумѣло крашу —
Желая превзойти любовную науку,
Осмѣлюсь просить... сердце Ваше
И руку.

4. RUE DE LA GAITE.

Мои глаза всегда остры, какъ совьи,—
Я проникаю весь бульваръ..
Вчера я близко видѣлъ капли крови
И въ черныхъ брызгахъ сѣрый тротуаръ
Я вытеръ ножъ моимъ крылатымъ шарфомъ,
Вдохнулъ бензинъ и пламенный просторъ,—
И, въ хорѣ звонкихъ спицъ, подобныхъ арфамъ,
Меня умчалъ невстрѣченный моторъ!
Вчера—прошло, какъ утомленный воинъ.
Я жду въ толпѣ возлюбленный беретъ...
Сегодня будетъ мой восторгъ удвоенъ
Звенящимъ блескомъ золотыхъ монетъ!
И ты пришла. Подъ эхо контрабаса
Я въ первый разъ тебя поцѣловалъ..
Мы пили грогъ въ тавернѣ Montparnass'a,
Въ моей душѣ метался карнавалъ.

Петръ Степановъ.

1.

Эту злую, бабью удалъ,
Этотъ вихрь изъ лентъ и бусъ—
Пьяный Русью, позабуду-ль,
Или снова къ нимъ вернусь?..
Помню, помню взлеты тройки
И твой красный сарафанъ..
Въ снѣжномъ полѣ были волки;
Въ снѣжномъ полѣ былъ туманъ..
Пронеслось все, все далеко..
Тройку не вернешь назадъ!..
Только бусы одиноко,
Какъ бубенчики звенять.
Только ленты стали краше,
Словно осенью цвѣты..

Въ лентахъ, въ бусахъ счастье наше
Пронеслось, а съ нимъ и... ты!..

2. ОБЫДЕННОСТЬ.

Постучишься, спросишь: „можно“?
Дверь откроешь и войдешь,
Взглянешь быстро и тревожно,
По глазамъ узнаешь ложь.
И затынемъ чинно, плоско
Нашъ ненужный разговоръ.
Задымится папироска,
Чтобы скрыть лицо и взоръ.
Замолчимъ неловко, глупо—
Все рассказано давно..
И церковный, красный куполь
Бросить отблескъ на окно.
Задымишь опять безцѣльно,
Выжмешь пару скучныхъ фразъ
И журналъ еженедѣльный
Пересмотришь въ сотый разъ.
Скажешь: нехотя „прощайте“..
— „До свиданья“... я скажу,
Брошу кисло: „навѣщайте“!
И до двери провожу.

2. ЛѢТОМЪ.

Ни облачка—въ далекомъ небѣ.
Все льется, льется желтый блескъ.
А въ полѣ, въ порывѣвшемъ хлѣбѣ
Кузнечиковъ короткій трескъ.
Маячатъ дали желтизною.
Рѣчная глубь—темна, густа..
И стала тощею отъ зноя
Тѣнь придорожнаго куста.
Стрижи проворные беззвучно
Ныряютъ въ золотистый жаръ.
Да тонко-тонко и докучно
Надъ ухомъ плачется комаръ.

3. БОЛЬНОЙ.

Среди больничныхъ мирныхъ коекъ,
Гдѣ каждый утомленъ и тихъ,—
Мнѣ снится бѣгъ безумныхъ троекъ
И пѣсни прадѣдовъ моихъ.
Я изнемогъ. Я словно птица,
Упавшая на камни вдругъ..
А тройка бѣшеная мчитъ
И холодѣтъ лунный кругъ.
Я знаю—не вернуть былого,
Что такъ влекло моихъ отцовъ,
Но забываясь, слышу снова—
Разгульный хохотъ бубенцовъ.
За сарафаномъ сарафаны
Мелькаютъ въ пляскѣ огневой.
И оснѣженные поляны,
Порой, тревожить волчій вой.
Вотъ кто-то красной лентой машетъ
И бусами стучитъ въ окно..
Опять зоветъ цыганка Маша!..
Куда? Зачѣмъ? Не все-ль равно!..
Летитъ въ ночи морозной, тройка..
Но отчего такъ душенъ путь?!
И въ страхѣ падаю на койку,
Какъ птица раненая въ грудь..

4. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Прихожу я въ бѣломъ саванѣ
И, баюкая, пою,—

Тѣмъ кто ищетъ тихой гавани,
Колыбельную мою.
Я—съ солдатами, съ матросами;
Я покой несущу для всѣхъ..
Кто томится надъ вопросами,
Кто забылъ утѣшный смѣхъ,—
Съ опечаленными взорами
Обращаются ко мнѣ..
Всѣ уйдутъ, погаснутъ зорями,
Обрѣтутъ покой во снѣ.
Безпечальный и безрадостный,
Долгій сонъ ко всѣмъ придетъ..
Спи, мой милый, спи, мой сладостный,—
Наступилъ и твой чередъ..
Ахъ, сама давно устала я—
День и ночь косить должна..
Струйка крови темно-алая
На губахъ твоихъ видна..
Истомленный неразгаданнымъ,
Ты вернулся въ мой пріютъ.
Спи-же, спи—овѣютъ ладаномъ,
Память вѣчную спокуютъ.
Съ исцѣляющими ядами
Прихожу къ усталымъ я,
Успокаиваю взглядами;
Странна пѣсенка моя:
Зеленѣла гдѣ-то вѣточка.
Кто-то вѣточку сломалъ..
Струйка крови словно ленточка,
На щекахъ румянецъ аль..
Корабли вернутся въ гавани;
Будутъ всѣ въ родномъ краю..
Я пришла. Я въ бѣломъ саванѣ.
Баю-баюшки-баю..

Николай Носаръ.

ЧАСТУШКИ.

1. ВАНЯ—ГЛАДКАЯ ГОЛОВУШКА.

У Иванушки головушка гладка,
Гладко, гладко призначесанная.
Зачесала Ваню матушка,
Завила его божатушка.
Завивала, приговаривала:
„Пусть полюбятъ Ваню дѣвушки,
Пусть голубятъ Ваню красныя,—
У Иванушки головушка гладка!“

2. КУЗЯ ИЗЪ ДЕРЕВНИ ДУЙ.

Я сегодня въ Дуй деревнѣ была,
У миленька домикъ выглядѣла.
Домикъ Кузи на горѣ—на высотѣ,
Государь! На какой, на красотѣ!
Дворъ то полый—вся скотинка на дворѣ:
Буро-пѣгій жеребецъ на той порѣ,
Двадцатипятирублевая овца..
Полюблю теперь я Кузю молодца!

3. ПѢСНЯ ПРО ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ КОБЕЛИ.

Не форсите кобелята безъ ума!
Ваши сгнили недостроены дома.
Вы по задворкамъ живете въ склепѣ-углахъ.
Вмѣсто хлѣба—тараканы на столахъ.
Вы богаты: гдѣ ни ступишь—золотъ-кладъ..
На кафтанахъ по сто семьдесятъ заплатъ..

За рѣкою стали курицы роптать:
Не умѣютъ кобелята работать..

ТАИНЫЙ ПУТЬ.

Занесло пути-дороженьки снѣжкомъ.
Мнѣ нельзя итти къ сударушкѣ пѣшкомъ.
На лошаdkъ—заругаютъ домосѣдки,
По слѣдамъ саней узнаютъ всѣ сосѣдки.
Подожду я блѣдной зорьки. Вечеркомъ
Просинѣю къ серебрянкѣ соколкомъ.
Я закончу тайный путь ея свѣтелкой,
И слѣдочки замететъ метель метелкой.

5. ЕЩЕ ВЕРБУШКА ЦВѢТЕТЬ.

Не одну я зиму къ Надѣ снѣгъ мѣсилъ:
Два кафтана голубые износилъ,
Шубу новую по буднямъ исфорсилъ,
Трои валянки съ калошами стопталъ..
Но хорошей нѣжной Нади не досталъ.
Я сказалъ:—Довольно вербушкой цвѣсти—
Лучше къ молодцу лебедушкой зайти!..
— Я нейду, нейду! Не думала итти!

6. СОНЕЧКА СТРОЦКАЯ ОТКАЗАЛА.

Парень я молодъ, парень хорошъ.
Строю я избы, сѣю я рожь..
Вотъ я несчастливъ долей сиротской:
Вылилъ я душу Сонечкѣ Строцкой.
„Въ замужъ мнѣ рано!“—вмигъ прошептала.
Сердце упало, холодно стало..
Парень я молодъ, силы кипятъ..
Строю я счастье, строю опять!

7. КАТЮША УТѢШАЕТЪ.

Породила меня мама на бѣду.
Полюбилъ я сорокъ дѣвокъ на году,
Сорокъ первую—Катюшеньку,
Полюбилъ Катюшу-душеньку.
Мнѣ Катюшенька да плакать не велить.
Какъ мнѣ молодцу не плакать, слезъ не лить—
Парня дѣвицы не любятъ, не глядятъ,
Раскрасавицы платками не дарятъ,
Задумевшихъ, тайныхъ словъ не говорятъ!..

8. ЗЛОЕ ГОРЮШКО.

Даша дѣвица лукавая была:
Полну избу молодежи назвала,—
Тутъ его спихнули молодца съ крыльца..
Падаль молодецъ... Заплакалъ, зарыдалъ.
Два словечушка онъ любушкѣ сказалъ:
„Выбрось, Дашенька, портянки, сапоги..
Я съ полуночи въ разбой хочу итти—
Убивать людей и грабить на пути“.

9. ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Я послѣдній разъ по Холую иду.
Я иду, въ гармонь наигрываю,
Пѣсню модну выговариваю,
Маню милую выманиваю,
На крылечушко выкликаваю,
Два словечушка выпытываю!
— Что, раздукушка, не косишь на лугу?
— Полюбила—заболѣла, не могу!..

10. КРАСНЫЯ ЯГОДКИ.

Погуляйте вы, дѣвушки!
Погуляйте вы, красныя!
Неоднако взамужъ выйдется.
Неоднакой мужъ навяжется.
Еще старый, либо малый попадетъ,
Либо дерзкій, либо мерзкій мужъ найдетъ...
Еще старое—удушливое,
Молодое—недолюбливое!

11. ЗОЛОТО ВЪ МЫСЛЯХЪ.

Золото звонкое—дѣвка Аксинья!
Портить ее лишь сестренка ея,—
Кукишъ поставила бѣсъ-Афросинья!
Крендель дала мнѣ Аксинья моя...
Завтра явлюсь передъ нею съ часами.
Прихоть исполнилъ... Эхъ, счастье—любовь!
Сани съ покупками катятся сами,
Капаютъ золото зорьки на бровь!..

12. МАШИНА НЕВЗГОДА.

Сегодня праздникъ новый годъ—
Раздача счастья и невзгодъ.
Машу вычесала матушка,
Косы выплела божатушка
Изъ колечушка въ колечушко...
Маша вышла на крылечушко:
Невзгода въ самое лицо—
Уѣхалъ миленькій въ сельцо.

13. ВѢЖЛИВАЯ ХОЗЯЮШКА.

Заскочить было на пень высоко,
Поглядѣть было въ лѣсъ далеко.
Тамъ не заяцъ осинку грызеть...
Мою милку нелегкій несетъ...
Какъ моя Улита ласковая
За волосье Тита таскивала!
Что хозяйшка вѣжливая
На свинѣ къ обѣднѣ ѣживала!

14. ДУМЫ БЕЗНАРЯДНИЦЫ.

Неужели мнѣ кумасника не смѣнять!
Неужели мнѣ съ уборкой не сошьютъ!
Неужели казачка не заведутъ!
Безъ тулупа добра-молодца не женятъ.
Безъ жакетки дѣвки взамужъ не возьмутъ.
Безъ атласника самой мнѣ тамъ не быть—
Безнарядницѣ семнадцать разъ измѣнять...
А для батюшки—лишь только съ хлѣба сбыть.

15. ЖИЗНЬ.

Такъ-сякъ я по утру встаю.
За обѣдомъ страшно очень устаю.
Послѣ отдыха на улицу гляжу.
За чаечкомъ трехъ часочковъ не сижу.
По вечерѣ музыканта найму—
Музыкантовой печали не пойму.
На рѣчку не ходила, не пойду.
Солдатенка не любила, не люблю.

16. ОЛОВЯННОЕ ГОРЕ.

Полюбила паренька изъ-за рѣки.
Отдала колечко-олово съ руки.

Отдала кольцо—раскаялась,
Въ ножки милому накланялась:
Ты отдай, отдай колечико назадъ,
Ненадолго—отцу-маткѣ показать...
— Пофоршу еще недолечка!..—
Мнѣ отвѣтилъ ясный дроличка.

17. НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ.

Мнѣ миленочекъ зажалъ уста—
Мои губы любить пить.
„Отпусти меня пожалуста—
Мнѣ пора коровъ доить...“
Не могу сказать—и рада же!
„Ну цѣлуй скорѣй! Вѣдь надо же
Масло таить, хлѣбы печь,
Щи варить, капусту сѣчь!..“

18. ВЕСНА-НАГУШКА.

Здравствуй, Проничка пригожий!
Не дивись на нашу прыть,
Отпусти скорѣй рогожи—
Надо къ Пасхѣ избы мыть;
Выставлять мы станемъ рамы,
Бѣлить печи... Приходи—
Натирать начнемъ съ утра мы—
Насъ нагушекъ погляди!

19. ГОЛУБИ ВОРКУЮТЪ.

— Сядемъ, крошка подъ окошко
На заваленку мою!
— Сядемъ, милый! Про лукошко
Хочешь я тебѣ спою?
— Спой, голубка въ черевичкахъ—
Птичка лучшая во птичкахъ!
— Милый мой, пригоженькій,
Въ лапоткахъ хорошенькихъ!..

Дебютъ Валентина Францичъ.

1. БАЛЛАДА О ЧЕРНОМЪ МОНАХЪ.

Мнѣ снилось, что я испанецъ,
Что шляпа моя съ перомъ—
Среди веселыхъ пьяницъ
Сидѣлъ я за столомъ.
Звенѣли весело кубки.
Задорный шелъ разговоръ,
И взоры безъ уступки
Вонзались во взоръ.
Но въ самый разгаръ веселья
Умолкъ вакханальный шумъ,
И каждый какъ съ похмелья
Сталъ блѣденъ и угрюмъ.
Но боль грядущей потери
Заныла во всѣхъ сердцахъ,
Когда открылись двери,
И къ намъ вошелъ монахъ.
Онъ сѣлъ за столъ безъ стѣсненья,
Онъ въ кубокъ вина налилъ
И, полонъ вдохновенья,
Свой тостъ провозгласилъ,
И, словно порвавши цѣпи,
Попойка ликуетъ вновь;
Слова звучатъ нелѣпѣй,
Огнемъ струится кровь
Вино, опьяняя, льется.

И слезъ непонятный страхъ,
И дьявольски смѣется
Загадочный монахъ.
Смѣется монахъ туманно.
Холоденъ спокойный смѣхъ,
Насмѣшливо и странно
Онъ созерцаетъ всѣхъ.
Смѣется, и веселится,
И кубкомъ стучить о столъ...
Но снова блѣдны лица,
И страхъ въ сердца вошелъ.
Раздался и смолкъ мятежный
Разбитыхъ бокаловъ звонъ,
Когда рукой небрежной,
Онъ сбросилъ капюшонъ.

2. ДИКАРЬ.

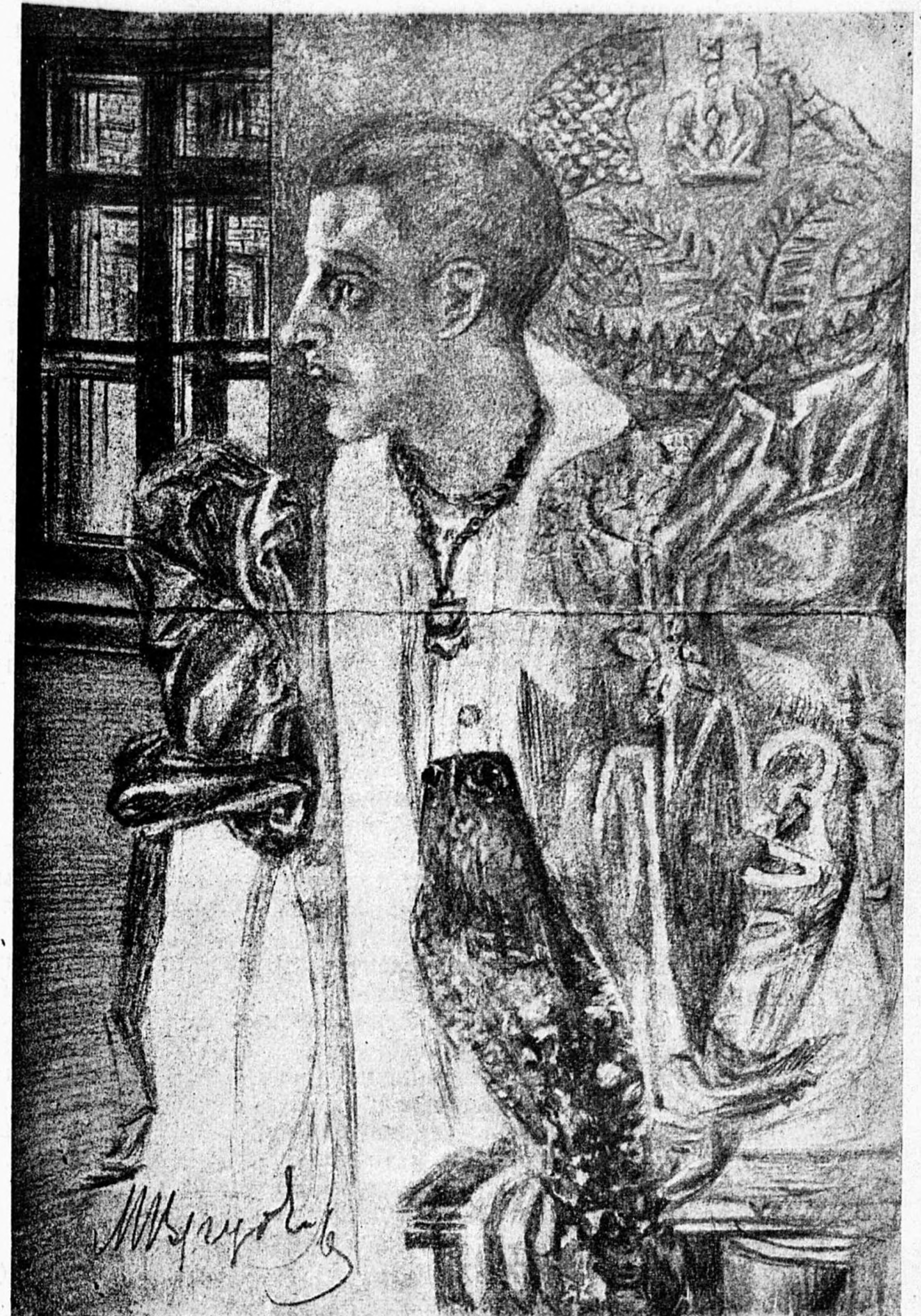
Я кару каждый демъ несу,
Твердя: „азъ, буки, вѣди“,
Но все-жъ дикарь—въ моемъ носу
Кольцо изъ красной мѣди.
Къ чему мнѣ пошлый грузъ наукъ,
Когда моя стихія—
Копье, стрѣла да гибкій лукъ,
Да степи голубыя.
Лети мой конь, гремя уздой,
Дави копытомъ травы,
И вѣтеръ—братъ свисти и пой
Мнѣ про величье славы.
Я грозный вождь всѣхъ деревень.
Дрожать мои сосѣди.
Но каждый день, ахъ каждый день
Твержу: „азъ, буки, вѣди“.

3. МОРЕХОДЫ.

Не играли пѣнистыя воды,
И кругомъ вечерній былъ покой
Въ часть, когда на берегъ мореходы
Выходили шумною толпой.
Корабли на якоряхъ дремали
Въ тихой бухтѣ. Словно краткій сонъ
Огоньки въ пучинѣ возникали,
Озарить безсильны небосклонъ.
Черныхъ мачтъ печальные узоры
Отражалъ небесъ вечернихъ фонъ.
Пѣли звѣздъ загадочные взоры
О просторѣ четырехъ сторонъ.
Свѣтъ костровъ пугалъ ночныя тѣни—
Убѣгали тѣни отъ костровъ.
Моряки полны вечерней лѣни,
Говорили сказки у котловъ.
Все дышало тайной безгранично.
Было все безгласной красотой,
И слова звучали необычно
Въ тишинѣ надъ сонной водой.

4. ЧУМА.

По городамъ, гдѣ все въ смятеніи,
Опустошая ихъ дома,
Идетъ какъ ангелъ разрушенія
Подруга ужаса—чума.
Людскіе взгляды озабочены:
Насъ не помилуетъ она!
Прошла и окна заколочены,
И тишина и тишина.
Повсюду трупы почернѣвшіе...
Вотъ слышенъ псовъ голодный вой...

Они, на вѣкъ осиротѣвшіе,
Бредутъ по улицѣ пустой.
Въ закатный часъ,—печально-радостный
Не слышно пѣсенъ и рѣчей.
Умолкъ растаялъ говоръ благодный
Багряно-купольныхъ церквей.
И гладь рѣки, дремотно-ясную
Не возмутитъ ничье весло.
Никто не вспомнитъ былъ прекрасную
И не вздохнетъ о ней тепло.
И только стаи перелетныя,
Встрѣчая весело весну,
Метнуть призывы беззаботные
Въ опустошенную страну.

5. МОТЫЛЬКИ.

О чемъ я думалъ,—не знаю, не знаю
Въ тотъ вечеръ. То было зимой.

Умчались годы. Я гасну и таю
Как солнца привѣтъ золотой.
Ты слышалъ пѣсни весны безпечальной?
Онѣ отзвенѣли давно.
Роятся звуки толпой вакханальной...
Въ душѣ холодно и темно...
Забытый всѣми, въ тревогѣ безсилія,
Во власти несбыточныхъ сновъ
Я гасъ печально. Вдругъ бѣлыя крылья
Мелькнули въ окнѣ мотыльковъ.
И нѣжно ихъ было крыльевъ сверканье
На фонѣ безцвѣтныхъ громадъ,
И такъ хотѣлось любви и признанья
Вкусить опьяняющій ядъ.
Воздушнымъ роемъ они прилетали
Изъ глубины свинцовыхъ небесъ,
Кружились тихо, потомъ упали
На мертвыя зданья, на лѣсъ.
Быль-полонъ воздухъ ихъ стай безпечной,
И крылья—какъ яблони цвѣтъ
Сплетались дико въ борьбѣ безконечной,
Затмивъ догорающій свѣтъ.
Бѣлѣло небо, и люди какъ тѣни
Шли въ сумракъ остывшаго дня...
Молчанье было; лишь пѣли ступени
За дверью, къ чему то маня.

6. БАХЧИСАРАЙ.

Каждый вечеръ съ вышки минарета
Въ тишинѣ, умолкнувшихъ долинъ
Вѣрныхъ слугъ Аллы и Магомета,
Призываетъ старый муэдзинъ.
Воздухъ тихъ, печаленъ, ало нѣженъ,
Воздухъ полонъ запаховъ цвѣтовъ,
И зоветъ и тайно—безнадеженъ
Хороводъ давно забытыхъ словъ.
Но сгораютъ словъ прекрасныхъ звенья,
И уходитъ мраченъ и одинъ
Преклонить колѣно для моления
На коврѣ мечети муэдзинъ.
И молчитъ онъ, чтобы утромъ рано
Снова въ небо съ болью и тоской
Бросить цѣпь жемчужныхъ словъ Корана
О любви и красотѣ иной.

7. МЕКСИКАНСКИЙ ВЕЧЕРЪ.

Шуршитъ камышъ подъ лапой ягуара—
Пятнистый хищникъ виденъ у рѣки.
Нырнулъ кайманъ. Рѣзвятся пауки.
Плывутъ струи болотистаго пара.
Пьетъ воду звѣрь, внимательно бросая
По сторонамъ голодно-быстрый взоръ.
Тамъ далеко померкли выси горъ;
Здѣсь тишина томительно нѣмая.
Плавучей лилии и камышей узоры
Отчетливо родились на водѣ,
И запахи вечерніе вездѣ.
И вздохи дальнихъ птицъ какъ тихіе укоры
Роятся комары на неба чистомъ фонѣ.
Мѣняетъ краски сонная рѣка.
Разбросаны въ лазури облака
И звѣзды кое гдѣ горятъ на небосклонѣ.

8.

Если хочешь знать кто я,
Посмотри на лучъ заката;—
Какъ закатъ душа моя

Изъ пылающаго злата.
Если хочешь знать кто я,
Приходи на край провала;—
Какъ провалъ душа моя,
Рокового въ ней не мало.
Если хочешь знать кто я,
Слушай грохотъ водопада;
Водопадъ душа моя,—
Уносить ея улада.

9.

Я бросилъ вамъ въ лицо мое презрѣнье!
Все кончено. Отвѣтъ угаданъ мной.
Излишне выражать словами возмущенье:
Я принимаю вызовъ роковой.
Безъ трепета, безъ глупой жажды мира,
Безъ грусти ядовитой какъ змѣя
Вонзится въ вашу грудь моя рапира
Безжалостнѣй внезапнаго огня.
О знайте: все погибло для меня.
Улыбки женщинъ, мысли стройной звенья,
Пылающій костеръ воображенья...
И, какъ напѣвъ, играя и звеня,
Изъ голубой страны предвѣчнаго молчанья
Мнѣ шлютъ привѣтъ нежившія созданья.

10.

Цвѣты благоуханные,
Цвѣты души моей
Упали бездыханные
Къ ногамъ чужихъ людей.
И ароматы, нѣжные
Какъ легкій фиміамъ,
Ушли въ долины снѣжныхъ
Къ загадкамъ и мечтамъ.
Слезамъ неутѣшными
Надъ вами плакалъ я,
Прекрасными, безгрѣшными
Вы были для меня.
Вы были мнѣ желанными
Какъ облики друзей,
Цвѣты благоуханные,
Цвѣты души моей.

Дебютъ А. Сумарокова.

ИЗЪ ЦИКЛА „НЕВЕЧЕРНИЙ СВѢТЪ“.

(Посвящаю Софи Подгорской).

1.

Весь день былъ тусклъ, и вдругъ въ дыму
Открылась огненная дверца,
И ближней роши бахрому
Прожегъ сквозной хрусталь озерца.
Еще свѣжо, хотя близки
Тѣ дни, когда подъ вешнимъ солнцемъ
Деревьевъ острые гвоздки
Блеснутъ зеленымъ волоконцемъ.
Но свѣтъ погасъ, и изъ пустынь
Янтарный отблескъ не струится,
И дымная, густая синь
На мертвомъ озерѣ ложится.

2.

Потемнѣли бѣлыя тропинки.
Въ полдень тихо и тепло.

Подъ ногами стынущія льдинки
Разбиваясь блещутъ, какъ стекло.
Скоро, скоро вешнимъ свѣтлымъ утромъ
Въ глубинѣ рѣчныхъ зеркальныхъ плитъ
Будутъ зори яркимъ перламутромъ
Зажигать зеленый малахитъ.
Вотъ придетъ и станетъ невидимкой,
Упадетъ съ далекихъ облаковъ
Голубою тающею дымкой,
Серебромъ звенящихъ жемчуговъ.
И замретъ, притихнетъ, какъ на стражѣ,
И въ окно, сквозь сѣтку тополей,
Заблестятъ хрустальные миражи
Въ синевѣ дымящихся полей.

3.

До поста осталось двѣ недѣли,
И весны я умиленно жду.
Ахъ опять звенящія капли
Побѣгутъ по голубому льду!
Хорошо подъ гулъ вечернихъ звоновъ
Уловить, какъ отзвукъ старины,
Въ покаянномъ пѣньи мессимоновъ
Ароматъ ликующей весны;
А потомъ въ раздумьи и тревогѣ
Изъ родного теплаго гнѣзда
По туманной тающей дорогѣ
Забрести Богъ вѣдаетъ куда.

4.

Голубѣютъ сосулки стеклянныя.
Плачутъ крыши, сверкая каплями.
Смотритъ солнце безпечно недѣлями
На поля и дороги туманныя.
Засвѣтились, зардѣли прогалины,
Зазвенѣли, ликуя бубенчики,
И подснѣжниковъ бѣлые вѣнчики
Одѣваютъ сырыя проталины.
Даль томитъ непонятными зовами.
Пахнетъ снѣгомъ и рѣчками талыми.
Стали зори вечернія алыми,
А утра—бирюзовыми.

5.

Пришла она съ первой зеркальной, хрустальной
капелью,
Съ звенящей, скользящей, дымящейся влагой
земли,
Съ влекущей, зовущей серебряной птичьей
трелью

Въ лазурной безбрежной дали.
Съ сверкающей, тающей, бьющейся, рвущейся
пѣной.

Лѣсныхъ и нагорныхъ журчащихъ, горящихъ
ручьевъ.

Запѣла чарующей, нѣжной, мятежной сиреной
Забытыхъ, померкнувшихъ сновъ.
Я зову безкрайному, тайному, сладкому внемлю
И съ тучкой, летящей по ясной лазури, играя,
бѣгу.

Смотрю на родимую тихую, вешнюю, здѣшнюю
землю

И глазъ отъ нея оторвать не могу.

6.

Люблю я въ лунные ущербы
Смотрѣть, какъ съ розовыхъ стволовъ

Дымится бѣлый бархатъ вербы
Подъ дальній звонъ колоколовъ.
Бродя въ глуши, по захоластью,
Такъ хорошо душѣ моей
Заворожить весенней грустью
Просторъ оттаянныхъ полей.

7.

Отъ солнечныхъ лучей въ струящейся крови
Горятъ сквозь стекла лепестки азалій.
Поетъ весна въ безумствѣ сатурналіи
О вѣчной юности, о счастьѣ, о любви.
И дни прозрачнѣй, ярче и нѣжнѣй
Глядятся въ золотистые заливы.
Таятъ тоску весенніе призывы
Въ звенящемъ хрусталѣ сверкающихъ дождей.
И каждый вечеръ тонкій ароматъ
Струится дымной, животворной влагой.
Обвѣяны поля мечтательною сагой,
И красятъ зори пурпуромъ гранатъ.

8.

Пьянитъ весна и въ сердце кружитъ
Ея загадочныхъ обѣтовъ.
А въ синевѣ хрустящихъ лужъ
Весенний вечеръ фіолетовъ.
Звенятъ ручьи. Дымится снѣгъ,
Въ душѣ, водѣ, на небѣ луны,
И будитъ рдѣющій побѣгъ
Еще невидимыя струны.
Пусть одинокъ и темень ты,
Я говорю: „Живи воскресни!
Тебѣ пою свои мечты,
Свои мерцающія пѣсни!“

9.

Весенний день свѣтлѣй, раздольный
Глядитъ сквозь яркіе лучи,
Какъ надъ старинной колокольней
Чернѣя, несутся грачи.
Звенящей влагою изжаленъ
Раздался снѣгъ, и тонкій дымъ
Надъ чернью прѣющихъ проталинъ
Нависнулъ пологомъ сѣдымъ.
Поютъ ручьи, струятся рѣчки
И съ свѣтлой, синей высоты,
Какъ загорѣвшія свѣчки,
Блестятъ церковные кресты.
И видятъ звѣзды темной ночью,
Какъ нарушая шумомъ тишь,
Сползаетъ тихо къ узорочью
Послѣдній снѣгъ со скользкихъ крышъ.
И счетъ веду я днямъ, недѣлямъ
И жду, когда въ нѣмой глуши
Весна коснется яримъ хмѣлемъ
Моей тоскующей души.

10.

Просыхаютъ желтыя дорожки,
И деревьевъ бурыхъ дымныя верхушки
Окружили роемъ золотыя мушки
И цвѣтныя легкія сережки.
Зеленѣютъ изумрудныя тропинки.
Изъ болотъ несутся остро крики цапли,
Какъ расплавленные золотыя капли,
На цвѣтахъ шмелей мелькаютъ спинки.

Коры сосенъ плачутъ янтарями.
Бѣлоствольной, стройной, шепчущей березкой,
Выкрашеной бѣлою извѣсткой,
Вѣтерокъ любитъ зарями.

11

Отъ встрѣчъ, отъ споровъ отъ приличій,
Отъ всей житейской суеты,
Ушелъ я слушать голосъ птицъ
И рвать весенніе цвѣты.
И вотъ скользятъ въ рѣчномъ узорѣ,
Встрѣчая звонкія утра,
Янтарно—розовые зори
И голубые вечера.
Любуясь золотымъ затономъ,
Когда спокойно дремлетъ онъ
И тихимъ вешнимъ нижнимъ звономъ
Хрустальный воздухъ напоенъ.
Брожу неслышно на полянахъ,
Слѣжу за пѣной облаковъ,
Плыву въ серебряныхъ туманахъ
Черезъ моря безъ береговъ.
Молюсь озерамъ и долинамъ,
Пою о счастьѣ, о веснѣ,
И эхо голосомъ звѣринымъ
Изъ темныхъ далей вторитъ мнѣ.
И зову сладкому я во сне,
И здѣсь, одинъ, въ глуши дубравъ,
Я стерегу родную землю
Подъ тихій шелестъ спящихъ травъ.
Тамъ, въ городахъ, я гость случайный,
Тамъ—гибнетъ молодость моя,
А здѣсь я связанъ вѣчной тайной,
Великой тайной бытія.
Тамъ, въ городахъ, моя пустыня,
Тамъ мнѣ погибнуть суждено,
А здѣсь она, моя святыня,
И съ ней я связанъ, какъ звено.
О, мать земля! Чужда мнѣ злоба,
Тобой дышу, тебя пою,
И сохраню навѣкъ, до гроба
Любовь нетлѣнную мою.

12.

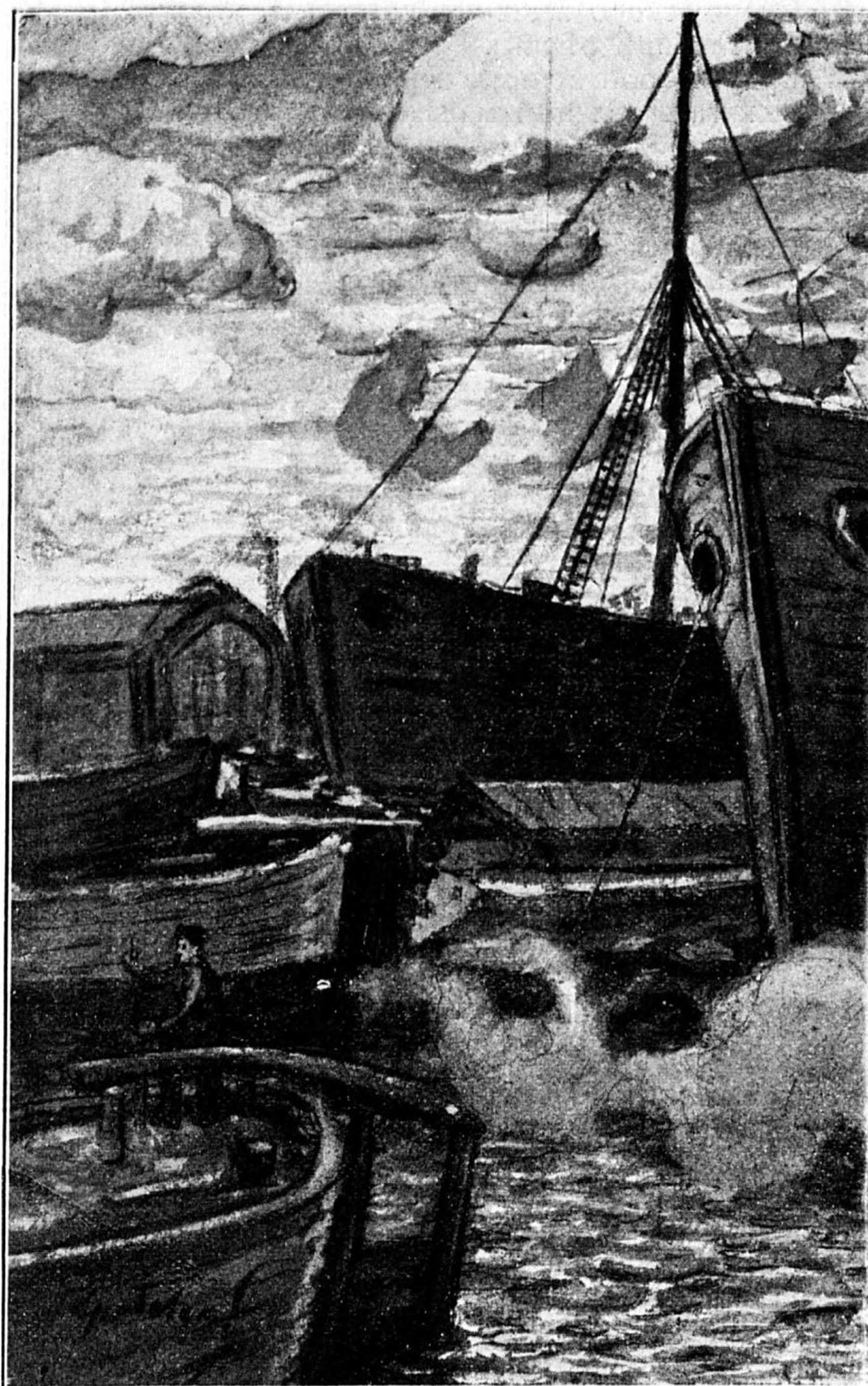
Въ весеннемъ вечерѣ неясная дремота,
И нѣжно, нѣжно таетъ на водѣ,
Померкнувшей зари рѣзная позолота,
И тишина и сонъ вездѣ, вездѣ.
Туманы, какъ снѣга, бѣлѣютъ на оврагѣ,
Ихъ бѣлою каймой лѣсъ темный обойденъ:
Онъ дремлетъ одинокъ въ воздушномъ сарко-
фагѣ

Въ тоскливыя мечты угрюмо погруженъ.
И лишь луны таинственной и зыбкой,
Изъ кружевъ облаковъ, сквозь длинный хризо-
литъ,

На тихія поля ласкающей улыбкой
Неясный свѣтъ мечтательно разлитъ.

13.

Въ травѣ—огонь лиловыхъ глазокъ.
Въ глубокомъ снѣ дремучій боръ.
И открываетъ ландышъ вазокъ
Благоухающій фарфоръ.
И тихо здѣсь. Здѣсь все—въ дремотѣ,
Спокоенъ день и вечеръ аль,
И звѣздъ огни горятъ въ болотѣ,

Въ зловѣщемъ сумракѣ зеркаль.
Здѣсь по ночамъ грустятъ русалки,
И ихъ сверкающій приютъ
Березки, бѣлыя весталки,
Въ глухую пору стерегутъ.
Блестятъ невиданныя бусы,
И лунный свѣтъ изъ-за листвы
Манитъ въ зеленые чарусы
На темный шелкъ сырой травы.

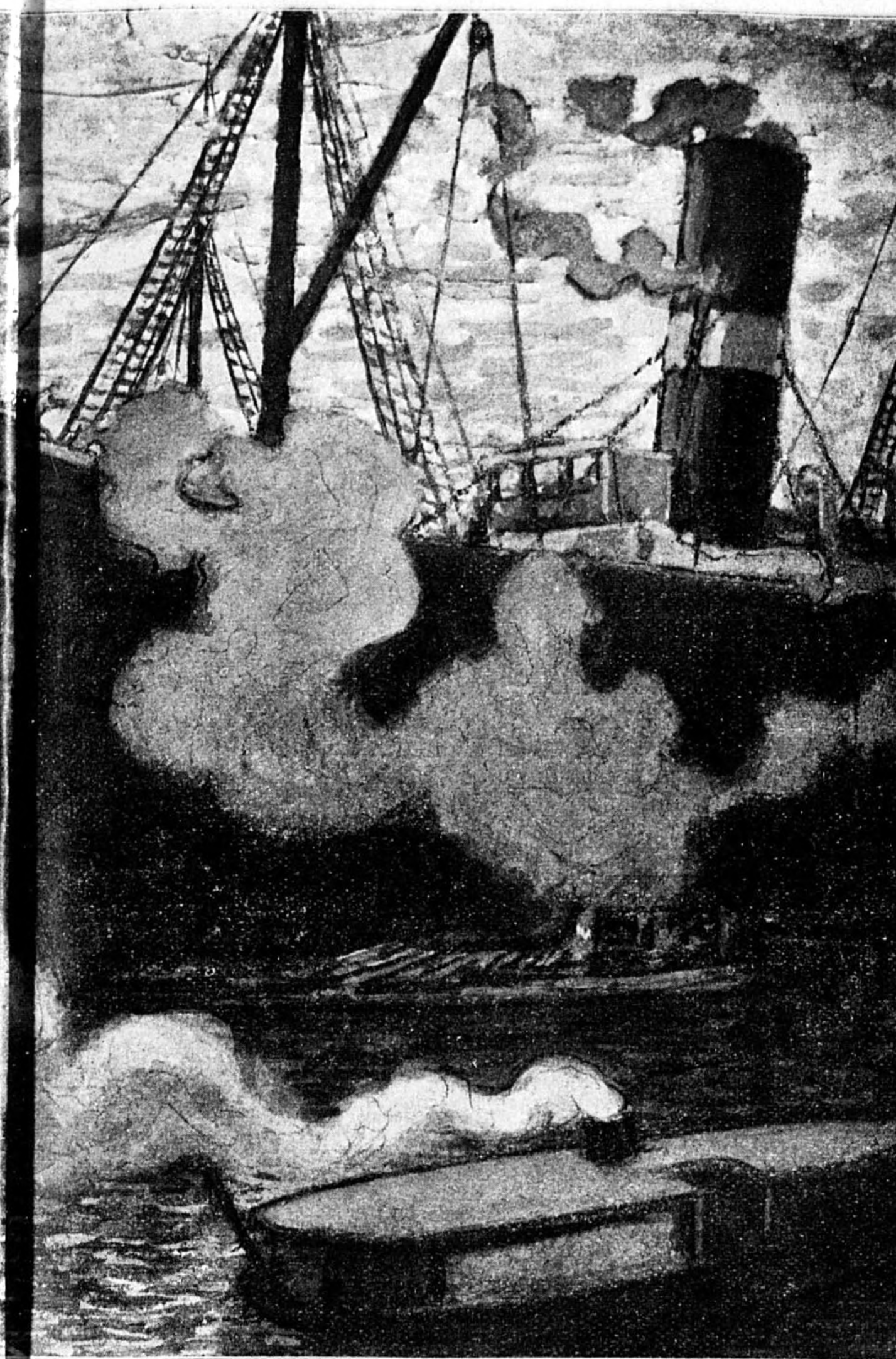
14.

Люблю я шумъ летящей птицы,
Осенній сумракъ багряницъ,
И невечернія зарницы
Въ стеклѣ немеркнувшихъ криницъ,
И тихій звонъ поющихъ сосенъ,
И голубой просвѣтъ въ глуши,
И красоту нетлѣнныхъ весенъ
Твоей загадочной души.

15.

Плыву въ туманѣ голубомъ
Зеркальной лентою излучинъ,
И зыбкимъ, звонкимъ серебромъ

И. М. Грабовскій.

Держась за вымокшій канатъ.
А въ пароходномъ мрачномъ трюмѣ
Узнаю что кого то жаль.
И въ армякахъ худыхъ угрюмо
Искать начну свою печаль.
Я покачнусь къ простой скамейкѣ,
Заплачетъ прежняя тоска,
Позеленѣвшую копѣйку
Уронитъ вялая рука.
Никто, узнаю, не расскажетъ
Въ путяхъ моихъ возвратный путь,
Рукою властной не развяжетъ
Зарокомъ связанную грудь.

2. ВЕСНОЙ.

За станціей закатъ кровавитъ кручи,
Какъ Апокалипсиса конь.
О льды зеленые порѣзала въ излучинахъ
Весна душистую ладонь.
А ночью заморозки, холодно...
Хотя смѣшны уже угрозы;
Вѣдь утромъ кованое золото
Разрушатъ звонкія полозья...

3. ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Осень за окномъ была раздѣта,
Снѣжный саванъ готовая принять.
Погасла желтая четкость паркета.
Въ домѣ тихо пѣли опять.
Загорѣлись свѣчи дымными кругами,
На минуту запахло Пасхой.
Но черна была риза съ бѣлыми цвѣтами
И блѣднѣло лицо подъ ладанной маской.
Когда пѣли канонъ печальный
Понѣжнѣли, тихо рыдая, басы,
А въ столовой вдругъ погребально
Пробили четыре часы.
Уходя толпились молча у порога.
Отъ цѣпочекъ лампы почернѣла тѣнь.
Кто то сказалъ, вспомнивъ Бога:
„Давно ли... а девятый ужъ день“.

4. КОРАБЛИ.

Далеко, далеко отъ земли,
Въ небѣ синемъ, неслись корабли.
И шептала, потемнѣвшая трава
Вечерѣющія, печальныя слова.
Ихъ таясь подслушала роса
И поутру поднялась на небеса.
Вѣтеръ сталъ ея рулемъ,
Обернулась,—стала бѣлымъ кораблемъ.
И съ зари вечерней до утренней зари
Зажигали облачки звѣзды-фонари
И траву увядшую, кошенной земли
Цѣловали брызгами, сѣдые корабли.

5. КАНУНЪ БОГОЯВЛЕНІЯ.

Нынче снѣгъ раскинулъ пряди
На часовнѣ, skleпахъ и крестахъ.
Зажигаю красную лампаду
На могилѣ у лика Христа.
Вечерѣть... Сини стали ели...
Тихъ и благостенъ чей то приходъ.
Широки чисты купели
Иорданскихъ водъ.
Заледенѣли фонарные стекла
Закрываю дверцы, обломкомъ гвоздя.
Горитъ на небѣ блекломъ—
Богоявленская звѣзда.

Течетъ луна, подъ скрипъ уключинъ.
Какъ грустно здѣсь! Въ глухую даль
Стремясь свободно, безъ усилий,
Сквозь затуманенный хрусталь
Смотрю на стебли, спящихъ лилій.
А ночь тиха, и міръ, какъ храмъ,
Зоветъ въ спокойствіи забыться,
Чтобъ лучезарнымъ вечерамъ
Съ тоской весеннею молиться...

Дебютъ Сергѣя Михайлова.

1.

Пути мои свѣтлы весною...
Къ простору ключъ—моя клюка.
И крестъ съ истлѣвшею сумою
Надѣнетъ блѣдная рука.
Ухабы-вешніе пороги
И развалившійся плетень
Мои душистые чертоги,
Весною царственная сѣнь.
Троякъ земной конецъ сегодня.
Вечерній близится закатъ.
Иду на трепетныя сходни

Дебютъ Марка Талова.

ИЗЪ МИРНАГО ЦИКЛА „ЯСНОСТЬ“.

1.

Я увидѣлъ себя
Изломаннымъ.
Я себя не узналъ въ зеркальномъ стеклѣ.
Я по комнатамъ брелъ,
Брелъ клоуномъ.
Я оставилъ цвѣтокъ на длинномъ столѣ.
Я такъ трепетно шелъ,
Измученный—
Словно вышелъ мертвецъ изъ тихихъ могилъ,
Чтобы снова узрѣть
Изученное,
Чтобы свѣтъ замерцалъ и снова застылъ.

2.

Будь зеркальцемъ моимъ, чтобы въ тебѣ
Я могъ увидѣть самого себя.
И поклонюсь измѣнчивой судьбѣ,
Душою всей болѣя и скорбя.
Какъ скользкій лучъ, тони въ моей мольбѣ
И какъ—траву—попынь лучъ выпью я.
Будь зеркальцемъ моимъ, чтобы въ тебѣ
Я могъ увидѣть самого себя.

3. ЖАРКОЕ ЛѢТО.

Ѣду полемъ. Дышутъ зноемъ разскаленные до
роги.
Нескончаемая дали разбѣжались въ глубь и въ
ширь.
А навстрѣчу подплываютъ хлѣба скошеннаго
стоги
И уходятъ. грустно молвя: „Моль, пронесся бо-
гатырь!..“
Жарко. Душно. Сухо—сухо... Безгранично и да-
леко.
Подъ колесами вдругъ что-то тонко—тонко за-
звенить.
Пролетитъ скворецъ надъ полемъ къ дали си-
ней и глубокой,
Уплыветъ къ краямъ далекимъ—онъ безбрежно
съ ними слить.
Жажда мучаетъ. Вотъ если-бъ ручеекъ сверк-
нулъ оттуда!
Духота. Я Ѣду полемъ, оставляя пыль столбомъ.
Эхъ!.. полилъ-бы грустный дождикъ во свер-
каньяхъ изумруда;
Раскатился-бы да грянулъ грозный, звонкій лѣт-
ній громъ.
Я оглядываюсь. Поле яримъ солнцемъ пооблито.
Не играетъ влажнымъ блескомъ бирюзовая трава
Да лишь рывины навстрѣчу... Раскаленностью
обвиты,
Даль съ дорогою обнялись, затеревъ свои слова...
Ѣду полемъ. Вотъ и всполье! Уходящія дороги,
Уплывающія дали... Рядъ молоденькихъ березъ...
Застывающія пѣсни. Всполья знойные пороги.
Умирающіе вздохи заскрипѣвшихъ колесъ...

4.

Темнымъ вечеромъ въ душу запала
Приболотная мгла.

И свирѣлъ по сумерочкамъ грала
Да пѣсню несла.
Заструилися издали поле.
Расплекалася дрожь.
Приуныла въ невѣдомой долѣ
Высокая рожь.
И взгрустнули широкия степи
Да поникла трава.
На рѣкѣ пѣли зыбкія цѣпи...
Звенѣла молва...

5. ПѢСНИ О МОРЕ ГАЛЕВИ.

А.

Позабывъ зачатъя сѣни,
Я оставилъ прежній домъ.
Отдаюсъ тебѣ я, море!
Валъ, неси меня крыломъ...
Ты-жъ, мой другъ, попутный вѣтеръ!
Унеси мою ладью.
Къ берегамъ хочу причалить.
Сердце рвется къ бытію.
Унеси меня ты съ миромъ,
А затѣмъ плыви назадъ.
Передай привѣтъ былому,
Расскажи, что я такъ радъ...

Б.

Море грозно разыгралось
И бушуя разошлось.
Разсердилось внезапно,
Разорвалось въ брызгахъ слезъ.
Вотъ ужъ бѣгаютъ навстрѣчу,
Въ бѣлой пѣнѣ разъярясь,
Волны—жизни, волны—змѣи
Рвутся, въ нѣдрахъ зародясь...
Вотъ открылся зѣвъ бездонный.
Валъ горою взвился въ высь.
Рвитесь, снасти! гнитесь, мачты!
Ты-жъ, душа моя крѣпись!..
Ты имѣешь въ небѣ Бога:
Разсѣкаетъ Онъ моря.
Въ бурю Онъ тебя возносить
Въ заповѣдныя края.

6.

Не припасалъ для васъ я пѣсень
Собраньемъ долгихъ дней, ночей.
Въ моей душѣ томится пѣсень—
—Въ избыткѣ творческій елей.
Мы неужель изъ сердца вырвемъ
Сосушій, худосочный плѣнь?
Гдѣ вы, поля, моря? Ахъ миръ, вамъ!
Средь городскихъ умру я стѣнъ.
Къ чему затеряныя мысли?
Вѣдь пѣсня міра не нова.
Ты, Время! взборони, исчисли
Мои убогія слова.
Слова утратили значенье
За безконечнымъ ходомъ лѣтъ
И ризой ихъ свое видѣнье
Не облечетъ уже поэтъ.
Я духомъ и любовью нищій.
Я жажду музыки—и все!
Я въ одиночествѣ всѣхъ чище,
И все-жъ верчу я колесо...

7. ВОСКРЕСЕНИЕ.

Полыхалась зоренька вдали,
Возвѣстила сердцу воскресенье,
Уповаю къ Богу. Исцѣли!
Ниспосли, Господь, благоволенье!
Въ воскресенье я Тебѣ молюсь.
Какъ святыню, чту я свѣтлый отдыхъ.
Молодѣетъ и бодрится Русь,
Забывая мысли о заводахъ.
Въ церковь я къ заутренѣ хожу.
Дымный ладанъ умиряетъ душу.
Нищаго къ амвону подвожу,
Но святыни храма не нарушу.
Съ клироса хвала восходитъ въ высь.
Къ Господу взойдетъ-ли пѣсня мира?
Передъ Богомъ нищій духъ смиришь!
Молотъ—въ прахъ, а въ море брось—сѣкиры!..

8. БЛѢДНЫЙ МѢСЯЦЪ.

Блѣдный мѣсяцъ вѣтками изрѣзанъ
И по лику расплзлись морщины.
Дремлетъ лѣсъ. Онъ чутко притаился.
Ждетъ, чтобъ вѣтеръ разсмѣялся въ листьяхъ.
Слышно, какъ чуть плещетъ Днѣстръ приволь-
ный.

Зыбь плыветъ въ серебрянныхъ колечкахъ,
Моетъ и ласкаетъ тихій берегъ,
Надуваясь сонными боками.
Надъ Днѣстромъ промчится-ль вѣщій воронъ—
И поганымъ голосомъ прокаркнетъ.
Выскочить-ли изъ воды лягушка—
Заклянеть она, какъ баба, мѣсяцъ.
Мѣсяцъ! блѣдный мѣсяцъ! не дрожи такъ.
Мѣднымъ блескомъ заколдуй лягушку.
Заколдуй ты ворона дурного,
Чтобъ не каркалъ голосомъ поганымъ!.

9. НА РАЗСВѢТѢ.

Улицы воздухомъ синимъ окутаны.
Въ стеклахъ домовъ—предразсвѣтный туманъ.
Крыши и стѣны едва вырисованы:
Въ тускломъ разсвѣтѣ онъ какъ обманъ.
Изрѣдка мчится лошадакъ съ телѣгою
Да дребезжитъ по большой мостовой.
Вздогнуть оконца и дрожью разсыпятся.
Камни вздохнуть съ одинокой мольбой.
Чудится—зори вдали затаились,
Скрытыя, дающимъ пологомъ тучъ.
Тучи разсѣются, росы воскурятся—
Солнце багровое вышлетъ свой лучъ.
Вотъ протянулись по сѣрому городу
Пѣсни—не пѣсни, а стоны гудковъ
И показались въ блузкахъ рабочіе:
Шли они сонно на будничный зовъ.
Плавало солнце расплавленнымъ золотомъ.
На море легъ пламенѣющій мостъ.
Рѣяли въ небѣ багряные сполохи
Слившейся дрожью колеблемыхъ звѣздъ.
Тѣни дома пробужденные бросили.
Грохотъ немолчный прорвался вездѣ.
Гуль разростался и крики мятежные
Пѣснь возглашали о вѣчномъ трудѣ!..

10. ТОСКА.

По тебѣ я тоскую, свобода
По тебѣ я горюю, земля.

Въ этой тяжущей пыли завода
Позабыты бывшая поля.
Вспоминаю я стараго друга-ль
Иль врага—кровь взиграетъ во мнѣ.
Спотыкаюсь о доски, объ уголь,
А въ глазахъ только слезы однѣ.
Окруженный машинами гнѣвно
Да въ визжаніи вѣчномъ пыли
Я раздолью молюся напѣвно,
Воздаю дикой волѣ хвалы.
Мой заводъ—словно алчущій Молохъ.
Ничего непонятно ему,
Когда я запѣваю о долахъ,
Погружаясь въ колючую тьму.
Ахъ, вернусь-ли когда-нибудь къ волѣ—
Видно знаетъ единый нашъ Богъ,
Но что къ смерти иду я въ неволѣ
Кто-бы этого видѣть не могъ?

11. УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце выглянуло огненнымъ щитомъ
Надъ раздавшимся и въ глубь и въ ширь про-
сторомъ.

Солнце шествовало пламеннымъ путемъ.
И помчалось засинѣлымъ косогоромъ.
Спокойно спали рѣки,
Сомкнувъ нестройно вѣки,
Но въ зыбь упали стрѣлы
И солнце въ ней запѣло.
Облиты были роши
Тѣнями ночи тощей,
Но встало солнце яро
И тѣнь сожгло въ пожарѣ.
Въ ночи лежали наги
Поляны да овраги—
Простились съ тьмой унылой:
Ихъ солнце—князь будило.
Уныло свѣсивъ кисти,
Молчали ночью листья,
Но утречкомъ проснулись
Да солнцу улыбнулись.
И солнце вышло въ поле,
Гдѣ въ ширь разлилась воля—
Колосья, златомъ полны,
Качались какъ волны.
Вблизи сверкнули косы.
Вѣдь косы ждутъ покоса.
А росы грали въ травахъ,
Въ зелененькихъ, въ лукавыхъ...
О, щить! О, стрѣлы солнца!
Стрѣла въ моемъ оконцѣ...
О, Мать, о, Русь!.. Воскресни!..
Глянь—какъ богаты пѣсни!
Солнце выглянуло огненнымъ щитомъ
Надъ раздавшимся и въ глубь и въ ширь про-
сторомъ.

Солнце шествовало пламеннымъ путемъ
И помчалось засинѣлымъ косогоромъ.

12. ЛѢТНЕЕ УТРО.

Разлилось солнце Божье
Багряно алой дрожью
Надъ золотою рожью
Что на поляхъ растетъ,
И дымками тумана
Дохнули росы пьяно.
Зеленая поляна
Къ себѣ меня зоветъ.

Вблизи идет дорога
И ластится нестрога
Ко ржи—ея так много!
И пахнет черноземъ.
Мы снимемъ рожь косою
Въ палящемъ лѣтнемъ зноѣ.
Мнѣ грустно, что косою
Мы скоро хлѣбъ сожжемъ!..

13. СКАЗКА.

Паркъ дремалъ. Повѣялъ холодъ.
На аллеи ночь легла.
Былъ я нѣженъ. Былъ я молодъ,
Но тоска со мной была.
Блѣдный мѣсяцъ стлалъ дороги.
Сномъ меня околдовалъ.
Снились древніе чертоги.
Вѣтеръ кудри цѣловалъ.
Вотъ раздвинулися стѣны.
Ѣдетъ витязь на конѣ.
До свиданья, теремъ плѣнный!
Поклонился кто-то мнѣ.
Я ужъ витязь. Я, вѣдь, витязь!
Пѣсня удалю звенить.
Вы, поля мои, кружитесь..
Тамъ, далече кладъ зарытъ.
Полночь... Папоротникъ... Вотъ онъ!
Я хочу его сорвать,
Но землею вмигъ заметанъ—
И въ степи лечу опять
Не найти мнѣ видно счастья.
Буду я одинъ во вѣкъ.
Горько прожить безъ участя,
Не сомкнувъ тяжелыхъ вѣкъ!..

14. ТЫ.

Твой свѣтлый лобъ какъ облачко весеннее
Твои глаза скитаются въ тоскѣ.
Ты смотришь вглубь и видишь отцвѣтенье.
Листочекъ желтый вянетъ вдаль.
Такъ нѣтъ весны! Уплыла, золотистая.
Вернулась осень въ золотѣ полей.
Въ тебѣ твоя душа, что зыбь струистая.
Въ ней грусть больнѣй... Печаль свою развѣй.
О, не грусти! вернется невозвратное..
О, уходи съ холодного окна
И солнышко далекое, закатное
Освѣтитъ лобъ твой:—вспомнится весна!..
Тамъ облачко послѣднее, вечернее
Пылаетъ... Звонко молится закатъ..
Въ твоей душѣ уснутъ шипы и терніи
И упадетъ листочекъ въ скорбный садъ.
Ты, нѣжная, притихшая, усталая,
Уходишь отъ мятежно-шумныхъ бурь.
Зазыблилась въ щекахъ улыбка алая
И на небѣ повѣяла лазурь.

15. ТЕРЦИНЫ.

Въ аллеѣ грустной парка многолюдного
Бродилъ я, незамѣченный толпой,
И грезилъ о сіяньи въ мірѣ чудного.
Загрязилась аллея, вся зеленая,
Облитая пурпурною волной
И солнцемъ огневимъ въ тиши плѣненная.
Забыты были вмигъ мои страданія,
Когда взглянулъ на млѣющую даль.
И созерцая, я застылъ въ молчаніи!..

Здѣсь тишь запала на душу торжественно
И извлекла изъ глубины печаль,
А сквозь деревъ закатъ пылалъ божественно.
И отъ избытка чувствъ воздалъ я пламенно
Хвалу святому таинству свободъ..
Въ рукахъ держалъ я нѣжные цикламены
И надо мной Веснѣ молился сводъ!..

16. ВЕСНА ВЪ ГОРОДѢ.

Своды душевные. Камень на камнѣ.
Башни церковныя.
Стонетъ колоколъ тамъ... Что слеза мнѣ?..
Стѣны безкровныя.
Налегли сѣрымъ пологомъ тучи.
Городъ задавленный.
Стоны яростны, бурно кипучи.
Шагъ ихъ отравленный.
Крикъ безумный изъ города рвется—
Вырвется радостно.
Душный городъ весною упьется
Буйно и сладостно.
Гой ты, городъ—похитчикъ постылый!
Гдѣ ты, спасеніе?
Людямъ душно надъ черной могилой..
Гдѣ ты, весеннее?..
Люди блѣдны. Иссохли ихъ вѣжды,
Зноемъ спаленные.
Истомились они безъ надежды,
Вѣчно согбенные.
Городъ выпилъ изъ пурпурной чаши
Молодость нѣжную.
Городъ отнялъ спасеніе наше—
Волю безбрежную.
Своды каменны. Мраморный городъ.
Башни высокія.
Стонетъ колоколъ:—кто опозорить
Стѣны широкія?..

17. КАЗНЬ.

На казнь спѣшимъ мы по ступенямъ
И близокъ лобный эшафотъ.
Мы тонемъ въ холодѣ осеннемъ.
Насъ пытка гибельная ждетъ.
Вдали сверкнула гильотина,
Какъ молніи змѣистый блескъ
И стало вдругъ въ душѣ пустынно
И слился міръ въ беззвучный плескъ.
Какъ мачты, сломанныя бурей,
Не ждемъ мы сказочныхъ чудесъ.
Разорванъ вѣтромъ парусъ бурый
И развернулась грань завѣсь.
Наполнилъ сердце мракъ и холодъ.
Вся наша жизнь—тяжелый крестъ
И сказка въ жизни—вѣчный голодъ
И дни какъ скучный рядъ невѣсть.
Несутся крики о побѣдѣ.
Въ устахъ враговъ—звѣринный кличъ.
Звонящій голосъ желтой мѣди
Не могъ молчанія постичь.
Ужъ меркнетъ день, рождая тѣни.
Крадется въ сумракъ печаль.
Дрожатъ холодныя ступени
И душу сковываетъ сталь.

Дебютъ Юрія Зубовскаго.

ТОСКА МАГДАЛИНЪ.

У пьянаго поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смѣхъ.
Александръ Блокъ.

1. ВЪ ГОРОДСКИХЪ КВАРТАЛАХЪ.

Только снѣгъ лишь становится талымъ
И весенній рождается Крестъ,
По заброшеннымъ, темнымъ кварталамъ
Я встрѣчаю вечернихъ невѣстъ.
Пусть идутъ эти дѣвушки къ трону
Поклониться величью Креста,
Но онѣ потеряли корону
И забыли, забыли Христа.
И не вспомнить имъ въ смутномъ забвеніи
Позабытыя въ дѣтствѣ мечты—
Помнятъ, были разорваны звенья
И не стерты обманомъ черты.
Не узнать по запутаннымъ вѣхамъ
Заповѣдныхъ, нездѣшнихъ долинъ
И я слушаю съ болью и смѣхомъ
Огневые слова Магдалинъ.
Вотъ опять въ глубинѣ ресторана
Улыбнулось знакомо лицо
И я вкованъ обманчиво, странно
Въ неизбежное, злое кольцо.
А на утро въ угарныхъ страданьяхъ
Я съ тоской зарыдаю одинъ,
Прокляну ненавистныя зданья
И распутно-хмѣльныхъ Магдалинъ.

2. МАГДАЛИНА.

Ты была печальной, грѣшной Магдалиной,
Ты ждала грядущаго, юнаго Христа,
Вѣрила, что скоро надъ земной долиной
Засверкаетъ знаменье новаго Креста.
Грустно и доверчиво ты мнѣ рассказала
О безгранной боли молодой тоски...
Въ шумѣ полупьяномъ радостного зала
Стали мы томительно и свѣтло близки.
Пѣли переливисто скрипки о весельѣ,
Юныя цыганки пѣли о веснѣ...
Ты была въ старинномъ темномъ ожерельѣ
Грустная принцесса въ смутномъ полуснѣ.
Серебрились звѣзды надъ земной долиной,
Вѣрили мы въ знаменье новаго Креста...
Ты была печальной, грѣшной Магдалиной,
Ты ждала грядущаго юнаго Христа.

3. ПРЕДРАЗСВѢТНОЕ.

Вся томилась... Туманилась страстью
И ждала, и ждала до зари,
А надъ уличной, сѣрою пастыю
Потухали вокругъ фонари.
Бродяжилъ разсвѣтъ перекрестками,
Пробудился и ожилъ кварталъ,
Проходилъ гимназистъ съ папироской,
Робкій взглядъ ей въ окошко послалъ.
Одиноко... Ждала, не дождалась
И ушла, и пошла отдохнуть...
Жизнь надъ городомъ чутко рождалась,
Разливая весеннюю муть.

4. ИСПОВѢДЬ МАГДАЛИНЫ.

Я была такъ часто новобрачной
Въ этой комнатѣ, гдѣ яркая герань

На окнѣ со шторой прозрачной
Заплетала радостную ткань.
Гдѣ луна чертила арабески
На рисункахъ красочныхъ обоевъ
И бросала мраморные блески
На картину въ рамѣ голубой.
И ко мнѣ покорно обнаженной
Приходили ночью женихи
И владѣли мною утомленной,
Затаившей горе и грѣхи.
Приходили съ радостью во взорѣ
Непонятнымъ трепетомъ горя
Съ юной страстью бурною, какъ море,
Молодой, какъ свѣтлая заря.
Приходили старцы съ сѣдиною,
Съ тусклымъ взглядомъ сѣренькимъ, какъ дымъ
И владѣли съ жадностью больною
Моимъ тѣломъ странно-молодымъ.
И жила я въ комнатѣ невзрачной
Молодая, грустная жена—
И была я часто новобрачной,
И была со всѣми и одна.

5. СМЕРТЬ МАГДАЛИНЫ.

Было зимно... Пѣли вьюги...
Хоронилили Магдалину,
Цирковую балерину...
Провожали двѣ подружки,
Двѣ подружки-акробатки...
Шель и клоунъ,
Закрывалъ лицо перчаткой.
Пѣли вьюги... На кладбищѣ
Снѣгъ былъ чище
И призывнѣй городского...
Вотъ зарыли Магдалину,
Цирковую балерину
И ушли отъ смерти снова.
Вечерѣло... Городъ никъ
Къ темнымъ, сумеречнымъ тѣнямъ...
Поднялъ клоунъ воротникъ
И упавши на колѣни
Плакалъ клоунъ,
Старый клоунъ...
Было зимно... Пѣли вьюги,
Ночи пьяныя подружки.

. БРЫЗГИ СНА.

Зимній гномикъ ловкій, юркій
Смотритъ бѣленькой снѣгуркѣ
Въ серебристое лицо.
Разсыпаетъ свѣтлый иней
Непонятной сѣтью линий
На карнизъ и на крыльцо.
Я откинулъ занавѣски;
Всюду искры, всюду блески,
Всюду бѣлый, бѣлый мѣхъ,—
И звучитъ въ душѣ влюбленной,
Близкою напоенной
Серебристый звонкій смѣхъ.

7. СМЕРТЬ.

Скоро, скоро умрешь... Мой прекрасный, любимый такъ скоро...
Будутъ плакать любившія женщины въ темныхъ
вуаляхъ...
Вспоминать искромотно-влюбленную ласковость
взора,

Молодую любовь, погребенную въ траурныхъ
дахъ.
Золотые покровы лежатъ на осеннихъ дорожкахъ,
Золотыя убранства застыли въ послѣднихъ свер-
каньяхъ
И виднѣются смутно въ далекихъ, высокихъ
окошкахъ
Лица женщинъ грустящихъ о нѣжныхъ, прекрас-
ныхъ лобзаньяхъ.
Позолота спадетъ... На глазахъ твоихъ темныхъ
и грустныхъ
Будутъ смерти осенней печальныя, блѣдныя тѣни...
Будетъ ночь... Будетъ мутная ночь... такъ мучи-
тельно пусто...
Слезы... Грусть... Неразгаданность свѣтлыхъ и
юныхъ моленій.

8. БЕРЕГОВАЯ ЛЮБОВЬ.

Ты сидишь у окна и вяжешь
Узоры изъ темнаго гаруса...
Отчего-же ты мнѣ не расскажешь
Про плаванье бѣлаго паруса.
Ты знаешь зачѣмъ издалече
Къ намъ приходятъ хмѣльные матросы:
Ихъ зовутъ твои бѣлыя плечи
И лучистыя, черныя косы.
Ты знаешь долго останется
Цѣловать твое юное тѣло
Молодой и разгульный пьяница,
Твой избранникъ отважный и смѣлый.
Ты вѣдь знаешь, что онъ не вѣрный,
Что быть можетъ онъ самый порочный,
Но что будетъ онъ въ нашей тавернѣ
Коротать свои пьяныя ночи.
Ты украдкой смотришь на парусъ,
На закатныя, алыя тѣни
И скользить нераспутанный гарусъ
И ложится къ тебѣ на колѣни.

9.

Я никому не подражаю
Пѣвучей яркостью стиха,
Я самъ томлю, я раздражаю
Призывомъ нѣжнаго грѣха.
Въ сплетеньяхъ свѣтлыхъ и незримыхъ
Созвучьемъ радостнымъ дыша,
Какъ красота неуловима
Скорбитъ безсильная душа.
И въ ней прекрасной и зеркальной,
Храня небесныя черты
Живетъ въ тоскѣ маниакальной
Невѣста грустной красоты,
Живетъ и блѣдная тревога
Рождаетъ грусти и грѣхи...
Невѣста молится предъ Богомъ
За одинокіе стихи.
Я крѣпкимъ замкомъ окружаю
Мою мечту... Душа тиха...
Я никому не подражаю
Пѣвучей яркостью стиха.

10. ЖЕМЧУГЪ СЛЕЗЪ.

Имнѣ Жемчужиной.

На чернѣ стариннаго браслета
Упали двѣ больныхъ слезы,
Какъ отблескъ гаснущей грозы,
Какъ двѣ жемчужины разсвѣта...

То плачетъ юная Сюзетта
О юномъ графѣ Де-Люзи.
И чернѣ стариннаго браслета
Впитала тонкій ядъ слезы,
Какъ тайну горестной стези,
Какъ сказку нѣжнаго объѣта
Прекрасной, трепетной Сюзетты,
Любившей графа Де-Люзи.

Дебютъ Любоми Матвѣевской.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ВОСТОКА.

1.

Ароматовъ сирійскихъ пьянящихъ вздохи разлейте,
И на пламень виссона янтарныя розы разсыпьте,
Пойте знойныя пѣсни, танцуйте, играя на флейтѣ...
Я прекрасна, рабыни, я царственный лотосъ въ
Египтѣ!
Я свѣтла, какъ улыбка росистаго, пышнаго утра,
Въ темномъ взорѣ печаль огневая Ливійской пус-
тыни,
Ароматное, гибкое тѣло блѣднѣй перламутра,
Но моей красоты онъ не видитъ, не хочетъ, ра-
быни!
Ночь молчитъ и плыветъ съ сладострастной го-
рячей тоскою,
Волны Нила родного таинственно, трепетно сини...
Плачетъ арфа подъ смуглой въ звенящихъ за-
пастяхъ рукою...
Онъ не любитъ меня, онъ не любитъ меня, о,
рабыни!

2.

Заломивъ трепещущія руки,
Опустивъ пылающія очи,
Я пляшу въ истомѣ сладкой муки,
Въ синихъ чарахъ упоенной ночи
Гибкій станъ окутанъ алой тканью,
Въ косахъ свѣтятъ желтые тюльпаны
Будь покоренъ моему желанью,
Пойте звонче, арфы и тимпаны!
Плачутъ вздохи страстные кротала
Манитъ взоръ бездонный фараона.
Въ вихрѣ пляски упаду устало
У подножья блещущаго трона.
Я люблю тебя, о, смуглолицый!
Я сожгу тебя огнемъ заклятій,
Подыми пушистыя рѣсницы,
Я хочу тоски твоихъ объятій!
Юный богъ ликующихъ сказаній,
Свѣтлый Горъ, жемчужина Востока
Я хочу огня твоихъ лобзаній,
Будь покоренъ повелѣнью Рока!
Я цѣлую прахъ твоихъ сандалій,
Пальцы рукъ въ рубинахъ и алмазахъ.
Лепестки пурпурные азалій
Умираютъ въ драгоцѣнныхъ вазахъ.
Я плету таинственныя чары,
Я хочу плѣнительнаго чуда...
Ты дрожишь... и въ золотѣ тіары
Грозно блещетъ пламя изумруда.
Ты блѣднѣешь... ты любовью раненъ.
Пойте страстно, пламенные звуки!
Гордый взоръ безсильемъ отуманенъ,
И призывно протянулись руки.
Ты—мой рабъ! Пылай, огонь заклятій,
Знойнымъ ядомъ опьяни жестоко!

Я сгорю въ кольцѣ твоихъ объятій,
Юный царь, жемчужина Востока!

3.

Смѣялись фонтаны серебрянымъ звономъ,
Взметнувши къ лазури жемчужныя слезы
И вились по стройнымъ, воздушнымъ колоннамъ
Янтарныя, алыя, бѣлыя розы.
Томящее солнце въ парчѣ златоалой
Сверкало надъ міромъ кровавыхъ сказаній
И сонныя маки склонились устало
Сожженные нѣгой полдневныхъ лобзаній.
И зноемъ дышали узорныя плиты,
И чудились страстные вздохи кимвала.
И грезы томили безумьемъ повиты
Подъ лаской языческой Солнца Ваала!

4.

Убаюкало солнце меня золотыми лучами,
Опьянилъ меня воздухъ дыханіемъ смерти и
тлѣнья,
И смотрѣли въ лицо мнѣ пустыми нѣмыми очами
Изваянья боговъ изъ тумана временъ и забвенья.
Головою усталой прильнувши къ груди изваянья,
Что разбитымъ на плитахъ узорнаго пола ле-
жало,

Я уснула... О, сонъ мой! о, знойнаго солнца сіянье,
О, безумья нездѣшняго жгучее сладкое жало!..
Въ алой дымкѣ тумана мелодія систра зве-
нѣла,

Страстный голосъ сливался съ гудѣніемъ арфы
пѣвучей,

Яркой тканью обвито сверкало янтарное тѣло,
И объятія томили меня своей нѣгой жгучей.
Глазъ глубокихъ сіянье—бездонныхъ и жгучихъ
проваловъ,

Пламень губъ—алыхъ маковъ кровавыя, жадныя
краски

Вихрь огня... поцѣлуй... безконечныя стоны ким-
валовъ...

О, мой сладостный сонъ, о, Востока волшебныя
сказки!

Вы ужалили юную гордую душу жестоко,
Вы зажгли въ моемъ сердцѣ мечты о богатѣхъ Ва-
виллона

О, кровавыя, жгучія, страстныя сказки Востока,
Вы томили меня, какъ нѣмое дыханье циклона.

5.

Ты царицей на знойномъ Востокѣ была
Въ очарованной безднѣ временъ,
Въ колесницѣ сверкающей гордо плыла,
Осѣненная славой знаменъ.
Надъ пылающей бронзой душистыхъ кудрей
Возвышалась тіара, горя.
Безпредѣльнымъ просторомъ земель и морей
Ты владѣла, жестоко царя.
Мановеніемъ трепетной смуглой руки
Легіоны бросала ты въ бой
И дрожали уста, какъ цвѣтка лепестки—
Ты смѣялась надъ грозной Судьбой!
Ты тонула въ объятіяхъ сирійскихъ шелковъ,
Въ украшеніяхъ таинственныхъ странъ.
Надъ тобой колыхался пурпурный покровъ,
Благовоній клубился туманъ.
Ты любила меня... ты лобзаньями жгла,
Опьяняла, какъ дикій цвѣтокъ!

Ты царицей жестокой и страстной была
И тебѣ поклонялся Востокъ.

6.

Этой ночью—страстной и зеленой
Въ легкой дымкѣ дремлютъ пирамиды
Жду тебя за стройною колонной,
Въ храмѣ свѣтлой благодной Изиды
Поблѣднѣлъ огнистый пурпуръ далей.
Дрогнулъ Нилъ, окутанъ тканью лунной
Слышу шорохъ... легкій стукъ сандалій
Это ты, мой радостный, мой юный?
О, цѣлуй, цѣлуй меня скорѣе,
Дай мнѣ счастье дивнаго миража!
Знаю я: въ подземной галлерей
Ждетъ меня твоей царицы стража.
Я уста къ твоимъ устамъ прижала.
Съ болью сердце трепетное бьется.
Знаю я: что лезвіе кинжала
Поцѣлуемъ въ грудь мою вопьется!
Я сегодня тонкій станъ царицы
Обвивала шелкомъ златоалымъ
И грозяще дрогнули рѣсницы
На лицѣ надменномъ и усталомъ...
Впились пальцы въ украшения трона,
Съ устъ слова зловѣщія сорвались:
„Слишкомъ долго очи фараона
„Красотой твоею любовались!“
Я горю въ огнѣ ея проклятій,—
Смерть грозитъ изъ темныхъ глазъ царицы!
И открылъ мнѣ жадныя объятія
Саркофагъ базальтовый въ гробницѣ.
Жги самумъ послѣдняго лобзанья
Знойной страстью дремлющей пустыни!
Пусть сплетутъ звенящія сказанья
Имена владыки и рабыни.

7.

Тебѣ—гирлянды розъ! Тебѣ благоуханья
Я воскурю, молясь у бронзы алтарей.
Пусть нѣжатъ опалы павлиньихъ колыханья
Извивы пышныя эбеновыхъ кудрей!
Тебѣ—виссонъ и шелкъ могучаго Сидона,
Рубины алыя для блещущихъ перстней
Тоска моей любви безгранна и бездонна,
Мечты мои что мигъ, то ярче и властнѣй!
Пусть нѣжитъ опалы павлиньихъ колыханье
Черты надменнаго, прекраснаго лица.
Тебѣ—вся жизнь моя! Тебѣ мое дыханье—
Тебѣ—моя любовь безъ мѣры и конца!

8. ГРЕЗЫ.

Посвящается В. С. С.

Я мечталъ о тебѣ на сожженной землѣ Вавилона
У развалинъ таинственныхъ мрачнаго храма
Ваала

Надо мной развернулась, сіяя, парча небосклона,
Безпощадное солнце смертельныя стрѣлы бро-
сало

Я мечталъ... ты мнѣ грезилась стройной, прек-
расною жрицей,

Вся окутана дымкой сверкающей ткани восточной,
У подножья кумира кружась разъяренной тигри-
цей

Ты звала и пьянила своею улыбкой порочной!
Я мечталъ о тебѣ подъ готическимъ сводомъ
собора,

Гдѣ блаженные лики грустили въ тиши углуб-
лений.

Ты сіяла въ туманѣ подъ звуки далекіе хора
И, колеблясь, скользила надъ облакомъ груст-
ныхъ моленій.

Ароматныхъ кудрей золотистыя пряди змѣнились,
Были дѣвственно строги глубокія складки хи-
тона,

Скорбно сжаты уста и бездонныя очи свѣтились.
Я молился тебѣ, моя свѣтлая греза, Мадонна!
Я мечталъ о тебѣ эти долгіе годы разлуки,
Безнадежность нѣмая усталую душу сковала.
И летятъ мои грезы, сожженные пламенемъ муки
Все къ тебѣ, о, Мадонна, о, грозная жрица Ваала.

Дебютъ Константина Грекова.

1. МОЛИТВА.

Ты, чей ликъ мнѣ въ небѣ пламенѣтъ,
Чей вѣнецъ властительный тамъ рдѣтъ,
Чья скрижаль на блещущемъ столбѣ.
Ты, чье имя сплелъ съ священнымъ „Ave!“.
Мой рѣзецъ на храмномъ архитравѣ,
О, внемли торжественной мольбѣ!
Я Твой бардъ. Серебрянныя струны
Мнѣ плетутъ напѣвовъ дивныхъ руны,
О Тебѣ, чье имя—Красота.
Я Твой пажъ. Надъ складками виссона
Я склоненъ къ ступенямъ гордымъ трона,
Трона Той, чье царство—Высота.
Надо мной предъ битвою кровавой
Стягъ Твой блещетъ огненною славой,
На щитѣ несущи Твои цвѣта:
Надъ зеркально—выпуклою сталью
Рдѣтъ Кровь багряною эмалью,
Крови цвѣтъ дарятъ Твои уста.
Я Твой вождь. Твои цѣлуютъ взоры
Письмена, что вьютъ свои узоры
Въ синевѣ отсвѣтнаго меча.
Вотъ я шлю мольбу къ Тебѣ, Прекрасной,
Будь далекой, гордой, дивной, властной,
О, Дитя Небеснаго Луча!
Будь вѣнцомъ Земли и всей Вселенной
И звѣздой красоты Твоей негнѣнной
Мнѣ свѣти сквозь злобу черныхъ тучъ.
И къ Тебѣ пѣвецъ Твой одинокій
Звѣздный путь пустынный и высокій
Поведетъ свободенъ и могучъ.

2. AD ASTRA.

Я звѣремъ былъ. Палима жгучимъ гладомъ.
Кипѣла кровь, напоенная ядомъ,
Багрянецъ злой въ зрачкахъ моихъ сверкалъ.
Дитя борьбы, кровавый хмѣль вливая,
Побѣдный ревъ по чашамъ разливая,
Я жилъ одинъ и... радости не зналъ.
Я богомъ былъ. Въ извивахъ испугленныхъ
Себя ласкалъ на ложахъ раскаленныхъ,
Собой горѣлъ, свою же страсть вливалъ.
Изъ нѣдръ своихъ—своимъ-же вождѣльнѣемъ
Я породилъ творенье за твореньемъ;
Я былъ творцомъ и... радости не зналъ.
Я Рокомъ былъ. Горя негнѣнной славой,
Надъ міромъ шель съ усмѣшкой величавой,
Я Рай и Адъ пятой моею смялъ.
Надъ Зломъ, Добромъ, богами и твореньемъ
Гремѣлъ мой Смѣхъ, напоенный презрѣньемъ...

Я Смѣхомъ былъ и... радости не зналъ
Я былъ—Ничто... внѣ Времени, Пространства...
И надо мной незримыя убранства
Извѣчный Мракъ такъ благостно соткалъ.
Покой и Ночь надъ юдолью Печали...
Глядѣли въ Тьму невѣдомыя дали...
Я былъ—Ничто и... радости не зналъ.
Я—Человѣкъ... я на тропѣ сомнѣній...
Въ толпѣ тѣней, средѣ смутныхъ пѣснопѣній
Твой образъ дивный взоръ мой повстрѣчалъ.
Весь мой Порокъ, всю Святость воплощая,
Ты—весь мой міръ, Душа моя! Святая!..
Тебя узрѣлъ и... радость я узналъ.

3. ГРЯДУЩЕЙ.

Ты грядешь ко мнѣ, я знаю. Ты изъ племени
морей.
Ты изъ края, гдѣ взметнулся къ небу родъ бо-
гатырей.
Изъ страны могучихъ пѣсенъ, пѣсенъ—бѣлыхъ
лебедей.
Пѣсенъ скальдовъ, гордыхъ скальдовъ, дикихъ
сѣверныхъ людей.
Да, Тебя я вижу, вижу! Ты изъ замка Скалловей,
Ты сойдешь ко мнѣ съ утесовъ грозной родины
Твоей.
Ты изъ пѣны волнь Полночи, кольца дѣвствен-
ныхъ кудрей
Размегала по кольчугѣ, поясъ свилъ Тебѣ Борей.
Вотъ въ рукѣ Твоей, увитой блескомъ златныхъ
обручей,

Лезвее копыя сверкаетъ, будто тысячи мечей.
Вороненный, окрыленный меркнетъ шлемъ въ
игрѣ лучей.
И горитъ, какъ изенблинки, синій ледъ Твоихъ
очей.
Бѣлый конь распѣнилъ гриву, конь изъ сумрач-
ныхъ морей,
Крень дробитъ, прядетъ ушами, паръ изъ бѣ-
шенныхъ ноздрей.
Ты придешь ко мнѣ и скажешь: Я несу тебѣ
Огонь...
Какъ давно мы ждемъ героя, Я и вѣрный бран-
ный конь.
Въ жадномъ сердцѣ вспыхнетъ пламя, лишь
коснусь его копьемъ.
Наше сѣверное знамя мы побѣдно разовьемъ.
И сплетенною тропою, Мать и сынъ и мужъ съ
женой,
Мы уйдемъ туда, гдѣ Полюсъ надъ танцующей
волной.
Мы пойдемъ все выше, выше! Кинемъ долы за
собою...
Тамъ, у Грани, на Высотахъ, ждетъ извѣчный
грозный бой.
Мы, Лишенные Отчизны, принесемъ Тиранамъ
въ даръ
Пламя мести, ужасъ тризны, вспыхнетъ гибель-
ный пожаръ.
Рухнетъ гордая Валгала, станетъ пепломъ Иг-
дрозиль—
За Униженную Землю мстить завѣтный часъ
пробилъ.
Слышу поступъ бранной Дѣвы, гордой Дѣвы
гордыхъ дней
И поютъ, поютъ мнѣ струны сагу вѣщую о Ней.

4. ГОРОДЪ.

Страшенъ Городъ, мраченъ Городъ;
Тѣни—люди въ немъ живутъ,
Тѣни—мужи, тѣни—жены...
Всѣ сердца пусты, сожжены...
Тамъ не пляшутъ, не поютъ.
Солнце встанетъ, тускло глянетъ
Внизъ сквозь дымное стекло,
Видитъ—спущены гардины
И спѣшитъ уйти въ долины,
Тамъ открыто, тамъ свѣтло.
Крыши, крыши... выше, выше,
Будто лѣстница для Бѣды,
Будто черныя ступени,
Гдѣ поруганныя тѣни
Къ небесамъ ведутъ свой слѣдъ.
Всюду трубы, черны, грубы—
То побѣги злыхъ лѣсовъ...
Будто ринулись лавины?—
То гремятъ, ревути машины
Въ дикой смутѣ голосовъ.
Страшный Городъ, черныи Городъ,
Городъ—Спрутъ, кошмаръ Морей,
Злое дымное созданье
Льетъ отравное дыханіе,
Губитъ радости полей.

Дебютъ И. Романова.

1.

Къ намъ весна пришла съ цвѣтами... раскрывайте
окна шире!

Пойте гимны Воскресенью и прекраснымъ
небесамъ!
Много радости весенней, много счастья въ нашемъ
мирѣ,
Миръ нашъ, храмъ любви небесной, необъятный
Божій храмъ.
Къ намъ пришла Весна-царица въ зеленъ яркую
одѣта,
По полямъ звеня струятся золотые ручейки.
Всѣ мы молоды, прекрасны, всѣ мы сотканы изъ
свѣта,
Мы рѣзвимся и порхаемъ межъ цвѣтовъ какъ
мотыльки.
Пьемъ мы воздухъ ароматный и цвѣтовъ благо-
уханье,
Въ мирѣ грезъ и пѣсенъ буйныхъ жизнь летитъ
какъ свѣтлый сонъ.
Въ нашемъ мирѣ вѣчный праздникъ, всюду
пѣсни ликование
И по всей землѣ прекрасной льется тихій, нѣжный
звонъ.

2.

Отцвѣтала, потухала въ небѣ радуга-дуга
А о ней волна вздыхала, размывая берега.
Эти вздохи страсти знойной повторилъ сухой
тростникъ.
Съ ними вѣтеръ беспокойный въ сердце чуткое
проникъ.
Струны сердца задрожали и напѣвности полны
Въ нѣжной пѣснѣ рассказали о страданіяхъ волны.

3. ОСЕННИЕ СНЫ.

Въ эти ночи осеннія, въ эти ночи безлунныя
Мнѣ скитальцу бездомному снятсясны непонятные.
Снятся стѣны высокія, цѣпи, двери чугуныя,
Чьи-то тихія жалобы и рыданья невнятные.
Снятся гордые витязи на разсвѣтахъ убитые
И царевны прекрасныя на позоръ обреченныя;
Снятся черныя площади, черепами покрытыя.
И цвѣты ярко-алые, алой кровью смоченные.
Снятся страшныя пропасти и кладбища без-
вѣстные,
Гдѣ бурьянъ разрастается надъ глухими могилами,
Гдѣ во мракѣ склоняются на могилы безкрестные
Бѣлокрылые ангелы съ золотыми кадилами.
Снятся длинныя улицы и движеніе шумное
И мольбы и проклятія и улыбки развратныя...
Истерзали, измучили мое сердце безумное
Въ эти ночи безлунныя, эти сны непонятные!

4. РОДНОЙ УГОЛОКЪ.

Деревушка бѣдная. Улица заросшая
Низкимъ подорожникомъ, муравой-травой.
На краю избушечка крѣпко въ землю вросшая
Съ тусклыми оконцами, съ крышею гнилой.
За дворомъ тычинушка хмѣлемъ перевитая
Среди цѣпкой заросли сиротой стоитъ.
Заросла лопушникомъ тропочка забытая,
За плетнемъ разрушеннымъ макъ цвѣтетъ-горитъ.
За плетнемъ черемуха съ яблоней кудрявою
Въ кружево зеленое заплели листы;
Въ полѣ ветлы старыя никнутъ надъ канавою.
И кругомъ колышутся все цвѣты, цвѣты.
Тамъ волнама легкими, рожь переливается,
Навѣвая тихую, свѣтлую печаль.
Узкая дороженька вьется-извивается

Чуть замѣтной ленточкой убѣгая въ даль.
У холма зеленого берегами скованный,
Весь заросшій тиною дремлетъ старый прудъ,
Лишь порою ласками вѣтерка взволнованный
Онъ на берегъ съ шепотомъ сыплетъ изумрудъ.
На горѣ виднѣется въ рощицѣ березовой
Колокольня бѣлая съ золотымъ крестомъ;
Въ небесахъ чуть движутся цѣпью свѣтло-розовъ
Тучки какъ кораблики въ морѣ голубомъ.

Дебютъ Эммануила Германа

1. ЭЛЕГИЯ.

Солнце садится. Въ саду ни души.
Зыбкой стѣною стоятъ камыши.
Тишь. Утомившійся плавать,
Лебедь скрывается въ заводъ.
Замокъ старинный заброшенъ и пустъ;
Громкое слово не просится съ устъ.
Строго взираютъ изъ рамокъ
Тѣни покинувшихъ замокъ.
Ночь боязливо глядитъ въ зеркала...
Старая дама въ покои пришла;
Дочка, откланявшись чинно,
Сѣла мечтать за пьянино.
Руки дрожать... Усидѣть ей не въ мочь...
Каждую ночь хозяйская дочь
Въ садъ незамѣченной сходить,
Тихо у заводи бродить.
Каждую ночь въ боязливой тиши,
Тамъ, гдѣ тоскливо поютъ камыши,
Кто-то, шмыгнувъ черезъ ограду,
Быстро проходить по саду.

2.

Небесный сводъ водами стянуть—
Надъ бездной бездна; ширь и гладь.
Лучи хмѣльные не устанутъ
Листву прозрачную лобзать
О, какъ мила твоя игривость!
Твой голосъ иволги звучнѣй,
И волнъ играющихъ болтливость
Не заглушитъ твоихъ рѣчей.

3. ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ

Я рано изъ дому ушла;
Въ поляхъ, лугахъ, въ лѣсу земномъ
Тебя искала—и нашла.
Алоэ, мвррой, кинамономъ
Свое я ложе облила,
Коврами пышно убрала.
Я жду. Въ покоѣ благовонномъ
И миръ и нѣга. Ночи мгла
На роши сонныя ложится...
Прійди любовью насладиться!

4.

Ночь цѣлуетъ стекла оконъ...
Я бѣ душой умчаться радъ,
Но куда? Давно поблекъ онъ,
Черезъ безумныхъ пышный садъ.
И ловлю тоскливый шумъ я...
То не осени листы
Гонитъ выюга,—вихрь раздумья
Гонитъ мертвыя мечты.

5.

Я позабылъ черты твои, желанная,
Но въ этотъ день хмѣльной,
Со мною ты: твоя улыбка странная,
Твоихъ волосъ волна благоуханная,
Твой голосъ молодой.
Что сердцу въ томъ, что въ сказкѣ много ложного,
Что ты—мой пьяный бредъ!
Однѣ мечты не знаютъ невозможнаго...
Душа полна предчувствія тревожнаго;
Не вѣрить мнѣ—не слѣдъ.
Ты вновь со мной, о юность ароматная,
Минувшее—туманъ...
Ты вновь со мной, мечта моя закатная,
И я, какъ встарь, прекрасная, развратная,
Тобой и солнцемъ пьянъ.

6.

Когда надежды умирали,
Когда въ объятыхъ темноты
Послѣднимъ пламенемъ играли
Угасшей юности мечты;
Когда дремали непробудно
Желанья сладостной поры
И я, безумецъ, безрасудно...
Терялъ безцвѣтные дары;
И полонъ скрытой смѣхомъ муки,
Надеждой жалкой и смѣшной
Хотѣлъ разсѣять скорбь разлуки
Съ послѣдней радостью земной,—
Душѣ не вѣрившей въ угоду
Я звалъ лукавую мечту:
Давно желанную свободу
Цѣной богатствъ я обрѣту.
И вотъ взгляни: стою теперь я
Увы! Свободенъ и одинъ—
Въ странѣ безумнаго безвѣрья
Рабу подобный властелинъ
И въ пробужденіи суровомъ
Слѣда, минувшаго ишу
И, рабъ свободный, по оковамъ,
Какъ встарь, по вольности грущу.
И множить горькія страданья
Души очнувшейся укоръ,
И умъ лепечетъ оправданья
И въ нихъ читаетъ приговоръ.

7.

Стройные кони размѣренно топали,
Гравій омытый хрустѣлъ,
Дѣвственно пахли душистые тополи,
Листъ жемчугами блестѣлъ.
Сладостный запахъ дождя предзакатнаго
Плылъ отъ земли и чинарь,
Съ запахомъ тѣла, какъ май ароматнаго,
Въ сладкій сливаясь угаръ.
Свѣтлое небо надъ зеленью клейкою,
Солнце, любовь и цвѣты!
Ты, что газель съ бѣлоснѣжною шейкою,
Всюду, желанная, ты.

8.

Я помню вечеръ дивный... О-бокъ
Мы шли съ тобою. Ветхій мостъ
Скрипя дрожалъ. Твой взоръ былъ робокъ,
Нарядъ твой—радостенъ и простъ.

Ты молча шла, рукой небрежной,
Откинув пышную вуаль;
Въ твоихъ очахъ, въ улыбкѣ нѣжной
Читалъ я скрытую печаль.
Чернѣли тѣни. Лучъ закатный
На дальнихъ кровляхъ умиралъ:
Ласкаясь, вѣтеръ ароматный
Твои одежды цѣловалъ.
Такъ чистъ былъ ликъ твой шагъ такъ ровень,
Такъ ясенъ взоръ твой голубой,
Что мнѣ казалось: я виновенъ—
Не знаю въ чемъ—передъ тобой.
И полонъ сладкаго смущенья,
Стыдомъ вины питая страсть,
Я, гордый, злой, съ мольбой прощенья
Хотѣлъ къ ногамъ твоимъ упасть.
Но такъ свѣтло, свѣтло и свято
Глядѣла ты... Я не посмѣлъ.
Мы шли въ молчаньи. Лучъ заката
Предсмертной лаской пламенѣлъ.

9.

Нашъ челнъ скользитъ по зеркалу рѣки...
Знакомо все: и бѣлой ночи мгла,
И дальніе за рѣчкой огоньки.
И мирный взмахъ скрипучаго весла;
И дѣвушки волнистая коса,
И тихій плескъ и шорохъ надъ водой,
И юные грудные голоса,
И пѣснь—тоска по жизни молодой.
Лукавить тишь: не слышишь, міръ поетъ,
О часъ чудесъ! И мгла уже—не мгла:
Дрожитъ туманъ,—и прошлое встаетъ
Подъ мѣрный шумъ скрипучаго весла.
Такая жъ ночь... Такая же рѣка
И свѣтъ луны волнистой полосой...
Такая же безумная тоска
И дѣвушка съ распущенной косой.

10.

Я—горечь сомнѣнья, ты—сладость
Надежды и вѣры святой;
Я—скорбь вѣковая, ты—радость,
Ты—смѣхъ окрыленный мечтой.
Я—путникъ, стоящій у гроба,
Ты—вихрь, убѣгающій въ даль;
Я—ночи безрадостной злоба,
Ты—свѣтлаго утра печаль.
Я—пламень губительной битвы,
Я—кровью сверкающій мечъ;
Ты—шопотъ смиренной молитвы
Въ сіяньи, немеркнувшихъ свѣтъ
Любви своей, другъ, я не мѣрю,—
Я вѣкъ предъ тобою въ долгу;
Любви твоей—грѣшенъ—не вѣрю,
Не вѣрить своей—не могу.

11. ИЗЪ МЕЛОДИИ ВОЕЖАКА.

Ложатся бѣлые туманы
На горъ темнѣющихъ зубцы.
Въ ворота входягъ караваны,—
Вдали лепечутъ бубенцы
И ты пришелъ. Ты гордъ и строенъ,
Отвагой дерзкой—леопардъ;
Но ты усталъ... Мой домъ спокоенъ,
Пьянить и нѣжить пранный нардъ.
Страхнувши прахъ безумныхъ древній,

Сказавъ „прости“ былымъ мечамъ,
Я шелъ отъ бѣды грозы послѣдней
Къ давно желаннымъ берегамъ.
Но странно; горькой укоризной
Безумье прошлого черня,
Я тайно плакалъ. Горькой тризной
Былъ жданный праздникъ для меня.

12. ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Горе мнѣ, горе! Стада разбѣгаются,
Темная близится ночь;
Съ пастбищъ пустынныхъ туманы вздымаются...
Кто мнѣ здѣсь можетъ помочь?..
— Дѣва, одна ты? Лукавая жадная
Тьма набѣгаетъ. Домой
Путь твой не близокъ... Куда, ненаглядная?
Дѣва, желанная, стой!
Стадо бѣжало... Уста твои алая
Гибельный высушилъ зной,
Руки безсильно упали усталыя,
Въ рошѣ-жъ—пріютъ и покой.

13.

Забывъ душою правду Божью,
Кружатся люди, какъ въ аду;
Всегда съ ихъ маленькою ложью
Ихъ крошка правда не въ ладу.
Но на страницахъ Божьей книги
Смѣшалось все: любовь и гнѣвъ,
И скорби сумрачные миги,
И вѣчной радости напѣвъ.
Тамъ нѣтъ ни словъ безспорно ложныхъ,
Ни недозволенныхъ страстей,
Ни дѣлъ, желанью невозможныхъ,
Какъ нѣтъ заказанныхъ путей.
Умѣй-же съ жадностью проникнуть
Къ колодцамъ мудрости живой,
На все взглянуть, во все проникнуть
И все оставить за собой.

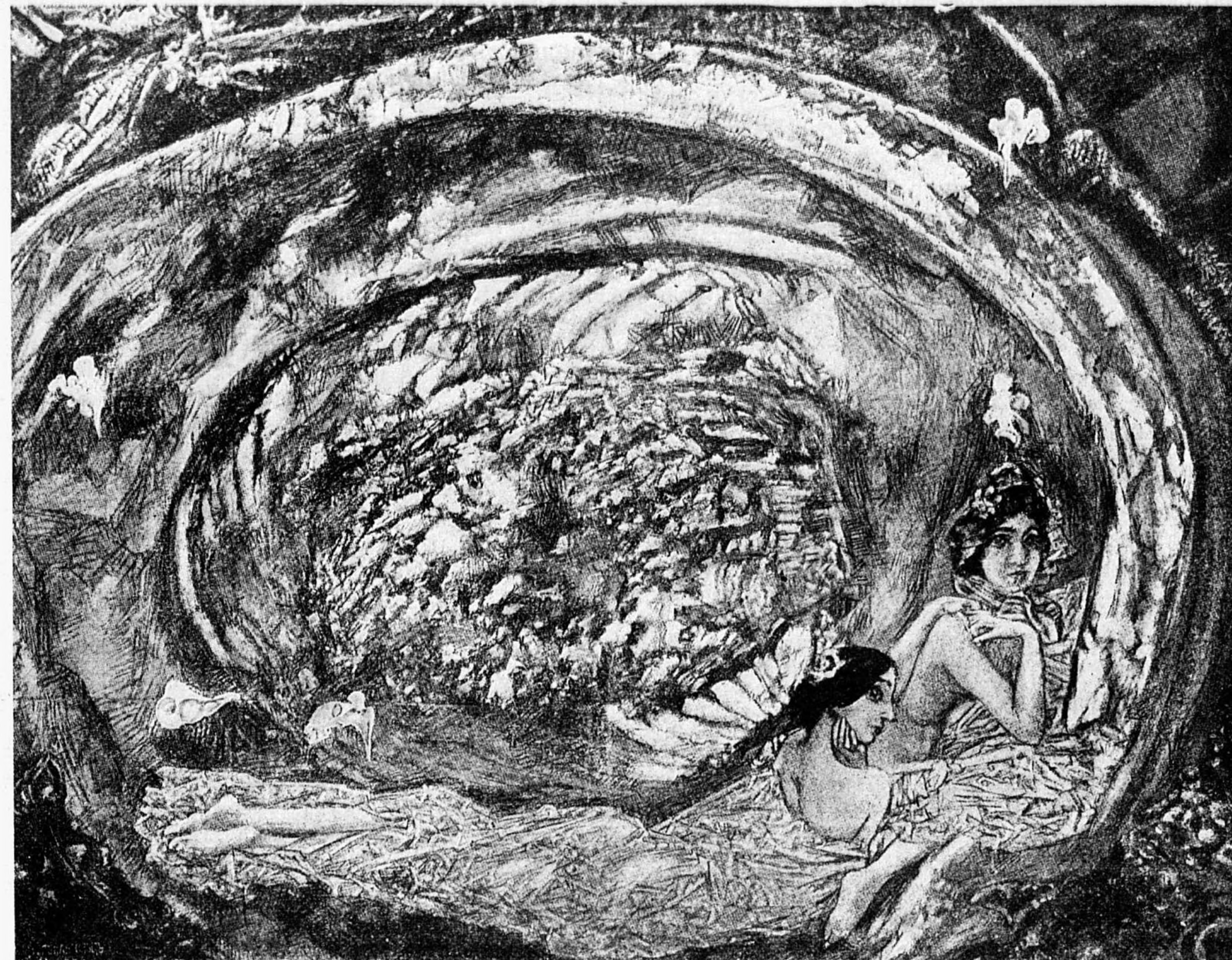
14. У НЕВѢДОМЫХЪ ВРАТЪ.

Есть минуты: жизнь постыла,
А за черной пеленой
Смерть ворота растворила
Въ міръ далекій, міръ иной.
Червь докучный сердце гложетъ:
Путь свободный предъ тобой!
Сердце хочетъ и не можетъ
И терзается борьбой.
Ужъ рука на двери къ счастью,—
Что-жъ раздумье на челѣ?
И стоишь, безвѣстной властью
Вдругъ прикованный къ землѣ.

15.

Тебя я видѣлъ только разъ,—
Мы въ жизни разъ лишь близки къ чуду;
Но взоръ твоихъ, пьяныхъ глазъ
Я не забылъ и не забуду.
Они подвижны, какъ и ты,
Они какъ ночь страны восточной.
Въ нихъ нѣга прелести порочной
И прелестъ чистой красоты.

М. А. Врубель. „Жемчужина“.

16.

Куда-бъ мечта теперь ни звала,
Мы ей не вѣримъ. Богъ исчезъ.
Увы! Безслѣдно миновала
Пора пророковъ и чудесъ.
И гордый міръ отвыкъ молиться,
Какъ встарь, землѣ и небесамъ,
И пусть чудесное свершится,—
Мы не повѣримъ чудесамъ.

Дебютъ Венедикта Соколова.

1. ЕЩЕ ВЕСНА!..

Весна идетъ къ полямъ безплоднымъ,
Напѣвъ любви поетъ весна,
Апрѣльскимъ вечеромъ холоднымъ
Къ тебѣ стучится у окна.
Напѣвъ задумчивый свирѣли...
Ты въ сердцѣ гостью пріюти!
На сѣверъ птицы полетѣли,
Чертя небесные пути.
Призывно рѣки зазвенѣли,
Гоня послѣдній талый ледъ...
Ужъ шепчетъ вкрадчивыя трели
Березъ зеленыхъ хороводъ.
Рука сіяющаго мая
Цвѣты разсыплетъ на поля;
Въ истомѣ сладкой замирая,
Проснется старая земля.

2.

Лишь въ мечтахъ—обладатели рая,
Мы томимся всю жизнь, какъ въ аду...
Это грустно, моя дорогая,
Вспомнить въ вѣчномъ цвѣтущемъ саду!
Мы о счастья мечтать и не смѣли!..
Лишь весенней порой соловьи
Обмануть насъ упорно хотѣли,
Распѣвая о вѣчной любви.
Знаю—многихъ они погубили,
Какъ черемухи были въ цвѣту!..
Они душу мою отравили,
Поселивъ въ ней о счастья мечту.
И весной зашумятъ лишь березы,
Заблѣветъ черемухи цвѣтъ,
Пробуждаются нѣжныя грезы,
Для которыхъ—и имени нѣтъ!

3.

Дождь по крышѣ стучитъ похоронно...
Раскрывъ свои сѣрые крылья,
Надъ землею повисла тоска...
Дождь и сердце стучатъ монотонно.
О, безцвѣтность, раздумье, безсилье!..
Безнадежно ползутъ облака.
То печальныя сѣрыя дѣвы,
Что не знали любви никогда,
Идутъ, плачутъ покорно, безъ гнѣва...
О, теки, дождевая вода!
Умираетъ пейзажъ истомленный..

А душа ужъ вчера умерла—
Мою сказку любви затаенной
Ты въ началъ сама порвала!
Небо стынетъ, тоску затая...
О, короткая сказка моя!

4. ВЕЧЕРОМЪ.

Еще разъ часы отзвучали...
И небо кровавитъ закатъ,
Померкшія синія дали
Загадкою тайны страшатъ.
Въ поля разбѣгаются тѣни,
Ползетъ по долинамъ туманъ...
Весь полонъ о днѣ сожалѣній
Думъ тихій идетъ караванъ.
Отъ думы, повитой печалью,
Остался изъ золота слѣдъ
Надъ тьмой, надъ безмолвною далью
Къ истоку исчезнувшихъ лѣтъ.
Вновь черная птица упала,
Замкнуть заколдованный кругъ...
И сказка души отзвучала—
Меня ты не любишь мой другъ!

5.

Въ тучкахъ играютъ отливы опала,
Небо застыло прозрачно и сине,
Взоръ мой печальный, потухшій устало
Тонетъ въ безмолвьи холодной пустыни.
Было—и лѣто, и шумныя грозы...
Были—и страсти приливы, отливы!..
Сердце хоронитъ волшебныя грезы.
Мертвый туманъ выплываетъ на нивы.

6.

Вкругъ мракъ нависаетъ угрюмый,
Все тонетъ въ предсумрачной мглѣ.
О, пойте! о, пойте—потухшія думы
На мертвомъ безгласномъ челѣ!..
Звучите, звучите, рыданья—
Цвѣты помертвѣли въ поляхъ..
Угасшаго солнца—прощанья
И листь пожелтѣвшій въ лѣсахъ!..
Несутся проклятыя тѣни,
Рыдаютъ въ безлунной ночи...
Хаосъ запредѣльныхъ видѣній!..
Безумное сердце, молчи!

7.

И опять, и опять вьется шелковый газъ,
И опять, и опять свѣтитъ ласковость глазъ!..
И бѣлѣтъ атласная роскошь грудей,
И зоветъ: „приходи, насладись и убей!..
Не тобой ли растоптаны, смяты цвѣты?
Не твои ль были жестки, суровы черты?
А сегодня, какъ встарь, страстью голосъ звенитъ...
Хоть кого обольститъ, хоть кого опьянитъ!
Но дѣвичья краса ужъ давно сорвана,
Но мечты оживить тебѣ власть не дана!

8.

Сегодня облачныя дали
Прорѣзалъ огненный закатъ.
Пронизаны огнемъ печали

Березки въ золотѣ дрожатъ.
И стынуть по дорогѣ лужи,
И листья мертвые шуршатъ...
Предвѣстникъ вьюгъ и зимней стужи
Пылаетъ пламенный закатъ.

9.

Она зашла, перевернула
На полкахъ рядъ томовъ,
Откинувъ станъ на спинку стула,
Сказала пару словъ.
На шляпѣ перьями качнула...
Прочти ихъ тайный знакъ!
Въ глазахъ зарница промелькнула,
Прорѣзавъ черный мракъ.
Твоей души очарованье
И мой глубокий вздохъ
Ужель слились въ одномъ желаньи
На грани двухъ дорогъ?

Дебютъ Юрія Косъ.

ВЕНЕЦІЯ.

М. И. Травчатову.

Какъ сладко вспоминать въ безжизненныхъ стѣнахъ,
Въ объятыхъ скучнаго, нѣмого заключенья,
Венеція, твой пышный, твой волшебный прахъ,
Твои дворцы, напѣвы и волненья;
Вновь унести къ тебѣ скорбящею мечтой,
Вновь чувствовать тебя такъ близко предъ собою,

Быть полоненнымъ вновь твоею красотой
И съ нею слиться грустною душою.
Вотъ ночь, благая ночь такъ тихо низошла;
Дворцы загадочны; какъ призраки гондолы;
Безмолвенъ легкій всплескъ послушнаго весла;
Волшебны звуки дальней баркароллы...
И замолчала пѣснь... И снова тишина...
На безграничномъ небѣ звѣздное свѣченье;
Въ водахъ струящихся колеблется луна
И фонарей змѣются отраженья...
Прекрасный, чудный мигъ! Загадоченъ, какъ сонъ,

Его живой восторгъ, святой и углубленный,
И кажется, что я случайно занесенъ
Въ надзвѣздный міръ, въ эфиръ затаенной.
Ни злобы, ни вражды. На сердцѣ, какъ весной
Проснулись и цвѣтутъ мечтательныя розы,—
И таетъ, какъ миражъ неволя предо мной
Въ живыхъ волнахъ зовущей душу грезы.

2. ВЪ ГОЛУБОМЪ ГРОТѢ.

Посв. Варѣ Волгиной,

Суровой землею забытый,
Далеко отъ людской суэты,—
Одинъ въ челнокѣ я качаюсь
Въ чертогахъ лазурной мечты.
И страсти, и скорби заснули,
И весь я—святая душа.
И вся она, вся изъ лазури
Мечтаетъ, лазурью дыша.
Тамъ дальше за синимъ окошкомъ
Сражаются вихри съ волной—
Но здѣсь, какъ на небѣ апрѣльскомъ,
Но здѣсь, бирюзовой покой.

Здѣсь воды, какъ въ заводи тихой,
Цѣлуютъ во снѣ небосводъ,
И сны ихъ о небѣ лазурномъ
Ласкаютъ лазурью весь гротъ.
И весь онъ, какъ дальнее небо
Въ весенній ликующій часъ,
Зажженъ бирюзовымъ сияньемъ
Безчетныхъ мечтательныхъ глазъ.
Мнѣ кажется, кто то забытый,
Поруганный злою толпой,
Живетъ въ этомъ гротѣ небесномъ
И дышетъ его синевою,
Мнѣ кажется, кто то прекрасный,
Небесной мечтою согрѣтъ,
Души моей тихой и нѣжной
Шлетъ свой свѣтлосиній привѣтъ.
Любовно ее охраняетъ
Въ своемъ голубомъ полуснѣ.
И шепчетъ ей съ кроткой улыбкой
О чудной лазурной странѣ.

3. У ФІОРДА.

Посв. О. А. Флориной.

Надъ тихимъ фіордомъ мечтаетъ луна,
О чемъ, мнѣ никто не расскажетъ, не знаю —
Но только, какъ будто къ далекому раю
Зоветъ изболѣвшее сердце она.
Но гдѣ этотъ рай, гдѣ пути золотые,
Къ нему, что приводятъ чужихъ на землѣ?—
Стою у фіорда. Вверху въ полутъмѣ
Яснѣй загораются звѣзды святыя.
Зачѣмъ онѣ блещатъ въ небесныхъ моряхъ,
Кому тамъ слагаютъ нѣмыя молитвы?..
На сердцѣ, уставшемъ отъ скорби и битвы
Невольно растетъ непредвидѣнный страхъ.—
Что если весь міръ только тихая греза,
И я только чей-то таинственный сонъ?—
Послышатся пѣсни моихъ похоронъ,
И все расплывется, какъ въ дымакахъ наркоза?—
Душа непонятнымъ томленьемъ полна,
Отсюда бѣгутъ къ ней полночныя тѣни...
Какъ призракъ далекихъ, забытыхъ мгновений,
Надъ тихимъ фіордомъ рыдаетъ луна...

4. ВЪ ЗОЛОТОМЪ ЧЕЛНОКѢ.

Посв. Майи Херманрудъ

По жемчужнымъ волнамъ въ золотомъ челнокѣ,
Словно призраки первыхъ рассказовъ весны,
Мы съ тобой поплывемъ по лазурной рѣкѣ,
Молодою, горячей отвагой полны.
Гдѣ-то тихо проснется далекій напѣвъ,
Золотая струна запоеетъ, задрожитъ
И въ далекомъ молчаньи, во снѣ поблѣднѣвъ
Надъ уснувшей рѣкою луна загоритъ.
Выйдутъ молча русалки на берегъ рѣки.
За кустами въ лѣсу замаячитъ сова,
Что-то тихо зашепчетъ во мглѣ тростника,
Будутъ странны, невнятные ночныя слова
Будемъ думать о свѣтлыхъ, волшебныхъ краяхъ,
Будемъ вмѣстѣ глядѣть на ночной небосклонъ...—
Можетъ быть въ недалекихъ прибрежныхъ ку-
стахъ

Чей-то тихій, молящій послышится стонъ...
Встрепенемся, взглянемся;—на бѣлой волнѣ
Улыбнется русалка печальнымъ лицомъ,
Будетъ что-то шептать, говорить въ тишинѣ,
Послѣ снова разстаетъ въ мракѣ ночномъ...
Ты покрѣпче прижмешь головкой къ плечу,

Ты обхватишь мнѣ шею горячей рукой—
И цѣлуетъ тебя, какъ во снѣ замолчу,
Какъ во снѣ буду дальше скользить я съ тобой...
По жемчужнымъ волнамъ въ золотомъ челнокѣ
Словно призраки первыхъ рассказовъ весны,
Мы съ тобой поплывемъ по лазурной рѣкѣ
Къ берегамъ, зачарованной счастьемъ страны!..

5. ВЪ ТЮРЬМѢ.

Товарищу по заключенію А. Шагинянцу

Ни сѣрыя тучи плывутъ надъ землею,
Ни черныя птицы скользятъ въ полутъмѣ—
То дни мои юные, полные горя
Проходятъ и таютъ въ тюремѣ;
Ни желтыя листья спадаютъ съ деревьевъ,
Ни въ холодѣ осени сохнутъ цвѣты—
То блекнутъ мои молодая надежды
Здѣсь въ царствѣ нѣмой темноты;
Ни голубь воркуетъ надъ другомъ умершимъ,
Ни вѣтеръ, рыдая, травой шелеститъ.—
То сердце мое, изболѣвшее сердце
О солнцѣ и волѣ груститъ.

6.

Былъ красивъ расцвѣтающій нѣжный нашъ садъ,
Были бѣлы, какъ снѣгъ благовонныя розы,
Нашъ въ зеленой бесѣдкѣ скрывалъ виноградъ,
Мы тонули въ волнахъ опьяняющей грезы.
Сколько нѣжныхъ, красивыхъ и ласковыхъ словъ
Наши тихія души другъ другу сказали.
Сколько свѣтлыхъ таинственно-сказочныхъ сновъ
Добрый другъ, мы съ тобою тогда увидали.
Ты, какъ ласточка, тихо припала ко мнѣ,
Заглянула мнѣ молча въ счастливые очи—
И я замеръ отъ счастья въ нѣмой тишинѣ,
Осѣненный крылами божественной ночи...
И потомъ... такъ внезапно исчезло все вдругъ,
И на сердцѣ такъ тяжело, такъ сумрачно стало...
О когда же опять мы увидимся, другъ?—
„Никогда“—мнѣ незримая тѣнь прошептала.

7. ВЪ ИЗГНАНИИ.

Я сидѣлъ у окна. Въ молчаливой тиши
Кто то нѣжный вѣнки заплеталъ золотые..
Было тихо и грустно на лонѣ души,
Вспоминались лѣса и равнины родныя
Тамъ вдали серебрился заснувшій заливъ,
Тамъ летали, кружились вечернія тѣни—
Было тихо кругомъ; вечеръ былъ такъ красивъ,
И казался намекомъ забытыхъ видѣній..
Сердце молча грустило въ объятыхъ мечты,
Но мечта поблѣднѣвшая сердца не грѣла...
Изъ густого тумана кивала мнѣ ты
И въ мятежную душу, больная, глядѣла..
За видѣньемъ, видѣнье являлось ко мнѣ,
Подходило, смѣялось, и таяло снова...
Я сидѣлъ у окна. Предо мной въ тишинѣ
Расплывались слова непонятнаго зова...

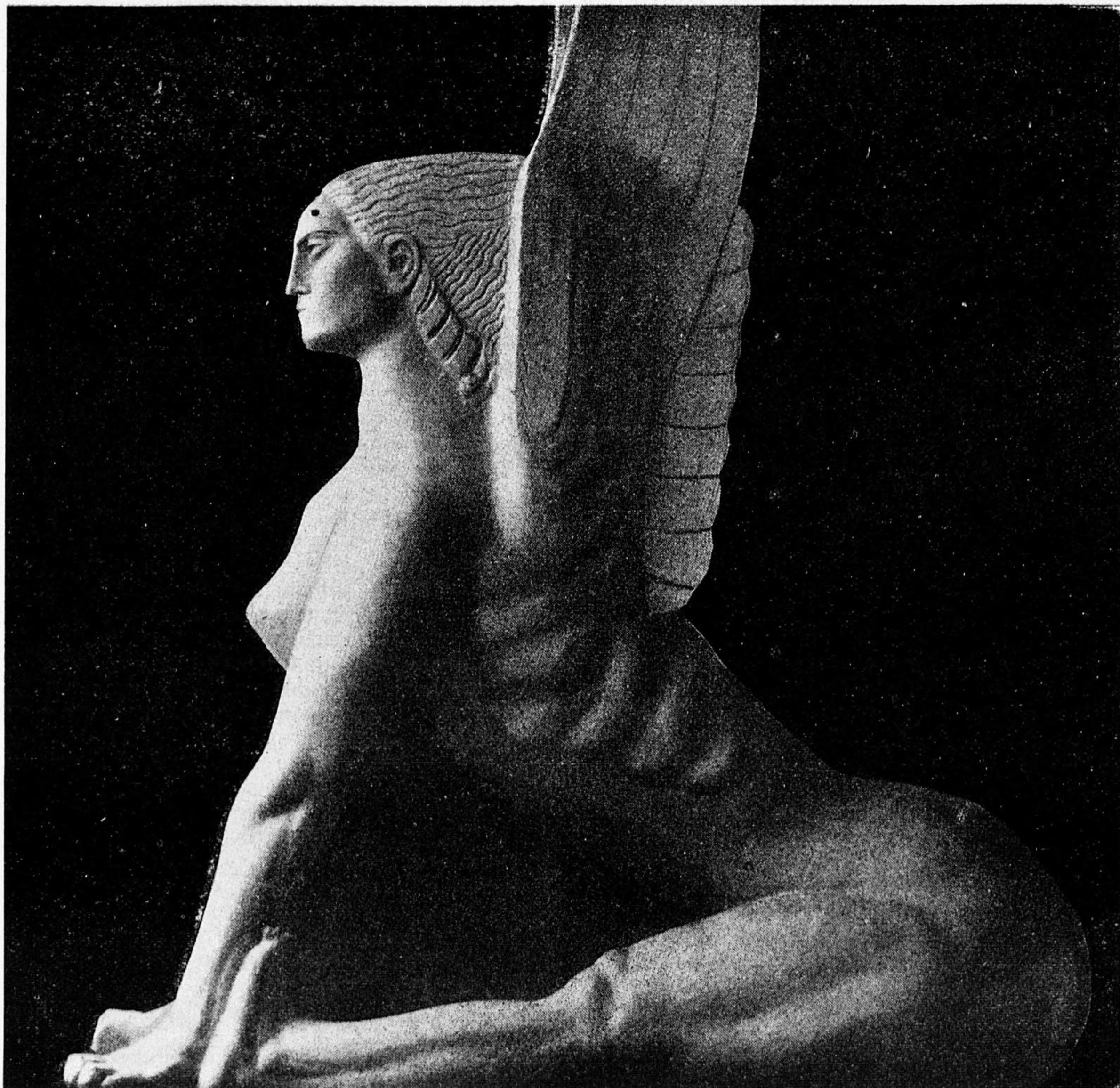
8. МѢСЯЦЪ.

Посв. Сигнѣ Брюнѣ,

Мѣсяцъ, мѣсяцъ—злой волшебникъ,
Міръ полночный освятилъ,
Сердце, полное печали,
Свѣтлымъ сномъ заморозилъ—
Ты опять со мною вмѣстѣ...

Поцѣлуй и поцѣлуй...
Сердце млѣетъ отъ восторговъ,
Въ сердцѣ трепетъ теплыхъ струй...
Тихій шопотъ... жаръ объятій...
Блескъ колдующихъ очей...
Золотыя обѣщанья
Быть царевною моею...
Огневая пѣсня страсти...
Раскаленные мечты...
Погружаемся и тонемъ
Въ царствѣ знойной красоты...
Плещутъ солнечныя волны,
По волнамъ мы вдаль плывемъ,
Обнимаемъ и цѣлуемъ
И горимъ горимъ огнемъ...
Всѣ страданья позабыты

Миръ печали глухъ и нѣмъ...
Передъ нами знойно дышитъ
Вѣчно-праздничный эдемъ...
Неизвѣстныя растенья...
Золотыя скалы горъ...
И таинственные зовы
Тихо плещущихъ озеръ...
Все какъ въ сказкѣ... Все какъ греза...
И такъ счастливъ я съ тобой
Въ этомъ мирѣ страсти нѣжной
И любви молодой...
Вдругъ все скрылось въ мглѣ тумана,
Миръ волшебный потонулъ...—
Мѣсяцъ; мѣсяцъ злой волшебникъ
Насъ съ тобою обманулъ...

И. М. Грабовскаго.

Борисъ Эффимъ.

1. ЗЕЛЕНИНА УЛИЦА.

Теперь здѣсь есть уже большіе, многоэтажные дома, рестораны и кинематографы, уже снесли кое-гдѣ длинныя заборы съ большими щелями, и маленькіе деревянные хибарки.

Но комнату и сейчасъ здѣсь можно найти очень приличную, рублей за семь, съ мебелью и въ тихомъ семействѣ...

У Эммы Карловны есть дочь Эльза... Она очень любитъ вышивать и читать книжки... Господинъ студентъ можетъ быть совершенно по коенъ... У насъ такъ тихо, что всѣ даже удивляются...

У господина студента очень серьезный видъ, онъ сосредоточенно разсматриваетъ крохотную каморку, и замѣтивъ въ углу темное пятно тщательно прощупываетъ его пальцемъ хмурить брови, ехидно улыбается, качаетъ головой и торжествующе произноситъ:

— Ага!

Эмма Карловна не понимаетъ, что это значить, не находитъ-ли онъ здѣсь чего-нибудь дурного...

— Дурного то ничего нѣтъ, но комната-то сыровата...

Эмма Карловна возмущенно всплескиваетъ руками...

— Оуй... Что вы говорите? Эта комната такая сухая и теплая какъ баня!...

Осмотръ продолжается долго... Господинъ студентъ смотритъ на потолокъ, на стѣны и горько ухмыляется... У него видъ очень безразличный,—комната не нравится ему...

— И сколько вы хотите за нее?..

Эмма Карловна говоритъ, что прежніе жильцы платили 8 рублей...

— Ско-о-о-олько?..

Глаза у студента дѣлаются большими и брови ползутъ вверхъ...

— Восемь рублей!..

Они совершенно расходятся въ ея оцѣнкѣ... Платить за эту комнату 8 рублей, когда Колька Сержаковъ за палатку на Англійской набережной платитъ 6...

— Простите сударыня... Это невозможно!

Сдѣлка заканчивается на семи рубляхъ...

Немного спустя постоялецъ появляется въ сопровожденіи хмураго, волосатого colleg'и, который сердито отдуваясь тащитъ корзину...

И когда они остаются вдвоемъ, шепотомъ передаютъ свои впечатлѣнія...

— Опять же свѣтлая!..

— Входи, братъ, прямо адскій!..

— Какъ въ лучшихъ домахъ... Ого-го-го!..

— И за семь рублей.. Ловко!

Но когда они говорятъ громко, хмурый colleg'a находитъ, что комната дрянь, сырая и маленькая.. За эту цѣну можно найти прелестьную комнату...

— Да сталь я братъ изъ-за хозяйки... Такое симпатичное лицо... И не назойливая, терпѣть не могу назойливыхъ...

Эмма Карловна ставитъ самоваръ и внимательно слушаетъ ихъ разговоръ...

— Неужели не заплатитъ!

На другое утро жилецъ пытается проскользнуть незамѣченнымъ...

Но Эмма Карловна съ милой улыбкой, выплывая изъ кухни желаетъ ему добраго утра...

— Какъ спали?

— Благодарю васъ. Прекрасно... У васъ тихо чертовски!—онъ дѣлаетъ паузу и торопливо налѣваетъ калоши...

— Въ университетъ тороплюсь... Опоздалъ... Бѣжать надо... Занятія...

Эмма Карловна сочувственно улыбается и мягко говоритъ, что надо заплатить деньги за комнату... У нихъ платятъ впередъ...

— Деньги... Да... Это ужъ конечно... Это мы устроимъ... Вотъ сейчасъ съѣзжу получу.. Ужъ извините пожалуйста.. Сегодня часа въ 4...

Эмма Карловна сердито хлопаетъ дверью и угрюмо ворчитъ...

Жизнь зеленинца началась...

* * *

Когда они бываютъ юными, безусыми только, что прїехавшими изъ маленькихъ глухихъ городковъ, гдѣ оставили милые записки, дневники и гимназистку въ бѣломъ фартучкѣ, у нихъ хмурыя брови, хриплый голосъ и разочарованность въ жизни.

Они платятъ аккуратно за квартиру, читаютъ книги и ищутъ дѣвушекъ съ ясными глазами и съ серьезными умственными запросами.

Когда они встрѣчаются, они долго говорятъ о томъ, что жизнь...—жизнь... это ерунда, ба-тенька!..

Батенька, которому 18 лѣтъ, и который такъ же хорошо знаетъ цѣну радостямъ... Пожимаетъ плечами и задумчиво пускаетъ дымъ къ потолоку...

— Этот каналья Нитше правъ въ концѣ концовъ!

Потомъ разговоръ переходитъ на предметы болѣе низменныя. Обѣды адски дороги и скверны... женщины... ни... стоитъ-ли о нихъ говорить...

— Вчера, понимаешь прихожу къ Ленѣ, а у ней сидитъ какой-то пшютъ, говоритъ невыносимыя банальности, пошлость, слушать противно, а она смѣется...

О какъ они близки въ этомъ...

Дѣло въ томъ, что и Костя...

— Ты знаешь товарищъ Костя, вѣдь она была въ ревизионной комиссиі...

Такъ она поѣхала съ какимъ идиотомъ въ Маринку... Досталъ билетъ... Пришелъ я къ ней... А онъ сидитъ у нее въ такомъ понимаешь ты фракѣ и говоритъ... Вы вѣроятно очень недавно окончили г. студентъ...

А она понимаешь ты смотреть на меня и за меня краснѣть... Стыдно ей видите-ли... Да говорить... Мы вмѣстѣ... Ну а я его тоже срѣзалъ...

— Молодецъ!

— Да, братъ, не на таковского напалъ... Смотрю этакъ небрежно и говорю, что да-съ недавно, г штатскій...

— Здорово!.. Молодчага!.. Такъ прямо и сказалъ?.. Ловко!..

И они довольные хохочутъ и радуются побѣдѣ надъ невиданнымъ врагомъ...

— Ну, а она?..

— Что-жъ она... Поѣхала... Онъ извозчика взялъ.

Въ концѣ концовъ, они разочаровываются и въ разочарованности въ жизни, и въ ясныхъ глазахъ дѣвушки съ умственными запросами и перестаютъ платить за квартиру...

Уплываютъ книги, а дѣвушка, которая стоитъ слишкомъ дорого, благодаря проклятымъ Маринкамъ (чортъ-бы ихъ подралъ!) становится далекимъ сказочнымъ существомъ.

У Оенички, правда, слабо въ области умственныхъ запросовъ, но глазки у ней ясные и вмѣсто Маринки, можно сходить въ кинематографъ гдѣ этотъ милый смѣшной Максъ...

— Что онъ только дѣлаетъ... Господи! Конечно иногда бываетъ такъ скучно въ маленькой каморкѣ Зелениной улицы...

Хорошо было-бы сейчасъ сидѣть вдвоемъ съ умной и красивой дѣвушкой и слушать музыку. Тонкіе звуки сладостно щекоцуютъ сердце...

Тихая печаль будитъ милые, забытые образы... А потомъ когда они возвращаются съ ней, по замолкнувшимъ улицамъ... Можно будетъ сказать о нѣжности и любви...

— Эхъ-ма дядя... Брось... Не твое это!.. Оеничка измѣнитъ ему, разумеется... У Вани—парикмахера—проборъ, золотая цѣпочка и онъ можетъ ее каждый день угощать пирожнымъ...

А студентъ...—конечно Петичка славный... Да что-жъ!..

Она придетъ къ нему въ послѣдній разъ, будетъ трогательно всхлипать... И скажетъ...

— Вы меня извините Петичка... Не приду я больше!..

Онъ долго будетъ ходить по комнатѣ... заложивъ руки въ карманы и насвистывая мрачныя вещи...

Наконецъ онъ остановится передъ ней, протянетъ руку и скажетъ...

— Что-жъ... Прощай!

Вечеромъ, они соберутся гдѣ нибудь въ мрачной пивной, и забывая о невзгодахъ будутъ говорить о будущемъ...

Колька поэтъ прочтетъ стихи...

— Талантище у этого Кольки, адскій!

Завтрашній день это упойтельное сочетание красокъ... пройти поскорѣе по этимъ сѣреннымъ днямъ... Дойти до этого роскошнаго лучезарнаго завтра и начать жить...

— Заживемъ братцы... А?..

— Красота!..

Они поютъ *dandees* и долго убѣждаютъ сумрачнаго городского, что молодость бываетъ разъ, какъ весна разъ въ году...

— Вы поймите образъ... Образъ-то какой городской... Молодость и весна...

Въ маленькихъ каморкахъ ворчатъ Эммы Карловны, отворяя двери, пищать разбуженные шумомъ дѣтиски... сыро... холодно...

На Васильевскомъ комнаты дороги и тамъ живетъ добродѣтельная аристократія... Они получаютъ изъ дому деньги, аккуратно распредѣляя ихъ на цѣлый мѣсяцъ и у нихъ чистенькія тужурки, новенькіе книги и курсистка Аня, съ которой можно говорить объ умномъ и цѣловать изрѣдка...

Когда наступаетъ весна... Они ѣздятъ на острова и въ лѣсной, большими, веселыми компаніями... У курсистки Ани, мягкій блескъ глазъ...

— Вы такая... милая Аня...

Аня осторожно склоняетъ голову къ нему на плечо...

Не Зелениной улицѣ весна бываетъ другой... Онъ просыпается утромъ и видитъ, что робкій солнечный лучъ, пробиваясь въ окно освѣтилъ красненькіе цвѣточки обоевъ...

— Знатно! Чортъ возьми! Солнце растягиваетъ губы въ невольную улыбку и хочетъ смѣяться...

На улицахъ женщины, которыя одѣли новыя пальто и кажутся по весеннему свѣтились... солнце блещетъ въ стеклахъ магазиновъ, на трамвайные рельсы и кажется весь міръ натянулъ солнечную фату и улыбается...

— Послушайте милая дѣвушка... Такой ослѣпительно солнечный день... такое синее небо!..

Дѣвушка строго смотритъ на него, что-то ворчитъ себѣ подъ носъ и быстро идетъ впередъ...

Сорвалось!

Тщательно скрывая въ карманахъ, потрепанные рукава пиджака, онъ идетъ медленно, принавивъ небрежный видъ...

Скверно то что ѣсть хочется и весною... солное, красныя дѣвушки, аппетитъ по прежнему...

Если встрѣтятся хмурый и сосредоточенный colleg'a, они говорятъ объ убожествѣ современной жизни, о хозяйкахъ, о томъ, что будто въ Германскихъ университетахъ нѣтъ никакихъ взносов за правоученіе и учатся тамъ люди, если только хотять...

— А вотъ говорятъ есть на биржѣ такія акціи по 5 рублей за штуку... Сегодня стоятъ пять рублей... Завтра глядь 100...

— Опять же на бѣгахъ можно выиграть!.. Когда утомились улицы, они возвращаются въ свои каморки.

Эльза вышиваетъ... она высокая, худая, въ угряхъ... У ней блѣсоватые, сбитые въ кудель волосы, ей 30 лѣтъ и отъ нея пахнетъ кухней и кошками...

— Добрый вечеръ Эльза!

Эльза говоритъ что мама ушла и она скучаетъ...

— Милая Эльза... Вы такая красивая!.. Эльза говоритъ что г. студентъ ошибается... просто говорятъ комплименты... Вѣдь у нихъ такъ много красивыхъ барышень...

— Что Вы Эльза...

Онъ обнимаетъ ее и она склоняетъ голову къ нему на грудь...

И въ этотъ мигъ сонная Эльза кажется ему красивой принцессой изъ старой сказки...

— Милая, милая, Эльза...

За окномъ мартовская ночь... Луна играетъ въ подмерзшихъ лужицахъ.

Гдѣ-то громко, съ отчаяніемъ вопить котъ.

2. МЫ И НИНА.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что студенты перваго курса немного разочарованы въ жизни и „адски хорошо знаютъ женщинъ“.

И я былъ студентомъ перваго курса.

Жили мы на линіи Острова и среди нашей коммуны только я одинъ былъ такимъ юнымъ и разочарованнымъ.

Волосатый и косматый „дѣдъ“ естественникъ, отъ котораго нехорошо пахнетъ разными кислотами, Саша поэтъ и Миша—этотъ англичанинъ изъ глуши Воронежской губерніи—бреетъ усы и смотритъ на насъ презрительно: у насъ нѣтъ никакого понятія о государственности, мы наивны, какъ дѣти, и восторженны, какъ телята.

У „дѣда“—очки и нелѣпо растерзанная борода, онъ говоритъ, что міръ это только соединеніе элементовъ, но потихоньку отъ насъ читаетъ Бальмонта и пишетъ стихи.

...Баранки восхитительно хороши на Васильевскомъ Островѣ—пухляя и мягкія!

И когда чай—съ масломъ и сыромъ, всѣмъ проклятымъ вопросамъ гораздо дальше до разрѣшенія, чѣмъ тогда, когда чай съ обыкновеннымъ ситнымъ.

Послѣ чая восторженно гремитъ „дѣдъ“ о значеніи науки. читаетъ свои сонеты Саша, а Миша, этотъ англичанинъ, тихо пиликаетъ на скрипкѣ сентиментальные вальсики. А я сижу и слушаю. Мнѣ хочется иногда тоже говорить красивыя слова или болтать вздоръ, но... эхъ! и безнадежно машешь рукой: юность ушла, женщина обманула... Я—былъ студентомъ перваго курса...

И вотъ однажды за стѣной прошмыргали сапоги дворника и заскрипѣла, грузно поставленная на полъ, плетеная корзина. Чей-то дѣвичій голосокъ все время разсыпалъ звонкое серебро и въ нашей угрюмой квартирѣ сдѣлалось свѣтлѣе...

— Чаю! Мнѣ ужасно хочется пить!

Стѣны тонкія и у насъ все слышно... У Юліи Ивановны только одинъ самоваръ и онъ у насъ.

Мы всѣ какъ-то притихли и слушаемъ, даже не скрывая этого другъ передъ другомъ. Минуту спустя я стоялъ передъ незнакомкой и, опустивъ глаза въ землю, говорилъ, что у насъ

самоваръ, но, не будучи знакомы, тѣмъ не менѣе имѣемъ честь и проч.

— У васъ самоваръ, collega, и вы хотите меня напоить чаемъ, это такъ мило, право! Я очень благодарна!

„Она не рѣшается, думая, что я одинъ“,—предположилъ я...

— Насъ тамъ много, сударыня: Дѣдъ, Саша Миша и я!

Когда она вошла, въ комнатѣ стало свѣтло и запахло хорошими духами.

— Васъ, дѣйствительно, много!—разсмѣялась дѣвушка...—И всѣ вы такіе юные!

Дѣдъ подошелъ къ лампѣ и спросилъ, въ упоръ, строго глядя на дѣвушку:

— И я?

Но она не испугалась, и не сконфузилась, а только еще серебристѣе и звонче сталъ ея смѣхъ...

— И вы, несмотря на свою страшную бороду и отвратительные очки!

— Годы еще не есть абсолютное мѣрило чело-вѣческой жизни! замѣтилъ Миша.

Мы узнали, что ее зовутъ Ниной, что она курсистка и больше ничего. Но она была умна и прекрасна. Ея дивные волосы, повязанные посрединѣ красной ленточкой, были цвѣта воронова крыла и, вѣроятно, мягкіе, какъ пухъ, потому что нѣсколько непослушныхъ волосиковъ, упавшихъ на лобъ, легко подымались отъ каждаго движенія.

Она говорила безъ умолка, смѣялась и шутила, но очень обидѣла Сашу, когда тотъ предложилъ ей прочесть свой сонетъ: она сказала, что не любитъ доморощенныхъ поэтовъ.

— Каждый поэтъ доморщенный, сударыня!—пробурчалъ Саша.

Когда она ушла спать, въ комнатѣ остался запахъ ея духовъ и шелестъ ея платья. А мы очень долго ворочались на своихъ постеляхъ, кромѣ Саши, который опредѣленно рѣшилъ, что „дѣвка—дура“, и тихо спалъ.

У „дѣда“—химія, и онъ уходитъ рано, Саша встаетъ лѣниво, долго пьетъ чай и уходитъ, Миша спитъ. Я отлично знаю, что Миша сдѣлалъ изъ одѣяла искусный брустверъ и слѣдитъ оттуда за мной. Я тоже сплю. Медленно натягиваю одѣяло, мычу что-то нечленораздѣльное и тоже устраиваю себѣ прикрытіе.

— Странная, однако, манера спать съ открытыми глазами!..—слышится недовольный голосъ Миши.

Но я не уступаю.

— Не менѣе странно наблюдать за этимъ, укутавшись съ головой въ одѣяло...

Мы подымаемся оба вмѣстѣ.

Мнѣ начинаетъ казаться, что у этой толстой морды—узкіе, свинные глаза и все это англоманство—грубая карикатура.

За стѣной что-то стукнуло.

Конечно, тамъ, у себя на родинѣ, мы ходили по кривымъ улицамъ, мы ждали у темныхъ воротъ, мы знали, что дѣвушекъ принято цѣловать въ губы, но то—дома, а здѣсь...

Ниночка проснулась и умывается...

Миша смотритъ въ стѣну и, дѣлая видъ, что разговариваетъ со мной, произноситъ отчетливо и громко:

— Разумъ. Только разумъ холодный и острый есть творецъ жизни. Острыми щипцами беремъ мы сгустокъ бѣдной жизни...

Мнѣ кажется, что это красиво и должно произвестн на Ниночку впечатлѣніе. Мнѣ досадно и завидно.

— Послушайте,—говорю я напрягая всю силу своихъ легкихъ,—послушайте, неужели, вы думаете, мнѣ интересно слушать старья, давно надобвшія, слова. Вы зазубрили ихъ годъ тому назадъ и таскаетесь, какъ нищій съ писанной торбой!

Все это я произношу, внимательно разглядывая противоположную стѣну, и только мелькомъ взглядываю на Мишу.

— Взялъ?..

„Милая Ниночка, я крѣпко, крѣпко возьму тебя за руку и буду любить всю жизнь... всю жизнь... А когда буду миллионеромъ или знаменитымъ юристомъ, ты будешь тогда самой счастливой женщиной въ мірѣ... Я такъ люблю тебя, Ниночка!“.

„Миша убьетъ меня сейчасъ... Онъ возмущенъ, убить, но ничего не можетъ сказать, кромѣ тихаго:“

— Очень глупо!

Ниночка стучитъ къ намъ черезъ стѣнку:

— Не сеортесть, colleg'i!..

Взять бы ее на руки, качать и пѣть тихую колыбельную пѣсню

— Баю-бай! бай!

Вдругъ кто-то стучитъ къ ней въ дверь. Входитъ и... мы слышимъ крѣпкіе, звонкіе поцѣлуи.

Мы съ Мишей долго не говорили...

Онъ пиликалъ свои тихіе васильки... А я еще больше разочаровался въ жизни.

3 НА СЕДЬМОМЪ ЭТАЖѢ.

У меня въ комнатѣ такъ много солнца... А когда закатъ бываетъ ярко пурпурнымъ и крыши домовъ мистическими силуэтами выступаютъ на его фонѣ, я пишу стихи... Дивныя строфы, на которыхъ редакторъ ставитъ короткую помѣтку — „обратно“.

Но... вѣдь Золя тоже жилъ на седьмомъ этажѣ...

Большую часть мѣсяца я питаюсь кипяченой водой.

Это—питательно и гигиенично,

Не пейте сырой воды, господа,—вы можете заболѣть холерой или тифомъ и умереть, а въ жизни—такъ много красокъ, въ особенно на седьмомъ этажѣ... Смерть—это вздоръ!

Когда у меня есть керосинъ, я пишу ароматныя, нѣжныя сказки о звѣздахъ, объ ионьскихъ ночахъ, о дѣвушкахъ.

Но я эту роскошь могу позволять себѣ не часто:

Нико имѣть бумагу, чернила, перья...

Но... вѣдь Золя тоже писалъ свои произведения на бумажныхъ воротничкахъ...

Когда у меня нѣтъ керосина, я жду, когда загорятся окна противоположнаго дома и смотрю въ нихъ.

Подглядывать нехорошо, разумѣется, но...

Вотъ, какъ разъ напротивъ, живетъ курсистка... Она приходитъ въ бѣлой вязанной шапочкѣ, зажигаетъ лампу и долго долго сидитъ за книжкой. Къ ней иногда приходитъ студентъ, высокій угловатый, съ длинными волосами и такой широкой улыбкой...

Я тогда подставляю стулъ къ окну и смотрю въ открытую форточку... Онъ неуклюже размахиваетъ руками и рукава нижней сорочки постоянно высовываются...

Онъ ихъ прячетъ и конфузится.

Когда онъ уходитъ, дѣвушка долго не спитъ, она садится за книжку, но быстро закрываетъ ее, что-то пытается писать и рветъ бумагу.. И я думаю:

— А что если бы ты поцѣловалъ ее, милый!..

..А вонъ тамъ, ниже, мнѣ видны розовыя занавѣски... О! Тамъ живетъ красивая женщина.. Она долго сидитъ въ своемъ будуарѣ и передъ ней раскрытая книга. Это—стихи очень молодого и очень талантливаго поэта. Она понимаетъ ихъ такъ чутко и относится къ нимъ такъ бережно.

Разумѣется, этотъ поэтъ—я.

Мнѣ, право, было больно узнать, что въ этой квартирѣ живетъ какой-то электро-монтеръ, его женѣ лѣтъ 40 и ихъ—только двое...

...Хозяйка у меня—рыхлая, сырая и добрая старушка. Когда бьетъ 4 часа, она вноситъ въ мою комнату графинъ кипяченой воды и говорить.

— А вы такъ заработались, что совсѣмъ забыли объ обѣдѣ!

А и въ самомъ дѣлѣ... Я, торопясь, одѣваю пальто и иду обѣдать.

— Долго хожу по улицамъ.

Хорошо бы сейчасъ найти сто рублей или свертокъ съ колбасой.

Если положить въ ротъ кусокъ хорошо прожареннаго бифштекса и крѣпко сжать его зубами, въ небо брызнетъ сокъ...

Впереди меня идетъ дѣвушка. Черное бархатное манто небрежно обволакиваетъ тонкіе контуры ея фигуры. Хорошо-бы подойти къ ней и сказать:

— День ослѣпительно солнечный. Вы молоды и прекрасны. Не поѣхать намъ покататься, мой автомобиль къ вашимъ услугамъ!

...Мой автомобиль...

Я медленно плетусь за нею. Здѣсь, гдѣ властвуетъ золото, гдѣ вмѣсто любви—купля-продажа, здѣсь, милая дѣвушка, мои пѣсни цѣнятся слишкомъ мало...

Я догону ее, посмотрю въ ея глаза и навсегда оставлю ихъ въ своемъ сердцѣ... Я догоняю... я наравнѣ съ ней... Взглядываю... и, насвистывая небрежный романсъ, останавливаюсь у магазинной витрины...

Старая, высохшая дѣва, которая прожила не менѣе полувѣка... Но дороже всего всего стоила ея кокетливая улыбка...

— До свиданья!

Въ концѣ концовъ, все это не такъ ужъ плохо...

Я долго ишу сто рублей, но, вѣроятно, ихъ нашелъ кто-нибудь раньше меня, или никто не терялъ ихъ.

Когда я прихожу домой и разговариваю съ моей старушкой, я бываю всегда очень раздраженъ: эти возмутительныя столовыя, гдѣ все такъ дорого и такъ скверно. Право лучше немного переплатить и обѣдать въ ресторанѣ я, кажется, такъ и сдѣлаю...

Вечерами ко мнѣ часто приходитъ поэтъ. У него, какъ и у меня, очень длинные волосы и очень мало бороды и усовъ.

Мы читаемъ другъ другу свои произведенія, мы создаемъ новыя литературныя теченія, мы несемъ въ этотъ убогій міръ блѣдныхъ лицъ и недоверенныхъ суповъ свѣтлую радость искусства... Когда поздно ночью вы идете по улицѣ и увидите одинокій свѣтъ въ окнѣ седьмого этажа благоговѣнно снимите шляпу...

У каждого изъ насъ есть прошлое.

Кто-то милый и грустный длинными, тонкими пальцами играетъ въ твоихъ золотистыхъ волосахъ и тихо говоритъ:

— Какой ты глупый, мой шалунишка! Какой ты глупый!

Но мамины пальцы сбросишь невольно и только тихо цѣлуешь ихъ... Дальше, тамъ—свѣтлое...

— Да здравствуетъ социализмъ и люблю я васъ, Зиночка, безумно!..

Все это—мальчишество, сентиментальность и вздоръ. Въ маленькой каморкѣ седьмого этажа готовится радость жизни и когда мы ее, мой милый поэтъ, понесемъ людямъ, у насъ будутъ цвѣты, любовь и шампанское...

...Я говорю ей:

— Здравствуйте, Ида!

Ида хочетъ ѣхать на острова, закаты тамъ упоительны...

— Это пошлость, Идочка! Разряженные дамы, сытая физиономія мѣщанъ, это—такое уродство! Идочка одна ѣдетъ на острова...

Я найму автомобиль, я приглашу самую красивую женщину въ мірѣ, украшу ее розами и мы поѣдемъ мимо Иды...

И когда Ида улыбнется мнѣ привѣтливо и общающе, я только медленно и почтительно раскланяюсь съ ней.

А потомъ я посвящу ей сонетъ... Это будетъ дивное сочетаніе музыки и красокъ. Объ этомъ сонетѣ говоритъ весь міръ, газетныя статьи посвящены мнѣ, книга моя раскупается нарасхватъ...

А я пойду къ Идѣ, стану передъ ней на колѣни и буду цѣловать ея крошечныя ручки... И я скажу ей:

— Моя королева! Весь міръ—мой! Самыя красивыя женщины будутъ принадлежать мнѣ, если только я захочу этого... но я люблю только васъ, моя жестокая, прекрасная королева.

Ида улыбается задумчиво и нѣжно,—такъ, какъ можетъ улыбаться только Ида, и будетъ своей точеной рукой ласково путать мой кудри...

Я свищу бодрый, бравурный маршъ и тщательно свертываю вечернюю „Биржевку“.

Умѣнье жить, это—все-таки самое главное.

Я вкладываю газету въ ботинокъ и тамъ, гдѣ на мѣстѣ подметки зияла дыра, аккуратно выглядываютъ печатныя строки.

Если идти, опираясь только на правую часть ступни, это будетъ походка немного услалго человека и больше ничего...

Это даже красиво...

Воротничекъ я очень удачно перевернулъ на обратную сторону, а тамъ, гдѣ сѣрѣли рукава моего пиджака, я кладу мягкіе чернильные мзки...

...У Иды гости..

Если бы я былъ одинъ, я намазаль бы.. масломъ огромный кусокъ хлѣба, положилъ сверху пласть ветчины и...

Это—правда, что, когда думаешь о кушаньяхъ, рогъ наполняется слюной... Ее выдѣляютъ какія-то желѣзы...

Но у этого чистенькаго студентика—такой насмѣшливый взглядъ...

Я только что пообѣдалъ и мнѣ совершенно не хочется ѣсть, очень благодаренъ... Чаю? О, да! Съ удовольствіемъ!..

Однако, этотъ чистенькій студентикъ ѣстъ ветчину довольно оживленно и смѣется громко и раскатисто.

А Ида смотритъ на него очень благосклонно...

Какъ онъ отвратительно чавкаетъ!

У длинноволосаго, суроваго художника очень независимый видъ и ѣстъ онъ очень мало.

Мнѣ кажется, что у него тоже не все благополучно обстоитъ съ ботинками.

Когда Ида начинаетъ разговаривать со студентомъ о Шалыпинѣ, мое сердце сжимается и тихо падаетъ... Мнѣ остается одно.

Я отрицаю музыку, я терпѣть не могу оперы, а этотъ Шалыпинъ просто зычный крикунъ.

А Ида смѣется и говоритъ:

— Но вы достанете мнѣ билетъ. Не правда-ли? Вы поэтъ, у васъ литературныя связи... Вамъ это такъ легко!

...Я ухожу, а студентъ остается. Ида хочетъ ему прочесть ему какое-то забавное письмо...

Художникъ идетъ со мной и тщательно обходить лужи.

Ты тоже идешь создавать новыя цѣнности. Ты рисуешь глаза Иды, и, когда весь міръ будетъ говорить о твоей картинѣ, ты придеши къ Идѣ и скажешь:

— Моя королева...

Это такъ знакомо, мой милый, такъ знакомо!..

...Я тихо иду по улицамъ... Сѣтка дождя... Туманныя пятна фонарей...

Вода пробирается сквозь бумажную подметку и щекочетъ пальцы...

Но... какой вздоръ...

Вѣдь Золя тоже ходилъ въ порванныхъ ботинкахъ.

3. ИХЪ ПРАЗДНИКЪ.

У юнаго лирика были длинные волосы, печальные глаза и скверное настроеніе.

На улицахъ были толпы народа и разногласій шумъ, въ которомъ рѣзко выдавались трамвайные звонки, поднимался къ небу. Всѣ были возбуждены и радостны и цѣпкая предпраздничная суэта юрко бѣгала по улицамъ, щекоча сердца.

Юный лирикъ купилъ ветчины, бутылочку коньяку и коробку маринада. Сдѣлавъ онъ это, конечно, не потому, что завтра Рождество, а просто—эти прохвосты считаютъ себя въ правѣ лѣнтяичничать и всѣ сголовые будутъ закрыты.

— Чепуха на постномъ маслѣ!

У него въ комнатѣ, маленькой каморкѣ седьмого этажа, было прибрано и на окна повѣшена новая гардина...

Юный лирикъ гордо ухмыляется, видя такую роскошь.

— Такъ... Такъ... Цѣлый годъ можемъ жить въ грязи, а теперь надо чиститься... Очищеніе... Праздники!.. какъ же можно!

Онъ хочетъ написать сильное и скорбное стихотвореніе объ этихъ скотахъ, которые изгадили жизнь... Но ему грустно и звучныя строфы совсѣмъ не идутъ изъ-подъ пера...

Слышно, какъ въ сосѣдней комнатѣ хозяйка

говорить своему мужу, что у ней чуть было не подгорѣли пирожки.

Лирику, который так тонко понимает людей, досадно отъ этого разсказа...

— Пирожки, это—праздникъ... Это—радость ихъ жизни! Эхъ... толпа!

Когда-то дома, въ маленькомъ городкѣ, въ этотъ день убирали столы... Была ветчина, поро-сенокъ, икра...

— Хлѣбъ намазать икрой, сверху тоненькій кусочекъ индѣйки...

Лирику хочется ѣсть, но онъ сумрачно тушить лампу и ложится спать.

— Завтра успѣется!—думаетъ онъ.

II.

На окнѣ морозъ нарисовалъ картину. Тропическій лѣсъ—стройныя пальмы, среди густыхъ папоротниковъ

— Ишь-ты! думаетъ лирикъ, разглядывая рисунокъ.—Талантъ. На душѣ—свѣтло, оттого, что праздникъ, и, кажется, что этотъ день принесетъ какую-то большую радость...

Когда онъ умывается въ кухнѣ, хозяйка говоритъ, что на улицахъ — гибель народа — „все идутъ, все идутъ“.

Потомъ она приноситъ ему къ какихъ-то пирожковъ съ вареньемъ.

— Кушайте, голубчикъ! Небось одному-то не сладко въ праздникъ!

Лирикъ краснѣетъ и, низко наклонившись къ столу, благодарить.

— Разнѣжничались тоже, — бубнить онъ, когда хозяйка ушла. — Очень нужно! Просили!

— Эти мѣщане понаставили себѣ въ жизни лубочныхъ картинокъ и радуются. Тьфу.

Кто-то позвонилъ, простучали звонкіе шаги въ коридоръ и дѣвушка въ осеннемъ пальто и дешевой шапочкѣ вошла въ комнату. Она покраснѣла, остановилась у порога и сказала конфузливо:

— Здравствуйте, Коленка! Съ праздникомъ!

Лирикъ, сдѣлавъ видъ, что отрывается отъ какихъ-то, ему одному извѣстныхъ думъ, говоритъ разсѣянно:

— Ахъ, это ты, Шура... Здравствуй! Раздѣвайся!

Шура принесла пирожковъ и немного телятины... Только пусть онъ не сердится... Совсѣмъ немного... Вѣдь онъ столько разъ угощалъ ее...

Лирикъ сердито машетъ рукой:

— А-а... ну, вась!

Отъ Шуры пахнетъ морозомъ и духами.

— Вотъ я кофточку сама сшила! Нравится?

Аляповато. Бантъ какой-то кричащій и эти полоски—совершенно лишнія. Шура печалится и говоритъ, что она споретъ полоски... Это—ничего. А бантъ?.. Какъ же безъ банта?

Потомъ они пьютъ чай и Шура рассказываетъ, что въ мастерской передъ праздниками—уйма работы... Даже въ кинематографѣ ни разу не была...

Лирику хочется сказать, что ему грустно, но Шура не пойметъ, да и ныть передъ бабьемъ не въ его правилахъ.

— Коленка! — говоритъ дѣвушка, благоговѣйно смотря на лирика... — Коленка, прочитайте мнѣ ваши сочиненія!

Лирикъ небрежно, будто нехотя, роется въ бумагахъ и говоритъ:

— Не сочиненія, а стихи... Поняла?

— Ну, стихи... Никакъ не упомяну!

Лирикъ читаетъ, что на коврѣ у фонтана сидѣла прекрасная гречанка, обрывала лепестки розы и бросала ихъ въ бассейнъ.

Шура слушаетъ и ей такъ радостно и свѣтло сейчасъ...

— Коленка такой умный... Такой умный...

Она смотритъ, какъ раскрывается его ротъ, какъ сморщиваются иногда его брови и дрожатъ волосы.

Когда онъ кончилъ, Шура глядитъ на него, счастливо улыбаясь...

— Страшно трогательно!

Лирикъ досадливо бросаетъ бумаги на столъ и откупориваетъ коньякъ.

Они закусываютъ и лирикъ говоритъ, что хотя она ничего не понимаетъ, но, когда онъ будетъ знаменитымъ, онъ покатаетъ ее на собственныхъ рыскахъ...

Потомъ онъ рассказываетъ ей о Христѣ.. О томъ, что пришелъ Онъ къ людямъ злымъ и несправедливымъ и сказалъ имъ: Вы живете не такъ, надо любить другъ друга.

Рассказываетъ, что когда онъ родился и къ нему пришли мудрецы одѣтые въ бѣлые хитоны...

— Ты знаешь, что такое хитонъ?

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ Шурочка и конфузится.

— Эта такая длинная, бѣлая мантия... Вотъ какъ дьяконъ носитъ въ церкви!

— Какъ капотъ! догадывается Шурочка.

Лирикъ сердится, но продолжаетъ говорить о томъ, что они принесли ему ладонъ, злато и смиру... какъ царю и Богу... Это было восхитительно красиво...

Когда поздно ночью Шура возвращается къ себѣ, она приклеиваетъ на страничкахъ своего дневника трамвайный билетъ и пишетъ карандашами „Сегодня съ этимъ билетомъ я ѣздила къ нимъ. Они мнѣ читали свои сочиненія...“. Шура спотыкается, тщательно зачеркиваетъ „сочиненія“ и пишетъ, стихи“... и „рассказывали про Господа нашего Иисуса Христа распятого же за ны при понтіестемъ Пилатѣ“. Послѣднее она прибавляетъ по тому, что хорошо знаетъ вѣрую.

5. ЛИСЬЯ ШКУРКА.

I.

И вотъ я въ послѣдній разъ зашелъ въ этотъ милый глухой переулокъ, гдѣ живетъ Иванъ Петровичъ.

Старый, лохматый Калигула узнаетъ меня и дружелюбно машетъ хвостомъ.

— Прощай, Калигула,—уѣзжаю!

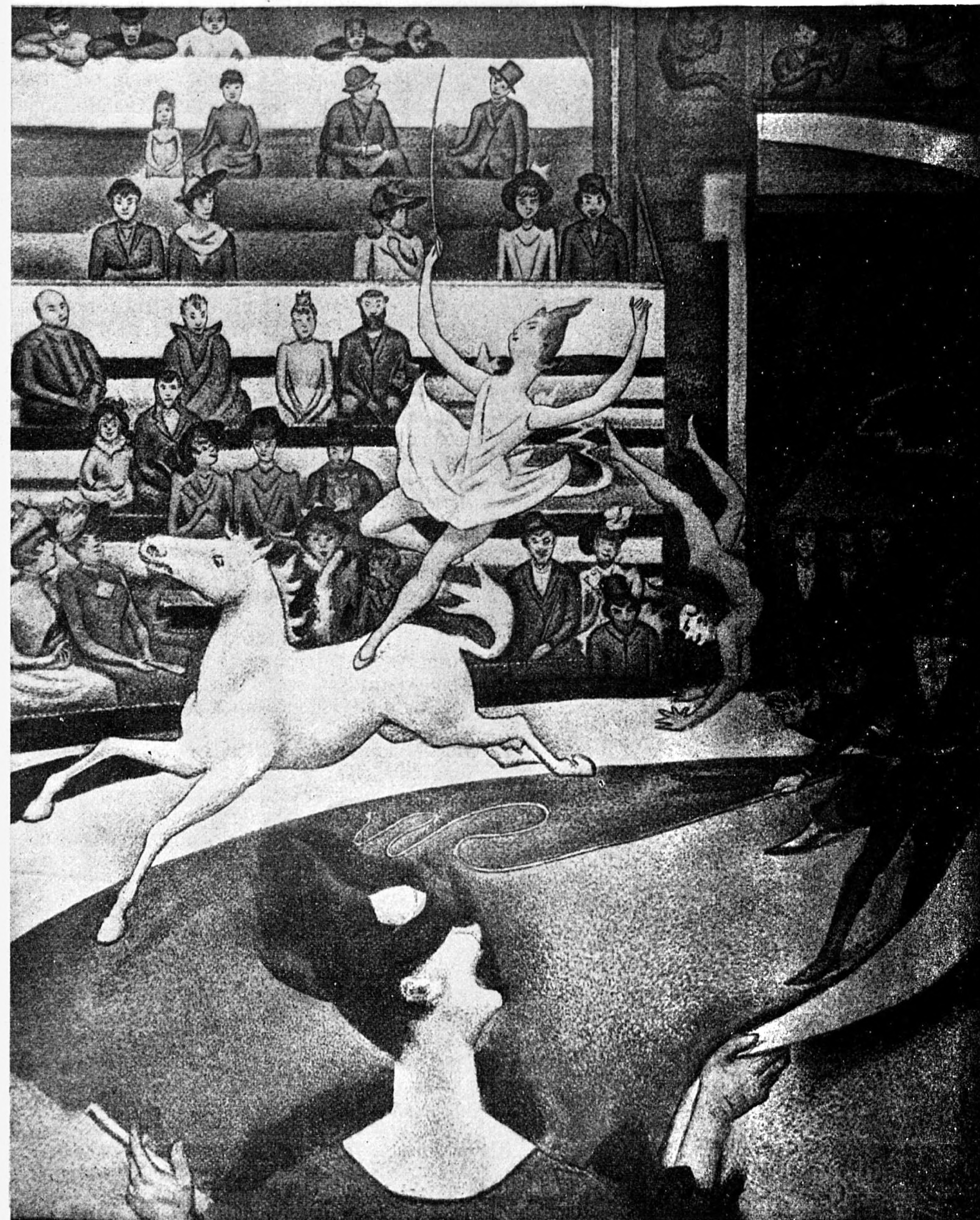
Калигула третъ у моихъ ногъ, заглядываетъ въ глаза и изъ изъясняетъ живѣйшую радость,

— Ты невѣжливъ Калигула, ты невѣжливъ... Ты долженъ былъ немного погрустить, даже расплакаться... Пошелъ!

Знакомо трещать перила крыльца и дребезжить тускленькое стекло окна...

Иванъ Петровичъ знаетъ, что я пришелъ къ нему въ послѣдній разъ, и у него на лицѣ—выраженіе лукавой таинственности.

Въ маленькой гостиной, гдѣ створчатое зеркало въ рамкѣ „рококо“, выцвѣтшіе портреты и старинные клавесины, Иванъ Петровичъ сервировалъ завтракъ. Посрединѣ, въ маленькомъ бокалѣ, запыленные бумажные цвѣты.

— Ну, какъ?

Иванъ Петровичъ указываетъ на столъ и ждетъ. Я говорю, что это очаровательно... Въ первоклассныхъ ресторанахъ не сдѣлаютъ ничего лучше.

Иванъ Петровичъ покровительственно смѣется моему восхищенію и приглашаетъ садиться.

— Я, батенька, на этомъ полъ-состояніи прожилъ. Надо бы научиться! Когда онъ былъ офицеромъ... Было это лѣтъ... да лѣтъ 30 тому назадъ.

— Такъ вотъ у васъ тамъ на Морской есть подвальчикъ такой... Мсье Жанъ содержалъ... Разговорчивый такой французъ... Въ очкахъ ходить:

Конечно, это — вздоръ тридцать лѣтъ... На Морской попрежнему подвальчикъ и тамъ чудакъ и разговорчивый мсье Жанъ.

Потомъ идутъ женщины, черноокія красавицы, которая обманывали своихъ мужей и безумно любили его, Ивана Петровича.

Много брилліантовъ, женщинъ и шампанскаго..

Ивану Петровичу грустно от воспоминаний.
— Вѣришь-ль, какъ вспомню Питеръ... Такъ... — Старикъ безнадежно машетъ рукой и выпиваетъ рюмку какой-то настойки.

Мы говоримъ о пустякахъ, объ исправникѣ, о женѣ адвоката, которая устроила скандалъ въ клубѣ, о скукѣ...

Когда прощаюсь, таинственное выражение на лицѣ Ивана Петровича дѣлается ярче.

Постой-ка, милый!

Онъ приноситъ мнѣ плотно увязанный свертокъ, подаетъ и конфузится.

— Вотъ... Лисья шкурка, братъ... конечно, пустяки... ну, подаришь тамъ что ли!

Я благодарю и говорю, что, право, мнѣ некому дарить ее.

— Ну-ну, — лукаво, смѣется Иванъ Петровичъ, — знаемъ мы вашего брата... Небось какая-нибудь красавица того... А?!. Онъ хитро подмигиваетъ и указываетъ на сердце.

— Какая нибудь баронесса тамъ или княжна... А?.. А ты, братъ, вотъ что...—Иванъ Петровичъ дѣлаетъ паузу, подходитъ ко мнѣ, дѣловито беретъ за пуговицу пиджака и говоритъ серьезно и вдумчиво:

— Ты братъ Расскажи, что ты самъ убилъ... Этакій, понимаешь дремучій лѣсъ, волки воютъ, а ты вотъ о ней думаешь, ее любить и для нее лисицу убивать идешь... Нѣтъ.. Ты, ей-Богу, Расскажи, Расскажи... Онѣ это любятъ... Вотъ со мной была случай...

Иванъ Петровичъ кончаетъ свой рассказъ, мы крѣпко цѣлуемся и я ухожу съ драгоценнымъ сверткомъ.

II.

Конечно, хорошо-бы подарить эту шкурку баронессѣ или княжнѣ... Подойти къ дѣвушкѣ съ нѣжной, прозрачной какъ стекло кожей, поцѣловать у ней руку и сказать:

— Мой нѣжный ангелъ... Вотъ эта шкурка... „Ангелъ“... „Звѣздочка“... нѣтъ... Это—шаблонъ... Я бы подобралъ изысканныя слова, полныя тихой музыкальностью... Такія нѣжныя, такія воздушныя...

Но... дѣло въ томъ, что княжны нѣтъ...

Ее зовутъ Таней... Она—не княжна правда, она даже—не баронесса, но она—прекрасна... У ней—глубокіе, печальные глаза, нѣжные, бѣлокурые волосы и красивыя руки съ длинными, тонкими пальцами. Такіе пальцы бываютъ у талантливыхъ пианистовъ, а она не щадитъ ихъ для жалкой пишущей машинки... Но вѣдь это—вина судьбы... и только.

Я подарю эту шкурку Танѣ, и когда ко мнѣ придетъ художникъ Родриго и композиторъ Юрка, мы устроимъ балъ... Балъ въ честь лисей шкурки и Ивана Петровича... Ему можно будетъ послать телеграмму...

Отъ двухъ князей и одной баронессы...

И я написалъ ей письмо... Маленькій, розовый кусочекъ бумаги, я надушилъ „персидской сиренью“ и бросилъ въ почтовый ящикъ...

И я ждалъ ее... Я купилъ розъ и ландышей и поставилъ ихъ на столъ, гдѣ была изящная, золотистая коробка съ ирисомъ. А лисья шкурка, такая пушистая, отливающая атласомъ, лежала около... я ждалъ...

Въ 11 часовъ ко мнѣ пришелъ композиторъ

Юрка. Онъ нетвердо стоялъ на ногахъ, ехидно улыбался, глядя на меня, покачивалъ головой и, наконецъ, спросилъ:

— Ждешь?

Это—странно. Мнѣ во всякомъ случаѣ лучше знать, что я дѣлаю.

— Нѣтъ, такъ, вообще..

— Ты врешь, голубчикъ!—Хладнокровно говоритъ Юрка.—Онъ закуриваетъ и сообщаетъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ художникъ...

— Ей, видишь ли, понравилось, какъ онъ завязываетъ галстукъ! Юрка громко ухмыляется и, немного помолчавъ, выразительно тянетъ:

— Же е е-нщина!..

Мы пьемъ коньякъ и Юрка утѣшаетъ меня. Онъ говоритъ, что не все потеряно, по крайней мѣрѣ, онъ беретъ написать музыку къ моимъ стихамъ... Я ему рассказываю исторію со шкуркой:

— Ты понимаешь, не было дня, когда въ деревни волки не загрызали человѣка... Старики говорятъ, что не упомянуть такого ужаса... И я изъ за нея пошелъ въ лѣсъ... Ты только представь себѣ... Одинъ. Съ жалкимъ, дробовымъ ружьемъ!..

Юрка говоритъ, что это—тема... Чортъ возьми! Это—блестящая тема!

— Вотъ ты идешь въ лѣсъ... ночь... Шумятъ деревья... Буря.. Воютъ волки... Тра-ра-рамъ, тра-ра-ра-ра!..—Юрка раскачивается и создаетъ мотивъ

— А въ твоей душѣ думы о ней... Такія, понимаешь ты, чертовски нѣжныя! Чертовски! Ля-ля ля, ля-ля-ля!

Потомъ Юрка предлагаетъ мнѣ продать шкурку... Онъ сейчасъ въ чертовской цѣнѣ... Можно получить пятьдесятъ рублей... Онъ даже беретъ сдѣлать это!..

Я внимательно смотрю на этого человѣка...

— Продать шкурку?! Эту шкурку!..

Я улыбаюсь укоризненно и печально.

— Ты—глупъ, Юрка!

III.

Я подарю эту шкурку какой-нибудь красивой и печальной дѣвушкѣ. Встрѣчу на улицѣ и скажу:

— Дѣвушка! Милая дѣвушка! Я одинокій поэтъ, у котораго есть лисья шкурка!..

Дѣвушка, разумѣется, спроситъ меня, почему я одинокъ. Потомъ мы пойдемъ къ ней и у камина я расскажу ей все... Это—ужасно красиво!

Я сажусь писать стихотвореніе про гордую царевну, которая приказала своему рыцарю достать рѣдкій жемчугъ... Но приходитъ Юрка и говоритъ, что мнѣ надо развлечься.

— Ты поблѣднѣлъ, осунулся!.. Одѣвайся!

Мы ѣдемъ въ скверный грязненькій шантанъ...

Художникъ Родриго уже сидитъ за столомъ, къ которому подводитъ меня Юрка.. Родриго смущенъ... Онъ говоритъ, что все это вышло такъ неожиданно, такъ случайно.

Яправляю свои волосы немного театральнымъ жестомъ и долго трясую руку Родриго.

— Любовь—свободна, мой другъ!

Родриго обѣщаетъ нарисовать мнѣ картину, какъ я иду ночью въ лѣсъ, за лисицей... Ему все уже рассказалъ Юрка...

— Это будетъ стильная вещица, чортъ возьми!

Около насъ много дѣвушекъ и мнѣ больно видѣть среди нихъ нѣжныя, красивыя лица, съ большими, наивными глазами...

— Если бы ты подарилъ шкурку какой-нибудь изъ нихъ, это, право, было бы не плохо!—думаю я...

— Послушайте, барышня!..

Она останавливается около насъ, лихо шелкаетъ пальцами и смотритъ, цинично раскачиваясь...

— Что?..

— Нѣтъ... Такъ... Я ошибся... Ничего. Проходите!

Я не подарю ей шкурки...

Мы уходимъ рано и Родриго отстаетъ отъ насъ на хорошо знакомой мнѣ улицѣ...

— Зайти мнѣ надо... пріятель одинъ... обещалъ!..

Юрка беретъ меня подъ руку... Господи! Развѣ женщины стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ волноваться... Женщины это—тема...

— Ты понимаешь... Тема и больше ничего!.. Женщины это вотъ... И Юрка взвизгиваетъ какой-то нелѣпый, бурный мотивъ, гдѣ звуки зигагами падаютъ въ пропасть...

Мнѣ идти дальше всѣхъ, я прощаюсь съ Юркой и иду одинъ... Впереди меня стукнула дверь подъѣзда и дѣвушка въ бѣлой вязаной шапочкѣ, легко спрыгнула со ступенекъ... Кто-то провожаетъ ее... Она оборачивается къ двери и звонкій дѣвичій голосокъ на мгновенье колышетъ тишину улицы:

— Не идите дальше, милая... До свиданья... Что вы!.. Здѣсь совсѣмъ близко!

Она закидываетъ боа и идетъ... У ней торпливая четкость шаговъ и каблукъ звонко отстукиваютъ по мокрой панели...

Право, я пойду къ ней...

— Милая дѣвушка... Вы извините меня... Я не хочу причинить вамъ зло...

Она ускоряетъ шаги.

— Не бѣгите отъ меня... Я хочу только поговорить съ вами... Я—поэтъ... Я одинокъ, милая дѣвушка... Я хочу сдѣлать подарокъ...

— Отстаньте отъ меня!

Я говорю, что это вздоръ... Почему люди такъ боятся другъ друга... Мой подарокъ...

О, я хотѣлъ сдѣлать его любимой, но она измѣнила мнѣ...

— Слушайте, милая!

Дѣвушка въ бѣлой шапочкѣ бросается бѣгомъ впередъ и затихнувшія улицы разбужены отчаяннымъ дискантомъ:

— Дворникъ! Дво о-о-рникъ!

Утромъ я продалъ шкурку татарину.

VI.

ВЕЧЕРИНКА.

Кода небо бываетъ сѣрымъ и съ безгливой гримасой плюетъ на землю надоѣдливо нуднымъ дождемъ,—такъ скучно въ этихъ маленькихъ каморкахъ 5-хъ и 6-хъ этажей, гдѣ пахнетъ прогорклымъ лукомъ, за стѣной пищать дѣтшки и липкая сырость ползетъ по красненькимъ цвѣтамъ обоюв...

Жизнь—безрадостна, наука—глупый сфинксъ, требующій жертвъ (Учебникъ Государственного

права 3 р. 50 к. Безобразіе), а Надя—совсѣмъ обыкновенная женщина и ея загадочные глаза—вздоръ, женское лукавство и больше ничего!

Вчера она гуляла съ какимъ-то „котелкомъ“!..

...Надя... Эта милая, чистая Надя!

Жизнь принадлежитъ сильнымъ, батенька! И если у тебя нѣтъ лишнихъ трехъ рублей, ты долженъ уйти изъ нея... Уйти и больше ничего... Ясно, какъ апельсинъ!

Чайльдъ-Гарольдъ становится посрединѣ комнаты и, засунувъ руки въ карманы, демонически смѣется...

...У дѣвушки—красная лента въ волосахъ...

Городъ такой большой, большой... А она не была ни на одномъ концертѣ, ни на одномъ спектаклѣ... Въ гимназіи, когда устраивались балы, ей писали такія милыя, смѣшныя записки и подносили цвѣты... Это было восхитительно... А здѣсь она—одна, совсѣмъ одна... Конечно, очень интересно на курсахъ... И профессора... они всѣ такіе умные... но... она... одна... Право, лучше умереть... На ея гробъ положить вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, будутъ трогательно пѣть вѣчную память... И всѣмъ такъ жаль, такъ жаль ее... Она положила голову на руки и красная ленточка дрожитъ отъ рыданій...

Скучно въ каморкахъ 5-хъ и 6-хъ этажей, когда наступаетъ осень и идетъ надоѣдливо нудный дождь...

И когда уже всѣ корабли сожжены сзади и нѣтъ ничего впереди, человѣкъ покупаетъ бензинъ и, насистывая самую мрачную вещь, чиститъ тужурку.

— Эти дикія вечеринки подъ дикую музыку... Какая нелѣпость... Господи, какая нелѣпость!

Но ботинки у него блестятъ и онъ нѣсколько разъ сосредоточенно, серьезно нюхаетъ рукавъ своей тужурки:

— Чепуха! Бензинъ испаряется быстро!

* * *

Свѣтло и радостно. Горитъ большая электрическая люстра, а по стѣнамъ такіе изящные канделябры...

Пахнетъ духами... Простыми, дешевыми, но такими милыми.

Курсистки надѣли розовыя кофточки и ленты въ ихъ волосахъ такъ тонко прилажены.

Въ углу сидитъ студентъ съ длинными волосами и бородой... онъ размахиваетъ руками и говоритъ, что экономическій матеріализмъ—единственная возможность научно объяснить ходъ исторіи.

— Вѣдь вы согласны товарищъ Маруся!

О! Это совершенно ясно, что не нуженъ былъ бы здѣсь экономическій матеріализмъ, если бы не глаза Маруси. Дивные глаза!

Когда Маруся получаетъ записку и звонко хохочетъ читая ее, у студента печальный взглядъ.

Звуки вальса. Они такіе тихіе, плавные и всегда, когда играютъ вальсъ, хочется вспоминать о чемъ-то далекомъ, миломъ, куда-то навсегда ушедшемъ... Безвозвратно...

— Правда, вѣдь, Катя?

— Да, да... Вы о чемъ вспоминаете, Володя?

— Я думаю о моей юности, о моей первой любви и мнѣ грустно!

Катя поднимаетъ на Володю свои глаза большіе и ясные:

— Почему?

У Володи въ прошломъ много мрачнаго... Будущее? Хм! Слава Богу, онъ не зеленый гимнистъ, чтобы утѣшать себя этимъ миражемъ...

— Но, вѣдь, васъ могутъ полюбить!

Володя печально улыбается... Онъ знаетъ цѣну женской любви.

Но у Кати блестятъ глаза и когда они проходятъ темнымъ корридормъ, она тихо беретъ Володю за руку.

* * *

— Вы не танцуете даже вальса?

У дѣвушки—точеный профиль и строгій, задумчивый взглядъ.

— Когда люди голодаютъ, стыдно танцовать!

— Хорошо. Но позвольте вамъ подарить эту розу, она такая же печальная, какъ вы!

Дѣвушка улыбается и беретъ розу.

— Вы говорите глупости!

Они разговариваютъ долго и потомъ идутъ подъ руку...

— Въ землячествѣ теперь такой застой, такой застой...

Потомъ они говорятъ, что любовь... это—очень хорошо, но надо быть сознательными...

А вотъ, бѣжить раскраснѣвшаяся курсистка... У ней маленький бѣлый фартучекъ и ея лицо ужасно серьезно и взволновано.

— Это прямо несчастье, товарищъ Иванъ, прямо несчастье... Яблоки привезли, а они почти всѣ гнилыя!

У товарища Ивана крайне растерянный видъ, волосы у него растрепались и потъ катитъ градомъ.

— Какъ? Гдѣ?!

Онъ летитъ внизъ и нечеловѣческимъ голосомъ кричитъ на мальчишку въ фартукъ:

— Скажи своему хозяину, что онъ мерзавецъ!.. Понялъ? И что мы гнилыхъ яблокъ не беремъ... Не беремъ! Понялъ?!

Мальчишка сконфуженный и испуганный говоритъ, что онъ не съ яблоками, а съ пивомъ.

Товарищъ Иванъ сначала ошеломленъ, а потомъ конфузится.

— Ну... ты, братъ, прости меня... Я думалъ ты съ яблоками... Ты того, братъ, не сердись!

И, ужъ забывъ о яблокахъ, товарищъ Иванъ и курсистка въ бѣломъ фартучкѣ бѣгутъ вверхъ по лѣстницѣ и громко смѣются.

У нихъ страшно много дѣла... Надо осмотрѣть пиво, надо нарѣзать бутерброды... Публики такъ много, сборъ такой хорошій...

— Гдѣ булки, товарищъ Иванъ? куда вы дѣли булки? Господи!

Музыка играетъ... Тихія волны вальса качаются въ залѣ... Радостно свѣтитъ электричество и жизнь такъ прекрасна...

* * *

Когда у нихъ будутъ усы, бороды и новые фраки для вечеровъ, они, конечно, не будутъ покупать бензинъ и чистить тужурки... Но его запахъ—ѣдкій, непріятный, но такой безконечно милый, навсегда останется въ памяти, какъ запахъ ея духовъ, какъ запахъ тѣхъ фіалокъ, изъ которыхъ когда-то, давно-давно, ему сплела вѣнокъ милая дѣвушка... И эти маленькіе каморки

превратятся въ воспоминанія въ дивные дворцы, въ которыхъ жила ихъ молодость...

VI.

САШКА.
ДѢТСТВО.

До десяти лѣтъ его звали Саша. Былъ онъ скромный и застѣнчивый мальчикъ, хорошо читалъ, пѣлъ жалобно священные пѣсни, и, когда хотѣли укорить кого-либо изъ его сверстниковъ, говорили:

— Посмотри, какъ сидитъ Саша!

Саша склонялъ голову на бокъ, закатывалъ глаза къ небу, скромно вздыхалъ и смотрѣлъ ангельскимъ взоромъ.

Но вотъ однажды Сашей овладѣлъ духъ протеста.

— Почему это учитель всегда говоритъ въ классѣ?—задумался онъ.— Не попробовать ли сдѣлать это мнѣ?

Попробовалъ. Вышелъ изъ-за скамьи, строго посмотрѣлъ на учителя и сказалъ:

— Ну-ка, потише!

Потомъ обернулся къ классу:

— Дѣти, прошлый разъ мы остановились...

Дальше ему продолжать не удалось... Былъ посаженъ въ карцеръ, обидѣлся и сказалъ:

— Хорошо!

Съ тѣхъ поръ началась его многострадальная карьера, во время которой имя его (оно теперь было Сашка) употреблялось съ какимъ-нибудь нехорошимъ прибавленіемъ...

У себя въ саду онъ устроилъ школу, куда собирались ребятишки со всей деревни. Надо сказать, что посѣщенія ихъ были не особенно безскорыстны, ибо Сашка опустошалъ предварительно всѣ ящики съ конфетами и пряниками въ лавкѣ отца.

Когда въ школу (настоящую) пріѣхалъ архіерей, ѣздившій по епархіи, Сашку за громкій голосъ выбрали прочесть молитву передъ ученіемъ. Сашка прочелъ... Когда его спросили, что онъ читалъ и гдѣ онъ это слышалъ, Сашка отвѣтилъ скромно, но съ достоинствомъ:

— Это я самъ сочинилъ!

Выгнали изъ школы...

— Что же мнѣ съ тобой дѣлать, окаяннымъ? Научи ты мена, ради Христа!—плакала Сашина мать.

— Отдамъ тебя, мерзавца, въ свинопасы, будешь знать!—грозила отецъ.

— Къ Андрею или къ Никифору?—спросилъ Саша, называя двухъ сельскихъ свинопасовъ.—Отдай къ Андрею, онъ лучше!

Ну, вотъ тутъ и поговори съ нимъ!

Но Саша попалъ въ гимназію...

ОТРОЧЕСТВО.

Въ гимназіи Сашка исправился. Правда, онъ не прислуживалъ въ алтарѣ, не пѣлъ на клиросѣ, но учился хорошо и привозилъ домой похвальные листы.

Но когда, однажды, классный надзиратель уронилъ ручку и приказалъ Сашѣ поднять ее, Саша отвѣтилъ:

— Это не мое дѣло, Иванъ Ивановичъ, позовите сторожа!

Сашу оставили безъ обѣда на три часа и потомъ инспекторъ рассказывалъ въ учительской:

— Вѣрите-ли, такъ на него кричалъ, что не то, что ребенокъ,—взрослый-бы не выдержалъ. Ногами стучалъ такъ, что до сихъ поръ пятки болятъ... Голосъ и сейчасъ хриплый... А онъ хоть бы что... Смотритъ такъ невинно и говорить, что-де сторожа за тѣмъ и приставлены, чтобы служить, за то и деньги получаютъ!..

Будучи въ третьемъ классѣ, Сашка занялся литературой и выпустилъ журналъ, въ которомъ была его передовица: „Что лучше—Будда или Магометъ, и какая между ними разница“.

Самъ онъ былъ буддистомъ, и по закону Божію всегда имѣлъ тройку.

Въ четвертомъ классѣ когда уже начались разговоры о томъ, что выкурить десятокъ папирозъ въ затычку—дѣло совершенно пустяковое, и розовыя записки яркими пятнами красовались на темномъ фонѣ партъ, Сашка ушелъ отъ жизни. И когда ему прислали въ надушенномъ конвертѣ милыя строки съ вопросомъ, почему онъ такой хмурый, никогда не гуляетъ по Дворянской и не хочетъ познакомиться съ ней, Нюсей, Сашка отвѣтилъ: „Женщинъ я не люблю и прошу ко мнѣ не приставать“.

Узнавъ, что существуетъ языкъ эсперанто, онъ ревностно принялся за его изученіе и совершенствованіе, и черезъ недѣлю обратился къ классу со слѣдующей рѣчью:

— Гда учше нувъ зыкъ ой брелъ, шучить го!

Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, а Сашка стоялъ на кафедрѣ и, вдохновенно жестикулируя, продолжалъ:

— Чки ага дины катся мо жка уга!

Дѣло объяснилось очень просто. Сашка избрѣлъ свой собственный языкъ.

— Это очень легко и просто! Этотъ языкъ—красивый и легче русскаго!

Потомъ Сашка увлекся Толстымъ... Долго изучалъ его непротивленіе злу и евангеліе, и однажды подошелъ къ директору, коснулся его плеча и, низко кланяясь сказалъ:

— Здравствуй, любимый братъ мой, Никодимъ!

Пріѣзжалъ отецъ и упростилъ. Мальчишку не исключили.

А на перемѣнѣ Сашка подошелъ къ директору и заявилъ:

— Вы не безпокойтесь, я въ Толстомъ, кажется, разочаровался!

Въ седьмомъ классѣ Сашка рѣшилъ спасти человечество отъ смерти.

— Смерть есть причина всѣхъ несчастій. Надо уничтожить причину!

Занимался физиологіей. Однажды ночью изъ его комнаты раздались раздражающіе душу звуки. Взломали дверь, которую ни за что не хотѣлъ отпирать Сашка, и увидѣли привязаннаго къ столу кота, которому Сашка тщательно выбривалъ брюхо.

Когда омертвѣвшее отъ ужаса животное освобождали отъ путъ, Сашка стоялъ, по-Наполеоновски скрестивъ руки на груди, и грустно качалъ головой.

— Толпа! Мелкая, ничтожная, глупая толпа!

Потомъ Сашка занялся изготовленіемъ хими-

ческаго экстракта, замѣнявшаго людямъ пищу.

На другой же день его попросили оставить комнату, гдѣ онъ жилъ, ибо невѣроятный ароматъ химическихъ работъ отравлялъ воздухъ...

Когда Сашка кончилъ гимназію, онъ рѣшилъ заняться столярнымъ ремесломъ, но уговорили родители, и онъ поступилъ въ университетъ.

ЮНОСТЬ.

Прежее всего Сашка занялся опроверженіемъ таблицы Менделѣева.

Исписалъ десять листовъ бумаги, составилъ про свою собственную и отнесъ къ профессору.

— Ерунда!—отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ неровные каракули.—Форменная ерунда!

— Хорошо!—сказалъ Сашка и подалъ слѣдующее заявленіе ректору:

„Ввиду того, что цѣнность естественныхъ наукъ находится подъ большимъ сомнѣніемъ, прошу о переводѣ меня на юридическій факультетъ“.

Перевелся, пробылъ двѣ недѣли и перешелъ на математическій.

„Не имѣю желанія изучать то, о чемъ сами преподающіе не знаютъ, ибо до сихъ поръ не выяснено, что такое право“.

На математическомъ занялся астрономіей, и черезъ два дня открылъ какую-то звѣзду, называлъ ее Alexandrastella и подалъ заявленіе профессору. Когда ему отвѣтили, что эта звѣзда уже давно открыта, Сашка пожалъ плечами:

— Ну, что дѣлать, я ее тоже открылъ совершенно самостоятельно!

Потомъ Сашка влюбился. У нея были бѣлокурые волосы и лукавые, игривые глазки...

— Саша! Вы—страшный чудакъ!—говорила она и звонко хохотала.

А Сашка краснѣлъ, улыбался и бубнилъ однотононо, что онъ—не чудакъ, а просто ищущая натура...

Однажды онъ сказалъ ей:

— Остригите ваши волосы, Лидочка!

Лидочка расплакалась и выгнала Сашу, онъ хотѣлъ повѣситься, но раздумалъ и написалъ изслѣдованіе о женщинѣ. Озаглавилъ его—„Въ чемъ я расхожусь съ Вейнингеромъ“ и понесъ въ журналъ. Не приняли.

Потомъ Сашка уѣхалъ. Бросилъ университетъ и поступилъ сельскимъ учителемъ. Составилъ собственную азбуку, объяснялъ дѣтворѣ сущность Буддизма и черезъ недѣлю былъ изгнанъ.

Тогда Сашка занялся сельскимъ хозяйствомъ. Продавъ отцовскую лавочку и домъ, снялъ землю и посадилъ табакъ, виноградъ и апельсины... Потомъ онъ самъ рассказывалъ:

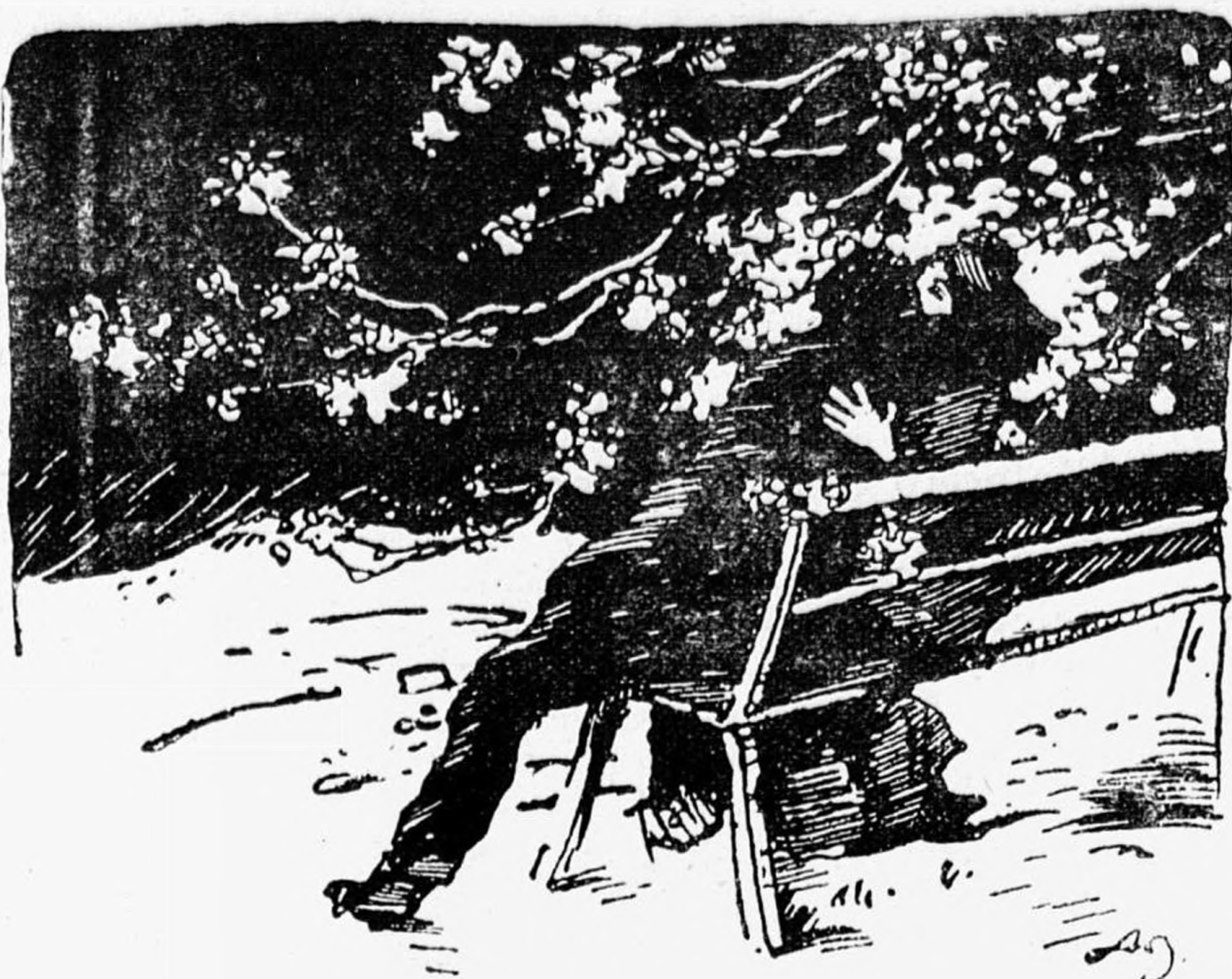
— Понимаете, все было рассчитано... Колосальные барыши... Одно выпустилъ изъ виду, мелочь, деталь... Не рассчиталъ, что въ Вологодской губерніи не вызрѣетъ все это!.. Пустяки!

Сейчасъ Сашка въ Сибири ищетъ золотоносныя жилы.

Борисъ Эффимъ,

А. Любимовъ.

Три Офорта.

1. ВЪ ОКНО.

Они давно разошлись злобно, полные ревности и невысказанной горечи... Все затаенное въ душахъ, заглушенное измѣной и ненавистью, словно пропасть отдѣляло ихъ другъ отъ друга и выросло въ чудовищное ночное дерево, почти сказочное, съ зелеными, проникающими въ темныя извилины чувствъ, глазами, которые увидѣли...

Въ окно шестого этажа, внизу, на залитой яркимъ веселымъ свѣтомъ, улицѣ, среди торжественнаго шума пасхальной ночи:

Ея автомобиль остановившійся у самого его дома, она сидѣла съ кѣмъ-то, чужимъ, и поеживалась въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ отъ холоднаго воздуха весенней ночи...

— Какъ ей холодно! Она можетъ простудиться, какая неосторожность!—подумалъ онъ и приникъ лицомъ къ стеклу.

2. НА НАБЕРЕЖНОЙ.

Набережная съ каменными высокими домами такъ прекрасно перемѣшивающимися своими красками: бѣлыми, желтыми, сѣрыми, зелеными и красноватыми. Вдоль нихъ чинно выступаютъ гуляющіе, вышедшіе встрѣтить ранній весенній день, вотъ прошелъ офицеръ съ двумя дамами, а за ними, улыбающіяся въ какихъ то необыкновенно веселыхъ шляпахъ, дѣвушки, онѣ кого-то догоняютъ...

А вдоль гранита у рѣки толпятся правовѣды, какіе-то военные, стоятъ прислонившись спиной, къ блестящему на солнцѣ камню, они не видятъ ни синей рѣки, ни радостныхъ лицъ, а стараются разглядѣть въ мелькающихъ моторахъ и экипажахъ знакомыхъ и во время поклониться... Или проводить взглядомъ одиноко сидящую въ открытомъ автомобилѣ скучающую женщину... Мимо нихъ проходятъ пары, тоже занятые только собой; вотъ прошла прелестная дѣвочка съ распущенными волосами, въ короткомъ, до колѣнъ, пальто, а за нею гувернантка...

Передъ ними нянька въ кокошникѣ толкаетъ

колясочку съ какимъ то розовымъ существомъ во всемъ бѣломъ...

А посреди улицы, по торцовой мостовой, вереница моторовъ и экипажей катитъ безпрерывно впередъ и уноситъ на своихъ мягкихъ подушкахъ стариковъ, они видятъ все: и радость дня и шумное оживленіе гуляющихъ,—они созерцаютъ спокойно разыгрывающійся здѣсь спектакль изъ ихъ давно ушедшихъ дней...

Но они не ощущаютъ его!

3. ВЪ КАФЭ.

Здѣсь все въ полутонахъ... Кафэ пріюти и покровитель маленькихъ таинственныхъ намековъ, которые быть можетъ, со временемъ, станутъ тайнами—когда выйдутъ изъ этой тѣсной, съ зеркальными стѣнами, залы. Маленькіе круглые столики благопріятствуютъ ненужной близости, колѣни соприкасаются... И иногда столикъ подсакиваетъ, взволнованный толчкомъ, словно на спиритическомъ сеансѣ. Здѣсь отъ четырехъ до пяти бываютъ и дамы изъ общества и пьютъ горячій, безвкусный чай. И заѣдаютъ глотки красноватаго напитка кусочками кекса, испеченнаго изюминками, онѣ крошится, рассыпается какъ и ихъ мысли... Возлѣ безобразно-круглыхъ чайниковъ стоятъ бѣлые кувшинчики со сливками... Между столиками снуютъ неслышными шагами лакеи, а неудобные стулья невольно напоминаютъ о мягкихъ, удобныхъ диванахъ

Татіана Шенфельдъ.

1. „ЖИЗНЕННОЕ“.

Милой Эдѣ.

Я шель по мосту... Внизу протекала рѣка... Играло весеннее солнце... И дразнило своей теплотой... Весна побѣдоносно внесла нѣгу, пестроту своимъ приходомъ... Да,—я шель по мосту. Около перилъ стояла дѣвушка и смотрѣла въ воду. Сняла перчатку, бросила... Сняла другую, и тоже долго глядѣла какъ уносило теченіе... Я тихо подошелъ и спросилъ:

— Зачѣмъ?

— Ему!

— Давно?

— Недавно! И дѣвушка ушла, и пока шла по мосту, все глядѣла какъ плыли перчатки по черной и мутной рѣкѣ.

Я ее больше никогда не видѣлъ.

2.

Милой Эдѣ,

Я люблю писать о чемънибудь... Такъ просто возьмешь ручку и начнешь писать... Пишешь и не знаешь о чемъ... Мысли бѣгутъ, слагаютъ образы, картины и создаютъ нѣчто цѣлое... И самъ не знаешь, что создать можешь никому не нужное, плохое, ничтожное, а можешь великое... Часто меня прерываютъ и не даютъ мнѣ писать... Вотъ сейчасъ, я пишу и слышу за стѣной кто-то кричитъ: „Посмѣй только, я полицію позову... Это законную жену... Ахъ ты сволочь!..“. Гдѣ-то плачетъ ребенокъ... На мигъ умолкаетъ, но потомъ снова начинается плакать. На дворѣ залаяла собака... Путаются мысли... Застигаются туманомъ... Падаетъ изъ рукъ перо... И больше не пишешь.

Абрамъ Лане.

4. МЕСТЬ КРАСОТЫ.

(сказка).

Она жила далеко далеко отъ земли въ звѣздномъ замкѣ. Когда не слышно спускалась на землю ночь и утопали города въ лиловыхъ сумеркахъ, въ таинственной глубинѣ неба блѣдно загоралась тускло серебрянная дорога. Она вела въ ея далекую страну. Вѣчная весна царила въ ея странѣ. Благоухали алыя розы и изумрудные акантусы, гирляндами увивая мраморные порталы. Золотыя курильницы струили ароматъ сжигаемыхъ благовоній и, утопая въ ихъ струяхъ, звучала тихая музыка, сплетаясь въ серебрянные хороводы. Свѣтлая и радостная, вѣчная и прекрасная, она рождала невѣдомыя мелодіи и, на солнечныхъ лучахъ, спускалась на планеты. Разцвѣтали голубые цвѣты, зеленѣли деревья, упоенно шептали листья, ища жадныхъ объятій, а юноши влюблялись въ дѣвушекъ и слагали пѣсни о красотѣ и любви, пьянѣя отъ аромата цвѣтущей сирени. Эти мгновенья называли люди весной.

Но это было давно. Съ тѣхъ поръ какъ построили люди каменно-стальные города съ безвыходными лабиринтами улицъ, они забыли о ней. Подъ шумъ машинъ, подъ грохотъ паровыхъ молотовъ люди молились новому Богу—стали и золота! Старый магъ и мудрецъ, царь земли, Разумъ, оковавшій жизнь рядами цифръ, изгналъ ее. Когда цвѣли сирени и пѣли за рѣкой соловьи, а на небѣ пылалъ золотисто-багровый костеръ, она бродила въ вечерѣющихъ рощахъ въ вѣнкѣ изъ молочного бѣлыхъ лотосовъ. И юноши и дѣвушки, и цари и рабы, забывая все на свѣтѣ, искали любви опьяненныя ея пѣсней. А она пѣла: „Живите! Наслаждайтесь жизнью! Посмотрите какъ изумрудны лѣса, какъ лазурно небо, какъ прекрасны юноши и дѣвушки! Поменьше здравого смысла, — красота и любовь властвуютъ подъ міромъ. И уходили люди изъ городовъ, въ лѣса и рощи и слетали дѣвушки въ честь ея вѣнки, а поэты слагали гимны: Красота и любовь! Красота и любовь!“

Старый магъ и мудрецъ, оковавшій жизнь рядами фиръ засѣдалъ 33 дня въ своей высокой башнѣ окованной сталью. Онъ сказалъ людямъ своимъ рабамъ:

— Она разрушаетъ намъ то, что мы создаемъ—города!“

Ее схватили и сожгли когда она пѣла за рѣкой въ вечерѣющихъ рощахъ о красотѣ и любви. Она живетъ съ тѣхъ поръ съ своимъ звѣздномъ замкѣ. Люди забыли о ней. Стѣны замка считаютъ они далекими звѣздами, огненными солницами, а тускло серебрянную дорогу, перекинутую надъ землей,—млечнымъ путемъ. Города оковали землю каменно-стальнымъ панциремъ, съ змѣистыми улицами, съ гигантами домами и люди утонули въ нихъ, блѣдныя изнеможенные люди, съ пунктуально размѣренными душами.

Но не всѣ забыли ее. Небольшая группа людей, которыхъ въ городахъ называли поэтами, помнила ее и хранила ее за вѣтъ. Въ городахъ поэтовъ считали самыми бесполезными и презрѣнными людьми. Держали они себя, странно, вызывающе. Не признавали власти стараго мага Разума, жили на чердакахъ, превращали день въ ночь, а ночь въ день, отвергали всякіе по-

рядки, и пѣли о какой-то дѣвушкѣ въ вѣнкѣ изъ молочного бѣлыхъ лотосовъ, которую никто не видѣлъ, и о которой никто не слышалъ. Пѣли о какихъ-то алыхъ цвѣтахъ, о вѣчной веснѣ царящей въ звѣздномъ замкѣ. Звали въ эту вѣчно прекрасную страну счастья и любви,—гдѣ царитъ она, ихъ королева, — дѣвушка въ вѣнкѣ изъ молочного бѣлыхъ лотосовъ. И никто изъ людей города не слушалъ ихъ, пѣснь утопала въ грохотѣ работающихъ машинъ. Но это только казалось... Когда пѣсня долетала до звѣзднаго замка, она ихъ королева, брала арфу и, на солнечныхъ лучахъ, долетала до земли упоенная мелодіа. Сурово хмурились тогда сѣдые брови стараго мага. Въ грохотѣ машинъ различали люди, что-то непонятное,—это были звуки мелодіи. Непонятное безпокойство и тоска охватывали ихъ пунктуально размѣренны души. Они бросали работу и искали лѣсовъ. Лѣсовъ не было. Зеленѣли только обезсиленные деревья городовъ, выростала тощая трава въ скверахъ а въ промежуткахъ между домами призывно улыбались клочки неба. Старый магъ безпокойно шагаль въ своей высокой башнѣ окованной сталью, и хмурилъ сѣдые брови. И хмурились злобно съ нимъ вмѣстѣ дома и змѣистыя лабиринты улицъ.

— Уничтожить деревья! Вывать траву! Пусть громче громяютъ паровые молоты, свистятъ ремни, рыдаютъ шестерни,—заглушая эти проклятые звуки, лишаящіе людей разсудка. А этихъ поэтовъ схватить и засадить въ дома для сумасшедшихъ. Нѣтъ ихъ солнечно-прекрасной страны! Есть города!!

Поэтовъ схватили и посадили въ дома для сумасшедшихъ. Умолкли ихъ пѣсни. Разошлись морщины на лицѣ Разума, люди успокоились и возвратились къ работамъ. Гудѣли ремни, рыдали шестерни, лязгала сталь,—говорилъ старый магъ.

— Тайна внѣ насъ! Наши машины разрушаютъ ее—я буду властелиномъ „вселенной“!

О поэтахъ, заключенныхъ въ дома для сумасшедшихъ, забыли. Но было больше весны, не раздавалось больше пѣсенъ смущающихъ покой пунктуально размѣренныхъ душъ. Поэтовъ забыли. Но не умерли поэты! Въ домахъ для сумасшедшихъ, за толстыми стальными стѣнами, они пѣли свои гимны. Они призывали ее сойти вновь на землю, чтобы отъ ея улыбки цвѣли голубые цвѣты, деревья, травы, звучала пѣснь соловья въ вечерѣющихъ рощахъ, и благоухали бѣлыя лиліи въ тихихъ заводяхъ, таинственно осеребранныхъ луною.

И она пришла.

Съ утра солнечно алѣло небо, будто жгли гигантскій золотисто багровый фейерверкъ. Замерли города, остановились машины, и проклинали безсильно улицы и каменно-стальные дома.

Она пришла. Она спустилась на солнечной колесницѣ, которую мчали 12-ть огненныхъ лебедей. Въ вѣнкѣ изъ молочного бѣлыхъ лотосовъ, съ лицомъ радостно свѣтлымъ. Она играла на арфѣ. Отъ радостно могучихъ звуковъ таяла холодная сталь, исчезали дома, а въ безсильно проклинающихъ улицахъ расцвѣтали золотистые алыя цвѣты. Шумно восторженными толпами шли за ней люди. Крѣпли мускулы, загорались взоры и то, что раньше дремало просило выхода. Пламенѣлъ румянецъ на блѣдныхъ щекахъ, губы

все громче и громче шептали: Красота и любовь! Красота и любовь!

Пока говорила восторженно прекрасная; вся—солнце!; вся—любовь!; вся—красота!

— Живите! Наслаждайтесь жизнью! Поменьше здравого смысла. Красота и любовь властвуют над миром!

Старый маг Разумъ въ безсильи метался въ высокой башнѣ, окованной сталью. Онъ видѣлъ какъ рушились города, какъ по всей землѣ расцвѣталъ благоухающій садъ, и бѣжали шумно возбужденныя толпы. Онъ сознавалъ свое безсилье. Онъ чувствовалъ какъ дрожать стѣны стальной башни—его послѣдняго оплота. Онъ проклиналъ безсильно старческими проклятіями. Напрасно... Растаяла сталь—рухнула башня. Тѣнистая съ серебряннымъ прудомъ беззвучно дышала, и кружилась голова отъ аромата цвѣтовъ. Старый магъ шелъ путаясь въ высокой травѣ. Роща тонула въ фіолетовыхъ сумеркахъ мелькали люди, шуршали раздвигаемые кусты, замيرалъ серебристый смѣхъ дѣвушекъ. Недалеко отъ разума шли обнявшись дѣвушка и юноша, головы ихъ были убраны вѣнками розъ.

— Она прекрасна!—говорилъ юноша:

Лицо ея—солнце! Пѣснь ея—жизнь! Я упалъ передъ ней на колѣни, а она мнѣ бросила розу изъ вѣнка вѣнчавшаго ея чело. Эту розу я подарилъ тебѣ...

— Милый какъ хорошо любить! — шептала радостно дѣвушка. Какой правда дуракъ этотъ Разумъ! Онъ вѣроятно и не думаетъ, что такъ хорошо безъ его „здравого смысла“.

Старый магъ Разумъ недовольно нахмурилъ брови, и отошелъ въ сторону, дѣлая видъ, что не слышитъ. Навстрѣчу шептала сладострастно трава, вздыхали томно розы, на вѣтвяхъ, вдохновенно мечтали соловьи. Старый магъ хотѣлъ обойти кусты, изъ подъ которыхъ слышался заглушенный смѣхъ, какъ вдругъ кто-то взялъ его подъ руку. Стояла дѣвушка въ вѣнкѣ изъ анемоновъ съ призывно-искрящимся взоромъ.

— Скажите пожалуйста?—Онъ одинъ!—прошептала она такимъ нѣжнымъ голосомъ, что у старика мага забѣгали по спинѣ огненные мурашки.

— Когда все поетъ о красотѣ и любви,—онъ одинъ!

Дѣвушка сняла съ себя вѣнокъ и ловкимъ движеніемъ увѣнчала имъ его чело.

— А она, ей Богу, недурна — подумалъ Разумъ: какъ это я раньше не замѣчалъ?

— Гдѣ же ваша королева?—спросилъ онъ ее, чтобы скрыть охватившее его чувство.

— Онъ не знаетъ гдѣ королева? Скажите пожалуйста, онъ не знаетъ гдѣ королева! Послѣ того какъ она разрушила городъ, и изгнала царя Разума, она бродитъ по рощамъ и поетъ аккомпанируя себѣ на арфѣ.

Вздвинула мягкая фіолетовая полумгла, заплѣли громче соловьи, задышали порывистѣ цвѣты,—дѣвушка увлекла его къ серебряннымъ прудамъ гдѣ голосисто и влюбленно квакали лягушки...

Утромъ когда взошло солнце и алѣло золотистое небо, изумрудный садъ окутавшій всю землю дымился и благоухалъ. Въ рощѣ, у серебряннаго пруда, на обрызганной росой травѣ сладко спалъ обнявшись съ дѣвушкой потерявшій разумъ старый магъ Разумъ.

Это была мѣсть красоты. Грааль Арельскій.

ЛЯЛЕЧКА БОЛЬНА.

Сѣренькій день пожалѣли грустящія сумерки и тонкой задумчиво-синеватой дымкой ласково повисли, затуманили его. Тишина вечерняя замерла въ комнатахъ кроткая, покорная... Лялечка затихла на кровати, подъ бѣлымъ одѣломъ. Крѣпко прижала къ груди мамину руку. Пугливо смотреть лихорадочно мерцающими, черными глазами куда-то далеко... глазами десятилѣтняго ребенка, подернутыми легкой поволокой пробуждающей вдумчивости, пытливого отношенія къ жизни. Мама лежитъ рядомъ. Ея бѣлое матинэ такъ похоже на легкое платье тоненькой, шаловливой дѣвочки, отъ которой пахнетъ весной.

Тихо... мама задумалась, а папа въ сосѣдней комнатѣ перелистываетъ книгу. Не уходитъ. Дома остался.

Лялѣ жарко. Открыла ротъ и дышетъ... скоро такъ. Смотритъ на маму долго, пристально.

— Мамочка!

У мамы взглядъ безпокойный, безпомощный

— Что дѣтка?

— Ничего... я такъ!

Отпустила мамину руку, повернулась на бокъ, шумно вздохнула. А стулъ въ кабинетѣ загремѣлъ. Папа зашагалъ. Стройный, въ синемъ костюмѣ, а волосы, какъ золото. Стоитъ въ дверяхъ улыбается Лялѣ а смотритъ въ сторону, на маму.

Мама не обернулась. Лежитъ какъ раньше.

— Знаешь... я за докторомъ пошелъ-бы!..

Мама молчитъ.

— Пойти?..

Папа дѣлаетъ два шага впередъ, но къ кровати не подходитъ. Какъ будто между нимъ и Лялей преграда естъ какая-то, какъ будто лежить на пуги что-то, что мѣшаетъ подойти ближе.

— Къ чему идти... сказалъ, вѣдь что вечеромъ будетъ! Укройся, Лялечка!

Мама набрасываетъ на плечико одѣяло, отворачивается еще больше отъ двери.

Стихла. Папа стоитъ. Переступилъ съ ноги на ногу... Какъ будто не знаетъ, говорить-ли еще, остаться-ли здѣсь, или уйти опять въ кабинетъ. И по морщинкѣ на лбу у Ляли видно, что хочется ей сдѣлать что-то, сказать папѣ что-то нужное и ласковое, но не пойметъ, не уловитъ никакъ, что именно... и молчитъ. Папа вздохнулъ, но оборвалъ вздохъ. Опять ласково улыбнулся Лялѣ и медленно вышелъ. Замурлыкалъ что-то, но мотивъ робко и смущенно колебался и сгасъ... не вышло. Снова шелестятъ листы, но ясно, что папа не читаетъ. Нарочно дѣлаетъ видъ, что занимается, но по самому этому шелесту листовъ, неровному, торопливому, можно понять, что ему не до чтенія.

— Лялечка, усни, дѣтка!

— Не могу, не хочется!.. Тебѣ скучно, мама?! Я не боюсь одна. Я буду лежать тихо, а... тебѣ вѣдь скучно?.. Поди къ папѣ! Вы давно уже не читали вмѣстѣ!..

Пыливо смотрятъ большіе лучистые глаза, будто хотятъ своимъ блескомъ озарить душу мамы. У мамы брови дрогнули.

— Отчего ты думаешь, что мнѣ скучно?.. Хочешь, я тебѣ расскажу что-нибудь?

— Хорошо!..—тянетъ Ляля и въ голосѣ ея бьется какая-то непонятная мольба, своя невысказанная думка.

Мама говоритъ медленно, однотонно и руки у нея такія тонкія, бѣлыя и кружево матинэ то поднимается, то опускается на груди.

— Папа!—вдругъ прерываетъ ее Ляля.

— Папочка, иди сюда!.. Тебѣ тамъ скучно одному!

Тоненькая фигурка сѣла въ постели, черные кудри спутались на щекахъ румянецъ.

— Сиди съ нами!.. Вотъ здѣсь, на кровать сядь!..

Мама быстро встала, отошла къ шкафу... бѣлье перебираетъ.

— Ты звала меня дѣтка?

Горячей рукой дотрагивается Ляля до папиной шеи, притягиваетъ его къ себѣ.

— Садись!.. Чего ты тамъ одинъ все?.. Па-а-почка!..

Глаза у папы голубые, а тоска въ нихъ сейчасъ такая-же, какъ и въ черныхъ глазахъ Ляли. Молча поцѣловалъ ручку.

— Горячая ты какая!..

— Папочка, чего ты такой... не веселый?..

А безпокойный, тоскливый взглядъ впился въ маму... нѣтъ! Лицо у нея суровое, неподвижное. И только нервная, трепетная жилочка на шеѣ знаетъ, что ей хочется плакать.

— Лучше я пойду, дѣтка!.. У меня работа. Я долженъ закончить ее. Закончу, тогда приду, хорошо?!

— Ну, иди!.. задумчиво пыливъ взглядъ Ляли.

— Иди... только кончай скорѣй.

Гаснутъ вечернія сумерки и чернымъ флеромъ обвивается синяя грусть. Мама, какъ бѣлое изваяніе замерла у окна.

Стихъ шелестъ листовъ въ кабинетѣ и тишина говоритъ о томъ, что въ нѣдрахъ ея за тайлось нелегкое горе.

— Мамочка, помнишь, какъ лѣтомъ папа тебѣ большую книжку подарилъ... ты поцѣловала его...

— Ахъ, Ляля, лежи тихо... не говори много!.. А сама головой такъ тряхнула, что шпилька выпала.

— Какая ты сегодня...

— Никакая я сегодня... не хочу я лежать,—морщить носъ Ляля и бьетъ кулакомъ въ подушку... сбросила одѣяло.

Умираютъ сумерки. Вечерняя грусть, покорно опустивъ голову, безшумно проходитъ по комнатамъ.

Рядомъ въ кабинетѣ зазвенѣла чернильница. Папа мѣрными, твердыми шагами ступаетъ по ковру. Книга въ рукахъ, но не читаетъ. Ходитъ долго, монотонно звучатъ шаги. Остановился у окна. Стоитъ, какъ будто думаетъ что-то, большое, серьезное и печальное.

Совсѣмъ темно стало. Въ окно спальни смотреть круглый электрической фонарь и свѣтъ на полу отъ него какой-то поблекшій, неуловимый.

— Мама! Ляля завозилась, сѣла. Рука впилась въ бѣлое одѣяло.

— Мама!—Страстной истомой напряженія подернуты опущенныя рѣсницы.

— Тетя Катя къ намъ никогда больше не придетъ?..

Мягко стукнула объ полъ книга въ кабинетѣ. Мама молчитъ, молчитъ... и въ темномъ затихшемъ домѣ хочетъ сорваться чей-то нечеловѣческой крикъ. И вдругъ спокойное:

— Отчего-же, Лялечка?—пріѣдетъ и пріѣдетъ!

— Она здѣсь, мама! Я когда изъ гимназій вчера шла, видѣла ее... Ъхала куда-то!

— Ты ошиблась, Лялечка! А можетъ быть она отложила поѣздку на нѣсколько дней.

Ляля сидитъ смотреть куда-то далеко, и ротъ у нея полуоткрытъ.

— Ложись, Лялечка... родная!—дрожитъ голосъ мамы и тонкой ноткой звенитъ въ немъ невыплаканная мука.

Громко хрустнули пальцы въ кабинетѣ. Какъ будто оборвалось что-то, словно позвалъ кто-то беззвучнымъ стономъ далекаго Бога.

— Лягъ-же, дѣтка!..

— Фонарь, фонарь!.. заметалась Лялечка въ постели.

— Свѣтитъ, въ глаза прямо!.. не могу я такъ, не могу!—заплакала она громко, мучительно. И тонкій звукъ плача, слабый съ надрывомъ, побѣжалъ по комнатамъ.

— Дѣточка, что ты... Богъ съ тобой!.. Я свѣтъ сейчасъ зажгу... опущу штору!

Мама здѣсь, суетится около Ляли. а папы нѣтъ. Не подошелъ какъ будто между нимъ и Лялей преграда какая-то. Лихорадочнымъ блескомъ горятъ испуганные черные глаза. Лялечка сжалась въ комочекъ, стихла. Сидитъ мама, тяжело упирается рукой въ постель, изъ подъ сдвинутыхъ бровей смотритъ куда-то тускло и безнадежно.

Еще ниже опустивъ голову подъ чернымъ покрываломъ, жутко-медленными, строгими шагами, безшумно проходитъ по комнатамъ тишина... скорбная, покорная.

Лялечка больна.

Над. Ландская.

СИСТЕМА.

Разсказъ.

Мокрый асфальтъ улицъ отливаетъ сѣрымъ шелкомъ. Красные огни электричества отражались въ лужахъ и казались пролитой кровью. Мимо окна ресторана пролетали блестящіе, мокрые автомобили и высокіе экипажи лихачей.

Широкіе ландо обгоняли цѣпи наемныхъ экипажей, мелькали шипящія и юркія мотоциклетки.

Это былъ обычный развѣздъ послѣ „большого дня“ на бѣговомъ ипподромѣ.

Николаевъ взглянулъ на часы и подумалъ: „Восьмой заѣздъ... Значитъ скоро конецъ...“ Рѣзкимъ движеніемъ онъ смялъ исчерченную карандашемъ программу бѣговъ и швырнулъ въ сторону. Онъ не замѣтилъ какъ смятый комочъ бумаги ударился о плечо старичка, сидящаго за послѣднимъ столомъ. Старичекъ обернулся и удивленно поднялъ брови. Николаевъ извинился и снова посмотрѣлъ въ окно. Сегоднѣшній проигрышъ особенно взволновалъ его. Было жаль неожиданно проигранной сторублевки. Какъ всегда послѣ проигрыша, Николаевъ былъ почти боленъ. Какимъ особенно унижительнымъ показалось сегодня томительное ожиданіе трамвая, давка въ вагонѣ и дешевый обѣдъ въ ресторанчикѣ. Онъ оглянулся. Старичекъ, въ кото-

раго случайно попала смятая программа внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза, затѣмъ разгладилъ на колѣнѣхъ смятую программу и добродушно спросилъ:

— Проигрались?..

Не отвѣтить было неловко.

— Да... Проигралъ...

Старичекъ улыбнулся, чуть-чуть придвинулъ стулъ и укоризненно покачалъ головой.

— А все отъ того что нѣтъ системы... Нѣтъ выдержки...

Николаевъ не выдержалъ...

— Какая же въ бѣгахъ система?..

— Не говорите... Система много значитъ... Система во всемъ—все...—Старичекъ придвинулся ближе.—Система расчетъ, и предчувствіе... "Маниакъ"—подумалъ Николаевъ и съ любопытствомъ разсмотрѣлъ старика. Съ перваго взгляда онъ выглядѣлъ обыкновеннымъ отставнымъ чиновникомъ, доживающимъ на покой. Нѣсколько выдѣляли лицо сѣдые длинныя пряди волосъ и улыбающіеся острые глаза, и еще запомнились Николаеву старинный покрой платья и сюртукъ семидесятыхъ годовъ.

— Вы позволите...—Старикъ присѣлъ къ столу Николаева.—Вотъ я по вашей программѣ видѣлъ, вы рискуете, мѣтите лошадей, играете въ двойномъ, въ тройномъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Здѣсь все проще, значительно проще, какъ и во всѣхъ играхъ.

— Въ чемъ же дѣло?..

— Во времени... Въ расчетѣ... и математикѣ...

— Какіе же въ бѣгахъ расчеты?..

— А вотъ какіе... Пріѣхали вы на бѣга, первый бѣгъ пропустили, второй пропустили и третій если нужно... А затѣмъ стали изображать... Если чувствуете что пришло ваше время—ставте... На первую лошадь, какая въ голову придетъ. Все равно выиграете... Не понимаете...

— Простите меня... Какіе пустяки...

— Нѣтъ не пустяки, а вещь... Я признаться никогда не игралъ и только потому что не склоненъ обогащаться за чужой счетъ... Я много думалъ о, какъ бы выразиться, мѣрахъ пресѣченія азарта. Нужно доказать людямъ, что то, что они называютъ слѣпымъ счастьемъ, поддается расчету... Я даже систему изобрѣлъ... Живу я на Черной рѣчкѣ, сплю мало, поневолѣ придумаешь... Вы адвокатъ должно быть?..

— Да... Помощникъ присяжнаго повѣреннаго...

— Вотъ сидите сейчасъ и думаете... "Заболтался старичекъ, съ ума спятилъ..." Николаевъ смущенно улыбнулся.

— Такъ о какой системѣ вы говорили?

— О магической математикѣ... Моя система такая: все въ числахъ и во времени и только имъ опредѣляется счастье... Вы можете быть слышали о пророчествѣ Апокалипсиса... Пророчество о Наполеонѣ... Звѣриное число...

— И вы этому вѣрите?

— Какъ вамъ сказать... "На свѣтѣ другъ Горацио..." Почему бы и нѣтъ... Я этимъ вопросомъ очень интересовался... Даже астрологіей занялся на старости лѣтъ... Словомъ, магъ и звѣздочетъ... Вамъ лѣтъ тридцать должно быть?

— Тридцать два.

Когда родились, годъ, мѣсяцъ и число?..

— Въ 1881 году, двадцать третьяго августа...

— Такъ я если угодно вамъ рассчитаю на счетъ бѣговъ... Желаете?..

Николаевъ разсѣянно улыбнулся.

— Благодарю васъ... Къ сожалѣнію я на дняхъ, т. е. вѣрнѣе завтра, уѣзжаю за границу. Не смогу воспользоваться...

— Нѣтъ, отчего же... А далеко изволите ѣхать?

— Въ Геную... Есть экстренное дѣло... Я видите ли юрисконсультъ одной фирмы...

— Въ Геную... Ну значить въ Монте Карло съѣздите, совсѣмъ подъ бокомъ... Такъ вамъ вычислю... Попробуйте...

Старичекъ вынулъ изъ кармана записную книжку въ сафьянѣ. Нѣсколько минутъ онъ исписывалъ страничку ровными коллонами цифръ и буквъ. Николаеву стало скучно, изъ приличія онъ не уходилъ. Наконецъ старикъ оторвался отъ книжки.

— Ну-съ, такъ я вамъ расчислилъ насчетъ рулетки... Играйте 24 сентября. Да, 24 сентября въ одиннадцать часовъ тридцать семь минутъ вечера.

— Какъ вы сказали 24 сентября...

Николаевъ улыбаясь записалъ на клочкѣ бумажки день и время...

— Какъ же мнѣ играть?

— Не улыбайтесь... Тутъ дѣло очень простое. Въ назначенный день и часъ придете и поставите. Вамъ будетъ везти ровно двадцать минутъ за это время вы успѣете взять тысячи. Когда истечетъ срокъ прекратите игру. Попробуйте молодой человѣкъ, не все же вамъ проигрывать. И счастье подается учету... Ну-съ, счастливаго пути, я и адресокъ вамъ оставлю. Черкните пару словъ, въ случаѣ чего.

Старикъ улыбнулся, взялъ шляпу со стула и отошелъ. Въ ресторанѣ заиграла музыка. Мимо окна прошелъ странный старикъ и точно слился съ дождемъ и улицей. Николаевъ расплатился и вышелъ въ вестибюль, У выходныхъ дверей онъ разсѣянно спросилъ швейцара:

— Сегодня, семнадцатое?..

— Точно такъ.

— Однако... у меня немного времени...

— Чего-съ?..

— Ничего... Это я такъ.

На слѣдующій день Николаевъ уѣзжалъ за границу. Весь день онъ ѣздили по городу устраивая необходимыя формальности въ банкѣ и градоначальствѣ. На вокзалѣ онъ сразу почувствовалъ облегченіе и какую то странную радость. По самому строгому расчету онъ долженъ былъ пріѣхать въ Геную двадцать второго утра.

Онъ ѣхалъ сокращеннымъ путемъ черезъ Вѣну и Миланъ: Ни обоятельная Вѣна, ни пестрый, ликующій Миланъ не могли задержать его лихорадочнаго бѣга по Европѣ. Въ Вѣнѣ его ожидала телеграмма отъ патрона. Его торопили и передавали послѣднія инструкции. Николаевъ въ первый разъ уѣзжалъ изъ Россіи. Все что онъ мелькомъ видѣлъ изъ окна вагона казалось ему такимъ прекраснымъ, удобнымъ и пріятнымъ. Въ Вѣнѣ онъ останавливался только на два часа. Минутами его охватывало желаніе бросить на произволъ судьбы всѣ дѣла, забыть всѣ инструкции и остаться въ этомъ городѣ надолго. Съ самаго дѣтства его приучили къ отвратительной погонѣ за деньгами, за жалкими деньгами, которые ему бросали за услуги и теперь именно теперь онъ испытывалъ настоящую тоску по

большимъ настоящимъ деньгамъ и главное по той жизни, какую они могли ему создать.

Въ Миланѣ и Генуѣ онъ замѣтилъ быструю чуждую слуху рѣчь и какую то особенную глубокую синеву неба.

И тамъ еще ярче, еще яснѣе рисовалась ему мечта о новой прекрасной и невозможной жизни. Въ узкомъ номерѣ отеля, въ пріемныхъ пароходныхъ конторѣхъ онъ не переставалъ мечтать о какомъ нибудь чудѣ, маленькомъ чудѣ возможномъ и въ наши дни.

Случилось такъ, что въ первый же день онъ закончилъ всѣ свои дѣла. У него оставалось много свободного времени. Вечеромъ его остановилъ консьержъ въ бюро вестюбля.

— Messieurs не хотите ли проѣхаться по Ривьерѣ... У насъ пароходные билеты до Монте-Карло и съ большою скидкой...

— А много это стоитъ?..

— Сю минуту.

Николаевъ на мгновенье задумался. Потомъ онъ устыдился своей мѣщанской расчетливости. Онъ былъ такъ близко отъ прекрасной страны отъ "soie d'azur" о которомъ онъ могъ только мечтать долгіе годы. Колебаться и рассчитывать онъ больше не могъ...

Пароходъ быстро скользилъ мимо красноватаго берега итальянской Ривьеры. Методично, съ какимъ-то гулкимъ стекляннымъ звономъ разбивались подъ винтомъ голубые струи. Отдаленный берегъ причудливо мѣнялъ очертанія. Яркая лазурь медленно мѣняла оттѣнки. море и небо заалѣли какъ на закатѣ.

Близился мистраль... Николаевъ неподвижно стоялъ у борта парохода и не отрывался отъ стеколъ бинокля. Онъ почти различалъ блестящія листья магнолій на берегу и на пестрый стиль бѣлѣющихъ виллъ.

Его тронули за плечо.

— Вашъ билетъ monsieur...

Это былъ помощникъ капитана. Николаевъ отдалъ билетъ и снова прильнулъ къ стекламъ бинокля,

— Pardonne monsieur! Вы кажется потеряли...

Матросъ подавалъ ему смятый клочекъ бумажки выпавшій изъ бумажника Николаева.

Медленно, не отводя отъ линий берега Николаевъ развернул бумажку.

— 24 сентября 11 часовъ 37 минутъ вечера... Новая деревня—Виталій Андреевичъ...

И сразу вспомнился ему странный старикъ и его предсказаніе.

„Какъ все это странно... Сегодня срокъ назначенный старикомъ, сегодня же я ѣду въ Монте-Карло, и какъ странно именно сегодня я нахожу бумажку о которой давно забылъ... Можетъ быть судьба...“

Въ Монте-Карло Николаевъ остановился въ одномъ изъ небольшихъ отелей у казино. Можетъ быть въ другое время онъ любовался бы синей ширью залива, яркимъ солнечнымъ берегомъ и прекрасными грѣшными женщинами, но теперь онъ чувствовалъ странный, властный гипнозъ,—гипнозъ золота.

Понемногу „система“ страннаго старика завладѣла его мыслями. Онъ разсѣянно бродилъ по громаднымъ заламъ океанографическаго музея, по бѣлымъ залитымъ солнцемъ улицамъ, по широкимъ ступенямъ лѣстницы у казино.

Гдѣ-бы онъ не былъ онъ неуклонно возвращался къ этому громадному дворцу.

Было жарко, но уже чувствовалась прохлада, наступающего вечера. Когда стемнѣло онъ почти спокойный, и слегка разсѣянный прошелъ мимо аркоосвѣщенныхъ магазиновъ, мимо пальмъ и магнолій парка въ казино. Теплая, ласковая ночь опьяняла его, на мигъ ему захотѣлось проѣхать въ темное мерцающее цвѣтными огоньками море.

Время проходило медленно, медленно. Блестящая, пестрая толпа интернаціональнаго курорта ослѣпила его. Румынскій оркестръ въ ресторанѣ съ какимъ-то особеннымъ шикомъ обрывалъ заунывные мотивы и переходилъ къ буйному восточному танцу...

Пробило одиннадцать. Кончилась программа концерта... Быстро, почти не замедляя шага онъ прошелъ по величественнымъ, сверкающимъ заламъ въ залу рулетки.

Это была большая продолговатая зала, нѣсколько мрачная, освѣщенная зеленоватымъ, не электрическимъ свѣтомъ. Изящно грацирующие крупне выкрикивали.

Николаевъ прогиснулся черезъ три ряда игровыхъ. Ихъ лицъ онъ не видѣлъ. Онъ впервые увидѣлъ много золота, билеты и чеки. И все это можетъ быть будетъ ему принадлежать... Онъ даже улыбнулся и совсѣмъ спокойно доставалъ изъ бумажника стофранковый билетъ. Это была сумма, которую онъ разсѣялъ себѣ проиграть. Николаевъ слѣдилъ за часовой стрѣлкой. Въ 11 часовъ тридцать восемь минутъ онъ разсѣянно бросилъ сто франковъ на ближайшій номеръ, даже не успѣвъ разсмотрѣть его. Крупне тронулъ гибкой, длинной лопаткой его билетъ.

— Faites vos jeux monsieur! Rien ne va plus!

— Le six... Шестнадцать!

Николаевъ криво улыбнулся, съ чувствомъ острой злобы онъ хотѣлъ прослѣдить какъ его билетъ смететъ въ общую лопатку Крупне. Но лопатка коснулась его денегъ, придавила бумажку и Николаевъ ясно разглядѣлъ цифру „16“ въ его клѣткѣ. Съ середины стола быстро взлетѣла пачка кредитныхъ билетовъ и упала поверхъ его денегъ. Гибкая лопатка придвинула ему увеличенную въ 36 разъ ставку. Какимъ то увѣреннымъ жестомъ Николаевъ поставилъ весь выигрышъ на комбинацію изъ четырехъ номеровъ и увеличилъ его въ девять разъ. Къ двѣнадцати часамъ онъ отошелъ отъ стола, ни разу не проигравъ. На него смотрѣли съ любопытствомъ, кокетки провожали его ласковыми взглядами.

Онъ выигралъ въ двадцать минутъ сто тысячъ франковъ.

Въ эту же ночь онъ телеграфировалъ старику въ Петербургъ:

„Умоляю вычислите ближайшій срокъ выигрыша, согласенъ на все“.

Одновременно съ телеграммой онъ писалъ:

„Умоляю васъ... Я бѣдный студентъ... Я вѣчный труженикъ... Теперь я адвокатъ, но мнѣ не повезло въ моей карьерѣ. Я тоже имѣю право на счастье и богатство. Все въ вашихъ рукахъ. Помогите мнѣ... У меня мать и сестры. Я хотѣлъ бы сыграть еще разъ... Умоляю васъ“.

На другой день къ вечеру онъ получилъ телеграмму:

„Поздравляю 27-го 12 часовъ 10 минутъ ночи. Играйте 30 минутъ“.

Какъ прошли эти два дня онъ не запомнилъ. Николаевъ почти галюцинировалъ. Онъ избѣгалъ встрѣчъ и вечерами оставался одинъ въ уютной комнатѣ отеля. Въ эти вечера, онъ ясно видѣлъ близко возлѣ себя аккуратно свернутыя пачки кредитныхъ бумажекъ. Тускло мерцали въ темнотѣ желтые столбики золотыхъ монетъ. Иногда онъ чувствовалъ между пальцами шуршащія большіе листы облигаций, видѣлъ всѣ краски которыми они отливали. И когда пришелъ предсказанный день, онъ взялъ съ собой весь выигрышъ тѣхъ небольшихъ денегъ которые онъ привезъ съ собой и въ назначенное время снова былъ въ залѣ рулетки. Это былъ безпримѣрный случай, счастье не покидало его, онъ выигралъ до полумилліона франковъ. Только одинъ разъ счастье измѣнило ему, но это было тогда, когда истекло время назначенное стариномъ. О немъ уже говорили въ казино и на пляжѣ. Въ отелѣ портѣе низко кланялся ему, а въ банкѣ съ нимъ были особенно любезны клерки. Онъ послалъ новую телеграмму старику и просилъ о новомъ срокѣ. Его дразнили и увлекали милліоны.

Вмѣстѣ съ телеграммой назначавшей срокъ 31 сентября онъ получилъ письмо.

Это былъ отвѣтъ на первое письмо:

„Думайте о моей системѣ какъ вамъ угодно. Когда нибудь она уничтожитъ всѣ азартныя игры. Мнѣ долго вамъ объяснять. Это требуетъ специальныхъ знаній. Конечно это не случайность. Вхожу съ вами въ долю и собираюсь перевести вамъ десять тысячъ рублей“.

Въ банкѣ его ждалъ переводъ на двадцать шесть тысячъ франковъ.

Въ назначенный день и часъ онъ стоялъ у стола. Это былъ его послѣдній опытъ. Сегодня кончалась его бѣшеная игра.

Онъ досталъ чековую книжку. Въ ней было четыре заранѣе написанныхъ листика и они заключали въ себѣ все его богатство. Онъ не задумываясь надѣлъ тѣмъ какъ ему играть

Рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ первый листикъ изъ книжки и бросилъ его на первый попавшійся номеръ... Кажется это было „двадцать семь“. Крупне придвинулъ къ себѣ чекъ, разсмотрѣлъ его и шопотомъ спросилъ:

— Maximum? Кое кто оглянулся и посмотрѣлъ въ сторону Николаева.

Тотъ кивнулъ головой.

— Faites vos jeux messieurs. La balle roule... Rien ne va plus...

Жуткая, медлительная пауза. Шарикъ разсѣянно бродитъ по чернымъ гнѣздамъ съ номерами... И вдругъ точно оглушило нелѣпое, неожиданное число.

— Четырнадцать, съ особеннымъ шикомъ выкрикнулъ крупне... и длинная гибкая лопаточка смахнула чекъ Николаева.

Николаевъ почувствовалъ какъ все поплыло у него передъ глазами.

Какъ то машинально онъ вырвалъ изъ книжки второй чекъ и бросилъ его на тотъ же номеръ. Крупне снова придвинулъ къ себѣ чекъ.

— Максимумъ?... рулетка закрутилась.

— Faites vos jeux messieurs... Rien ne va plus... 1: quatre...

Было пять минутъ двѣнадцатаго. И снова такъ же автоматически Николаевъ вырвалъ изъ книжки третій чекъ и бросилъ его на тринадцатый номеръ. Вышло двадцать семь. И когда Ни-

колаевъ взялся за послѣдній чекъ онъ услышалъ сдавленный шопотъ: „Вамъ не везетъ... Играйте на passe и manque. Онъ поставилъ на черное, въ послѣдній разъ проигралъ и вышелъ изъ залы рулетки. Въ вестибюлѣ онъ лишился чувствъ...

На другой день администрація рулетки любезно выдала проигравшемуся клиенту пятьсотъ франковъ „на отъѣздъ“. Два агента посадили его въ вагонъ. Онъ производилъ впечатлѣніе тяжело больного, но вполне нормальнаго человѣка... Черезъ пять дней онъ уже лежалъ въ своей „комнатѣ отъ жильцовъ“ и неподвижнымъ остановившимся взглядомъ смотрѣлъ въ окно, на тонувшую въ туманѣ улицу...

И точно, какъ тогда, вдругъ рѣзко затрещалъ звонокъ телефона. Сначала это показалось галюцинаціей. Только послѣ третьяго рѣзкаго звонка онъ снялъ трубку съ рычага аппарата.

— Господинъ Николаевъ пріѣхалъ...

— Да, кто говоритъ...

— А это вы... Ну, здравствуйте милліонеръ... Недаромъ вы такъ запоздали. Я, правду сказать, не вѣрилъ въ вашъ скорый пріѣздъ...

— А... Это вы...

— Да, я... Виталій Андреевичъ... Ну, какова система... Почему вы такъ запоздали съ пріѣздомъ...

— Я пріѣхалъ вчера...

Пріѣзжайте ко мнѣ сейчасъ, немедленно...

Николаевъ безсильно опустился въ кресло. Полчаса онъ неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ въ окно и когда въ передней прозвенѣлъ звонокъ, онъ нѣсколько оживился, приподнялся и всталъ...

— А... Это вы?..

— Ну что? Ну какъ?..

— Я... Я проигралъ все.

— Не можетъ быть... А ваши телеграммы?..

— Въ первые два... два раза я выигралъ... полмилліона... франковъ. Потомъ въ послѣдній разъ тридцать перваго все... все погибло... Шестъ дней назадъ у меня было полмилліона...

— Какъ шесть дней назадъ?.. Вы должны были играть только черезъ недѣлю. Вы ошиблись на 13 дней... Вы забыли разницу въ стиляхъ...

Николаевъ шагнулъ впередъ и сквозь зубы прошепталъ...

— Эхъ вы... А еще математикъ... И я вамъ повѣрилъ... Но почему же, почему же я выигралъ въ первые два раза... Случайность?..

— Увѣряю васъ, вы ошиблись въ стиляхъ...

— Молчите вы! старый крестинъ!.. Я не ручаюсь за себя!..

Старикъ пятясь вышелъ изъ комнаты. Николаевъ схватилъ со стола чернильницу разбилъ о полъ и долго топталъ ногами стекло.

Л. Никулинъ.

БѢЛАЯ ТАЙНА.

Пять лѣтъ, неизвѣстно гдѣ, пропадалъ сынъ домовладѣлицы въ Кусковомъ переулкѣ, Анны Павловны Анисовой, Григорій. И всѣ эти пять лѣтъ старушка ни разу не ложилась спать, не помолившись сперва за безпутнаго и несчастнаго Гришенку.

Безпутность же его заключалась въ томъ, что, не смотря на увѣщанія матери, молодой человѣкъ отправился въ далекую Москву, чтобы

учиться рисованію и осуществить неясные, но красивые и экзальтированные планы дѣтства. Поѣхалъ и пропалъ. И не писалъ писемъ, словно совсѣмъ забылъ о томъ, что гнѣвъ матери, такъ возмущившій его при разлукѣ, давно остылъ, что она какъ всякая другая мать, полна раскаянья, любви и боязни за сына.

Годы шли. Зима смѣняла лѣто, лѣто—зиму. Въ однообразномъ хороводѣ дней, быстрой смѣнѣ незначительныхъ событій будничной жизни, изрѣдка взору старушки являлся неясный образъ сына и снова исчезалъ. Но оставалась тоска, незамѣтная и глубокая драма, стараго, забытаго, угасающаго человѣка. Домъ былъ деревянный, двухъэтажный и комнатъ въ немъ было всего четыре или пять. Анисова занимала верхъ, а внизу жила единственная прислуга ея, такая же старушка какъ и она,—Даша съ сыномъ Николаемъ, мастеромъ на стеклянномъ заводѣ купца Кошкина. И Даша и Николай—оба съ собачьей преданностью служили ей и вмѣстѣ съ нею тосковали по Гришѣ и мечтали о его возвращеніи. Ихъ любовь и преданность обезпечивали жизнь Анисовой, окружая ее комфортомъ и необходимымъ спокойствіемъ. Переулокъ славился драками, неспокойнымъ характеромъ своихъ обитателей, жизнь которыхъ проходила въ попойкахъ, и часто завершалась трагическимъ концомъ. Поэтому присутствіе въ домѣ сильнаго и честнаго человѣка, какъ Николай, было необходимо.

Къ вечеру того дня пошелъ снѣгъ. Онъ падалъ большими хлопьями на землю, и скоро все стало бѣло: и дальній лѣсъ (переулокъ былъ на окраинѣ) и крыши домовъ, и улицы, и прохожіе. Потомъ подулъ вѣтеръ и хлопья снѣга заметались въ бѣломъ хаосѣ, сплетаясь въ неясныя фигуры, жуткія и таинственныя. Вѣтеръ все усиливался, иногда стихая на мгновенье, чтобы снова съ воемъ и визгомъ ринуться на ветхій домъ и бросить въ окна его тучи снѣга. И когда онъ обрушивался на домъ, какія-то бѣлыя существа въ длинныхъ саванахъ жадно прильнувъ къ окну, смотрѣли въ него и быстро исчезали въ бѣломъ мракѣ зимняго вечера.

— Выюга-то какая, — подѣлилась впечатлѣніемъ Даша, поднявшись наверхъ въ горницу Анны Павловны, гдѣ та въ глубокой задумчивости сидѣла передъ стаканомъ остывшаго чаю,— просто страхъ.

— Да... разбушевалась...—разсѣянно отвѣтила старушка.

— А вотъ Николая чтой-то нѣтъ—продолжала Даша,—что бы могло случиться?

— Должно быть работу спѣшную дѣлаетъ.

— И то вѣрно. Дай Богъ, чтобы ничего плохого не приключилось.

Послѣ ухода Даши въ комнату вошла тишина, близкая одинокому сердцу старушки, и заговорила съ нею своимъ особеннымъ голосомъ, слышимымъ не ушамъ, а душѣ.

И то, что сказала тишина, было просто и понятно. Она сказала: приготовься. И больше ничего.

Анна Павловна собиралась уже лечь спать, когда внизу послышались голоса: одинъ Николая и второй, странно близкій и знакомый, но чей, сразу припомнить не могла. И вдругъ блеснула прекрасная, несбыточная, казалось, надежда, заставившая затрепетать ее всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣть какъ мѣлъ: онъ.

Она продолжала сидеть на своем стуле за столом, окаменев в ожидании, и смотрела на дверь. И дверь внезапно открылась.

— Матушка, тихо сказал стоявший на пороге.

Несколько минут в комнате было молчание: скупыми, но искренними слезами старости в объятиях сына плакала мать. Но то были слезы радости.

— Какая же ты старенькая, мать, — полуиронически — полудобродушно промолвил сын, внимательно всматриваясь в лицо старушки, уже суетившейся с Дашей у стола, на котором появились закуски и графин вишневой настойки, — и Даша тоже...

Потом он перевел взгляд на обстановку и с чувством странной, щемящей грусти убедился, что все по старому: тот же клеенчатый диван у стены, круглый стол перед ним, а по бокам два кресла, и по стенам все те же старинные, пожелтевшие фотографии и олеографии с напудренными маркизами и пажами.

— Закуси, Гришенька, с дороги, должно быть сильно проголодался, — сказала мать.

— Съ удовольствием, матушка, — аппетит у меня колоссальный.

В то время, как он утолял голод, мать сидела напротив и с нелюбимой заботливостью изучала черты дорогого лица, думала:

— А ведь как изменился: лицо худое, бледное, морщина на лбу...

Григорий почувствовал взгляд ее и с легкой досадой сказал:

— Знаю, какие мысли у тебя, мать, — верно думаешь о том, что жизнь меня порядком так потрепала? Совершенно правильно. Не только трепала, но просто била. И жестоко била. Впрочем не стоит об этом упоминать. Говоря это, он чувствовал, как в душе его накалилась злость, и тупое упрямое отчаяние. Мысль о том, что он приехал к матери по делу, неприятному и серьезному, о котором надо было немедленно после ужина поговорить, делала его нерешительным и поселяла в нем смутную тревогу. А хуже всего было то, что он приехал жалким неудачником, не осуществив ни одного из своих блестящих планов.

— Ты теперь у меня поживи, говорила мать, — устал должно быть, отдых нужен, а через месяц или два, когда захочешь, вжай куда надо... А может быть и совсем останешься. Вот Анна Павловна, знаешь, красивая такая, все спрашивает, когда приедешь — влюблена была должно быть. Отчего бы тебе не жениться на ней?

— Нельзя, мама.

— Отчего же нельзя? Девушка богатая, красивая...

— Ты сейчас поймешь. Я приехал к тебе не надолго... на несколько часов... Я еду за границу... И если я останусь здесь хотя один день, то попаду в тюрьму.

Несколько минут было молчание.

— Что-же такое, жалобным голосом произнесла мать: только появился и уже опять уезжаешь... За что же тебя, Гришенька?

— Не стоит рассказывать, мать, — много времени придется потратить. Я перейду лучше к делу. Мне нужны деньги, мать, — последние слова Григорий выговорил с большим усилием, и на лбу его выступил пот.

Неприятно ему было говорить о деньгах, да что подлаешь, когда другого исхода не было.

Анна Павловна подошла к комоду, порылась в верхнем ящике и, вытащив оттуда несколько кредитных билетов дрожащей рукой протянула их сыну:

— Всего триста пятьдесят, Гришенька, Достаточно ли? Вот если бы до завтра остался, взяла бы в банк... больше.

— Спасибо и на этом. А ждать мне нельзя. И опять стало тихо. И не хотелось говорить. Слова звучали бы лживо, там где чувство говорило все. Какие то существа в белых савах толпами подлетали к окну, смотрели в него и беззвучно улетали снова в белый мрак зимнего вечера, чтобы пошептать о виденном.

Были белые крыши домов, улицы и дальний лес.

— Пора, — сказал, взглянув на часы, Григорий: — в 10 ч. 23. м. идет поезд...

— Уже? — прошептала Анна Павловна и, заискивающе заглядывая в глаза сыну, попросила:

— Останься хоть полчаса... Даша яичницу приготовить...

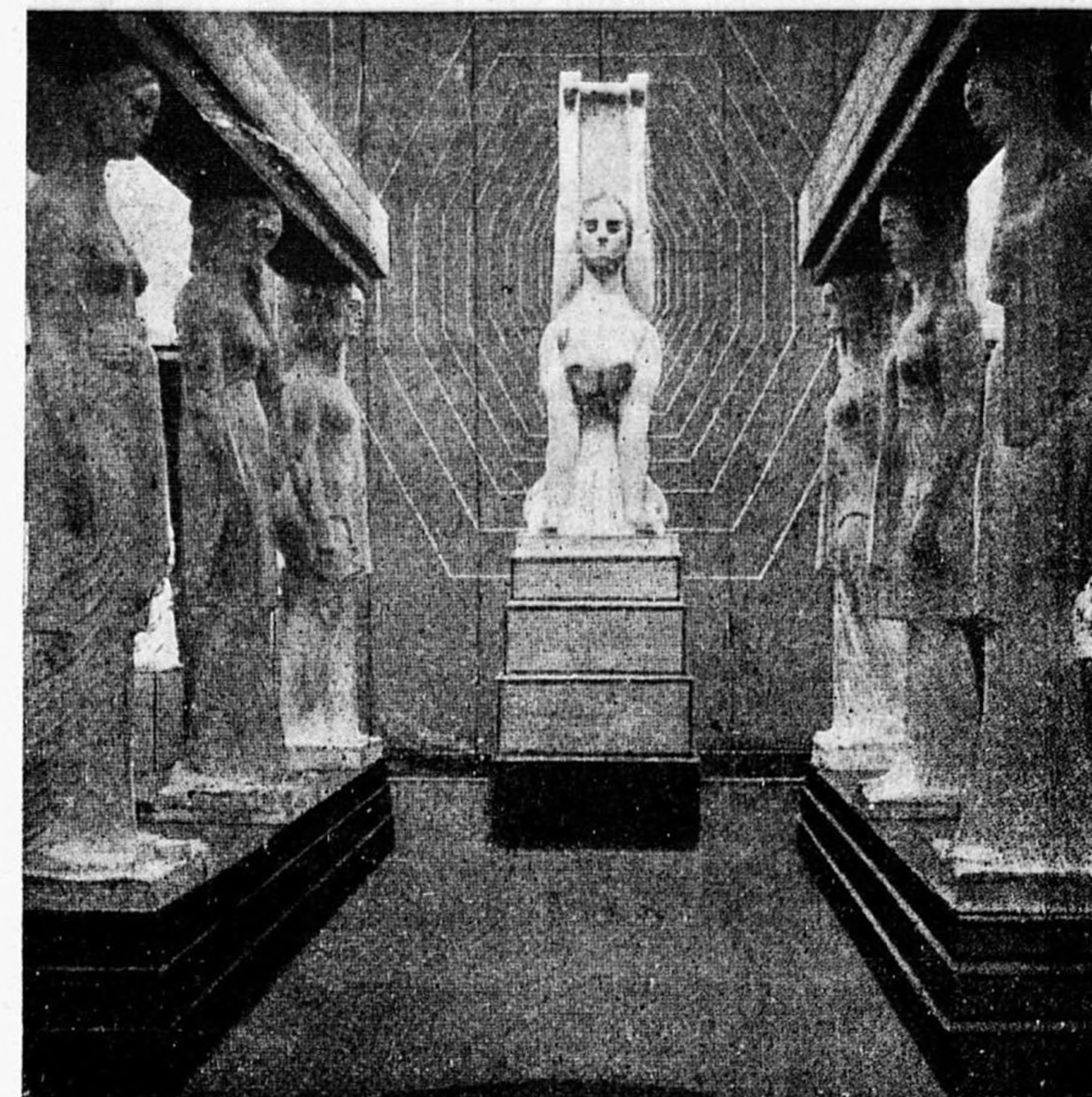
— Нельзя, мать, — слезы подступили к его глазам, и на мгновение все покрылось туманом. — Прощай... может быть, когданибудь... приеду.

Он обнял мать, потом бережно усадил ее, плакавшую, на стул и пошел к двери. На пороге оглянулся, постоял несколько мгновений, и вышел, тихо затворив дверь.

Под ногами тонко скрипывали деревянные ступени. И когда какая-нибудь ступенька издавала особенно резкий скрип, она останавливалась и прислушивалась: откуда то из темноты доносилось ровное дыхание спящего человека. Все было тихо. Ничто не внушало опасения. Мертво тикали часы. Где-то деловито попискивали мыши, радуясь тишине и ночному мраку. Очутившись на улице, она пошла туда, где смутной громадой наметался обнесенный стеной лес. И шла до тех пор, пока последние строения не оказались позади. Ноги вязли в сугробах. Белыми хлопьями падал снег и крутился в круговорот воздушных течений, слепя глаза. Силы покидали ее.

Еще несколько шагов и она упадет. И вот упала. Там где спал последний снежок человек, легла ровная снежная пелена. И поле, и лес, и крыши дальних домов — были белые. И белая тайна скорбно поникнув головой, неслышно пролетала над сугробами.

Валентин Франчиш

АНКЕТА.

Занимаясь историей искусств прошлых веков, мы наткнулись на интересно составленную биографию одного великого художника, которого мы назовем N. Биография написана одним из лучших критиков и составлена вполне обстоятельно, а главное беспристрастно. Но биография не могла решить вопроса происхождения, верно о национальности, к которой принадлежал этот художник.

За решением этой загадки мы и обращаемся к читателям нашего журнала, на основании этой биографии, которую мы здесь и перепечатали почти дословно выпустив имена собственные и названия его произведений дабы не влиять этим на решение читателя.

Ответы просим прислать в Редакцию.

Жизнь N, как и его живопись, полна полутьмы и темных углов. Его соперник K. всегда вызывает себя таким, каким он был, в полном свете своих произведений, своей общественной и частной жизни — отчетливым, ярким и переливающимся искрами ума, хорошего настроения, надменной грации и величия. Наоборот N таинствен и как будто всегда что-то прячет, написанное или пережитое, у него нет ни дворца с многочисленным штатом вельмож, ни размаха жизни и галерей в итальянском вкусе, а есть невзрачная обстановка, запущенный дом мелкого купца с беспорядком коллекционера, букиниста, любителя эстампов и редкостей. Никаких общественных занятий, отвлекающих от мастерской, и заставляющих интересоваться политикой, никакой надежды на милости, которые заставили бы его привязаться к какому-нибудь государю. Никаких официальных почестей, ни орденов, ни титулов, ничего, что связывало бы его, хотя бы издали, с какими-нибудь событиями или деятелями, спасающими от забвения. История, говоря о них, упоминала бы и его. N принадлежал к третьему сословию, и то с натяжкой, как сказали бы во Франции 1789, — к тем массам, где личности теряются, нравы низменны, обычай без благородства, способные их поднять. И даже в этой стране, где как будто существует равенство сословий и отсутствуют дворянские предрассудки, своеобразный гений N не спас его, а ничтожное социальное положение удерживало внизу, в темных слоях, и там его и потопило.

Очень долго о нем не было ничего известно, кроме свидетельств его учеников, тех, по крайней мере, которые писали. Все сводилось к нескольким легендам их мастерских, к спорным известиям, легкомысленным суждениям, сплетням. В личности его ничего не было видно, кроме странностей, манер, нескольких черт пошлости, недостатков, почти пороков. Утверждали, что он корыстолюбив, жаден, даже скуп, с душой торговца. С другой стороны, говорили, что он был расточителен и беспорядочен в расходах, ссылаясь на его разорение. У него было много учеников, он их разсуждал по келиям, в комнатах с перегородками, слезил за тем, чтоб между ними не было никаких сношений и взаимных влияний. Из этого кропотливого обучения он извлекал большой доход. Приводил несколько отрывков устных уроков, сохранившихся в предании: это изречения простого здравого смысла, не имеющие значения. Он не был в Италии и не советовал туда ехать. Впоследствии для его учеников, сделавшихся докторами эстетики, это стало предлогом для обвинений и сожалений о том, что их учитель не соединял этого необходимого культурного опыта со своим здравым учением и оригинальным талантом. За ним знали странные вкусы — любовь к старому тряпью, к восточным лохмотьям, к шпатам, к шлемам, к азиатским коврам. Не представляя себе в точности состава его артистической обстановки и всех полезных и поучительных редкостей, заполнявших его дом, в них видели лишь хаос разнородных предметов, наборы оружия дикарей, чучела, сушеные травы. Все это пахло лавкой старьевщика, лабораторией, немногом чернокнижием и кабалой, при чем рухлядь, вместе с предполагаемой страстью к деньгам, придавала фигуре задумчивого и нелюбезного, неутомимого работника какой-то странной и немного постыдный вид алхимика-золотоискателя.

У него была страсть позировать перед зеркалом и писать самого себя, не так, как это делали другие в героических картинах, в образе рыцаря, военного героя, в толпе эпических фигур, а наедине, в маленькой комнате, глаза в глаза, ради одного какого-нибудь ускользающего света или изысканной полутьмы, играющих на округлых поверхностях его толстого лица, налившегося и мясистого. Он задирает усы, вздергивает и раздвигает вьющиеся волосы. Он улыбался толстой и полнокровной губой, а маленький глаз, потонувший под тяжелыми выступами лба, устремлял странный взгляд, огненный и неподвижный, дерзкий и самодовольный. Это не глаз первого встречного. Его маска состояла из определенных плоскостей: рот был выразительный, подбородок — волевой. Между бровями труд пролегал две вертикальные борозды, два вздутия, складку от привычки

сдвигать брови, свойственный человеку, который сосредоточивается, преломляет ощущения и дѣлает усилия повернуть ихъ внутри себя. Онъ наряжался и переодевался, какъ актеръ. Онъ бралъ въ своемъ гардеробѣ все, что нужно было, чтобы облачиться, разукраситься, убрать голову. Надѣвалъ тюрбаны, бархатные тоги, войлочные шляпы, плащи, иногда кирасы. На шляпу онъ нацѣплялъ драгоценныя украшения, на шею золотую цѣпь съ камнями. И тотъ, кто не былъ посвященъ въ тайны его исканій, могъ подумать, что это послабленія живописца модели были слабостями человека, которымъ уступалъ артистъ. Позже, послѣ лѣтъ зрѣлости, въ тяжелые дни мы видимъ его въ болѣе серьезныхъ, скромныхъ, правдивыхъ одеждахъ, безъ золота, безъ бархата, въ темной курткѣ, съ платкомъ, повязаннымъ вокругъ головы, съ грустнымъ морщинистымъ, изможденнымъ лицомъ, съ палитрой въ грубыхъ рукахъ. Этого видъ разочарованнаго былъ новымъ обликомъ, какое онъ принялъ, перешагнувъ за пятьдесятъ лѣтъ. Но оно лишь осложнило правдивое представление, какое мы хотѣли бы себѣ о немъ составить.

Все это въ общемъ не образуетъ очень стройнаго цѣлаго, не согласуется, не сходится со смысломъ его творений, съ высокимъ полетомъ его концепцій, съ глубокой серьезностью его обычныхъ стремлений. Отдѣльныя черты этого невыясненнаго характера, его почти неизвѣстныхъ привычекъ съ непріятной рѣзкостью выдѣлялись на фонѣ неопредѣленнаго, подернутаго загадками, биогрфически не очерченнаго существованія.

Съ тѣхъ поръ свѣтъ пролился приблизительно на всѣ сомнительныя части этой темной картины. Исторія N. была написана и, притомъ, превосходно многими авторами по источникамъ. Благодаря трудамъ одного изъ самыхъ ревностныхъ его поклонниковъ, мы теперь знаемъ о N. если не все, что было бы важно знать, то, по крайней мѣрѣ, все, что, повидимому, когда либо удалось узнать. И этого довольно, чтобы любить, жалѣть, уважать, и, кажется, почитать его.

Съ внѣшней стороны это былъ хорошій человекъ, любившій свой домъ и домашнюю жизнь, свое мѣсто у очага, привязанный къ семьѣ, супругъ гораздо больше, чѣмъ распутникъ, моногамистъ, не выносившій ни безбрачія, ни вдовства, но котораго не исполнѣ объясненныя обстоятельства побудили жениться нѣсколько разъ. Разумѣется домо-сѣдъ. Это былъ человекъ мало экономный, никогда не умѣвшій держать свои счета въ порядкѣ. Онъ не былъ скупъ, такъ какъ разорился. Если же онъ мало израсходовалъ денегъ на свое благосостояніе, то, повидимому, расточалъ ихъ, чтобы, удовлетворить склонность своего ума къ любопытству. Онъ былъ неуживчивъ и, невѣроятно, мнительнъ, любилъ одиночество и былъ, въ своемъ скромномъ положеніи, во всемъ очень страннымъ человекомъ. Онъ не окружалъ себя роскошью, но обладалъ какъ бы скрытымъ богатствомъ, сокровищами въ видѣ художественныхъ цѣнностей, принесшихъ ему много радостей. Онъ потерялъ ихъ въ полномъ крушеніи своего благосостоянія. Въ поистинѣ зловѣщій день эти сокровища были распроданы за безцѣнокъ съ аукциона. Въ его обстановкѣ не все было рухлядью: это видно изъ инвентаря, составленнаго при распродажѣ. Были мраморы, итальянскія и голландскія картины, много его собственныхъ произведеній. Особенно же много было гравюръ, въ томъ числѣ и рѣдчайшія, которыя онъ вымѣнивалъ на гравюры своей работы или покупалъ по очень высокой цѣнѣ. Всѣми этими красивыми, любовно собранными, избранными вещами онъ дорожилъ. Онъ былъ къ нимъ привязанъ, какъ къ товарищамъ его одиночества, свидѣтелямъ его труда, къ повѣреннѣмъ его мысли и вдохновителямъ его. Онъ накоплялъ ихъ, какъ настоящій любитель, dilettante, какъ знатокъ, какъ утонченный цѣнитель въ области интеллектуальныхъ наслажденій. Это и была, вѣроятно, необычная форма его скупости, не понятной въ ея внутреннемъ смыслѣ. Что же касается его долговъ, то они у него были даже тогда, когда въ сохранившейся до насъ перепискѣ онъ называлъ себя богатымъ. Онъ былъ довольно гордъ и подписывалъ вѣселю съ непринужденностью, не зная цѣны деньгамъ и не подсчитывая точно ни того, что у него есть, ни того, что онъ долженъ.

У него была прелестная жена, которая, какъ лучъ, озаряла эту вѣчную сѣтотѣнь. Въ теченіе нѣсколькихъ, слѣшкомъ краткихъ, лѣтъ она вносила въ его жизнь, если не изысканность и не дѣйствительныя блага, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую большую яркость. Его печальному дому, его угрюмому труду, всегда уходившему вглубь, недоставало общительности, влюбленной молодости, женской граціи, нѣжности. Принесла ли ему все это жена? Это не очень замѣтно. Говорятъ, онъ былъ влюбленъ въ нее. Онъ часто ее писалъ, раздѣлялъ ее, какъ и самого себя, въ

разные необычайные и великолѣпные наряды, покрывалъ ее какую то странную случайную роскошью. Онъ изобразилъ ее Еврейкой, Одалиской, Юдией, быть можетъ, Сусанной и Вирсавіей. Но онъ никогда не писалъ ее такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, въ одеждѣ ея нагая, и не оставилъ ни одного схожаго портрета, — такъ, по крайней мѣрѣ, хочется думать. Вотъ все, что мы знаемъ объ его домашнихъ радостяхъ; слишкомъ рано угасшихъ. Жена умерла молодою, въ тотъ самый годъ, когда онъ написалъ лучшую свою картину. Въ его картинахъ ни разу не встрѣчается веселаго, привѣтливаго образа его дѣтей, а онъ имѣлъ ихъ нѣсколько отъ разныхъ браковъ. Одинъ сынъ его умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до него самого. Другіе исчезли во мракѣ, покрывшемъ его послѣдніе годы и его смерть.

У N. же невозможно узнать, что выстрадало его сердце. Жена его умираетъ, а работа его продолжается безъ единого дня задержки — это видно по датамъ его картинъ и еще лучше по его офортамъ. Рушится его богатство, его волокутъ на судъ, какъ несостоятельнаго должника, у него отнимаютъ все, что онъ любилъ: онъ уноситъ свой мольбертъ, ставитъ его на новомъ мѣстѣ, и ни современники, ни потомство не услышали ни единой жалобы, ни единого крика этого страннаго человека. А можно было думать, что онъ будетъ совершенно раздавленъ несчастьемъ. Его производительность не уменьшается и не падаетъ. Популярность измѣняетъ ему мѣстѣ съ богатствомъ, счастьемъ, благосостояніемъ: на несправедливости судьбы, на измѣну общественнаго мнѣнія, онъ отвѣчаетъ произведеніями, причисляющимися къ самымъ его уравновѣшеннымъ, убѣжденнымъ, сильнымъ. Въ траурѣ, въ униженіяхъ, въ несчастіяхъ, онъ сохраняетъ какую то невозмутимость, совершенно необъяснимую, если не знать, на что способна душа, поглощенная глубокимъ содержаніемъ, въ смыслѣ внутренней силы, безразличія и скорога забвенія.

Имѣлъ ли онъ друзей? Повидимому, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, его друзьями не были тѣ, чей дружбы онъ заслужилъ: ни люди, которыхъ бывали въ его домѣ, ни знаменитые художники, которые посѣщали всѣхъ, кромѣ него ничего не упоминаютъ о немъ. Имя N. даже не значится ни въ его письмахъ, ни въ его коллекціяхъ. Чествовали ли его, имѣлъ ли онъ связи, былъ ли на виду? Нѣтъ. Когда о немъ говорятъ въ Аполоніяхъ, въ литературѣ того времени, въ маленькихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ на случай, то всегда отводятъ ему второстепенное мѣсто. Упоминаютъ его случайно, безъ всякой теплоты и почти только изъ чувства справедливости. Литераторы предпочитали ему другихъ: для N. — единственнаго великаго изъ всѣхъ — они находили мѣсто позади прочихъ. Въ официальныхъ церемоніяхъ, во дни всякихъ большихъ торжествъ, его забывали. Его не видно нигдѣ — ни въ первомъ ряду, ни «на вѣстрадахъ».

Несмотря на его гонимъ, его славу, на неслыханное увлеченіе, толкавшее къ нему художниковъ въ началѣ его творчества, та общественная среда, которую называютъ свѣтомъ, даже въ родномъ городѣ только слегка приоткрыла ему дверь, не больше — онъ къ ней никогда не принадлежалъ. Ни портреты его работы, ни самая личность его не служили ему рекомендаціей. Хотя онъ и дѣлалъ портреты великолѣпно и притомъ съ избранныхъ по положенію людей; они не были произведеніями легко нравящимися, естественными, ясными. Они не могли создать ему популярности въ извѣстномъ обществѣ, не могли тамъ быть оценены и дать ему право входа. Я уже сказалъ, что лица власть имущіе и меценаты, изображенные въ его картинахъ, впоследствии утѣпились портретами другихъ мастеровъ. Что же касается Мецетра, молодого сравнительно съ нимъ человека, то онъ — я въ томъ не разубѣрюсь — разрѣшилъ писать себя противъ своей воли. N. бывалъ у этого официальнаго лица скорѣе какъ у бургомистра и мецената, чѣмъ какъ у друга. Вообще онъ предпочиталъ общество незначительныхъ людей, лавочниковъ, мелкихъ мѣщанъ. За это скромное, нисколько его не позорящее общеніе съ людьми N. впоследствии очень унижали. Но еще одинъ шагъ, и его можно было бы упрекнуть въ гнусныхъ привычкахъ, ибо десять лѣтъ послѣ смерти жены онъ имѣлъ повидимому, подозрительныя сношенія со своей служанкой. А между тѣмъ онъ даже не ходилъ по кабакамъ, — явленіе, чрезвычайно для того времени рѣдкое. Служанка его лишилась честнаго имени, а самого N. очень осуждали. Въ это время, впрочемъ, у него все шло плохо, состояніе, почести. Когда онъ покинулъ аристократическій кварталъ, безъ крова, безъ гроша, но рассчитавшись со своими кредиторами, для него создалось положеніе, въ которомъ ничего не значатъ ни таланты, ни уже приобретенная слава. Его забыли, потеряли самый слѣдъ его. Его поглотила темная жизнь въ нуждѣ,

изъ которой онъ, собственно говоря, никогда и не выходилъ вполнѣ.

Во всемъ, какъ видно, онъ былъ человекомъ не похожимъ на другихъ, мечтателемъ, быть можетъ, очень молчаливымъ, хотя черты его свидѣлствуютъ о другомъ. Возможно, что обладалъ характеромъ угловатымъ, темнымъ, грубымъ, рѣзкимъ, натянутымъ. Ему неудобно было противорѣчить, еще неудобнѣе было его убѣждать. Внутренне извилистый, внѣшне неподатливый, онъ, во всякомъ случаѣ, былъ оригиналенъ. Если сначала онъ, несмотря на зависть, близорукость, педантизмъ и глупость многихъ, былъ знаменитъ, любимъ и восхваляемъ, то впоследствии ему за это жестоко отомстили.

Онъ писалъ, рисовалъ, гравировалъ иначе, чѣмъ всѣ. По техническимъ приемамъ произведенія его являлись даже настоящими загадками. Ему удивлялись, но съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, за нимъ слѣдовали, не вполнѣ его понимая. За работой, главнымъ образомъ, у него и былъ видъ алхимика. Когда его видѣли передъ мольбертомъ, съ его несомнѣнно совѣтъ липкой отъ красокъ палитрой, откуда онъ бралъ иногда столько тяжелого, а иногда и столько легчайшаго вещества, когда его видѣли согнувшимся надъ мѣдной доской, рѣзущаго по ней вопреки установившимся правиламъ — всѣ искали у него въ самой кисти или рѣзцѣ секретовъ, лежавшихъ гораздо глубже. Его манера была столь нова, что она сбивала съ толку умы сильные и увлекала до страсти умы простые. Все, что только было молодого, предприимчиваго, непослушнаго и легкомысленнаго среди учившихся живописи — все бѣжало къ нему. Его прямые ученики были посредственны, хвостъ, который тащился за ними, былъ отвратителенъ. Поразительно то, что при келейномъ обученіи, о которомъ я уже говорилъ выше, ни одинъ изъ нихъ не сохранилъ вполнѣ своей независимости. Они погрязли своему мастеру. Конечно, они переняли у него лишь худшіе изъ его приемовъ.

Былъ ли онъ ученъ, образованъ? Былъ ли онъ хотя-бы начитанъ? Говорятъ — да, потому что онъ умѣлъ компоновать сцены, касался исторіи, міеологии, христіанскаго ученія. Говорятъ — нѣтъ, такъ какъ по разсмотрѣніи его обстановки оказалось несчетное число гравюръ и почти не было книгъ. Былъ ли онъ философомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обычно понимаютъ это слово? Въ какомъ отношеніи былъ онъ къ тогдашнему моменту реформаций? Способствовалъ ли онъ, какъ это увѣряютъ въ наше время нѣкоторые, въ качествѣ художника, искорененію догматовъ и выясненію человѣческихъ сторонъ Евангелія? Сказалъ ли онъ намѣренно свое слово по политическимъ, религиознымъ, социальнымъ вопросамъ, наполнявшимъ смутеніемъ его страну и потомъ, наконецъ, счастливо разрѣшеннымъ? Онъ изображалъ нищихъ, обездоленныхъ, бродягъ чаще, чѣмъ богатыхъ, евреевъ чаще, чѣмъ христіанъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ питалъ къ бѣдствующимъ слоямъ населенія что-либо, кромѣ интереса живописца? Все это болѣе, чѣмъ гадательно, и я не вижу основанія углублять творчество, уже и безъ того глубокое, и прибавлять еще одну гипотезу къ множеству другихъ.

Дѣйствительно, трудно выдѣлить его изъ умственнаго и нравственнаго движенія его страны и его времени. Онъ дышалъ своимъ вѣкомъ, своимъ роднымъ воздухомъ, и имъ онъ жилъ. Онъ былъ-бы изобильнымъ, если бы явился раньше. Рожденный въ другой странѣ, онъ казался-бы еще болѣе странной кометой, блуждающей внѣ осей искусства новаго времени. Если-бы онъ пришелъ поздне, онъ не имѣлъ-бы громадной заслуги завершителя прошлаго, открывшаго одну изъ великихъ дверей будущаго. Во всѣхъ отношеніяхъ въ немъ многіе обманулись. Ему недоставало внѣшнихъ условныхъ приличій, и изъ этого заключили, что онъ былъ грубъ. Въ области знанія онъ нарушилъ много системъ, и изъ этого сдѣлали выводъ, что онъ имъ не обладалъ. Какъ человекъ вкуса, онъ погрѣшилъ противъ обычныхъ законовъ, изъ чего опять-таки заключили, что у N. его не было. Какъ художникъ, влюбленный въ прекрасное, онъ выразилъ относительно земныхъ вещей нѣсколько очень безобразныхъ представлений. При этомъ не замѣтили, что онъ смотрѣлъ въ другую сторону. Короче, какъ-бы сильно его ни расхваливали, какъ-бы зло его ни хулили, какъ-бы несправедливо къ нему ни относились въ вопросахъ добра и зла, не считаясь съ его дѣйствительнымъ характеромъ, никто не подозрѣвалъ вполнѣ точно его истиннаго величія.

Замѣтите, что онъ въ наименьшей мѣрѣ туземецъ изъ всѣхъ отечественныхъ живописцевъ. Хотя онъ и принадлежалъ своему времени, онъ никогда не принадлежалъ ему вполнѣ. Того, что наблюдали его соотече-

ственники, онъ не видитъ. Къ тому, отъ чего они отстранялись, онъ возвращается. Они распрошались съ міеами, а онъ къ нимъ идетъ. Съ Библией: онъ иллюстрируетъ ее. Съ Евангелиемъ: онъ съ особенной охотой на немъ останавливается. Все это онъ раздѣляетъ по-своему, но отовсюду онъ высвобождаетъ смыслъ единый, новый, всемірно понятный. Онъ грезитъ о Св. Симеонѣ, о Іаковѣ и Лаванѣ, о Блудномъ Сынѣ, о Товіи, объ Апостолахъ, о Св. Семействѣ, о Царѣ Давидѣ, о Голгофѣ, о Самарянинахъ, объ Евангелистахъ. Онъ блуждаетъ вокругъ Іерусалима, Еммауса, — всегда, это чувствуется притягиваемый синагогой. Эти освященные темы ему представляются въ обстановкахъ, которымъ нѣтъ названія, съ костюмами, которые противорѣчатъ здравому смыслу. Онъ ихъ задумываетъ и формулируетъ, такъ-же мало заботясь о традиціяхъ, какъ и о правдѣ мѣста дѣйствія. Но такъ велика сила его творчества, что этотъ столь особенный, столь личный духъ придаетъ предметамъ, которыхъ касается N. общее выраженіе, интимное и типическое значеніе, не всегда доступное великимъ мыслителямъ и этическимъ мастерамъ рисунка.

И уже гдѣ-то сказалъ въ настоящемъ очеркѣ, что его принципомъ было — выдѣлать въ вещахъ одинъ элементъ изъ всѣхъ другихъ, или, вѣрнѣе, отвлечь ихъ всѣ съ тѣмъ, чтобы опредѣленно имъ овладѣть. Такимъ образомъ, въ своихъ работахъ онъ производилъ анализъ, перегонку, или, выражаясь благороднѣе, творилъ, какъ метафизикъ въ болѣе степени, чѣмъ какъ поэтъ. Никогда дѣйствительность не овладѣвала имъ въ своихъ ансамбляхъ. Когда смотришь, какъ онъ трактовалъ тѣла, можно усомниться, интересовался ли онъ оболочками. Онъ любилъ женщинъ, но видѣлъ ихъ только безобразными. Онъ любилъ ткани но не воспроизводилъ ихъ точно. Но зато, за неимѣніемъ граціи, красоты, чистыхъ линий, пѣжности кожи, онъ передавалъ нагое тѣло гибкимъ, упругимъ, округлымъ, съ той любовью къ веществу, съ тѣмъ чувствомъ жизни, которая приводятъ въ восторгъ художниковъ. Онъ дѣлалъ сводку и разложение всего, цѣта столько-же, сколько и свѣта, такъ-что, исключая изъ видимости вещей все множественное, сгущая разсѣянное, онъ могъ рисовать безъ очертаній, писать портреты почти безъ наглядныхъ линий, раскрашивать безъ колорита, сосредоточивать сіяніе солнечнаго міра въ одномъ лучѣ. Совершенно невозможно въ изобразительномъ искусствѣ зайти дальше въ любопытствѣ къ бытію въ себѣ. Красоту физическую онъ замѣнилъ духовнымъ выраженіемъ; подражаніе внѣшности — почти полнымъ преображеніемъ вещей; непосредственное разсмотрѣніе, умозрѣніемъ психолога; точное, умное или наивное наблюденіе — ясновидѣніемъ призраковъ столь искреннимъ, что онъ самъ обманывался. Благодаря этому дару двойного зрѣнія, этой интуиціи лунатика, онъ въ области сверхъестественнаго видитъ дальше, чѣмъ кто-бы то ни было. Жизнь, воспринимаемая имъ какъ-бы во снѣ, имѣетъ отпечатокъ свѣта, дѣлающей ее почти холодной и блѣдной. Посмотрите въ Луврѣ на его «Женскій портретъ», въ духу шагахъ отъ «Метрессы» другого знаменитаго художника. Сравните эти два существа, спросите, какъ слѣдуетъ, объ картины, и вы поймете разницу между обоими умами. Его идеалъ — свѣтъ, подобный грезу, которую преслѣдуютъ съ закрытыми глазами: сіяніе вокругъ предметовъ, фосфоресценція на черномъ фонѣ. Все это неустойчиво, неопредѣленно, образовано незамѣтнымъ линиями, готовыми исчезнуть еще раньше чѣмъ на нихъ пристально посмотрѣть, эфемерно и ослѣпительно. Схватить видѣніе, перенести его на холстъ, дать ему форму, рельефъ, сохранить его хрупкое строеніе, придать ему его блескъ — и въ результатѣ и очная, мужественная, субстанціальная живопись, болѣе реальная, чѣмъ всякая другая, не уступающая никому изъ его современниковъ. Вотъ что пытался сдѣлать N. Осуществилъ ли онъ свои задачи? Отвѣтить на это можетъ только мнѣніе всего міра.

Еще одно послѣднее слово. Примѣняя къ N. его собственный методъ, извлекая изъ этого столь обширнаго творчества, изъ этого многосторонняго гонія то, что опредѣляетъ его сущность, его природные элементы, исключая палитру, кисть, маслянистую краску, мазокъ гладкій и густой, весь механизмъ его живописи, можно было-бы, наконецъ, уловить коренныя особенности художника въ гравюрѣ. N. цѣлкомъ содержится въ своихъ офортахъ. Его духъ, стремленія, воображеніе, грезы, здравый смыслъ химеры, трудности въ передачѣ невозможнаго, реальность въ томъ, что есть ничто — все это открываютъ его офорты. Они даютъ предчувствовать живописца и — болѣе того — его объясняютъ. Та-же техника, та-же предвзятость, та-же небрежность, та-же настоятельность, та-же странность фактуры, то-же отчаяніе и внезапный успѣхъ въ выраженіи.

Внимательно сравнивая эскизы картины мира с каким-нибудь его офортом, я не вижу между ними никакой разницы. Нѣтъ никого, кто не поставилъ-бы этого гравера выше всѣхъ гравировъ. Не заходя такъ далеко въ сужденіи объ его живописи, было-бы хорошо почаще думать о «Листѣ въ сто монетъ», особенно, когда затрудняешься понять его картины. Тогда увидѣли-бы что всѣ шлаки этого искусства, труднѣе всѣхъ другихъ поддающагося очисткѣ, совсѣмъ не портятъ несравненно прекраснаго пламени, горящаго внутри его. Я полагаю, что тогда замѣнили бы новыми названія и клички, какія когда-либо давали Н.

Дѣйствительно, это человѣкъ съ глазами, свѣтящимися во тьмѣ, и рукою, не очень умѣлою, но очень ловкою. Эта работа, производимая съ такимъ трудомъ, исходила отъ гибкаго и провицательнаго ума. Ничтожный человѣкъ, ищейка, костюмеръ, ученый, вскормленный на безтолковщинѣ. Человѣкъ съ сѣсамихъ низовъ, но чрезвы-

чайно высокаго полета. Ночная бабочка, налетающая на все, что свѣтитъ, духъ столь чуткій къ нѣкоторымъ формамъ жизни, но столь равнодушный къ другимъ. Страсть безъ нѣжности, влюбленность безъ видимаго пламени. Натура, состоявшая изъ контрастовъ, противорѣчій и двусмысленностей: взволнованная, но не краснорѣчивая, любовная, но мало любезная. Неудачникъ, богато одаренный, но мнѣнію многихъ—материалистъ. «Пошлякъ», «уродъ». На самомъ-же дѣлѣ это былъ чистѣйшій спиритуалистъ, или, выражаясь однимъ словомъ: идеологъ. Я хочу сказать: человѣкъ, чья область—идеи, чей языкъ—языкъ идей. Здѣсь разгадка тайны.

Именно такимъ образомъ объясняется весь Н. Таковы его жизнь, его творчество, его склонности, его замыслы, его поэтика, его методъ, его приемы и даже патина его живописи, представляющая не что иное, какъ смѣлое и намѣренное одухотвореніе матеріальныхъ элементовъ его искусства.

М. А. Врубель.

Третій конкурсъ „Весны“.

ШУТЬ.

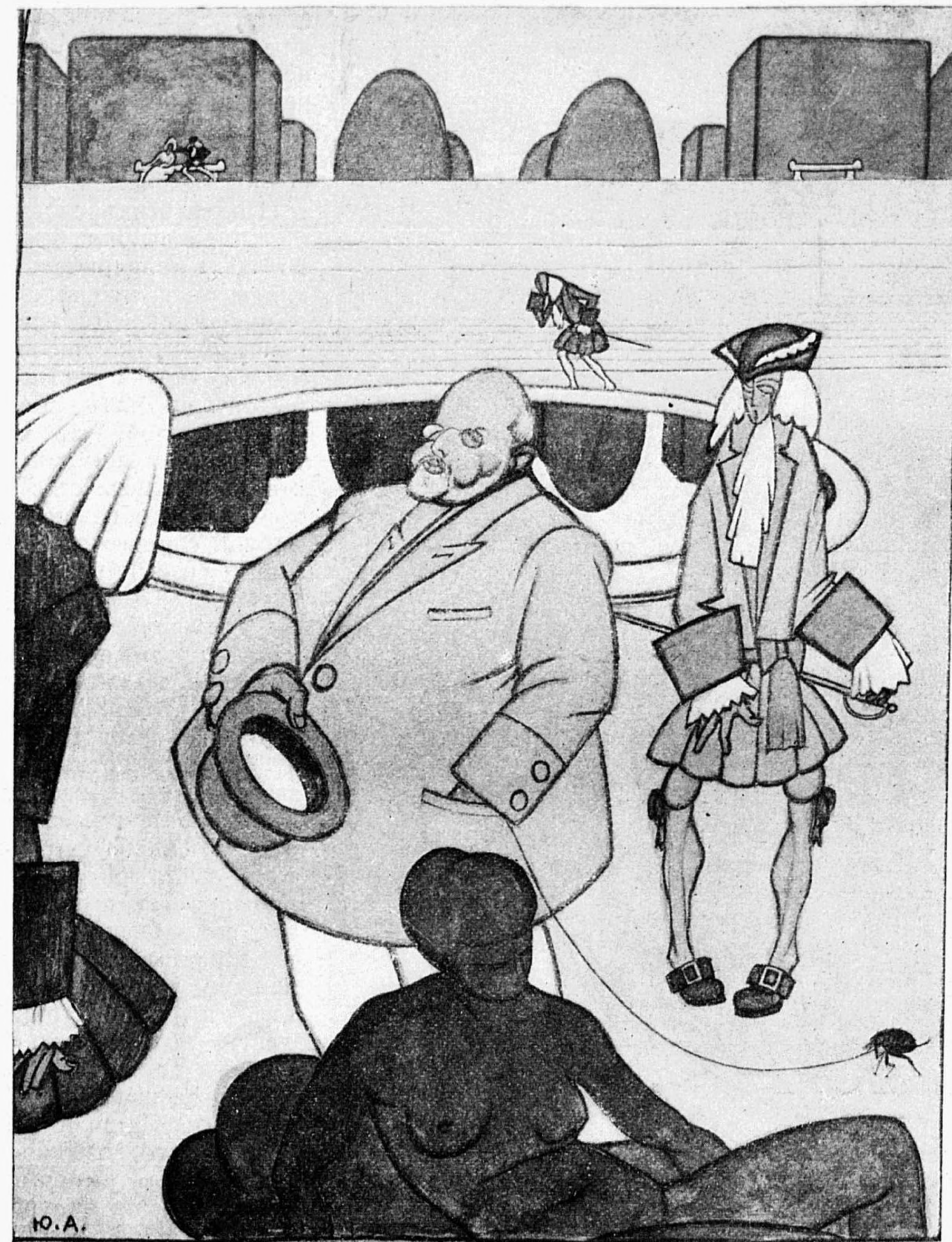
Мраченъ и угрюмъ сидѣлъ въ своей опочивальнѣ герцогъ. Уже въ теченіе двухъ часовъ сидѣлъ онъ такъ неподвижно, съ нахупленными бровями и съ вперившимся въ одну точку взглядомъ. А точка эта находилась на груди молодой, прекрасной блондинки, изображенной умѣлой кистью мастера на большомъ, висящемъ прямо противъ герцога, портретѣ. Лучи заходящаго солнца пробиваясь сквозь цвѣтныя, узорчатые стекла, преломляясь въ какіе-то фантастическіе блики, двигались радужными огоньками вдоль стѣнъ, придавая герцогинѣ видъ неземнаго существа, парящаго въ воздухѣ.

Герцогъ не отрываясь глядѣлъ на портретъ, и по временамъ въ его взорѣ была видна такая жгучая ненависть, что пажъ, находившійся неотлучно въ покоѣ герцога невольно дрожалъ и старался стоять чуть дыша, чтобы не обратить на себя вниманія разгнѣваннаго властелина.

Причинъ для гнѣва герцога, человѣка уже не молодого, было достаточно. Его вторая жена подарила ему еще ребенка—и опять дѣвочку. Когда всѣ мысли, всѣ стремленія народа были сосредоточены на сверженіи жестокаго тирана, только одинъ наслѣдникъ могъ упрочить его тронъ... Надежды тщетны... Разстроенные нервы герцога были такъ болѣзненно натянуты, что только самыя сильныя средства могли успокоить и хоть немного примирить со случившимся, этого погрязшаго въ развратѣ и преступленіяхъ, человѣка. Безмѣрно властолюбивый, кровожадный, съ дѣтства уже привыкшій къ безцѣльнымъ убійствамъ, развращенный потоками крови, герцогъ въ минуты крайняго нервнаго напряженія могъ лишь успокоиться при видѣ невинно пролитой крови, въ особенности, если эта кровь принадлежала близкому, хорошо знакомому существу.

А успокоится необходимо. Завтра пиръ крестины. Нельзя-же показать всѣмъ приглашеннымъ, что ропотъ народа трогаетъ сердце повелителя болѣе, чѣмъ они думаютъ.

Юр. Анненковъ «А. Н. Бенуа въ Версаль».

Еще мрачнѣе, чѣмъ герцогъ, сидѣлъ въ своей каморкѣ шутъ. Геніальный остроумный бѣднякъ, только изъ страстной любви и преданности къ герцогу, который спасъ когда-то его единственнаго ребенка изъ рукъ разъяренной черни,—онъ сталъ его шуткомъ. Вѣчно готовый по первому-же зову разсмѣшить властелина удачною фразой, или уродливой гримасой, этотъ „король смѣха“ сидѣлъ весь сгорбившись, осунувшись, печалась, быть можетъ, больше самого герцога, но не надъ обманутыми надеждами, нѣтъ, его трогала лишь одна мысль, что повелитель, любимый полубогъ, страдаетъ. Шутъ отлично зналъ, чѣмъ можно успокоить тирана, и, сознавая свое личное, профессиональное безсиліе, только плакалъ...

* * *

Насталъ часъ пира... Столъ густо, уставленный всевозможными яствами и винами, окруженъ блестящей плеядой царедворцевъ и знати. Всѣ дѣлаютъ видъ, что веселятся, а на самомъ дѣлѣ

всѣмъ не по душѣ. Ни у кого не вырвется искреннее, громкое слово; каждый старается говорить болѣе шепотомъ, чѣмъ вслухъ, глядя на герцога, сидящаго, подперевъ голову лѣвой рукой и держащаго въ правой большой кубокъ, непрерывно пополняемый услужливыми пажами. Чѣмъ дальше подвигается мрачное пиришество, тѣмъ настроеніе становится все угрюмѣе и подавленнѣе. Вдругъ послышались бубенцы, и въ припрыжку, хромя, вбѣгаетъ шутъ въ желтомъ женскомъ парикѣ. Съ улыбкой, похожей на судорогу страданія хриплымъ, еле слышнымъ, дрожащимъ голосомъ, онъ сквозь слезы старается немного расшевелить общество и все время не спускаетъ глазъ съ обожаемаго господина. Но шутки удаются плохо. Плохой у нихъ и успѣхъ. Подойдя къ герцогу, шутъ, видно, желаетъ что-то сказать, но слова застреваютъ у него въ пересохшемъ горлѣ и вмѣсто нихъ вырывается давно сдерживаемое рыданье. Не помня себя, онъ падаетъ на колѣни и желаетъ обнять ноги герцога, но тотъ сильнымъ ударомъ, отбросивъ бѣднаго шута, поднимается и пьянымъ, отяжелѣвшимъ отъ вина голосомъ, кричитъ:

«Прочь шутъ! Я не настроенъ видѣть твою глупую, слезливую рожу... Сеньоры! Немного

страннымъ кажется Намъ ваше поведеніе; созвали Мы всѣхъ, чтобы праздновать крестины, а видѣ трепещущій у васъ. Что вы боитесь? Или скучаете быть можетъ? Такъ чтожъ! Есть у меня для васъ забава. Мы всѣ здѣсь дружною семьей, не такъ-ли? Никто не станетъ прекословить мнѣ: неправда-ль? А не то со мной имѣтъ придется дѣло... Хочу сегодня веселиться, хочу я крови, да!.. Но чья изъ васъ прольется кровь, пусть вамъ судьба расскажетъ»...

Послѣ этихъ словъ герцогъ смолкъ и жадно, безъ передышки выпилъ два полныхъ кубка. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ затихли, зная, что выхода изъ критическаго положенія нѣтъ. Да если-бъ онъ и былъ, имъ все равно никто не рискнетъ воспользоваться. Въ мщеніе тирана достигнетъ всякаго, какъ далеко-бы онъ ни былъ. Но каждый тѣшилъ себя все же надеждой, что судьба избереетъ не его, и что онъ при помощи еще неизвѣстной, но жестокой забавы, съумѣетъ легко, и вполнѣ «законнымъ» образомъ, отдѣлаться отъ какого-нибудь соперника. Всѣ молча ждали, пока герцогъ, объяснивъ имъ суть задуманной грозной шалости.

А повелитель еще нѣкоторое время ехидно наблюдалъ за всѣми, затѣмъ яростно ударивъ кулакомъ по столу, прошипѣлъ:

«Ну, чтожъ! Мнѣ кажется, вамъ всѣмъ не по себѣ? Придется Намъ ужъ всѣхъ развеселить; а чтобы Насъ потомъ не обвиняли въ убійствѣ, заставлю я и васъ участіе въ немъ принять. Хочу провѣрить ваше остроумье; кто жертвой будетъ, судьба сама рѣшитъ. А сдѣлаемъ мы такъ: пусть каждый на клочкѣ бумажки напишетъ ребусъ потруднѣй и броситъ въ эту вазу, она вамъ будетъ урной. Затѣмъ бросайте жребій, и избранный самой судьбой пусть вытянетъ одну записку и вѣрное рѣшеніе намъ дастъ. А если онъ въ рѣшеніи ошибется, или совсѣмъ его не дастъ, то всѣ, кто ближе, тѣ должны его кинжалами пронзить. Вамъ вѣдь все ясно? Да? Такъ поскорѣе шевелитесь... А ты Шутъ, что тамъ въ сторонѣ? Пиши и ты, прими участіе въ забавѣ!..

Немного возбужденный длинной тирадой, герцогъ стоялъ выпрямившись, съ блестящимъ, отъ предвкушенія будущей забавы, взглядомъ.

Нѣкоторое время было слышно лишь усиленное дыханье пишущихъ, которымъ эта работа давалась совсѣмъ не легко. Затѣмъ всѣ бумажки были брошены въ урну; и приступили къ жеребьевкѣ. Не долго длилась процедура. Черезъ минуту всѣ знали, что жребій палъ на Шута. При этомъ всѣ вздохнули легче, зная, что этотъ гениальный остроумецъ разрѣшитъ любую, даже самую сложную задачу, не задумываясь. Всѣ почувствовали большое облегченіе, видя что теперь забава герцога обойдется безъ кровопролитія.

— «Ну что? Готово? крукнулъ герцогъ.—Кто избранъ? Что? Мой Шутъ? Ну, превосходно, ближе къ дѣлу!»

Герцогъ самъ на время забывшій цѣль выдуманной имъ игры, торопилъ, желая похвастать присутствующимъ гениемъ своего Шута.

«Блѣдный, какъ смерть, стоялъ Шутъ. Дрожащими руками держалъ онъ скомканную бумажку... Онъ держалъ въ рукѣ загадку, свою собственную, только-что брошенную имъ самимъ въ урну, загадку. Рѣшеніе ясно... Шутъ уже

хотѣлъ было объявить его вслухъ, но бросивъ бѣглый взглядъ на герцога, и увидѣвъ, что тотъ послѣ минутной вспышки опять впалъ въ прежнюю апатію, опять мраченъ и золъ. Шутъ замаялся и... молчалъ...

— «Что ты такъ долго? Говори!»

— «Прости, о Государь, мнѣ кажется, рѣшенія я не знаю... впрочемъ... нѣтъ, нѣтъ, рѣшенія я не знаю!..

...Пронзенный нѣсколькими кинжалами, палъ Шутъ, и его умирающій взглядъ еще видѣлъ либимаго герцога—склонившагося надъ нимъ уже съ радостнымъ, просвѣтленнымъ лицомъ...

Д. Г.

Первый конкурсъ „Весны“.

БУРИМЕ.

ПІЙ Х.

О міръ, воскликнулъ Пій глядя на танго,
Вѣдь эта грязь на благоуравіи лишай;
Достойнъ танецъ сей лишь глазъ орангутанга...
Меня же міръ—фуриной потѣшай
Ее плясать могла-бъ сама мадонна...
Но танго для людей—отравленный пирогъ,
Погибель въ немъ какъ пропасти бездонна
Дрожу. Отъ пота хладнаго я кажется продрогъ...

Кальяро.

ВАКХАНКА.

Извиваясь какъ гадюка въ буйно-страстной пляскѣ танго
Одурманю, зачарую щекоча, всѣхъ какъ лишай...
Хоть до ужаса противна, словно дочь орангутанга,
Всѣ обвиню, расцѣлю, умоляя «потѣшай»...
Но какъ стала неколебима, словно чистая Мадонна,
Отстраню я дождь червонцевъ, поднесенный мнѣ пирогъ...
Вспыхнувъ мстостью безграничною, буду въ дикости бездонна,
Чтобы каждый отъ желаній истомился и продрогъ...

Макаръ Пасынокъ.

Танцуй, прелестница, мнѣ танго
(Утѣхи милой не лишай)
И своего орангутанга
Тѣлодвиженіемъ потѣшай!
Ты не святая вѣдь мадонна
И вкусный любишь вѣсть пирогъ;
Въ тебѣ пылаетъ страсть бездонна,
А я отъ холода продрогъ.

Василентъ.

1.

На зло судьбой дано намъ танго,
Какъ надоедливый лишай
Позерство... стиль орангутанга...
Буржуиность вкусовъ потѣшай.
Въ смятеніи «Папа» О! Мадонна!
Пошли имъ кару. Хлѣбъ, пирогъ
Возьми отъ нихъ, вѣдь такъ бездонно
Паденье ихъ, что я продрогъ.

2.

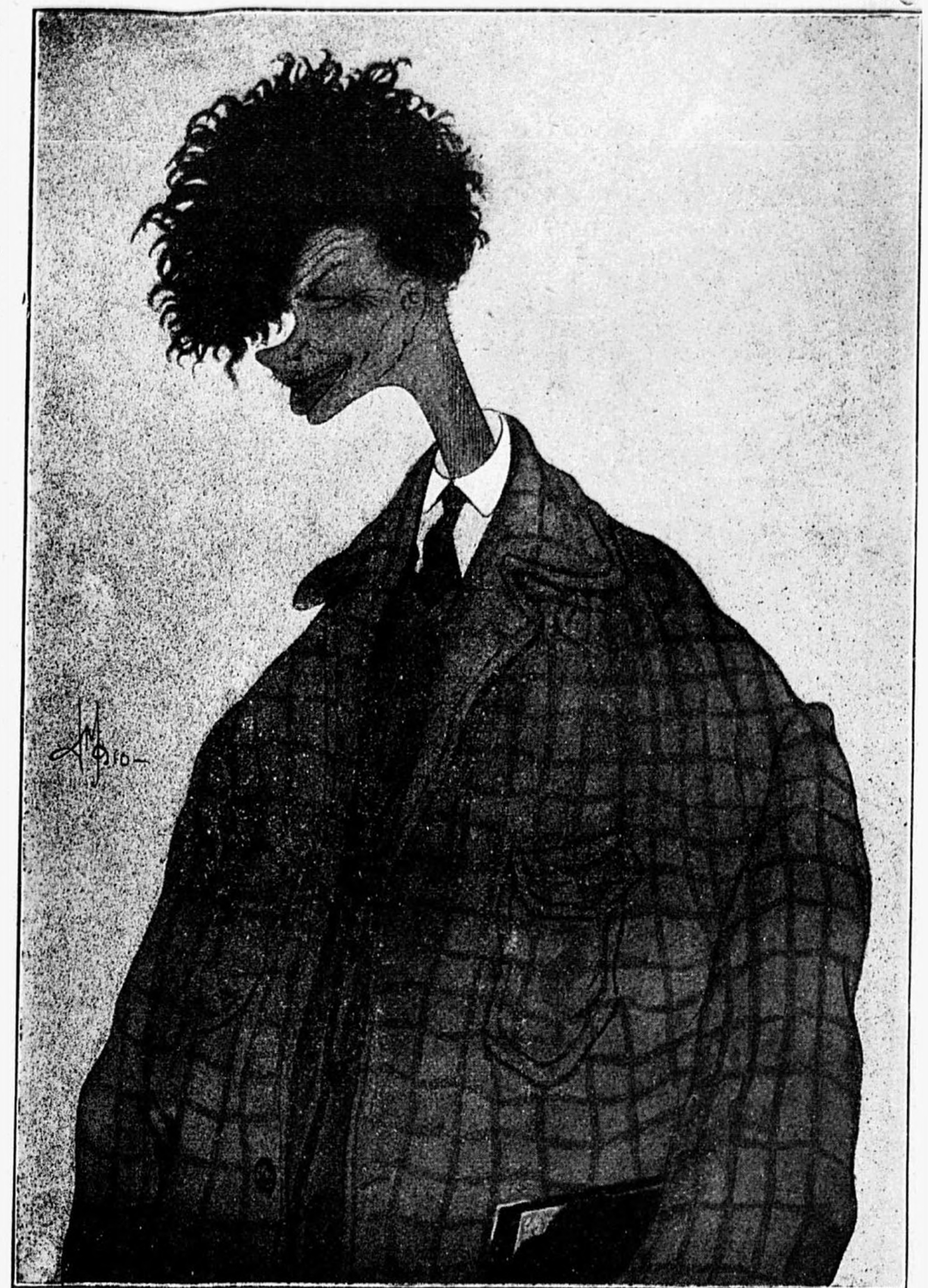
Я пригласилъ ее на танго—
Фривольный танецъ не лишай
Плясалъ подъ стать орангутанга.
Мечталъ—красотку потѣшай.
Она прелестна, какъ Мадонна
И аппетитна, какъ пирогъ,
А очі!—страсть въ нихъ такъ бездонна,—
Что я отъ страсти той продрогъ.

Нилло-Боти.

ТАНГО.

Неприличенъ танецъ танго
Безобразенъ, какъ лишай,
Онъ дитя орангутанга
Низшій классъ онъ потѣшай;
Ты прекрасна какъ Мадонна
И вкусна ты какъ пирогъ,
Глубина твоя бездонна
Ну довольно, я продрогъ!

Люб. Дурдина.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА.

Очень интересно составлены альманахи издаваемые М. И. Семеновымъ подъ такимъ заглавіемъ.

Вотъ напимѣръ второй.

Въ „Красной кофтѣ“ Ю. Слезкина, на фонѣ яркаго реализма всплѣла какая то мистическая жуть. Мать пала въ ресторанѣ и въ тотъ самый часъ паденія матери упала и расшиблась на смерть ея малютка дѣвочка.

Случайность.

Такъ бываетъ.

Трагическій анекдотъ.

Но въ томъ какъ рассказанъ этотъ анекдотъ чуетъ, что это болѣе чѣмъ анекдотъ, что это не простая случайность, что въ жизни часто невидимая рука рока караетъ...

Въ „Снахъ“ популярнѣйшей писательницы, романы которой расходятся сейчасъ даже больше Амфитеатровскихъ („Гнѣвъ Діониса“ уже выдержалъ 9 изданій!) оригинальна тема.

Двое—женщина и юноша хотѣть какъ нибудь убѣжать отъ пошлой обыденки.

Они рвутся къ снамъ.

Бурлюк «Н. Н. Бореинков».

Каждый день сходятся и рассказывают друг другу свои сны.

А когда ничего не приснилось—придумывают сны,—сочиняют.

Они так втянулись в это сочинение, что не могут жить без этого „насъ возвышающего обмана“.

И вот сочиняют коллективный романъ. Конечно и романъ этотъ пошлъ, какъ ихъ обыденка, потому что онъ навѣянъ „шедеврами“ бульварной литературы...

Но въ самомъ тягостнѣйшѣмъ ихъ къ принцессѣ грезѣ есть своя красота.

Зиновій Львовскій прекрасно перевелъ рассказъ Якова Вассермана „Лукардія“—изъ временъ русской революціи.

Сюжетъ оригиналенъ.

Раненому революционеру надо немедленно скрыться отъ преслѣдованія полиціи.

Рана не позволяетъ ему уѣхать изъ Петербурга, а остаться у знакомыхъ—то же нельзя,—слѣдять.

Помочь выискалась молодая, эксцентричная дѣвушка Лукардія, — невѣста богатаго чиновника.

Она ѣдетъ съ незнакомымъ Надинскимъ въ домъ свиданія и проводитъ тамъ съ почти умирающимъ мужчиной на одной постели, подъ однимъ одеяломъ двѣ ночи!

И при этомъ, чтобы прислуга не догадалась имитировать безстыдными, безстыжными словами разыгрываетъ изъ себя его случайную подругу.

Согласно обычаю дома, къ нимъ былъ приставленъ специальный человекъ для услугъ.

У этого человека, въ шитой серебромъ дивреѣ, были злые и наблюдательные круглые глаза. На губахъ его всегда играла отвратительно слащавая улыбка, и онъ прислуживалъ съ чисто рабскимъ подбострастиемъ. При видѣ его Лукардія почувствовала, какъ боляненно сжалось ея сердце. Слуга накрылъ столъ и остался въ комнатѣ, въ ожиданіи приказаній. Въ то время, какъ Надинскій заказывалъ кушанья, вина и шампанское, слуга не отрывалъ отъ него взгляда, который, казалось, требовалъ, чтобы пріѣзжіе были именно такими людьми, за какихъ они себя выдавали.

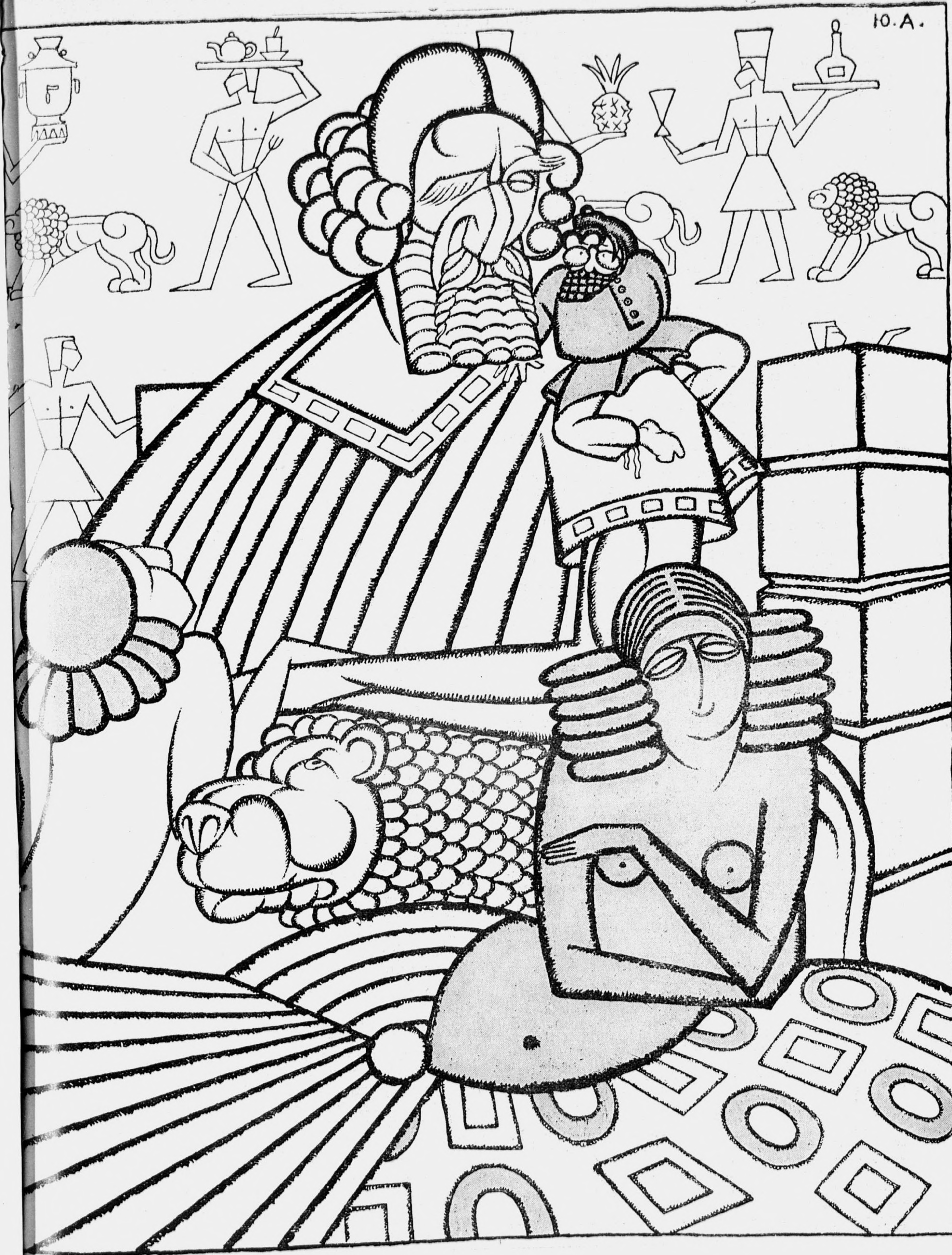
Лукардія надѣла сильно декольтированное платье и была густо накрашена. Дѣтская наивность, неизмѣнно до сихъ поръ сиявшая на ея лицѣ и чудесно украшавшая его должна была теперь смѣниться преступнымъ выраженіемъ готовности на любыя услуги. Она должна была все время непринужденно болтать, быть игривой, кокетливой, много смѣяться, садиться къ Надинскому на колѣни принимать самыя рискованныя позы.

Все то, чего она до сихъ поръ не видѣла, чего не хотѣла видѣть,—о чемъ знала изъ случайныхъ словъ, изъ случайно прочитанныхъ книгъ.—она должна была теперь продѣлывать для того, чтобы обмануть бдительность хама, то и дѣло появлявшагося въ комнатѣ.—то съ тарелками, то съ бутылками, то съ блюдами. Подавъ все—въ томъ числѣ и ведро въ шампанскимъ—слуга отошелъ на нѣкоторое разстояніе и съ гнусѣйшимъ видомъ сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Фальшивая, дешевая роскошь этого дома приводила Лукардію въ ужасъ. Ей стоило неимоверныхъ усилій довести до конца принятую на себя роль. Она боролась съ собой, подавляла омерзѣніе ко всему тому, что въ эту минуту окружало ее, и продолжала играть свою трудную роль соблазнительницы.

Моментами ей чудилось, что она уже очень давно ушла изъ родительскаго дома, — ушла много лѣтъ назадъ... Она забывалась, и въ такіе минуты Надинскій бросалъ на нее страдальческіе и удивленные взгляды. Онъ точно старался разгадать женщину, которая такимъ страннымъ образомъ очутилась на его жизненномъ пути. Всею труднѣе было обнимъ въ тѣ минуты, когда выходившій по тому или иному дѣлу лакей снова возвращался въ комнату. Еще тяжелѣе было послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха снова надѣвать маску...

Къ тому времени, какъ было убрано со стола, въ комнату вошла горничная, съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ. Она была, очевидно, молода, но выглядѣла старой. Отъ постоянного пребыванія въ комнатахъ съ искусственнымъ освѣщеніемъ ея лицо было необыкновенно блѣдно. Она принесла воду, прибавила дровъ въ печку и освѣдомилась

М. Арцыбашевъ выразился: „Мнѣ только царь Соломонъ по плечу!..“

о господь, не нужно ли еще чего нибудь. Она говорила учень слащавым голосомъ, но, казалось, ея лицо горло ненавистью къ тѣмъ, кто повелѣвалъ ей, кто являлся сюда для удовлетворенія своихъ самыхъ низменныхъ инстинктовъ. При видѣ этой женщины у Лукардіи задрожали ноги, — и ей вдругъ стало стыдно своихъ, ногъ, своихъ рукъ, своей шеи, плечъ, — всего тѣла. Но, наконецъ, миновало и это испытаніе.

Они остались наединѣ. На башенныхъ часахъ пробило десять ударовъ. Надинскій перешелъ въ другую комнату, гдѣ подъ голубымъ шелковымъ балдахиномъ стояла двуспальная кровать. Онъ безъ силъ упалъ на постель, и лишь спустя четверть часа Лукардія могла помочь ему раздѣться. Покрытый одѣяломъ до груди, онъ лежалъ предъ ней съ обнаженной грудью.

«И это человекъ!» — промолвила вдругъ про себя Лукардія и съ выступившими на глазахъ слезамъ почему то подумала о своемъ здоровомъ, краснощекотъ жванхъ, Александрѣ Михайловичѣ.

Она промыла раны Надинскаго и перемѣнила перевязки. Точно въ полуснѣ, и какъ нѣжное благоуханіе, онъ почувствовалъ прикосновеніе женской руки. Онъ не былъ въ состояніи поблагодарить ее. Къ тому же, онъ боялся ея взгляда, боялся своего собственного взгляда, въ которомъ дѣвушка могла бы прочесть что нибудь обидное для себя. Онъ ждалъ только одного: чтобы Лукардія смотрѣла на него, какъ на неодушевленное тѣло, какъ на предметъ, лишенный лица и чувствъ.

Когда онъ заснулъ Лукардія сѣла рядомъ съ нимъ. Она взяла въ руки книгу, хотя знала, что не сможетъ читать. Она пыталась думать о матери, объ отцѣ, знакомыхъ, подругахъ, послѣднемъ балѣ, недавно слышанной оперѣ. Но всѣ ея попытки ни къ чему не привели. Все въ головѣ путалось, свивалось въ тяжелый, мучительный узелъ.

Она слышала дыханіе Надинскаго, видѣла его блѣдное лицо, — но и этотъ человекъ, къ которому она была приставлена, оказался внѣ предѣловъ ея мыслей. Она сама находила это очень страннымъ. Ей казалось, что отъ его постели ее отдѣляетъ пространство въ нѣсколько миль. Вдругъ она стала прислушиваться, и ей почудился заглушенный смѣхъ и крадущіеся шаги по корридору. Сквозь стѣны, потолокъ и полъ, заглушенные, проникали мужскіе и женскіе голоса. Звенѣли стаканы. Вдругъ заиграли на рояли.

Играли вальсъ. Очевидно, одна струна лопнула, потому что каждый разъ на извѣстномъ мѣстѣ чувствовался какой то провалъ, — точно дупло въ зубѣ смѣющагося человека.

Откуда то донесся крикъ, и рояль смолкъ. Въ то же мгновенье за лѣвой стѣной послышался шорохъ, смѣнившійся стономъ, отъ котораго у нея застыла кровь въ жилахъ.

Гдѣ то хлопали двери. Разнородные звуки вызвали въ головѣ Лукардіи одни и тѣ же представленія, отъ которыхъ она никакъ не могла избавиться.

Такой — она никогда не представляла себѣ жизни! Она даже не понимала подобной жизни! Чуждые до этого момента, люди вдругъ сходятся такъ близко, такъ страшно близко... Они протягиваютъ другъ къ другу руки, переплетаются пальцами, намѣренно доводятъ себя до опьяненія, видятъ свои изображенія въ огромныхъ зеркалахъ и все же съ помощью безстыдныхъ словъ вырабатываютъ такое же безстыдное соглашеніе... Сорваны всѣ покровы съ невѣдомаго. Безъ всякаго содержанія оказывается загадочное и таинственное. Осквернена святость, обезцвѣнены лучшія сокровища, чудесныя созданія фантазіи!..

Лукардія схватила за лицо, почувствовала румяна на щекахъ, и все ея существо наполнилось ужасомъ.

Надинскій открылъ глаза и застоналъ. Лукардія прошла пространство въ нѣсколько миль и подала больному стаканъ воды. Она дотронулась до его лба и, найдя его горячимъ, положила холодный компрессъ. Тогда Надинскій окончательно проснулся и началъ говорить о клиникѣ, о профессорѣ, объ Анастасіи Карловнѣ. Онъ говорилъ короткими фразами, которые иногда прерывались еще болѣе короткими, точно робкими репликами Лукардіи.

— Завтра я почувствую себя настолько сильнымъ, что мы сможемъ уѣхать отсюда, — сказалъ онъ.

— Это невозможно, — возразила она. — У васъ жаръ... Къ тому же, Анастасія Карловна ждетъ васъ только послѣ завтра, къ семи часамъ вечера.

Эти тихо и кротко произнесенныя слова въ одинъ мигъ и какимъ то невѣдомымъ образомъ освѣтили предъ нимъ всю ея душу, — ея безоблачную юность, ея чистыя и нѣжныя чувства и переживанія. Онъ не замѣтилъ при этомъ, какъ она дрожитъ.

Брызжущій густымъ провинціальнымъ юморомъ разсказъ М. Кузьмина „Капитанскіе часы“ читается съ превеликимъ удовольствіемъ.

Юморъ мягкій и теплый, бездна наблюдательности и прекрасный слогъ — превращаютъ пустой провинціальныя анекдотъ въ изящное литературное произведеніе

ТО ЧЕГО МЫ НЕ УЗНАЕМЪ.

Слезкинъ занятый разсказчикъ.

Фабула его разсказовъ почти всегда нарядна, нѣсколько неестественна, но любопытна.

Въ первомъ разсказѣ, на примѣръ, компанія кутила подъ пьяную руку заходя въ бюро похоронныхъ процессій, заказываютъ гробъ, даютъ первый подвернувшійся въ голову адресъ.

И что же оказывается какъ разъ въ указанной ими квартирѣ — покойни ъ, — дѣвушка съ золотыми волосами.

И — мало того — эта дѣвушка въ жизни одного изъ кутилъ сыграла въ свое время роковую роль. Это совпаденіе такъ потрясло кутилу, что онъ — покончилъ съ собой.

Сказка.

Но развѣ въ сказкахъ непременно должны быть Красныя Шапочки, волки, чертовщины.

Современный сказочникъ можетъ и не трогать арсенала братьевъ Гриммовъ и изъ предметовъ первой необходимости, изъ простыхъ вещей и лицъ плести занятную сказку.

Такимъ сказочникомъ является и Слезкинъ.

ПОВѢСТЬ О МОЕЙ ЛЮБВИ.

Н. А. Росницкій издалъ безхитростную книгу своихъ первыхъ любовныхъ стиховъ.

Вѣроятно онъ молодъ и какъ человекъ (— какъ поэтъ, то онъ совсѣмъ молодъ).

Но со временемъ изъ него можетъ выйти путное.

Ночь. Вспышки гаснущихъ зарницъ.
Твой взоръ доверчиво-влюбленный,
Стыдливость трепетныхъ рѣсеницъ.
Улыбки вызовъ вдохновенный.
Твое порывистѣе дыханье,
И ближе сладость первыхъ мукъ,
И нестерпимѣе жажда рукъ,
И проницательнѣе молчанье.
Безсвязный тайныя мечты.
Нѣмѣе привычныя движенія,
И странно чужды — я и ты
Предъ тайной перваго сближенія.

Финальная пара строкъ — глубока.

А въ другомъ стихотвореніи прекрасна первая пара строкъ:

Ночь — какъ монахиня нагая,
Ты какъ блудница подъ вѣнцомъ,
И съ зачарованнымъ лицомъ
Ты непонятно мнѣ чужая.

Много тривиальнаго.

Много такого, чего ни за что не запомнишь, — такъ плоско, что памяти не за что уцѣпиться.

Но эта пара строкъ задѣваетъ вниманіе.

И будить надежду, что изъ автора выйдетъ толкъ.

Запомнимъ еще куплетъ изъ „Ночной пѣсни“:

Берегъ тихъ и темень.
Жушко въ камышахъ.
Ярче сердца вспомнишь
О минувшихъ дняхъ.
Вотъ и все.

Почтовый ящикъ.

70) В. Засловскому — Дворецъ цвѣтовъ — не выдержанъ по стилю. „Коля“ — черезъ чуръ прямолинейнъ, наивенъ.

71 Константину Гренкову. Очень много напыщенной мифологии.

Я стою въ узлѣ дорогъ туманныхъ
У лагуны мертвенныхъ и обманыхъ.
Какъ это прочитать? „Слѣдъ рока“ талантливо написанъ. Но не для печати. Зайдите. Потолкуемъ.

72) Д. Гз. — Пошловато

Скажи мнѣ, дѣва молодая,
Скажи мнѣ это, не шута,
Скажи статуя ледяная
Зачѣмъ сгубила ты меня?

Теперь уже такъ и писаря не пишутъ.

73 Н. Бѣлопольскому. — Вы пишете:

Мнѣ подъ ихъ гнетомъ, охъ! тяжело дышать...

Такіе стихи „охъ! тяжело читать“.

74) Мих. Ульянцеву. — Только безплатно.

75) С. Никитину. — Пришлите что нибудь другое.

76) Изнарскому. — Нѣтъ.

77) Даръ Одинокой. — Даже для почтового ящика ваши стихи въ тягость.

Пускай жестоко мы умремъ,
Пускай засыплютъ насъ землей, —
Но на землѣ мы проживемъ,
Счастья увидимъ съ тобой.
Пусть тамъ, въ землѣ
Будетъ и душно, темно, —
Здѣсь я въ тебѣ
Солнце видала ярко.
Пускай не будемъ тамъ жить,
Пусть закроемъ навѣки глаза, —
Здѣсь мы умѣли любить...

Нѣтъ, вы неумѣли любить. Иначе бы не писали такихъ плоскихъ, нудныхъ, безсолнечныхъ стиховъ.

78) С. Васюку. — Все перепереперѣвы. И не талантливые:

(Посвящается В. П-чу).

Чуть сомну я глаза — предо мною опять
Ты являешься съ нѣжной улыбкой твоей,
И пріятно и сладко тебя вспоминать...
Не одинъ я, мечтаю, въ постели своей!
А проснусь — все темно... и постель холодна...
И твой образъ куда-то улетѣлъ далеко...

79) Рабочему М. М. — ву. — Вамъ надо еще много читать. А уже потомъ переходить на письменность.

ХОЗЯЙЧИКЪ.

Оборвалось что-то такъ нежданно разомъ
Хладнокровнымъ словомъ отъ труда отказомъ.
Подозвалъ въ конторку, стукнуло сердечко:
«Больше мнѣ не нуженъ поини мѣстечко.
Какова-жъ причина? да причинъ-то много
Главная-жъ дѣтина, что работашъ долго.
Вонъ мой другъ Кирюха нажилъ ужъ домишко
Потолцело брюхо. У меня-жъ нѣтъ лишка,
И концы съ концами лишь сводить умѣю,
Не богатъ деньгами, дома не имѣю.
Я узналъ сегодня домъ есть подходящий
Ну! еще бы сотня и я не прощай.
Вотъ тогда Кирюхъ я-бы далъ напитокъ,
Обогналъ онъ въ брюхѣ домъ-жъ куда годится.

Рабочій М. М.-въ.

80) А. Я. Чухину. —

„Авторъ прилагаемыхъ писемъ стихотворений — 13-ти лѣтняя воспитанница одной изъ Спб. гимназій.

Представляя эти стихотворенія, по ея просьбѣ, на Вашъ судъ, прошу высказать свое мнѣніе о нихъ на страницахъ „Весны“.

У дѣвочки несомнѣнно есть талантъ. Ибо она вся во власти прочитаннаго.

ЛѢСНЫЯ ФЕЙ.

Мы живемъ въ большомъ лѣсу
Знаемъ презести красу
Мы прекрасны и нѣжны
И собою все стройны.
Ночью водимъ хоромы
Въ честь отца поемъ мы оны,
А отецъ король лѣсной
Онъ старикъ, но очень злой.
Мы прикрыты легкой флерой
На власахъ съ златой короной.
Въ изумрудахъ, жемчугахъ.
И прекрасныхъ бирюзахъ.
Лучше всѣхъ одна изъ насъ
Не отвѣтъ съ нее-бы глазъ.
Очи дѣвочки ночныя
Кудри точно золотые
Всѣхъ нѣжныхъ изъ насъ она
И прозрачна, какъ луна.
Голосъ тонкій серебристый
Взглядъ прекрасный и лучистый.
Часто съ нами ты играешь
Розы нѣжны срываешь
И несешь къ фонтану ихъ
Въ тонкихъ вазахъ золотыхъ.
Бьютъ фонтаны разливаясь
И о мраморъ разбиваясь
Быстро внизъ бѣгутъ ручьемъ.
Чистымъ и живымъ ключемъ.
Ко дворцу ведутъ аллеи,
А прекрасныя лилеи
Нѣжно чашечки раскрывъ
И дыханье затаивъ
Тихо въ музыку играютъ
Короля все прославляютъ
А король сидитъ на тронѣ
Въ изумрудной онъ коронѣ
И съ густою бородой.
Взглядъ его сердитый, злой.
Мы поемъ предъ нимъ, рѣзвимся
Въ хоромдахъ веселимся
Лишь грустна она одна
Молчалива и блѣдна.
Вотъ король къ себѣ позвалъ
Тихо что-то ей сказала,
А она ому въ отвѣтъ
Гордо отвѣчаетъ «нѣтъ!»
Хочешь, дамъ хрустальный замокъ
Много служъ, служанокъ, мамокъ.
Хочешь все отдамъ тебѣ
Только послужи ты мнѣ
Будь веселой и прекрасной
И забудь о всемъ ненастнѣ
Что тревожитъ такъ тебя
Не могу понять все я?
— Нѣтъ богатствъ я не хочу
Только я одно прошу
Отпусти ты ихъ на волю
И не мучь — ты такъ людей
Вѣрь, я буду веселѣй!
— Посмотри ты сколько грозъ,
Сколько горькихъ тяжкихъ слезъ
Тамъ война, тамъ люди мрутъ
И о помощи зовутъ.
А у насъ идетъ веселье
Все тебѣ, въ утѣшенье.
Я пойду ихъ утѣшать
Грезы милымъ навѣщать. —
И король поникъ головою
Шевеля слегка брадою
Понялъ всѣхъ словъ правду онъ
И забылъ свой даже тронъ.

Вѣра Козлова 13 л.

Эта вещичка интересна какъ „человѣческой документъ“ 13-лѣтней дѣвочки.

81) Н. Лубнину. — „Въ вагонѣ“ будетъ напечатано въ № 4.

82) Сербю Шапошникову. Не все.

83) В. Пахомову. Надо разобраться; кое что изъ этого, кажется, уже шло въ „Веснѣ“.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитріева.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОСТОКВАША.

Проснулся отъ робкаго стука въ дверь.

— Можно войти? Докторъ пришелъ.

— Пожалуйста!

Я хотѣлъ привстать, но повязки крѣпко стягивали тѣло.

— Тише, тише... Вы все записи испортите! — произнесъ хорошенькій бѣлокурый мальчуганъ лѣтъ десяти: — Развѣ можно такъ...

Тутъ я замѣтилъ, что мои повязки — не обыкновенные бинты, а какіе-то странные.

Отъ нихъ къ стѣнѣ идутъ какія то гуттаперчевыя трубочки, какія то проволоочки, какія то тесемочки. Концы всѣхъ этихъ связокъ сходятся на стѣнѣ у какого то прибора похожаго на часы.

Нѣсколько стрѣлокъ ходятъ по концентрическимъ циферблатамъ и указываютъ каждая свою цифру.

Мальчикъ — я понялъ, что это и есть докторъ — спокойно подошелъ къ этому аппарату вынулъ свою записную книжку и занесъ въ нее нѣсколько цифръ, какъ это дѣлаютъ завѣдующіе электрическимъ освѣщеніемъ, провѣряющіе счетчикъ.

— Недурно! Очень недурно! Я могу васъ поздравить! И температура! И пульсъ! И анализъ мочи! И самочувствіе... Вамъ завтра же можно будетъ встать... Только подкопите еще М-лучей и N-лучей...

— Позвольте! Но какъ же вы все это угадали! Вы не ставили мнѣ градусника! Вы не держали меня за руку! Вы не просили меня показать вамъ языкъ!

— Зачѣмъ же мнѣ все это, когда у меня передъ глазами морбоскопъ. Когда я стану идиотомъ, лѣтъ черезъ восемь, я тоже буду требовать чтобы больно мнѣ показывалъ языкъ. А теперь мнѣ достаточно взглянуть на циферблатъ мочи, на циферблатъ температуры, на циферблатъ сердца и пульса, на циферблатъ вѣса, испарины и аппетита и я имѣю полную картину исторіи болѣзни за сутки...

Видя, что я чрезвычайно заинтересовался морбоскопомъ мальчикъ любезно объяснилъ мнѣ его устройство.

Оказывается больной весь опутанъ, какъ щупальцами концами чувствительнѣйшихъ приборовъ изъ которыхъ нѣкоторые и у насъ въ Германіи употребляютъ, но не въ медицинѣ.

Для опредѣленія работы сердца и дыханія приспособлена система, чувствительнѣйшихъ сейсмографовъ и нѣчто въ родѣ диктовальной машины.

Карандашикъ сейсмографа чертитъ двѣ кривыя — дыханія и сердцебиенія.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ амплитуда колебанія вдругъ дѣлаетъ бѣшеные скачки:

— Что это значитъ? Отчего могло такъ сойтись мое тѣло?

— Успокойся идиотъ-иностранецъ, — съ улыбкой произнесъ докторъ: — вотъ послушай...

Онъ поднесъ мнѣ къ уху трубочку соединенную съ докторомъ и я услышалъ здоровое — Чихъ!

— Ты слышишь... Бурю въ сейсмографѣ, бурю, похожую на изверженіе вулкана, вызвало самое простое чиханіе... А вотъ еще буря... Послушай еще и ты будешь смѣяться!..

Онъ опять приложилъ мнѣ къ уху трубку диктофона и я не могъ не покраснѣть и не расхохотаться:

— Неужели это я!..

— Мало ли что бываетъ во снѣ...

Нашъ аппаратъ безстрастный лѣтописецъ... Изъ болѣзни звука не выкинетъ...

Для опредѣленія испарины и вообще влажности воздуха приспособленъ гигроскопъ.

Термометръ, остроумнѣйшимъ образомъ, автоматически записываетъ весь ходъ температуры за сутки, а не такъ какъ у насъ только въ опредѣленные часы.

Но всего остроумнѣе устроенъ аппаратъ, производящій анализъ мочи.

Вся моча больного проходить по трубкѣ, черезъ систему химическихъ и механическихъ фильтровъ, какъ у насъ въ городской ассенизационной станціи, и постепенно очищаясь отъ всевозможныхъ осадковъ, въ концѣ концовъ, выливается изъ крана аппарата въ стеклянную миску въ видѣ кристаллически чистой воды.

Ее можно пить.

Это самая лучшая стерилизація. Да ты и пилъ ее, идиотъ иностранецъ, потому что больныхъ мы предпочитаемъ поить ихъ собственной водой. Осадки соли и инныя составныя части химически или механически отдѣлившись отъ жидкости собираются вотъ сюда и сюда...

Тутъ автоматически звѣшиваются, высушиваются, прессуются и въ видѣ кубиковъ выпадаютъ вотъ въ это отверстіе. По количеству и качеству этихъ кубиковъ мы опредѣляемъ работу почекъ... Такъ же просто и наглядно устроенъ у насъ и фекалепроводъ... Почему тебя удивляетъ это... Какъ же иначе безъ движенія, привязанный къ морбоскопу могъ бы ты четыре дня провести въ кровати!..

Я съ восхищеніемъ глядѣлъ на ребенка такъ серьезно и просто объясняющаго мнѣ сложнѣйшій, остроумнѣйшій аппаратъ.

Онъ показалъ мнѣ мой скелетъ — снимокъ съ помощью рентгеновскихъ лучей, сдѣланный имъ на всякій случай.

— Вѣдь ты упалъ съ воздушнаго живота!

Меня страшно заинтересовало кѣмъ изобрѣтенъ морбоскопъ.

— Неужели дѣтьми! Мнѣ Эакъ говорилъ, что только дѣти занимаются въ Идиотіи науками и изобрѣтеніями.

— Да, онъ правъ. Взрослымъ идиотамъ не до того. У нихъ много времени занимаетъ простоквашный кодексъ и вообще ниже ихъ достоинства шевелить мозгами. Но было бы несправедливостью сказать, что морбоскопъ всецѣло изобрѣтеніе дѣтскаго ума. Онъ перешелъ къ намъ отъ тѣхъ доисторическихъ временъ, когда Идиотія еще не существовала, а на ея мѣстѣ находилась Страна Чистаго Разума. Въ тѣ времена, когда разумъ еще не скомпрометировалъ себя окончательно, міромъ управляли мудрые старцы. Они занимались науками искусствами и оставили послѣ себя много полезнѣйшихъ изобрѣтеній и библиотекъ полныхъ мудрыхъ книгъ. Они то между прочимъ изобрѣли морбоскопъ. А мы, дѣти, только кое въ чемъ его усовершенствовали.

— Значитъ во времена доисторическія у васъ въ Идиотіи существовала богатѣйшая культура!

— Нашъ молодой археологъ Чейякъ утвер-

ждаетъ, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Помидора на глубинѣ трехъ десятыхъ простоквашъ найдена проволока. Это значитъ что наши предки уже семь столѣтій назадъ имѣли проволоочный телеграфъ. Другой нашъ археологъ Шайеакъ изъ того факта, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Сливы на глубинѣ четырехъ съ половиной простоквашъ не найдено проволоки, утверждаетъ, что нашимъ предкамъ еще девять вѣковъ тому назадъ былъ извѣстенъ беспроводный телеграфъ. Да, культура была богатѣйшая, но жалѣть о томъ, что время тиранни Разума прошло не приходится...

— Почему?

— Потому что при господствѣ Разума развѣ людямъ жилось бы такъ хорошо, какъ въ благоденственной Идиотіи...

— Можетъ быть жилось бы лучше!

— Что ты, что ты, идиотъ-иностранецъ! Ужъ не начинаешь-ли ты бредить! Да развѣ ты не знаешь, что Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми совершенно, скомпрометировался. Развѣ ты не знаешь что всѣ побѣды, всѣ изобрѣтенія ухищренія Разума не стоятъ одного открытія, одного гениальнаго изобрѣтенія, которымъ осчастливила міръ глупость!..

— Что это за изобрѣтеніе?

— Про-сто-ква-ша!—мальчикъ словно выросъ, съ горделивымъ смокованіемъ произнося это слово, очевидно влагая въ него какой-то особый внутренній смыслъ...

Я хотѣлъ было возразить:

— Простокваша пріятное и полезное кушанье, но...

Мальчикъ испуганно вскочилъ и прервалъ меня:

— Властью доктора я запрещаю больному идиоту-иностранцу говорить!.. Ему вредно!..

И быстро вставъ онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Сода, изъ аптеки вамъ пришлютъ порошки и пилюли. Пусть больной ихъ приметъ въ три простокваши по тыквѣ... Не беспокойте его безъ нужды, а главное не тревожьте его разсказами и не мучайте его разспросами о диковинной странѣ откуда онъ прилетѣлъ.

Я остался одинъ буквально подавленный бесѣдой съ гениальнымъ мальчикомъ.

ПЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Неужели я въ самомъ дѣлѣ въ странѣ идиотовъ!

Напротивъ мнѣ кажется, что я въ странѣ гениевъ,— такъ мудры и практичны здѣшніе дѣти.

У насъ на родинѣ такой мальчуганъ, какъ этотъ докторъ, или тотъ Эакъ, или даже эта Сода прогремѣли-бы какъ небывалые вундеркинды!

Что-же представляютъ изъ себя вундеркинды здѣсь, если обыкновенныя дѣти такъ восхитительны!

Я началъ раздумывать надъ нѣкоторыми фразами доктора. Что значитъ фраза:

„Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми скомпрометировалъ, себя!“

Развѣ не разумъ сдѣлалъ всѣ открытія и изобрѣтенія, которыми гордится человѣчество!

Вѣдь мы были бы дикарями, если бы не разумъ.

Не живутъ-же дикарями здѣшніе жители. Напротивъ, я вижу какъ высока ихъ культура.

У насъ еще не додумались до морбоскопа, какъ не додумались до солнечнаго камина, который сейчасъ такъ сладостно грѣетъ мою комнату.

Я разглядѣлъ, на сколько это можно было, не двигая тѣла, устройство его и понялъ его принципъ и прихожу въ восхищеніе отъ практичности. Окна моей комнаты громадныя круглыя. Въ нихъ вставлены двойко выпуклыя стекла.

Солнце глядится ко мнѣ сквозь громадныя лупы. Оно свѣтитъ ярко, но я не могу разглядѣть высоко-ли оно, низко-ли быть можетъ только что встало, быть можетъ находится въ зенитѣ.

Лучи его проходятъ черезъ луну собираются въ фокусъ. Фокусы всѣхъ трехъ лунъ—(въ этой комнатѣ три окна) направлены въ одну точку по срединѣ комнаты и падаютъ на небольшой не то очагъ, не то жертвенникъ.

Отъ нагрѣтой тремя фокусами плиты жертвенника и исходитъ та пріятная равномерная теплота „которой я наслаждаюсь сейчасъ.“

До такихъ оконъ въ Европѣ еще не додумались. Правда сквозь нихъ не видно того, что дѣлается на улицѣ, но за то не видно и съ улицы того, что дѣлается въ комнатѣ.

Во сколько разъ это практичнѣе матовыхъ стеколъ, которыя вставляются у меня на родинѣ, чтобы скрыться отъ посторонняго любопытства.

На солнечномъ жертвенникѣ, какъ на керосинкѣ можно въ пять минутъ вскипятить воду и изжарить что угодно.

Только нѣтъ копоты керосинной, нѣтъ траты на керосинъ, нѣтъ опасности пожара!

Ту тепловую энергію, которая собирается въ комнатѣ, идиоты употребляютъ для приведенія въ движеніе маленькаго моторчика, вполне достаточнаго для исполненія всевозможныхъ домашнихъ работъ.

Развѣ Глупость, а не Разумъ додумался до этого солцемотора!

Нѣтъ, Эакъ долженъ объяснить мнѣ почему они считаютъ Разумъ скомпрометированнымъ.

Я позвалъ Эака.

ШЕСТАЯ ПРОСТОКВАША.

Отозвалась Сода:

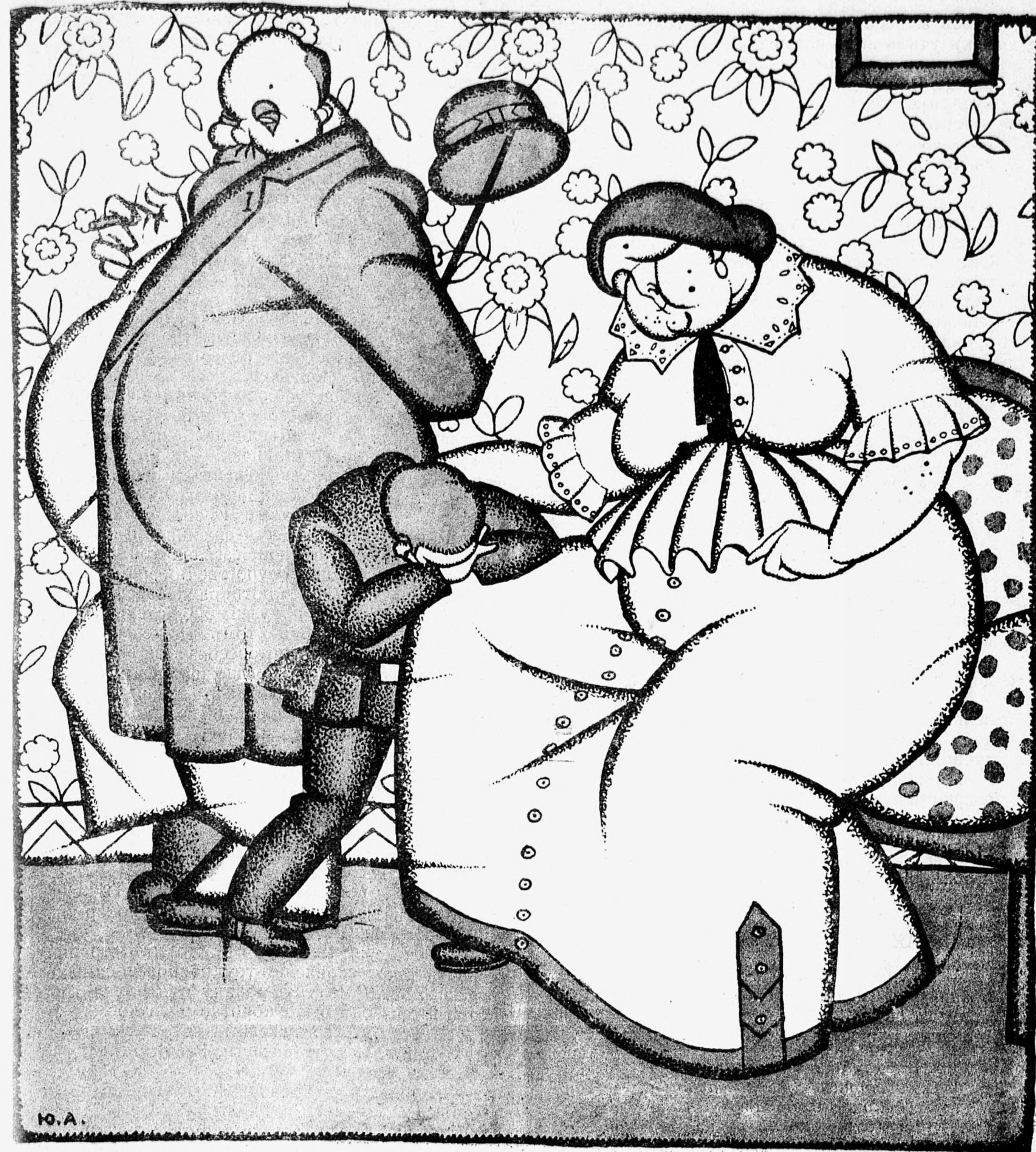
— Эака нѣтъ. Онъ на демонстраціи. Мы не такъ богаты, чтобы имѣть собственный кинетофонный проводъ и ему приходится ходить къ сосѣду мальчику Стреаку, чтобы слушать лекціи и разсматривать на экранѣ то, что демонстрируетъ лекторъ. Что тебѣ, идиотъ иностранецъ, быть можетъ я могу тебѣ замѣнить Эака.

Ангельское, чистое невинное хорошенькое личико дѣвочки такъ не вязалось съ прозаическимъ именемъ которое она носила.

— Я думаю, милая Содочка, что ты не сможешь отвѣтить на тотъ философскій вопросъ, какой мнѣ хочется предложить Эаку.

— Тогда я и не отвѣчу. Изъ философіи у меня хорошія отмѣтки. Можетъ быть я сумѣю тебѣ быть полезной.

Сода говорила такъ серьезно, такъ дѣловито, такъ возросло, что я почувствовалъ себя съ ней на равной ногѣ.

— Видишь-ли милая! Сода, меня поразила фраза доктора: „Разумъ за тысячелѣтія управления людьми совершенно скомпрометировался“...

— Ну да... Это такъ ясно...

— Какъ ясно! Да вѣдь всѣ тѣ открытія и изобрѣтенія, которыми вы пользуетесь сейчасъ—произведены Разумомъ! Вдумайся въ исторію культуры—вся она сплошное побѣдоносное шествіе Разума къ его апогею.

Въ чемъ же онъ скомпрометированъ?

— Въ главномъ...

— Но главное и есть сумма тѣхъ открытій и изобрѣтеній, которыми мы пользуемся...

— Главное не въ этомъ.

— А въ чемъ-же?

— Въ счастья!

— Но вѣдь всѣ открытія и изобрѣтенія и ведутъ къ счастью!

— Какъ ты заблуждаешься идиотъ—иностранецъ. Напротивъ всѣ открытія и изобрѣтенія

и всѣ вмѣстѣ и каждое по отдѣльности вели, какъ учить насъ исторія къ несчастью. Съ каждымъ изобрѣтеніемъ людямъ становилось тяжелѣе жить. Каждая новая машина отнимала кусокъ хлѣба у сотенъ тысячъ рабочихъ... Съ каждымъ открытіемъ открывались тысячи тысячъ голодныхъ ртовъ! Съ каждымъ годомъ становилось все сложнѣе, все тѣснѣе и труднѣе жить. Дошли до того что жизнь стала труднѣе смерти. Да, какой ужасъ! Смерть стала легче жизни. И тысячи человѣкъ ухватились за смерть какъ за желанную избавительницу отъ тирани Разума. Они задыхались въ оковахъ хитросплетенныхъ сѣтей и капкановъ Разума. И человѣчеству грозила гибель посредствомъ всеобщаго, тайнаго, равнаго самоубійства. Если бы не явилась во время великаго избавительница отъ несчастія—Глупость. Она подарила міръ изобрѣтеніемъ, передъ которымъ меркнуть всѣ изобрѣтенія Разума. Она привязала человѣчество къ жизни, она заставила полюбить жизнь... Я говорю, конечно, о простоквашѣ...

Она отрада идиота,
Она опора патриота—
Полудба-полупитие,—
Все наше скрасила житье!..
Питаться можно ей безъ хлѣба!
Рази того проклятье неба,
Кто предпочтетъ ей варенецъ,—
Всѣхъ золь и горестей вѣнецъ!..

Дѣвочка говорила такъ гладко, что я заподозрилъ: не читаетъ ли она свою проповѣдь наизусть.

Словно угадавъ мои мысли, Сода скромно добавила:

— Я только вчера въ школѣ писала сочиненіе на эту тему... Если хочешь я могу подтвердить мои мысли цитатами изъ твореній нашихъ лучшихъ глупителей...

Я кивнулъ головой. Миѣ было интересно ознакомиться съ научными данными въ защиту теоріи Глупости.

Дѣвочка даже обрадовалась, что ей на долю выпала такая отвѣтственная миссія и начала какъ горохъ сыпать зазубренными страницами „объяснительнаго чтенія“.

СЕДЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

— Великій глупитель эпохи розовой простокваши Щжжжшгпрсчнузакъ Содовичъ-Хиновичъ въ своемъ сочиненіи „Критика чистой простокваши“ изрекъ:

Млеко пріяла Глупость наша
И сотворися Простокваша
И воцарися благодать
Какой мы смертны тѣшилися ждать.
Но се явися Умъ-щенецъ
Въ млеко кипное вверхъ сметану
И на потѣху вражью стану
Создалъ блавоитный варенецъ!

„Млеко“—такъ называется молоко изъ котораго предположено дѣлать простоквашу. Простоквашу можно дѣлать изъ молока любого животнаго. Но преимущественно для этой высокой цѣли употребляется молоко бѣлыхъ коровъ. Самый лучший сортъ простокваши называется „фрау-милхъ-простокваша“. Она употребляется для питанія вышихъ глупителей государства и изготавливается изъ женскаго молока первородя-

щихъ блондинокъ. Фрау-милхъ-простоквашу полезно давать больнымъ дѣтямъ. „Пріяла“—приняла, взяла, поставила. Для изготовления простокваши берется чистое, цѣльное, свѣжее молоко и ставится въ полутеплое огражденное отъ всякихъ случайностей мѣсто. Великая тайна претворенія млека въ простоквашу происходитъ сама собой. Глупость человѣческая должна умиленно взирать на это непостижимое чудо и заботиться только объ одномъ какъ бы не потерять основъ, на коихъ покоится готовое претвориться въ простоквашу млеко. Отъ потрясенія основъ происходитъ величайшее несчастье: млеко можетъ отрыгнуть и получится сыворотка изъ подъ простокваши. Во избѣжаніе этого ужаснаго несчастія фундаменты подставокъ, на коихъ покоятся простоквашные сосуды врываються глубоко въ землю, а самое дѣло изготовления простокваши въ государствѣ поручается особымъ людямъ прославившимся своею осторожностью—чиновникамъ министерства осторожности. „Глупость“—это священное слово объединяетъ и спаиваетъ идиотовъ въ одну счастливую, милую, вѣчную, непобѣдимую простоквашную семью. Наша—ибо мы съ гордостью можемъ сказать, что на всемъ земномъ шарѣ мы самые глупые люди. Вся исторія нашего народа есть сплошное и побѣдоносное шествіе къ вѣчной безграничной, всеобъемлющей, всемогущей Глупости. Во времена доисторическія на мѣстѣ Идиотіи находилась страна Чистаго Разума. Наши музеи, библіотеки и раскопки свидѣтельствуютъ о томъ, что теперь лишь дѣти могутъ всерьезъ интересоваться тѣми достиженіями которыми нѣкогда кичились мудрецы. „И“—союзъ. Великій глупитель эпохи голубой простокваши Зджжжшгпрсчнузакъ Буровичъ Содовичъ въ своемъ сочиненіи „Простоквашницація народовъ“ говоритъ о союзахъ...

Тутъ я прервалъ дѣвочку:

— Что за странныя имена у вашихъ философовъ?

— А что?

— Да ихъ не выговоришь натошахъ!

— Сода улыбнулась.

— Ахъ, я понимаю твой намекъ! Ты еще ничего не фль! Хочешь я съ ложечки покормлю тебя простоквашей?

— Я вовсе не къ тому! Просто миѣ странно слышать такое скопленіе труднопроизносимыхъ согласныхъ... У меня на родинѣ отъ имени требуютъ чтобы оно было коротко и звучно...

— А если это заслуженный человѣкъ?

— При чемъ тутъ заслуги. Развѣ онѣ отражаются на имени!

— А у насъ за каждую заслугу, которую человѣкъ оказываетъ государству къ его имени прибавляютъ букву. Когда родится мальчикъ его называютъ Акъ. Окончивъ школу нисшаго ранга онъ получаетъ первую букву. Въ прошломъ году мой братъ получилъ Э и его зовутъ теперь Эакъ Хиновичъ Содовичъ... А отца моего зовутъ Бржшзойзакъ Буровичъ Рициновичъ... Онѣ получилъ уже восемь буквъ за свои стихи!..

— Позволь... Твоего папу зовутъ Брж... не могу выговорить... а твоего брата ты величаешь Эакъ Хиновичъ... Почему Хиновичъ? Вѣдь отца зовутъ не Хиной?..

— Ха-ха-ха!.. Какой ты смѣшной!.. Хиной зовутъ мою маму... Это по мамашѣ онѣ Хиновичъ...

— Такъ развѣ у васъ зовутъ не по отчеству?

— Ну конечно по матушкѣ... Вѣдь mater semper certa est *)... А у васъ?

— У насъ по батюшкѣ...

— Но pater semper imertus est **)! Какъ же вы поступаете когда отецъ не извѣстенъ...

— Такіе случаи у насъ рѣдки... И въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ именуютъ по приемному отцу, по крестному, по отчиму...

— А у насъ къ имени матери прибавляютъ еще и имя бабушки... Я напри- мѣръ Сода Хиновна Содовна, потому что мою бабушку звали тоже Содой... Сода Горчишковна Мятовна... Не правда ли какія прекрасныя имена...

— Почему только они всѣ аптечнаго происхожденія?

— Великій глупитель эпохи желтой простокваши Шквщипнымуждсчайзакъ Солевичъ Самуиловичъ изрекъ. „Женщина для мужчины то же что лѣкарство для больного“... Когда мужчина заболѣваетъ болѣзью, которая называется любовью, приходитъ врачъ специалистъ и прописываетъ ему какую нибудь Хиночку, Салицилочку, Содочку, Рициночку...

— И тебя пропишутъ!

— Ну, конечно, и меня пропишутъ, и тогда я сдѣлаюсь идиоткой...

— Но развѣ любовь болѣзнь.

— Ну конечно. И самая опасная! Повышеніе температуры, сердечныя пертурбаціи, исхуданіе, отсутствіе аппетита даже къ простоквашѣ, сби- вающаяся рѣчь, блуждающіе, ищущіе глаза... О, у насъ въ школѣ прекрасно изучаютъ эту болѣзнь... Это опасная болѣзнь, но и благороднѣйшая изъ болѣзней, потому что приближаетъ къ идиотизму... Юноша, чтобы сдѣлаться настоящимъ, взрослымъ, заправскимъ идиотомъ долженъ непременно заболѣть любовью... Это какъ оспа, какъ корь... Только оспу и корь у насъ врачи умѣютъ прививать, а сыворотка любви до сихъ поръ еще не изучена.

— А женщины! Развѣ любовь болѣзнь только мужская!

— Любовь болѣзнь мужская, но она очень заразительна и женщина почти всегда заражается отъ мужчины. Черезъ любовь и женщины быстро становятся идиотками.

Эта очаровательная дѣвочка лѣтъ четырехъ-пяти на видъ болтала со мной какъ равная, какъ взрослая. У нея даже появился какой то учительскій тонъ.

— Однако я заболталась и забыла опять о простоквашѣ. Сейчасъ изъ аптеки пришлютъ по-

*) Мать всегда навѣрное извѣстна.

**) Отецъ никогда не извѣстенъ навѣрное

рошки. То ихъ и принять въ простоквашѣ. Ну теперь, слава дежурному, ты скоро совсѣмъ оправишься. Докторъ позволилъ завтра же снятъ съ тебя морбоскопъ... И ты сможешь выйти въ другія комнаты и даже на улицу... На улицѣ ты увидишь много-много дѣвочекъ... Смотри... Не захворавай... любовью...

Я засмѣялся:

— Да развѣ я, взрослый могу влюбиться въ маленькую дѣвочку... Это было бы съ моей стороны слишкомъ глупо!

— Вотъ именно! Слишкомъ глупо... Нашъ великій глупитель эпохи теплой простокваши Прѣзмужжжшгпрсчнузакъ Щелочевичъ Кислотовичъ сказалъ: „Любовь это первая ступень лѣстницы которая ведетъ къ полному идиотизму“...

Я замѣтилъ, что Содочка особенно оживилась и похорошѣла, когда заговорила о любви. Ея глазенки засверкали и губки приняли кокетливый оттѣнокъ.

— А развѣ у васъ на родинѣ влюбляются не въ маленькихъ дѣвочекъ!

— Нѣтъ, у насъ дѣвочки даже не думаютъ о любви...

— Не можетъ быть!.. Такъ неужели у васъ влюбляются въ совершеннолѣтнихъ идиотокъ...

— Наши женщины и послѣ совершеннолѣтія остаются такими же умными, какими были до совершеннолѣтія...

— Вотъ несчастныя!.. Значить онѣ не умѣютъ любить!..

— Нѣтъ, онѣ умѣютъ любить!..

— Значить онѣ не умѣютъ любить!

— Еще какъ умѣютъ!..

— Значить онѣ не умѣютъ любить! Потому что настоящая любовь превращаетъ женщину въ идиотку!..

— Увѣряю тебя, что можно любить и оставаясь умной!..

— Какъ ты заблуждаешься! Ну развѣ умная женщина можетъ творить тѣ великія глупости на которыя толкается любовь! Вѣдь сущность любви, вѣдь таинство любви въ претвореніи двухъ умныхъ юныхъ существъ въ полоумныхъ, а затѣмъ и въ полныхъ идиотовъ!..

Она такъ горячо и убѣжденно спорила, что я не хотѣлъ ей возражать.

Принимая молчаніе за побѣду, она фамиліарно-кокетливо сказала:

— Ну-съ раскрывайте ротикъ. Лѹжка простокваши никогда и никому еще не повредила.

Позавтракавъ простоквашей, мы продолжали урокъ объяснительнаго чтенія.

Изъ него я узналъ, что выраженіе „и воцарися благодать, какой мы смертныя тѣла ждемъ“ значитъ: „съ появленіемъ на землѣ простокваши воцарилось истинное счастье и благополучіе, которыхъ напрасно, тщетно ожидало человечество при господствѣ Разума“.

Выраженіе „щенецъ“ употреблено для рѣимы вмѣсто „щенокъ“.

Умъ, т. е. Разумъ названъ „щенкомъ“ потому что онъ, какъ щенокъ лаеетъ на гиппопотама—Глупость. Но развѣ прокусить слабому щенку кожу гиппопотама!

„Въ млеко животное вверхъ сметану“ значитъ „прибавилъ къ кипяченому молоку сметаны“. И такимъ образомъ созданъ „блевоутный“, т. е. „противный“ варенецъ на радость противникамъ простокваши.

— Я лично не люблю варенецъ. Но скажи мнѣ, Содоука, почему именно такъ ненавидятъ его всѣ идиоты?

Сода вспыхнула, немного смутилась и загадочно протянула:

— Идиотъ-иностранецъ!.. Есть вопросы, которыхъ намъ съ тобою еще рано касаться!.. Да и докторъ запретилъ болтать съ тобою, а я со всѣмъ забыла о лекарствахъ!.. И вообще!..

Она какъ то неожиданно, ни съ того ни съ сего ушла.

Словно мой вопросъ встревожилъ ее.

ВОСЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

Я опять остался одинъ полный новыхъ открытій.

Эта крошка меня взволновала своею недѣтскою серьезностью, своимъ краснорѣчивымъ разговоромъ, простотою своего обращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣтскою кокетливостью.

Въ вопросахъ любви она разбирается такъ ясно и свободно, что у насъ заткнула бы за поясъ многихъ даже маститыхъ курсистокъ.

Неужели въ Идиотіи дѣти созрѣваютъ такъ изумительно рано не только въ умственномъ отношеніи, но и въ отношеніи половомъ.

И какъ это вѣрно, что любовь дѣлаетъ людей идиотами.

И что любовь—болѣзнь.

И болѣзнь заразительная!..

И какъ удивительно проста формула брака при такомъ взглядѣ на любовь: приходитъ докторъ специалистъ по любовнымъ болѣзнямъ и прописываетъ Соду, Кислоту, Буру, Рацину!.. словомъ ту дѣвушку отъ которой ты захворалъ!..

Не даромъ прекрасный полъ въ Идиотіи беретъ имена изъ обиходной фармакопеи!

Изъ моего раздумья меня вывелъ стройный хоръ молодыхъ голосовъ подъ окнами.

Очевидно по улицѣ шли, маршируя.

Я разобралъ слова бравой пѣсни:

Запѣвало: Хороша отчина наша,—
Идиотски хороша!

Хоръ: Простокваша—
Ростокваша—
Кваша—
Ваша—
Аша—
Ша!..

Запѣвало: Хороши порядки наши,—
Идиотски хороши!..

Хоръ: Простокваша—
Ростокваша—
Кваша—
Ваша—
Аши—
Ши!..

Запѣвало: Хорошо веселье наше,—
Вѣдь по сердцу, по душѣ!..

Хоръ: Простокваша—
Ростокваша—
Кваша—
Ваша—
Ашѣ—
Шѣ!..

Запѣвало: Всѣхъ, кто знаетъ радость нашу,
Я подтягивать прошу!..

Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

— Что такое! Какая радость!—крикнула Сода въ окно.

Ей что то отвѣтили, послѣ чего она запыхавшись отъ радости, напѣвая „простоквашу“, вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Радость! Радость! Шумбрейякъ опростоквашился!

— Что это значитъ?

— На наше мѣстечко выпало счастье одинъ изъ нашихъ жителей на простоквашномъ пикникѣ въ Тыковѣ обѣлся простоквашей!..

— Ему дурно бѣднягѣ, а ты радуешься!..

— Ему дурно!.. Ха-ха-ха!.. Ему хорошо! Ему великолѣпно! Его тѣло везутъ сейчасъ съ идиотскими почестями и черезъ два дня оно будетъ здѣсь!.. Отнынѣ наша Рѣдиска попадетъ въ исторію! До сихъ поръ наше мѣстечко не было никому извѣстно, а сегодня!.. Сегодня наша Рѣдиска у всѣхъ на устахъ!.. Слышишь?

Запѣвало: Славьте всѣ Рѣдису нашу!—
Всѣхъ подтягивать прошу!

Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

За окномъ пѣлъ хоръ, а въ моей комнатѣ къ нему присоединился серебряный голосочекъ Соды:

ИМѢЙТЕ ДѢЛО СЪ САМИМЪ АВТОРОМЪ, но не съ алчущими наживы издателями.

ВЕЛИКІЯ ТАЙНЫ ГИПНОЗА

НАША СИЛА ВНУТРИ НАСЪ.

Хотите ли Вы подчинять людей своей волѣ, владея великой тайной силой?

Я психо-френологъ Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКЪ, даю дѣйствительно полный курсъ гипнотизма, большой томъ въ богатомъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ.

ВМѢСТО 12 РУБ. ТОЛЬКО ЗА 2 РУБЛЯ.

Мой курсъ заключаетъ въ себѣ много цѣннаго и новаго въ области гипнотизма. Мое произведеніе ведетъ къ самоусовершенствованію, учитъ вліять и дѣйствовать на окружающихъ посредствомъ внушенія въ состояніи бодрствованія.

Мой курсъ содержитъ въ себѣ 98 важнѣйшихъ главъ. Онъ учитъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія. Только въ моемъ курсѣ имѣется обширный отдѣлъ чтенія чужихъ мыслей.

Въ немъ широко разработаны отдѣлы: лѣченія посредствомъ открытаго внушенія, пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастенія, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч.

Самовнушеніе. Быстрое предотвращеніе страха. Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности.

Произведеніе это значительно и рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ изданій этого рода своей общепонятностью и общедоступностью. По отзывамъ лицъ, пользующихся этимъ курсомъ гипнотизма, онъ расширяетъ новый невѣдомый міръ, поднимаетъ духъ и настроеніе, даетъ силу, мощь, ведетъ къ счастью и довольству.

Роскошное изданіе со множествомъ рисунковъ, съ портретомъ автора и знаменитѣйшихъ медумовъ. Для прохожденія моего курса не требуется никакихъ особенныхъ знаній. Онъ приноситъ неоцѣнимую пользу мужчинамъ и женщинамъ, старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ, сильнымъ и слабымъ, здоровымъ и больнымъ. Мой курсъ вышелъ новымъ значительно увеличеннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ.

Въ курсѣ заключается слѣдующее содержаніе:

1) Введеніе. 2) Что такое гипнотизмъ? 3) Исторія гипнотизма. 4) Чѣмъ долженъ быть гипнотизеръ? 5) Качества гипнотизируемой личности. 6) Средства и методы гипнотизма. 7) Дѣйствіе гипнотизера на гипнотизируемую личность. 8) Гипнотическій сонъ. 9) Пробужденіе. 10) Что чувствуетъ и испытываетъ усыпленный посредствомъ гипнотизма? 11) Отгадываніе чужихъ мыслей. 12) Какъ развить способность чтенія мыслей. 13) Методъ и способы чтенія мыслей. 14) Что способствуетъ удачнымъ экспериментамъ. 15) Что мѣшаетъ удачнымъ опытамъ? 16) Какъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія въ состояніи бодрствованія. 17) Опыты открытаго внушенія. 18) Лѣченіе

посредствомъ открытаго внушенія, пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастенія, головной боли, безсонницы, недержанія мочи, заиканія и проч. 19) Самовнушеніе 20) Быстрое предотвращеніе страха. 21) Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности. 22) Совѣты напѣвающимъ публично демонстрировать опыты гипнотизма. 23) Побѣда мысли. 24) Рѣимы и упражненія. 25) Путь къ счастью и довольству и проч. и проч. Прошу не сравнивать съ московскими и иными лубочными изданіями. Я даю за 2 рубля вполне законченный курсъ, никакихъ дополнительныхъ лекцій и расходовъ не требуется. Брошюра съ отзывами и благодарностями ученыхъ, высокопоставленныхъ и знатныхъ особъ, прилагается при всякомъ заказѣ. Зѣбѣ за нецѣпимѣмъ мѣста для убѣжденія приводятся лишь нѣкоторые:

ЧИТАЙТЕ

Священникъ от. Василій Спѣвачевскій, почт. ст. Улановъ Под. губ. Высокочитимый господинъ Х. М. Шиллеръ-Школьникъ. Книгу Вашу „Гипнотизмъ“ получилъ, прочелъ и искренне благодарю. При чтеніи книги, мнѣ нѣкоторымъ образомъ открылась завѣса тайны человеческого существа, которая до извѣстной границы могутъ быть постигнута и подвластны человеку. Я глубокоувѣренъ въ гуманности и добрыхъ намѣреніяхъ Вашей дѣятельности и поэтому остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Священникъ Василій Спѣвачевскій.

Василій Федоровичъ Кремповскій, Новороссійскъ, Контора инженера Щенсевича, пишетъ: Присланнымъ Вами курсомъ гипнотизма очень интересуюсь, занимаюсь и благодарю Васъ, чувствую себя гораздо лучше. Мой братъ также пользуется Вашимъ курсомъ и также очень доволенъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ Кремповскій.

В. Б. Королевъ. Савино. За курсъ гипнотизма ничего, кромѣ безграничной благодарности и сердечнаго «спасибо» сказать не могу и лучшей благодарности не придумаю. Книга поражаетъ ясностью изложенія и цѣнностью ея содержанія. При всемъ этомъ она значительно и роскошно иллюстрирована въ богатомъ переплетѣ и такая минимальная цѣна, какъ 2 рубля, какую Вы назначили, свидѣтельству о Вашемъ благомъ намѣреніи широко распространить эти драгоценныя для всякаго свѣдѣнія и совѣты среди интересующихся, в. чѣмъ отъ души желаю Вамъ полнаго успѣха. Пребываю съ высокимъ почтеніемъ къ Вамъ В. Б. Королевъ

Полный курсъ со всѣми приложеніями высылается за 2 рубля. Деньги присылать переводомъ. Налож. платеж. на 30 коп. дороже. Писать свою фамилію и адресъ ясно и разборчиво.

Нашъ адресъ: ВАРШАВА, ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКУ, ПЕНКНАЯ, 43.

Ермолай Алексѣевичъ Фроловъ, гор. Елецъ, Уральской обл. пишетъ: Глубокоуважаемый господинъ Шиллеръ-Школьникъ, Вашъ курсъ гипнотизма ослѣпилъ меня; я достигъ блестящихъ результатовъ по гипнотизму. Я вылечилъ многихъ отъ различныхъ болѣзней и дурныхъ привычекъ. Никакой кладъ и богатство не могутъ сравниться съ приобретенными мною отъ Васъ познаніями. Я остаюсь искренне благодарный и всегда готовый рекомендовать Вашъ курсъ, который можетъ принести большую пользу всѣмъ. Покорный слуга Фроловъ.

Если бы вы захотѣли, для убѣжденія обратиться къ кому-либо изъ вышепоименованныхъ лицъ, то приложите къ письму конвертъ съ Вашимъ адресомъ и наклеенной маркой. Восторженные отзывы и благодарности отъ частныхъ лицъ получаютъ ежедневно; у насъ ихъ множество, подлинники предъявляются во всякое время всѣмъ желающимъ—у насъ въ конторѣ. Но кромѣ частныхъ отзывовъ и благодарностей, вотъ что пишетъ солидный С.-Петербургскій Окултныи журналъ «Изида» издаваемый извѣстнымъ ученымъ знаткомъ оккультизма И. К. Антошевскимъ, во второмъ номерѣ журнала за ноябрь 1910 г. «Гипнотизмъ Х. М. Шиллеръ-Школьника, изданіе изданная книга знакомитъ читателя, какъ съ теоріей, такъ и съ практическими приемами гипнотизма. Среди множества сочиненій и лекцій по гипнотизму, эта книга заслуживаетъ особенное вниманіе, благодаря весьма популярному изложенію сущности гипнотизма. Несмотря на сравнительно невысокую цѣну, эта книга вполне замѣняетъ дорожное изданіе американскихъ институтъ».

Есть одно лишь средство!

Отъ перхоти, выпаденія и для рощенія волосъ.

«ШИЛЛЕРИНЪ» (ТРАВЫ).

У меня, психо-френолога **Х. М. Шиллера-Школьника** (автора научн. книгъ) отъ переутомленія, вслѣдствія усиленныхъ занятій трудными оккультными науками, стали страшно выпадать волосы и появилась обильная перхоть. Я испробовалъ все почти существующія средства, но ничто не помогало мнѣ. Я безнадежно примирился съ мыслью быть лысымъ, но однажды, разбирая старинную, рѣдкую медицинскую книгу, я нашелъ въ ней средство для рощенія волосъ, состоящее изъ различныхъ травъ. Я составилъ его и сталъ имъ пользоваться.

Оно меня ошастливило! У меня прекратилась перхоть!

У меня выросли чудные волосы!

Мои волосы вызываютъ удивленіе у всѣхъ!

Мое средство было испытано многими и многимъ дало чудный ростъ волосъ, за что я получилъ *множество благодарностей и отзывовъ*. Я съ удовольствіемъ рекомендую мое средство всѣмъ нуждающимся въ немъ, въ надеждѣ, что за него получатъ благодарности. Мое средство подъ названіемъ **«Шиллеринъ»** разрѣшено **Врачебн. Управой** за № 6026, **«Шиллеринъ»** является единственнымъ радикальнымъ средствомъ отъ головной перхоти, выпаденія волосъ и для ихъ рощенія. **«Шиллеринъ»** примѣняется съ большимъ успѣхомъ также для рощенія бороды и усовъ. — Я получаю за него отовсюду множество благодарностей.

Здѣсь за недостаткомъ мѣста приводятся лишь нѣкоторые отзывы и благодарности, полученные мною за послѣднее время. Если Вы для проверки напишете кому либо изъ нижеуказанныхъ лицъ, то приложите конвертъ со своимъ адресомъ и наклеенной маркой.

ЧИТАЙТЕ

Священникъ **Викторъ Качуровскій**, Почт. ст. Березно. Волынк. губ. пишетъ:

Милостивый Государь, г. Шиллеръ-Школьникъ! Результаты отъ употребленія сей травы получаютъ поразительные. Воюсы перестали падать, и появилась растительность на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. Жаль, что я такъ поздно узналъ о семъ средствѣ.

Любовь Васильевна Соловьева, С.-Петербургъ Лицейская № 6. Благодарю г. Шиллера-Школьника за пробный «Шиллеринъ», который примѣнила по указанію. Выпаденіе волосъ совершенно прекратилось.

Казиміръ Вильскій, Варшава. Хмѣльная 130, кв. 40, пишетъ: Приношу Вамъ свою искреннюю благодарность за Ваше дивное средство «Шиллеринъ», благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и выросли густые волосы. Буду рекомендовать всѣмъ нуждающимся въ этомъ средствѣ.

Поручикъ Лелецкий, Винница (Подольск. губ.). Нѣхотный Крымскій полкъ. Я получилъ пробный пакетъ «Шиллерина». Онъ оказывается лучше другихъ, испытанныхъ мною средствъ. Прошу немедленно выслать большую коробку «Шиллерина».

К. М. Левандовскій, надсмотрщикъ телеграфа, Новоукраинка (Херсонской губ.). Очень благодаренъ Вамъ за траву «Шиллеринъ». Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали падать волосы, и перхоть совершенно прекратилась.

Софія Васильевна Грицанъ, Кишиневъ, ул. Шмидта 130. Прошу немедленно выслать пакетъ травъ «Шиллеринъ». Ваши травы оказали большую пользу моимъ волосамъ. Перхоть исчезла, а главное, волосы мои укрѣпились и совершенно перестали падать.

Начальникъ станціи І. А. Янубовичъ, Калуга ст. М.-К.-В. ж. д. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ большую коробку травъ «Шиллеринъ». Подаренной отъ васъ пробой остался очень доволенъ. «Шиллеринъ» оказываетъ хорошее дѣйствіе, за что очень Вамъ благодаренъ.

Марія Бухвальдеръ, жена преподавателя Реального Училища, Полтава, Прохоровская № 2. Въ прошломъ году получила отъ Васъ средство «Шиллеринъ». Отъ употребленія прекратилось выпаденіе; волосы стали быстро расти, послѣдшіе волосы приняли природный цвѣтъ. Въ настоящее время прошу выслать для моей кузины одну коробку травъ «Шиллеринъ».

Екатерина Максимовна Дородныхъ, Серпуховъ, Моск. губ. Пробный пакетъ травъ я получила. Восхищаюсь этимъ средствомъ. Послѣ пяти разъ втиранія результаты получились удивительныя, перхоть исчезла, волосы — мягкія и блестящія. Сердечно приношу благодарность и прошу выслать большую коробку травъ за три рубля.

Священникъ **Л. С. Ломанинъ**, гор. Илень. (Уральск. Обл.). За присланный пакетъ травъ приношу Вамъ искреннюю благодарность. Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали выпадать волосы и замѣтно показались новые волосы, а старые также стали замѣтно расти.

М. Ф. Бѣляевъ, Черниговъ, Гончая ул., соб. д. № 62-й. Пробная доза «Шиллеринъ» вполне оправдала ожиданія: мои волосы безусловно укрѣпились, и я съ удовольствіемъ выписываю большую коробку.

Платонъ Егоровъ, Оханскъ, Пермск. губ. Благодарю **Х. М. Шиллера-Школьника** за пробный пакетъ травъ «Шиллеринъ», который быстро оказалъ свое превосходное дѣйствіе. У меня прекратилось выпаденіе и волосы стали быстро расти. Прошу выслать еще три пакета.

Кирилъ Фурманъ, Алушка, Тавр. г. Примите сердечно благодарности за Ваше дивное средство «Шиллеринъ», благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и появилась растительность. Буду рекомендовать всѣмъ нуждающимся въ этомъ средствѣ. Примите еще два пакета Вашихъ травъ.

М. О. Хандоянъ, Нахичевань. За присланную траву «Шиллеринъ» очень благодаренъ; средство превосходно дѣйствуетъ для рощенія волосъ и усовъ.

М-ме Варвара Фисунъ, Хороль. Не выберу словъ выразить Вамъ свою благодарность за Ваше средство «Шиллеринъ». У меня прекратились головныя боли и превосходно растутъ волосы.

Е. В. Минаевъ, Одесса, Троицкая 39, кв. 12. Увѣдомляю Васъ г-нъ Шиллеръ, что первая проба «Шиллеринъ» дала блестящіе результаты. Прошу выслать большую коробку.

М-ме Шишова, С.-Петербургъ. Благодарю Васъ за пробный пакетъ Вашего средства «Шиллеринъ». Оно хорошо повліяло на мои волосы: перхоть прекратилась и волосы перестали выпадать.

Мое средство «Шиллеринъ» тщательно изслѣдовано и строго проверено. Оно дѣйствуетъ благотворно, вполне оправдывая свое назначеніе. Прекращаетъ перхоть, оздоравливаетъ кожу, укрѣпляетъ корни и даетъ здоровую и богатую растительность.

«Шиллеринъ» съ успѣхомъ примѣняется также для рощенія бороды и усовъ.

Пакетъ травъ «Шиллеринъ» съ подробнымъ описаніемъ и наставленіемъ какъ имъ пользоваться и брошурой съ отзывами и благодарностями продается на мѣстѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ за 28 коп. высылается иногороднимъ за 35 коп. наложеннымъ платежемъ на 16 коп. дороже. Марки просимъ присылать только въ заказныхъ письмахъ.

Нашъ адресъ: Варшава, Психо-Френологу **Х. М. Шиллеръ-Школьнику**, Пенкная 25—43.

Требуйте **«ШИЛЛЕРИНЪ»** во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Продолжается подписка на 1914 годъ на журналъ
САТИРЫ и ЮМОРА

VII годъ изд. **САТИРИКОНЪ** VII годъ изд.

52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато-иллюстрированнаго журнала **САТИРЫ и ЮМОРА**.
Нѣкоторые №№ печатаются въ **ДЕВЯТЬ** красокъ.

Годовые подписчики получаютъ:

24 книги полнаго собранія сочиненій **Марка Твэна**, извѣстнаго американскаго юмориста.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Издательство предоставляетъ желающимъ замѣнить собраніе сочиненій Марка Твэна роскошнымъ альбомомъ: „М“ и „Ж“.

Подписная цѣна съ однимъ изъ приложений на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 р. 25 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

Адресъ Главн. Конторы: СПБ., Фонтанка, 80.

..... Телефонъ 514-27.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше 2000 иллюстрацій).

Нѣкоторые №№ печатаются въ **ДВѢ** краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы въ началѣ года, въ качествѣ бесплатныхъ приложений: Сборникъ сатиры и юмора отъ Пушкина до Амфитеатрова „**Русскій смѣхъ**“ (произведенія около 50 авторовъ), составленный Вас. Князевымъ;

20 пьесъ для любителей драматическаго искусства. Репертуаръ любителя

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставк. и перес. на годъ 3 р., 6 мѣс. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ **5 коп.** Продается вездѣ.

Редакторъ-Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Гл. Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514-27.

Ежемесячное издание **ВЕСНА**

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

„ВЕСНА“ СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЕСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на
мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто
молодымъ литературнымъ иска-
ніямъ и вообще молодежи.

Ни одна рукопись, адресованная
въ редакцію, не остается безъ
отвѣта въ почтовомъ ящикѣ
„ВЕСНЫ“.

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только
о новыхъ присланныхъ въ редакцію
книгахъ, но и о журналахъ и
нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ“ годовые подписчи ки получаютъ первую
бесплатную премию журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать
стихи“ („Версификація“).

Второй бесплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ
собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ
этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ
на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и
композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ
на толстой бумагѣ
КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ
альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получаютъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или
„Благодушныя и назидательныя похождения въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб., на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. **Телефонъ 655—96.**

Такса объявленій: за строку непарели 60 копѣекъ.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ.**

Издательница **Н. К. Дмитріева.**

Типографія М. Г. Корифельда, Басейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Садовая, 75.

КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.
**ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ И
ОБЪЯВЛЕНІЙ.**

ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к.

№ 4.

Отдѣленіе Конторы книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

Книжный магазинъ и книгоиздательство
О. В. Ш. М. В. П. О. П. О. В. А.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ
(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:
„Повѣсть читается съ неослабывающимъ интересомъ“.
„Русское Богатство“.
„Литературныя достоинства и дарованіе ея автора—
блестящи“.
„Нов. Журн. для Всѣхъ“.
„Изъ произведеній, появившихся съ начала года от-
дѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли
и вѣстную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ
Сафьянѣ“...“
„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о
Савватіи заговорятъ“.
„Саратовскія Вѣсти“.
„Биржев. Вѣдом.“

МИХАИЛЬ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана,
(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

„Повѣсть михостю Божіей г. Алексѣй Липецкій обла-
даетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей по-
вседневной жизни создавать прекрасные образы. На
каждой страницѣ этой повѣсти встречаются строфы,
созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ солнеч-
номъ свѣтѣ. И если не въѣмъ этимъ строфамъ нельзя
отказать въ поэзии, то вы всегда найдете въ каждой
изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задумчивое,
остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.“
„Киев. Мысль“ 4 июня 1919 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

овѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арштама.
„Если сравнить романъ Миртова съ руководствомъ
Вербницкой, съ произведеніемъ Григорьева „На укорбѣ“,
съ „Гнѣвомъ Діониса“ Нагродской, то серьезность,
глубина и талантливость автора сразу бросятся въ
глаза“.
„Современникъ“ 1913—9.

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Цѣна 1 руб.

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ муж-
чины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ тотъ періодъ жизни,
когда унываетъ непосредственность и страстность,
но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій,
достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія.
Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ.
Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лиричес-
кую мягкость Я. Вассермана“.
„Русская Молва“.

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе рассказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн.
магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ.

ЭМАЛИ И КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя:

- 1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.
 - 2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.
 - 3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.
 - 4) Периодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія: библиотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.
 - 5) Принимаетъ для изданія книги по разнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.
- Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библиотеки и др. просвѣтительныя учрежденія поль-
зуются скидкой.

Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.
Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ сред-
нихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя маръ

Содержаніе предыдущихъ №№-овъ „ВЕСНЫ“

- № 1.** Цѣли «Весны». Н. Шебуевъ. — Конкурсы: Буримэ, Саломея, Шутъ, Виньетка, Наказанный ловецъ. Конкурсъ чернильныхъ пятенъ. — Стихи: Игорь Сѣверьянинъ, Н. Шебуевъ, Л. Лѣсная, Ю. И. Косъ, Е. Садовичъ, В. Надель, В. Инберъ, Вас. Пахомовъ, Г. Сеферовъ. — **Гастрольеръ:** Н. Н. Евреиновъ. — **Разсказы:** К. Гликовъ, Ш. Клейманъ, Ю. Голубай, Н. Кашгалинская, А. Сорокинъ, В. Финити, Маркъ, Т. Шенфельдъ, С. Поздній, В. Цукинъ, Л. Лѣсная. **Статьи:** Арк. Буховъ, К. Ларше, А. И. Кохановскій. **Конкурсъ чернильныхъ пятенъ (Рисунки).** — **Библиографія:** «Слыхали-ль Вы?», «Камни», «Путь Агасфера», «Ночные соблазны», «Двуногіе безъ перьевъ». Культурныя радѣнія, Старыя боги, Поросль, Чертополохники, Лучезарной актрисѣ, Безумцы. **Буримэ. Негативы** Н. Шебуевъ. **Рисунки и виньетки:** М. Врубель, С. Судейкинъ, П. Бродскій, Л. Вакстъ, Энгель, М. Ларионовъ, Н. Гончарова, А. Вахромѣевъ, Д. Мельниковъ, Н. Герардовъ, А. Любимовъ, Шарль Геренъ, Поль Сегитъ, Шеурихъ. — **Преміи:** «Версификація». Книга Н. Шебуева. «Альбомъ Саломеи» (первый листъ). «Альбомъ нотъ»: Лео Гебенъ, Н. Н. Евреиновъ, Георгій Лампси, А. Вилинскій. (Преміи разосланы годовымъ подписчикамъ, а часть ихъ можетъ быть получена при покупкѣ отдельной книжки журнала).
- № 2.** Стихи: М. Кузминъ, Игорь Сѣверьянинъ, Ф. Карповъ, Ю. Анненковъ, Л. Никулинъ, Т. Шенфельдъ, Павелъ Орѣшниковъ, Анжелика Сафьянова, М. Гартевельдъ, Зин. Голубевъ, М. Моравская, Н. Носаръ, П. Бунаковъ, Н. Шебуевъ («Сливы» пер. Додэ). — **Разсказы:** Е. Нагродская, Н. Шебуевъ, Г. Федеръ, Гр. Шапиро, Н. Шумскій, Т. Шенфельдъ, І. Добровольскій. — **Статьи:** «Голосъ съ того свѣта», «Эпатисты», «Поэзо концерты». Книжки: «Чудесныя вымыслы», «Солица поцѣлуй», «Лирическій потокъ», «Скрипка вѣдьмы», «Развинченна муза», «Пажы напѣвы», «Пляска смерти», Бюллетени литературы и жизни. **Буримэ. Юморески:** «Рай зубной» Н. Шебуева. «Столичные мастера пѣнія» (оперетта Н. Шебуева). **Почтовый ящикъ. Рисунки въ текстѣ:** Л. Оссовскаго (дебютъ), И. Грабовскаго, Н. Гончаровой, Н. Бродскаго, М. Врубеля, С. Судейкина, Н. Лебедева, А. Вахромѣева, А. Баркова. — **Шаржи:** Скрыбинъ (Н. Д. Мельникова). **Преміи:** Альбомъ рисунковъ Обри Бердслея (первый листъ), первыя главы романа «Идіоты» (Н. Шебуева).
- № 3.** Стихи: Игорь Сѣверьянинъ, Грааль Арельскій, П. Агнiewiczъ, Павелъ Орѣшниковъ, Георгій Карповъ, Анатолій Гассельблатъ, Уладъ Разинъ, Ефимъ Садовичъ, Надежда Ландская, Ин. Бекетовъ, Георгій Гли, Сем. Никитинъ, Юна Востоковъ, Георгій Шапиръ, Д. Вайсфельдъ, Пав. Кокоринъ, Василій Лезинъ, Михаилъ Гартевельдъ, А. Карасевичъ, К. Одинцовъ, Алексѣй Масанновъ, Кольцовскій, Ада Чумаченко, Лидія Лѣсная, Эммануилъ Германъ, Харламъ Роба, Г. Шумская, С. Гловацкій, Шиловъ, Юрій Анненковъ, Петръ Степановъ, Николай Носаръ, Валентинъ Франчикъ, А. Сумароковъ, Сергѣй Михайловъ, Юрій Зубовскій, Любовь Матвѣевская, Константинъ Грековъ, И. Романовъ, Венедиктъ Соколовъ, Юрій Косъ. **Разсказы:** Борисъ Эфимъ. 1. Зеленина улица. 2. Мы и Нина. 3. На седьмомъ этажѣ. 4. Ихъ праздникъ. 5. Лисья шкурка. 6. Вечеринка. 7. Сашка, Татьяна Шенфельдъ. Три офорта. **Абрамъ Лане.** Жизненно. **Грааль Арельскій.** Местъ Красоты. **Над. Ландская.** Лялечка больна. **Левъ Никулинъ.** Система. **Валентинъ Франчикъ.** Бѣлая тайна. **Статьи:** Аякета. **Конкурсы. Книжки. Почтовый ящикъ. Иллюстраціи.** В. Гроссеръ, А. Вахромѣевъ, Князь Паоло Трубецкой, Н. А. Андреевъ, М. А. Врубель, П. М. Грабовскій, А. Любимовъ, А. Барковъ, Юр. Анненковъ, А. И. Мельниковъ. **Преміи:** «Альбомъ Саломеи» листъ второй. Романъ Н. Шебуева «Идіоты».

Л. Никулинъ.

1. ВСТРѢЧА.

Вчера я былъ случайно встрѣченъ.
Улыбка странно холодна
И мой поклонъ едва замѣченъ,
И вновь вы были не одна..
Вы не одна.. Вы были съ мужемъ..
Итакъ: „У насъ одинъ завѣтъ
И мы одной идеѣ служимъ“..
Я отошелъ... Былого—нѣтъ..
О, если вамъ, какъ женамъ Спарты
Не страшны вешніе костры,
Я вамъ раскрою смѣло карты
Давно разыгранной игры..
Не вѣрьте каждому запястью,—
Стеклу поддѣльный пламень данъ
И то, что мы назвали страстью,
Былъ увлекательный обманъ.
О, если я напомию встрѣчи,
Когда я страсти не искалъ..
И былъ разсвѣтъ... Его предтечи
Роняли золото у скалъ..
О, если я напомию ночи,
Когда мы, ласки не храня,
Не знали, что любовь короче,
Короче сѣвернаго дня..
Я такъ запомнилъ профиль строгій,
Разсвѣтъ, улыбки и заливъ,
Цвѣты, измятые въ тревогѣ,
И шали шелковый извивъ..
Въ какомъ изысканномъ узорѣ
Сплелись лиловые шелка,
И были въ небѣ алы зори
И алы въ морѣ облака..
Теперь я все зобыть посмѣю,—
Цвѣтокъ раздавленъ подъ ногой..
Я все забылъ.. Какъ ту камею,
Что въ Римѣ видѣлъ на другой.

2. ВЕСНА ЗАПОЗДАЛАЯ.

Морозный вечеръ въ позднемъ мартѣ,
Морозный воздухъ, какъ вино

КНИГА СНѢГ

И какъ сердца въ игральной картѣ
Листы увядшіе давно..
Но клень обмануть небомъ синимъ,
И грезить отходя ко сну:
„Что, если мы преграды минемъ
Повѣря въ близкую весну..
Пусть это смѣло, вы сказали
Но въ небо выбросимъ листки,
Я вѣрю, солнцу приказали
Сломить хрустальные мостки.
Я вѣрю въ вешніе побѣги,
Въ его горячіе уста,
И только трусь увидеть въ снѣгѣ
Зловѣщій саванъ для листа“..
Морозный вѣтеръ въ каждой лужѣ
Построилъ новые мостки
И блекнетъ листъ отъ острой стужи
И вынутъ мертвые ростки..
Морозный снѣгъ роняетъ искры
И леденитъ весенній сокъ...

А гдѣ то есть... оазисъ Бискра
И зной, и солнце, и песокъ!

Любовь Матвѣевская.

1. ПѢСНИ ВОСТОКА.

Посвящается В. С. С.

Наполните кубки огнистымъ фалерномъ,
Весь западъ пылаетъ въ багрянцѣ.
Предъ нами въ движеніи красивомъ и мѣрномъ
Рабыни закружатся въ танцѣ.
Зажгите свѣтильники! Свѣжія травы
Разсыпьте на плитахъ узорныхъ!
Я выпила сладкую влагу отравы
Изъ глазъ его пламенно-черныхъ..
Лесбійскіе танцы играйте, флейтисты!
Въ вѣнкѣ моемъ вянутъ фіалки..
И ночь, погасивъ въ небесахъ аметисты,
Вздыхнула печальнѣй весталки.
Миѣ тѣло обвини узорные шарфы,
Надушена грудь кинамономъ.

О, пойте безумье, сирійскія арфы,
Я ринулась въ пляску со стономъ.
Приди! Обожгутъ, обезсилятъ восторги
Всю душу твою, смуглолицый!
Я буду царицей ликующихъ оргій,
Причудливой, яркой зарницей.
Звенятъ ожерелья изъ алыхъ рубиновъ,
Прекраснѣй меня нѣтъ гетеры!
И жду я, въ томленіи руки раскинувъ,
На шкурѣ пушистой пантеры..
Ты жрецъ Артемиды! Но чары богини
Разрушу я силой заклатья..
Уста мои—нѣга сожженной пустыни
И ужасъ манящій—объятья.

2. СЕГЕДИЛЬЯ.

Трепетала въ вихрѣ знойномъ сегедилья
Мукою безкрайной, музыкой рыданья.
И дрожали въ сердцѣ огненные крылья,
Огненные крылья тайнаго страданья!
И въ слезахъ смѣялись дико кастаньеты,
Брызжущимъ каскадомъ въ музыку врываясь.
Знойно пѣли скрипки, страстию согрѣты,
Съ нѣгой южной ночи сладостно сливаясь.
Облакомъ капризнымъ кружево взлетѣло,
На груди вздохнули пламенные розы
И въ изгибѣ страстномъ трепетало тѣло.
На рѣсницахъ темныхъ засіяли слезы.
Раненой тигрицей въ упоеніи танца
Разметала косы смуглая гитана!
Вспыхнуло и сгасло зарево румянца
И звенѣли скрипки жалобой фонтана.
Трепетали въ сердцѣ огненные крылья
И сіяли скорбно пламенные очи..
И рыдала въ мукѣ страстной сегедилья,
Радостно сливаясь съ нѣгой южной ночи.

3. РОЗЫ ИСПАГАНИ.

Подражаніе Leconte de Lisle.

Пурпурныя розы задовъ Испагани
Блѣднѣй твоего молодого румянца,
Глаза твои—очи испуганной лани.
Жасмины Моссуля, цвѣты померанца
Не такъ благовонны, не такъ ароматны,
Какъ легкіе вздохи твои, о, Зарема!
Твой смѣхъ серебристый, какъ ропотъ невнятный,
Фонтановъ, звенящихъ въ молчаньи гарема.
Но розъ Испагани пурпурныя краски,
Жасмины Моссуля и жемчугъ фонтана
Не такъ мимолетны, какъ знойныя ласки
Твои, о, Зарема, о, роза Ирана!
И страстно я плачу тоскующей пѣсней
Надъ сердцемъ жемчужины гордой гарема..
Въ садахъ Испагани нѣтъ розы прелестнѣй
Тебя, о, цвѣтокъ мой, тебя, о, Зарема!

4.

Погребальная месса угасшему дню
Отзвучала въ сіяньи закатныхъ лучей..
Я весеннее счастье свое схороню
Въ саркофагахъ осеннихъ ночей!
И узорною тканью безумной мечты
Обовью я суровый гранитъ.
Пусть обвѣяна грустью святой красоты
Моя греза весенняя спитъ.
Пусть она не томитъ, не терзаетъ меня,
Упоенья безкрайнаго дочь..
Я сгорѣла въ кровавомъ безумьи огня,
Я твоя, о, осенняя ночь!

Юрій Анненковъ.

Ей.

1.

О, зачѣмъ я не вѣрю, что ты вѣрна?
О, зачѣмъ я не вѣрю нѣжности взгляда?
О, зачѣмъ я не вѣрю, что въ бокаль вина
Ты не капнула яда?
Зачѣмъ?
Раскололась моя душа,
Знойными ранами сердце покрылось..
О, моя любимая, въ этотъ часъ ты хороша,
Но почему, почему ты смутилась?
Я не вѣрю твоимъ напудреннымъ плечамъ,
Я не вѣрю твоей одеждѣ..
Расскажи, можетъ быть по ночамъ
Ты меня не любила и прежде?
Неужели-же прежде!..

2. ПѢСЕНКА.

Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали—Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣ сна,
Свѣтила ей, свѣтила блѣдная луна.
Встрѣтила подъ вечеръ на праздничномъ пути
Яростныя брызги, брызги конфетти..
Подъ беретомъ локоны были такъ черны—
Ахъ! Она не помнитъ своей вины!
Тоненькія стрѣлочки, блѣлый циферблатъ
Каждый вечеръ звали въ Люксембургскій садъ.
Тамъ, гдѣ за рѣшеткою темень Оденъ,
Поджидала радостно—не пройдетъ-ли онъ?..
Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали—Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣ сна,
Свѣтила ей, свѣтила печальная луна..
Третья пара туфелекъ, пятая вуаль—
О, когда, когда-же прояснится даль?..
Въ воскресенье вечеромъ, въ сутолкѣ каретъ,
Промелькнулъ знакомый, бархатный беретъ.
О, не смѣйся небо радужной дугой!
О, замолкни сердце!—онъ прошелъ съ другой!
Тоненькія стрѣлочки не бѣгутъ назадъ,—
Дѣвушка покинула Люксембургскій садъ..
Это была дѣвушка шестнадцати лѣтъ,
Звали эту дѣвушку, звали—Марьеттъ.
Была эта дѣвушка нѣжнѣ сна..
Не увидитъ дѣвушку новая весна.

3. SAINTE BARBE.

На желтой скалѣ, надъ самымъ моремъ,
Въ далекія времена поставили храмъ.
Всѣ надежды міра съ горемъ
Въ свѣтлый праздникъ сочтались тамъ.
Моряки окрестныхъ селеній,
Съ острымъ взглядомъ и бритыми усами,
Проѣзжая мимо, склоняютъ колѣни
На борту подъ парусами..
Блѣдный всегда и всегда влюбленный
Въ чистую дѣвушку. невѣсту мою—
У зеленой стѣны, луной опаленной,
На послѣдней ступени я стою.
Теплый вѣтерокъ метнулся съ предмѣстій,
Приласкалъ тяжелые засовы
И черезъ щель шепнулъ моей невѣстѣ,
Что придетъ къ ней снова..

Ея глаза мерцають матомъ сердолика,
Ей тонкій торсь вѣнчаетъ изумрудъ...
Но передъ радостью чернѣющаго лика
Слова моей любви умрутъ.
И моряка окрестныхъ селений,
Съ острымъ взглядомъ и бритыми усами,
Унесутъ меня по зеленой пѣнѣ
На легкомъ бригѣ подъ парусами.

4. МОЛИТВА.

Ей.

Всѣхъ скорбящихъ Пречистая Матерь,
Вся темная, вся черная, въ тишинѣ паутинной,
Въ углу, передъ красной лампадкой, —
Заступница наша.
Пошли радость благодати Святой на землю.
Я слезамъ твоимъ безгрѣшнымъ кротко внемлю...
Сѣрый вечеръ сталъ, недвижимъ, во весь ростъ.
И незримою рукою осѣнилъ погостъ.
Далеко за косогоръ ушла ограда...
О! Мнѣ страшно! Мнѣ не надо!
Спаси и помилуй, наша Заступница!
Успокой безумную душу.
Я твою скорбь ничѣмъ не нарушу.
Дай взглянуть въ Твои Святые очи!
Я боюсь этой ночи! Я боюсь каждой ночи!..
Вся темная, вся черная, въ тишинѣ паутинной,
Заступница наша.

Въ углу, передъ красной лампадкой—
Всѣхъ скорбящихъ Пречистая Матерь,
Заступница наша.
Спаси и помилуй!..
Не уйти до утра отъ окна мнѣ,—
Чья-то тѣнь на бѣломъ, лунномъ камнѣ.

5.

Въ Люксембургскомъ саду коричневатая зелень;
Подъ навѣсомъ сидятъ музыканты
Въ форменныхъ фуражкахъ
И играютъ мелодію Дебюсси—
„Милый, мнѣ фіалокъ принеси“.
По дорожкамъ бѣгаютъ за обручами дѣвочки,
Нарядные и радостные..
Я сижу на скамейкѣ,
Курю папиросу
И не о чемъ не думаю
И ни о комъ не вспоминаю,
Кромѣ моей маленькой Габріэль.
Она живетъ теперь съ какимъ-то petit jeune
homme'омъ,

Говорятъ, что очень подурнѣла,
И костюмчикъ у нея поистрепался...
— Милые дѣвочки,
Правда, вамъ всего 14, а ей 16,
Но если-бы вы знали,
Что она такая-же, какъ вы!..
...Коричневатая, густая зелень,
Мелодія Дебюсси—
„Милый, мнѣ фіалокъ принеси“,
Дѣтскіе кораблики въ бассейнѣ подъ фонтаномъ
И легкая печаль по Габріэль.

6.

О прежней любви—ни полъ-слова!
Будемъ говорить о погодѣ.
Развѣ нужно томиться снова?..

Я потребовалъ виски въ содѣ...
Ты меня разлюбила. Посмотри, какъ закатомъ
Ужалены осенніе листья;
Посмотри у старухи на ситѣ помятомъ
Дрожатъ зеленые кисти...
Намъ подали виски въ содѣ...
Ты теперь цѣлуешь другого!
Говори-же, говори о погодѣ.
Но о прежней любви—ни полъ-слова!.

7. РОМАНЪ.

Я съ Вами бродилъ на пляжѣ искристомъ,
Разгоняя дачную скуку.
Вы шутя называли меня футуристомъ,
Я, прощаясь, цѣловалъ Вашу руку...
Коричневой ласкою Вашихъ взглядовъ
Бывали комнаты согрѣты,
И, передъ тайною полуночныхъ обрядовъ,
Я у пианино пѣлъ французскіе куплеты...
Но выпалъ снѣгъ, и я Вамъ сталъ ненуженъ,—
По первопутку Васъ умчали сани..
Ахъ! Мнѣ такъ недоступенъ ужинъ
Въ первоклассномъ ресторанѣ!

Теперь апрѣль... О, я простилъ разлуку!
Я Вамъ пишу о томъ, что скоро лѣто,
И я, быть-можетъ, поцѣлую Вашу руку
И стану пѣть французскіе куплеты...

Василій Пахомовъ.

1. ПЕРЕУЛОКЪ.

Жутко въ темномъ переулкѣ.
Тишиной завороженъ
До меня донесся гулкій,
Полуночный, острый стонъ.
Кто ты бѣдный, утомленный,
Не дошедшій до звѣзды?
Кто ты новый, окрыленный
Чернымъ призракомъ бѣды?
Кто ты—странникъ одинокій,
Другъ забытый или воръ,
Помечтавшій о Востокѣ,
А попавшій въ Черный Боръ?!.
...Темъ ночная страхомъ дышетъ...
Муть ночная замерла...
Кто-то плачетъ кто-то слышитъ,
Чѣмъ-то думаю нѣтъ числа...

2. ОТДОХНУТЬ.

Дай забыться уму,
Отдохнуть...
Можетъ быть я тебя и пойму
И утѣшить смогу, какъ нибудь...
Можетъ быть, я тебя и пойму—
Успокою тревожную грудь—
Только дай мнѣ слезу—эту грустную гостью пе-
чали—смигнуть,
Только дай позабыться всему...
О, тогда можно крѣпко уснуть:
Можно крѣпко уснуть вѣчнымъ сномъ одному...

3. ТИШЕ.

Думы меня одолѣли.
Думамъ моимъ нѣтъ конца...

Грустны понурья ели—
Снѣгъ—словно слитки свинца...
Тише... Я буду молиться,
Буду молиться одна...
Можетъ быть—снова приснится
Мнѣ Золотая Весна...

4. ПРИБОЙ.

Стою я надъ моремъ. Внизу подо мною,
Гдѣ раньше свѣтлѣло каймой голубой
Жемчужное море, отдавшись покою
Вспѣнныя волны рождаетъ прибой.
Приходитъ, уходитъ волна за волною..
Какъ мысли, мятежъ горячій прибой,
Затѣявшій бой съ голубой тишиною,
Готовый сразиться съ самою судьбой...
Отъ радостныхъ взоровъ укрывъ пеленою
Лучистое солнце,—волна за волною
Какъ полчище грозно, темнѣя, встаетъ,
И въ берегъ гранитный, гдѣ ели да сосны,
Гдѣ гибли мгновенья, желанья и весны
Прибой многозвучный безъ усталости бьетъ...

5. ГРОЗА.

Потемнѣли надъ волнами
Предъ грозою небеса.
Закачались съ облаками
Легколистныя лѣса.
Пробѣжалъ садами вѣтеръ,
Затерялся на поляхъ...
День-ни день, темно—какъ вечеръ
На землѣ и въ небесахъ.
Туча черная всплываетъ
И уносится туда,
Гдѣ, алѣя, истекаетъ
Золотистая руда...
Грянулъ громъ подъ облаками,
Задымились небеса
И запѣли подъ вѣтрами
Многошумныя лѣса...

6. ВЪ СВѢТѢ.

Кровавое солнце кусты золотило...
Въ саду надъ цвѣтами жужжала пчела...
И было мнѣ весело, радостно было:
Душа переполнена свѣтомъ была.
Казалось: иду къ недалекому раю
И зналъ я, что встрѣчу и зналъ, что узнаю...
Я, радостный шелъ золотыми полями
И связь укрѣплялась моя съ небесами...
Тревогой веселой дурманились думы:
Мнѣ пѣли о волѣ весенніе шумы...
Казалось—доступны души небеса,
Казалось—отъ счастья сверкала роса...
Такъ шелъ я, свободный къ невѣдомой цѣли,
Гдѣ роши, и дали, и сны голубѣли...
Полднее солнце кусты золотило,
Въ саду надъ цвѣтами жужжала пчела..
И было мнѣ весело, радостно было:
Душа переполнена свѣтомъ была...

7. ВЪ ТОТЪ ВЕЧЕРЪ.

Въ тотъ вечеръ дождь стучалъ сердито
По рамѣ звонкаго окна.
И нѣжной тайною повита
Въ углахъ дремала тишина.

Бѣжало время. Никли тѣни.
Молчанье длилось безъ конца...
Желанья были безъ сомнѣній
И мысли были безъ лица...
Казалось, что то будетъ дивно
И—совершится—мигъ придетъ,
И вновь погибнетъ безотзывно,
Вновь въ безотвѣтности замретъ...
Казалось—словъ не надо больше:
Такъ все понятно въ простотѣ.
И мысль была, мелькнувшей тоньше
И грезы—равными мечтѣ.
Слова забылись, какъ бывшее—
О нихъ не вспомнила душа,
Когда съ мизинца золотое
Кольцо сняла ты неспѣша.
Слеза сверкнула... Поблѣднѣла,
И зарыдала: „позабудь“...
Я уходилъ—не посмотрѣла,
А сердце слышало—„Побудь“...

8. ПРОСТОРЪ.

Надъ лѣсомъ небо голубое.
Надъ небомъ—тайна безъ границъ.
Предъ свѣжимъ утреннимъ покоемъ
Люблю горѣніе зарницъ.
Люблю уйти въ поля, гдѣ росы
Живые искрятся, какъ сны,
Гдѣ уплываютъ за покосы
Холсты разсвѣтной бѣлизны...
Иду въ просторъ, гдѣ нѣтъ границы,
Гдѣ нѣтъ начала и дорогъ,
Гдѣ златокудрые зарницы
Вѣщаютъ міру—„Въ мірѣ Богъ!“

9. ВОДЯНОЙ.

Тишь весенняя надъ заводью.
Челноки вдали мерещатся.
Мысль грѣховная, усталая
Словно рыбка, бьется—плещется.
Эхъ, ты горе несуразное,
Утоплю тебя за мельницей!
Распрошусь на вѣки-вѣчные
Съ злой тоской неруководѣльницей!..
Выйду къ рѣчкѣ. Тишь аукнется.
Тишь задушитъ—не спротивишься!
Водяной всплыветъ корягою:
„Что-молъ, хлопъ, незапрокинешься?“
Глянь сюда. здѣсь вязе алое,
Нѣжно-гусельны бубенчики,
Слышь—зовутъ, иди-ка молодецъ
Собирать златые вѣнчики.
Вишь ихъ сколько ярко свѣтятся
Съ переливами алмазными,
Что ни искра, то желанное
Счастье съ радостями разными!..
Глянь угрюмый, стыдъ то по боку,
Вѣдь не дѣвка кумачевая—
Полинять боишься съ ясности
Повечерья бирюзоваго!..
Не скорби, тоска излишняя,
Позабудь о ней—излѣчишься.
Отъ нея, какъ въ годы юности,
Только сердцемъ искалѣчишься.
Полно думать думы черныя,
Посвѣтлѣй душой болѣзною,
Жизнь далась тебѣ тяжелая—
Жду:—разстанься съ ней желѣзною!..

Будетъ ладно. Будетъ сладостно.
Будетъ сердце сномъ овѣяно,
А печаль, а горе горькое
По волнамъ рѣчнымъ развѣяно...*

10. ВЕЧЕРЪ.

Небеса—голубы.
Надъ прудомъ—серебристыя ивы...
А кругомъ—молодые дубы
Молчаливы...
Тишина глубока.
И не слышно ни звука съ дороги...
Отразились въ водѣ облака,
Закачался въ ней мѣсяцъ двурогій...
Закачался въ ней мѣсяцъ двурогій,
Заискрились нагорнія свѣчи...
На поля, на холмы, на дороги
Опустился задумчивый вечеръ...

11. СВѢТЛАЯ РАДОСТЬ.

Свѣтлая радость усталой земли—
Бѣлыя чайки надъ моремъ купаются:
Словно снѣжинки бѣлѣютъ вдали,
Вскинутся къ небу—и вновь разсыплются...
Свѣтлая радость ушла отъ земли:
Небо овѣяла ночь волокнистая...
Стынуть на стражѣ ночной корабли...
Берегъ цѣлуетъ волна серебристая...
Свѣтлая радость ушла отъ земли...

12. СЛѢПЦЫ.

(Изъ цикла «Землетрясеніе».)
Въ просвѣтѣ улицы, гдѣ дымы
Прозрачнѣй выются по стѣнамъ,
Бредутъ слѣпцы неопалимы
Пропѣть молитвы въ дальній храмъ.
Въ одеждѣ порванной темнѣетъ
Нагое тѣло, словно мѣдь...
Надежда сердце ихъ лелеетъ:
Пропѣть псаломъ и умереть...
Они идутъ стопою тихой
И чертятъ въ воздухѣ круги;
Несется къ небу: «Свѣте тихій,
Святой Безсмертный, помоги!..»
Надъ ними плачетъ звонъ набата,
Хрипитъ толпа, звенить стекло...
Ихъ понесло... и безвозврата
Въ глухую бездну увлекло...

13. РАБЪ.

Усыпалъ ложе я цвѣтами
И мраморъ ступеней устлалъ
Съ утра тигровыми коврами
И за колонной ночи ждалъ.
Она пришла, а—съ нею страсти...
Зажглись подъ башнями огни...
—«Прости, что не покоренъ власти—
Дай развязать твои ремни!
Пусть обезглавленъ буду завтра
Въ разсвѣтѣ солнечнаго дня,—
Не медли гордо Клеопатра,
На эту ночь возьми меня!
Я, рабъ твой дерзкій, блѣднолицый,
Въ восторгѣ знойномъ платье рву,
Хоть знаю—съ первою зарницей
Мой будетъ трупъ бѣлѣть во рву!..»

Б. Калупинъ.

1.

Въ туманную осень ночью порою
Казалось страннымъ мнѣ смерти бояться...
На ложѣ измятомъ съ глубокой тоскою
Ее въ эту ночь какъ хотѣлъ я дожидаться!
Покой отъ сомнѣній! Покой отъ страданій!
Покой отъ жестокаго рока капризовъ!
Предѣлъ неисполненныхъ жадныхъ желаній
И жизни послѣдній, хоть жалкій, но вызовъ...

2. ХУНХУЗЪ.

(Посв. Александру Виру).

Песчаная круча съ сосною высокой
Да въ полдень кумирни далекой миражъ
Да синее, синее небо Востока,
Великой китайской пустыни пейзажъ.
Порою забитый кочевникъ лѣниво
Везетъ на верблюдахъ подъ кручею грузъ.
На кручѣ глядитъ за сосною пугливо
Бѣжавшій отъ пріисковъ горныхъ хунхузъ.
Побѣда иль муки! Онъ цѣлится мѣтко
И крѣпко курокъ нажимаетъ руку...
Поймаютъ—посаждать въ желѣзную клѣтку.
И въ спину удары вонзятъ бамбука...
И слушаютъ чутко тревожные уши
И въ даль напряженные смотрятъ глаза...
Дорога вдоль кручи все выше и глуше...
Онъ жаденъ, какъ коршунъ, пугливъ какъ коза.

3. БАЙКАЛЪ.

Нѣтъ! Мнѣ не забыть эти снѣжныя горы
И блескъ синевы средь серебряныхъ скалъ!
Тобою во вѣкъ не насытятся взоры
Могучій, холодный, прекрасный Байкалъ!..
Отъ Запада шли снѣгоносныя тучи,
Зарей по утру ихъ Востокъ побѣдилъ...
И горныя кряжи и горныя кручи
Серебрянымъ блескомъ снѣговъ освѣтилъ...

4.

Въ предутреннемъ мракѣ, въ ночной тишинѣ
Слетаются души людскія ко мнѣ.
И внемяю я снова съ глубокой тоской
Стенанью и плачу юдоли людской.
И людямъ опять я въ ночи говорю,
Что къ нимъ я, какъ прежде, любовью горю.
И люди опять мнѣ сквозь сонъ говорятъ,
Что я дорогой ихъ и преданный братъ.
Но утро разбудитъ лишь шумъ городской
И снова потерявъ въ толпѣ я людской.
Среди многошумнаго, труднаго дня
Изъ братьевъ никто не узнаетъ меня..

5. ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

(По кинематографу).

Забыты и горе и муки,
Веселье куда ни глядишь...
И льетъ упоительно звуки
Плѣнительно юный матчишь...
За столикомъ Гарри скучаетъ
И слышитъ какъ будто во снѣ,
Какъ шумъ вокругъ него не смолкаетъ
И жаждетъ забвенья въ винѣ.
А тамъ за окномъ, на панели,

Гдѣ улицы жуткая мгла,
Когда-то прекрасная Нелли
Цвѣты продавать понесла...
И вспомнила ночь она въ барѣ,—
Вотъ такъ же оркестръ грохоталъ,
Когда упоительный Гарри
Впервые ее цѣловалъ.
О, сколько и горя и муки
Принесъ для нея этотъ взоръ,
Пьянящія зыбкія руки
И выжженный прямо проборъ...
Какое блаженство наркоза
Властительный взоръ навѣвалъ!
И тихо посыпались розы...
И вздрогнулъ ликующій залъ...
И пиръ прекратился въ разгарѣ
И чей-то разбился бокаль...
То Гарри, плѣнительный Гарри
Ее изъ окна увидалъ...

Сергѣй Шапошниковъ.

1. ПЪСЕНКА.

Шурину.

Къ маленькой зеленой вѣточкѣ,
Робко встрѣтившей апрѣль,
Подойду съ улыбкой дѣточки,
Принесу свою свирѣль.
Листъ за листикомъ раскроется,
Зелень съ солнца упадетъ.
Солнце выглянетъ и скроется,
Вѣтка къ вечеру заснетъ.
Утромъ съ радостью наивною
Будетъ къ свѣту жадно лнуть
И навѣетъ сказку дивную
О любви, о чемъ-нибудь.
Тихо, тихо съ лаской нѣжною
Вспомнить зимнюю печаль...
Я мечтой своей безбрежною
Улечу за нею въ даль.
А потомъ съ улыбкой дѣточки
Научу свою свирѣль
Этой пѣснѣ, пѣснѣ вѣточки,
Робко встрѣтившей апрѣль.

2. * * *

Мнѣ скучно безъ тебя и мигъ одинъ короткій...
А вечеръ длительный, когда ты не со мной,
Не радуешь меня ни блѣдною луной,
Ни снѣжной пеленой, ни звѣздочкою кроткой...
Подолгу я сижу у запотѣлыхъ оконъ...
Пью теплый чай... грущу... пью долго, не спѣшу...
...Когда ты вновь пойдешь, тебя я попрошу
Отрѣзать для меня свой бѣлокурый локонъ.

3. ВЕЛИКИМЪ ПОСТОМЪ.

Снѣгъ идетъ и таетъ. Хмуро. Въ сточныхъ ямахъ
Днемъ—вода. подъ утро—тонкій желтый ледъ.
Скучно. Одиноко. Звоны въ дальнихъ храмахъ,
Снѣгъ идетъ и таетъ, таетъ и идетъ.

4. ПѢСНЯ.

Вѣтеръ, вѣтеръ полевой,
Не гуляй по трубамъ.
Сколько хочешь—въ полѣ вой
Да въ лѣсу надъ дубомъ.

Безъ тебя душа полна
Горечью—недугомъ,
Я осталась одна...
Я забыта другомъ...
Но любовь я сберегу,
Измѣнить не въ силахъ,—
Встану тамъ, на берегу,
Вспомню сердцу милыхъ,
Брошусь, вѣтеръ полевой,
И погибну въ рѣчкѣ...
Вотъ тогда и въ полѣ вой
И въ трубѣ, и въ печкѣ.
Вѣтеръ, вѣтеръ, не забудь
Сбѣгать до милова
И, припавъ къ нему на грудь,
Прошептать два слова:
Пусть вѣнчается съ другой...
Мое сердце въ рѣчкѣ...
Слышишь, вѣтеръ полевой.
Какъ стучитъ въ сердечкѣ?...

5. КЛАДЪ.

Землю заступомъ копаю.
Ночь. На тѣлѣ дрожь.
Истрадаюсь, похудаю,
Выкопаю грошъ.
Въ древней, жизни пережившей,
Въ множествѣ могилъ,
Въ каждомъ гробѣ черепъ сгнившій
Отзвукъ сохранилъ.
Дальше—въ глубь, въ нѣмыя дали,
Въ выцвѣтшій коверъ,
Гдѣ надежды отзвучали,
Мракъ фату простеръ.
Скачетъ въ мракѣ чертъ изъ ада,
Кажетъ желтый клыкъ.
Въ полночь будетъ стражъ у кладъ,—
Полосатый быкъ.
Упрошу молитвой Бога
Освятить тотъ кладъ.
Вотъ еще, еще немного—
Буду я богатъ!
Вотъ и полночь,—чертъ изъ ада
Взялся за бока...
Вотъ сейчасъ въ борьбѣ изъ кладъ
Воскрешу вѣка!

6. ДѢВОЧКА.

Няня бѣлье мѣтила,
Она сидѣла рядомъ—на стулѣ,
Сказку читала. Въ дремѣ не замѣтила,
Какъ свѣчку задули.
Осталась одна съ тьмой,
Съ сказкой. Падаешь за слезою слеза...
„Ахъ, мама... мама... не умирай... стой...“
„Ахъ!“... и открыла глаза.
Встала. Пошла. Покачнулася.
Упала. Уснула.
Утромъ очнулася
У стула...

7. * * *

Вотъ по небу, небу синему, горя
Краснымъ пламенемъ, рассыпалась заря.
Листья свѣжіе, зеленые глядятъ.
И поютъ себѣ смѣются, шелестятъ.
Вѣтеръ сказочно рассказываетъ имъ

Повѣсть длинную шуршаніемъ своимъ.
Разукрасилась бутонами сирень.
Начинается весенне—теплый день.

8. * * *

Хотѣлъ бы видѣть въ снѣгу равнину,
Хотѣлъ бы мчаться среди полей.
Съ какою радостью покину
Я этотъ городъ чужихъ людей.
Я здѣсь живу ужъ не годъ, а много,
Но отчего-же меня манитъ
Степная пыльная дорога
Зимой и лѣтомъ какъ-бы магнитъ?
Мужей ученыхъ здѣсь слышишь рѣчи,
Встрѣчаешь массу красивыхъ лицъ,
Въ степяхъ-же радъ бываешь встрѣчъ
Съ кричащей стаей пролетныхъ птицъ.
Но почему-же и къ рѣчкѣ каждой,
И къ лѣснѣ птичекъ и камыша—
Проникся я какой-то жаждой,
Въ какой-то жаждѣ горитъ душа?
Но почему-же простая вѣтка,
Обыкновенный цвѣтокъ полей
Мнѣ скажетъ большее, чѣмъ рѣдкій
И гениальный изъ всѣхъ людей?

9. ВЪ ГОРОДѢ.

Каждый шагъ встрѣчаетъ только ложь,
Красота вездѣ граничитъ съ прозою..
Вотъ цвѣты живые. Подойдешь,
Чтобъ хоть мигъ одинъ украсить розою.
За стекломъ таинственно цвѣтутъ
Хризантемы, ландыши, настурции..
Но ко мнѣ подходятъ и зовутъ
Въ яркихъ шляпахъ дамы проституции.
Я скорѣй скрываюсь въ полутьмѣ,
И лицо отъ ненависти хмурится..
Ландаши, зачѣмъ-же вы въ тюрьмѣ?
И зачѣмъ преступницы на улицѣ?

10. УШЛА.

Мы сидѣли въ тѣни между стройныхъ стволовъ,
Между стройныхъ стволовъ—сосновыхъ, березо-
выхъ
И сплетали вѣнки изъ весеннихъ цвѣтовъ,
Голубыхъ и розовыхъ.
На груди, въ волосахъ—мотыльки, васильки,
Мотыльки, васильки, кувшинки и розочки.
А зеркальная гладь горделивой рѣки
Отражала звѣздочки.
Улыбались глаза, и смѣялись цвѣты,
И смѣялись цвѣты, ласкали плѣнительно.
И сливались уста. А гирлянды мечты
Увлекли томительно..
...И теперь я одинъ... И лежатъ лепестки,
И летятъ лепестки и грустятъ они нѣжные.
Разлюбила она мотыльки, васильки
И цвѣты прибрежные.
Разлюбила она и зеркальную гладь,
И зеркальную гладь и кувшиночки блѣдныя.
И ушла. И ушла... Ну, а мнѣ не создать
Эти сказки... Бѣдный я...

Дебютъ Петра Степанова.

1. БѢЛАЯ НОЧЬ.

Безцвѣтно-сѣры тротуары,
Застылъ въ недвижности гранить
И какъ огромная гитара
Ночная улица гудитъ.
Прозрачность сумрака печальна.
Совсѣмъ разсвѣтъ. И ждешь росы...
Но вдругъ застонутъ погребально
На темной крѣпости часы.
Кого, кого они хоронятъ?
Зачѣмъ рыдаютъ безъ конца?..
Тамъ, далеко, чернѣетъ броня
Адмиралтейскаго шпица.
Мелькаютъ одиноко пары.
Нѣмую тайну ночь хранить...
И странно гулки тротуары,
И замеръ въ четкости гранить.

2. ПАЯЦЪ.

...А вотъ и я—паяцъ продажный..
Какъ много лжи въ моихъ глазахъ!..
На мнѣ колпакъ смѣшной бумажный,
А мой костюмъ весь въ бубенцахъ.
Лицо, подъ наглою полумаской,
Дрожитъ и корчится отъ смѣха.
Напудренъ я, намазанъ краской
Смѣюсь и, подло, жду успѣха.
Меня купить кто хочетъ можетъ—
Я рабъ и мудрыхъ, и глупцовъ..
Пускай тоска мнѣ сердце гложетъ—
Все заглушить смѣхъ бубенцовъ.
Давно извѣдалъ всѣ соблазны.
Теперь съ отравленной душой,
Какъ проститутка неотвязный,
Доступенъ всѣмъ и всѣмъ чужой.
Мой путь сгорѣлъ... мнѣ безразлично
Гдѣ завтра будетъ мой пріютъ..
Пусть бубенцы смѣшно цинично
Мнѣ панихиду пропоютъ!..

3. ПОСЛУШНИКЪ.

Я только послушникъ застѣнчивый.
А ты лукаво-богомольная
Пришла съ улыбкою измѣнчивой
И согрѣшилъ съ тобой невольно я.
Ты научила меня многому
И, соблазнивъ, ушла поспѣшная,
А я посту отдался строгому,
Но не смирилъ мнѣ думы грѣшныя:
Все вижу я черницу скромную,
Паденья моего виновницу..
Ахъ брошу, брошу келью темную,
Пойду къ тебѣ, моя любовница!

4. ТЫ ПРИДЕШЬ...

Ты придешь такая томная
И призывно-поцѣлуйная,
Не стыдливая, не скромная,
Въ ласкахъ—вольная и буйная.
Ты прильнешь губами пряными,
Вся истомная, грѣховная,
Опьянишь словами пьяными,
Наколдуешь сны любовныя.

Вглянешь гибкая и хищная,
Скажешь: „Милаго подруга я“..
Ты отдашь мнѣ тѣло пыльное,
Тѣло дѣвичье упругое.

5. ВСТРѢЧА.

На сѣрыхъ плитахъ тротуара
Змѣются отблески огней.
Въ лучахъ заката пожара
Иду и думаю о ней.
Все такъ знакомо и случайно
Сегодня, завтра, какъ вчера.
На лицахъ встрѣчныхъ та же тайна,
Что и въ былые вечера.
И, какъ вчера, опять замѣчу
Подъ бѣлой шляпкою вуаль..
На шутки шутками отвѣчу
И разставаться будетъ жаль.
Опять чего-то не доскажемъ,
О чемъ мечтаемъ каждый день,
Потомъ за цѣпью экипажей
Она исчезнетъ точно тѣнь...

6. * * *

Ты—сказка, ты черная сказка,
Ты города пьяный кошмаръ,
Твоя ядовитая ласка
Смертельна, какъ стали ударъ.
Ты бродишь по улицамъ сѣрымъ,
Пьяна отъ гніенія и зла,
Ты мстишь за разбитую вѣру,
За все—что толпа отняла.
Въ огнѣ твое страшное тѣло,
А смѣхъ твой, а смѣхъ твой, какъ плачъ!..
Ты мститъ до конца захотѣла,
Ты улицъ проклятыхъ палачъ!

7. ДѢВУШКА ГОРОДА.

Дѣвушки стройныя, дѣвушки нѣжныя,
Дѣвушки города, въ городѣ влюбленныя,
Манятъ васъ—улицы пьяно-мятежныя,
Вы полюбили громады стѣсенныя.
Вотъ вы проходите странно-прекрасныя,
Точно средъ улицъ видѣнья отрадныя..
Взоры мужчинъ опьяненные, страстные
Васъ провожаютъ царевны нарядныя!
Чужды вамъ—лѣса зеленые шопоты,
Чужды вамъ—далей просторы безграничные.
Васъ убаюкали сѣрые грохоты,
Властно плѣнили васъ улицы пьяныя.
О какъ родна вамъ—ихъ жизнь безпечная!
О какъ родны вамъ—громады стѣсенныя!
Дѣвушки нѣжныя, дѣвушки стройныя,
Дѣвушки города, въ городѣ влюбленныя...

8. ПОМНЮ.

Помню стоны скрипки,
Взгляды синихъ глазъ,
Слезы и улыбки
И обрывки фразъ.
Помню сумракъ бѣлый,
Столикъ, томъ стиховъ,
Близость ея тѣла,
Тонкій ядъ духовъ.
Помню боль обиды,
Холодъ мертвыхъ губъ,
Свѣчи, панихиду,
Гробъ и... чей-то трупъ...

Петръ Степановъ.

Зиновій Голубевъ.

1. AMOR.

Она таила жуть дубровы,
Тоску болотной черноты
И были царственно суровы
Иконописныя черты,
Она жила избита плетью,
Растлѣна лаской старика—
И рдѣли маково соцвѣтья
Ея ковроваго платка.
Когда жары тупѣло жало,
На улицахъ галдѣлъ народъ,
Она съ опаской приползала
Ко мнѣ въ шалашъ на огородъ.
Густѣли росы. Пахла мята.
Во тьмѣ цѣплялись рукава
И низко никла, перемята,
Передъосенняя трава.

2. ЛѢТО.

Сонный сводъ стеклянно-синій,
Длинный, дымный, душный день..
По оконной парусинѣ
Пробѣгающая тѣнь.
Влажный вѣтеръ. Стоны птички.
Непріятно-острый тминъ,
Безжеланье, безразличье,
Пряди пыльных паутинъ.
Позабывъ вѣтровъ измѣны,
Въ сини сплинной высоты
Переплески бѣлой пѣны
Не застыли-ли какъ ты?

3. БѢЛЫЙ РАЗСВѢТЪ.

Я знаю голосъ
Сѣдой зари,
Я знаю голосъ:
„Умри, умри“..
Онъ такъ жемчуженъ,
И отдаленъ,
Но кто-то возлѣ
— И сонъ вокругъ,—
Но кто-то возлѣ,
Какъ нѣжный другъ.
Онъ осторожно
Вонзаетъ сталь—
И осторожно
Свѣтлѣетъ даль.

4. ВЪ ГОРОДКѢ.

I.

Опять съ ночною темнотой
Томитъ непознанный порокъ,
Я, отрокъ бѣдный и простой,
Опять всхожу на твой порогъ
И сердце вяжетъ блѣдный страхъ
И колетъ тонкою иглой
И пахнетъ мятою въ сѣняхъ,
Укропомъ, дымомъ и смолой.

II.

На площади вой и драки
И пьяные крики ссоры.

Но злы у тебя собаки,
Но прочны твои затворы.
Спускается вечер ранний.
Тепло и блаженно сладко.
Цвѣтутъ на окнѣ герани,
Въ переднемъ углу лампадка.
И голосъ давно забытый
Поетъ про любовь сонливо,
А котъ твой у печки сытый
Мурлычетъ въ углу лѣнливо.

5. ВЪ ЦЕРКВИ.

Свѣча голубовато-золотая
И гнется и дрожитъ въ твоей рукѣ.
Покорна ты, суровая святая
Въ затѣйномъ византійскомъ парикѣ.
Кто, нѣжная, тоски твоей виновникъ,
Вамъ сладко-ли полночью вдвоемъ?
Пойми меня, душа моя—терновникъ,
Пылающій языческимъ огнемъ.
Пушистыя темныя твои рѣсницы,
Малиновые губы горячи...
Пусть будутъ жестче ткани власяницы
И пусть больнѣй впиваются бичи.

6. КАКЪ СЕРДЦЕМЪ ХОЧЕТСЯ ПРИЛЕЧЬ...

Какъ сердцемъ хочется прилечь
Къ земному, темному престолу!
Весенній вечеръ скинулъ столу
Закатно-пурпурную съ плечъ;
Въ передполночной тишинѣ
Лишь росы дальнія бѣлѣютъ
И звѣзды блѣдныя лелеютъ
Его дремоту въ вышинѣ.

7. ЗЕМЛЯ РАСКРЫЛАСЬ...

Земля раскрылась вожделья,
Внемля весеннему „живи“
И голоса поютъ смѣлѣе
Моей отравленной крови.
Но выси надъ зацвѣтшимъ садомъ
Благословляюще ясны.
Тревожно-зоркимъ, грѣшнымъ взглядомъ
Я не смущу твоей весны.
Пусть будетъ тихъ, какъ часть разсвѣта
Благополучно-ясный день
И злое солнце, солнце лѣта
Не опалитъ твою сирень.

8. СОСУДЪ.

Я сосудъ осторожно несу
Расцвѣченный, тяжелый и полный...
Розалинда въ Арденскомъ лѣсу,
Предо мною Балтійскія волны...
Я сосудъ осторожно несу,
Позабывъ безразсудство желаній,
Розалинда въ Арденскомъ лѣсу,
Гдѣ пасутся пугливыя лани...
Я сосудъ осторожно несу,
Но приливные близятся шумы,
Розалинда, въ Арденскомъ лѣсу
Ты не знаешь, какъ сосны угрюмы.

9. БЕЗРАЗЛИЧІЕ.

Иной не вѣруя отчизнѣ
Сквозь сонъ безопасно я внемлю

Тревожно, звонкимъ зовамъ жизни,
Но жизни не люблю.
О кровь закатнаго червонца,
Закатно-сизое вино!..
Взойдетъ ли завтра это солнце,
Не все ли мнѣ равно.
Пусть вѣчно небеса темнѣютъ,
Какъ своды низкіе могилъ...
— Такъ въ клѣткахъ звѣри цѣпенѣютъ
Безъ мысли и безъ силъ.

10. ИЮНЬ.

Лѣсныя шуршанія и шумы мнѣ слышатся...
Черты несказанныя такъ близко колышатся.
Люблю въ расцвѣтаніи іюньскаго утра я
Тебя, свѣтлоголазого, тебя, змѣинокудраго,
Въ іюньскомъ безсиліи цѣлую оковы я.
Нагнуся—прижму ли я уста пурпуровыя?
Подъ зыбкими ивами въ іюньское утро я
Нагнуся,—настигну ли тебя, русокудраго?
Нездѣшнія, нѣжныя провижу лобзанія
И травы и шорохи еще несказанные.
Подъ тихими водами, подъ тонкими ивами
Уснемъ утоленными. уснемъ мы счастливыми“.

11. ГАЗЕЛЛА.

Я прошепчу потоку: „Люблю тебя!
Я уязвленъ жестоко: „Люблю тебя“.
Верхи деревъ земныхъ шуршатъ окрестъ,
Склоняясь поетъ осока: „Люблю тебя“.
Я на травѣ зеленой паду безъ силъ,
Безъ силъ смежу я око: „Люблю тебя“.
Печальный и прекрасный, привѣтный ликъ,
Я плачу одиноко, „Люблю тебя“,
Ахъ, въ медленно бѣгущей лѣсной водѣ
Прохладно и глубоко. „Люблю тебя“...

12. ЛѢТНІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Въ сладкихъ ласкахъ солнца осенняго
На плодахъ розовѣй румянцы,
Мы не станемъ читать Тургенева,
Нарядившись пойдемъ на танцы.
Золотая закатомъ волна рѣки
Омываетъ камни устало,
На деревьяхъ чахлахъ фонарики
Изумрудны, желты и алы.
Монотонны скрипокъ звыванія
И зѣваетъ кассиръ у преддверья,
Отступи; въ тоскѣ разставанія
Закружи лиловые перья.
И силки не порвавъ паутинныя,
Ослабѣвъ, позабуду потерю,
Я повѣрю, о Клара, единая,
Я любви моей дѣтски повѣрю.

Михаиль Гартевельдъ.

1. ТЫ ЗНАЛЪ.

Ты зналъ ли женщину прекрасную, какъ смерть,
Не тѣхъ довѣрчивыхъ, коварныхъ, и пугливыхъ,
Холодно преданныхъ, наружно горделивыхъ,
Которыми полна обманчивая твердь.
Впивалъ ты ядъ ея холодныхъ губъ,
Прижатыхъ, властнымъ, огненнымъ движеньемъ,
Въ которомъ страсть сливается съ сожженьемъ,

И человекъ блѣднѣетъ точно трупъ.
Ты ласку испыталъ ея руки,
Прозрачно блѣдной, царственной и строгой,
Когда въ душѣ послѣдній призракъ Бога,
Скрывается въ волнѣ сжигающей тоски.
А ты въ ея глаза, хотъ разъ, смотрѣлъ,
Въ двѣ темныя миндалины ночныя,
Вкругъ нихъ сплелися жилки голубыя,
И звѣздный мракъ ихъ строгостью одѣлъ.
Ты зналъ ее? Коль нѣтъ, отдай всѣ небеса,
Умри и самъ довѣрчиво и смѣло,
Чтобы мгновенно ласково смотрѣла,
Она въ твои застывшіе глаза.

2. ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Отравлено вино кроваваго стакана,
Коварной жизни, радостный привѣтъ,
Она вездѣ: кипитъ вдоль ресторана,
Надъ тьмой міровъ бросаетъ мертвый свѣтъ,
Застыла мраморность столовъ завороченныхъ,
Не слышно скрипокъ бѣшеныхъ румынъ,
И я одинъ среди людей сожженныхъ,
Иду на бой какъ древній паладинъ.
Но съ кѣмъ, лакей почтительно смѣется,
И изгибаетъ свой подвижный станъ,
Волна людей, сквозь створы двери льется,
И пьянымъ шумомъ ожилъ ресторанъ.
„Эй человекъ, мнѣ чая и пирожныхъ,
А мнѣ ликеру, легкого вина!
Я, мечъ сломавъ, отбрасываю ножны.
Больна мнѣ явь расторгнутаго сна.
Вотъ жизнь безъ маски свѣтлаго тумана,
Я покореженъ, я слабъ, я скорбно малъ,
За тѣхъ я пью отравленность стакана,
Кто Солнце въ ресторанѣ увидалъ.“

3. ЛЬДЫ. (Сонетъ).

Серебристые, синіе льды молчаливо,
Заковали заливъ безконечной стѣной,
И безсильно спадаетъ закатная грива,
Съ ихъ угрюмыхъ вершинъ блѣдно-алой струей.
Снѣговая лавины повисли лѣнливо,
Надъ ихъ острой, холодной, застывшей толпой,
И гигантскія стѣны стоятъ горделиво,
Какъ могучіе стражи, въ тиши голубой.
Кто-то плывъ, кто-то велъ и сюда корабли,
Чтобы имя вписать въ ледяныя страницы,
И коварные льды его дальше влекли,
И возстали кругомъ ледяныя границы,
И открыли, пришельцу далекой земли,
Ледяныя врата, голубыя гробницы.

4. БЕЗСМЕРТІЕ.

И кровь разбудилась,
На дѣтскихъ щекахъ,
Ты снова родилась,
Въ холодныхъ вѣкахъ,
Ты снова вступила,
Въ земной хороводъ,
Ты все позабыла,
Для новыхъ заботъ.
И сѣрыя стѣны
Стѣсненныхъ домовъ,
И яркія смѣны
Волнующихъ словъ,
Холодныя встрѣчи
Усталой зари,

Открытые плечи,
Большое эспри.
Ночные фантомы
Мелькающихъ лицъ,
И толстые томы
Позорныхъ страницъ.
Но кровь разбудилась
На дѣтскихъ щекахъ,
Что было—то скрылось
Въ холодныхъ вѣкахъ.

5. СИРЕНА.

Смѣется серебристо, смѣется и плачетъ,
У берега долго сирена морей,
И локонъ волосъ, ей подаренный, прячетъ,
И смотритъ въ просторъ жемчужныхъ зыбей.
Коварной колдунѣ опасна измѣна,
Колдунья надъ даромъ любви ворожитъ,—
Сильнѣе вздымается, пѣнится пѣна,
И вѣтеръ угрюмый сильнѣе шумитъ.
Сирена забылась у берега лежа,
И радостно смотритъ въ холодную даль,
Глаза свои сдвинувъ зеленые, строже,
И смѣхъ зазвенѣлъ покрывая печаль.
Надъ парусомъ синимъ, надъ парусомъ дальнимъ,
Уже собралась грозовая бѣда,
Онъ гордо забылся, въ просторѣ хрустальномъ,
Но онъ не причалитъ къ землѣ никогда.
Вернувшійся вѣтеръ свершенное прячетъ,
Онъ видѣлъ, онъ знаетъ, онъ помнитъ о немъ,
Смѣется сирена, смѣется и плачетъ,
И локонъ бросаетъ въ жемчужность кругомъ.

7. ЗЕМНОЕ ЗЕМНОМУ.

(Посвящается Ст. Шибишевскому).

И херувимъ снялъ огнен-
ный плащъ съ плечъ своихъ
и прикрылъ имъ остатки того,
кто печати держалъ въ рукахъ
своихъ и влекъ на плечахъ
кровавый крестъ.

(Ст. Шибишевскій „Тиртей“).

Онъ человекъ и не свершивъ обѣта,
Который совершить могъ только Богъ,
Ушелъ онъ въ тьму, безъ путевого свѣта,
И ждатель, бороться больше онъ не могъ.
Кровавый крестъ давилъ худые плечи,
Съ нетронутыхъ печатей лился токъ
Холодной крови и молчали рѣчи,
Весь міръ собрался, слился и исчезъ,
Въ его душѣ для непокорной встрѣчи.
И онъ отдернулъ мглу ночныхъ завѣсъ,
И увидалъ на стражѣ херувима,
Но не поникъ, предъ заревомъ небесъ,
А сталъ угрюмо, гордо, недвижимо,
И херувима ликъ сіяніемъ горѣлъ.
И мечъ сіялъ въ рукѣ неотвратимо,
И вскрикнулъ человекъ, и какъ потоки стрѣлъ,
Его полились рѣчи негодуя:
— „О Богъ, меня воздвигъ ты и призрѣлъ,
И искупить велѣлъ свой грѣхъ кочуя,
Возьми печати у меня нѣтъ силъ,
Я не достоинъ вскрыть ихъ чистоту, тоскуя,
И крестъ сними, онъ плечи мнѣ вдавилъ,
Лицо мое бѣлѣй холодныхъ лилій,
Не буду ждатель, чтобъ часть судьбы пробилъ.
Меня позоръ и гордость охватили,
Надежды нѣтъ, я не хочу ея,
Я для нея не сдѣлаю усилий,

Пускай прольется благодатная струя,
Отдохновения на распятых руки,
И пусть вернется царственность моя.
Ты херувимъ молчишь, сними святые муки.
А то возстану, крестъ низвергну самъ,
Въ моей душѣ кипятъ возстанья звуки...
И вдругъ ударилъ громъ по яснымъ небесамъ,
То херувима голосъ раздавался,
— „Нетронуты печати, рабъ, словамъ,
Безсильно мощь придать великую старался,
Твои слова, какъ огненосный дождь,
Который о гранитъ холодный разбивался,
Молчи, покорствуй праху“.. Но какъ горячій вождь,
Метнулся человекъ, на битву, къ херувиму,
Коснулся мечъ его и палъ утративъ мощь,
И съ жалостью горячею, незримой,
Снялъ херувимъ свой освященный плащъ,
И скрылъ ничтожные останки пилигрима
Который шелъ сквозь тьму заросшихъ чащъ,
Сквозь волны огненной и пепелящей лавы,
Израненный камнями вражбыхъ пращъ,
Неся свой крестъ тяжелый и кровавый.

Б. Семеновъ.

1.

Опять ко мнѣ пришла мечтательница—Муза,
Больная дѣвочка—подруга юныхъ дней
И власть ея души простерлась надъ моей
Какъ голосъ Патти иль Карузо.
Надъ Мiромъ стала ночь—Царица яркихъ сновъ,
Завѣсила окно обрывкомъ звѣздной ткани
И сердце трепетно забилося для исканій
Для незатѣйливыхъ стиховъ.

2. ЛУННЫЯ ТѢНИ.

Мы смутныя тѣни.., неясныя тѣни...
Приходимъ мы ночи во слѣдъ...
Роняетъ насъ сумракъ древесныхъ сплетеній
На лунный, безжизненный свѣтъ...
Мы сонно скользимъ по извивамъ дорожекъ,
Внимаемъ въ дремотѣ своей
Не слышно-ли шороха маленькихъ ножекъ
По гравію тихихъ аллей.
Сойдетъ она въ садъ утомленной походкой
Отдавшись завѣтнымъ мечтамъ,—
Мы робко замремъ вереницей нечеткой,
Прильнемъ къ чуть-примѣтнымъ слѣдамъ.
Она уведетъ молодого поэта
Подъ сѣнь отдаленныхъ аллей,—
Мы будемъ грустить и любить до разсвѣта
Безстрастной любовью тѣней.
Мы робкія тѣни... намъ много не надо...
Приходимъ мы ночи во слѣдъ...
Роняютъ насъ вѣтви уснувшего сада
На лунный, безжизненный свѣтъ...

3. НОКТЮРНЪ.

Темно. Созвѣздія картинно
На небѣ бархатномъ горятъ.
Влюбленно звуки пианино
Изъ оконъ дачи льются въ садъ.
Замретъ арпеджіо финала,
Погаснетъ въ крайнихъ окнахъ свѣтъ,
Съ балкона склонится устало
Неясный бѣлый силуэтъ.
И ночь—Царевна Чаровница,
Мерцающая звѣздной фатой,

Заставитъ розно насъ томиться
Быть можетъ общемо мечтой...

4. ВЪ МАНСАРДѢ.

Убѣгу тайкомъ изъ дома
И приду къ нему больному.
Безпокойна и грустна.
Я къ челу его несмѣло
Прикоснусь рукою бѣлой,
Легче вкрадчиваго сна.
Онъ окинетъ мутнымъ взглядомъ,
Не узнаетъ. Сяду рядомъ.
Погашу докучный свѣтъ.
Буду трепетно молиться,
Волноваться и томиться,
Буду слушать странный бредъ.
И когда придетъ другая,
Незнакомая, чужая,
Съ наглымъ блескомъ черныхъ глазъ,
Я уйду и въ корридоръ
Потоплю въ слезахъ и горѣ
Свой поруганный экстазъ!

5. ВЪ ПАВИЛЬОНѢ.

Надъ озеромъ стараго парка,
Въ мечты о быломъ погруженъ,
Бѣлѣтся въ зелени яркой
Забитый старикъ—павильонъ.
Люблю я печаль павильона,
Его непробудную тишь,
Перила его и колонны,
И сумракъ таинственныхъ нишъ.
Подъ вечеръ узорныя тѣни
Отъ низко склоненныхъ вѣтвей
Ложатся на камень ступеней,
На гравіи широкихъ аллей.
Отъ сумрачныхъ стѣнъ павильона,
Отъ ихъ тишины вѣковой,
Исходитъ томительный, сонный,
Ласкающій душу покой.
И хочется въ нишѣ глубокой
Укрыться, въ объятыхъ мечты,
Отъ жизни безцѣльно-жестокой,
Отъ пошлой ея суеты!..

6. РОМАНСЪ.

Я ждалъ Васъ въ старинной бесѣдкѣ,
Въ запущенномъ Вашемъ саду.
Сирени лиловыя вѣтки
Шептали мнѣ: „милый, приду“.
Я былъ отуманенъ томленьемъ,
Охваченъ желаній кольцомъ,
Склонялся я къ влажнымъ сиренямъ
Горѣвшимъ отъ страсти лицомъ.
Но Вы не пришли почему-то,
Не вняли порыву души...
И вяло тянулись минуты
Въ задумчиво сонной тиши...

Николай Носаръ.

1. ПѢСНИ ДѢВЧОНКИ ГРѢХОВОДНОЙ.

Прекрасное восходитъ,
День крѣпнетъ золотой.
Дуняшенька выходитъ

На бережокъ крутой.
Идетъ-цвѣтетъ, любитъся
Нарядна и стройна...
Съ листкомъ-цвѣткомъ цѣлуется
Прибрежная волна.
Какъ весело, повадно
Гулять по бережку!
Пестрятъ цвѣтки парадно
По бархату-лужку.
А пташечки-порхашечки
Поютъ, поютъ весной.
Премилыя вы пташечки,
Повейтесь надо мной!
Пахните вѣтерочкомъ
По волосамъ-волнамъ...
Сегодня вечерочкомъ
Сулились гости къ намъ.
Незванные, неожиданные
Сулились говорить,
Колечкомъ богоданные
Хотѣли одарить...
Не надо мнѣ колечко—
Мнѣ мужъ не по уму!..
Мнѣ выплечетъ сердечко
Скитъ—бѣлую тюрьму!

2.

Сторона моя, сторонка,
Незнакомая здѣшняя!
Незнакомая сторонка—
Нѣту матушки-отца.
Нѣту матушки родимой—
Спать моя сердешная!
Нѣту матушки родимой,
Нѣтъ и мила-молодца.
Я вчера въ слезахъ заснула,
Друга видѣла во снѣ.
Ото сна я встрепенулась—
Закипѣла кровь во мнѣ.
Закипѣла, заиграла—
Чую я въ себѣ любовь...
Закипѣла, заиграла
Первый разъ въ семнадцать лѣтъ.
Если ты меня, милъ, любишь—
Возьми взамужъ въ отчий кровъ.
Если ты меня не любишь—
Возьми въ ручки пистолетъ.
Добрыхъ дѣлъ я не забуду:
Прострѣли мнѣ бѣлу грудь.
Я и тѣмъ довольна буду,
Что покончишь скорбный путь.
Схорони ты мое тѣло
Между трехъ большихъ дорогъ.
Схорони ты мое тѣло,
На могилкѣ крестъ поставь.
Изъ осинки крестикъ сдѣлай,
Изъ земельки бугорокъ...
Изъ осинки крестикъ сдѣлай,
Напиши на немъ уставъ,
Чтобы ѣхали, читали—
Зналъ прохожій человекъ:
„Плакать струны перестали,
Но любовь жива во вѣкъ“.

3.

Заныло сердечко
Въ любовной тоскѣ.

Гляжу на колечко
На правой рукѣ.
Кольцо распаялось —
Дружку не любя.
Въ лицо насмѣялась
Лукавецъ-судьба.
Сказали—миль умеръ,
Во гробѣ лежитъ.
И крестъ возлѣ гуменъ
Покой сторожить.
Покроюсь платочкомъ,
Тайкомъ выйду я...
Тутъ всхлипнетъ листочкомъ
Осинка моя.

Боль черная ляжетъ
На груди къ соску...
Мнѣ мѣсяцъ укажетъ
Дорожку къ дружку.
Пройду осторожно
Ограду, кусты...
Въ безумствѣ тревожно
Заходятъ кресты...
Паду на могилку:
Гори бѣла грудь,
Неси мою силку
Въ невѣдомый путь!
И стихнетъ все кряду,—
„Я, милый, пришла!
„Я выпила яду,
„Кольцо принесла!“

4.

Чуло-слышало ретивое
Надъ собой невзгоду.
Понакаркалъ былъ тоскливую
Воронъ въ непогоду.
Во туманѣ солнце красное,
Брезжитъ во туманѣ.
Въ скорби горлица прекрасная
Плачетъ на полянѣ.
Я несчастной сиротинушкой
На горе родилась!
Я недолечко съ дѣтинушкой
Съ малымъ поводилась!
Что со утренней со зореньки
Зорьки до вечерней
Причащалась жизни въ горенкѣ
Съ милымъ нареченнымъ.
Злые-ль видѣли и слышали
Что со мной случилось —
Алой кровью станъ мы вышили...
Въ зорю разлучились.
А медовенькая зоренька
Съ вечера потухла.
Темна ночь паренечка
Въ полюшкѣ застигла.
Тутъ не тучи громоносныя
Градомъ пали въ полѣ,
Не медовы травы росныя
Плакали отъ боли.
Тутъ встрѣчались проходимицы...
Съ милымъ порѣшили.
Сняли шарфикъ, крестъ родимицы,
Тѣло обнажили...
Раздѣвали молчаливое,
Клади въ зелень-воду...
Чуло слышало ретивое
Надъ собой невзгоду!

5. ПОКАЯНИЕ ДѢВЧОНКИ ГРѢХОВОДНОЙ.

Всюду празелень скорбящая...
 Я иду ненастоящая...
 У часовни на проходникѣ
 Богомольцы Богу молятся.
 Стынутъ чахлые уродинки—
 Скоро-ль милости сподобятся.
 На иконахъ лики строгіе—
 Божьи люди и соратники:
 „Кайтесь (смотря такъ), убогіе—
 „Грѣшныхъ помысловъ собратники!“
 Грузно капаютъ священники:
 „Кайтесь Боговы измѣнники!“
 Я вошла въ часовню бѣлая.
 Головы поднять не смѣла я...
 Все губами пересошими
 Я шептала покаянія...
 Я сжигала предъ усопшими
 Вѣры чистыя даянія.
 На столѣ стоитъ березовомъ
 Гробъ сосновый неоплаканый.
 Онъ затихъ въ закатѣ розовомъ
 Воскомъ тающимъ закапанный.
 Ты прости мнѣ слезы дальныя,
 Страсти помыслы безвольные!..
 Полюбила я смиренная—
 Загорѣлась озаренная...
 Да недолечко свѣтилась я—
 Измѣнилъ, ушолъ въ разбойный флотъ...
 Въ бабѣ лѣто распустилась я—
 Тайно вынесла любовный плодъ...
 Погади жъ ты, кадилеючка,
 На дѣвчонку грѣховодную!
 Задушила я ребеночка,
 Въ тину кинула надводную!..
 И теперь, какъ тѣ уродинки,
 Гнусь у жизни на проходникѣ!

Дебютъ Филиппа Карпова.

1. ВЕШНИЙ ПЕРУНЪ.

Храня ворчаніе громовъ.
 Паденье въ зыби бѣлыхъ стрѣлъ,
 Ты рой серебряный стиховъ
 Полямъ лазоревымъ пропѣлъ!
 Глашатай ярый звѣздныхъ струнъ,
 Ты сердцу гулкѣ мечешь звонъ!
 Безмѣрно свѣтелъ, дикъ и юнъ,
 Короной алой ты зажженъ!

2.

Вражды конецъ горитъ вѣнецъ,
 Какъ свѣтлая печаль.
 О, Дьяволъ—лжецъ, на днѣ сердецъ
 Не тми святую даль!
 Пусть безъ слѣда пройдутъ года,
 Пусть ночи отцвѣтутъ.
 Для Нѣтъ есть Да—одна звѣзда:
 Поэты жизнь поютъ.
 Зажжется день—живой кремь,
 Живая красота.
 Надъ ней воздѣнь Господню сѣнь—
 Сіяніе креста!

3.

Ударъ тяжелъ надъ желтой бездной
 Лихого молота—луча.

Душа—мой даръ. Мечтой беззвѣздной.
 Ищу цѣлебнаго ключа.
 Кипитъ, кипитъ ночная сила,
 Чтобъ умертвить желанный свѣтъ...
 За пробужденіемъ—могила.
 Вопросу мглы глухой отвѣтъ.
 Гляжу во мглу нагихъ ущелій,
 Какъ молодой безмолвный рабъ,—
 У голубѣющихъ отмелій
 Зову бурунъ, игрою слабъ...
 Но, завершивъ мой кругъ условный,
 Я погружусь въ намѣрный сонъ,
 И только въ немъ, какъ жрецъ верховный,
 На золотой взойду амвонъ.

4.

Горитъ звѣзда во мглѣ кровавой,
 Но вечера спокоенъ видъ:
 Онъ, зачарованный дубравой,
 О днѣ отшедшемъ говорить;
 Какъ будто пламенное чудо
 Таитъ его безсмертный взоръ...
 О, этотъ мигъ я не забуду:
 Его я чую наговоръ!

5.

Мой мечъ тяжелъ. Мечтой желѣзной
 Я закалилъ себя въ бою.
 Пусть звѣзды свѣтятся надъ бездной:
 Я здѣсь ихъ тайны уловлю.
 Мнѣ радостны пиры и битвы
 И хоръ встревоженный похвалъ...
 Неси грозу, а не молитвы,
 Когда востокъ багряно-алъ!
 Поютъ, поютъ, какъ струны, стрѣлы.
 Какъ громъ—рыканіе копей;
 И стонуть въ ужасѣ предѣлы
 Передъ лицомъ грозovýchъ дней.
 Моя безумная отрада
 Будить въ душѣ весенній хмѣль.
 Я—воинъ! Мира мнѣ не надо.
 Война, война—моя свирѣль!

6.

День отошелъ и дорогу
 Вечеръ очистилъ для ночи.
 Я приближаюсь къ порогу,
 Жутко закрывъ свои очи.
 Сердце горитъ: постучися!
 Разумъ наполненъ боязнью:
 Въ прошлыхъ ошибкахъ учися.
 Казнь воздвигается казнью.
 Сможешь-ли сердце на битвѣ
 Рыцаремъ гордымъ сражаться?
 Или быть можетъ въ молитвѣ
 Снова намъ плакать и жаться?

7. НАПОЛЕОНЪ.

Стремилъ на подвигъ дикій
 Ты хаосъ грозныхъ силъ,
 Безумствовалъ, великій;
 Свой съ гнѣвомъ сѣялъ пылъ.
 Во мглѣ мечты горящей
 Какъ громъ гремѣлъ въ вѣкахъ
 Твой голосъ, говорящій
 О смерти и вѣнкахъ.

Поэтъ, постигшій тайну
 Безсмертья своего.
 Твой голосъ—не случайный:
 Ты создалъ самъ его!
 Стоя у достиженія,
 Недвижимый, какъ сталь,
 Ты слышалъ тайнъ рожденье,
 Въ ночи ты видѣлъ даль.
 Враждебный волъ рока,
 Ты скипетръ потерялъ,
 Но все-жъ ты богомъ сталь,
 Творецъ идей востока.

8.

Я пылкой страстью опьяненный
 Безумецъ юный, захотѣлъ
 Огня любви не раздѣленной,
 Сліянья двухъ поющихъ тѣлъ.
 О вы, волнующія муки,
 Зачѣмъ сжигаете меня?
 Зачѣмъ мои страдаютъ руки
 Отъ жгучихъ ласкъ, какъ отъ огня?
 Смирись душа, не надо тѣла!
 Намъ звѣзды въ небѣ голубомъ
 Замѣнять жизни помертвѣлой
 Опустошительный содомъ.

Н. В. Севастьяновъ.

ПРЕЛЮДИЯ.

Протяжно-печальные аккорды
 Въ задумчиво-сумеречный часъ
 Расскажутъ про дальніе фіорды.
 Протяжно-печальные аккорды
 Маняще-загадочны и горды,
 Какъ звуки, не вѣдавшіе насъ.
 Протяжно-печальные аккорды
 Въ задумчиво-сумеречный часъ.
 Все громче поютъ—бряцаютъ струны,
 И сумерки тонутъ въ зеркалахъ...
 Запѣнились гнѣвные буруны...
 Все громче поютъ—бряцаютъ струны
 О томъ, какъ затмится отсвѣтъ лунный,
 О томъ, какъ запляшетъ смѣхъ въ горахъ.
 Все громче поютъ—бряцаютъ струны,—
 И сумерки тонутъ въ зеркалахъ...

ВЪ АВТОМОБИЛЬ.

Поетъ душа. Въ автомобиль
 Лечу впередъ межъ дальнихъ странъ,
 И сзади сѣрый пологъ пыли
 Встаетъ безшумно, какъ туманъ.
 Ни властелиномъ, ни министромъ
 Я не рожденъ,—я лишь поэтъ...
 И этимъ гордъ, я въ бѣгѣ быстромъ
 Творю законченный сонетъ.
 А захочу—„шофферъ, довольно!“
 И въ боръ уйду, и пень—мой тронъ,
 И боръ—мой замокъ прямоствольный...
 О да, я—самъ себѣ законъ!
 Чего хочу?—мнѣ все подвластно:
 Я—царь весны. Душа поетъ...
 Скорѣй, шофферъ,—до боли страстно
 Хочу впередъ, хочу впередъ!

МАЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ.

Колышется зыбкій гамакъ.
 Откинувшись, полная лѣни,
 Ты тихо забылася такъ
 Въ тѣни ароматной сирени!
 Твой мужъ не увидитъ тебя:
 Онъ занятъ, онъ занятъ, безумецъ!
 А май? А игра воробья?
 А быстрый ручей—вольнодумецъ?
 И скучно тебѣ... Но скажи,
 Кто намъ помѣшаетъ ютиться?..
 Пройдемся до дальней межи—
 Пусть солнце на насъ заглядится!
 Тамъ всюду теперь—зеленя.
 Побродимъ—вездѣ—побалуемъ...
 И можетъ быть нѣжно меня
 Ты тамъ подаришь поцѣлуемъ!

Нина Лессъ.

1. ВЪ СИНЕЙ КОМНАТѢ...

Въ синей комнатѣ старинной
 Свѣчи трепетно горятъ.
 Тѣнью легкой вьется длинной
 Сказки призрачный нарядъ.
 Вьется сказка въ штофной ткани,
 По багетамъ дорогимъ,
 Гдѣ въ лазури съ облаками
 Сыплеть розы херувимъ,—
 По золоченнымъ обоямъ,
 Старой мебели рѣзной,
 На часахъ съ пѣвучимъ боемъ
 Съ блѣдно-синей каймой.
 Передъ зеркаломъ овальнымъ
 Въ тусклой рамѣ золотой
 Сказка вьется танцемъ бальнымъ,
 Смутно вызваннымъ мечтой.
 Все что зеркало собою
 Отражало въ старину—
 Все выходитъ и толпою
 Наполняетъ тишину.
 И сливается зеркально
 Въ сказки трогательный ликъ,
 И танцуетъ музыкально
 Оживленное на мигъ.
 Раскрывается бывшее:
 Тайна тѣней... вдругъ испугъ...
 Чу... движеніе людское:
 Въ тишинѣ проснулся слухъ.
 И волною перемѣнной
 Голосъ женскій долеталъ...
 Тѣни умерли мгновенно,
 Душу сказкѣ передавъ.
 Люстра звонко задрожала:
 По паркету, какъ по льду,
 Внучка въ комнату вбѣжала,
 Шарфъ теряя на ходу.
 Внучка тѣхъ, что раньше жили.
 (Тѣни трепетныя ихъ
 Передъ зеркаломъ проплыли
 Оживленные на мигъ).
 Внучка въ зеркало взглянула
 Парой смѣлыхъ ясныхъ глазъ.
 Сказку милую спугнула
 Въ тихій, поздній ночи часъ.
 Сказка прячется пугливо
 Въ блекло-синія драпри.

Жизнь смѣется горделиво...
Сказка старая умри!
Внучка сказкѣ ужъ не вѣрить,
Внучка знаетъ дерзкій день.
Сказка дрогнула за дверью
Умирающая тѣнь..

2. ВОПРОСЪ.

Пышные локоны золотомъ связаны;
Взоры смущенные тайной пронизаны...
Женщина блѣдная, въ рамкѣ лиловаго,
Ждешь приговора себѣ ты суроваго!—
Цвѣтъ лиловатый—раскаянно-нѣжный;
Скрытые годы въ немъ страсти мятежной.
Цвѣтъ Магдалины, сознавшей свой грѣхъ...
Въ складкахъ одежды потухнувшій смѣхъ.
Сорваны розы подъ натискомъ бурь.
Свѣтомъ кровавымъ залита лазурь.
Кто же объявитъ тебѣ приговоръ?
Смѣлостью ясной чей свѣтитъ взоръ?
Взглядъ лицемѣрія полонъ терзанія,
Злобы завистливой къ силѣ дерзанія.
Женщина блѣдная, дай имъ отвѣтъ:
Истина есть-ли въ грѣхѣ или нѣтъ?

Анна Алматинская.

СТЕПЬ ЗОВЕТЪ.

Засинѣли дали вольныя,
Зацвѣла, зацвѣла степь.
Пѣсни звучныя, привольныя
Разрываютъ рабства цѣпь.
Вѣтеръ шепчетъ чары—сказки,
Воздухъ нѣжитъ и пьянитъ;
Сердце проситъ робкой ласки
И огнемъ весны горитъ.
Дышетъ степь. И звучно, властно
Снова вдаль меня зоветъ.
И съ улыбкой нѣги ясной
Пѣсно гордую поетъ.
Зацвѣла джида золотая,
Кружить голову, пьянить...
Сердце бьется замирая
И огонь въ крови горитъ.
Маки сонные алѣютъ,
Колокольчики звенятъ...
Думы, думы пламенѣютъ,
Ярко, радостно горятъ.
Степь зоветъ и шепчетъ сказки,
Сказки прежнихъ, гордыхъ думъ;
Расточаетъ чары-ласки
И растетъ призывный шумъ.
На просторъ степной и дикій
Рвется вольная душа...
Какъ прекрасенъ міръ великій!
Какъ свобода хороша!..

Александръ Балагинъ.

1. КЪ СОЛНЦУ!

Растворю темницу—разпахнувъ оконце...
Пусть вздохнетъ свободно сдавленная грудь.
Я увижу Небо, Облака и Солнце,
Я постигну счастье и смогу вдохнуть
Сладкій ядъ Вселенной:—чистый, нѣжный воздухъ

Подниму я руки къ Солнечнымъ лучамъ,
Позабывъ о людяхъ, забывъ о звѣздахъ,
Что мнѣ свѣтятъ съ Неба, ярко по ночамъ
Заточенъ я въ камни, замуравленъ въ стѣны
Стѣныхъ и холодныхъ городскихъ громадъ.
Я свободный буду, а не жалко-плѣнный,
Кину кличъ орлиный черезъ сѣтъ сградъ...
Растворю темницу—разпахнувъ оконце,
И вдохнетъ свободу сдавленная грудь.
Я увижу Небо! Я увижу Солнце!
Къ Небу, къ Свѣту, къ Солнцу—я узнаю путь!..

2. ПУСТЬ Я СКОВАНЪ.

Пусть я скованъ ржавой цѣпью
И посаженъ подъ запоръ—
Мысль моя паритъ надъ степью,
Надъ вершиной снѣжныхъ горъ,
Гдѣ надъ шапкой снѣговою
Не страшась, летятъ изъ мглы,
Не вникая въ юги вою—
Гордо-вольные орлы!..
Пусть въ моей темницѣ холодъ
И вокругъ—жестокій мракъ—
Я, душой и сердцемъ, молодъ—
Обойдусь во тьмѣ и такъ,
Мракъ жестокий я разсѣю—
Разожгу въ душѣ огни,
Тѣло мощное согрѣю
И освѣтятъ тьму они!..

3. МОЖЕТЪ ЭТО БЫЛО?

А. К. Ч-ой.

Можетъ это было?.. Или мнѣ приснилось,
Что тебя я встрѣтилъ въ предзакатный часъ?
Какъ пылало небо!.. Какъ зазолотилось
Отъ твоихъ, зажженныхъ яркимъ свѣтомъ, глазъ!..
На груди, красивый былъ цвѣтокъ приколотъ.
Нѣжный и багряный, какъ румянецъ щекъ.
Я тебя увидѣлъ и душой сталъ молодъ,
Сердцемъ чутко понялъ, что—не одинокъ.
Что теперь я полонъ искрометныхъ пѣсень,
Что теперь безволенъ и поработенъ...
И что Міръ привольный—станетъ сердцу тѣсенъ,
Потому что ярко я въ тебя влюбленъ.
Ты прошла... И травы предъ тобой склонились,
А ручей молчавшій—вдругъ заговорилъ...
Это были сказки, что въ мнѣ томились,
А твой взглядъ горящій сердце мнѣ спалилъ...
Кто ты?—я не знаю... Можетъ быть Царевна,
Можетъ быть ты Греза одинокихъ думъ?..
Но тебѣ слагаю этотъ стихъ напѣвный,
Огдаю всѣ чувства и свой свѣтлый умъ...

Сергѣй Коммиссаровъ.

1. ХРУСТАЛЬ ДѢВУШКИ.

Была весна и утро. Въ небѣ чистомъ
Лучи играли мощною игрой;
А на лугу цвѣтушемъ, зеленистомъ
Шла дѣвушка съ хрустальной водой—
Въ хрустальной вазѣ та вода искрилась,
И вазу дѣвушка руками обхватила,
Прижавъ къ груди, смѣялась и молилась,
И брызгала водой, все тѣло обнаживъ.
Но... мотылекъ леталъ!.. А гдѣ то межъ кустами
Засѣлъ сатиръ съ пѣвницею своей!..

Ей захотѣлось между волосами
Вплести цвѣты пестрѣющихъ полей.
Тамъ гдѣ то тѣнь была... Ахъ, звучная пѣвница
Звала къ себѣ! Наплылъ туманъ на даль!
Видѣній сладостныхъ промчалась вереница
И... зазвѣнелъ разбившійся хрусталь.

2. ВЕЧЕРЪ.

Спустился тихо теплый лѣтний вечеръ.
Подъ лаской сумерекъ уснулъ зеленый лѣсъ.
Шуршалъ въ листьѣ дремотно легкій вѣтеръ,
И свѣжестью росы тянулъ вѣтвей навѣсъ.
Тамъ, гдѣ то въ глубинѣ, качая слабо вѣтки,
Лѣсную грусть мнѣ филинъ разсказалъ;
И отъ луны земля была тѣнистой сѣткой,
Лѣсной ручей весь въ искоркахъ дрожалъ.
Зачѣмъ я здѣсь? Мнѣ кажется, что въ сердцѣ
Такой же филинъ плачетъ, какъ и здѣсь,
И вѣтеръ шелеститъ аккордомъ нѣжныхъ терцій,
И искорокъ въ душѣ моей не счесть.

Дебютъ Гавріила Елацича.

1.

Въ крѣпкія пути незыблемыхъ правилъ,
Въ скрѣпы тяжелыя, въ цѣпи холодныя
Кто васъ оправилъ, смириться заставилъ
Пѣсни живыя, напѣвы свободныя?
Можно-ли должно-ль разумно и ясно
Ставить преграды намъ свѣту небесному?
Можно-ль скрѣплять, что бушуетъ, что страстно.
Властно влечетъ насъ впередъ къ неизвѣстному?
Можетъ-ли въ путяхъ жить то, что прекрасно?
Должно-ль пѣвцу быть и мастеромъ пѣнія?
Нужно-ль законы твердить ежечасно?
Должно-ль Творцу укрощать вдохновеніе?
Нѣтъ! Не въ тюрьмѣ зародилось Искусство!
Лишь въ безпредѣльномъ возможно стремленіе,—
Пѣсня свободна, какъ вольное чувство!
Слава пѣвцу, а не мастеру пѣнія!

2.

Есть тайна великая въ каждомъ мгновеніи,
Въ исчезновеніи, въ бѣгѣ минутъ,
Вѣчность грядущаго, мигъ настоящаго
Въ тьму вѣчно спящаго тихо бѣгутъ.
Кто же познаетъ свершеніе тайнаго,
Странно случайнаго хода временъ?
Нѣтъ настоящаго, есть лишь грядущее.
Есть лишь минувшее... Жизнь развѣ сонъ?

3. ТРИОЛЕТЫ О ЛУННОЙ КОРОЛЕВѢ.

Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Подъ багряной туманной луною
Пѣсни стелются грустью ночью.
Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Королева гуляетъ съ свѣтломъ на челѣ
И рыдаетъ подъ темною мглою,—
Въ тихо спящемъ саду въ темно горестной мглѣ
Подъ багряной туманной луною.
Слезы очи полнятъ о погибшей любви
Объ утраченномъ счастьи мгновенномъ.
Въ полумракѣ ночномъ сокровенномъ
Слезы очи полнятъ о погибшей любви,
И чуть слышно поютъ на кустахъ соловьи

Вторая горестнымъ думамъ безсмѣннымъ.
Слезы очи полнятъ о погибшей любви,
Объ утраченномъ счастьи мгновенномъ,
Объ умершемъ, любимомъ рыдаетъ она—
Неземная, какъ ночь, королева...
Льются слезы безъ страсти безъ гнѣва,—
Объ умершемъ любимомъ рыдаетъ она
Озаряетъ ее зарева луна,
Грустны звоны ночного напѣва...
Объ умершемъ любимомъ рыдаетъ она—
Неземная, какъ ночь, королева.

4. СКАЗКА ОЗЕРА РИЦА.

О, сѣвера люди, угрюмаго вида,
Вы, сѣрымъ туманомъ закрывшіе лица,—
Послушайте сказку про озеро Рица,
Про озеро Рица, гдѣ дремлетъ Колхида.
Ночь звенитъ цикадами,
Блещетъ звѣздъ мирьядами,
Къ озеру каскадами
Гибкія лѣаны
Свѣсились надъ волнами,
Черными, безмолвными,
Тайной темной полными,—
Въ нихъ тѣней обманы...
Лучъ луны серебряной
Въ глубинѣ вскобленной
Ищетъ сонъ затерянный
И въ волнахъ дробится...
Сжатая гигантами
Скалами базальтами,
Черными брильянтами
Меркнутъ волны Рица.
Вздогнулъ лучъ лунный,
Замерли воды...
Всплескъ многострунный...
Искръ хороводы...
Что то въ лучѣ закачалось
Чище, чѣмъ мраморъ Коринфа,—
То изъ воды показалась
Озера бѣлая нимфа...
Призрачный призраковъ ночи
Блѣдно-зеленое тѣло...
Сномъ отягченныя очи,—
Жизнь въ нихъ давно отгорѣла...
Тѣнью надъ водами
Нимфа качается,
Вся изгибается,
Вся извивается,
Словно изводится
Тайною грезой...
Волны по озеру
Кругомъ расходятся,
Таютъ разводами
Луннаго блеска...
Вздохъ... Трепетаніе
Тихаго плеска...
Шопотъ... Стенаніе...
Въ чащѣ смоквицы
Птицы безсонницъ
Совы заплакали...
Звѣзды падучія
Съ неба закапали—
Искры летучія,
Блѣдные факелы
Ночи красавицы...
Нимфа качается...
Тише: она вспоминаетъ
Что-то забытое снова...

Въ глубинѣ тамъ мерца, здѣсь счастье сулятъ
Сердцу бѣдному въ жизни постылой
И такъ кротко, такъ нѣжно на землю глядятъ
Въ мѣрѣ далекой печали унылой.
Чу! Какъ тихо кругомъ! Одинокій, не сплю,
Отъ тревожнаго дня забываюсь,
Съ ночью темной, со звѣздами я говорю;
Имъ, блестящимъ, однимъ открываюсь.

4. РОНДО.

Лентой безконечной
Тянется дорога.
Съ думою безпечной
Бхатъ очень много.
Все же не наскучилъ
Видъ однообразный
Хоть и дремлетъ кучеръ,
Но постъ вздоръ разный.
Нѣтъ конца дороги!
Кони рвутъ безъ шума.
Потеплѣе ноги
Я закуталъ въ шубу.
Дремлется такъ сладко
Въ легкой власти сплина.
Тянется вдоль гладко,
Снѣжная долина.
Мелкій лѣсъ, кустарникъ
Окружилъ дорогу.
Бду я лишь, странникъ
Къ милому порогу.

5. ЖЕЛАНЬЕ.

Когда бъ по прихоти я рока
Желанья исполнять всѣ могъ,
Не славы, мудрости пророка
Хотѣлъ бы я, что-бъ далъ мнѣ Богъ.
И не того, чтобъ въ этомъ мѣрѣ
Я былъ единый властелинъ,—
Нѣтъ, предпочелъ бы я порфиръ
Твой поцѣлуй всего одинъ.

6. СЛУЧАЙНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ.

Нѣтъ ужъ больше темъ поэту,
Для него прошла пора,
Я сознавши правду эту,
Не беру теперь пера.
Тускло на небѣ, уныло
Все кругомъ и холодно.
Это все давно ужъ было
И описано давно.

7. NN.

Одинок, равнодушно
Долго въ жизни я блуждалъ,
Задыхался въ сферѣ душевной
И въ грядущемъ мало ждалъ.
Шелъ безмысленно, безъ цѣли
Подойти къ чему-нибудь
И не зная, когда—въ концѣ-ли,
Иль въ началѣ кончить путь.
Но случайно въ жизни сѣрой
Ты явилась мнѣ, какъ Богъ,
И съ тѣхъ поръ идти безъ вѣры
Безъ надежды я не могъ.
Но была ты шуткой рока,
Ты отвергнула мольбы,

Какъ безстыдный крикъ порока.
Я смирился безъ борьбы.

8.

Мой богъ — богъ свѣтлый
и веселый.
Тургеневъ, „Наканунъ“.

Мой богъ—богъ мрачный и жестокий,
Немилосердной мести богъ.
Капризный, алчный и всеокій,
Чреватый болями тревогъ.
Къ престолу женственного бога
Съ мольбой не поднимайте рукъ.
Бѣгите страшнаго порога
И бойтесь, люди, сердца мукъ!

9.

Горе сердцу, не любившему
съ молоду.
Тургеневъ, „Дворянское гнѣздо“

Горе сердцу, не любившему
Съ молодыхъ, весеннихъ лѣтъ.
Ему послѣ въ жизни—осени
Ни любви, ни счастья нѣтъ.
Но я рано ужъ умѣлъ любить,
Рано проклиналъ я любовь
И весны ядъ милой осенью
Не хочу извѣдать вновь.

10.

Кудесникъ, кудесникъ, скажи мнѣ скорѣй,
Что, если погибну я рано
Успѣетъ ли въ сердцѣ у смертныхъ дверей
Зажить устарѣвшая рана!
Кудесникъ, кудесникъ, скажи мнѣ одно,—
Что если вдругъ ранней весною
Опустятъ мой прахъ на могильное дно,
Заплачетъ ли кто на до мною?
И въ чьемъ-нибудь сердцѣ оставлю ли слѣдъ,
Открой мнѣ волхвъ, вѣщимъ гаданьемъ
Иль, можетъ быть, въ жизни погибнувшихъ
лѣтъ

Никто не увидитъ страданья.
И даже судить будутъ страшнымъ судомъ
Глумиться надъ честью и званьемъ!
Но лучше молчи, волхвъ объ этомъ одномъ.
Невѣдѣнье лучше, чѣмъ знанье.

11.

Предо мной мелькнули вдругъ
Картины родины далекой,—
Высокій боръ, зеленый лугъ
И домъ старинный, одинокій.
Мнѣ все знакомо тамъ и мило:
Поля, рѣка и темный лѣсъ,
Безъ дна лазурь родныхъ небесъ.—
Въ скитаньяхъ къ нимъ любви моей
Ничто съ тѣхъ поръ не измѣнило.
И вотъ опять краса полей,
Дремучій боръ и соловей,
Какъ въ небѣ крики птичьихъ стай,
Зовутъ меня въ родимый край.

12. ОТЧАЯНІЕ.

Въ минуты печали мнѣ нѣтъ утѣшенья,
Въ минуту тоски я всегда одинокъ,
А жгучихъ и горькихъ обидъ, поношенья

Всегда полнъ мой жизненный бѣдный челнокъ,
Я вижу, что всякій находитъ забвенье
Въ любви или вѣрѣ въ счастливые дни,
А мнѣ нѣтъ ни въ чемъ, о, ни въ чемъ утѣ-
шенья,

А мнѣ ни откуда не свѣтятъ огни.
Я цѣль потерялъ въ мглѣ далекихъ мечтаній,
Я вѣру оставилъ давно позади,
И вотъ безъ идей, безъ надеждъ—ожиданій
Иду, ибо шепчутъ мнѣ сзади: „Иди“!
Не тѣмъ я кажусь другимъ, чѣмъ бываю.
Я—вѣчно подъ маской; вѣдъ жизнь — маска-
радъ.

Я скорбь отъ людей глубоко зарываю
О, нѣтъ, человекъ человеку не братъ!

Николай Лубнинъ.

ВЪ ВАГОНѢ.

Утомительно стучать колеса...
Неприглядны исцарапанные койки...
Надоѣдливъ дымъ дешевой папиросы,
Смыслъ рѣчей забавныхъ и нестойкихъ.
На стеклѣ вагона съ ночи арабески
Драпируютъ надоѣвшіе пейзажи...
Солнце свѣтитъ въ предвесеннемъ блескѣ..
Паръ плыветъ, смѣшавшись густо съ сажей...
И мелькаютъ, и мелькаютъ, монотонно:
Перекладыны мостовъ въ нелѣпомъ танцѣ,
Рядъ поселковъ, снѣгомъ занесенныхъ,
Водокачки и вокзалы станцій...
Духота и пыль въ натопленномъ вагонѣ;
Вѣетъ скукой отъ немытыхъ оконъ...
Дымъ вдали рѣдѣетъ медленно и тонетъ
Прядью легкихъ, маленькихъ волоконъ...

Дебютъ Георгія Казарова.

1.

Нѣтъ солнышка и нѣтъ живой былинки,
И нѣтъ небесъ бездонной синевы.
Но есть морозъ и нѣжные пушинки—и Вы!
Вы говорите что-то дѣтски важно,
А я люблюсь блескомъ Вашихъ глазъ.
А голосокъ, намѣренно-протяжный—
Какъ выдастъ онъ маленькую—Васъ!
Я Васъ смущаю восхищеннымъ взглядомъ,
О, хрупкое, о, нѣжное дитя!
И все боюсь—а вдругъ, недѣтскимъ ядомъ
Я Вашу душу отравлю, шутя?..
И будетъ мигъ...—такой-ли онъ желанный,
Такой-ли яркій, чтобъ черезъ него
Вошли Вы въ грязно-сладкіе туманы,
Отдавши святость сердца своего?
Ахъ, нѣтъ прекраснѣй одного предѣла:
Невѣдѣнье—какъ нѣжный дѣтскій сонъ!
А зной несмѣлый молодого тѣла
Въ лучистомъ взглядѣ мягко отражень...

Мы съли въ сани. Трудно въ нихъ: безъ спинки
Обнялъ. Поднять не смѣю головы.
Красивый сонъ! Пушистыя снѣжинки—и Вы!..

2. СВѢТЛАЯ СТРАНИЧКА.

Гляжу на твой портретъ. Ласкаю

Твои глаза и тонкій станъ.
И вспоминаю, вспоминаю
Нашъ неоконченный романъ.
Я вспоминаю наши встрѣчи
Въ аллеяхъ дальнихъ и глухихъ.
Любилъ твои глаза и плечи,
Но не смутилъ невинность ихъ.
Вся хрупкая, въ нездѣшной власти,
Порывы нѣжные тая,
Ты такъ боялась яркой страсти,
И такъ съ собой боролся я!..
Я помню: трепетно, несмѣло
Хотѣлъ къ груди твоей прильнуть.
Ты испугалась, онѣмѣла...
Сказала жуткое: „Забудь“...
Былъ вечеръ ласково-лазурный,
Переходившій въ лоно тьмы...
Моей любви, земной и бурной,
Ты не взяла. Разстались мы...
Быть можетъ—ты права, святая,
И вся любовь моя—обманъ?..
...Я съ нѣжной болью вспоминаю
Нашъ неоконченный романъ...

3. ВЪ СУМЕРКАХЪ ВЕЧЕРНИХЪ.

Въ сумеркахъ вечернихъ непонятно-грустно,
Непонятно-грустно погасаютъ тѣни...
Въ сумеркахъ вечернихъ пѣнье многоустно,
Многоустно пѣнье трепетныхъ видѣній...
Въ сумеркахъ вечернихъ утихаютъ шумы.
Утихаютъ шумы. Тишина колдуетъ—
—И тоской неясной и тоской безъ думы,
Сладкою тоскою сердце зачаруетъ.
Въ сумеркахъ вечернихъ ждешь внезапной лас-
ки,
Ждешь внезапной ласки рукъ наивно-блѣд-
ныхъ...

И тревожно вѣришь нѣжнотканной сказкѣ,
Милой, ложной сказкѣ, въ краскахъ многоцвѣт-
ныхъ.

Сказка очаруетъ сердце такъ искусно!
Я повѣрю сказкѣ—хоть на рядъ мгновений..
Въ сумеркахъ вечернихъ непонятно-грустно
Непонятно грустно погасаютъ тѣни...

4.

Я тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ не нуженъ,
Мы съ тобой знакомы лишь два дня.
Приоткрыла милый рядъ жемчужинъ,
Разсмѣялась ты—не для меня.
Я съ тобой совсѣмъ, совсѣмъ послушный.
Ночь и звѣзды новый свѣтъ таятъ.
Я грущу, какъ будто равнодушный,
Въ тайной жаждѣ—уловить твой взглядъ.
Я хочу совсѣмъ, совсѣмъ влюбленно
Заглянуть въ спокойные глаза,
Чтобы въ нихъ наивно и смущенно
Вдругъ занялась вешняя гроза.
Я хочу совсѣмъ, совсѣмъ случайно
Разгадать неожиданно, вотъ сейчасъ,
Дѣвичью, ласкающую тайну,
Скрытую въ сіянии этихъ глазъ.
Завтра я совсѣмъ (совсѣмъ?) забуду,
Для другихъ иныхъ твои глаза.
Но сегодня для меня повсюду
Глазъ твоихъ сіяетъ бирюза.
Я тебѣ совсѣмъ, совсѣмъ не нуженъ?
Но въ лучахъ вечерняго огня

Кругъ нашъ нѣжный, кругъ нашъ сладкій су-
женъ,
Ты мелькомъ взглянула на меня...

5.

Изъ окна проплывшаго вагона
Ты прощально улыбнулась мнѣ.
Я остался средь толпы и звона,
Съ тонкой раной, гдѣ-то въ глубинѣ...
Я ушелъ одинъ съ перрона,
Погрустить о промелькнувшемъ днѣ.
Можетъ быть, люблю тебя? Не знаю.
Только знаю прелесть сладкихъ мукъ:
Я твою улыбку вспоминаю
И нѣмую нѣжность милыхъ рукъ.
Можетъ быть,—всего лишь—чары Мая,
Только знаю: въ сердцѣ—мягкій стукъ...

6.

Въ зрочки твои гляжу, счастливый:
Въ нихъ я такъ ясно отраженъ!
Какъ маленькій портретъ, стыдливо
Укрытый въ малый медальонъ.
И значитъ правда, дорогая,
Что жизнь безумно хороша:
Въ твоихъ глазахъ—я вѣрю, знаю—
Отражена твоя душа!..

7. ОСЕНЬЮ.

Оттого-ль, что осень помертвѣлая
Съ темной ночью мнѣ въ окно глядитъ,
Оттого-ль, что вѣтеръ, съ силой смѣлою
Жутью темной въ улицахъ гудитъ
Я не сплю. тревогою охваченный,
Такъ неясно-жуткой по ночамъ.
Я ищу мечты, давно растроченной
По ненужнымъ, да по злымъ путямъ.
Ты одна теперь—моя любимая!
Ты придешь и сядешь здѣсь, со мной.
Я усну, съ мечтой неуловимою,
Убаюканъ ласковой рукой.
Я съ тобой—и снова мальчикъ чистый я.
Я съ тобой—былого нѣтъ слѣда!..
Ты поймешь?.. Гляжу въ глаза лучистые.
Ты простишь?.. Ты плачешь?.. Плачешь!.. Да?..

8. ПЕРЧАТКИ.

Иногда причуды милой
Такъ смѣшны и сладки:
Вдругъ однажды подарила
Мнѣ свои перчатки.
Помню вечеръ. Санокъ снѣжныхъ
Легкій бѣгъ. Я—съ нею...
Пару кожицъ бѣло-нѣжныхъ
Я теперь лелею.
Внутрь, въ перчатку, гляну, дай-ка:
Сколько милой были;
Тамъ, подъ мягкой бѣлой лайкой,
Пальцы милой были!
Будто что-то и сейчасъ тамъ
Нѣжное осталось!
Сердце звонко, въ стукъ частомъ
Счастьемъ отозвалось!

Потянулось, рвется съ жаждой
Къ счастью, съ страстной силой!..
...Я цѣлую пальчикъ каждый
На перчаткахъ милой!..

9. СЕСТРѢ,

у которой очень маленькій ростъ
и очень красивое личико.

Съ красивымъ личикомъ, съ фигуркой малою,
Ты вѣсишь съ шубкою, ну—пуда два.
Грустишь, что „двадцать лѣтъ“, что ты уста-
лая...

(Шестнадцать лѣтъ тебѣ, на видъ, едва).
Все только начато, пойми-же милая!
Ты только вдумайся—и не грусти.
Жизнь надо съ боя брать... А ты унылая.
А счастье ждетъ тебя въ твоёмъ пути!
Ты вспомни: Дѣтскія проказы—шалости,
И садъ съ бесѣдкою, и игръ часы
Какъ часто доблестно, не зная усталости,
Съ качель срывались мы—и въ кровь носы!
Но забывали мы всѣ огорченія
Мгновенно, походя, чтобъ вновь и вновь
Безумной шалости познать мгновения!
И пѣла радость въ насъ, и пѣла кровь!..
Такъ въ жизнь входи теперь, имѣя главное:
Какъ прежде ясной будь—и съ плечъ гора!
Далекихъ дней моихъ подруга славная,
Миниатюрная моя сестра!

Дебютъ Вл. Королева.

1.

Блѣдный сонъ мой, сонъ мой дологъ
Въ тусклой тишинѣ
Закрываетъ темный пологъ
Сердце мрачно мнѣ.
И лежу, лежу я вѣчно,
Въ сумракѣ могилъ
Чутко слышу безконечный
Жизни шумной пылъ.
Слышу, какъ надъ соннымъ прахомъ
Вѣютъ звонко дни,
Какъ ночнымъ объята страхомъ
Падаютъ они;
Какъ, дыханіемъ желѣзнымъ
Рѣжа города,
По полямъ, по злобнымъ безднамъ,
Мчатся поѣзда;
Какъ, среди огней, машины
Яростно гремятъ
И склоняетъ жалко спины
Черныхъ ратей рядъ
Какъ плывутъ по волнамъ синимъ
Корабли въ туманъ,
Какъ блуждаетъ по пустынямъ
Желтымъ, караванъ
Слышу я весь жизни шумной
Безконечный крикъ,
Онъ въ чертогъ мой безраздумный
Ропотомъ проникъ.
И лежу, лежу, лѣнливо,
Слушая, безъ силъ,
Многозвучный, торопливый
Жизни шумной пылъ...

2. ВЕСНА

Тамъ, вдалекѣ, надъ желтой пылью,
Надъ сѣрымъ городомъ моимъ.
Поетъ весна и ширить крылья,
Отдавшись далямъ голубымъ.
И тишина надъ нею движетъ
Мечты прозрачныхъ облаковъ.
Ихъ легкій летъ лазурно ниже
Очарованья томныхъ сновъ.
И, побѣжденная весною,
Уходитъ снѣговая мгла,
И лаской солнца золотую
Земля веселая свѣтла.
Но сердце тихое устало,
Не вѣритъ грезамъ голубымъ:
Весна навѣки запоздала
Надъ сѣрымъ городомъ моимъ...

3. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Сонный воздухъ не тревожа,
Затаивъ свой тяжкій гнѣвъ,
Смотритъ съ мраморнаго ложа
Горделивый мощный левъ.
Тихой сказкѣ водъ далекихъ
Молчаливо внемлетъ онъ
И въ глазахъ его глубокихъ
Отразилъ лазурный сонъ.
Вкругъ него лучамъ палящимъ
Сѣлцу ласковому пиръ;
Залитъ золотомъ блестящимъ
Голубой полдневный міръ.
Но упорной занятъ думой
Затаивъ тяжелый гнѣвъ
Онъ молчитъ, молчитъ угрюмо,
Горделивый мощный левъ.

4. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Молчаливый, безтревожный,
Блѣдный, грустный и больной,
Онъ вникалъ мечтою ложной
Въ тайны смерти голубой.
Онъ считалъ въ тиши минуты
Сновъ безумныхъ и нѣмыхъ,
Разрывая злые пути
Скучныхъ лепетовъ земныхъ.
Онъ слѣдилъ душой безгласной
Знаки вѣщія свѣтилъ
И напрасный, безучастный,
Безполезный жизни пылъ.
Онъ читалъ слѣпыя строки,
Черной книги письменъ,
Безтревожный, одинокій
И холодный какъ волна...

Дебютъ Е. Цедербаумъ.

1.

Ты прислалъ мнѣ хризантемы,
Но безъ слова безъ записки.
Хризантемы вѣчно нѣмы,
Вѣчно холодны, не близки.
Ты прислалъ мнѣ хризантемы,
Ярко-желтыя, большія,
Хризантемы—для гарема,
Непонятныя, чужія

А бывало, мнѣ мимозы
Посылалъ ты, уѣзжая.
Мнѣ мимозы, будто слезы,
На прощанье оставляя.
Ароматъ твоей мимозы
Долго-долго сохранялся,
Ароматъ мимозы—грезы
Возвращенья дожидался...

2.

Еще душа ея чиста,
И грудь лобзаньями не смята,
И дѣтскихъ взоровъ чистота
Огнемъ желанья не объята.
Но почему она дрожитъ,
Бойтся трепетно признанья,
И такъ испуганно бѣжитъ
Отъ каждой встрѣчи и свиданья.
Порой невинная рука
Ее нечаянно задѣнетъ...
Сейчасъ же трепетъ и тоска
Ея спокойствіе замѣнитъ.
Когда же раннею весной
Любовь незримая витаетъ,
Средь смѣха шумнаго порой
Она нежданно зарыдаетъ.
Ея порывовъ не понять...
Вопросъ является невольно;
За что должна она страдать,
Зачѣмъ ей горестно и больно?
Еще не вѣдая страстей,
Она—предчувствіе лобзанья,
И ужъ скользнуть слегка по ней
Грядущей страсти содраганье.

3.

На моемъ столѣ увядшая мимоза.
Боже мой, какъ ты хрупка!
Какъ неясная дѣвичья греза
Ты прозрачна и легка!
Я грущу и плачу надъ тобою,
Но и я сама такая же мимоза,
Кто же надо мною склонится съ тоскою?
Надо мною кто проронитъ слезы?

4. ЛЕВЪ ВЪ АЛУПКѢ.

Не Христу молюсь—Спасителю Вселенной—
Я душой наивной и смиренной,
И не Господу—Великому Отцу—
Возсылаю я молитвы и хвалу.
Я молюсь Мадоннѣ—Чистой Дѣвѣ,
Женщинѣ, дитя зачавшей въ чревѣ,
Матери земли, луговъ, полей,
Птицъ, цвѣтовъ и гадовъ и червей,
Я съ мольбой свои слагаю руки
И несу ей радости и муки,
Вешнія и дѣтскія печали,
Все, что днемъ мои уста шептали,
— Ты Одна, и Женщина и Мать
Научаешь насъ прощать и понимать.
И Твой свѣтлый, праздничный алтарь
Не цвѣтами уберу какъ встарь.
Вмѣсто ризы пышной и богатой,
Принесу цвѣты души несмѣтой.
Ты ихъ примешь, Ласковая Мать,
Ими храмъ свой будешь украшать...
И разсыплю я сокровища души

Въ благовоной, благостной тиши.
И Святая Мать Пречистая Его
Не отвергнетъ дара моего.

5.

Не трогай, не трогай... Мои лепестки
Такъ бѣлы, и хрупки, и нѣжно легки.
Едва прикоснулся,—и ихъ уже нѣтъ.
Проходить мгновенно ихъ запахъ и цвѣтъ.
Прозрачны и чисты мои лепестки,
Они,—какъ летящiе вдаль мотыльки.
Сожженные разъ—возродятся ли вновь.
Какъ бабочкѣ пламя, страшна имъ любовь.
Не трогай... Блѣднѣютъ мои лепестки...
Взгляни,—тамъ мелькаютъ вдали огоньки...
Что стоитъ имъ снова зажечься блеснуть?
А я—только разъ совершаю свой путь.

6.

Мы въ темной комнатѣ сидѣли,
Мерцали свѣчекъ огоньки...
И звуки музыки звенѣли
И раздавались вдали.
Чуть слышно ноты шелестѣли,
Послушно вздрагивалъ рояль.
И пальцы длинные бѣлѣли,
Зоя въ невѣдомую даль.
Рождались звуки, умирали,
Склонялась къ нотамъ голова.
И пальцы клавиши ласкали,
До нихъ касаясь едва.
Уныло свѣчи догорали,
Въ душѣ рождалась тоска...
На крышкѣ темнаго рояля
Бѣлѣла женская рука...

7.

Быть можетъ, ты—рыцарь Грааля,
Съ серебрянно-блѣднымъ лицомъ,

Въ кольчугѣ изъ кованной стали,
Съ отточеннымъ остро мечемъ.
Быть можетъ, ты викингъ суровый
Далекихъ невѣдомыхъ странъ,
Къ скитаньямъ и битвамъ готовый,
Не знающій страха и ранъ.
Быть можетъ, ты—изгнанный геній,
Съ незнающей міра душой,
Далъ къ отъ людскихъ сожалѣній,
Не понятый грубой землей,
Быть можетъ, ты—сказка больная,
Капризной фантазіи плодъ,
И скоро дѣйствительность злая
Далеко тебя унесетъ.
Пускай... Но мгновенье прекрасно,
О чемъ я мечтала давно,
Я вижу исполненнымъ властно.
И трепета сердце полно.
И снова ты—изгнанный геній,
Какого никто не встрѣчалъ,
И пью я безъ всякихъ сомнѣній
Исполненный ложью бокаль.

8.

На мхѣ зеленомъ и узорномъ
Такъ странно на зарѣ лежать.
Движеньемъ радостнымъ, покорнымъ
Всю землю сразу обнимать.
Ахъ, сколько странной, сладкой муки,
Когда, отдавшись землѣ,
Невольно простираешь руки
Въ неощущаемой тоскѣ.
Всю жизнь до смерти отъ рожденья
Намъ надо медленно пройти,
Чтобы къ землѣ прикосновенье
Дало намъ истину найти.
А я подъ пышною листвою
Нежданно истину нашла,
И, обручившись съ землею,
Всю мудрость жизни обрѣла.

„ФРОЙЛЕНЪ“.

Вовочка—такое нѣжное, полудѣтское, сладкое имя.

Когда я произношу его, мои губы улыбаются. Ему было только двѣнадцать лѣтъ, онъ но силъ синюю куртку съ блестящими пуговицами, у него были смѣшныя круглыя бровки и нѣжно алая губы. И въ сущности онъ былъ совсѣмъ маленькій мальчикъ и только большой забіяка. Какъ онъ дрался въ гимназіи и какіе синяки приносилъ домой. И я припоминаю какъ онъ говорилъ: „было бы очень нехорошо, если-бы я получалъ пятерки—они принадлежатъ Богу,—у меня четыре съ крестомъ“. Четыре для того, чтобы мама не сердилась, а крестъ для моей фройленъ, она же помогаетъ мнѣ“, объяснялъ онъ. Да, и онъ такъ говорилъ: „для моей Фройленъ“.

Онъ былъ разбойникомъ въ гимназіи, а когда его побѣждали, ему говорили, дразнили.—„какой же ты мальчикъ, ты маленькая дѣвочка,—у тебя фройленъ“.

— Не смѣй!—кричалъ Вовочка. Позже онъ

сжималъ маленькія руки и говорилъ:—Вы ничего не понимаете, я большой, я мужчина.

А ему было двѣнадцать лѣтъ.

Когда, сначала, Фройленъ поступила въ домъ, она была робкой и тоненькой, ей было 17, а Вовочка только недавно снялъ платьице; и они начали со сказокъ и съ того, что складывали кубики и играли въ лошадки.

Потомъ они вмѣстѣ выросли.

Фройленъ выросла, она высокая и красивая. У нея ловкія руки, она все умѣетъ—эта Фройленъ. Но когда Вовочкѣ будетъ двадцать три года—онъ будетъ еще выше, здоровѣй и ловче—онъ часто говорилъ объ этомъ.

— Но ты будешь удивительно красивъ—добавляла Фройленъ—и счастливъ.

— А это хорошо быть красивымъ?

— Да очень хорошо.

— А счастливимъ? Что это такое—счастье, такъ часто повторяютъ.

Но Фройленъ не могла объяснить этого—она была молода и одинока.

Когда вырастешь, говорила она—теперь ты еще не поймешь.

У Вовочки была слишком хорошая память, и он помнил все: кубики, лошади и сказки; он помнил о медведях о белых и черных „Веп“ в сказках.

Я помню еще, как он прятался в колёнах Фройлен и как храбрясь говорил: — „Когда мы встретим их в лесу, мы убьем шибко... на лошадей... Я сильно натяну возжи вот так!!! И мальчик брал Фройлен за косы: — „Это упряжь, — говорил он, — хорошая упряжь, даже у лошадей не бывает такой. Не сердись Фройлен; я знаю, что ты не лошадка и я тебя очень люблю“. — „Милый Вовочка“, — „Милая дорогая девочка, — он обхватывал Фройлен за шею, „О! он говорил „liebe Freule я боюсь страшно“ — тогда они засыпали вместе на детских кроватках.

И так как у него была хорошая память, то в двенадцать лет, он часто просил: — „Расскажи мне что нибудь на ночь а после заснем вместе, как тогда когда мы были маленькими“.

Нельзя говорила Фройлен — „Ты уже большой; ведь ты не боишься“?

И она целовала мальчика и говорила — „покойной ночи“ — иногда же Фройлен целовала в губы, тогда она краснела и оглядывалась на дверь.

Но „иногда“ бывало чаще, чем могло бы быть.

Мальчик сердился: — я не хочу, чтобы ты смотрела на дверь, хочу, чтобы на меня. Знаешь, когда ты целуешься, ты длаешься еще красивее — у Фройлен лицо становилось белым: — молчи.

Он говорил, что Фройлен целовала гораздо лучше, чем мама, мама только касалась губами, а Фройлен целовала крепко, и от Фройлен пахло духами... как цветы, и он повторял: — „Усни со мной, усни со мной!“

Он повторял это слишком часто.

Я припоминаю другое — утром он всегда кушался, этот милый разбойник, тогда он говорил — „Я не хочу, чтобы ты мне помогала, а зачем ты сказала вчера, что я большой, — папу не обтирает Фройлен“ — и когда он был раздет, — он выглядел как маленький Феб, такое стройное, такое нежное тело, и эта низко остриженная голова и детские ясные сначала, пытливые синие глаза... ведь ему же было двенадцать лет.

И вот это случилось, — но Фройлен не виновата, что это вышло так.

Была такая снежная буря, и втерь так стучался в окна и выль как овчарка; кроме того потухла лампадка — это было в воскресенье, и горничная, торопясь в гости, забыла добавить масла.

О, втерь Фройлен — она не погасила лампадки, огонь потух сам.

Мальчик проснулся ночью: — „Фройлен, ты спишь?“ — спросил он тихонько — Отчего темно. Но Фройлен не спала, она лежала вытянувшись, и щеки и губы у не горели, потому что в комнате было сильно натоплено. — „Отчего темно?“ — повторил Вовочка, — я боюсь, иди ко мне, Фройлен... пожалуйста“...

И Фройлен даже имела мужество ответить: — „Не говори глупостей, спи — не бойся. Я не сплю“.

Он переблужал босяком и сел на край

постели. — „Слышишь, Фройлен, какой втерь, наврное холодно на улице. Как папа вернется домой — он замерзнет; он придет на санях — ршил Вовочка, подумав. — Мне тоже холодно — сказал он — я в одной рубашке“. — Тогда Фройлен подвинулась и сказала: — „Приляг — она же не могла поступить иначе, мальчик забнул, он мог простудиться. Теперь он обрадовался, он весело шепнул: — „Теперь мы уснем как давно, как маленькие“. Он поцеловал Фройлен и прижался, он так тсно прижался.

Ах, не вините так жестоко фройлен за то, что она прильнула к мальчику так, словно это не был мальчик... он был так соблазнительно красив, не осуждайте фройлен, — она была женщина, и у не так стучало в висках, и она была все же еще молода и одинока, и она больше, чем любила этого мальчика, как это ни странно.

— Я помню... я помню, что он говорил, как хорошо, как хорошо, что с нами — мы летим...

— Это — счастье, — назвала фройлен. Она обнимала мальчика, она такая сильная, высокая.

— Ты моя милая, моя золотая, я тебя больше всего на свете люблю, больше мамы... — он путал слова.

Горячие свжия полудетские губы и ласки неумбля... Милый, милый мальчик, милая вьюга, милая потухшая лампадка и украденная радость. Не говорите, что это преступление — разв преступно быть счастливым. Когда раздался на парадном звонок, фройлен вскочила и заперла дверь на затвор для того, чтобы можно было не разставаться до утра.

Пришла вторая ночь и третья и четвертая... он быстро научился любить, этому так быстро научаются.

Вовочка, фройлен убжала от тебя через дв недли, фройлен испугалась, — ты стал требовательным маленьким любовником, и так изменился, у тебя сдлались такие круги под глазами, ты так странно держал себя днем и мать говорила, что ты, вроятно, болен, и даже получил двойку, а когда я хотела помочь тебе в урок, ты, не хотел слушать, ты хотел только целоваться, мой мальчик... Мать думала, что ты болен, но кто же лучше меня мог знать твою болзнь. О, как нетерпливо ждала ночи, мое маленькое, мое блочное счастье. И вот я ушла от тебя.

Я была фройлен в России когда-то, не так давно, и это было со мной.

Я сама ограбила жизнь на несколько ночей, И если бы я не украла, то их бы у меня не было.

Я была бы еще беднее.

Теперь тебе должно быть двадцать с лишним лет. Не может быть, чтобы ты забыл меня — ведь я же научила тебя любить наслаждение.

Теперь ты знаешь многих женщин. И если ты распутен потому что я так рано отравила тебя... и если тебе пусто и холодно в миг любовного обряда... Вовочка милый Вовочка, самое милое существо в мире — тебе надо простить свою фройлен. И она больше и пламеннее, чем любила тебя.

Теперь она так одинока. Не молода и оди-

нока. В маленьком городке, где живет фройлен ее называют: „alte Mädchen“ и фройлен хочет, чтобы ты иногда думал о ней. Мальчик, милый мальчик!

Н. Аркина.

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ.

Лидочка

Он был очень впечатлительным человеком. Он был художником. Творчество, это вечное сладостно-напряженное трепетание души в созерцании Неба, еще более обострило и развило в нем его природную чуткость. Оно всецело захватывало его. За работой он волновался, в груди загоралось солнце, на обычно блдных щеках выступал румянец. Он жадно пил тогда воду и снова и снова катил в гору свой жернов.

Теперь он заканчивал картину „Вдохновение“, и каждый мазок в ней (он это чувствовал) был материальным воплощением частицы его души. Поэтому он не удивился бы очень, если бы эта картина жила бы, и ее символы сошли бы на землю. Это для него не было бы чудо.

Сегодня, когда он оторвался на минуту от мольберта, чтобы протянуть руку к графине с водой, ему припомнилась одна сказка, которую рассказывала ему в детстве старушка-няня. Однажды зимой хоронили какого-то военного генерала. Было трудно дышать на морозе, и густой пар вился от дыхания. Иней одел деревья в белые ризы, и было как холодно, что звуки замерзали в воздухе. Вы понимаете?.. Музыка играла, а звуков совсем не было слышно — замерзали. А когда пришла весна, свтлая солнечная-золотистая весна, когда все стало оживать и расцветать к счастью, когда за городом радостно заговорили ручьи, а на улицах газетки стали звонче выкрикивать названия газет — однажды вдруг над зарождающейся жизнью пронеслись странные, скорбные звуки похоронного марша. Пронеслись и растаяли где-то в вышине. Он начал думать о глубоком смысле и красоте этого символа, и в его ушах вдруг ясно и отчетливо, помимо желания, начал звучать траурный марш Шопена. Чтобы настроить себя на веселый лад он стал насистывать како-то безшабашный мотив, затем подошел к окну и долго сморгал на улицу. Не видно ли почталіона?.. Нет, не видно..

Погода была великолепная, совсем весенняя. Солнца так много, так много!.. Настроение у него с самого утра было чудное. Его странная способность души, впитывать, вбирать в себя окружающее все, что увидит, все, что услышит, сегодня была особенно обострена, и ему почему-то казалось, что сегодняшний день для него будет очень счастливым.

— Войдите! Вошла горничная и подала письмо.

— Мне письмо?!

— Да, барин...

Так и есть... Из Ниццы! Он узнал ее по почерку. Боже! как много он ждал от этого письма! Что-то оно ему несло, счастье или отчаяние?

Торопливо разорвал конверт и быстро начал пробегать взором мелкие, бисерные строчки. Он читал, и чудный, невыразимый вос-

торг стал захватывать дух, переполнил все его существо, стал расти, расти и тснить грудь. Он вдруг неожиданно разсмьялся. Упал в кресло и смьялся славным, заразительным, радостным смехом.

— Ура! Таня — моя невеста! Она меня любит! Она сама мне об этом пишет. Боже, как я счастлив! — думал он, опьяненный восторгом. Он подошел к окну.

Ах, как хорошо. Вся улица залита золотом солнца, и окна домов пылают пурпуром. Где-то далеко играет музыка. Он сегодня во всех был влюблен, готов был всех обнимать и ему хотелось всем говорить „ты“.

Весенний воздух был странно-звонкий, чуткий... Сегодня ясно были слышны даже самые отдаленные звуки, которых в другие дни воздух совсем не передавал. Какая это музыка слышится вдали? „Это — военная музыка“ — ршил он.

— Таня — моя невеста!.. Таня — моя невеста!.. радостно повторял он. Ему казалось, что в этих словах скрыто чудное и большое, как солнце, счастье. Ему хотелось повторять эти слова без конца, ему хотелось, как маленькому кричать, рзвиться, шалить. Он смьялся, ходил из угла в угол, потирал руки и раскланивался перед пустой студией.

Но что это за музыка, которая все звучит в его ушах, такая далекая и неясная? Чу!.. Что там играют?.. Он остановился и внимательно прислушивался. Где-то далеко военный оркестр играл похоронный марш Шопена.

— Ах, опять этот похоронный марш! Вчера я от него не мог отвязаться и сегодня повторяется то же самое! — подумал он.

Его восторженная радость исчезла, им овладело неприятное волнение и из глубины души стала выплывать смутная тревога. Ему стало что-то страшно. Может быть, его счастье — чудная, дорогая и очень хрупкая ваза, которая может очень скоро разбиться?.. Как знать...

Одна за другой с хрустальным, грустным звоном падали капли воды в умывальник.

Затем он вспомнил, что Таня очень любит музыку, что, играя, она вкладывает в рояль свою душу, и похоронный марш Шопена у не выходит особенно вдохновенно. Его душевная тревога стала немного утихать.

Да, Таня очень любит музыку, и ее все считают большой музыканткой.

Он сидел на диване в своем кабинете и думал, думал... Вчера перевезли на выставку его картину „Вдохновение“. Он выбросил на рынок часть своей души. Выбросил и скрыл душевную боль. А теперь душа остеклялась от боли, а из сердца все сочится и сочится пунцовая кровь.

По временам он поднимал глаза на большой, во весь рост, портрет Тани, его невесты, вившейся на противоположной от дивана стене. Странная немного эта Таня. В свои слова она всегда вкладывает какую-то глубокую, волнующую значительность.

— Смотрите — на небо крови! — говорила иногда она так испуганно, так серьезно.

Он взглянул на портрет, и ему показалось, что в ее больших мерцающих глазах была какая-то фкая грусть. Всегда нежная, в минуты волнения она прикусывала губы так, что

онѣ окрашивались алой кровью. Внѣшностью она была похожа на чудную, дорогую и очень хрупкую вазу.

Онѣ опять поднялъ глаза на портретъ и вспомнилъ, какъ нѣсколько дней назадъ онѣ получилъ отъ Тани письмо, и какъ его глубоко взволновалъ, доносившійся все время съ улицы, похоронный маршъ Шопена. Припомнилъ, какъ онѣ старался (уже день послѣ этого) себя успокоить гѣмъ, что—можетъ быть, это ему только такъ показалось... А если кто-нибудь и умеръ, то ему-то что до этого? Мало ли людей умираетъ?

И вотъ теперь, глядя на ея портретъ, на ея глаза, на носъ съ горбинкой на блѣдно-матовомъ лицѣ онѣ, вдругъ догадался, что Таня можетъ умереть. Удивительно, что эта догадка явилась въ его душѣ внезапно, и раньше онѣ никогда не допускалъ такой возможности. Въ первыя мгновенья онѣ совсѣмъ спокойно отнесся къ этому. Таня можетъ умереть? Что-жъ!.. Это такъ и должно быть, и ничего тутъ страннаго нѣтъ. Но потомъ, когда онѣ почувствовалъ, что предчувствіе переходитъ въ увѣренность, а затѣмъ можетъ стать и убѣжденіемъ, онѣ очень испугался и, глубоко волнуясь, сталъ сопротивляться этому всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. Нѣтъ! Это не должно быть!.. Не можетъ быть!.. Пусть умираютъ другіе... Въ волненіи онѣ сталъ ходить по кабинету. Поднесъ къ губамъ стаканъ воды, и зубы слегка застучали о стекло.

Чтобы успокоиться, онѣ сталъ читать послѣднее письмо Тани, полное радостныхъ восклицаній и солнечнаго восторга. Она теперь въ Венеціи.

Она стояла у Львинаго столба и переходила Мостъ Вздоховъ. Тамъ пейзажъ изъ свѣта, камня и лазоревой воды. Тамъ явь похожа на несбыточные сны. Она хотѣла бы остаться тамъ навсегда.

Сквозь толстыя портьеры жизнь улицы доносилась до него, какъ отдаленный, заглушенный ропотъ моря. Онѣ рѣшилъ выйти погулять, окунуться съ головой въ уличной толпѣ, уйти отъ самого себя. Онѣ одѣлся и вышелъ на проспектъ.

Онѣ переходилъ съ одной улицы на другую, съ одного троттуара на другой, но всюду видѣлъ только ее, Единственную, Любимую; видѣлъ только ея большіе мерцающіе глаза на блѣдно-матовомъ лицѣ. А душа его томилась таинственными предчувствіями, трепетала и билась въ испугъ, какъ раненная птица.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ скорбишь, бѣдная моя душа? Отчего все стонешь и стоишь?..—думалъ онѣ, идя по троттуару со скорбной улыбкой на лицѣ, и сталкиваясь съ прохожими. Сегодня Великій Четвергъ. Воздухъ насыщенъ пурпуромъ и, словно обезумѣвшій отъ отчаянья, скорбно гудитъ вечерній колоколъ на бѣлой колокольнѣ. Завтра будетъ Галгоа, затѣмъ смерть... Но вѣдь за смертью всегда слѣдуетъ Воскресеніе, свѣтлое, радостное Воскресеніе къ жизни. Я вѣрю въ Жизнь, въ торжествующую Жизнь! Уже весна чувствуется въ воздухѣ, уже за городомъ журчатъ ручьи и развѣ не по весеннему пышно пылаютъ закаты?..

Отъ долгой ходьбы онѣ усталъ и ему захотѣлось отдохнуть. Онѣ сѣлъ на одну изъ скамеекъ сквера. Изъ вечерняго сумрака, слегка украшеннаго въ пурпуръ уже гаснущей закат-

ной каймой, вышла женская фигура. Подошла и сѣла рядомъ.

— Зачѣмъ ты такъ скорбишь, Сережа?.. Забудься, перестань...—вдругъ сказала она.

— Скажите мнѣ, кто вы? Вѣдь я васъ не знаю.

— Развѣ, ты меня не узнаешь? Вѣдь я—твоя Таня...

— Ахъ!.. Удивительно, что я тебя сразу не узналъ... Да, да... Теперь я припоминаю... Ты—Ганя?.. Ты любишь музыку и такъ вдохновенно всегда играешь Valse triste Сибелюса и похоронный маршъ Шопена? Не такъ-ли?..

— Успокойся дорогой... Я пришла сказать, что *надо повѣрить въ Смерть*, надо сжечь въ пепелъ цвѣты прошлаго. Вѣдь надо повѣрить сначала въ Смерть, чтобы вѣрить въ Воскресеніе.

— Да, я знаю. Это—мои мысли... Зачѣмъ ты повторяешь мои мысли?

— Я хочу ихъ подчеркнуть. Въ нихъ скрыта высшая мудрость. Вѣрь мнѣ, вѣдь я тебя люблю. Вѣдь, это я родила въ твоей душѣ идею твоей гениальной картины, за которую тебя завтра превознесутъ до небесъ.

— Да. Но, какъ ты сюда пришла? Вѣдь, ты теперь въ Венеціи. Я только что читалъ твое письмо...

— Ты все еще сомнѣваешься? Посмотри: развѣ эти глаза—не мерцающіе глаза твоей Тани?..

Она приподняла вуаль и, приблизившись, заглянула своими огромными, мерцающими глазами въ его глаза. Онѣ услышалъ любимые духи Тани, и у него закружилась голова.

Потомъ она поднялась и такъ же медленно и тихо, какъ и пришла, стала уходить. И вдругъ ему невыразимо захотѣлось видѣть ее вблизи себя, слышать ея голосъ, чувствовать запахъ ея духовъ: вѣдь, она была частью его души. Онѣ поднялся и пошелъ, почти побѣждалъ, вслѣдъ за ней. „Не уходи!.. Вернись ко мнѣ, вернись...“—шептали его губы.

Съ одной улицы она свернула на другую, затѣмъ вдругъ рѣзко повернула и вошла въ какой-то магазинъ.

Онѣ сейчасъ-же, за ней, вбѣжалъ въ магазинъ, но удивительно—ея тамъ уже не было. Одинъ приказчикъ стоялъ за прилавкомъ и наливалъ въ стаканъ кипятка изъ синяго чайника, а другой, что-то пережевывая, заправлялъ газо-калильную лампу и теперь вытиралъ рукавомъ ротъ.

— Что прикажете?—спросилъ онѣ вошедшаго.

— Не вошла ли сюда одна дама, вотъ сейчасъ, нѣсколько минутъ назадъ?

— Нѣтъ, дама сюда не входила.

— Не можетъ быть! Я ясно видѣлъ, какъ сюда вошла только что одна дама въ черномъ платьѣ.

— Нѣтъ, дама сюда не входила. Это вошелъ Петръ Алексѣевъ съ кипяткомъ для чаю.

Смущенный и сбитый съ толку онѣ вышелъ изъ магазина. Вихрь мыслей терзалъ его сознаніе.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—почти съ отчаяніемъ повторялъ онѣ, возвращаясь домой. Онѣ любилъ искусство, любилъ жизнь, вѣрилъ въ ея торжество и не могъ повѣрить въ смерть. Онѣ чувствовалъ, что не въ силахъ сжечь цвѣты прошлаго—вѣдь, сжигая ихъ, онѣ долженъ былъ сжечь и себя.

Когда онѣ позвонилъ къ себѣ на квартиру, отворившая дверь горничная сказала:

— Ахъ, баринъ! Этотъ большой портретъ барышни Татьяны Николаевны, который висѣлъ въ кабинетѣ, сорвался и упалъ на полъ. Это было какихъ-нибудь 20 минутъ назадъ!

— Это пустяки, моя милая!—отвѣтилъ онѣ съ какой-то веселой развязностью. Портретъ такъ же можетъ упасть на полъ, какъ какая-нибудь тарелка или стаканъ. Ничего тутъ страшнаго нѣтъ.

— Нѣтъ, баринъ.. Извините меня, но я, право, очень перепугалась. Изъ столовой мнѣ показалось что въ кабинетѣ упалъ человѣкъ. Въ обморокъ, что-ли...

— Перестаньте, наконецъ, говорить глупости!—невольно оборвалъ онѣ слова горничной и вошелъ въ кабинетъ. Бережно, бережно; сталъ собирать осколки стекла, взялъ въ руки портретъ Тани и сталъ глядѣть въ ея большіе, мерцающіе глаза.

— Что съ тобой, Таня!—вдругъ неожиданно громкій крикъ вырвался изъ его груди.—Скажи мнѣ, что съ тобой, иначе я не вынесу этихъ мукъ...—уже прошепталъ онѣ упавшимъ голосомъ и вдругъ разрыдался глухими, потрясавшими грудь и плечи, рыданіями.

Спустя часъ онѣ успокоился. Сѣлъ за рояль и сталъ вдругъ играть похоронный маршъ Шопена. Въ нѣжныхъ, скорбныхъ звукахъ слышалось движеніе траурной процессіи, слышался отзвукъ лошадиныхъ копытъ. Порой безмѣрная скорбь дорогой утраты вспыхивала, какъ пламя, и гасла въ порывѣ къ небу, заглушаемая рыданіями. И тогда ему казалось, что онѣ видитъ свою Таню всю бѣлую, такую нѣжную, какъ всегда, съ вѣнкомъ изъ черныхъ лилій на головѣ.

— Если ты умерла, я тоже уйду къ тебѣ...—подумалъ онѣ, закрывая рояль.

Къ нему позвонили. Вошелъ молодой художникъ Серединскій.

— Я забѣжалъ къ тебѣ на минуту. Поздравляю, поздравляю... О твоей картинѣ говоритъ весь городъ. Тебя возносятъ до небесъ... Но ты, я вижу, совсѣмъ не радъ этому?..—съ удивленіемъ кончилъ Серединскій.

Да, его не радовала эта новость. Онѣ только грустно улыбнулся. Вѣдь, онѣ уже зналъ это.

Когда Серединскій ушелъ, онѣ приказалъ никого не принимать, сѣлъ на диванъ, сталъ смотрѣть на портретъ Тани и думалъ, думалъ...

На слѣдующій день онѣ получилъ изъ Венеціи телеграмму о смерти Тани. Это печальное извѣстіе онѣ принялъ спокойно и даже равнодушно. Онѣ уже повѣрилъ въ смерть и рѣшилъ умереть. Вѣдь, Таня была его душой. Развѣ можетъ человѣкъ жить безъ своей души?.. Въ странномъ, волнующемъ восторгѣ онѣ сталъ рвать и сжигать письма, портреты, фотографіи, все, все, что напоминало ему прошлое. Порой ему казалось, что онѣ сжигаетъ самъ вырываетъ изъ груди свое трепещущее сердце, но странно—все это онѣ дѣлалъ безъ боли, съ какой-то пріятной радостью.

Когда онѣ умираетъ, радостно, звонко заливались колокола на колокольнѣ. Онѣ лежалъ на диванѣ, въ кабинетѣ. Ахъ, онѣ такъ усталъ, такъ усталъ... Но все его существо было пронизано золотомъ солнца, и въ груди, какъ въ дни отзвѣвшаго счастья, восторженно билось

сердце. Порой ему казалось, что онѣ слышитъ чудную, неземную музыку.

И вотъ она пришла за нимъ, вся торжественная, тихая, бѣлая. Да, это была его Таня. Онѣ ждалъ ее. Въ ея глазахъ былъ свѣтъ высшей мудрости и вокругъ головы бѣлая лилія. Она взяла его за руку и сказала: „Пойдемъ въ мое царство, гдѣ цвѣтетъ неомраченное счастье“. Исчезла усталость, исчезли душевныя муки, исчезло все, все, и онѣ, покорный какъ ребенокъ, шелъ за ней и слышалъ чудную неземную музыку.

За стѣной, въ сосѣдней квартирѣ, кто-то игралъ похоронный маршъ Шопена.

Иванъ Витоль.

КОГДА СВѣТАЕТЪ.

„Мигъ это былъ, только мигъ. Но онѣ вдругъ перевѣсилъ всѣ годы“.

I.

Ноющая боль въ забинтованной ногѣ заставила ее проснуться. Завѣшенное окно еще бѣлѣло среди мрака комнаты. Такъ трудно было, не вызывая снова боли, зажечь свѣчу, принять лекарство, поудобнѣе уложить ногу...

Еще очень рано и тихо такъ, какъ бываетъ предъ разсвѣтомъ.

Боль въ ногѣ затихла и въ теплотѣ постели сладко дремлетъ. Смутные образы, обрывки воспоминаній сплетаются съ неясными грезами...

Еще такъ недавно она чувствовала себя обездоленной.

Все яркое и живое, казалось, осталось позади, дальше лишь дорога подъ гору, въ мракъ и холодъ одиночества. И вотъ пришла сказка и привела съ собой счастье

Какъ это случилось?

Дѣла по имѣнію,—мужа не пускала служба,—заставили ее покинуть Москву въ неурочное время и очутиться среди глубокой зимы,—въ этой глуши. Недѣля уединенной жизни вдвоемъ со старой экономкой въ засыпанной снѣгомъ усадьбѣ. Днем прогулки по протоптаннымъ, хрустящимъ дорожкамъ въ словно серебряномъ саду, въ компаніи пріятелей добродушныхъ дворняжекъ; вечеромъ проверка счетовъ и записей подъ пѣніе самовара и шумъ выюги... Трескъ дровъ въ жарко натопленной печи...

Какъ это было давно!

А тамъ день отъѣзда, долгій путь на лошадахъ, и это нелѣпое паденіе изъ саней передъ самымъ выѣздомъ въ мѣстечко, оно-же узловая станція желѣзной дороги.

Тутъ воспоминанія сбиваются.

Какъ очутилась она въ уютномъ домикѣ мѣстнаго лѣсничаго давняго пріятеля ея покойнаго брата, она толкомъ и до сихъ поръ не знаетъ.

Отъ боли,—у нея оказался переломъ ноги,—она потеряла сознаніе. Къ этому присоединилась сильная простуда, грозившая перейти въ воспаление легкихъ,—и много дней и ночей провела она мечась въ горячемъ бреду.

Когда первый разъ пришла въ себя и сознательно вглядываясь въ стоящаго около кровати доктора,—и радость, и страхъ, страхъ, что это галлюцинація, что это исчезнетъ сейчасъ,—охватили ее.

Неужели онъ? — Онъ,—товарищъ и герой ея молодости?!

Такъ давно утраченное, но никогда незабываемое, милое и грустное лицо!

И онъ узналъ ее.

Радостно заблестали глаза и сорвалось взволнованно: „Ты!—Вы!“.

Проходили дни. Мучительныя перевязки, тяжелые кошмары, приступы лихорадки смѣнялись блаженнымъ состояніемъ покоя и забвенія.

Такъ хорошо было лежать въ свѣтлой уютной комнаткѣ, окруженной бережнымъ уходомъ хозяевъ, простыхъ, безхитростныхъ людей и нѣжной заботливостью ея друга.—Друга!..

Ни слова лишняго не говорили они,—они лишь чувствовали, какое вотъ сейчасъ счастье—быть вмѣстѣ въ этой тихой комнатѣ! Жили настоящей минутой, не рѣшаясь трогать прошлаго, не пытаясь заглядывать въ будущее.

Зачѣмъ? Имъ было хорошо вмѣстѣ.

Иногда онъ не выдерживалъ своей серьезной, безстрастной роли врача.

Какъ-то окончивъ перевязку и укладывая осторожно на подушки больную, онъ внезапно горячо припалъ къ ея рукамъ: „Боже, до чего тяжело!—Какъ слабъ человѣкъ! Вотъ сейчасъ, когда Вы такъ лежите, какъ ярко представляется мнѣ то далекое прошлое, когда Вы,—моя,—тамъ, въ моей студенческой кельѣ!“

Она торжествовала.

— Ага!—Не забылъ!..

Годы, женитьба, дѣти,—ничто не могло заглушить того яркаго счастья, того буйнаго хмѣля, что когда-то пьянило ихъ, уносило въ волшебный міръ,—дѣлало равными богамъ.

И она заражалась его волненіемъ. Шепотомъ, словно въ бреду, признавалась также, что во всѣ эти долгіе годы разлуки не могла забыть его, что онъ единственный, что его одного она и любила, и желала всю жизнь.

И долго потомъ цѣловалъ онъ ея блѣдныя руки и падали на нихъ скупыя, холодныя слезы:—его-ли, ея—не знаетъ...

А на дняхъ, тихонько войдя къ ней,—она была въ полуснѣ,—онъ положилъ ей на грудь двѣ дивныя розы на длинныхъ стебляхъ и такъ живо напомнилъ бывшее.

Тогда былъ веселый мѣсяцъ май. Они много гуляли, ссорились, мирились. Потомъ отдыхали гдѣ-то, на пустой еще дачѣ.

Проснувшись въ тотъ жаркій полдень, она увидѣла у себя на груди двѣ розы на длинныхъ стебляхъ.

„Такъ вкусно,—увѣрялъ онъ тогда, смѣясь,—цѣловать,—и розы, и грудь“.

Но этимъ воспоминаніемъ не подѣлилась она съ нимъ, боясь спугнуть очарованіе минуты.

Вдвое суровѣе и сдержаннѣе дѣлался онъ послѣ такихъ порывовъ,—уходилъ съ головой въ свою земскую практику, въ домашнюю жизнь съ болѣзненной, отцвѣтшей женой и кучей ребятшекъ.

Она еще крѣпче замыкалась въ себя, ревниво тая отъ всѣхъ то свѣтлое, что нарождалось въ ней, что будило мечты. А мечты искали около нея сладкій туманъ, отъ котораго порой кружилась голова и замирало сердце.

Словно въ заколдованномъ царствѣ жила она теперь. Далеко отъ всего прежняго, далеко отъ сутолоки и шума большого города. Какъ всякій

выздоровливающий, она чувствовала себя особенно умиленно и радостно. Словно спали съ нею всѣ пути, тенета, въ которыхъ еще такъ недавно билась она. Близко прошедшая смерть сдунула своимъ ледянымъ дыханіемъ весь соръ съ ея души и обновленная, свѣжая, душа открылась на свѣтъ и зовъ жизни.

Жить,—жить бодро,—свободно, никого и ничего не боясь.—Страхнуть всѣ предразсудки, условности, глупые страхи.

Она словно нашла теперь самое себя послѣ долгихъ годовъ сѣрой мутной жизни. Какъ могла она такъ скучно и трусливо жить? Что держало ее тамъ въ плѣну у живыхъ мертвецовъ, сдѣлавшихъ изъ жизни какой-то мрачный склепъ?!

Что общаго между нею и окружающими ее тамъ, въ большомъ городѣ,—людьми?

И нѣтъ у нея сейчасъ въ душѣ ни обиды, ни раздраженія. Смыслъ жизни такъ ясенъ.

Быть самой собою, не насиловать душу.

Десятокъ лѣтъ она трусливо цѣплялась за какіе то призрачныя обломки счастья и сколько силъ потратила даромъ! Сколько лжи самообмана?

На какую мелочь размѣнялись всѣ ея бывшіе лучшіе порывы?

Чѣмъ дорожила она?

Вѣдь даже веселья, простого, искренняго веселья не было въ ея искусственной, безцвѣтной жизни!

Изумленно вглядывалась она въ прошедшую жизнь.—Какъ могла она жить безъ счастья?—Каждый обязанъ быть счастливымъ,—каждый имѣетъ право на счастье, надо только умѣть его взять.

Жизни не стоитъ бояться, также какъ и людей. Они—безвредны, если умѣть жить по своему, на свой страхъ.

А жить—такъ хорошо! Жить просто, тихо, трудясь,—дѣлаясь съ сильными и слабыми. Тогда и одиночество не страшно.

Что-то свѣтлое, чудесное мерещится ей, и она засыпаетъ крѣпкимъ сномъ выздоравливающаго человѣка.

II.

„Не чудо было тутъ истиной, а истина была чудомъ“.

Блѣдный разсвѣтъ апрѣльского утра робко пробрался въ вагонъ черезъ неплотно занавѣшенное окошко, какъ она уже встала и поднимая штору, всматривалась въ несущіеся мимо поля и лѣса. Еле видѣлись они въ окутывавшемъ ихъ, молочномъ туманѣ словно гигантское море разлилось вокругъ, и небо слилось съ нимъ.

Все тонетъ въ этомъ блѣсоватомъ свѣтѣ.

Жуткая печаль сильнѣе охватила ее, словно въ этомъ туманѣ расплывалось то недавнее свѣтлое счастье.

Что спугнуло его?

Неужели оно не вернется?

Вспоминается свѣжій мартовскій день, когда она, уже совсѣмъ оправившаяся послѣ болѣзни, встрѣтила на прогулкѣ своего доктора. Пошли вмѣстѣ. Она чувствовала на себѣ его восхитительный взглядъ. Кругомъ все ликовало, словно празднуя ея выздоровленіе.

Сіяла улица залитая солнцемъ; текли ручьи, капало съ крышъ, летѣли откуда-то брызги. На деревянныхъ заборахъ жалкихъ домишекъ си

дѣли стаями воробьи и кричали, какъ безумные. Пахло весной, талымъ снѣгомъ, смолистыми почками.

Мокро, солнечно и свѣтло... На душѣ до того радостно, что не возможно было говорить и не улыбаться,—не улыбаться тому, что тѣло въ душѣ.

Въ противоположность обычному ихъ молчанью, въ эту прогулку они болтали и смѣялись, какъ школьники вырвавшіеся на свободу, хотѣлось пѣть дурачиться и бѣжать куда-то далеко, вотъ такъ дружно взявшись за руки. И оба шли бокъ о бокъ бодро и ритмично. у обоихъ были такія оживленные и свѣтлыя лица, что немногіе прохожіе невольно оглядывались на нихъ и съ обычнымъ провинціальнымъ любопытствомъ старались опредѣлить ихъ взаимныя отношенія какъ забрели они въ единственную въ мѣстечкѣ крохотную кондитерскую. По старой памяти,—онъ долженъ былъ угостить ее шеколадомъ. Невозможную бурду подали имъ въ толстыхъ испарянныхъ чашкахъ.

Но тутъ оживленіе прошло,—исчезло съ заходившимъ уже солнцемъ.

Хотѣлось сказать хорошее большое,—и не выходило.

Она, избалованная за время болѣзни его близостью, его нѣжными заботами, пыталась первая подойти поближе къ его душѣ, рѣшить вмѣстѣ что-то важное и необходимое для нихъ обоихъ. Онъ, видимо, смущался ея порывовъ, старался ея скорѣй сойти съ опасной дороги воспоминаній и дружбы. Она поняла—и замкнулась. Все бесодержательнѣе дѣлался разговоръ и подъ конецъ, прогулки въ ихъ рѣчахъ ничего не осталось отъ того значительнаго и чудеснаго, что еще такъ недавно звучало въ нихъ.

Когда у крыльца, она подняла на него глаза, ей почудилось въ его лицѣ, упрекъ и мольба... Жутко чувствовалось, что это мгновеніе для нихъ невозвратно и вѣчно, какъ смерть,—что имъ нельзя сейчасъ молчать.

Безконечная, нестерпимая жалость охватила ее и сдѣлала еще безсильнѣе. Такъ и не вырвалось на волю то, что кричало въ душѣ.

На другой день пріѣхалъ за ней мужъ, бравый полковникъ, самоувѣренный и шумливый,—а еще черезъ день уѣзжала она изъ мирнаго, такъ радужно пріютившаго ее, городка.

Какъ во снѣ тяжело и странно, провела она тотъ послѣдній день. Механически уложила, механически попрощалась съ своими милыми старичками хозяевами.

Даже стоя передъ своимъ купе, она не могла страхнуть оцѣпенѣнія, не могла дать себѣ отчетъ, что съ ней происходитъ?

Пришелъ и докторъ.

Желтый, потерянный, съ какимъ-то дикимъ видомъ,—еле отвѣчалъ онъ на любезныя слова ея мужа,—у него къ тому-же сильно заболѣлъ младшій сынишка.

И такъ далека, казалось, была ему эта элегантная барыня, и такъ фантастична вся ихъ дружба. Терялась нить связавшая на мгновеніе эти двѣ, такія различныя жизни!

И когда раздался послѣдній звонокъ, ее не взволновалъ даже горячій, полный какого то отчаянія, прощальный поцѣлуй ея руки,—ей было только невыносимо холодно и тяжело. Казалось, кто-то злой толкнулъ ее сначала въ

тепло и свѣтъ, потомъ грубо вырвалъ и бросилъ въ мракъ и холодъ.

Зачѣмъ? Неужели жизнь можетъ такъ жестоко издѣваться надъ людьми?

Неужели все переживанное и передуманное въ долгія ночи болѣзни—лишь минутныя порывы, экзальтація выздоравливающей?

Неужели эта встрѣча, это „чудо“ ея жизни пройдетъ безслѣдно?

Нѣтъ,—нѣтъ... Она чувствовала, что тамъ, въ глуши, среди добрыхъ и простыхъ людей, тамъ было запряжено ея настоящее, непризрачное счастье, тамъ нашла она самое себя.—Быль-ли то простой случай, или судьба готовила ей новыя пути.—„прежней“ она не можетъ быть. И ни жизнь, ни люди теперь не запугаютъ.

Что-то бодрое крѣпло въ ея тоскѣ, когда задумавшись, стояла она передъ окномъ вагона.

А туманъ уже разсѣивался. Вставало солнце и розово-золотистымъ блескомъ заливало просыпающіеся, покрытые первой нѣжной зеленью лѣса и луга.

Начинается чудный день.

М. Автократовъ.

Е. Дюруа.

ВѢЧНОЕ.

Рассказъ.

Сегодня Николай Николаевичъ зашелъ въ министерство по привычкѣ; первый солнечный день звалъ къ своей еще холодной яркости съ самаго ранняго утра... Занятія въ канцеляріи прекратились въ четвергъ и, кромѣ дежурныхъ курьеровъ, никого не было въ пустыхъ, полутемныхъ залахъ. Заглянувъ въ свой кабинетъ, спросивъ нѣтъ ли писемъ, Николай Николаевичъ торопливо сбѣжалъ съ послѣднихъ ступеней сѣрой широкой лѣстницы, съ словно льющейся по ней сверху красной бархатной дорожкой, кивнулъ головой молодому рослому курьеру, подскочившему къ нему съ предупредительно приготовленнымъ пальто, поправилъ котелокъ передъ зеркаломъ и дыма папирисой, плотно зажатой въ зубахъ, неторопливо дѣловито натягивая перчатки, прошелъ въ широко распахнутыя празднично улыбающимся швейцаромъ тяжелыя зеркальныя двери и вышелъ на тротуаръ...

Дошелъ до угла... остановился, щуря глаза предъ силой яркихъ лучей, еще не грѣющихъ, но мощныхъ... Ощущеніе непривычки въ такое необычное время быть свободнымъ странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ остро волнуящее прошлось по нервамъ, захотѣлось неожиданно новаго въ дальнѣйшихъ впечатлѣніяхъ сегодняшняго дня, куда-то далеко ушелъ перечень всего повседневно необходимаго, особенно сѣшняго въ этотъ послѣдній день Страстной недѣли... Отошла обычная жизнь, а откуда-то прилетѣли и вихремъ на мгновеніе столпились въ мозгу обрывки, лепестки воспоминаній дѣтства, юности... такіе же дни весны, прошедшіе въ прелестной рамкѣ ушедшаго счастья... Торопливо, смятенно отогналъ вихрь мыслей... „Нѣтъ, нѣтъ... не надо... Извозчикъ!“ Сбѣлъ, откинулся—„ступай прямо!“ Четкое постукиваніе подковъ дробно мѣшается

съ торопливой дрожью резинокъ по мостовой... Кругомъ разнозвучный шумъ суетливаго кануна праздника, изъ-за громадныхъ витринъ словно тянутся къ свѣту причудливо цвѣтныя розы, сирень и гвоздики. на долго остаются въ памяти ихъ необычайные желтые и голубые оттѣнки, по сторонамъ бѣгутъ ставшія совершенно безразличными для зрѣнія вывѣски... Весенней красочностью пестрѣютъ туалеты женщинъ, вызываяще трепетно вздрагиваніе ихъ улыбокъ, возбужденна чувственна задорность взглядовъ „нѣтъ, нѣтъ... не то... дальше!“

Лихорадочно суетлива многоликая толпа, далеко впередъ видна то сжимающаяся то выпрямляющаяся, неустанно ползущая ея пестрая лента... Надъ сверкающимъ шпцемъ Адмиралтейства прозрачная глубина нѣжно голубого неба зоветъ дальше къ простору и тишинѣ... гулко застучали подковы по мосту, молчаливы сѣрыя стѣны домовъ надъ гранитомъ оковъ набережной. внизу медленно катится свинцово тяжлая глухая здѣсь ко всему рѣка и... наконецъ тишина запущеннаго густого парка... Въ глубинѣ блѣдетъ еще въ прогалинахъ пористый, твердый, оледенѣвшій сверху снѣгъ съ черными точками пыли, словно сдвинулись ближе другъ къ другу, чуть просыпающіяся отъ зимнихъ сновидѣній стройныя деревья, а на опушкѣ снѣга нѣтъ совсѣмъ и чувствуется острый запахъ прѣющихъ листьевъ прошлой осени съ ея печалью умиранія... Надъ скомканными, почернѣвшими листьями вьется безпомощная, маленькая птичка, недоумѣло непривычно громко чирикающая, суетится по вѣточкамъ, почему-то выбирая самую хрупкія, съ чуть слышнымъ хрустомъ ломающіяся и пугающія наивную пташку...

Гулко басисто... бумъ!.. бумъ!.. бумъ!.. медленно звучнымъ призывомъ прозвонилъ великанъ колоколь далекаго собора.. мощная разнотонно аккордная масса звуковъ дробила прозрачный воздухъ, гулко таяла въ глубинѣ полутемнаго парка. Николай Николаевичъ шелъ по запущеннымъ извилистымъ дорожкамъ, чуть оттаявшимъ и рельефно отпечатлѣвшимся слѣды; съ чувствомъ остраго наслажденія вдыхалъ онъ воздухъ, казалось, напоенный бальзамомъ, особенно послѣ многомѣсячнаго сидѣнія въ темной канцеляріи... Николай Николаевичъ приостановился, прислушался къ легкому хрусту ломающихся вѣтвей, къ звонко падающимъ съ деревьевъ каплямъ тающаго снѣга, поднялъ голову къ верху, въ просвѣтѣ вѣтвей увидѣлъ легкое, бѣлое облачко на блѣдной синевѣ сѣвернаго неба, вздохнулъ глубоко, разъ, другой... какая-то дурманящая истома безъ мыслей и образовъ охватила его онъ шелъ машинально, не подымая глазъ отъ бѣгущей предъ нимъ дорожки, пока почти испуганно не наткнулся на грубую, облупившуюся скамью, прислонившуюся къ гладко сѣрому стволу старой осины; совершенной неожиданностью въ далѣйшемъ для него явилась женская фигура, уютно прижавшаяся въ углу старинной, съ высокой спинкой и боками, скамьи... Не отдавая себѣ отчета Николай Николаевичъ медленно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ на противуположный ея конецъ... Женщина, вся въ черномъ, сидѣла къ нему въ полуоборотъ, грустно глядя въ глубину парка, серьезное, печальное лицо, сильно тронутые сѣдиною, изсиня черные выходящіе волосы, непокорно выбивались изъ-

подъ изящной шапочки, руки дамы скрывала большая, нѣжнаго мѣха муфта, сверхъ которой лежалъ букетикъ видимо недавно сорванныхъ подснежниковъ.

Было что-то величаво спокойное, безконечно милое въ грустномъ поворотѣ поникшей головы очень немолодой, но еще красивой женщины... Николай Николаевичъ мысленно рѣшалъ кто она, искоса разглядывая незнакомку; словно подчиняясь его взгляду, дама повернулась къ нему лицомъ, вдумчивые строгіе глаза пристально посмотрѣли на него и мгновеніе поколебавшись, она проговорила:

— Простите, можетъ быть у васъ есть спички, до головной боли хочется курить, я забыла спички. а итти обратно еще не могу, устала...

Николай Николаевичъ обрадовался началу разговора съ заинтересовавшей его незнакомкой засуетился; въ такія минуты никогда сразу не найдешь нужное, наконецъ нашлось, сверкнулъ огонекъ, потянуло на мгновеніе острымъ запахомъ бензина, въ тишинѣ парка отчетливо шелкнулъ затворъ зажигательницы...

— Очень вамъ благодарна,—привѣтливо сказала дама.

Изящная папироска затеплилась въ крупной рукѣ съ тонкими пальцами, обтянутыми шведской перчаткой, дама пристально смотрѣла на тоненькій дымокъ, извилисто расплывчатыми паутинками скользящій вверхъ, тая въ воздухѣ...

Николай Николаевичъ вынулъ портсигаръ...

— Позвольте?—обратился онъ къ сосѣдкѣ...

— Пожалуйста!—откликнулась она.

Какой милый грустный звукъ голоса, подумалъ Николай Николаевичъ и внезапно чувство невольной симпатіи, тепла къ этой чужой, одинокой подобно ему сейчасъ, женщинѣ, охватило его. Онъ мягко спросилъ ее:

— Вы не боитесь одна въ этомъ пустомъ паркѣ?

Дама улыбнулась;

— О нѣтъ, я не боюсь вотъ тамъ направо, черезъ двѣ дорожки. за оградой домъ, въ которомъ я живу, а вы изъ города, вѣроятно?

— Да,—порывисто отвѣтилъ Николай Николаевичъ,—какое-то нелѣпое стремленіе къ воздуху, тишинѣ привело меня сюда.

— Да, вамъ какъ городскому кажется страннымъ то, что я одна, это только сегодня здѣсь тихо, Страстная Суббота. такъ всѣ по домамъ, а то всегда здѣсь шумитъ дѣтвора, да и такъ, гуляютъ, собираютъ подснежники.

Дама взяла лежащій на муфтѣ букетикъ, небрежно бросила за скамью докуренную папироску и стала нѣжно расправлять чуть свернувшіеся скромные лепестки...

Долгое молчаніе... Николай Николаевичъ поднялъ одинъ изъ упавшихъ на землю цвѣточковъ и глядя на него задумался... волна утреннихъ воспоминаній снова нахлынула, закрыла пологомъ все окружающее... пронеслось въ мысляхъ:

„Какъ хороша весна тамъ, на далекомъ родномъ югѣ теперь тамъ жарко грѣетъ солнце, сосны въ багрянцѣ заката, тополи въ дурманѣ весеннихъ лунныхъ ночей... звѣздное небо... прозрачная синева дали за Днѣпромъ, безпредѣльной, розовато голубой, дали... даже почудилось на мгновеніе тепло доверчиво прижавшейся дорогой руки...“

Привелъ въ себя грустный голосъ незнакомки:

— Какъ вы задумались!—тихо улыбнулась она.

— Не надо!... Весеннія мысли пробуждаютъ печали въ тѣхъ, кому знакомы уже слезы осени... осени жизни... Слезы... Въ дѣтствѣ мнѣ рассказывала одна старая чешка повѣрье далекихъ вѣковъ, тогда я скоро позабыла ея рассказъ, потомъ припомнила его, а теперь, когда голова моя посѣдѣла, я все чаще вспоминаю сказку старухи чешки.

— О чемъ рассказываетъ она?—спросилъ тихо Николай Николаевичъ.

— Это сказка о судьбѣ, непреложныхъ законахъ природы... я расскажу вамъ ее... если хотите.

— Да, да, прошу васъ,—поспѣшилъ отвѣтить пришедшій въ себя Николай Николаевичъ.

— Нѣкогда, о это было очень давно, когда началъ существовать человѣкъ, съ нимъ на землю пришли страданія, слезы любви, горя, непосильнаго труда, слезы утратъ... Среди своихъ грѣховъ, преступленій, человѣкъ все же бывалъ кристаленъ въ упоеніи чистой любви, великъ въ ея экстазѣ, честенъ въ своемъ трудѣ, искрененъ въ горѣ утратъ. Тогда Прекрасный Творецъ вселенной убѣдился въ томъ, что человѣкъ сохранилъ въ себѣ отпечатокъ Святыни, создавшей его душу, и чтобы освѣтилась его жизнь, чтобы могъ онъ, низвергнутый на землю, находить силу для стремленія къ прекрасному, Творецъ повелѣлъ природѣ запечатлѣвать все лучшее на землѣ... красотой своихъ явленій. Съ той поры свѣтлыя, чистыя, дѣтскія слезки превращались въ наивные колокольчики подснежниковъ... Слезы первой любви съ ея неизвѣданными восторгами безумной, но чистой страсти обращались въ упругіе пьяняще ароматные колокольчики ландышей, стыдливо скрывающіеся въ прохладѣ темной листвы... Безропотная слеза матери усталой на жатвѣ въ знойный полдень лѣта, кротко кормящей своего первенца, лежащаго на заплапанномъ зипунѣ у края колючей межи эта слеза превращалась въ серьезно склоненный и вмѣстѣ съ тѣмъ развлекающій малютку лиловый, тихо колышущійся колокольчикъ ржаного поля. Но когда настала осень, цвѣты увяли. Не стало ихъ... Пришли болѣзни, холодъ, нужда, на землѣ еще больше стало литься горькихъ слезъ, эти слезы скорби, въ заунывной пѣснѣ осенняго вѣтра о печаляхъ земли, донесли туда, высоко, далеко, къ темному небу, и тогда стали вспыхивать и мерцать словно тихій пламень свѣтиленъ, кроткіе огни далекихъ звѣздъ, а въ серебрянно холодные дни инея и мороза, отъ времени до времени опускался сѣбжный пологъ надъ землею и замёрзшія звѣздочки слезинки, нѣжно-трепетно льнули къ груди почернѣлой земли, покрывая ея бѣлоснѣжнымъ покровомъ сновидѣній и покоя... Неизбѣжный сонъ смерти былъ чистъ въ своемъ величій, какъ первая слеза ребенка полна величій своей чистотою... И стало по волѣ Творца возрожденіе неизбежно, какъ непреложна смерть... Въ ознаменованіе этихъ величавыхъ символовъ близости всего прекраснаго къ Божеству, люди начали молиться, призывая въ храмы торжественнымъ звономъ колоколовъ; въ безконечной красотѣ молитвеннаго экстаза склонялись они предъ величіемъ Творца, предъ священной гармоніею безпредѣльной силы природы, дающей смерть для новой жизни...

На мгновеніе дама замолкла, потомъ грустно продолжала:

— Не правда-ли... сначала мы переживаемъ чувства весны, потомъ о красотѣ лунныхъ ночей любви стыдливо звонятъ намъ нѣжные пьянящіе ландыши, послѣ... улыбается лиловымъ колокольчикомъ серьезная трудовая жизнь... потомъ... намъ остается тихое мерцаніе звѣздъ надъ нами и снѣжный саванъ покоя надъ нивой нашей жизни... Одинокіе, приходимъ мы тогда любоваться на тѣ-же подснежники и ландыши, вспоминая свое безвозвратно ушедшее прошлое, пока не зацвѣтутъ уже надъ нашими могилами эти милые наивные цвѣтики весны... Но пока мы живы, пусть всегда въ душѣ нашей звенятъ серебряно хрустальные колокола благословеній прошедшему счастью, и пусть оно всегда зовется молитвой настоящаго, въ этомъ возрожденіи сердца, тогда живъ человѣкъ въ себѣ, не умерла душа его, она чужда темнымъ силамъ, она свѣтла кротостью и прощеніемъ... слышите... звонятъ колокола... звонятъ...

Дама задумалась, умолкнувъ... Молчалъ и Николай Николаевичъ.

— „Прошедшее счастье пусть будетъ молитвой настоящаго“ звучали слова грустнаго голоса...

— „Прощайте!“ тихо—устало сказала дама... Николай Николаевичъ очнулся, сосѣдки уже не было рядомъ, въ концѣ аллеи ея силуэтъ сливался съ туманомъ, начавшимъ обволакивать корни деревьевъ, тихо куритые надъ дорожками...

Въ состояніи какого-то небытія Николай Николаевичъ подошелъ къ ожидавшему его извозчику, сказалъ адресъ, закрывъ глаза, доѣхалъ къ дому, расплатился съ извозчикомъ, добрался къ дверямъ комфортабельной мебелированной комнаты, которую занималъ, снялъ поспѣшно шубу и, закрывъ за собою дверь,—тотчасъ-же бросился къ письменному столу, сосредоточенно порывшись въ ящикахъ его, и не найдя въ нихъ, желаемого то нервно бросился къ сундуку, повозившись съ ключами, поднялъ наконецъ тяжелую крышку и суетливо началъ искать, искалъ долго, пока не попался ему подъ руку въ числѣ другихъ бумагъ на днѣ сундука, конвертъ, пожелтѣвшій большой конвертъ, изъ него выпала на полъ ярко золотистая прядка волосъ, какія-то вѣточки, но этого не замѣтилъ Николай Николаевичъ, жадно выхватилъ онъ изъ конверта портретъ, подошелъ къ окну, прислонился къ его косяку и въ почти темно-лиловыхъ, совсѣмъ погасающихъ отблескахъ умирающаго дня, жадно всматривался въ полузабытый абрисъ дорожного лица, глядѣвшаго на него чисто, доверчиво, такъ живо и похоже.

„Ландышъ мой нѣжный“ шептали вздрагивавшія губы... Дѣтка моя свѣтлая, родная, гдѣ ты теперь, что съ тобою... Молитва... молитва настоящаго... молитва!.. шепотъ звучалъ прерывисто, мѣшаясь съ захлебываніемъ рыданій, слезы жгучей тоски о невозвратномъ далекомъ, свѣтломъ счастьѣ. охватили сердце, подступили къ глазамъ, скатывались по трясущимся отъ рыданій щекамъ, расплывчатыми каплями ударялись о подоконникъ, тяжело упали на полъ, темныя на свѣтломъ паркѣтѣ...

Николай Николаевичъ разговлялся въ ту ночь у своего начальника, разборъ его замѣтно рѣдѣющихъ рыжеватыхъ волосъ былъ со строгой правильностью волосокъ къ волоску при-

глажень рукою модного парикмахера, ногти переливались блеском перламутра, въ безукоризненно сидѣвшемъ фракѣ, какъ всегда дѣловито сдержаннымъ, корректно холоднымъ былъ и въ ту ночь Николай Николаевичъ, чиновникъ крупнаго Министерства, далекій отъ сказокъ и слезъ...

Е. Дюрюа.

Ф. Кузнецовъ.

МАШИНИСТЪ ВИНОВАТЪ.

Мучительные, отрывные, безконечные звуки вылетаютъ изъ подъ гигантскихъ колесъ высокаго зеленого чудовища—паровоза. Онъ тихо, медленно ползетъ на высокій подъемъ, таща за собой хвостъ красныхъ вагоновъ: извивается, какъ змій на закругленіяхъ, показывая свою страшную голову. Напряженно силится ползти впередъ между двухъ высокихъ горъ и шипя пускаетъ острый бѣлый паръ, который таетъ въ сумрачномъ холодномъ пространствѣ; черный косматый дымъ стелется по обѣимъ сторонамъ крупныхъ горъ и умираетъ на черно-зеленой груди земли. А паровозъ ползетъ—ползетъ и стучитъ твердыми членами стали по двумъ свѣтлымъ полосамъ, тянущимся на многія версты.

Сырая, холодная ночь, обвѣнная тоской. пала рыдая съ слезами на землю и плакала, и билась подъ колесами гигантскаго змія. Дулъ вѣтеръ пронзительный, властный и качалъ верхушки придорожныхъ деревьевъ косматыхъ, таинственныхъ съ упругими и длинными, кривыми руками. Они охватывали сырой порывистый воздухъ и гордо билась съ суровой непопнятой силой природы: то тихо пѣли, унылую, грустную пѣсню, то властно протягивались къ шипящему змію и вскрикивали. Кой-когда черную, зеленую голову змія освѣщала робкая блѣдная луна и пряталась за густую сѣть блуждающихъ облаковъ.

Машинистъ Дубовъ всматривался въ полотно скрытой дороги съ какой-то особой зоркостью, но ничего не видѣлъ кромѣ сумрака и густыхъ ползучихъ тѣней отъ летящаго дыма.

Отъ паровоза пахло нефтью, алинаортомъ, Красиномъ и какой-то ядовитой гарью, которая кружила, хотя и привичную ко всему, голову Василия Дубова. Три глаза паровоза прорѣзывала густой сумракъ ночи и обнажали яркія лезвья двухъ стальныхъ ровныхъ полосъ, которыми чѣмъ-то особымъ казались въ глазахъ Дубова—они пугали его—эти два лезвья, когда по нимъ проходила сумрачная, печальная тѣнь невѣдомая и жалкая.

— Кто она?—шепталъ онъ, но шопотъ умиралъ на дрожащихъ устахъ и сердце трепетно жалось въ усталой груди.

— Жертва!—скорбно произнесъ Дубовъ и смолкъ, поворачивая рычагъ на полный ходъ. Паровозъ быстро подался впередъ, какъ бы срываясь съ цѣпи и загремѣлъ по стальнымъ полосамъ огромными колесами. Дрожала земля отъ тяжелого хода, сотрясался воздухъ, а окрестность отбѣжала стонущимъ эхомъ.

Гигантскій змій—паровозъ катился подъ уклонъ, толкаемый какой-то невѣдомой силой, властной и безжалостной. Въ его безумномъ порывѣ стихійнаго стремленія была сокрушаемая власть. Его стальная грудь кипѣла, билась и толкала впередъ.

Опять сквозь мутныя облака показался блѣдный мѣсяцъ и освѣтилъ змія, деревья и всю окрестность.

Около крутого поворота, когда поѣздъ долженъ былъ огибать высокую насыпь горы, близъ полотно дороги метнулась тѣнь, нерѣшительно остановилась, потомъ пала на холодныя лезвья Паровозъ близко,—всего нѣсколько сажень отъ упавшей тѣни.

„Жертва“, промелькнула острая мысль въ головѣ Дубова. Его дрожащая рука схватилась за веревку,—раздался пронзительный рѣзкій свистокъ короткій и сильный.

Глаза устремились на полотно дороги. Страшный змій—паровозъ быстро быстро катитъ, шипя и извиваясь зеленымъ тѣломъ вагоновъ, развивая силу скорости 60 верстъ въ часъ, нѣтъ не силы и власти его остановить—онъ идетъ по наклонной плоскости. На полотнѣ дороги спокойно притаясь лежитъ тѣнь—разувѣрившійся въ жизни человѣкъ, поруганный загнанный людьми несчастливцевъ. Еще и еще рука Дубова прикасается къ веревкѣ—рѣзкій свистъ разрѣзаетъ сырой воздухъ и далеко разносится по окрестности. Вотъ тѣнь вздрогнула,—стала подыматься, но поздно страшный змій близко-близко... Раздался ужасный крикъ смерти короткій и больной. Хрустнули кости и огромныя колеса обдались теплой липкой кровью и жидкимъ мозгомъ. Блѣдный серебристый свѣтъ коснулся обрызганныхъ колесъ и мгновенно потухъ за уступомъ спокойной горы.

По тѣлу Дубова пробѣжала холодная дрожь; сердце въ трепетномъ испугѣ сжималось отъ боли; въ головѣ кровавое представление картины стирало свѣтлые тоны. Жизнь превращалась въ сплошной ужасъ. Онъ посмотрѣлъ въ черную нависшую даль облочковъ ночи и подумалъ при этомъ: „неужель все такъ глупо должно совершаться здѣсь,—на моихъ глазахъ, безъ всякой возможности спасти человѣка?“ Подумалъ и черный вихрь порывистого вѣтра донесъ до него какой-то знакомый звукъ, а колеса немолчно говорили; „Да“, „нѣтъ“, „да нѣтъ“.

Деревья около дороги безумно рычали, вскидывали косматыми головами порывъ вѣтра, погружаясь въ безпредѣльную тѣму и вновь ожидали что то—ожидали битвы.

Далеко уже то мѣсто, гдѣ колеса огромнаго змія окрасились кровью. Дорога пошла вновь на крутой подъемъ. Паровозъ уменьшилъ быстроту хода.

Зелено-черный змій кашлялъ въ огромную трубу и изъ нея, какъ спертый воздухъ изъ раскупариваемой посуды, вылетали густые, глухіе звуки.

„Это стоны умершихъ несчастливцевъ. Это ихъ черной ночи невѣдомые звуки, это ихъ крики проклятыя, ихъ гробовые голоса. Труба паровоза воспринимаетъ ихъ стоны“. Подумалъ Дубовъ.

Паровозъ, между тѣмъ, катитъ уже подъ уклонъ, выбивая учащенные звуки. Онъ прислушался.

Въ этихъ звукахъ была его никому неизвѣстная, скрытая имъ тайна. „Пять... пять... пять...“—слышалось ему изъ подъ паровоза. „Пять... пять... пять...“—отчетливо выбивали колеса все чаще и чаще.

— Пять!—вскрикнулъ Дубовъ, шатаясь и леденѣя—весь блѣдный... Зрачки глазъ мутно

остановились на зримой черной ночи. А все вокругъ его кричало, стонало, билось и отчетливо выбивало „пять... пять... пять...“.

Пять жертвъ пало подъ колесами страшнаго чудовища. Пять жертвъ, для которыхъ онъ явился вѣрнымъ свидѣтелемъ, бѣгущихъ отъ жизни возставали передъ нимъ въ сумракѣ ночи и требовали отъ него рассказать, повѣдать, утаившую тайну ихъ смерти другимъ, а иначе они будутъ его тревожить. И онъ ясно услышалъ голоса:

— Ты долженъ сказать о этомъ людямъ, ты долженъ сказать о нашей смерти.

— А что отъ этого будетъ если я скажу, что вы погибли?—говорилъ Дубовъ неизвѣстнымъ. — Развѣ человѣчество вновь возвратитъ вамъ жизнь? Развѣ оно не будетъ пускать по этому пути паровозы? Нѣтъ... нѣтъ!.. Цивилизація, культура этого требуетъ. Можетъ быть вотъ сейчасъ, въ этотъ моментъ, погибнуть подъ сильнымъ движеніемъ управляемаго мной чудовища не пять васъ, а десятки, сотни... съ стономъ, скрежетомъ звуковымъ, съ безумнымъ воплемъ голосовъ, проклятыями... и быть можетъ эти стоны, вопли, проклятыя... обрушатся только на одного меня, какъ на виновника гибели всѣхъ. А цивилизація, культура въ сторонѣ? А изобрѣтатель машины тоже? А все человѣчество?..

Паровозъ шелъ все быстрѣй и быстрѣй подъ уклонъ. Промчался мгновенно мимо зеленого лиска и закрытаго семафора. Станціонные огни блуждали по линіямъ и лучились въ сѣрой мутѣ. Но Дубовъ не замѣчалъ ничего. Сплошной темный кошмаръ лавилъ его голову, а въ ушахъ слышались набоѣльные, безотвѣтные звуки: „пять... пять... пять...“.

Но вотъ раздался страшный ударъ. Сильнымъ движеніемъ Дубова толкнуло что то въ спину и онъ не соображая ничего ударился головой обо что то твердое. А кругомъ его ползло, двигалось, трещало, съ силой ударялось... стонало, плакало... зывало о помощи... безумно кричало въ безумныхъ мученіяхъ... Что-то невѣроятное, ужасное царило кругомъ.

Потомъ онъ забылся. Его охватила темная, мучительная даль—невѣдомая и непонятная, какъ больная но жалкая тайна, которую онъ не способенъ теперь разгадать.

Вдругъ въ немъ явилось сознаніе и, что на первый разъ онъ почувствовалъ, это страшную боль въ груди, невыносимую муку въ сердцѣ и невысказанную тоску въ кровавыхъ мысляхъ.

Мучительная гримаса людской крови искажилась въ мертвый блѣдный ужасъ на лицѣ Дубова.

Сквозь спертый воздухъ муки и слезъ онъ услышалъ многогранность смертельность голосовъ, невысказанныхъ колющихъ звуковъ, надрывныхъ, оборванныхъ выкриковъ. Они рвали, терзали, какъ звѣри, тѣло и душу Василия Дубова. А сквозь весь этотъ, давящій сплошной ужасъ разрушенія, гибели... крови, стоновъ... тоски... муки... какъ остріе раскаленного желѣза вонзаясь,—слышалось самое больное для сердца, самое великое изъ страданій: „Машинистъ виноватъ! Машинистъ виноватъ!“

Дубовъ хотѣлъ что-то сказать сильное, но съ обожженныхъ губъ терзаясь слетело только одно слово „Богъ!“ И онъ весь корчась въ мукахъ, съ прощеніемъ

и глубокимъ страхомъ на лицѣ, издалъ смертный протяжный и послѣдній вздохъ.

Чудовище—паровозъ лежалъ спокойно безъ трубы на боку, а съзади его поле обломковъ разбитой жизни.

Вокругъ катастрофы ходили люди съ значками,—серьезно говорили и пытливо смотрѣли.

Иларіонъ Войтенко.

1. НОЧЛЕГЪ.

1.

Длинный, томительно-знойный и душный лѣтній день угасалъ, солнце медленно, но неуклонно клонилось къ западу. Косые лучи его золотили верхушки деревьевъ и ближайшихъ горъ и тѣни, отъ деревьевъ падали непомѣрно—длинными и уродливыми полосами. Мужики кончали свою работу, выпрягали лошадей и торопливо спѣшили домой, что-бы еще засвѣтло вымыться къ празднику въ банѣ. Послѣднимъ уже кончилъ допахивать свою полосу Ефимъ.

Выпрягши коня, онъ спуталъ его и пустилъ пастись въ болото. Поставивъ затѣмъ соху безъ хомута (на случай дождя), подъ кудреватую елку, сиротливо—олинокъ приютившуюся на пригоркѣ среди поля, Ефимъ забралъ хомутъ, порядкомъ-таки измочалившійся за день пеньковый кнутъ и свою старую и неизмѣнную спутницу каждой страдной поры, сильно уже износившуюся и истрепанную, съ дырками на локтяхъ, свитку, и отправился по большаку домой. Кроваво-изумрудный дискъ солнца, посылая своими пурпурно-золотистыми лучами прощальный привѣтъ утомленной и жаждавшей ночного покоя и безмолвія землѣ, плавно скользнувъ внизъ, скрылся за стоявшій въ мѣлово-пепельной дымкѣ дальній лѣсъ, точно потонувъ въ голубыхъ волнахъ безбрежнаго эфирнаго океана. Послѣдніе косые розовые лучи его, нѣжно, съ материнскою лаской, поцѣловавъ короткимъ прощальнымъ поцѣлуемъ гребни позлащенныхъ багрянцемъ заката горъ и пышно-зеленый коверъ луга, внезапно померкли, и только на томъ мѣстѣ неба, гдѣ скрылось солнце, заалѣлъ стыдливо яркій румянецъ вечерней зари, и, постепенно разгораясь, онъ захватилъ малиновымъ заревомъ пылающаго пожара весь западъ, и потомъ тоже сталъ медленно и незамѣтно погасать. Длинный лѣтній день любовно и ласково уступилъ свое мѣсто короткой, какъ мгновеніе счастья, ночи, и прозрачныя сумерки вечера незамѣтно для глаза стали обволакивать землю своей призрачно-дымчатой чадрой. Придя домой, Ефимъ повѣсилъ хомутъ на гвоздь подъ амбаромъ, кинулъ кнутъ въ сусѣкъ, и сѣлъ на порогъ амбара разуваться. Скинувъ съ ногъ портки, онъ бросилъ ихъ на лежавшія подъ амбаромъ дрова, и вошелъ въ избу. Изба у Ефима была большая, свѣтло-обширная и чистая; въ правомъ переднемъ углу, какъ и полагается въ каждомъ православномъ крестьянскомъ домѣ, помѣщалась божница, завѣшенная бѣло-чистымъ вышитымъ рушникомъ, въ которой находились старыя, переходившіе въ наслѣдство поколѣнія къ поколѣнію, облупившіеся и потемнѣвшіе отъ времени такъ, что ликовъ святыхъ, на нихъ изображен-

ных, разобрать ни въ какомъ случаѣ не представлялось возможнымъ, деревянные и фольговые, густо-засиженные мухами, образа. Русская печь съ плитой тоже была обширная, чисто выбѣленная мѣломъ. Налѣво отъ входа, у печи, стояла самодѣльная деревянная кровать, завѣшенная на грядкѣ ситцевыми занавѣсками и, вообще, вездѣ были замѣтны зажиточность, чистота и опрятность, которыми Ефимъ такъ гордился. Войдя въ избу, онъ снялъ съ головы шапку, перекрестился на образа, и, пройдя въ передній уголъ, сѣлъ на лавку у окна. Жена его, Лукерья, здоровая и красивая тридцатипятилѣтняя хозяйственная женщина, укачивала за занавѣской въ люлькѣ ребенка-полугодовалого сына Лешу.

— Платье мнѣ въ баню готово, аль нѣтъ?—спросилъ Ефимъ у Лукерьи.

— Готово, Ефимушка, давно готово,—заторопилась Лукерья, показываясь изъ-за занавѣски,—вонъ тамъ въ сунницѣ лежитъ!—указала она рукой на крайнее къ двери окно.—Бери да ступай скорѣй, а то мужики ужъ давно парятся! Минка давно уже ушелъ!—добавила она, вновь скрываясь за занавѣской.

— А мыло-то съ мочалкой положено?—опять спросилъ Ефимъ, поднимаясь уже съ лавки.

— Минка взялъ,—отвѣтила Лукерья.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ Ефимъ, и взявши съ окна завернутое въ газетную бумагу платье, вышелъ вонъ изъ избы.

Зайдя подъ повѣть, онъ взялъ свѣже-зеленый, не успѣвшій еще завянуть вѣшникъ, и направился въ баню, находящуюся въ оврагѣ за деревней, гдѣ протекала небольшая но глубокая и извилистая въ своихъ высокихъ крупныхъ берегахъ, покрытыхъ кой гдѣ зарослями молодого, густо разросшаго орѣшника и ольхи, рѣчушка. Раздѣвшись въ предбанникѣ и взявъ вѣшникъ, Ефимъ вошелъ въ баню.

2.

Баня была темная и низкая, вросшая за долгій вѣкъ своего существованія чуть-ли не на половину въ землю. Слабо и тускло мерцало, едва разгоняя густую мгlistую тьму, втокнугая въ стѣнку подъ потолокъ березовая лучина. Народу въ ней было много. Слышно было, какъ старики яростно хлещутся на полку распаренными вѣшниками. Молодежь же размѣстилась, кто гдѣ имѣлъ возможность: кто на лавкѣ, а иные за неимѣніемъ свободнаго мѣста, и прямо на грязномокромъ и сыромъ земляномъ полу. Найдя себѣ свободное мѣстечко на лавкѣ, Ефимъ взялъ у своего сына Минки, шустрого шестнадцатилѣтняго парня, который уже успѣлъ вымыться и уходилъ домой, мочалку съ сѣрымъ мыломъ, и намылилъ имъ себѣ голову. Старики, допарившіеся до одуренія, выскакивали наружу и оканивались рѣчки, холодной водой изъ которую они черпали ведрами, не рѣшаясь, однако, входить въ воду. Зато ребята и болѣе взрослые—подростки—плескались и баловались въ рѣчкѣ, какъ выводитъ молодыхъ рѣзвыхъ утятъ. Глядя на нихъ, взрослые мужики и старики лишь сокрушенно покачивали головами, какъ-бы говоря этимъ: что дескать, съ нихъ взять—извѣстно, зеленая молодость! Вѣдь и сами мы таковыми когда-то были! Но набаловавшись, нако-

нецъ, вдоволь, и вымывшись и выпарившись, всѣ ушли домой. Последнимъ уже вышелъ изъ бани Ефимъ. Онъ, не торопясь, одѣлся и также побрелъ домой.

— Ну, жинка,—сказалъ онъ, входя въ избу и кидая грязное бѣлье на лежанку печи,—торопись скорѣе въ баню, пока еще паръ есть да вода, а то послѣ выстудятъ бабы!

— Я сейчасъ,—отозвалась Лукерья, наливая ковшомъ воду изъ ведра въ самоваръ,—вотъ только самоваръ вамъ поставлю!

— Ладно ужъ, мы и сами, я думаю, сумѣемъ поставить, возразилъ ей Ефимъ.—А гдѣ-жъ Минка?—спросилъ онъ.

— Ушелъ въ деревню, къ Гришкѣ,—отвѣтила Лукерья,—насчетъ, кажется, ночлега сговариваться съ ребятами, куда ѣхать!

— А—а, ну ладно, протянулъ Ефимъ и сѣлъ къ окну на лавку.

Наливъ полный самоваръ воды, Лукерья разожгла его и ушла сама въ баню, наказавъ Ефиму, что-бы онъ слѣдилъ за нимъ и не забылъ-бы покачать ребенка, вслучаѣ, если тотъ надумаешь плакать. Черезъ пять минутъ послѣ ея ухода явился домой Минка. Онъ былъ въ новой нарядной пестрой рубахѣ, и такихъ-же, засученныхъ до колѣнъ, порткахъ.

— Ты гдѣ шельмецъ, пропадалъ? набросился на него отецъ.

— Я, тятенька, на деревнѣ у Гришки былъ: сговаривались съ ребятами, куда на ночлегъ поѣдемъ,—сталъ оправдываться Минка.

— Скоро-ль-же вы поѣдете-то?—строго спросилъ отецъ.

— Да вотъ напьемся всѣ чаю, поужинаемъ, и поѣдемъ тогда,—отвѣтилъ Минка, съ виноватымъ видомъ обдергивая подолъ рубахи.

— Ну ладно, коли такъ,—сказалъ отецъ, замѣтно смягчившись.—погляди-тка самоваръ да подбрось въ него угольковъ, что-бы онъ скорѣе закипалъ,—сказалъ онъ Минкѣ.

Минка послушно исполнилъ приказаніе отца и усѣлся съ нимъ рядомъ на лавку, уставившись тупымъ взглядомъ въ окно, въ которомъ сквозь окутывающія землю вечернія сумерки угасававшего дня видѣнъ былъ стоявшій сплошной массой на горизонтѣ, словно полчище равно-ростныхъ великановъ, покрытый зеленой листвою лѣсъ, полный нѣмого очарованія и выжидательно напряженной, чуткой тишины. Скоро скипѣлъ самоваръ и пришла изъ бани Лукерья. Зажгли висющую надъ столомъ керосиновую лампу и сѣли пить чай, а вслѣдъ за тѣмъ и ужинать. Во время ужина разговаривали объ покосѣ, засухѣ, свирѣпствовавшихъ послѣднее время пожарахъ и послѣднихъ деревенскихъ новостяхъ и сплетняхъ, на которыя такъ падки досужіе языки бабъ. Поужинавъ, Ефимъ пошелъ спать въ сарай на сѣно, Лукерья стала убирать со стола остатки ужина, а Минка, одѣвъ свитку отца поверхъ своего зимняго полушубка и захвативъ заодно двѣ порядочныхъ краюхи хлѣба, густо посыпавъ солью, отчего одна сторона его казалась совсѣмъ бѣлою, отправился на ночлегъ.

3.

На улицѣ уже было совершенно темно. Сумерки сгустились и окутали, подобно щупальцамъ спрута, своимъ зловѣще-чернымъ покровомъ и

землю, и хоромы, и казавшіеся въ наступившей тѣмѣ призраками, деревья. Надъ болотами бѣлымъ пологомъ разстился бѣло-молочный, мутно-призрачный бѣлесоватый туманъ. Затихшую тишину ночи нарушало лишь кваканье лягушекъ да звучали гдѣ-то вдали пѣсни ночлежниковъ. Выйдя въ поле и отыскавъ своего коня, Минка оброталъ его, сѣлъ на него при помощи большого камня верхомъ и поѣхалъ въ ту сторону, откуда до него доносились крики и звуки пѣсенъ ночлежниковъ. Минка издали увидѣлъ привѣтливо мигавшій огонекъ костра, который успѣли уже разложить ночлежники, и поѣхалъ по направленію къ нему. Не доѣзжая до огня шаговъ пятидесяти, Минка остановилъ коня, слѣзъ съ него, спуталъ его и прогналъ подальше въ болото, а самъ пошелъ къ костру. У костра, расположившись полукругомъ, сидѣли ребята и парни-подростки, сверстники и товарищи Минки, и среди этой шумящей, какъ встревоженный пчелиный рой, компании, важно возсѣдалъ на почетномъ мѣстѣ, дѣдъ Анисимъ, любимецъ и любившій ребятъ и молодежь вообще, которая липла къ нему, какъ мухи къ меду. Нѣсколько въ сторонкѣ, осязаясь, на невольномъ заворчкѣ, лежало шгукъ пять шесть дѣвокъ, которыхъ Минка не успѣлъ еще порядкомъ разглядѣть. Минка скинулъ съ себя верхнюю одежду и также присѣлъ къ огню. Посидѣвъ недолго у огня и поговоривъ съ ребятами, онъ не утерпѣлъ: рѣшительно всталъ и пошелъ къ мирно оесѣдовавшимъ промежъ себя дѣвкамъ, откуда въ скоромъ времени послышались визгъ и возня. Дѣвкамъ, наконецъ, скоро надобно приставанія къ нимъ назойливаго Минки, и они всеи оравой дружно выпроводили его изъ своего стана вонъ, подъ громки хохотъ остальныхъ ребятъ и парней.

— Гю и дѣвки, чортъ ихъ возьми,—сердиты сегодня, какъ вѣдьмы,—сказалъ Минка, почесывая помятые бока и вновь, какъ ни въ чемъ не бывало усаживаясь къ огню, на свое старое мѣсто.

— И подѣломъ тебѣ: не приставай къ кому не слѣдуетъ—насмѣшливо и, вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ показалось Минкѣ) ехидно-издѣваяще оказалъ Денисъ Гришкинъ, давнишій соперникъ и лютой врагъ Минки, старавшійся при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ досадить Минкѣ и надѣлать ему пакостей.

— Ну, братцы, закаркала наша ворона Ерихонская!—сказалъ что-бы не остаться въ долгу у противника, Минка.

Ребята дружно заржали въ отвѣтъ на Минкины слова, и окончательно уничтоженный Минкой, Дениска конфузливо замолкъ и молчалъ весь остальной вечеръ, боясь дальнѣйшихъ насмѣшекъ Минки.

Минка-же обратился съ своею назойливостью къ дѣду Анисиму, мирно почесывавшему свою неизмѣнную подругу долгой жизни—труоку, которая, какъ онъ неоднократно хвастался ребятами, досталась ему въ наслѣдство еще отъ его давно умершаго дѣда и которою онъ гордился, какъ своего рода, родовой реликвией.

— Дѣдушка, расскажи намъ что-нибудь такое интересное! Ты вѣдь много кой-чего слышалъ и знаешь, не даромъ-же ты семьдесятъ лѣтъ на бѣломъ свѣтѣ живешь!

— Что-жъ я могу рассказать вамъ?—сталъ

уклоняться тотъ,—я ничего не знаю, а если что либо и зналъ, то позабылъ уже, память стала, касатикъ, плоха!

— А ты все-таки вспомни, дѣдушка, что-нибудь интересное,—не унимался Минка,—да и расскажи намъ, а мы послушаемъ. Смотришь, оно и веселѣй будетъ, да и время скорѣе и незамѣтнѣе пройдетъ!

Вслѣдъ за Минкой стала приставать къ нему и остальная молодежь, и, волей неволей, ему пришлось сдаться на ихъ единодушную просьбу и согласиться.

— Что-бы только рассказать вамъ такое?—сталъ припоминать онъ, наморщивъ лобъ, и, подумавъ непродолжительное время, сказалъ:

— Такъ ужъ и быть! Потѣшу васъ на этотъ разъ и расскажу вамъ старую исторію, которая мнѣ сейчасъ вспомнилась.

— Ну, вѣтроноги, слушайте.

4.

Ребята тѣснѣ сгрудились вокругъ дѣда Анисима и окружили его тѣснымъ кольцомъ. Даже дѣвки и тѣ заинтересовались и пересѣли поближе къ костру, что-бы услышать то, что будетъ рассказывать дѣдъ Анисимъ. Дѣдъ-же Анисимъ помолчалъ нѣсколько минутъ, точно заранѣе стараясь разогрѣть и безъ того огромный интересъ своихъ слушателей, выколотилъ изъ трубки пепелъ, разгладилъ свою широкую лопатистую бороду, и тихимъ голосомъ, точно боясь нарушить обаяніе завороченной тишины ночи, началъ свой рассказъ:

— Помню когда я былъ еще маленькимъ (мнѣ въ ту пору лѣтъ десять было не больше), то вотъ собрались мы большущей компаніей, какъ и вы сейчасъ, только съ тою разницею, что взрослыхъ и дѣвокъ съ нами не было, и поѣхали въ ночное въ Кряковскій лѣсъ. Партия насъ была большая—человѣкъ тринадцать насъ было—все сорванцы—ребята. Ну, вотъ пріѣхали мы въ лѣсъ, разложили костерокъ, напекли картошки, и сѣли есть ее. Поѣли, и стали играть и баловаться. Извѣстно, одни были, и стѣсняться и бояться намъ нечего и не кого было. Бросали другъ въ друга горящія головешки, играли въ прятки. И лишь одинъ только Ваня Ермолаевъ не игралъ съ нами, а прикурнулъ этакъ у пенька, положилъ ручку подъ голову и сладко задремалъ. Тихій онъ такой, болѣзненный малецъ былъ. Всегда, бывало, одинъ вездѣ. Всѣ ребята на улицѣ лѣтомъ играютъ, а онъ сидитъ себѣ смиренхонько въ избѣ да меньшого брагушку въ зыбкѣ укачиваетъ, или играетъ, няньчится съ нимъ. Семья ихняя бѣдная была,—бабка съ дѣдомъ все бывало побираются, а matka тоже хворающая женщина была, худущая, какъ скелетъ какой. Почитай, круглый годъ она съ постели не вставала. Увидѣли мы, что заснулъ онъ, и захотѣлось намъ подшутить надъ нимъ. Забралось двое самыхъ хрупкихъ изъ насъ на осинку небольшую, что неподалеку отъ огня стояла, пригнули маковку ея къ землѣ и абротями при вязали къ ней за ноги Ваню. Выпустили мы изъ рукъ осинку-то, а она выпрямилась, поднялась вверхъ, да утянула съ собою и Ваню. Проснулся онъ, сердешный, видитъ, виситъ онъ, привязанный за ноги къ макушкѣ осины, внизъ головой, испугался, да какъ завизжитъ благимъ матомъ,

словно рѣзанный! А намъ и любо-весело смотрѣть: заржали, какъ жеребцы, — го-го-го-го! Ну, надорвали мы животики, смѣясь надъ Ванькой-то этимъ самымъ, и только что хотѣли пригнуть осину опять къ землѣ и отвязать его, какъ вдругъ, случилось что-то такое непостижимое. Откуда ни возьмись, — словно изъ земли, проклятый, выросъ! — выбѣжалъ въ это время на полянку заяцъ, остановился совсѣмъ близко отъ костра, такъ что мы всѣ его видѣли, да какъ закричить этакъ пронзительно — гу-гу-гу-гу-у! И что съ нами случилось только тутъ! — забыли мы и про Ваньку, и про все на свѣтѣ, и бросились ловить зайца. Ночь была мѣсячная, видная. И вотъ, кажется намъ, что заяцъ этотъ близко близко, — стоитъ только протянуть руки и схватить его, и онъ будетъ у насъ. А черезъ секунду онъ исчезалъ и оказывался уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Мучились, мучились мы съ нимъ, окаяннѣвъ, завелъ онъ насъ за версту, отъ огня, и все-таки мы не могли никакъ его изловить. И вдругъ онъ, какъ и появился, миготомъ исчезъ, ну, словно въ землю провалился! Никто изъ насъ не видалъ, куда онъ дѣлся, хоть свѣтло было, какъ днемъ и мы были уже въ чистомъ полѣ. И вотъ, хлопцы вы мои, столпились мы въ кучу и стоимъ, какъ стадо неразумныхъ барановъ, и сами не знаемъ, что намъ дѣлать.

— Ребята, а какъ-же Ванька-то Ермаковъ? — сказалъ тутъ одинъ изъ насъ.

Тутъ только вспомнили мы про Ваньку, и побѣжали къ костру. Но было уже слишкомъ поздно: Ванька болтался на осинѣ внизъ головой на одной ногѣ, уже неживой. Глаза у него страшно вытаращились, языкъ высунулся изо-рта и густая пѣна застыла на губахъ.

— Я такъ полагаю, хлопцы, — закончилъ дѣдъ Анисимъ свой рассказъ, — что это не иначе, какъ самъ сатана былъ обернувшись зайцемъ, что-бы, значить, заманить насъ подальше, что-бы мы не отвязали Ваньку, а самому взять его душу. Рассказывали потомъ, что если кто ночью или поздно вечеромъ проѣзжалъ или проходилъ по лѣсу мимо того мѣста, гдѣ все это произошло, то, будто-бы, слышали жалобный плачь и причитанія, — то плакала невинно-загубленная нами душенька Вани...

— Вотъ и весь сказъ, ребятушки — сказалъ дѣдъ Анисимъ, и смолкъ. Молчали и ребята, задумавшись. Слышалась гдѣ-то вблизи монотонная жвачка лошадей да кваканье неугомонныхъ лягушекъ. Чувствовалась такая пріятная и освѣжающая послѣ пыльно-жаркаго и душно-знойнаго дня легкая, съ вѣтеркомъ, прохлада ночи. Шаловливый вѣтерокъ слегка шелестѣлъ листьями сонныхъ деревьевъ, и деревья испуганно и недовольно ворчали своими косматыми верхушками на непрошеннаго дерзкаго нарушителя ихъ глубокаго, безмятежнаго покоя.

— Ну, однако, хлопцы, заговорились мы, — сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время, взглянувъ на небо, въ загадочной дали котораго, какъ огоньки далекихъ маяковъ, ярко мерцали безчисленные звѣзды: — спать давно уже пора, а мы съ вами все еще балакаемъ!

— Выспимся, дѣдушка! — поспѣшили успокоить его Минка. — Завтра воскресенье, не на поле вѣдь ѣхать!

— Такъ-то оно такъ, — согласился съ его до-

водами дѣдъ Анисимъ, — а все-таки нужно ложиться: пора уже! Скоро и пѣтухи, гляди, запоютъ!

И разостлавъ тутъ-же на землѣ, у пня, свой когда-то видавшій лучшіе дни и бывшій новѣе армячишка, онъ легъ, укрылся шубою съ головою и въ короткое время захрапѣлъ. Его при-мѣру послѣдовали и ребята съ дѣвками, и скоро у начинавшаго уже потухать и гаснуть костра водворились тишина и ничѣмъ не нарушаемый покой, такъ необыкновенно гармонировавшіе съ общимъ настроеніемъ ночи.

5.

Незадолго до разсвѣта дѣдъ Анисимъ проснулся. Высунувъ, какъ мышка изъ норки, голову изъ подъ тепло-пригрѣвшей его шубы, онъ оглядѣлся кругомъ и прислушался. Ребятишки, укутавшись наглухо въ свитки, шубы и отцовскіе армяки, мирно и съ наслажденіемъ храпѣли. Рядомъ съ собою онъ увидѣлъ разметавшагося Минку. Шубу Минка стянулъ во время сна съ себя ногами и лежалъ, сжавшись отъ знобющаго его холода въ комочекъ. „Замерзнетъ совсѣмъ малецъ, надо прикрыть его!“ — подумалъ дѣдъ Анисимъ, и вставъ, хотя и не совсѣмъ охотно, со своего согрѣтаго за ночь мѣста, подошелъ къ Минкѣ и прикрылъ его шубой. Потрясенный Минка проснулся.

— Что, дѣдушка, вставать развѣ уже пора? — испуганно вскочивъ на ноги и протирая кулаками сонно-заспанные глаза, спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рано еще спи! — успокоилъ его дѣдъ Анисимъ. — Я только шубой хотѣлъ прикрыть тебя, а то ты замерзъ-бы совсѣмъ.

Тишина ночи царила невозмутимая; лошадей поблизости не слышно и не видно было. И вдругъ въ этой напряженной тишинѣ болѣзненно-чуткое ухо дѣда Анисима ясно различило хлопающіе по водѣ въ болотѣ неподалеку шаги человѣка. Дѣдъ Анисимъ насторожился и сталъ прислушиваться „Кто-бы это могъ быть?“ — съ тревогой подумалъ онъ. И совсѣмъ неожиданно отчетливо послышался совсѣмъ близко грубый мужской голосъ: „тпру, стой, окаанный!“ — и затѣмъ тѣ-же булькающіе шаги вонъ изъ болота человѣка и лошади вмѣстѣ. Ужасная догадка многовременно осѣнила дѣда Анисима. „Конокрадъ!“ — молніей мелькнуло у него въ мозгу эта страшная мысль, и онъ почувствовалъ, какъ непріятный холодокъ, подобно электрическому току, пронизалъ все его существо и по тѣлу забѣгали мурашки. Онъ проворно скинулъ съ себя шубу, и вскочивъ на ноги, сталъ расталкивать вторично уснувшаго Минку.

— Минка, а Минка! Да проснись-же, бѣсъ! — сердито расталкивалъ онъ что-то безсвязно бормотавшаго во снѣ Минку.

— А, что? — испуганно вскочивъ, недовольно и недоумѣвающе спросилъ Минка, трясаясь весь отъ ночного холода, какъ осиновый листъ.

— Конокрадъ коня твоего увелъ, вотъ что! — громко, раздражительно и сердито, точно Минка былъ повиненъ въ этомъ, отвѣтилъ ему дѣдъ Анисимъ, и не давъ ошеломленному этими словами Минки опомниться и толкомъ сообразить, въ чемъ дѣло, будилъ уже остальныхъ ребятъ.

— Берите камни въ руки, вскакивайте на

коней и догоняйте его, разбойника! — торопливо отдавалъ онъ распоряженія.

— Увидите его, сшибайте камнями съ коня и тащите сюда! Ну, живо, не медлить, пока онъ не успѣлъ еще далеко удрасть!

И расторопные, зоркіе ребята — проныры черезъ минуту были уже готовы къ погони и бѣжали къ лошадямъ.

— Главное, камнями его, камнями сшибайте! — напутствовалъ ихъ своими указаніями дѣдъ Анисимъ. — Да скачите не всѣ вмѣстѣ, кучей, а вразсыпную, кто куда, и если кто первымъ увидитъ его, клики за собой и остальныхъ, а то одному изъ васъ съ нимъ не справиться!

Но ребята плохо слушали его; духъ молодчества и соперничества обуялъ ихъ. Съ разбѣга вскакивали они на своихъ коней, мирно щипавшихъ густую и сочную зеленую осоку, и не обращая ихъ съ гикомъ и свистомъ разсыпались въ разныя стороны дороги и лѣса, пугая мирно-дремавшихъ птицъ и зайцевъ. Всѣ лѣсъ огласился и, казалось, застоналъ отъ ихъ громкихъ и пронзительныхъ, рѣжущихъ уши, свиста и улюльканій. Минка, слѣдуя за убѣжавшими впередъ ребятами, тоже приближалъ къ болоту, гдѣ паслись всѣ лошади, но сколько онъ ни рыскалъ по болоту, увязая въ его топкой трясинѣ и перемочившись съ ногъ до головы, коня нигдѣ не было. „Его и угнали, навѣрно! Такъ и есть! Правду, значить, сказалъ дѣдъ Анисимъ! — подумалъ онъ, и вдругъ сатанинская злоба и ненависть къ конокраду, похитившему ихъ послѣдняго кормильца и поильца — коня, который былъ купленъ лишь въ позапрошломъ году и за котораго отецъ заплатилъ съ большимъ трудомъ и лишеніями скопленные за годы трудовые 180 рублей, потрясла его. Въ бѣшенномъ злѣбѣ онъ скрипнулъ зубами и крѣпко, по матерному, какъ ругался въ минуты остраго раздраженія его отецъ отъ котораго и онъ научился этому искусству, скверно выругался. Онъ увидѣлъ на опушкѣ лѣса чье-то коня (чей онъ — онъ не разбиралъ, такъ какъ ему это было все равно), торопливо распуталъ его, вскочилъ на его холку, и, выхвативъ изъ зарослей на большакѣ, отстоящій отъ мѣста ночлега въ полуверстѣ, во весь духъ помчался по пыльной дорогѣ. Звѣзды уже начинали одна за другой меркнуть и гаснуть; во всей окружающей обстановкѣ чувствовалось наступленіе близкаго разсвѣта. Лишь круглоликая луна свѣтила все такъ-же ровно и спокойно, освѣщая окрестности, благодаря чему было видно, какъ днемъ. Минка мчался по тянувшемуся передъ нимъ ровной бѣлой лентой большаку, поднимая за собою огромный, тянувшійся ему во слѣдъ столбъ пыли, и нещадно хлесталъ лошадь мокрымъ и оттого особенно хлесткимъ путомъ; конь вытягивался и летѣлъ, какъ пущенная изъ лука мѣткой и вѣрной рукой стрѣла. У Минки отъ непривычно-бѣшенной скачки захватывало духъ. Такъ скакалъ онъ дико до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, версты черезъ четыре, не доѣхалъ до перекрестка, гдѣ большакъ пересѣкала проселочная дорога. На этомъ перекресткѣ Минка остановилъ взмыленнаго коня, соскочилъ съ него и сталъ внимательно разсматривать слѣды лошадиныхъ копытъ. До этого перекрестка онъ замѣчалъ на густой пыли разѣвѣннаго большака свѣжіе лошадиные слѣды. Было очевидно, что кто-то незадолго передъ тѣмъ ѣхалъ верхомъ;

но на перекресткѣ этотъ слѣдъ терялся, и по большаку его дальше не было видно.

„Навѣрно онъ, негодяй, свернулъ куда-нибудь въ сторону! — подумалъ Минка, и сталъ разсматривать проѣзжую дорогу. „Такъ и есть! — радостно воскликнулъ онъ, замѣтивъ на лѣвой сторонѣ проселочной дороги, въ сырой почвѣ, свѣже выдавленные слѣды лошадиныхъ копытъ. „Онъ, навѣрное, поѣхалъ на Песковатку! — рѣшилъ Минка, вскакивая на коня и поворачивая его съ большака влѣво, на проселочную дорогу, на которой чуть-ли не на каждомъ шагу попадались рытвины и выбоины, и размытые дождемъ колеи которой были похожи на глубокия канавы.

„А тѣ, подумалъ Минка про остальныхъ ребятъ, — навѣрное, рыскаютъ тамъ по лѣсу, какъ перепуганныя до смерти свиньи, да орутъ только! Глупый и безтолковый народъ!“ — самодовольно, не безъ отбѣнка гордости и сознанія своего превосходства надъ ними подумалъ онъ и пришлокоилъ нѣсколько приуствавшаго коня.

Конь встрепенулся и опять понесся галопомъ. Проѣхавъ проселочной дорогой версты двѣ, Минка замѣтилъ въ полуверстѣ разстоянія стоявшій ровной стѣной, подобно несокрушимой твердыни, облитый серебряннымъ свѣтомъ луны лѣсъ. Къ лѣсу подѣхала и скрылась въ немъ фигура коннаго всадника, молодцовато сидѣвшаго на невзнузданномъ конѣ. Минка сразу-же узналъ лошада — это былъ „Воронко“, его нѣжный любимецъ. „Ага-а-а, догналъ таки, злодѣя!“ — радостно подумалъ Минка, и свернувъ съ дороги, дабы преслѣдуемый имъ воръ не замѣтилъ его и не поспѣшилъ скрыться, подѣхалъ къ лѣсу, остановилъ коня, и взявъ съ разборонованной пашни за пазуху штукъ пять увѣсистыхъ булыжниковъ, поѣхалъ уже по лѣсу въ сторонѣ отъ дорогъ, стараясь перегнать ѣхавшаго впереди всадника и попасть ему на перерѣзъ. Воръ — на видъ здоровенный дѣтина лѣтъ 25 — увѣренный, должно-быть, въ полной своей безопасности (отъ мѣста ночлега до этого лѣса было семь верстъ) и въ томъ, что его никто не преслѣдуетъ и преслѣдовать не будетъ, такъ какъ всѣ ночлежники крѣпко спятъ и спохватятся исчезновения коня не раньше утра, ѣхалъ медленно, шагомъ. Онъ любопытно, какъ человѣкъ, попавшій въ этотъ незнакомый ему край въ первый разъ въ жизни, озирался по сторонамъ и беззаботно посвистывалъ. Минка далеко опередилъ его, привязалъ коня невдалекѣ отъ дороги, въ густыхъ заросляхъ ольхи и молодыхъ елокъ, и притаился, какъ тигръ, готовый броситься на зазѣвавшую жертву, за мощнымъ стволемъ столѣтней сосны, у самой дороги. Въ нервно дрожавшихъ отъ волненія и томительно-долгаго ожиданія рукахъ онъ судорожно сжималъ пятифунтовые камни. Сердце его отъ бѣшеной скачки и отъ сознанія неизбежной и неминуемо — близкой опасности билось учащенно и тревожно. Тѣсно прижавшись всѣмъ корпусомъ своего тѣла къ стволу сосны, затаивъ дыханіе, онъ ждалъ. Минуты ожиданія казались ему безконечными. Но вотъ, наконецъ, послышался невдалекѣ звукъ лошадиныхъ копытъ о корни деревьевъ и слышныи все ближе и ближе свистъ. Минка окончательно затаилъ дыханіе и замеръ на мѣстѣ, стиснувъ въ рукахъ камни. Вотъ, наконецъ, показался изъ-за ствола профиль коня. „Господи, благо-

слова! — отчаянно подумал Минка, и широко размахнувшись, наотмашь, почти не мѣтаясь, какъ Давидъ въ Голиафа, пустил камнемъ въ голову вора. Камень сердито прожужжалъ въ воздухъ и звонко тѣвякнулъ вора въ затылокъ. Тотъ пронзительно испуганно вскрикнулъ, и какъ снопъ, перегнувшись на правую сторону и грузно свалился на землю. Испуганный конь рванулся и понесся впередъ одинъ, безъ сѣдока. Минка стремительно изъ своей засады и ударилъ сто-навшаго вора еще разъ камнемъ въ затылокъ. Изъ лѣваго виска его и проломленного затылка сочилась быстрой, на подобіе фонтана, струйкой кровь, образуя на землѣ большую лужу, темнымъ пятномъ выдѣлявшуюся на бѣлой пыли. Минка же билъ вора палкой по затылку до тѣхъ поръ, пока тотъ не былъ совсѣмъ оглушенъ и не потерялъ сознанія. Тогда Минка отвязалъ и подвелъ къ нему своего коня, связалъ его аборотью, и взваливъ его, хотя и съ большими усилиями, на холку коня, такъ что руки и окровавленная голова его болтались на одной сторонѣ, а ноги на другой, сѣлъ самъ на коня верхомъ, и, придерживая безпомощно болтавшегося и свисавшаго на сторону конокрада поѣхалъ домой. Когда онъ пріѣхалъ въ деревню, было ясное, яркое утро, и солнце улыбочиво обливало востепенувшуюся и проснувшую отъ сна свѣже-сіявшую природу своими животворными лучами.

6.

Вѣсть о пойманномъ Минкой конокрадѣ быстро разнеслась по деревнѣ и въ скоромъ времени поженка среди деревни, гдѣ лежалъ связанный и весь окровавленный конокрадъ, быстро была запружена сбѣжавшимся, точно на диво, наодомъ. Тутъ были и дряхлые старики со старухами, и ребятишки, съ смѣшаннымъ чувствомъ почтительнаго страха и любопытства, взиравшіе на этого связаннаго „разбойника“, и бабы — молодухи, и дѣвки съ парнями, и, вообще, вся деревня стеклась насладиться столь рѣдкимъ зрѣлищемъ. Нѣкоторые, наиболѣе смѣлые изъ ребятъ, боязливо и съ опаской дотрагивались до конокрада руками, и сейчасъ же быстро отскакивали въ сторону, не совсѣмъ, должно быть, увѣренные въ его безпомощности и своей безопасности. А нѣсколько въ сторонкѣ отъ этой шумящей и галдящей толпы, сидѣли на сваленныхъ на землѣ у хлѣва бревеньяхъ мужики и съ любопытствомъ слушали подробности поимки Минкою конокрада, которая онъ рассказывалъ, кой-гдѣ и кое что привирая и при-сочиняя отъ себя, для пушей сгущенности красокъ и хвастливаго, чисто-мальчишескаго доказательства своего молодчества и неустрашимости.

— Ну, что жъ намъ тутъ теперь дѣлать съ нимъ, съ разбойникомъ? говорилъ послѣ того, какъ Минка кончилъ рассказывать, оживленно жестикулируя и волнуясь, благообразный, похожій въ своихъ длинныхъ волосахъ на библейскаго апостола, бѣлокурый мужиченко въ продырявленной и съ заплатами въ разныхъ мѣстахъ свиткѣ, — краснорѣчивой и достаточно яркой свидѣтельница его бѣдности.

— Сколько онъ на своемъ вѣку крестьянъ разорилъ, сколько онъ заставилъ слезъ пролить добрыхъ людей! Ну, мы сейчасъ скажемъ, пойдемъ и скажемъ о немъ уряднику. Урядникъ

понятно, заарестуетъ его, и посадятъ его на 1—2 года въ тюрьму, а тамъ глядишь, и опять выпустятъ. И пойдетъ онъ опять воровать и и разорять въ конецъ нашего брата. Убить его, мерзавца, надо, убить такую гадину, что-бы она не ползала по землѣ и не дѣлала зла людямъ. Убить! — изступленно, съ пѣной у рта, твердилъ онъ, сжимая кулаки и грозя ими въ сторону конокрада, и видно было, что его страстность и аффектированность, ослѣпленныя жгучей ненавистью, заразили и остальныхъ мужиковъ. Лица у всѣхъ стали мрачными и насупленными. Видно было, что они всѣ вполне соглашались съ нимъ, раздѣляли его мнѣніе, но пугались, высказать это вслухъ, боялись могушей быть отвѣтственности.

— Ну, что жъ тутъ, братцы, раздумывать? — убѣждалъ ихъ бѣлокурый мужиченко, — затащимъ его въ огородъ, что-бы никто не видалъ-бы, да и прикончимъ такую гадину! За такую сволочь не только грѣшно не будетъ, а даже многіе за насъ Богу молиться будутъ, что мы изоавили міръ отъ такого злодѣя и душегубца! Идемте, братцы, — обратился онъ въ сторону угрюмо молчавшихъ мужиковъ, и выступилъ самъ первымъ впередъ.

Всѣ мужики, числомъ около двадцати человекъ, покорно встали и пошли вслѣдъ за нимъ. Они уже твердо и безповоротно рѣшили: „раздавить эту гадину“, и шли твердо и увѣренно. Это предстоящее убійство — вѣрнѣе, самосудъ, — въ ихъ пониманіи и представленіи было не страшнымъ, навѣки неисправимымъ и неизгладимымъ грѣхомъ, а просто случайностью, и даже больше того — необходимостью. Незлобивый русскій крестьянинъ, такой мирно-забитый, холопски-рабоблѣстующій съ испоконъ вѣковъ, дѣтски-наивный и сердечно-прямодушный, становится безпощадно-мстительнымъ по отношенію къ вору, конокраду, и прочимъ рыцарямъ легкой наживы и большой дороги, разоряющимъ благосостояніе мирныхъ тружениковъ-пахарей и даже пускающимъ ихъ съ сумой по міру за подавнѣемъ. Тогда онъ, ни минуты не раздумывая, попросту расправляется съ такими вредными и нежелательными въ труженической крестьянской средѣ порочными элементами судомъ Линча. Придя на запруженную народомъ пожню, мужики разогнали ребятишекъ и бабъ по домамъ и поволокли прямо по землѣ за ноги пришедшаго въ себя и жалобно стонавшаго конокрада на огородъ отца Минки, за гуменники, гдѣ-бы никто не могъ видѣть изъ постороннихъ этой кровавой картины. Преступника приволокли въ заранѣе намѣченное мѣсто и, не развязывая, положили на землѣ.

— Бра-а-тцы, отцы родные, простите меня, пощадите хоть ради моихъ дѣтокъ малолѣтнихъ! — взмолился онъ жалобнымъ голосомъ, и въ осипшемъ и хрипящемъ голосѣ его звучали плаксивыя и неуверенныя нотки. Онъ зналъ и былъ твердо увѣренъ въ томъ, что пощадить уже нѣтъ и не будетъ. Смерть, страшная и неминуемо-близкая смерть ожидаетъ его, злорадно оскаливъ зубы и держа наготовѣ косу. Будь самъ на ихъ мѣстѣ, онъ поступилъ-бы точно также, и онъ закусилъ до крови губы и замолкъ, зная, что мольбы о пощадѣ бесполезны, рѣшивъ покориться печальной и неизбежной дѣйствительности.

— Ага-а! Теперь онъ жалобный, пощадить просить! — злорадно-издѣвательски сказалъ бѣлокурый мужиченко, скрививъ губы въ злую, мефистофельскую улыбку, — а раньше-то, вы, милый человекъ, позвольте васъ спросить, объ чемъ-же думали? Вотъ мы сейчасъ пощадимъ тебя, голубчика, за ми-илую душу! — сказалъ онъ и крикнувъ въ сторону мужиковъ, безмолвно и насупленно-мрачно стоявшихъ съ выломленными изъ изгороди кольями въ рукахъ: — Бейте его кровопійцу!

Первымъ поднялъ свой колъ, высоко взмахнулъ имъ въ воздухъ и хлестко ударилъ конокрада по лбу. Тотъ пронзительно-страшно, съ безнадежнымъ отчаяніемъ, вскрикнулъ и завизжалъ, какъ закалываемый поросенокъ. И точно опьяненные видомъ внезапно брызнувшей фонтаномъ крови и безпорядочно летѣвшими во всѣ стороны кусками мяса и клочьями волосъ и мозга, мужики вплотную сгруппировались вокругъ озвѣрѣвшаго и страшнаго въ какомъ-то нечеловѣческомъ гнѣвѣ и жестокости бѣлокураго мужиченка и принялись озлобленно и въ то-же

время съ чувствомъ какого-то злораднаго удовлетворенія проснувшимся на короткое время звѣрскимъ инстинктамъ наносить ему удары кольями. Посторонній наблюдатель, случайно наткнувшійся на эту кровавую сцену, подумалъ-бы, вѣроятно, что эти безобидные съ виду мужички старательно, даже черезъ-чуръ старательно, вымолачиваютъ какой-то снопъ, но никакъ не совершаютъ жестокое, бессмысленное и не оправдаваемое ни съ какихъ точекъ зрѣнія закона, убійство. Скоро пронзительный, душу раздражающій визгъ избиваемого конокрада сталъ постепенно ослабѣвать и перешелъ въ страшное, захлебывающее рычаніе, какой-то клекотъ, потомъ въ задушенное хрипѣніе, и, наконецъ, замолкъ совсѣмъ. Въ наступившей тишинѣ отчетливо-ясно слышны были удары окровавленныхъ и забрызганныхъ мозгами кольевъ по той уродливо-безформенной и отталкивающей-безобразной, расплывшейся зловѣщимъ багрово-краснымъ пятномъ массѣ, въ которую превратился трупъ конокрада. Наконецъ, удовлетворенные вполне и насытившіеся кровавымъ зрѣ-

лицемъ, тяжко отдуваясь и отирая забрызганными кровью рукавами свитокъ и кафтановъ обильно струившій отъ чрезмѣрнаго усердія и невыносимой духоты потъ, мужики побросали свои колья и, ни слова не сказавъ другъ другу, съ виноватымъ видомъ провинившихся школьниковъ, каясь и проклиная себя въ душѣ за минутную горячность, разошлись каждый по своимъ домамъ... А за гуменникомъ лежала страшная, расплывшаяся, подобно вывороченному изъ квашни тѣсту масса, и, казалось, оскаливъ зубы и безобразно выпучивъ глаза, въ которыхъ навѣки застылъ непередаваемый, чисто животный ужасъ смерти, злорадно улыбалась, словно зло издѣваясь, сіявшему въ лазурной голубой дали яркому, веселому солнцу и всему радостно-хлопотливому и беззаботному лѣтнему дню. Ярко-зеленая жирная муха со всѣхъ сторонъ стремились къ трупѣ, и, какъ черная туча несмѣтныхъ полчищъ саранчи, вились темно-зеленымъ роємъ надъ трупомъ, и звонко-радостно жужжали, точно слетѣвшая на свѣжую падалястая воронья, предвидя для себя полный широкаго раздолья богатый и лакомый пиръ...

2. ЗИМНИМЪ ВЕЧЕРОМЪ.

На улицѣ снѣжная вьюга. Вѣтеръ сердито воетъ подъ соломенной кровлей и, точно вырвавшись на волю дикій, разъяренный звѣрь, бѣшено мечется по необозримому и безбрежному простору запорошенныхъ снѣгомъ полей, крутя и вертя за собою въ дикой демонической пляскѣ столбы сухой снѣжной пыли. Кругомъ, куда ни глянешь, не видать въ густомъ, зловѣще-черномъ и непроницаемомъ покровѣ тьмы ни зги: вѣтеръ слѣпнѣтъ глаза и на разстояніи одного шага впереди не видать ничего. Пустынно, безлюдно-темно и жутко кругомъ. Все живое попряталось подъ теплую и сухую кровлю, не рѣшаясь вылѣзть въ эту страшную мятель на улицу. Васѣ страшно. Прижавшись всѣмъ своимъ тѣлодушно худымъ и холоднымъ тѣлцемъ къ матери, онъ съ жуткимъ любопытствомъ, боязливо высунувъ голову изъ подъ теплаго одѣяла, прислушивается къ жалобно плачущему завыванію вьюги, и въ дѣтскомъ воображеніи его рисуются жуткія картины ночи. Вотъ онъ видитъ кладбище, что находится на разстояніи полуверсты отъ деревни, на крутой горѣ, которая почему-то называется „Красной горкой“. Въ обыкновенное время, днемъ, оно тихо и безлюдно; сиротливо-одиноко стоятъ покосившіеся на-бокъ и кое-гдѣ уже повалившіеся отъ ветхости кресты,—безмолвные свидѣтели и охранители вѣчнаго покоя когда-то жившихъ и умершихъ людей. Вася неоднократно ходилъ съ деревенскими ребятишками кататься на салазкахъ съ горы; но теперь, въ эту страшную ночь—кладбище другое, грозное и страшное: покойники вылѣзли изъ своихъ могилъ и уныло бродятъ по нему, воя, какъ стая голодныхъ звѣрей. При одномъ лишь воспоминаніи о покойникахъ, которыхъ Вася боится пуще всего на свѣтѣ, лобъ его покрывается холоднымъ потомъ и онъ дрожитъ, какъ въ ознобѣ, и, укрывшись одѣяломъ наглухо, съ головою, такъ что становится душно и трудно дышать, боязливо-довѣрчиво прижимается къ матери.

— Что, сынокъ, боязно?—заботливо спраши-

ваетъ его мать, нѣжно прижимая къ себѣ и цѣлуя.

— Да, мама,—говоритъ Вася и, подумавъ немного, спрашиваетъ ее:

— А что, мама, покойники теперь ходятъ по кладбищу?

— Ты, дурачекъ! Выдумалъ тоже! Откуда-жѣ они могутъ взяться?—успокаиваетъ его мать.—Покойники какъ лежатъ себѣ спокойно въ землѣ, такъ и будутъ лежать, и никогда уже не встанутъ больше, потому что имъ Боженъка запрещаетъ это дѣлать!

— А есть, мама, черти на свѣтѣ и вѣдьмы?—продолжаетъ допытываться любознательный Васютка.

— Нѣтъ, сынокъ, ничего этого нѣтъ,—убѣжденно говоритъ мать:—все это лишь выдумки одни. Не вѣрь этому! На свѣтѣ есть лишь одинъ Боженъка, и больше, кромѣ Него, никого и ничего нѣтъ, сынокъ!

— А какой Боженъка собой?—любопытствуетъ узнать Вася:—старый-престарый такой, ходитъ согнувшись, съ палкой, и у Него большая бѣлая борода?

— Боженъка никуда не ходитъ,—поправляетъ его мать:—а всегда сидитъ. У Боженъки большая, какъ ты говоришь, и длинная бѣлая борода, но только никто не видалъ Его никогда, потому что Онъ есть духъ безплотный и невидимый!

— А откуда-же ты, мама, знаешь, что у Него большая бѣлая борода и Онъ только сидитъ?—удивляется Васютка.—Развѣ ты видала когда нибудь Его?—наивно спрашиваетъ онъ мать.

Мать Васютки въ затрудненіи: никогда ей не приходилось раньше задумываться надъ этимъ, казалось-бы, такимъ простымъ и логично-яснымъ вопросомъ. Какъ отвѣтить сыну хорощенько на его вопросъ—она не знаетъ. Поэтому, подумавъ, она говоритъ наугадъ первое, что ей пришло въ голову:

— Я Его, сынокъ, не видала, но такимъ Его изображаютъ на всѣхъ иконахъ и картинахъ, и такимъ Онъ, стало быть, и есть на самомъ дѣлѣ!

Отвѣтъ матери разочаровалъ Васю. Онъ ждалъ и былъ вполне увѣренъ, что она знаетъ нѣчто гораздо большее, но теперь, убѣдившись въ противномъ, онъ счелъ бесполезнымъ задавать матери вопросы на эту интересующую его тему.

— А я недавно былъ у Гришки, и тамъ были собравшіеся мужики и тоже о Богѣ спорили, и Гришка говорилъ, что онъ читалъ такую книжку, гдѣ сказано, что неизвѣстно: есть ли на самомъ дѣлѣ Богъ или нѣтъ!—говоритъ онъ послѣ короткой паузы.

— Богъ есть, сынокъ, былъ и всегда будетъ,—запротестовала мать.—Не вѣрь ты этому смутьяну Гришкѣ: неправда написана въ евоной книжкѣ! Какъ же ты говоришь—Бога нѣтъ? Богъ, сынокъ, всегда былъ и всегда будетъ. Ну, посуди ты самъ: откуда же тогда міръ взялся, да и всѣ мы? Кто сотворилъ весь свѣтъ—Боженъка! Все Онъ создалъ изъ ничего, однимъ Своимъ словомъ! Ну, ты возьми хоть въ примѣръ лѣто: стоитъ, скажемъ, зима съ вьюгами-мятелями и трескучими морозами; но выглянетъ на небо свѣтлое солнышко, сгонитъ снѣгъ съ земли-матушки, и вмигъ зазеленѣетъ на поляхъ травка, листочки на деревьяхъ, и начнутъ расти

и трава, и хлѣба, да и все. Откуда-же все это берется? Все Боженъка намъ, грѣшнымъ людямъ, посылаетъ. все Онъ намъ даетъ. Безъ Бога мы и шага не смогли-бы ступить сами!

Вася слушаетъ мать съ большимъ вниманіемъ. Онъ такъ заинтересовался словами ея, что даже забылъ свой недавній страхъ и высунулъ голову, какъ шустрая мышка изъ норки, наружу изъ подъ одѣяла.

На моей памяти былъ такой случай,—продолжаетъ говорить мать.—Годовъ десять, пятнадцать тому назадъ собралась лѣтомъ въ Пеганиху въ Ильинъ день на гулянье молодежь. Гуляли весь день на улицѣ среди деревни, на зеленой поженькѣ. Подъ вечеръ зашли темныя грозовыя тучи и пошелъ проливной дождь. Тогда перебрались гулять въ пустую избу. Передъ самымъ-же закатомъ солнца, когда гулянка кончилась и всѣ собрались расходиться по домамъ, разразилась страшная гроза. Я еще въ ту пору была дѣвкой и тоже была на этой гулянкѣ. Когда мы увидѣли, что зашла гроза, мы перестали гулять и всѣ сидѣли и ждали, когда она перейдетъ, что-бы идти домой. И вотъ одинъ пьяный малецъ съ деревни Каменки, Герасимъ Пахомовъ, вышелъ на пустую середину избы и сталъ плясать. Его стали унимать и говорить, что въ такую грозу нужно Богу молиться, а не плясать „Богу молиться?—зарѣвелъ онъ.—Я вашего Бога...“—тутъ онъ сказалъ такихъ два слова, что всѣхъ насъ морозъ по кожѣ пробралъ. Всѣ такъ и ахнули. И вдругъ, сынокъ, случилось чудо. Само собою, точно чьею-то невидимою рукою, открылось окно, и въ избу влетѣлъ небольшой, съ человѣческую голову, огненный шаръ. Всѣ мы замерли и не могли пальцемъ шевельнуть, точно кто насъ всѣхъ окаменилъ. Герасимъ этотъ самый какъ стоялъ онъ среди избы, такъ и остался стоять съ растопыренными руками и выпученными отъ страха глазами. Шаръ облетѣлъ избу кругомъ, точно разыскивая виновнаго, и вдругъ подлетѣлъ къ Герасиму, слегка притулился къ его головѣ и, вылетѣвъ въ раскрытую трубу, въ самой верхушкѣ ея взорвался, какъ бомба. Верхняя часть трубы разлетѣлась вдребезги. Герасимъ-же, какъ только шаръ слегка прикоснулся къ нему, замертво грохнулся на полъ. Вотъ видишь, сынокъ, какъ Господь покаралъ его за богохульство! А ты еще говоришь—Бога нѣтъ!—заканчиваетъ мать свой рассказъ.

Васюшка слушалъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ и во все время рассказа матери боялся перевести дыханіе. На его чистую и дѣтски воспримчивую ко всему душу онъ произвелъ огромное впечатлѣніе. Онъ живо и вполне реально переживалъ въ умѣ всѣ перепитія разсказаннаго матерью эпизода. Мысленно видѣлъ онъ и пьянаго Герасима, и замершую отъ ледянаго ужаса толпу, среди которой находилась и его нѣжно любимая мама и страшный огненный шаръ, Самимъ грознымъ, но справедливымъ Боженъкой посланный для покаянія виновнаго Герасима, осмѣливаго своими дерзкими словами посягнуть на незапятнанную чистоту великаго и лучезарно-свѣтлаго Имени Господняго. Все это реально пережилъ и перечувствовалъ онъ, точно и самъ былъ невольнымъ участникомъ этой трагедіи. Скоро мать, утомленная дневными заботами и хлопотами по обширному и требующему опытнаго хозяйскаго глаза, навыку и вниматель-

наго присмотра хозяйству, заснула. Съ печи, гдѣ спалъ отецъ, тоже изрядно уставшій и продрогшій на морозѣ за день въ лѣсу, слышенъ былъ ровный и спокойный храпъ его. Не спалъ лишь одинъ Васютка. Прислушиваясь къ злому, сердито-озлобленному и негодующему завыванію вѣтра въ трубѣ, онъ старался разобраться, понять и разрѣшить мучившіе его своей загадочной непонятностью вопросы, которые одинъ за другимъ выплывали изъ глубины его дѣтской головки, но убѣдившись въ своемъ безсиліи и безпомощности и полной невозможности отыскать на нихъ нужные отвѣты и разъясненія ихъ сущности и понять всѣ странности суетнаго человѣческаго бытія, онъ сталъ мыслить въ другомъ направленіи и, убаюканной злымъ воемъ вьюги, погрузился въ крѣпкій сонъ... Во снѣ ему снились вѣдьмы, покойники и страшный и безобразно-уродливый, похожій на бородатого козла, съ копытами и хвостомъ домового. Сонъ его отъ этого былъ неспокойный и тревожный. Онъ минутно вздрагивалъ и испуганно вскрикивалъ во снѣ „ма-а-ма-а!“—точно призывая ее на помощь... За окномъ на улицѣ по прежнему бушевала вьюга, наметая огромные, какъ горы, и высокіе сугробы. Вѣтеръ протяжно и жалобно плакалъ подъ кровлей, какъ плачутъ и мнутъ въ такую пору, пугая запоздалыхъ путниковъ, души преданныхъ вѣчному проклятію и забвенію и не могущихъ найти себѣ успокоенія ни въ земной, ни въ загробной ядоли покойниковъ-отщепенцевъ, нагоняя своей тягучей монотонностью забытье-тоску и безотчетный суевѣрный страхъ. Казалось, будто самъ владыка преисподней—мрачный Сатана,—во главѣ своихъ несмѣтныхъ и неисчислимыхъ полчищъ рыцарей зла вышелъ изъ развѣрзтой пасти ада и, въ радостномъ упоеніи сознанія своей сокрушающей полной побѣды,—побѣды темнаго зла надъ лучезарно свѣтлымъ добромъ,—въ вакхически-разнузданной пляскѣ вьюги справляетъ свой торжественно-пышный и радостно побѣдный пиръ...

Иларіонъ Войтенко.

Татіана Шенфельдъ.

ОНИ, МЫ И ЖИЗНЬ. (Не философія).

1.

Если бы тогда она ушла во время не было бы сейчасъ ея безудержной тоски и ненужнаго томленія, не раздвоилась бы и его душа озлобленностью и тягостной пустотой...

2.

Да, но кто, кто же умѣетъ уйти во время? Никто!.. Не есть-ли это опасеніе, что назадъ не позовутъ—это нежеланіе или неумѣніе уйти? И... предпочитаютъ остаться.

3.

Надо уйти тогда, когда безошибочно чувствуется, что воспоминаніе сохранится, быть можетъ даже прекрасное?

Также нужно умѣть во время уйти изъ гостинной—войти умѣютъ многіе, даже и тѣ, кто потомъ не умѣетъ выйти изъ нея—надо уйти оставивъ сожалѣніе о своемъ раннемъ уходѣ...

— Всѣ мы входимъ въ жизнь прекрасными,

но не всегда уходимъ изъ нея совершенными...

4.

Такъ всѣ: и престарѣлый театральнѣй критикъ, пережившій духъ времени, въ которомъ онъ волею насмѣшливой судьбы живетъ,—онъ пишетъ, а за нимъ видѣются десятки паръ лихорадочныхъ, призванныхъ къ жизни, глазъ; и тотъ молодой драматургъ, что написалъ два года тому назадъ, одну талантливую драму, а теперь пишетъ пятую неудачную комедию, глядя на которую мы готовы плакать; и поэтъ, выпившій только единый разъ до дна кубокъ искращагося вина, а сейчасъ дурманящій и себя и насъ; и художникъ исписавшій сотое полотно Intellig'ами дворцовъ: онъ не находитъ новыхъ очертаній,—онъ забылъ, что изгибы Louis XIV и линии Empir'a неизмѣнны.

— Движеніе жизни уноситъ насъ дальше.

5.

Всѣ они, какъ тѣ дамы, что не нашли тогда нужного слова и не оборвали разговора въ го-стинной, а заговорили теперь, неумѣло и скучно, въ передней.

2. ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТИ.

«И тѣ слова, что ночью сказаны
Другой-бы утромъ не сказаны».

М. Кузьминъ

1.

...Когда мы говорили о ней, мы говорили только почтительно нѣжно о ея красивомъ лицѣ и стройной фигурѣ; въ нашихъ голосахъ слышалась нотка неподдѣльнаго внутренняго уваженія къ милой женѣ нашего друга, потому что мы безошибочно понимали и чувствовали въ ней вѣрную жену.

Мужъ ея былъ ни красивъ, ни молодъ, ни дурень, словомъ такой какихъ много, самый заурядный человѣкъ. У нихъ въ домѣ мы всегда находили ласковый пріемъ и привѣтъ и утомленные суетой жизни приходили къ нимъ отдохнуть. И всегда я уходилъ радостный, усюкоенный кромѣ одного вечера... и положительно онъ еще на долго останется угрызениемъ моей совѣсти.

Это было въ передней... Она вышла проводить меня и была какъ то необыкновенно мила и, какъ-то, должно быть не какъ всегда, сказала протянувъ свою узкую руку:

— Надо чаще приходите къ намъ!

— Чаше? Я боюсь!

— Почему?

Тогда я крѣпче сжалъ ея пальцы и глупо, фатовато отвѣчалъ:

— Если я буду чаще бывать, это станетъ опаснымъ!

— Для кого или отчего? уязвленно спросила она.

— Неужели Вы не понимаете?

Она склонила голову и покраснѣвъ, пробормотала.

— Ахъ! если-бы вы знали, какъ я хочу быть опасной!

Я не придавалъ никакого значенія словамъ—если бы ихъ сказала другая—я бы отнесся къ нимъ иначе: но вѣдь это была она. И я ушелъ.

2;

Я ушелъ, думая, что въ концѣ недѣли снова попаду къ моимъ друзьямъ. Но, увы, на другой день я уѣхалъ—меня вызвали телеграммой, обстоятельства сложились такъ, что я пропутешествовалъ долго и только черезъ годъ возвратился въ нашъ городъ.

Какъ и водится, по приѣздѣ, вмѣсто того, чтобы навѣстить сначала близкихъ друзей, я сразу попалъ въ какую-то интересную гостиную. Кто-то заговорилъ о ней, и я услышалъ, что она серьезно больна. Я тотчасъ-же поспѣшилъ къ ней.

Она лежала въ большой, пустой комнатѣ и была такъ одинока, мужа ея не было дома. Я осторожно, тихонько подошелъ къ кровати и слабый голосъ, чужой и измѣнившійся, окликнулъ меня изъ-за полога:

— Я такъ рада!

Я поднесъ къ губамъ протянутую мнѣ руку и взглянулъ на нее. И, стараясь сдѣлать свой неуверенный голосъ веселымъ спросилъ:

— Что это вы хворать вздумали, не хочется вѣрить, что вы въ постели!

— Я такъ рада васъ видѣть! Только не шутите: Я очень больна. Я васъ ждала, жду давно... Не сердитесь на меня, если я скажу, что вы сами немного виноваты въ моей болѣзни, но только вамъ я могу рассказать все, что случилось. Такъ не хочется уйти неслышанной, непонятой... Быть можетъ это не такъ важно, но! Помните-ли вы, мой другъ, тотъ вечеръ, когда вы уходили... Нѣтъ, вы не помните?

— Какой вечеръ?

— Тотъ вечеръ когда вы, ну, наканунѣ вашего отъѣзда?

— Помню.

— Нѣтъ, вы не вспомните! И не старайтесь... А что вы мнѣ сказали тогда, прощаясь?

— Прощаясь?

— Вы не вспомните, все равно. А я вамъ скажу: я попросила васъ почаще навѣщать насъ, а вы сказали, что ооитесь... меня. Тогда я вамъ отвѣтила...

— Теперь я вспомнилъ!

— Вы вспомнили слишкомъ поздно! Почему вы не остались? Осталась я, съ моими недообрыми мыслями... Милый другъ, всѣ вы бывавшие у насъ создали себѣ изъ-за какого-то страннаго каприза вмѣсто меня образъ женщины, которымъ я на самомъ дѣлѣ никогда не была, а я вообразила себя, хотѣла стать иной, не той которой я была въ дѣйствительности... А между этими двумя женщинами очутилась я, настоящая, которой сейчасъ не хочется жить. Я исповѣдываюсь передъ вами, но это заслуженное наказание. Пока вы не сказали мнѣ той фразы—во мнѣ были только неприслушавшіяся, спокойныя желанія, хотя я далеко не была кротокой и невозмутимой, какой меня считали всѣ вы.

— Вы пожали мою руку и сказали... Но не заставляйте-же меня повторять! Вы уѣхали... Другой, не сказавшій такихъ словъ и не посмотрѣвшій на меня такъ, какъ вы въ тотъ вечеръ, не ушелъ:—ушелъ тогда, когда было уже поздно. Мужъ ничего не узналъ и не знаетъ

сейчасъ... Онъ такъ же радостенъ... Любовникъ мой далекъ мнѣ теперь, какъ будто ничего и не было... Онъ оставилъ меня. Вокругъ меня все по-прежнему, ничто не измѣнилось, но я не могу больше жить... Я терзала себя упреками въ незаслуженномъ счастьѣ и все таки обманывала мужа Я бросала своихъ возлюбленныхъ и измѣняла и другимъ, они мнѣ, а мужъ все ничего не замѣчалъ...

— Не правда-ли какая я опасная женщина. Да, мой другъ опасная, но не для другихъ...

Татіана Шенфельдъ.

Леонидъ Ивановъ.

1. ЛУННОЙ.

Въ тоскливомъ упоеніи невѣдомыхъ сновъ и таинственныхъ грезъ течетъ жизнь моя... Ты отняла у меня тѣ стекла, что заставляли меня видѣть то, что не надо видѣть. Стекла, что подчеркивали земную жизнь—съ собой унесла Ты... И для новой жизни Ты отуманила меня. Зачарованный тоской увидѣлъ я въ первый разъ ликъ Твой. Мутная какъ предразсвѣтный туманъ, вся въ лунномъ свѣтѣ явилась Ты и за собой увлекла меня. Легко сталъ я. Почти прозраченъ. За Твоимъ зовомъ шелъ я. Къ морю, безпредѣльному морю пришли мы... Шли... Все повышалась неровная полоска мола, уходя все дальше и дальше въ слегка вздымавшееся, какъ грудь, море.

Зовъ Твой, какъ таинственное эхо отъ нѣжнаго аккорда арфы, маняще влекъ меня. И аромат Твой, аромат невѣдомаго культа и запахъ орхидей и сладко дурманящаго эфира окуталъ меня—и чувствовалъ я Тебя... Два зеленыхъ, какъ расплавленный опаль, два загадочно подпернутыхъ дымкой глаза, такихъ же какъ море бездонныхъ и таинственныхъ показались мнѣ. То были глаза Твои. Въ прозрачности зеленыхъ водъ увидѣлъ я глаза Твои. И въ бѣлокурныхъ волосахъ Твоихъ синеватымъ отливомъ играли все тѣ же, опьяняющіе Твоей близостью, серебристые лунные блики... Тихую пѣснь шепталъ о Тебѣ южный вѣтеръ и съ пѣснью души моей сливалась пѣснь та. Твой, Тобой зачарованный, сладостный ядъ пилъ я... Въ сумрачной дали близки мы были.

Давно не приходила ко мнѣ Ты.

И море далеко отъ меня...

Но сны оставила мнѣ Ты и безумно-томительную тоску по новой встрѣчѣ. Я ждалъ Тебя... Я зналъ что придешь Ты... И жизнь машинальная, жизнь какъ во снѣ, утопала въ опьяненной мечтой о Тебѣ, въ зачарованныхъ снахъ, въ жизни грезъ. И вотъ съ серебристыми бликами, что вкрадчиво приникли къ моему изголовью—проникла Ты...

И отуманивъ своимъ присутствіемъ увлекла за собой. Безпредѣльная, властная и зовущая... И звуки струнъ рождали нѣжныя, какъ таинственные зовы, мелодіи и я не зналъ вѣ ли меня или въ душѣ моей звучала пѣснь горныхъ ручейковъ и птицъ, какъ эхомъ отраженныхъ и съ звучнымъ струнъ дрожаньемъ слитыхъ... И я пошелъ... За Тобой по карнизу иду я и въ глубинѣ двора—колодца сквозь приподнятыя рѣсницы свои вижу:

струятся, какъ лунный лучъ, волосы бѣлокурые Твои... И фосфорическимъ зеленымъ блескомъ глазъ Твоихъ отсвѣчиваютъ глаза таинственно-незнакомыхъ полночныхъ кошекъ... За Тобой дрожащей и зыбкой какъ блѣдный сгущенный воздухъ,—въ Тебѣ и съ Тобой подъ луннымъ свѣтомъ иду я: увѣренно и безстрашно...

Я вѣренъ Тебѣ моя лунная царевна Тебѣ единой вѣренъ я и ни смерть, что еще больше приблизитъ меня къ Тебѣ, и даже жизнь сама не заставитъ Тебѣ измѣнить, ту жизнь уничтожить, которую родила Ты, ту, что извѣдалъ я.

Въ тоскливомъ упоеніи невѣдомыхъ сновъ и таинственныхъ грезъ течетъ жизнь моя...

НОЧЬ ВЪ КОМНАТѢ.

Черезъ открытое окно сквозь тонкую, прозрачную занавѣску лился мягкій серебристый лунный свѣтъ. Онъ скользилъ по гладкой поверхности столика, падалъ на полъ и пронизывалъ меня, полуприкрытаго тонкимъ покрываломъ въ моей широкой и низкой постели.

Мнѣ было неизъяснимо пріятно и я задумавшись глядѣлъ изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ.

Въ этомъ свѣтѣ все казалось мягче, проще, округленнѣе, я совсѣмъ закрылъ глаза, медленно откинулъ голову на подушкѣ и потянулся всѣмъ тѣломъ... Было такъ тихо, что малѣйшее покачиваніе деревьевъ въ саду ясно слышалось мнѣ. Запахъ цвѣтовъ несся густой волной и наполнялъ благоуханіемъ всю комнату. Этотъ ароматъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ луннымъ свѣтомъ, проникавшій черезъ занавѣсъ громаднаго окна, эти еле уловимые шорохи листьевъ въ саду были для меня нѣжнѣйшей музыкой, музыкой грезъ...

Я все такъ же лежалъ на тонкомъ полотнѣ, еле прикрытый легкимъ покрываломъ, я не думалъ, я жилъ таинственно, чудесно и не чувствуя жизни. Это больше счастья, это—забвеніе. Я отдался, я что-то бралъ... Открывши глаза, я смотрѣлъ на посребренные деревья въ окнѣ. Лунный свѣтъ все лился и лился.

Зачарованный, не думая, перевелъ свой взглядъ въ комнату. Ровный кружокъ свѣта привлекъ меня—это была тихо теплившаяся лампада передъ образомъ Спасителя. Лицо его было спокойно, кротко и величаво. Глаза Его были не такими какъ всегда или это мнѣ казалось, но они были страшно устремлены куда то далеко. Я продолжалъ все смотрѣть въ Его глаза и моя мысль устремилась за этимъ взглядомъ.

Что-то нѣжное, теплое, высокое было здѣсь близко около меня.

Я почувствовалъ приближеніе сна и закрылъ глаза.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ И РАЗСВѢТЪ.

М. С. Поляковой.

Іюньскій день замиралъ. Вечерняя заря постепенно гасла и туманъ стлался надъ озеромъ. Я сидѣлъ у расложеннаго костра. Все было тихо. Лишь изрѣдка набѣгалъ тихій вѣтерокъ. Вотъ онъ качнулъ пламя костра, прошумѣлъ надъ верхушками камыша, пустилъ мелкую рябь по гладкой поверхности озера и—затихъ. Вотъ гдѣ то чирикнула птичка, пролетѣлъ запоздавшій куликъ, и снова тишина.

Сумерки все болѣе и болѣе сгущались: очер-

танья деревьевъ, высокихъ травъ, озера становились неясными и постепенно исчезали.

Тихо въ природѣ, тихо на сердцѣ.

Надвигающаяся ночь успокаивала все и все сливала вмѣстѣ. Чувствовалось что то необъятное, таинственное въ наступившей тишинѣ. Мысли медленно роились въ головѣ, о чемъ-то грустилось, чего-то жалко было. Я поднялъ голову и вглядывался въ темноту: тоски не было, тоска прошла.

Становилось сыро; я всталъ, пошелъ въ домъ. Медленно, медленно шелъ и молчалъ.

Какъ полно было въ душѣ, какъ темень былъ лѣсъ. какъ тихъ и нѣженъ вѣтеръ, покачнувшій деревья и унесшійся дальше, какъ удивительно звучали крики птицъ, какъ мягка влажная трава, какъ прекрасно, какъ прекрасно!

Не помню, какъ заснулъ въ эту ночь и спалъ ли не помню, только, очнувшись, былъ охваченъ тѣми же чувствами! Спать не хотѣлось, я всталъ, одѣлся и потихоньку вышелъ изъ спящаго дома.

Утро нарождалось; невидимо двигалось оно изъ таинственныхъ сумерекъ. Слабый вѣтеръ и предразсвѣтная свѣжесть говорили о его приближеніи.

Машинально пошелъ по ручью къ озеру. Ручей напѣвалъ что-то тихое, какъ будто хотѣлъ рассказать нѣжное, милое. Камыши тихо перешептывались и чуть-чуть качали своими метелками, а тамъ за камышомъ темною стѣною стоялъ боръ. Какимъ казался онъ хмурымъ и суровымъ въ этомъ туманномъ разсвѣтѣ. Онъ, казалось, хранилъ тайну крѣпко, крѣпко. И стоялъ гордый, сильный...

Это раннее утро навѣвало вереницы грезъ свѣтлыхъ, желаній неясныхъ.

Михаиль Кузнецовъ.

1. ДОЖДИТЬ.

Небо покрыто облаками.

По сѣрому одноцвѣтному фону его крутятся легкіе, разлетающіеся клубы дыма отъ высокой фабричной трубы.

Дождить.

Изъ раскрытаго окна на фонѣ сосенъ видны тонкія легкія нити дождя; тихо спускаясь на траву и кусты, онѣ производятъ непрерывный дробящійся звукъ.

Омытые листья и трава дрожатъ отъ пробѣгающаго, еле замѣтнаго вѣтерка.

Съ крыши падаютъ струйки воды, ударяясь о поверхность лужицы и разлетаясь крупными брызгами. Прямо за спускающейся съ крыши водосточной трубой рѣзко очерчиваются сосны на дымчатомъ небѣ и стоятъ безъ движенія. Дальше за ними сосны прикрыты легкой прозрачной вуалью, которая дѣлаетъ ихъ окраску блѣдной.

Я пишу письмо къ сестрѣ:

„Я давно не видѣлъ тебя. Какъ ты живешь. Такъ хочется что нибудь знать о тебѣ“...

Что она сейчасъ дѣлаетъ? Миѣ хотѣлось бы знать?

Нѣтъ, я прислушиваюсь къ шумящимъ звукамъ падающихъ капель и смотрю на колышущуюся траву.

Непрерывающіяся звуки меня окружили, шумятъ, падаютъ и падаютъ. Лѣсъ покрытъ вуалью и я тоже какъ бы прикрытъ невидимыми, свѣ-

жими, почти неощущаемыми сѣтями. Какая то легкая усталость въ рукахъ и головѣ.

Лечь...

Передъ глазами будутъ мелькать спускающіяся синеватые ниточки и будетъ все время доноситься неясный шумъ и будетъ убаюкивать...

Какая истома!

А дождь все идетъ, идетъ...

2. К. А.

Слушай, женщина, ты прекрасна!

Твое тѣло совершенно и нѣжно, твои глаза очаровываютъ скрытой въ нихъ тайной, какъ длинны и шелковисты волосы твои и вся ты манящее желаніе, слушай, женщина, ты не знаешь, что такъ прекрасна.

Иначе почему не покорила ты жизнь женственною улыбкой, взглядомъ глазъ, имѣющихъ тайну?

3. НЕНАВИСТНЫМЪ.

Эй, рабы!

Вы забыли о жизни!

Эй, ничтожные, жалкіе!

Жизнь прекрасна, рабы.

Жизнь струится кристальнымъ ручьемъ, жизнь несется могучимъ потокомъ, жизнь чаруетъ нѣжными красками какъ море спокойное; жизнь волнами вздымается съ бѣлою пѣною грозно какъ бурное море; носится вѣтеръ, гнутся деревья, камни звучатъ...

Вы, рабы, не слыхали о жизни!

ТОСКУЮЩЕМУ.

Твоя тоска близка мнѣ, твоя слеза мнѣ жжетъ глаза.

Мой милый, близкій!

Какъ расскажу тебѣ про грусть твою—мою?

Ты видишь слезы? Это плачъ души.

Мой близкій, милый!

Разбросайте, вы, маки по залу вездѣ, занавѣсьте всѣ окна лиловыми тканями и пусть арфы сокрытыя нѣжно звучать.

Я приду обнаженный и лягу на ложе.

Нѣжный сонъ пусть обниметъ меня.

Михаиль Кузнецовъ.

М. Николаевъ.

1.

Низенькая, уродливая француженка. Скомканное лицо съ большими бородавками.

Съ трудомъ перебивается уроками. Вѣчно суетливая, приторная и слезливая.

Ей сорокъ лѣтъ.

Ея мечта съѣздить на родину въ Парижъ и тамъ влюбить въ себя мужа своей сестры, чтобы отомстить...

Но сорокъ лѣтъ, уродство и бородавки!

Таковы француженки.

2.

Веселые глаза. Нѣжная улыбка. Стройная съ веселымъ звонкимъ голосомъ.

Какъ часто она волнуется меня!

Но почему тревожусь я?
Почему послѣ радостной улыбки чаще и чаще печалюсь?

Не ошибся ли я?

Нѣтъ, ничего, ничего здѣсь нѣтъ.

Дружеская улыбка, простая дружеская улыбка.

Дружеская—какъ это печально звучитъ.

3.

Такая ночь!

Видитъ Богъ трудно быть прекраснѣ
Большая свѣтлая луна давала темныя тѣни
онѣ жилились уродливо въ яркомъ серебрѣ
свѣта.

Я бодро стучу каблуками.

Поднялъ воротничекъ. Весь сжался и длинный острый тянулся къ небу, а тѣнь бѣжала далеко впередъ.

На мосту, у высокихъ каменныхъ перилъ меня хватаетъ за руку вдругъ появившаяся откуда-то

женщина. Лицо—осколокъ прошлыхъ лѣтъ. Страданіе на немъ какое то пошлое, приторное.

— Она испуганно глядитъ въ глаза.

— Ахъ! Я несчастна!

И тихо опускается на камни.

Теперь я вижу кто она.

Такая но ѣ. И не преступно ли такъ пошленько страдать.

Я глубже ухажу въ пальто.

— Сударыня каждый изъ насъ страдаетъ по своему—вы проститутка, а я—поэтъ.

4.

Сажу въ комнатѣ. Темнѣетъ. По унылому окну стекають струйки воды.

Дождь идетъ.

Противъ окна, подъ крышей солдатъ съ дѣвкой (кухарка наша) смѣются, шутятъ.

Въ другомъ углу тамъ же курица сидитъ дремлетъ.

Грачи на верхушкахъ сосенъ кричатъ. Мокрые они бѣдные.

Собака Карлошка (18 лѣтъ ему) измокшій раскисшій плетется по двору.

Стемнѣло. Закрыли ставни. Принесли лампу. Сажу. Прислушиваюсь.

Дождь идетъ.

5.

Очевидная, непонятная, свѣтлая, простая радость. Блеснетъ ярко—роза. А далеко гдѣ-то—голубое темное.

Это—Гага.

Много веселья.

Лицо звучное и такое близкое и такое разное.

Потомъ уйдетъ, оставивъ печальнымъ.

Потомъ не увидишь ее близкую въ радости, близкую къ горю.

Нѣжный цвѣтокъ. Дайте росу—расцвѣтежь.

Дайте солнце—радость полетится.

Къ чему ночь!

Пусть будетъ солнце и радость смѣется!

6.

Всегда хорошо разсуждать, вспоминать, когда идетъ дождь.

Дома уютнѣе.

Вотъ сгорбившаяся жена полковника, какъ всегда пьяненькая, плетется по двору, поправитъ ведро подъ сточной трубой.

Странное дѣло. Онъ гусарскій полковникъ Она—несомнѣнная вѣдьма.

Какъ это случилось?

Она не была красивой. Такія красивыми не бывають.

Она еврейка изъ захолустья—отвратительный выговоръ.

О захолустѣ! Полкъ навѣрное стоялъ въ за холустѣ.

Старая исторія! Захолустье какое нибудь Маркутъе или Бутриманцы въ царствѣ польскомъ.

Дождь идетъ чортъ возьми! Такой мелкій, такой противный дождь.

Она, конечно, захолустная красавица. Захолустная красавица!

Когда она пьяна, эта вѣдьма безъ зубовъ, говоритъ:

— Мика! Помнишь, какъ ты цѣловалъ мои ножки... помнишь? Скажи, что помнишь!

Ему очень стыдно.

Вотъ она сбѣгаетъ, плачетъ, что-то кричитъ, обращаясь къ толстой бабѣ—женѣ кучера.

Всхлипываетъ.

— Мой жужъ меня называлъ стервой...

Стерва! это—сильно.

Да. Придется взять извозчика. Все небо тучами заволкло.

И. Г. Ларионовъ.

1. БУДЬТЕ СВОБОДНЫ.

Если вы хотите быть истиной, то освободитесь отъ вліянія проклятаго звѣря, который оставилъ міру религію рабства. А если вы безсильны, то скоро прійдетъ новый человѣкъ. Онъ воплотитъ въ себѣ великій духъ и растреплетъ въ прахъ гнуснаго звѣря, поработившаго человѣчество.

2. О БЕЗПЛОДНОМЪ ДЕРЕВѢ.

Давно когда-то былъ на землѣ злой человѣкъ и посадилъ онъ безплодное дерево. Но людямъ понравилось оно, и они назвали его „Древомъ спасенія“ и растили и берегли его. Дерево разрослось отъ края и до края вселенной и душило плодоносныя растенія, отнимая у человѣка пищу. И человѣкъ погибалъ. Но тогда пришелъ великій дровосѣкъ и тяпнулъ подъ самый корень ненавистное дерево. И затрещало, и закачалось оно проклятое.

3. ОСИРОТѢВШИМЪ.

У васъ нѣтъ отца. Имя его не вѣетъ въ надзвѣздныхъ высотахъ и не пресмыкается оно по землѣ, ибо оно проклято вами и сила отца ограничена. Онъ уничтоженъ. Онъ не дастъ вамъ хлѣба, и не проститъ васъ ибо вы должны идти на встрѣчу искушеніямъ и служить новому духу.

4. ЧАЮЩИМЪ СПАСЕНІЯ.

Приготовьте пышную встрѣчу человѣку, грядущему въ міръ. Устелите землю коврами. Міръ цвѣтами украсьте. Примите благословеніе его и повелите народамъ поклоняться ему. Если онъ скажетъ вамъ, что не было бога кромѣ его, увѣруйте въ него и идите за нимъ. Тогда онъ будетъ творить вамъ знаменія и поведетъ васъ въ царство вѣчной правды, вѣчной жизни и вѣчной красоты.

Дени. «В. Я. Брюсовъ».

Дени. «Г. Г. Яценский».

Дени.

1.

Молодой художник В. Н. Денисовъ (Дени). Головокружительно быстро составилъ себѣ имя въ художественно-литературной средѣ.

Еще нѣтъ двухъ лѣтъ, какъ онъ появился на Петербургскомъ горизонтѣ и сдѣлалъ свои первые шаги въ „Солнцѣ Россіи“.

Первые же шаги не были робкими.

Напротивъ, увѣренными.

Самоувѣренными.

Я въ то время завѣдовалъ художественной частью этого популярнаго журнала и, помню, поражаюсь и радовался успѣхамъ юноши.

Такой мѣткій и смѣтливый глазъ.

Достаточно ему взглянуть и изъ лица взято все самое характерное.

Достаточно провести нѣсколько штриховъ и какая нибудь незначительная, малозамѣтная на нашъ взглядъ черта выпукло обрисовывалась и превращалась чуть ли не въ литературную характеристику даннаго лица.

Если Н. В. Ремизовъ (Реми) до сихъ поръ еще считается лучшимъ карикатуристомъ Россіи, то В. Н. Денисовъ сразу мѣтитъ въ первые шаржисты Россіи.

Его шаржъ не жестокий, но жесткій.

Онъ не убиваетъ, но уязвляетъ.

2.

Никакой біографіи у художника Дени нѣтъ. Неоспоримъ фактъ его рожденія,—это событие совершилось такъ недавно, что Дени даже конфузится называть дату.

Въ жизни художника это былъ пожалуй единственный крупный фактъ.

Дени. «Шоломъ-Аишъ».

Всѣ остальные факты—слѣдствія послѣдствія его.

Онъ родился талантливымъ.

Его никто не училъ.

Онъ никого не училъ.

Никому не подражаетъ.

Работаетъ массу и среди этой массы работы ухитряется оставаться лѣнтяемъ, какъ большинство талантливыхъ людей.

„Весна“ впервые преподноситъ своимъ читателямъ Дени въ такомъ краснорѣчивомъ количествѣ.

Его рисунки, его шаржи лучшая характеристика художника.

3.

Его работы—его біографія.

Его біографія—его работы.

4.

У насъ такъ мало безспорно талантливыхъ людей.

Да и ихъ работы такъ разбросаны по журналамъ и газетамъ, что немислимо составить по этимъ клочкамъ представленія о художникѣ.

„Весна“ взяла на себя пріятный трудъ предложить своимъ читателямъ нѣсколько „собраній сочиненій“ нашихъ художниковъ.

„Собраніе сочиненій Дени“—первая попытка.

Н. Георгиевичъ.

Цвѣты тюрьмы.

Очерки Н. Шебуева.

1. ОБСТАНОВКА.

За послѣднее время увлеченіе тюрьмой приняло эпидимическій характеръ. У писателей оно превратилось въ кикой-то спортъ. Каждый старается непременно побить рекордъ долгосидѣнія въ тюрьмѣ.

Мода на тюрьму такъ велика, что нѣкоторыя тюрьмы превратились положительно въ модные курорты, гдѣ фешенебельные красавицы и красавцы поправляютъ свои нервы, столь разстроенные подъ дуновеніемъ всѣхъ четырехъ свободъ.

Учащаяся молодежь тоже чаще достаиваетъ посѣщеніемъ тюрьму, чѣмъ свои учебныя заведенія.

Не смотря на такую модность тюрьмы, въ періодической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного полного руководства по тюремсидѣнію. Слабой попыткой восполнить этотъ пробѣлъ и является моя нынѣшняя работа.

Мнѣ посчастливилось пройти полный курсъ тюрьмы: началъ я съ Предварительной, что со-

отвѣтствуетъ приготовительному классу нашихъ гимназій, затѣмъ перешелъ въ Пересыльную, что соотвѣтствуетъ нашей гимназіи, потомъ перешелъ въ „Кресты“, что соотвѣтствуетъ университету, и кончилъ курсъ въ Крѣпости, что соотвѣтствуетъ любому высшему специальному учебному заведенію, куда обыкновенно идутъ послѣ университета и поступаютъ по конкурсу.

Основательный конкурсъ пришлось пережить и мнѣ: сначала въ судебной палатѣ, а затѣмъ въ правительствующемъ сенатѣ. Но имѣя такого репетитора, какъ мой защитникъ, я шелъ навѣрняка. И поступилъ въ числѣ самыхъ первыхъ за сочиненіе по русскому языку на тему „Сказка о веснѣ“.

Пустяки болтають, будто тюремное дѣло поставлено у насъ ненормально и манифестъ 17 октября отдѣлилъ стѣной тюрьму отъ общества. Напротивъ, этимъ манифестомъ доступъ въ тюрьму значительно облегченъ. Я пойду дальше,

я скажу, что тюремное вѣдомство значительно опередило министерство народнаго просвѣщенія. Послѣднее еще только все хлопотеть о слияніи общества и школы, а тюрьма уже достигла полного слиянія общества.

Тюрьма въ настоящее время самое закрытое изъ всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Всѣ воспитанники тюрьмы являются живущими (интернами); приходящихъ нѣтъ.

Воспитанники считаются до такой степени казенно-коштными, что при поступленіи въ тюрьму у нихъ отбираются деньги и подъ особую квитанцію сдаются кассиру тюрьмы.

Много стипендій. Я, на примѣръ, долгое время числился стипендіантомъ охраннаго отдѣленія.

Отбираніе денегъ—мѣра гигиеническая, но носитъ и нравственный характеръ. Заботясь о душевной и тѣлесной чистотѣ воспитанниковъ, тюремное начальство боится, какъ бы съ этими день-

Худож. В. Н. Денисовъ (Дени).

гами не была внесена въ камеру зараза.

Вѣдь Богъ знаетъ, въ какихъ рукахъ были эти деньги, прежде чѣмъ попали въ руки воспитаннику; быть можетъ въ заразныхъ или даже политически неблагонадежныхъ рукахъ.

Отобранныя деньги считаются за воспитанникомъ, какъ онъ самъ считается за кѣмъ нибудь: одинъ за прокуроромъ, другой за слѣдователемъ, третій за охраннымъ отдѣленіемъ, четвертый за тюремнымъ вѣдомствомъ, сирѣчь, отбываетъ наказаніе.

Деньгами этими воспитанникъ можетъ пользоваться по своему усмотрѣнію профильтрованному сквозь фильтръ тюремнаго начальства. Покупать водку, карты, неприличныя открытки и газеты, хотя-бы и самый „Правительственный Вѣстникъ“, безусловно возбраняется.

При поступленіи въ тюрьму, кромѣ денегъ, отбираются у воспитанника всѣ цѣнныя вещи и часы. Дѣлается это очевидно для того, чтобы кто нибудь изъ воспитанниковъ не открылъ у себя въ камерѣ ссудную кассу подъ закладъ движимостей. Такая касса, будучи открыта въ тюрьмѣ, должна неминуемо прогорѣть за недостаткомъ объектовъ закладыванія.

Превентивною мѣрою является и отобраніе у воспитанниковъ всякихъ острыхъ предметовъ, топоровъ, ножей, вилокъ, бритвъ, сабель, штыковъ, ланцетовъ и подтяжекъ.

Послѣднія только въ домѣ предварительнаго заключенія причисляются къ предметамъ острымъ на томъ основаніи, что будучи сильно подтянуты, онѣ рѣжутъ плечо.

Языкъ къ предметамъ острымъ ни въ одной изъ тюремъ не причисляется. Такъ что выраженіе поэта.

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ...

относится къ другому событію, а не къ аресту.

Да оно и понятно. Языкомъ можно зарѣзаться только тамъ, гдѣ нѣтъ свободы слова. Въ тюрьмѣ же свобода слова полнѣйшая.

Въ своей камерѣ, безъ риска быть арестованнымъ, вы можете говорить даже такія вещи, за которыя на свободѣ были-бы арестованы со всѣми вашими восходящими родственниками до прапрабабушки включительно.

Но вотъ что странно. Когда есть полная свобода слова, нѣтъ вовсе аппетита ею пользоваться. По крайней мѣрѣ, я въ своей камерѣ велъ себя такъ, какъ будто въ глазокъ моей двери все время смотритъ цензурный комитетъ или прокуроръ.

Цензурой называется та горчица, которая вызываетъ аппетитъ слова.

Дѣ домѣ предварительнаго заключенія, послѣ обыска вашего костюма и отобранія остроцѣнныхъ вещей, васъ отсылаютъ къ предварительному врачу. Онъ обыскиваетъ ваше тѣло снаружи и изнутри, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли у васъ острыхъ болѣзней.

Врачъ заставилъ меня показать ему языкъ. Я исполнилъ его капризъ не особенно охотно, потому что подумалъ:

— А ну какъ онъ „вырветъ грѣшный мой языкъ и празднословный и лукавый!“

Но и врачъ оставилъ мой языкъ при мнѣ лично, а не приобщилъ его къ дѣлу.

Затѣмъ васъ вводятъ въ вашу камеру.

Въ Предварительной тюрьмѣ, какъ и въ „Крестахъ“, вы идете по коридору съ тюремщикомомъ. Сначала вамъ кажется, что вы попали не въ тюрьму, а въ лондонскій королевскій банкъ и именно въ ту часть, гдѣ расположены несгораемые шкафы. Такая-же система металлическихъ лѣстницъ, площадокъ и узкихъ галлерей и такъ же всѣ стѣны сплошь заняты рядами наглухо замкнутыхъ дверей.

— Какія-то сокровища хранятся тамъ въ этихъ несгораемыхъ шкафикахъ, сокровища души, сердца, ума! — подумалъ я.

И только успѣлъ это подумать, какъ самъ превратился въ такое сокровище.

Со звономъ отворилась дверь. И со звономъ захлопнулась.

Я очутился въ камерѣ обскурѣ.

Въ особенности одиночныя камеры Предварилки пришлись-бы по вкусу фотографамъ-любителямъ. Я замѣтилъ, что они для своихъ хитрыхъ манипуляцій любятъ уединяться въ темныя каморки.

Я помню, какъ мой пріятель напечаталъ разъ въ газетѣ объявленіе:

„Важно для фотографовъ! Совершенно темный чуланъ! Сдается по сходной цѣнѣ.“

Отъ любителей оубою не было.

Я лично никогда не любилъ любителей и никогда не былъ таковымъ, такъ что для меня камера обскура не представляла изъ себя ничего занимательнаго.

Пять шаговъ вдоль, три поперекъ. Окно выше роста человѣческаго. Не на что встать, чтобы посмотрѣть въ него, такъ какъ кровать (железная), столъ (железный) и параша (чуть-ли не чугунная) крѣпко вдѣланы въ стѣну.

Первые три предмета могутъ быть откинuty отъ стѣны или пожеланію пригнuty къ ней, чѣмъ увеличивается амплитуда колебанія узника по камерѣ. Подоконникъ сдѣланъ настолько покатымъ, что ухватиться за него руками нѣтъ возможности. Такимъ образомъ окно въ Предварилкѣ является чѣмъ-то символическимъ. Въ него и свѣтъ не проникаетъ (съ двухъ часовъ дня приходится зажигать свѣчу), и посмотрѣть на свѣтъ Божій нельзя.

Другое дѣло въ Пересыльной и „Крестахъ“. Тамъ и тутъ придѣланы къ стѣнѣ лишь кровать да параша,—недвижимость въ полномъ смыслѣ. Остальная мебель—столъ и табуретъ—весьма портативны. Вы можете влѣзть на табуретъ и оттуда любоваться флорой Казачьяго плаца, если вы въ Пересыльной, или тюремнаго двора, если въ „Крестахъ“.

Любуйтесь, не спѣша, милостивый государь, у васъ есть время полюбоваться. При другихъ обстоятельствахъ вы могли-бы до сѣдинъ дожить въ Петербургѣ и ни разу не видѣть красоты Казачьяго плаца.

Итакъ, первая достопримѣчательность камеры—окно. Оно имѣетъ видъ приплюснутаго сверху квадрата. Своды тюрьмы словно придавили его своей тяжестью. Кромѣ того оно имѣетъ очень солидную рѣшетку и форточку.

Рѣшеткой тотъ клочекъ неба, который вы считаете своею собственностью зачеркнуть и и перечеркнуть прямыми параллельными чертами.

Небо символъ—свободы—разграфлено. Тоже, какъ и вы, посажено въ клѣтку.

Дени. «П. А. Морозовъ»

Если вы философъ, философствуйте.

Форточка устроена для того, чтобы изъ нея дуло. Такимъ образомъ, если вы задумали покончить самоубійствомъ, не огорчайтесь, что у васъ отняты острые предметы.

Вы можете ночью въ одномъ бѣлѣ или вовсе въ „безбѣлѣ“ подойти къ форточкѣ и простоять часокъ-другой.

Гарантирую вамъ воспаленіе въ легкихъ. Если бы даже у васъ было не два, а двадцать два легкихъ, они всѣ-бы воспалились.

Другой способъ, который я могу рекомендовать въ этомъ случаѣ,—настойка изъ спичекъ.

Затѣмъ, наконецъ, кто вамъ мѣшаетъ завер-

Дети. «Корни Чукотский».

нуться въ грязное и чистое бѣлье, лечь на кровать и поджечь оную снизу. Въ Пересыльной, гдѣ освѣщеніе керосиновое, вы даже можете предварительно облитъ керосиномъ, а въ Предварилкѣ, гдѣ преобладаютъ стеариновые свѣчи, вы можете проглотить парочку-другую свѣчекъ, чтобы себя, такъ сказать, простеаринить, и уже потомъ покончить самосожженіемъ.

Въ „Крестахъ“ освѣщеніе элекрическое. Оно вспыхиваетъ въ 6 часовъ утра и тухнетъ въ 9 часовъ вечера. Въ lucida intervalla мрачнаго питерскаго дня оно конечно не горитъ. Лампочка одна. Помѣщается она въ центрѣ сводчатого потолка и позволяетъ во всей камерѣ свободно читать, писать, и дѣлать что угодно. Словомъ, освѣщеніе шикарное.

Благодаря свѣчному освѣщенію, темной окраскѣ стѣнъ и узости камеры Предварилка именно темница. Камера „Крестовъ“—передъ ней свѣтлица.

ДЕНЬ.

Когда поступаетъ арестантъ, тюремщикъ составляетъ инвентарь его имущества.

Тюремный же докторъ, осматривая васъ, составляетъ также опись поступившаго въ его вѣдѣніе имущества;

Голова—одна.

Руки—двѣ.

Ноги двѣ. И. т. д.

При этомъ отмѣчаетъ степень исправности каждаго изъ этихъ предметовъ.

По этой описи онъ долженъ васъ сдать по минованіи надобности.

Этимъ и объясняется щепетильно внимательное отношеніе къ вашей неприкосновенности въ тюрьмѣ.

У васъ отбираютъ все острое, все способное затянута въ петлю. Во всей камерѣ нѣтъ ни одного гвоздя, на которомъ вы могли бы хотя сколько нибудь сносно повѣситься.

Три деревянныхъ тычка воткнуты въ кронштейнъ, тоже деревянный настолько непрочны и такъ низко повѣшены, что могли бы пригодиться только младенцу.

Но грудныхъ младенцевъ въ Кресты не принимаютъ. Для политически неблагонадежныхъ младенцевъ строится особая тюрьма.

Кормить ихъ тамъ будутъ кормилки черезъ дверную форточку.

Итакъ, приняты всѣ мѣры, чтобы вы не повредили себя, потому что въ противномъ случаѣ начальникъ тюрьмы отвѣчаетъ за порчу казеннаго имущества.

Но вотъ вы умылись.

Форточка раскрывается.

— Кипятокъ!

Арестантъ, конечно уголовный, наливаетъ изъ какой-то громадной мѣдной лейки обернутой мѣстами въ грязную тряпку, кипятокъ. Но прежде чѣмъ заварить чай, не забудьте вытряхнуть изъ чайника испитый чай и разбросать его по полу камеры.

Ничто такъ не собираетъ пыль, какъ влажный спитый чай и когда вы будете подметать камеру съ помощью вашей маленькой почти игрушечной щеточки, вы поймете важность моего замѣчанія.

Метите, метите, пока чай стоитъ на самоварѣ. Нечего бездѣлничать. Соръ вотъ сюда,—ближе къ парашѣ. Тутъ же устройте себя плевательницу, изъ коробки для гильзъ и гигроскопической ваты.

Плывать на полъ и поднимать пыль въ камерѣ, гдѣ каждый квадратный вершокъ играетъ роль мебели, остерегайтесь.

Семь часовъ. Если у васъ выписана булка,—выписываютъ разъ въ недѣлю всѣ съѣстные и не съѣстные предметы, вотъ по этому перечню, который виситъ у васъ надъ постелью,—вамъ ее сейчасъ всунуть въ форточку.

Въ этомъ напечатанномъ и утвержденномъ начальникомъ тюрьмы перечнѣ прежде всего оста-

Дети. «Леонидъ Андреевъ».

Дети. «Осипъ Дымовъ».

новить ваше вниманіе росписаніе обѣдовъ, которые вы можете получать за свои деньги.

Обѣды—трехъ сортовъ.

1) Обѣдъ въ 35 коп.

2) Цинготный больничный обѣдъ—въ 20 коп.

3) Средній больничный обѣдъ въ 16 коп.

За 35 коп. вамъ даютъ по воскресеньямъ—супъ съ картофелемъ и перловой крупой (мяса $\frac{1}{2}$ ф.) и жареную телятину съ картофелемъ (мяса $\frac{3}{4}$ ф.); въ понедѣльникъ—(борщъ $\frac{1}{2}$ ф. мяса) и говяжьи котлеты съ макаронами ($\frac{1}{2}$ ф. мяса), вторникъ—супъ съ вермишелемъ (м. $\frac{1}{2}$ ф.) и тушеная говядина (м. $\frac{3}{4}$ ф.); среда—супъ съ картофелемъ и телячья котлета; четвергъ—щи и жаренная говядина; пятница—супъ съ вермишелемъ и говяжья котлета; суббота—борщъ и жаренная говядина. Къ каждому обѣду полагается фунтъ черного и $\frac{1}{2}$ фунта полубѣлаго хлѣба.

Цинготный обѣдъ изъ трехъ блюдъ: на первое или щи (м. 28 зол.), или окрошка (56 зол.), или борщъ (56 зол.), или горохъ (56 зол.); на второе котлета говяжья, или жаренная говядина, или каша. Третье блюдо подается на ужинъ—каша или гречневая или пшенная.

Наконецъ больничный обѣдъ въ 16 (раньше 15 к.) на первое дается супъ картофельный, перловый, или съ вермишелемъ (м. 28 зол.), на второе мясо въ рубленномъ или нерубленномъ видѣ (56 зол.), а на третье каша гречневая, пшенная или ячневая.

Я перепробовалъ всѣ обѣды безъ особаго вреда для собственнаго здоровья. Но и безъ особой пользы.

Но зато съ особымъ неудовольствіемъ. Особенно невыносимъ супъ всѣхъ трехъ категорій, цинготная говядина и „средняя“ кашица.

Можетъ быть супы изготовляются изъ веществъ политически благонадежныхъ, но выглядятъ до того не аппетитно, до того неблагонадежно.

4) ОТДѢЛЬНАЯ ПОРЦІЯ:

жаркое или котлета телячья съ картофелемъ (мяса 48 зол.)—коп. безъ хлѣба;

тоже говяжье—8 коп;
компотъ—7 коп...

Я рискнулъ выписать на всю недѣлю телячью котлету и компотъ. И за двадцать копѣекъ у меня получился превосходный, нѣсколько экзотическій обѣдъ.

Но я увлекся въ сторону. Отъ булки перешелъ къ обѣду.

Итакъ, къ чаю вамъ подають булку. Вы могли бы выписать сушекъ или баранокъ или вѣсового хлѣба. Но французская булка лучше,—она въ три коп. ее скушаете заразъ и она не успѣетъ зачерствѣть. Выписывайте даже лучше двѣ булки,—одну къ обѣду.

Можете выписывать бутылку молока (8 к.) или $\frac{1}{2}$ сливокъ (10 к.).

Ихъ будутъ приносить часовъ въ девять.

Это будетъ вашъ завтракъ.

Обѣдъ въ 11 часовъ.

Ужинъ въ 5.

Спать въ девять.

Полная переоцѣнка цѣнностей,—т. е. времени.

Вы попиваете чаекъ, а внизу соловьи свистутъ и звонки звонятъ...

Это старшій тюремщикъ вызываетъ условными свистками подручныхъ.

Цѣлый день раздаются его свистки и выкрики:

— 415 гулять!

— Съ 95 до 112, кромѣ одиночекъ,—гулять.

— 8?—свиданіе!

— 32—къ парикмахеру!

— 47—къ фельдшеру!

— Приготовьте 78 въ баню!

— 39—въ первый баракъ!

— 132—на работу!

— Подайте 13 уголовныхъ гулять!

Какъ полководецъ онъ ведетъ жизнь всей этой пятиэтажной громады четырехъ крестообразно расположенныхъ системъ камеръ.

Дети. «Вергаръ».

Дени. «Алексей Ремизов».

Сколько их даже приблизительно сказать не могу. Во время прогулки по двору мы видим меньше чем одну четвертую часть этой Бастилии и то я насчитал 50 окон.

И за каждым окном томится такое же я, как я. И каждое это я считает себя центром цѣлаго міра!

600—700 міровъ, 600—700 міровоззрѣній, 600—700 программъ политическихъ или уголовныхъ!

И всѣ эти 600—700 личностей обезличены, превращены въ манекеновъ, въ куколъ, въ приговишекъ, въ опасно больныхъ и всѣми ими командуетъ вотъ этотъ дежурный старшій.

И въ его устахъ, и въ его глазахъ это не личности, а цифры входящія и выходящія, въ настоящемъ значеніи этого слова.

А вѣдь быть можетъ самая яркія дарованія скрыты сейчасъ въ этой Бастилии.

Вы пьете чай и философствуете.

Но вотъ форточка открылась:

— Гулять!

Еще темно. Вамъ менѣ всего хотѣлось бы гулять именно въ 8 часовъ утра, но разъ сегодня вамъ выпалъ этотъ часъ, вы должны мириться, вѣдь росписаніе составлено такъ, чтобы за день на четырехъ дворахъ успѣли перегулять по получасу всѣ политическіе.

Гуляющіе дѣлятся на „одиначекъ“, которые гуляютъ совершенно одинъ на одинъ съ тюрем-

щикомъ, — шерочка съ машерочкой, и на „общихъ“.

Общихъ, къ которымъ вѣроятно относитесь и вы, выводятъ человѣкъ по 12—14, но предварительно изолируя политическихъ уголовными.

Дворъ круглый. На концахъ діаметра стоятъ два тюремщика съ револьверами. Вы должны идти по окружности по движенію часовой стрѣлки. Передъ вами спина уголовного арестанта, въ его сѣромъ форменномъ петанлерчикѣ, или въ коротенькомъ полущубкѣ. За вами — тоже уголовный.

Всѣ политическіе идутъ въ одну сторону и между каждымъ по уголовному изолятору!

А на концахъ батареи — два тюремщика — часовыхъ.

Это называется гулять.

По холодку вы бѣжите.

15 круговъ по 150 шаговъ, итого версты полторы въ полчаса дѣлаете, бѣгая какъ бѣлка въ колесѣ,

Вернулись. А въ 9 часовъ — въ форточкѣ появилось молоко.

Вы завтракаете.

Потомъ пишете письма, чтобы ихъ сегодня же отослали прокурору.

Письмо идетъ къ вамъ съ воли дней 10—12. Телеграммы тоже не быстрые.

Такъ основательно оставлены вы отъ „свободы“...

ПОСЛѢ ОБѢДА.

До обѣда смѣло можете писать письма къ родителямъ. Не особенно торопитесь, потому что у васъ времени еще порядочно. Вѣдь, обѣдаютъ въ тюрьмѣ въ 11 часовъ.

Первые дни желудокъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуетъ противъ такого болѣе чѣмъ буколическаго спозаранка.

Онъ безглаголиво отвращается отъ бурдообразныхъ суповъ, поданныхъ въ такой часъ, когда на свободѣ онъ привыкъ пить кофе.

Но черезъ три дня въ 10 часовъ онъ начинаетъ побуркивать: — „А хорошо бы, чертъ возьми, поцинготничать!“

И цинготный супъ, приправленный такою спеціей, какъ голодъ, кажется ему желаннымъ гостемъ.

Пообѣдаете вы къ половинѣ двѣнадцатаго. Поковыряете въ зубахъ. Помоеете посуду (—вашу собственную, т. е. ложку, роговой ножикъ и вилку) и... для васъ начинается то милое время между обѣдомъ и театромъ, на которое падаютъ

сумеречные тоны, блики догорающаго камина, молчаливая грустно-радостная бесѣда съ любимой женщиной, мѣрные всплески качалки, словно лодка васъ уноситъ куда-то далеко-далеко, въ царство сказки и очарованія.

Французы зовутъ это уютно интимное время entre chien et loup.

А въ тюрьмѣ оно приходится на 12 час. и протекаетъ все, а гіогно.

Въ это время можете читать, мечтать, философствовать, заниматься политикой, сочинять стихи. Старайтесь быть непринужденно веселымъ. Помните пѣсенку Беранже.

Chantez, chantez, ma belle

Chantez, chantez toujours...

Черезъ куплетъ поэтъ совѣтуетъ:

Valsez, valsez ma belle..

И это недурно. Вальсъ полируетъ кровь. Смѣхъ — мозгъ.

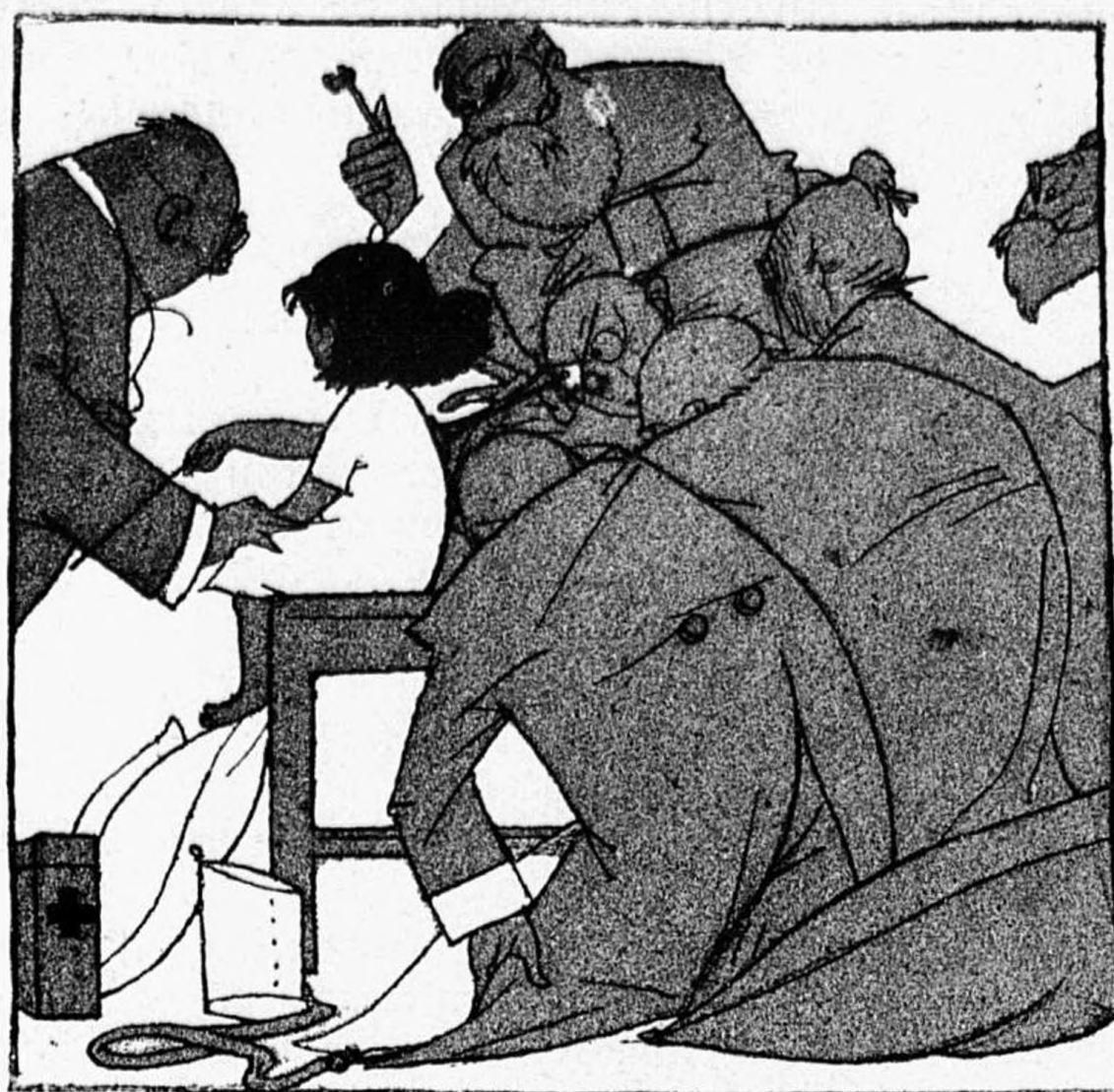
Маленькая гимнастика необходима. До ужина у васъ пять часовъ и два кипятка.

Кипятки скрашиваютъ вашу жизнь. Вы завариваете чай. Ждете, когда онъ настоится. Рѣжете

Дени. «Гр. А. Н. Толстой».

Дени. «Вилли Ферреро свидетельствуется врачами».

лимонъ. И въ это время у васъ просыпаются инстинкты буржуа.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ онъ ни отпирался, сидитъ таки буржуй и въ самые для васъ неожиданные моменты вдругъ потираетъ руки и восклицаетъ:

— А вѣдь я, чортъ возьми, хозяйственно устроился.

Кипятокъ вноситъ иллюзію хозяйственности. Но главнымъ образомъ читайте, пока свѣтло.

Читайте Достоевскаго—пусть онъ введетъ васъ въ страну униженныхъ и оскорбленныхъ. Читайте Сѣрошевскаго—пусть онъ раскрываетъ передъ вами бытъ прокаженныхъ—предѣлъ скорби. Читайте Успенскаго—пусть передъ вами возобновляются нравы потерянныхъ растеряевцевъ. Читайте Мельшину—пусть передъ вами промелькнутъ во всей ихъ отвратительной подробности сцены каторжной жизни. Но лучше всего читайте еврейскіе рассказы Юшкевича,—вотъ гдѣ быть и прокаженныхъ, и быть каторжниковъ, и быть униженныхъ и оскорбленныхъ,—всѣ быты слились.

И когда вы оторветесь отъ этого предѣла скорби, вамъ покажется миленькой, жантильной бонбоньерочкой ваша камера, а быть „Крестовъ“—великолѣпнымъ бытомъ.

Чего же вамъ еще надо!—У васъ есть кусокъ хлѣба и кровъ, и отопленіе, и освѣщеніе, и книги.. Вы—степендіатъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вы счастличикъ, баловень судьбы,—вотъ кто вы! И буржуа снова потираетъ руки.

— А не заварить ли мнѣ еще чаю!

Чаю вы за день набухаете столько что чайникъ распухнетъ. Но тѣмъ лучше, —завтра будетъ чѣмъ мести полъ!

Библиотека въ Крестахъ порядочная. Въ Предварилкѣ тоже ничего. Въ Пересыльной же нигде не годится.

Въ Крестахъ книги только на русскомъ языкѣ—это вѣроятно потому что библиотекой завѣдуетъ тюремный священникъ.

Книги вы можете мѣнять каждый день. Должны прочитанную вынуть въ форточку до 12 часовъ и въ тотъ же день часа въ 3—4 получите новую по вашей выпискѣ изъ каталога.

Отличная штука—книга. Ею можно бы весь

день наполнить.

Но къ сожалѣнію недостатки освѣщенія даютъ себя скоро почувствовать.

Глаза устаютъ. Слезятся. Окно вѣдь высоко и далеко. А лампочка—еще больше,—она въ центрѣ сводчатаго потолка,—на саженной высотѣ отъ поверхности вашего стола, гдѣ лежитъ ваша книжка.

Чу, форточка открывается.

— Ужинъ.

Если вы подписчикъ на цинготный обѣдъ, вамъ подаютъ кашу, если на больничный средний—кашицу.

Почти всѣ тѣла въ природѣ какъ мы знаемъ по физикѣ могутъ быть подаваемы въ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ.

Даже воздухъ.

Такъ же и каша.

Цинготная каша—это каша въ твердомъ состояніи, „кашица“—кашавъ жидкомъ состояніи.

Каши въ газообразномъ состояніи въ тюрьмѣ не подавали. А, жаль, Можетъ быть, она-то и была бы съдобной и не воняла бы не то крысой не то псиной.

У меня лично на ужинъ остается всегда мой компотъ. Подбавлю къ нему апельсиновыхъ ломтиковъ, удоблю сахаромъ,—и чувствую себя итальянцемъ, хотя по совѣсти говоря тѣ трупы фруктовъ, которые подаютъ въ компотъ сильно нуждаются въ удостовѣреніи личности.

Не то яблоко, не то моченая слива, не то винная ягода, плаваеи въ лужѣ мутноватого и грязноватого цвѣта.

Пожинавъ; до кипятка стучите сосѣду.

Самый употребительный ключъ въ Крестахъ такой:

	1	2	3	4	5
1	а	б	в	г	д
2	е	ж	з	и	к
3	л	м	н	о	п
4	р	с	т	у	ф
5	х	ц	ч	ш	щ
6	ы	ю	я		

Вамъ нужно напимѣръ, выстукать ваше имя—Николай.

Н—находится въ третьемъ ряду на третьемъ мѣстѣ.

Вы стучите:

— Тукъ-тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ!

И—во 2-мъ ряду на четвертомъ мѣстѣ.

Тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ!

К—Тукъ тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ-тукъ.

О—Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ. Тукъ-тукъ-тукъ.

Затѣмъ: Тукъ-тукъ.

Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ. — Тукъ-тукъ-тукъ-тукъ-тукъ.

И дѣлаете по стѣнѣ росчеркъ, чтобы показать что слово окончено.

Когда привыкнете разговоръ пойдетъ быстро... если бы было о чемъ разговаривать.

У уголовного сосѣда вашего новостей еще меньше чѣмъ у васъ, да и тѣ новости не того порядка.

Но вотъ:

— Кипятокъ.

Вашъ сосѣдъ и вы предаетесь прелестямъ буржуазнаго времяпровожденія.

Около девяти часовъ внизу раздастся уголовная хоровая молитва.

Въ девять тухнетъ электричество...

Такъ незамѣтно прошелъ день.
Осталось только 364!

О ТРЕНИРОВКѢ И РАЗВЛЕЧЕНІЯХЪ.

Итакъ, тюрьма кажется тяжелой только съ непривычки. Сначала сидѣть противно. А потомъ всидишься такъ даже нравится.

Въ каждомъ искусствѣ нужна тренировка. И въ искусствѣ сидѣть тоже. Вотъ почему я дивлюсь на молодежь, которая пренебрегаетъ этимъ занятіемъ.

У насъ готовятся для того, чтобы поступить въ гимназію, въ университетъ, въ техническое училище, тренируются, чтобы поступить въ клубъ велосипедистовъ, въ Петровский клубъ, въ Чернорѣченскій клубъ, но у насъ не готовятся и не тренируются передъ тѣмъ, какъ поступить въ тюрьму.

А между тѣмъ, не чаще-ли всего туда попадаютъ и не больше-ли всего жалобъ на то, что съ непривычки тюрьма кажется адомъ.

Между тѣмъ нѣтъ ничего проще, какъ устроить у себя въ квартирѣ примѣрную камеру — (чуланъ всегда найдется) и отводить недѣлку — другую черезъ мѣсяцъ—два на упражненія въ ней.

Обстановка тренировочной камеры не Богъ знаетъ чего стоитъ. На обратной сторонѣ висящаго въ тюрьмѣ „Перечня обѣдовъ“, о которомъ я уже выше упоминалъ, напечатана „Опись и стоимость казеннаго имущества, находящагося въ камерѣ“.

Кровать желѣзная съ установкой	14 р.	—	к.
Матрасъ сомаальный	1	„ 50	„
Подушка соломённая	—	„ 43	„
Пододѣяльникъ	—	„ 80	„
Одѣяло суконное	2	„ —	„
Столъ	2	„ —	„
Табуретка	—	„ 80	„
Образъ	—	„ 30	„
Евангеліе	—	„ 25	„
Молитвенникъ	—	„ 25	„
Два мѣдныхъ ярлыка	—	„ 50	„
Гребенка	—	„ 25	„
Мѣдный тазъ	2	„ 80	„
Мѣдный кувшинъ	2	„ 35	„

Мѣдная миска	1	„ 29	„
Мѣдная тарелка	—	„ 85	„
Мѣдная солонка	—	„ 12	„
Ложка деревянная	—	„ 1 1/2	„
Двѣ вѣшалки	1	„ —	„
Щетка половая	—	„ 40	„
Лампа электрическая	2	„ 60	„
Клозетъ-ведро (парашка)	2	„ 25	„

Итакъ, все приданое арестанта обойдется вамъ въ 38 р. 15 1/2 к.

Но зато ужъ вы у себя дома будете чувствовать себя заправскимъ арестантомъ.

А когда попадете въ тюрьму, будете чувствовать себя, какъ дома.

Дени. «Н. Н. Филмеръ».

Во время тренировки заставятъ горничную будить васъ звонкомъ въ 5 ч. 45 м., заставятъ домашнихъ всѣхъ пѣть въ 6 ч. 15 м. молитву, въ 9 ч.—раздача хлѣба, въ 11 ч.—раздача мяса, въ 5 ч. ужинъ, въ 8 1/4 ч.—вечерняя молитва и въ 9 ч. тушеніе огней.

Вы увидите что, столь экономный режимъ выгоднѣйшимъ образомъ отразится на вашемъ домашнемъ бюджетѣ.

У васъ и финансы и здоровье поправятся и нервозки поуспокоятся, и сами вы пополижете и похорошеете.

И вмѣстѣ съ тѣмъ приготовитесь къ тому мѣсту, его же не преидеши, т. е. къ тюрьмѣ.

Но если полезно и пріятно скрашивать домашнюю

жизнь воспроизведеніемъ въ миниатюрѣ тюремной обстановки, то еще болѣе пріятно развлекать себя въ тюрьмѣ воспроизведеніемъ обстановки домашней.

Вотъ объ этихъ-то невинныхъ развлеченіяхъ я и хочу поговорить въ нынѣшней главѣ.

Каждому добпорядочному арестанту, а также и каждому тренирующемуся слѣдуетъ твердо знать печатныя „Правила для заключенныхъ“.

1) По прибытіи въ камеру заключенный долженъ провѣрить, всѣ-ли положенные по описи предметы въ ней находятся и состоятъ ли они въ должной исправности, въ противномъ случаѣ обязанъ заявить надзирателю въ теченіе первыхъ по прибытіи сутокъ, иначе пріобрѣтеніе недостающихъ въ камерѣ вещей или ихъ испра-

Дени. «Н. В. Плевницкая».

вление производится за счет заключенного.

Въ большинствѣ случаевъ, попавъ въ тюрьму если вы не тренированный новичекъ, въ первый день бродите, какъ шальной.

Вамъ и въ голову не придетъ заняться провѣркой вещей, какъ гласятъ правила напечатанныя на оборотной сторонѣ „Перечня цинготныхъ обѣдовъ“.

Вслѣдствіе этого вы можете попасть въ скверную исторію.

Тюремный надзиратель вамъ скажетъ на слѣдующій день:

— Вы должны купить табуретъ.

Дени. «А. П. Павлова».

— Какой табуретъ?

— Да вотъ, который значится въ описи.

— Въ описи-то онъ значился. Но былъ-ли онъ въ камерѣ.

— Если значится въ описи, значить былъ и въ камерѣ. Иначе вы должны были бы объ этомъ объявить мнѣ въ теченіе сутокъ.

— Но я не зналъ этого.

— Никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона, хотя бы и напечатаннаго на оборотной сторонѣ цинготнаго меню.

— Позвольте, но куда же могъ дѣться вашъ табуретъ.

— Это не мое дѣло.

— Вѣдь не укралъ же я его. Вы сами знаете, что я не выходилъ изъ этой комнаты. Гостей у меня не было... Да, наконецъ, общите меня...

— Это не мое дѣло...

— Проглотить вашъ табуретъ я тоже не могъ... Слѣдовательно его здѣсь не было и не могло быть, и ваши цинготныя правила, которыя требуютъ чтобы я купилъ новый табуретъ, не... не... не... основательны...

— Мы не имѣемъ права входить въ критику правилъ. Мы власть исполнительная...

Я не знаю, удастся-ли вамъ отвергнуться отъ покупки табурета.

Но разъ вы добровольно согласитесь купить табуретъ, не признаетесь-ли вы тѣмъ самымъ въ предосудительномъ уничтоженіи стараго табурета.

Не бросите-ли вы на свою политическую репутацию уголовную тѣнь!

2) „Содержать въ чистотѣ камеру и въ опрятности постель, нижнее бѣлье и верхнее платье, стѣны не пачкать и не царапать!“

Смотрите, не спутайте:—„камеру въ чистотѣ, а постель—въ опрятности“.

Бывали случаи, когда арестантъ, не разобравъ, въ чемъ дѣло ухлопывалъ свое драгоценнѣйшее время на то, чтобы содержать камеру въ опрятности, а постель въ чистотѣ.

Ну, какъ вы будете держать въ опрятности такую неопрятную вещь, какъ параша.

А вѣдь она—часть камеры.

Ну какъ вы будете содержать въ чистотѣ постельное бѣлье, когда оно и чистое, и грязное имѣетъ одинъ и тотъ же цвѣтъ и запахъ.

Ей Богу, нужно быть экспертомъ, чтобы сказать съ увѣренностью, чистъ, или грязенъ вотъ этотъ цинготный пододѣяльникъ.

Да, наконецъ, какія мѣры можете вы принять въ камерѣ противъ загрязненія бѣлья.

Чаще мѣнять. Но оно мѣняется по усмотрѣнію начальства въ сроки, предуказанные выше.

Другихъ мѣръ нѣтъ.

Не можете же вы завертываться въ газетную бумагу, щадя пододѣяльникъ.

Уже по тому самому, что газетная бумага въ камерѣ вещь невѣроятная.

„Стѣны не пачкать и не царапать“...

Вы вспоминаете свое золотое дѣтство, которое мнѣ лично представляется въ видѣ милаго свѣтлаго многоугольника.

Такъ часто мнѣ приходилось отбывать уголовную угловую? (угольную)? повинность.

Стоишь, бывало, въ углу и единственнымъ твоимъ развлеченіемъ было именно „стѣны пачкать и царапать“...

Дени. «Н. Ф. Балиевъ».

Начнешь ковырять обои, или намусленнымъ пальцемъ стирать съ нихъ рисунокъ, или выцарапывать любимый вензель.

Любовь во всѣ углы и закоулки проникаетъ. Отъ нея не уберезетъ ни дѣтство, ни старость, ни уголъ, ни тюрьма...

Уголъ—это тюрьма дѣтства.

Тюрьма—это уголъ зрѣлыхъ лѣтъ.

И вотъ въ тюрьмѣ пробуждаются давно забытыя симпатіи и наклонности.

И каждый арестантъ начинаетъ съ пачканья и царапанья стѣны,—т.е. со стѣнографіи.

Хоть вы и знаете, что послѣ васъ эти стѣны осматрять и всѣ ваши стѣнограммы змажутъ масляной краской такъ основательно, что вашему наслѣднику не передается даже самое имя ваше.

Но вы все таки обольщаете себя надеждой; авось гдѣ-нибудь тюремщикъ и не усмотритъ, и имя ваше отъ тлѣнья убѣжитъ.

И вы выцарапываете крючкомъ отъ вашихъ ботинокъ, или ногтечисткою, или иголкой на масляной краскѣ стѣны:

„Въ сей камерѣ съ такого-то дня сидѣлъ и содержаніе оной не одобрилъ Петръ Зудотъшинъ“.

Если вы политическій, въ чемъ я не сомнѣваюсь, вы напишите грамотно, если же вы уголовный, вы напишите такъ, что вашей ореографіи удивился бы самъ милостивый государь Петръ Зудотъшинъ.

Ореографіи, какъ и обѣды, въ тюрьмѣ раздѣляются на уголовную, цинготную и политическую.

Кромѣ этической и ореографической стороны стѣны не имѣютъ никакого значенія.

Практическое значеніе уже потому равно нулю, что первымъ чтеніемъ вашей стѣнограммы будетъ тюремное начальство.

Не станете же вы изрекать философскія сентенціи или излагать политическія доктрины, имѣя цѣлью расширить кругозоръ господъ чиновъ тюремнаго вѣдомства.

Но не одна стѣнографія царапаетъ стѣны.

Царапаетъ ихъ и языкъ стуковъ, каменный языкъ, которымъ переговариваются сосѣди.

Во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи стѣны имѣютъ уши.

Въ тюрьмахъ же, кромѣ того,—языкъ.

Вы сидите, словно на телеграфѣ или на чрезвычайно удачномъ спиритическомъ сеансѣ.

Обѣ стѣны, полъ и потолокъ разговариваютъ.

Сначала это васъ интересуетъ, но скоро начинается положительно раздражать.

— Ну, ударь одинъ разъ, ну два раза. Но нельзя же до безчувствія.

А тутъ вамъ по нервамъ ударяютъ положительно до безчувствія.

ЕЩЕ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Продолжаю изученіе цинготныхъ правилъ. Третье изъ нихъ гласитъ. И вставши угромъ вынести горшокъ-парашу, умыться, расчесать волосы и, положивши опрятно свою постель, закрыть койку“. Первое изъ этихъ развлеченій—парашка,—увы—изъята изъ политическихъ развлеченій и представляетъ монополию уголовныхъ: угромъ къ вамъ является уголовный парашникъ и продѣлываетъ процедуру, о которой подробно сказано выше.

Умываніе, какъ развлеченіе, великолѣпная вещь. Тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ оно представ-

ляетъ изъ себя скачку съ препятствіями.

Мѣдный тазъ по величинѣ и по формѣ напоминающій соломенную шляпу, заставляетъ васъ прибѣгать къ различнымъ ухищреніямъ, чтобы не разбрызгать того небольшого количества воды,

Дени. «И. В. Тартковский».

Дени. «Макс Великий».

которое вам удалось скопить вчера отъ пяти остывшихъ кипятковъ.

Отъ находчивости, сообразительности ловкости рукъ, навыка и вниманія арестанта зависитъ благополучный исходъ операціи.

У новичка обыкновенно хватаетъ воды, чтобы умыть руки, а для лица если онъ терпѣливъ, можетъ ожидать пока простынетъ кипятокъ въ кувшинъ.

Дени. «Марджановъ послѣ неудачи».

Я лично не удивляюсь какому-то странному на первый взглядъ желанію начальства отучить арестанта отъ чистоты.

— Отчего бы тазикъ или кувшинъ не довести до удовлетворительныхъ размѣровъ! — восклицаетъ близорукий новичекъ.

Да вотъ отчего: большой тазъ отнял бы у васъ развлечение.

Умыванье утратило бы спортивный элементъ свелось бы къ обыденщинѣ.

Я говорю о „Крестахъ“. Въ Предварилкѣ вы можете мыться хоть цѣлый день, такъ какъ тамъ въ каждой камеркѣ по крану.

Слѣдующее развлечение — волосы. Свобода причесокъ — полнѣйшая.

Разъ въ недѣлю въ тюрьму приходитъ парикмахеръ съ чековой книжкой. Васъ вызываютъ.

Вы въ сопровожденіи надзирателя сходите внизъ въ корридоръ. Но не сразу попадаете въ камеру, гдѣ заключенъ парикмахеръ.

Сначала еще васъ попросятъ въ сосѣдную камеру; гдѣ выдерживаютъ васъ въ карантинѣ отъ 5 до 30 минутъ.

(Положимъ я только разъ сидѣлъ 30 минутъ, обо мнѣ забыли).

Дѣлается это для того, чтобы вы чего добраго не столкнулись въ корридорѣ или камерѣ съ предыдущимъ кліентомъ парикмахера.

Но вотъ тюремщикъ говорить:

— Пожалуйста!

Вы входите въ камеру, отведенную на сегодня подъ парикмахера. Садитесь на табуретъ такой же, какъ у васъ въ камерѣ передъ такимъ же, какъ у васъ въ камерѣ, столѣ.

Пейзажъ тотъ же самый, который такъ осточертилъ вамъ уже въ своей камерѣ.

На полу масса политическихъ волосъ, черные, шатеновые, блондиновые, просѣди всѣхъ отъѣнковъ.

Много просѣди. Въ тюремномъ воздухѣ есть какой то микробъ, который серебрить даже тридцатилѣтнихъ молодцовъ.

И есть еще другой микробъ, который подтачиваетъ корни волосъ и они выпадаютъ. Счастливы! ихъ выметутъ и они очутятся на волѣ.

Тюремный Фигаро не разговорчивъ. Еще бы. Вы не подумайте, что вамъ позволятъ остаться съ парикмахеромъ съ глаза на глазъ.

Дени. «Высокое искусство: К. А. Варламовъ кинематографируется».

Дени. «Г-жа Варламова».

У меня сердце обливалось кровью, когда я видѣлъ въ окошко „прогулку“ одного такого политическаго старика.

Его выводили на дворъ подъ руки и усаживали: такъ желтъ и дряхлѣть былъ онъ. Онъ весь дрожалъ отъ какихъ-то истерическихъ нервныхъ судорогъ.

Было тепло. Но его корчило, какъ будто онъ боится зыстѣть.

Вѣроятно онъ изъ больницы. Но и въ больницѣ та же тюрьма.

Разъ какъ-то мы гуляли и его вывели. Онъ жадными глазами глядѣлъ на насъ. Глядѣлъ и дрожалъ.

А мы глядѣли и думали:

— Вотъ и изъ насъ многіе обречены на такое будущее.

И было тяжело. И мы старались не смотрѣть на него. И прятали свои взгляды.

А онъ такъ жадно ловилъ и молилъ этихъ взглядовъ.

И при этой трепещущей развалинѣ былъ представленъ бравый тюремщикъ, чтобы мы не могли подать какой-нибудь знакъ этому несчастному...

Его зубы лихорадочно выстукивали дробь.

И я ждалъ, что надзиратель ему крикнетъ:

— Стучать не полагается!

И онъ будетъ правъ, потому что § 20 цинготныхъ правилъ гласитъ:

Нѣтъ и къ нему приставленъ надзиратель. Иначе вы можете отъ парикмахера выпытать что-нибудь по части политики.

Я увѣренъ, что если бы вы умерли въ тюрьмѣ и пришелъ бы гробовщикъ снимать мѣрку съ вашего тѣла, и тутъ вашъ трупъ не оставили бы еп деух, а откомандировали бы тюремнаго надзирателя.

А вдругъ гробовщикъ сболтнетъ что-нибудь такое, отчего у васъ мертвого волосы станутъ дыбомъ.

Я не знаю избавляетъ ли дѣйствительно смерть отъ одиночнаго режима. Могутъ ли хоть на вашъ трупъ ваши родные глядѣть не пять минутъ, какъ на свиданіи и не при жандармѣхъ...

Вѣроятно, нѣтъ. Болѣзни самыя тяжелыя не избавляютъ.

Дени. «Лось».

„Заключенному строго воспрещается гдѣ бы то не было, не только вступать въ разговоръ другъ съ другомъ, но и сноситься посредствомъ знаковъ, стука и проч...“

Но вернемся къ цырульнику.

Онъ не краснорѣчивъ и отвѣчаетъ на вопросы загадками и поговорками объективнаго характера.

Я спросилъ, напримеръ, его:

— Довольны ли вы здѣшной практикой?

Онъ отвѣтилъ:

— Мѣсто свято не бываетъ пусто.

Это надо понимать.

— Да, очень доволенъ, потому что здѣсь всегда много кліентовъ. А въ одиночномъ заключеніи волосы растутъ особенно быстро. Скучно, — вотъ они и растутъ.

Изъ всего въ тюрьмѣ надо умѣть сдѣлать развлечение.

Если вы носите бороду, — сбейте ее. Это васъ развлечетъ на недѣлю. Каждый день вы будете улыбаться, видя въ осколкѣ зеркала „чужую“ физиономію.

А когда привыкнете къ этой физиономіи, сбейте и усы.

Еще недѣлю передъ вами новое лицо.

Привыкнете, — отпустайте баки, эспаньолку-бороду, или усы, — разнообразіе небывалое.

Я не знаю, запротестовало ли бы начальство если бы вы даже съэкстравагантничали, заставивъ парикмахера обрить только правую сто-

Дени. I. В. Тартаковъ.

рону лица, а лѣвый усъ и лѣвую половину бороды оставивъ въ покоѣ.

Наконецъ, можно сбрить лѣвый усъ и правую половину бороды.

Но въ этомъ, вѣроятно, начальство увидитъ условный „знакъ“ и лишитъ васъ прогулки.

Политическій Фигаро бреетъ только политическихъ. Для уголовныхъ же ссобога приходящаго парикмахера не полагается, потому что въ средѣ арестантовъ всегда оказывается нѣсколько человѣкъ этого почтеннаго цѣха. Они-то и несутъ повинность „стрижки и бритья“ на тѣхъ-же началахъ, на какихъ парашники несутъ свою, кпятошники—свою, фельдшера—свою повинность.

Всѣ профессіи посылаютъ въ тюрьму своихъ представителей.

Мѣсто свято дѣйствительно не бываетъ пусто.

Послѣднее развлеченіе этого параграфа правилъ гласитъ о койкѣ.

Политическіе арестанты пользуются коечной льготой. Уголовные обязаны на день прикрѣплять ее къ стѣнѣ. Мы же, политическіе, можемъ и днемъ баловать грѣшное тѣло лежаніемъ,—себѣ дороже.

Двигайтесь, двигайтесь, какъ можно больше. Поставьте себѣ задачей пройти пѣшкомъ отъ Петербурга до Москвы по рельсамъ Николаевской дороги.

Высчитайте, сколько шаговъ въ камерѣ вы сдѣлаете въ часъ, сколько верстъ въ день, сколько станцій въ мѣсяцъ...

Это васъ развлечетъ.

5) „Послѣ обѣда и ужина, вымывши посуду, поставить ее на установленное мѣсто“.

6) „Вечеромъ, по совершеніи молитвы, раздѣвшись, уложить въ рядкѣ на табуретѣ свое платье“.

„Вымывши и вычистивши“, это звучитъ, какъ плеоназмъ. Чѣмъ вы будете чистить посуду?

Она мѣдная, — надо кирпичъ или песокъ,—ихъ нѣтъ. Слѣдовательно. вопросъ о чисткѣ отпадаетъ.

„Установленное мѣсто“ — надъ парашкой. Какъ это ни обидно для человѣческаго достоинства, но лучшаго мѣста для вашего сервиза не придумали. При этомъ тазъ долженъ висѣть за колечко надъ самой парашкой.

Я училъ васъ противузаконію, когда совѣтовалъ поставить тазъ въ уголъ на полъ и копить въ немъ охлажденные кипятки,—для умыванія на завтра.

Нѣтъ, по цинготнымъ правиламъ вы должны довольствоваться тѣмъ количествомъ влаги, которое умѣстится въ кувшинчикѣ.

Быть чистымъ—это уже роскошь.

6) „Заклученный обязательно долженъ заниматься по назначенію Начальника тюрьмы, причемъ обязанъ знать размѣръ получаемой имъ за исполненную работу платы, о чемъ онъ поставляется въ извѣстность мастеромъ“.

7) „Въ вознагражденіе за работу назначается изъ вырученнаго дохода $\frac{1}{10}$ части, т. е. 40 коп. съ одного рубля, и каждый заключенный послѣ полученія на руки рабочей книжки, въ случаѣ неисправности записи, имѣетъ право въ теченіи мѣсяца заявить объ этой неисправности; по истеченіи этого срока никакія жалобы приниматься не будутъ“.

8) „Въ случаѣ порчи казеннаго матеріала вслѣдствіе неумѣлости работать, никоимъ образомъ его не скрывать, а заявить надзирателю“.

9) „...предоставляется съ разрѣшенія начальника тюрьмы расходовать на свои надобности и пособія семейству половину заработанныхъ денегъ. Другая половина остается неприкосновенной и выдается только при освобожденіи“.

Это очень серьезные параграфы правилъ. Это отвѣтъ на ежедневную молитву, которую такъ скорбно поютъ уголовные арестанты:

... „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“...

ИГРА ВЪ ПЯТНЫШКИ.

Я говорю не объ игрѣ въ пятнашки, которой на свободѣ увлекаются дѣти и жандармы.

А объ игрѣ въ пятнышки, которой я увлекался сидя въ тюрьмѣ.

Въ числѣ политическихъ заключенныхъ, которые сейчасъ томятся въ тюрьмахъ Великія и Малыя, и Бѣлыя, и Красныя Руси не малое количество дѣтей.

(По крайней мѣрѣ по дѣлу Нечай въ тюрьмѣ сидѣли и девятилѣтнія).

Для дѣтей одиночное заключеніе безспорно еще невыносимѣе, чѣмъ для взрослыхъ.

Никакихъ игрушекъ въ тюрьмѣ не полагается:

Гимнастики тоже.

§ 20 тюремно-цинготныхъ правилъ гласитъ:

„Заклученному строго воспрещается гдѣ бы то ни было не только вступать въ разговоръ другъ съ другомъ, но и сноситься посредствомъ знаковъ, стука и проч., а также смотрѣть изъ окна своей камеры, кормить птицъ, пѣть, свистать, вообще нарушать тюремный порядокъ“.

Для взрослыхъ есть библіотека.

Отчего бы для ребят не завести казенных кукол и игрушек.

Лошадки, мячики, серсо,—вѣдь, это совсѣмъ безопасно въ санитарномъ отношеніи,—этимъ съ собой покончить нельзя.

(Да и вообще ребенокъ врядъ ли додумается до самоубійства.

Самоубійство вещь взрослая.)

А теперь приходится дѣтишкамъ, да и взрослымъ тоже, самимъ выдумывать игры, не протворѣющія § 10-му цинготныхъ правилъ.

Я изобрѣлъ такую игру.

Вы берете листъ бумаги, капаете на него чернилами съ пера, затѣмъ складываете вдвое и разглаживаете рукой.

Чернильные пятнышки и кляксы располагаются прихотливымъ рисункомъ.

Вглядѣвшись внимательно въ контуры и расположенія ихъ, вы увидите всегда, что они что-нибудь да напоминаютъ, на что-нибудь походятъ.

Стоитъ только тамъ или тутъ перомъ прибавить нѣсколько черточекъ и у васъ получится заправская виньетка.

Сначала эта игра носитъ характеръ гаданія.

Вы капаете и думаете:

— Ну ка что изъ этого выйдетъ?

И выходитъ почти всегда совсѣмъ не то, о чемъ вы думали:—лвы, короны, букеты, вазы, висѣлицы, танцовщицы, чертики.

Но при нѣкоторомъ навыкѣ вы начинаете овладѣвать техникой пятна начинаете помогать случаю, природѣ,—придавать виньеткѣ тотъ или иной желательный вамъ характеръ.

Вы можете обводить пятна контуромъ.

Подраздѣлять отдѣльныя части.

Покрывать фонъ кружечками или черточками.

И виньетки ваши съ каждымъ разомъ будутъ становиться все лансеристѣе да лансеристѣе.

Я абсолютно не умѣю рисовать.

И всѣ виньетки, которыми украшены стрр. 59-62 номера перваго „Весны“, получены мною такимъ механическимъ путемъ.

Въ мукахъ одиночества.

Я увѣренъ, что эта игра развлечетъ не только дѣтей, но и взрослыхъ, потому что на фонѣ тюремныхъ буденъ все кажется въ сто разъ интереснѣе, чѣмъ на свободѣ.

Даже Государственная Дума.

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

Развлеченіе, о которомъ я говорилъ въ прошлый разъ, заставляетъ арестанта превращаться въ художника.

То, о которомъ я буду говорить сегодня, заставляетъ превращаться въ поэта.

Рѣдкій арестантъ не пишетъ стиховъ.

Среди житейскаго волненія многимъ и въ голову не приходитъ попытать свои силы на стихотворномъ поприщѣ.

Но здѣсь, въ этомъ домѣ мертвого, жуткаго покоя, рѣдко кому не приходитъ это.

Стихи здѣсь носятъ въ воздухѣ.

Только лови ихъ да оттачивай риэмы.

О, времени для этого занятія сколько угодно.

Тюрьма дѣлаетъ сантиментальнымъ — это всѣмъ замѣчено.

Тюрьма дѣлаетъ чувствительнымъ къ самымъ неуловимымъ настроеніямъ.

Тюрьма дѣлаетъ фантазеромъ.

Тюрьма дѣлаетъ философомъ.

А этого слишкомъ достаточно, чтобы записать стихи.

Пишутъ запоемъ.

Для арестанта сказать „записалъ“ все равно, для пьяницы „запилъ“.

Мнѣ посчастливилось въ своей камерѣ сдѣлать находку,—тетрадку стиховъ.

На первый взглядъ это невѣроятно.

Робинзонъ на своемъ необитаемомъ островѣ сдѣлалъ находку!

Да, вѣдь я въ тюрьмѣ болѣе одинокъ, чѣмъ Робинзонъ.

У него хоть Пятница былъ.

А здѣшнимъ Пятницамъ не слѣдуетъ довѣряться.

Передъ тѣмъ какъ посадить новаго арестанта камеру чистятъ и замазываютъ краской тѣ мѣста, на которыхъ предыдущій сидѣлецъ увѣковѣчилъ свое имя-фамилію, или изрекъ какую-нибудь сентенцію.

И передъ тѣмъ, какъ впустить въ камеру меня, ея стѣны замазали.

Оттого стѣны пятнами.

Всю камеру вдоль и поперекъ обшарили.

А одно мѣстечко ускользнуло отъ вниманія аргусовъ.

Я говорю о маленькой форточкѣ надъ дверью.

Назначеніе ея, кажется, вентиляціонное.

Она помѣщается настолько высоко, что снизу не видно, лежитъ-ли въ ней что-нибудь.

Достать до нея можно только придвинувъ къ двери столъ и поставивъ на столъ табуретъ.

Это мнѣ удалось продѣлать ночью.

Что ни говорите, а у человѣка есть что-то сверхчувственное.

Мнѣ не спалось.

И глаза мои какой-то неудержимой силой приковывались къ этой печуркѣ.

Меня тянуло заглянуть въ нее.

Кто-то словно диктовалъ мнѣ: — „Пододвинь столъ, поставь на него табуретъ“.

Я подслушалъ, когда дежурный надзиратель уйдетъ на вторую галлерею, и съ ловкостью, совершенно не свойственной моей натурѣ, безшумно продѣлалъ эту операцію.

Сердце колотило, руки пылали, когда я схватилъ маленькую тетрадку.

Было темно. Я не могъ разобратъ, что она изъ себя представляетъ.

Но я чувствовалъ, что нашелъ что-то важное, интересное. словно гора съ плечъ свалилась.

Я положилъ ее подъ подушку (не гору, а тетрадку въ шестнадцатую долю писчаго листа), и заснулъ уголовнымъ сномъ.

Утромъ я съ восторгомъ увидѣлъ, что вся тетрадка исписана бисернымъ четкимъ почеркомъ.

Арестантская одиночная каллиграфія.

На такую способны только институтки, успѣвающія подъ бдительнымъ взоромъ классной дамы (—о, эти жандармы въ юбкахъ невыносимѣе для влюбленныхъ, чѣмъ жандармы въ брюкахъ!) сунуть вамъ во время свиданія въ руку billet doux.

Въ моей находкѣ заключалось десятка три-

четыре стихотвореній со слѣдующимъ предисловіемъ.

„Кто бы ни были, вы, наслѣдовавшій послѣ меня эту камеру, гдѣ я такъ много страдалъ и любилъ, прочитайте эти строки. До тюрьмы я никогда не писалъ стиховъ. Но каждый человѣкъ, видно, при благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ становится поэтомъ. Одиночество, тюрьма и любовь научили меня этому благороднѣйшему изъ искусствъ. Если вы, товарищъ, въ состояніи исполнить мою просьбу, спрячьте эту тетрадь у себя въ вещахъ. Если не въ состояніи, то прочитавъ, снова положите ее на то мѣсто, откуда взяли. Пусть слѣдующій, кому она попадетъ въ руки, исполнитъ мое заветное желаніе. Моя просьба устроить такъ, чтобы эти стихи были гдѣ-нибудь, все равно, въ газетѣ или въ журналѣ, напечатаны. У меня нѣтъ знакомства въ литературномъ мірѣ. Самого меня высылаютъ въ Нарымскій край. Вообще, товарищи, не буду входить въ подробности, повторю только, что это мечта моей жизни—быть напечатаннымъ. А. К. Кеверъ“.

Я съ удовольствіемъ прочиталъ и перечиталъ этотъ оригинальный романъ, составленный изъ отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ стихотвореній.

Нахожу, что для человѣка, никогда не писавшаго раньше стиховъ, они прямо прелестны.

И съ удовольствіемъ печатаю ихъ съ нѣкоторыми комментаріями, необходимыми для свободныхъ читателей.

Общее заглавіе тетради—„Цвѣты тюрьмы“.

Несомнѣнно, и авторъ и его муза—евреи.

Въ стихахъ послѣдняя называется Ревеккой, Веккой.

Въ одномъ изъ нихъ упоминается и ея фамилія—Шарпъ.

Ревекка Шарпъ!—что-то знакомое, подумалъ я.

И вспомнилъ:

— Да, вѣдь, въ „Базарѣ житейской суеты“ Теккерей, героиня Ревекка Шарпъ!

Но посвящаетъ-ли авторъ стихи теккереевской героинѣ, или скрылъ подъ этимъ псевдонимомъ свою собственную—неизвѣстно.

Равнымъ образомъ неизвѣстно, былъ-ли авторъ въ самомъ дѣлѣ журналистомъ, пострадавшимъ за свободу слова.

Или онъ только драпируется въ эту тогу.

Вѣдь, въ запискѣ ясно сказано, что у него въ литературномъ мірѣ нѣтъ знакомства.

И что до тюрьмы онъ не писалъ.

Но вотъ и самые „цвѣты“.

I.

Развѣ я пишу, голубка?

Это ты стихи диктуешь,—

Я—записываю только.

На мое попробуй мѣсто

Посадить кого угодно,—

Онъ какъ я стихи запишетъ.

II.

Сказка нашихъ дней. До свадебнаго пира

За два—за три дня я написалъ памфлетъ.

Смѣло и свободно въ немъ звучала лира,

Къ родинѣ любовью былъ объятъ поэтъ.

Были жгучи темы. Были ярки краски.

А. Любимовъ.

Возбужденный счастьемъ, вдохновленъ тобой, Весь подъ обаяньемъ искрометной ласки, словно древній витязь, рвался я на бой. Солнцу я въ лицо взглянулъ, очей не жмуря, Правду доплеснуть до самыхъ звѣздъ хотѣлъ,— Радъ свободѣ слова. Но поднялась буря— И я въ спящій замокъ съ нею улетѣлъ. Все у насъ случилось словно въ старой сказкѣ: Ты—была Людмилой. Былъ Русланомъ я. Черноморъ лишь только сплеховалъ въ завязкѣ: Не тебя похитилъ съ пира, а меня.

III.

Ты еврейка, ты еврейка...

Эти глазки, напримѣръ,

И волосъ кудрявыхъ змѣйка—

(Ихъ пригладить ты сумѣйка)

И смѣшная буква эръ,

И овалъ лица, и шейка

Все твердить, что ты еврейка.

Ты еврейства не скрываешь,

Имъ гордишься даже ты.

Въ моемъ сердцѣ, ты вѣдь знаешь,

Нѣтъ осѣдлости черты.

IV.

Тюрьма—это улей, а камеры соты,

Наполнены желчью, не медомъ онѣ.

Сегодня за полночь сквозь дымку дремоты

Какіе-то стоны почудились мнѣ.

Чу... стоны сильнѣе... возня въ коридорѣ...

Какъ будто затихло... И слышу опять...

Въ удушливомъ стонѣ почудилось горе...

Чу! голосъ тюремщика: „Докторъ!.. Сто пять!“

Внизу зазвонили звонки телефона:

— „Скорѣй въ первый корпусъ пришлите врача: Припадокъ!“

Теперь вмѣсто прежняго стона

Я слышу чудовище бѣется, рыча...

Чудовище-Ужасъ... Чу... что-то слетѣло.

Мнѣ слышно: тамъ, значитъ, распахнута дверь.

Чу! по полу бѣется и корчится тѣло,

Какъ баба, хохочетъ и воетъ, какъ звѣрь...

И вдругъ порвалось. Это дверь затворилась.

И стала темнѣе полночная тьма,—

Изъ чаши страданія капля пролилась,

И вновь онѣмѣла нѣмая тюрьма...

Тюрьма, это улей, а камеры соты.

Наполнены желчью и горемъ онѣ

И многіе пулей мечтаютъ расчеты

Покончить съ собою въ ночной тишинѣ...

V.

Разрѣшительной записки
На свиданье намъ не дали
Потому что... мы не близки...
Такъ жандармы разсуждали...
Да, съ тобою не женаты
Мы писчебумажнымъ бракомъ:
Ни однимъ въ участкѣ знакомъ
Не докажешь, что жена ты...
Мы могли бы поцѣлуемъ
Доказать наличность факта...
Нѣтъ и этимъ не втолкуемъ:
Вѣрятъ тамъ лишь въ связь контракта:
— „Гдѣ отчетъ въ столь важномъ шагѣ?..
Надо-бъ во время изволить
Этотъ шагъ запротоколировать
На бумагѣ, на бумагѣ!..
Любимъ мы другъ друга сильно.
Но для нихъ сіе не важно:
Недостаточно чернильно
Не достаточно бумажно...

VI.

Мнѣ въ тюрьму, дитя, сегодня
Сонмы ангеловъ слетѣли.
Тихо встала вокругъ постели
Рать служителей господня.
Небожителей дѣлами
Для меня пренебрегая,
Всѣ собрались дорогая,
Охранять мой сонъ крылами...
Знаешь, что за сонъ явилась
Охранять ихъ вереница?
Векка ангеловъ сестрица—
Мнѣ сегодня Ты приснилась...

VII.

Моей тюрьмы цвѣты—твои, дитя, портреты.
Какъ звѣздочки они сверкаютъ по стѣнѣ...
Мнѣ улыбаются. они смѣются мнѣ,
И лаской глазъ твоихъ мои часы согрѣты.
О, какъ мнѣ всѣ черты твои близки и милы:
Копна твоихъ волосъ... Ребяческій твой станъ...
Расцвѣтъ твоей груди, какъ миртъ благоуханъ...
Стою я и смотрю. И глазъ отвѣсть нѣтъ силы...
Моей тюрьмы цвѣты—дитя, твои посланья...
Передо мной лежать раскинуты листы.
Они мнѣ шелестятъ о томъ, какъ любишь ты,—
Журчатъ въ разгаръ зимы весеннія признанья:
„Мой милый... дорогой... Насъ разлучить

ты тюрьмѣ ли,
Я здѣсь... съ тобой... твоя... и буду вѣкъ твоей...
Тюрьма насъ сблизила. Насъ сдѣлала роднѣй...
Мы безъ нея душой такъ слиться бѣ не сумѣли...“
Моей тюрьмы цвѣты—моихъ стиховъ куплеты:
Теперь я, въ эти дни, какъ никогда, поэтъ.
Моей фантази, мечтѣ—преграды нѣтъ.
Въ брилльянты яркихъ рюмъ всѣ грезы разо-
дѣты.

Моя тюрьма цвѣтеть, цвѣтеть цвѣтами рая.
Надъ головой моей раскрылись небеса...
И темный лѣсъ шумить... и птичекъ голоса
И ты со мной опять... со мной, моя родная.
Чу! смѣха твоего веселое сопрано,
Вокругъ все золота, какъ дождикъ, разлилось.
Разсыпалась волна каштановыхъ волосъ
На прелесть твоего дѣвичьего стана.

Моя тюрьма цвѣтеть. И грезы, и портреты,
И рифмы, и стихи, и письма, и мечты.—
Все это о Тебѣ, во всемъ Ревекка, ты...
Цвѣты моей тюрьмы—Тобой одной согрѣты.

X.

Я сегодня осчастливленъ
Положительно тюрьмой,
Мнѣ другимъ смѣнили номеръ
Пятьдесятъ восьмой.
Дали восемьдесятъ пятый
Въ воздаяніе заслугъ,
Вотъ такъ номеръ! Вотъ такъ номеръ!
Въ немъ окно на югъ!..
Въ прежней камерѣ хотя-бы
Я на табуретъ залѣзъ,
Видѣлъ неба треть аршина...
Здѣсь... аршинъ небесъ!!!

VII.

Не тужи, моя Ревекка,
Дочь еврейскаго народа!
Что тюрьма для человѣка
Коль за ней видна свобода!
Что такое годъ разлуки,
Коль за нимъ восторги свадьбы?
Безъ тюрьмы, безъ нашей муки
Можетъ счастьемъ не бывать бы.
Воля, счастье—что такое?
Дочь еврейскаго народа,
Твой народъ не жилъ въ покоѣ
И не знаетъ, гдѣ свобода.
Онъ осѣдлости чертами!..
Весь давно въ тюрьму засаженъ.
Путь еврея не цвѣтами,—
Притѣсненьями загаженъ.
Твой поэтъ въ тюрьмѣ. Такъ что-же.
Значить, этого я стою!
И меня знакомать тоже
Здѣсь съ осѣдлости чертою.
Не туманъ-же ясныхъ глазокъ,
Встрѣтимъ бодро натискъ бурь мы.
Наша жизнь не вся изъ сказокъ.
Да и въ сказкахъ есть, вѣдь, тюрьмы.

X.

„Время деньги“.—Правда-ль это?
Если такъ-то, я богачъ!
Здѣсь въ тюрьмѣ-то! Здѣсь въ тюрьмѣ-то
Столько времени,—хоть плачь!
Я-бы имъ персонъ на сорокъ
Подѣлился ей-же ей.
„Время деньги“—поговорокъ
Я не слыхивалъ смѣшнѣй...
Это тамъ у васъ недѣли
Дни, часы несутся вскачь...
Здѣсь-же еле-еле еле,—
Каждый часъ—палачъ.

XI.

Мы прочли твое посланіе
Я, да богъ, да прокуроръ.
Здѣсь въ тюрьмѣ, въ судѣ и на небѣ
Ты произвела фуроръ.
Богъ воскликнулъ: „Я—амнистію
Политическимъ всѣмъ дамъ!—
На три дня въ предъадникъ выпустить
Кавалеровъ всѣхъ и дамъ!..
Прокуроръ (онъ ex officio
Прочиталъ и между строкъ)

X.

Мнѣ цвѣты сейчасъ прислали—
Блѣднопалевую розу,
Яркокрасную гвоздику,
Дѣвственный левкой,
Чтобъ смягчить мои печали,
Скрасить будничную прозу...
Даже видѣть право, дико,
Здѣсь букетъ такой.
Съ давнихъ поръ люблю цвѣты я—
Ихъ въ стихи вплеталъ исправно...
О, тогда я былъ поэтомъ
Воли и небесъ...
Миновали дни златые,
Разразился я недавно
Политическимъ памфлетомъ
И въ тюрьму залѣзъ.
Можетъ, это депутаты:
Роза красная—эсерка
Роза желтая—эсдечка
А левкой—кадетъ...
Кто-же ихъ прислалъ сюда-то?
Вѣдь тюрьма не бутоньерка...
Кто имъ выбралъ здѣсь мѣстечко.
Дурново, иль нѣтъ?

XI.

Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ
Это мой сосѣдъ направо,—
Цѣлый день я слышу стукъ,
Надо-бъ даже, право.
Не учился я стучать,
Слушать стукъ чужой—завидно,
А приходитъ молчать.
Удивительно обидно!
„Шесть рядовъ: Пять буквъ на рядъ“,—
Добылъ ключъ такой себѣ я
(Популярный, говорятъ)
И—за дѣло, не робѣя.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Ну-ка, мой сосѣдъ направо,
Вникни въ сей призывный звукъ!
Поболтать не дурно право!
Мой вопросъ: „какъ васъ зовутъ?“—
Для начала очень ловкій,—
Я стучалъ пять-шесть минутъ
Съ чувствомъ, толкомъ, съ разстановкой...
Ну-ка, что отвѣтятъ мнѣ?
Будетъ явнымъ, то, что скрыто...
Жадно я припалъ къ стѣнѣ
Любопытно, любопытно!
Но отвѣтъ привелъ въ тупикъ:
„Акрбцужа“—сосѣдъ отвѣтилъ.
До сихъ поръ въ него не вникъ,
До сихъ поръ мнѣ смыслъ не свѣтелъ.
Самолюбье отложь,
Повторилъ сосѣдъ разъ восемь:
„Акрбцужа“ да „Акрбцужа“...
Нѣтъ бесѣду лучше бросимъ.
Тукъ-тукъ-тукъ! да тукъ-тукъ-тукъ!
Это мой сосѣдъ направо
Цѣлый день я слышу стукъ,
Но боюсь отвѣтить, право.
Помню, какъ-то угодила
На сеансъ зимой къ спиритамъ,
Духъ ко всѣмъ былъ очень милъ,
А ко мнѣ такимъ сердитымъ.
Я отвѣта ждалъ дрожа.
Онъ при всемъ честномъ народѣ

Мнѣ простукать „Акрбцужа“
Или что-то въ этомъ родѣ...
Мнѣ ужасно не везетъ
Съ духомъ и моимъ сосѣдомъ:
Иль я выбралъ ключъ не тотъ,
Иль языкъ ихъ мнѣ не вѣдомъ...

XVI.

Все здѣсь спитъ, какъ въ спящемъ замкѣ,
Сказки. Жизнь вступила въ русло,
Въ русло смерти, въ смерти рамки.
Сердце вянетъ и пустуетъ.
Время чуть течетъ, какъ сусло.
Тупо. Вяло. Грустно. Скучно.
А дежурный рапортуетъ:
„Все въ тюрьмѣ благополучно!“.

XVII.

Мнѣ сегодня такъ взгрустнулося;
Не читается, не пишется,
Что то старое проснулося,
Всюду милый голосъ слышится...
Только вспомню это пѣніе
И Гуно аккорды первые,—
Съ нихъ мы начали сближеніе,—
Удержатъ не въ силахъ нервы я,
Съ дѣловой, серьезной миною,
Чуть ли даже не сердитою,
Ты пошла со мной въ гостиную.
— „Ну-съ, я буду Маргаритою!“
„Жилъ-былъ въ Оулѣ царь...“ и звуками
Все вокругъ озолотилося,
Сердце сладостными муками
Сжалось... и сильнѣй забилося...
Не могу писать... Не пишется...
Пусто... Тяжко... Сердце вынуло...
„Жилъ былъ въ Оулѣ царь...“ все слышится.
Не могу я... слезы хлынули...
Онъ уѣхалъ. Дочь Сіона,
Горе, горе твой удѣлъ!
Все вокругъ шипитъ злорадно:
— „Онъ уѣхалъ,—охладѣлъ!
— „Онъ уѣхалъ,—онъ забудетъ!
— „Не вернется больше онъ!
— „Много встрѣтитъ на чужбинѣ
„Дѣвъ прекраснѣй Бенціонъ
— „Онъ уѣхалъ! Онъ уѣхалъ!
„Не туманъ небесныхъ глазъ:
„Выбирай себѣ другого,—
„Мало-ль юношей у насъ!“
Но бѣжитъ отъ сплетенъ дѣва,

Окончаніе въ № 5 «Весны».

Вал. Томбергъ.

ЕЯ ШУТЬ.

Онъ стоялъ передъ „ней“ такой жалкій, весь
сжавшись въ маленький, темный комочекъ, и

печальными, усталыми глазами ласково смотрѣлъ „ей“ въ глаза. Ей невыносимо смѣшно, и она говорить среди звучнаго, животнаго смѣха:

— Милый горбунчикъ, смѣшной человѣчекъ! Какой вы забавный.

Когда-же онъ тихо, не глядя на ее сказалъ эти ужасныя, неуклюжія слова: „будьте моей женой“, съ ней сдѣлался какой-то припадокъ хохота. Но вдругъ, неожиданно повернулась къ нему и сжавъ плотно губы, что-бы не разсмѣяться, спросила: „знаете что... Хотите быть моимъ шуткомъ?.. Ну что-же?.. Онъ вмѣсто отвѣта сдѣлалъ невозможную гримасу, скосилъ уморительно глаза и хлопая въ ладоши повалился на мягкій пушистый коверъ и какъ-то неловко бокомъ перевернувшись сѣлъ на полу и протянулъ ей обѣ руки.

Онъ размышлялъ:—„Быть ея шуткомъ... надо рѣшить. Но для него это такъ просто, ему нужно что бы она была въ его поле зрѣнія. Вотъ и все. Только одно его страшно пугало. У него есть ребенокъ, маленькій Додикъ,—прижитый имъ съ какой-то не то экономкой, не то прислугой. Онъ такъ любить Додика... Какъ-же быть?... Прости меня добрый, бѣдный Додикъ“.

Когда онъ стоялъ въ смѣшномъ фракѣ въ церкви рядомъ съ женщиной одѣтой во все бѣлое, и держалъ въ рукахъ толстую обвитую золотомъ свѣчу,—то чувствовалъ что-то похожее на пытку, на издѣвательство. Смотрѣлъ какъ капалъ воскъ со свѣчи на его лакированный ботинокъ и дѣлалъ какой-то нелѣпый рисунокъ. И когда нужно было цѣловать эту женщину въ бѣлому, онъ боялся, что вмѣсто отвѣтнаго поцѣлуя, получить звонкую веселую пощечину, какъ „рыжій“ въ балаганѣ... Его оглушили и насмѣшили шумныя поздравленія и пожеланія счастья. Онъ всѣмъ улыбался задорной, бодрой улыбой. Слышалъ какъ хихикали въ толпѣ, указывали на него пальцами, это его не удивляло и не злило. Онъ вѣдь отлично зналъ, что если-бы у „ея шута“ не было такой-же какъ онъ неуклюжей, почернѣвшей фабрики, то онъ не стоялъ бы съ „ней“ рядомъ на розовомъ, радостномъ коврикѣ.

Однажды она пришла веселая, возбужденная съ какой-то толстой дамой, въ каракулевомъ жакетѣ и погладивъ его рукой, затянутой въ цвѣтную перчатку и позволивъ прикоснуться къ ея щецѣ, заговорила: „а я тебѣ подарокъ купила. Отгадай какой! Ни за что не угадать... Дразнила его, отнимая коробку, которую онъ уже выхватывалъ, весь просвѣтленный: „это ее первый подарокъ. Значитъ помнить обо мнѣ“.

Наконецъ ей надоѣла эта игра и она тщательно развязывая узелокъ цвѣтной бичевки, развернула коробку... Когда онъ увидѣлъ подарокъ, то страшно поблѣднѣлъ и больно закусилъ губы, но это было одно мгновенье, вслѣдъ за этимъ онъ расхохотался и хлопнулъ въ ладоши. Въ коробкѣ лежали ленточки разныхъ цвѣтовъ со множествомъ серебряныхъ бубенчиковъ.—„Ахъ какой изумительный подарокъ“—восклидалъ онъ. „И какъ остроумно... очаровательно“, говорила дама въ каракулевомъ жакетѣ.

— Ну надѣнь же свою обновку,—спросила „она“ и онъ веселясь надѣвалъ на ноги, на руки, и всего себя окуталъ ленточками и при каждомъ движеніи они звенѣли, звенѣли, такъ ужасно, такъ отвратительно, что у него закружилась

голова. А его маленький, любимый Додикъ, смотрѣлъ изумленными глазами на своего папу и бормоталъ...—„Какъ въ циркѣ—клоунъ, точъ въ точъ“, но потомъ вдругъ бросился къ нему на шею и заплакалъ. Бубенчики звенѣли...

— Какой нервный ребенокъ!—пожимая плечами говорила дама въ каракулевомъ жакетѣ.

Ему было больше всего жалко своего Додика, ему было такъ стыдно его, больше всѣхъ этихъ расфуфыренныхъ людей, которые смѣялись ему въ глаза, ухаживали за его женой и ночевали у нея въ спальнѣ. Ему было все равно когда „она“ при гостяхъ заставляла надѣвать эту звенящую сбрую и говорила: „это мой скоморохъ!“. Ему было все равно. Но когда въ комнату входилъ Додикъ, онъ забывался въ дальній уголъ, лицо становилось сѣрымъ и злымъ. А Додикъ стоялъ поблѣднѣвшій, съ вытянутымъ лицомъ, и оно кривилось въ мучительную гримасу. Потомъ подходилъ къ отцу, гладилъ его по лицу и дрожащимъ голосомъ говорилъ: „Нехорошо папа. Нехорошо! Понялъ...“ Онъ давно понялъ, давно знаетъ. Вмѣстѣ плакали.

Чѣмъ дальше тѣмъ труднѣе и невыносимѣе становилась жизнь. Шутъ былъ заброшенъ и забытъ, прежде хотъ онъ немного забавлялъ ее и увеселялъ ея друзей, теперь это уже надоѣло. И онъ мучился подъ ея инквизиторскими, полными презрѣнія взглядами, и возненавидѣлъ себя, уничтожилъ въ своей комнатѣ зеркала, и боялся своего отраженія. И въ одинъ день оглянувшись назадъ—такимъ кошмарнымъ и невозможнымъ показалось ему его жизнь, что онъ дико осклалилъ зубы вспоминая про смерть. Вынулъ запечатленную коробку, въ которой лежалъ шутовскій нарядъ, нацѣпилъ его на себя, подвелъ уродливо глаза и нарумянилъ щеки, и въ такомъ видѣ вошелъ въ комнату Доли, говоря: „Я пришелъ посмѣшить тебя!“ Додикъ вскочилъ, вскрикнулъ, какъ отъ боли и бросился рвать бубенчики...

— Не троны! Не троны! Тащилъ онъ свои игрушки и торопливо убѣжалъ въ свою комнату...

„Какъ бы насмѣшить ее?“, ломалъ себѣ онъ голову.

Когда вошли къ нему въ кабинетъ, то увидѣли его висѣвшимъ. Его загримированное лицо, и высунутый языкъ были ужасно комичны. Было тихо, лишь мелодично звенѣли бубенчики. Онъ оказался правъ—онъ ее насмѣшилъ.

ПИСЬМА ИЗЪ КИТАЯ.

1.

Какъ извѣстно нынѣшній китайскій президентъ-диктаторъ Юан-ши-кай склонилъ Принца-регента Шцы и покойную императрицу отказаться отъ престола только вслѣдствіе того, что временный президентъ китайской республики докторъ Сун-вэнь или Сун-ят-сенъ согласный уступить ему свой постъ президента. При этомъ Юан-ши-кай поклонился на вѣрность республикѣ.—Тогда-же нашлось не мало лицъ, которые клятвѣмъ Юан-ши-каю не вѣрили, ибо онъ еще до боксерскаго возстанія давалъ клятву партіи извѣстнаго китайскаго реформатора Кан-ювэя на вѣрность либеральнымъ реформамъ покойнаго императора Гуан-сюя и однако, когда представился выгодный для него случай, онъ партію Кан-ювэя и даже самого Императора выдалъ головой покойной старой Императрицы и реакціонерамъ.

Вслѣдствіе этого, было казнено болѣе 50 человѣкъ, Императоръ Гуан-сюй былъ объявленъ сумасшедшимъ и заточенъ въ бѣсѣдку въ лѣтнемъ дворцѣ, а Кан-ювэй успѣлъ сбѣжать въ Англію. За эту услугу Юан-ши-кай, человѣкъ съ ничтожнымъ образованіемъ, былъ произведенъ въ канцлеры Китайской Имперіи. Далѣе, когда

послѣ смерти старухи-императрицы и Императора Гуан-суй, принцъ-регентъ (родной братъ покойнаго императора Гуан-суй) выгналъ Юан-ши-каю въ отставку, онъ черезъ своихъ друзей сталъ увѣрять Дай-Цзинскую династію, что только онъ одинъ можетъ подавить революціонное возстаніе. Поэтому онъ вновь былъ приглашенъ на государственную службу и опять далъ клятву, что онъ или спасетъ династію или падетъ жертвой на полѣ сраженія. Однако, онъ вскорѣ и эту клятву забылъ и продалъ Дай-Цзинскую династію за должность временнаго президента Китайской республики.

2.

Дальнѣйшія событія таковы: Юан-ши-кай подъ видомъ враговъ республики казнилъ большинство самыхъ популярныхъ революціонныхъ дѣятелей, склонилъ на свою сторону войска, увеличивъ имъ жалованье и давъ имъ большія преимущества, уничтожилъ введенныя еще Дай-Цзинской династіей земство и городскія самоуправленія, распустилъ парламентъ, объявилъ партію Го-минъ-данъ (высшая воля народа) вредною и закрылъ всѣ университеты и гимназіи.

При избраніи президента вновь въ Сентябрѣ 1913 г. я находился въ Пекинѣ и собственными глазами видѣлъ какъ съ восьми часовъ утра до восьми вечера зданіе парламента, гдѣ находились выборщики, было окружено войсками. Первый разъ на постъ президента было избрано другое лицо, но окружавшіе парламентъ войска заявили избирателямъ, что они никого не выпустятъ живымъ, если не будетъ избранъ президентомъ Юан-ши-кай. Для избирателей не оставалось другого исхода какъ избрать президентомъ Юан-ши-каю или-же всѣмъ умереть.

Полагая, что европейскія державы обратятъ вниманіе на такое насиліе, они уже подъ вечеръ, измученные голодомъ, избрали Юан-ши-каю.

Однако, европейцы, не только встрѣтили это насиліе надъ избирателями порицаніемъ, но даже выразили ликование и почти всѣ (посланники, консула и частныя лица) явились на устроенный Юан-ши-каемъ обѣдъ по случаю новаго избранія его на постъ президента китайской республики, а колоніальная пресса (англійскія, французскія и нѣмецкія газеты) по этому поводу даже напечатали восторженные статьи. Понятно, Юан-ши-кай возмнилъ что всѣ европейцы желаютъ видѣть на посту президента китайской республики только его одного и сталъ не стѣсняясь въ средствахъ для подавленія либеральной мысли.

Разогнавъ негодный ему парламентъ, онъ созвалъ новый парламентъ по оригинальной системѣ: отъ каждой провинціи китайскіе граждане имѣли право выбирать по одному депутату изъ числа лицъ извѣстныхъ губернатору и доказавшихъ свою преданность Юан-ши-каю. Кромѣ того, отъ каждой губерніи было назначено по одному депутату изъ числа преданныхъ Юан-ши-каю чиновниковъ. Такимъ образомъ новый китайскій парламентъ является самымъ послушнымъ оружіемъ въ рукахъ Юан-ши-каю и обѣ оппозиціи не можетъ быть и рѣчи, ибо самые крайніе лѣвые китайскіе депутаты являются значительно правѣе нашихъ извѣстныхъ Пуришкевичей и Марковыхъ.

Для поддержанія порядка или правильнѣе, для укрѣпленія своего положенія президентъ-диктаторъ Юан-ши-кай сформировалъ громадную армію (около 50 корпусовъ войска разныхъ родовъ оружія), которая поглощаетъ 1/10 всего государственнаго бюджета.

3.

Отождествленіе Юан-ши-каемъ блага китайскаго народа со своимъ собственнымъ благомъ и вводимыя имъ реформы или иначе уничтоженіе и того хорошаго, что было сдѣлано еще Дай-Цинской династіей, побудило революціонеровъ создать вторую революцію, которая какъ извѣстно была подавлена самыми жестокими мѣрами. Послѣ этого революціонеры, монархисты и монголы объединились въ одну партію, преслѣдующую цѣль сверженіе Юан-ши-каю, возстановленіе свергнутого съ китайскаго престола Императора Пу-и (Сун-тунъ) и учрежденіе въ Китаѣ парламентарнаго образа правленія по образцу Великобританіи.

Эта партія около двухъ мѣсяцевъ назадъ подъ кличъ бѣлыхъ волковъ открыла походъ противъ Юан-ши-каю. Насколько успѣшно она ведетъ войну видно изъ того, что при началѣ возстанія бѣлыхъ волковъ было всего только около двухъ тысячъ человѣкъ, а въ настоящее время ихъ насчитывается болѣе 50.000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія и за все время возстанія они не понесли еще ни одного пораженія. Войска-же Юан-ши-каю терпятъ пораженіе за пораженіемъ и даже нѣкоторые

команды частей донесли Юан-ши-каю, что бѣлыхъ волковъ побѣдить невозможно, ибо они пользуются сочувствіемъ народа и даже нѣкоторыхъ республиканскихъ войскъ.

Мѣсяцъ тому назадъ германская фирма Карлосъ и К° доставила въ Мукденъ около 40 полевыхъ орудій. Эти орудія немедленно же, послѣ пріемки, были отправлены на театръ военныхъ дѣйствій для борьбы съ бѣлыми волками. Теперь въ китайскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что эти орудія захватили бѣлые волки и направили противъ войскъ Юан-ши-каю.

4.

Кромѣ возстанія бѣлыхъ волковъ, въ Китаѣ возникло и другое хотя и мирное, но крайне опасное для Юан-ши-каю возстаніе. Въ Китаѣ выпущено кредитныхъ билетовъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ имѣется серебра. И вотъ мѣсяцъ тому назадъ по всему Китаю стали предъявляться въ банки кредитки для обмѣна на серебро. Такъ какъ по распоряженію изъ Пекина китайскіе банки обмѣниваютъ на серебро только 2% со всѣхъ предъявляемыхъ денегъ чтобы затянута денежная кризисъ, то во всѣхъ городахъ китайской республики ежедневно отъ 9 до 12 час. дня возможно наблюдать по нѣскольку тысячъ человѣкъ, ожидающихъ очереди у банковъ для обмѣна 2% предъявляемыхъ кредитокъ на серебро. Въ виду того, что китайскіе банки, несмотря на то, что на каждой кредиткѣ напечатано, что она въ любое время можетъ быть обмѣнена на серебро, — отказываются отъ обмѣна всей предъявляемой суммы и даютъ только 2%,—курсъ китайскихъ кредитокъ съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже и въ настоящее время палъ до 15%.

Паденіе курса китайскихъ кредитокъ весьма вредно отражается на торговлѣ Я не знаю какъ въ другихъ мѣстахъ, но сужу по Мукдену. Однако всѣ иностранные консула, за исключеніемъ одного русскаго Консула С. А. Колоколова, счумѣли защитить интересы подданныхъ своихъ державъ. Дѣло въ томъ, что товары приходится продавать на китайскія кредитки и вотъ иностранные консула настояли предъ китайскими властями на томъ, что-бы китайскіе банки безпрепятственно по ихъ удостовѣреніямъ обмѣнивали-бы китайскія кредитки на серебро. Такъ напр. японскіе подданные въ Мукденѣ ежедневно обмѣниваютъ до ста тысячъ долларовъ.

5.

Несмотря на то, что въ Мукденѣ существуютъ такіа русскія крупныя фирмы, какъ Торговый Домъ Чуриновъ и К°, Эмилъ Циндель, Складъ Русскаго Мукомольнаго Т-ва, Складъ Восточно-Иркутскаго Мукомольнаго Т-ва, Представительство Мануфактуры Морозова и нѣсколько болѣе мелкихъ магазиновъ, русскій консулъ въ Мукденѣ С. А. Колоколовъ далъ китайскимъ властямъ обѣщаніе въ томъ, что онъ не будетъ настаивать на обмѣнѣ русскими поданными китайскихъ кредитокъ на серебро. Результатъ отъ этого получается такой: русская торговля съ большимъ усиленіемъ завоевала Манчжурскій рынокъ и вотъ теперь, когда она стоитъ на твердой почвѣ, вдругъ русскій консулъ, который по закону обязанъ защищать русскіе интересы, поставилъ русскую торговлю въ такіа рамки, что она лишена возможности конкурировать съ иностранцами.

Какъ сказано выше всѣ товары здѣсь продаются на китайскія кредитки, которыя пали въ курсѣ противъ серебра на 15%. И вотъ иностранные коммерсанты, получая отъ покупателей китайскія кредитки, немедленно ихъ обмѣниваютъ въ китайскихъ правительственныхъ банкахъ на серебро по номинальной стоимости, а русскіе коммерсанты, получая такіа-же кредитки, должны мѣнять ихъ въ частныхъ банкахъ на 15% ниже номинальной стоимости, ибо въ правительственныхъ банкахъ безъ удостовѣренія отъ консула этихъ кредитокъ не мѣняютъ и даютъ только 2% съ предъявленной суммы.

Вслѣдствіе такого положенія въ складѣ Восточно-мукомольнаго Т-ва образовалось китайскихъ кредитокъ на 200,000 долларовъ, въ Русскомъ Мукомольномъ Т-вѣ на 150,000 долларовъ, въ Торговомъ Домѣ Чуриновъ и К° на 100,000 долларовъ, въ Торгов. Домѣ Эмилъ Циндель на 300,000 долларовъ и у другихъ русскихъ на сумму около 700,000 долларовъ и ихъ некуда сбыть.

6.

Нѣкоторые изъ русскихъ коммерсантовъ обращались къ русскому консулу въ Мукденѣ съ просьбой оказать имъ содѣйствіе для обмѣна китайскихъ кредитокъ на серебро, но г. Колоколовъ посоветовалъ имъ или не брать больше китайскихъ кредитокъ, т. е. продавать товары на

15% дороже против других иностранцев или же временно прекратить торговлю. При этом он им обещал написать куда-то в Пекин об обмене уже имеющихся у них китайских кредиток на серебро, добавив при этом, что это дело может протянуться несколько месяцев. Когда же представитель Восточно-Иркутского Мукомольного Т-ва г. Юризин возразил ему, что рекомендуемый им способ может погубить здесь всю русскую торговлю и что об обмене китайских кредиток на серебро следует писать не в Пекин, а местным Мукденским китайским властям, как это и делали другие иностранные консулы, то г. Колоколов сказал, что другие консулы для него не указ и для него безразлично погибнет ли русская торговля или нет.

Зная как оригинально защищаются здесь русские интересы, некоторые передовые китайцы смеются и говорят, что г. Колоколов защищает интересы Юан-ши-ка в ущерб русским и что его усердие несколько не поможет Юан-ши-ка удержаться на президентском кресле, которое основательно шатается.

Ть-же китайцы указывают и на другие русские упущения.

7.

Как известно сама же Россия подбила Северную Монголию отделиться от Китая. Теперь же, когда Англо-Китайским договором Тибет признан самостоятельным государством, когда положение Юан-ши-ка шатается, когда весь китайский народ желает чтобы он не мог похвастаться какой-либо заслугой, — Россия вдруг неожиданно одним росчерком пера отдала Монголию Китаю. Но курьезнее всего то, что немедленно после заключения русско-китайского договора относительно Монголии Японского договора о протекторате Японии над Монголией. Таким образом, Монголия все же не попадет Китаю и только Россия приобретет более опасного для себя соседа и окончательно испортит отношения с китайским народом. Если к этому добавить, что Япония экстренно строит железные дороги от Сипингя до Твонаньфу и Чончжинь-Хойрионь-Гиринскую, имеющие исключительно стратегическое значение, то приходится опасаться как бы не осуществился проект знаменитого японского стратега полковника Такахаси, прозванного японцами «Байкаль Хакасе», т. е. профессор озеро Байкала, который как до русско-японской войны, так и теперь доказывает, что русских необходимо отбросить до озера Байкала.

Съ постройкой ж. д. от Сипингя до Таонаньфу для японцев откроется великодушная операционная база по бассейнам рек Торь и Нони, а оттуда прямой путь на Фулярди. Этот важный стратегический пункт посредством коммуникационных линий будет соединен с Порт-Артуром и Хоренгом — портом на северо-восточном побережье Кореи.

Для человека, знающего торгово-промышленное развитие тьхх местностей, по которым проводится новая дорога, известно, что она не представляет рьшительно никакого экономического значения.

Другая же ж. дор. Чончжинь-Хойрионь-Гиринская, имея ничтожное экономическое значение, имеет в стратегическом отношении крупное значение. Прежде всего она свяжет военные базы на севере Кореи — Намань и Хойрионь, а затем даст возможность Японии в случае войны с Россией быстро наводнить своими войсками север Маньчжурии и отрезать Владивосток от остального мира. Следует обратить внимание и на то, что Япония в настоящее время проводит в исполнение обширную программу проведения хороших грунтовых дорог на север Кореи. По всем этим путям она в 2—3 недели будет иметь возможность перебросить на Маньчжурский театр войны 200—300 тысяч солдат.

Наконец, за последнее время переселено в южную Маньчжурию очень много переселенцев, преимущественно из запасных солдат, и предполагено в течение двух лет поселить еще не менее 200.000 запасных.

8.

Доморощенные политико-экономисты кричат, что Япония еще не поправилась после войны, что там вадорожала жизнь, что увеличены налоги и поэтому она не может воевать. Я знаю Японию больше 20 лет и могу сказать, что она именно в настоящее время находится в цвѣтущем положении. Правда жизнь в Японии вадорожала на 20%, против прежнего, налоги увеличены почти в полтора раза, но за то тот рабочий, который раньше

зарабатывал 10—15 коп. в день, в настоящее время зарабатывает не менее рубля в день и поэтому он раньше ходил голым и питался одним рисом, а в настоящее время имеет возможность завести хороший костюм, кормится не хуже европейца и даже посещает театр, о чем раньше он не мог и мечтать. Следовательно благосостояние японского народа улучшилось и увеличилось богатство государства.

О КОНЦЕРТАХ ВЪ ПРОВИНЦИИ.

В то время, как в столицах наблюдается перепроизводство концертов, количество которых давно превысило спрос, провинциальная Россия стонет от отсутствия серьезной музыки. Почему же создавалась такая концентрация концертов в одних местах? Постараемся выяснить этот вопрос.

Развитие музыкальной культуры в провинции идет рука об руку с развитием культуры вообще, и распространением музыкальных познаний посредством обучения музыке, в частности. Изучение музыки является тем базисом, на котором дает ростки — музыкальный вкус. Последний, развиваясь, двигает музык. искусство вперед, предъявляя к нему более утонченные требования. Это отлично понимал Ант. Рубинштейн. Его титаническая энергия была достаточна для создания базиса — ему принадлежат инициатива и честь создания музык. школ, однако его кратковременной жизни было мало, чтобы перейти к созданию второго фактора, поднимающего и развивающего вкус, в создании хороших серьезных концертов.

Изучение музыки безусловно вызывает интерес к ней, но в какую отрасль музыки этот интерес попадет зависит от многих обстоятельств. Одним из таких обстоятельств являются хорошие концерты. В то время как хорошая музыка в хорошем исполнении к себе манит, плохая от себя отталкивает. Но т. к. потребность в музыке всегда остается, то бросаются к другому более легкому, доступному жанру. Этот жанр имеет то преимущество, что, никогда не вызывая глубоких эмоций, никогда не уносит от мира сего, он легко принимается в самом скверном исполнении, тогда как ценные произведения искусства теряют свое обаяние даже от посредственного исполнения.

Как только в провинции была замечена волна интереса к музыке, появились школы, кружки, удовлетворением ее занялись не те кому это следовало. Без всякой системы в составлении программы (часто исполнялись высокие произведения искусства для понимания которых необходим был уже известный музык. тон) плохие исполнители отпугивали не культивировать провинции, и загребать деньги. С первых же концертов аудитория была разочарована и, не понимая инстинктивно отшатнулась от них. Этим воспользовались люди ничего общего с искусством не имеющие, кулаки-импресарио и начали насаждать пыганскую, вульгарную музыку. Часть аудитории отшатнулась от музыки вообще, другая поддалась на эту удочку, принимая фальшивый камень за настоящий. Мы еще не раз вернемся к более детальному разбору причин упадка или недоразвития вкусов провинциальной публики, теперь же мы хотим сказать, что исцеление уже найдено. Руководителями концертов начинают становиться известные музыканты. В столицах таковыми руководителями стали Зилоти и Кульвичкий. С осени руководителем провинциальной жизни дѣлается своб. худ. Лауреант С.П. Консерватории, б. директор концертов Кусавицкого пианист И. Сирота. Г. Сирота учреждает в целом ряде городов абониментные концерты, в которых будут выступать только первоклассные артисты, и программа которых будет объединена определенной идеей. В первом сезоне выступят блестящие силы, игравшие в столицах Европы, в самых серьезных учреждениях. Это пианист Левь Сирота (из Вены), скрипач Франц фон Вебер (из Берлина), виолончелист Иосиф Пресс (из Берлина), Société des instruments anciens (из Парижа), Лена Стокленд — пѣнне (из Лондона). Зная, какую роль сыграли концерты Зилоти и Кусавицкого в столицах, зная энергию г. Сироты, мы не сомневаемся, что под его руководством концерты будут поставлены на должную высоту. Пожелаем ему в этом успѣха.

Редактор Н. Г. Шебуев

Издательница Н. К. Дмитриева.

Запѣвало: Все гордись Рѣдской нашей, —
Платя новая нашей!

Хоръ: Простоквашей —
Ростоквашей —
Квашей —
Вашей —
Ашей —
Шей!..

Хоръ стихалъ вдали.

Но радостное возбуждение Соды не затихло:

— Какъ счастливъ ты, идиотъ-иностранецъ, что попалъ къ намъ въ добрый часъ. Это твой приходъ принесъ нашему селению счастье. Рѣдска! Рѣдска! Родная Рѣдска! Со всѣхъ городовъ съѣдутся къ намъ представители! Сколько рѣчей, сколько пѣсень, сколько веселыхъ простокваш!.. Ахъ, иностранецъ, мнѣ хочется отъ радости тебя поцѣловать... Скажи еще разъ какъ называется твоя родина..

— Германия..

— Позволь мнѣ звать тебя Германьякъ..

— Пожалуйста называй меня какъ хочешь.. Мнѣ самому хочется расцѣловать твои милые глазки..

— Германьякъ!.. Милый Германьякъ! Смѣшной Германьякъ!

Ребенокъ обвилъ мою голову своими розовыми рученками и мы расцѣловались.

И къ своему ужасу я почувствовалъ въ этихъ поцѣлуяхъ что то совсѣмъ не дѣтское.

Тревога охватила меня.

Я хотѣлъ вскочить, оттолкнуть эту крошку съ темпераментомъ взрослой женщины и не могъ..

Я былъ слишкомъ искусно прибинтованъ къ постели всѣми тесемками, трубочками, бинтами и шнурами морбоскопа..

Я не знаю что случилось бы со мной, если бы по счастью не раздались шаги Эака.

Сода сразу отскочила и сдѣлала видъ, что поправляетъ висѣющій на стѣнѣ рядомъ съ кочергой вѣеръ.

ДЕВЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Эакъ былъ неузнаваемъ. У него появился какой то высокостепенный, высокомерный отѣнокъ въ голосѣ и движеніяхъ:

— Счастливъ ты, иностранецъ, что можешь пережить вмѣстѣ съ нами золотые дни расцвѣта Рѣдски. Сегодня у насъ назначено общее собраніе рѣдичанъ для выработки программы чествованія великаго рѣдичанина обезсмертившаго нашъ родной городъ. Отнынѣ Рѣдска изъ селения превращается въ городъ! Я встрѣтился съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, если въ морбоскопѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, я могу снять съ тебя повязки и ты сойдешь съ постели. А завтра съ утра сможешь быть на улицѣ, — погода великолѣпная. Нашъ митингъ мы устраиваемъ подъ открытымъ небомъ.. Какъ ты чувствуешь себя?..

Сода захлопала въ ладошки:

— Онъ чувствуетъ себя превосходно! Я сейчасъ глядѣла морбоскопъ.. И температура, и пульсъ, и влажность, и жизненная энергія — всѣ кривыя въ порядкѣ..

— Сейчасъ посмотрю! — сказалъ Эакъ, подходя къ аппарату.

Но Сода, какъ дикая кошка однимъ хищнымъ прыжкомъ очутилась между мной и имъ.

— Нечего тебѣ смотрѣть! Я тебѣ сказала, что все въ порядкѣ.

— Я обѣщалъ доктору записать числа морбоскопа, потому что онъ опишетъ въ „Анналахъ“ исторію болѣзни иностранца..

— Я сама запишу!

— Разъ обѣщалъ я, я и долженъ исполнить. Слова мальчика — свято!

— Значитъ ты недоувѣряешь мнѣ!

— Довѣряю.. но..

— Я не допущу тебя! Иначе..

— Что съ тобой! Ты вся дрожишь.. Ты сама больна!..

— Я скорѣе разобью морбоскопъ, чѣмъ допущу тебя до него..

Я не узнавалъ дѣвочки.

Ея глаза сверкали злымъ огнемъ, губки побѣлѣли, въ голосѣ дрожали нотки капризнаго властного раздраженія.

Эакъ хотѣлъ ее оттолкнуть. Она вцѣпилась рученками въ его руку и повисла на ней. Эакъ сильнымъ объятіемъ обнялъ Соду и не обращая вниманія на ея отчаянное сопротивление молча вышелъ изъ комнаты и заперъ за собой дверь.

Молча подошелъ къ аппарату и остолбенѣлъ. — Что съ тобой Эакъ! — съ тревогой крикнулъ я.

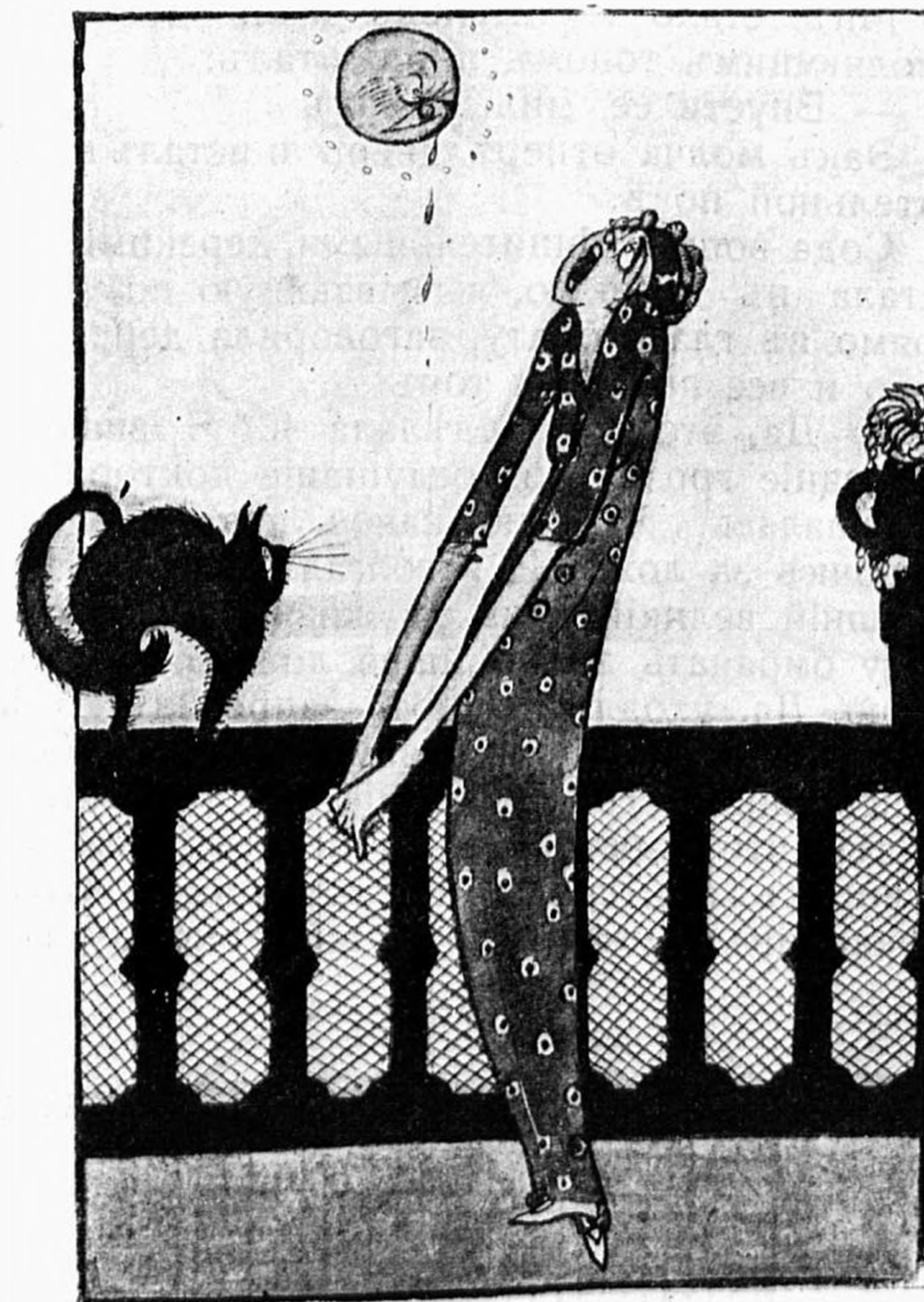
— Нѣтъ, что съ тобой! — съ еще большей тревогой отозвался Эакъ.

— Со мной ничего. Я чувствую себя бодрымъ, сильнымъ, здоровымъ..

— А эти числа!.. А эти кривыя!.. Въ твоёмъ здоровьи произошла какая то страшная катастрофа.. Почему дѣлала такіе скачки температура.. Почему такъ билось сердце!.. Почему эта испарина.. Почему такой приливъ жизненной энергіи и сразу провалъ.. Что съ тобой было иностранецъ! Что пережилъ ты!..

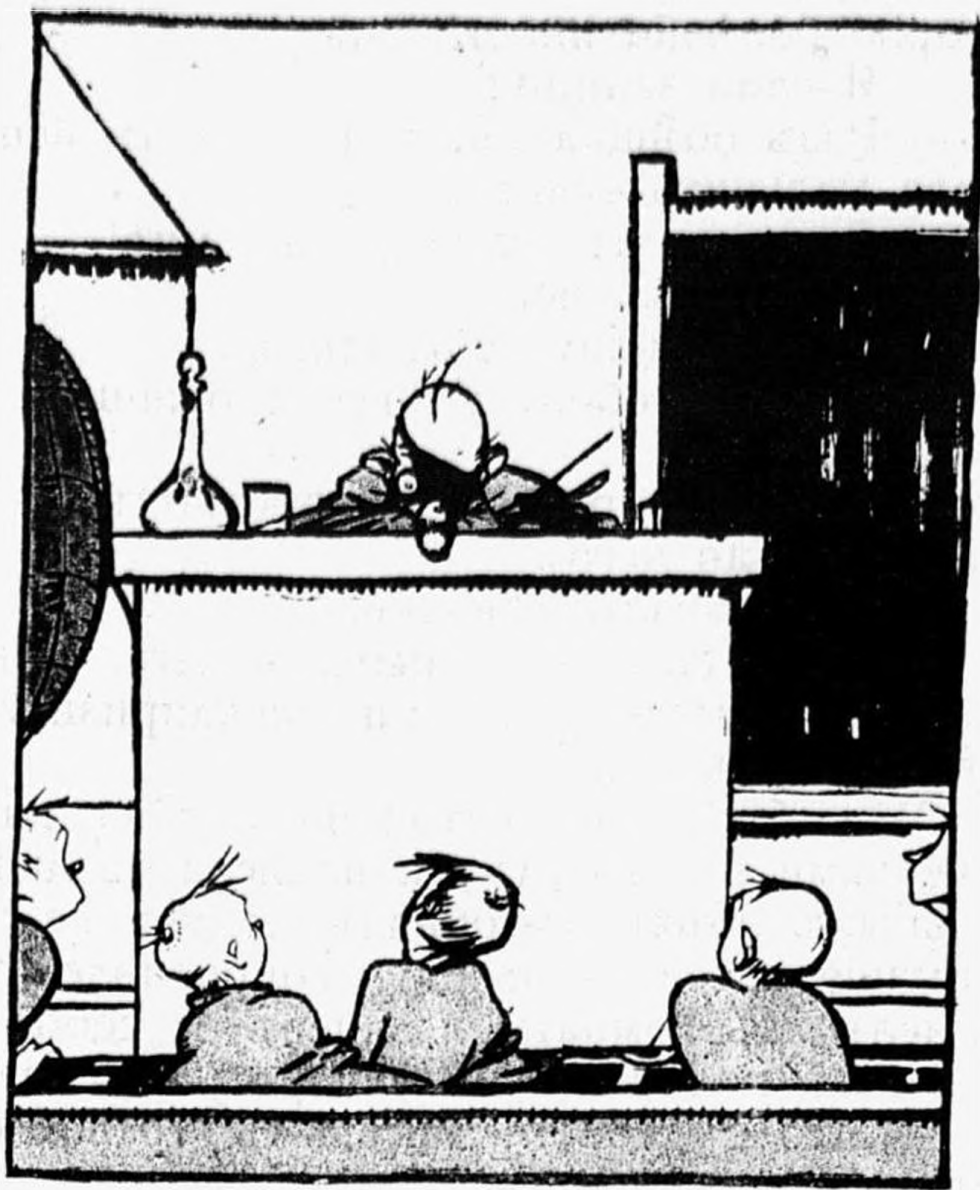
Сода колотила въ дверь рученками и истерично вопила:

Дени.

Она поетъ.

Дети.

— Пустите меня! Я все объясню...

Я чувствовалъ, какъ краска безотчетнаго неудержимаго стыда залила мое лицо.

Съ ужасомъ я подумалъ:

— Какъ! Неужели это отъ поцѣлуевъ Соды... Неужели я смѣлъ, смогъ отнестись къ нимъ серьезно... Неужели самъ того не понявъ я влюбился въ эту дѣвочку...

— Смотри, ты и сейчасъ на себя не похожъ! Температура опять, на моихъ глазахъ рвется кверху... А пульсъ... Кровь кипитъ въ тебѣ...

Сода кричала:

— Пустите! Я объясню!.. Это я виновата! Это я надѣлала!

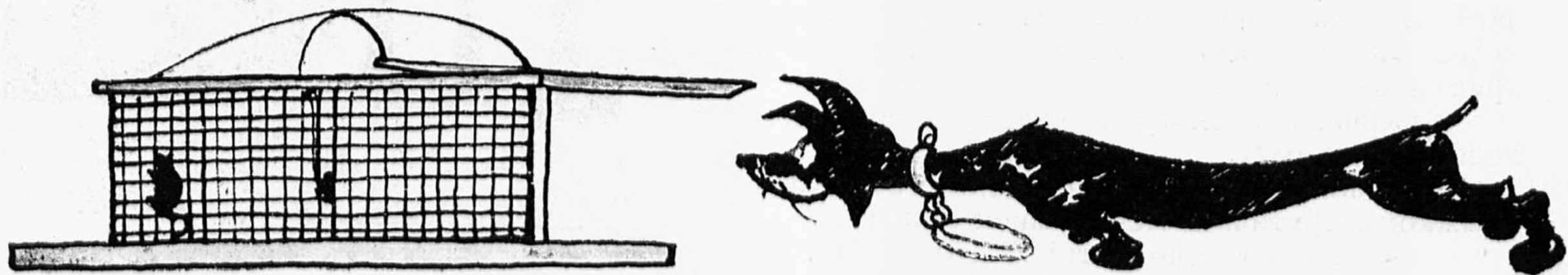
Мнѣ стало мучительно жаль дѣвочку и я умоляющимъ тономъ прошепталъ:

— Впусти ее, милый Эакъ...

Эакъ молча отперъ дверь и всталъ въ вопросительной позѣ.

Сода вошла рѣшительными, дерзкими шагами, встала въ дерзкую, вызывающую позу и глядя прямо въ глаза брату, заговорила дерзко, отчетливо и все повышая тонъ:

— Да, это все надѣлала я! Я знаю какое наказаніе грозитъ за ослушаніе доктора! И я его ослушалась. Я знаю, какое наказаніе грозитъ дѣвчкѣ за ложь. И я солгала брату! Но сегодняшній великій день въ жизни Рѣдски я не хочу омрачать дальнѣйшей ложью и потому говорю. Да, уходя, докторъ запретилъ мнѣ тревожить больного рассказами и разспросами. И я исполнила его приказаніе въ точности. Тѣмъ болѣе, что иностранецъ и не нуждался въ разговорахъ: онъ спалъ, не смотря на то, что солнце доканчивало уже десятую простоквашу! Въ домѣ

было тихо, вдругъ подъ окнами раздался простоквашный хоръ. Я бросилась къ окну, чтобы спросить въ чемъ дѣло? Въ это время отъ шума проснулся иностранецъ и тоже задалъ мнѣ вопросъ: „Въ чемъ дѣло?“ Я, узнавъ причину всеобщаго ликования, не помня себя отъ радости и гордости, рассказала все Германьяку. Германьякъ такъ проникся нашею радостью, что я даже испугалась: морбоскопъ записалъ всѣ пертурбаціи, которыя пережила больной... Я согрѣшила, конечно, ослушавшись приказаній доктора. Но могла-ли я скрыть отъ больного радость, отъ которой разрывалось мое сердце! Могла ли я думать, что иностранецъ такъ близко къ сердцу приметъ радость нашей родной Рѣдски! Да кромѣ того развѣ нашъ великій глупитель Зднххсущцнмжавейакъ не сказалъ: „Радость лучше горести“...

По мѣрѣ того какъ Эакъ слушалъ монологъ сестры его лицо все свѣтлѣло отъ улыбки восхищенія:

— Милая Сода прости мнѣ за мою грубость! Ты права! Ты не могла скрыть нашей радости отъ иностранца...

— Его зовутъ Германьякъ...

— Но кто меня тронулъ до слезъ, такъ это ты идіотъ-иностранецъ!.. Ты долженъ пожертвовать въ патріотическій музей эти записи морбоскопа. Въ назиданіе потомству мы воспроизведемъ ихъ золотомъ на мраморной доскѣ... Пусть учатся какъ надо любить Рѣдску, какъ принимать къ сердцу все хорошее, что ея касается... Отнынѣ имя Германьякъ свяжется въ исторіи съ именемъ... Сода, Сода, до какого великаго дня дожили мы!..

— Эакъ, какъ драгоценность снялъ со стѣны листикъ съ кривыми цифрами морбоскопа и торжественно держа его надъ головой вышелъ изъ дома.

ДЕСЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Пять минутъ мы смотрѣли другъ на друга молча,—я и Сода.

— Ты понимаешь, Германьякъ, какъ это вышло?—заговорила дѣвочка:—Морбоскопъ передалъ... очевидно мои переживанія...

— Почему твои?.. Мой Морбоскопъ... значитъ мои...

— Мои... я знаю навѣрное... Я не знаю, что случилось со мной когда я прикоснулась къ тебѣ губами... Моя температура... мое сердцебиеніе... мое электричество черезъ твое тѣло передалось морбоскопу и произвело на листкѣ такой переполохъ...

— Милая Содочка... а не думаешь ли ты, что мы оба... оба виноваты, что испортили морбоскопъ... Мнѣ кажется, что твой поцѣлуй и во мнѣ произвелъ повышеніе температуры... и сердцебиеніе...

Дети.

Дети.

Цыганскій романсъ.

Сода радостно улыбнулась:

— Ты хочешь сказать, что и ты не равнодушенъ ко мнѣ... О это было бы такимъ готакимъ сча... такимъ...

Она стояла вся пунцовая отъ залившей ея лицо краски смущенія...

Вдругъ она схватила за голову:

— Мы погибли!.. Мы погибли!..

— Въ чемъ дѣло дѣтка?

— Мы погибли, милый мой Германьякъ!.. Морбоскопъ... ахъ, какой ужасъ!.. Морбоскопъ выдастъ насъ!..

Какимъ образомъ! Вѣдь ты такъ находчиво объяснила брату происхожденіе кривыхъ...

— А поцѣлуй!.. Развѣ ты не знаешь, что морбоскопъ записываетъ всѣ звуки!.. Онъ записалъ и нашъ поцѣлуй!.. Мы погибли!..

ОДИНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Наконецъ-то мнѣ позволено встать съ постели и даже выйти на улицу.

Содочка хлопала въ ладоши и прыгала отъ радости, пока докторъ и Эакъ отвязывали, отвинчивали, отстегивали и отклеивали меня отъ морбоскопа.

Я и не подозрѣвалъ, что у этой слѣпой машины такъ много всевозможныхъ щупальцевъ и прицѣпокъ.

— Хорошо былъ бы я, если-бы случился пожаръ!

— Пожаръ! Да развѣ у насъ бываетъ пожаръ! Ха-ха-ха!.. Попробуй, Германьякъ, устрой у насъ пожаръ...

— Я не собираюсь устраивать пожаръ, нарочно, но нечаянно можетъ сдѣлать всякій...

— Ну я прошу тебя—Подожги здѣсь чтонибудь...

— Ты смѣешься надъ мной Эакъ!

— Ничуть не кстати у насъ уже больше двадцати солнцелунъ не было пожарнаго!

— Онъ приходилъ, но я не позволила ему дѣлать поджогъ, потому что въ домѣ лежитъ больной...

— Ну подожги здѣсь что-нибудь... Мы хотимъ получить страховую премію! Вотъ спички!.. Ну зажги свою постель.

Я зажегъ спичку и бросилъ ее на простыню. Пламя вспыхнуло и зашипѣло, борясь съ струйками воды, которая какъ изъ спринцовочекъ брызнула на него съ потолка и изъ стѣны.

Не успѣлъ обгорѣть край простыни, какъ уже все погасло

— Аппаратъ въ исправности. Ты видишь, что у насъ не мыслимъ пожаръ! Весь потолокъ и стѣны обвиты паутиной тонкихъ водопроводныхъ трубочекъ. Ты видишь эти шишечки, такъ часто усявшія всю поверхность. Это все отверстія этихъ трубочекъ запаенныя легкоплавкимъ металломъ... Въ томъ мѣстѣ комнаты, гдѣ поднимается ненормально высоко температура на стѣнѣ или на потолкѣ шишечки эти расплавляются и вода автоматически заливаетъ огонь такими какъ ты видѣлъ острыми, тонкими но сильными струйками...

— Содержаніе и устройство такой водопроводной сѣти должно быть стоить адскихъ денегъ!

Оно обходится втрое дешевле того, что уносили у насъ пожары до этого... Одновременно съ начала дѣйствія этихъ трубъ надъ домомъ показывается красный флагъ и поднимается электрическая тревога,—звонки во всѣ страховыя заведенія Тыквы...

Дети.

Этуаль

Дети. «Продолженіе весны»

— Что-же у васъ дѣлають страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германькѣ! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣвають причатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдски...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ... Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертишься... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ.

Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идіотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, процвѣтають. Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогорають.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушить пожаръ пожарная команда.

А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разные частные дома, чтобы поджигать.

Эти контрольные, повѣрочные поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металлъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастье по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой конъюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идіоты—слишкомъ идіоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идіоты слишкомъ идіоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.

ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны.

Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣніе говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

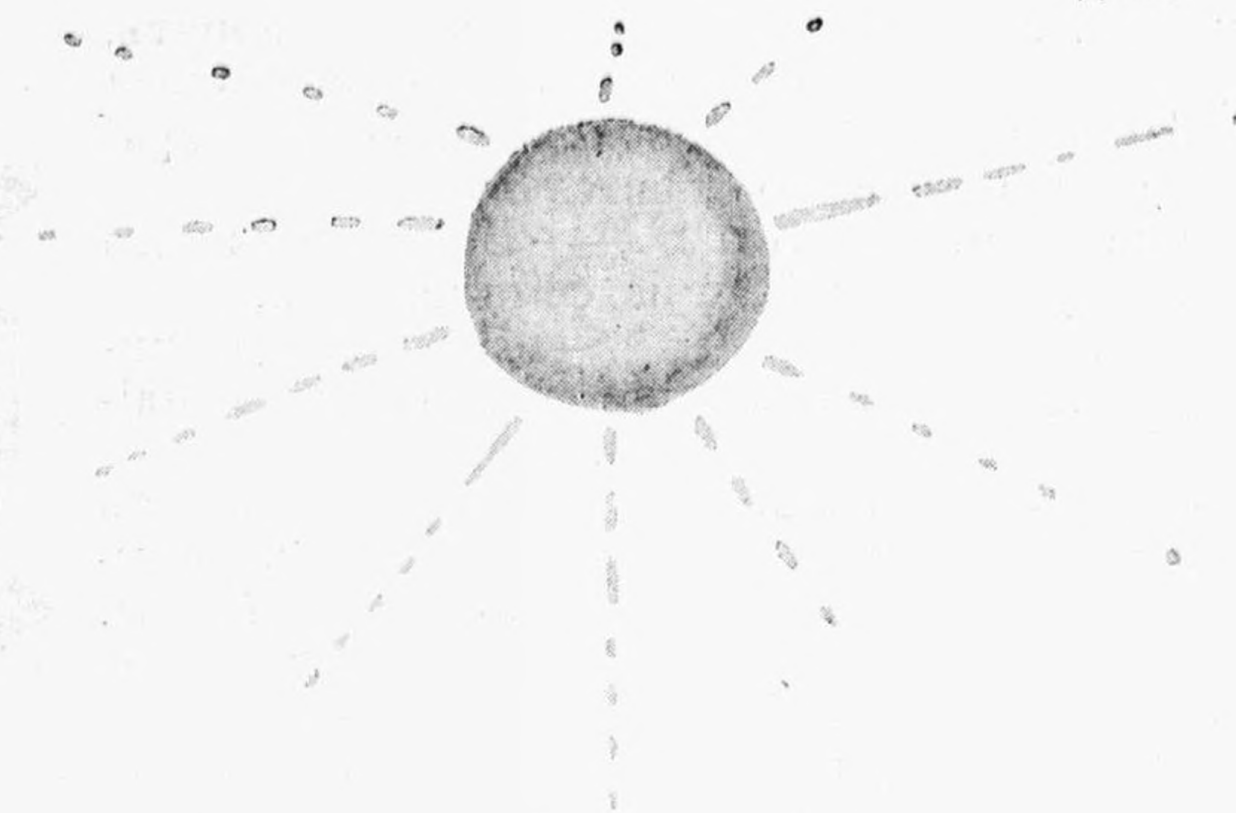
Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангелоподобныхъ страховыхъ агентовъ.

Дети.

Дети.

Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоувѣренные лгуны и обманщики, которые хватають все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, наканунѣ котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взмуржеяка не сходило съ устъ.

Интересовались тѣми приготовлениями, которыми должны удивить Идіотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полупопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегоднешней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германькѣ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловою.. Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идіоту Германьку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идіотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идіоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Еще-бы послѣ сегоднешней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца... Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и таскившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермонькѣ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ захочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копии

восторженныхъ рекомендацій, выданныхъ мнѣ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ полумальчиками лучшихъ фамилій нашей столицы. Изъ нихъ будущій мой мужъ узнаетъ какъ сладки поцѣлуи и ласки мои и какъ я не умолима, когда отъ меня хотятъ получить большее чѣмъ поцѣлуи...

Замѣтивъ выразительные тревожные взгляды Соды, Камфора сдѣлала капризную гримаску и словно нехотя вскользь уронила:

— Какая душечка эта Сода! Какъ жаль, что въ Редискѣ она никогда не сможетъ получить

Дети.

Дети. «Продолженіе весны»

— Что-же у васъ дѣлають страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германьк! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣвають причатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдски...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ... Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертись... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ. Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идіотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, пріюцвѣтають.

Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогорають.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушитъ пожаръ пожарная команда.

А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разныя частныя дома, чтобы поджигать.

Эти контрольныя, повѣрочныя поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металлъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастье по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой конъюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идіоты—слишкомъ идіоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идіоты слишкомъ идіоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.

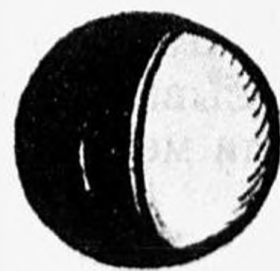
ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны.

Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣние говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

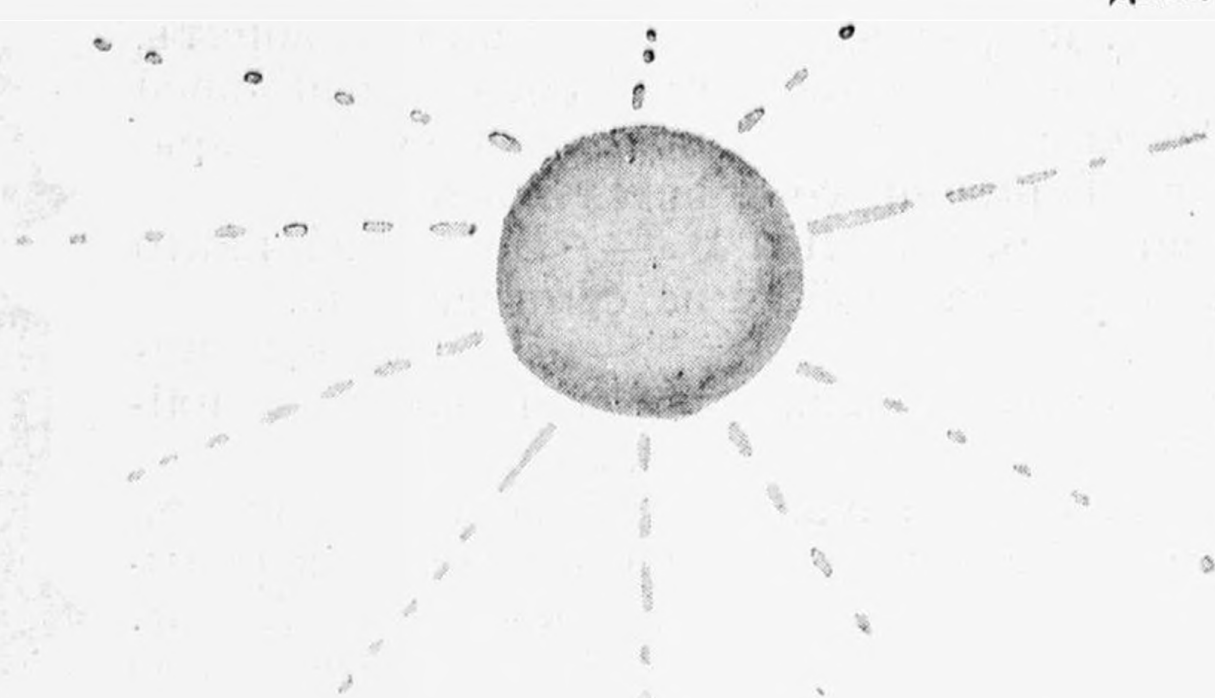
Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангелоликихъ страховыхъ агентовъ.

Дети.

Дети.

Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоуувѣренныя лгуны и обманщики, которые хватають все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, накануне котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взумбржеяка не сходило съ устъ.

Интересовались тѣми приготовленіями, которыми должны удивить Идіотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полушопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегоднешней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германьякъ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловой... Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идіоту Германьяку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идіотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идіоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Еще-бы послѣ сегоднешней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца... Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и тащившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермоньякъ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ хочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копіи

восторженныхъ рекомендацій, выдавъ теченіе этихъ двухъ лѣтъ лучшихъ фамилій нашей столицы. Идуцій мой мужъ узнаетъ какъ сладки и ласки мои и какъ я не умолима меня хотятъ получить большее чѣмъ...

Замѣтивъ выразительные тревожные Сода, Камфора сдѣлала капризную словно нехотя вскользь уронила:

— Какая душечка эта Сода! Какъ въ Редискѣ она никогда не сможетъ...

Дети.

Дети. «Продолженіе весны»

— Что-же у васъ дѣлають страховыя общества!..

— Ты самъ увидишь Германьк! Слышишь къ дому подкатилъ автомобиль... Другой... Третій... Всѣхъ обществъ въ Тыквѣ свыше полусотни... Иногда они всѣ успѣвають прикатить не смотря на отдаленность нашей Рѣдискі...

Въ комнату входитъ съ радостнымъ личикомъ дѣвочка лѣтъ десяти вся въ голубомъ, съ голубымъ бантомъ на шляпѣ и съ голубымъ флагомъ въ рукахъ.

— Я первая! Вчера я тоже была первой... Я случайно была въ Рѣдискѣ и вотъ...

Дѣловито взглянувъ на обгорѣвшую простыню, она вынула чековую книжку, поставила въ ней какой-то знакъ и подала Содочкѣ. За ней вошла еще дѣвочка въ голубомъ... Еще, еще, еще... Скоро въ комнатѣ стало тѣсно, какъ въ ульѣ...

— Это все представительницы различныхъ страховыхъ обществъ... Онѣ привезли страховыя преміи... Каждая старается всучить Содѣ свой чекъ, чтобы отличиться... А Сода объясняетъ, что это не пожаръ, а поджогъ... Но не отвертишься... У насъ страховыя общества платятъ и за поджогъ!..

На дѣвочку, которая пріѣхала первой всѣ смотрѣли съ завистливымъ восхищеніемъ.

Второй разъ подрядъ она беретъ первый призъ. Оказывается, по каждому чеку, выданному страховымъ обществомъ погорѣльцу, общества въ концѣ года получаютъ изъ государственнаго казначейства Идиотіи въ десять разъ болѣе того, что выплачено.

Пожары считаются зломъ общественнымъ, государственнымъ и расплачивается за нихъ государство.

Тѣ страховыя общества, которыя выплачиваютъ много страховыхъ премій, процвѣтають. Тѣ общества, которыя выплачиваютъ премій мало, прогорають.

Вотъ почему каждый пожаръ,—а пожары здѣсь страшно рѣдки—превращается въ какія-то автомобильныя гонки.

У насъ сломя голову на пожаръ летятъ пожарные, а здѣсь страховые.

У насъ общества стараются заплатить какъ можно меньше, а здѣсь какъ можно больше.

У насъ тушить пожаръ пожарная команда.

А здѣсь напротивъ пожарные посылаются отъ времени до времени въ разныя частныя дома, чтобы поджигать.

Эти контрольные, повѣрочныя поджоги необходимы для того, чтобы убѣждаться, что водопожарная система въ исправности, что отверстія быстро раскрываются, вода брызжетъ куда нужно и поспаденіи температуры легкоплавкій металлъ снова твердѣетъ автоматически закупориваетъ отверстія трубочекъ.

У насъ обыватели стараются захватить какъ можно больше преміи, а здѣсь обыватель словно конфузится, что у него случилось такое несчастье по его недосмотру.

У насъ на почвѣ страховой конъюнктуры были-бы такія злоупотребленія, что ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ не описать.

А здѣсь—дѣти, въ рукахъ которыхъ все страховое и пожарное дѣло, слишкомъ порядочны, чтобы злоумышлять, а взрослые идиоты—слишкомъ идиоты, чтобы додуматься до остроумныхъ злоупотребленій.

Итакъ я замѣтилъ во многомъ, если не во всемъ: идиоты слишкомъ идиоты чтобы додуматься до зла и потому у нихъ жизнь такъ легка и радостна.

ДВѢНАДЦАТАЯ ПРОСТОКВАША.

Въ первый разъ я вижу такое собраніе дѣвочекъ.

Всѣ онѣ, каждая по своему, очаровательны. Мнѣ понравились ихъ выдержки и умѣніе говорить о серьезныхъ, дѣловыхъ вещахъ съ такою дѣльною милою улыбкою.

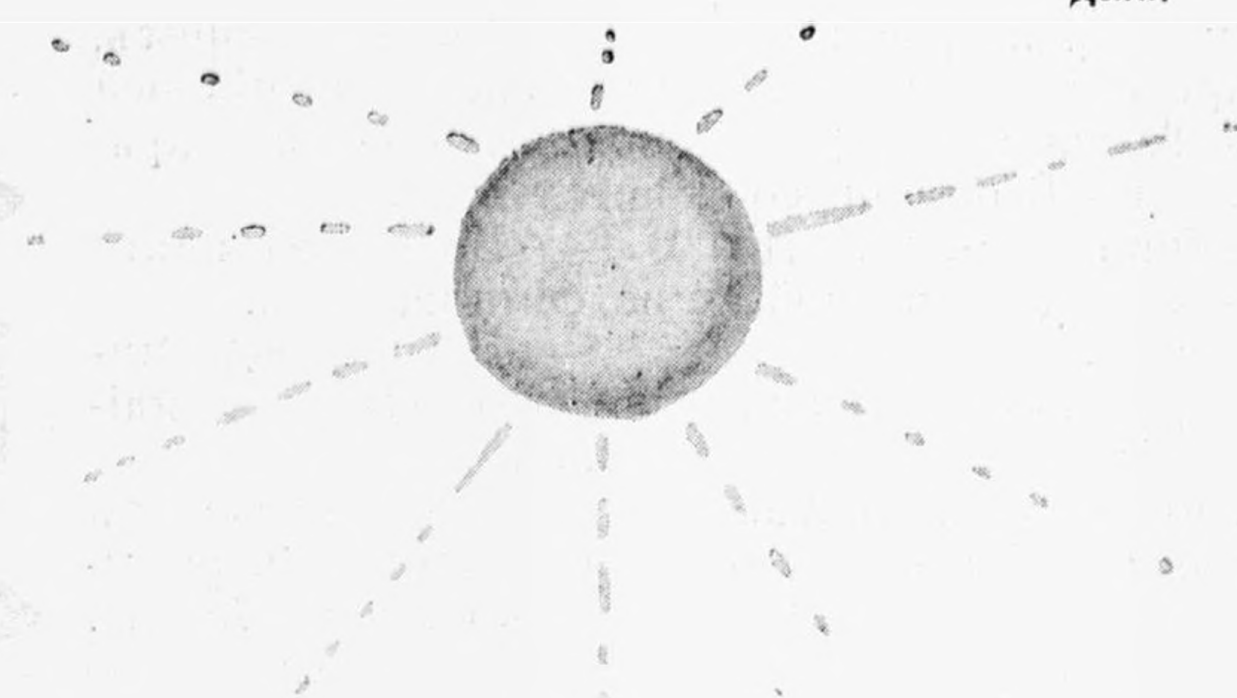
Я думаю, что трудно устоять противъ такихъ изящныхъ ангелоликихъ страховыхъ агентовъ.

Дети.

Дети.

Мнѣ вспомнились назойливыя существа наглые, самоувѣренные лгуны и обманщики, которые хватають все за шиворотъ и силкомъ заставляютъ застраховаться.

Каждая изъ дѣвочекъ, подходя къ Содѣ, отъ души поздравляла ее съ праздникомъ, наканунѣ котораго живетъ Рѣдиска.

Имя Взумбржеяка не сходило съ устъ. Интересовались тѣми приготовленіями, которыми должны удивить Идиотію Рѣдиска.

Въ особенности кухней и блюдами.

Многія изъ дѣвочекъ потомъ полушопотомъ спрашивали у Содочки что-то на непонятномъ мнѣ языкѣ.

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Особенно заинтересовалась моею особою хорошенькая брюнеточка, побѣдительница сегоднешней страховой гонки.

Она подошла ко мнѣ протянула руку и на прекрасномъ латинскомъ языкѣ сказала:

— Господинъ Германькъ, меня зовутъ Камфорой Камфоровной Салицилловою... Будемъ знакомы.

— Я счастливъ познакомиться съ такимъ очаровательнымъ существомъ...

— Если я въ самомъ дѣлѣ такъ понравилась идиоту Германьку, если онъ не далъ слово ни одной дѣвочки въ Идиотіи и если онъ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сдѣлать меня идиоткой, онъ долженъ спѣшить... Иначе, вернувшись въ Тыкву я сегодня-же получу десятки нотаріальныхъ предложеній отъ нашихъ полумальчиковъ... Еще-бы послѣ сегоднешней моей побѣды я завидная жена: въ газетахъ будетъ напечатано, что я выдала страховую премію за простыню иностранца... Этого до меня не дѣлывалъ никто!..

Предложеніе услышанное мною изъ устъ невинной десятилѣтней крошки меня ошеломило своею неожиданностью.

Я замѣтилъ, какъ безпокойно забѣгали глазенки Соды. Она дѣлала видъ, что интересуется бесѣдой съ голубыми дѣвочками, окружившимъ ее со всѣхъ сторонъ и тащившимъ ее въ кухню, но все время словно нечаянно взглядывала на насъ.

— Что-же молчишь, господинъ Гермонькъ? Относительно меня онъ пусть не сомнѣвается: я—уже полудѣва. Я пришлю ему, если онъ хочетъ, засвидѣтельствованныя у нотаріуса копии

восторженныхъ рекомендацій, выданныхъ мнѣ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ полумальчиками лучшихъ фамилій нашей столицы. Изъ нихъ будущій мой мужъ узнаетъ какъ сладки поцѣлуи и ласки мои и какъ я не умолима, когда отъ меня хотятъ получить большее чѣмъ поцѣлуи...

Замѣтивъ выразительные тревожные взгляды Соды, Камфора сдѣлала капризную гримаску и словно нехотя вскользь уронила:

— Какая душечка эта Сода! Какъ жаль, что въ Редискѣ она никогда не сможетъ получить

Дети.

сносных референцій потому что... ну развѣ въ какой то Рѣдискѣ живутъ представители богатыхъ и знатныхъ идиотскихъ фамилій.

— Милая Камфора! У насъ въ Германіи совсѣмъ другіе взгляды на женщину и бракъ. До замужества дѣвушка должна быть дѣвственной...

— Да развѣ я не дѣвственна!

— Она должна быть... совершенно невинной...

— А въ чемъ же виновна я?!

— Она не должна знать, что такое поцѣлуй... Камфора сдѣлала удивленные глаза и расхохоталась.

На ея смѣхъ подошла Сода:

— О чемъ вы тутъ такъ весело бесѣдуете?

— Да вотъ иностранецъ увѣряетъ что у нихъ дѣвочки до замужества не знаютъ что такое поцѣлуй...

— Неужели ты не шутишь идиотъ-иностранецъ.. Неужели дѣвочки твоей родины живутъ такою темною жизнью. Неужели ваши мальчики женятся безъ всякихъ рекомендацій... Какъ же вы устраиваете что дѣвочка не знаетъ что такое поцѣлуй?..

— Онѣ знаютъ...—поправился я:—Но дѣлаютъ видъ, что не знаютъ... Онѣ цѣлуются и до свадьбы, но... не рассказываютъ объ этомъ...

Насъ обступили хороводомъ голубыя стреховыя дѣвочки:

— Ха-ха-ха!.. Такъ онѣ скрываютъ поцѣлуй... Такъ онѣ обманываютъ своихъ будущихъ мужей...

— Да... Онѣ не хвалятся своими рекомендаціями...

— Несчастныя!—хоромъ воскликнули дѣвочки:—Да вѣдь ложь мать всѣхъ пороковъ! Развѣ можно скрывать формуляръ отъ того кого дѣйствительно любишь...

— Такъ онѣ учатся поцѣлывать отъ мужа!.. А не мужъ учится поцѣлывать отъ жены...

Мнѣ становилось не по себѣ въ этой атмосферѣ насыщенной ангельскими взглядами и улыбками и человѣческими слишкомъ человѣческими словами.

— Вотъ бы къ вамъ въ Германію послать нашу Азоту... Азота дожила до одиннадцати лѣтъ и все еще не знаетъ зачѣмъ ей даны губы!—засмѣялась Камфора.

Но Сода ее срѣзала:

— Какъ тебѣ не стыдно смѣяться надъ бѣдной Азотой! Развѣ она виновата, что мальчики ее обходятъ...

— Да, виновата! Что значитъ мальчики ее обходить! Не мальчики насъ обходятъ, а мы обходимъ мальчиковъ...

— Азота говоритъ, что среди нынѣшней молодежи ей не нравятся никто...

— Въ ея умѣ никто не сомнѣвается...

— Да, изъ нея никогда не выйдетъ идиотки...

Дѣвочки начали съ увлеченіемъ перемывать косточки Азоты, совсѣмъ забывъ обо мнѣ.

Воспользовавшись этимъ Сода сдѣлала мнѣ знакъ глазами, чтобы я вышелъ за ней въ другую комнату.

Сода схватила меня за рукавъ и властным тономъ прошептала:

— Не смѣй разговаривать съ Камфорой. Ей хочется залучить тебя въ ея формуляръ... Да и вообще каждой изъ этихъ дѣвочекъ лестно поцѣловаться съ тобой и попросить, что бы ты написалъ свою рекомендацію въ ихъ вадетесит. Клянись, что во всей Идиотіи только въ моемъ формулярѣ будетъ красоваться имя Германьяка!.. Только мои поцѣлуй вызовутъ твои восторженные письменныя рекомендаціи... Конечно, если они тебѣ понравятся...

И Сода кокетливо покраснѣвъ, опустила глазки.

— А теперь—бѣги отсюда, какъ бѣжалъ Эакъ... Долго въ обществѣ дѣвочекъ оставаться опасно...

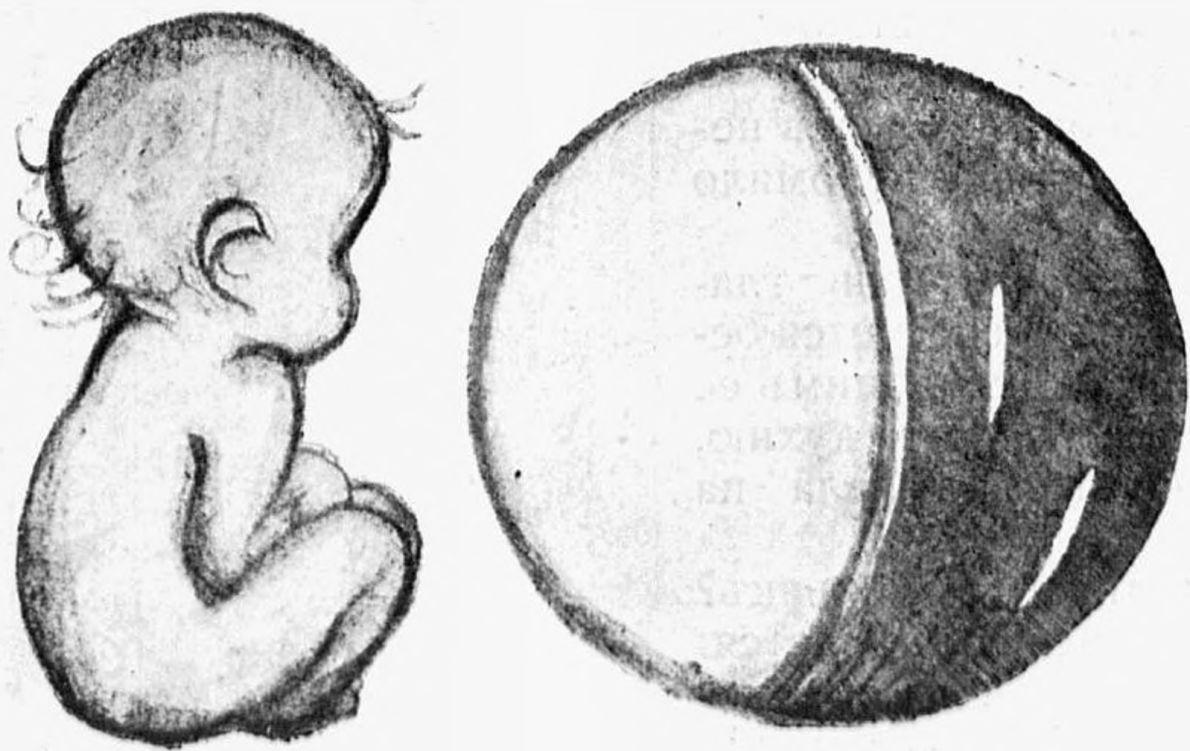
Я замѣтилъ, что Эакъ и докторъ дѣйствительно незамѣтно послѣдно скрылись подъ натискомъ щебетливой синей саранчи.

— Милая Содочка, я ничего и никого не боюсь... У насъ на родинѣ на такихъ маленькихъ дѣвочекъ какъ вы, всѣ смотрятъ какъ на дѣтокъ, которымъ надо играть въ куклы... О любви онѣ не знаютъ... Поцѣлуевъ, кромѣ родительскихъ не получали... И если бы кто-нибудь изъ взрослыхъ мужчинъ вздумалъ поцѣловать съ нечистымъ намѣреніемъ такую дѣвочку, его судили бы какъ преступника!..

Глаза Соды широко раскрылись:

— За что же судить!.. Если ты видишь прекрасный цвѣтокъ, тебѣ хочется его понюхать!.. Если ты видишь хорошенькую дѣвочку тебѣ хочется ее поцѣловать!.. Такъ вѣдь „желаніямъ посылаютъ боги!.. Какъ же противиться имъ и зачѣмъ противиться и не въ томъ ли

Дени.

ИМѢЙТЕ ДѢЛО СЪ САМИМЪ АВТОРОМЪ, но не съ алчущими наживы издателями.

ВЕЛИКІЯ ТАЙНЫ ГИПНОЗА

НАША СИЛА ВНУТРИ НАСЪ.

Хотите ли Вы подчинять людей своей волѣ, владѣя великой тайной силой?

Я психо-френологъ Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКЪ, даю дѣйствительно полный курсъ гипнотизма, большой томъ въ богатомъ съ золотымъ тисненіемъ переплетѣ.

ВМѢСТО 12 РУБ. ТОЛЬКО ЗА 2 РУБЛЯ.

Мой курсъ включаетъ въ себѣ много цѣннаго и новаго въ области гипнотизма. Мое произведеніе ведетъ къ самоусовершенствованію, учитъ вліять и дѣйствовать на окружающихъ посредствомъ внушенія въ состояніи бодрствованія.

Мой курсъ содержитъ въ себѣ 98 важнѣйшихъ главъ. Снѣ учитъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія. Только въ моемъ курсѣ имѣется обширный отдѣлъ чтенія чужихъ мыслей.

Въ немъ широко разработаны отдѣлы: дѣленія посредствомъ открытаго внушенія, пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастенія, головной боли, бессонницы, недержанія мочи, заиканія и проч.

Самовнушеніе. Быстрое предотвращеніе страха. Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности.

Произведеніе это значительно и рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ изданій этого рода своей общепонятностью и общедоступностью. По отзывамъ лицъ, пользовавшихся этимъ курсомъ гипнотизма, онъ раскрываетъ новый неведомый міръ, поднимаетъ духъ и настроеніе, даетъ силу, мощь, ведетъ къ счастью и довольству.

Роскошное изданіе со множествомъ рисунковъ, съ портретомъ автора и знаменитѣйшихъ медиумовъ. Для прохожденія моего курса не требуется никакихъ особенныхъ знаній. Онъ приноситъ неоцѣнимую пользу мужчинамъ и женщинамъ, старымъ и молодымъ, богатымъ и бѣднымъ, сильнымъ и слабымъ, здоровымъ и больнымъ. Мой курсъ вышелъ новымъ значительно увеличеннымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ.

Въ курсѣ заключается слѣдующее содержаніе:

1) Введеніе. 2) Что такое гипнотизмъ? 3) Исторія гипнотизма. 4) Чѣмъ долженъ быть гипнотизеръ? 5) Качества гипнотизируемой личности. 6) Средства и методы гипнотизма. 7) Дѣйствіе гипнотизера на гипнотизируемую личность. 8) Гипнотическій сонъ. 9) Пробужденіе. 10) Что чувствуетъ и испытываетъ усыпленный посредствомъ гипнотизма? 11) Отдавленіе чужихъ мыслей. 12) Какъ развить способность чтенія мыслей. 13) Методъ и способы чтенія мыслей. 14) Что способствуетъ удачнымъ экспериментамъ. 15) Что мѣшаетъ удачнымъ опытамъ? 16) Какъ вліять, дѣйствовать и внушать безъ усыпленія въ состояніи бодрствованія. 17) Опыты открытаго внушенія. 18) Дѣленіе

посредствомъ открытаго внушенія, пьянства, куренія, азартной игры, онанизма, неврастенія, головной боли, бессонницы, недержанія мочи, заиканія и проч. 19) Самовнушеніе. 20) Быстрое предотвращеніе страха. 21) Укрѣпленіе памяти и устраненіе разсѣянности. 22) Совѣты намеревающимся публично демонстрировать опыты гипнотизма. 23) Побѣда мысли. 24) Приемы и упражненія. 25) Путь къ счастью и довольству и проч. и проч. Прочу не сравнивать съ московскими и иными любочными изданіями. Я даю за 2 рубля вполне законченный курсъ, никакихъ дополнительныхъ лекцій и расходовъ не требуется. Брошюра съ отзывами и благодарностями ученыхъ, высокопоставленныхъ и знатныхъ особъ, прилагается при всякомъ заказѣ. Здѣсь за неимѣніемъ мѣста для убѣжденія приводятся лишь нѣкоторые:

ЧИТАЙТЕ

Священникъ от. **Василій Спѣвачевскій**, почт. ст. Улановъ Под. губ. Высочайшимъ господиномъ Х. М. Шиллеръ-Школьникъ. Книгу Вашу «Гипнотизмъ» получилъ, прочелъ и искренне благодарю. При чтеніи книги, мнѣ нѣкоторымъ образомъ открылись забытѣе (или забытыя) суданія, которыя до извѣстной границы могутъ быть постигнуты и подвѣстны четовѣку. Я глубокоувѣренъ въ гуманности и добрыхъ намѣреніяхъ Вашей дѣятельности и поэтому остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ Священникъ **Василій Спѣвачевскій**.

Василій Федоровичъ Крепозвонскій, Новороссійскъ, Контра инженера Шенсновича, пишетъ: Признательнъ Вами курсомъ гипнотизма очень интересуюсь, занимаюсь и благодарю Васъ, чувствую себя гораздо лучше. Мой братъ также пользуется Вашимъ курсомъ и также очень доволенъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ **Крепозвонскій**.

В. Б. Королевъ, Савино. За курсъ гипнотизма ничего, кромѣ безграничной благодарности и сердечнаго «спасибъ» сказать не могу и лучшей благодарности не придумаю. Книга поразила ясностью изложенія и цѣнностью ея содержанія. При всемъ этомъ она значительнѣе и роскошнѣе иллюстрирована въ богатомъ переплетѣ такая минимальная цѣна, какъ 2 рубля, какую Вы назначили, сидѣтельству о Вашемъ благомъ намѣреніи широко распространить эти драгоценныя для всякаго свѣдѣнія и совѣта среди интересующихся, и чѣмъ отъ души желаю Вамъ полного успѣха. Прѣзжаю съ высокимъ почтеніемъ къ Вамъ **В. Б. Королевъ**.

Полный курсъ со всѣми приложеніями высылается за 2 рубля. Деньги присылать переводомъ. Наложено платеж. на 30 коп. дорожке. Писать свою фамилію и адресъ ясно и разборчиво.

Нашъ адресъ: **ВАРШАВА, ПСИХО-ФРЕНОЛОГУ Х. М. ШИЛЛЕРЪ-ШКОЛЬНИКУ, ПЕНКНАЯ, 43.**

Ермлай Алексѣевичъ Фроловъ, гор. Елецъ, Уральской обл. пишетъ: Глубокоуважаемый господинъ Шиллеръ-Школьникъ, Вашъ курсъ гипнотизма ослѣпительно меня; и достигъ блестящихъ результатовъ по гипнотизму. Я вытѣчилъ многихъ отъ различныхъ болѣзней и дурныхъ привычекъ. Никакой клятвы и богатства не могутъ сравниться съ приобретенными мною отъ Васъ познаніями. Я остаюсь искренне благодарный и всегда готовый рекомендовать Вашъ курсъ, который можетъ принести большую пользу всѣмъ. Покорный слуга **Фроловъ**.

Если бы вы захотѣли, для убѣжденія обратиться къ кому-либо изъ вышеупомянутыхъ лицъ, то приложите къ письму конвертъ съ Вашимъ адресомъ и наклеенной маркой. Восторженные отзывы и благодарности отъ частныхъ лицъ получаютъ ежедневно; у насъ ихъ множество, подлинники предъявляются во всякое время всѣмъ желающимъ—у насъ въ конторѣ. Но кромѣ частныхъ отзывовъ и благодарностей, вотъ что пишетъ славный С.-Петербургскій Оккультный журналъ «Изда» издаваемый знаменитымъ ученымъ знакомомъ оккультизма И. К. Антоновскимъ, во второмъ номерѣ журнала за ноябрь 1910 г. «Гипнотизмъ Х. М. Шиллеръ-Школьника, изящно изданная книга знакомитъ читателя, какъ съ теоріей, такъ и съ практическими приемами гипнотизма. Среди множества сочиненій и лекцій по гипнотизму, эта книга заслуживаетъ особенное вниманіе, благодаря весьма популярному изложенію сущности гипнотизма. Несмотря на сравнительно невысокую цѣну, эта книга вполне замѣняетъ дорого стоящіе изданія американскихъ институтъ».

Есть одно лишь средство.

От перхоти, выпадения и для рощения волосъ.

„ШИЛЛЕРИНЪ“ (ТРАВЫ)

У меня, психо-френолога **Х. М. Шиллера-Школьника** (автора научн. книгъ) отъ переутомленія, вѣдствіи усиленныхъ занятій трудными оккультными науками, стали страшно выпадать волосы и появилась обильная перхоть. Я испробовалъ все почти существующія средства, но ничто не помогало мнѣ. Я безнадежно примирился съ мыслью быть лысымъ, но однажды, разбирая старинную, рѣдкую медицинскую книгу, я нашелъ въ ней средство для рощения волосъ, состоящее изъ различныхъ травъ. Я составилъ его и сталъ имъ пользоваться.

Оно меня осчастливило! У меня прекратилась перхоть!

У меня выросли чудные волосы!

Мои волосы вызываютъ удивленіе у всѣхъ!

Мое средство было испытано многими и многимъ дало чудный ростъ волосъ, за что я получилъ *множество благодарностей и отзывовъ*. Я съ удовольствіемъ рекомендую мое средство всѣмъ нуждающимся въ немъ, въ надеждѣ, что за него получатъ благодарность. Мое средство подъ названіемъ „Шиллеринъ“ разрѣшено **Врачебн. Управой** за № 6026, „Шиллеринъ“ является единственнымъ радикальнымъ средствомъ отъ головной перхоти, выпадения волосъ и для ихъ рощения. „Шиллеринъ“ примѣняется съ большимъ успѣхомъ также для рощения бороды и усовъ. — Я получаю за него отовсюду множество благодарностей.

Здѣсь за недостаткомъ мѣста приводятся лишь нѣкоторые отзывы и благодарности, полученные мною за послѣднее время. Если Вы для проверки напишете кому либо изъ нижеуказанныхъ лицъ, то приложите конвертъ со своимъ адресомъ и наклеенной маркой.

ЧИТАЙТЕ

Священникъ **Викторъ Качуровскій**, Почт. ст. Березно, Волыск. губ. пишетъ:

Милостивый Государь, г. Шиллеръ-Школьникъ! Результаты отъ употребленія сей травы получаются поразительные. Волосы перестали падать, и появилась растительность на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея совсѣмъ не было. Жаль что я такъ поздно узналъ о семъ средствѣ.

Любовь Васильевна Соловьева, С.-Петербургъ Лицейская № 6. Благодарю г. Шиллера-Школьника за пробный „Шиллеринъ“, который примѣнила по указанію. Выпаденіе волосъ совершенно прекратилось.

Казиміръ Вильскій, Варшава. Хмѣльная 130, кв. 40, пишетъ: Приношу Вамъ свою искреннюю благодарность за Ваше дивное средство „Шиллеринъ“, благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и выросли густые волосы. Буду рекомендовать въ всѣхъ нуждающихся въ этомъ средствѣ.

Поручикъ Лелецкий, Винница (Подольск. губ.). Пѣхотный Крымскій полкъ. Я получилъ пробный пакетъ „Шиллерина“. Онъ оказывается лучше другихъ, испытанныхъ мною средствъ. Прошу немедленно выслать большую коробку „Шиллерина“.

К. М. Левандовскій, надсмотрщикъ телеграфа. Новоукраинка (Херсонской губ.). Очень благодаренъ Вамъ за траву „Шиллеринъ“. Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали падать волосы, и перхоть совершенно прекратилась.

Софія Васильевна Грицанъ, Кишиневъ, ул. Шмидта 130. Прошу немедленно выслать пакетъ травъ „Шиллеринъ“. Ваши травы оказали большую пользу моимъ волосамъ. Перхоть исчезла, а главное, волосы мои укрѣпились и совершенно перестали падать.

Начальникъ станціи **І. А. Якубовичъ**, Калуга ст. М.-К.-В. ж. д. Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ большую кор. травъ „Шиллеринъ“. Полученной отъ васъ пробой остался очень доволенъ. „Шиллеринъ“ оказываетъ хорошее дѣйствіе, за что очень Вамъ благодаренъ.

Марія Бухвальдеръ, жена преподавателя Реального Училища, Подгавъ, Прохоровская № 2. Въ прошломъ году получила отъ Васъ средство „Шиллеринъ“. Отъ употребленія прекратилось выпаденіе; волосы стали чудно расти, посѣдѣвшіе волосы приняли природный цвѣтъ. Въ настоящее время прошу выслать для моей кузины одну коробку травъ „Шиллеринъ“.

Евдотія Максимовна Дородныхъ, Серпуховъ, Моск. губ. Пробный пакетъ травъ я получила. Восхищаюсь этимъ средствомъ. Послѣ пяти разъ втиранія результатъ получился удивительный, перхоть исчезла, волосы — мягкія и блестящія. Сердечно приношу благодарность и прошу выслать большую коробку травъ за три рубля.

Священникъ **Л. С. Ломанинъ**, гор. Илень. (Уральск. Обл.). За присланный пакетъ травъ приношу Вамъ искреннюю благодарность. Ваше средство отлично дѣйствуетъ: у меня перестали выпадать волосы и замѣтно показались новые волосы, а старые также стали замѣтно расти.

М. Ф. Бѣляевъ, Черниговъ, Гончая ул., соб. д. № 62-й. Пробная доза „Шиллеринъ“ вполне оправдала ожиданія: мои волосы безусловно укрѣпились, и я съ удовольствіемъ выписываю большую коробку.

Платонъ Егоровъ, Оханскъ, Пермск. губ. Благодарю **Х. М. Шиллера-Школьника** за пробный пакетъ травъ „Шиллеринъ“, который быстро оказалъ свое превосходное дѣйствіе. У меня прекратилось выпаденіе и волосы стали чудно расти. Прошу выслать еще три пакета.

Кирилъ Фурманъ, Алушка, Тавр. г. Примите сердечно благодарность за Ваше дивное средство „Шиллеринъ“, благодаря которому у меня прекратилось выпаденіе и появилась растительность. Буду рекомендовать всѣмъ нуждающимся въ этомъ средствѣ. Пришлите еще два пакета Вашихъ травъ.

М. О. Хандоянъ, Нахичеванъ. За присланную траву „Шиллеринъ“ очень благодаренъ; средство превосходно дѣйствуетъ для рощения волосъ и усовъ.

М-ме Варвара Фисунъ, Хороль. Не выберу словъ выразить Вамъ свою благодарность за Ваше средство „Шиллеринъ“. У меня прекратились головныя боли и превосходно растутъ волосы.

Е. В. Минаевъ, Одесса, Троицкая 39, кв. 12. Увѣдомляю Васъ г-нъ Шиллеръ, что первая проба „Шиллеринъ“ дала блестящіе результаты. Прошу выслать большую коробку.

М-ме Шишова, С.-Петербургъ. Благодарю Васъ за пробный пакетъ Вашего средства „Шиллеринъ“. Оно хорошо повліяло на мои волосы: перхоть прекратилась и волосы перестали выпадать.

Мое средство „Шиллеринъ“ тщательно изслѣдовано и строго проверено. Оно дѣйствуетъ благотворно, вполне оправдывая свое назначеніе. Прекращаетъ перхоть, оздоравливаетъ кожу, укрѣпляетъ корни и даетъ здоровую и богатую растительность.

„Шиллеринъ“ съ успѣхомъ примѣняется также для рощения бороды и усовъ.

Пакетъ травъ „Шиллеринъ“ съ подробнымъ описаніемъ и наставленіемъ какъ имъ пользоваться и брошурой съ отзывами и благодарностями продается на мѣстѣ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ за 28 коп. высылаются иногороднимъ за 35 коп. наложеннымъ платежемъ на 16 коп. дороже. Марки просимъ присылать только въ заказныхъ письмахъ.

Нашъ адресъ: Варшава, Психо-Френологу **Х. М. Шиллеръ-Школьнику**, Пенная 25—43.

Требуйте „ШИЛЛЕРИНЪ“ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

РЕЗИНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

„ВУЛКАНЪ“

Гагаринская ул., 28 и 16 (близъ Пантелейм).

ОТДѢЛЕНІЕ: Воскресенскій просп., д. № 10.

ВУЛКАНИЗАЦІЯ АВТОМОБИЛЬНЫХЪ ШИНЪ,

ремонтъ футбольныхъ мячей, галошъ, хирургическихъ инструментовъ, пожарныхъ рукавовъ и проч. резиновыхъ издѣлій, а также половыхъ резиновыхъ ковриковъ.

Продажа и покупка автомобилей, шинъ и старой резины.

Пріемъ на комиссію автомобильныхъ шинъ и разныхъ
автомобильныхъ принадлежностей.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше 2000 иллюстрацій).

Нѣкоторые №№ печатаются въ ДВѢ краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разсланы въ началѣ года, въ качествѣ бесплатныхъ приложений: Сборникъ сатиры и юмора отъ Пушкина до Амфитеатрова „Русскій смѣхъ“ (произведеніе около 50 авторовъ), составленный Вас. Князевымъ;

20 Репертуаръ любителя
пьесъ для любителей драматическаго искусства.

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставк. и перес. на годъ 3 р., 6 мѣс. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп. Продается вездѣ.

Издательство „Синій Журналь“.

Редакторъ М. Г. Корнфельдъ.

Гл. Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514—27.

Ежемесячное издание
ВЕСНА

орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. ШЕБУЕВА

„ВЕСНА“

СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЕСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на
мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто
молодымъ литературнымъ иска-
ніямъ и вообще молодежи.

Ни одна рукопись, адресованная
въ редакцію, не остается безъ
отвѣта въ почтовомъ ящикѣ
„ВЕСНЫ“.

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только
о новыхъ присланныхъ въ редакцію
книгахъ, но и о журналахъ и
нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ“ годовые подписчики получаютъ первую
бесплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать
стихи“ („Версификація“).

Второй бесплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ
собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ
этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ
на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и
композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ
на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ

альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получаютъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или
„Благодушныя и назидательныя похождения въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб., на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С. Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. **Телефонъ 655—96.**

Танса объявленій: за строку нонпарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитриева.

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Садовая, 75.

КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.
ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ И
ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
О В Ш. М. В. П О П О В А.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:
„Повѣсть читается съ неослабвающимъ интересомъ“

«Русское Богатство».

„Литературныя достоинства и дарованія ея автора—
безпорны“.

«Нов. Журн. для Всѣхъ».

„Изъ произведеній, появившихся съ начала года от-
дѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли
и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ
Сафьянѣ“...»

«Саратовскія Вѣсти».

„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о
Савватіи заговорятъ“.

«Виржев. Вѣдом.».

МИХАИЛЬ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана,

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

„Поэтъ милостью Божіей г. Алексѣй Липецкій обла-
даетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей по-
вседневной жизни создавать прекрасные образы. На
каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы,
созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ солнеч-
номъ свѣтѣ. И если не всѣмъ этимъ строфамъ нельзя
отказать въ поэзіи, то вы всегда найдете въ каждой
изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задушевное,
остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.“

«Кіев. Мысль» 4 іюня 1913 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

(Повѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арнштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.

„Если сравнить романъ Миртова съ рукодѣлемъ
Вербницкой, съ произведеніемъ Григорьева „На ущербѣ“,
съ „Гнѣвомъ Діониса“ Нагродской, то серьезность,
глубина и талантливость автора сразу бросятся въ
глаза.“

«Современникъ» 1913—9.

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. Цѣна 1 руб.

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ муж-
чины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ тотъ періодъ жизни,
когда увядаетъ непосредственность и страстность,
но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій,
достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія.
Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ.
Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лиричес-
кую мягкость Я. Вассермана.“

«Русская Молва».

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе рассказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн.
магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ.

ЭМАЛИ и КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя.

- 1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.
 - 2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.
 - 3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.
 - 4) Периодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія, библиотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.
 - 5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.
- Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библиотеки и др. просвѣтительныя учрежденія поль-
зуются скидкой.
- Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.
- Выпущенный магазиномъ подробный новый каталогъ учебныхъ книгъ и пособій для низшихъ сред-
нихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя мар-
ки

Содержание № 5.

Отъ Редакціи. — О Чеховѣ. 1) Последнее произведение. 2) Устричный вагонъ. 3) Годовщина. Миниатюры Н. Шабурова. — Фирсы о Чеховѣ. Статья А. Русавина. — Девизъ. Стихотворение Н. Агнiewiczа. — Миша. Разсказъ Бориса Эффимъ. — Три стихотворения. Лидіи Львовой. — Последние страны голубыхъ. Разсказъ Ивана Лукаша. — Старухи. Стихотворение Юрія Зубовскаго. — Новая книга. Къ широкой дорогѣ. Собрание А. И. Кохановскаго. Prima Capina. Книга великихъ. Въ ряды. Дерзання. — Негативы. — Конкурсы. — Юморъ.

Отъ редакціи.

Тяжело сознаваться въ своихъ увлеченіяхъ, но немыслимо дальше замалчивать ихъ. А увлеченіемъ журнала „Весна“ было съ самаго основанія до послѣдняго номера желаніе на русской почвѣ выбиться съ помощью молодежи въ крѣпкій, здоровый, цвѣтушій журналъ. Какъ выбился „Jugend“.

„Веснѣ“ всегда казалось, что нѣтъ благороднѣе и благодарнѣе задачи, какъ даваніе дебютовъ молодымъ, начинающимъ талантамъ.

„Веснѣ“ казалось, что этими талантами интересуются и широкая публика.

„Веснѣ“ казалось, что начинающими талантами богата Русь, что въ каждой семьѣ есть юноша или дѣвушка, расправляющіе крылья, чтобы полетѣть.

„Веснѣ“ казалось, что эти юноши и дѣвушки захотятъ, сумѣютъ и смогутъ сдѣлать ее желанной, необходимой въ каждой семьѣ.

„Веснѣ“ казалось, что, начавъ съ „меценатства“ она черезъ годъ-два наконецъ сумѣетъ расходиться въ такомъ количествѣ, чтобы оправдывать расходы.

О доходахъ и не мечтала „Весна“...

Но оказалось, что именно молодежь-то и не можетъ дать „Веснѣ“ распространенія: журналъ она норовитъ получать даромъ.

А широкую публику дебюты молодыхъ даже отвращаютъ: она привыкла гнаться за именами.

Каждый номеръ „Весны“ давалъ громадный убытокъ.

Если бы собрать то, что истратила „Весна“ за нѣсколько лѣтъ на молодежь, вышелъ бы капиталъ, на который можно поставить на ноги большое литературное предпріятіе.

Дальше у „Весны“ нѣтъ мочи меценатствовать и она, съ горечью отказываясь отъ своихъ прежнихъ задачъ, задаетъ себѣ новыя.

Эти задачи—дать широкой публикѣ—общій журналъ, т. е. журналъ такой, который сумѣетъ ее заинтересовать.

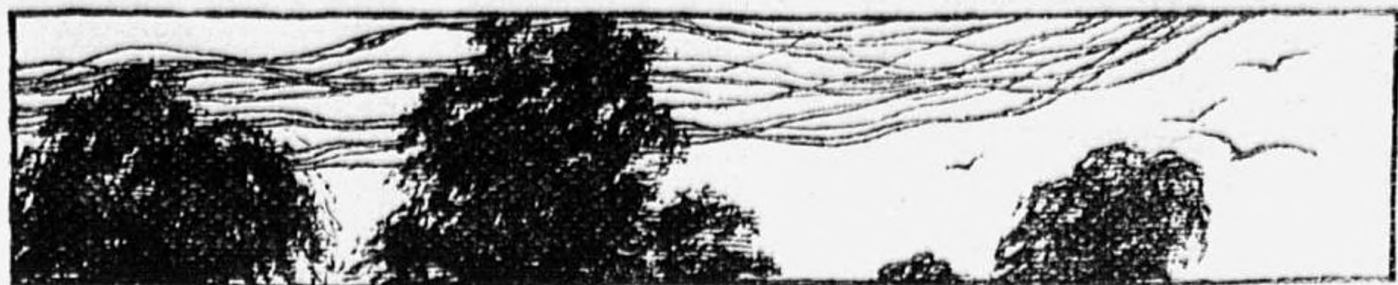
Не журналъ „начинающихъ“, а журналъ „продолжающихъ“.

Въ немъ не будетъ мѣста дебютамъ, не будетъ мѣста тѣсному общенію съ молодежью, въ немъ будутъ романы, повѣсти, разсказы, статьи и фельетоны на всѣ темы культурнаго дня.

„Весна“ не хочетъ ничего обѣщать.

Публика сама увидитъ какъ и куда поведетъ она.

Къ истинѣ, добру и красотѣ...

О Чеховъ.

1. ПОСЛѢДНЕЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ ЧЕХОВА.

Въ Художественномъ театрѣ шель „Вишневый Садъ“.

Чеховъ въ ложѣ.

Въ антрактѣ вышелъ въ корридоръ.

Я подошелъ къ нему.

Онъ ласково улыбнулся и ласково подаль руку.

— Опять интервьюировать будете?

Тогда газеты были полны дебатами о томъ, что задумалъ написать Чеховъ, чего не задумалъ, какъ называется его будущее произведение и каково его содержаніе.

И я спросилъ:

— Скажите Антонъ Павловичъ, какъ называется ваше послѣднее произведение?

Чеховъ улыбнулся какою-то виновато ироническою улыбкою.

— Мое послѣднее произведение называется...

Онъ закашлялся.

Я ждалъ, что вотъ вотъ онъ откашляется и скажетъ названіе.

Онъ пересталъ кашлять, но молчалъ.

И опять улыбнулся.

— Ну? Какъ-же названіе?

— Да вы развѣ не слыхали?

— Да... Не разлышалъ, Вы закашлялись...

— Названіе этого послѣдняго произведенія.

И онъ опять мучительно закашлялся.

Такъ мучительно, что мнѣ самому тяжело и больно на него смотрѣть.

И было неловко виновато ждать.

Онъ кончилъ.

Глаза все такъ же мило и тихо улыбались.

— Вы ждете?

— Простите „жду“.

— Вотъ это и есть мое послѣднее произведение,—чахотка!

Его глаза все улыбались, когда онъ произносилъ эту роковую шутку.

Свѣтились уютною, свѣтлою, чеховскою улыбкою.

И въ этой шуткѣ сказанъ весь Чеховъ.

Больше я не встрѣчалъ Чехова.

Но его улыбку запомнилъ навсегда.

Вѣдь вся его жизнь, все его творчество,—это улыбка жизни, сквозь кашель смерти.

Скажите, кто васъ заставилъ въ жизни больше всего смѣяться.

— Чеховъ.

Скажите кто васъ заставилъ больше всего грустить?

— Чеховъ.

Кто самый глубокий русскій пессимистъ.

— Чеховъ.

Кто самый жизнерадостный русскій оптимистъ.

— Чеховъ.

2. ВАГОНЪ.

Тѣло Антона Павловича прибыло въ вагонъ съ надписью:

„Для устрицъ“.

Люди устричной крови не нашли для своего бытописателя, поэта сумерокъ иного помѣщенія, чѣмъ

Устричный вагонъ...

Какой великолѣпный посмертный рассказъ написалъ-бы Антонъ Павловичъ на эту тему.

3. ГОДОВЩИНА.

Я прослушалъ посмертный рассказъ Чехова „Годовщина на кладбищѣ Ново-Дѣвичьего монастыря“.

Много собралось прослушать этотъ безхитростный рассказъ.

Пришли и человѣкъ въ футлярѣ, и три сестры, и дядя Ваня и Ивановъ.

Много Ивановыхъ.

Пришли, оторвавшись отъ тусклыхъ, мѣщанскихъ будней.

— Мы будемъ слушать панихиду на могилѣ великаго писателя, который обличалъ человѣка въ футлярѣ!—сказалъ человѣкъ въ футлярѣ, протискиваясь сквозь толпу, и расталкивая локтемъ трехъ сестеръ.—Хорошо, что онъ обличалъ ихъ и хорошо, что я не похожъ на человѣка въ футлярѣ!

Чайка въ большой бѣлой шляпѣ съ декантскимъ изгибомъ полей взобралась на сохнѣннй памятникъ и оттуда смотрѣла черезъ море головъ, какъ дядя Ваня по запискѣ читалъ, что то ненужное, никчемное и неразборчивое.

Онъ заикается, путается, останавливается.

А вокругъ думаютъ:

— Боже, какъ скучно! Какая канитель! Какая пошлость!

Три сестры принесли цвѣтовъ.

Скорбный, скромный вѣнокъ ихъ утонулъ въ грудѣ яркихъ, чопорныхъ махровостей.

И Ивановъ тоже сказалъ рѣчь

Онъ говорилъ:

— Всѣ мы пришли сюда на могилу Чехова сказать, что будни окончены, что наступилъ бодрый, молодой праздникъ обновления.

И человѣкъ въ футлярѣ и студентъ изъ „Вишневаго сада“ и другіе Ивановы подумали:

— Твоими бы устами медъ пить! Гдѣ это ты нашелъ праздникъ обновления?

Но вслухъ всѣ предобродушно поаплодировали.

Природа стояла вокругъ нѣмая и грустная.

Деревья безсильно опустили свои больныя вѣтви.

Молодежь смотрѣла на унтера Принебеева и думала:

— Будетъ инцидентъ или не будетъ.

Репортеры вглядывались въ толпу, чтобы выдѣлать дѣйствительныхъ статскихъ Ивановыхъ отъ тайныхъ Ивановыхъ.

Епиходовъ думалъ:

— Сколько съ меня извозчикъ слупить?

Воробьи лаконично чирикали:

— Чирикъ! Чирикъ! Чирикъ!

И это было кажется самое вдохновенное и искреннее слово во всей поминкѣ.

Это было искусство для искусства.

Это былъ разказъ Чехова.

Это были клочки сѣрыхъ воробьиныхъ будень.

На небѣ погуливали облачка.

Солнце хмурилось.

Небо съ трудомъ сдерживало слезы.

А господа въ футлярѣ философствовали.

— Чирикъ! Чирикъ!

Двухъ вещей не могъ выносить Чеховъ.

— Не могу слушать рѣчей, прочитанныхъ по бумажкѣ, и рождественскихъ разказовъ.

— Чирикъ! Чирикъ.

Воробьи читали это не по бумажкѣ.

Н. Шебуевъ.

Фирсы о Чеховъ

Я—въ убѣжищѣ престарѣлыхъ артистовъ.

У нихъ уже все въ прошломъ... Въ ярко освѣщенномъ залѣ имъ когда-то подносили цвѣты, общающе ласково глядѣли женскіе глаза... Слава... Успѣхъ...

— Вотъ эти телеграммы прислали мнѣ въ день моего юбилея!

Объемистый, аккуратно переплетенный томикъ и среди подписей, встрѣчаются нѣкоторыя крупныя литературныя и артистическія имена...

— Видите?... Все это было когда-то!...

Старикъ тихо качаетъ головой и грустно улыбается... Когда-то... Теперь они живутъ въ небольшомъ, изящномъ зданіи, въ глуши Петровскаго Острова, живутъ „на покой“, воспоминаніями о прошломъ.

Въ печальную годовщину Чеховской смерти, я пришелъ, „интервьюировать“ ихъ о Чеховѣ...

Они выросли и воспитались совсѣмъ на другихъ піесахъ, на другихъ традиціяхъ и было интересно, что скажутъ о Чеховѣ старики...

Меня даже волновало нѣсколько это...

Я боялся, что „классическіе жесты“, поклоны маркизовъ и графовъ слишкомъ сильны...

Когда-то одинъ старый провинціальный актеръ говорилъ мнѣ:

— Гроша мѣднаго не стоитъ вашъ Чеховъ... Вотъ что! Сцены онъ не знаетъ, дѣйствія у него нѣтъ... Одно нытье!...

Я думалъ, что старики скажутъ мнѣ это...

Это было-бы понятно, конечно... Но это было-бы грустно... Досадно...

И я ошибся...

Такого нѣжнаго, теплаго, любовнаго отношенія къ памяти Чехова, я не ожидалъ...

Такъ говорятъ о близкомъ, родномъ, безконечно дорогомъ человѣкѣ...

— Чеховъ... Антонъ Палычъ... Господи!.. Какъ-же можно?

Въ убѣжищѣ артисты, главнымъ образомъ, провинціальные... Имъ пришлось при поста-

новкѣ Чехова считается съ многимъ такимъ, отъ чего были освобождены артисты столичныхъ театровъ.

Публика въ провинціи консервативна въ области театра...

Она любитъ яркія красочныя драмы съ рѣзкимъ, сильно очерченнымъ дѣйствіемъ...

Комедіи съ большими qui pro quo... Съ добродѣтью и порокомъ...

И добродѣтель торжествуетъ...

Трагикъ долженъ громко кричать и прижимать руку къ сердцу... комикъ смѣшить... Резонеръ говорить о любви, правдѣ и справедливости...

И въ эту провинцію старики понесли Чехова... Простыхъ, сѣрыхъ, будничныхъ людей... хмурыхъ, обыкновенный сегодняшний день...

— Трудно было сначала... А потомъ публика привыкла... Понравилось...

Г. Жилинъ, старый и опытный актеръ, авторъ многихъ когда-то очень популярныхъ піесъ, говорилъ мнѣ, что актерская молодежь прямо съ ума сходила:

— Вѣрите-ли, кипитъ, прямо кипитъ... Съ антрепренерами ругается, никакихъ другихъ піесъ играть не хочетъ, хотъ убей... Даже старики всполошились... Давай имъ Чехова... Я, помню въ Гродно, ставили мы „Вишневый садъ“ я Фирса игралъ... Такъ передъ поднятіемъ занавѣса у всѣхъ лихорадка... „Освищутъ“ думаютъ... Старики на попятный, а молодежь сердится: „пускай свистать“!.. Ничего... Сошло... Потомъ нравится всѣмъ стало... Обрадовались... Заработали во всю!

Это было въ провинціи, гдѣ піеса ставится съ трехъ репетицій, гдѣ уже силою обстоятельствъ понижена художественная требовательность и художественная чуткость...

— Провинціальный актеръ—продолжалъ Г. Жилинъ.—автора исправлять любить... „Чтобъ же еще вышло“.

Такъ съ Чеховымъ этого не было... Попробовалъ было одинъ... Вафлю, онъ игралъ въ „Дядю Ваню“... Вышелъ значить онъ съ Астровымъ, во второмъ актѣ, когда Астровъ пьянъ и началъ.

Астровъ ему говоритъ: „Играй Вафля!“... „Не могу, голубчикъ, всѣ спать“, а самъ оборачивается къ публикѣ и говоритъ будто изъ роли... „Я тебѣ голубчикъ поиграю, я тебѣ пьяная каналья поиграю!“

— Ну?..

— Ну потомъ поймали его за кулисами и говорятъ, что „если ты такой сякой это еще хоть разъ сдѣлаешь, такъ мы на тебѣ живого мѣста не оставимъ“... тотъ оправдывается: „я голубчики для купцовъ это!“.. Ну все-же пересталъ...

Такъ трогательно было встрѣтиться съ г. Минскимъ...

Въ 1861 году онъ вступилъ на театральные подмостки...

Въ 1910 онъ сошелъ съ нихъ.

— Память стала измѣнять... Роли никакъ не могу выучить.

У него морщинистое, усталое лицо, а на головѣ великолѣпная шевелюра, красивыхъ, совершенно бѣлыхъ волосъ... Удивительно сохранились глаза... Черные, глубокие они блестятъ со всѣмъ не по старчески.

— Игралъ-ли я въ Чеховскихъ пьесахъ?

Старикъ ухмыльнулся... —Я могу сказать, что это мнѣ на старости лѣтъ прямо подарокъ былъ... Вотъ говорятъ тамъ привычка есть... Не вѣрю... Сколько лѣтъ въ разныхъ пьесахъ игралъ, а какъ прочли „Дядю Ваню“, дали мнѣ Вафлю, такъ я ночи не спалъ...

Въ Иркутскѣ ставили мы впервые... Совсѣмъ ужъ рѣшили ставить... Все готово было... какъ вдругъ антрепренеръ нашъ забунтовалъ... „Не хочу... Не могу“... Сѣлъ на поѣздъ, захватилъ съ собой режиссера и айда въ Москву, въ Художественный театръ Чехова смотрѣть. Привезли оттуда эскизы декораций, костюмовъ, гримма... Снова все на чистоту передѣляли. работали долго... А потомъ уже и поставили...

Потомъ ужъ, какъ я въ Москву попалъ, пошелъ въ художественный театръ... „Чайка“ шла... Покойница Вѣра Федоровна еще играла... Такъ я какъ сѣлъ, такъ и сидѣлъ до конца спектакля...

Вышелъ я,—дождикъ накрапываетъ... Дѣло осенью было... Иду и думаю только: „Господи, до чего-же это все хорошо!“ До утра проходилъ по улицамъ, себя не помнилъ...

Старикъ замолчалъ, и опустивъ голову, задумался...

— Надо вамъ сказать—продолжалъ онъ—Я крѣпостное право хорошо помню и такихъ ласеевъ, какъ Фирсъ въ „Вишневомъ саду“! десятки видѣлъ... И когда игралъ его, думалъ: „Господи, какъ-же могъ только онъ такъ вотъ все описать, типъ такой создать... Вѣрный, точный, какъ живой!“

— Чехова изъ всѣхъ обитателей убѣжища видѣлъ только одинъ—суфлеръ Ѳаворскій...

— Невысокаго роста такой... Въ пенснѣ... Пришелъ къ намъ въ театръ... Въ Одессѣ дѣло было... Посмотрѣлъ, походилъ... И ушелъ... Съ артистами разговаривалъ, смѣялся... А о чемъ говорили не знаю...

— А пьесы Чехова при васъ пошли?..

— При мнѣ... Пьесы хорошия... И суфлировать ихъ легко... Что проворонишь тамъ, артистъ паузу сдѣлаетъ и ничего...

— Паузы много для суфлера. это—первое дѣло! Хорошо писалъ покойникъ!

Въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ они живутъ по двое, старики наперерывъ рассказывали мнѣ о Чеховскихъ пьесахъ, о томъ какой радостной новостью были онѣ въ актерскомъ мірѣ.

Одинъ разъяснялъ мнѣ:

— Вѣдь онъ впервые это ввелъ, что на сценѣ спиной къ публикѣ сидѣть можно...

— Свободно надо держать себя... Занавѣсъ это все равно, что стѣна... Открыли—развалили стѣну и заглядывай внутрь дома!..

Когда онъ ушелъ со сцены это было послѣдней новостью...

Для него осталась такой-же до сихъ поръ...

Всѣ говорили одно и то же... Мужчины и женщины говорили нѣжно, любовно, какъ говорятъ о радостныхъ и красивыхъ воспоминаніяхъ личной жизни...

Одна артистка рассказывала:

— Я не играла въ его пьесахъ... Тогда я уже заболѣла и ушла со сцены... И мнѣ больно... Прямо ужасно больно, что это такъ случилось... Я хорошо помню время, когда изъ за его пьесъ начинались споры, ссоры... Молодежь ужасно волновалась... Труппы, помню, свои даже создавали, чтобы никакихъ другихъ пьесъ не играть. Да въ провинціи развѣ можно?..

Было удивительно трогательно слушать рассказы, о томъ какъ они видѣли Чехова въ художественномъ театрѣ... Глаза у стариковъ разгорались, они становились въ позы и играли...

— Сядь-ка сюда Иванъ Петровичъ... такъ здѣсь, значитъ будетъ лѣстница, здѣсь шкафчикъ, вотъ такъ Астровъ сидитъ... Вафля съ гитарой здѣсь... Ну ты за Астрова...

— Играй Вафля!..

— Не могу, голубчикъ, всѣ спать!..

— Игррай!..

— Радъ-бы душой голубчикъ да нельзя...

— Игррай!..

И они разыгрываютъ сценку изъ „Дяди Вани“... Немного путаютъ, кое-что забыли, но играютъ вдохновенно, переживая прошлое...

Когда пришли Чеховскія пьесы, они уже были стариками и на ихъ долю пришлось играть Вафлю, Чебутыкина, Фирса...

Каждый съ удовольствіемъ вспоминаетъ о послѣдней роли...

— Ужъ очень она какая-то правдивая и трогательная!

— Какъ я игралъ Фирса, такъ вся Самара навзрыдъ плакала...

— Многие говорили, которые въ Москвѣ его видѣли, что я ничуть даже Артему не уступалъ! И всѣ они—Фирсы...

Ихъ тоже оставили, не помнятъ, не знаютъ... Правда за окномъ не рубятъ вишневый садъ...

Театръ ищетъ новые пути, развивается, растетъ... Уже ставятъ новыя пьесы... Сидѣть спиной къ публикѣ уже не самая послѣдняя новость...

А они въ маленькихъ комнаткахъ думаютъ о прошломъ и живутъ только имъ...

Но каждый изъ нихъ новаторъ... Революционеръ...

Когда-то въ Самарѣ, Воронежѣ или Казани...

онъ совершилъ переворотъ.

Сѣлъ спиной къ публикѣ, когда г. губернаторъ сидѣлъ въ первомъ ряду.

— Потому, что—дѣловито разъясняетъ онъ.—Занавѣсъ—это только стѣна!

Самая послѣдняя новость.

Старики жалуются на скуку... Фирсовъ забыли...

Ни одна редакция не считаетъ почему-то нужнымъ высылать имъ газеты и журналы...

— У нихъ небольшая библіотека, пожертвованная Краевскимъ, но совершенно нѣтъ современной литературы...

— Вы-бы тамъ сказали, что-нибудь—просили они меня—ужъ очень скверно зимой и осенью, когда длинные вечера!..

Фирсовъ забыли...

Когда я уходилъ, меня догнала старушка и торопливо сунувъ въ руки какой-то конвертъ, остановила меня.

— Здѣсь вотъ моя карточка... Правда это я не теперь снималась... Раньше нѣсколько... На карточкѣ я моложе... Но вѣдь вамъ все равно... Напечатайте и подпишите артистка такая-то... И больше ничего...

Она говоритъ сконфуженнымъ голосомъ и смотритъ на меня умоляюще...

— Вѣдь вамъ все равно... А я васъ такъ прошу!..

Я обѣщалъ сдѣлать все, что смогу и простился... По дорогѣ я взглянулъ на карточку...

Молодое красивое лицо, лукавые, задорные глаза и густыя, черныя брови...

Я вспомнилъ ея капотъ, морщины и сѣдые волосы...

Но развѣ для нихъ есть настоящее? Развѣ то, что окружаетъ ихъ сейчасъ—жизнь?..

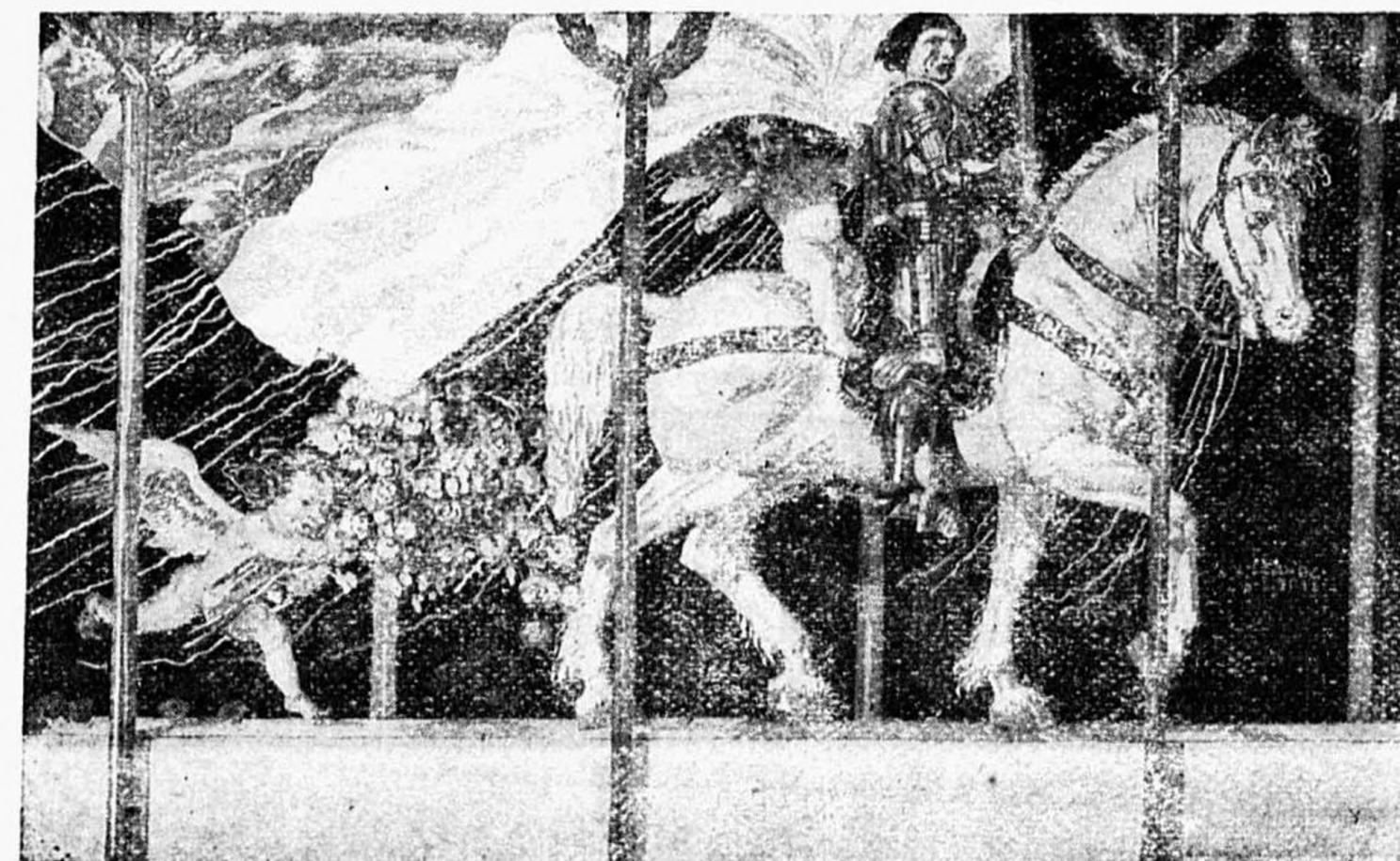
Конечно нѣтъ... Жизнь это—прошлое это то время, когда у ней были вотъ эти глаза, когда плакала навзрыдъ вся Самара, когда онъ игралъ Фирса...

А теперь... это такъ... просто такъ...

Я уѣхалъ, меня вновь приняли шумныя улицы, поглотили повседневныя занятія, а они, вѣроятно, долго еще сидѣли въ своихъ комнатахъ и говорили о Чеховѣ, о его пьесахъ, объ успѣхахъ, о прошломъ...

О жизни.. настоящее—вѣдь это-такъ.. просто такъ...

А. Русавинъ.

ДЕВИЗЪ.

Надѣваю шлемъ и латы,
Опясываю мечъ,
— Эй, впередъ, мой конь крылатый,
Для неожиданныхъ бурь и встрѣчъ!
Проскакавъ весь міръ безъ мала,
У распутья трехъ дорогъ,
Я срываю прочь забрало
И трублю въ испанскій рогъ:

— Эй вы, рыцари теплицы,
Вамъ девизъ открою свой!
Всѣхъ, кто съ нимъ не согласится,
Всѣхъ зову на страшный бой!
И кричу я пламенѣя,
Лозунгъ сердца моего:
— „Нѣтъ прекраснѣй Дульцинеи
Въ цѣломъ мірѣ—никого“

Н. Агнивцевъ.

МИША.

Разсказъ Бориса Эффимъ.

Еще совсѣмъ недавно у него были длинные волосы, красная косоворотка и рѣзкія, угловатые манеры.

Говорилъ онъ громко, рѣшительно жестикулировалъ, а когда съ кѣмънибудь спорилъ отъ него подалеже убирала всѣ хрупкіе предметы.

— Да ты бы успокоился, Миша немного! А? Миша широко открывалъ глаза и обливалъ собеседника самымъ откровеннымъ презрѣніемъ:

— Успоко-о-о-и-ся? Ты говоришь успокоиться?... Умно! Чертовски умно!.. Записать надо...

Обязательно записать!

Онъ нервно вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ и, сжимая кулаки, кричалъ:

— Идиоты спокойны! только идиоты! понял? Имъ беспокоиться нечего!.. чего-тамъ! Идиотъ и слава Богу!.. настоящий человѣкъ долженъ быть борцомъ!.. Горѣть долженъ! На чеку вѣчно! Нападеніе... Атака... На! Получай!.. Въ морду!.. Разъ! и готово! Всѣ эти постепенности, выжиданія, шелтай-болтай, гроша мѣднаго не стоятъ. Тьфу! Плюнулъ растеръ и кранкенъ!

По цѣлымъ днямъ онъ носился съ какими-то бумагами что-то организовывалъ, на что то собиралъ доставалъ какіе то адреса, писалъ какія то записки и къ вечеру измученный, хрипящий заходилъ къ комунибудь изъ знакомыхъ...

— Ты братъ дай мнѣ чаю пожалуйста... Совершенно забыть, что нужно чаю купить... Замотался!..

— Да ты объясни Миша!..

— Я то?...

Миша смотритъ на потолокъ, что-то усиленно соображаетъ и потомъ конфузливо улыбается...

— А я, вѣдь, и вѣрно сегодня не объясню!.. Забылъ!

— Можетъ быть пойдемъ въ ресторанъ закусимъ?

— Что-о-о?..

Миша внимательно и долго смотритъ на предложившаго такую ересь...

— Это, братъ, въ то время, когда другіе голодаютъ, мы съ тобой по ресторанамъ шляться будемъ.. Здорово! Сообразительный... Рѣдкая голова!

Каждый мѣсяцъ, аккуратно въ первыхъ чис-

лахъ, Миша получалъ изъ дому сторублевку, вмѣстѣ съ добрыми совѣтами, какъ жить и куда тратить и ровно черезъ недѣлю онъ заходилъ къ пріятелямъ и спрашивалъ, неизмѣнно конфузясь и краснѣя, нѣтъ ли у него полтинника.

— Чортъ его знаетъ, подвернулось такъ. Рабочій тутъ одинъ; сознательный, какъ чортъ! Жажда образованія—адская, а денегъ нѣтъ. Пришлось дать!

Къ женщинамъ Миша относился совершенно спокойно и по товарищески...

— Для меня, братъ, что женщина, что мужчина все равно!..

— Ого!—замѣтилъ кто-то—...ты, однако того... способный!..

— Ну вотъ! Начинается... У васъ только одни гадости на умѣ... Фу мерзость какая!

А когда одна милая, хорошенькая курсистка, съ которой Миша познакомился на вечеринкѣ, стала жаловаться на скуку и безцѣльность жизни, Миша внимательно и дѣловито осматривалъ ее, записалъ адресъ и серьезно сказалъ:

— Я завтра зайду къ вамъ!

На слѣдующій день, онъ принесъ ей объемистый томикъ „Капитала“, усѣлся у стола и объяснилъ ей, что скучаетъ, собственно говоря не она, а существующій строй ужъ таковъ...

— Производственныя отношенія таковы!.. Миша строго посмотрѣлъ въ книгу, перевернулъ: нѣсколько страничекъ и заявилъ, что вотъ онъ прочтетъ ей сейчасъ немного, а чего она не пойметъ, такъ онъ разъяснитъ...

Миша откашлялся и хотѣлъ начать чтеніе, но барышня перебила его:

— Не то, милый, не то... У меня какая то духовная пустота... Вы—счастливый... Вы—сильный... А я... я такая слабая... Иногда хочется опереться на чьюнибудь могучую руку...

— На Маркса обопритесь! грозно заблестали глазами Миша.—На Маркса! сильнѣй его чорта съ два найдете! Ну... будетъ время терять... Начинаю...

Читалъ Миша два часа, а когда онъ пришелъ на другой день, вертящая горничная сказала ему, что барышня передавали книгу и просили больше не заходить!

Миша опредѣленно рѣшилъ, что „дѣвка—дура и ушелъ, унося въ сердцѣ тихую обиду... Однажды Миша получилъ письмо, въ которомъ какой-то Дмитрій Алексѣевичъ Воиновъ.

(— Это еще что за фруктъ?) очень просилъ Михаила Ивановича, сына его старого друга, посѣтить его въ четвергъ на этой недѣлѣ...

— Да, страшно нужно!—подумалъ Миша всякихъ этихъ старыхъ друзей рацесъ придется выслушивать... „посѣтить“! Какъ же! Держи карманъ шире!

Однако Миша пошелъ. Воиновъ встрѣтилъ его радушно, долго цѣловалъ въ передней, много говорилъ о томъ, что Миша вылитый Иванъ Ильичъ.

— Носъ, Глаза...—Ну прямо двѣ капли воды! И представилъ своей супругѣ и дочкѣ.

— Вотъ Маруська моя... „Будьте“ друзьями!

Миша раскланялся и пробурчалъ что-то нечленораздѣльное. А Маруся кокетливо улыбнулась и сказала, что она, какъ послушная дочь, непременно послѣдуетъ совѣту рара...

— Очень нужно!—подумалъ Миша, но сказать этого не рѣшился.

— Я... что-же... съ удовольствіемъ!

У Маруси были лукавые васильковые глазки, мягкіе, бѣлокурые волосы и когда она смѣялась, то казалось, что это звенитъ нѣжный серебряный колокольчикъ. Она долго расспрашивала Мишу, какъ онъ живетъ и гдѣ бываетъ. Когда Миша сурово разъяснилъ ей, что бываетъ гдѣ бы то ни было онъ считаетъ излишнимъ, она очень удивилась:

— А театръ? Опера? Развѣ вы не любите ихъ?..

Миша кисло улыбнулся и сказалъ, что одно изъ двухъ...

— Или работать и жить, или ходить по театрамъ и существовать!

Маруся сдѣлала видъ, что поняла и даже немного согласна съ этимъ, но... вѣдь это крайность!

— Крайность!—демонически разсмѣялся Миша—хороша крайность!.. Вотъ слушайте!

Онъ началъ съ производственныхъ отношеній, коснулся роли пролетаріата, хотѣлъ перейти къ будущему строю, но въ это время Маруся звонко разсмѣялась...

— Вы... что же это?..

— Вы меня простите пожалуйста... но, когда вы говорите, у васъ страшно забавно волосы дрожать... право...

Маруся посмотрѣла на Мишу лукаво и нѣжно.

— Милый, можно ваши волосы потрогать... ну пожалуйста!

Миша нахмурился... Маруся тихо взяла его за руку и осторожно пожимая ее спросила:

— Можно, милый! А?..

Миша улыбнулся и пожалъ плечами.

— Что-жъ... Если хотите... конечно... Мнѣ что!

Маруся рѣшила, что волосы у Миши жесткіе и ему надо постричь ихъ.

— Вамъ страшно будутъ итти короткіе волосы... Я прямо влюблюсь въ васъ тогда!..

Миша хотѣлъ было сказать, что любить въ нашъ вѣкъ стыдно, но почему-то раздумалъ и промолчалъ,

На другой день Миша пришелъ въ парикмахерскую.

Угрюмо сѣлъ за стулъ и сказалъ:

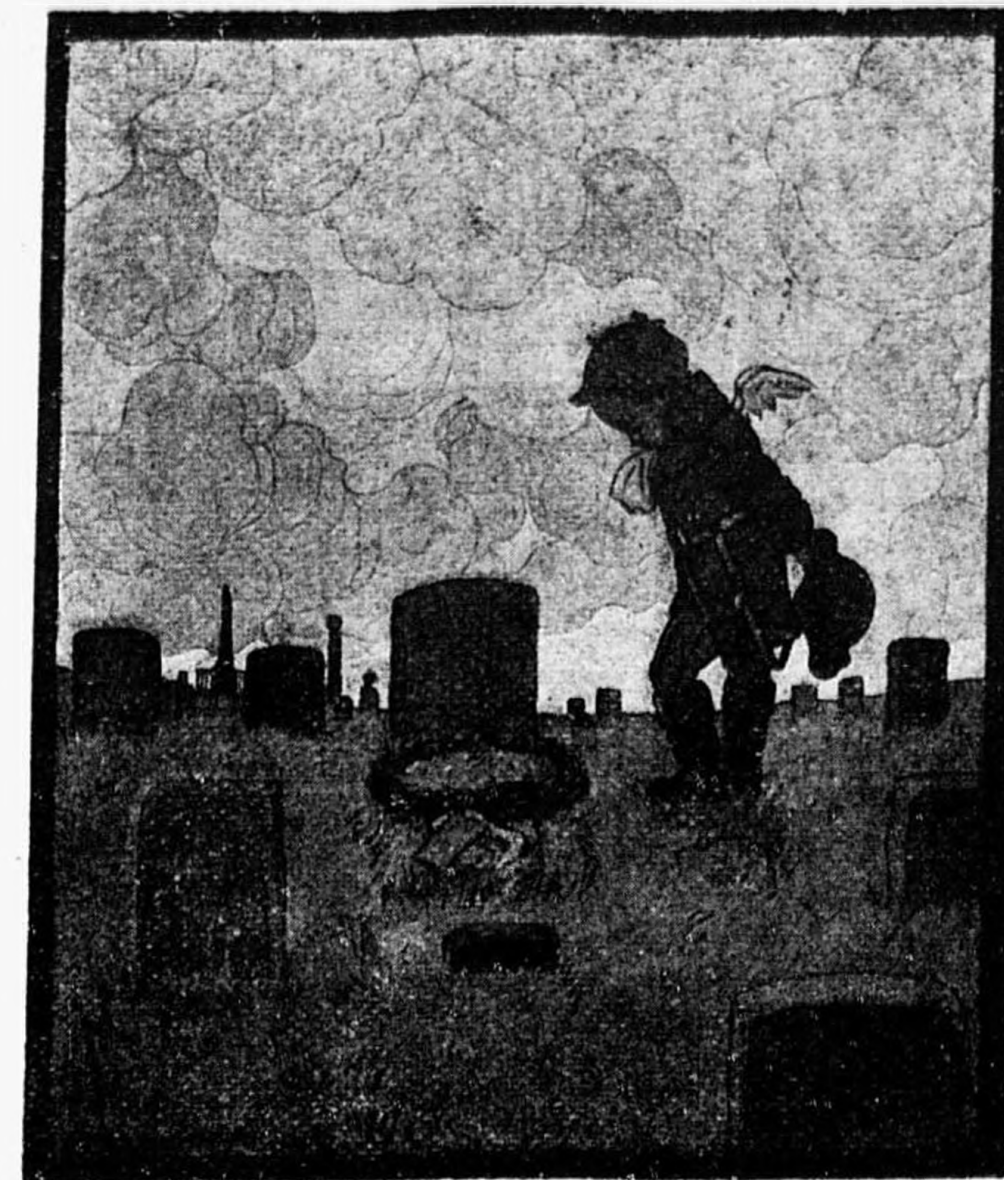
— Этотъ... какъ его... проборъ мнѣ устройте!

Ему было мучительно стыдно и казалось, что всѣ на него смотрятъ и смѣются.

Вечеромъ онъ купилъ воротничокъ, мучительно кряхтѣлъ, застегивая запонку, надѣлъ новую тужурку, которая долгое время валялась у него безъ дѣла и пошелъ къ Марусѣ.

Дорогою онъ думалъ, что онъ подлецъ и тряпка, что жить ему уже не имѣетъ смысла, но шелъ и при воспоминаніи о Марусѣ улыбался:

— Какая-то она... такая... Чортъ его знаетъ какая!.. Славная!

Маруся нашла его очаровательнымъ. Она сказала, что онъ—настоящій дэнди. Миша хотѣлъ было сказать, что дэнди это лѣнтяи и дармоѣды... но сконфузился и промолчалъ.

Они говорили о жизни и любви. Маруся нашла, что любовь самое красивое въ жизни:

— Не правда-ли?

Миша сдѣлалъ небольшую паузу.

— Вы Бебеля... „Женщина и социализмъ“ читали?

— Нѣтъ... И читать не буду... Скучища, вѣроятно, ужасная!..

Миша молчалъ. Маруся гладила его по волосамъ и говорила, что вообще она не любитъ читать.

— Жизнь большому научить!

Когда поздно ночью Миша возвратился домой, онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ:

Милая дѣвушка съ синими глазами

Для тебя я скоро весь забуду міръ...

Отбросилъ въ сторону ручку, всталъ и поднесъ къ собственной физиономіи кулаки, прорычалъ:

— Стихи писать началъ! У-у идиотина рыжемордая!.. Стихи... У-у дуракъ!

Черезъ недѣлю онъ написалъ домой письмо съ просьбой выслать деньги и заказалъ себѣ новый штатскій костюмъ.

А когда встрѣтился съ однимъ изъ своихъ пріятелей, конфузился, смотрѣлъ въ землю и говорилъ, чтобы тотъ не обращалъ вниманія, что онъ въ такомъ костюмѣ:

— Это, видишь-ли конспирація... Дѣло нужно одно сдѣлать... А за мной слѣдятъ... Вотъ пришлось, братъ, эти рожи напаяливать!..

Недавно онъ былъ съ Марусей въ оперѣ... и ѣздивъ на стрѣлку въ автомобилѣ...

У него модное пальто и новая фуражка... Говорить онъ сталъ тише, уменьшилъ количество жестовъ и носитъ на мизинцѣ маленькій перстень.

Борисъ Эффимъ.

ОНА.

Можно любоваться красивым бокалом,
Но когда онъ пустъ, онъ просто—бѣлое стекло.
Онъ становится золотымъ или алымъ
Съ той минуты, какъ вино въ него потекло.
И я была, какъ стекло бокала,
Пока мечта о тебѣ меня еще не ласкала.
Но ты влил въ меня страсть, какъ золотую
пѣну вина,

И я стала алой—
И ты выпилъ меня до дна.

СОНЪ.

Мнѣ сегодня дурной сонъ приснился:
Будто въ принца обратился котъ,
Онъ одной лапой мнѣ въ сердце вонзился,
А другой зажалъ ротъ.
Я заплакала, хоть и не думала бояться,
Но какъ смѣютъ принцы—коты
Моего сердца касаться?
Вѣдь въ этомъ сердцѣ—ты!

СОЛНЦЕ.

Иногда утромъ я просыпаюсь.
Въ окно смотрю—
Вижу блѣдное небо и розовую зарю.
Потомъ весь день дождь—а я улыбаюсь.
Вотъ почему я всегда прошу тебя до утра
остаться—
Солнце такъ рѣдко, а мнѣ хотѣлось бы каждый
день улыбаться.

Лидія Лѣсная.

Послѣдніе страны голубыхъ.

Первый день послѣ конца.

11 человекъ здѣсь со мною... Порвана, вѣроятно, вся сѣть. Старикъ уже умеръ, а моя дочь холодеетъ и все хочетъ мнѣ сказать что-то. Мы всѣ умремъ скоро, но покоенъ я. Я могу еще писать и, можетъ быть, прочесть, кто-нибудь мои записи. Холодно. Чувствую я, что мы послѣдніе Страны Голубыхъ и пергаментъ мой истлѣетъ или замерзнетъ въ холодѣ мертвой земли. Мы—послѣдніе. 11 насъ... Нѣтъ—10. Дочь моя умерла. Умерла. Холодные пальчики, ледяные...

Я хочу рассказать о послѣдней революціи на землѣ. Холодно, холодно.

Второй день.

Я гражданинъ великаго Города Мира. Когда-то, давно,—вся земля была разбита кусками и предки наши кусали и рвали ее и была кровь и гибли люди. Эти огромные, розовые люди, у которыхъ было солнце. О, солнце! Много солнца, точно вся земля тогда была прозрачной и пылала огнями и алый виноградъ зрѣлъ и наливался кровью въ тяжеломъ горячемъ зноѣ. У

предковъ нашихъ—сѣрые крѣпкія кости,—я видѣлъ ихъ на кладбищахъ, глубоко подъ землей тамъ горами гниетъ осырѣвшій кирпичъ разрушенныхъ, нами забытыхъ городовъ... Я не знаю, что было потомъ... Какая-то долгая, тяжелая кровью война всей земли... Катастрофы, расколовшія міръ, какъ неудачную форму.

Я родился въ третій день весны и былъ до послѣдней революціи гражданиномъ города: я велъ записи часовыхъ оборотовъ главнаго колеса. Вмѣстѣ съ другими работалъ я въ подземныхъ мастерскихъ, гдѣ мы создавали и пищу людей и снаряды смерти. Еще недавно міръ ждалъ войны. Голубые юга хотѣли уйти въ землю огъ солнца, а мы думали строить стеклянную стѣну надъ всѣмъ земнымъ шаромъ. Но уступили южане и мы уже клали основы гигантскаго свода... О, солнце! У насъ не было солнца. Давно, въ дальнія времена, говорятъ люди молились ему и слагали о солнцѣ пѣснопѣнья, а мы съ нимъ боролись. Ученые наши, инженеры и техники—перекинули надъ землею густую сѣть, пропитанную теплымъ газомъ и каждый день провѣрялись скрѣпленія сѣти и

гудѣли и тархтѣли машины, вырабатывая запасы страшной теплоты. Мы не знали солнца. Я слышалъ смутно-смутно, что живетъ тамъ за сталью крышъ, за гигантскими проводами, въ тѣмъ сѣти—осторожный и холодный врагъ. И нужно бороться съ нимъ, но многіе уставали. Каждый день находили трупы на скрѣпленіяхъ воздушныхъ лѣстницъ и подъ зубьями огромныхъ колесъ.

Только весною смѣялись мы. Въ день, когда лабораторіи выпускали на землю пахучій странный газъ, когда мы задыхались отъ широкаго аромата—въ день Весны, утихалъ неумолкнѣйшій грохотъ машинъ, останавливали свой скользкій бѣгъ ремни и только шупальцы освѣтителей струили голубой свѣтъ. Мы искали женщинъ въ день Весны. Боролись изъ-за нихъ въ жидкомъ салѣ у остановившихся колесъ, перебѣгали воздушныя лѣстницы, падали въ колодцы глухихъ корридоровъ. Мы искали женщинъ... А солнца не знали мы. Три генія—правители нашей страны, слѣдили за каждымъ, окруживъ его сѣтью шпионовъ. И, если нѣкоторые изъ насъ запѣвали какую-то пѣсню, ихъ уводили шпионы. Я не знаю куда. Такъ погибъ мой отецъ. Этой пѣсни не зналъ я. Вѣроятно старая пѣсня и ее, быть можетъ, еще пѣли люди, у которыхъ такіе огромные сѣрые кости.

Холодно. Въ углу колодца постъ и стонетъ голубоокий мальчикъ. Меня не грѣютъ тяжелыя ткани:—замерзли, хрустятъ подъ пальцами, О, солнце.

Третій день.

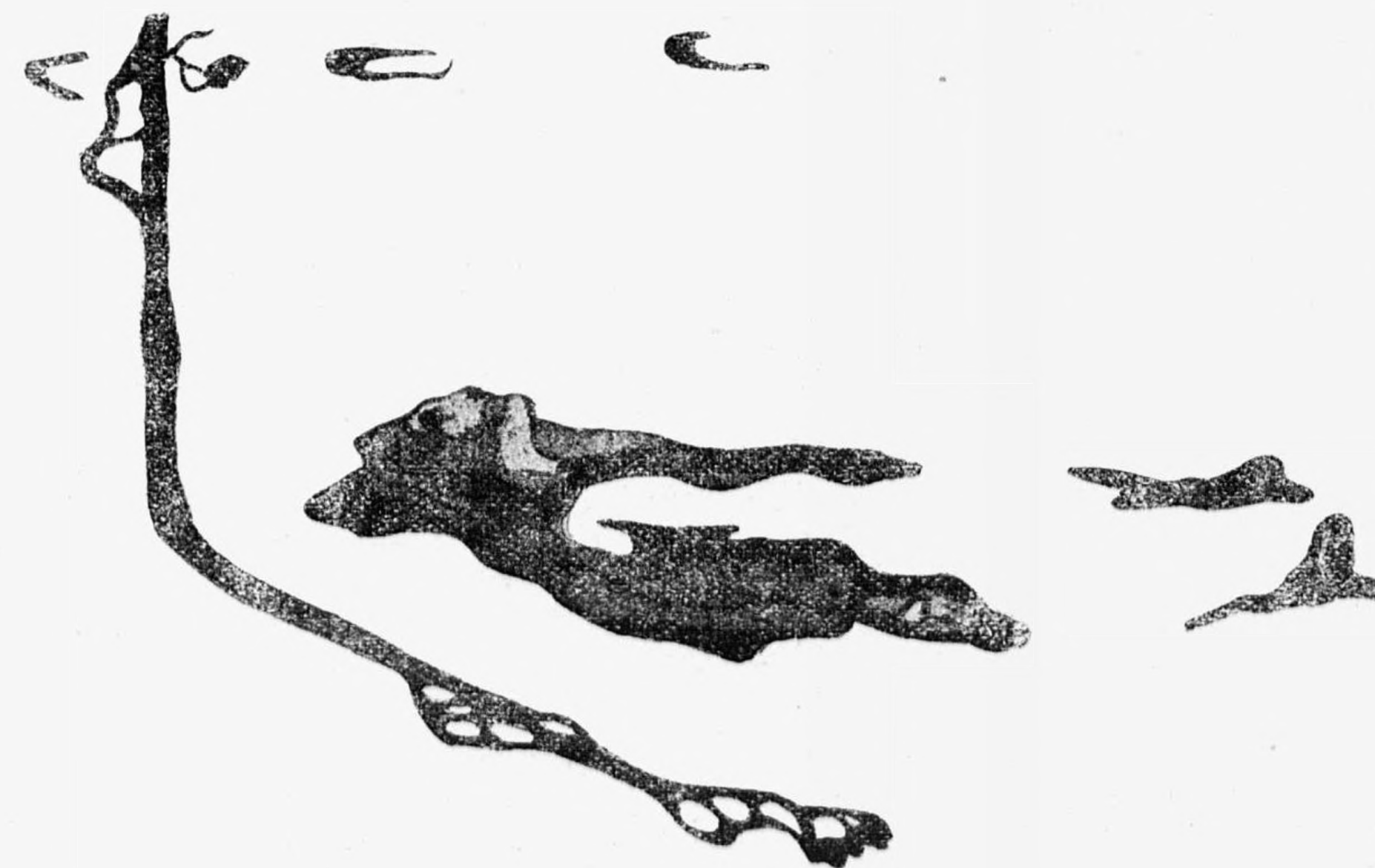
Это случилось незадолго передъ тѣмъ, какъ наша смѣна уходила въ свои колодцы—теплымъ, устланная мягкими тканями. Съ надземныхъ улицъ былъ слышенъ гулъ; такъ ревѣлъ паръ за заслонками расплавленныхъ печей. Я былъ съ другими у выхода, когда изъ полутьмы, по стальному канату скользнуло чье-то тѣло, свер-

кая, какъ жемчугъ въ голубомъ туманѣ. И упала намъ подъ ноги дѣвушка. Она смѣялась, какъ весной. Пѣла, вскидывая руки и приплюсывая... У меня тѣни побѣжали въ глазахъ. Зеленые, точно свѣжее масло машинъ, листики и тонкія шупальцы на тяжелыхъ стволахъ. И видѣлъ я широкія воды. Желѣзные берега, камни и бѣлыхъ птицъ я видѣлъ. Я пѣлъ, я смѣялся и плясалъ съ другими. Мы, кажется, пѣли о солнцѣ.

Мы пѣли о томъ, что у насъ много солнца, что цвѣтетъ молодой виноградъ и чайки плещутся въ морѣ. Свѣжій вѣтеръ шумитъ въ травѣ. Пляшутъ на солнцѣ голыя женщины...

Тьма была въ улицахъ города. Освѣтители потухли, издохнувъ, какъ голубые пауки. Я запутался въ тонкой проволоцѣ и упалъ, прижатый къ стальному болту рельсы бѣгущими. Я видѣлъ... Вѣроятно лопнуло скрѣпленіе сѣти или, быть можетъ, спайки проводовъ расшатались,—только стала прозрачной тьма и холодная, какъ стальной блескъ, полоса упала и прокатилась по уходящимъ въ тьму рычагамъ, въ переплетѣ воздушныхъ мостовъ, надъ острыми гладкими крышами. Я видѣлъ, какъ въ полутьмѣ, давя и разрывая другъ друга, бѣжали глухія темныя толпы.

Я видѣлъ безумныя схватки у воздушныхъ аппаратовъ и у подъемныхъ мостовъ. Многіе запуганные стальной паутиной, висѣли высоко, высоко. И корчились и извивались. Тяжко рычали пылающіе аппараты. И пѣли всѣ. Я терпѣлъ и смѣялся и хотѣлъ бѣжать съ другими но меня придавили къ болту рельсы. Я видѣлъ, какъ маленькіе люди, гримасничая и приплюсывая черезъ крыши, цѣплялись за скользкіе рычаги и пропадали высоко въ темнотѣ... Защитительную сѣть разорвали. Блѣдное и прозрачное небо залило барьеръ холоднымъ потокомъ. Слѣпилъ глаза—круглый бѣлый врагъ. Помню что холодъ обжегъ мое тѣло и я, оторвалъ пальцы отъ замерзшей стали, упалъ куда-то. Я

не знаю—почему я здѣсь, въ этомъ колодцѣ Насъ 10 и моя дочь. И всѣ они смѣялись гримасничали и пѣли, когда пришелъ я.

Дверь завалена холодными, замерзшими трупами, а сверху падаютъ глухо еще и еще. чьи-то окостенѣлыя ноги и голова съ выѣденными холодомъ бѣлками придавлены дверью горы замерзшихъ труповъ за дверьми.

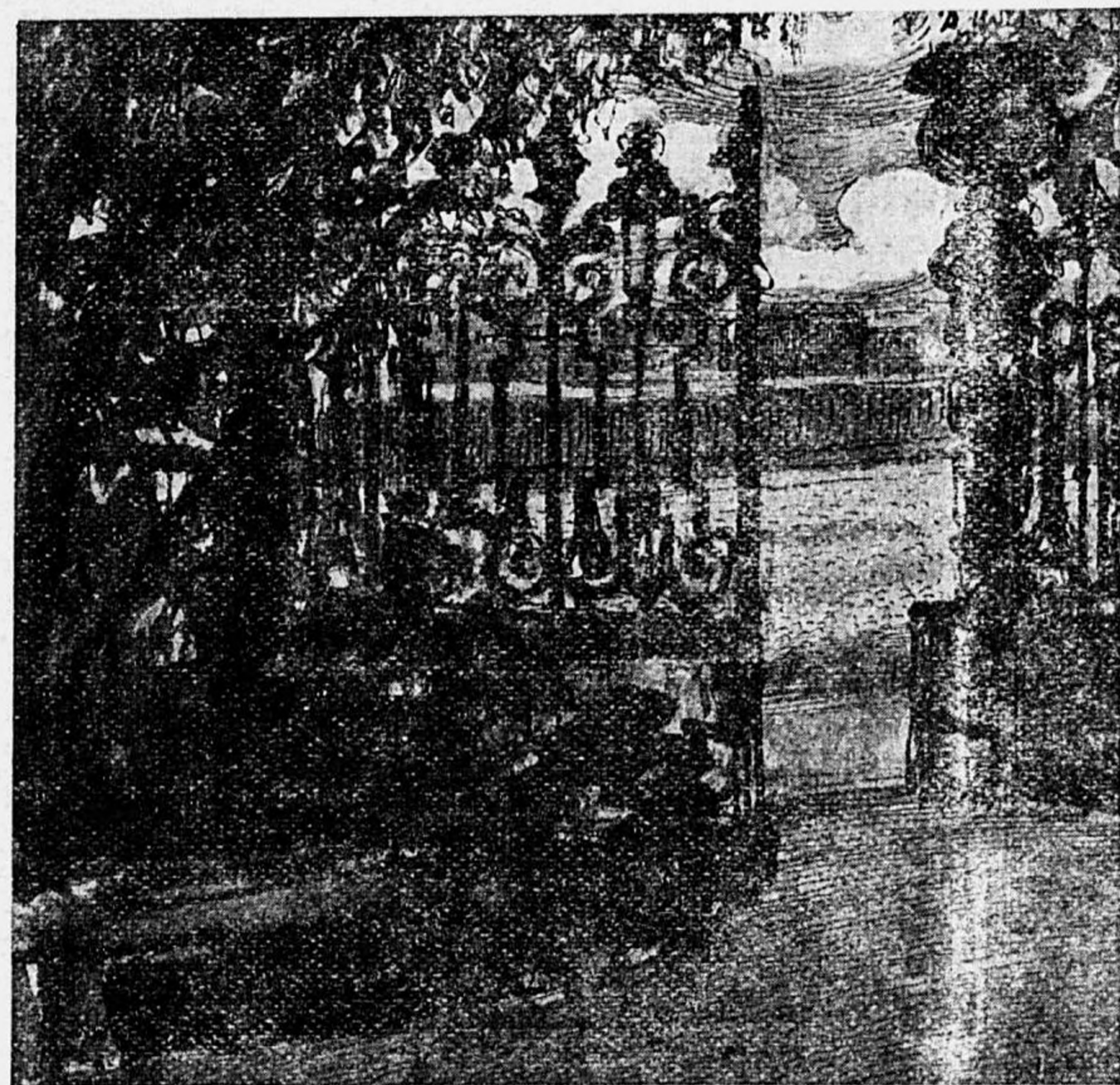
Моя дочь умерла въ первый день умеръ старикъ и голубоокий мальчикъ. А другіе поютъ и стонутъ и нѣтъ уже силъ выползти изъ подъ вороха обмерзшихъ тканей. Они скоро замерзнутъ, но поютъ они. Поютъ и стонутъ. Я непонимаю ихъ бреда... Чаекъ и море я вижу.

Вѣтеръ шумитъ. Пробѣжалъ въ чащѣ олень,

разбивая рогами вѣтви. Женщины пляшутъ и солнце. Солнце. Солнце.

Тихо и холодно. Весь городъ Мира заваленъ окоченѣлыми трупами и тусклые зрачки мертвыхъ глядятъ туда въ прозрачный, съ бѣлымъ холоднымъ шаромъ, провалъ. Рты искривлены вытянуты руки, тусклый иней заледенилъ голыя голени. Горитъ холодомъ сталь ненужныхъ рельсъ, рычаговъ и колесъ. Все—не нужно. Замететъ колкій иней землю и ледъ похоронитъ ее Тишина. Тишина... Хорошо мнѣ. Я вижу сосны, сыпучій песокъ, камни. Ко мнѣ придутъ теплые медвѣди и слетятся стаи бѣлыхъ чаекъ. Волосы вѣтеръ растреплетъ. Солнце. Солнце.

Иванъ Лукашъ.

Старухи.

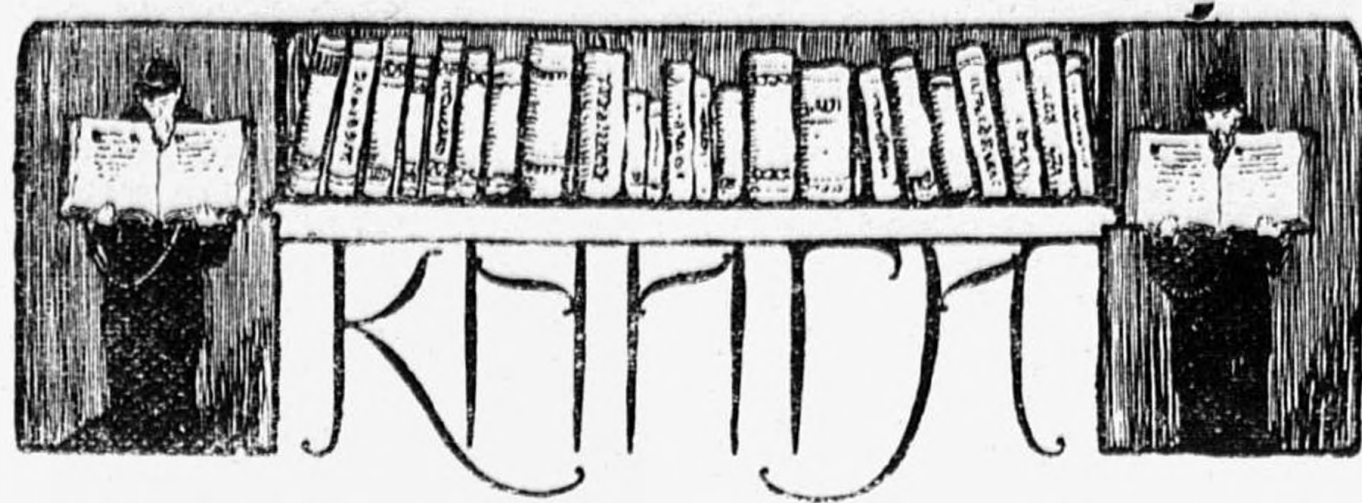
Шаги въ саду неслышно-глухи...
Сгораетъ пасмурный закатъ...
Двѣ одинокія старухи
Сошли съ террасы въ старый садъ.
Ложатся тѣни, словно змѣи,
Нѣмая ночь теперь близка...
Идутъ старухи по аллеѣ
И съ ними мертвая тоска.
Деревья дышатъ сномъ могильнымъ,
Покойно-темень барскій садъ,
А тамъ, за озеромъ. безсильно
Сгораетъ пасмурный закатъ.
Шаги устали... Рѣчи глухи...
Могила темная близка...
Двѣ одинокія старухи
И съ ними мертвая тоска.

Юрій Зубовскій.

Саломея.

Артуръ Декальдъ.

КЪ ШИРОКОЙ ДОРОГѢ.

В. Львовъ-Рогачевскій начинаетъ предисловіе къ этой любопытной книгѣ А. Бибики такъ:

«Въ русской литературѣ впервые появляется романъ рабочаго изъ жизни рабочихъ, и я съ радостью привѣтствую это серьезное, вдумчивое, правдивое произведение».

Повесть А. П. Бибики пужна для жизни, какъ цѣпный документъ цѣлой эпохи, какъ правдивое свидетельство очевидца и участника и, въ то же время, какъ интересное художественное произведение.

Въ 1912 году журналъ «Современный Міръ» напечаталъ эту повесть въ шести книжкахъ.

Въ основу этой книги, похожей на исповѣдь, легли подлинныя переживания автора и правдивое воспроизведение пережитого, пережитого и передуманнаго. Центральныя образы—Игнатъ Пастернакъ явно носитъ автобиографическія черты. Игнатъ—заодно съ авторомъ, авторъ—заодно съ Игнатомъ».

«Пѣсьнь торжествующей смерти Арцыбашевыхъ, Андреевыхъ, Сологубовъ и прочихъ смертныхъ 1907—11 г.г. пишетъ А. П. Бибики—такъ возмущила меня и такъ странно хотѣлось противопоставить этому шакальному вою нѣчто другое—живучее, свѣтлое, вѣчно юное,—что я снова принялся за рукопись. «Но ясно было, что книга въ задуманномъ видѣ—предпріятіе рискованное и длитъльное. Вспомнилъ я нѣкоего бурсака, поднимавшаго жеребенка... П—сдаль».

Все это—слишкомъ скромно. А. Бибики—художникъ, и художникъ, которому *есть, что сказать*.

Свою повесть А. П. Бибики считаетъ только первой главой Великой книги рабочихъ, онъ пишетъ эту главу, какъ-бы творя волю пославшихъ его, но мы можемъ сказать, что написанная глава полна глубокаго содержания».

«Рабочій написалъ все *то, что было*, точно въ отвѣтъ на «то, чего не было Ропшина».

«Въ обрисовкѣ столкновѣній стариковъ и молодыхъ, интеллигентовъ и рабочихъ поражаетъ рѣдкое безпристрастіе и широта взглядовъ автора».

«Игнатъ не резонерствуетъ, а живетъ, по-своему мыслитъ и по-своему рассуждаетъ».

Понадесть-ли онъ въ оперу въ первый разъ въ жизни, читаетъ-ли онъ Пана, Кнута Гамсуна, любитъ-ли онъ дѣвушку интеллигентку, живетъ-ли онъ одинокой въ ссылкѣ и ходитъ къ далекому озеру къ бѣлому лебедю, онъ всегда и на все умѣетъ откликнуться своей богатой душой.

Слушая «Гугенотъвъ» вмѣстѣ съ другомъ Артемомъ онъ говорилъ ему, очарованный музыкой: «Нужно внушить себѣ, что жизнь красива и заставить себя слышать музыку».

Игнатъ—поэтъ умѣетъ слышать эту музыку жизни и въ этомъ его счастье. Артемъ этой музыки не слышитъ, и погибаетъ».

«Авторъ романа «Къ широкой дорогѣ» вѣритъ, что міръ найдетъ дорогу къ правдѣ, его Игнатъ ищетъ эту дорогу упорно, настойчиво, и онъ уже близокъ къ этой суровой правдѣ, и онъ зоветъ къ ней другихъ съ горячей убѣжденностью. Отъ своей старой вѣры ретивой Игнатъ идетъ къ новой правдѣ: онъ учится быть марксистомъ».

Представитель новаго поколѣнія активный, жизнерадостный рабочій Семенъ, благодаря опыту Игнатова уже въ ранней юности отрѣшился отъ наслѣдія стараго міра.

«Мать» Максима Горькаго отразила время сказки, обаянной романтизмомъ и сномъ золотымъ, она поднимаетъ настроеніе, она какъ бы заканчиваетъ романтический періодъ рабочаго движенія; повесть А. П. Бибики написанная послѣ праздника 1905 года, отражаетъ жажду разобраться, намѣтитъ дорогу, перейти къ упорной ра-

ботѣ. Последнія страницы романа рѣзко подчеркиваютъ это реалистическое отношеніе къ жизни и къ задачамъ современности. Эти страницы рисуютъ настроеніе послѣ декабрьскаго разгрома. Вмѣстѣ со своими товарищами Игнатъ переживаетъ крушеніе ожиданій. Ему невыносимо тяжело, но онъ не опускаетъ рукъ; онъ чувствуетъ, онъ знаетъ, что «пока дыматъ фабричныя трубы—нѣтъ пораженія».

Если М. Горькій будни 90-хъ годовъ написалъ, какъ сказку, то А. П. Бибики праздникъ 1905 года написалъ подчеркнуто-буднично. Романтической фразѣ онъ заохотѣлъ противопоставить реальныя факты. Въ его повѣсти мы видимъ подлинныхъ рабочихъ, слышимъ ихъ подлинныя рѣчи и видимъ ихъ подлинныя чувства.

Въ Игнатѣ узнаютъ себя сотни Игнатовъ, онъ надъ многими заставилъ ихъ задуматься, найти и понять себя: вѣдь въ Игнатѣ—не только автобиографическія черты, въ немъ—черты типичныя и характерныя для цѣлой группы, для рабочей интеллигенціи».

СОБРАНИЕ А. И. КОХАНОВСКАГО.

Въ первой книгѣ «Весны» помѣщена интереснѣйшая статья нашего абиссиніевѣда д-ра А. И. Кохановскаго объ абиссинскомъ искусствѣ.

Между прочимъ мы высказывали предположеніе, что труды путешественника будутъ изданы Академіей Наукъ.

Сейчасъ редакция «Весны» получила очень интересную, тщательно исполненную работу В. А. Тураева и Д. В. Айналова «Произведенія абиссинской живописи, собранная докторомъ А. И. Кохановскимъ». Это изданіе Академіи Наукъ слѣдуетъ привѣтствовать.

Оно снабжено большимъ количествомъ цинкографскихъ репродукцій съ картинъ собранія Кохановскаго.

Съ разрѣшенія автора нѣкоторыя изъ нихъ будутъ воспроизведены въ «Веснѣ».

Есть нѣсколько любопытнѣйшихъ примитивовъ трогательныхъ своей дѣтской безыскусственностью.

PRIMA CARMINA.

Тридцать пять стихотвореній Н. В. Севастьянова все-же не смогли выявить душу автора.

Первое изъ нихъ—едва-ли не самое характерное:

ВЕСНА.

Неба лазурнаго дали безбрежныя.
Солнца зовущіе къ жизни луча.
Почки набухшія, клейкія нѣжныя.
Водѣ говорливыхъ живые ключи.
Воже, во всемъ постигаю смущенною
Мыслью Тебя я,—Весь міръ Твой согрѣтъ!
И восхваляю душой восхищенною:
Слава Тебѣ, показавшему свѣтъ!

Характерно въ этомъ стихѣ, что въ немъ вовсе нѣтъ характерности.

Всѣ стихи Севастьянова лишены характера.

Всѣ выраженія затрепаны мысли поношены, потерты.

Только то и хорошо, что не свое, какъ строка:

Слава Тебѣ показавшему свѣтъ!..
Тише. Слушай!..—Растетъ тишина.

Тамъ и тутъ врываются прозаизмы и рушатъ начинающееся назрѣвать настроеніе:

Сорвалась откуда-то нежданно
Капля, звонко стукнувъ въ лопухи,
Вѣтерокъ вздохнулъ благоуханно
И качнулъ листочками ольхи.
Садъ притихъ. Какъ-будто ждетъ чего-то..
И сквозь солнце *крупицы какъ горохъ*,
Брызнулъ дождь брильянтами безъ счета..
Дрогнулъ листъ и ожилъ темный мохъ.

Или:

Я видѣлъ женщину нагую,
Когда, прекрасна и строга,
Вдругъ раздробила гладь рѣчную
Ея точеная нога.
Горѣло солнце въ пѣбѣ знойномъ
И властно цвѣлъ юнь кругомъ.
Съ самовлюбленіемъ спокойнымъ
Она стояла надъ пескомъ.
Блестѣла кожа въ яркомъ зноѣ.
Тонка и розово-бѣла.
Вошла—и тѣло молодое
Вода поспѣшно обняла.
А вышла—капли водяныя
На ней брильянтами загляблись..
И мнилось мнѣ: мечты пустыя
Оставь. Любуйся и молись!

Иногда слегка прихрамываетъ грамматика:

Не мни мои цвѣты. Не мни: ихъ такъ не много
Осталось у меня. Въ камняхъ мой узкій путь
Гдѣ спутники мои—Надежда и Тревога
Гдѣ некогда, въ мечтахъ забывшись, отдохнутъ
Не мни мои цвѣты... Вѣзь чуткихъ созерцаній!..
Ты не поймешь вѣдь ихъ печальной красоты
Цвѣты осеннихъ, позднихъ, робкихъ расцвѣтаній
Оставь, дитя, уйди... Не мни мои цвѣты

Не правильнѣе было-бы сказать:

Не мни моихъ цвѣтовъ...

„КНИГА ВЕЛИКИХЪ“.

Она заключаетъ въ себѣ всего на всего 10 страницъ.

И самая талантливая изъ нихъ страница

„Да здравствуетъ реклама!“

На улицѣ сквозь ленту рокота
Пронизывается крикъ, какъ свѣтъ:
— Покупайте поэзы Широкова!
Широковъ—величайшій поэтъ!—
Да здравствуетъ Реклама! Да здравствуетъ Реклама!
Реклама—двигатель жизни, его знаетъ каждый клеркъ.

И на земномъ шарѣ нѣтъ ни дворца, ни храма,
Который бы ее отвергъ.
Она проникаетъ всюду: попадаетъ въ спальни,
Пролѣзаетъ въ карманы, провожаетъ даже гробъ,
Нахально оглушая всякаго. Будьте же все нахальнѣй,
Отъ нее не отстать чтобъ!
Вечеромъ въ облакахъ строкою широкою
Буквы изъ электрическаго свѣта:
— Покупайте поэзы Широкова,
Великаго поэта!

Риема „рокота—Широкова“, „широкою—Широкова“ и не изъ пріятныхъ, хотя выраженіе „отъ нее не отстать чтобъ“ и не изъ гладкихъ, но для рекламы чего не сдѣлаешь!

Книга снабжена дружеской критикой:

Василискъ Гнѣдовъ.
Поэма начала.

Зарожденіе міровъ изъ первичной Тьмы: звѣзды, тишина... сказки... Развѣ не міровая сказка эта «Поэма Начала»? Бѣлая, ясная, спокойная сказка о тихомъ, созерцательномъ восгорѣ, о радостной, бѣлой грусти, о первой любви челоѣка, порывающаго этимъ нитку благополучія и начинающаго вязать събѣ своей жизни. Вязи, Челоѣкъ! Василискъ Гнѣдовъ прошелъ путь отъ «начала»

«конца». Его знаменитая поэма конца—абсолютное ничто—извѣстная по его книги «Смерть искусству», промежуточные поэмы и «поэма начала» показываютъ его громадную, чуткую восприимчивость и интуицію.

Павелъ Широковъ.
„Шепотъ стальныхъ губъ.“
Вѣтъ города нѣтъ жизни!

Шевелится желѣзные губы, нащепывая необычайныя грезы, тянется, принимаютъ поцѣлуемъ, и ты—безумецъ... Ты любишь, ты любишь Города, ты не уйдешь отъ него!.. Въ грохотъ буйнаго дня и освѣщенной ночи, въ сутулость широкихъ улицъ всегда кажется, что все, кругомъ принимаетъ участіе въ общемъ стремленіи къ чему-то. Какое разнообразіе въ безконечной смѣнѣ картинъ!

П. Широковъ—поэтъ Города. Онъ понимаетъ Города, потому что любитъ его. Развѣ не возвѣщаетъ поэма «Да здравствуетъ Реклама!» о томъ, что городская жизнь—нѣчто новое, что Города даже гения заставляетъ рекламироваться?

Иванъ Полозовъ.

Дружеская критика это нѣчто вродѣ дружескихъ векселей...

ВЪ РЯДЫ.

Попричинѣ увѣрялъ, что луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ.

И дѣлаютъ прескверно.

Поэтъ ятефобъ Николай Черкесовъ увѣряетъ, что луну дѣлаетъ не гамбургскій хромоу бочаръ, а—онъ Николай Черкесовъ:

Я открылъ новость—Луну.

До слезъ радуюсь я моему очаровательному открытію.

Бѣдная старая добрая Луна, на тебя теперь всѣ глядятъ съ презрѣніемъ, находя тебя не современной.

Многимъ молодымъ людямъ я хотѣлъ бы сказать: побольше Луны! Эта кудесница передѣлываетъ по своему солнечный свѣтъ и отдаетъ его во вторичную переработку поэту. Чрезъ магическіе круги Луны мы общаемся съ погустороннимъ міромъ и въ это время Луна насъ согреваетъ лучше суетливаго и потнаго солнца. Луна не лѣзетъ на небо такъ часто, какъ это дѣлаетъ солнце, и если она появляется, то не иначе, какъ съ цѣлой свитой блестящихъ дамъ и кавалеровъ. Все это свидетельствуетъ объ ея изысканномъ умѣ и изящномъ вкусѣ. А сколько людей, утомленныхъ жизнью, приходило вечеромъ на скамейку произвести послѣднюю уплату по жизненнымъ счетамъ и вмѣсто этого увлеклось красавицею, спускающею нмъ съ неба свои цѣломудренныя объятія,—чтобы забыть обо всемъ, кромѣ вѣной Спутницы...

Пятнышка на травѣ, глазью я Луну.

Этотъ-же поэтъ открылъ и водородъ и кислородъ:

Мнѣ правятся порывы водорода
Въ нѣмую высь.
Мнѣ правятся паренія кислорода
Вездѣ поблизъ.

Онъ же открылъ и сѣроводородъ, который и воспѣваетъ подъ видомъ мерзовоній:

Вся бытъ моя подъ мокрой серью.
На мерзовоніяхъ болотъ.
Исходить тухлый хороводъ.
За дверью вижу морду звѣрю
Изъ ископаемыхъ породъ.
Она на гнилицѣ живетъ
И вѣритъ глупому повѣрю.

Не имѣ-ли изобрѣтена и та жидкость отъ которой дѣлалось зимой дурно работницамъ галошныхъ и иныхъ фабрикъ?

Многіе стихи Черкесова отзываютъ дѣйствительно химической обструкціей.

Пѣвецъ Фелицы гордился тѣмъ, что онъ первый воспѣлъ „богоподобную царевну“.

Черкесовъ гордится тѣмъ, что первый воспѣлъ... Слизнячка:

Слизнячекъ-то, слизнячекъ
Липъ въ присосѣ къ суку отъ скуки,
Выпустилъ изъ тѣла руки,
Не менокъ и двурогъ.
Слизнячку-то слизняку

Пища лакомить какая,—
По плѣснучему суку
Слады самотворны рая.

И... Тире:

Точка—точка пѣмая.
Полу-точка—запятая,
Синтез парочки простой:
Точка съ запятой.
Но могучей и пѣвучей,
И палючей, и ласкучей—
Наслаждение созвучий,—
Легкогранное тире.
Я играю имъ—бросаю,—
Ударяю, подымаю,—
Удаляю и сливаю
Этой гибкою чертой.
Между канувшимъ и новымъ
Мостъ летучий сдѣланъ словомъ.
Это слово—старо—ново.
Это—звонкое тире.
И когда зіяетъ за вратами
Не обитель съ вѣтхими дѣлами,
Не обитель ходкаго почета,
Но искусствомъ слитый идеаль,—
Я звенящею игрою
Арки радужныя строю,—
Разнотонный, тонкій, влонкій,
Цѣпкій, крѣпкій, моволѣпный
Черезъ провалъ
Мостъ—тире.

Чего нашъ братъ мастеровой не напишетъ!..

„ДЕРЗАННЯ“.

Футиризмомъ заразились и малороссы.

Въ Кіевѣ вышелъ такой „манифестъ“:

Ей ти, чоловіче, слухай сюди! Та слухай же—ти, чудовий цілкомъ! Я хочу сказати тобі декільки слів про мистецтво й про те, що до нього стосується—тільки декільки слів. Не має нічого ліпшого, як розмовляти з тобою про мистецтво, чоловіче. Я беруся руками за боки й регочусь. Я весь тремчу від сміху—вигляд твій чудовий, чоловіче! Ой, та з тобою ж пекельно весело!

...Ах, а тобою страшенно тоскно... Я не хочу з тобою говорити. Ти підносиш мені засмалцьованного «Кобзаря» й кажеш: ось мое мистецтво. Чоловіче, мені за тебе соромно... Ти підносиш мені зайозені мистецькі «ідеї» й мене канудить. Чоловіче. Мистецтво є щось таке, що тобі й не снилось. Я хочу тобі сказати, що де є культ, там немає мистецтва. А передовсім воно не боїть ся нападів. Навпаки. В нападах воно гартує ся. А ти вхопивсь за свого «Кобзаря», від якого тхне дьогтем і салом, і думаєш, що його захистить твоя пошана. Пошана твоя його вбила. Й немає йому воскресення. Хто ним захоплює ся тепер? Чоловік примітивний. Як раз вроді тебе, показником якого є «Рада». Чоловіче. Часъ титана перевертає в нікчемного ліліпута і місце Шевченкові в записках наукових товариств. Поживши з вами відстаєш на десятиріччя. Я не приймаю такого мистецтва. Як я можу шанувати тепер Шевченка, коли я бачу, що він є під моїми ногами? Я не можу, як ти, на протязі місяців витягувати з себе жили покани до того, хто, будучи сучасним чинником, є зявищем глибоко відразливим. Чоловіче. Я хочу тобі сказати, що в сі дні, коли я отсе пишу, гидко взяти в руки нашу часопись. Як би я отсе тобі не сказавъ, що думаю, то я б задушив ся в атмосфері вашого «цифрого» українського мистецтва. Я бажаю йому смерті. Такі твої ювілейні свята. Отсе все, що лишилось від Шевченка. Але не можу й я уникнути цього святкування.

Я палю свій «Кобзарь».

Бѣдний Шевченко!

Нестампы

УРЯДНИКИ УЧАТСЯ.

Въ Новгородѣ открылся „университетъ“. Самый подходящий для Россіи... Самый нужный...

Университетъ для урядниковъ.

Теперь каждый урядникъ маленький энциклопедическій словарь.

Во всякомъ случаѣ — ужасно образованный человекъ.

Онъ знаетъ... Желѣзнодорожное дѣло... Водопроводное... Телеграфное... Телефонное... Сыскное... Строительно дорожное... Исторію... Географію... Ветеринарію... Медицину... Мало того.

Онъ узналъ, что въ Россіи существуютъ законы.

Законы, которымъ надо подчиняться... Говорятъ урядники были чрезвычайно удивлены, узнавъ объ этомъ...

Теперь можно смѣло сказать, что Россія стоитъ на правильномъ пути.

Школы? Вы говорите школы? Зачѣмъ? Урядникъ прекрасно знаетъ всѣ предметы необходимые въ нихъ и можетъ смѣло заняться преподаваніемъ. Зачѣмъ тратить лишніе деньги и пускать въ деревню неблагонадежный элементъ?

— Медицина!.. Господи!.. Сидорчук!.. Взрѣжь барину нарывъ!..

Взрѣжетъ—потому образованный.

Судебные слѣдователи, прокуратура, инженеры, электро-механики... Ветеринары—все уничтожается за ненужностью.

Всѣхъ замѣнилъ урядникъ.

Какъ просто и хорошо... И какъ поздно пришли къ этому.

М. Н. П.

Это самое замѣчательное министерство въ Россіи.

Чуткіе, простые, душевные люди.

Въ Алексѣевскѣ инспекторъ народныхъ училищъ Колокольцевъ производилъ экзаменъ въ городскомъ начальномъ училищѣ... Какъ умно и тонко онъ велъ экзаменъ! Географія.

Инспекторъ спрашиваетъ ученика:

— Скажи мнѣ, на какомъ пароходѣ я поѣду въ Благовѣщенскъ?

— На какомъ захотите.

— Нѣтъ, ты подумай.

Ученикъ молчитъ, рѣшительно не зная, о чемъ ему думать. г. Колокольцевъ задаетъ «наводящіе вопросы»:

— Какіе ты знаешь пароходы?

— «Экспрессъ», «Владиміръ».

Вотъ, вотъ, это—почтовые, я на нихъ и поѣду, а то частнаго, Богъ знаетъ, когда дождешься!..

Инспекторъ, вѣроятно, засмѣялся и съ видомъ побѣдителя оглядѣлъ присутствующихъ.

Каковъ!

Экзаменъ продолжается.

— Знаешь ли ты городъ Парижъ. Чѣмъ онъ замѣчателенъ?

Ученикъ начинаетъ рассказывать о Парижѣ по географіи Иванова, но г. Колокольцеву этотъ курсъ пока-

зался неполнымъ: онъ счелъ своей педагогической обязанностью расширить географическія познанія учениковъ и началъ:

— А про парижскіе духи слыхалъ?

Ученикъ молчитъ.

— А барышнямъ покупалъ духи?

Ученикъ отрицательно качаетъ головой и краснѣетъ.

— А вы, обращаетъ г. Колокольцевъ къ пожилому учителю,—покупали барышнямъ духи?

Учитель неопредѣленно улыбается.

— А я покупалъ и знаю, что самые лучшіе духи парижскіе... Такъ чѣмъ еще замѣчателенъ Парижъ?—обратился онъ потомъ къ ученику.

И тотъ долженъ былъ отвѣтить:

— Духами!..

Кромѣ этого г. инспекторъ, вѣроятно, знаетъ, что луну дѣлають въ Гамбургѣ и что у Алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка.

НАПОЛЕОНЪ.

Лодзь, Газета «Głos Pomorski» рассказываетъ, что на-дняхъ ломжинскіе обыватели были удивлены необычайнымъ происшествіемъ.

Неожиданно во всемъ городѣ на землю стали падать сотни мертвыхъ воробьевъ.

Оказалось, что воробьи были отравлены по приказу президента ломжинскаго магистрата.

Обыватели недоумѣваютъ, чѣмъ провинились воробьи передъ президентомъ.

Городскіе бѣдняки начали-было собирать умирающихъ воробьевъ, чтобы употребить ихъ въ пищу, но были вовремя предупреждены, что воробьи отравлены.

Когда подобрали воробьевъ и привезли предъ вельможные очи, президентъ скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Здѣсь свѣтитъ мнѣ солнце Ломжи!

УМНИКИ.

(изъ серіи М. Н. П.).

Харьковъ, (По телефону). Какъ сообщалось въ «Русскомъ Словѣ», въ Прилукахъ группа воспитанницъ и воспитанниковъ мѣстныхъ гимназій за два дня до окончанія выпускныхъ экзаменовъ устроила катанье на лодкѣ.

Во время катанья лодка опрокинулась. Пятеро изъ числа катавшихся утонули. Остальные, уже потерявшие сознаніе и пошедшіе ко дну, были спасены.

На слѣдующій день начальство женской гимназій, собравъ экстренное засѣданіе педагогическаго совѣта, поставило на его сужденіе вопросъ:

— Можно ли разрѣшить додержать оставшіеся экзамены гимназисткѣ, которая тонула въ числѣ другихъ, но была спасена, или же ее слѣдуетъ исключить изъ гимназій за то, что осмѣлилась кататься на лодкѣ, въ нарушение существующаго на этотъ счетъ распоряженія гимназическаго начальства?

Послѣ долгихъ преній, совѣтъ рѣшилъ, «не въ при-мѣръ прочимъ», пощадить гимназистку.

Выдача ей свидѣтельства объ окончаніи курса задерживается, однако, до сихъ поръ.

Вѣроятно кто-нибудь съ пѣной у рта доказывалъ:

— А зачѣмъ спасалась. Другіе утонули, она спаслась. Ну и потерпи!

Много есть въ русскомъ языкѣ старыхъ, хорошихъ словъ для Прилуцкихъ педагоговъ... Но къ сожалѣнію ихъ нельзя напечатать.

Нецензурно.

* * *

Несмотря на непривлекательныя черты лѣтняго Петербурга, наша столица сдѣлалась въ текущемъ сезонѣ мѣстомъ веселыхъ путешествій для знатныхъ иностранцевъ. Еще недавно знатные англичане фланировали по Невскому проспекту. Также гостилъ Нидерландскій принцъ. А на дняхъ прїѣзжаютъ французскіе гости во главѣ съ президентомъ.

* * *

Гостить въ Петербургѣ и албанскій премьеръ впрочемъ онъ прїѣхалъ не развлекаться, а просить денегъ для князя Вида.

Дѣйствительно, къ чему албанцамъ искать развлеченій за границей, коли у нихъ дома достаточно аттракціоновъ. Сегодня малиссоры завтра меридиты, а тамъ сильно-трагическая картина безконечной длины—перѣездъ албанскаго мебрета и его семьи на иностранныя крейсера.

* * *

Извѣстный старецъ Григорій Распутинъ тяжело раненъ и находится при смерти. При выпускѣ настоящаго № „Весны“ газетныя извѣстія о состояніи его здоровья были самого противорѣчиваго характера! Нѣкоторые корреспонденты присутствовали при его агоніи, на глазахъ другихъ онъ быстро оправлялся.

* * *

Въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ—крупныя реформы: женщинамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ разрѣшено вступать въ бракъ не только съ сослуживцами, но и съ лицами посторонними. Мечта г. Севастьянова о созданіи „почтово-телеграфнаго“ племени рухнула. Правыя партіи взволнованы. Пуришкевичъ написалъ нѣсколько ругательныхъ писемъ.

* * *

Десятилѣтіе своего существованія буетъ праздновать союзъ 17-го октября... Лидеры партіи сильно осунулись!

* * *

Жизнь протекаетъ нормально. Лѣтомъ, какъ и полагается, вылетѣлъ красный пѣтухъ. На этотъ разъ онъ избралъ себѣ въ пищу лѣса и раскинулся по нѣсколькимъ губерніямъ... Разсказываютъ, что когда одного виднаго администратора спросили, какія мѣры думаетъ принять для прекращенія пожаровъ онъ приподнялся въ гамакѣ, тяжело вздохнулъ, вытеръ потъ и, слабо улыбаясь, добродушно сказалъ:

— Ну и жара стоитъ!

Спрашивающій сконфузился.

— Да. Но... Какія-же мѣры...

Администраторъ благодушно разсмѣялся:

— Господи! Вотъ присталъ человѣкъ! Ну обождемъ недѣлку, можетъ оно само пройдетъ. А не пройдетъ подумаемъ... Комиссію созовемъ, циркуляръ напишемъ что-ли!..

Лѣса горятъ...

Литературный календарь.

На дняхъ состоялась въ Петербургѣ закладка „Дворца искусствъ“, который воздвигается рядомъ съ музеемъ Императора Александра III. Съ постройкой „Дворца искусствъ“ художники будутъ имѣть возможность устраивать выставки картинъ въ удобныхъ залахъ.

* * *

Газета „Приморскій Край“ организуеъ большую экскурсію писателей и журналистовъ на Дальній Востокъ. Составъ экскурсіи предполагается изъ 50 человѣкъ. Предполагаемый маршрутъ, по словамъ „Прим. Края“, экскурсія: Владивостокъ, Харбинъ, Мукденъ, Антунгъ, Сеулъ, Чемульпо, Фузанъ, Моджи, Симоносеки, Иокогама, Кобе-Осаки, Кіото, Нара, Токио, Нико; и обратно: Токио, Цуруга и Владивостокъ. Многіе японскіе литераторы изъявили согласіе оказать возможное содѣйствіе экскурсіи.

* * *

Проживающій въ Коктебелѣ (въ Крыму) поэтъ Максимиліанъ Волошинъ выѣзжаетъ въ недалекомъ будущемъ въ Базель на союзъ теософовъ. Послѣдніе сооружаютъ свой собственный храмъ, и каждый изъ участниковъ приметъ участіе въ работѣ по разрисовкѣ стѣнъ и проч.

* * *

Старѣйшій изъ русскихъ писателей, П. Д. Боборыкинъ, только что перенесъ тяжелую и мучительную болѣзнь, почти ставившую на очередь вопросъ объ его жизни или смерти. Лишь теперь въ болѣзни замѣтно явное улучшение. Петръ Дмитриевичъ уже можетъ сдѣлать по комнатѣ нѣсколько шаговъ. Это болѣе завоеваніе послѣ семи недѣль полной простраціи. Улучшеніе происходитъ отъ впрыскиванія препарата изъ ерихана.

КОНКУРСЫ.

КОНКУРСЪ ЖЕТОНОВЪ.

Требуется нарисовать жетонъ для ношенія въ видѣ нагруднаго знака постоянными сотрудниками журнала „Весна“ и лицами взявшими первый призъ на конкурсахъ „Весны“. Жетоны должны быть трехъ родовъ: бронзовые, серебряные и золотые. Надпись на лицевой сторонѣ: „Весна“, на оборотной сторонѣ „Побѣдителю конкурса „Весны“. Срокъ подачи рисунковъ 1-го августа 1914 года. Первая премія—серебряный жетонъ, вторая премія бронзовый жетонъ. Рисунки, признанные лучшими, будутъ напечатаны.

КОНКУРСЪ БУРИМЕ.

Требуется присочинить начала строкъ:

..... трясины
..... бась
..... апельсины
..... колбась
..... донна
..... бардъ
..... бездонна
..... ломбардъ.

Срокъ подачи отвѣтовъ—15 августа 1914 г. Первая премія—бронзовый нагрудный знакъ „Весны“ (жетонъ). Лицо взявшее призъ въ пяти конкурсахъ получаетъ серебряный жетонъ. Взявшіе пять серебряныхъ жетоновъ—получаютъ золотой жетонъ и званіе постоянного сотрудника „Весны“. Корреспонденціи адресовать секретарю журнала А. Русавину.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитріева.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ГЕРКУЛЕСЪ“

самый полный журналъ атлетическаго спорта.

Въ журналѣ „ГЕРКУЛЕСЪ“ принимаютъ участіе извѣстные спортсмены и писатели.

Хроника „ГЕРКУЛЕСА“ даетъ обзоръ жизни любителей и профессионаловъ, — въ Россіи и за границей.

Подписная цѣна — **три рубля** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

„ГЕРКУЛЕСЪ“ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, — 10 и 25 числа каждаго мѣсяца. Цѣна отдѣльнаго № 10 к. Въ провинцію высылаются отдѣльные №№ за 2 семикоп. марки. Редакція и Контора — С.-Петербургъ, Лиговская, 9.

Издатель Ф. М. Кноррь. Главный редакторъ И. В. Лебедевъ (Дядя Ваня).

Плата за объявленія на обложкѣ: 2-я страница: 1 стр. — 60 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 40 р., $\frac{1}{4}$ стр. — 25 р., $\frac{1}{8}$ стр. — 20 р., $\frac{1}{16}$ стр. — 15 р.; 3-я и 4-ая страницы: 1 стр. — 50 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 30 р., $\frac{1}{4}$ стр. — 20 р., $\frac{1}{8}$ стр. — 15 р., $\frac{1}{16}$ стр. — 10 р. Пслѣ текста: 1 стр. — 30 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 20 р., $\frac{1}{4}$ стр. — 15 р., $\frac{1}{8}$ стр. — 10 р., $\frac{1}{16}$ стр. — 5 р.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

52 №№ еженедѣльнаго богато-иллюстрированнаго журнала (свыше 2000 иллюстрацій).

Нѣкоторые №№ печатаются въ ДВѢ краски.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы въ началѣ года, въ качествѣ бесплатныхъ

приложеній: Сборникъ сатиры и юмора „Русскій смѣхъ“ (произведенія отъ Пушкина до Амфитеатрова „Русскій смѣхъ“ около 50 авто-ровъ), составленный Вас. Князевымъ;

Репертуаръ любителя

20 пьесъ для любителей драматическаго искусства.

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, напканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставк. и перес. на годъ 3 р., 6 мѣс. 1 р. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 1 мѣс. 30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп. Продается вездѣ.

Издательство „Синій Журналъ“.

Редакторъ М. Г. Корнфельдъ.

Гл. Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ 514—27.

ВЕСНА

Орган независимых писателей
и художников
под редакцией
Н. Г. Шебуева

„ВЕСНА“

съ ЮЛЯ 1914 года

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Ни одна рукопись, адресованная
въ редакцію, не остается безъ
отвѣта въ почтовомъ ящикѣ
„ВЕСНЫ“.

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только
о новыхъ присланныхъ въ редакцію
книгахъ, но и о журналахъ и
нотахъ.

Съ первымъ номеромъ „ВЕСНЫ“ годовые подписчики получаютъ первую
бесплатную премию журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать
стихи“ („Версификація“).

Второй бесплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ
собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ
этою библейскою героинею.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

— ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ — альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получаютъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или
„Благодушныя и назидательныя похощенія въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 6 руб., на шесть мѣсяцевъ — 3 руб. 50 коп.

ЦѢНА отдѣльнаго номера 10 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня **ЕЖЕДНЕВНО.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Садовая 75 кв. 22.

Адресъ конторы: Лиговская, 86 кв. 24. Телефонъ 655—96.

Такса объявленій: за строку нонпарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ.

Издательница Н. К. Дмитріева.